

"VESTNIK EVROPY"

ВѢСТНИКЪ

2
1878

ЕВРОПЫ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XLII. — ТОМЪ CCXLIV. — 1/13 МАРТА, 1878.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМИДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1878

~~131784~~

~~Slav 30.2~~

P Slav 176.25

НОВЫЯ ПИСЬМА
А. С. ПУШКИНА

іюль 1830—май 1836 г.*

Весною 1834 года, Пушкинъ отправилъ свою семью къ роднымъ въ деревню, а самъ прожилъ все лѣто въ Петербургѣ. Это обстоятельство дало поводъ къ обширной перепискѣ. Въ августѣ Пушкинъ отправился за женою, перевезъ ее въ Москву, откуда она съ дѣтьми возвратилась въ Петербургъ, а самъ проѣхалъ дальше въ свое Болдино, Нижегородской губерніи, чтобы лично изслѣдовать причины разстройства это имѣнія.

1834-й годъ.

IV. Изъ Петербурга въ Москву и въ деревню: Ярополецъ и Полотняные Заводы.

№ 40.—На конвертѣ: Ея Благородію М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.—Штемпель: Спб., 17 апрѣля.

17-го апрѣля.—Что, женка? каково ты ѣдешь? что-то Сашка и Машка? Христосъ съ вами! будьте живы и здоровы, и доѣзжайте скорѣе до Москвы. Жду отъ тебя письма изъ Новагорода, а покамѣсть, вотъ тебѣ отчетъ о моемъ холостомъ житьѣ-бытье. Третьяго-дня возвратился я изъ Царскаго-села въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля, и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не

---

* См. выше: январь, стр. 7.

былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ въ тотъ-же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что Государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-геровъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литте во дворцѣ толковалъ съ большимъ жаромъ, говоря: Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des regles fixes, des regles fixes. На что Нарышкинъ ему замѣтилъ: vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймарсомъ—ни за какія благополучія! J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ m-r Jourdain. Поутру сидѣлъ я въ моемъ кабинетѣ, читая Гримма и ожидая, чтобъ ты, мой Ангелъ, позвонила, какъ явился ко мнѣ Соболевскій съ вопросомъ, гдѣ мы будемъ обѣдать? Тутъ вспомнилъ я, что я хотѣлъ говѣть, а между тѣмъ ужъ оскоромился. Дѣлать нечего, рѣшились отобѣдать у Дюме, и покамѣсть стали приводить въ порядокъ библіотеку, тетка пріѣхала спросить о тебѣ, и узнавъ, что я въ халатѣ и оттого къ ней не выхожу, сама вошла ко мнѣ. Я исполнилъ твою комиссію, поговорили о тебѣ, потужили, побезпокоились, и рѣшились тебѣ подтвердить наши просьбы и требованія—беречь себя и помнить наши наставленія. Потомъ явился я къ Дюме, гдѣ появленіе мое произвело общее веселіе: холостой, холостой Пушкинъ! Стали подчивать меня шампанскимъ и пуншемъ, и спрашивать, не поѣду-ли я къ Софьѣ Астафьевнѣ? Все это меня смутило, такъ что я къ Дюме являться ужъ болѣе не намѣренъ, и обѣдаю сегодня дома, заказавъ Степану батвинью и beafsteaks. Вечеръ провелъ я дома, сегодня проснулся въ 7 часовъ, и сталъ тебѣ писать сіе подробное донесеніе.—Посылаю тебѣ письмо матери, пришедшее третьяго дня—буду ей писать, а покамѣсть обнимаю и цалую тебя, и благословляю всѣхъ троихъ.—

№ 41.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Спб., 19 апрѣля.

Душка моя, посылаю тебѣ два письма, которыя я распечаталъ изъ любопытства и скупости (чтобъ меньше платить на почту вѣсовыхъ денегъ), также и рецептъ капель. Сдѣлай милость не забудь перечесть инструкцію Спасскаго, и поступать по оной. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ тебѣ легче, а мнѣ!... Сестры твои тебя ждутъ, воображаю вашу радость; смотри, не сдѣлайся сама дѣвочкой, не забудь, что ужъ у тебя двое дѣтей, третьяго выкинула, береги себя, будь осторожна, пляши умѣренно, гуляй по немножку, а пуще скорѣе добирайся до деревни. Цалую тебя крѣпко и бла-

гословляю всѣхъ васъ. Что Машка? чай куда рада, что может въ волю воевать! Теперь вотъ тебѣ отчетъ о моемъ повѣденіи. Я сижу дома, обѣдаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевскаго. Третьяго дня сыгралъ я славную штуку со Львомъ Сергѣевичемъ. Соболевскій, будто ненарочно, зоветъ его ко мнѣ обѣдать. Левъ Серг. является. Я передъ нимъ извинился какъ передъ гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ только батвинью да beafsteaks. Левъ Серг. тому и радъ. Садимся за столъ, подаютъ славную батвинью; Левъ Серг. хлѣбаетъ двѣ тарелки, утираетъ осетрину; наконецъ требуетъ вина, ему отвѣчаютъ: нѣтъ вина.—Какъ, нѣтъ?—Алекс. Серг. не приказалъ на столъ подавать. И я объявляю, что съ отъѣзда Нат. Ник., я на діэтѣ—и пью воду. Надобно было видѣть отчаяніе и сардоническій смѣхъ Льва Сергѣича—который уже ко мнѣ вѣроятно обѣдать неявится. Во все время Соболевскій подливалъ себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку, то въ длинный бокалъ—и подчивалъ Льва Сергѣича, который чинился и отказывался. Вотъ тебѣ примѣръ моихъ невинныхъ упражненій. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего письма изъ Новагорода, и тотчасъ понесу его Кат. Ивановнѣ. Покамѣсть—прощай, Ангелъ мой. Цалую васъ и благословляю. Вчера былъ у насъ первый громъ—слава Богу, весна кончилась.—19 апрѣля.

№ 42.—Конвертъ утраченъ.—Писано во второй половинѣ апрѣля.

Пятница.—Ангелъ мой, женка! сей часъ получилъ я твое письмо изъ Бронницъ—и сердечно тебя благодарю. Съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстія изъ Торжка. Надѣюсь, что твоя усталость дорожная пройдетъ благополучно, и что ты въ Москвѣ будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послалъ я теткѣ, а самъ къ ней не отнесъ, потому что репортуюсь больнымъ и боюсь Царя встрѣтить. Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди; и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузъ, и пожурилъ за меня мою нянькy [1]); второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю; отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить . . . . съ моимъ тезкой я не ладилъ. Не

[1]) Этотъ анекдотъ о встрѣчѣ императора Павла съ младенцемъ Пушкинымъ въ Юсуповомъ саду былъ разсказанъ П. В. Анненковымъ; самъ Пушкинъ шутилъ впослѣдствіи, говоря, что „сношенія его со дворомъ начались при императорѣ Павлѣ". См. Вѣст. Евр., ноябрь 1873 г., стр. 24.

дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ. Теперь полно врать; поговоримъ о дѣлѣ; пожалуй-ста побереги себя, особенно съ начала; не люблю я святой недѣли въ Москвѣ; не слушайся сестеръ, не таскайся по гуляніямъ съ утра до ночи; не пляши на балѣ до заутрени. Гуляй умѣренно, ложись рано. Отца не пускай къ дѣтямъ, онъ можетъ ихъ испугать и мало-ли что еще. Пуще береги себя во время болѣзни—въ деревнѣ не читай скверныхъ книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія, женка. Кокетничать позволяю сколько душѣ угодно. Верьхомъ ѣзди не на бѣшеныхъ лошадяхъ (о чемъ всепокорно прошу Дм. Ник.). Сверхъ того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку, и если ты не будешь довольна своей няней или кормилицей, прошу тотчасъ прогнать не совѣстясь и не церемонясь.

Воскресеніе. Христосъ воскресъ, моя милая женка; грустно, мой Ангелъ, грустно безъ тебя. Письмо твое мнѣ изъ головы нейдетъ. Ты мнѣ кажется слишкомъ устала. Пріѣдешь въ Москву, обрадуешься сестрамъ; нервы твои будутъ напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, цѣлую ночь простоишь у всеночной, и теперь лежишь въ разтяжку въ истерикѣ и лихорадкѣ. Вотъ что меня тревожитъ, мой Ангелъ. Такъ что голова кругомъ идетъ, и что ничто другое въ умъ не лѣзетъ. Дождусь-ли я, чтобъ ты въ деревню уѣхала! Нынче Великій Князь присягалъ; я не былъ на церемоніи, потому что репортуюсь больнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ не очень здоровъ. Кочубей сдѣланъ канцлеромъ; множество милостей; шесть фрейленъ, между прочими твоя пріятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская все нѣтъ. Жаль и досадно. Наслѣдникъ былъ очень тронутъ; Государь также. Вообще говорятъ, все это произвело сильное дѣйствіе. Съ одной стороны я очень жалѣю, что не видалъ сцены исторической, и подъ старость нельзя мнѣ будетъ говорить объ ней какъ свидѣтелю. Еще новость: Мердеръ умеръ; это еще тайна для В. Князя, и отравитъ его юношескую радость. Аракчеевъ также умеръ. Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Неудалось мнѣ съ нимъ свидѣться и наговориться. Тетка подарила мнѣ шоколадный бильярдъ—прелесть. Она тебя очень цалуетъ и по тебѣ хандритъ. Прощайте, всѣ мои. Христосъ воскресъ, Христосъ съ вами.

№ 43.—Прежній московскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 28 апрѣля.

Ну, женка! насилу дождались мы отъ тебя письма. По моему разчету ты должна была пріѣхать въ Москву въ великій чет-

вергъ (такъ и вышло), и цѣлыя девять дней не было отъ тебя извѣстія. Тетка перепугалась. Я былъ спокойнѣе, зная уже, что ты до Торжка дотащилась благополучно, и полагая, что хлопоты пріѣзда и радость свиданія помѣшають тебѣ въ первыя дни думать о письмахъ. Однако ужъ и мнѣ становилось плохо. Слава Богу! ты пріѣхала, ты и Маша здоровы, Сашкѣ лучше, вѣроятно онъ и совсѣмъ выздоровитъ. Не отъ кормилицы-ли онъ боленъ? Вели ее осмотрѣть, да отыми его отъ груди, пора. Кланяйся сестрамъ. Попроси ихъ отъ меня Машку не баловать, т.-е. не слушаться ея слевъ и криву, а то мнѣ не будетъ отъ нея покоя. Береги себя, и сдѣлай милость, не простудись. Что дѣлать съ матерью? Коли она сама къ тебѣ пріѣхать не хочетъ, поѣзжай къ ней на недѣлю, на двѣ, хоть это лишнія расходы и лишнія хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственныхъ сценъ. Помяни Господи Царя Давида и всю кротость его!—Съ отцомъ пожалуй-ста не входи въ близкія сношенія и дѣтей ему не показывай; на его, въ его положеніи, невозможно полагаться. Того и гляди откуситъ у Машки носикъ. Теперь вотъ тебѣ всепокорнѣйшій отчетъ. Святую недѣлю провелъ я тихо дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качеляхъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь. Этотъ балъ кружитъ всѣ головы и сдѣлался предметомъ толковъ всего города. Будетъ 1,800 гостей. Разчислено, что полагая по одной минутѣ на карету, подъѣздъ будетъ продолжаться 10 часовъ; но кареты будутъ подъѣзжать по 3 вдругъ, слѣдственно время втрое сократится. Вчера весь городъ ѣздилъ смотрѣть залу, кромѣ меня. Соболевскій здѣсь, позанялъ у меня 50 р. и съ тѣхъ поръ ко мнѣ не являлся. Левъ Серг. переѣзжаетъ сегодня отъ Энг. къ родителямъ. Честь имѣю тебѣ замѣтить, что твой извощикъ спрашивалъ не рейнвейну, а ренскаго (т. е. всякое бѣлое кисленькое виноградное вино называется ренскимъ); впрочемъ твое замѣчаніе о просвѣщеніи русскаго народа очень справедливо, и дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Dis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es. Пьешь-ли ты ромашку или eau d'orange? Тетка третьяго-дня заѣзжала ко мнѣ узнать о твоемъ здоровьи и [illegible] со мною изъ . . . . *) ты. Сегодня отправлюсь къ ней съ твоимъ письмомъ. Прощай, мой Ангелъ; цѣлую тебя и всѣхъ васъ благословляю. Кланяюсь сестрамъ.—Эхъ, хотѣлось бы отпустить une bonne plaisanterie, да тебя боюсь. Adio.—*Суббота.*

---

*) Въ этомъ мѣстѣ вырванъ кусокъ бумаги.

№ 44.—Адрессъ вырѣзанъ.—Писано въ самомъ концѣ апрѣля.

Ѳоминъ понедѣльникъ. — Вчера былъ наконецъ Дворянскій балъ. Съ шести часовъ начался подъѣздъ экипажей. Я пошелъ бродить по городу, и прошелъ мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиція съ нимъ шумѣла. Иллюменацію приготовляли. Недождавшись сумерковъ, пошелъ я въ Англ. клобъ, гдѣ со мною случилось небывалое произшедствіе. У меня въ клобѣ украли 350 рублей, украли не въ тинтере, не въ вистъ, а украли какъ крадутъ на площадяхъ. Каковъ нашъ клобъ? перещеголяли мы и Московскій! Ты думаешь, что я сердился, ни чуть. Я золъ на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой Ангелъ. Слава Богу, ты здорова, дѣти здоровы, ты пай дитя; съ бала уѣзжаешь прежде мазурки, по приходамъ не таскаешься. Одно худо: не утерпѣла ты чтобъ не съѣздить на балъ кн. Г . . . . . . ой. А я именно объ этомъ и просилъ тебя. Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Ты не m-lle Sontag, которую зовутъ на вечеръ, а потомъ на нее и не смотрятъ. Московскія дамы мнѣ не примѣръ. Онѣ пускай таскаются по переднямъ къ тѣмъ, которыя на нихъ и не смотрятъ. Туда имъ и дорога. Женка, женка! если ты и въ эдакой бездѣлицѣ меня не слушаешь, такъ какъ мнѣ не думать... ну, ужъ Богъ съ тобой. — Ты говоришь: я къ ней не ѣздила, она сама ко мнѣ подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сдѣлать ей визитъ, потому что она штатсъ-дама, а ты камеръ-пажиха; это дѣло службы. Но на балъ къ ней нечего было тебѣ являться. Ей Богу, досада беретъ—и письма не хочу продолжать.

№ 45.—Прежній московскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 1 мая.

Жена моя милая, женка мой Ангелъ — я сегодня ужъ писалъ тебѣ, да письмо мое какъ то неудалось. Началъ я было за здравіе, свелъ за упокой. Началъ нѣжностями, а кончалъ плюхой. Виноватъ, женка. Остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Прощаю тебѣ балъ у Г. . . . . . ой, и поговорю тебѣ о балѣ вчерашнемъ, о которомъ весь городъ говоритъ, и который, сказываютъ, очень удался. Ничего нельзя было видѣть великолѣпнѣе. Было и не слишкомъ тѣсно, и много мороженаго, такъ что мнѣ бы очень было хорошо. Но я былъ въ народѣ, и передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ (кромѣ поэта Кукольника, который проѣхалъ въ какомъ то старомъ фургонѣ, съ какимъ-то оборваннымъ мальчикомъ на запяткахъ; что было истинное поэтическое явленіе). О туалетахъ

справлюсь и дамъ тебѣ знать. Я писалъ тебѣ, что у меня въ клобѣ украли деньги; не вѣрь, это низкая клевета: деньги нашлись, и мнѣ принесены. Напрасно ты думаешь, что я въ ланахъ у Соболевскаго, и что онъ пакостить твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять съ Sophie Karamsine. Она сегодня на свадьбѣ, у Бакуниной. Есть еще славная свадьба. Воронцовъ женится—на дочери К. А. Нарышкина, которая и въ свѣтъ еще не выѣзжаетъ. Теперь изъ богатыхъ жениховъ остался одинъ Новомлинскій,—ибо Сорохтинъ, ты говоришь, умре. Кого-то выберитъ онъ? Александру-ли Николаевну или Кат. Ник.? какъ думаешь? Это письмо вѣроятно получишь ты уже въ Ярополицѣ; Натальи Ивановнѣ я уже писалъ; поцалуй за меня у ней ручки, и скажи много нѣжнаго.—Прощай, жена, цалую и благословляю тебя и васъ. — *А. П.*

№ 46.—Адрессъ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Волоколамекъ, въ село Ярополицъ.—Штемпель: Спб., 14 мая.

Какая ты дура, мой Ангелъ! конечно я не стану безпокоиться оттого что ты три дня пропустишь безъ письма, такъ точно какъ я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь съ кавалеръ-гардомъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что я равнодушенъ и неревнивъ. Я отправилъ тебя изъ П. В. съ большимъ безпокойствомъ; твое письмо изъ Бронницы еще болѣе меня взволновало. Но когда узналъ я, что до Торжка ты доѣхала здорова, у меня горе съ сердца свалилось, и я не сталъ сызнова хандрить. Письмо твое очень мило, а опасенія на счетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софьи К. очень пріятны для моего самолюбія. Отвѣчаю на твои запросы: С . . . . . а не бываетъ у К., ей не втащить брюхо на такую лѣстницу; кажется, она уже на дачѣ; гр. С. тамъ также не бываетъ, но я видѣлъ ее у кн. В. — Волочиться, я ни за кѣмъ не волочусь; у меня голова кругомъ идетъ. Не радъ жизни что взялъ имѣніе, но что-жъ дѣлать? Не для меня, такъ для дѣтей. Тетка вчера сидѣла у меня. Она тебя цалуетъ. Вчера былъ большой парадъ, который, говорятъ, не удался. Царь посадилъ Н . . . . подъ арестъ. Сюда ожидаютъ прусскаго принца, и много другихъ гостей. Надѣюсь не быть ни на одномъ праздникѣ. Одна мнѣ и есть выгода отъ отсутствія твоего, что не обязанъ на балахъ дремать да жрать мороженое. Пишу тебѣ въ Ярополецъ, гдѣ ты должна быть съ тридцатигодняшняго дня.—Кланяюсь сердечно Нат. Ив. цалую тебя и дѣтей. Христосъ съ вами. Знаешь ты что кн. Мещ. и Sophie Kar(amsine) ѣдутъ за границу? Sophie ужъ плачетъ недѣли двѣ; вѣроятно я довезу ее до Кронштата.

№ 47.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Спб., 18 мая.

Мой Ангелъ! поздравляю тебя съ Машинымъ рожденіемъ, цалую тебя и ее. Дай Богъ ей зубковъ и здоровья. Того же и Сашѣ желаю, хоть онъ не имянинникъ. Ты такъ давно, такъ давно ко мнѣ не писала, что не смотря на то, что безпокоиться по пустому я не люблю, но я безпокоюсь. Я долженъ былъ изъ Ярополца получить по крайней мѣрѣ два письма. Здорова-ли ты и дѣти? спокойна-ли ты? Я тебѣ не писалъ, потому что былъ золъ—не на тебя, на другихъ. Одно изъ моихъ писемъ попалось полиціи, и такъ далѣе. Смотри, женка, надѣюсь—что ты моихъ писемъ списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно неприятно: тайна семейственныхъ сношеній, проникнутая сквернымъ и безчестнымъ образомъ; но если ты виновата, такъ это мнѣ было бы больно. Никто не долженъ знать что̀ можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны, нѣтъ семейственной жизни. Но знаю, что этого быть не можетъ; а свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ.

Вчера я былъ въ концертѣ данномъ для бѣдныхъ въ великолѣпной залѣ Нарышкина, въ самомъ дѣлѣ великолѣпной. Какъ жаль, что ты ее не видала. Пѣли новую музыку Вельгорскаго на слова Жуковскаго. Я никого не вижу, нигдѣ не бываю; принялся за работу и пишу по утрамъ. Безъ тебя такъ мнѣ скучно, что поминутно думаю къ тебѣ поѣхать, хоть на недѣлю. Вотъ ужъ мѣсяцъ живу безъ тебя; дотяну до августа; а ты себя береги, боюсь твоихъ гуляній верьхомъ. Я еще не знаю какъ ты ѣздишь; вѣроятно смѣло; да крѣпко-ли на сѣдлѣ сидишь? вотъ запросъ. Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Неприятна зависимость; особенно когда лѣтъ 20, человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя.—Благословляю всѣхъ васъ, дѣтушки.

№ 48.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Спб., 18 мая.

Давно, мой Ангелъ, не получалъ я отъ тебя писемъ. Тебѣ видно было некогда. Теперь вѣроятно ты въ Ярополцѣ, и уже опять собираешься въ дорогу. Такая тоска безъ тебя, что того и гляди пріѣду къ тебѣ. Говорилъ я со Спасскимъ о Пирмонтскихъ водахъ; онъ желаетъ, чтобы ты ихъ принимала; и входилъ со мною въ подробности, о которыхъ по почтѣ не хочу тебѣ писать. Пиши мнѣ о своемъ здоровьи и о здоровьи дѣтей, которыхъ цалую и благословляю. Кланяюсь Н. Ив.—Тебя цалую.—

На дняхъ получишь письма по оказіи.—Прощай, мой милый другъ.—16 мая.

№ 49.—Конвертъ утраченъ.—Писано въ концѣ мая.

Что это, жена? вотъ уже 5 дней какъ я не имѣю о тебѣ извѣстія. Надѣюсь, что хлопоты отъѣзда и пріѣзды однѣ помѣшали тебѣ ко мнѣ писать и что ты и дѣти здоровы. Пишу къ тебѣ въ Ярополецъ. Не знаю, куда отправить тебѣ деньги, въ Москву-ли, въ Волоколамскъ-ли, въ Калугу-ли? Надняхъ на что нибудь рѣшусь. Что тебѣ сказать о себѣ: жизнь моя очень однообразна. Обѣдаю у Дюме часа въ 2, чтобъ не встрѣтиться съ холостою шайкою. Вечеромъ бываю въ клобѣ. Вчера былъ у кн. Вяземской, гдѣ находилась и твоя гр. Сал. Оттуда поѣхалъ я къ Одоевскому, который ѣдетъ въ Ревель. Тетку вижу часто, она безпокоится, что давно нѣтъ объ тебѣ извѣстія.—Погода у насъ славная, а у васъ вѣроятно еще лучше. Пора тебѣ въ деревню на лѣкарство, на ванны и на чистый воздухъ.

Сей часъ, мой Ангелъ, получилъ я твое письмо отъ 1-го мая. Благодарю тебя, что ты нерождешь .... Это мнѣ доказываетъ твое благоразуміе, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошѣешь, хоть это du superflu. Сей часъ (въ 5 час.) сидѣла у меня тетка, она тебя цалуетъ. — Лѣтній садъ полонъ. Всѣ гуляютъ. Гр. Фикельм. звала меня на вечеръ. Явлюсь въ свѣтъ въ первый разъ послѣ твоего отъѣзда.—За Салог. я не ухаживаю, вотъ те Христосъ; и за С......ой то же. С.....ва ужасно брюхата, а родитъ черезъ мѣсяцъ.—Всѣ тебѣ кланяются. Завтра еще буду писать. Не смѣй купаться—съ-ума сошла, что-ли. Послѣ завтра обѣдаю у Спасскаго и буду на тебя жаловаться. Я не поѣхалъ къ Фикельмону, а остался дома, перечелъ твое письмо, и ложусь спать. Братъ Иванъ у меня. Левъ Серг. и отецъ меня очень любятъ, а Ольга С. начинаетъ уже сердить. —Откажусь ото всего—и стану жить припѣваючи.

№ 50.—Адрессъ: въ Калугу, на Полотняные Заводы.—Штемпель: Спб., 29 мая.

Благодарю тебя, мой Ангелъ за добрую вѣсть о зубкѣ Машиномъ. Теперь надѣюсь, что и остальныя прорѣжутся безопасно. Теперь за Сашкою дѣло. Чтó ты путаешь, говоря: «о себѣ не пишу, потому что не интересно». Лучше бы ты о себѣ писала, чѣмъ о S., о которой забираешь въ голову всякой вздоръ—на-смѣхъ всѣмъ честнымъ людямъ и полиціи, которая читаетъ наши письма. Ты спрашиваешь, чтó я дѣлаю.—Ничего путнаго, мой Ангелъ. Однако дома сижу до 4-хъ часовъ и работаю. Въ свѣтѣ не бываю; отъ фрака отвыкъ; въ клобѣ провожу вечера.

Книги изъ Парижа пріѣхали, и моя библіотека растетъ и тѣснится. Къ намъ въ П.-Б., пріѣхалъ ventriloque, который смѣшилъ меня до слезъ; мнѣ право жаль, что ты его не услышишь. Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ; съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ къ сожалѣнію не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ; и никакія успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства.—Вотъ тебѣ и мораль. Ты зовешь меня къ себѣ прежде августа. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петрѣ (Великомъ)?—идетъ по маленьку; скопляю матерьялы—привожу въ порядокъ—и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго не льзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ. — Вчера видѣлъ я Сперанскаго, Карамзиныхъ, Жуковскаго, Вельгорскаго, Вяземскаго—всѣ тебѣ кланяются. Тетка меня все балуетъ — для моего рожденія прислала мнѣ корзину съ дынями, съ земляникой, клубникой—такъ что боюсь поносомъ встрѣтить 36-ой годъ бурной моей жизни. Сегодня ѣду къ ней съ твоимъ письмомъ. Покамѣсть прощай, мой другъ.—У меня желчь, такъ извини мои сердитыя письма. Цалую васъ и благословляю.

P. S. Деньги шлю на имя Дм. Н.

№ 51.—Конвертъ утраченъ.—Писано 8 іюня.

Что это мой другъ съ тобою дѣлается? вотъ ужъ девятый день какъ не имѣю отъ тебя извѣстія. Это меня по-неволѣ безпокоитъ. Положимъ: ты выѣзжала изъ Яропольца, все-таки могла имѣть время написать мнѣ двѣ строчки. Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше. Это писано не для тебя; а вотъ что пишу для тебя. Начала ли ты желѣзныя ванны? есть ли у Маши новые зубы, и каково перенесла она свои первые! У меня

отгадай кто теперь остановился? — Сергѣй Ник., который пріѣхалъ-было въ Ц. с. къ брату, но съ нимъ побранился и принужденъ былъ бѣжать со всѣмъ багажемъ. Я очень ему радъ. Шашки возобновились. Тетка уѣхала съ Н. Кир.—Я еще у ней не былъ. Долгорукая Малиновская выкинула, но кажется здорова. Сегодня обѣдаю у Вяз., у котораго сынъ имянинникъ; Карамзина уѣхала также. Писалъ я тебѣ, что Мещерскіе отправились въ Италію, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя въ жестокосердіи, и раскаиваясь въ томъ, что оставляетъ Кат. Андр. одну? Я провожалъ ихъ до пироскафа. Въ прошлое воскресеніе представлялся я къ Вел. Княгинѣ. Я поѣхалъ къ Ея Выс. на Кам. Островъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда надѣваю свой великолѣпный мундиръ. Но она такъ была мила, что я забылъ и свою нещастную роль и досаду. Со мною вмѣстѣ представлялся цензоръ Красовскій. Вел. Кн. сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être obligé de lire tout ce qui paroit. — Oui, Votre A. I., отвѣчалъ онъ ей, d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun. А я стою подлѣ него. Она, какъ умная женщина, какъ-то его подправила. С.....ва на сносяхъ. Брюхо ея ужасно; не знаю какъ она разрѣшиться, но она много ходитъ и не похожа на то, что была прошлаго году. Гр. Сал. встрѣтилъ я недавно. Она велѣла тебя поцаловать, и тетка ея также. Я большею частію дома и въ клобѣ. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что разстроилъ себѣ желудокъ, и что желчь меня такъ и волнуетъ. Да отъ желчи здѣсь не убережешься. Новостей нѣтъ, да хоть бы и были, такъ не сказалъ бы.—Цалую всѣхъ васъ, Христосъ съ вами. Отецъ и мать на днякъ ѣдутъ въ деревню, а я хлопочу. Левъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское село, а Соболевскій въ Ораніенбаумъ. Видно имъ обоимъ дѣлать нечего. Прощай, мой Ангелъ. Не сердись на холодность моихъ писемъ. Пишу скрѣпя сердце.—3 іюня.

№ 52. Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 8 іюня.

8 іюня.—Милый мой Ангелъ! Я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя, и не смѣть даже писать тебѣ все что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я

долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя нещастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ невиновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за вѣсы, росвошную вывѣску моей скупости. Мнѣ прислала ихъ тетка безъ записки. Вѣроятно она теперь въ хлопотахъ и приготовляетъ Нат. Кир. къ вѣстѣ о смерти кн. Кочубея, который до васъ не доѣхалъ, какъ имѣлъ намѣренія и умеръ въ Москвѣ. Денегъ тебѣ еще не посылаю. Принужденъ былъ снарядить въ дорогу своихъ стариковъ. Теребятъ меня безъ милосердія. Вѣроятно послушаюсь тебя и скоро откажусь отъ управленія имѣнія. Пускай они его коверкаютъ какъ знаютъ; на ихъ вѣкъ станетъ, а мы Сашкѣ и Машкѣ постараемся оставить кусокъ хлѣба. Не такъ-ли? Новостей нѣтъ. Фикельмонъ боленъ и въ ужасной хандрѣ. Вельгорскій ѣдетъ въ Италію къ больной женѣ; П. Б. пусть, всѣ на дачахъ, а я сижу дома до 4 часовъ и пишу. Обѣдаю у Дюме. Вечеромъ въ клобѣ. Вотъ и весь мой день. Для развлеченія вздумалъ было я въ клобѣ играть, но принужденъ былъ остановиться. Игра волнуетъ меня—а желчь не унимается. Цалую васъ и благословляю. Прощай. Жду отъ тебя письма объ Яропольцѣ. Но будь осторожна... вѣроятно и твои письма распечатываютъ: этого требуетъ государственная безопасность.

№ 53. Конвертъ утраченъ.—Писано 11 іюня.

Нашла за что браниться!.. за Лѣтній садъ и за Соболевскаго. Да вѣдь Лѣтній садъ мой огородъ. Я вставши отъ сна иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. Я въ немъ дома. А Соболевскій? Соболевскій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ спекуляціи творитъ свои, а я свои. Моя спекуляція удрать къ тебѣ въ деревню. Что ты мнѣ пишешь о Калугѣ? что тебѣ смотрѣть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что-же тебѣ тамъ дѣлать? Это тебя сестры баломутятъ и вѣрно ужъ моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой другъ, въ Калугу не ѣздить. Сиди дома—такъ будетъ лучше. Тетка на дачѣ, а я у ней еще

не былъ. Ѣду сегодня съ твоими письмами. Нат. Кир. узнала о смерти Кочубея. Je ne croyois pas, сказала она, que la mort de K. me fit tant de peine. Она утѣшается тѣмъ, что умеръ—онъ, а не Маша. Сегодня ѣдутъ мои въ деревню, и я ихъ иду проводить, до кареты, не до Царскаго-Села, куда Левъ Серг. ходить пѣшечкомъ. Ужъ какъ меня теребили; вспомнилъ я тебя, мой Ангелъ. А дѣлать нечего. Если не взяться за имѣніе, то оно пропадетъ-же даромъ; Ольга Серг. и Л. Серг. останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ-же на руки, тогда то наплачусь и наплачусь, а имъ и горя мало. Меня-же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!

Пожалуйста, мой другъ, не ѣзди въ Калугу. Съ кѣмъ тамъ тебѣ знаться? съ губернаторшей? Она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебѣ ѣхать къ ней на поклонъ. Съ невѣстой Дм. Ник.? Вотъ это дѣло другое. Ты слади эту свадьбу, а я пріѣду въ отцы посаженые. Напиши мнѣ, женка, какъ поживала ты въ Ярон., какъ ладила съ матушкой и съ прочими. Надѣюсь, что вы разстались дружески, не успѣвъ поссориться и приревновать другъ къ другу. У насъ ожидаютъ Прусскаго принца. Вчера пріѣхалъ О...овъ изъ Берлина съ женою въ три обхвата. Славная баба; я смотря на нее, думалъ о тебѣ, и желалъ тебѣ воротиться изъ Завода такою-же тетехой. Полно тебѣ быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душѣ просвѣтлѣло. Я два дня сряду получалъ отъ тебя письма, и помирился отъ души съ почтою и полиціей. Чортъ съ ними. Что дѣлаютъ дѣти? благословляю ихъ, а тебя цалую.—11 іюня.

Къ № 58.—Писано въ одинъ день съ предыдущимъ.

Въ тотъ же день.—Сей часъ отъ меня тетка. Она проситъ тебя къ ней писать, а меня тебѣ уши выдрать. Она переѣзжаетъ въ Царское-Село, въ домъ кн. Кочубея, съ Нат. Кир., которая удивительно мила и добра; завтра ѣду съ ней проститься. Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная! Она проситъ, чтобъ я тебя въ Калугу пустилъ, да вѣдь ты махнешь и безъ моего позволенія. Ты на это молодецъ. Сей часъ простился съ отцемъ и матерью. У него хандра и черныя мысли. Знаешь что я думаю? не пріѣхать-ли мнѣ къ тебѣ на лѣто? Нѣтъ, жена, дѣла есть, потерпимъ еще полтора мѣсяца. А тутъ я къ тебѣ упаду какъ снѣгъ на голову; если только пустятъ меня. Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во первыхъ вѣроятно откажутъ; а во вторыхъ коли и возьмутъ, то подумай что за скверныя толки пойдутъ по свинскому П. Б. — Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. По-

годи; овдовѣешь, постарѣешь — тогда пожалуй будь солопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ быть подалѣ отъ двора; .... Вы-же не богаты. На тетку нельзя вамъ всѣмъ навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ П. Б. не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ бы себѣ бариномъ. — Но вы, бабы, не понимаете щастія независимости, и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était decidement la plus belle et la mieux mise du bal. Прощай, Madame une telle, тетка прислала мнѣ твое письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не ѣзди на бѣшеныхъ лошадяхъ, за дѣтьми смотри, чтобъ за ними няньки ихъ смотрѣли, пиши ко мнѣ чаще; сестеръ поцалуй за просто, Дм. Ник. также — дѣтей за меня благослови. Цалую тебя. Ѣду на пироскафѣ провожать Вельгорскаго, который вѣроятно жену свою въ живыхъ не застанетъ. Петръ I-ой идетъ; того и гляди напечатаю 1-ой томъ къ зимѣ. На *того* я пересталъ сердиться, потому что, toute reflexion faite, не онъ виноватъ въ свинствѣ его окружающемъ. А живя въ .... по неволѣ привыкнешь къ ....., и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ что gentleman. Ухъ кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ.

№ 54.—Калужскій адресъ.—Штемпель: Спб., 19 іюня.

Грустно мнѣ, женка. Ты больна, дѣти больны. Чѣмъ это все кончится, Богъ вѣсть. Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости. И мои долги и чужія мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено, и надобно его поправить уменьшая расходы, а они обрадовались, и на меня насѣли. То—то, то другое. Вотъ тебѣ письмо Спасскаго. Если ты здорова, на что тебѣ ванны. Тетку видѣлъ надняхъ. Она ѣдетъ въ Царск. Село. Прощай, женка. Плетневъ сейчасъ ко мнѣ входитъ.—*П.*

Цалую васъ всѣхъ и благословляю дѣтей.

№ 55.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 21 іюня.

«Ваше благородіе, всегда понапрасну лаяться изволите» (*Недоросль*).

Помилуй, за что въ самъ дѣлѣ ты меня бранишь? что я пропустилъ одну почту? но вѣдь почта у насъ всякой день; пиши сколько хочешь и когда хочешь, не то что изъ Калуги, изъ которой письма приходятъ каждыя десять дней. Предпослѣднее письмо твое было такое милое, что разцаловалъ бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо бы выдралъ. Буду отвѣчать тебѣ по пунктамъ. Когда я представлялся В. Кн., дежурная была не С., а моя прицепленая кузинка Ч.....на, до которой я не охот-

мнѣ, да хоть бы и С. была въ караулѣ, такъ ужъ если влюбиться...—Эхъ, женка! почта мѣшаетъ, а то бы я навралъ тебѣ съ три короба. Я писалъ тебѣ, что я отъ фрака отвыкъ, а ты меня ловишь во лжи какъ въ petite misere ouverte, доказывая, что я видѣлъ и того и другаго, слѣдственно въ свѣтѣ бываю; это ничего не доказываетъ. Главное то, что я привыкъ опять къ Дюме и къ Англійскому клобу; а этимъ нечего хвастаться. С...-..ва родила благополучно, и вообрази: двоихъ. Какова бабенка, и каковъ красноглазый кроликъ С....овъ? — . . . .

. . . .

. . . . . . Сегодня кажется девятый день — и слышно мать и дѣти здоровы. Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Кат. Ник. за Хлюст., а Алекс. Ник. за Убри: ничему не бывать; оба влюбиться въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ, потому надобно быть твоимъ мужемъ, чтобъ ухаживать за другими въ твоемъ присутствіи, моя красавица. Х....нъ тебѣ вретъ, а ты ему и вѣришь; откуда беретъ онъ, что я къ тебѣ въ августѣ не буду? развѣ онъ пьянъ былъ отъ батвиньи съ лукомъ? Меня въ П. Б. останавливаетъ одно: залогъ имѣнія Нижегородскаго, я даже Пугачева намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой Ангелъ, на Полотняный Заводъ.

Туда бы отъ жизни удралъ, улизнулъ. Цалую тебя и дѣтей и благословляю васъ отъ души.—Ты я думаю такъ въ деревнѣ похорошѣла, что ни на что не похоже. — Благодарю за анекдотъ о Дмитр. Ник. Не влюбленъ-ли онъ? Тетка въ Царскомъ Селѣ. На дняхъ ѣду къ ней. Addio, vita mia; ti amo.

№ 56.—Безъ конверта.—Писано въ концѣ іюня.

Мой Ангелъ, сей часъ послалъ я къ графу Литта извиненіе въ томъ, что не могу быть на Петергофскомъ праздникѣ по причинѣ болѣзни. Жалѣю, что ты не увидишь; онъ того стоитъ. Не знаю даже, удастся-ли тебѣ когда нибудь его видѣть. Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбище, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться мнѣ богатымъ — а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову. П. Б. ужасно скученъ. Говорятъ, что свѣтъ живетъ на Петергофской дорогѣ.

На Черной рѣчкѣ только Бобринская, да Фикельмонъ. Принимають — а никто не ѣдеть. Будутъ большія праздники послѣ Петергофа. Но я ужъ никуда не поѣду. Меня здѣсь удерживаеть одно: типографія. Виноватъ, еще другое: залогъ имѣнія. Но можно-ли будетъ его заложить? какъ ты права была въ томъ, что не должно мнѣ было принимать на себя эти хлопоты, за которыя никто мнѣ спасибо не скажетъ, а которыя испортили мнѣ столько ужъ крови, что всѣ піявки дома нашего ее мнѣ не высосуть. — Кстати о домѣ нашемъ: надобно тебѣ сказать, что я съ нашимъ хозяиномъ побранился, и вотъ почему. Надняхъ возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. На силу добудился дворника. А я ему уже нѣсколько разъ говорилъ: прежде моего пріѣзда не запирать — разсердясь на него далъ я ему отеческое наказаніе. На другой день узнаю, что Оливье на своемъ дворѣ декламировалъ противу меня и велѣлъ дворнику меня не слушаться и двери запирать съ 10 часовъ, чтобъ воры не украли лѣстницы. Я тотчасъ велѣлъ прибить къ дверямъ объявленіе, писанное рукою Сергѣя Николаевича о сдачѣ квартеры—а къ Оливье написалъ письмо, на которое дуракъ до сихъ поръ не отвѣчалъ. Война же съ дворникомъ не прекращается, и вчера еще я съ нимъ повозился. Мнѣ его жаль, но дѣлать нечего; я упрямъ, и хочу переспорить весь домъ—включая тутъ и піявокъ. Я передъ тобой кругомъ виноватъ, въ отношеніи денежномъ. Были деньги — и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ нибудь. Все *тотъ* виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня восвояси. Письмо твое не передъ мной: кажется, есть что-то, на что обязанъ я возразить — но до другаго дня. — Пока прощай.—Цалую тебя и дѣтей благословляю всѣхъ троихъ. Прощай, душа моя — кланяйся сестрамъ и братьямъ. Сергѣй Ник. надняхъ въ офицеры произведенъ, и хлопочетъ о мундирѣ.—*А. П.*

№ 57.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 2 іюля.

Твоя Шишкова ошиблась: я за ея дочкой Полиной не волочился, потому что не видывалъ, а ѣздилъ я къ Александру Семеновичу Ш. въ академію, и то не для свадьбы, а для жетоновъ, pour (pas?) autrement. Исторія же о княжнахъ совершенно справедлива, и я не вижу тутъ ничего смѣшнаго. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, другъ мой, кромѣ тебя въ жизни моей утѣшенія нѣтъ—и жить съ тобою въ разлукѣ также глупо какъ и тяжело. Но что-жъ дѣлать? Послѣ завтраго начну печатать Пуг(ачева), который до сихъ поръ лежитъ у

Сперанскаго. Онъ задержитъ меня съ мѣсяцъ.—Въ августѣ буду у тебя. Завтра Петергофскій праздникъ, и я проведу его на дачѣ у Плетнева вдвоемъ. Будемъ пить за твое здоровье. Съ хозяиномъ Оливье я рѣшительно побранился, и надобно будетъ имѣть другую квартиру, особенно если пріѣдутъ съ тобою сестры. Serge еще у меня, вчера явился ко мнѣ въ офицерскомъ мундирѣ, и молодецъ.—Исторія о томъ, какъ Ив. Ник. побранился съ Юрьевымъ и какъ они помирились, уморительно смѣшна, но долго тебѣ разсказывать. Изъ деревни имѣю я вѣсти неутѣшительныя. Посланный мною новый управитель нашелъ все въ такомъ безпорядкѣ, что отказался отъ управленія и уѣхалъ. Думаю послѣдовать его примѣру. Онъ умный человѣкъ, а Болдино можно еще коверкать лѣтъ пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то что ты обѣщаешься не кокетничать; хоть это я тебѣ и позволилъ, но все таки лучше моимъ позволеніемъ тебѣ не пользоваться.—Радуюсь, что Сашку отъ груди отняла, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала отходя ко сну, то это еще не бѣда; мальчикъ привыкнетъ къ вину, и будетъ молодецъ, во Льва Сергѣевича. Машкѣ скажи, чтобъ она не капризничала, не то я пріѣду и худо ей будетъ. Благословляю всѣхъ васъ—тебя цалую въ особенности.—30 іюня.

Пожалуй-ста не требуй отъ меня нѣжныхъ, любовныхъ писемъ. Мысль что мои распечатываются, и прочитываются на почтѣ, въ полиціи, и такъ далѣе — охлаждаетъ меня, и я по неволѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна не будетъ.

№ 58.—Безъ конверта.—Писано 11 іюля.

Ты женка моя презалаберная (вычеркнуто) пребезалаберная (насилу слово написалъ). То сердишься на меня за С., то за краткость моихъ писемъ, то за холодный слогъ, то за то что я къ тебѣ не ѣду. Подумай обо всемъ, и увидишь что я передъ тобой не только правъ, но чуть не святъ. Съ С. я не кокетничаю, потому что и вовсе невижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствамъ тебѣ извѣстнымъ, не ѣду къ тебѣ по дѣламъ, ибо и печатаю П(угачева), и закладываю имѣнія, и вожусь и хлопочу—и письмо твое меня огорчило, а между тѣмъ и порадовало; если ты поплакала, не получивъ отъ меня письма, стало быть ты меня еще любишь, женка. За что цалую тебѣ ручки и ножки. Кабы ты видѣла, какъ я сталъ прилеженъ; какъ читаю корректуру—какъ тороплю Яковлева! Только бы въ Августѣ быть у тебя. Теперь разкажу тебѣ о вчерашнемъ балѣ. Былъ я у Фикельменъ. Надо тебя знать, что съ твоего отъѣзда я кромѣ какъ въ клобѣ нигдѣ не бываю. Вотъ вчерась

какъ я вошелъ въ освѣщенную залу, съ нарядными дамами; то я смутился какъ нѣмецкій профессоръ; насилу хозяйку нашелъ, насилу слово вымолвилъ. Потомъ осмотрѣвшись увидѣлъ я, что народу не такъ то много, и что балъ это за-просто, а не раутъ. Незнакомыхъ дамъ нѣсколько прусачекъ (наши лучше, не говоря ужъ о тебѣ), а одѣты, какъ Ермолова во дни отчаянные. Вотъ наѣлся я мороженаго, и пріѣхалъ себѣ домой — въ часъ. Кажется, не за что меня бранить. О тебѣ въ свѣтѣ много спрашиваютъ, и ждутъ очень. Я говорю, что ты уѣхала плясать въ Калугу. Всѣ тебя за то хвалятъ. И говорятъ: ай да баба!—а у меня сердце радуется. Тетка заѣзжала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мною въ каретѣ; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утѣшала. Надняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ *тѣмъ* чуть было не побранился—и трухнулъ то я, да и грустно стало.. Съ этимъ поссорюсь—другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю; хоть и онъ не правъ. Сегодня былъ на дачѣ у Плетнева; у него дочь имянинница. Только вмѣсто его, нашелъ я кривую кузину—и ничего. А онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ —В. Княгиню учить. Досадно было, да нечего дѣлать. Прощай женка—спать хочу. Цалую тебя и васъ—и всѣхъ благословляю —Христосъ съ вами.—11 іюля.

№ 59.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 14 іюля.

Ты хочешь непремѣнно знать, скоро ли буду я у твоихъ ногъ? изволь, моя красавица: я закладываю имѣніе отца, это кончено будетъ черезъ недѣлю. Я печатаю Пугачева; это займетъ цѣлый мѣсяцъ. Женка, женка, потерпи до половины Августа, а тутъ ужъ я къ тебѣ и явлюсь и обниму тебя, и дѣтей разцалую. Ты развѣ думаешь, что холостая жизнь ужасно какъ меня радуетъ? Я сплю и вижу, чтобъ къ тебѣ пріѣхать; да кабы могъ остаться въ одной изъ вашихъ деревень подъ Москвою, такъ бы Богу свѣчку поставилъ; радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Дай, сдѣлаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости.—А (о) какомъ сосѣдѣ пишешь мнѣ лукавыя письма? кѣмъ это меня ты стращаешь? отселѣ вижу что̀ такое. Человѣкъ лѣтъ 36; отставной военный, или служащій по выборамъ. Съ пузомъ и въ картузѣ. Имѣетъ 300 душъ, и ѣдетъ ихъ перезакладывать—по случаю неурожая—а наканунѣ отъѣзда сентиментальничаетъ передъ тобою. Не такъ ли? А ты бабенка, за неимѣніемъ того и другаго, избираешь въ обожатели и его: дѣльно. Да какъ балы тебѣ не прiѣлись, что ты и въ Калугу ѣдешь для нихъ. Удивительно!—Надобно тебѣ поговорить

о моемъ горѣ. Надняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю что̀ ты будешь дѣлать, и что̀ скажутъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова.—Поцалуй дѣтей и благослови ихъ за меня.—Прощай, цалую тебя.—*А. П.*

№ 60.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 16 іюля.

Всѣ вы дамы на одинъ покрой. Куда какъ интересны похожденія дурачка Д. и его семейственныя ссоры. А ты такъ и радуешься. Я чай, такъ и разкокетничалась. Что-то Калуга! Вотъ тутъ поцарствуешь! — Впрочемъ, женка, я тебя за то не браню. Все это въ порядкѣ вещей; будь молода, потому что ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна. — Цалую тебя отъ сердца—теперь поговоримъ о дѣлѣ. Если ты въ самомъ дѣлѣ вздумала сестеръ своихъ сюда привезти, то у Оливье оставаться намъ невозможно: мѣста нѣтъ. Но обѣихъ-ли ты сестеръ къ себѣ берешь? Эй, женка! смотри... Мое мнѣніе: семья должна быть *одна* подъ *одной* кровлей: мужъ, жена, дѣти покамѣсть малы; родители, когда ужъ престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ. Впрочемъ, объ этомъ еще поговоримъ. Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ Августѣ. Я оставлю Пугачева на его попеченіи. Августъ близокъ. Слава Богу, дождались. Надѣюсь, что ты передо мною чиста и права, и что мы свидимся, какъ разстались. Мнѣ кажется, что Сашка начинаетъ тебѣ нравиться—радуюсь, онъ не въ примѣръ милѣе Машки, съ которой ты напляшешься. Смирнова опять чуть не умерла. Разсердилась на доктора и кровь кинулась въ голову, слава Богу, что не молоко. Она теперь принимаетъ, но я у ней еще не былъ. Сегодня фейворокъ или фейерверкъ. Сергѣй Н. ѣдетъ смотрѣть его; а я въ городѣ останусь. У насъ третій день какъ жары—и мы не знаемъ что дѣлать. Сплю и вижу, чтобы изъ П. Б. убраться къ тебѣ, а ты и не вѣришь мнѣ, и бранишь меня. Сегодня съѣзжу къ Плетневу. Поговоримъ о тебѣ. У меня большія хлопоты по части Болдина. Черезъ годъ я на все это плюну — и займусь своими дѣлами. Левъ С. очень себя дурно

ведетъ. Не копѣйки денегъ не имѣетъ, а въ домино проигрываетъ у Дюме по 14 бутылокъ шампанскаго. Я ему ничего не говорю, потому что слава Богу мужику 30 лѣтъ; но мнѣ его жаль и досадно. Соболевскій имъ руководствуетъ, и что ужъ они дѣлаютъ, то Господь вѣдаетъ. Оба довольно пусты. Тетка въ Царск. Селѣ. Я все къ ней сбираюсь, да не соберусь.—Прощай. Обнимаю тебя — дѣтей благословляю — тебя также. Всякій ли ты день молишься стоя въ углу?—14 іюля.

№ 61.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 26 іюля.

Наташа мой Ангелъ, знаешь ли что? я беру этажъ, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня ѣдетъ въ чужія края, дочь ея больна не на шутку; боятся чахотки. Дай Богъ, чтобъ югъ ей помогъ. Сегодня видѣлъ во снѣ, что она умерла, и проснулся въ ужасѣ. Ради Бога, берегись ты. Женщина, говоритъ Гальяни, est un animal naturellement faible & malade. Какія-же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балахъ, и помогаете мужьямъ мотать. И за то спасибо. Пожалуйста не сердись на меня за то, что я медлю къ тебѣ явиться. Право, душа проситъ, да мошна не велитъ. Я работаю до низложенія ризъ. Держу корректуру двухъ томовъ вдругъ, пишу примѣчанія, закладываю деревни—Льва Сергѣича выпроваживаю въ Грузію. Все слажу—и сломя голову къ тебѣ прискачу. Сей часъ приносили мнѣ корректуру, и я тебя оставилъ для Пугачева. Въ корректурѣ я прочелъ, что Пугачевъ *поручилъ Хлопушѣ грабежъ заводовъ*. Поручаю тебѣ грабежъ Заводовъ *). Слышишь-ли моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись съ добычею.—Въ свѣтѣ я не бываю. Смирнова велѣла мнѣ сказать, что она меня впишетъ въ разрядъ иностранцевъ, которыхъ велѣно не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (Animal naturellement faible & malade). Цалую Машу и заочно смѣюсь ея затѣямъ. Она умная дѣвчонка, но я отъ нее покамѣстъ ума не требую; а требую здоровья. Довольна-ли ты нѣмкой и кормилицей? Ты дурно сдѣлала, что кормилицу не прогнала. Какъ можно держать при дѣтяхъ пьяницу, повѣря обѣщанію и слезамъ пьяницы? Молчи, я все это улажу. До тебя мнѣ осталось 9 листовъ. То-есть, какъ еще пересмотрю 9 печатныхъ листовъ. и подпишу: *печатать*,—такъ и пущусь къ тебѣ, а покамѣстъ буду проситься въ отпускъ. Новостей нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что бѣднаго маршала Мезона чуть не задавили на манев-

*) Деревня Полотняные Заводы, гдѣ жила жена Пушкина.

рахъ. Знай нашихъ. Цалую тебя и ихъ. Господь васъ благослови.

№ 62.—Калужскій адрессъ.—Штемпель: Спб., 30 іюля.

Что это значитъ, жена? Вотъ ужъ болѣе недѣли какъ я не получаю отъ тебя писемъ. Гдѣ ты? что ты? Въ Калугѣ? въ деревнѣ? откликнись. Что такъ могло тебя занять и развлечь? какія балы? какія побѣды? ужъ не больна-ли ты? Христосъ съ тобою. Или просто хочешь меня заставить скорѣе къ тебѣ пріѣхать. Пожалуйста, женка—брось эти военныя хитрости, которыя не въ шутку мучатъ меня за тысяча верстъ отъ тебя. Я пріѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои подвигаются. Два тома печатаются вдругъ! Для одной недѣли разницы, не заставь меня все бросить, и потомъ охать цѣлый годъ, если не два, и не три. Будь умна. Я очень занятъ. Работаю цѣлое утро—до 4 часовъ—никого къ себѣ не пускаю. Потомъ обѣдаю у Дюме, потомъ играю на бильардѣ въ клубѣ—возвращаюсь домой рано, надѣясь найти отъ тебя письмо — и всякой день обманываюсь. Тоска, тоска—

Съ кн. Вяземскимъ я уже условился. Беру его квартеру. Къ 10 августу припасу ему 2,500 рублей—и велю перетаскивать пожитки; а самъ поскачу къ тебѣ. Ждать не долго.

Прощай—будьте всѣ здоровы. Цалую твой портретъ, который что-то кажется виноватымъ. Смотри.

№ 63.—Безъ конверта.—Писано 8 августа.

Стыдно, женка. Ты на меня сердишься, не разбирая кто виноватъ, я или почта, и оставляешь меня двѣ недѣли безъ извѣстія о себѣ и о дѣтяхъ. Я такъ былъ смущенъ, что не зналъ что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утѣшило. Описаніе вашего путешествія въ Калугу, какъ ни смѣшно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться въ скверный уѣздный городишка, чтобъ видѣть скверныхъ актеровъ, скверно играющихъ старую, скверную оперу? что за охота останавливаться въ трактирѣ, ходить въ гости къ купеческимъ дочерямъ, смотрѣть съ чернію губернскій фейворокъ — когда въ Петербургѣ ты никогда и не думаешь посмотрѣть на Каратыгиныхъ и никакимъ фейворокомъ тебя въ карету не заманишь. Просилъ я тебя по Калугамъ не разъѣзжать, да видно ужъ у тебя такая натура. О твоихъ кокетственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдомъ говорить мнѣ нечего. Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ — но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цалую — благодаря тебя за то что ты Богу молишься на колѣнахъ по-

среди комнаты. Я мало Богу молюсь и надѣюсь, что твоя чистая молитва лучше моихъ, какъ для меня такъ и для насъ. Ты ждешь меня въ началѣ августа. Вотъ нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь; Яковлевъ отпуститъ меня около половины мѣсяца. Но и тутъ я не совсѣмъ еще буду свободенъ. Я взялъ квартиру Вяземскихъ. Надо будетъ мнѣ переѣхать, перетащить мебель и книги, и тогда уже благословясь, пуститься въ дорогу. Дай Богъ пріѣхать мнѣ къ твоимъ имянинамъ, я и тѣмъ былъ бы щастливъ.

Вяземскія здѣсь. Бѣдная Полина очень слаба и блѣдна. Отца жалко смотрѣть. Такъ онъ убитъ. Они всѣ ѣдутъ за границу. Дай Богъ чтобъ климатъ ей помогъ. Marie похорошѣла, и въ бѣдной и загнанной Москвѣ произвела большое дѣйствіе. О тебѣ гремитъ еще молва, послѣ минутнаго твоего появленія. Нашли, что ты похудѣла. Я привезу тебя тетехой, по твоему обѣщанію: смотри-жъ! не поставь меня въ лгуны. На дняхъ встрѣтилъ я M-me Жоржъ. Она остановилась со мною на улицѣ, и спрашивала о твоемъ здоровье; я сказалъ, что на дняхъ ѣду къ тебѣ pour te faire un enfant. Она стала присѣдать, повторяя: Ахъ, Monsi, vous me ferez une grande plaisir. Однако я боюсь родовъ, послѣ того что ты выкинула. Надѣюсь однако, что ты отдохнула. Видѣлъ я Смирнову; она начинаетъ оправляться, но все еще плоха и желта. Тетка воротилась изъ Царскаго Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кириловна сильно ей надоѣла. Н. К. сердиться на всѣхъ, особенно на князя Кочубея, за чѣмъ онъ умеръ и тѣмъ огорчилъ ея Машу. На княгиню также дуется, и говоритъ: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolés. Тетка говоритъ, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она все за тебя хлопочетъ. Serge въ лагери. Брата Ивана не вижу. Прощай, Христосъ съ вами. Цалую васъ, тебя въ особенности. Принесли корректуру.—3 авг.

V.—Изъ Болдина въ Петербургъ.

Съѣздивъ въ деревню, Пушкинъ взялъ оттуда семью, довезъ ее до Москвы, откуда его жена съ дѣтьми возвратилась въ Петербургъ, а самъ онъ отправился въ свое Болдино для ознакомленія съ положеніемъ имѣнія на мѣстѣ.

№ 64.—Конвертъ потерянъ.—Писано 15 сентября.

15 сент.—Почта идетъ во вторникъ, а сегодня только еще суббота, и такъ это письмо нескоро до тебя доберется. Я при-

ѣхалъ третьяго дня въ четвергъ поутру—вотъ какъ тихо ѣздятъ по губернскимъ трактамъ—а я еще платилъ почти вездѣ двойныя прогоны. Правда что отовсюду лошади были взяты подъ Государя, который долженъ изъ Москвы проѣхать на Нижній. Въ деревнѣ встрѣтилъ меня первый снѣгъ, и теперь дворъ передъ моимъ окошкомъ бѣлешенекъ; c'est une très aimable attention, однако я еще писать не принимался, и въ первой разъ беру перо, чтобъ съ тобою побѣсѣдовать. Я радъ, что добрался до Болдина; кажется, менѣе будетъ мнѣ хлопотъ, чѣмъ я ожидалъ. Написать что нибудь мнѣ бы очень хотѣлось, не знаю придетъ-ли вдохновеніе. Здѣсь нашелъ я Безобразова (что-же ты такъ удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины маргаритки). Онъ хлопочетъ и хозяйничаетъ и вѣроятно купитъ полъ-Болдина. Охъ! кабы у меня было 100,000! какъ бы я все это уладилъ; да Пуг(ачевъ), мой оброчный мужичокъ, и половины того мнѣ не принесетъ, да и то мы съ тобою какъ разъ промотаемъ; не такъ-ли? Ну, нечего дѣлать: буду живъ, будутъ и деньги... Вотъ ѣдетъ ко мнѣ Безобразовъ—прощай.

Ухъ, на силу отвязался. Два часа сидѣлъ у меня. Оба мы хитрили—дай Богъ, чтобъ я его перехитрилъ, на дѣлѣ; а на словахъ, кажется, я перехитрилъ. Вижу отселѣ твою недовѣрчивую улыбку, ты думаешь, что я подуруша, и что меня опять оплетутъ—увидимъ. Пріѣхавъ въ Москву, кончу дѣло въ два дня; и пріѣду въ П.Б. молодцомъ, и обладателемъ села Болдина — —

Сей часъ у меня были мужики, съ челобитьемъ; и съ ними принужденъ я былъ хитрить—но эти навѣрное меня перехитрятъ. Хоть я сдѣлался ужаснымъ политикомъ, съ тѣхъ поръ какъ читаю Conquêtes de l'Angleterre par les Normands. Это что еще? Баба съ просьбою. Прощай, иду ее слушать.

— Ну женка, умора. Солдатка проситъ, чтобъ ея сына записали въ мои крестьяне, а его де записали въ в....... (незаконные), а она де родила его только 13 мѣсяцовъ по отдачѣ мужа въ рекруты, такъ какой-же онъ в.......? (незаконный) я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го. Теперь вѣроятно ты въ Яропольцѣ, и вѣроятно ужъ думаешь объ отъѣздѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя письма. Не забудь моего адреса: *въ Арзамаскомъ* уѣздѣ, въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино.—Мнѣ здѣсь хорошо, да скучно, а когда мнѣ скучно, меня такъ и тянетъ къ тебѣ, какъ ты жмешься ко мнѣ, когда тебѣ страшно. Цалую тебя и дѣтокъ и благословляю васъ. Писать я еще не принимался.

№ 65.—Адрессъ: въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой Набережной, у Прачечнаго моста, въ домѣ Баташева.—Штемпель: станція Абрамово, 26 сентября.

Вотъ ужъ скоро двѣ недѣли какъ я въ деревнѣ, а отъ тебя еще письма не получилъ. Скучно, мой Ангелъ. И стихи въ голову нейдутъ; и романъ не переписываю. Читаю Вальтеръ-Скотта и Библію, а все объ васъ думаю. Здоровъ-ли Сашка? прогнала-ли ты кормилицу? отдѣла(ла)сь-ли отъ проклятой нѣмки? Какова доѣхала? Много вещей, о которыхъ безпокоюсь. Видно нынѣшнюю осень мнѣ долго въ Болдинѣ не прожить. Дѣла мои я мой-какъ уладилъ. Погожу еще немножко, не распишусь-ли; коли нѣтъ—такъ съ Богомъ и въ путь. Въ Москвѣ останусь дня три, у Нат. Ив. (въ Ярропольцѣ) сутки—и пріѣду къ тебѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ: неужъ-то близъ тебя, не распишусь? Пустое. Я жду къ себѣ Языкова, да видно не дождусь.—Скажи пожалуйста, брюхата-ли ты? если брюхата, прошу, мой другъ, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колѣни передъ Машей (ни даже на молитвѣ). Не забудь, что ты выкинула, и что тебѣ надобно себя беречь. — Охъ кабы ты ужъ была въ Петербургѣ. Но по всѣмъ моимъ разчетамъ ты прежде 3-го октября не доѣдешь. И какъ тебѣ тамъ быть? безъ денегъ, безъ Амельяна, съ твоими дурами няньками, и неряхами дѣвушками (не во гнѣвъ буде сказано Пелагѣи Ивановнѣ, которую заочно цалую). У тебя чай голова кругомъ идетъ. Одна надежда: тетка. Но изъ тетки двухъ тетокъ не сдѣлаешь—видно, что мнѣ надобно спѣшить.— Прощай, Христосъ васъ храни. Цалую тебя крѣпко — будьте здоровы.

1835-й годъ.

Возвратившись въ октябрѣ 1834 года въ Петербургъ изъ Болдина, гдѣ, какъ говорилъ Пушкинъ: „Управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно“; — онъ прожилъ всю зиму и весну 1835-го года въ столицѣ. Въ декабрѣ вышла „Исторія Пугачевскаго бунта“; на это изданіе Пушкинъ возлагалъ большія надежды, но денежный успѣхъ былъ ниже его потребностей и долговъ; немного помогло въ этомъ отношеніи и сдѣланное имъ весною 1835 г. изданіе „Поэмъ и повѣстей“. Въ августѣ Пушкину была выдана изъ казны ссуда въ 30,000, съ постепеннымъ вычетомъ ея изъ его жалованья въ 5 тысячъ рублей, и вмѣстѣ отпускъ въ деревню, съ августа по декабрь, для устройства своихъ дѣлъ и для новыхъ работъ. Эта осенняя поѣздка Пушкина въ Михайловское, псковской губерніи, вызвала новый рядъ писемъ его къ женѣ.

VI. Изъ Михайловскаго въ Петербургъ.

№ 66.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Новоржевъ, 16 сентября.

Хороши мы съ тобой. Я не далъ тебѣ моего адреса, а ты у меня его и не спросила; вотъ онъ: въ Пск. Губ. въ Островъ, въ село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вотъ ужъ недѣля, какъ я тебя оставилъ, милый мой другъ; а толку въ томъ не вижу. Писать не начиналъ и не знаю когда начну. За то безпрестанно думаю о тебѣ, и ничего путнаго не надумаю. Жаль мнѣ, что я тебя съ собою не взялъ. Что у насъ за погода! Вотъ ужъ три дня какъ я только что гуляю то пѣшкомъ, то верькомъ. Эдакъ я и осень мою прогуляю, и коли Богъ не пошлетъ намъ порядочныхъ морозовъ, то возвращусь къ тебѣ не сдѣлавъ ничего. Пр. Ал. [1]) еще здѣсь нѣтъ. Она или въ деревнѣ у Бегичевой, или во Псковѣ хлопочетъ. На дняхъ ожидаютъ ее. Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны, и очень о тебѣ сталъ безпокоиться. Что наша экспедиція? видѣлась ли ты съ графиней К., и что отвѣтъ? На всякой случай если насъ гонитъ графъ К., то у насъ остается графъ Юрьевъ (Гурьевъ?) я адресую тебя къ нему. Пиши мнѣ какъ можно чаще, и пиши все что ты дѣлаешь, чтобъ я зналъ съ кѣмъ ты кокетничаешь, гдѣ бываешь, хорошо-ли себя ведешь, каково сплетничаешь, и щастливо-ли воюешь съ твоей однофамилицей. Прощай, душа: цалую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моею заступницею у тебя. Сашку цалую въ его круглый лобъ. Благословляю всѣхъ васъ. Теткамъ Ази и Кóко мой сердечный поклонъ. Скажи Плетневу, чтобъ онъ написалъ мнѣ объ нашихъ общихъ дѣлахъ.

№ 67.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Новоржевъ, 23 сентября.

Жена моя, вотъ и 21-ое, а я отъ тебя еще ни строчки не получилъ. Это меня безпокоитъ поневолѣ, хоть я знаю, что ты мой адресъ, вѣроятно, узнала, не прежде какъ 17-го, въ Павловскѣ. Не такъ ли? къ тому же и почта изъ П. Б. идетъ только разъ въ недѣлю. Однако я все безпокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ. Ты не можешь вообразить какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ, или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже споловину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики,

[1]) Прасковья Алексѣевна Осипова.

ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30,000: Все держится на мнѣ, да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покамѣсть, грустно.—Поцалуй-ка меня, авось горе пройдетъ. Да лихъ, губки твои на 400 верстъ не оттянешь. Сиди да горюй — что прикажешь! Теперь выслушай мой журналъ: былъ я у Вревскихъ третьяго дня и тамъ ночевалъ. Ждали Пр. Алекс., но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста какъ Меѳодій, нашъ псковскій архіерей. И незамѣтно, что она ужъ не брюхата; все та-же какъ когда ты ее видѣла. Я взялъ у нихъ Вальтеръ-Скотта и перечитываю его. Жалѣю что не взялъ съ собою англійскаго. Къ стати: пришли мнѣ, если можно, Essays de M. Montagne—4 синихъ книги, на длинныхъ моихъ полкахъ. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Пр. Ал., которая вѣроятно будетъ сегодня въ Тригорское. —Я много хожу, много ѣзжу верьхомъ, на клячахъ, которыя очень тому рады, ибо имъ за то даютъ овесъ, къ которому они не привыкли. Ѣмъ я печеный картофель, какъ маймистъ, и яица въ смятку, какъ Людовикъ XVIII. Вотъ мой обѣдъ. Ложусь въ 9 часовъ, встаю въ 7. Теперь требую отъ тебя такого же подробнаго отчета. Цалую тебя, душа моя, и всѣхъ ребятъ, благословляю васъ отъ сердца. Будьте здоровы. Бель-сёрамъ поклонъ. Какъ надобно сказать: бель-сёры, иль бель-сёри? Прощай.

№ 68.—Конвертъ утраченъ.—Писано 25 сентября.

Пишу тебѣ изъ Тригорскаго. Что это, женка? вотъ ужъ 25-ое, а я все отъ тебя не имѣю ни строчки.—Это меня сердитъ и безпокоитъ.—Куда адресуешь ты свои письма? Пиши: *Во Псковъ*, Ея Высокородію, Пр. Ал. Осиповой для доставленія А. С. П. извѣстному сочинителю—вотъ и все. Такъ вѣрнѣе дойдутъ до меня твои письма, безъ которыхъ я совершенно одурѣю. Здорова-ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что домъ нашъ, и какъ ты имъ управляешь? Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому что не спокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все по старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая, сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю, иногда даже чистымъ, русскимъ языкомъ. Наприм. вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не

сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: да и ты, мой кормилецъ, состарѣлся да и подурнѣлъ. Хотя могу я сказать вмѣстѣ съ покойной няней моей: хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ. Все это не бѣда; одна бѣда: не замѣчай ты, мой другъ, того, что я слишкомъ замѣчаю. Что ты дѣлаешь, моя красавица, въ моемъ отсутствіи? разкажи что тебя занимаетъ, куда ты ѣздишь, какія есть новыя сплетни, etc. — Карамзина и Мещерскія, слышалъ я, пріѣхали. Не забудь сказать имъ сердечный поклонъ. Въ Тригорскомъ стало просторнѣе, Евпраксья Ник. и Ал. Ив. замужемъ, но Пр. Ал. все таже, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пѣшкомъ и верьхомъ, читаю романы В. Скотта, отъ которыхъ въ восхищеніи, да охаю о тебѣ.— Прощай, цалую тебя крѣпко, благословляю тебя и ребятъ.—Что Коко и Азя? замужемъ или еще нѣтъ? Скажи, чтобъ безъ моего благословенія не шли. Прощай, мой Ангелъ.

№ 69.—Тотъ же адрессъ; безъ штемпеля.—Писано 29 сентября.

Душа моя, вчера получилъ я отъ тебя два письма; они очень меня огорчили. Чѣмъ больна Кат. Ив.? ты пишешь: *ужасно больна*. Слѣдственно есть опасность? съ нетерпѣніемъ ожидаю твой *bulletin*. Все это происходитъ отъ нечеловѣческаго образа ея жизни. Вѣрить-ли, чтобъ гр. Полье вышла наконецъ за своего принца? Канкринъ шутитъ—а мнѣ не до шутокъ. Г. обѣщалъ мнѣ *Газету*, а тамъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ П. Б., а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошки деньги трудовыя, и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія какъ безъ разчета; твои теряютъ свое, отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник.—Что изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ. Пожаръ твой произошелъ вѣроятно отъ оплошности твоихъ фрейленъ, которымъ безъ меня житье! слава Богу что дѣло ограничилось занавѣсками. Ты мнѣ прислала записку отъ m-me K...; дура вздумала переводить Занда, и проситъ, чтобъ я сосводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ побери ихъ обоихъ! Я поручилъ Ан. Ник. отвѣчать ей за меня, что если переводъ ея будетъ также вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Sand, то успѣхъ ея несомнителенъ, а что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю. Что Плетневъ? думаетъ-ли онъ о нашемъ общемъ дѣлѣ? вѣроятно, нѣтъ. Я провожу время очень однообразно. Утромъ дѣла не дѣлаю, а такъ изъ пустова въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашкѣ, что у меня здѣсь бѣлыя сливы, не

чета тѣмъ, которыя онъ у тебя крадетъ, и что я прошу его ихъ со мною покушать. Что Машка? какова дружба ея съ маленькой Музика? и каковы ея побѣды? Пиши мнѣ также новости политическія. Я здѣсь газетъ не читаю—въ Англ. Клобъ не ѣзжу и Хитрову не вижу. Не знаю что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Когда будутъ цари? и не слышно-ли чего про войну и т. под.? Благословляю васъ — будьте здоровы. Цалую тебя. Какъ твой адресъ глупъ—такъ это объяденіе! Въ Псковскую губернію въ село Михайловское. Ахъ ты, моя голубушка! а въ какой уѣздъ и не сказано. Да и Михайловскихъ селъ, чаю не одно; а хоть и одно, такъ ктожъ его знаетъ. Экая вѣтреница! ты видишь, что я все ворчу, да что дѣлать? не чему радоваться. Пиши мнѣ про тетку—и про мать. Je remercie vs soeurs, какъ пишетъ Нат. Ив., хоть право не за что.

№ 70.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: 4 октября.

2 окт.—Милая моя женка, есть у насъ здѣсь кобылка, которая ходитъ и въ упряжѣ и подъ верхомъ. Всѣмъ хороша, но чуть пугнетъ ее что на дорогѣ, какъ она закуситъ поводья, да и несетъ верстъ десять по кочкамъ да оврагамъ—и тутъ ужъ ничѣмъ ея не проймешь, пока не устанетъ сама.

Получилъ я, Ангелъ кротости и красоты! письмо твое, гдѣ изволишь ты, закусивъ поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у m-me Katherine. Надѣюсь, что теперь ты устала и присмирѣла. Жду отъ тебя писемъ порядочныхъ, гдѣ бы я слышалъ тебя и твой голосъ—а не брань мною вовсе не заслуженую, ибо я веду себя, какъ красная дѣвица. Со вчерашняго дня началъ я писать (чтобы не сглазить только). Погода у насъ портится, кажется, осень наступаетъ не на шутку. Авось распишусь. Изъ сердитаго письма твоего заключаю, что К. И-нѣ лучше; ты бы такъ бодро не бранилась, еслибъ она была не на шутку больна. Все таки напиши мнѣ обо всемъ, и обстоятельно. Что ты про Машу ничего не пишешь? вѣдь я, хоть Сашка и любимецъ мой, а все люблю ея затѣи. Я смотрю въ окошко, и думаю: не худо бы, если вдругъ въѣхала на дворъ карета—а въ каретѣ сидѣла бы Нат. Ник.! да нѣтъ, мой другъ. Сиди себѣ въ П. Б., а я постараюсь ужъ поторопиться, и пріѣхать къ тебѣ прежде сроку. Что Плетневъ? что Карамзины, Мещерскія? etc—пиши мнѣ обо всемъ. Цалую тебя и благословляю ребятъ.—

1836-й годъ.

Зиму съ 1835 года на 1836 г. Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ, приготовляясь къ изданію своего новаго журнала „Современникъ". Въ то же время онъ получилъ командировку въ Москву для занятій въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, и въ концѣ апрѣля уѣхалъ изъ Петербурга. Около этого времени вышла первая книжка новаго журнала Пушкина „Современникъ".

VI. Изъ Москвы въ Петербургъ.

№ 71.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 5 мая.

4 мая, Москва, у Нащокина—противу Стараго Пимена, домъ г-жи Ивановой.—Вотъ тебѣ, Царица моя, подробное донесеніе: путешествіе мое было благополучно. 1-го мая переночевалъ я въ Твери, а 2-го ночью пріѣхалъ сюда. Я остановился у Нащокина. Il est logé en petite maitresse. Жена его очень мила. Онъ щастливъ и потолстѣлъ. Мы разумѣется другъ другу очень обрадовались и цѣлый вчерашній день проболтали Богъ знаетъ о чемъ. Я успѣлъ уже посѣтить Брюлова. Я нашелъ его въ мастерской какого-то скульптора, у котораго онъ живетъ. Онъ очень мнѣ понравился. Онъ хандритъ, боится русскаго холода и прочаго, жаждетъ Италіи, а Москвой очень недоволенъ. У него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ, и думалъ о тебѣ, моя прелесть. Не ужъ-то не будетъ у меня твоего портрета имъ писаннаго? невозможно, чтобъ онъ, увидя тебя, не захотѣлъ срисовать тебя; пожалуй-ста не прогони его, какъ прогнала ты пруссака Криднера (Кригера?). Мнѣ очень хочется привести Брюлова въ П. Б. А онъ настоящій художникъ, добрый малой, и готовъ на все. Здѣсь Перовскій его было заполонилъ; перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и заставилъ работать. Брюловъ насилу отъ него уѣхалъ. Домикъ Нащокина доведенъ до совершенства—недостаетъ только живыхъ человѣчиковъ. Какъ бы Маша имъ радовалась! Вотъ тебѣ здѣшнія новости. Акулова, долгоносая пѣвица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ея Варвара сошла съ ума отъ любви. Она была влюблена и надѣялась выдти за мужъ. Надежда не сбылась. Она впала въ задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помутила. Она убѣжала къ Троицѣ. Ее насилу поймали, и увезли. Мнѣ очень жаль ее. Надѣятся, что у ней бѣлая горячка, но врядъ-ли. Видѣлъ я свата нашего Толстаго [1]); дочь у него такъ же почти сума-

---

[1]) Грибоѣдовъ о немъ сказалъ: „вернулся алеутомъ". Дочь его—Сара Толстая.

спедшая, живетъ въ мечтательномъ мірѣ, окруженная видѣніями, переводитъ съ греческаго Анакреона, и лѣчится омеопатически. Чедаева, Орлова, Раевскаго и Наблюдателей (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть. Съ Наблюдателями и книгопродавцами намѣренъ я кокетничать и постараюсь какъ можно лучше распорядиться съ Современникомъ.—Вотъ является Нащокинъ, и я для него оставляю тебя. Цалую и благословляю тебя и ребятъ. Кланяюсь дамамъ твоимъ. Здѣсь говорятъ уже о свадьбѣ Marie W.—Я секретничаю покамѣсть. Прости—мой другъ,—цалую тебя еще разъ.

№ 72.—Конвертъ потерянъ.—Писано 6 мая.

Вотъ ужъ три дня какъ я въ Москвѣ и все еще ничего не сдѣлалъ. Архива не видалъ, съ книгопродавцами не сторговался, всѣхъ визитовъ не отдалъ, къ Солнцевымъ на поклоненіе не бывалъ. Что прикажешь дѣлать? Нащокинъ встаетъ поздно, я съ нимъ забалтываюсь — глядь, обѣдать пора, а тамъ ужинать, а тамъ спать—и день прошелъ. Вчера былъ у Дмитріева, у Орлова, Толстова, сегодня собираюсь къ остальнымъ. Поэтъ Хомяковъ женится на Языковой, сестрѣ поэта. Богатый женихъ, богатая невѣста. Какія бы тебѣ московскія сплетни передать? что то ихъ много, да не вспомню. Что́ Москва говоритъ о П. Б., такъ это умора. На примѣръ: есть у васъ нѣкто *Савельевъ*, кавалергардъ, прекрасный молодой человѣкъ, влюбленъ онъ въ Idalie Политику и далъ за нее пощечину Гри . . . . . ду. Савельевъ надняхъ будетъ разстрѣленъ. Вообрази какъ жалка Idalie! И про тебя, душа моя, идутъ кой какія толки, которыя не въ полнѣ доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣднія въ городѣ узнаютъ про женъ своихъ, однакожъ видно, что ты кого-то довела до такова отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостію, что онъ завелъ себѣ въ утѣшеніе гаремъ изъ театральныхъ воспитанницъ. Не хорошо, мой Ангелъ: скромность есть лучшее украшеніе вашего пола. Чтобъ чѣмъ нибудь полакомить Москву, которая ждетъ отъ меня, какъ отъ пріѣзжаго, свѣжихъ вѣстей, я разказываю, что Алекс. Карамзинъ (сынъ исторіографа) хотѣлъ застрѣлиться изъ любви pour une belle brune, но что по щастью пуля вышибла только передній зубъ. Однако полно врать.—Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву прочесть Ревизора. Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и *грязна* (къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны я то-же ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя

болѣе любить, нежели въ П. Б.—При семъ *пакетъ* къ Плетневу, для *Современника*; коли цензоръ Крыловъ не пропуститъ, отдать въ комитетъ, и ради Бога, напечатать во 2 №.—Жду письма отъ тебя съ нетерпѣніемъ, что твое б . . . . , и что твои деньги? Я не раскаиваюсь въ моемъ пріѣздѣ въ Москву, а тоска беретъ по Петербургѣ. На дачѣ-ли ты? Какъ ты съ хозяиномъ управилась? что дѣти? Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Не даромъ-же пустился въ журнальную спекуляцію—а вѣдь это все равно что золотарьство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу, есть чистить . . . . и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди что. . . . Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь превращается. Цалую тебя и дѣтей. Благословляю ихъ и тебя. Дамамъ кланяюсь.

№ 73.—Конвертъ потерянъ.—Писано 11 мая.

Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощенія у тебя за себя и книгопродавцевъ. Они ужасный мове-тонъ, какъ говоритъ Гоголь, т. е. хуже нѣжели мошенники. Но Богъ намъ поможетъ. Благодарю и Одоевскаго за его типографическія хлопоты. Скажи ему, чтобъ онъ печаталъ какъ вздумаетъ—порядокъ ничего не значитъ. Что записки Дуровой? пропущены-ли цензурою? они мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ. Ты пишешь о статьи *Гольцовской*. Что такое? Кольцовской или Гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцева разсмотрѣть. Впрочемъ это не важно.—Вчера былъ у меня Ив. Ник. Онъ увѣряетъ, что дѣла его идутъ хорошо. Впрочемъ Дм. Ник. лучше его это знаетъ. Жизнь моя пребезпутная. Дома не сижу—въ Архивѣ не роюсь. Сегодня ѣду во второй разъ къ Малиновскому. Надняхъ обѣдалъ я у Орлова, у котораго собрались Московскія Наблюдатели, между прочимъ женихъ Хомяковъ. Орловъ умный человѣкъ и очень добрый малый, но до него я какъ-то неохотникъ по старымъ нашимъ отношеніямъ; Раевскій (Ал.) который прошлаго разу казался мнѣ не много приглупѣвшимъ, кажется опять оживился и поумнѣлъ. Жена его собою не красавица — говорятъ, очень умна. Такъ какъ теперь къ моимъ прочимъ достоинствамъ, прибавилось и то что я журналистъ, то для Москвы имѣю я новую прелесть. Недавно сказываютъ мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ Чертковъ. Отъ роду мы другъ къ другу не ѣзжали. Но при сей вѣрной оказіи вспомнилъ онъ, что жена его мнѣ родня, и потому привезъ мнѣ экземпляръ своего *Путешествія въ Сицилію*. Не побранить-ли мнѣ его en bon parent? Вчера ужиналъ у кн. Өед. Гагарина,

и возвратился въ 4 часа утра—въ такомъ добромъ расположеніи какъ бы съ бала. Нащокинъ здѣсь одна моя отрада. Но онъ спитъ до полудня, а вечеромъ ѣдетъ въ клобъ, гдѣ играетъ до свѣта. Чедаева видѣлъ всего разъ. — Письмо мое похоже на Тургеньевское — и можетъ тебѣ доказать разницу между Москвою и Парижемъ. Ѣду хлопотать по дѣламъ Современника. Боюсь, чтобъ книгопродавцы не воспользовались моимъ мягкосердіемъ, и не выпросили себѣ уступки вопреки строгихъ твоихъ предписаній. Но постараюсь оказать благородную твердость. Былъ я у Солнцовой—его здѣсь нѣтъ, онъ въ деревнѣ. Она зоветъ отца къ себѣ въ деревню на лѣто. Кузинки пищатъ, какъ галочки. Былъ я у Перовскаго, который показывалъ мнѣ недоконченныя картины Брюлова. Брюловъ бывшій у него въ плѣну, отъ него убѣжалъ и съ нимъ поссорился. Перовскій показывалъ мнѣ взятіе Рима Гензерикомъ (которое стòитъ Послѣдн(яго) дня Помпеи) приговаривая:—Замѣть какъ прекрасно подлецъ этотъ нарисовалъ этого всадника, мошенникъ такой! Какъ онъ умѣлъ, эта свинья, выразить свою канальскую, геніальную мысль, мерзавецъ онъ, бестія. Какъ нарисовалъ онъ эту группу. . . . .—Умора. Ну прощай. Цалую тебя и ребятъ, будьте здоровы—Христосъ съ вами.—11 мая.

№ 74.—Конвертъ потерянъ.—Писано 16 мая.

Что это, женка? такъ хорошо было начала и такъ худо кончила! Ни строчки отъ тебя; ужъ не родила-ли ты? сегодня день рожденія Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нѣтъ-ли у него новаго братца или сестрицы? погоди до моего пріѣзда—а я уже собираюсь къ тебѣ. Въ Архивахъ я былъ, и принужденъ буду опять въ нихъ зарыться мѣсяцевъ на 6, что тогда съ тобою будетъ? А я тебя съ собою, какъ тебѣ угодно, ужъ возьму. Жизнь моя въ Москвѣ степенная и порядочная. Сижу дома—вижу только мужескъ полъ. Пѣшкомъ не хожу, не прыгаю—и толстѣю.

Надняхъ звалъ меня обѣдать Чертковъ. Пріѣзжаю — а у него жена выкинула. Это намъ не помѣшало отобѣдать очень скучно и очень дурно. Съ литературой московскою кокетничаю, какъ умѣю; но Наблюдатели меня не жалуютъ. Любитъ меня одинъ Нащокинъ. Но тинтере мой соперникъ, и меня приносятъ ему въ жертву. Слушая толки здѣшнихъ литераторовъ, дивлюсь, какъ они могутъ быть такъ порядочны въ печати, и такъ глупы въ разговорѣ. Признайся: такъ-ли и со мною? право боюсь. Баратынскій однакожъ очень милъ.

Но мы какъ-то холодны другъ ко другу.—Зазываю Брюлова

къ себѣ въ П. Б.—Но онъ боленъ и хандритъ. Здѣсь хотятъ лѣпить мой бюстъ. Но я не хочу. Тутъ арапское мое безобразіе предано будетъ безсмертію во всей своей мертвой неподвижности; я говорю:—У меня дома есть красавица, которую когда нибудь мы вылѣпимъ. Видѣлъ я невѣсту Хомякова. Не разглядѣлъ въ сумеркахъ. Она, какъ говорилъ покойный Гнѣдичь, pas un(e) belle femme, но une jolie figurlette. Прощай, на минуту: ко мнѣ входятъ два буфона. Одинъ маіоръ-мистикъ; другой пьяница-поэтъ; оставляю тебя для нихъ.—14 мая.

На силу отдѣлался отъ буфоновъ — въ томъ числѣ отъ Н.-...а. Всѣ зовутъ меня обѣдать, а я всѣмъ отказываю. Начинаю думать о выѣздѣ. Ты ужъ вѣроятно въ своемъ загородномъ болотѣ. Что-то дѣти мои и книги мои? Какогб-то перевезла и перетащила тѣхъ и другихъ? и какъ перетащила ты свое б...о? Благословляю тебя, мой Ангелъ. Богъ съ тобою и съ дѣтьми. Будьте здоровы.—Кланяюсь твоимъ наѣздницамъ.—Цѣлую ручки у К. Ив.—Прощай.—*А. П.*

Я получилъ отъ тебя твое премилое письмо — отвѣчать некогда—благодарю и цалую тебя мой Ангелъ.—16 мая.

Къ № 74.—На особомъ листкѣ, писано карандашемъ.

Сей часъ получилъ отъ тебя письмо, и такъ оно меня разнѣжило, что спѣшу переслать тебѣ 900 р.—Отвѣтъ напишу тебѣ послѣ, теперь покамѣсть, прощай.—У меня сидитъ Ив. Н.

№ 75.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 18 мая; Спб., 21 мая.

Жена мой Ангелъ, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все таки я съ тобою побранюсь: зачѣмъ тебѣ было писать:—Это мое послѣднее письмо, болѣе не получишь. Ты меня хочешь принудить пріѣхать къ тебѣ прежде 26. Это не дѣло. Богъ поможетъ, Современникъ и безъ меня выдетъ. А ты безъ меня не родишь. Можешь-ли ты изъ полученныхъ денегъ дать Одоевскому 500? нѣтъ? Ну, пусть меня дождутся—вотъ и все. Новое твое разпоряженіе, касательно твоихъ доходовъ, касается тебя, дѣлай какъ хочешь; хоть кажется лучше имѣть дѣло съ Дм. Ник., чѣмъ съ Нат. Ив. Это я говорю только dans l'interet de m-r Durier et de m-me Sichler, а мнѣ все равно. Твои петербургскія новости ужасны. То, что ты пишешь о Павловѣ, помирило меня съ нимъ. Я радъ, что онъ вызывалъ Апрѣлева. — У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ разчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэля, и подвергается одному наказанію—а не смертной казни. Утопленіе Сталыпина—ужасъ! не ужъ то невозможно было помочь! У насъ въ Москвѣ, все слава Богу смирно: бой Кирѣева съ Яромъ произвелъ великое негодованіе въ чепорной здѣшней публикѣ.

Нащокинъ заступается за Кирѣева очень просто и очень умно: что за бѣда что гусарскій поручикъ напился пьянъ и побилъ трактирщика, который сталъ обороняться? Развѣ въ наше время, когда мы били нѣмцовъ на Красномъ Кабачкѣ, и намъ не доставалось, а нѣмцы получали тычки сложа руки? По мнѣ драка Кирѣева гораздо простительнѣе, нѣжели славный обѣдъ вашихъ кавалергардовъ и благоразуміе молодыхъ людей, которымъ плюютъ въ глаза, а они утираются батистовымъ платкомъ, смѣкая, что если выдетъ исторія, такъ ихъ въ Аничковъ не позовутъ. Брюловъ сей часъ отъ меня ѣдетъ въ П. Б. скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а между тѣмъ у меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ ужъ полицейскіе выговоры и мнѣ говорили: *Vous avez trompé*, и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевова, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ! Весело, нечего сказать.—Прощай, будьте здоровы. Цалую тебя.—18 (мая, 1836 г.).

Это была послѣдняя поѣздка Пушкина; возвратившись изъ Москвы въ Петербургъ, онъ поселился на дачѣ, на Каменноостровскомъ, и занялся второю книжкою журнала, вышедшей лѣтомъ. Въ сентябрѣ явилась третья книжка. Въ октябрѣ Пушкинъ переѣхалъ съ семьею въ городъ, и поселился на послѣдней въ его жизни квартирѣ, у Пѣвческаго моста, въ домѣ кн. Волконской. Въ это время началась съ анонимныхъ писемъ та печальная исторія, которая закончилась дуэлью 27 января 1837 г. и послѣдовавшею за тѣмъ смертью Пушкина—29 января.

ЭЛЕМЕНТЫ МЫСЛИ

Изъ разговоровъ съ людьми, принадлежащими къ наиболѣе образованному классу, мнѣ не разъ доводилось убѣдиться, что въ массѣ нашей публики распространены очень шаткія представленія о томъ, *изъ какихъ элементовъ и путемъ какихъ процессовъ* слагаются тѣ формы психической дѣятельности, которыя принято называть *актами мышленія*—формы дѣятельности, которыя, воплощаясь въ слова, даютъ словесные образы, извѣстные всякому подъ именемъ *предложеній* и *силлогизмовъ*. Причинъ, отъ которыхъ это зависитъ, множество; перечислять ихъ я однако не стану и укажу только на ту, которая кажется мнѣ главною. Въ то время, какъ воспитывалось теперешнее зрѣлое поколѣніе, въ школу едва ли проникалъ самый слухъ о физіологическомъ анализѣ чувственныхъ актовъ, такъ какъ онъ сдѣлался достояніемъ науки какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ тому назадъ; а между тѣмъ этотъ именно анализъ и поставилъ вопросъ о генезисѣ мышленія на научную почву. Правда, наша научная психологическая литература обогатилась въ послѣдніе годы переводомъ двухъ капитальныхъ сочиненій («The Principles of Psychology», Герберта Спенсера—и «Problems of Life and Mind», Г. Льюиса), изъ которыхъ желающій можетъ познакомиться съ современнымъ состояніемъ вопроса о мышленіи; но такого сочиненія, въ которомъ ученіе о развитіи мысли изъ чувствованія было бы изложено отдѣльно и въ систематической послѣдовательности,—у насъ нѣтъ.

Это именно обстоятельство и побудило меня въ прошломъ году избрать предметомъ моихъ публичныхъ лекцій вопросъ о развитіи мышленія.

Насколько мнѣ удалась эта попытка, судить не мое дѣло;

но я сознаю, что она удалась не вполнѣ. Краткость срока, который могъ быть удѣленъ лекціямъ; новизна для меня предмета со стороны изложенія и, наконецъ, необходимость прибѣгать, ради удобопонятности, ко множеству примѣровъ, были причиной того, что не всѣ стороны вопроса могли быть развиты съ одинаковой полнотой.

Пробѣлы теперь пополнены; но для этого мнѣ пришлось переработать первоначальный текстъ моихъ бесѣдъ въ такой сильной степени, что я счелъ себя не въ правѣ сохранить за нимъ форму изустнаго изложенія. За то, благодаря многочисленнымъ пополненіямъ, первая половина лекцій сдѣлалась настолько самостоятельнымъ цѣлымъ, что получилась возможность публиковать ее совершенно отдѣльно отъ второй половины, которую я имѣю въ виду издать со временемъ подъ названіемъ: «Зрительные акты, какъ школа мышленія».

Общій планъ и объемъ изслѣдованія остался однако прежній. Имѣя исключительно въ виду развитіе логической стороны мысли, я оставилъ въ сторонѣ всю аффективную сторону психическихъ продуктовъ, т.-е. всю область страсти и моральнаго чувства, равно какъ вопросъ объ отношеніи воли къ мышленію.

I.

Необходимость начинать изученіе съ развитія дѣтской мысли изъ чувствованія.—Возможность къ этому дана современнымъ развитіемъ анатоміи и физіологіи органовъ чувствъ, преимущественно же трудами Гельмгольтца.—Заслуга Герберта Спенсера въ рѣшеніи общаго вопроса объ отношеніи мышленія къ чувствованію.—Сущность и значеніе его ученія въ отношеніи взглядовъ на тотъ же предметъ сенсуалистовъ и идеалистовъ.—Согласованіе гипотезы Спенсера съ воззрѣніями Гельмгольтца.

Въ умственной жизни человѣка одно только раннее дѣтство представляетъ случаи истиннаго возниканія мыслей или идейныхъ состояній изъ психологическихъ продуктовъ низшей формы, не имѣющихъ характера мысли. Только здѣсь наблюденіе открываетъ существованіе періода, когда человѣкъ не мыслитъ и затѣмъ мало-по-малу начинаетъ проявлять эту способность.

Правда, и въ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ, по временамъ, додумывается до новыхъ мыслей и воззрѣній на предметы—на лицо сумма всѣхъ открытій въ умственной области, совершённыхъ человѣчествомъ; — но если разбирать всѣ подобные случаи, то всегда оказывается, что здѣсь новая мысль, новое воззрѣніе воз-

никаютъ иначе, чѣмъ у ребенка—не изъ формъ болѣе низкихъ, предшествующихъ мысли, а изъ цѣпи идейныхъ же, т.-е. равнозначныхъ состояній, путемъ очень длиннаго и иногда совершенно неожиданнаго сопоставленія ихъ другъ съ другомъ. Дѣло въ томъ, что у зрѣлаго человѣка въ сознаніи уже не существуетъ тѣхъ первоначальныхъ формъ, предшествующихъ мысли, которыми исключительно переполнено сознаніе ребенка въ до-мыслительный періодъ.

Самыя простыя наблюденія показываютъ далѣе, что корни мысли у ребенка лежатъ въ чувствованіи. Это вытекаетъ уже изъ того, что всѣ умственные интересы ранняго дѣтства сосредоточены исключительно на предметахъ внѣшняго міра; а послѣдніе познаются первично, очевидно, только чувствованіемъ (преимущественно при посредствѣ органовъ зрѣнія, осязанія и слуха). Мыслить можно только знакомыми предметами и знакомыми свойствами или отношеніями; значитъ, для мысли должно быть дано напередъ умѣнье различать предметы другъ отъ друга, узнавать ихъ и затѣмъ различать въ предметахъ ихъ свойства и взаимныя отношенія; а все это дается первично чувствомъ.

Стало быть, для ранняго дѣтства мы имѣемъ возможность указать на самые корни, изъ которыхъ развивается мысль и указать съ полнымъ убѣжденіемъ, что предшествующія формы болѣе элементарны, чѣмъ ихъ дериваты.

Далеко не такъ просты пружины мышленія у взрослаго. Здѣсь въ каждомъ частномъ вопросѣ о развитіи данной мысли или идейнаго состоянія (а такихъ вопросовъ въ отношеніи всякаго образованнаго человѣка наберется не одна сотня тысячъ) уже и рѣчи быть не можетъ о возникновеніи ихъ изъ чувствованія, какъ у ребенка, потому что между даннымъ продуктомъ и его чувственнымъ корнемъ (если онъ еще есть!) лежитъ въ большинствѣ случаевъ такая длинная цѣпь превращеній одного идейнаго состоянія въ другое, что очень часто теряется всякая видимая связь между мыслью и ея чувственнымъ первообразомъ. Дѣло въ томъ, что взрослый мыслитъ уже не одними чувственными конкретами, но и производными отъ нихъ формами, такъ-называемыми отвлеченіями или абстрактами. Его умственные интересы лежатъ не столько въ индивидуальныхъ особенностяхъ предметовъ, сколько во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу. Умственный міръ ребенка населенъ скорѣе единицами, чѣмъ группами, а у взрослаго весь внѣшній и внутренній міръ распредѣленъ въ ряды системъ. Мысль ребенка отъ начала до конца вращается въ области, доступной чувству; а умъ взрослаго,

двигаясь по пути отвлеченій, почти всегда заходить за эти предѣлы—въ такъ-называемую внѣ-чувственную область. Такъ, въ основу внѣшнихъ реальностей онъ кладетъ матерію съ ея невидимыми атомами; явленія внѣшняго міра объясняетъ игрою невидимыхъ силъ; толкуетъ о зависимостяхъ, причинахъ и послѣдствіяхъ, порядкѣ, законности и пр. Значитъ, даже въ сферѣ предметнаго мышленія взрослый далеко заходитъ за предѣлы чувственности. Но, кромѣ того, мысли взрослаго открыты области чисто умственныхъ и моральныхъ отношеній, гдѣ объектами мысли являются или такія образованія, для воспріятія которыхъ нѣтъ ничего похожаго на органы чувствъ, или такіе умственные продукты, которые отдѣлены отъ своихъ чувственныхъ корней еще бо́льшей пропастью, чѣмъ атомы отъ реальныхъ предметовъ.

Явно, что мышленіе взрослаго представляетъ или производныя формы дѣтскаго мышленія—болѣе высокія ступени развитія тѣхъ же самыхъ процессовъ; или въ основѣ его лежатъ иныя дѣятельности и иныя силы, чѣмъ у ребенка. Во всякомъ же случаѣ, будучи несравненно болѣе сложнымъ по формамъ, оно никоимъ образомъ не можетъ служить исходнымъ матеріаломъ для изученія мысли, какъ процесса.

Такое изученіе должно неизбѣжно начинаться съ исторіи возникновенія дѣтской мысли изъ чувствованія, или вообще предметной мысли изъ ощущенія.

Къ такому выводу приводитъ насъ не только естественный ходъ развитія мыслительныхъ актовъ у человѣка, но и то мудрое правило, усвоенное естествознаніемъ, въ силу котораго натуралистъ начинаетъ изучать рядъ родственныхъ явленій съ формъ болѣе простыхъ по своему содержанію, или болѣе ясныхъ по условіямъ своего развитія. Начинать съ естественнаго начала слѣдуетъ даже въ томъ случаѣ, если бы впослѣдствіи оказалось, что типъ развитія мысли изъ чувствованія неприложимъ къ позднѣйшимъ, болѣе совершеннымъ формамъ мышленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что такой взглядъ на вещи издавна раздѣляется многими мыслителями самыхъ разнообразныхъ философскихъ школъ; но до послѣдняго времени онъ не могъ привести ни къ какимъ практическимъ результатамъ, и ученіе о мышленіи было осуждено цѣлые вѣка́ развиваться исключительно на готовыхъ образчикахъ мысли, воплощенной въ слово. Оно изучалось, другими словами, съ середины, а не съ своего естественнаго начала; притомъ не по исходнымъ или основнымъ формамъ, а по образцамъ вторичнымъ, производнымъ.

Причина этому слѣдующая.

Какъ ни естественно думать, что начинать изученіе слѣдуетъ съ дѣтскаго мышленія, но чтобы дѣйствительно изучать вопросъ такимъ образомъ, нужно знать его корень — чувствованіе, или систему исходныхъ ощущеній. Знать же ихъ при помощи однихъ наблюденій надъ дѣтьми нѣтъ никакой возможности; а въ сознаніи у взрослаго—ощущеній въ дѣтской элементарной формѣ уже нѣтъ.

Понятно, что при этомъ условіи исходныя формы мысли по необходимости должны были оставаться закрытыми для мыслителей—до тѣхъ поръ, пока анатомія и физіологія не выяснили строенія и отправленій различныхъ частей, входящихъ въ составъ чувствующихъ снарядовъ нашего тѣла.

Теперь, благодаря быстрымъ успѣхамъ анатоміи и физіологіи органовъ чувствъ, особенно за послѣднія 10—15 лѣтъ, благодаря, въ особенности, трудамъ великаго нѣмецкаго физіолога Гельмгольтца, затрудненій въ этомъ направленіи не существуетъ болѣе. Для того, кто знакомъ, напр., съ анатоміей и физіологіей зрительнаго аппарата, нѣтъ никакой нужды въ наблюденіяхъ надъ дѣтьми, чтобы знать составъ элементарныхъ (т.-е. исходныхъ) зрительныхъ ощущеній — составъ этотъ вытекаетъ, такъ сказать, логически, самъ собою изъ анатомическихъ и физіологическихъ данныхъ глаза.

Значитъ, теперь мы дѣйствительно имѣемъ возможность изучать мышленіе съ его естественнаго начала.

Другимъ, не менѣе важнымъ успѣхомъ въ вопросѣ о мышленіи, или объ умственномъ развитіи человѣка вообще, мы обязаны за послѣдніе годы трудамъ знаменитаго англійскаго мыслителя Герберта Спенсера. Благодаря его гипотезѣ о преемственности нервно-психическаго развитія изъ вѣка въ вѣкъ, и только благодаря ей открылась, наконецъ, для ума возможность рѣшить съ удовлетворительною ясностью вѣковой философскій споръ о развитіи зрѣлаго мышленія изъ исходныхъ дѣтскихъ формъ, или, что̀ то же, рѣшить вопросъ *о развитіи всего мышленія изъ чувствованія.* Ему же мы обязаны установленіемъ, на основаніи очень обширныхъ аналогій, общаго типа умственнаго развитія человѣка,—и доказательствомъ того, что путь эволюціи мышленія долженъ оставаться неизмѣннымъ на всѣхъ ступеняхъ развитія мысли.

Черезъ это открылась возможность расширить выводы, сдѣланные Гельмгольтцемъ въ отношеніи развитія зрительныхъ представленій изъ ощущеній, на всю область мышленія.

Основную мысль своего ученія самъ Спенсеръ, какъ чело-

ніемъ, воспитавшійся въ школѣ строгаго научнаго метода, называетъ гипотезой; слѣдовательно, всякій, кто признаетъ ее и кладетъ въ основу собственныхъ воззрѣній, обязанъ представить доводы, побудившіе его поступить такимъ образомъ. Это и будетъ моимъ первымъ дѣломъ. Но приступить къ изложенію ученія Спенсера прямо было бы крайне невыгодно. Смыслъ его гипотезы выступаетъ особенно рельефно только при условіи, если она сопоставлена съ предшествовавшими ей по времени философскими воззрѣніями на психическое развитіе человѣка, и именно, съ воззрѣніями двухъ исторически-извѣстныхъ школъ «сенсуалистовъ» и «идеалистовъ», потому что ученія эти, какъ крайности, очевидно резюмируютъ собою всѣ серединныя мнѣнія, лежащія между ними, т.-е. всѣ вообще мыслимыя воззрѣнія на предметъ. Однако, и эти историческіе памятники требуютъ для своего разумѣнія предварительнаго знакомства съ тѣми основными чертами развивающейся мысли, которыя, будучи во всѣ времена открыты наблюденію, уже издавна стали достояніемъ эмпирической психологіи, и легли въ основу какъ сенсуалистическаго, такъ и идеалистическаго ученія. Съ нихъ мы и начнемъ.

Какъ ни велика съ виду пропасть между мыслью взрослаго и ребенка со стороны ея объектовъ, но между ними всегда признавалось тѣсное родство по строенію. Воплощаясь въ слово, та и другая всегда принимаютъ одну и ту же форму, основной типъ которой извѣстенъ всякому изъ трехчленнаго предложенія. Благодаря неизмѣнности этой формы у людей разныхъ возрастовъ, разныхъ эпохъ и степеней развитія, намъ одинаково понятны размышленія дикаря и ребенка, мысли нашихъ современниковъ и предковъ. Благодаря тому же, въ жизни человѣчества существуетъ преемство, тянущееся черезъ цѣлые вѣка [1]).

Значитъ, со стороны внѣшней формы мысль является продуктомъ столь же постояннымъ какъ любое жизненное явленіе, въ основѣ котораго лежитъ опредѣленная организація. Другими словами: *въ мысли, какъ процессъ или рядъ жизненныхъ актовъ, должна существовать общая сторона, независящая отъ ея содержанія.*

Эту сторону легко даже облечь въ общую формулу, если

---

[1]) Иногда приходится, правда, читать и слышать, что мысль способна прогрессировать; но это не значитъ, что съ развитіемъ человѣчества прогрессируетъ форма мысли;—она остается, наоборотъ, неизмѣнной, а разростается лишь горизонтъ мыслимыхъ объектовъ и частныхъ отношеній между ними, путемъ изощренія орудій наблюденія и путемъ расширенія сферы возможныхъ сопоставленій.

признать на время (впослѣдствіи это будетъ строго доказано) подлежащее и сказуемое равнозначными другъ другу въ психологическомъ отношеніи, и обозначить то и другое словами «объекты мысли». Тогда всякую мысль, какого бы порядка она ни была, можно разсматривать—

какъ сопоставленіе мыслимыхъ объектовъ другъ съ другомъ въ какомъ-либо отношеніи.

При такомъ взглядѣ на дѣло, если проанализировать возможно бóльшее число словесныхъ образовъ мысли, то оказывается, что со стороны объектовъ она можетъ быть до чрезвычайности разнообразна, но далеко не отличается такимъ же разнообразіемъ со стороны отношеній, въ которыхъ объекты сопоставляются одинъ съ другимъ.

Первая половина этого положенія не требуетъ разъясненій. Стоитъ только припомнить, что объекты для мысли человѣкъ беретъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ: всего внѣшняго міра отъ песчинки до вселенной, и всего внутренняго міра (міра сознанія) не только собственнаго, но и цѣлаго человѣчества. Вторая же половина нашего положенія выясняется изъ слѣдующаго.

Если брать на выборъ любыя мысли изъ области предметнаго мышленія и сопоставлять ихъ съ мыслями изъ сферы чисто умственныхъ и моральныхъ отношеній, или даже съ мыслями изъ внѣ-чувственной области, то оказывается, что во всѣхъ этихъ болѣе высокихъ сферахъ нѣтъ ни единаго отношенія между объектами мысли, котораго не встрѣчалось бы въ предметномъ мышленіи. Какъ будто человѣкъ, пройдя эту несомнѣнно первоначальную школу, переноситъ изученныя имъ здѣсь предметныя связи зависимости и отношенія на новые объекты, несмотря на то, что на своемъ настоящемъ мѣстѣ они (т.-е. эти связи и отношенія) всегда имѣютъ въ глазахъ человѣка смыслъ реальностей, а въ перенесеніи онъ бóльшею частью утрачивается, переходя въ смыслъ только условный или фигуральный.

Каково бы ни было объясненіе этого факта, но онъ многознаменателенъ въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, онъ указываетъ *на тѣсное родство мыслей разныхъ порядковъ не только со стороны общаго типа ихъ строенія, но и со стороны отношеній, въ которыхъ объекты сопоставляются другъ съ другомъ,*—т.-е. со стороны элемента едва ли не самаго важнаго въ мысли, такъ какъ именно имъ и опредѣляется тотъ характеръ ея, изъ-за котораго мысль считается разсудочнымъ актомъ.

Во-вторыхъ—*на возможность изученія всѣхъ мыслимыхъ*

человѣкомъ отношеній въ первоначальной школѣ предметнаго мышленія, имѣющаго корни несомнѣнно въ чувствованіи.

Изъ такихъ же сопоставленій, кромѣ того, вытекаетъ, что хотя всѣ вообще составные элементы словесной мысли допускаютъ распредѣленіе или классификацію по группамъ, но отношенія, въ которыхъ объекты мысли сопоставляются другъ съ другомъ, обладаютъ этимъ свойствомъ въ наибольшей степени. Такъ, въ настоящее время признаютъ собственно три главныхъ категоріи отношеній—сходство, сосуществованіе и послѣдованіе—соотвѣтственно тому, что въ мысли объекты являются только въ трехъ главныхъ формахъ сопоставленія: какъ члены родственныхъ группъ, или классификаціонныхъ системъ, какъ члены пространственныхъ сочетаній и какъ члены преемственныхъ рядовъ во времени.

Это обстоятельство во всякомъ случаѣ указываетъ на то, что изъ всѣхъ органическихъ основъ мысли, тѣ, которыя соотвѣтствуютъ актамъ сопоставленія объектовъ мысли другъ съ другомъ, должны быть по существу наиболѣе однородными.

Четвертый, столько же безспорный фактъ, открываемый наблюденіемъ, касается извѣстной прогрессивной послѣдовательности въ ходѣ мышленія у человѣка отъ дѣтства къ зрѣлости. Эту сторону называютъ очень мѣтко и справедливо умственнымъ развитіемъ человѣка. По своему чисто внѣшнему характеру оно заключается въ умноженіи числа мыслимыхъ объектовъ, съ вытекающимъ отсюда увеличеніемъ числа возможныхъ сопоставленій между ними (хотя бы общія направленія сопоставленій и оставались неизмѣнными), и въ такъ-называемой идеализаціи или символизаціи объектовъ мышленія.

Первый пунктъ очевиденъ.—Для этого стóитъ только сравнить между собою по объектамъ узенькую сферу мышленія ребенка съ умственнымъ содержаніемъ взрослаго. Увеличеніе числа возможныхъ сопоставленій съ умноженіемъ числа объектовъ тоже не требуетъ разъясненій. Общій же смыслъ символизаціи опредѣляется слѣдующимъ.

Въ первую пору развитія ребенокъ мыслитъ только предметными индивидуальностями—данной елкой, данной собакой и т. п. Позднѣе онъ мыслитъ елкой, какъ представителемъ извѣстной породы деревьевъ, собакой вообще. Здѣсь объектъ мысли уже удалился отъ своего первообраза, переставъ быть умственнымъ выраженіемъ индивидуума, превратившись въ символъ или знакъ для группы родственныхъ предметовъ. Съ дальнѣйшимъ расширеніемъ сферы сравненія по сходству, объектами мысли являются «растеніе», «животное»—группы несравненно болѣе обширныя,

чімъ «ель» и «собака», но выражаемыя по прежнему единичнымъ (хотя и другимъ) знакомъ. Понятно, что при такомъ движеніи мысли, объекты ея должны принимать все болѣе и болѣе символическій характеръ, удаляющій ихъ отъ чувственныхъ конкретовъ.

Но это еще не единственный путь развитія мысли. Другое направленіе его опредѣляется дробленіемъ конкретовъ на части, или умственнымъ выдѣленіемъ частей изъ цѣлаго. При этомъ каждая выдѣленная часть индивидуализируется, пріобрѣтаетъ право на отдѣльное существованіе и получаетъ опредѣленный знакъ. Тамъ, гдѣ умственное выдѣленіе части совмѣстимо съ физическимъ дробленіемъ, первое можетъ и не имѣть символическаго значенія (когда говорится, напр., о *данной* части, выдѣленной изъ даннаго индивидуальнаго предмета); но какъ только этого условія не существуетъ, или если выдѣленная часть употребляется въ смыслѣ родового знака для группы соотвѣтствующихъ частей, значеніе ея будетъ опять символическое; точно также если дробленіе заходитъ за чувственные предѣлы.

Третье направленіе развивающейся мысли опредѣляется возсоединеніемъ разъединенныхъ частей въ группы, въ силу ихъ сосуществованія и послѣдованія. Насколько эта сочетательная дѣятельность ведетъ за собою образованіе символическихъ продуктовъ, видно изъ нашей способности мыслить такими вещами, какъ часъ, день, годъ, столѣтіе, песокъ, ландшафтъ, Европа, земной шаръ, вселенная и проч.

Сумма всѣхъ подобныхъ превращеній, обязательная для всѣхъ сферъ мышленія, начиная съ предметнаго, составляетъ то, что можно назвать вообще *переработкою исходнаго чувственнаго или умственнаго матеріала въ идейномъ направленіи.*

Вотъ тѣ коренныя черты мыслительныхъ актовъ, которыя съ давнихъ поръ открывалъ для изслѣдователя анализъ словесныхъ образовъ мысли, при помощи сравнительно простыхъ психологическихъ наблюденій, — черты, которыми воспользовались столь различно сенсуалисты и идеалисты.

Первые отнеслись къ показаніямъ анализа готовыхъ мыслей и даннымъ психологическихъ наблюденій такъ-сказать непосредственно.

Въ жизни каждаго новорожденнаго человѣка изъ вѣка въ вѣкъ существуетъ періодъ полнаго отсутствія всякихъ (даже чувственныхъ) проявленій въ сферѣ высшихъ органовъ чувствъ. За нимъ наступаетъ пора воспринятія чувственныхъ впечатлѣній

этими именно путями, но безъ всякихъ осмысленныхъ реакцій со стороны ребенка, которыя указывали бы на развитіе въ немъ идейныхъ состояній. Черезъ этотъ до-мыслительный періодъ проходилъ и проходитъ всякій изъ насъ: слѣдовательно, въ каждомъ человѣкѣ въ отдѣльности и въ человѣчествѣ вообще умственное развитіе начинается съ нуля (?) и проходитъ непремѣнно черезъ фазисъ чувственности. Въ этотъ періодъ жизни внѣшній міръ доставляетъ матеріалъ чувству, а переработка его въ чувственные продукты сознанія совершается при посредствѣ развивающейся природной чувственной организаціи человѣка.

На дальнѣйшей ступени развитія чувственный продуктъ переходитъ въ предметную мысль; но факторы въ этомъ превращеніи остаются, по ученію сенсуалистовъ, прежніе. Внѣшній міръ не есть простой аггрегатъ предметовъ; они даны рядомъ съ предметными отношеніями, связями и зависимостями. Выясненіе послѣднихъ въ чувственномъ воспріятіи и составляетъ суть превращенія чувствованія въ предметную мысль. Какъ продуктъ опыта, мысль всегда предполагаетъ рядъ жизненныхъ встрѣчъ съ воспринимаемымъ предметомъ при разныхъ условіяхъ воспріятія. Отъ этого чувственный продуктъ становится разнообразнымъ по содержанію, способнымъ распадаться на части при сравненіяхъ, группироваться общими сторонами съ другими продуктами и вообще развиваться. По мѣрѣ умноженія числа жизненныхъ встрѣчъ, продукты чувственнаго опыта становятся все болѣе и болѣе разнообразными—и, рядомъ съ этимъ, умножаются условія какъ распаденія ихъ на части, такъ и группировки въ системы.

Тѣ же самые процессы переносятся сенсуалистами съ первичныхъ продуктовъ на всѣ производные, и такимъ образомъ вся преемственная цѣпь умственныхъ развитій сводится на повтореніе дѣятельностей, которыя лежатъ въ основѣ чувственныхъ превращеній.

Не признавая въ человѣкѣ никакой организаціи помимо чувственной, они считаютъ воздѣйствія изъ внѣшняго міра, съ его предметными отношеніями и зависимостями, единственнымъ источникомъ мысли и по содержанію, и по формѣ. Для нихъ вся разсудочная сторона мысли опредѣляется не умомъ человѣка, или какою-либо внѣ-чувственной организаціей его природы, а предметными отношеніями и зависимостями внѣшняго міра. Для этой школы мысль есть не что иное, какъ развившееся путемъ разнообразной группировки элементовъ ощущеніе.

Совсѣмъ иначе приступаютъ къ дѣлу идеалисты. Выходя

изъ мысли, что внѣшній міръ воспринимается и познается нами посредственно, они считаютъ всю разсудочную сторону мысли не отголоскомъ предметныхъ отношеній и зависимостей, а прирожденными человѣку формами или законами воспринимающаго и познающаго ума, который совершаетъ всю работу превращенія впечатлѣній въ идейномъ направленіи, и создаетъ такимъ образомъ то, что мы называемъ предметными отношеніями и зависимостями [1]. У сенсуалистовъ главнымъ опредѣлителемъ умственной жизни является внѣшній міръ со всѣмъ разнообразіемъ его отношеній и зависимостей, а у идеалистовъ—прирожденная человѣку духовная организація, дѣйствующая по своимъ собственнымъ опредѣленнымъ законамъ и облекающая самый внѣшній міръ въ тѣ символическія формы, которыя зовутся впечатлѣніемъ, представленіемъ, понятіемъ и мыслью.

Научная несостоятельность обѣихъ системъ очевидна.

Сенсуализму всегда недоставало данныхъ для опредѣленія свойствъ и границъ чувственной организаціи; поэтому сведеніе на нее явленій ассоціаціи, воспроизведенія и соизмѣренія какъ чувственныхъ продуктовъ, такъ и производныхъ отъ нихъ идейныхъ состояній, обойти которыя было невозможно, никогда не имѣло въ рукахъ послѣдователей этой школы какихъ-либо прочныхъ научныхъ основаній.

Столько же неосновательно было однако и ученіе идеалистовъ. Первый ихъ грѣхъ заключался въ томъ, что, наперекоръ всякой очевидности, они старались вывести всю психическую жизнь человѣка изъ дѣятельности одного только фактора — духовной организаціи человѣка — оставляя другой, воздѣйствія извнѣ, совсѣмъ въ сторонѣ, за невозможностью ихъ непосредственнаго познанія. А между тѣмъ, кто же рѣшится теперь утверждать, что внѣшній міръ не имѣетъ существованія помимо сознанія человѣка, и что неисчерпаемое богатство присущихъ ему дѣятельностей и предметныхъ отношеній, познаваемыхъ хотя и посредственно, не служило, не служитъ и не будетъ служить матеріаломъ для той безконечной цѣпи мыслительныхъ актовъ, изъ которыхъ создалась наука о внѣшнемъ мірѣ? Другой грѣхъ идеалистовъ въ томъ, что они обособляютъ субъективныхъ факторовъ, участвующихъ въ психическомъ развитіи, въ особую категорію дѣятелей, отличныхъ отъ всего земного не только со стороны познаваемости, но и со стороны свойствъ. — Какъ будто

[1] Крайній предѣлъ подобныхъ воззрѣній составляетъ общеизвѣстная мысль Фихте, по которой самый внѣшній міръ есть не что иное, какъ порожденіе нашего „я“.

кто-нибудь изъ нихъ пробовалъ выводить психическую дѣятельность изъ всѣхъ извѣстныхъ земныхъ началъ — и, только истощивъ всѣ усилія въ этомъ направленіи, вынужденъ былъ признать за психическими факторами совершенно особенную природу. Съ этой стороны идеалистическія воззрѣнія во всякомъ случаѣ преждевременны.

Понятно, что въ исторіи разбираемаго нами философскаго вопроса на-ряду съ представителями крайнихъ ученій должны были встрѣчаться мыслители, державшіеся срединныхъ мнѣній, т.-е. люди, не впадавшіе въ крайности антагонистическихъ школъ. Но пока споръ держался исключительно на почвѣ чистыхъ умозрѣній и традиціонной философской діалектики, примиреніе крайнихъ мнѣній было невозможно. — Существовали лишь попытки согласить, уравнять кричащія противорѣчія обѣихъ школъ путемъ подыскиванія отдѣльныхъ примѣровъ, согласимыхъ съ тѣмъ или другимъ ученіемъ; но недоставало твердоустановленныхъ началъ, въ силу которыхъ всѣ основныя разнорѣчія сгладились бы сами-собою.—Такія начала дала біологическая наука новѣйшаго времени, а примѣненіе ихъ къ нашему вопросу составляетъ высокую заслугу Герберта Спенсера.

Постараюсь передать сначала въ возможно-сжатой формѣ самую суть его ученія.

Психическія дѣятельности составляютъ одну изъ сторонъ, одно изъ проявленій животной органической жизни, въ томъ самомъ смыслѣ, какъ строеніе организмовъ и физіологическія отправленія ихъ тѣла.

Эти три стороны, характеризующія животный организмъ, не только всегда даны вмѣстѣ, но и стоятъ всегда въ извѣстномъ соотношеніи другъ съ другомъ, измѣняясь въ ряду животныхъ параллельно другъ другу по степени сложности, разнообразія и опредѣленности ихъ частныхъ проявленій. Необходимость такого соотношенія вытекаетъ уже изъ того, что въ жизненныхъ актахъ, которыми обезпечивается существованіе организмовъ, всѣ три стороны (организація, тѣлесная жизнь и психическія дѣятельности) кооперируютъ какъ факторы, слѣдовательно, ихъ дѣятельности должны быть, такъ или иначе, согласованы другъ съ другомъ.

Но если всѣ три стороны органической жизни носятъ на себѣ характеръ параллелизма отъ одного вида животныхъ къ другому, то, допустивъ на минуту, что одною изъ сторонъ, напримѣръ, хоть строеніемъ тѣла, все животное царство представ-

ляетъ не что иное, какъ преемственный рядъ совершившихся нѣкогда превращеній или развитій одной формы въ другую, — выходило бы, что и двѣ другія стороны органической жизни представляютъ не что иное, какъ результаты параллельныхъ превращеній или развитій соотвѣтствующихъ имъ субстратовъ. Другими словами, эволюція всѣхъ трехъ сторонъ, формы тѣлесныхъ и психическихъ отправленій, шла бы въ животномъ царствѣ параллельно другъ другу.

Великое ученіе Дарвина «о происхожденіи видовъ» поставило, какъ извѣстно, вопросъ объ эволюціи или преемственномъ развитіи животныхъ формъ на столь осязательныя и прочныя основы, что въ настоящее время огромное большинство натуралистовъ держится этого взгляда.

Этимъ самымъ то же самое огромное большинство натуралистовъ поставлено въ логическую необходимость признать въ принципѣ и эволюцію психическихъ дѣятельностей.

Гипотеза Спенсера по своей сущности можетъ быть названа Дарвинизмомъ въ области психическихъ явленій. Возникнувъ рядомъ съ нимъ даже по времени и составляя лишь частный отдѣлъ общаго ученія объ эволюціи органической жизни, она раздѣляетъ всѣ слабыя стороны и недомолвки, но и всѣ крѣпкія, здоровыя стороны этого ученія. Даже со стороны степени вѣроятности обѣ гипотезы равнозначны другъ другу.

Развитіе приведенныхъ общихъ положеній и составляетъ детальную сторону ученія Спенсера.

При этомъ вся его работа сводится въ сущности на то, чтобы доказать двѣ вещи (но двѣ вещи огромной важности):

1) Существованіе въ разныхъ представителяхъ животнаго царства параллельныхъ соотношеній между тремя сторонами органической жизни, формой тѣла, физическими и психическими отправленіями, по степени сложности, разнообразія и опредѣленности ихъ частныхъ проявленій, и —

2) Мысль, что во всемъ ряду животныхъ, включая сюда и человѣка, типъ эволюціи остается для всѣхъ трехъ сторонъ въ общихъ чертахъ одинъ и тотъ же.

По счастію, обѣ эти цѣли могутъ быть достигнуты съ-разу или по-крайней-мѣрѣ посредствомъ изученія одного и того же матеріала. Такъ, если расположить животное царство въ восходящемъ порядкѣ и сопоставлять его представителей другъ съ другомъ со стороны постепенно-усложняющейся матеріальной организаціи, со стороны усложняющихся физіологическихъ отправленій

и, наконецъ, со стороны усложняющихся психическихъ дѣятельностей, то получается три параллельныхъ ряда, звенья которыхъ представляютъ фазисы прогрессивнаго развитія всѣхъ трехъ проявленій животной органической жизни, и типъ эволюціи выясняется изъ разсматриванія звеньевъ каждаго ряда въ отдѣльности. Если же сопоставлять другъ съ другомъ соотвѣтствующія звенья всѣхъ трехъ рядовъ, то разрѣшается вопросъ о параллельномъ развитіи матеріальной организаціи тѣлесныхъ и психическихъ отправленій.

Не нужно однако забывать, что преемственная связь между членами животнаго ряда составляетъ гипотезу; поэтому, при установкѣ общаго типа эволюціи, крайне важно пользоваться всѣми извѣстными частными случаями не-гипотетическихъ прогрессивныхъ превращеній въ животномъ царствѣ, лишь бы фазисы ихъ были доступны наблюденію и анализу.

Въ этомъ смыслѣ значительной подмогой служитъ изученіе исторіи развитія зародыша у животныхъ. Здѣсь, въ сравнительно очень короткій срокъ развивается цѣлый сложный организмъ изъ такой простой исходной формы, какъ яйцо.

Другой не-гипотетическій циклъ преемственныхъ превращеній, содержащій крайне важныя указанія на общій типъ умственной эволюціи человѣка, представляетъ преемственное и прогрессивное развитіе знаній въ культурныхъ расахъ, насколько фазисы этихъ превращеній сохранены въ лѣтописяхъ науки.

Наконецъ, третій несомнѣнно-прогрессивный циклъ превращеній составляетъ умственное развитіе индивидуальнаго человѣка отъ рожденія до зрѣлости. Но для насъ этотъ именно циклъ и стоитъ подъ вопросомъ; поэтому мы не только не станемъ призывать его на помощь при разрѣшеніи вопроса объ общемъ типѣ и факторахъ органической эволюціи, но будемъ считать этотъ циклъ пока неизвѣстнымъ.

Типъ эволюціи зародыша у высшихъ животныхъ (такъ-называемая исторія развитія зародыша) установленъ въ общихъ чертахъ очень ясно, если имѣть въ виду исходную форму—яйцевую клѣтку, и результатъ—развившійся организмъ. Превращеніе заключается здѣсь прежде всего въ увеличеніи массы на счетъ матеріала, притекающаго извнѣ. Но это не простое нарастаніе вещества; оно связано съ процессомъ размноженія клѣточныхъ элементовъ и собираніемъ ихъ въ наростающее число группъ или системъ, причемъ элементы претерпѣваютъ различные ряды превращеній и принимаютъ въ концѣ-концовъ тѣ отличительные

морфологическіе признаки, которыми характеризуются элементы тканей и органовъ готоваго животнаго въ теченіи всей остальной жизни. Съ форменной стороны типъ развитія заключается, слѣдовательно, въ расчлененіи исходной простой формы на цѣлыя группы метаморфозированныхъ, но родственныхъ между собою по происхожденію формъ. Съ физіологической же стороны онъ заключается въ чрезвычайномъ усложненіи физическихъ проявленій, вслѣдствіе наростающей спеціализаціи жизненныхъ функцій, или, что̀ то же, вслѣдствіе распредѣленія физіологической работы между бо̀льшимъ и бо̀льшимъ числомъ орудій жизни или о̀рга-новъ.

Типъ эволюціи формъ и жизненныхъ отправленій въ животномъ царствѣ (отъ одной формы къ другой) имѣетъ, въ сущности, тотъ же основной характеръ. Прогрессъ матеріальной организаціи заключается въ этомъ ряду въ бо̀льшей и бо̀льшей расчлененности тѣла на части и обособленіи ихъ въ группы или о̀рганы съ различными функціями. Но здѣсь, благодаря раздѣльности преемственныхъ формъ, нѣкоторыя подробности развитія выступаютъ рѣзче, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ. Такъ, изъ сопоставленія формъ, не очень значительно удаленныхъ другъ отъ друга, оказывается, что расчлененіе не есть процессъ возникновенія новыхъ о̀рганов и жизненныхъ отправленій, а развертываніе и обособленіе (какъ съ форменной, такъ и съ функціональной стороны) того, что̀ на предшествующей ступени развитія было уже дано, но слитно, не расчлененно. Факты эти, будучи обобщены, приводятъ неизбѣжно къ заключенію, что въ развивающейся жизни должны быть общія или основныя черты, которыя сохраняются на всѣхъ фазисахъ ея развитія. Сравнительное изученіе животныхъ показываетъ далѣе, что прогрессъ матеріальной организаціи жизни идетъ не по прямымъ линіямъ, а по вѣтвистымъ путямъ, уклоняясь въ деталяхъ въ стороны. Здѣсь-то, на этихъ перепутьяхъ организаціи и сказывается съ особенной силою вліяніе на организмы той среды, въ которой они живутъ, или, точнѣе, условій ихъ существованія. Вліяніе это такъ рѣзко, соотношеніе между деталями организаціи и условіями существованія столь очевидно, что распространяться объ этомъ предметѣ нѣ́чего. Но нельзя не указать на тѣ общіе выводы, къ которымъ неизбѣжно приводятъ названные факты. Они даютъ, во-первыхъ, возможность опредѣлять жизнь на всѣхъ ступеняхъ ея развитія, какъ приспособленіе организмовъ къ условіямъ существованія, во-вторыхъ, доказываютъ, что внѣшнія вліянія не только необходимы для жизни,

но представляютъ въ то же время факторовъ, способныхъ видоизмѣнять матеріальную организацію и характеръ жизненныхъ отправленій.

Съ этой общей точки зрѣнія стирается всякая раздѣльная грань между жизнью индивидуума, вида, класса или даже всего царства, разсматривать ли ее въ отдѣльные моменты индивидуальныхъ существованій, или въ преемствѣ черезъ столѣтія.

Всегда и вездѣ жизнь слагается изъ кооперацiи двухъ факторовъ—опредѣленной организацiи, какъ суммы опредѣленныхъ свойствъ, и воздѣйствiй извнѣ. Притомъ все равно, смотрѣть ли на жизнь со стороны ея сохраненія, или какъ на нѣчто развивающееся; потому-что и сохраненіе въ каждый отдѣльный моментъ существованія достигается путемъ непрерывныхъ превращеній [1]).

Дальнѣйшимъ факторомъ въ преемственной эволюціи животнаго организма является, какъ извѣстно, наслѣдственность—способность передавать потомству видоизмѣненія, пріобрѣтенныя въ теченіи индивидуальной жизни. Хотя эта черта и не поддается до-сихъ-поръ анализу, но одною своею стороною она подчинена общимъ условіямъ эволюціи: накопленіе въ преемственномъ ряду видоизмѣненій, пріобрѣтенныхъ въ разбивку отдѣльными членами ряда, хотя и достигается только вмѣшательствомъ наслѣдственности, но переходитъ въ дѣйствительность только при условіи продолженія тѣхъ видоизмѣняющихъ вліяній, которыми обусловлено уклоненіе отъ первоначальной формы. Степень и прочность видоизмѣненія стоитъ всегда въ прямомъ отношеніи съ продолжительностью дѣйствія видоизмѣненныхъ внѣшнихъ вліяній (или условій существованія), или съ тѣмъ, какъ часто они повторяются, если вліянія такого рода, что дѣйствіе ихъ по самому существу дѣла не непрерывно, а періодично.

Рядомъ съ валовымъ прогрессированіемъ организмовъ идетъ, разумѣется, и розничное прогрессированіе составляющихъ ихъ системъ или органовъ (въ сущности, валовой прогрессъ есть сумма розничныхъ); слѣдовательно, прогрессируетъ какъ нервная система вообще, такъ и тотъ отдѣлъ ея, который всего удобнѣе назвать чувственной организаціей. Съ этого именно пункта и начинается спеціальный отдѣлъ гипотезы Спенсера.

---

[1]) Послѣднее вытекаетъ изъ того общеизвѣстнаго факта, что во всѣхъ организмахъ сохраненіе цѣлости тѣла и жизни достигается не неподвижностью разъ сформированнаго, а постояннымъ частичнымъ разрушеніемъ и возстановленіемъ элементовъ тѣла. Все время, пока организмъ развивается въ положительную сторону, т.-е. растетъ, созиданіе перевѣшиваетъ разрушеніе; въ зрѣлости обѣ стороны уравновѣшиваютъ другъ друга, а въ старости, въ періодъ упадка, разрушеніе беретъ перевѣсъ.

На самой низшей ступени животнаго царства чувствительность является равномѣрно разлитою по всему тѣлу, безъ всякихъ признаковъ расчлененія и обособленія въ органы. Въ своей исходной формѣ она едвали чѣмъ отличается отъ такъ-называемой раздражительности нѣкоторыхъ тканей (напр., мышечной) у высшихъ животныхъ, потому-что съ анатомической и физіологической стороны ее представляетъ кусокъ раздражительной и вмѣстѣ съ тѣмъ сократительной протоплазмы. Но по мѣрѣ того, какъ эволюція идетъ впередъ, эта слитная форма начинаетъ болѣе и болѣе расчленяться въ отдѣльныя организованныя системы движенія и чувствованія: мѣсто *сократительной* протоплазмы занимаетъ теперь мышечная ткань, а равномѣрно-разлитая раздражительность уступаетъ мѣсто опредѣленной локализаціи чувствительности, идущей рядомъ съ развитіемъ нервной системы. Еще далѣе, чувствительность спеціализируется, такъ сказать, качественно—является распаденіе ея на такъ-называемыя системныя чувства (чувство голода, жажды, половое, дыхательное и проч.) и на дѣятельность высшихъ органовъ чувствъ (зрѣнія, осязанія, слуха и пр.). Типъ эволюціи и здѣсь въ общихъ чертахъ прежній—расчлененіе или дифференціація слитнаго на части и обособленіе ихъ въ группы различныхъ функцій (спеціализированіе отправленій),—но какой огромный шагъ дѣлаетъ черезъ это животный организмъ сравнительно съ исходной формой въ дѣлѣ согласованія жизни съ условіями существованія! Тамъ, гдѣ чувствительность равномѣрно разлита по всему тѣлу, она можетъ служить послѣднему только въ случаѣ, когда вліянія изъ внѣшняго міра дѣйствуютъ на чувствующее тѣло непосредственнымъ соприкосновеніемъ; тамъ же, гдѣ чувствительность сформировалась въ глазъ, слухъ и обоняніе, животное можетъ оріентироваться и относительно такихъ вліяній, которыя дѣйствуютъ на него издалека, можетъ, другими словами, оріентироваться *въ пространствѣ*. Для этого, конечно, нужно, чтобы животное тѣло обладало въ то же время способностью передвиженія; но эволюція чувства всегда идетъ рядомъ съ развитіемъ локомоціи (въ силу закона соотносительнаго развитія частей тѣла въ смыслѣ его приспособленности къ условіямъ существованія), потому-что и въ исходной формѣ чувствительность связана съ сократительностью тѣла. Усложните теперь чувственную организацію еще на одинъ шагъ—придайте, напр., глазу способность различать движенія окружающихъ тѣлъ, и тогда становится возможной оріентація животнаго не только въ пространствѣ, но и *во времени*.

Среда, въ которой существуетъ животное, и здѣсь оказывается факторомъ, опредѣляющимъ организацію. При равномѣрно разлитой чувствительности тѣла, исключающей возможность перемѣщеній его въ пространствѣ, жизнь сохраняется только при условіи, когда животное непосредственно окружено средою, способною поддерживать его существованіе. Районъ жизни здѣсь по необходимости крайне узокъ. Чѣмъ выше, наоборотъ, чувственная организація, при посредствѣ которой животное оріентируется во времени и въ пространствѣ, тѣмъ шире сфера возможныхъ жизненныхъ встрѣчъ, тѣмъ разнообразнѣе самая среда, дѣйствующая на организацію, и способы возможныхъ приспособленій. Отсюда уже ясно слѣдуетъ, что въ длинной цѣпи эволюціи организмовъ, усложненіе организаціи и усложненіе дѣйствующей на нее среды являются факторами, обусловливающими другъ друга. Понять это легко, если взглянуть на жизнь, какъ на согласованіе жизненныхъ потребностей съ условіями среды:—чѣмъ больше потребностей, т.-е. чѣмъ выше организація, тѣмъ больше и спросъ отъ среды на удовлетвореніе этихъ потребностей.

Но неужели и въ этомъ переходѣ общей чувствительности въ формы, качественно столь различныя, какъ ощущеніе свѣта, звука и запаха, не участвуетъ иного фактора, кромѣ прирожденной измѣнчивости исходной чувственной формы и видоизмѣняющаго дѣйствія внѣшнихъ вліяній? Прямого доказательства на это нѣтъ; но есть цѣлый рядъ намековъ на то, что разница между отдѣльными формами чувствительности скорѣе количественная, чѣмъ качественная. Воспользовавшись этими намеками, Спенсеръ построилъ гипотезу о существованіи общей единицы чувствованія въ видѣ нервнаго удара или потрясенія (nervous shock), и изъ нея онъ выводитъ всѣ сложныя формы чувствованія, какъ продукты различныхъ сочетаній единицъ. При такомъ взглядѣ эволюція разныхъ чувствъ изъ исходной простой формы становится дѣйствительно аналогичной по типу эволюціи, наприм., цѣлаго организма изъ яйца; но нельзя не признать, что именно эта часть его гипотезы представляется въ настоящее время наиболѣе смѣлою.

Какъ бы то ни было, но эволюціи чувствованія въ животномъ ряду безспорно соотвѣтствуетъ расширеніе сферы жизненныхъ приспособленій во времени и пространствѣ вообще, и въ частности—приспособленій къ бо́льшему разнообразію пространственныхъ сочетаній (сосуществованій) и послѣдованій во времени. Нагляднымъ примѣромъ сказаннаго можетъ служить эволюція зрѣнія въ животномъ царствѣ отъ простѣйшихъ формъ,

гдѣ глазъ способенъ только отличать свѣтъ отъ тьмы, до болѣе совершенныхъ, гдѣ зрѣніемъ распознаются цѣлыя формы и детали предметовъ, цвѣтъ, удаленіе, движеніе и пр.

Дальнѣйшій шагъ въ эволюціи чувствованія можно опредѣлить, какъ сочетанную или координированную дѣятельность спеціальныхъ формъ чувствованія между собою и съ двигательными реакціями тѣла. Если предшествующая фаза состояла изъ группировки въ разныхъ направленіяхъ единицъ чувствованія и движенія, то послѣдующая заключается въ группировкѣ (конечно, еще болѣе разнообразной) между собою этихъ самыхъ группъ. Вооруженное специфически различными орудіями чувствительности, животное по необходимости должно получать до крайности разнообразныя группы одновременныхъ или ряды послѣдовательныхъ впечатлѣній; а между тѣмъ и на этой ступени развитія чувствованіе, какъ цѣлое, должно остаться для животнаго орудіемъ оріентированія въ пространствѣ и во времени, притомъ оріентированія очевидно болѣе детальнаго, чѣмъ то, на которое способны менѣе одаренныя животныя формы. Значитъ, необходимо или согласованіе между собою тѣхъ отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ составляется чувственная группа (или рядъ), или расчлененіе ея на элементы — иначе чувствованіе должно было бы остаться хаотической случайной смѣсью.

То и другое происходитъ разомъ на этой ступени развитія, притомъ расчлененіе и согласованіе достигаются въ сущности одними и тѣми же средствами — прирожденной измѣняемостью чувственной организаціи [въ ряду животныхъ, одаренныхъ всѣми пятью высшими чувствами, организація послѣднихъ несомнѣнно прогрессируетъ!] и видоизмѣняемостью воздѣйствій извнѣ.

Слѣдить въ частности за отдѣльными результатами эволюціи на этой ступени развитія очевидно невозможно—такъ ихъ много; но мы знаемъ, по счастію, двѣ окончательныя формы превращеній:

— *расчлененное и координированное чувство развивается въ конць-концовъ въ инстинктъ и разумъ, а насколько оно сочетано съ двигательными реакціями, — въ инстинктивныя и разумныя дѣйствія.*

Если перебрать въ умѣ всѣ извѣстные, даже самые элементарные факты изъ жизни животныхъ, въ которые было бы замѣшано чувствованіе, съ другой стороны—любое изъ человѣческихъ дѣйствій, носящихъ характеръ разумности, и вникнуть во внутреннее содержаніе или смыслъ этихъ явленій, то оказывается, что чувствованіе всегда и вездѣ имѣетъ только два общихъ зна-

ченія: оно служитъ орудіемъ различенія условій дѣйствія и руководителемъ соотвѣтственныхъ этимъ условіямъ (т.-е. цѣлесообразныхъ или приспособительныхъ) дѣйствій. Но если эта формула одинаково приложима къ самымъ элементарнымъ актамъ чувствованія и проявленіямъ какъ инстинкта, такъ и разума, значитъ, послѣднія двѣ формы суть лишь разныя ступени развитія чувствованія (но чувствованія расчлененнаго и координированнаго!).

Разница между инстинктомъ и разумомъ, по Спенсеру, чисто количественная—и заключается лишь въ томъ, что въ инстинктѣ сфера различеній несравненно уже, стало быть и цѣли, достигаемыя дѣйствіемъ, гораздо ограниченнѣе; притомъ дѣйствіе, по отношенію къ производящимъ условіямъ въ инстинктѣ,—однообразнѣе; связь между ними имѣетъ поэтому болѣе роковой, машинообразный характеръ. Какъ доказательство равнозначности инстинкта и разума, Спенсеръ приводитъ, между прочимъ, невозможность опредѣленія границы, гдѣ кончается одинъ и начинается другой. Такъ, у животныхъ, помимо прирожденной машинообразной умѣлости производить извѣстныя дѣйствія, часто замѣчается умѣнье пользоваться обстоятельствами данной минуты, или условіями данной мѣстности, чего нельзя объяснить иначе, какъ сообразительностью животнаго, его разсудительностью или вообще умѣньемъ мыслить. Съ другой стороны, у человѣка привычныя дѣйствія имѣютъ обыкновенно такой автоматическій характеръ, что не уступаютъ своею машинообразностью любому инстинктивному дѣйствію животнаго.

Послѣднее обстоятельство, т.-е. пріобрѣтеніе заученными дѣйствіями автоматическаго характера, когда отъ частаго повторенія они становятся привычными, составляетъ въ глазахъ Спенсера аргументъ въ пользу того, что у животныхъ инстинкты не всегда были прирожденными, а пріобрѣтались мало-по-малу изъ рода въ родъ, путемъ жизненнаго опыта и накопленія вытекшихъ отсюда измѣненій чувственной организаціи, подъ вліяніемъ воздѣйствій извнѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ опредѣляетъ *инстинктъ, какъ организованный опытъ расы* [1]).

Здѣсь можно было бы остановиться.—Съ той минуты, какъ развитіе чувствованія въ инстинктъ и разумъ оказывается одинаковымъ по типу и со стороны опредѣляющихъ его факторовъ, развитіе всего психическаго содержанія индивидуальнаго человѣка изъ чувственныхъ актовъ, которыми начинается его умствен-

[1]) По родству съ разумомъ его называютъ также *организованнымъ разумомъ*.

ная жизнь, становится логической необходимостью, будучи лишь частнымъ случаемъ всеобщаго развитія. Но такова сила привычки—видѣть между умственной жизнью человѣка и животныхъ непроходимую бездну, что мысль невольно останавливается передъ выводомъ, силящимся провести преемственность между ними.

По счастію, у насъ есть еще въ запасѣ очень сильный аргументъ на этотъ случай.

Перешагнемъ черезъ психическое развитіе индивидуальнаго человѣка въ область еще болѣе высокую, представляемую памятниками преемственной вѣковой жизни культурныхъ человѣческихъ расъ—взглянемъ, напримѣръ, на исторію развитія положительныхъ знаній вообще и отдѣльныхъ отраслей знанія въ частности. Оспаривать, что эта инстанція во всякомъ случаѣ выше исчезающаго въ ней маленькаго цикла индивидуальнаго развитія человѣка, конечно, никто не станетъ. А между тѣмъ, что же мы видимъ?

Прогрессъ знаній заключается вообще въ почти безконечномъ разростаніи ихъ суммы изъ сравнительно небольшого числа исходныхъ корней, т.-е. въ большемъ и большемъ расчлененіи формъ, бывшихъ на каждой предшествующей ступени болѣе слитными, чѣмъ на каждой послѣдующей. Какъ назвать это разростаніе, какъ не дифференцированіемъ знаній. Рядомъ съ этимъ идетъ собираніе и обособленіе расчлененныхъ фактовъ въ группы съ наростающей спеціальностью (спеціализація знаній), и другія—съ наростающей общностью. [По мѣрѣ того, какъ знаніе дробится, —умножается и число точекъ соприкосновенія между фактами, остававшимися дотолѣ удаленными другъ отъ друга]. Этою стороною эволюція знаній тоже напоминаетъ эволюцію органовъ вообще. Но еще рѣзче высказывается сходство въ факторахъ, опредѣляющихъ развитіе. Никто теперь не сомнѣвается, что корнемъ всякаго положительнаго знанія служитъ опытъ; а что же такое опытъ, какъ не результатъ какой-нибудь жизненной встрѣчи съ внѣшнимъ міромъ, не результатъ воздѣйствій извнѣ? Мы знаемъ далѣе, что показанія всякаго опыта, какъ жизненнаго, такъ и научнаго, становятся тѣмъ полнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ чаще и разнообразнѣе видоизмѣняются его условія. Значитъ, развитіе опытныхъ знаній всецѣло основано на видоизмѣненіи внѣшнихъ воздѣйствій.

Итакъ, въ умственной эволюціи человѣческихъ расъ, этомъ кульминаціонномъ циклѣ органической жизни, мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же общимъ типомъ и тѣми же основными факторами развитія, которыми характеризуются низшія инстанціи жизнен-

ныхъ проявленій. Явно, что и циклъ индивидуальнаго умственнаго развитія человѣка, какъ промежуточный между ними, не можетъ составлять исключенія.

И здѣсь эволюція должна:

1) *начинаться съ развитія сравнительно небольшого числа исходныхъ слитныхъ формъ, каковыми могутъ быть только чувственные продукты;*

2) *заключаться въ бóльшемъ и бóльшемъ расчлененіи ихъ рядомъ съ группированіемъ въ разнообразныхъ направленіяхъ;* и

3) *опредѣляться взаимно дѣйствіемъ двухъ измѣнчивыхъ факторовъ—прирожденной организаціи и внѣшнихъ вліяній.*

Такова сущность гипотезы Герберта Спенсера.

Не говоря уже о томъ, что она представляетъ первую серьёзную и систематически проведенную попытку объяснить психическую жизнь не только со стороны ея содержанія, но и со стороны прогрессивнаго развитія, на основаніи общихъ началъ органической эволюціи, ученіе Спенсера имѣетъ громадное значеніе еще и въ томъ отношеніи, что оно дѣйствительно заканчиваетъ собою вѣковой споръ между сенсуалистами и идеалистами, примиряя коренное противорѣчіе обѣихъ школъ. Въ самомъ дѣлѣ, гипотеза Спенсера равнозначна сенсуалистическому ученію въ томъ смыслѣ, что на всѣхъ ступеняхъ психическаго развитія она признаетъ за воздѣйствіями изъ внѣшняго міра значеніе факторовъ, опредѣляющихъ психическое явленіе. Но вліянія эти падаютъ, по ученію Спенсера, въ каждомъ человѣкѣ въ отдѣльности, не на безформенную органическую основу, какъ утверждали крайніе сенсуалисты, а на почву, которая, благодаря передачѣ по наслѣдству, воздѣлывалась изъ вѣка въ вѣкъ расширяющимся жизненнымъ опытомъ расы и пріобрѣтала подъ вліяніемъ этого опыта постоянно усложняющуюся организацію съ предначертанными путями развитія. Этою стороною гипотеза Спенсера вмѣщаетъ въ себѣ основную мысль идеалистической школы о прирожденности психической организаціи. Но это еще не все:—примиряя собою два крайнихъ воззрѣнія на духовную жизнь человѣка, она кладетъ, я полагаю, конецъ существованію различныхъ школъ въ психологіи; тѣмъ болѣе, что гипотеза эта не нуждается ни въ одухотвореніи начала прирожденной организаціи, какъ это дѣлаютъ идеалисты, ни въ безусловной матеріализаціи его, какъ дѣлаютъ послѣдователи матеріалистической школы.—Для нея нѣтъ безусловной необходимости въ томъ, чтобы субъективная сторона чувствованія была прямымъ продуктомъ нервной организаціи; для нея важенъ только тотъ несомнѣнный

фактъ, что актамъ чувствованія, какъ субъективнымъ состояніямъ, идутъ всегда параллельно опредѣленные нервные процессы, или что то же, дѣятельности опредѣленно организованнаго нервнаго снаряда.—Эту же сторону Спенсеръ доказываетъ въ своемъ сочиненіи, раньше всего прочаго, на основаніи общности коренныхъ физіологическихъ условій происхожденія разныхъ формъ чувствованія и нервныхъ дѣятельностей вообще, оставляя вопросъ о формѣ связи между ними въ сторонѣ, какъ вопросъ будущаго.

Для насъ, въ нашемъ частномъ случаѣ, гипотеза Спенсера имѣетъ значеніе общей программы для изученія развитія мышленія, такъ какъ она даетъ исходный матеріалъ, общій характеръ его эволюціи и факторовъ, участвующихъ въ послѣдней.

Такимъ образомъ, задача моя сводится въ сущности на то, чтобы согласить физіологическія данныя эволюціи ощущеній въ мысль, установленныя Гельмгольтцемъ, съ общей программой Спенсера.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ выполненію этой задачи, необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу разнорѣчій, несомнѣнно существующихъ между взглядами Спенсера и тѣми началами развитія зрительныхъ представленій изъ ощущеній, которыя приняты Гельмгольтцемъ въ его знаменитомъ сочиненіи: «Handbuch der physiologischen Optik», 1867.

Закончивъ спеціальный отдѣлъ своего громаднаго труда о зрѣніи, т.-е. изучивъ всю физіологическую сторону видѣнія болѣе полно, чѣмъ кто-либо до и послѣ него, Гельмгольтцъ приступаетъ къ оцѣнкѣ существовавшихъ до его времени теоретическихъ воззрѣній на исторію развитія зрительныхъ *представленій* изъ зрительныхъ *ощущеній*, и собираетъ ихъ въ двѣ главныя группы: воззрѣнія *нативистовъ*, которые силятся вывести всю исторію превращенія изъ прирожденной организаціи зрительнаго снаряда, и школу *эмпиристовъ*, приписывающихъ превращеніе главнѣйшимъ образомъ *личному* или *индивидуальному опыту*, понимаемому какъ упражненіе зрительнаго снаряда, подъ контролемъ движенія глазъ и тѣла, и при содѣйствіи прочихъ органовъ чувствъ (преимущественно осязанія). Самъ онъ придерживается эмпиристическаго взгляда, пользуясь для объясненія координаціи зрительныхъ ощущеній психологическимъ закономъ ассоціаціи впечатлѣній (стр. 798 и 804 «Оптики»). Участіе чувственной организаціи въ дѣлѣ превращенія ощущенія въ представленіе онъ отрицаетъ не совсѣмъ, но приписываетъ ему одно лишь облегчающее, а не опредѣляющее значеніе (стр. 800).

Въ виду того, что взглядъ этотъ принадлежитъ одному изъ величайшихъ современныхъ натуралистовъ, и касается именно той области, въ которой онъ произвелъ столько блистательныхъ переворотовъ, всякое противорѣчіе могло бы показаться черезъчуръ смѣлымъ предпріятіемъ, тѣмъ болѣе, что выводъ сдѣланъ Гельмгольтцемъ уже послѣ того, какъ онъ изучилъ самымъ всестороннимъ образомъ обширную область зрительныхъ явленій. Противорѣчіе было бы въ самомъ дѣлѣ очень смѣло, если бы приведенный выводъ относительно значенія прирожденной организаціи былъ сдѣланъ *только* на основаніи детальнаго изученія зрительныхъ актовъ — въ послѣднемъ отношеніи Гельмгольтцъ дѣйствительно не имѣетъ равносильныхъ соперниковъ. Дѣло однако въ томъ, что вѣрность разбираемаго вывода зависитъ отъ детальнаго изученія фактовъ не прямо, а косвенно, и опредѣляется тѣмъ, даетъ ли подобное знаніе возможность *достовѣрно* отличать въ зрительномъ представленіи взрослаго человѣка (а у взрослаго всѣ безъ исключенія зрительные акты имѣютъ характеръ представленій!) производныя прирожденной организаціи отъ производныхъ личнаго опыта. Вотъ этой-то достовѣрности и не получается, какъ можно предсказать на основаніи гипотезы Спенсера и какъ показываетъ всего лучше общій критерій различенія, формулированный самимъ Гельмгольтцемъ на стр. 438 его «Оптики». Онъ говоритъ въ началѣ страницы:

«*Ничто въ нашихъ чувственныхъ представленіяхъ не можетъ быть признано ощущеніемъ* (т.-е. продуктомъ прирожденной организаціи), *что можетъ быть подавлено или прямо извращено моментами, которые завѣдомо даны опытомъ*» (т.-е. сноровкой глаза въ дѣлѣ видѣнія, пріобрѣтенной путемъ упражненія); а затѣмъ, черезъ нѣсколько строкъ прибавляетъ, что въ обратной формѣ этотъ критерій уже не вѣренъ, т.-е. *не все, извращаемое моментами опыта, есть непремѣнно продуктъ прирожденной организаціи, а можетъ быть и результатомъ упражненія.*

Значитъ, по словамъ самого же Гельмгольтца, детальное изученіе зрительныхъ фактовъ не дало ему абсолютнаго критерія для отличенія *прирожденнаго* отъ *пріобрѣтеннаго*, или, по крайней мѣрѣ, *прирожденнаго* отъ *сильно привычнаго* [1]).

---

[1]) Говорю: сильно-привычнаго—на томъ основаніи, что въ приведенномъ дополненіи къ общему критерію подъ *неизвращаемыми* моментами *опыта* разумѣются привычныя, сильно укоренившіяся формы видѣнія.

Да и могло ли быть иначе, если вдуматься въ дѣло? Прирожденная, но не упражненная на встрѣчахъ съ реальнымъ міромъ, организація представляется лишь возможностью, правда, опредѣленною въ силу опредѣленности организаціи, но все-таки не реальностью,—такъ-сказать, формой безъ содержанія. Это все равно, что, напримѣръ, случай съ нервно-мышечнымъ снарядомъ ходьбы. У очень многихъ животныхъ онъ родится совсѣмъ готовымъ на свѣтъ, а у человѣка, повидимому, нѣтъ, потому что ребенокъ выучивается ходьбѣ мало-по-малу. Но слѣдуетъ ли изъ этого обстоятельства, что механизмъ не готовъ у человѣка при рожденіи? Съ одной стороны, извѣстно всякому, что обученіе ребенка ходьбѣ совсѣмъ не равнозначно обученію взрослаго человѣка какимъ-нибудь сложнымъ движеніямъ (напримѣръ, игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ), потому что все обученіе перваго заключается въ поддерживаніи его тѣла, а передвигаетъ ноги самъ ребенокъ. Съ другой стороны, теперь достовѣрно доказано, что у человѣка правильность или даже возможность ходьбы тѣсно связана съ тѣми ощущеніями, которыя даетъ его тѣлу моментъ соприкосновенія ногъ съ той почвой, по которой происходитъ движеніе. Значитъ, ребенку нужно пріучиться сначала къ этому комплексу ощущеній, *даваемыхъ только опытомъ* (хожденіемъ по твердой опорѣ), и только затѣмъ онъ пріобрѣтаетъ умѣнье ходить. Прирожденная организація механизма ходьбы была опредѣленной возможностью, которая превратилась въ реальность, подъ вліяніемъ личнаго опыта или упражненія.

Я думаю, что если бы теорія нервно-психической эволюціи Спенсера уже существовала въ такой законченной формѣ, какъ теперь, въ то время, когда Гельмгольтцъ справедливо полемизировалъ противъ увлеченій нативистовъ, надѣлявшихъ зрительный аппаратъ, взятый въ отдѣльности (т.-е. отдѣльно отъ общей локомоціи и другихъ чувствъ), чуть не окончательно сформированными при рожденіи способностями пространственнаго видѣнія,—онъ призналъ бы за прирожденной организаціей, въ расширенномъ Спенсеровскомъ смыслѣ, не только *облегчающее*, но и *опредѣляющее* значеніе въ дѣлѣ превращенія ощущеній въ представленія. Къ такому выводу побуждаетъ меня всего болѣе то обстоятельство, что Гельмгольтцъ, отрицая самымъ положительнымъ образомъ всякую разсудочность въ личномъ опытѣ ребенка, т.-е. низводя этотъ опытъ (какъ-бы рядъ процессовъ) съ пьедестала разумно-сознательной дѣятельности на степень автоматическихъ актовъ, самъ не смотрѣлъ на свою теорію какъ на послѣднее слово въ вопросѣ, а считалъ ее лишь предпочтительной суще-

ствовавшимъ въ то время противоположнымъ воззрѣніямъ нативистовъ, которые очевидно впадали въ крайности.

Разнорѣчіе между обоими мыслителями, однако, не существенно и сглаживается, если отнести тѣ психическіе процессы, которыми пользуется Гельмгольтцъ въ своей теоріи, къ проявленіямъ прирожденной организаціи Спенсера, т.-е. если расширить понятіе о послѣдней далеко за предѣлы чувственной организаціи *нативистовъ*. Что же касается до позволительности такого перенесенія, то вотъ слова самого Гельмгольтца на стр. 804: «Will man diese Vorgänge der Association und des natürlichen Flusses der Vorstellungen nicht zu den Seelenthätigkeiten rechnen, sondern sie der Nervensubstanz zuschreiben, so will ich um den Namen nicht streiten» [1]).

Разнорѣчіе между Гельмгольтцемъ и Спенсеромъ сглаживается отъ такого перенесенія по той простой причинѣ, что тогда *опытъ* въ Гельмгольтцовскомъ смыслѣ является ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ взаимодѣйствія внѣшняго вліянія и прирожденной организаціи, и, слѣдовательно, общія начала умственнаго развитія дѣлаются у обоихъ мыслителей тожественными.

Нужно, однако, запомнить разъ на-всегда, что подъ *прирожденной нервно-психической организаціей* я всегда буду разумѣть не только всю сумму органовъ чувствъ, но и межцентральныя связи ихъ другъ съ другомъ и съ локомоторнымъ аппаратомъ.

II.

Очеркъ нашего пути къ изученію мышленія. — Заключительное положеніе.

Теперь мы имѣемъ въ рукахъ всѣ данныя, чтобы обрисовать въ общихъ чертахъ весь предстоящій намъ путь изученія мышленія.

Основной предметъ этого очерка есть частный случай развитія мышленія у индивидуальнаго человѣка, гдѣ чувствованіе уже при рожденіи сформировано въ опредѣленныя системы и органы, дающіе, подъ вліяніемъ воздѣйствій извнѣ, такъ-называемыя ощущенія. Послѣднія составляютъ для насъ исходный пунктъ развитія мысли, и даны такъ-сказать готовыми.

---

1) „Если бы кто захотѣлъ отнести эти процессы ассоціаціи и естественнаго теченія представленій не къ душевнымъ дѣятельностямъ, а къ проявленіямъ нервнаго вещества, я не сталъ бы спорить изъ-за названія".

Если гипотеза Спенсера справедлива, то въ жизни человѣка, во все время его умственной эволюціи, не должно происходить ничего иного, кромѣ воздѣйствій внѣшняго міра на нервно-психическую организацію; послѣдняя въ своихъ реакціяхъ (а стало быть и въ строеніи) должна мало-по-малу измѣняться, и результатомъ этихъ измѣненій должна являться мысль со всѣмъ разнообразіемъ ея объектовъ, съ ея переходами отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ общаго къ частному, изъ міра чувственныхъ фактовъ въ область внѣ-чувственныхъ созерцаній и проч. Словомъ, въ томъ или другомъ изъ основныхъ началъ развитія мысли, или въ актахъ ихъ взаимодѣйствія, должны заключаться всѣ данныя для превращенія ощущенія въ мысль—и по формѣ, и по содержанію.

Если, далѣе, справедливо, что путь этихъ превращеній соотвѣтствуетъ законамъ органической эволюціи вообще, то все превращеніе можетъ заключаться только въ расчлененіи слитныхъ ощущеній и въ сочетаніи ихъ цѣликомъ и частями въ группы. Другими словами, или въ нервно-психической организаціи, или въ условіяхъ воздѣйствій извнѣ, или, наконецъ, въ коопераціи обоихъ факторовъ должны заключаться данныя для анализа и синтеза цѣльныхъ и дробныхъ ощущеній.

Выше, мысль была опредѣлена, какъ сопоставленіе двухъ (по меньшей мѣрѣ), или болѣе объектовъ другъ съ другомъ въ извѣстномъ отношеніи или направленіи. Значитъ, въ мысли вообще можно отличать слѣдующіе общіе элементы: 1) раздѣльность объектовъ, 2) сопоставленіе ихъ другъ съ другомъ, и 3) направленія этихъ сопоставленій. Кромѣ того, было замѣчено, что объекты мысли отличаются крайнимъ разнообразіемъ, тогда какъ число направленій, въ которыхъ они сопоставляются другъ съ другомъ, гораздо ограниченнѣе, и можетъ быть приведено къ еще меньшему числу общихъ категорій.

Понятно, что первою нашею задачею должно быть выясненіе общихъ элементовъ мысли (т.-е. элементовъ, изъ которыхъ слагается ея общая формула) въ зависимости отъ свойствъ тѣхъ началъ, изъ взаимодѣйствія которыхъ она развивается, какъ послѣдствіе. Другими словами, прежде всего намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, какими свойствами нервно-психической организаціи, или какими сторонами воздѣйствій извнѣ объяснимо то, чтó соотвѣтствуетъ словамъ «раздѣльность объектовъ», «сопоставленіе ихъ» и «общія направленія этихъ сопоставленій». Имѣя ключъ къ построенію мысли вообще, намъ уже не трудно будетъ опредѣлить въ данныхъ организаціи и воздѣйствій и тотъ общій ха-

рактеръ мыслительныхъ процессовъ, изъ-за которыхъ мысль называется разумной, отвлеченной, внѣ-чувственной и пр.

Послѣ этого мы должны найти въ тѣхъ же основныхъ началахъ превращенія ощущеній въ мысль данныя къ размноженію объектовъ мысли; и легко понять напередъ, что эти данныя должны быть тѣ же самыя, которыми опредѣляется (въ условіяхъ ли нервно-психической организаціи, или въ свойствахъ внѣшнихъ воздѣйствій, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ) возможность анализа и синтеза впечатлѣній. Легко понять—на томъ основаніи, что все разнообразіе мысли и заключается собственно въ эволюціи ея объектовъ изъ исходныхъ болѣе слитыхъ формъ въ формы болѣе расчлененныя, путемъ дробленій и пересочетаній.

Какими же свойствами организаціи и воздѣйствій извнѣ опредѣляются общіе элементы мысли?

Представимъ себѣ на минуту, что прирожденная нервно-психическая организація ребенка, дающая ряды ощущеній, остается неизмѣнной подъ вліяніемъ воздѣйствій изъ внѣшняго міра. Тогда глазъ реагировалъ бы на повторяющееся однородное вліяніе во 2-й, 10-й, 100-й и милліонный разъ совершенно такъ же, какъ при первомъ воздѣйствіи. Со слухомъ и прочими органами чувствъ повторялась бы та же самая исторія, и никакое развитіе или прогрессированіе ощущеній не было бы возможно. Съ другой стороны, всякому извѣстно, какое значеніе въ умственной жизни имѣетъ повтореніе однихъ и тѣхъ же впечатлѣній или сложныхъ нервныхъ актовъ вообще. Всякое впечатлѣніе оставляетъ на душѣ слѣдъ тѣмъ болѣе прочный и отчетливый, чѣмъ чаще оно повторялось. Словомъ «прочность» выражается здѣсь способность слѣда сохраняться въ душѣ долгое время, а словомъ «отчетливость»—способность чувственнаго образа выигрывать при томъ же условіи въ опредѣленности. То же замѣчается, какъ извѣстно, и при заучиваніи какихъ-нибудь движеній — и они запоминаются тѣмъ глубже и опредѣленнѣе, чѣмъ чаще повторялись.

Явно, что прирожденной нервно-психической организаціи ребенка должна быть присуща способность измѣняться подъ вліяніемъ воздѣйствій извнѣ. Послѣднія должны оставлять въ ней слѣдъ, параллельный слѣду впечатлѣній на душѣ, слѣдъ тѣмъ болѣе прочный и опредѣленный, чѣмъ чаще повторялось воздѣйствіе.

Выразить это въ данныхъ нервной организаціи не трудно, если принять, какъ это дѣлаютъ физіологи, что параллельно ощущенію въ нервной системѣ идетъ процессъ нервнаго возбужденія, распространяющійся по суммѣ опредѣленныхъ и прирожденныхъ

путей. Как бы однородны ни были съ виду повторяющіяся впечатлѣнія, но, въ сущности, между ними всегда есть какія-нибудь разницы, и соотвѣтственно этому должны различаться другъ отъ друга суммы возбуждаемыхъ путей. Въ силу же того, что однородность, хотя бы и кажущаяся, все-таки предполагаетъ значительный перевѣсъ сходствъ надъ различіями, легко понять, что частое повтореніе такъ-называемыхъ однородныхъ воздѣйствій должно вести за собою обособленіе той суммы путей, которая соотвѣтствуетъ постояннымъ элементамъ впечатлѣнія. Отъ него должно, такимъ образомъ, отпадать мало-по-малу все постоянное и случайное.—Совершенно также при заучиваніи движенія изъ него мало-по-малу исчезаетъ весь придатокъ ненужныхъ побочныхъ движеній, которыя сообщали ему въ началѣ характеръ неуклюжести и неловкости.

Но это еще не все.—Впечатлѣніе, по мѣрѣ повторенія, выигрываетъ все болѣе и болѣе въ легкости воспроизведенія, какъ будто соотвѣтствующій нервный механизмъ дѣлается болѣе и болѣе подвижнымъ, болѣе и болѣе чувствительнымъ къ дѣйствующимъ на него толчкамъ. Это и бываетъ дѣйствительно такъ. Всѣ нервные снаряды животнаго тѣла можно разсматривать какъ механизмы, постоянно заряженные энергіей и всегда готовые къ разряду или дѣйствію подъ вліяніемъ толчка, приложеннаго къ той или другой части снаряда (въ чувствующихъ снарядахъ возможныхъ точекъ приложенія толчка, производящаго разрядъ, двѣ: периферія и центръ). Чѣмъ сильнѣе заряженъ нервный аппаратъ, тѣмъ легче онъ приходитъ въ дѣйствіе—и наоборотъ. Условія же заряжанія, насколько извѣстно, стоятъ въ прямой связи съ питательными процессами нервной системы, а послѣдніе въ свою очередь идутъ рука объ руку со степенью упражненія снаряда. Слѣдовательно, чѣмъ дѣятельнѣе нервный аппаратъ, тѣмъ живѣе его питательные процессы, тѣмъ энергичнѣе заряжаніе. Вотъ это-то усиленіе возбудимости нервныхъ снарядовъ, вслѣдствіе ихъ упражненія, и составляетъ въ то же время причину «физіологическаго обособленія» путей возбужденія въ группы усиленной возбудимости.

Только-что высказанная мысль имѣетъ большую важность, поэтому я постараюсь придать ей еще болѣе наглядную форму. Представимъ себѣ, что чувственные пути, идущіе отъ органовъ чувствъ къ головному мозгу въ формѣ нервныхъ волоконъ, переходятъ по вступленіи сюда въ преформированную или прирожденную сѣть путей, звенья которой связаны уже отъ рожденія опредѣленно-неравномѣрно другъ съ другомъ и съ приносящими

возбужденіе волокнами. Каждое повторяющееся и съ виду однородное воздѣйствіе извнѣ возбуждаетъ сумму одинаковыхъ волоконъ, составляющихъ большинство, и, сверхъ того, меньшую сумму, мѣняющуюся отъ одного частнаго возбужденія къ другому. Въ силу опредѣленно-неравномѣрной связи волоконъ съ звеньями сѣти и послѣднихъ между собою уже при рожденіи, изъ общей сѣти путей должна выдѣлиться, какъ наиболѣе возбудимая, та группа, по которой возбужденіе проходило всего чаще; затѣмъ— тѣ изъ побочныхъ путей, которые возбуждались вмѣстѣ съ главною наиболѣе часто. Въ грубо-анатомическомъ смыслѣ организація могла остаться совсѣмъ неизмѣнной, но физіологически она обособилась въ нѣсколько группъ.

Однако и этимъ еще не исчерпывается сумма видоизмѣненій впечатлѣнія подъ вліяніемъ повторенія. Жизненный опытъ указываетъ явнымъ образомъ, что, помимо легкости, съ какою воспроизводятся въ сознаніи привычныя впечатлѣнія, они характеризуются еще тѣмъ, что для воспроизведенія ихъ вовсе не нужно соотвѣтствующаго комплекса внѣшнихъ вліяній—для этого бываетъ достаточно намека или какого-нибудь побочнаго впечатлѣнія. Такъ, если я привыкъ видѣть извѣстнаго человѣка въ извѣстной обстановкѣ, то могу вспоминать о немъ при видѣ этой самой или сходной обстановки. Если же впечатлѣніе сильно привычно (часто повторялось), то оно воспроизводится при такомъ большомъ числѣ незначительныхъ намековъ, что многіе изъ послѣднихъ даже вовсе просматриваются. Явленія получаютъ черезъ это такой видъ, какъ будто въ организованномъ слѣдѣ, соотвѣтствующемъ впечатлѣнію, число точекъ приложенія возбуждающихъ толчковъ возрастаетъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ впечатлѣніе повторяется.

Нужно ли говорить, что умноженію точекъ возбужденія нервнаго акта, параллельнаго данному впечатлѣнію, должно соотвѣтствовать образованіе въ органическомъ слѣдѣ бо́льшаго и бо́льшаго числа побочныхъ группъ рядомъ съ главной. Полагаю, что это ясно само собою.

Итакъ, повторенію однородныхъ съ виду или, точнѣе, близко сходственныхъ впечатлѣній, должно соотвѣтствовать со стороны нервно-психической организаціи обособленіе путей возбужденія въ группы разной возбудимости, а со стороны впечатлѣнія—переходъ его отъ формы менѣе опредѣленной и болѣе слитной въ форму болѣе опредѣленную и болѣе расчлененную, съ выясненіемъ, такъ сказать, главнаго ядра впечатлѣнія и его спутниковъ, и, кромѣ

того, съ умноженіемъ внѣшнихъ условій воспроизводимости впечатлѣнія въ сознаніи.

Выводъ этотъ я сдѣлалъ, ради удобопонятности для частнаго случая близко сходственныхъ впечатлѣній, такъ какъ результатъ ихъ повторенія (напр. заучиванье отдѣльныхъ словъ, предложеній и т. д.) общеизвѣстенъ. Теперь же постараюсь доказать, что онъ приложимъ не только къ этому частному случаю, но имѣетъ значеніе всеобщаго закона первичнаго расчлененія или группировки впечатлѣній.

Дѣлая этотъ выводъ, мы въ самомъ дѣлѣ говорили о впечатлѣніи вообще, не предрѣшая его границъ, а подъ соотвѣтствующими ему воздѣйствіями всегда разумѣли измѣнчивую, въ нѣкоторой степени, сумму отдѣльныхъ вліяній и тоже не опредѣляли напередъ, какъ велика въ ней сумма постоянныхъ членовъ. Явно, слѣдовательно, что подъ «впечатлѣніемъ» можно было бы разумѣть собственно группу, впечатлѣній, а подъ «мѣняющимся воздѣйствіемъ»—мѣняющееся сочетаніе группъ отдѣльныхъ вліяній, лишь бы опытъ указывалъ, что выводъ имѣетъ одинаковое значеніе и для группъ, и для отдѣльныхъ впечатлѣній.

Явленія памяти у взрослаго и указываютъ на это несомнѣннымъ образомъ. Въ ландшафтѣ или картинѣ мы запоминаемъ не только отдѣльныя части или группы, но и весь ансамбль; въ заучиваемыхъ на память стихахъ запоминаемъ огромныя группы словъ. Съ другой стороны, легко понять, что на ребенка, при первыхъ же встрѣчахъ его съ внѣшнимъ міромъ, дѣйствуютъ не единичныя вліянія, а группы или суммы ихъ въ формѣ всей окружающей внѣшней обстановки. Стало быть, исходнымъ пунктомъ воздѣйствія извнѣ являются дѣйствительно не единичныя ощущенія, а группы или послѣдовательные ряды ихъ. Сомнѣваться же въ томъ, что вліянія извнѣ оставляютъ въ нервной организаціи ребенка иной слѣдъ, чѣмъ у взрослаго, никто, конечно, не станетъ—это значило бы лишить психологическую жизнь человѣка всѣхъ ея корней въ дѣтствѣ и навсегда отказаться отъ изученія нашего вопроса. Стало быть, ребенокъ при воздѣйствіи на него всей окружающей обстановки долженъ запоминать впечатлѣнія группами—и всего сильнѣе тѣ изъ нихъ, которыя повторяются всего чаще въ общемъ комплексѣ вліяній.

У Рубенса много большихъ картинъ, гдѣ при первомъ взглядѣ на полотно вы не видите ничего, кромѣ массы человѣческихъ головъ, обнаженныхъ рукъ, ногъ и прочихъ частей тѣла, переплетенныхъ между собою самымъ разнообразнымъ и причудливымъ

образомъ. Несмотря на то, что во всей картинѣ для взрослаго человѣка нѣтъ ни одной детали, которой онъ не видалъ бы тысячи разъ, оріентироваться въ этой путаницѣ позъ и сплетеній тѣлъ можно только съ большимъ трудомъ, останавливаясь на частныхъ группахъ въ отдѣльности и даже мѣняя точки зрѣнія. Какова же должна быть путаница въ картинахъ внѣшняго міра для ребенка, когда онъ встрѣчается съ ними впервые, не зная ни единаго звена картины? Какъ онъ ихъ мало-по-малу распутываетъ до мельчайшихъ подробностей, я покажу впослѣдствіи; теперь же укажу лишь на то, что начальному, болѣе грубому распутыванью всей картины, очевидно, могутъ способствовать измѣненныя условія видѣнія въ формѣ случайнаго затемненія однѣхъ группъ и болѣе яркаго освѣщенія другихъ. Но не то ли же самое производитъ бóльшая и меньшая частота появленія передъ глазами какой-нибудь отдѣльной части картины,—разъ признано, что возбудимость впечатлѣнія усиливается съ частотой его повторенія.

Нашъ выводъ формулируетъ, слѣдовательно, самыя общія условія перехода ощущеній изъ формъ, болѣе слитныхъ, въ формы болѣе расчлененныя, и въ этомъ смыслѣ можетъ быть выраженъ такъ:

Расчлененіе слитныхъ впечатлѣній есть результатъ видоизмѣненія субъективныхъ и объективныхъ условій воспріятія.

Подъ послѣдними мы до сихъ поръ разумѣли измѣнчивость группы внѣшнихъ вліяній и будемъ говорить о нихъ дальше подробно; между субъективными же условіями одно намъ уже извѣстно—это измѣняемость нервной организаціи подъ вліяніемъ воздѣйствій извнѣ; а теперь рѣчь пойдетъ о новомъ прирожденномъ свойствѣ нервной организаціи, усиливающемъ въ значительной степени измѣнчивость условій воспріятія со стороны организма.

Всякому извѣстно изъ наблюденій надъ дѣтьми, что уже въ самомъ раннемъ возрастѣ чувственныя вліянія извнѣ вызываютъ у нихъ двигательныя реакціи въ тѣлѣ. Послѣднія вначалѣ не имѣютъ опредѣленнаго характера, но мало-по-малу начинаютъ приходить въ извѣстный порядокъ. Раньше всего это обнаруживается на глазахъ, выражаясь здѣсь умѣньемъ сводить опредѣленнымъ образомъ оси глазныхъ яблокъ и двигать ими вслѣдъ за движущимися предметами; потомъ является умѣнье сидѣть, махать руками и ногами; позднѣе—наклонность при видѣ яркихъ предметовъ тянуться къ нимъ, хватать ихъ рукой, класть себѣ въ ротъ и пр. Въ болѣе поздній возрастъ притягательная и от-

талкивательная сила видимыхъ предметовъ и слышимыхъ звуковъ продолжается, заставляя ребенка перебѣгать отъ одного предмета къ другому. Словомъ, у дѣтей въ первые годы ихъ существованія огромное количество чувственныхъ впечатлѣній характеризуется какимъ-то стремительнымъ характеромъ или *импульсивностью*, какъ будто у нихъ нервные снаряды заряжаются сильнѣе, чѣмъ у взрослаго, и накопленная энергія легче переливается черезъ край въ двигательную сферу. Описывать здѣсь, какимъ образомъ движенія изъ первоначальной нестройной, мало расчлененной формы координируются въ болѣе и болѣе мелкія и правильныя группы, я не стану;—замѣчу только, что исторія развитія ихъ та же, что и для слитной формы ощущеній. Но я долженъ остановиться на томъ, какія выгоды приносятъ движенія для развитія впечатлѣній.

Выгодъ такихъ три: служа источникомъ перемѣщеній чувствующихъ снарядовъ въ пространствѣ, они въ громадной степени разнообразятъ субъективныя условія воспріятія, а черезъ то вліяютъ на самую форму чувствованія; затѣмъ, они дробятъ непрерывное ощущеніе на рядъ отдѣльныхъ актовъ съ опредѣленнымъ началомъ и концомъ; наконецъ, косвенно служатъ соединительнымъ звеномъ между качественно-различными ощущеніями (напр. свѣтовыми и слуховыми).

Говорить о службѣ перваго рода нечего, она ясна сама собою; но для пониманія второй нужно имѣть въ виду, что ребенокъ всегда окруженъ средою, въ которой одновременно или послѣдовательно, но постоянно происходятъ самыя разнообразныя движенія, въ формѣ отдѣльныхъ ударовъ или толчковъ и періодическихъ потрясеній. Дѣйствуя на чувства ребенка разомъ, вліянія эти должны производить хаотическую смѣсь разнородныхъ ощущеній. Однако и среди этого хаоса свѣта, тепла, звуковъ, обоняній и осязаній должна существовать струя сильнѣйшихъ ощущеній, параллельная болѣе сильнымъ толчкамъ и колебаніямъ во внѣшней средѣ,—и струя эта, очевидно, должна служить началомъ для выхода ребенка изъ хаоса чувствованій. Но сдѣлать это сама по себѣ, при неопредѣленности ея очертаній, разорванности и случайности перерывовъ, она бы не могла.—Дѣло другое, если бы въ организмѣ существовали средства усиливать эту струю на счетъ смежныхъ ощущеній, и если бы эти средства вызывались къ дѣятельности тѣми же самыми моментами, которыми опредѣляется потокъ сильнѣйшихъ ощущеній. Тогда струя, очевидно, должна была бы выиграть въ яркости и опре-

дѣленности. Такія средства въ нервно-психической организаціи существуютъ, и они могутъ быть названы *приспособительными двигательными реакціями тѣла, съ цѣлью усиленія ощущеній.* Это тѣ явленія, которыя выражаются повертываніемъ головы, глазъ или даже всего тѣла въ сторону яркаго свѣта, сильнаго звука и рѣзкаго запаха, или вообще движенія, которыми чувствующіе снаряды приводятся въ положеніе наиболѣе удобное для воспріятія впечатлѣній. Не стану говорить здѣсь о томъ, по какому типу устроены эти приспособительные механизмы и въ какой формѣ продолжается ихъ дѣятельность, когда снарядъ всталъ въ выгодныя условія перцепціи и ощущеніе наросло до возможнаго *maximum'a;* для насъ важно рѣшить только, что вмѣшательствомъ двигательныхъ реакцій потокъ сильнѣйшихъ ощущеній не только усиливается, но и превращается въ перерывисто-измѣнчивый рядъ, соотвѣтственно поворотамъ головы, туловища или вообще чувствующихъ снарядовъ изъ стороны въ сторону.—Легко понять въ самомъ дѣлѣ, что если, напр., глаза были устремлены въ данное мгновеніе на какую-нибудь извѣстную группу предметовъ, то это можетъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока не существуетъ чувственнаго импульса, идущаго изъ другого направленія и достаточно сильнаго, чтобы вызвать приспособительную реакцію въ свою сторону. Разъ она развилась—голова перемѣнила положеніе въ пространствѣ, группа передъ глазами тоже смѣщается, и ощущеніе, бывшее дотолѣ наиболѣе яркимъ, смѣняется новымъ—тѣмъ самымъ, которое вызвало приспособительную реакцію. Нечего и говорить, что при этихъ условіяхъ послѣдовательными членами ряда могутъ быть только такія ощущенія, которыя въ мгновенія поворотовъ сильнѣе всѣхъ остальныхъ; а такъ какъ два одинаково сильныхъ и различно направленныхъ импульса могутъ совпадать другъ съ другомъ во времени лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, то поворотъ чувствованія будетъ почти всегда опредѣляться какимъ-нибудь однимъ ощущеніемъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, каждое звено въ цѣпи получаетъ индивидуальную однородность: чисто свѣтовое ощущеніе смѣняется чисто слуховымъ, чисто осязательнымъ и т. д.

Понятно однако, что на ряду съ яркимъ опредѣленнымъ потокомъ чувствованій долженъ протекать въ сознаніи болѣе широкій потокъ смутныхъ ощущеній, изъ которыхъ и выходятъ импульсы для перваго.

Картина эта, выведенная для сознанія ребенка изъ физіологическихъ свойствъ его чувствующихъ снарядовъ, всецѣло переносима и на сознаніе взрослаго, съ тою только разницей, что

у послѣдняго звеньями яркаго потока являются не ощущенія, какъ у ребенка, а различныя формы расчлененнаго чувствованія—идеи и представленія, развившіяся въ концѣ-концовъ изъ тѣхъ же ощущеній.

Въ виду этой аналогіи я полагаю, что ученіе о такъ-называемомъ «единствѣ сознанія», съ его анатомо-физіологическимъ субстратомъ «общимъ чувствилищемъ» («sensorium commune»), ученіе, которымъ психологи до сихъ поръ объясняли рядовое расположеніе психическихъ актовъ въ сознаніи, должно быть отброшено. Абсолютнаго единства сознанія, какъ извѣстно, нѣтъ; а для того относительнаго, которое дѣйствительно наблюдается, достаточно и вышеприведеннаго истолкованія, тѣмъ болѣе, что оно объясняетъ эту относительность, тогда какъ прежнее толкованіе ее исключаетъ [1]). Притомъ, съ точки зрѣнія приведеннаго объясненія, выходъ ребенка изъ первоначальнаго хаоса чувствованій легко понятенъ, тогда какъ ученіемъ объ единствѣ сознанія объяснить его крайне трудно или даже невозможно.

Какъ бы то ни было, но *импульсивность впечатлѣній, благодаря организаціи приспособительныхъ снарядовъ, должна способствовать расчлененію слитныхъ ощущеній.*

Теперь я перехожу къ способности двигательныхъ реакцій служить соединительнымъ звеномъ между смежными впечатлѣніями.

Представьте себѣ, что когда я сижу за письменнымъ столомъ, песочница стоитъ отъ меня настолько далеко вправо, что я никогда не вижу ее безъ поворачиванія глазъ или головы въ ея сторону. Если во время писанья мнѣ понадобится песокъ, то я, конечно, вспоминаю о песочницѣ; не глядя, отправляюсь за ней рукой и попадаю куда слѣдуетъ. Чтó это значитъ? Въ памяти у меня существуетъ слѣдъ, не только отъ песочницы какъ предмета, но и отъ ея положенія относительно моего тѣла; и послѣдній слѣдъ могъ, очевидно, образоваться только изъ передвиженій моихъ глазъ или головы и рукъ въ сторону песочницы. Если бы при воспоминаніи о ней я дѣйствительно двинулъ глазами въ ея сторону, то это было бы повтореніемъ многочисленныхъ случаевъ дѣйствительнаго видѣнія. Но такого движенія, какъ оказывается, не

---

[1]) Гипотеза „единства сознанія“ предполагаетъ, что психическіе акты, зарождаясь въ руслѣ неопредѣленной широты, прежде чѣмъ сдѣлаться сознательными, втекаютъ въ узкое русло, способное пропускать ихъ въ одиночку и что именно здѣсь акты принимаютъ сознательную форму (проносясь передъ духовнымъ окомъ сознанія, на подобіе передвижныхъ картинъ волшебнаго фонаря, — прибавляютъ нѣкоторые физіологи).

нужно; положеніе можетъ воспроизводиться въ памяти и не въ формѣ того движенія, которымъ оно опредѣлилось. Для этого достаточно, чтобы параллельно движенію въ памяти оставался какой-нибудь соотвѣтствующій ему чувственный знакъ, способный воспроизводиться въ сознаніи, рядомъ съ образомъ песочницы. Вотъ эти-то чувственные знаки, параллельные движеніямъ, и составляютъ въ своей совокупности такъ-называемое *мышечное чувство.* Оно, какъ извѣстно, родится изъ той суммы темныхъ ощущеній, которая сопровождаетъ всякое движеніе глазъ, головы, туловища, рукъ и ногъ, и развивается, параллельно координаціи движеній, въ чувственныя группы съ опредѣленной физіономіей.

Перенесите теперь образованіе такихъ чувственныхъ группъ на случаи нашихъ приспособительныхъ реакцій, приведите мысленно въ связь эти группы съ центральными частями чувствующихъ снарядовъ и вы получите общее представленіе о мышечномъ чувствѣ, какъ соединительномъ звенѣ между двумя сосѣдними впечатлѣніями. По времени, оно дѣйствительно помѣщается на поворотахъ чувствованія, т.-е. въ промежуткахъ между двумя смежными впечатлѣніями, но, при своей сравнительной неясности, не можетъ ни имѣть опредѣленной субъективной физіономіи, ни производить ощутимыхъ перерывовъ въ потокѣ раздѣляемыхъ имъ болѣе яркихъ ощущеній. Тѣмъ не менѣе, оно существуетъ, и присутствіе его выражается крайне оригинальнымъ образомъ.

Къ числу прирожденныхъ свойствъ нѣкоторыхъ чувствующихъ снарядовъ относятъ «способность объективировать впечатлѣнія». Когда на нашъ глазъ падаетъ свѣтъ отъ какого-нибудь предмета, мы ощущаемъ не то измѣненіе, которое онъ производитъ въ сѣтчаткѣ глаза, какъ бы слѣдовало ожидать, а внѣшнюю причину ощущенія — стоящій передъ нами (т.-е. внѣ насъ) предметъ. Чувство боли представляетъ, наоборотъ, случай ощущенія съ чисто-субъективнымъ характеромъ. Вотъ это-то вынесеніе нѣкоторыхъ впечатлѣній наружу, въ сторону ихъ внѣшнихъ источниковъ, и называется объективированіемъ впечатлѣній. Исходную форму этой стороны чувствованія выяснить очень трудно; не подлежитъ однако ни малѣйшему сомнѣнію, что эволюція ея идетъ рука объ руку съ расчлененіемъ и координированіемъ мышечнаго чувства. Это вытекаетъ, во-первыхъ, изъ того, что объективированіе присуще только чувственнымъ снарядамъ, воспринимающимъ впечатлѣнія издали, снарядамъ, которые, какъ орудія оріентаціи въ пространствѣ и во времени, отличаются подвижностью и снабжены поэтому приспособительными двига-

тельными придатками. Во-вторыхъ, всѣ детали объективированія стоятъ въ прямой связи съ расчлененностью приспособительныхъ двигательныхъ реакцій. Такъ, изъ всѣхъ органовъ чувствъ человѣка глазъ обладаетъ наиболѣе совершенной системой передвиженій и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стоитъ у него на первомъ мѣстѣ въ дѣлѣ детальной локализаціи ощущеній въ пространствѣ и во времени.

Какимъ образомъ совершаются эти процессы, будетъ показано ниже въ подробности; теперь же и сказаннаго достаточно, чтобы понять смыслъ слѣдующаго заключительнаго положенія:

Мышечныя ощущенія, помѣщаясь на поворотахъ чувствованія, т.-е. въ промежуткахъ между ощущеніями иного рода, служатъ для нихъ не только соединительнымъ звеньями, но и опредѣляютъ при объективированіи ощущеній взаимныя отношенія ихъ внѣшнихъ субстратовъ въ пространствѣ и во времени.

Здѣсь я остановлюсь въ перечисленіи свойствъ прирожденной нервно-психической организаціи. Идти въ томъ же теоретическомъ направленіи далѣе, т.-е. усложнять мало-по-малу условія внѣшнихъ воздѣйствій и разбирать вытекающіе отсюда результаты было бы крайне утомительно, сбивчиво и, слѣдовательно, безполезно. Несравненно удобнѣе будетъ перешагнуть на время черезъ многія теоретическія детали первоначальнаго умственнаго развитія ребенка и, представивъ общую картину ея, разобрать, какія стороны послѣдней опредѣляются тѣмъ или другимъ изъ перечисленныхъ свойствъ развивающейся нервно-психической организаціи, и соотвѣтствуетъ ли развитіе ея, по типу и факторамъ, требованіямъ гипотезы Спенсера.

Съ этой цѣлью я буду говорить объ эволюціи памяти у человѣка, которая понимается въ общежитіи, какъ способность запоминать и вспоминать впечатлѣнія.

III.

Опытныя данныя относительно запоминанія (регистраціи) и воспоминанія (воспроизведенія) впечатлѣній.

Память считаютъ совершенно справедливо краеугольнымъ камнемъ психическаго развитія, и всѣ знаютъ коренное условіе ея проявленій—повтореніе впечатлѣній. Тѣмъ не менѣе едва ли найдется въ области психическихъ процессовъ другая вещь, понятія о которой были бы такъ смутны и сбивчивы, какъ именно

представленія о памяти. Особенно вредно отзывается въ этомъ отношеніи наша наклонность (совершенно, впрочемъ, естественная и въ должныхъ границахъ крайне полезная) отдѣлять память отъ запоминаемаго и обособлять ее въ отдѣльную способность.

Доказать это очень легко слѣдующимъ простымъ разсужденіемъ.

Если память есть дѣйствительно нѣчто отдѣльное отъ запоминаемаго и составляетъ краеугольный камень умственнаго развитія, то у ребенка за первые четыре года его существованія она должна дѣйствовать очень сильно, потому что въ этотъ короткій срокъ онъ узнаетъ массу вещей, выучивается мыслить, т.-е. разсуждать во многихъ случаяхъ крайне здраво, умѣетъ отвлекать, обобщать, вообще прошелъ чуть не всю школу мышленія (разумѣется, предметнаго). Почему же, несмотря на это, вся умственная жизнь ранняго дѣтства такъ неизгладимо исчезаетъ изъ памяти взрослаго? Что-нибудь одно: или память у ребенка другая, чѣмъ у взрослаго, или она исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣми психическими продуктами, которые наполняли дѣтское сознаніе. Всякій признаетъ, я думаю, скорѣе послѣднее.

Память неотдѣлима отъ запоминаемаго. Запоминаемое же, какъ всякій психическій продуктъ, претерпѣваетъ въ теченіи жизни многообразныя превращенія, имѣетъ опредѣленную исторію развитія, и благодаря этимъ превращеніямъ можетъ видоизмѣняться до степени полной неузнаваемости. Если бы человѣкъ помнилъ свое раннее дѣтство и всѣ фазисы превращеній первоначальныхъ психическихъ продуктовъ, то не было бы никогда никакихъ споровъ о началахъ его умственнаго развитія, и психологія, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи стояла бы уже съ древности на твердой почвѣ.

Послѣ сказаннаго понятно, что говорить объ эволюціи памяти—значитъ говорить объ эволюціи запоминаемаго и вспоминаемаго. Если же при этомъ постоянно подставлять подъ запоминаемое измѣненія нервной организаціи, а подъ вспоминаемое процессъ нервнаго возбужденія, въ его зависимости отъ внѣшнихъ воздѣйствій, то получается возможность подвести съ-разу всю эту обширную область явленій подъ общую формулу Спенсера.

Запоминаніе или регистрацію впечатлѣній всего лучше развивать въ формѣ рѣшенія вопроса: почему умственная жизнь ранняго дѣтства исчезаетъ такъ безслѣдно изъ памяти взрослаго?

Когда ребенокъ заучиваетъ наизусть басню, то въ началѣ

она остается у него въ памяти съ большими пробѣлами, извращеніями словъ и даже мыслей. Но мало-по-малу все приходитъ въ порядокъ — басня заучена. Заставьте его тогда сказать ее наизусть. Правильная форма льется легко, свободно и сохранится, пожалуй, на всю жизнь, а первоначальная, несовершенная редакція, съ ея пробѣлами и извращеніями, забыта навсегда.

Быть можетъ, умственная жизнь ребенка въ первые годы его существованія относится въ дѣлѣ запоминаемости къ умственной жизни взрослаго совершенно такъ же, какъ неполная извращенная форма басни къ вполнѣ вѣрной редакціи ея?

И да, и нѣтъ. Да—въ томъ отношеніи, что умственная сфера ребенка представляетъ дѣйствительно большую разрозненность идей, множество пробѣловъ и даже извращеній, тогда какъ умственное богатство взрослаго приведено въ извѣстную систему, разгруппировано часто въ очень большіе отдѣлы при помощи сравнительно небольшого числа основныхъ или руководящихъ идей (напр., научныя знанія человѣка). Нѣтъ—потому, что къ числу забываемыхъ взрослымъ умственныхъ проявленій ребенка относятся и такія, которыя стали для послѣдняго привычными и совершаются въ такой же правильной формѣ, какъ у любого взрослаго. Ребенокъ, какъ я уже сказалъ выше, въ четыре года знаетъ множество вещей изъ міра предметовъ и ихъ отношеній; разсуждаетъ въ своей узенькой сферѣ весьма здраво; отличается, какъ извѣстно, по временамъ неумолимой логичностью выводовъ и пр. И тѣмъ не менѣе все это забывается.

Можетъ быть, разница въ запоминаемости впечатлѣній и мыслей у взрослаго и ребенка зависитъ отъ того, что умственные склады въ ихъ памяти организованы не одинаково, или потому, что въ процессахъ вызыванія мыслей и впечатлѣній въ сознаніи существуетъ между тѣмъ и другимъ больше разницы?

Представимъ себѣ, напр., хоть на минуту, что умственное богатство взрослаго человѣка распредѣлено въ его памяти приблизительно такимъ же образомъ, какъ книги въ благоустроенной библіотекѣ, и что благоустройство въ дѣлѣ распредѣленія элементовъ съ годами постепенно увеличивается. Тогда было бы съразу понятно, что черпанье нужныхъ вещей изъ дѣтскаго склада было бы настолько же труднѣе, чѣмъ у взрослаго, насколько труднѣе доставать требуемыя сочиненія изъ плохо-организованной библіотеки сравнительно съ полученіемъ ихъ изъ благоустроеннаго книгохранилища. Аналогія съ виду такъ заманчива, что умъ останавливается на ней совершенно невольно.

Самыя простыя наблюденія убѣждаютъ насъ въ томъ, что

знанія въ умственномъ складѣ у взрослаго въ самомъ-дѣлѣ распредѣлены не зря, а въ опредѣленномъ порядкѣ, какъ книги въ библіотекѣ. Для образованнаго человѣка въ лексиконѣ его родного языка не встрѣчается почти ни одного незнакомаго слова; значитъ, онъ можетъ распоряжаться десятками тысячъ словъ. А между тѣмъ, если бы я, напримѣръ, попросилъ когонибудь изъ моихъ читателей сказать тотчасъ же подъ-рядъ двадцать существительныхъ—очень многіе, если не всѣ, были бы не въ состояніи этого сдѣлать безъ помощи съ моей стороны. Наоборотъ,—при такой помощи—удовлетворить меня могъ бы всякій. Если бы я, напримѣръ, прибавилъ къ своему требованію двадцати существительныхъ, что они должны обозначать принадлежности дома, начиная сверху,—то въ умѣ отвѣтчика тотчасъ же появились бы слова: труба, крыша, карнизъ, стѣна, окна и т. д. То же самое, если бы я обозначилъ категорію требуемыхъ существительныхъ словами: жизненные припасы, принадлежности женскаго туалета и т. д.

Значитъ, многіе предметы занесены въ реестры памяти подъ рубрикой принадлежности частей цѣлому (рубрика эта крайнеобширна, вмѣщая въ себѣ всѣ случаи цѣльныхъ предметовъ съ ихъ частными признаками). Но эта регистрація далеко не единственная. При помощи очень простыхъ наблюденій, въ родѣ приведенныхъ выше, легко убѣдиться, что—кромѣ рубрики принадлежности—есть еще рубрика сходства. Если бы я попросилъ назвать мнѣ нѣсколько тѣлъ круглой формы, то отвѣтъ палъ бы, вѣроятно,—на землю, билліардный шаръ, апельсинъ, мячикъ и проч. Точно также въ категорію зеленыхъ предметовъ всякій отнесъ бы съ-разу: лѣсъ, лугъ и разную огородную зелень, а спеціалистъ по краскамъ, не запинаясь, прибавилъ бы къ этому рядъ техническихъ именъ.

Входить въ дальнѣйшее описаніе всѣхъ рубрикъ, подъ которыми занесено въ память все перечувствованное и передуманное человѣкомъ, я не стану, такъ какъ впослѣдствіи мы еще вернемся къ этому предмету, и тогда у насъ въ рукахъ будутъ уже средства опредѣлить съ-разу всѣ возможныя направленія регистраціи. — Здѣсь я ограничусь лишь общимъ замѣчаніемъ, что направленія эти опредѣляются для каждой отдѣльной вещи всѣми возможными для нея отношеніями къ прочимъ вещамъ, не исключая и отношеній къ самому чувствующему человѣку. Такъ, напримѣръ, дерево можетъ быть занесено въ память какъ часть лѣса или ландшафта (часть цѣлаго); какъ предметъ родственный кустамъ и травѣ (категорія сходства); какъ горючій

или строительный матеріалъ (здѣсь со словомъ «дерево» связывается, очевидно, уже не то представленіе, какъ въ предыдущихъ случаяхъ, а разумѣются подъ однимъ и тѣмъ же родовымъ именемъ «дерево»: дрова, бревна, брусья, доски — различно и искусственно сформированныя части цѣлаго дерева); какъ нѣчто, одаренное жизнью (въ отличіе, напримѣръ, отъ камня); какъ символъ безчувственности и проч. Другими словами: чѣмъ въ бóльшее число разныхъ отношеній, въ бóльшее число разныхъ точекъ соприкосновенія можетъ быть приведена данная вещь къ другимъ предметамъ, тѣмъ въ бóльшемъ числѣ направленій она записывается въ реестры памяти, и наоборотъ.—Абсолютно то же самое, чтó лежитъ въ основѣ благоустройства всякаго библіотечнаго распорядка. Здѣсь тоже книги заносятся не въ одинъ, а въ нѣсколько реестровъ или каталоговъ, составленныхъ по разнымъ рубрикамъ (напримѣръ, по алфавитному списку именъ авторовъ, по принадлежности сочиненія къ извѣстной области знаній, по древности и т. д.), и чѣмъ больше разныхъ направленій, въ которыхъ зарегистрованы книги, тѣмъ благоустроеннѣе библіотека, *тѣмъ легче добывать изъ этого склада каждое отдѣльное сочиненіе.*

Понятно, что въ умственномъ складѣ памяти ребенка такого благоустройства быть не можетъ. Срокъ его личнаго опыта слишкомъ коротокъ для познанія тѣхъ многочисленныхъ точекъ соприкосновенія между разными вещами, которыми опредѣляется регистрація склада у взрослаго. Да и у послѣдняго были бы въ этомъ отношеніи громадные пробѣлы, если бы къ его личному опыту не присоединялось съ дѣтства обученіе, т.-е. передача каждому человѣку въ отдѣльности сохраненныхъ тѣмъ или другимъ путемъ готовыхъ результатовъ опыта всей исторической жизни расы.

Съ этой точки зрѣнія становится въ самомъ-дѣлѣ понятнымъ, что вообще шансовъ для запоминанія сравнительно разрозненныхъ, безсистемныхъ дѣтскихъ впечатлѣній должно быть гораздо меньше, чѣмъ къ запоминанію правильно-систематизированныхъ продуктовъ опыта у взрослаго.

Но вѣдь организація склада, очевидно, существуетъ и у ребенка, и рубрики ея, очевидно, не могутъ быть иными, чѣмъ у взрослаго, такъ какъ онѣ опредѣляются взаимными отношеніями и зависимостями воспринимаемыхъ предметовъ, а не какими-нибудь измѣнчивыми случайностями.—За это ручается уже то обстоятельство, что ребенокъ въ 3—4 года знаетъ свойства мно-

гихъ предметовъ, многіе классифицируетъ совершенно правильно и даже истолковываетъ обыденныя явленія въ томъ самомъ направленіи, которое у взрослаго носитъ названіе познаванія причинной связи. Другими словами: въ 3—4 года ребенокъ умѣетъ анализировать предметы, сравнивать ихъ другъ съ другомъ и выводить заключенія объ ихъ взаимныхъ зависимостяхъ. Замѣтьте при этомъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ почти вся внѣшняя обстановка ранняго дѣтства остается неизмѣнной до того возраста, въ которомъ человѣкъ сохраняетъ уже ясное воспоминаніе о прошломъ; а между тѣмъ изъ памяти взрослаго исчезаютъ не только тѣ впечатлѣнія, которыхъ субстраты исчезли въ раннюю пору (напримѣръ, воспоминанія о деревнѣ, гдѣ жилъ ребенокъ до 4-хъ лѣтъ, а затѣмъ переселился въ городъ, или воспоминаніе объ умершемъ родственникѣ, когда ребенку было 4 года), но и такія, которыхъ субстраты оставались неизмѣнными и въ послѣдующіе годы. Отчего это? Казалось бы, разъ данное впечатлѣніе занесено въ реестръ у ребенка правильно и реестръ въ теченіи всей послѣдующей жизни только пополняется, а не измѣняется, — нѣтъ причины исчезать впечатлѣнію. Непонятно и то, какъ ребенокъ, знавшій, напримѣръ, свою рано-умершую мать года два, видѣвшій ее все это время каждый день, впослѣдствіи забываетъ ея образъ безслѣдно, — а въ зрѣломъ возрастѣ запоминаетъ на долгіе годы черты лица какого-нибудь незнакомаго человѣка, съ которымъ пришлось пробыть какой-нибудь одинъ часъ. Неужели и это объясняется несовершенствами склада памяти у ребенка?

Причина лежитъ здѣсь въ слѣдующей крайне-характерной особенности запоминанія близко-сходственныхъ впечатлѣній вообще. Если бы человѣкъ запоминалъ каждое изъ впечатлѣній въ отдѣльности, то отъ предметовъ наиболѣе обыденныхъ, каковы, напримѣръ, человѣческія лица, стулья, деревья, дома и проч., составляющихъ повседневную обстановку нашей жизни, въ головѣ его оставалось бы такое громадное количество слѣдовъ, что мышленіе ими, по крайней мѣрѣ въ словесной формѣ, стало бы невозможностью, потому что—гдѣ же найти десятки или сотни тысячъ разныхъ именъ для суммы всѣхъ видѣнныхъ березъ, человѣческихъ лицъ, стульевъ, и какъ совладать мысли съ такимъ громаднымъ матеріаломъ? По счастью, дѣло происходитъ не такъ. Всѣ повторяющіяся, близко-сходныя впечатлѣнія зарегистровываются въ памяти не отдѣльными экземплярами, а слитно, хотя и съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ особенностей частныхъ впечатлѣ-

нiй. Благодаря этому, въ памяти человѣка десятки тысячъ сходныхъ образованiй сливаются въ единицы, и вообще становится возможнымъ сумму всего дѣйствительно запоминаемаго въ отношенiи ко всему видѣнному, слышанному и испытанному выражать сотнями, если все перечувствованное мѣрить миллiонами [1]).

Значитъ, всѣ единичныя впечатлѣнiя отъ наиболѣе обыденныхъ предметовъ и событiй, составляющихъ нашу ежедневную обстановку, такъ-сказать тонутъ въ среднихъ итогахъ, — и, конечно, тѣмъ полнѣе, чѣмъ меньше отличительныхъ особенностей представляютъ сливающiяся образованiя, т.-е. чѣмъ они однороднѣе по природѣ (напримѣръ, сливанiе липы, дуба въ дерево), или — *чѣмъ поверхностнѣе и менѣе расчлененно было ихъ воспрiятiе.* Впечатлѣнiя ранняго дѣтства должны, очевидно, имѣть сравнительно мало расчлененный характеръ, поэтому шансовъ къ полному поглощенiю ихъ средними итогами крайне много. Рѣдкое исключенiе составляютъ лишь случаи, когда какое-либо событiе или впечатлѣнiе сопровождалось обстоятельствами, подѣйствовавшими особенно сильно на сознанiе ребенка; тогда память о нихъ сохраняется на всю жизнь, благодаря существованiю такого спецiальнаго придатка къ среднимъ итогамъ. У взрослаго складъ памяти въ отношенiи сходственныхъ впечатлѣнiй, въ силу большей расчлененности послѣднихъ, конечно, долженъ быть богатъ подобными спецiальными придатками; оттого и воспоминанiя его несравненно болѣе детальны, чѣмъ у ребенка. Мы, европейцы, не привыкли, напримѣръ, къ лицамъ негровъ и китайцевъ; поэтому люди этихъ нацiональностей кажутся намъ всѣ очень похожими другъ на друга; въ европейскомъ же лицѣ, помимо общаго типа, мы съ-разу отличаемъ детали или особенности даннаго лица, т.-е. замѣчаемъ уклоненiя отъ общаго типа. Понятно, что при такихъ условiяхъ всякiя вообще особенности, даже при непродолжительныхъ встрѣчахъ, должны легче фикси-

[1]) Теперь, когда физiологи научились измѣрять быстроту элементарныхъ психическихъ процессовъ, можно ясно доказать цифрами, что разсчетъ этотъ не преувеличенъ. Если принять, на основанiи опытовъ знаменитаго физiолога Дондерса, время узнаванiя привычныхъ предметовъ (дерево, стулъ и проч.) въ 1/15 секунды (у него это время короче) и предположить, что у ребенка 10 часовъ его дня были бы сплошь заняты узнаванiемъ привычныхъ предметовъ, то въ эти 10 часовъ было бы возможно болѣе полумиллiона узнаванiй. Если бы, далѣе, узнаванiя относились къ 100 различнымъ предметамъ, то на долю каждаго изъ нихъ пришлось бы въ день болѣе 5,000. Предположимъ наконецъ, что моменты узнаванiя отдѣлены другъ отъ друга промежутками въ 1 секунду; тогда на повторенiе одного и того же впечатлѣнiя 5,000 разъ потребовалось бы 15 дней, а миллiонъ повторенiй соотвѣтствовалъ бы 100 мѣсяцамъ, менѣе чѣмъ 10 годамъ.

роваться въ памяти, чѣмъ детальный образъ матери для ребенка, тонущій почти всецѣло въ позднѣйшихъ среднихъ итогахъ.

Итакъ, причина исчезанія изъ памяти взрослаго раннихъ дѣтскихъ впечатлѣній заключается въ несовершенствахъ дѣтскаго умственнаго склада, который хотя и организуется по тѣмъ же началамъ, какъ у зрѣлаго человѣка, но представляетъ въ раннія эпохи жизни множество пробѣловъ при сравнительно-слабой расчлененности элементовъ.

Если примѣръ изъ обыденной жизни можетъ пояснить дѣло, то я сравнилъ бы умственное прошлое ранняго дѣтства съ рядомъ картинъ, въ которыхъ есть краски, образы и даже детальная разработка нѣкоторыхъ (бо̀льшею частью случайныхъ, неидущихъ къ дѣлу) аксессуаровъ, но нѣтъ ни общаго, ни частныхъ сюжетовъ, которые придавали бы картинамъ идейное единство, осмысливая каждую ихъ часть. И это отсутствіе объединяющихъ мыслей опредѣляется не столько недостатками или неправильностями въ разстановкѣ фигуръ и образовъ—группировка ихъ можетъ быть даже совершенно правильной—сколько недодѣланностью (нерасчлененностью), а слѣдовательно—безсодержательностью и безхарактерностью образовъ.

Теперь, согласно сказанному выше въ концѣ предъидущей главы [1]), я постараюсь привести въ связь данныя развивающагося запоминанія впечатлѣній съ общими свойствами развивающейся прирожденной нервно-психической организаціи человѣка.

Насколько вообще умѣстенъ употребленный мною пріемъ замѣны чисто-теоретическихъ разсужденій трактатомъ объ эволюціи запоминаемаго, можно видѣть изъ слѣдующаго.

Запоминаемое, накопляясь мало-по-малу у человѣка, составляетъ все его умственное содержаніе, все его умственное богатство. Сохраняясь въ какой-то странной скрытой формѣ, оно составляетъ умственный запасъ, изъ котораго человѣкъ черпаетъ элементы, смотря по потребности минуты. Черезъ голову человѣка въ теченіи всей его жизни не проходитъ ни единой мысли, которая не создалась бы изъ элементовъ, зарегистрированныхъ въ памяти. Даже такъ-называемыя новыя мысли, лежащія въ основѣ научныхъ открытій, не составляютъ исключенія изъ этого правила [2]).

---

[1]) См. заключительное положеніе на 75 стр.

[2]) Исключеніе составляютъ только случаи видѣнія вещей дѣйствительно въ 1-й разъ, притомъ такихъ, о которыхъ человѣкъ не слыхалъ ни слова; но тогда этотъ актъ не есть мысль—онъ равнозначенъ ощущенію.

Поэтому слѣдить за развитіемъ запоминаемаго—значитъ слѣдить за развитіемъ всего умственнаго содержанія человѣка.

Съ другой стороны, кто не знаетъ, что запоминаемость впечатлѣній и повтореніе ихъ связаны другъ съ другомъ такъ же тѣсно, какъ эффектъ съ его причиной вообще. Кому неизвѣстно далѣе, что тѣмъ чаще видится какая-нибудь вещь, тѣмъ больше шансовъ видѣть ее съ разныхъ сторонъ, и тѣмъ полнѣе и расчлененнѣе становится ея образъ—представленіе.

Значитъ, если умственному содержанію человѣка придать форму запоминаемаго, то именно въ этой формѣ и становится особенно понятнымъ, что развитіе его коренится въ повтореніи впечатлѣній при возможно бо́льшемъ разнообразіи условій воспріятія, какъ субъективныхъ, такъ и объективныхъ.

Итакъ, читатель, надѣюсь, допуститъ, если не для взрослаго, то по крайней мѣрѣ для ребенка за первые годы его существованія, возможность умственнаго развитія изъ машинообразнаго повторенія измѣнчивыхъ внѣшнихъ воздѣйствій на измѣняющуюся же (рядомъ съ ними) нервно-психическую организацію—допуститъ, другими словами, согласіе явленій съ требованіями гипотезы Спенсера.

Въ сферѣ чувствованія результатъ развитія, достигаемаго этимъ путемъ, очень ясенъ: изъ хаотической смѣси образовъ, звуковъ, движеній, окружающихъ ребенка, благодаря нѣкоторой измѣнчивости ея членовъ, начинаютъ мало-по-малу выступать съ бо́льшей и бо́льшей опредѣленностью тѣ или другіе элементы. Наиболѣе постоянное въ картинѣ фиксируется въ памяти всего сильнѣе,—наиболѣе измѣнчивое не фиксируется вовсе. Картина, какъ группа, распадается такимъ образомъ на ея дѣйствительныя, а не случайныя составныя части, и записывается въ этой формѣ въ памяти. Позднѣе тотъ же самый процессъ въ приложеніи къ каждой составной части первоначальной сложной группы долженъ вести къ такому же выдѣленію изъ нихъ элементовъ болѣе и менѣе постоянныхъ, и общимъ результатомъ будетъ опять прежнее расчлененіе сложнаго на части.

На всѣхъ ступеняхъ развитія чувственныхъ группъ, въ расчлененіи ихъ двигательныя реакціи, помѣщающіяся на поворотахъ чувствованія, принимаютъ самое дѣятельное участіе. Сопровождаясь ощущеніями, онѣ не нарушаютъ чувственной цѣльности группы и въ то же время содѣйствуютъ развитію въ ней членораздѣльности, такъ какъ мышечное чувство отличается качественно отъ тѣхъ ощущеній, между которыми оно помѣщается. Въ нерасчлененной формѣ оно представляетъ соединительныя

6*

связи для группы, придаетъ ей единство, цѣльность, а въ развитомъ состояніи придаетъ этимъ самымъ связямъ значеніе отношеній въ пространствѣ и во времени. Понятно, что въ каждой чувственной группѣ, рядомъ съ зрительными, слуховыми и другими звеньями, запоминаются на общихъ основаніяхъ и мышечныя; слѣдовательно, въ памяти развитіе всякой группы идетъ рука объ руку съ развитіемъ пространственныхъ и другихъ отношеній между ея звеньями. Это и есть классификація предметовъ со стороны ихъ принадлежности какъ частей къ цѣлому.

Рядомъ съ запоминаніемъ впечатлѣній въ формѣ постоянныхъ группъ долженъ идти процессъ запоминанія по сходству. Въ самомъ дѣлѣ, въ ряду впечатлѣній, окружающихъ ребенка, абсолютно постоянное встрѣчается только какъ исключеніе; всякое же не-абсолютное постоянство равнозначно сходству. Слѣдовательно, повторенію даже такъ-наз. однородныхъ впечатлѣній соотвѣтствуетъ собственно повтореніе сходныхъ. Въ этомъ смыслѣ выдѣленіе изъ повторяющихся слитныхъ впечатлѣній общаго ядра, рядомъ съ второстепенными спутниками, и составляетъ т.-наз. регистрацію по сходству.

Въ терминахъ нервно-психической организаціи всѣ эти данныя можно выразить такъ:

Въ непочатой прирожденной формѣ организація представляетъ, безъ всякаго сомнѣнія, совершенно опредѣленную систему путей возбужденія, съ преформированными подраздѣленіями на отдѣлы и такими же связями между ними; такъ что весь путь отъ любой чувствующей точки тѣла до конца его въ головномъ мозгу, равно какъ всѣ развѣтвленія этого пути въ стороны, предначертаны при рожденіи. Но въ этомъ общемъ комплексѣ путей нѣтъ и не можетъ быть преформированнаго распаденія на группы, соотвѣтственныя группамъ внѣшнихъ воздѣйствій, потому что послѣднія видоизмѣняются отъ одного человѣка къ другому или даже отъ одного возбужденія къ другому въ чрезвычайной степени.—До тѣхъ поръ, пока возбужденіе не коснулось механизма, всѣ его отдѣлы находятся въ одинаковыхъ условіяхъ питанія и заряжаемости энергіей; но лишь только оно пробѣжало по извѣстному отдѣлу нервной системы, равенство это надолго уничтожено—дѣятельные пути надолго остаются болѣе возбудительными, чѣмъ остальные, и разница между ними становится тѣмъ рѣзче, чѣмъ чаще повторялось возбужденіе въ той же формѣ. О вытекающемъ отсюда физіологическомъ обособленіи путей въ группы разной возбудимости рѣчь у насъ была уже выше; здѣсь же я замѣчу, что постоянной группѣ внѣшнихъ вліяній должна соотвѣтствовать

постоянная же группа путей, и что измѣненія съ обѣихъ сторонъ должны идти параллельно. Для глаза и уха эта параллельность можетъ быть доказана очень строго, и она опредѣляется устройствомъ тѣхъ поверхностей, которыя воспринимаютъ свѣтовыя и звуковыя колебанія.

Другими словами, опредѣленныя группы вліяній должны оставлять по себѣ опредѣленныя группы слѣдовъ организаціи, и соотвѣтствіе между ними должно существовать въ той же мѣрѣ, какъ между внѣшними вліяніями и актами чувствованія, потому что послѣдніе безъ соотвѣтствующаго или параллельнаго возбужденія опредѣленныхъ путей—немыслимы.

Отсюда уже явно, что запоминанію впечатлѣній должно соотвѣтствовать образованіе опредѣленныхъ слѣдовъ возбужденія въ нервной организаціи, слѣдовъ тѣмъ болѣе многочисленныхъ и разнообразныхъ по сочетаніямъ, чѣмъ чаще повторялись внѣшнія вліянія въ формѣ измѣнчивыхъ суммъ.

Въ непочатой формѣ прирожденная организація представляетъ возможность для безконечно-разнообразной группировки путей возбужденія; но эта возможность переходитъ въ дѣйствительность только подъ вліяніемъ реальныхъ возбужденій. Дѣйствуя группами, они выдѣляютъ изъ общей массы путей группы равной возбудимости, и, благодаря этому, организація расчленяется или группируется.

Вопросъ о воспроизведеніи впечатлѣній, или объ отношеніи между реальнымъ и воспроизведеннымъ чувствованіемъ, я разберу на небольшомъ числѣ примѣровъ, такъ какъ вопросъ этотъ принадлежитъ къ наиболѣе выясненнымъ въ физіологической психологіи,—по крайней мѣрѣ, съ той стороны, которая насъ интересуетъ.

Соотвѣтствуютъ ли они другъ другу по содержанію?

Здѣсь на первое мѣсто должна быть поставлена возможность ихъ тождества. Это доказывается нашей способностью заучивать на память стихи, музыкальныя мелодіи и подражать разнымъ звукамъ въ природѣ. Тотъ же смыслъ имѣютъ случаи воспроизведенія такихъ ощущеній, которыя, будучи осложнены страстнымъ элементомъ, сопровождаются одними и тѣми же двигательными реакціями, какъ при реальномъ происхожденіи, такъ и при воспоминаніи. Извѣстно, напр., что у порядочнаго человѣка воспоминаніе о какомъ-нибудь неблаговидномъ поступкѣ изъ прошлаго—можетъ вызвать краску стыда даже въ отсутствіи свидѣтелей. Къ этой же категоріи относятся случаи тошноты при воспо-

минаніи о чемъ-нибудь отвратительномъ, слюнотеченіе у голоднаго при мысли о лакомомъ кускѣ; также случай воспроизведенія «гусиной кожи» при мысли о холодѣ, описанный мною въ «Рефлексахъ Головнаго Мозга», и проч. Послѣдніе примѣры важны еще въ томъ отношеніи, что въ нихъ сказывается равнозначность реальнаго и воспроизведеннаго чувствованія, *какъ процессовъ*—равнозначность акта дѣйствительнаго видѣнія лакомаго куска и воспоминанія о немъ, реальнаго чувства холода и холода воображаемаго, такъ какъ обѣ формы чувствованія заканчиваются тождественными двигательными реакціями.

Но если приведенными примѣрами и дѣйствительно доказывается возможность тождества реальнаго и воспроизведеннаго чувствованія, то, съ другой стороны, не нужно забывать, что примѣры эти по условіямъ происхожденія принадлежатъ къ исключительнымъ. Одни изъ нихъ предполагаютъ частое повтореніе впечатлѣнія все въ одной и той же формѣ, а другіе представляютъ собственно случаи воспроизведенія крайне элементарныхъ ощущеній съ ихъ двигательными послѣдствіями. Это почти то же, что вопросъ, похожи ли другъ на друга реальный актъ видѣнія булавки и воспоминаніе объ ея образѣ.—Насъ же, очевидно, интересуетъ вопросъ во всей его цѣлостности, для всей совокупности условій происхожденія актовъ.

По счастью, опытъ даетъ ясный отвѣтъ и на вопросъ, поставленный въ такой широкой формѣ.

Между реальнымъ чувствованіемъ и послѣдующимъ воспоминаніемъ, почти никогда не бываетъ фотографическаго сходства, и тѣмъ менѣе, чѣмъ новѣе для вспоминающаго тѣ звенья, изъ которыхъ выстроено впечатлѣніе, или способъ сочетанія ихъ въ группу или рядъ. То, что̀ въ данномъ впечатлѣніи дѣйствительно ново (напр., какая-нибудь отвлеченная мысль, слышимая простолюдиномъ, или образъ сложной невиданной машины передъ глазами человѣка-неспеціалиста), воспроизводимо быть вообще не можетъ; мало знакомое воспроизводится неясно, отрывочно; фотографически же вѣрно только то, что̀ часто повторялось и не зависитъ отъ измѣнчивости условій воспріятія.

Если два человѣка разнаго возраста, разныхъ характеровъ или разной степени образованія были свидѣтелями какого-нибудь происшествія и вскорѣ затѣмъ разсказываютъ о видѣнномъ по воспоминанію, то описанія ихъ никогда не оказываются вполнѣ согласными между собою. Помимо чисто-фактической стороны дѣла, передаваемой вообще болѣе или менѣе сходно, разсказы

обыкновенно сильно разнятся между собою по общему тону, окраскѣ деталей и даже по оцѣнкѣ ихъ внутренняго смысла. Оттого и говорятъ обыкновенно, что въ описаніе по воспоминанію человѣкъ вноситъ, кромѣ объективнаго воспроизведенія фактической стороны дѣла, множество субъективныхъ элементовъ, навязанныхъ ему степенью развитія, свойствами характера, складомъ ума, настроеніемъ духа и проч. Замѣтьте, кромѣ того, что прибавленіе субъективныхъ элементовъ происходитъ настолько роковымъ и правильнымъ образомъ, что если выдумать событіе и поставить въ свидѣтели его людей съ разными, но опредѣленными складами ума, характера или темперамента, то можно напередъ предсказать, что одинъ будетъ оцѣнивать событіе именно такъ, другой иначе, одинъ будетъ смѣяться, другой чуть не плакать, для одного оно будетъ зломъ, а для другого—невинной вещью.

Видимое и слышимое нами всегда содержитъ въ себѣ элементы, уже видѣнные и слышанные прежде. Въ силу этого, во время всякаго новаго видѣнія и слышанія къ продуктамъ послѣдняго присоединяются воспроизводимые изъ склада памяти сходственные элементы, но не въ отдѣльности, а въ тѣхъ сочетаніяхъ, въ которыхъ они зарегистрованы въ складѣ памяти.— Къ эпизоду, который въ данномъ событіи игралъ третьестепенную роль, присоединяется у одного по воспоминанію совершенно такой же эпизодъ изъ прошлаго, но кончившійся крайне печально; у другого въ прошломъ нѣтъ ничего, соотвѣтствующаго событію данной минуты въ его совокупности и, какъ новинка, оно дѣйствуетъ на него очень рѣзко; третьяго, наконецъ, который много разъ видывалъ подобныя вещи, сцена оставляетъ совсѣмъ спокойнымъ.

Совершенно то же замѣчается и при передачѣ по воспоминанію фактовъ изъ научной области, прочитанныхъ ли въ книгѣ, или слышанныхъ на лекціи, хотя съ виду условія воспроизводимости здѣсь иныя, чѣмъ въ случаяхъ воспроизведенія какихъ-нибудь сценъ изъ обыденной жизни. Въ области знанія воспроизводимо можетъ быть только усвоенное—только то, что́ понято. Фотографичность воспроизведенія стоитъ здѣсь на заднемъ планѣ, главное—смыслъ слышаннаго. Если вдуматься, однако, хоть немного въ условія такъ-называемаго *пониманія* мыслей, то всегда въ результатѣ оказывается, что ключомъ къ нему можетъ быть только личный опытъ въ широкомъ значеніи этого слова. Всякая мысль, какъ бы отвлеченна она ни была, представляетъ въ сущности отголосокъ существующаго, случающагося или, по

крайней мѣрѣ, возможнаго, и въ этомъ смыслѣ она есть опытъ (вѣрный или нѣтъ, это другой вопросъ), въ различныхъ степеняхъ обобщенія. Поэтому данная мысль можетъ быть усвоена или понята только такимъ человѣкомъ, у котораго она входитъ звеномъ въ составъ его личнаго опыта или въ той же самой формѣ (тогда мысль уже старая, знакомая), или на ближайшихъ ступеняхъ обобщенія.

Итакъ, реальное и воспроизведенное чувствованія бываютъ совершенно сходны между собою по содержанію только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, потому что въ воспроизведеніи отражается не одна чисто-объективная сторона впечатлѣнія, но и та измѣнчивая умственная почва, на которую оно падаетъ. Въ реальномъ впечатлѣніи преобладающей стороной является группа внѣшнихъ толчковъ съ соотвѣтствующимъ рядомъ яркихъ чувствованій, а въ воспроизведенной формѣ—организація того слѣда, который оставленъ данной группой на душѣ. И такъ какъ организація эта измѣнчива, допускаетъ пересочетаніе элементовъ, то вообще: — *содержаніе воспроизведеннаго чувствованія опредѣляется организаціей его слѣда въ складѣ памяти въ минуту воспроизведенія.*

Дѣлая этотъ выводъ, мы имѣли въ виду двѣ формы чувствованія: одну, когда оно производилось извѣстнымъ рядомъ реальныхъ воздѣйствій, и другую—когда впечатлѣніе припоминалось безъ ихъ посредства. Но вѣдь и въ первомъ случаѣ внѣшнія воздѣйствія падаютъ не на *tabula rasa*, а на ту же или почти ту же организованную почву, которою опредѣляется воспоминаніе. Неужели почва эта не даетъ себя чувствовать во время актовъ дѣйствительнаго видѣнія и слышанія? А если да, то въ чемъ выражается ея реакція?

Дѣло опять можетъ быть разрѣшено опытомъ.

Когда на насъ дѣйствуетъ какое бы то ни было впечатлѣніе, не въ первый, а въ пятый, десятый разъ, то на душѣ, рядомъ съ нимъ, тотчасъ же появляется какое-то неуловимое движеніе, которое мы обыкновенно выражаемъ словомъ: «узнаваніе» предмета. Уже *a priori* легко догадаться, что сущность этого неуловимаго движенія должна заключаться въ воспроизведеніи стараго впечатлѣнія рядомъ съ новымъ; но на это есть не однѣ догадки, а положительные доводы.

Положимъ, я сдѣлалъ себѣ невзначай чернильное пятно гдѣнибудь на лицѣ, и меня видитъ послѣ этого знающій меня человѣкъ. Тотчасъ же, прежде чѣмъ въ его головѣ могла развиться

какая бы то ни было мысль, онъ уже сознаетъ ненормальность новаго придатка. Отчего? Да просто потому, что съ первымъ взглядомъ на мое лицо у него воспроизводится старое впечатлѣніе безъ пятна, которое ложится рядомъ съ новымъ. Только этимъ и можно объяснить непосредственность видѣнія ненормальнаго придатка.

Еще лучше доказывается сопоставленіе и соизмѣреніе даннаго реальнаго впечатлѣнія съ воспроизведеннымъ старымъ рѣзкостью дѣйствія новизны. У человѣка существуетъ, напр., въ складѣ памяти средній итогъ для величины человѣческаго носа, и вдругъ онъ встрѣчаетъ лицо съ громаднымъ носомъ—впечатлѣніе очень рѣзко. Но если это же лицо онъ видитъ потомъ часто, то рѣзкость впечатлѣнія мало-по-малу сглаживается. Объясняется же это очень просто тѣмъ, что при первой встрѣчѣ реальное впечатлѣніе могло соизмѣряться въ сознаніи только съ среднимъ итогомъ, а теперь оно соизмѣряется съ прежде бывшими впечатлѣніями отъ того же самаго лица. — Прежде соизмѣрялось большее съ меньшимъ, а теперь равное съ равнымъ.

Такое же значеніе имѣетъ извращеніе впечатлѣнія отъ роста мужчинъ и женщинъ, когда они мѣняются костюмами. Мужчина выростаетъ, а женщина кажется меньше. Низкій голосъ у женщины производитъ впечатлѣніе баса, а между тѣмъ ея нижайшія ноты принадлежатъ къ теноровому регистру. Сюда же относится, наконецъ, вся обширная область контрастовъ, выражающаяся зависимостью чувствованія не только отъ силы импульса, но и отъ свойствъ предшествующаго впечатлѣнія. Малое послѣ большого кажется еще меньше, слабое послѣ сильнаго можетъ не чувствоваться даже вовсе.

Стало-быть, фактъ сопоставленія и соизмѣренія ясенъ. Но теперь возникаетъ новый вопросъ—появляются ли оба акта въ сознаніи одновременно, что̀ потребовало бы раздвоенія путей для реальнаго и воспроизведеннаго впечатлѣнія, или они слѣдуютъ другъ за другомъ? На этотъ случай существуютъ въ сферѣ зрѣнія научные опыты, которые даютъ съ виду очень парадоксальный, но въ сущности вовсе не странный отвѣтъ: *воспроизведенный актъ опережаетъ реальный.*

Когда въ совершенно-темную ночь молнія (одиночная, не мигающая) освѣщаетъ окрестность, то мы способны различать въ этотъ мигъ нѣкоторые изъ предметовъ, на которые случайно были устремлены глаза, и узнавать ихъ. То же самое, если совершенно темная комната освѣщается одиночной сильной электрической

искрой. Продолжительность молніи и искры до такой степени мала, что въ то мгновеніе, пока она существуетъ, нервное возбужденіе не успѣваетъ распространиться отъ глазного яблока къ нервнымъ центрамъ—это извѣстно изъ данныхъ физіологіи. Значитъ, весь актъ видѣнія, по существу дѣла, есть актъ воспроизведенный, и мгновенное свѣтовое вліяніе имѣетъ здѣсь значеніе мимолетнаго толчка или намека, воспроизводящаго чувственную группу. Въ эту же категорію относятся всѣ вообще случаи узнаванія предметовъ по отрывистымъ мимолетнымъ намекамъ, недостаточно-продолжительнымъ, или недостаточно-полнымъ, чтобы вызвать впечатлѣніе въ той законченности, съ какою оно появляется въ сознаніи. Самымъ обыденнымъ примѣромъ узнаванія предметовъ по намекамъ служитъ быстрое чтеніе про себя глазами: оно такъ быстро именно потому, что слова узнаются по ихъ первымъ половинамъ, третямъ и даже четвертямъ, какъ это видно изъ нашей способности читать безъ запинки слова, написанныя на половину, треть, иногда даже четверть.

Парадоксальность вывода уменьшится еще болѣе, если принять во вниманіе, что всякое впечатлѣніе, по мѣрѣ его заучиванія, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе характеръ сплоченной чувственной группы, способной дѣйствовать автоматически при помощи какого-нибудь единичнаго возбуждающаго толчка. Въ этомъ отношеніи между заученнымъ, сгруппированнымъ впечатлѣніемъ и заученнымъ сложнымъ движеніемъ поразительное сходство [1]). Пока они заучиваются, нервное возбужденіе безпрестанно переходитъ изъ чувственной сферы въ двигательную, и отсюда (черезъ посредство системы мышечнаго чувства) опять въ чувственную; но разъ сложное впечатлѣніе и сложное движеніе координированы при посредствѣ мышечнаго чувства въ группу, возбужденіе вѣроятно минуетъ множество окольныхъ путей и развивается, благодаря этому, съ значительно-бо́льшей быстротой. Дать иное объясненіе ускоренію воспроизводимыхъ психическихъ

---

[1]) Сходство это до такой степени велико, что оно должно быть распространено и на самыя условія возникновенія привычныхъ, сгруппированныхъ чувствованій и привычныхъ, сложныхъ движеній. Тѣ и другія, благодаря частотѣ повторенія, сочетаются съ такимъ громаднымъ числомъ случайныхъ и темныхъ чувствованій, что часто могутъ приходить въ дѣятельность (чувственная группа тогда приходитъ въ сознаніе, а двигательная выражается движеніемъ) безъ всякихъ предвѣстниковъ, точно сами собою. Какъ ни характерны съ виду подобныя явленія, но они, конечно, должны быть отнесены въ категорію воспроизведеній. Разница въ ихъ кажущейся независимости отъ внѣшнихъ толчковъ можетъ быть поэтому лишь количественная; и она, конечно, должна выражаться въ движеніяхъ сильнѣе, чѣмъ въ чувствованіяхъ, потому-что движеніе практикуется вообще чаще.

ямъ, по мѣрѣ ихъ изучиванія, сколько мнѣ извѣстно, до-сихъ-поръ нельзя.

Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что для воспроизведенія привычной ассоціированной группы или ряда—а впечатлѣнія наши, какъ мы увидимъ ниже, всегда имѣютъ такой характеръ—бываетъ достаточно самаго мимолетнаго единичнаго толчка, тогда-какъ для соотвѣтственнаго реальнаго чувствованія необходимъ рядъ толчковъ. Поэтому оба процесса могутъ происходить разновременно и не требуютъ раздвоенія путей. Въ этомъ смыслѣ можно, слѣдовательно, принять съ очень большою вѣроятностью, что —

— *тѣ же самые отдѣлы центральной нервной системы, которые служатъ почвой для регистраціи впечатлѣній, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ путями, по которымъ непремѣнно проходитъ возбужденіе, какъ при воспоминаніи, такъ и при повторительномъ реальномъ воздѣйствіи.*

Послѣдній выводъ дѣлаетъ уже излишнимъ разборъ вопроса, соотвѣтствуютъ ли другъ другу реальное и воспроизведенное впечатлѣніе, какъ процессы—очевидно, да.

Существенная разница между ними заключается только въ способахъ возбужденія [1]). Реальное впечатлѣніе всегда предполагаетъ внѣшній возбуждающій объектъ, и каждому оттѣнку чувствованія всегда соотвѣтствуетъ та или другая сторона предмета, т.-е. здѣсь всѣ отдѣльные моменты чувствованія производятся отдѣльными моментами внѣшняго вліянія. Воспроизведенное впечатлѣніе характеризуется, наоборотъ, тѣмъ, что чувствованіе, по своему содержанію, можетъ не имѣть никакого прямого отношенія къ возбуждающему толчку или даже появляется въ сознаніи какъ-бы само собою—до такой степени толчокъ можетъ быть неуловимъ. На этомъ основаніи и кажется, что акты воспроизведенія впечатлѣній не только не нуждаются во внѣшнихъ соотвѣтствующихъ субстратахъ, но даже вообще въ какихъ-либо толчкахъ извнѣ.

Убѣдиться, однако, въ необходимости такихъ толчковъ можно изъ слѣдующаго.

Для всѣхъ безъ исключенія впечатлѣній, ассоціированныхъ

---

[1]) Между реальнымъ и воспроизведеннымъ впечатлѣніемъ существуетъ еще разница въ степени яркости или живости; но она, во-первыхъ, количественная; во-вторыхъ, опредѣляется тѣмъ, что въ воспроизведенныхъ актахъ возбужденіе идетъ по среднему или результирующему слѣду отъ многихъ однородныхъ предшествовавшихъ впечатлѣній, по общему ядру многихъ группъ, тогда-какъ въ реальномъ впечатлѣніи отражается вся индивидуальная сторона возбуждающаго предмета.

въ группы или ряды, наблюдательная психологія давнимъ-давно установила такъ-называемые законы воспроизведенія ассоціацій черезъ посредство возбужденія одного изъ ея членовъ; слѣдовательно, типъ воспроизведенія толчкомъ извнѣ признается какъ возможность для всѣхъ ассоціацій вообще. Но если бы вы спросили психолога, существуютъ ли какія-нибудь предѣлы ассоціаціи, или свойства ея членовъ, внѣ которыхъ воспроизведеніе уже не можетъ совершаться по тому же типу,—то отвѣтъ былъ бы отрицательный. Значитъ, всякое вообще впечатлѣніе, какъ сумма или рядъ отдѣльныхъ чувственныхъ актовъ, можетъ воспроизводиться сказаннымъ образомъ. Спросите далѣе, но уже физіолога, а не психолога, не найдется ли почти въ каждой, или даже каждой ассоціаціи (также и въ впечатлѣніи, какъ суммѣ отдѣльныхъ чувственныхъ актовъ) такихъ членовъ, которые, по своей неясности, могли бы легко просматриваться? Отвѣтъ будетъ утвердительный: въ каждой ассоціаціи, въ каждомъ сгруппированномъ впечатлѣніи присутствуютъ, напр., элементы темнаго мышечнаго чувства, сопровождающаго двигательныя реакціи тѣла; почти каждое впечатлѣніе ассоціируется съ еще болѣе темными системными чувствами. Стóитъ, слѣдовательно, допустить возможность первичнаго возбужденія этихъ темныхъ звеньевъ—и тогда вся ассоціація воспроизводится по типу возбужденія внѣшнихъ толчковъ, а между тѣмъ толчокъ просматривается.

Помимо частныхъ примѣровъ, говорящихъ въ пользу возможности воспроизведенія впечатлѣній этими скрытными темными путями, въ справедливости защищаемаго мною положенія убѣждаетъ еще и то обстоятельство, что всѣ исключенія изъ этого правила касаются случаевъ воспроизведенія актовъ наиболѣе привычныхъ, т.-е. такихъ, которые повторялись въ жизни всего чаще и повторялись, слѣдовательно, при наибольшемъ разнообразіи сопутствующихъ побочныхъ вліяній. Явно, что для нихъ шансы ассоціированія съ звеньями, неимѣющими никакого прямого отношенія къ воспроизводимому, должны быть наибольшіе. Притомъ, чѣмъ чаще повторяется данный актъ, тѣмъ слѣдъ его въ организаціи раздражительнѣе, и возбужденіе вызывается тогда толчками болѣе и болѣе мимолетными или слабыми.

Итакъ, доводовъ въ пользу принятія приведеннаго воззрѣнія очень много, а выгодъ отъ этого еще больше. При такомъ взглядѣ на дѣло законъ воспроизведенія впечатлѣній (какъ суммъ отдѣльныхъ чувствованій) и ассоціацій сводится очень просто къ тому, что извнѣ первично возбуждаются не всѣ звенья чувствованія, какъ въ реальномъ впечатлѣніи, а какое-нибудь одно, два звена—

часто совершенно побочныя — или даже всѣ разомъ, но настолько мимолетно, что возбужденіе и въ послѣднемъ случаѣ получаетъ значеніе толчка или намека.

Когда возбуждающій элементъ входитъ ясно-сознаваемымъ членомъ въ чувственную группу или рядъ, то воспроизведеніе можно назвать совершающимся въ силу принадлежности элемента къ группѣ и ряду, или въ силу сходства его съ соотвѣтствующими элементами группы или ряда.

Значитъ, *всякое впечатлѣніе воспроизводится въ тѣхъ же самыхъ главныхъ направленіяхъ, въ которыхъ оно зарегистровывается въ памяти.*

Другое, еще болѣе важное послѣдствіе приведеннаго воззрѣнія заключается въ томъ, что оно въ чрезвычайной степени упрощаетъ взглядъ на всю внѣшнюю сторону психической дѣятельности, сводя внѣшнее происхожденіе ихъ на воздѣйствіе извнѣ въ формѣ сгруппированныхъ и отрывочныхъ вліяній.

IV.

Внѣшнія вліянія, какъ комплексы движеній. — Группировка фокусовъ ихъ дѣйствія въ пространствѣ и во времени. — Соотношеніе между группировкой внѣшнихъ вліяній — группировкой чувствованій, опредѣляемое устройствомъ воспринимающихъ снарядовъ. — Глазъ, какъ орудіе пространственныхъ и преемственныхъ отношеній. — Общее резюме.

Большая часть двухъ предыдущихъ главъ ушла на то, чтобы выяснить, въ общихъ чертахъ, первоначальные шаги эволюціи или расчлененія слитныхъ ощущеній. Вѣрный разъ-принятой гипотезѣ Спенсера, я старался вывести весь процессъ только изъ повторяющихся взаимодѣйствій двухъ измѣнчивыхъ факторовъ, внѣшнихъ вліяній и почвы, на которую они падаютъ, изъ повторяющихся внѣшнихъ воздѣйствій и реакцій со стороны нервно-психической организаціи, какъ чувственныхъ, такъ и двигательныхъ. При этомъ я особенно сильно налегалъ на коренныя свойства нервной организаціи, которыми опредѣляется возможность расчлененія слитныхъ ощущеній и связыванія расчлененнаго въ группы или ряды; и общая роль ея въ этомъ дѣлѣ выяснена настолько, что я могъ бы тотчасъ же опредѣлить нѣкоторые изъ общихъ элементовъ мысли [элементы эти, какъ читатель помнитъ, суть: раздѣльность объектовъ, сопоставленіе ихъ другъ съ другомъ и общія направленія сопоставленій]. Но сдѣлать этого для

всѣхъ элементовъ нельзя, пока не выяснена вполнѣ общая роль другого основного фактора—внѣшнихъ воздѣйствій.

Выше я, правда, касался и этого пункта, но мимоходомъ и въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Такъ, чтобы сдѣлать понятнымъ обособленіе впечатлѣній изъ слитныхъ формъ чувствованія, мнѣ пришлось представлять внѣшнія воздѣйствія въ видѣ «измѣнчивыхъ суммъ» или рядовъ, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ, что опредѣленной суммѣ вліяній всегда соотвѣтствуетъ опредѣленная группа чувствованій. Но дальше этого дѣло не шло. Формула въ видѣ «измѣнчивой суммы» была достаточна для того, чтобы выяснить процессы расчлененія или группировки впечатлѣній вообще и показать вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость участія внѣшнихъ вліяній въ этомъ процессѣ; но она слишкомъ обща и не даетъ направленій измѣнчивости. Поэтому формулу слѣдуетъ развернуть.

Здѣсь меня, однако, всякій въ правѣ остановить вопросомъ, ужъ не имѣю ли я въ виду трактовать о внѣшнихъ вліяніяхъ, какими они должны быть помимо производимыхъ ими въ насъ чувствованій; или же я намѣренъ говорить собственно о группировкѣ впечатлѣній и дѣлать выводы о внѣшнихъ вліяніяхъ уже отсюда. Первое значило бы вдаваться въ область метафизики, а второе (по крайней мѣрѣ съ виду) соотвѣтствовало бы признанію, что принимать въ разсчетъ внѣшнія воздѣйствія при изученіи развитія ощущеній нечего, такъ какъ свойства ихъ, помимо нашихъ чувствованій, не могутъ быть намъ извѣстны.

Объясненіе очевидно неизбѣжно, потому что дѣло идетъ о приложимости теоріи Спенсера къ изученію психическихъ явленій.

Замѣчу прежде всего, что даже между профессіональными философами въ настоящее время едвали найдутся люди, которые не вѣрили бы въ объективную реальность внѣшняго міра съ его воздѣйствіями на наши чувства. Значитъ, мысль, что вліянія извнѣ должны входить факторами въ акты чувствованія—неизбѣжна. Представить себѣ эти факторы въ какой-нибудь внѣчувственной формѣ, конечно, нельзя; но, съ другой стороны, положительно извѣстно, что когда внѣшнія вліянія измѣняются въ какомъ бы то ни было отношеніи, видоизмѣняется соотвѣтственнымъ, опредѣленнымъ образомъ и чувствованіе—все содержаніе физическаго и физіологическаго ученія о свѣтѣ и звукѣ, этихъ главнѣйшихъ формахъ чувствованія, свидѣтельствуетъ въ пользу такого соотвѣтствія. Оба отдѣла знанія можно, въ сущности, разсматривать какъ-бы состоящими изъ двухъ параллельныхъ поло-

ниѣ—въ одной собраны видоизмѣняющіяся формы чувствованія, а въ другой—видоизмѣняющіяся объективныя условія видѣнія и слышанія. Рядъ такихъ соотвѣтствій, умножаясь болѣе и болѣе, и далъ собственно физику возможность отдѣлить обѣ половины другъ отъ друга и облечь внѣшнія вліянія въ чисто-механическую форму движеній и толчковъ, при встрѣчѣ ихъ съ чувствующими поверхностями нашего тѣла. Съ той поры стало возможнымъ не только говорить отдѣльно другъ отъ друга о чувствованіи и его внѣшнихъ физическихъ причинахъ, но даже предсказывать видоизмѣненія въ характерѣ чувствованія по данному новому сопоставленію внѣшнихъ вліяній, выраженному въ терминахъ движенія. Шагъ огромный, если принять во вниманіе, что исходными пунктами воззрѣній служили чувственные конкреты, а въ результатѣ получилась возможность выдѣлить изъ нихъ извѣстную сумму сравнительно очень простыхъ (т.-е. очень легко и опредѣленно расчленяемыхъ) механическихъ отношеній, въ качествѣ внѣшнихъ опредѣлителей той или другой стороны чувствованія. Изученіе всѣхъ вообще сложныхъ явленій заключается въ томъ, чтобы разложить его на болѣе простые факторы или отношенія; и разъ это удалось, отношенія болѣе простого порядка становятся объяснителями исходнаго конкрета, несмотря на то, что они выведены изъ него.

Послѣ такого объясненія можно уже прямо сказать, что, говоря о внѣшнихъ вліяніяхъ, какъ самостоятельныхъ факторахъ въ дѣлѣ эволюціи ощущеній, я буду разумѣть подъ ними то же, что физикъ, т.-е. разныя формы движенія, и стану приписывать имъ только тѣ свойства, которыя приписываются свѣтовымъ и звуковымъ колебаніямъ или движеніямъ вообще, сознавая въ то же время, что хотя для человѣка эти свойства и суть продукты расчлененнаго чувственнаго опыта, но за ними скрывается нѣчто положительное, реальное.

Итакъ, попробуемъ, нельзя ли отыскать въ свойствахъ внѣшнихъ вліяній, разсматриваемыхъ какъ движенія, критеріевъ для группировки воздѣйствій въ формѣ болѣе расчлененной, чѣмъ «измѣнчивая сумма».

Для этого вообразимъ себѣ воспринимающій организмъ окруженнымъ свѣтовыми и звуковыми колебаніями, или, еще проще, разбросанными въ пространствѣ неподвижными фокусами свѣта и звуковъ. Положимъ, звучащихъ тѣлъ будетъ 3, и отстояніе самаго дальняго не превышаетъ версты, а удаленіе ближайшаго не доходитъ до $^1/_2$ версты.

Если время дѣйствія внѣшнихъ вліяній раздѣлить мысленно на очень маленькіе участки съ пустыми промежутками и считать организмъ все время дѣйствія неподвижнымъ, то легко понять, что въ теченіи перваго мгновенія шансы достигнуть организма почти одновременно изъ всѣхъ точекъ пространства будутъ только для свѣтовыхъ вліяній, по причинѣ чрезвычайной быстроты распространенія свѣта. Звукъ же можетъ не успѣть придти въ это время даже изъ ближайшаго пункта. Значитъ, въ первое мгновеніе получится почти одновременная, практически же совершенно одновременная, группа свѣтовыхъ вліяній изъ разбросанныхъ фокусовъ, и только она одна. Въ послѣдующее мгновеніе образъ дѣйствія свѣтовыхъ вліяній остается прежній—это опять одновременная группа; но теперь къ ней присоединяется звуковое дѣйствіе изъ ближайшей точки. Въ третье мгновеніе къ этой суммѣ, остающейся въ прежней формѣ, присоединяется звуковое вліяніе отъ второй точки, затѣмъ отъ третьей; и только черезъ четыре мгновенія, если вліянія продолжаются въ неизмѣнной формѣ, наступаютъ условія одновременнаго дѣйствія звуковыхъ и свѣтовыхъ явленій вмѣстѣ. Теперь изгладимъ пустые промежутки между отдѣльными моментами дѣйствія и посмотримъ что̀ будетъ. Свѣтовыя вліянія и теперь сохранятъ за собою характеръ одновременной группы дѣйствій, направленныхъ изъ разныхъ точекъ пространства, звуковыя же сольются въ измѣнчивый послѣдовательный рядъ; и такъ какъ разница эта обусловлена различіемъ въ скоростяхъ распространенія свѣта и звука, то выводъ, очевидно, будетъ вѣренъ для всякаго случая, гдѣ съ свѣтомъ сопоставляется движеніе болѣе медленное, чѣмъ звукъ.

Если же свѣтъ и звукъ, исходящіе изъ того или другого фокуса, мѣняются въ силѣ или періодахъ колебаній, и мы опять раздѣлимъ время ихъ дѣйствія на организмъ на маленькіе участки, то въ отношеніи звуковъ картина вліяній измѣнится только въ одномъ отношеніи—послѣдовательный рядъ сдѣлается еще болѣе измѣнчивымъ. Для свѣтовыхъ же вліяній въ каждый отдѣльный моментъ будетъ получаться по прежнему одновременная группа, но мѣняющаяся по содержанію отъ одного момента къ другому. Въ цѣломъ получится, значитъ, рядовое расположеніе измѣнчивыхъ группъ.

Такой же характеръ принимаетъ, наконецъ, дѣйствіе и въ томъ случаѣ, когда свѣтящіяся тѣла перемѣщаются въ пространствѣ; потому что, если раздѣлить тогда время дѣйствія на маленькіе участки, то характеръ вліяній будетъ тотъ же, какъ если бы они выходили изъ возникающихъ послѣдовательно другъ за дру-

гомъ свѣтящихся фокусовъ, расположенныхъ въ направленіи перемѣщеній.

Стало быть, изъ всѣхъ вліяній одни только свѣтовыя имѣютъ постоянные шансы дѣйствовать на организмъ одновременными группами, какъ бы ни были разбросаны ихъ фокусы въ пространствѣ и какъ бы коротко ни было время дѣйствія. Для звуковъ шансы эти меньше, и тѣмъ болѣе для движеній менѣе быстрыхъ, чѣмъ звукъ, каково большинство перемѣщеній земныхъ тѣлъ. Здѣсь шансы уже въ пользу группировки въ видѣ послѣдовательнаго, болѣе или менѣе измѣнчиваго ряда во времени. При этомъ условіи основнымъ характеромъ свѣтовой группы должна быть неподвижность свѣтовыхъ фокусовъ, рядомъ съ ихъ пространственной или топографической раздѣльностью; тогда какъ рядъ долженъ характеризоваться измѣнчивостью звеньевъ во времени.

Итакъ:

Внѣшнія вліянія дѣйствуютъ на наши чувства въ двухъ главныхъ формахъ [1])—

въ видѣ группы, членораздѣльной въ пространствѣ,	и	въ видѣ ряда, членораздѣльнаго во времени.

При повтореніи вліяній группа и рядъ могутъ измѣняться только количественно:

— группа: со стороны общей пространственной протяженности, числа фокусовъ различнаго дѣйствія (по интенсивности и другимъ характерамъ движеній) и ихъ взаимнаго топографическаго положенія;	— рядъ: со стороны протяженности во времени, числа фокусовъ различнаго дѣйствія (по интенсивности и другимъ характерамъ движеній) и послѣдованія ихъ дѣйствій другъ за другомъ во времени.

Нужно ли говорить, какое громадное разнообразіе видоизмѣненій скрывается за этими общими формулами, выраженными небольшимъ числомъ словъ.—При взглядѣ на внѣшнія вліянія, какъ на одновременные и послѣдовательные комплексы движеній, на первый планъ выступаетъ уже не забота объ измѣнчивости ихъ —такъ она, очевидно, велика—а вопросъ о томъ, при посредствѣ какого устройства воспринимающихъ чувствующихъ снарядовъ человѣкъ выпутывается изъ этого хаоса внѣшнихъ вліяній,

[1]) При этомъ для ясности прошу держать въ умѣ, что одной формѣ соотвѣтствуетъ, напр., одновременная свѣтовая группа, а другой—рядъ измѣнчивыхъ звуковъ.

если они дѣйствуютъ на его чувства дѣйствительно группами и рядами.

Говорить подробно о приспособленіи трехъ высшихъ органовъ чувствъ, зрѣнія, осязанія и слуха, къ воспріятію впечатлѣній въ этой формѣ—значило бы вставить въ нашъ очеркъ почти всю анатомію и физіологію органовъ чувствъ, и тогда вставка далеко превысила бы своимъ объемомъ весь предлагаемый трактатъ о мышленіи. Поэтому я принужденъ ограничиться здѣсь немногими общими замѣчаніями, отсылая читателя за подробностями къ учебникамъ физіологіи.

Если мы дѣйствительно воспринимаемъ впечатлѣнія въ формѣ одновременныхъ группъ или преемственныхъ рядовъ, то, въ виду уже извѣстныхъ намъ свойствъ свѣтовыхъ вліяній, между всѣми органами чувствъ глазъ долженъ быть болѣе всѣхъ другихъ приспособленъ къ воспринятію одновременныхъ группъ. И мы видимъ это въ самомъ дѣлѣ такъ.

Пространство, обозрѣваемое глазами въ глубь и ширь, далеко превышаетъ собою сферу слышанія и обонянія (тѣмъ болѣе сферу осязанія и вкуса, которые дѣятельны только на близкихъ разстояніяхъ); и это достигается, съ одной стороны, обширностью его поля зрѣнія, какъ оптическаго инструмента, съ другой—чрезвычайной чувствительностью къ свѣту сѣтчатки, благодаря которой (т.-е. чувствительности) мы видимъ предметы, удаленные отъ насъ на нѣсколько десятковъ верстъ.

Свѣтовыя вліянія членораздѣльны, потому что ихъ можно представлять себѣ исходящими изъ раздѣльныхъ въ пространствѣ свѣтовыхъ фокусовъ; и въ чувствованіи они сохраняютъ членораздѣльность, благодаря тому, что внѣшнія свѣтовыя картины рисуются на воспринимающей поверхности глаза (сѣтчаткѣ) съ вѣрностью почти фотографическою; притомъ сѣтчатка устроена такъ, что каждая отдѣльная точка ея, подвергающаяся дѣйствію свѣтового луча, воспринимаетъ его единично. Фотографическое сходство между внѣшними картинами и ихъ образами внутри глаза достигается, какъ извѣстно, тѣмъ, что свѣтъ преломляется въ глазу совершенно также, какъ въ чечевицахъ оптическихъ инструментовъ; а точечное воспріятіе свѣтовыхъ образовъ—тѣмъ, что отъ каждой точки сѣтчатки идетъ къ нервнымъ центрамъ отдѣльный нервный путь. Значитъ, сколько отдѣльныхъ точекъ сѣтчатки покрывается свѣтовымъ образомъ, столько же ихъ и чувствуется. Замѣтьте притомъ, что образы фиксируемыхъ предметовъ падаютъ всегда на одно и то же мѣсто сѣтчатки; слѣдо-

вательно, одной и той же внѣшней группѣ всегда соотвѣтствуетъ одна и та же группа нервныхъ путей.

Движенія, выходящія изъ разныхъ фокусовъ свѣтовой группы, не одинаковы и отличаются либо интенсивностью, либо періодами колебаній (фокусы различнаго дѣйствія). Соотвѣтственно этому глазъ во всѣхъ точкахъ своей сѣтчатки способенъ реагировать на силу дѣйствія (ощущать свѣтъ болѣе или менѣе ярко) и приноровленъ къ видѣнію цвѣтовъ [1]).

Наконецъ, свѣтовая группа характеризуется топографическими связями или отношеніями между фокусами различнаго дѣйствія; и въ чувствованіи эта сторона выражена нашею способностью различать въ зрительной картинѣ близь и даль, то, что лежитъ выше и ниже, правѣе или лѣвѣе, что больше, что меньше, различать очертанія предметовъ, ихъ рельефность и проч. Все это дается вмѣшательствомъ приспособительныхъ двигательныхъ реакцій глаза въ акты видѣнія. Даль, близь, величина и форма предметовъ суть продукты расчлененнаго мышечнаго чувства.

Но это еще не все. Выше, на стр. 69—70, я разъ, мелькомъ, замѣтилъ, что расчлененію сложныхъ зрительныхъ картинъ въ чувствованіи могло бы способствовать, между прочимъ, болѣе яркое освѣщеніе нѣкоторыхъ частей картины сравнительно съ другими, и провелъ тогда параллель между этимъ условіемъ и образованіемъ болѣе яркихъ слѣдовъ въ организаціи отъ общаго ядра измѣнчивыхъ суммъ. Теперь я имѣю возможность провести параллель между тѣмъ же условіемъ и одной прирожденной чертой въ организаціи самого глаза. Въ дѣлѣ различенія формъ не всѣ части сѣтчатки организованы одинаково тонко: близъ самой середины ея, насупротивъ зрачка, лежитъ такъ-называемое желтое пятно, мѣсто наиболѣе отчетливаго видѣнія формъ. Здѣсь точки, воспринимающія свѣтъ единично, гораздо мельче, лежатъ тѣснѣе, и, благодаря этому, въ частяхъ образа, падающихъ на желтое пятно, чувствуется для данной величины пространства бóльшее число точекъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Не соотвѣтствуетъ ли это въ самомъ дѣлѣ тому, какъ если бы въ картинѣ, стоящей передъ нашими глазами, одна часть была освѣщена рѣзче всѣхъ прочихъ? И нужно ли доказывать, что результатомъ подобнаго устройства должна быть способность выдѣлять изъ

[1]) Первое объясняется общимъ свойствомъ нервнаго вещества—возбуждаться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе толчки; видѣніе же цвѣтовъ не объяснено до сихъ поръ съ положительностью; поэтому я и обхожу этотъ пунктъ молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что гипотеза видѣнія цвѣтовъ потребовала бы для разъясненія много времени и мѣста.

общей зрительной картины нѣкоторые отдѣлы, т.-е. дробить или расчленять цѣлое на части?

Таково устройство глаза, какъ снаряда для воспринятія одновременныхъ свѣтовыхъ группъ.

Чувствующій снарядъ руки, служащій для воспринятія осязательныхъ группъ, устроенъ въ общихъ чертахъ по тому же типу; но онъ приспособленъ, конечно, на случаи непосредственнаго соприкосновенія предметовъ съ поверхностью нашего тѣла.

Что касается слуха, то организація его, по самому смыслу дѣла, должна быть направлена не столько въ сторону пространственныхъ отношеній между звучащими фокусами, сколько въ сторону разграниченія отдѣльныхъ толчковъ во времени и различенія предшествующаго отъ послѣдующаго. Самымъ нагляднымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить воспріятіе человѣческой рѣчи и музыкальныхъ произведеній, гдѣ характерность ряда исчерпывается особенностями составныхъ звуковъ, ихъ растянутостью во времени, интервалами и проч., безъ всякаго отношенія къ топографіи звучащихъ фокусовъ [1]).

Вывести всѣ субъективные характеры слуховыхъ явленій изъ устройства слухового аппарата—физіологіи, правда, еще не удалось; но вопросъ все-таки значительно подвинутъ впередъ блистательными изслѣдованіями Гельмгольтца и въ этой области. Теперь можно утверждать почти съ достовѣрностью, что въ дѣлѣ воспріятія такъ-называемыхъ музыкальныхъ тоновъ (колебательныхъ движеній съ правильными періодами) и гласныхъ звуковъ рѣчи главную роль играетъ система созвучащихъ тѣлъ улитки—родъ струннаго инструмента съ нѣсколькими десятками тысячъ струнъ, настроенныхъ на разные лады. Каждую струну этого инструмента считаютъ способной отвѣчать (созвучать) только на тонъ извѣстной высоты и приводятъ, кромѣ того, въ связь съ отдѣльнымъ нервнымъ путемъ. Благодаря этому, одновременныя и послѣдовательныя группы звуковъ должны возбуждать одновременно или послѣдовательно строго опредѣленныя группы нервныхъ путей. Всю качественную сторону отдѣльныхъ музыкальныхъ и гласныхъ звуковъ, высоты и тэмбра современная физика сводитъ на составъ ихъ изъ простыхъ тоновъ разной высоты, а физіологія—на разный составъ путей возбужденія. Силѣ и про-

---

[1]) Животныя съ подвижными ушами, вѣроятно, различаютъ топографію звуковыхъ фокусовъ гораздо отчетливѣе человѣка, у котораго ушная раковина почти вовсе неподвижна.

должительности звука соотвѣтствуетъ, наконецъ, степень и продолжительность возбужденія. Послѣднею стороною слухъ походитъ на мышечное чувство. Только этимъ двумъ формамъ присуще непосредственно чувство времени, какъ это видно изъ нашей способности сознавать звукъ и всякое мышечное движеніе, какъ нѣчто непрерывно-тянущееся во времени, и еще болѣе изъ нашей привычки мѣрить время короткими промежутками между звуками или періодическими сокращеніями мышцъ.

Послѣдній важный пунктъ въ вопросѣ о приспособленіи органовъ чувствъ къ воспріятію внѣшнихъ вліяній въ формѣ группъ и рядовъ касается случая *видимыхъ* (слѣдовательно—глазомъ) перемѣщеній внѣшнихъ предметовъ.

Всякое движеніе слагается, какъ извѣстно, изъ двухъ элементовъ: пространства и времени; поэтому понятно, что—орудіе воспріятія видимыхъ перемѣщеній—нашъ глазъ долженъ совмѣщать въ себѣ условія пространственныхъ и послѣдовательныхъ различеній; и мы дѣйствительно видимъ самое изумительное выполненіе этой задачи въ сочетаніи зрительной дѣятельности глаза съ цѣлою системою движеній, координирующихся опредѣленнымъ образомъ съ перемѣщеніями предметовъ. Глазъ, уже какъ орудіе раздѣльнаго воспріятія неподвижныхъ свѣтовыхъ фокусовъ, способенъ давать до извѣстной степени данныя относительно направленія и быстроты перемѣщенія движущихся предметовъ (какъ это видно, напримѣръ, изъ того, что когда въ темнотѣ передъ неподвижнымъ глазомъ двигается свѣтящаяся точка, мы ощущаемъ и ея путь, и скорость перемѣщенія); но данныя эти далеко не полны. Вообразите себѣ, наоборотъ, что устройство глаза даетъ человѣку возможность, не трогаясь съ мѣста, бѣгать рядомъ съ движущимся предметомъ, не только по направленію его пути, но и съ тѣми же самыми скоростями, съ какими перемѣщается предметъ,—и вы получите то, что̀ дѣйствительно осуществлено двигательной системой глаза. Мы дѣйствительно постоянно бѣгаемъ глазами за движущимися предметами, постоянно участвуемъ въ этихъ движеніяхъ своей собственной особой (это не метафора, а реальность!), и уже на этомъ основаніи познаемъ движеніе полнѣе. Но это не главное; всего важнѣе здѣсь то, что движеніе, происходящее извнѣ, переводится на движеніе же, но только внутри самого организма, способное непосредственно отражаться въ его чувствованіи опредѣленными знаками—мышечнымъ чувствомъ. Благодаря этому обстоятельству, изъ всѣхъ явленій природы одно только такъ-называемое чистое движеніе

переводится въ чувствованіи на языкъ наиболѣе близкій къ реальному порядку вещей, представляется наиболѣе простымъ и понятнымъ — и, наконецъ, составляетъ самый крайній предѣлъ упрощеній при анализѣ сложныхъ явленій природы.

Въ заключеніе я попытаюсь представить функціи глаза нѣсколько нагляднѣе, чтобы еще болѣе выяснить значеніе его, какъ орудія различенія пространственныхъ и преемственныхъ отношеній. Представимъ себѣ на минуту, что человѣкъ всю свою жизнь смотритъ на окружающіе его предметы однимъ глазомъ черезъ родъ волшебной трубки, которая позволяла бы ему видѣть заразъ только по одному предмету. При такомъ условіи процессы воспріятія и запоминанія были бы у него рядомъ отдѣльныхъ актовъ, не связанныхъ другъ съ другомъ никакими иными отношеніями, кромѣ *случайныхъ* передвиженій трубки съ одного предмета на другой. Весь вещественный видимый міръ представлялся бы его сознанію въ формѣ безсвязнаго ряда образовъ, лишеннаго тѣхъ соединительныхъ звеньевъ, которыя называются предметными отношеніями и зависимостями—звеньевъ, которыя одни придаютъ воспринимаемому внѣшнему міру подвижность, жизнь и смыслъ. Міръ въ сознаніи такого человѣка могъ бы отличаться достаточнымъ разнообразіемъ формъ; но познаніе предметныхъ связей было бы для него до тѣхъ поръ невозможно, пока передвиженія магической трубки не были бы подчинены опредѣленному закону. Нѣкотораго познанія въ этомъ отношеніи онъ могъ бы достигнуть, напр., тѣмъ, если бы трубка вращалась, какъ радіусъ въ площади горизонтальнаго круга, центромъ котораго служитъ глазъ, на равныя, маленькія и всегда отмѣчаемыя дуги; и послѣ всякаго горизонтальнаго перемѣщенія двигалась бы еще въ вертикальной плоскости вверхъ и внизъ опять на опредѣленные углы. Какъ бы ни была утомительна подобная работа, но нѣкоторое познаніе взаимнаго положенія неподвижныхъ предметовъ было бы пріобрѣтено, притомъ *при помощи опредѣленной системы передвиженій, созданной самимъ человѣкомъ.*

Если бы волшебная трубка, помимо перемѣщеній въ горизонтальной и вертикальной плоскостяхъ, была снабжена еще приспособительнымъ механизмомъ для различенія удаленій предметовъ отъ глаза, то этотъ 3-й рядъ считываній давалъ бы топографію предметовъ въ глубь, и глазъ дѣйствительно различалъ бы пространственныя отношенія между неподвижными предметами.

Но онъ все-таки не былъ бы ни орудіемъ пространственнаго анализа группъ, такъ какъ видѣніе ихъ было бы ему навѣки

недоступно, ни орудіемъ различенія движеній. Если бы въ самомъ дѣлѣ поле зрѣнія глаза было всегда занято фиксируемымъ предметомъ, то перемѣщаясь въ пространствѣ, послѣдній очень быстро исчезалъ бы изъ сферы видѣнія уже на этомъ основаніи, а еще болѣе потому, что при всѣхъ перемѣщеніяхъ промежуточныхъ по направленію между отвѣснымъ и горизонтальнымъ, глазу приходилось бы двигаться въ безконечно малые промежутки времени по очереди, то горизонтально, то отвѣсно, чтобы не потерять его изъ виду.

Представьте себѣ наоборотъ, что человѣкъ видитъ всегда обширныя группы предметовъ, что въ рукахъ у него, кромѣ того, волшебная трубка, позволяющая выдѣлять изъ группы нѣкоторыя части съ бо́льшею отчетливостью; что глаза различаютъ удаленіе предметовъ, и что, наконецъ, существуетъ опредѣленная законность въ передвиженіяхъ трубки, *создаваемая однако не самимъ человѣкомъ, а характерными особенностями неподвижныхъ или движущихся элементовъ группы*. Это будетъ нормальный человѣкъ съ желтымъ пятномъ сѣтчатки, какъ эквивалентомъ волшебной трубки, мышечнымъ чувствомъ, какъ регистраторомъ величины, направленія и скорости ея перемѣщеній, и съ готовой во внѣшней природѣ канвою для послѣднихъ.

Группы и ряды, съ ихъ пространственными и преемственными отношеніями, даны внѣ насъ, т.-е. независимо отъ насъ, можетъ быть въ иной формѣ, чѣмъ въ нашемъ чувствованіи; но, во всякомъ случаѣ, въ формѣ неизмѣнной, когда соотвѣтственное чувствованіе постоянно, и измѣнчивой, когда послѣднее видоизмѣняется отъ одного воспріятія къ другому. Какой-нибудь ландшафтъ при данномъ освѣщеніи, разсматриваемый всегда съ одного и того же пункта, есть группа постоянная. Данное дерево, при тѣхъ же условіяхъ видѣнія, есть тоже неизмѣнная группа, только меньшей величины; маленькая букашка, въ свою очередь, группа, и т. д. Все членораздѣльное въ оптическомъ отношеніи составляетъ вообще *видимую* или *зрительную* группу. Тотъ же ландшафтъ, то же дерево и та же букашка, разсматриваемые при разныхъ условіяхъ освѣщенія и съ разныхъ точекъ зрѣнія, представляютъ, наоборотъ, группы уже измѣнчивыя (отъ одного случая видѣнія къ другому), но сходныя между собою.

Что касается до ряда, то ему соотвѣтствуютъ вообще всякія чувствуемыя перемѣны въ состояніи предметовъ. Гроза есть рядъ настолько постоянный, насколько она слагается преемственно изъ заволакиванія неба тучами, воя вѣтра, молніи, ударовъ грома и

дождя и настолько измѣнчивый, насколько мѣняются отъ одной грозы къ другой интенсивность явленій и быстрота ихъ чередованія. Лающая собака, пролетѣвшая муха, падающая звѣзда, чириканье воробья—все это ряды.

Итакъ, одновременные и послѣдовательные комплексы движеній во внѣшнемъ мірѣ отражаются въ чувствованіи группами и рядами, сосуществованіемъ и послѣдованіемъ. Въ первыхъ звенья связаны другъ съ другомъ исключительно пространственными отношеніями, а въ ряды входитъ, какъ необходимый элементъ, преемственность во времени. Если данный комплексъ движеній повторяется въ неизмѣнной формѣ, то онъ зарегистровывается въ памяти и воспроизводится, какъ неизмѣнная группа или рядъ (запоминаемое лицо человѣка или басня, выученная наизусть). Если же повтореніе связано съ частными видоизмѣненіями комплекса, какъ это бываетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, то зарегистровывается сильнѣе прочаго то, что оставалось при повтореніи неизмѣннымъ, или измѣнялось очень незначительно и воспроизводится всего легче въ этой сокращенной формѣ. Черезъ это группа распадается мало-по-малу на части, расчленяется. Но чѣмъ же обезпечивается неизмѣнность порядка расчлененія? Для этого, очевидно, необходимо строгое соотвѣтствіе между комплексами внѣшнихъ движеній и путями возбужденія, такъ чтобы опредѣленной группѣ или ряду вліяній всегда соотвѣтствовала опредѣленная группа путей; и выше было уже показано, что въ организаціи зрительнаго и слухового аппарата условіе это строго выполнено. Значитъ, вообще—

одновременному опредѣленному комплексу извнѣ всегда соотвѣтствуетъ опредѣленная чувственная группа, а послѣдовательному комплексу—чувственный рядъ.

Но мы знаемъ, что всѣ наши ощущенія, по крайней мѣрѣ высшаго порядка, объективируются, т.-е. относятся наружу въ направленіи къ ихъ внѣшнимъ источникамъ; поэтому понятно, что весь внутренній распорядокъ чувствованія переносится во внѣшній міръ и пріурочивается къ его содержимому, т.-е. внѣшнимъ предметамъ и явленіямъ. Этимъ я воспользуюсь, чтобы формулировать группировку какъ внѣшнихъ вліяній, такъ и соотвѣтствующихъ имъ чувствованій въ слѣдующей окончательной формѣ.

Насколько комплексы внѣшнихъ вліяній постоянны, всякій внѣшній предметъ или явленіе (т.-е. объективированное чувствованіе) *фиксируется въ памяти и воспроизводится въ сознаніи*

не иначе, какъ членомъ пространственной группы, или членомъ преемственнаго ряда, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Насколько комплексы внѣшнихъ вліяній измѣнчивы, всякій внѣшній предметъ или явленіе фиксируется въ памяти и воспроизводится въ сознаніи, какъ сходственный членъ измѣнчивыхъ группъ и рядовъ.

Или еще короче:

Всякій внѣшній предметъ или явленіе фиксируется въ памяти и воспроизводится въ сознаніи въ трехъ главныхъ направленіяхъ: какъ членъ пространственной группы, какъ членъ преемственнаго ряда и какъ членъ сходственнаго ряда (въ смыслѣ рядовъ нашихъ классификаціонныхъ системъ).

Этимъ и опредѣляются тѣ три главныхъ направленія сопоставленія объектовъ мысли другъ съ другомъ, о которыхъ я упомянулъ вскользь на стр. 44—47, а также тѣ главныя рубрики регистраціи впечатлѣній, о которыхъ было говорено на стр. 76 и слѣд.

Въ заключеніе нелишнимъ будетъ слѣдующій простой примѣръ.

Окно въ домѣ, какъ нѣчто неподвижное, есть членъ пространственной группы.

Окно въ церкви, дворцѣ и курной избѣ есть сходственный членъ измѣнчивыхъ группъ.

Окно, быстро распахнувшееся и разлетѣвшееся съ трескомъ отъ порыва вѣтра во время грозы, есть членъ (случайный, не необходимый) грозового ряда.

Теперь въ рукахъ у насъ уже всѣ данныя относительно общихъ элементовъ мысли, и я тотчасъ же могъ бы приступить къ построенію самыхъ элементарныхъ или исходныхъ формъ ея у животныхъ и ребенка. Но сначала будетъ полезно резюмировать въ немногихъ словахъ все доселѣ сказанное, чтобы освѣжить въ памяти читателя основы нашего очерка.

Внѣшнія вліянія, дѣйствуя на насъ какъ одновременные и послѣдовательные комплексы движеній, отражаются непосредственно въ чувствованіи группами и рядами—тѣмъ, что́ въ слитной, нерасчлененной формѣ называется сложными ощущеніями.

Пробѣгающій при этомъ по совершенно опредѣленнымъ путямъ возбужденія, нервный процессъ оставляетъ по себѣ слѣдъ въ нервно-психической организаціи; и этому соотвѣтствуетъ фиксированіе въ памяти чувственной группы или ряда.

Къ существеннымъ чертамъ слѣда относится усиленіе возбудимости въ соотвѣтственныхъ ему путяхъ по мѣрѣ повторенія процесса возбужденія. Благодаря этому, онъ дѣлается способнымъ

возбуждаться при болѣе и болѣе слабыхъ толчкахъ, сравнительно съ первоначальными, такъ что, наконецъ, можетъ отражаться въ сознаніи (т.-е. приходить въ возбужденіе) при условіяхъ возбужденія, неимѣющихъ ничего общаго съ первоначальными. Всѣ подобные случаи носятъ названіе актовъ воспоминанія или воспроизведенія впечатлѣній (видѣннаго, слышаннаго и вообще испытаннаго).

Слитныя въ началѣ, ощущенія при повтореніи воздѣйствій мало-по-малу расчленяются; и главною пружиною расчлененія является, съ одной стороны, измѣнчивость внѣшнихъ воздѣйствій, какъ суммъ, неизбѣжно связанная съ повтореніемъ ихъ; съ другой же стороны, свойство организаціи фиксировать сильнѣе то, чтó повторялось чаще. Благодаря этому, все сходное отъ одного наблюденія къ другому, какъ чаще повторяющееся, фиксируется въ организаціи (и памяти) прочнѣе всего несходнаго. Это и составляетъ расчлененіе группы—выдѣленіе изъ нея постоянныхъ частей и въ то же время регистрацію по сходству.

Внѣшнія вліянія, дѣйствуя на организмъ, вызываютъ въ немъ, рядомъ съ специфическими чувствованіями (свѣтъ, звукъ, осязаніе, обоняніе и пр.) двигательныя реакціи, въ свою очередь сопровождающіяся ощущеніями (мышечнымъ чувствомъ). Чувственная группа и рядъ принимаютъ вслѣдствіе этого членораздѣльный характеръ, и элементы мышечнаго чувства получаютъ значеніе раздѣльныхъ граней и вмѣстѣ съ тѣмъ соединительныхъ звеньевъ для членовъ группы и ряда. Позднѣе, когда двигательныя реакціи тѣла и сопровождающія ихъ ощущенія получаютъ строгую опредѣленность (законъ эволюціи движеній въ опредѣленныя группы или системы тотъ же, чтó и въ области чувствованія), тѣ же элементы мышечнаго чувства, вставленные въ промежутки между членами группы и ряда, становятся опредѣлителями пространственныхъ и преемственныхъ отношеній между ними (т.-е. членами группы или ряда) [1].

На этомъ основаніи отношенія между предметами мыслимы только въ 3-хъ главныхъ формахъ: какъ сходство, пространственная, или топографическая связь, и преемство.

Когда группа или рядъ расчленились и отношенія между ихъ звеньями выяснены, они не только не теряютъ способности

[1]) Отсюда однако никакъ не слѣдуетъ, что отношенія между предметами суть продукты исключительно нервно-психической организаціи, какъ думали нѣкогда идеалисты,—предметныя связи и зависимости даны первично внѣ насъ и заимствуютъ чувственную оболочку отъ нашей организаціи въ той же мѣрѣ, какъ объективная сторона, напр., свѣтовыхъ и звуковыхъ явленій.

приходить въ сознаніе въ формѣ группы или ряда, но, наоборотъ, всегда сознаются въ этой формѣ при малѣйшемъ намекѣ на котораго-нибудь изъ членовъ. Поэтому для всякаго сгруппированнаго чувствованія мыслимы два противоположныхъ теченія въ сознаніи: переходъ отъ группы къ отдѣльному члену и переходъ отъ отдѣльнаго члена къ группѣ. Въ области зрѣнія первому случаю соотвѣтствуетъ, напр., видѣніе въ первый мигъ цѣлой группы или картины, а затѣмъ видѣніе какой-нибудь одной части предпочтительно передъ прочими (части, на которую, какъ говорится, обращено вниманіе); а второму—воспоминаніе цѣлой картины по намеку на одно изъ ея звеньевъ.

Ив. Сѣченовъ.

ВОРОНЪ

ПОЭМА ЭДГАРА ПОЭ

А-лю Ѳ-чу Кони.

Отъ переводчика.

Въ нашей литературѣ знакомились съ Эдгаромъ Поэ урывками, встрѣчаясь черезъ длинные промежутки времени съ переводами его небольшихъ разсказовъ въ періодической печати. Первые такіе переводы появились въ концѣ 30-хъ годовъ; лѣтъ двадцать пять тому назадъ были сообщены въ «Пантеонѣ» (1851 г.) біографическія свѣдѣнія объ Эдгарѣ Поэ, а потому будетъ не лишнимъ вкратцѣ напомнить главныя черты изъ жизни этого оригинальнаго писателя и предпослать небольшой біографическій очеркъ нашему переводу его поэмы, появляющемуся въ первый разъ.

Эдгаръ Элленъ Поэ, авторъ фантастическихъ разсказовъ, юмористическихъ сказокъ и остроумныхъ критическихъ статей, родился въ Балтиморѣ, въ 1813. Вслѣдствіе разныхъ житейскихъ невзгодъ, бѣдности, мрачнаго взгляда на жизнь и общество и врожденной меланхоліи—у поэта довольно рано развилась несчастная страсть къ вину, которая свела его въ могилу на 34-мъ году жизни. Поэ скончался 4 октября 1849 года, въ своемъ родномъ городѣ, въ больницѣ, въ припадкѣ бѣлой горячки. Между событіями его жизни замѣчателенъ тотъ фактъ, что, будучи почти мальчикомъ, онъ вздумалъ принять участіе въ возстаніи грековъ. Объ его приключеніяхъ на Востокѣ ничего, впрочемъ, неизвѣстно; но достовѣрно то, что онъ былъ задержанъ, за неимѣніе паспорта, въ Петербургѣ и вынужденъ былъ обратиться къ защитѣ американскаго посольства, чтобы избѣгнуть уголовной отвѣтственности по русскимъ законамъ.

Эдгаръ Поэ оставилъ по себѣ славу генія мрачнаго, но необыкновенно проницательнаго и чарующаго силой своей фантазіи. «Люди называютъ меня сумасшедшимъ», говоритъ онъ отъ имени вымышленнаго героя въ одномъ изъ своихъ разсказовъ; «но наука не рѣшила еще вопроса, составляетъ ли сумасшествіе или не составляетъ—высшей степени умственнаго развитія; —не исходить ли все, чтó мы называемъ славою и глубиною взгляда изъ болѣзни мысли, изъ особеннаго состоянія духа, возбужденнаго насчетъ отправленій обыденнаго разума? Тѣ, кто видитъ сны на яву, знаютъ, о множествѣ вещей, ускользающихъ отъ вниманія тѣхъ, кто видитъ сны только въ своей постели. Первые, въ своихъ туманныхъ видѣніяхъ, уловляютъ обрывки вѣчности и, пробуждаясь, вздрагиваютъ, припоминая, что они были на одну минуту на краю великой тайны».—Эти искреннія строки лучше всего могутъ объяснить намъ, почему въ произведеніяхъ Эдгара Поэ вымыселъ всегда производитъ впечатлѣніе дѣйствительности, и почему въ этомъ вымыслѣ всегда слышится нѣчто пережитое и перечувствованное самимъ авторомъ.

Эдгару Поэ принадлежатъ первые образцы научно-фантастическихъ и фантастическо-уголовныхъ разсказовъ, получившихъ дальнѣйшее развитіе въ произведеніяхъ Жюля Верна и Эмиля Габоріо. Путешествіе на луну, магнетизація умирающаго, электризація египетской муміи, загадочное убійство, совершённое орангъ-утангомъ, звѣрскій поступокъ маніака, который въ умоисступленіи вырываетъ всѣ 32 зуба у своей еще живой невѣсты, находящейся въ припадкѣ эпилепсіи, похожимъ на мнимую смерть,—мрачныя исповѣди пьяныхъ, сумасшедшихъ и преступниковъ,—вотъ причудливыя тэмы оригинальныхъ повѣствованій Поэ.

Въ ряду немногихъ поэмъ, написанныхъ Эдгаромъ Поэ преимущественно въ ранней молодости, его поэма «Воронъ» пользуется европейскою извѣстностью. Мы не нашли возможнымъ сохранить въ переводѣ ея размѣръ подлинника,—и вотъ причина тому. При соблюденіи размѣра и вообще внѣшней формы англійскаго стиха мы получили бы въ русскомъ переводѣ, наприм., первой строфы поэмы такой текстъ:

Какъ-то полночью глухою, въ часъ, когда своей мечтою
Я, надъ книгой наклонившись, уносился далекó,—
Вдругъ услышалъ я, смущенный, отъ забвенья пробужденный,
Стукъ неясный, монотонный въ дверь жилища моего.
„Гость“, подумалъ я, стучится въ дверь жилища моего,
„Гость—и больше ничего“.

Не говоря уже о томъ, что, соблюдая такой размѣръ, мы должны были бы во многомъ исказить смыслъ подлинника, сверхъ того, музыка подобнаго стиха въ русскомъ переводѣ нисколько не соотвѣтствуетъ характеру поэмы—печальному и мрачному. Разница произошла отъ различныхъ свойствъ языковъ—англійскаго и русскаго. Можно ли въ самомъ дѣлѣ сказать, что вышеприведенная строфа въ русскомъ переводѣ звучитъ «заупокойнымъ звономъ меланхоліи» (un glas de mélancolie), какъ вѣрно охарактеризовалъ Шарль Боделеръ тройственныя созвучія въ поэмѣ Эдгара Поэ? А между тѣмъ размѣръ совершенно тотъ же, и весь секретъ заключается въ различномъ дѣйствіи на слухъ англійскихъ и русскихъ словъ. Въ то время какъ риѳмы: dreary, weary, napping, tapping, rapping, lore, door, more—звучатъ рѣзко, какъ удары, — риѳмы: глухою, мечтою, смущенный, пробужденный, монотонный и т. д. дѣйствуетъ мягко, какъ волны. Поэтому четырехстопный ямбъ съ короткими пàрными риѳмами—стихъ едва ли не самый грустный и монотонный на русскомъ языкѣ—показался намъ наиболѣе соотвѣтствующимъ содержанію поэмы. Въ своемъ переводѣ мы, конечно, старались передавать не столько буквальный текстъ подлинника, сколько его общее впечатлѣніе, и всегда, въ самыхъ отступленіяхъ, дѣйствовали въ духѣ пріемовъ автора.

Отъ автора.

Философія творчества [1]).

Чарльзъ Диккенсъ въ своей замѣткѣ, которая лежитъ предо мною, касаясь сдѣланнаго мною разбора внутренняго механизма его „Barnaby Rudge“, говоритъ: „Знаете ли вы, между прочимъ, что Годвинъ написалъ своего „Калеба Вильямса“ съ конца? Онъ началъ съ того, что опуталъ своего героя цѣлою сѣтью затрудненій, составляющихъ предметъ второго тома, и затѣмъ, чтобы сочинить первый, сталъ изыскивать всякіе способы для оправданія того, чтó уже было сдѣлано“.

Не думаю, чтобы Годвинъ держался буквально такой системы сочиненія—да и то, чтó онъ самъ говоритъ по этому поводу, не вполнѣ согласно съ идеею Диккенса; — но авторъ „Калеба Вильямса“ былъ слишкомъ хорошимъ художникомъ, чтобы не сознавать всей пользы

---

[1]) Philosophy of composition—такъ озаглавилъ авторъ свое предисловіе къ поэмѣ не менѣе оригинальное, какъ и сама поэма. Это — попытка самонаблюденія надъ процессомъ творческой мысли въ авторѣ.

подобнаго пріема. Очевидно, что всякій планъ сочиненія, достойный называться планомъ, долженъ быть настолько разработанъ, чтобы предвидѣлась развязка, прежде чѣмъ перо коснется бумаги. Только имѣя постоянно передъ собою готовую развязку, мы можемъ сообщить плану характеръ причинности и послѣдовательности, согласуя всѣ мелочи, а въ особенности общій тонъ произведенія съ развитіемъ нашего намѣренія.

Тотъ методъ, котораго обыкновенно держатся сочинители, я нахожу ошибочнымъ въ самомъ его корнѣ. Мы—или беремъ тезисъ изъ исторія, или вдохновляемся какимъ-нибудь современнымъ случаемъ, или, что̀ гораздо лучше, измышляемъ сочетанія поразительныхъ событій, долженствующихъ составить только базисъ разсказа, и затѣмъ стараемся мысленно ввести описанія, разговоры и свои личные комментаріи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недостатокъ фактовъ и дѣйствія представитъ къ тому удобный случай.

Я предпочитаю начинать съ соображеній объ эффектѣ. Имѣя всегда въ виду оригинальность (ибо тотъ измѣняетъ самому себѣ, кто рискуетъ обойтись безъ такого очевиднаго и легкаго способа быть интереснымъ), я прежде всего говорю себѣ: между безчисленными эффектами или впечатлѣніями, которымъ сердце, умъ или, говоря общѣе, душа способна подчиняться, какой эффектъ въ данномъ случаѣ изберу я? Выбравъ сюжетъ романа, я затѣмъ стремлюсь создать какой-нибудь поразительный эффектъ, и соображаю, какимъ способомъ лучше его достигнуть: извѣстнымъ ли сочетаніемъ событій, или особеннымъ тономъ разсказа,—обыденными происшествіями и необычайнымъ тономъ,—или необыкновенными происшествіями и обыденнымъ тономъ,—или равною степенью необычайности и въ событіяхъ и въ тонѣ,—и тогда я ищу вокругъ себя или, вѣрнѣе, въ себѣ самомъ такого сочетанія фактовъ и манеры изложенія, которое было бы наиболѣе способно произвести требуемый эффектъ.

Я часто думаю о томъ, какой бы интересъ представляло признаніе автора, который бы захотѣлъ, т.-е., скорѣе, могъ разсказать шагъ за шагомъ всѣ тѣ процессы, черезъ которые проходило какое-либо изъ его произведеній, пока оно достигло своей окончательной формы. Я затрудняюсь сказать, почему такой трудъ никогда не былъ предложенъ публикѣ,—но, быть можетъ, этотъ пробѣлъ объясняется авторскимъ самолюбіемъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой причиной. Большинство писателей — поэты въ особенности — предпочитаютъ, чтобы всѣ думали, что они сочиняютъ подъ вліяніемъ наитія свыше, въ минуту ясновидѣнія и экстаза—и они положительно содрогнулись бы при мысли, что публикѣ будетъ дозволено заглянуть за кулисы и— увидѣть тамъ неопредѣленные и съ трудомъ выработанные зародыши мысли, обнаружить, что истинные выводы были схвачены только въ послѣднюю минуту, подсмотрѣть безчисленные проблески идеи, которыя долго не показывались во всей полнотѣ,—замѣтить, что вполнѣ созрѣвшая мысль часто отбрасывалась вслѣдствіе ея невыразимости; имѣть возможность наблюдать осторожность автора въ выборѣ и въ исключеніяхъ, досадливость помарокъ и приписокъ—словомъ, увидѣть колеса, цѣпи и блоки для перемѣны декорацій, — пѣтушиныя перья,

румяны и мушки, которыя въ девяносто-девяти случаяхъ на сто составляютъ принадлежность каждаго литературнаго гистріона.

Съ другой стороны, я знаю, что далеко не часто авторъ находится въ благопріятныхъ условіяхъ для возстановленія того пути, по которому онъ дошелъ до окончательной отдѣлки своего произведенія. Вообще идеи, возникшія въ безпорядкѣ и обработанныя кое-какъ, такъ же легко забываются.

Что касается меня, то я не раздѣляю упомянутыхъ мною опасеній и не нахожу ни малѣйшаго затрудненія припомнить прогрессивное развитіе всѣхъ моихъ произведеній; и такъ-какъ интересъ подобнаго анализа или возстановленія, составляющаго, по моему мнѣнію, desideratum въ литературѣ, совершенно не зависитъ отъ дѣйствительной или предполагаемой интересности разбираемаго сочиненія, то я думаю, что я не измѣню требованіямъ приличія, если раскрою modus operandi одногó изъ моихъ собственныхъ произведеній. Я избираю „Ворона", какъ поэму, наиболѣе распространенную. Я намѣренъ доказать, что ни одинъ изъ пунктовъ этого произведенія не можетъ быть приписанъ случайности или вдохновенію, и что трудъ этотъ шагъ-за-шагомъ подвигался къ своей окончательной формѣ со всею отчетливостью и строгой послѣдовательностію математической задачи.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, не имѣющій непосредственнаго отношенія къ поэмѣ, — вопросъ о томъ, какое обстоятельство или какая потребность породили во мнѣ намѣреніе написать поэму, которая бы одновременно соотвѣтствовала и народному вкусу и требованіямъ критики.

Итакъ, мы начнемъ прямо съ этого намѣренія.

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ о размѣрахъ поэмы. Если литературное произведеніе настолько длинно, что не можетъ быть прочитано въ одинъ присѣстъ, то мы уже лишаемся одной весьма важной стороны эффекта—единства впечатлѣнія, такъ-какъ если чтеніе будетъ происходить въ два пріема, то промежуточныя житейскія дѣлà съ-разу отнимутъ у произведенія его цѣльность. Ноесли принять во вниманіе, что, caeteris paribus, ни одинъ поэтъ не можетъ лишить себя всего того, чтó можетъ содѣйствовать осуществленію его намѣренія, то остается только разсмотрѣть, найдемъ ли мы въ пространности поэмы какую-либо выгоду, которая бы вознаграждала ее за утрату единства? Я отвѣчаю: нѣтъ, мы не найдемъ. То, чтó мы называемъ длинною поэмою есть въ сущности рядъ короткихъ поэмъ, т.-е. рядъ короткихъ поэтическихъ эффектовъ. Безполезно доказывать, что поэма лишь до тѣхъ поръ поэма, пока она вызываетъ напряженное возбужденіе, возвышая душу, а всѣ напряженныя возбужденія, вслѣдствіе психической необходимости, — скоропреходящи. Вотъ почему „Потерянный рай" представляетъ на половину чистѣйшую прозу; въ немъ есть рядъ поэтическихъ воспареній, перемѣшанныхъ съ соотвѣтствующими мѣстами паденія и охлажденія тона, благодаря тому, что, вслѣдствіе своей неимовѣрной длины, онъ лишенъ въ высшей степени важнаго художественнаго элемента — единства и цѣльности впечатлѣнія.

Итакъ, очевидно, что въ отношеніи размѣровъ существуютъ извѣстные предѣлы для каждаго литературнаго произведенія, а именно

—возможность прочтенія его въ одинъ присѣстъ,—и хотя для нѣкоторыхъ видовъ сочиненій въ прозѣ, въ родѣ, напр., Робинзона Крузое, не требующихъ единства, предѣлы эти могутъ быть съ выгодою раздвинуты, но въ поэмѣ ихъ всегда будетъ неблагоразумно переступать. И даже въ этихъ предѣлахъ, объемъ поэмы долженъ быть математически пропорціоналенъ ея достоинству, т.-е. степени ея дѣйствія на душу или, другими словами, количеству истиннаго поэтическаго эффекта, которымъ она способна поражать читателя; для этого правила существуетъ только одно ограничительное условіе, а именно — что для произведенія каждаго даннаго эффекта безусловно требуется опредѣленное количество времени.

Строго придерживаясь этихъ соображеній и имѣя въ виду произвести возбужденіе, которое бы не превышало вкуса толпы и не было бы ниже требованій критики, я рѣшилъ, что объемъ поэмы будетъ достаточенъ, если въ ней будетъ заключаться около ста стиховъ. Въ дѣйствительности ихъ и вышло всего 108 [1]).

Далѣе, моя мысль обратилась къ выбору эффекта; при этомъ считаю умѣстнымъ заявить, что во время конструкціи своей поэмы, я ни на минуту не упускалъ изъ виду условія, чтобы она могла быть доступна всѣмъ и каждому. Я бы далеко увлекся отъ своей непосредственной задачи, если бы взялся доказывать положеніе, неоднократно мною подтвержденное, что прекрасное есть единственная законная область поэзіи. Я, впрочемъ, скажу нѣсколько словъ для болѣе точнаго объясненія моей мысли, часто подвергавшейся слишкомъ опрометчивому искаженію со стороны моихъ друзей. Наслажденіе, которое было бы въ одно и то же время наиболѣе напряженнымъ, наиболѣе возвышеннымъ и наиболѣе чистымъ, такое наслажденіе, мнѣ кажется, можетъ доставить только созерцаніе прекраснаго. Когда люди говорятъ о красотѣ, они въ дѣйствительности подразумѣваютъ не качество, какъ думаютъ иные, а впечатлѣніе; короче—они имѣютъ въ виду именно то чистое и возвышенное состояніе души (отнюдь не разума и не сердца), о которомъ я уже говорилъ и которое является послѣдствіемъ созерцанія прекраснаго. Я отношу прекрасное къ области поэзіи потому, что таковъ законъ искусства, что всѣ предметы внѣшняго и внутренняго міра должны быть усвоиваемы средствами наиболѣе для того пригодными, а никто еще не былъ такъ глупъ, чтобы отрицать способность поэзіи вызывать упомянутое возвышенное состояніе души.

Такіе предметы, какъ истина, или удовлетвореніе разума, и страсть или возбужденное состояніе сердца—хотя и они въ извѣстной мѣрѣ доступны для поэзіи—гораздо лучше усвоиваются прозою. Въ концѣ-концовъ истина требуетъ точности, а страсть — *фамильярности* [2]) (люди, дѣйствительно страстные, меня поймутъ), т.-е. совершенно противоположныхъ условій, чѣмъ красота, представляющая, повторяю, не что иное, какъ возбужденіе или восторженное упоеніе души. Изъ всего вышесказаннаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы страсть или даже

---

[1]) Эдгаръ Поэ писалъ „Ворона" восьмистопнымъ размѣромъ; переводъ же сдѣланъ четырехстопнымъ, чѣмъ и объясняется двойное количество строкъ у насъ.

[2]) Homeliness—свободы, простоты, грубости.

истина не могли быть введены, и притомъ съ выгодою — въ поэму, гдѣ онѣ могутъ оттѣнить и увеличить общій эффектъ, какъ дѣйствуютъ диссонансы въ музыкѣ посредствомъ контраста; но истинный художникъ будетъ всегда стараться, во-первыхъ, подчинить ихъ главной преслѣдуемой цѣли, а во-вторыхъ—облечь ихъ опять-таки въ ту же красоту, составляющую атмосферу и сущность поэзіи.

Принявъ такимъ образомъ прекрасное за свою область, я спросилъ себя: въ какомъ же тонѣ оно достигаетъ наилучшаго своего выраженія? Человѣческій опытъ признаетъ, что тонъ этотъ долженъ быть грустнымъ. Красота какого бы то ни было рода, въ своемъ высшемъ развитіи, вызываетъ слезы у чувствительной души. Самый законный изъ всѣхъ мотивовъ поэзіи—печаль.

Итакъ, объемъ, область и тонъ были уже опредѣлены. Тогда я началъ пріискивать, путемъ обыкновенной индукціи, какую-нибудь артистическую и пикантную особенность, которая могла бы мнѣ служить ключомъ для построенія поэмы—основную пружину для приведенія въ дѣйствіе всей машины. Тщательно взвѣшивая всѣ извѣстныя въ искусствѣ средства, употребляемыя собственно для эффекта (разумѣю это слово въ чисто сценическомъ смыслѣ), я не могъ тотчасъ же не замѣтить, что ни одно изъ нихъ такъ часто не примѣнялось, какъ *припѣвъ*. Одной общеупотребительности его было для меня достаточно, чтобы убѣдить меня въ его внутреннихъ достоинствахъ, и такимъ образомъ я былъ избавленъ отъ необходимости подвергать его анализу. Я взялся, однако, за него какъ за средство, допускающее улучшенія, и вскорѣ убѣдился, что онъ находился еще въ первобытномъ, необработанномъ состояніи. Въ томъ видѣ, какъ припѣвъ обыкновенно употреблялся, онъ считался годнымъ исключительно для чисто-лирическихъ стихотвореній; притомъ сила производимаго имъ впечатлѣнія ставилась всегда въ зависимость отъ степени однообразія и въ звукѣ и въ мысли. Наслажденіе почерпалось только въ ощущеніи тождественности, повторенія. Я рѣшился видоизмѣнить эффектъ и увеличить его тѣмъ, чтобы, оставаясь вообще вѣрнымъ монотонности звука, дѣлать постоянныя варіаціи въ самой мысли, — однимъ словомъ, я задумалъ создать рядъ новыхъ эффектовъ посредствомъ цѣлой серіи разнообразныхъ примѣненій одного и того же, почти всегда неизмѣненнаго, припѣва.

Установивъ эти положенія, я былъ озабоченъ вопросомъ, въ какомъ *родѣ* будетъ мой припѣвъ. Такъ какъ я рѣшился давать ему самыя разнообразныя примѣненія, то было ясно, что самый припѣвъ долженъ быть кратокъ, потому что было бы чрезвычайно трудно постоянно видоизмѣнять примѣненіе нѣсколько длинной фразы. Легкость варіаціи находилась въ прямой зависимости отъ краткости фразы. Это обстоятельство тотчасъ же привело меня къ рѣшимости избрать одно какое-нибудь слово [1]), какъ наилучшій припѣвъ.

Тогда возникъ вопросъ о *характерѣ* этого слова. Задумавъ употребить припѣвъ, я долженъ былъ раздѣлить поэму на стансы или строфы и ставить припѣвъ въ заключеніе каждой строфы. Не было

---

[1]) Избранное Эдгаромъ Поэ слово „Nevermore" состоитъ въ сущности изъ двухъ словъ: *never*—никогда, и *more*—больше.

малаго сомнѣнія, что заключеніе это, для своей силы, должно было быть звучнымъ и протяжнымъ, вслѣдствіе чего я неизбѣжно остановился на *о*, какъ на самой полнозвучной гласной, и на *r*, какъ на самой протяжимой (producible) согласной.

Когда былъ опредѣленъ звукъ припѣва, то необходимо было избрать слово, которое бы заключало въ себѣ этотъ звукъ *or* и въ то же время какъ нельзя болѣе согласовалось бы съ задуманнымъ мною общимъ печальнымъ тономъ поэмы. Въ такихъ поискахъ было положительно невозможно не натолкнуться на слово Nevermore (больше никогда), и оно дѣйствительно прежде всѣхъ другихъ пришло мнѣ въ голову.

Теперь главный desideratum былъ слѣдующій: какой же будетъ поводъ для постояннаго употребленія одного и того же слова: больше никогда? Замѣчая нѣкоторую трудность въ пріисканіи благовиднаго и достаточнаго повода для постояннаго подобнаго восклицанія, я вскорѣ нашелъ, что эта трудность происходила отъ предвзятой мысли, будто слово, такъ упорно и монотонно повторяемое, должно быть произносимо человѣческимъ существомъ;—будто, въ сущности, препятствіе состояло въ томъ, чтобы согласовать такую монотонность съ отправленіями разума въ существѣ, призванномъ къ повторенію слова. Тогда мгновенно у меня возникла идея о существѣ неразумномъ и однакоже одаренномъ словомъ, и весьма естественно прежде всего представился мнѣ попугай; но онъ тотчасъ же былъ замѣненъ ворономъ, такъ какъ послѣдній, будучи также одаренъ словомъ, несравненно болѣе соотвѣтствовалъ печальному тону поэмы.

Итакъ, я, наконецъ, дошелъ до концепціи ворона—предвѣстника несчастій,—упорно повторяющаго слово: никогда больше! въ концѣ каждой строфы въ поэмѣ, написанной въ печальномъ тонѣ и заключающей въ себѣ около ста стиховъ или строкъ. Тогда, не забывая намѣренія достигнуть возможнаго совершенства поэмы во всѣхъ отношеніяхъ, я спросилъ себя: изъ всѣхъ печальныхъ сюжетовъ, какой сюжетъ самый печальный, по *общему* понятію всего человѣчества?— Отвѣтъ былъ неизбѣжный:—Смерть. А когда, сказалъ я самому себѣ, этотъ самый печальный сюжетъ бываетъ самымъ поэтичнымъ? — На основаніи всего мною предсказаннаго легко отгадать отвѣтъ: — тогда, когда онъ тѣсно соединенъ съ красотою. Итакъ, безспорно, что *смерть прекрасной женщины* есть самый поэтическій сюжетъ въ цѣломъ свѣтѣ, и въ равной степени несомнѣнно, что уста любящаго человѣка будутъ наиболѣе пригодны для развитія подобной поэмы.

Мнѣ оставалось затѣмъ связать двѣ идеи: — человѣка, оплакивающаго смерть любимой женщины, и ворона, постоянно повторяющаго: больше никогда! Ихъ надобно было связать, не забывая условія, чтобы примѣненіе повторяемаго слова постоянно варьировалось; для этого оставалось одно средство—представить, что воронъ отвѣчаетъ упомянутымъ словомъ на вопросы любящаго человѣка. И тогда-то я увидѣлъ, какъ легко мнѣ можетъ удасться эффектъ, на который я разсчитывалъ, а именно—эффектъ разнообразнаго примѣненія одного и того же припѣва. Я увидѣлъ, что я могу заставить влюбленнаго произнести первый вопросъ, на который воронъ отвѣтитъ: больше никогда! — Что изъ перваго вопроса я могъ сдѣлать

нѣчто самое обыденное, изъ второго — нѣчто менѣе обыденное, изъ третьяго—нѣчто еще менѣе обыденное—и такъ далѣе, пока, наконецъ, мой герой, пробужденный отъ своей небрежности меланхолическимъ характеромъ слова, его частымъ повторенiемъ и воспоминанiемъ о зловѣщемъ значенiи произносящей его птицы—не будетъ охваченъ суевѣрнымъ страхомъ и не начнетъ, теряя спокойствiе, предлагать вопросы совершенно иного характера—вопросы страстные и близкiе его сердцу;—вопросы, внушенные на-половину суевѣрiемъ, а на половину тѣмъ своеобразнымъ отчаянiемъ, которое находитъ наслажденiе въ самоистязанiи,—не потому, чтобы герой этотъ вѣрилъ въ пророческое или демоническое значенiе птицы (которая, какъ его убѣждаетъ разумъ, только повторяетъ по привычкѣ заученный урокъ), но потому, что онъ находитъ безумное наслажденiе въ томъ, чтобы формулировать такимъ образомъ свои вопросы и получать отъ этого вѣчно раздающагося „больше никогда"—каждый разъ новую рану, тѣмъ болѣе сладкую, что она невыносима. Подмѣтивъ эту легкость, поразившую меня во время развитiя конструкцiи моей поэмы, я установилъ прежде всего послѣднiй, финальный, самый возвышенный вопросъ, на который „больше никогда" должно было служить окончательнымъ отвѣтомъ и притомъ возраженiемъ *самымъ* безнадежнымъ, наиболѣе полнымъ скорби и ужаса.

Здѣсь я долженъ сказать, что моя поэма получила свое начало съ конца,—какъ должны бы начинаться и всѣ художественныя произведенiя,—потому что только тогда, именно на этомъ пунктѣ моихъ приготовительныхъ соображенiй, я впервые приложилъ перо къ бумагѣ, чтобы сочинить слѣдующую строфу:

И я сказалъ: «О, воронъ злой,
Предвѣстникъ бѣдъ, мучитель мой!
Во имя правды и добра,
Скажи, во имя божества,
Передъ которымъ оба мы
Склоняемъ гордыя главы,—
Повѣдай горестной душѣ,
Скажи, дано-ли будетъ мнѣ
Прижать къ груди, обнять въ раю
Ленору свѣтлую мою?
Увижу-ль я въ гробу нѣмомъ
Ее на небѣ голубомъ?
Ее увижу-ль я тогда?»
Онъ каркнулъ: — Больше никогда!

Эту строфу я сочинилъ прежде другихъ, во-первыхъ, чтобы установить высшую степень и затѣмъ свободно измѣнять и постепенно понижать, по мѣрѣ ихъ значенiя и важности, всѣ предыдущiе вопросы моего героя, а во-вторыхъ, чтобы при этомъ случаѣ окончательно опредѣлить ритмъ, размѣръ стиха, длину и общее построенiе каждой строфы, а также имѣть возможность соизмѣрять съ написанной строфой всѣ предшествующiя—такимъ образомъ, чтобы ни одна изъ нихъ по своему эффекту не могла превзойти этой послѣдней. Если бы я въ дальнѣйшей своей работѣ оказался настолько неблаго-

разумнымъ, что создалъ бы строфы болѣе сильныя, то я, по зрѣломъ обсужденіи, безъ всякихъ колебаній, постарался бы ихъ ослабить, чтобы не портить эффекта crescendo.

Здѣсь я могу вставить нѣсколько словъ о самыхъ стихахъ. Моя главная цѣль (какъ всегда) заключалась въ оригинальности. До какой степени въ писаніи стиховъ всѣ пренебрегали оригинальностью —это одно изъ самыхъ необъяснимыхъ явленій въ свѣтѣ. Допустимъ, что самый ритмъ трудно разнообразить, но все же очевидно, что возможность разнообразія въ количествѣ стопъ и въ формѣ стансовъ положительно безконечна, и, не взирая на это, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, ни одинъ человѣкъ не сдѣлалъ и даже, повидимому, не стремился сдѣлать ничего оригинальнаго въ этомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что оригинальность (за исключеніемъ умовъ, обладающихъ совершенно необыкновенной силой) вовсе не есть, какъ полагаютъ нѣкоторые, продуктъ инстинкта или наитія свыше. Чтобы ее найти, надо ее тщательно искать, и хотя она можетъ быть положительно отнесена къ заслугамъ высшаго разряда, но для своего достиженія она требуетъ не столько изобрѣтательности, сколько отрицательнаго направленія.

Само собою разумѣется, что я не претендую ни на какую оригинальность ни въ ритмѣ, ни въ стопосложеніи „Ворона". Ритмъ у меня — хорей, стихъ — восьми-стопный. Въ каждой строфѣ шесть строкъ: въ первой и третьей строкѣ—по восьми стопъ, во второй, четвертой и пятой—по семи съ половиною и въ шестой—три съ половиною. Каждый изъ этихъ стиховъ, въ отдѣльности взятый, былъ уже употребляемъ, и вся оригинальность „Ворона" заключается въ томъ, что строки, написанныя вышеизложеннымъ способомъ, входили въ составъ одной строфы или станса. Никто до настоящаго времени не сдѣлалъ еще попытки, которая бы имѣла хотя отдаленное сходство съ подобной комбинаціей. Эффектъ этой оригинальной комбинаціи еще усиленъ нѣкоторыми другими и совершенно новыми эффектами, созданными помощью болѣе обширнаго выбора риѳмъ и повторенія однихъ и тѣхъ же словъ.

Дальнѣйшій пунктъ, о которомъ слѣдовало подумать, состоялъ въ томъ, чтобы привести героя поэмы въ сообщеніе съ ворономъ и первую ступень этого вопроса составляло *мѣсто*. Казалось бы, что въ подобномъ случаѣ должны были скорѣе всего представиться лѣсъ или поле; но мнѣ всегда казалось, что замкнутое и узкое пространство гораздо благопріятнѣе для повѣствованія о какомъ-либо единичномъ случаѣ; это условіе имѣетъ для разсказа то же значеніе, какъ рама для картины. Оно представляетъ и ту несомнѣнную нравственную выгоду, что сосредоточиваетъ вниманіе на небольшомъ пространствѣ, и эту выгоду, очевидно, не слѣдуетъ смѣшивать съ тою, которую можно извлечь только изъ единства мѣста.

Итакъ, я рѣшилъ помѣстить своего героя въ его комнатѣ — въ комнатѣ, освященной для него воспоминаніями объ ея прежней обитательницѣ. Комната изображена богато убранною, и въ этомъ отношеніи я слѣдовалъ уже ранѣе высказаннымъ мною взглядамъ на красоту, какъ на единственный истинный тезисъ поэзіи.

Опредѣливъ мѣсто, слѣдовало ввести птицу, и мысль о томъ, что-

бы ввести ее черезъ окно—была неизбѣжна. Что касается того, что мой герой первоначально думаетъ, будто удары крыльевъ птицы въ окно не что иное, какъ стукъ въ его дверь—то это придумано мною для того, чтобы увеличить любопытство читателя, заставивъ его выжидать развязки, а также съ цѣлью вставить случайный эпизодъ о раскрытой настежъ двери, за которою герой поэмы не находитъ ничего кромѣ мрака, и съ той поры уже можетъ отчасти допустить фантастическое предположеніе о посѣщеніи его жилища тѣнью его умершей возлюбленной.

Я сдѣлалъ ночь бурною, во-первыхъ, чтобы воронъ могъ искать убѣжища, а во-вторыхъ, чтобы создать эффектъ контраста съ матеріальнымъ спокойствіемъ комнаты.

Точно такъ же я заставилъ птицу взгромоздиться на бюстъ Паллады ради контраста между мраморомъ и перьями ворона. Легко догадаться, что мысль о бюстѣ была подсказана представленіемъ о птицѣ. Бюстъ именно *Паллады* былъ выбранъ, во-первыхъ, вслѣдствіе его соотвѣтствія учености героя, а во-вторыхъ, и вслѣдствіе звучности самаго слова Паллада.

Въ серединѣ поэмы я также воспользовался силою контраста съ цѣлью сдѣлать еще болѣе рѣзкимъ впечатлѣніе финала. Такъ, я придалъ вступленію ворона фантастическій характеръ, даже почти смѣшной, насколько по крайней мѣрѣ позволялъ мнѣ самый сюжетъ:

Огромный воронъ пролетѣлъ
Спокойно, медленно—и сѣлъ
Безъ церемоній, безъ затѣй,
Надъ дверью комнаты моей.

Въ двухъ слѣдующихъ строфахъ планъ еще болѣе обнаруживается:

И этотъ гость угрюмый мой
Своею строгостью нѣмой
Улыбку вызвалъ у меня.
Старинный воронъ! молвилъ я.
Хоть ты безъ шлема и щита,
Но видно кровь твоя чиста,
Страны полуночной гонецъ!
Скажи мнѣ, храбрый молодецъ,
Какъ звать тебя? Повѣдай мнѣ,
Каковъ твой титулъ въ той странѣ,
Откуда ты пришелъ сюда?
Онъ каркнулъ:—Больше никогда.
Я былъ не мало изумленъ,
Что на вопросъ отвѣтилъ онъ.
Конечно, глупость онъ сказалъ,
И скорбь мою не разогналъ,
Но кто же видѣлъ изъ людей
Надъ дверью комнаты своей,
На бѣломъ бюстѣ, въ вышинѣ,
И на яву, а не во снѣ,

Такую птицу предъ собой,
Что знаетъ нашъ языкъ людской
И, объясняясь безъ труда,
Зовется: Больше никогда?!

Подготовивъ такимъ образомъ эффектъ развязки, я тотчасъ же замѣняю фантастическій тонъ глубоко серьёзнымъ: эта замѣна начинается со слѣдующей затѣмъ строфы:

Но воронъ былъ угрюмъ и нѣмъ:
Онъ ограничился лишь тѣмъ,
Что слово страшное сказалъ, и т. д.

Съ этой минуты мой герой уже не шутитъ; онъ даже не находитъ ничего фантастическаго въ поведеніи ворона. Онъ говоритъ о немъ, какъ о „худомъ, уродливомъ пророкѣ, печальномъ воронѣ древнихъ дней", который пронизываетъ его глазами, полными огня. Это душевное смущеніе героя и возбужденное состояніе его воображенія имѣетъ въ виду подготовить такія же явленія въ самомъ читателѣ, и настроить его сообразно духу *развязки*, которая теперь наступаетъ насколько возможно быстро и непосредственно.

Когда на послѣдній вопросъ героя, найдетъ ли онъ свою возлюбленную въ раю, воронъ отвѣчаетъ: „больше никогда!" — то поэма, собственно говоря, въ своей самой простой фазѣ, въ смыслѣ обыкновеннаго разсказа, могла бы считаться оконченною. До сихъ поръ все оставалось въ предѣлахъ объяснимаго и реальнаго. Воронъ заучилъ: „больше никогда!" и, ускользнувъ отъ надзора своего хозяина, былъ вынужденъ, въ полночь, вслѣдствіе сильной бури, искать убѣжища у одного еще свѣтившагося окна, у окна студента, погруженнаго наполовину въ свои книги и на-половину въ воспоминанія о своей умершей возлюбленной. Ударами своихъ крыльевъ птица раскрыла окно и усѣлась на мѣстѣ, недосягаемомъ для студента, который, забавляясь этимъ приключеніемъ и страннымъ поведеніемъ посѣтителя, въ шутку спрашиваетъ у него, какъ его зовутъ, не ожидая, конечно, получить никакого отвѣта. Воронъ отвѣчаетъ на вопросъ заученнымъ словомъ: больше никогда,—словомъ, встрѣчающимъ тотчасъ же печальный откликъ въ сердцѣ студента; затѣмъ послѣдній, выражая вслухъ мысли, внушенныя ему этимъ обстоятельствомъ, вновь поражается повтореніемъ того же: больше никогда. Тогда студентъ старается разгадать причину такого явленія, но вскорѣ, благодаря пылкости человѣческаго сердца, онъ чувствуетъ потребность помучить самого себя и, побуждаемый суевѣріемъ, начинаетъ предлагать птицѣ вопросы, нарочно подобранные такимъ образомъ, чтобы ожидаемый отвѣтъ—непреклонное „больше никогда"—доставило ему наибольшую возможность насладиться своимъ горемъ. Въ этой-то склонности сердца къ самоистязанію, доведенной до своихъ крайнихъ предѣловъ, мой разсказъ, какъ я уже говорилъ, въ своей первой естественной фазѣ, уже получилъ естественное окончаніе и до сихъ поръ ничто не переступало границъ дѣйствительности.

Но въ сюжетахъ, излагаемыхъ такимъ способомъ, сколько бы ловкости ни было потрачено, какими бы блестящими случайностями ни

былъ украшенъ разсказъ, всегда будетъ оставаться сухость и нагота, поражающія взглядъ художника. Въ каждомъ подобномъ произведеніи неизбѣжно необходимы два условія: во-первыхъ, извѣстная цѣльность или соразмѣрность частей и, во-вторыхъ, нѣчто подразумѣваемое, нѣчто въ родѣ потайной, невидимой и неопредѣленной струи мысли. Это-то послѣднее качество и сообщаетъ художественному произведенію характеръ *богатства* (выражаясь языкомъ разговорнымъ), которое мы часто имѣемъ глупость смѣшивать съ *идеальностью*. *Избытокъ* же въ выраженіи подразумѣваемыхъ чувствъ, манія превращать таинственную струю тэмы въ совершенно явственный потокъ —превращаетъ въ прозу (и въ прозу самую плоскую) воображаемую поэзію такъ-называемыхъ трансценденталистовъ.

Придерживаясь такихъ взглядовъ, я прибавилъ двѣ заключительныхъ строфы поэмы, для того, чтобы ихъ подразумѣваемое значеніе проникло собою и все предыдущее изложеніе. Эти двѣ строфы заставляютъ читателя доискиваться нравственнаго смысла, скрытаго въ разсказѣ. Читатель уже съ предпослѣдней строфы начинаетъ смотрѣть на ворона, какъ на эмблему, и только именно въ послѣднихъ стихахъ послѣдней строфы для него становится вполнѣ яснымъ намѣреніе автора представить „Ворона" символомъ *скорбной вѣчной памяти* объ умершихъ:

Итакъ, храня угрюмый видъ,
Тотъ воронъ все еще сидитъ,
Еще сидитъ передо мной,
Какъ демонъ злобный и нѣмой;
А лампа, яркая какъ день,
Вверху блеститъ, бросая тѣнь,
Той птицы тѣнь вокругъ меня,
И въ этой тьмѣ душа моя
Скорбитъ, подавлена тоской,
И въ сумракѣ тѣни роковой
Любви и счастія звѣзда—
Не глянетъ больше. никогда!!...

Когда въ угрюмый часъ ночной,
Однажды, блѣдный и больной,
Надъ грудой книгъ работалъ я,
Ко мнѣ, въ минуту забытья,
Невнятный стукъ дошелъ извнѣ,
Какъ будто кто стучалъ ко мнѣ,
Тихонько въ дверь мою стучалъ —
И я, взволнованный, сказалъ:
«Да, это такъ, навѣрно такъ.
То поздній путникъ въ этотъ мракъ
Стучится въ дверь, стучитъ ко мнѣ
И робко просится извнѣ
Въ пріютъ жилища моего;
То гость—и больше ничего».

И былъ тотъ случай въ декабрѣ.
Стояла стужа на дворѣ,
Въ каминѣ уголь догоралъ,
И, потухая, обливалъ
Багрянымъ свѣтомъ потолокъ.
Я утопить, увы, не могъ
Въ страницахъ мудрыхъ, но сухихъ—
Печальныхъ помысловъ своихъ
О той далекой, но родной,
Подругѣ свѣтлой, неземной,
Чей духъ среди небесныхъ силъ
Леноры имя сохранилъ,
Но здѣсь, исчезнувъ безъ слѣда,
Утратилъ имя—навсегда!

А шорохъ шелковыхъ завѣсъ
Меня ласкалъ—и въ міръ чудесъ
Я, будто сонный, улеталъ,
И страхъ, мнѣ чуждый, проникалъ

Въ мою встревоженную грудь.
Тогда, желая чѣмъ-нибудь
Біенье сердца укротить,
Я сталъ разсѣянно твердить:
«То поздній гость стучитъ ко мнѣ
И робко просится извнѣ,
Въ пріютъ жилища моего;
То гость—и больше ничего».

Отъ звука собственныхъ рѣчей
Себя я чувствовалъ бодрѣй
И, не робѣя, произнесъ:
«Кого бы случай ни принесъ,
Кто вы, скажите, я молю,
Кто тамъ стучится въ дверь мою?
Простите мнѣ: вашъ легкій стукъ
Имѣлъ такой неясный звукъ,
Что, я клянусь, казалось мнѣ,
Я услыхалъ его во снѣ».
Тогда, собравъ остатокъ силъ,
Я настежъ дверь свою открылъ:
Вокругъ жилища моего
Былъ мракъ—и больше ничего.

Застывъ на мѣстѣ, я въ потьмахъ
Извѣдалъ снова тотъ же страхъ,
И средь полночной тишины
Передо мной витали сны,
Какихъ въ обители земной
Не зналъ никто — никто живой.
Но все по прежнему кругомъ
Молчало въ сумракѣ ночномъ,
Лишь звукъ одинъ я услыхалъ:
«Ленора!» кто-то прошепталъ,
Но имя-то промолвилъ я,
И эхо, слушая меня,
Въ отвѣтъ сказало мнѣ его,
Тотъ звукъ—и больше ничего.

Я снова въ комнату вошелъ
И снова стукъ ко мнѣ дошелъ

Сильнѣй и рѣзче,—и опять
Я сталъ тревожно повторять:
«Я убѣжденъ, увѣренъ въ томъ,
Что кто-то скрылся за окномъ.
Я долженъ вывѣдать секретъ,
Дознаться правъ я, или нѣтъ?
Пускай лишь сердце отдохнетъ,
Оно навѣрное найдетъ
Разгадку страха моего;
То вихрь—и больше ничего».

Съ тревогой штору поднялъ я—
И, звучно крыльями шумя,
Огромный воронъ пролетѣлъ
Спокойно, медленно—и сѣлъ
Безъ церемоній, безъ затѣй,
Надъ дверью комнаты моей.
На бюстъ Паллады взгромоздясь,
На немъ удобно помѣстясь,
Серьёзенъ, холоденъ, угрюмъ,
Какъ будто полонъ важныхъ думъ,
Какъ будто кто прислалъ его,—
Онъ сѣлъ—и больше ничего.

И этотъ гость угрюмый мой
Своею строгостью нѣмой
Улыбку вызвалъ у меня.
«Старинный воронъ!» молвилъ я.
«Хоть ты безъ шлема и щита,
Но видно кровь твоя чиста,
Страны полуночной гонецъ!
Скажи мнѣ, храбрый молодецъ,
Какъ звать тебя? Повѣдай мнѣ
Каковъ твой титулъ въ той странѣ,
Откуда ты пришелъ сюда?»—
Онъ каркнулъ:—«Больше никогда!»

Я былъ немало изумленъ,
Что на вопросъ отвѣтилъ онъ.
Конечно, глупость онъ сказалъ,
И скорбь мою не разогналъ,

Но кто же видѣлъ изъ людей
Надъ дверью комнаты своей,
На бѣломъ бюстѣ, въ вышинѣ,
И на яву, а не во снѣ,
Такую птицу предъ собой,
Что знаетъ нашъ языкъ людской
И, объясняясь безъ труда,
Зовется: Больше-никогда?!

Но воронъ былъ угрюмъ и нѣмъ.
Онъ ограничился лишь тѣмъ,
Что слово страшное сказалъ,
Какъ будто въ немъ онъ исчерпалъ
Всю глубь души — и сверхъ того
Не могъ добавить ничего.
Онъ все недвижнымъ пребывалъ,
И я разсѣянно шепталъ:
«Мои надежды и друзья
Давно покинули меня...
Пройдутъ часы, исчезнетъ ночь—
Уйдетъ и онъ поутру прочь,
Увы, и онъ уйдетъ туда!...»
Онъ каркнулъ:—Больше никогда!

Такой осмысленный отвѣтъ
Меня смутилъ. «Сомнѣнья нѣтъ»,
Подумалъ я: «печали стонъ
Имъ былъ, конечно, заученъ.
Ему внушилъ припѣвъ одинъ
Его покойный господинъ.
То былъ несчастный человѣкъ,
Гонимый горемъ цѣлый вѣкъ,
Привыкшій плакать и грустить,
И воронъ сталъ за нимъ твердить
Слова любимыя его,
Когда изъ сердца своего
Къ мечтамъ погибшимъ безъ слѣда,
Взывалъ онъ: «больше никогда!»

Но воронъ вновь меня развлекъ,
И тотчасъ кресло я привлекъ

Поближе къ бюсту и къ дверямъ
Напротивъ ворона—и тамъ,
Въ подушкахъ бархатныхъ своихъ,
Я пріютился и затихъ,
Стараясь сердцемъ разгадать,
Стремясь добиться и узнать,
О чемъ тотъ воронъ думать могъ,
Худой, уродливый пророкъ,
Печальный воронъ древнихъ дней,
Чтó онъ таилъ въ душѣ своей,
Чтó мнѣ сказать хотѣлъ, когда
Онъ каркалъ: «Больше никогда?»

И я прервалъ бесѣду съ нимъ,
Отдавшись помысламъ своимъ,
А онъ пронизывалъ меня
Глазами, полными огня—
И я надъ тайной роковой
Тѣмъ больше мучился душой...
Забылся въ креслѣ я своемъ,
А лампа трепетнымъ лучомъ
Ласкала бархатъ голубой,
Гдѣ слѣдъ головки неземной
Еще, казалось, не остылъ,
Головки той, чтó я любилъ,
И чтó кудрей своихъ сюда
Не склонитъ больше никогда!

И въ этотъ мигъ казалось мнѣ,
Какъ будто въ сонной тишинѣ
Курился ладонъ изъ кадилъ,
И будто рой небесныхъ силъ
Носился въ комнатѣ безъ словъ,
И будто вдоль моихъ ковровъ
Святой, невидимой толпы
Скользили легкія стопы...
И я съ надеждою вскричалъ:
«Господь! Ты ангеловъ прислалъ
Меня забвеньемъ упоить....
О! дай Ленору мнѣ забыть!»
Но мрачный воронъ, какъ всегда,
Мнѣ каркнулъ:—Больше никогда!

«О, духъ иль тварь,—предвѣстникъ бѣдъ,
Печальный воронъ древнихъ лѣтъ!»
Воскликнулъ я... «Будь образъ твой
Извергнутъ бурею ночной
Иль посланъ дьяволомъ самимъ,
Я вижу—ты неустрашимъ:
Скажи же мнѣ, молю тебя:
Даетъ ли жалкая земля,
Страна скорбей—даетъ ли намъ
Она забвенія бальзамъ?
Дождусь ли я спокойныхъ дней,
Когда надъ горестью моей
Промчатся многіе года?»
Онъ каркнулъ:—Больше никогда!

И я сказалъ: «О, воронъ злой,
Предвѣстникъ бѣдъ, мучитель мой!
Во имя правды и добра,
Скажи во имя божества,
Передъ которымъ оба мы
Склоняемъ гордыя главы,
Повѣдай горестной душѣ,
Скажи, дано ли будетъ мнѣ
Прижать къ груди, обнять въ раю
Ленору свѣтлую мою?
Увижу-ль я въ гробу нѣмомъ
Ее на небѣ голубомъ?
Ее увижу-ль я тогда?»
Онъ каркнулъ:—Больше никогда!

И я вскричалъ, разсвирѣпѣвъ:
«Пускай же дикій твой припѣвъ
Разлуку нашу возвѣститъ,
И пусть твой образъ улетитъ
Въ страну, гдѣ призраки живутъ
И бури вѣчныя ревутъ!
Покинь мой бюстъ и сгинь скорѣй
За дверью комнаты моей!
Вернись опять во тьмѣ ночной!
Не смѣй пушинки ни одной
Съ печальныхъ крыльевъ уронить,
Чтобъ могъ я ложь твою забыть!

Исчезни, воронъ, безъ слѣда!...»
Онъ каркнулъ:—Больше никогда!

Итакъ, храня угрюмый видъ,
Тотъ воронъ все еще сидитъ,
Еще сидитъ передо-мной,
Какъ демонъ злобный и нѣмой;
А лампа яркая, какъ день,
Вверху блеститъ, бросая тѣнь —
Той птицы тѣнь — вокругъ меня,
И въ этой тьмѣ душа моя
Скорбитъ, подавлена тоской,
И въ сумракъ тѣни роковой
Любви и счастія звѣзда
Не глянетъ — больше никогда!!...

С. Андреевскій.

РАБЛЭ

И

ЕГО РОМАНЪ

Опытъ генетическаго объясненія [1].

Литературная слава Раблэ — своеобразная. Если его цитуютъ чаще, чѣмъ читаютъ, то это — участь, раздѣляемая имъ со многими изъ нашихъ классиковъ; но чаще его читаютъ и читали, не понимая, либо понимая односторонне. Для большинства читателей романъ Раблэ остается эпопеей смѣха и веселья, къ которому какъ-то охотно подставляется эпитетъ — пьянаго; они увлекаются причудливымъ смѣшеніемъ человѣческихъ и исполинскихъ формъ, реально-общественныхъ и утопическихъ отношеній, шутовскихъ выходокъ и серьёзныхъ идей, заброшенныхъ среди нихъ какъ-бы ненарокомъ, какъ зерна для будущихъ всходовъ. Для нихъ Раблэ — умный, нерѣдко добродушно-колкій, но прежде всего — веселый шутникъ. Можно сказать, не ошибаясь, что такъ понимало его и большинство читателей XVI вѣка, потребовавшихъ до 60-ти изданій его романа.

[1]) Самостоятельныя занятія романомъ Раблэ привели меня къ наблюденіямъ и выводамъ, которые не встрѣчаются въ недавно вышедшихъ трудахъ, посвященныхъ Раблэ: *Jean Fleury* — „Rabelais et son oeuvre. 1876 — 1877“, 2 vv. Paris, Didier; *Gebhart* — „Rabelais, la renaissance et la réforme“. Paris, Hachette, 1877, 1 v.; *Louis Michel* — „Essai sur Rabelais“. Paris, Thorin, 1877, 1 v. Всѣ эти новѣйшіе труды послужили мнѣ поводомъ высказать свой взглядъ на одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ эпохи „возрожденія“ во Франціи.

Самъ Раблэ далъ внѣшній поводъ къ такого рода оцѣнкѣ: не говорить-ли онъ въ стихотворной пьесѣ, помѣщенной передъ первой книгой романа, что смѣхъ — исключительное свойство, присущее человѣку? Но прочтите это стихотвореніе въ контекстѣ: оно обращено къ читателямъ, которыхъ авторъ проситъ отнестись къ его разсказу безъ предубѣжденій; если въ немъ нѣтъ особыхъ достоинствъ, то нѣтъ ни зла, ни заразы — и много смѣха; но въ этомъ не его вина:

Autre argument ne peut mon coeur eslire
Voyant le dueil qui vous mine et consomme:
Mieulx est de ris que de larmes escrire,
Pour ce que rire est le propre de l'homme.

Смѣхъ является лекарствомъ противъ тайной, разъѣдающей грусти. Раблэ раздѣляетъ ее съ читателемъ: кто дочиталъ его до конца, тотъ замѣтитъ и въ первой книгѣ его романа, среди неудержимаго веселья, грустную ноту, которая, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе звучитъ и крѣпнетъ среди постепенно притихающагося смѣха. Самый характеръ грусти мѣняется; въ началѣ она какая-то здоровая: тихая сосредоточенность ожиданія, робкое чувство человѣка, пристающаго къ новому берегу, когда его надежды кажутся ему его силами, а что-то подсказываетъ, что это не — то же. Но вотъ начался актъ творчества — и грустной ноты не слышно за громкими перекатами животнаго, побѣднаго хохота.

Нѣтъ сомнѣнія, что и вокругъ Раблэ и въ ближайшее къ нему время были люди, не остановившіеся на внѣшности его романа, оцѣнившіе его серьёзныя стороны, философскія идеи, скрытыя подъ личиной скоморошныхъ выходокъ. И здѣсь Раблэ явился ихъ руководителемъ, — но онъ только показываетъ имъ путь, растворяетъ настежь двери, а далѣе — пусть идетъ всякій, какъ хочетъ. Была-ли это предосторожность съ его стороны? Для иныхъ мѣстъ романа, напримѣръ, для послѣдующихъ книгъ — это вполнѣ мыслимо, и объясняется измѣнившимися условіями времени, не допускавшими извѣстной откровенности. Въ другихъ случаяхъ можно спросить себя: былъ ли самъ Раблэ въ состояніи дать что-либо, кромѣ полу-намековъ и полу-откровеній? Онъ самъ жилъ фантазіей въ мірѣ еще слагающемся, безъ опредѣленныхъ очертаній: ему снились отношенія, формы, вѣрованія, только-что зарождавшіяся въ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ призванныя обновить ее. Все это вылилось у него въ формѣ утопіи, не знающей ни времени, ни географической опредѣленности, колеб-

лющейся между размѣрами гигантовъ и людей, между отрицаніемъ прошлаго и просвѣтами въ будущее. Овладѣть этой утопіей, прикрѣпивъ ее къ почвѣ и жизни,—вотъ надежда Рабле; пока онъ самъ ищетъ пути и приглашаетъ другихъ поискать вмѣстѣ съ нимъ. Этимъ ограничивается его руководство; въ этомъ смыслѣ понимаю я его извѣстное введеніе къ первой книгѣ романа, обращенное къ читателю.

«Въ Симпозіумѣ Платона, Алкивіадъ, превознося похвалами учителя своего Сократа, безспорно царя между философами, говоритъ, между прочимъ, что онъ похожъ на «силеновъ». — Силенами назывались небольшія шкатулки, какія и теперь видать въ лавкахъ аптекарей, размалеванныя извнѣ забавными фигурками гарпій, сатировъ, взнузданныхъ гусей, рогатыхъ зайцевъ, навьюченныхъ утокъ, летучихъ козловъ, оленей въ упряжи (limonniers), и другими подобными каррикатурными изображеніями, возбуждающими смѣхъ, какъ возбуждалъ его Силенъ, наставникъ Бахуса. Внутри же этихъ шкатулокъ хранили рѣдкія снадобья, бальзамъ, амбру, кордамонъ, мускусъ, цибетъ, драгоцѣнные камни и другія рѣдкости. — Таковъ, говорилъ онъ, былъ и Сократъ: потому что, поглядѣвъ на него и судя по наружности, вы не дали бы за него обрѣзковъ луковицы,—до того онъ былъ уродливъ и смѣшонъ: носъ заостренный, бычачьи глаза, лицо несмышленое (d'un fou); простыхъ нравовъ, въ грубой одеждѣ; небогатъ, несчастенъ въ женщинахъ, не пригоденъ ни къ какимъ общественнымъ должностямъ; всегда готовъ посмѣяться, выпить съ кѣмъ угодно, отпустить шутку — всегда скрывая свое божественное знаніе. Но еслибъ вы открыли этотъ ларецъ, вы нашли бы въ немъ небесное, безцѣнное снадобье, нечеловѣческое разумѣніе, чудную силу, непобѣдимое мужество, несравненную трезвость, полное довольство, совершенную увѣренность, невѣроятное презрѣніе ко всему, чтó заставляетъ людей проводить безсонныя ночи, бѣгать, трудиться, пускаться въ море и сражаться».

Къ чему все это введеніе?—можетъ спросить читатель,—и Рабле отвѣчаетъ: пусть и объ его книгѣ онъ не судитъ по заглавію, а смотритъ въ глубь; одежда не дѣлаетъ монаха; если, принимая его разсказъ въ буквальномъ смыслѣ, онъ найдетъ въ немъ забавныя вещи, отвѣчающія титулу, то ими не надо заслушиваться, какъ пѣніемъ сиренъ, а постараться объяснить себѣ въ иномъ, болѣе серьёзномъ смыслѣ, чтó, кажется, сказано лишь для смѣха. «Случалось вамъ откупоривать бутылку? Еще бы. Вспомните, какъ вы себя тогда чувствовали. Наблюдали ли когда-нибудь за собакой, нашедшей мозговую кость? Это, какъ гово-

ритъ Платонъ во 2-й книгѣ «De Republica», самое философское животное въ свѣтѣ. Если видѣли, то могли замѣтить, какъ благоговѣйно она стережетъ свою кость, какъ заботливо хранитъ, какъ ревностно держитъ, какъ благоразумно принимается за нее, какъ любовно разгрызаетъ, какъ прилежно ее высасываетъ. Кто побуждаетъ ее къ тому? къ какому благу она стремится? Ни къ чему иному, какъ къ небольшому количеству мозга. Правда, что это малое лучше другого многаго, потому что, какъ говоритъ Галенъ, III Facult. nat. и XI De usu partium, мозгъ — пища, съ наибольшимъ совершенствомъ выработанная природой».

Подобно этой собакѣ и вамъ слѣдуетъ быть мудрымъ, чтобы обонять, просмаковать, и оцѣнить эти книги, тучныя содержаніемъ, легковѣсныя на видъ, но тяжелыя по сути. Попробуйте только раздробить кость и добраться до мозга: вы найдете скрытое тамъ ученіе, которое объявитъ вамъ высокія, страшныя таинства, касающіяся какъ нашей религіи, такъ и политики и экономической жизни.

Все дѣло въ томъ, ка́къ приняться за дробленіе кости. Если бы мы имѣли дѣло съ однимъ изъ обычныхъ романовъ, задуманныхъ по заранѣе установленному плану, написанныхъ за одинъ хотя бы и долгій присѣстъ,—нѣтъ сомнѣнія, что дѣло истолкованія пошло бы легче. Ка́къ бы авторъ ни пряталъ свои таинства, ка́къ ни многое онъ предоставилъ бы остроумію и пытливости читателя,—цѣльность его плана, послѣдовательность развитія выдали бы непремѣнно его руководящую идею и навели бы насъ на настоящій путь пониманія. Но Раблэ писалъ своеобразно, урывками, и общаго плана у него не было. Представился ему случайный матеріалъ, и онъ создалъ первую книгу своего романа; вторая вяжется съ первой лишь чисто-внѣшнимъ образомъ, намѣчая новыя лица и типы, и совершенно не приготовляя васъ къ тому, что̀ послѣдуетъ далѣе. Раблэ и самъ не зналъ, что́ будетъ это «далѣе» и чѣмъ оно кончится; будетъ то, что́ напишется; къ нему какъ нельзя лучше идетъ отзывъ Бальзака о Монтенѣ: «онъ отлично знаетъ, что́ говоритъ, но не всегда знаетъ, что́ скажетъ далѣе»; въ одномъ мѣстѣ онъ съ комической серьёзностью заявляетъ, что читатели узна́ютъ о томъ-то—въ его 78-й книгѣ! Подвернется ему пригодный эпизодъ, и онъ разсказываетъ о немъ долго и любовно, забывая о томъ, что дѣйствіе остановилось, и его герои ждутъ въ недоумѣніи; или онъ выведетъ на сцену случайное лицо, и въ теченіи цѣлой книги его роль остается невыясненной, неопредѣленной; подождите нѣ-

сколько лѣтъ—и онъ оживетъ и получитъ жизненный смыслъ въ общей экономіи романа.

Стернъ, съ такой тяжеловѣсной методичностью копировавшій Рабле, обратитъ этотъ случайный, во всякомъ случаѣ личный пріемъ—въ средство внѣшняго, дешеваго юмора. Онъ тоже будетъ писать, не зная, чтó выйдетъ далѣе, но поспѣшитъ предупредить о томъ читателя. «Изо всѣхъ извѣстныхъ въ свѣтѣ способовъ написать книгу я считаю свой наилучшимъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе благочестивымъ, потому что, написавъ первую фразу, я возлагаю для второй мою надежду на Всевышняго». Или вотъ конецъ одной главы: «У меня въ головѣ промелькнула внезапная мысль: «опусти занавѣсъ, Шэнди!»—Я опускаю. «Проведи черту поперекъ страницы, Тристрэмъ!»—Я провелъ ее.—«Хорошо! теперь къ новой главѣ; чортъ возьми, если въ этомъ отношеніи я руковожусь какимъ-либо инымъ правиломъ!»

Необходимо замѣтить, что романъ Рабле писался долго, въ теченіи почти 20-ти лѣтъ, и на большихъ разстояніяхъ: между 2-й и 3-й книгой прошло около 14-ти лѣтъ; послѣдняя, пятая, книга вышла лишь по смерти автора. Въ это долгое время пережито было многое и французскимъ обществомъ, и кружкомъ людей возрожденія, и самимъ Рабле: измѣнились точки зрѣнія, поубавилось надежды; тѣ «высокія и страшныя таинства», которыя онъ приглашалъ искать въ первой книгѣ своего романа, должны были утратить свое значеніе, потому что жизнь и собственный опытъ поставили новыя требованія, новыя таинства—для разгадки. Рабле переноситъ ихъ въ послѣднія книги своего романа—но эта уже не та мозговая кость, на которой вы потрудились вначалѣ, подражая самому философскому животному въ свѣтѣ, а другая.

Говоря о романѣ Рабле, нужно вообще забыть схему литературной цѣльности: цѣльность его не литературная, а жизненная. Это—душевная автобіографія Рабле, идеальная автобіографія весенней поры французскаго возрожденія, собравшаяся въ одномъ человѣкѣ, пережившемъ періодъ восторженныхъ утопій, рано пораженномъ въ своихъ юношескихъ мечтаніяхъ и молчаливо, сосредоточенно отправившемся въ новый путь—въ поискахъ за новыми надеждами и утопіями. Этотъ человѣкъ—Рабле.

Оцѣнить эту внутреннюю цѣльность должны были люди, близко стоявшіе къ Рабле, жившіе одною съ нимъ жизнью. Тѣ, чтó стояли поодаль, могли читать ту или другую книгу его романа, по мѣрѣ того, какъ онѣ выходили, медленно и неспѣша, могли уразумѣть иныя изъ его скрытыхъ указаній или наме-

ковъ; — но общій планъ долженъ былъ ускользнуть отъ нихъ, тѣмъ болѣе, что всѣ пять книгъ, изъ которыхъ сложился романъ, были собраны впервые лишь послѣ смерти автора. Но если бы даже эта внѣшняя связь и лежала передъ ними, мы можемъ усомниться, насколько бы она повела ихъ въ уразумѣнію связи идеальной. Эти люди стояли слишкомъ близко къ дѣлу, должны были жить интересомъ минуты, отдаваться вопросамъ дня, не времени. Для того, чтобы обнять идеальное содержаніе цѣлой эпохи, услѣдить движеніе мысли и общества на протяженіи десятилѣтій, — надо имѣть обобщающую фантазію Рабля, либо посмотрѣть на его эпоху съ высоты XIX вѣка, когда сзади очистились перспективы, выровнялись шероховатости, когда дни стали временемъ и обобщеніе могло явиться само собою, механическое и безстрастное.

Недаромъ пониманіе Раблэ поднялось именно въ текущемъ столѣтіи. Семнадцатый вѣкъ былъ всего менѣе на то способенъ: онъ слишкомъ откровенно пошелъ въ разрѣзъ съ шестнадцатымъ вѣкомъ, разработывая идею авторитета, забывая идею свободы, на которой стояло возрожденіе. Восемнадцатое столѣтіе снова вернулось къ его завѣтамъ, но оно перенесло ихъ въ болѣе широкій кругъ дѣятельности, примѣнило ихъ къ требованіямъ времени, страстно и безоколично, потому что—субъективно. Его симпатіи къ Раблэ могли быть лишь односторонніи. За то, чѣмъ менѣе было пониманія, тѣмъ чаще являются попытки истолковать себѣ, что́ было или казалось неяснымъ. А такимъ казалось многое: Раблэ уже требовалъ комментаріевъ — и комментаторы явились. Еще въ XVI столѣтіи ходилъ по рукамъ ключъ къ уразумѣнію историческихъ именъ и отношеній, которыя Раблэ будто бы скрылъ подъ вымышленными именами и отношеніями. Въ XVII и XVIII такихъ ключей является нѣсколько: Bernier, Le Motteux, Le Duchat, Marsy предлагаютъ разные способы толкованія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ Раблэ могъ имѣть въ виду ту или другую аллюзію; цѣлая система, послѣдовательность намековъ тѣмъ менѣе мыслима, чѣмъ капризнѣе работалъ Рабля, часто увлекаясь въ сторону реальнымъ эпизодомъ или героической фантазіей. Кромѣ того, такой пріемъ толкованія и не достигаетъ цѣли: доказать, напр. (если только это можетъ быть доказано), что подъ Гаргантюа скрывается Франсуа I или Генрихъ д'Альбретъ и т. п.—не значитъ еще, что мы поняли идею романа, выраженію которой послужили всѣ эти Гаргантюа, Пантагрюэли и Панурги. Новѣйшіе изслѣдователи не безъ причины отвергли систему историко-

аллегорическаго толкованія, и принялись искать идею Рабле, его задачи, тайный смыслъ его построеній, идеальный и литературный планъ его романа. И на этотъ разъ пониманіе получалось различное. Рабле являлся веселымъ, нѣсколько циническимъ эпикурейцемъ, которому позволяютъ, подъ условіемъ смѣха, затрогивать не совсѣмъ благоговѣйно вопросы, неподлежащіе трезвой, прозаической оцѣнкѣ; въ другой разъ онъ философъ и моралистъ, мѣткій наблюдатель, съ широкими преобразовательными планами; или, болѣе того, онъ—меланхоликъ, полный негодованія къ своему времени, скрывающій это чувство подъ личиной ѣдкаго хохота. Мнѣ сдается, что всѣ эти толкованія не такъ противорѣчивы, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, что каждое изъ нихъ грѣшитъ неполнотою, одностороннимъ обобщеніемъ вѣрныхъ, но частичныхъ впечатлѣній, которыя сольются въ одно цѣлое и болѣе полное, если посмотрѣть на романъ Рабле не какъ на продуктъ единовременнаго, внезапнаго творчества, а какъ на выраженіе продолжительнаго нравственнаго и умственнаго переживанія.

Наиболѣе повредили литературной репутаціи и пониманію Рабле тѣ изъ его читателей и комментаторовъ, которые видѣли въ немъ спеціально веселаго разсказчика, какъ Монтэнь, причислявшій романъ Рабле къ исключительно увеселительнымъ книгамъ (simplement plaisants) своей библіотеки, заурядъ съ Декамерономъ и Поцѣлуями Jehan Second; или m-me de Sévigné, хохотавшая до упаду надъ иными главами его романа. Мы предположили выше, что таково должно было быть въ сущности отношеніе къ Рабле въ большинствѣ его заурядныхъ читателей-современниковъ. Смѣхъ, разлитый во всемъ его произведеніи, дѣйствовалъ заразительно, и его поспѣшили вмѣнить самому автору, какъ непремѣнное, прирожденное ему качество: его представляли себѣ веселымъ малымъ, любившимъ пожить, неразборчивымъ въ словахъ, незастѣнчивымъ въ шуткѣ. На него безсознательно переносили черты его же собственныхъ героевъ, представителей юмора и цинически-веселаго, безпринципнаго взгляда на жизнь. Противникамъ Рабле такое представленіе о немъ шло прямо въ руки: къ нему такъ легко прилаживалось ихъ обвиненіе противъ Рабле, какъ человѣка безнравственнаго, пересмѣшника, не признающаго ничего святого. Подъ этими двойственными впечатлѣніями сложилась та легендарная біографія Рабле, которая до сихъ поръ царитъ въ ходячихъ исторіяхъ французской литературы. Его же собственный романъ переселился въ его жизнь, ему приписаны продѣлки одного изъ его героевъ—

Панурга; гдѣ этихъ матеріаловъ не хватало, тамъ біографія дорабатывалась фантазіей толпы, не выходившей изъ предвзятаго стиля. Такъ составились разсказы о томъ, какъ Раблэ, тогда еще монахъ, подпоилъ на праздникѣ крестьянъ и музыкантовъ, унесъ ихъ инструменты, устроилъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ трофея, который повѣсилъ у главнаго алтаря монастырской церкви. Въ другой разъ, въ день св. Франциска, онъ будто бы самъ сталъ на мѣсто статуи святого, пугая набожныхъ прихожанокъ гримасами и позволивъ себѣ еще болѣе неприличную выходку. Въ Монпеллье его заставляютъ присутствовать на защитѣ какой-то диссертаціи: когда дѣло зашло о растеніяхъ и злакахъ, изученіемъ которыхъ Раблэ много занимался, онъ принялся выражать свое недовольство слышанными такими комическими кривляньями, что на него обратили вниманіе и попросили выдвинуться впередъ изъ толпы—послѣ чего онъ поразилъ медицинскій факультетъ неожиданно ученою рѣчью. Въ объясненіи съ канцлеромъ Дюпра̀ Раблэ является рѣшительно съ чертами Панурга, при первой его встрѣчѣ съ Пантагрюэлемъ—и тѣмъ же балаганнымъ характеромъ отличается его мнимый разговоръ съ папой Климентомъ VII и извѣстный до избитости разсказъ о такъ-называемомъ quart d'heure de Rabelais: будто въ Ліонѣ онъ выдалъ себя за человѣка, пробиравшагося въ Парижъ, съ цѣлью отравить короля и его семейство, послѣ чего его схватили и какъ важнаго государственнаго преступника бережно доставили въ Парижъ—чего онъ собственно и желалъ, такъ какъ денегъ на поѣздку у него не хватало. Особенно усердно поработала легенда надъ послѣдними минутами его жизни: кое-что навѣяно здѣсь неясными представленіями о религіозныхъ, скорѣе сказать, церковно-религіозныхъ отношеніяхъ Раблэ, насколько они высказываются въ его романѣ: шутка, внѣшнее отрицаніе формы было принято за отрицаніе принципіальное; противникамъ Раблэ, клерикаламъ и религіонистамъ, оставалось только навести болѣе густыя тѣни на готовый образъ. Разсказывали, что когда Раблэ былъ при смерти и священникъ явился къ нему съ причастіемъ въ рукахъ, умирающій сказалъ: «Мнѣ кажется, я вижу Господа моего, какъ Онъ въ славѣ вступалъ въ Іерусалимъ, несомый осломъ». Ему приписывается духовное завѣщаніе: «У меня ничего нѣтъ, я много долженъ; остальное оставляю нищимъ». Когда кардиналъ Du Bellay присылалъ освѣдомиться объ его здоровьѣ, онъ будто бы отвѣчалъ: «Я отправляюсь искать великое нѣчто» (Je vais quérir un grand peut-être), и умеръ со словами: «Задерните занавѣсъ, фарсъ сыгранъ»,—черта, заимствованная, какъ извѣстно, изъ біографіи

Августа, а то комическое завѣщаніе взято у Эразма. Легенда безъ разбора присвоивала себѣ чужое добро, если находила его пригоднымъ, какъ присвоивали его Мольеръ и Раблэ. Только результаты получались обратные: Раблэ овладѣваетъ народной шуткой, преданіемъ, чтобы поднять его къ своему уровню, заставить служить болѣе идеальнымъ цѣлямъ; легендарная біографія Раблэ спустила его къ толпѣ, къ значенію такого сказочнаго скомороха, какъ попъ Амисъ нѣмецкихъ шуточныхъ разсказовъ.

Какъ одностороннее, предвзятое пониманіе Раблэ породило его легенду, такъ легенда, упрочившись, освятила на долгое время одностороннее пониманіе. Есть цѣлый классъ читателей, болѣе или менѣе симпатизирующихъ Раблэ, которыхъ тѣмъ не менѣе поражаетъ одна его черта: его грязь, его циническій смѣхъ. Въ XVII вѣкѣ, собственно въ его оффиціально-приличной литературѣ, это не диво: если La Fontaine и Мольеръ еще увлекаются Раблэ, то они и стоятъ въ этой литературѣ особо; за то La Bruyère'у романъ Раблэ представился неразрѣшимой загадкой: «Это — химера, съ лицомъ красивой женщины и змѣинымъ хвостомъ, чудовищная смѣсь тонкой, изощренной морали съ грязной испорченностью. Гдѣ онъ негоденъ, тамъ онъ доходитъ до невозможнаго, становится утѣхой для сволочи; гдѣ онъ хорошъ—тамъ онъ достигаетъ высшей степени изящества и превосходства и можетъ служить самой изысканной умственной пищей».—Вольтеръ развиваетъ, въ сущности, ту же точку зрѣнія: «Раблэ проявилъ въ своей странной, непонятной книгѣ крайнюю веселость и еще болѣе—нахальства (impertinence). Онъ щедро расточаетъ ученость, грязь и скуку. Хорошая сказка въ двѣ страницы искупается у него цѣлыми томами глупостей. Есть люди причудливаго вкуса, воображающіе, что они разумѣютъ и цѣнятъ все его произведеніе; остальная часть публики смѣется надъ остротами Раблэ, презирая его книгу; его считаютъ лучшимъ изъ буффоновъ. Остается пожалѣть, что человѣкъ такого ума распорядился имъ такимъ жалкимъ образомъ. Это—пьяный философъ, писавшій лишь подъ пьяную руку».

Я кончу двумя близкими къ намъ отзывами, чтобы показать, какъ долго держится въ преданіи однажды принятая умственная складка. Вотъ въ какомъ картинномъ видѣ представляется Раблэ Филарету Шалю: «Видите ли его, возсѣдающаго на колесницѣ, форма которой напоминаетъ надъ нашихъ винодѣловъ; въ монашеской рясѣ, съ пьянымъ взоромъ, онъ опирается на вѣтряныхъ подругъ своего разгула, подвѣсивъ на свою дурацкую шапку — вѣнецъ короля, брыжи священника, поясъ монаха и чернильницу

педанта.... Онъ проѣзжаетъ мимо дворцовъ и харчевенъ, насмѣхаясь съ одинаковой наглостью надъ монархами и крестьянами нижняго Пуату, смѣшивая карту Европы съ картою Турени, труня въ одно и то же время надъ побѣдителемъ Мариньяна или Павіи и надъ харчевникомъ своей деревни. Съ невообразимымъ нахальствомъ священникъ Раблэ издѣвается надъ монахами, капуцинами, епископами и кардиналами, надъ самимъ папой и таинствами вѣры. Костеръ, на которомъ погибаетъ Серветъ за проповѣдь единаго Бога, не имѣетъ пламени для человѣка, для котораго выше всѣхъ другихъ властей, небесныхъ и земныхъ, была—божественная бутылка и ея священное содержаніе».

Для Ламартина—Раблэ «грязный геній цинизма, соблазнъ для уха, ума, сердца и вкуса; ядовитый, вонючій грибъ, выросшій на навозномъ задворьи средневѣковаго монастыря; хрюкающій поросёнокъ Галліи—не эпикурейскаго стада, о которомъ говоритъ Горацій, но изъ стада разстриженныхъ монаховъ; наслаждающійся въ смрадной лужѣ, и съ удовольствіемъ забрызгивающій своею грязью чело своего вѣка, его нравы и языкъ. По моему мнѣнію, Раблэ представляетъ собою не веселье, а грязь; онъ опьяняетъ, но заражая.... Его пьяные восторги вызываютъ порой удивленіе къ отвратительной плодовитости его языка. Съ этимъ нельзя не согласиться: онъ—восторженный пьяница».

Мы знаемъ, какъ далеко восходитъ въ прошлое подобная оцѣнка Раблэ; личные вкусы, исключительное міросозерцаніе того или другого писателя, напр., Ламартина, могли вызвать ее и самостоятельно. Постараемся отнестись къ дѣлу безъ личныхъ вкусовъ и предубѣжденій: наше пониманіе Раблэ только выиграетъ, и передъ нами раскроется одна изъ интересныхъ, интимныхъ страницъ французскаго «возрожденія».

I.

Юность и первые мужескіе годы Раблэ принадлежатъ весенней порѣ французскаго Rénaissance; мы могли бы назвать эту пору—теоретической. Весна наступила, и всѣ радуются ей, не задаваясь вопросомъ о томъ, чтó скажетъ лѣто; средневѣковые порядки рушились подъ давленіемъ новыхъ требованій жизни, порождавшихъ массу новыхъ освободительныхъ идей, которыя помогли формулировать вліяніе Италіи и обновленное классическое знаніе—и никого еще не волнуетъ томительная неизвѣстность: какъ скажутся эти идеи при встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ

широкой практикой жизни. Всѣ живутъ вѣрой въ ихъ побѣду, не представляя себѣ раздѣльно, въ какихъ границахъ онѣ должны осуществиться, черезъ какія не должны или могутъ переступить. Идеи считаются побѣдоносными, потому-что еще не встрѣчались съ жизненными фактами. Этимъ объясняется отчасти ихъ широкое вліяніе: короли и высокопоставленные прелаты увлекаются ими такъ же, какъ простой полигисторъ въ родѣ Раблэ, какъ увлекался всякій, у кого была голова на плечахъ и довольно досуга, чтобы оторваться отъ ежедневной заботы и подумать объ общемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если идеи возрожденія сулили развитіе личности, освобожденіе сознанія — то отраженіе ихъ въ сферѣ церкви и государства и общественныхъ отношеній принадлежало пока будущему: итога ихъ соприкосновенію и взаимодѣйствію еще никто не подводилъ. Оттого между сторонниками этихъ идей могло безпрепятственно установиться одно обширное братство, связанное общностью теоретическихъ интересовъ и—пока—невещественныхъ надеждъ. Въ это братство входили безъ разбора люди всѣхъ возможныхъ сословныхъ положеній: сословіе—это вѣдь нѣчто фактическое, съ чѣмъ идея не считалась, она била черезъ край. Раблэ могъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ жить подъ покровомъ большого барина, кардинала, не стѣсняясь своимъ положеніемъ; онъ могъ исповѣдывать свое собственное, нѣсколько отвлеченное христіанство—и быть въ то же время хорошимъ священникомъ. Въ XVIII вѣкѣ литературный нахлѣбникъ и аббатъ, воспитывающій свой скептицизмъ или сенсуализмъ на церковныхъ доходахъ—будутъ явленіями зазорными: съ той поры идеи и факты успѣли встрѣтиться и проявить свою несовмѣстимость.

Точныхъ свѣдѣній о жизни Раблэ у насъ очень мало. Родился онъ въ Шинонѣ на берегахъ Віенны, можетъ быть, въ 1483 году; его отецъ былъ харчевникомъ или аптекаремъ, если не тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Послѣ школьныхъ лѣтъ, проведенныхъ въ аббатствѣ Seuilly (или Seuille) и въ монастырѣ de la Basmette, мы встрѣчаемъ Раблэ въ другомъ монастырѣ, среди францисканцевъ, Fontenay-le-Comte, въ Пуату. Здѣсь онъ принялъ иноческій чинъ, прошелъ всѣ степени священства и рукоположенъ въ священники: ему было тогда между 25 и 28 годами. Трудно предположить, чтобъ въ данномъ случаѣ онъ слѣдовалъ дѣйствительному призванію: онъ слишкомъ охотно и скоро сбросилъ рясу; монастырская жизнь, давшая сюжетъ для многихъ комическихъ типовъ и положеній въ его романѣ, произвела на него вовсе не радужное впечатлѣніе. И теперь еще въ католи-

ческихъ странахъ монастырь является настолько же религіознымъ, насколько общественнымъ учрежденіемъ, куда крестьянство и бѣдный классъ сбываютъ своихъ сыновей—въ виду карьеры и обезпеченнаго куска хлѣба. Въ XVI вѣкѣ, при разложеніи католичества, положеніе было въ сущности такое же, и Раблэ могъ поступить безсознательно, по преданію; монастырская школа постепенно приготовила его къ этому шагу.

Орденъ францисканцевъ, по самому смыслу своего учрежденія, не призванъ быть ученымъ орденомъ; надобно полагать, что братія Fontenay-le-Comte особенно твердо помнили слова учителя: Et non curent nescientes litteras—litteras discere. На всякое книжное занятіе, выходившее за предѣлы богослужебности, они должны были смотрѣть презрительно и съ подозрѣніемъ, когда книги оказывались греческія или еврейскія, въ которыхъ видѣли что-то недоброе, еретическое; онѣ дѣйствительно давали толчокъ возрождавшейся мысли. Раблэ обратился именно къ этимъ книгамъ: въ короткое время онъ познакомился съ греческимъ, еврейскимъ, можетъ быть съ арабскимъ языкомъ и съ римскимъ правомъ; позднѣе онъ расширитъ кругъ своихъ занятій, въ которыя войдутъ ботаника, анатомія, медицина, реальныя древности классическаго міра. Въ Раблэ была страстная жилка гуманиста, и, какъ всѣ гуманисты, онъ самъ былъ въ одно и то же время учителемъ и ученикомъ, работалъ въ разбродъ, въ неопредѣленныхъ границахъ энциклопедіи будущаго. Такое отсутствіе, невыдержанность метода, должна была отразиться невыгодно на научныхъ результатахъ работы; за то предоставлялась большая свобода для творчества. Интересно наблюдать въ Раблэ, какъ реально-творчески онъ пытается усвоить откровенія древности: изучая, вмѣстѣ со своимъ другомъ Rondelet, породы рыбъ, онъ призналъ въ одномъ родѣ анчоуса классическій garum, изъ котораго приготовляли родъ любимой, ароматической сои — и вновь открылъ тайну ея рецепта. Отправляясь въ Римъ съ массой извлеченій изъ классическихъ писателей, которые должны были помочь ему въ изученіи вѣчнаго города, онъ задался въ то же время и другою цѣлью: ему хотѣлось познакомиться съ флорой и фауной Италіи; онъ наблюдаетъ за способами разведенія овощей—и, говорятъ, ввелъ во Францію культуру римскаго латука, дыни и александрійской гвоздики.

Но вернемся къ Раблэ, котораго мы оставили въ монастырѣ, гдѣ товарищемъ его по занятіямъ былъ Pierre Ami. Вокругъ двухъ друзей составился, за стѣнами монастыря, кружокъ сочувственныхъ людей, также преслѣдовавшихъ образовательныя цѣли.

Объ этомъ кружкѣ наслышанъ былъ извѣстный эллинистъ Бюдэ, —но прослышали и монахи: обыскъ, произведенный ими въ кельяхъ Раблэ и Ами, обнаружилъ греческія книги, которыя были схвачены; чтобы не подвергнуться той же судьбѣ, друзья предпочли бѣжать. Вмѣшательствомъ вліятельныхъ лицъ они снова были водворены и книги имъ возвращены, но Раблэ не счелъ удобнымъ долѣе оставаться въ монастырѣ: черезъ годъ послѣ разсказаннаго нами погрома мы находимъ его въ Legugé, въ гостяхъ у своего товарища по Basmette, Geoffroy d'Estissac, тогда—епископа de Maillezais. D'Estissac выхлопоталъ ему у папы позволеніе перейти въ бенедиктинскій орденъ, ученыя преданія котораго должны были доставить Раблэ болѣе свободы для занятій; но Раблэ видимо не спѣшилъ воспользоваться этой льготой: онъ предпочиталъ жить въ литературномъ, нѣсколько эпикурейскомъ кружкѣ Legugé, подъ покровительствомъ D'Estissac'а: здѣсь ему дышалось вольнѣе, онъ свелъ знакомство съ Marot, Desperiers, Hugues Salel, Heroet, можетъ быть съ Кальвиномъ, тогда еще не реформаторомъ. Съ 1530 года онъ вступаетъ въ такія же отношенія къ вліятельному семейству Du Bellay:—отношенія свободной кліентелы, которыя дали ему возможность заниматься, расширяя кругъ своихъ познаній, и явиться въ Montpellier въ 1531 году не въ качествѣ ученаго чудака, какимъ рисуетъ его легенда, а съ полнымъ правомъ на полученіе степени баккалавра. Въ Монпелье Раблэ живетъ полной университетской жизнью: принимаетъ участіе въ шумныхъ празднествахъ студентовъ и профессоровъ, гдѣ могъ расходиться его юморъ, сдержанный въ стѣнахъ монастыря—и читаетъ лекціи объ Афоризмахъ Гиппократа и Ars parva Галена, которыя печатаетъ въ 1532 году, въ Ліонѣ.

Ліонская жизнь Раблэ была особенно продуктивна: состоя врачомъ при городской больницѣ, онъ успѣваетъ въ одномъ 1532 году издать латинскія письма феррарскаго медика Giovanni Mainardi, свой собственный трудъ: Hippocratis et Galeni libri aliquot; два латинскихъ текста, напечатанныхъ имъ подъ заглавіемъ: Ex reliquiis venerandae antiquitatis, и оказавшихся потомъ подложными; составить альманахъ на 1532 годъ—и написать двѣ первыхъ книги своего романа о дѣяніяхъ *Гаргантюа* и *Пантагрюэля* и др.—Ліонъ былъ въ XVI вѣкѣ однимъ изъ главныхъ центровъ молодого французскаго возрожденія: здѣсь работала книгопечатня Грифовъ, собиралась и проживала цѣлая плеяда гуманистовъ и литераторовъ новаго направленія; Этьенъ Долэ былъ ученымъ справщикомъ у Себастьяна Грифа, и легко представить себѣ,

что и Раблэ попалъ въ этомъ круговоротѣ. Отношенія къ издательскимъ фирмамъ и книгопродавческому спросу объясняютъ разносторонность работъ Раблэ въ эту пору его дѣятельности; они же вывели его на его настоящій путь, отъ комментаріевъ къ Гиппократу и Галену—къ подвигамъ Гаргантюа и его романическаго наслѣдья.

Первыя двѣ книги романа явились отъ имени Alcofribas или (во 2-ой книгѣ) Alcofribas Nasier, abstracteur de Quinte Essence. Подъ анаграммой Alcofribas Nasier скрывался François Rabelais; анаграмму могли разгадать, нѣкоторыя идеи и выходки, разсѣянныя въ первыхъ книгахъ романа, обратили на него опасное вниманіе Сорбонны—и Раблэ охотно принялъ предложеніе Jean du Bellay, отправлявшагося въ Римъ въ качествѣ французскаго посланника и приглашавшаго его сопутствовать ему.

Мы знаемъ, съ какими надеждами онъ ѣхалъ въ Римъ; Du Bellay купилъ ему виноградникъ, въ которомъ онъ могъ бы дѣлать раскопки вмѣстѣ съ двумя молодыми антикварами, Nicolas Leroy и Claude Chapuis. Между тѣмъ миланецъ Marliani, долго жившій въ Римѣ, издалъ трудъ объ его древностяхъ, и Раблэ, оставивъ задуманную работу, ограничился изданіемъ книги Марльяни съ своими собственными исправленіями. Книга эта напечатана имъ уже по возвращеніи во Францію, въ 1534 г., въ Ліонѣ, гдѣ между тѣмъ его отставили отъ должности госпитальнаго врача—за двоякую самовольную отлучку. Раблэ на мѣстѣ не сидѣлось. Въ 1536 году онъ снова въ Римѣ, вызванный тѣмъ же Du Bellay, тогда уже кардиналомъ. Объ этомъ вторичномъ пребываніи мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія изъ писемъ Раблэ къ d'Estissac'у: онъ сообщаетъ ему о дипломатическихъ и политическихъ новостяхъ, объ ожидаемомъ прибытіи Карла V, о пораженіи турокъ и частныхъ дѣлахъ, веденіе которыхъ поручено было ему въ Римѣ; посылаетъ сѣмена салата и книжку пророчествъ, волновавшую римлянъ: De eversione Europae; говоритъ о сатирическихъ выходкахъ Пасквино, о побочныхъ дѣтяхъ папы—и о своемъ личномъ дѣлѣ. Ему необходимо было выяснить свои собственныя церковныя отношенія. Климентъ VII разрѣшилъ ему перейти изъ францисканскаго ордена въ бенедиктинскій, но онъ до сихъ поръ не воспользовался этимъ разрѣшеніемъ. Въ просьбѣ, съ которой Раблэ обратился теперь къ Павлу III, онъ смиренно приносилъ покаяніе въ своихъ грѣхахъ; сознавался, что самовольно перемѣнилъ монашескую рясу на одежду бѣлаго духовенства, путешествовалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ качествѣ медика, лишь изрѣдка служа обѣдню и

читая часы не въ урочное время, а иногда и не читая вовсе. Онъ заявлялъ о своемъ желаніи снова обратиться къ монастырской жизни, съ тѣмъ, чтобы ему разрѣшено было владѣть церковными бенефиціями и лечить больныхъ безденежно и не употребляя въ дѣло огня и желѣза.—Извѣстно, что церковь запрещала своимъ служителямъ проливать кровь, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Просьба Рабле внушена была ему естественными требованіями безопасности и желаніямъ устранить возможныя затрудненія. Папское разрѣшеніе было ему дано; но пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, пока онъ имъ воспользуется, и то на время. Вернувшись во Францію въ 1536 году, онъ позабылъ о монастырѣ: мы видимъ его то въ Парижѣ, въ кружкѣ литературныхъ друзей, то въ Montpellier и Ліонѣ; когда въ 1540 году онъ поселился въ Парижѣ, въ обители St. Maur des Fossés, то для него потребовалась новая папская булла, потому что обитель эта оказалась не монастыремъ, а коллегіальной общиной каноников.

Церковныя отношенія Рабле уладились въ смыслѣ свободы. Обезпеченный доходами своего канониката, не связанный монашескимъ обѣтомъ затворничества, онъ могъ двигаться и странствовать свободно. Понятно, почему въ посвященіи четвертой книги своего романа онъ называетъ St. Maur des Fossés—«раемъ здоровья, по пріятности, спокойствію и удобству; мѣстомъ, въ которомъ сосредоточены всѣ невинныя удовольствія простой, сельской жизни». Ему жилось хорошо: слава его, какъ медика, пронеслась и по ту сторону Альповъ, къ нему обращаются за научными совѣтами. Онъ могъ даже рѣшиться выставить свое полное имя въ заголовкѣ III-й книги своего романа и выхлопотать на ея изданіе королевскую привилегію. Это было въ 1546 году: съ 1532 года, т.-е. съ изданія второй книги, многое измѣнилось и въ положеніи дѣлъ и во взглядахъ Рабле; люди, враждебные гуманистамъ, усилились; Франсуа I, когда-то обѣщавшій стать во главѣ возрожденія, чаще колеблется между тѣми и другими; но гуманисты могли надѣяться найти у него защиту въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ 1547 году онъ умираетъ: внезапное удаленіе Рабле въ Мецъ, гдѣ онъ очутился въ весьма стѣсненномъ денежномъ положеніи и послѣдовавшая затѣмъ третья поѣздка въ Римъ служатъ свидѣтельствомъ его опасеній: оппозиція подняла голову, негодовали на его романъ не только католики, но и протестанты-религіонисты; въ новомъ изданіи двухъ первыхъ книгъ романа, въ 1542 году, Рабле нашелъ нужнымъ удалить нѣкоторыя сатирическія выходки противъ богослововъ

Сорбонны. Кальвинъ писалъ противъ него, Robert Estienne считалъ его достойнымъ костра.

Когда политическія отношенія выяснились во Франціи, Рабле вернулся, и ему посчастливилось не только ужиться при новомъ порядкѣ вещей, но и выпросить привилегію Генриха II для 4-й части своего романа. Оппозиція и здѣсь не дремала: несмотря на королевское разрѣшеніе, она задержала печатаніе книги, начатое въ 1548 и конченное лишь въ 1552 году. Это былъ его послѣдній при немъ напечатанный трудъ; для пятой книги онъ набросалъ лишь нѣсколько главныхъ эпизодовъ, которые были соединены и изданы лишь послѣ его смерти.

Очень вѣроятно, что одновременный отказъ Рабле отъ двухъ своихъ приходовъ, именно въ 1552 году, за двѣ недѣли до полученія имъ привилегіи, былъ поставленъ ему противной партіей какъ условіе, исполненіе котораго могло обезпечить его дѣло. Въ одномъ изъ этихъ приходовъ онъ фигурировалъ in partibus, т.-е. пользовался его доходами, не совершая требъ, въ другомъ, Мёдонскомъ, онъ дѣйствительно исполнялъ обязанности пастыря: проповѣдывалъ по воскресеньямъ, обучалъ дѣтей грамотѣ и катехизису, своихъ клириковъ согласному пѣнію. Женщинъ онъ къ себѣ не допускалъ, но охотно принималъ у себя посѣтителей и ученыхъ друзей. Всё это слышалъ на мѣстѣ Antoine Leroy, посѣтившій Meudon лишь одно поколѣніе спустя по смерти Рабле.

Онъ скончался въ Парижѣ, вѣроятно, въ 1553 году, напутствуемый таинствами религіи. Легенда заставляетъ его умереть съ шуткой и сомнѣніемъ на устахъ; но мы знаемъ ея источники и матеріалы. Мы не рѣшились воспользоваться ею даже для той черты, которую было бы желательно возстановить въ историческомъ Рабле: его темперамента. Былъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ такой весельчакъ и шутникъ, какимъ рисуетъ его легенда? Люди, заставляющіе другихъ хохотать до слезъ, чаще всего бываютъ сосредоточены и угрюмы.

Рабле принадлежитъ къ породѣ полигисторовъ, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Монастырская школа должна была познакомить его съ средневѣковой наукой и раскрыть ея несодержательность; мы видѣли, въ какихъ широкихъ границахъ онъ искалъ пополнить пробѣлы своего знанія. Но его любознательность, скорѣе сказать, умственная отзывчивость выходила охотно за предѣлы того научнаго круга, въ которомъ обыкновенно вращались гуманисты: отъ Галена и Гиппократа онъ переходилъ къ Лукіану и Плутарху, Платону и Эзопу; чтеніе Эразма чередовалось съ Orlando Furioso и макароническимъ эпо-

сомъ Folengo, который, въ свою очередь, приводилъ его къ народной книгѣ и сказкѣ и народнымъ типамъ. Все это укладывалось въ его фантазіи въ одинъ общій синтезъ, выражавшій въ полу-реальныхъ, полу-сказочныхъ формахъ его собственное міросозерцаніе, его надежды на жизнь. Строгій философъ построилъ бы изъ этихъ матеріаловъ цѣльную систему, которая была бы устойчивѣе и прозрачнѣе; эпосъ Рабле расплывается и дробится, потому что отвѣчаетъ шагъ за шагомъ его внутреннему росту и вмѣстѣ съ тѣмъ внутреннему развитію цѣлаго поколѣнія. Что онъ теряетъ въ стройности, то выигрываетъ въ психологическомъ интересѣ. Этотъ интересъ распространяется и на изложеніе: оно то хохотливо-нахально, то поднимается до паѳоса; въ народную рѣчь, поражающую иногда рѣзкимъ запахомъ провинціализма, вторгаются свободно ученыя слова, греческой и латинской чеканки, и вы улыбаетесь этимъ причудливымъ гостямъ, они не мѣшаютъ, а какъ будто возвышаютъ, въ комическомъ или серьёзномъ смыслѣ, стиль рѣчи, не грозя заполонить совершенно французскую фразу, какъ сталось во время Ронсара. То же свободное чередованіе народнаго и классическаго и въ отдѣльныхъ эпизодахъ романа: рядомъ съ народной сказкой, приспособленной къ болѣе идеальному содержанію мысли, но не изувѣченной классической реторикой, какъ будутъ дѣлать впослѣдствіи, становится разсказъ на темы изъ Лукіана и эзоповской басни, но такой народно-французскій по языку и подробностямъ, какой только можно встрѣтить въ юношескій періодъ возрожденія, не перешедшаго отъ творчества къ подражанію.

Главную тему для первой книги романа и для нѣкоторыхъ эпизодовъ второй дала Рабле одна изъ тѣхъ народныхъ французскихъ книжекъ, какія начинаютъ являться на переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, и, предваряя художественный протестъ Сервантеса, рисуютъ намъ въ каррикатурномъ видѣ отжившій міръ рыцарскихъ подвиговъ, романическихъ гигантовъ и волшебниковъ. Знакомство съ содержаніемъ этой книги не безполезно для характеристики литературныхъ пріемовъ Рабле. Она появилась въ печати въ 1532 году, во всякомъ случаѣ ранѣе 1534 года, и носила такое заглавіе: Les grandes et inestimables Chroniques du grand et énorme géant Gargantua.

Гоги и магоги (Gogs et Magots) грозятъ нападеніемъ королю Артуру. Волшебникъ Мерлинъ собирается помочь ему: отправившись на гору, онъ устраиваетъ тамъ своимъ волдовствомъ наковальню, высотою съ башню, по которой съ грохотомъ били три молота. На этой наковальнѣ онъ разбиваетъ въ порошокъ кость

кита-самца, которую предварительно омочилъ кровью отъ ранъ Ланцелота, захваченною въ стклянкѣ; точно также онъ поступаетъ и съ костью китовой-самки, въ которой примѣшиваетъ обрѣзки ногтей королевы Жиневры. Изъ той и другой смѣси образуются мало-по-малу, къ девятому дню, великанъ и великанша; великанъ сложился первымъ, но Мерлинъ погружаетъ его въ сонъ, въ теченіи котораго создаетъ изъ конскаго остова гигантскую кобылу, подъ статъ всадникамъ. Между тѣмъ, великаны очнулись и глядятъ другъ на друга.—Что ты дѣлаешь, Gallemelle?—Жду тебя, Grandgousier.—Такъ они сами назвали себя. Мерлинъ вѣщаетъ имъ, что у нихъ будетъ сынъ, и когда ему станетъ семь лѣтъ, они должны будутъ повезти его въ Англію; дорогу укажетъ имъ кобыла, стóитъ только повернуть ее головой къ западу. — Но чѣмъ же намъ кормиться на пути? Говорятъ, завелись такіе люди, что перекупаютъ хлѣбъ у крестьянъ и входятъ въ стачку съ цехомъ булочниковъ; бѣдному люду кусокъ хлѣба обходится дорого, и некому жаловаться на барышниковъ. — Мерлинъ принимаетъ это во вниманіе, и, распорядившись, чтобы повѣсили нѣкоторыхъ изъ виновныхъ, удаляется. Великаны горько плачутъ по немъ: изъ ихъ слезъ образовался горячій источникъ, въ которомъ можно варить яйца отъ кануна Рождества до Богоявленія. У него есть и другія чудныя свойства.

Между тѣмъ у Grandgousier и Gallemelle родился сынъ Gargantua; такъ назвалъ его отецъ. По-гречески это значитъ: у тебя красивый сынъ. Когда мальчику исполнилось семь лѣтъ, всѣ втроемъ отправляются въ Англію: путь лежитъ на Римъ, Германію, Швейцарію, Лоррень и Шампань, гдѣ исполинская кобыла, защищаясь отъ мухъ, сметаетъ хвостомъ цѣлые лѣса — шутка, повторенная Рабле, почти дословно, въ первой книгѣ его романа (I, ch. 16). — Гоняясь за кобылой, Гаргантюа поранился и усталъ, заснулъ и проспалъ два мѣсяца; земля подалась подъ нимъ на 60 локтей; стадо овецъ прошло черезъ него, и Гаргантюа въ просоньяхъ раздавилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ пальцами, принявъ ихъ за насѣкомыхъ. Пастуху представилось, что въ томъ мѣстѣ бродитъ волкъ; онъ спѣшитъ, чтобы спасти остатокъ стада, и попадаетъ въ пропасть: Гаргантюа спалъ, разинувъ ротъ. Пастуху удалось пріютиться между зубами и потомъ выдти оттуда по-добру-по-здорову. — Во второй книгѣ своего романа (II, ch. 32) самъ Рабле — Алькофрибасъ, спускается въ ротъ Пантагрюэля, и находитъ тамъ горы и долины, города и жителей, цѣлую сторону міра, о которомъ другая его половина не знаетъ.

Прибывъ къ берегамъ Ла-Манша, великаны забавляются тѣмъ,

что отрываютъ отъ горъ два огромныхъ утеса, которыми они вращали свободно. Когда они поставили ихъ на землю, бретонцы, подъ ихъ прикрытіемъ, унесли у гостей ихъ съѣстные припасы. Grandgousier приходитъ въ ярость, грозится переѣсть всѣхъ коровъ у бретонцевъ, которые принуждены откупиться двумя тысячами головъ скота. Чтобы удалить поводъ къ ихъ дальнѣйшимъ воровскимъ подвигамъ, великаны бросили въ море оторванные ими утесы, гдѣ они и теперь еще стоятъ. Боясь потерять своего сына, который могъ заблудиться въ болотахъ между St. Michel и Долемъ, Grandgousier вдѣлъ въ его ухо большой колоколъ съ городской башни Rennes, который, впрочемъ, отдалъ по неотступной просьбѣ жителей.

Вскорѣ послѣ того Grandgousier и Gallemelle умерли отъ лихорадки. Неутѣшный Гаргантюа отправляется въ Парижъ, гдѣ повторяетъ отцовскую продѣлку съ городскими колоколами, которые прячетъ въ карманъ. Уступая просьбамъ парижанъ, онъ возвращаетъ колокола и вмѣстѣ съ тѣмъ выронилъ изъ кармана бѣднаго Оверица, котораго когда-то припряталъ, чтобы съѣсть его на досугѣ. Оба эпизода повторены въ романѣ Рабле (I, ch. 17 и слѣд.; ch. 38), гдѣ Гаргантюа также уноситъ, къ великому горю парижанъ, колокола Notre-Dame и глотаетъ шесть паломниковъ, собравшихся ночевать подъ листьями гигантскаго салата и спасшихся отъ поглощенія лишь благодаря зубочисткѣ.

Гаргантюа возвращается къ берегу моря, гдѣ встрѣчаетъ Мерлина, который велитъ ему отправиться въ Англію. Онъ прибылъ какъ разъ во-время, потому что гоги и магоги успѣли дважды разбить Артура. Гаргантюа начинаетъ съ того, что одного плѣннаго магога подбрасываетъ на воздухъ, такъ что его не было и видно; когда магогъ упалъ, онъ былъ такъ смятъ, какъ будто на него опрокинулась большая башня Лувра. Затѣмъ, вооруженный громадной палицей работы Мерлина, помахивая направо и налѣво, онъ побилъ непріятельское войско. Въ Лондонѣ его ожидаетъ грандіозный пиръ: закуской служили оборека отъ пяти-сотъ свиней, не считая колбасъ и сосисекъ; на супъ употреблено было мясо трехъ-сотъ зайцевъ; подано было 400 коврижъ, вѣсомъ каждая въ 50 фунтовъ и двѣ унціи; четыре здоровенныхъ человѣка заняты были тѣмъ, что подбрасывали ему въ ротъ по лопатѣ горчицы послѣ каждаго съѣденнаго имъ куска. Десертомъ ему была тонна печеныхъ яблокъ, а выпилъ онъ 6 бочекъ сидра и отъ 7 до 8 элю.

На радостяхъ король велитъ одѣть Гаргантюа съ головы до ногъ. На его рубаху пошло $802^1/_2$ аршина холста, на камзолъ

$105^{1}/_{2}$ аршинъ малиноваго и желтаго атласа, еще 32 аршина съ осьмушкой на оторочку; да на исподнее платье понадобилось $200^{3}/_{4}$ аршина краснаго сукна и т. д. На его охотничью суму потребовалось столько волчьихъ шкуръ, что съ той поры волки перевелись въ Англіи.

Эти грандіозныя празднества, эти точные перечни, увеличивающіе впечатлѣніе шаржа, находятся и у Раблэ. Когда размѣры фантастичны сами по себѣ и дѣло идетъ о сотенныхъ и тысячныхъ цифрахъ, вы можете увлечься ими или забыться—когда васъ неожиданно остановитъ смѣшная по своей точности мелочь: какіе-нибудь $^{3}/_{4}$ аршина возвращаютъ васъ на землю, вы вспомнили, что надъ вами шутятъ. Раблэ не только любитъ этотъ пріемъ грандіозно-мелочныхъ сопоставленій, подмѣченныхъ у него Стерномъ, но и не выходитъ изъ размѣровъ и характера гротеска, намѣченнаго въ хроникѣ; онъ только разрабатываетъ его тоньше, ближе примѣняя къ жизненной минутѣ, выбирая лишь извѣстныя положенія, оставляя другія.

Конецъ народной хроники можно досказать въ немногихъ словахъ: Гаргантюа воюетъ для короля Артура съ голландцами и ирландцами и наполняетъ плѣнными свои карманы; непріятельскій городъ платитъ выкупъ свѣжими сельдями и солеными сардинами. Гаргантюа ѣстъ и засыпаетъ; враги, пытающіеся убить его во время сна, падаютъ въ его раскрытый ротъ. Съ соленой пищи его томитъ жажда: онъ пьетъ у рѣки и нечаянно проглатываетъ лодку, нагруженную порохомъ. Ему нездоровится; въ его желудокъ снаряжена цѣлая экспедиція, осматривающая его при свѣтѣ факела (тотъ же эпизодъ о Пантагрюэлѣ у Раблэ, II, ch. 33) и находящая тамъ всякій старый хламъ. Чтобы освободить больного отъ его немочи, въ его пасть бросаютъ цѣлый возъ зажженныхъ спичекъ, а его самого поворачиваютъ задомъ къ непріятельскому городу, который сильно страдаетъ отъ взрыва. Слѣдуютъ еще другіе подвиги и побѣда Гаргантюа надъ великаномъ, котораго онъ приноситъ Артуру въ охотничьей сумкѣ. Двѣсти лѣтъ, три мѣсяца и четыре дня прожилъ онъ при дворѣ Артура, а затѣмъ восхищенъ былъ въ волшебныя селенія.

Кто былъ авторомъ этой анонимной хроники, съ которою произведеніе Раблэ, въ двухъ первыхъ своихъ книгахъ, представляетъ столь интересныя черты сходства? Между изслѣдователями въ послѣднее время утвердилось мнѣніе, что народная книжка могла быть написана самимъ Раблэ. Вопросъ этотъ связанъ съ другимъ, болѣе интереснымъ для насъ: о послѣдовательности, въ какой написаны были первыя двѣ книги его романа.

Романъ этотъ въ своемъ настоящемъ цѣльномъ составѣ состоитъ изъ 5 книгъ: первая говоритъ о дѣяніяхъ Гаргантюа; героемъ всѣхъ остальныхъ, начиная со второй, является сынъ его Пантагрюэль. Первое, помѣченное годомъ, изданіе первой книги относится къ 1535 г., но что ему предшествовало другое, тому доказательствомъ экземпляръ, описанный Брюнэ, и хотя не помѣченный годомъ, во всякомъ случаѣ относящійся къ болѣе ранней порѣ. Вторая книга написана, какъ полагаютъ, въ 1532 году; извѣстно изданіе 1533 года, и можетъ быть не первое: существуетъ еще ліонское изданіе Клода Нурри, безъ даты. Эти неясныя библіографическія данныя привели къ слѣдующимъ соображеніямъ: вторая книга написана въ 1532 году; въ этомъ году, говорятъ намъ, Раблэ особенно много издавалъ и работалъ, такъ что можно выразить сомнѣніе, было ли у него время и возможность создать такую большую, законченную вещь, какъ его первая книга, безспорно лучшая изъ всѣхъ. Въ хронологію же прежнихъ лѣтъ, т.-е. до 1532 г., она не укладывается. Къ этому аргументу присоединяется еще слѣдующій: вторая книга одна изъ самыхъ слабыхъ, она скорѣе обличаетъ новичка, чѣмъ человѣка, искусившагося въ созданіи первой. Авторъ второй книги могъ возвыситься, работая надъ собою, до уровня первой; авторъ первой едва ли былъ бы въ состояніи спуститься до слабости второй. Третье соображеніе, наиболѣе вѣское, кажется, рѣшаетъ дѣло: въ началѣ первой книги, посвященной разсказу о Гаргантюа, авторъ отсылаетъ читателя, желающаго знать генеалогію его героя, къ «большой Пантагрюэлевской хроникѣ»; казалось бы гораздо естественнѣе тотчасъ же сообщить эту родословную, чѣмъ въ началѣ второй книги, гдѣ она менѣе у мѣста. Если тѣмъ не менѣе авторъ поступаетъ такъ, то у него должна была быть естественная причина, на чтó наводили уже предыдущія замѣчанія: вторая книга была уже написана, когда явилась первая, которой нечего было повторить родословную, помѣщенную уже въ другомъ мѣстѣ.

Но что же такое «Хроника Гаргантюа» (Chronique Gargantuine), о которой говорится въ прологѣ ко второй книгѣ, съ прибавленіемъ, что книгопродавцы въ два мѣсяца продали ее въ бóльшемъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ въ девять лѣтъ раскупается библій? Это и есть та самая народная книга, содержаніе которой изложено выше. Среди массы трудовъ, наполнившихъ 1532 годъ, Раблэ могъ найти досугъ, чтобы написать нѣсколько страничекъ непритязательнаго шутливаго разсказа. Въ томъ же году явилась, какъ его продолженіе, нынѣшняя вторая книга его

романа; лишь позднѣе, сообразивъ несоотвѣтствіе стиля между тѣмъ и другимъ своимъ произведеніемъ, онъ рѣшился обработать на-ново свою же собственную «Chronique Gargantuine»; эта переработка и лежитъ передъ нами въ формѣ первой книги его романа.

Вся эта аргументація представляется мнѣ въ значительной степени слабой. Если въ 1532 году Раблэ былъ дѣйствительно такъ занятъ, что у него не было досуга затѣять и обдумать первую книгу, то что́ же мѣшаетъ предположить, что въ общихъ чертахъ ея планъ могъ созрѣть у него и раньше? Что до написанія, то на это не надо было много времени, и я не знаю, почему бы намъ не довѣряться словамъ Раблэ, говорящаго въ предисловіи къ первой книгѣ, что написалъ онъ ее въ свободныя минуты, за обѣдомъ и виномъ? Формальныя преимущества, отличающія первую книгу, также не могутъ служить доказательствомъ, что она написана позже, послѣ перваго менѣе удачнаго опыта: не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ случаѣ сравненіе получаетъ нѣсколько исключительный характеръ, такъ какъ вторая книга принадлежитъ къ наиболѣе слабымъ. Раблэ вообще пишетъ неровно и капризно: эпизоды и ничѣмъ немотивированныя отступленія являются у него на каждомъ шагу. Принимаясь за первую книгу онъ случайно заговорилъ о генеалогіи своего героя, да этимъ и ограничился: подробности читатель узнаетъ изъ большой Пантагрюэлевской хроники, когда авторъ перейдетъ къ сыну Гаргантюа, Пантагрюэлю. Что́ выйдетъ изъ этой генеалогіи, что́ придется сказать о Пантагрюэлѣ—Раблэ и самъ могъ не знать, когда писалъ эти строки; обѣщаніе сорвалось случайно, какъ случайно могло явиться имя Пантагрюэля, измышленное самимъ Раблэ или подсказанное ему какой-нибудь народной книгой. Когда онъ принялся за продолженіе своего разсказа, обѣщаніе не столько связало его, сколько подсказало готовый мотивъ для первой главы. Такъ явилась родословная, которая инымъ представляется стоящей не на мѣстѣ. Я, напротивъ, не удивился бы, сообразивъ характеръ работы Раблэ, еслибъ она явилась не во 2-й, а, напримѣръ, въ 3-й или 4-й книгѣ.

Что до «Chronique Gargantuine», къ которой отсылаетъ насъ авторъ въ прологѣ второй книги, то указаніе это можетъ быть отнесено какъ къ народной повѣсти, такъ и къ первой книгѣ романа. Почему бы послѣдней не называться «Chronique Gargantuine», когда «великая Пантагрюэлевская хроника» несомнѣнно обозначаетъ, по мысли Раблэ, вторую и слѣдующія книги романа?

После всего сказаннаго я считаю вѣроятнымъ, что Раблэ не

авторъ народной книги, которую желаютъ ему навязать; онъ только воспользовался ея остовомъ, ея подробностями, чтобы пересказать ихъ по-своему, какъ пользовался не разъ и для той же цѣли чужими литературными мотивами. Принимаясь за переработку, онъ началъ съ Гаргантюа, т.-е. съ своей первой книги. Самымъ вѣскимъ подтвержденіемъ моего взгляда является слѣдующее соображеніе: въ народной хроникѣ—Гаргантюа, нелѣпный по своей силѣ и аппетиту великанъ, и ничего болѣе; во второй книгѣ романа (II, ch. 8) онъ пишетъ своему сыну письмо, полное образовательныхъ идей и гуманныхъ увѣщаній. Вы спрашиваете невольно: когда же онъ успѣлъ цивилизоваться? Рабле говоритъ о томъ обстоятельно въ первой книгѣ своего романа. Ясно одно: когда онъ принялся за свою вторую книгу, общій планъ, идеальное содержаніе первой—были у него готовы. Это даетъ намъ право разсмотрѣть содержаніе романа въ той именно послѣдовательности, въ которой онъ теперь предлагается читателямъ.

II.

«Грангузье былъ въ свое время большой весельчакъ, любилъ чисто выпить, какъ никто другой на свѣтѣ, и былъ большой охотникъ до соленостей. У него всегда былъ хорошій выборъ майнцскихъ и байонскихъ окороковъ, копченыхъ языковъ и мяса, посоленнаго съ горчицей. Присоедините къ этому запасы икры и сосисекъ, не изъ Болоньи (Грангузье боялся итальянской отравы), но изъ Bigorre, Lonquaulnay, Brene и Rouargue. Когда онъ возмужалъ, онъ взялъ за себя Gargamelle'у, дочь короля Бабочекъ (des Parpaillos), дородную и красивую». Отъ нихъ родился Гаргантюа.

Декорація и колоритъ намѣчены съ первыхъ строкъ: вы должны приготовиться къ откровенному реализму Теньера и Фанъ-Остаде, къ тучнымъ, до переполненія, формамъ Рубенса. Только впечатлѣніе и размѣры этихъ формъ придется усилить: Рабле вводитъ насъ въ міръ великановъ плоти, съ сильно-развитыми животными инстинктами и большимъ спросомъ питанія, которому они удовлетворяютъ весело и добродушно. Исполинскіе размѣры являются подходящимъ выраженіемъ для этого міра первичныхъ вожделѣній и закормленной силы; когда проснется интеллектъ, великаны начнутъ якшаться съ людьми, сами являются въ человѣческой формѣ—и проходятъ цѣлыя главы, читая которыя вы забываете,

что дѣло идетъ о тѣхъ же лицахъ, которыя поразили насъ и еще поразятъ своимъ исполинскимъ обликомъ. Рабле причудливъ и нерѣдко сознательно играетъ этимъ чередованіемъ формъ.

Сцена открывается гигантскимъ пиромъ въ родѣ того, съ какимъ познакомила насъ народная книга. Грангузье пируетъ на славу: заколото 367,014 откормленныхъ быковъ; позваны окрестные жители; послѣ обѣда началась пляска; подгулявшая компанія продолжаетъ пить и болтать, острыя слова, поговорки сыплются градомъ; языки начинаютъ заплетаться. Въ это время Гаргамелла, плотно покушавшая рубцовъ, несмотря на предупрежденіе мужа, родила сына, который вышелъ на свѣтъ чрезъ лѣвое ухо (другіе пути были заложены) и тотчасъ же закричалъ: пить, пить! — Большая же у тебя глотка! (Que grand tu as, т.-е. le gosier),— говоритъ прибѣжавшій на крикъ отецъ; оттого пошло и имя мальчика: Gargantua. Жажда у него дѣйствительно страшная: на него шло обыкновенно молоко отъ 17,913 коровъ; кормилицы ему нельзя было подыскать, да и у матери молока не хватило бы, хотя иные ученые утверждали, что она давала за одинъ разъ 1402 бочки и 9 горшковъ молока: показаніе, которое Сорбонна нашла соблазнительнымъ, оскорбляющимъ слухъ и даже слегка отдающимъ ересью.

Ему не стукнуло еще двухъ лѣтъ, а онъ уже обладалъ восемнадцатью подбородками и обнаруживалъ страсть къ вину; бывало, когда онъ расходится, стоило только напоить его «сентябрьскимъ отваромъ», и онъ тотчасъ приходилъ въ себя; одно звяканье стклянокъ и бутылокъ приводило его въ восторгъ. — Младенческіе годы Гаргантюа проходятъ въ животномъ прозябаніи; Рабле подробно говоритъ объ его препровожденіи времени, объ его играхъ; впечатлѣнія народной книги остались въ невѣроятномъ количествѣ аршинъ съ третями и четвертями, пошедшихъ на одежду молодого великана.

Наконецъ, настало время его учить. Средневѣковое обученіе, особенно если оно не имѣло профессіональнаго характера, убивало много времени и забивало голову, не обременяя ее мыслями и не отнимая аппетита. Первымъ учителемъ Гаргантюа былъ докторъ богословія Тубалъ Олофернъ, носившій у пояса чернильницу, вѣсомъ болѣе чѣмъ семь тысячъ центнеровъ, футляръ для перьевъ, толщиною въ церковную колонну; словно бочка, болтается у него подвѣшенная на желѣзныхъ цѣпяхъ крышка. — Тубалъ Олофернъ принялся обучать мальчика грамотѣ, которую онъ такъ превзошелъ, что могъ проговорить азбуку задомъ напередъ; кромѣ того, читалъ съ нимъ грамматику Доната, пара-

болы Алана Лилльскаго и т. п., употребивъ на все это 13 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и двѣ недѣли. Писать онъ его училъ готическими буквами; учебныя книги мальчикъ списывалъ самъ себѣ, потому-что книгопечатанія тогда не знали. — Слѣдовало затѣмъ чтеніе трактата Іоанна de Garlandia, de modis significandi, съ комментаріями Hurtebise, Fasquin, Tropditeux, Gualehaut, Jehan le Veau и многихъ другихъ. На это ушло 18 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ, и получились тѣ же результаты: ученикъ зналъ текстъ наизусть и даже отвѣчалъ его съ конца къ началу. — Шестнадцать лѣтъ и два мѣсяца изучали они цыфирь; тутъ наставникъ умеръ, и Гаргантюа дали другого, такого же, стараго Жобелена Бридэ.

Вся эта тяжеловѣсная мудрость не мѣшала растительной жизни идти своимъ чередомъ. Гаргантюа просыпался утромъ между 8 и 9 часами; не даромъ сказано въ псалмѣ: нелѣпо вамъ подниматься до разсвѣта (пс. CXXVI: Vanum est vobis ante lucem surgere); нѣкоторое время баловался въ постелѣ, одѣвался по сезону, но чаще облекался въ широкій, длинный, фризовый халатъ, подбитый лисицей; чесался онъ по-нѣмецки, т.-е. пятернею, потому-что его наставники доказывали ему, что чесаться гребнемъ, мыться и чиститься—значитъ терять золотое время. Затѣмъ, назѣвавшись, прокашлявшись и начихавшись вдоволь, онъ садился за завтракъ, и кушалъ плотно, чтобы предупредить вліяніе утренняго росистаго воздуха. Потомъ онъ шелъ въ церковь; за нимъ въ большой корзинѣ несли требникъ, вѣсомъ 11 центнеровъ 6 фунтовъ, или около того, считая переплетъ, застежки и насѣвшую пыль. Въ церкви онъ слушалъ отъ 26 до 30 мессъ, бормоталъ машинально часы, вмѣстѣ съ псаломщикомъ, успѣвшимъ хлебнуть за завтракомъ,—и, прогуливаясь по монастырю или въ саду, перебирая четки, которыя привозили ему на быкахъ, сказывалъ столько разъ «Отче нашъ», какъ не сдѣлать и шестнадцати отшельникамъ, не пропуская даромъ ни одной горошины; а были онѣ величиной съ шапку.

Вернувшись домой онъ занимался какія-нибудь полчаса, глаза вперивъ въ книгу, а умомъ переносясь въ кухню, по словамъ комическаго поэта. Слѣдовалъ затѣмъ грандіозный обѣдъ, послѣ обѣда застольные разговоры и игры и легкій сонъ, часа на два, на три, послѣ чего надлежало отпоиться виномъ съ холодку. Затѣмъ новыя занятія, состоявшія главнымъ образомъ въ сказываніи «Отче нашъ»; чтобъ облегчить себѣ работу, Гаргантюа садился на стараго мула, ходившаго подъ девятью королями и, бормоча молитвы, помавая головою, ѣхалъ смотрѣть, не попался ли кроликъ въ тенета.

Вечеромъ, заглянувъ на кухню, есть ли что тамъ на вертелѣ, ужиналъ, болталъ съ сосѣдями о томъ и семъ, игралъ или отправлялся на посидѣлки—а затѣмъ просыпалъ ночь въ одну запряжку.

Старый король не нарадуется прилежанію сына, но не видитъ прока въ его обученіи: Гаргантюа не только не шелъ впередъ, но и видимо тупѣлъ. Grandgousier жалуется дону Филиппу des Marays, вице-королю Папелигоссы, который объясняетъ ему, что вся вина въ наставникахъ: вся ихъ наука подбита вѣтромъ и способна лишь развратить хорошіе, свѣжіе умы; бьюсь о закладъ, что любой изъ нынѣшнихъ молодыхъ людей, проучившихся два года, окажется умнѣе, толковѣе и обходительнѣе вашего сына. Grandgousier принимаетъ вызовъ: за ужиномъ донъ Филиппъ представляетъ ему своего пажа, по имени Эвдемона, мальчика лѣтъ шестнадцати, чисто одѣтаго, причесаннаго, скромно державшагося. Эвдемонъ обращаетъ къ Гаргантюа нѣсколько краснорѣчивыхъ фразъ, въ которыхъ хвалитъ его самого и поощряетъ любить и чествовать отца, столь пекущагося объ его образованіи. Гаргантюа такъ растерялся, что отъ него не могли добиться ни слова: онъ уткнулся лицомъ въ шапку и подъ конецъ разревѣлся какъ корова.

Можно представить себѣ ярость Грангузье; онъ готовъ убить магистра Жобелена, но его удерживаютъ. Когда его гнѣвъ прошелъ, онъ велитъ заплатить ему жалованье, напоить «по богословски» и отпустить на всѣ четыре стороны.—Рѣшено: дать Гаргантюа другого учителя, Поноврата, наставника Эвдемона, и всѣхъ вмѣстѣ отправить въ Парижъ.

Вспомнимъ, что Гаргантюа пока еще необтёсанный гигантъ, которому легко было приписать чудовищныя продѣлки его тезки въ народной хроникѣ. Раблэ ею и пользуется: онъ даетъ Гаргантюа, на пути въ Парижъ, исполинскую кобылу, сбивающую хвостомъ цѣлые лѣса; заставляетъ присѣсть для отдыха на башни Notre-Dame и унести колокола, изъ которыхъ онъ хочетъ сдѣлать погремушки для своей лошади. Раблэ очень удачно пользуется послѣднимъ эпизодомъ, чтобы привязать къ нему новую выходку противъ Жобеленовъ, сорбоннистовъ и вообще представителей средневѣковой науки. Вопросъ о колоколахъ интересуетъ всѣхъ парижанъ, они не могутъ обойтись безъ своего вѣкового достоянія; въ Сорбоннѣ объ этомъ толкуютъ важно и обстоятельно, по всѣмъ правиламъ школьной логики. Положили на томъ, чтобы послать къ Гаргантюа депутацію, съ цѣлью испросить возвращеніе колоколовъ; ораторомъ выбранъ богословъ Janotus de Bragmardo; его рѣчь—образчикъ шаржа, въ которомъ силло-

гивань, не идущій къ дѣлу, цитаты, случайно схваченныя на лету для ученой окраски, оттѣняютъ пошлое содержаніе просьбы и тривіальность выраженій. Ученый мужъ постоянно теряетъ нить фразы, откашливается, чтобъ выгадать время, и, принимаясь говорить снова, опять начинаетъ не впопадъ. Главный комизмъ этой галиматьи состоитъ въ томъ, что говорящій чаще всего самъ себя не понимаетъ, но убѣжденъ, что говоритъ превосходно: «не правда ли, хорошо сказано!»

Съ средневѣковымъ воспитаніемъ надо покончить, какъ и съ гигантской плотью; исполинскія формы на время исчезаютъ изъ романа, который поворачиваетъ на новую стезю: изъ стихійнаго великана предстоитъ сдѣлать человѣка. Такова цѣль воспитательныхъ мѣръ Понократа.

О воспитательномъ планѣ Рабле говорено было много; его идеи развиты были Монтэнемъ, Локкомъ, Руссо и стали достояніемъ новѣйшей педагогики. Кое-что было сдѣлано до него усиліями итальянскихъ педагоговъ; но вообще его взгляды должны были поразить своею новизною. Лишь немногіе могли оцѣнить ихъ по достоинству; большинству они показались такой же небылицей, какъ иные диковинные подвиги Гаргантюа. Дѣло вѣдь шло о воспитаніи молодого гиганта!

Мы можемъ уяснить себѣ въ нѣсколькихъ словахъ воспитательные принципы Рабле. Средневѣковое обученіе основывалось на книгѣ. Первая-то книга черпала свое содержаніе изъ фактовъ жизни и наблюденій природы—но это было давно, въ границахъ стараго классическаго міра—а далѣе всякая новая книга заимствовалась изъ предыдущей, толкуя её, объясняя или затемняя ея содержаніе искусственными формулами, не повторяя непосредственныхъ наблюденій и не обновляясь изъ первичнаго источника знанія. Къ такой книгѣ приводили ученика, онъ становился лицомъ къ лицу съ готовой формулой, и ему приходилось либо осилить эту толщу традиціонныхъ измышленій, чтобы проникнуть къ существенному и достойному познаванія, либо, не задаваясь непосильнымъ трудомъ, ограничиться зазубриваніемъ формулы. Послѣднее случалось чаще и необходимо сокращало самодѣятельность мысли. Чтобы поднять ее, надо было обратить человѣка къ непосредственному изученію фактовъ жизни и природы, обративъ книгу отъ значенія цѣли, какое она до тѣхъ поръ имѣла, въ болѣе смиренной роли—средства и пособія. Что не тѣни предметовъ, а самые предметы слѣдуетъ предлагать юношеству—было, какъ извѣстно, педагогическимъ принципомъ Амоса Коменскаго.

Такова первая задача новаго воспитанія: самодѣятельность мысли. Но она была бы односторонней, если бы одно упражненіе не поддерживалось другимъ. Средніе вѣка небрегли тѣломъ, оно было чѣмъ-то служебнымъ и второстепеннымъ, что аскетъ истощалъ постомъ и переполнялъ не въ мѣру великанъ плоти. Классическая поговорка—о здоровой душѣ въ здоровомъ тѣлѣ—была забыта; Раблэ обратилъ особое вниманіе на внутреннее соотвѣтствіе душевнаго и тѣлеснаго здоровья, и въ своей системѣ воспитанія отводитъ не послѣднее мѣсто развитію физической самодѣятельности. Въ результатѣ долженъ былъ получиться гармоническій человѣкъ, физически и психически самодѣятельный. Таковы задачи Пономрата.

Онъ начинаетъ съ того, что старается освѣжить умъ и желудокъ своего ученика отъ воспоминаній прошлаго. Затѣмъ для него начинается новая жизнь. Гаргантюа встаетъ около четырехъ часовъ, и пока его моютъ, ему читаютъ внятно и выразительно страницу изъ священнаго писанія, содержаніе которой даетъ ему мотивы для молитвы и религіозныхъ размышленій о величіи Господа и чудныхъ дѣлахъ его. Вмѣстѣ съ учителемъ онъ наблюдалъ состояніе неба: такое ли оно, какимъ они его видѣли наканунѣ, въ какой знакъ зодіака вступало солнце и т. п. Затѣмъ его одѣвали и убирали, и въ это время онъ повторялъ наизусть уроки предыдущаго дня, стараясь отыскать ихъ примѣненіе къ жизни. Послѣ трехчасового чтенія, выходили вмѣстѣ, разсуждая о прочитанномъ, и отправлялись играть въ мячъ и другія игры, упражняя тѣло, какъ прежде упражняли умъ. Ихъ игры были свободныя, они отдыхали, когда хотѣли, и прекращали забаву, когда уставали или являлась испарина. Вытрясь и перемѣнивъ бѣлье, гуляли, заглядывали на кухню, не готовъ ли обѣдъ, повторяя иногда то или другое изреченіе, вынесенное изъ урока.

Между тѣмъ являлся «господинъ аппетитъ»—и всѣ садились за столъ. Въ началѣ обѣда читали какую-нибудь увеселительную повѣсть о старинныхъ подвигахъ, а затѣмъ разговоръ наводился на свойство и качество всего, что подавалось имъ въ пищу: бесѣдовали о хлѣбѣ, винѣ, водѣ, соли, мясѣ и рыбахъ, о плодахъ, злакахъ и кореньяхъ—и объ ихъ приготовленіи. Такимъ образомъ Гаргантюа вскорѣ познакомился съ тѣмъ, что объ этихъ предметахъ говорилъ Плиній, Атеней, Діоскоридъ, Юлій Поллуксъ и др., книги которыхъ иногда приносились къ столу, когда являлось желаніе справиться и повѣрить себя. Все это онъ запомнилъ такъ твердо, что иной медикъ не знаетъ и половины.

Обѣдъ кончался благодарственной молитвой и пѣніемъ гимновъ въ похвалу Господней милости и щедрости.

Послѣ обѣда, пока совершалось пищевареніе, они занимались играми. Игры эти были раціональныя, основанныя на выкладкахъ и разсчетѣ: среди отдыха и забавы Гаргантюа научился счетному искусству, геометріи, астрономіи и музыкѣ, которую Рабле относитъ по преданію къ наукамъ математическимъ. На музыку, кромѣ того, обращено и практическое вниманіе: Гаргантюа играетъ на разныхъ инструментахъ.

На эти послѣ-обѣденныя занятія уходитъ часъ времени. Слѣдовало затѣмъ трехчасовое чтеніе; Гаргантюа учится писать, но уже не готическими буквами, а римскими, античными.

Кончивъ занятія, учитель и ученикъ выходятъ изъ дому, вмѣстѣ съ ними Гимнастъ, имя котораго обличаетъ его спеціальное призваніе. Рабле особенно подробно описываетъ тѣлесныя упражненія, которымъ подвергался Гаргантюа, достигая въ нихъ замѣчательной степени ловкости. Въ короткое время онъ научился управлять лошадью, владѣть оружіемъ—не для вида только, какъ на турнирахъ, а для дѣла; работать топоромъ. Онъ былъ большой мастеръ бѣгать, прыгать, бороться, плавать на всѣ лады, нырять и взбираться на крутизну и т. п.

Осушившись и перемѣнивъ одежду, тихо шли домой, наблюдая по дорогѣ травы и деревья, соображая свои наблюденія съ показаніями древнихъ естествоиспытателей, и возвращались домой съ полными руками. Здѣсь ихъ ожидалъ обильный ужинъ, такъ какъ обѣдъ былъ умѣренный, не насыщая, а лишь удаляя голодъ. За ужиномъ иногда продолжалось заобѣденное чтеніе, но чаще отдавались веселой, умной бесѣдѣ; затѣмъ играли и пѣли до ночи, либо посѣщали общество людей образованныхъ или побывавшихъ въ чужихъ краяхъ.

Ночью, прежде чѣмъ пойти спать, созерцали, съ открытаго мѣста дома, состояніе неба, положеніе звѣздъ, и повторивъ по пиѳагорейскому обычаю, все, что̀ въ теченіи дня прочли, видѣли, узнали, сдѣлали или слышали, возносили молитву Создателю, утверждая свою вѣру въ него, славя его безконечную благость, благодаря за прошедшее и призывая его милость на будущее. Совершивъ это, предавались покою.

Таковъ былъ порядокъ учебнаго или, скорѣе, образовательнаго дня. Въ ненастную погоду этотъ порядокъ долженъ былъ видоизмѣняться: Рабле это предвидѣлъ и въ дождливые дни обращаетъ Гаргантюа къ другимъ упражненіямъ: онъ копнитъ сѣно,

пилить и рубить древа, молотить—либо занимается живописью и ваяніемъ, посѣщаетъ мастерскія, публичныя чтенія, слушаетъ рѣчи адвокатовъ и проповѣди служителей Евангелія; заглядываетъ въ школу фехтованія, въ мостотильныя лавки и наблюдаетъ за продѣлками шарлатановъ и фокусниковъ. Иногда методическое теченіе жизни прерывалось сознательно днями отдыха. Разъ въ мѣсяцъ, въ хорошій, ясный день, всѣ выходили за городъ и тамъ валялись въ травѣ, пѣли и веселились. Но и въ это веселье проникалъ тайкомъ серьёзный элементъ поученія: припоминались георгики Виргилія, сочинялась какая-нибудь латинская эпиграмма и перекладывалась по-французски, либо устраивался, среди забавы, какой-нибудь хитрый, самодвижущійся приборъ.

Всѣ согласятся, что въ образовательномъ планѣ Раблэ многое слишкомъ предусмотрѣно, до мелочности обставлено, педантично. Но развѣ средне-вѣковое воспитаніе, которое Раблэ показалъ намъ лишь съ одной, тунеядническаго стороны, не отличалось тѣми же самыми качествами? Крайняя опредѣленность одной системы вызывала и въ другомъ лагерѣ столь же крайнія, по своей методичности, заявленія. Другой упрекъ, который можно бы сдѣлать Раблэ, устраняется его сюжетомъ: его система кажется неприложимой въ обыденной жизни, потому что требуетъ слишкомъ исключительныхъ условій: Гаргантюа окруженъ вниманіемъ педагога, всѣми удобствами жизни и средствами развитія; все время можетъ уйти на заботы объ образованіи,—ни одной минуты не теряется даромъ, потому что Гаргантюа моютъ, холятъ, одѣваютъ. Я представляю себѣ, какъ отвѣтилъ бы Раблэ на эти сомнѣнія. «Я желалъ указать людямъ образецъ лучшаго воспитанія, но мой сюжетъ требовалъ, чтобы я воспиталъ царевича. Гаргантюа воспитывается по-царски; иныя общественныя условія измѣнятъ приложенія метода, но не поднимаютъ сомнѣнія въ его приложимости вообще. Попробуйте».—Мы уже сказали, что позднѣйшая педагогика не безъ успѣха отозвалась на этотъ вызовъ.

Пока Гаргантюа слагается въ человѣка, посмотримъ, что дѣлаетъ Грангузье. Въ романѣ онъ проходитъ какъ-бы на заднемъ планѣ, но это одинъ изъ типовъ, симпатичныхъ Раблэ. Человѣкъ стараго времени, но глубоко гуманный и умный старикъ; молодого Гаргантюа Раблэ намъ рисуетъ въ формахъ стихійнаго гиганта; о Грангузье не говорится ничего подобнаго; онъ потому и не великанъ, что прирожденная ему гуманность дѣлаетъ его способнымъ на все хорошее, внутреннее чутьё замѣняетъ школу. Онъ дѣятельно заботится о томъ, чтобъ изъ его

сына внимать толкъ, и даетъ ему учителей; религіозенъ безъ предразсудковъ; отецъ своихъ подданныхъ, потому что средневѣковая сословная складка, общественное положеніе и привычка власти не могли заглушить въ немъ человѣка. Такіе старые люди поддержали «возрожденіе».

Другое дѣло — сосѣдъ его Picrochelles; рядомъ съ типомъ благодушнаго монарха становится король, какихъ въ то время было много. Какъ для сорбонниста буква заслоняла жизнь, такъ для Пикрошоля человѣкъ терялся за сословнымъ, искуственнымъ опредѣленіемъ виллана, феодальнаго барона, всесильнаго властителя. Выше всего стоитъ на этой лѣстницѣ король — и Пикрошоль весь ушелъ въ самонаслажденіе своей властью, которой предѣловъ не знаетъ, потому что прошло то время, когда право сильнаго дѣйствительно опиралось на личной силѣ, измѣрялось отвагой. Теперь такая взаимная повѣрка силы и права невозможна: Пикрошоль властвуетъ по традиціи; онъ тѣмъ чванливѣе, поражаетъ непріятеля на картѣ, и, самодовольно-наивно прислушиваясь въ похваламъ клевретовъ, почти готовъ повторить за знаменитымъ Janotus de Bragmardo: «не правда-ли, какой совершилъ я подвигъ?»

Между нимъ и Грангузье возникаетъ война — изъ-за пустяковъ. Пастухи, сторожившіе виноградники на землѣ Грангузье, просятъ булочниковъ Пикрошоля, провозившихъ обозъ съ своимъ товаромъ, уступить имъ нѣсколько булокъ, по рыночной цѣнѣ. Извѣстно, что свѣжей булкой и виноградомъ можно позавтракать божественно. Булочники, прежде податливые, на этотъ разъ почему-то заартачились, стали браниться, брань перешла въ странную свалку, въ которой зачинщики были сильно помяты и поранены, а пастухи добыли булокъ, впрочемъ, заплативъ за нихъ, что слѣдуетъ.

Побѣжденные явились къ Пикрошолю, избитые и растерзанные, и обо всемъ ему разсказали. Тотъ вошелъ въ страшную ярость и, не разспрашивая далѣе, велитъ бить сборъ, развернуть знамя, и съ войскомъ перваго и второго призыва вторгается въ беззащитныя земли Грангузье. Никто не ожидалъ нападенія, всѣ имъ уступаютъ, — и чѣмъ-то они передъ ними провинились? «А вотъ мы научимъ васъ булки ѣсть!» отвѣчаютъ люди Пикрошоля. Грангузье былъ дома и грѣлся послѣ ужина около огня, ожидая, чтобъ поспѣли каштаны, выводя палкою узоры по золѣ и забавляя жену и семью разсказами про старые годы — когда прибѣжалъ пастухъ Pillot съ вѣстью о войнѣ. «Увы мнѣ!» заголосилъ Грангузье: «что-жъ это такое, люди добрые? Во снѣ-ль мнѣ

это или на-яву? Пикрошоль, мой старый другъ и союзникъ, напалъ на меня! Кто его подстрекнулъ, кто былъ его совѣтникомъ? О-хо-хо-хо! Господи-Создатель, помоги мнѣ и вдохнови. Клянусь передъ тобой, никогда я не дѣлалъ ему зла, а всегда помогалъ, чѣмъ могъ. Видно, его попуталъ лукавый, если онъ рѣшился нанести мнѣ такой ущербъ; если же, Господи, у него помутился разсудокъ, и ты послалъ его на меня въ цѣляхъ исправленія, то пошли мнѣ силу и умѣнье, чтобы я могъ снова привести его подъ твое святое иго. Ахти-мнѣ, добрые люди, друзья мои! не такое теперь время, чтобъ я сталъ отговаривать васъ — помочь мнѣ. Всю-то жизнь заботился я о мирѣ, а вотъ придется подъ-старость лѣтъ надѣть ратную сбрую на усталыя плечи, чтобы стать на защиту моихъ бѣдныхъ подданныхъ. Того требуетъ разумъ: вѣдь ихъ работой я содержусь, ихъ потомъ питаюсь я, мои дѣти и ближніе».

Но прежде всего Грангузье хочетъ попытать путей мира: шлетъ къ Пикрошолю посла, который въ витіеватой рѣчи говоритъ ему о неправедно-нарушенномъ союзѣ, о страхѣ Божіемъ и т. д., и подъ-конецъ предлагаетъ условія перемирія: Пикрошоль оставитъ непріятельскія земли въ теченіи сутокъ, заплатитъ, съ разсрочкой, тысячу золотыхъ и дастъ въ заложники четырехъ изъ своихъ ближнихъ дворянъ. Пикрошоль на все отвѣчаетъ: «приходите, возьмите ихъ сами,—они намѣсятъ вамъ мягкихъ булокъ!» Такъ посланецъ и удалился, ничего не добившись. Онъ засталъ Грангузье на колѣняхъ, молившагося о просвѣтленіи Пикрошоля. «Ну, какія же вѣсти, другъ мой?» — «Да ничего въ толкъ не возьму: Пикрошоль совсѣмъ помѣшался,—все говоритъ о какихъ-то булкахъ». Грангузье, подробно разузнавъ о первоначальномъ поводѣ къ распрѣ, велитъ послать пять возовъ булокъ и денегъ въ пользу наиболѣе пострадавшаго булочника. Но Пикрошоль и слышать не хочетъ о мирѣ: онъ уже закусилъ удила,—на него нашелъ воинственный азартъ, который поддерживаютъ въ немъ такіе же, какъ и онъ, картонные герои, въ родѣ капитана Touquedillon. Онъ велитъ схватить откупъ, присланный Грангузье, мечтаетъ о подвигахъ; около него собирается импровизованный военный совѣтъ, на которомъ высказываются невѣроятные стратегическіе планы, и эти планы тотчасъ же становятся совершившимися фактами въ возбужденномъ до ясновидѣнія воображеніи героевъ. Въ какіе-нибудь полчаса Пикрошоль выростаетъ до размѣровъ Александра-Македонскаго. Мы присутствуемъ при замѣчательной сценѣ комедіи, съ которой, не спускаясь, могъ бы помѣриться и Мольеръ.

— Ваше величество,— говорятъ Пикрошолю его воинственные совѣтники: — мы сдѣлаемъ васъ сегодня самымъ счастливымъ, самымъ рыцарственнымъ королемъ, какой только былъ со времени Александра-Македонскаго.

— Накройтесь, накройтесь,—отвѣчаетъ Пикрошоль.

— Покорно благодаримъ, ваше величество,—это наша обязанность. Вотъ нашъ планъ: вы оставите здѣсь съ небольшимъ гарнизономъ какого-нибудь капитана для охраны города, который кажется намъ достаточно укрѣпленнымъ—какъ природными условіями, такъ и валами вашего собственнаго изобрѣтенія. Затѣмъ вы раздѣлите ваше войско на двѣ части, какъ вы лучше сами знаете. Одна пойдетъ на Грангузье, котораго легко разбить. Тамъ вамъ достанется куча денегъ, потому что у этого скряги денегъ много. Копятъ одни скряги; у благороднаго принца никогда нѣтъ ни копейки. Другая часть арміи пойдетъ на Aunis, Saintonge, Angoumois и Гасконь,—также на Périgord, Medoc и Ланды, овладѣвая безъ сопротивленія городами, замками и крѣпостями. Въ Байоннѣ, St.-Jean de Luz и Фонтарабіи вы заберете всѣ корабли и, опустошая берега Галиціи и Португаліи, дойдете до Лиссабона, гдѣ запасетесь всѣмъ нужнымъ для завоевателя. Испанцы покорятся, — этимъ невѣждамъ не тягаться съ нами. Затѣмъ вы пройдете Гибралтарскимъ проливомъ и соорудите, въ вѣчную память вашего имени, столпы великолѣпнѣе Геркулесовскихъ. И будетъ названіе тому проливу—«Пикрошолево море». Минуете Пикрошолево море, а Барбаросса (извѣстный пиратъ XVI вѣка) уже готовъ быть вашимъ рабомъ.

— Я помилую его,—вставляетъ Пикрошоль.

— Разумѣется, если онъ окрестится. Далѣе, вы завоюете Тунисъ, Гиппону, Алжиръ, Бону, Киренаику,—однимъ словомъ, всю Варварію, и мимоходомъ возьмете Майорку, Минорку, Сардинію, Корсику и другіе острова Лигурійскаго и Балеарскаго морей. Держась лѣваго берега, вы овладѣете Нарбонской Галліей, Провансомъ, страной Аллоброговъ, Генуей, Флоренціей, Луккой,—и поклонитесь Риму. Бѣдный папа и теперь, чай, умираетъ со страха.

— Ну, туфли я ему не поцѣлую, храбрится Пикрошоль.

— Италія наша, а затѣмъ Неаполь, Калабрія, Апулія и Сицилія взяты погромомъ, съ прибавленіемъ Мальты. Желалъ бы я поглядѣть, какъ бы стали противиться вамъ эти потѣшные родосскіе рыцари!

— Я охотно бы съѣздилъ въ Лоретту,—замѣчаетъ Пикрошоль.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ это до обратнаго пути. Пока возь-

мемъ Кандію, Кипръ, Родосъ и Кикилады и набросимся на Морею. Она въ нашихъ рукахъ. Господь да соблюдетъ Іерусалимъ! Султану не помѣряться съ вашей силой.

— Я возобновлю храмъ Соломона,—сулитъ Пикрошоль.

— Еще не время, подождите малость, не будьте стремительны въ вашихъ предпріятіяхъ. Знаете, что говаривалъ Октавіанъ-Августъ? Festina lente. Вамъ слѣдуетъ прежде всего овладѣть Малой Азіей, Каріей, Ликіей, Памфиліей, Киликіей, Лидіей, Фригіей, Мизіей, Виеиніей и прочими странами до Евфрата.

— Мы увидимъ Вавилонъ и Синайскую гору?—спрашиваетъ Пикрошоль.

— На этотъ разъ въ томъ нѣтъ надобности. Не довольно вамъ, что мы переплыли Гирканское море, проѣхали верхомъ двѣ Арменіи и три Аравіи?

— Боже мой!—восклицаетъ вдругъ Пикрошоль, да мы обезумѣли, что-ли? Экіе мы, право, несчастные!

— Что такое?

— Да что же мы будемъ пить въ этихъ степяхъ? Говорятъ, что Юліанъ Августъ и все его войско умерли тамъ отъ жажды.

— Мы уже обо всемъ позаботились. Въ Сирійскомъ морѣ у васъ 9014 большихъ кораблей, нагруженныхъ лучшими винами въ свѣтѣ. Они пристають въ Яффѣ; тамъ мы нашли 220,000 верблюдовъ и 1600 слоновъ, которыхъ вы взяли на охотѣ при вступленіи въ Ливію, захвативъ, сверхъ того, и цѣлый меккскій караванъ. Развѣ они не доставили вамъ вина въ изобиліи?

— Такъ-то, такъ, только пить его пришлось теплымъ!

— Что дѣлать! Храбрецъ, завоеватель, притязающій на обладаніе міромъ, не можетъ всегда разсчитывать на удобства. Слава тебѣ Господи, что вы и ваши люди цѣлы и невредимы добрались до рѣки Тигра.

— Что-то дѣлаетъ другая наша армія, разбившая Грангузье?

— Они не мѣшкаютъ, мы ихъ тотчасъ встрѣтимъ. Они взяли вамъ Бретань, Нормандію, Фландрію, Геннегау, Брабантъ, Артуа, Голландію и Зеландію; перешли Рейнъ по трупамъ швейцарцевъ и ландскнехтовъ, и часть ихъ овладѣла Люксенбургомъ, Лорренью, Шампаньей и Савоей до Ліона, гдѣ они встрѣтились съ вашими войсками, возвращавшимися побѣдоносно съ Средиземнаго моря. Они соединились въ Богеміи, опустошивъ Швабію, Виртембергъ, Баварію, Австрію, Моравію и Штирію, и затѣмъ грозно двинулись на Любекъ, Норвегію, Швецію, Рюгенъ и Данію, Готію, Гренландію и ганзейскіе города (Estrelins)—до По-

лярнаго моря. Совершивъ эти подвиги, они завоевали Оркады, Шотландію, Англію и Ирландію; далѣе, проплывъ песчаное море и пройдя страну Сарматовъ, покорили Пруссію, Польшу, Литву и Россію, Валахію, Трансильванію, Венгрію, Болгарію и Турцію. Теперь они въ Константинополѣ.

— Отправимся поскорѣе къ нимъ,—говоритъ Пикрополь,— мнѣ хочется также сдѣлаться императоромъ Трапезунта. Перебьемъ мы, что-ли, этихъ турокъ и магометанъ?

— Что-же съ ними и дѣлать? Вы отдадите ихъ имущества и земли тѣмъ, кто вамъ служилъ вѣрой и правдой.

— Это разумно и праведно. Даю вамъ Караманію, Сирію и всю Палестину.

— Покорно благодаримъ, ваше величество, да поможетъ Господь вашимъ начинаніямъ.

Такъ кончился этотъ героическій бредъ, который напрасно прерываетъ старый боецъ Экефронъ, пытаясь свести всемірныхъ завоевателей съ неба на землю. Пикрополь прерываетъ его: —Баста, говоритъ онъ, не будемъ останавливаться. Въ сущности, я боюсь только дьявольскихъ легіоновъ Грангузье. Что, если они ударятъ намъ въ тылъ, пока мы въ Месопотаміи? Какъ тогда быть? — Очень просто, отвѣчаетъ капитанъ Мердайль: пошлите сказать нѣсколько словъ московитамъ, и они поставятъ вамъ въ одно мгновеніе 450,000 т. отборнаго войска. О, если вы сдѣлаете меня вашимъ помощникомъ, я отрекусь отъ тѣла, смерти, крови, если не убью гребня—изъ-за продавца. — У браваго капитана языкъ путается, какъ и его фантазія: онъ убилъ бы продавца изъ-за гребня.—Я рву, мечу, бью, хватаю, убиваю, отрицаюсь отъ всего святого!

— Тише, тише,—говоритъ Пикрополь.—Пусть собираются скорѣе; кто меня любитъ,—за мной.

Между тѣмъ Грангузье, испытавъ всѣ мѣры соглашенія, принужденъ воевать. Онъ вызываетъ изъ Парижа своего сына, и его письмо исполнено тѣхъ же идей миролюбія и сознанія своего долга, которыя вообще его отличаютъ. Гаргантюа является со своими спутниками; такъ какъ дѣло идетъ о приложеніи грубой силы, то онъ снова предстанетъ намъ въ образѣ гиганта. Нѣсколькими взмахами дерева, вырваннаго имъ съ корнемъ, онъ разрушаетъ крѣпость; пушечныя ядра застряваютъ у него въ волосахъ, и онъ не замѣчаетъ ихъ; когда онъ начинаетъ чесаться, они падаютъ градомъ, точно насѣкомыя съ головы ученика коллегіи Монтэгю, извѣстной своей баснословною нечистоплотностью. Той же характеристикѣ великанской силы и роста долженъ слу-

жить и забавный эпизодъ о странникахъ, проглоченныхъ Гаргантюа вмѣстѣ съ листьями салата. Раблэ перенесъ его къ себѣ изъ народной книги.

Съ прибытіемъ этихъ нежданныхъ гостей успѣхи Пикрошоля прекращаются. Одинъ изъ его полководцевъ, капитанъ Touquedillon, такой же самохвалъ, какъ и онъ самъ, взятъ въ плѣнъ. На вопросъ Грангузье, что̀ побудило его повелителя поднять всю эту суматоху, Touquedillon говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду, по поводу урона, понесеннаго его булочниками, завладѣть, по возможности, всею страною Грангузье.—Великое онъ задумалъ, отвѣчаетъ тотъ: кто много захватываетъ, мало беретъ. Прошло время завоевывать государства въ ущербъ своему брату-христіанину: такое подражаніе древнимъ Геркулесамъ, Александрамъ, Аннибаламъ, Сципіонамъ, Цесарямъ и другимъ подобнымъ, противно ученію евангелія, наставляющаго каждаго изъ насъ охранять и беречь свое государство, заботясь объ его благосостояніи и управленіи, а не вторгаться непріятельски въ другое. Что̀ сарацины и въ былое время варвары называли подвигами мужества, то теперь мы называемъ разбоемъ и насиліемъ. Лучше бы онъ сдѣлалъ, если бы остался дома и управлялъ, какъ подобаетъ королю, чѣмъ вторгаться въ мой домъ, вражески его опустошая; потому что хорошимъ управленіемъ онъ возвеличилъ бы свой собственный, а, вторгшись въ мой, онъ и свой разрушитъ. Ступай, Богъ съ тобой: работай лишь для благой цѣли, указывай своему королю на недостатки, какіе замѣтишь, и никогда не давай ему совѣтовъ, клонящихся лишь къ собственной выгодѣ, потому что, гдѣ страдаетъ общее дѣло, тамъ страдаетъ и личный интересъ. Что касается до твоего выкупа, то мнѣ его не нужно, я распоряжусь, чтобы тебѣ выдали твоего коня и оружіе. Такъ слѣдуетъ поступать между сосѣдями и старинными друзьями, тѣмъ болѣе, что наша нынѣшняя распря и не можетъ быть названа войною.

Я опускаю конецъ этой рѣчи, идеи которой развиваются подробнѣе въ заключительномъ словѣ Гаргантюа къ подданнымъ побѣжденнаго Пикрошоля,—юношески-гуманныя идеи возрожденія, когда люди вѣрили во всесильность возродившейся мысли, передъ которой падетъ само собою, какъ іерихонскія стѣны отъ трубнаго звука, все, что̀ до тѣхъ поръ угнетало человѣчность, въ образахъ оружія или авторитета, Пикрошоли и сорбоннисты. Съ ними чаще всего и не ратуютъ, надъ ними—смѣются; злыхъ совѣтниковъ Пикрошоля Гаргантюа не казнитъ, онъ посылаетъ ихъ работниками—въ типографію.

Интересно было бы сопоставить съ взглядами Рабле на явленіе войны такую же оцѣнку ея у Эразма, его двойника по міросозерцанію, отчасти—по таланту. Эти взгляды—характеристика цѣлой партіи, скорѣе сказать, цѣлаго поколѣнія, несомнѣнно симпатичнѣйшаго изъ всѣхъ, выведенныхъ на сцену XVI-го вѣка. Для Эразма, какъ и для Грангузье, война—неизбѣжное зло, дозволенное лишь въ видахъ самозащиты; даже противъ турокъ она недопустима, не только въ цѣляхъ завоеванія, но и для распространенія христіанства—потому что на то существуютъ болѣе человѣчныя орудія слова, проповѣди, добродѣтельнаго примѣра. Въ 1525 г., когда Франсуа I былъ въ плѣну у Карла V, Эразмъ обратился къ послѣднему съ однимъ изъ своихъ разговоровъ. Онъ представляетъ себя на мѣстѣ императора и подсказываетъ ему такую рѣчь къ плѣннику, отъ которой не отрекся бы Грангузье. «Еслибъ я былъ Цесаремъ,—пишетъ онъ къ Карлу V-му, я не долго медля, такъ бы обратился къ королю Франціи: братъ мой, недобрый геній возжегъ между нами эту войну. Мы сражаемся не для защиты жизни, а для власти. Ты показалъ себя, насколько было въ твоихъ силахъ, мужественнымъ воителемъ; счастье улыбнулось мнѣ—и изъ короля ты сталъ моимъ плѣнникомъ. Что̀ приключилось съ тобою, могло выпасть на долю и мнѣ,—твое несчастіе напоминаетъ намъ, что мы люди. Мы испытали, сколько вреда приноситъ такая борьба каждому изъ насъ. Итакъ, примемся за борьбу новаго рода. Я дарую тебѣ жизнь, возвращаю свободу; ты былъ моимъ врагомъ, я принимаю тебя, какъ друга; забудемъ всѣ прошлыя бѣды. Возвратись на родину, свободный и безъ выкупа; сохрани свои владѣнія, будь мнѣ добрымъ сосѣдомъ и постараемся отнынѣ же превзойти другъ друга въ искренности, въ услугахъ и дружбѣ; будемъ сражаться не для того, чтобы узнать, кому изъ насъ достанется обширнѣйшая власть, а кто наиболѣе свято управитъ свое царство».

Пикрошоль не послушался мудрыхъ увѣщаній; за то онъ разбитъ и бѣжалъ. Гаргантюа торжествуетъ побѣду, щедро награждая своихъ сотрудниковъ. Одному только недостаетъ готовой награды—монаху-бойцу, Жану des Entommeurs.

Когда Пикрошоль вторгнулся на земли Грангузье, часть его войска напала на аббатство Seuille и принялась опустошать монастырскіе виноградники. Жилъ тамъ въ то время одинъ монахъ, по имени Jean des Entommeurs, молодой малый, веселый, проворный и смѣлый; былъ онъ высокаго роста и сухопаръ, природа надѣлила его объемистымъ носомъ и большимъ горломъ; часы онъ читалъ на почтовыхъ, мигомъ справлялъ мессы и все-

нощныя въ чистотѣ; такого истаго монаха поискать было, съ тѣхъ поръ, какъ монашествующій міръ монашествуетъ монашествомъ. И ученъ же онъ былъ съ головы до пятокъ — по вопросамъ требника. Непріятельскіе солдаты безжалостно хозяйничаютъ въ виноградникѣ—а перепуганная братія забилась въ хоръ и слышится протяжное пѣніе, дрожащее на каждомъ слогѣ псалма, молящаго Господа объ отвращеніи вражескаго нашествія: «Im-im-pe-e-e-e-e-e-tum-um in-i-ni-i-mi-co-o-o-o-o-o-rum-um...»

— Вотъ нашли время выть!—говоритъ братъ Жанъ.—Чтобы вамъ спѣть: «Прощай корзина, винограду нѣтъ?» Чортъ меня возьми, если они не въ нашемъ виноградникѣ, и такъ тамъ рѣжутъ и обчищаютъ, что намъ, бѣднякамъ, года четыре нечѣмъ будетъ опохмѣлиться.

— Чтò тамъ болтаетъ этотъ пьяница?—говоритъ пріоръ.— Отведите его въ темную: божественная служба прерывается по его винѣ.

— Если ужъ говорить о винѣ, то позаботимся, чтобъ оно было. Сами вы, отецъ пріоръ, любите хорошенькое—и совершенно справедливо: порядочный человѣкъ никогда его не гнушается—это монашеское правило. А распѣлись вы теперь все-таки не вó-время. Слушайте: кто любитъ вино, тотъ за мной! И пусть поразитъ меня Антоновъ огонь, если я допущу къ бутылкѣ того, кто не порадѣлъ о цѣлости виноградника. Вѣдь это монастырское имущество! Чортъ возьми: св. Өома Кентерберійскій умеръ, защищая его; если я погибну, вѣдь, и я буду святымъ, не правда ли? Но я не умру, а другимъ покажу путь.

Схвативши жердь, служившую для ношенія распятія въ процессіяхъ, длинную, какъ копье, и толстую въ обхватъ руки, братъ Жанъ бросается на непріятелей—и начинается совершенно гомерическое побоище; молодымъ монашенкамъ, послѣдовавшимъ за дюжимъ бойцомъ, оставалось лишь приколоть раненыхъ ножичками, какими ребята шелушатъ орѣхи.

Когда Гаргантюа является со своими на выручку отца, Жанъ пристаетъ къ нимъ и совершаетъ такіе же подвиги. Но съ перваго выступленія на сцену его типъ вполнѣ опредѣлился: типъ, въ грубыхъ чертахъ сложившійся уже въ предыдущемъ развитіи феодальной поэзіи, гдѣ являются такіе иноки-бойцы, Вальтеры Аквитанскіе и Эльзаны, въ которыхъ аскеза и обѣты не забили воинственнаго пыла и бушеванія плоти. Раблэ только довоспиталъ этотъ традиціонный типъ до уровня своего романа. Братъ Жанъ становится у него подъ руку съ Грангузье; оба — люди стараго покроя и одинаково симпатичные. Грангузье—идеальный

король, потому именно, что въ немъ мало обычно-королевскаго; всякая сословность, всякій формализмъ, переживщій соотвѣтствующую ему степень развитія, забиваетъ человѣка; братъ Жанъ потому и хорошій монахъ, что въ немъ такъ мало условно-монашескаго. Въ разговорахъ съ Грангузье и въ продолженіи всего романа онъ остается тѣмъ же: любитъ выпить и закусить и готовъ каждое утро извратить поговорку, что утро надо начинать съ того, чтобъ прокашляться, вечеръ кончать выпивкой,—а для вечера поговорка остается въ силѣ. Онъ постоянно трунитъ надъ своимъ братомъ; ему лучше всего спится за проповѣдью или молитвой, и его снотворный требникъ служитъ ему источникомъ веселыхъ шутокъ. Но эти шутки лишь пріятно растягиваютъ смѣховые мускулы, не искривляя ихъ ироніей несовмѣстимыхъ, исключающихъ другъ друга противорѣчій. Братъ Жанъ ихъ не знаетъ, и, добродушно осмѣивая свое сословіе, общественную перегородку, за которую поставилъ его случай, остается монахомъ безъ ущерба своей честности; онъ настолько привыкъ къ формѣ, что, обходя въ ней чутьемъ случайное и ненужное, въ остальномъ находитъ даже извѣстную поэзію — преданія и привычки. Принципы и факты жизни еще не раскрылись передъ нимъ во всемъ своемъ противорѣчіи и не поставили другъ другу своихъ требованій; принципы не предъявляютъ права къ насильственному измѣненію обветшалыхъ общественныхъ отношеній, и есть надежда, что измѣнятся они другимъ путемъ. Монархическое начало станетъ высоко, если его носителями будутъ такіе благородные правители, какъ Грангузье; монастырскій строй поднимется, если всѣ монахи будутъ какъ братъ Жанъ.

Когда зашла рѣчь о томъ, чтобы наградить его за его воинственные подвиги, оказалось, что обычныя для духовныхъ людей награды были не по немъ. Ему сулятъ то или другое аббатство, но онъ отказывается и проситъ Гаргантюа дозволить ему соорудить обитель по своему собственному усмотрѣнію, не похожую на обычныя. Обыкновенные монастыри обведены стѣнами; въ его обители ихъ не будетъ; монастырь считается оскверненнымъ, когда въ него случайно вступитъ женщина—Жанъ сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы прилежно обметались всѣ тѣ мѣста, по которымъ прошлись монахъ или монахиня, посѣтившіе его обитель. Колоколовъ у него не будетъ: чтó можетъ быть неразумнѣе идеи—располагать своимъ временемъ по звуку колокола, когда на то у насъ есть здравый смыслъ и разумѣніе? Въ монастырѣ принимаютъ слѣпыхъ, хромыхъ, горбатыхъ, выжившихъ изъ ума, порченыхъ; Жанъ принимаетъ лишь красивыхъ и здоровыхъ жен-

щинъ, отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ, мужчинъ отъ 12-ти до 18-ти, и притомъ тѣхъ и другихъ непремѣнно вмѣстѣ. Выступленіе изъ его монастыря всѣмъ свободное; три обычныхъ иноческихъ обѣта будутъ отмѣнены другими: вмѣсто требованія дѣвственности—допущеніе брака, вмѣсто добровольнаго нищенства — богатство, и свобода—вмѣсто ея ограниченія.

Новое аббатство, сооруженное на щедроты Гаргантюа, называется отъ греческаго слова: свободное желаніе, воля (θέλημα): Телемомъ. Оно возвышается на берегахъ Луары и устроено съ роскошью и удобствами, какія только возможны были въ XVI-мъ вѣкѣ. Громадное шестиугольное зданіе, въ шесть этажей, съ шестью башнями по угламъ, каждая въ шестьдесятъ шаговъ въ поперечникѣ; въ немъ помѣщалось 9332 квартиры, каждая изъ шести комнатъ. Всѣ квартиры, расположенныя въ одномъ этажѣ, открывались въ одну пространную общую залу. Женскія помѣщенія находились со стороны востока и юга; мужскія съ сѣвера и запада. Тѣ и другія отдѣлялись другъ отъ друга библіотекой, находившейся между башнями Arctice и Criere (сѣверной и западной), и картинными галлереями, занимавшими пространство между башнями Anatole и Mesembrine (восточной и южной). Въ библіотекѣ было собраніе книгъ, расположенныхъ въ разныхъ этажахъ по языкамъ: греческому, латинскому, еврейскому, французскому, итальянскому и испанскому; въ галлереяхъ собраны изображенія старыхъ героическихъ подвиговъ и дѣяній и географическихъ видовъ. Со стороны библіотеки и галлерей двѣ грандіозныхъ лѣстницы вели внутрь зданія; надъ входной дверью той, что находилась со стороны галлереи, красовалась надпись стихами: она отгоняла отъ Телема ханжей и святошъ, будничныхъ жизненныхъ практиковъ, клерковъ и судей стараго закала, книжниковъ и фарисеевъ, поѣдающихъ народъ; скрягъ и ростовщиковъ; отупѣлыхъ ревнивцевъ и людей, разъѣденныхъ всякою болѣзненною нечистью. Напротивъ: придите сюда благородные рыцари, веселые собесѣдники; вы, вѣщающіе святое евангеліе, найдете здѣсь убѣжище и оплотъ противъ злого заблужденія, заражающаго міръ: придите сюда и укрѣпите истинную вѣру:

Entrez, qu'on fonde icy la foy profonde.

Придите и вы, благородныя дамы, цвѣтущія красотою, скромныя, разумныя. Приходите смѣло въ эту обитель чести и почета.

Раблэ не забылъ вокругъ Телема ни одной принадлежности идеально-комфортабельнаго жилища: фонтана со статуями Грацій, цирка и театра, водоемовъ для плаванія, сада съ лабиринтомъ,

огорода съ фруктовыми деревьями, помѣщеній для игры въ мячъ, стрѣльбы лукомъ и въ пищаль и т. п. Онъ подробно описываетъ не только всякую архитектурную мелочь, убранство комнатъ, но и одежду своихъ телемитовъ. Такое тамъ было душевное согласіе между мужчинами и женщинами, что въ извѣстный день всѣ даже одѣвались одинаково. На то приставлены были особые люди, чтобы объявить мужчинамъ, въ какой цвѣтъ думаютъ облечься дамы; каждое утро блюстители и блюстительницы гардероба приготовляли каждому надлежащій костюмъ, такъ что телемиты не тратили и много времени на одѣваніе.

Вся ихъ жизнь располагалась не по законамъ, статутамъ и правиламъ, а руководилась свободной волей. Вставали они когда хотѣли, и такъ поступали во всемъ остальномъ: въ пищѣ, питьѣ и работѣ; ихъ единственнымъ правиломъ было: дѣлай, что хочешь, fais ce que voudras, потому что люди свободные, благородные, образованные, живущіе въ порядочномъ обществѣ, обладаютъ отъ природы побужденіемъ и стимуломъ, обращающимъ ихъ къ добродѣтели и отвращающимъ отъ порока. Этотъ стимулъ они называли честью. Поставьте этихъ людей въ состояніе зависимости и рабства, и то же побужденіе, увлекавшее ихъ въ добродѣтели, они обратятъ къ тому, чтобы свергнуть съ себя ненавистное иго— потому что запретныя вещи насъ особенно соблазняютъ, и мы всегда желаемъ того, въ чемъ намъ отказываютъ.

Такого рода свобода возбуждала въ нихъ соревнованіе во всемъ хорошемъ; во всемъ у нихъ была одна воля. Не было между ними ни одного, который бы не зналъ читать, писать, пѣть, играть на музыкальныхъ инструментахъ, говорить и сочинять прозой и стихами, на пяти, шести языкахъ. Нигдѣ не видано было такихъ мужественныхъ, любезныхъ, ловкихъ кавалеровъ, такихъ изящныхъ, привѣтливыхъ, образованныхъ дамъ, какъ въ Телемѣ. Поэтому, когда кто-нибудь изъ мужчинъ, по какой бы то ни было причинѣ, покидалъ обитель, онъ увозилъ съ собою одну изъ дамъ, которая избрала его своимъ поклонникомъ; и какъ въ Телемѣ они жили въ любви и дружбѣ, такъ и въ бракѣ продолжали любить другъ друга до конца дней, какъ въ первый день свадьбы.

Утопія телемской обители загадочна. Въ какой связи стоитъ она съ общими идеями первой книги романа? Каковъ ея тайный смыслъ? Нечего и говорить, что въ ней нельзя видѣть пародіи «безбѣднаго» монастырскаго житія, практиковавшагося въ средніе вѣка болѣе или менѣе усердно. Для пародіи идеалія Телема слишкомъ серьёзно-обстоятельна и невесела и бездѣльна, по-

тому что не осуществима ни въ одной чертѣ. Видѣть въ Телемѣ первообразъ соціальныхъ мечтаній, что-то въ родѣ фаланстера, какъ думали нѣкоторые, уже потому невозможно, что подобная идиллія предназначена для немногихъ, обезпеченныхъ и наслаждающихся непродуктивно для другихъ. На нее нельзя посмотрѣть и съ другой точки зрѣнія, поставляющей ее въ связи съ воспитательными теоріями Раблэ: отрочество, напояемое образовательными элементами, не вяжется съ юностью, исключительно обставленною такъ, что жизнь представляется ей исключительно со стороны утѣхи. Отъ воспитанія Гаргантюа можно ожидать бо́льшаго.

Настоящее значеніе Телема выяснится намъ въ общихъ чертахъ, если приравнять его къ общему міровоззрѣнію Раблэ, насколько оно успѣло передъ нами высказаться.

Мы видѣли, какое громадное значеніе даетъ Раблэ человѣчности; оттого ему любы Грангузье и братъ Жанъ. Въ нихъ человѣчность прирожденная, инстинктивная; но ее можно и слѣдуетъ воспитывать, къ преуспѣянію, для возрожденія общества. Этимъ объясняется особое вниманіе, обращенное Раблэ на воспитаніе своего героя: художественно взлелѣянная человѣчность обратится въ сознательную гуманность, въ гуманизмъ, который дастъ имя цѣлому періоду возрожденія: эпохѣ гуманистовъ. Вся задача будущаго сводится къ одному требованію: образованію цѣльно-развитаго человѣка; явятся такіе люди, они перельютъ свою душу въ обветшалыя учрежденія, и содержаніе старыхъ мѣховъ измѣнится само собою. Самыхъ мѣховъ мѣнять не нужно: общественные идеалы еще не выступили наружу, вся суть въ идеалѣ личномъ, отъ котораго зависитъ все остальное — потому что силамъ обновленной личности не предвидится предѣловъ, она одна способна подвинуть цѣлый міръ.

Общественные и религіозные взгляды Раблэ совершенно согласны съ этой основной точкой зрѣнія. Онъ рисуетъ намъ въ Пикрохолѣ забавный типъ традиціоннаго монарха, какіе были ему нежелательны; во второй книгѣ, въ такомъ же освѣщеніи является король Анархъ. Въ той же книгѣ одинъ изъ товарищей Гаргантюа, Эпистемонъ, сраженный въ битвѣ, чуднымъ образомъ воскресаетъ и повѣствуетъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ Елисейскихъ поляхъ. Видѣлъ онъ тамъ негаданныя вещи: всѣ сословныя степени извращены: Александръ Македонскій занимается починкой поношенныхъ брюкъ, Ксерксъ торгуетъ горчицей, Ромулъ — солью, Нума — гвоздями; Киръ пасетъ коровъ, Пріамъ пробавляется продажей старыхъ знаменъ; Неронъ сталъ скрипачемъ, папа Юлій II продавцомъ пирожковъ, Лукреція держитъ гостинницу.

Всѣ, бывшіе на этомъ свѣтѣ большими барами, принуждены заработывать себѣ кусокъ хлѣба неблагодарнымъ трудомъ; и, наоборотъ, философы и неимущіе стали большими господами. «Я видѣлъ Діогена, чванливо красовавшагося въ пурпурѣ, съ скипетромъ въ рукѣ, и жестоко досаждавшаго Александру-Великому, котораго билъ палкой, если тотъ плохо починялъ его брюки. Видѣлъ Эпиктета, изящно одѣтаго по французской модѣ: онъ сидѣлъ съ дамами въ бесѣдкѣ, всѣ веселились, пили, плясали, пировали; кругомъ лежали груды экю. Надъ бесѣдкой красовались стихи:

Saulter, danser, faire les tours,
Et boire vin blanc et vermeil:
Et ne faire rien tous les jours
Que compter escus au soleil.

Увидѣвъ меня, онъ вѣжливо пригласилъ меня къ себѣ, и мы выпили съ нимъ по-богословски. Въ это время подошелъ къ нему Киръ и попросилъ, ради Меркурія, полушку, чтобы было на что купить луку къ ужину.—Пошелъ, пошелъ,—отвѣчалъ Эпиктетъ,—я полушекъ не даю; вотъ тебѣ, негодяй, цѣлый экю и будь хорошимъ человѣкомъ.—Киръ былъ очень радъ такой разживѣ, но эти негодяи-короли, Александръ, Дарій и другіе, обокрали его ночью.—Видѣлъ я Пателэна, казначея Радаманта: онъ торговалъ пирожки у папы Юлія:—почемъ дюжина?—Три монетки,—говоритъ папа.—А не хочешь ли, чтобы я тебя три раза смазалъ? Подай сюда, болванъ, подай и ступай за другими.— Бѣдный папа ушелъ, хныкая; когда онъ разсказалъ своему хозяину, что у него отняли пироги, тотъ настегалъ его такъ славно, что его кожа оказалась бы непригодной и для волынки.

Панургу такъ нравится этотъ разсказъ, что онъ спѣшитъ приложить его къ дѣлу: когда король Анархъ попадаетъ въ плѣнъ, онъ дѣлаетъ его продавцомъ винограднаго уксуса. «Я хочу, чтобъ онъ сталъ порядочнымъ человѣкомъ: эти проклятые короли—настоящіе телята, ничего-то не знаютъ и лишь на то годны, чтобъ причинять бѣды несчастнымъ подданнымъ и волновать міръ войною, ради своего злостнаго, гнуснаго удовольствія». Тѣ же идеи уравненія и возмездія высказываются въ томъ же забавномъ тонѣ, и въ первой главѣ Гаргантюа — по поводу его родословной: «дай-то Богъ, чтобы всякій изъ насъ зналъ также обстоятельно свою генеалогію, отъ временъ Ноева ковчега до нашихъ дней. Мнѣ сдается, что многіе изъ нашихъ императоровъ и королей, герцоговъ, князей и папъ произошли отъ людей, занимавшихся ношеніемъ дровъ и подбираніемъ всякихъ

оборвшей, и что, наоборотъ, иные, призрѣнные въ больницахъ и убогіе, ведутъ свой родъ отъ великихъ королей и императоровъ... Если вы хотите знать обо мнѣ, говорящемъ это, то о себѣ я думаю, что произошелъ отъ какого-нибудь богатаго короля или принца древности. Никогда не видали вы человѣка, который бы желалъ такъ страстно, какъ я, сдѣлаться королемъ и богатымъ, чтобы жить въ раздольи, ничего не дѣлать, ни о чемъ не заботиться и обогащать моихъ друзей и всѣхъ хорошихъ и знающихъ людей. Я утѣшаю себя тѣмъ, что сдѣлаюсь всѣмъ этимъ, и въ бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ теперь я смѣю надѣяться—на томъ свѣтѣ. Надѣйтесь и вы, утѣшаясь въ вашихъ несчастіяхъ, и пейте свѣжее вино—если можно».

Если выдѣлить изъ этихъ и подобныхъ заявленій долю присущаго имъ шаржа, и обобщить ихъ результаты, то они будутъ отрицательные въ частномъ, не принципіальномъ смыслѣ: Пикрохоли и Анархи вредны, королевская власть, не имѣющая за собой никакихъ другихъ достоинствъ, кромѣ родовыхъ и традиціонныхъ, такъ же сомнительна въ смыслѣ пользы, какъ сомнительна ея генеалогія передъ лицомъ истины. Потребуйте у Раблэ положительнаго міросозерцанія, и онъ отвѣтитъ вамъ такими же частными, не принципіальными указаніями—на благодушнаго по природѣ Грангузье, на такого гуманно-воспитаннаго монарха, какъ Гаргантюа, обезпечившаго телемское общежитіе; на Пантагрюэля, подданные котораго всасывали съ молокомъ матери привязанность къ его кроткой и благой власти и готовы были скорѣе разстаться съ жизнью, чѣмъ отказаться отъ единственнаго, прирожденнаго имъ чувства подчиненія своему монарху (см. III кн. романа, гл. I).

Таковы въ сущности отношенія Раблэ и къ религіозно-церковному вопросу своего времени. Братъ Жанъ смѣется надъ внѣшностями и частностями приложенія; во всѣхъ частяхъ романа разсѣяны нападенія на церковные порядки, проходящіе по всѣмъ степенямъ шутки и ироніи; въ пятой книгѣ сатира становится рѣзче и настойчивѣе—но въ ея болѣе суровомъ колоритѣ признаютъ, не безъ основанія, кисть не самого Раблэ, а какого-нибудь убѣжденнаго кальвиниста, соединившаго въ одно цѣлое эпизоды, набросанные авторомъ и оставшіеся несплоченными за его смертью.

Поищите у Раблэ серьёзныхъ откровеній относительно его взгляда на религіозный вопросъ—и вы найдете его въ надписи Телемской обители, приглашающей вступить въ нее проповѣдниковъ слова Божія, воспитывающихъ въ человѣкѣ искреннюю вѣру;

въ торжественной молитвѣ Гаргантюа и Понократа, въ звѣздную ночь, подъ открытымъ небомъ; въ Пантагрюэлѣ, спокойно молящемся среди бури (кн. IV, гл. 19), когда кругомъ всѣ думаютъ о спасеніи или боятся смерти; дающемъ обѣтъ ввести въ подвластныя ему страны проповѣдь чистаго евангелія, чѣмъ уничтожится стая святошъ и лжепророковъ, отравившихъ свѣтъ своими человѣческими постановленіями и развратными изобрѣтеніями (кн. II, гл. 19). Все это сводится къ какому-то духовному христіанству, foy formée de charité, какъ говоритъ Гаргантюа (кн. II, гл. 8); лучше сказать, католичеству, отвлеченному отъ случайныхъ устарѣлыхъ формъ, и не успѣвшему снова облечься въ болѣе строгія формы кальвинизма и протестантскихъ толковъ.

Итакъ, общественныя и религіозныя учрежденія, освященныя вѣками, могутъ остаться; надо только новыхъ людей. И эти люди уже явились, человѣчные, гуманисты; ихъ еще не много; но они ужъ успѣли познать другъ друга въ общей цѣли, и образовать незримое братство, основанное на свободѣ саморазвитія: вмѣстѣ съ названіемъ «гуманистовъ» является въ исторіи особый терминъ для ихъ общенія: Respublica Literarum, свободная научная община. Пока она еще слаба, и ея вліяніе можетъ быть только ограниченное: у гуманистовъ нѣтъ времени и досуга, который-бы позволилъ имъ, презрѣвъ будничный трудъ и заботы, исключительно отдаться воспитанію въ себѣ чистѣйшей человѣчности. Дайте намъ время и досугъ, писалъ въ 1530-хъ годахъ Маро, выражая, съ нѣсколько эпикурейской окраской, тайныя вожделѣнія Рабле, къ которому обращены его стихи:

S'on nous laissoit nos jours en paix user,
Du temps présent à plaisir disposer,
Et librement vivre comme il faut vivre
Palais et Cours ne nous faudroit plus suivre,
Plaids, ne procès, ne les riches maisons
Avec leur gloire et enfumez blasons:
Mais sous belle ombre en chambre et galeries
Nous pourmenans, livres, et railleries
Dames, et bains, feroient les passetemps,
Lieux et labeurs de nos esprits contens.
Las, maintenant à nous point ne vivons,
Et le bon temps périr pour nous sçavons
Et s'envoler, sans remèdes quelconques;
Puisqu'on le sçait, que ne vit-on bien donques?

Осуществленіе подобнаго идеала было-бы желательно, и такъ возможно! Стоило-бы только явиться какому-нибудь монарху, проникнутому гуманными идеями, и онъ объединилъ бы эту респуб-

лизу людей, насаждающихъ человѣчность, расплывшуюся по книгопечатнямъ и кабинетамъ, на чердакахъ и въ нищетѣ, на амвонахъ евангельскихъ проповѣдниковъ, либо въ покояхъ принцессы крови. Онъ обезпечилъ-бы ихъ и успокоилъ: пусть работаютъ для преуспѣянія человѣчности, свободные отъ труда—и да царствуетъ свобода саморазвитія! Fais ce que voudras.

Такъ создалась идея Телема, для которой и воспитывается Гаргантюа. Внутреннія противорѣчія, заключающіяся въ республикѣ философовъ, созданной на средства короля и поддерживаемой на иждивеніе народа—не должны бы останавливать Раблэ: онъ слишкомъ охранительно относился къ существующему порядку вещей и безусловно вѣрить въ міровое значеніе человѣчности. Кстати подошелъ историческій моментъ, способный возбудить самыя пылкія надежды: на престолѣ Франціи явился Гаргантюа, покровитель гуманистовъ, создавшій Collège de France въ цѣляхъ свободнаго просвѣщенія, открытый либеральнымъ взглядамъ по вопросамъ религіи. Раблэ идеализируетъ этотъ историческій моментъ, онъ желалъ бы навсегда прикрѣпить къ землѣ это блаженное statu quo гуманизма; ему дышится свободно и весело, какъ Ульриху фонъ-Гуттенъ; онъ весь живетъ надеждами исполненія, и его фантазія опереживаетъ неосуществленное еще и неосуществимое въ исторіи; образы ростутъ и перерастаютъ другъ друга въ горячкѣ творчества, фразы набѣгаютъ другъ на друга, эпитеты плодятся десятками, слова безцеремонно укладываются въ цѣлые списки и перечни, какъ будто имъ куда-то нужно спѣшить, откуда-то вырваться, гдѣ имъ тѣсно, и человѣкъ захлебывается отъ переполненія чувства и мысли.

Надо всѣмъ царитъ веселый хохотъ, нѣсколько животнаго тэмбра, при которомъ у мѣста и шутка и разсказы нѣсколько скоромнаго свойства. Цинизмы Раблэ, пугающіе иное цѣломудренное ухо, меня не останавливаютъ: у Аристофана легко встрѣтить и болѣе рѣзкія откровенности; старые средневѣковые люди не боялись называть по имени то, о чемъ всѣ знали, что практиковалось на дѣлѣ; въ эпоху возрожденія, обратившей вниманіе и на права загнанной плоти, цинизмъ былъ отдыхомъ и шаловливой отместкой за долгій и пристальный гнетъ — а Раблэ былъ монахомъ, хотя бы и дурнымъ, и обуявшее его чувство общаго освобожденія естественно вызывало въ немъ желаніе перебѣситься и похохотать. Монастырское воспитаніе не дало ему изящной сидадки, которая такъ поэтически драпируетъ, напр., у итальянскихъ гуманистовъ проявленія плотскаго чувства: онъ шутитъ и остритъ надъ «слабой женщиной» фабльо и средневѣ-

новаго аскетическаго поученія — и ставить особо отъ нея женщинъ своего Телема, возжаждавшихъ «божественной манны истиннаго знанія», какъ говоритъ Гаргантюа. Тѣ и другія не сплотились у него въ одинъ гармоническій образъ, равномѣрно сотканный изъ плоти и духа; рядомъ съ типомъ «цѣльнаго» человѣка онъ не поставилъ цѣльной женщины. Ему, какъ монаху, женское общество было меньше доступно; потому, быть можетъ, онъ часто бываетъ неизященъ. Но отъ недостатка изящества до цинизма далеко. Если хотите, Раблэ циниченъ — но какъ здоровый деревенскій мальчикъ, котораго выпустили изъ курной избы прямо въ весну, и онъ мчится очертя голову по лужамъ, забрызгивая грязью прохожихъ и весело хохоча, когда комья глины облѣпили его ноги и лицо, раскраснѣвшееся отъ весенняго, животнаго веселья.

III.

Когда, въ 1532 году, по окончаніи первой книги романа Раблэ принялся за вторую, онъ и самъ не зналъ, что изъ нея выйдетъ. Онъ только-что успѣлъ высказаться вполнѣ, обобщить начатки Renaissance въ нѣчто цѣльное и прочное, чему слѣдовало, по его мнѣнію, перейти и въ будущее. Этимъ самымъ роль Гаргантюа была опредѣлена; съ нимъ дѣлать было нечего. Вмѣсто него выступаетъ на сцену его сынъ Пантагрюэль, представитель второго поколѣнія гуманистовъ. Что принесетъ оно своего, каковъ будетъ его личный вкладъ въ развитіе возрожденія? На эти вопросы Раблэ всего менѣе былъ готовъ отвѣтить. Вѣдь исторія еще не сказалась, другими словами — у Телема еще нѣтъ исторіи, онъ только-что сложился, и если ни что не обманываетъ, онъ будетъ вѣченъ, если идеямъ человѣчности суждено развиваться и рости. Пока не можетъ быть и рѣчи о новыхъ вкладахъ и видоизмѣняющемъ вліяніи новыхъ людей. Оттого Раблэ и не приноситъ намъ ничего новаго, прогресса нѣтъ, или онъ видѣнъ въ мелочахъ; вторая книга механически повторяетъ распорядокъ первой.

Тамъ рожденіе Гаргантюа, здѣсь Пантагрюэля, такого же гиганта, какъ и онъ; только въ немъ меньше стихійности, и прогрессъ естественно сказался въ томъ обстоятельствѣ, что Пантагрюэль уже не проходитъ по мытарствамъ средневѣковой школы, и программа его гуманизма шире и обстоятельнѣе. Гаргантюа посылаютъ для окончательнаго образованія въ Парижъ; Панта-

грюэль путешествуетъ по разнымъ французскимъ университетамъ, и также попадаетъ въ Парижъ. Прежде чѣмъ перевоспитать Гаргантюа по началамъ гуманизма, Раблэ заставляетъ его встрѣтиться съ яркимъ образцомъ схоластической науки — въ рѣчи Janotus de Bragmardo; Пантагрюэль знакомится съ нею въ библіотекѣ аббатства св. Виктора, гдѣ собраны такія диковинныя книги, какъ «Pantoufla decretorum», «Le Moustardier de penitence», «La Savate d'humilité», «Le Chaudron de magnanimité», «Le Patenostre du cinge» и т. п., споритъ въ теченіи шести недѣль съ сорбоннистами по всѣмъ возможнымъ вопросамъ знанія и рѣшаетъ, на удивленіе всѣхъ, судебное дѣло, тянувшееся долгіе годы, въ которомъ никто не находилъ толку — а онъ самъ всего менѣе. Письму Грангузье къ сыну, помѣщенному въ первой книгѣ романа, отвѣчаетъ во второй посланіе Гаргантюа къ Пантагрюэлю; тамъ и здѣсь дѣйствіе завершается войной, тамъ противъ Пикрошоля, здѣсь противъ его двойника Анарха, и высказываются тѣ же гуманныя идеи. — Самъ Пантагрюэль ни на шагъ не подвинулся противъ Гаргантюа, онъ — лишь слабое его повтореніе. Пока съ нимъ ничего другого и нельзя сдѣлать; будетъ время, и онъ опредѣлится, и также найдетъ свою настоящую роль, какъ и другой типъ, съ которымъ мы впервые знакомимся во второй книгѣ: типъ Панурга, отнынѣ становящагося неизмѣннымъ спутникомъ Пантагрюэля.

Типъ этотъ также заимствованъ изъ народно-литературнаго преданья, какъ и братъ Жанъ. Онъ принадлежитъ народной шуткѣ: Панургъ, при первомъ своемъ появленіи, такой же проказливый и умный шутъ, какъ тѣ многочисленные скоморохи, эксплуатирующіе правду въ пользу смѣха, а смѣхъ въ свою собственную пользу. Зачѣмъ понадобился Панургъ во второй книгѣ романа, это не выясняется въ ея границахъ; очень вѣроятно, что подвернулся онъ случайно, и также случайно опредѣлился, когда дальнѣйшія книги романа вновь пошли въ уровень съ дальнѣйшими судьбами французскаго возрожденія.

На первыхъ порахъ Панургъ — не болѣе какъ шутъ, съ тѣми же традиціонными продѣлками, какія разсказываются о Морольфѣ, Амисѣ, Тиллѣ Эйленшпигелѣ; его банальный споръ знаками и жестами съ англичаниномъ, котораго онъ побѣждаетъ, не понявъ ни одного его знака и жеста — одинъ изъ самыхъ распространенныхъ шутовскихъ разсказовъ, извѣстныхъ, наприм., и на Руси; противоположеніе банально-эгоистической философіи Панурга серьёзно-идеалистическому міросозерцанію Пантагрюэля — также напоминаетъ любимыя народной шуткой параллели между

народнымъ умникомъ и мудрецомъ, превзошедшимъ всѣ глубины книжнаго знанія.—Интересно посмотрѣть, какъ пріобщился этотъ типъ къ общему міросозерцанію романа.

Въ средніе вѣка шутъ — безправный носитель объективно-отвлеченной истины. Въ эпоху, когда вся жизнь складывалась въ условныя рамки сословія, прерогативы, школьной науки и іерархіи, истина локализировалась по этимъ рамкамъ, была относительно феодальной, школьной, и т. д., почерпая свою силу изъ той, либо другой среды, являясь результатомъ ея жизненной правоспособности. Феодальная истина — это право тѣснить виллана, презирать его рабскій трудъ, ходить на войну, охотиться по крестьянскимъ полямъ и т. п.; школьная истина—право исключительнаго знанія, внѣ котораго нѣтъ прока, почему его слѣдуетъ ограждать отъ всего, чтó грозитъ его замутить и т. д.— Всякая общечеловѣческая правда, непріуроченная къ тому или другому сословію, установленной профессіи, т.-е. къ извѣстному праву, исключалась, съ нею не считались, ее презирали, влекли на костеръ по первому подозрѣнію, и допускали лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она представала въ безобидной формѣ, возбуждая смѣхъ и не претендуя на какую-нибудь болѣе серьёзную роль въ жизни. Такъ опредѣлилось общественное значеніе шута.

Онъ долженъ быть уменъ; не безъ ума, не безъ значительной работы мысли удалось ему отвлечься отъ обычныхъ представленій сословной правды къ пониманію общечеловѣческой истины. Умъ — его профессія; иначе ему смѣяться не будутъ, не станутъ и кормить; да и высказывать тѣ истины надо умѣючи и опасливо; кое-кого задѣть, уколовъ въ мѣру, общее поставить на задній планъ, тронуть мимоходомъ, обставивъ небылицами въ лицахъ. Панургъ нерѣдко гримасничаетъ, говоритъ пошлости, но онъ же часто и умно фантазируетъ.

Шутъ непремѣнно эгоистиченъ. Съ высоты общечеловѣческой правды ему не трудно усмотрѣть и оцѣнить по достоинству ничтожность тѣхъ относительныхъ сословныхъ истинъ, которыми руководятся полноправные члены общества. Но за нимъ нѣтъ сословія, нѣтъ и права, кромѣ одного, неотъемлемаго — права любить и беречь самого себя, охраняя себя отъ всякихъ невзгодъ, убѣгая опасностей. Онъ будетъ присосѣживаться ко всякому сильному или кормильцу, безъ разбора; Панургъ страстно любитъ жизнь и ничего такъ не боится, какъ смерти.

Шутъ безправенъ, и это сознаніе безправности развиваетъ въ немъ тонкую мстительность. Когда онъ не паясничаетъ безцѣльно, его шутки исполнены яда и затаенной соціальной злобы. «Еще

ни одинъ человѣкъ не одолжилъ меня, не получивъ отъ меня награды или, по крайней мѣрѣ, благодарности, говоритъ Панургъ послѣ одной жестокой продѣлки. Я не неблагодаренъ, никогда имъ не былъ и не буду. Никто еще не досаждалъ мнѣ, не раскаявшись въ томъ, въ этомъ мірѣ или другомъ. Я не на столько глупъ!» — Брата Жана скандализируетъ такое радикальное заявленіе мести:—Ты говоришь, какъ отверженный старый дьяволъ. Въ писаніи сказано: Mihi vindictam (послан. къ Евр. гл. X ст. 30); дѣло извѣстное, въ требникѣ стоитъ.

Но вотъ повѣяло духомъ возрожденія: всѣ говорятъ о человѣчности, личной равноправности, о безотносительной истинѣ; стѣны Телема возникаютъ какимъ-то волшебствомъ, онѣ открыты для людей мысли; тамъ есть мѣсто и для обездоленнаго Панурга, и ему улыбается гражданская полноправность развитія. На него пахнуло чѣмъ-то здоровымъ и ободряющимъ; онъ внутренно ожилъ и охотно пристаетъ къ Пантагрюэлю.

Но представимъ себѣ, что всѣ эти надежды Телема оказались однимъ миражемъ, что онѣ разсѣялись и послѣ нихъ началась прежняя сумятица отношеній, царство условныхъ истинъ, борьба сословныхъ правъ, только болѣе ярая и крайняя, чѣмъ прежде, потому что возрожденіе не прошло даромъ хоть одной внѣшней стороной: обогативъ научный запасъ, изощривъ сознательность, оно должно было заострить отношенія, которыя было не въ силахъ измѣнить. Что̀ станется съ Панургомъ? Человѣкъ цѣльный, не помятый жизнью, переживалъ эту бурю, скрѣпя сердце, отдаливъ исполненіе своихъ надеждъ въ будущее, можетъ быть очень далекое; ему грустно, но онъ продолжаетъ вѣрить. Но Панургъ надломленъ, мѣра его надеждъ переполнилась; онъ схватился за послѣднюю; когда она исчезнетъ, онъ навсегда откажется отъ вѣры въ практическую приложимость какой-бы то ни было истины, не основанной на правѣ и не поддержанной силой. Возрожденіе обогатило его умственно, расширило кругозоръ, но не дало ему ни одного лишняго нравственнаго устоя. Онъ останется такимъ же злостнымъ шутникомъ и откровеннымъ эгоистомъ, какимъ былъ и прежде.

Такого рода поворотъ въ возрожденіи дѣйствительно случился. Посмотримъ на внутреннія событія французской исторіи, въ періодъ 1532—46 годовъ, отдѣляющій первыя двѣ книги Раблэ отъ послѣдующихъ.

Франсуа I, оплотъ гуманизма и свободомыслія, часто колебавшійся и мѣнявшій взгляды по впечатлѣнію и политическому разсчету, обнаруживаетъ во вторую половину своего царствованія

еще болѣе неустойчивости и охранительныхъ вожделѣній. Зерно свободной мысли, мирно прозябавшее въ кружкѣ гуманистовъ, въ сферѣ отдѣльныхъ личностей, попало на широкую народную почву, богатую религіозными началами и повело здѣсь къ громадному развитію узкаго, формальнаго религіонизма, вскорѣ обратившаго оружіе противъ той же свободной мысли. Въ 1535 году появился руководящій трудъ Кальвина: Institution de la religion chrétienne; въ 1541 онъ призванъ въ Женеву и обращаетъ этотъ, когда-то веселый городъ, въ мрачную іератическую республику, обратную сторону Телема и безъ его девиза. На другой сторонѣ духовнаго лагеря также собираются боевыя силы: является Лойола; братство Іисуса, основанное въ 1538 году, утверждено Павломъ III въ 1540; въ 1542 организована римская инквизиція. Религіозные интересы внезапно поднимаются въ обществѣ съ давно невиданной силой, съ старымъ сословно-профессіональнымъ типомъ; и католики и протестанты допускаютъ только одну, свою истину, стараются опереть ее на правѣ сильнаго, или на силахъ фанатизма. Въ октября 1534 года протестантскія афиши явились на углахъ парижскихъ улицъ, на дверяхъ королевскаго кабинета; увлеченный католической партіей, Франсуа открыто выступаетъ на путь преслѣдованія: казни продолжаются съ 21 января по май 1535 года; вначалѣ обвиненныхъ сжигали, предварительно задушивъ ихъ; но это показалось мало: придумали подъемную машину, на которой страдальцевъ спускали въ огонь, и, поднявъ немного, опять опускали, пока палачъ не прекращалъ ихъ медленной муки, перерѣзавъ связывавшую ихъ веревку.— Королевскій указъ грозилъ наказаніемъ укрывателямъ еретиковъ, объявлялъ награды доносчикамъ; другимъ указомъ, отъ 13 января 1535 года, уничтожалось во Франціи книгопечатаніе, какъ средство къ распространенію лжеученій, и запрещалось, подъ страхомъ висѣлицы, печатать какія-бы то ни было книги. Правда, король вскорѣ опомнился: исполненіе указа о типографіяхъ было пріостановлено на неопредѣленное время, его нѣтъ ни въ одномъ собраніи королевскихъ постановленій. Казни протестантовъ также поспѣшили объяснить тѣмъ, что онѣ касались бунтовщиковъ, прикрывавшихся знаменемъ вѣры. Но съ бунтовщиками король обходился гуманнѣе: когда въ 1542 году поднялось народное волненіе въ Ла-Рошели, по поводу соляного налога и муниципальныхъ вольностей, возстаніе было усмирено, но король не воспользовался своимъ правомъ наказанія. «Я не желаю вашей гибели, ни гибели вашего имущества,—были его слова къ рошельцамъ: я предпочитаю обладать сердцемъ и привязанностью моихъ

подданныхъ, чѣмъ ихъ жизнью и богатствами. Такъ какъ вы пришли къ сознанію своей вины, то забудьте о ней, а я не вспомню о ней до конца жизни».—Черезъ шесть лѣтъ такой же народный бунтъ въ Бордо и по тому же фискальному вопросу, вызоветъ знаменитый антимонархическій памфлетъ Ла-Боэси: Le Contr'un.

Въ 1545 новыя преслѣдованія вальденсовъ Прованса, заставили самихъ исполнителей усумниться, не перевысили-ли они мѣру кары; король принимаетъ на себя отвѣтственность за всѣ ужасы.—Въ томъ же году они повторились для протестантовъ Meaux, Парижа и Sens.

Какъ все измѣнилось въ теченіи пятнадцати лѣтъ! Какъ много вышло на свѣтъ стараго, казавшагося погребеннымъ, и какъ много новаго обратилось вспять, приняло старыя формы! Гаргантюа стали Пикрохолями, свободная религіозность оттѣснена натискомъ формальнаго, заявятаго религіонизма; гармоническая цѣльность личнаго развитія, передовая задача возрожденія, распалась на части, переставшія познавать одна другую: реформа отшатнулась отъ гуманизма, гуманизмъ разложился на узкія профессіи; явились гуманисты ученые, изощрявшіеся спеціально въ латинскихъ и греческихъ текстахъ, какъ иные ушли въ тексты священнаго писанія; явились профессіональные поэты, не творческіе художники, обнимавшіе въ одномъ общемъ синтезѣ руководящія идеи своего времени, а спеціалисты стихотворнаго слова, искатели риемъ и справщики размѣра, видѣвшіе поэзію преимущественно въ формѣ, то безцѣльно вычурной, то тяжело-торжественной, безъ мѣры уснащенной латинскими реченіями и оборотами, но всегда приличной. Если Раблэ былъ поэтъ, какъ называли его Маро и Этьенъ Пакьè, то совершенно въ иномъ смыслѣ называли себя поэтами и блюстителями цвѣтущей рѣчи тѣ люди, которые создадутъ направленіе Ронсара и Плеяды, надъ которыми такъ жестоко глумится Раблэ. Они отмстятъ ему за это, и заодно съ религіонистами всѣхъ оттѣнковъ внесутъ свой вкладъ въ его легендарную біографію. Эпитафія пьяницы (Epitaphe d'un biberon), написанная Ронсаромъ, мѣтитъ на Раблэ: на его гробѣ выростаетъ символическая лоза, и прохожіе приглашаются совершить на нее возліяніе виномъ и приношеніе—колбасами и окороками:

Si d'un mort qui pourry repose
Nature engendre quelque chose,...
Une vigne prendra naissance
De l'estomac et de la panse
Du bon biberon qui beuvoit

Toujours cependant qu'il vivoit....

. . . .

O toy, quiconque sois, qui passes,
Sur sa fosse répands des tasses,
Répands du bril et des flacons,
Des cervelas et des jambons....
Il les aime mieux que les lys,
Tant soient-ils fraischement cueillis.

Поэзія послѣ Раблэ станетъ, дѣйствительно, болѣе чистоплотной, въ ней будетъ менѣе разгула и плотскаго веселья, но она поплатится содержаніемъ и творческими порывами. Цѣльное творчество исчезаетъ, какъ уходятъ другъ за другомъ цѣльные люди, сверстники Раблэ: Clément Marot, любимецъ двора, распѣвавшаго на мелодіи народныхъ пѣсенъ его стихотворные переводы псалмовъ, принужденъ въ 1543 году бѣжать изъ Франціи, гдѣ Сорбонна заподозрѣла его переводъ въ ереси, и умираетъ въ изгнаніи. Bonaventure Des Periers, авторъ смѣлыхъ діалоговъ «Cymbalum Mundi», сожженныхъ рукою палача и напоминающихъ порою манеру Раблэ, убиваетъ себя самъ въ 1544 въ нищетѣ и отчаяніи: гуманистамъ не было житья на свѣтѣ. Въ 1546 году Этьенъ Доле, извѣстный гуманистъ и пріятель Раблэ, сожженъ въ Парижѣ, на Place Maubert,—потому что въ его переводѣ одного псевдоплатоновскаго діалога встрѣтили фразу, противную ученію о безсмертіи души.—Франсуа I умеръ въ 1547 г.—но великій Гаргантюа давно уже умеръ.

Вокругъ Раблэ становится пусто; онъ тревожно озирается и грустной ироніей звучатъ вступительныя слова во введеніи къ 4-ой книгѣ: «Добрые люди, Господь да спасетъ и сохранитъ васъ? Гдѣ вы? Я васъ что-то не вижу. Дайте, надѣну очки».

Изъ бывшихъ современниковъ остались въ живыхъ лишь немногіе. Осталась сестра короля, Маргарита Наваррская, одна изъ симпатичнѣйшихъ женщинъ первой поры французскаго Renaissance. Вмѣстѣ съ Раблэ она жила надеждами Телема и праздновала обновленіе жизни, сказывая новеллы своего Гептамерона, фривольно-разумныя, фривольныя содержаніемъ, разумныя нравоученіемъ, какъ по идеямъ Понократа развитіе плоти должно было идти объ руку съ преуспѣяніемъ духа. Вмѣстѣ съ Раблэ она развила въ себѣ свободно-христіанскія отношенія къ установленной церкви и догмату и выразила ихъ въ своемъ «Зерцалѣ грѣшной души» (Miroir de l'âme pecheresse), которое Сорбонна встрѣтила съ негодованіемъ. Когда и ее застала буря, она ушла въ самое себя, въ эту личную религіозность, отличающую гуманистовъ, далекую отъ религіознаго формализма Кальвина и

Ренаты Феррарской, полную тѣней и просвѣтовъ, грустныхъ чаяній и поэтическаго суевѣрія. Дома она слушаетъ толкованіе св. писанія, поетъ съ монахинями обѣдни и вечерни, съ болѣзненною пытливостью наблюдаетъ агонію одной изъ приближенныхъ дамъ и отвѣчаетъ, когда ей толкуютъ о вѣчной жизни: всё это правда—но какъ долго придется лежать подъ землею!

Когда въ 1546 году Раблэ готовился издать 3-ю книгу своего романа, онъ не нашелъ кому лучше посвятить ее, какъ «духу» Маргариты, давно покинувшему ея согласное, благоустроенное (concords) тѣло, чтобы витать въ небесахъ, его исконной родинѣ. Быть можетъ, онъ согласится снизойти съ высотъ своего мистицизма и прислушаться къ разсказу о потѣшныхъ дѣяніяхъ Пантагрюэля:

Esprit abstraict, ravy et ecstatic,
Qui, frequentant les cieulx, ton origine,
As delaissé ton hoste et domestic,
Ton corps concords, qui tant se morigine
A tes edictz, en vie peregrine,
Sans sentement, et comme en apathie,
Voudrois tu point faire quelque sortie
De ton manoir divin, perpetuel,
Et ça bas voir une tierce partie
Des faits joyeux de bon Pantagruel?

Золотые дни Телема прошли, удалились и мечты о безмятежномъ, цѣльномъ развитіи человѣка. Въ обществѣ произошло что-то необычайнее, въ него вторглись новыя требованія, и, вмѣсто философа и гуманиста, выступила на первый планъ волнующаяся масса. Все снова пришло въ броженіе, трудится и борется, созидаетъ или разрушаетъ. Зачѣмъ? Къ чему?, спрашиваетъ себя авторъ и разсказываетъ по этому поводу такой прикладъ:—Когда Филиппъ-Македонскій собрался покорить Коринѳъ, коринѳяне, предупрежденные шпіонами, дѣятельно принялись за укрѣпленіе города. Одни перевозили изъ полей въ крѣпости имущество и съѣстные припасы, другіе чинили стѣны, воздвигая бастіоны, рыли траншеи и контрмины, устраивали парапеты, разставляли часовыхъ и патрули. Всѣ были на сторожѣ, всѣ у дѣла; одни чистили броню, оправляли оружіе—Раблэ перечисляетъ его, по своему обыкновенію, до мелочей, во всѣхъ видахъ и подробностяхъ—снаряжали луки, пращи, ядра и тараны; острили копья, алебарды, стрѣлы, топоры, сабли, шпаги и т. д. На всю эту горячую работу смотрѣлъ Діогенъ, которому городскія власти не дали никакого дѣла; смотрѣлъ и вдругъ, исполнясь воинственнаго духа, подпоясалъ свой плащъ, засучивъ рукава по локти, и от-

давъ старому товарищу свою суму, книги и тетради, устроилъ себѣ за городомъ, въ сторонѣ мыса Кранія, площадку, прикатилъ туда глиняную бочку, служившую ему жилищемъ и кровомъ отъ непогоды, и въ сильномъ возбужденіи, напрягая руки, принялся орудовать ею: двигалъ, поворачивалъ, опрокидывалъ, ёрзалъ, теръ, встряхивалъ, навьючивалъ, бросалъ, подпиралъ, топталъ, мочилъ, стукалъ, конопатилъ и оттыкалъ, пачкалъ, поднималъ, направлялъ, заколачивалъ, гладилъ, нѣжилъ, убиралъ, спускалъ внизъ по холму, и снова вкатывалъ на верхъ, какъ Сизифъ свой камень. Еще немного, и бочка бы развалилась. Видитъ все это одинъ изъ пріятелей Діогена и спрашиваетъ, что̀ побудило его подвергнуть такой мукѣ свой умъ, и тѣло, и бочку; философъ отвѣчалъ, что̀ потому такъ возился съ нею, чтобы среди народа, горячо и усердно занятаго дѣломъ, не показаться лѣнтяемъ и празднымъ.

Такъ и я, переходитъ къ себѣ Раблэ, живу безъ страха и не безъ заботы; къ дѣлу меня не пустили, когда всѣ во Франціи работаютъ и трудятся, одни для укрѣпленія отечества и отраженія враговъ, другіе для нападенія на нихъ, и все это въ столь чудномъ порядкѣ и благоустроеніи, что я не далекъ отъ мнѣнія старика Гераклита, считавшаго войну матерью всѣхъ благъ. Мнѣ и стыдно стало оставаться долѣе въ положеніи зрителя, смотрящаго на храбрецовъ и героевъ, разыгрывающихъ въ глазахъ всей Европы эту превосходную траги-комедію—и самому захотѣлось дѣлать, покатать мою діогеновскую бочку, единственное добро, оставшееся у меня отъ крушенія при мысѣ Недоброй Встрѣчи. Что̀ изъ этого выйдетъ, не знаю; многимъ мое дѣло не понравится; но я и откупорилъ мою бочку лишь для васъ, добрые люди; пейте изъ нея полной чарой: въ ней живая неизсякаемая струя; на днѣ лежитъ надежда, какъ въ сосудѣ Пандоры,—не отчаяніе, какъ въ бочкѣ Данаидъ. Bon espoir y gist au fond!

Таково содержаніе введенія къ третьей книгѣ романа, опредѣляющее вмѣстѣ съ тѣмъ и единство идеи въ трехъ послѣднихъ его книгахъ. Въ противоположность къ эпизоду о блаженномъ телемскомъ житіи, мы могли бы соединить ихъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: телемиты послѣ погрома. Ихъ планы разрушены, кругомъ нихъ работаютъ и трудятся другіе люди, для другихъ плановъ; имъ тоже нужно что-нибудь предпринять, сосчитаться съ окружающимъ, осмотрѣться и выбрать роль, порѣшить: что дѣлать? Пантагрюэль ищетъ твердо и серьёзно, какъ человѣкъ, передъ которымъ внезапно закрылся путь, но который

не утратилъ ни направленія, ни вѣры въ жизненную цѣль. Веселье юнаго гуманизма умѣрилось въ немъ до какого-то спокойно-грустнаго настроенія, передъ которымъ падаютъ иногда неразборчивыя шутки Панурга; онъ охотно говоритъ о предметахъ важныхъ, о божественныхъ демонахъ и героахъ, приносящихъ странѣ миръ и благоденствіе, тогда какъ ихъ смерть вызываетъ народныя бѣдствія и болѣзни и природныя знаменія. Какъ свѣточъ веселитъ всѣхъ, разливая вокругъ себя ясность, а потухая—причиняетъ мракъ и смрадомъ заражаетъ воздухъ—такое же вліяніе должны имѣть и возвышенныя, благородныя души: пока онѣ обитаютъ въ своемъ тѣлѣ, кругомъ нихъ царитъ покой и веселіе; когда онѣ удаляются, вся природа страдаетъ: содрагается земля, на морѣ поднимаются бури, среди народовъ смятеніе, измѣненіе религій, переходъ царской власти изъ однѣхъ рукъ въ другія и паденіе государствъ.—Пантагрюэль сталъ такимъ же мистикомъ, какъ Маргарита Наваррская, вѣровавшая въ предчувствія, въ роковое вліяніе кометъ; но старый гуманистъ первой поры возрожденія въ немъ остался: по прежнему его идеалъ—личное развитіе человѣка, благородныя, возвышенныя души, опредѣляющія ходъ міровой исторіи.

Другое дѣло—Панургъ. Къ телемитамъ онъ присталъ случайно; когда его послѣднія надежды разрушились, онъ бросается, очертя голову, въ эгоистическую жизнь эпикурейца, шутитъ и остритъ въ какомъ-то чаду опьяненія. У него являются самыя необычайныя фантазіи, умныя, шевелящія бредни на пошлыя темы. Пантагрюэль пожаловалъ его, послѣ побѣды надъ Анархомъ, владѣніями въ Salmigondin; Панургъ распорядился ими такъ ловко, что въ двѣ недѣли пропировалъ за три года впередъ громадные доходы своего помѣстья, сбиточные и несбыточные. Услышалъ объ этомъ Пантагрюэль, но не ощутилъ ни печали, ни негодованія. Повторяю вамъ, говоритъ Раблэ, это былъ самый милый и покладливый человѣкъ, какой когда либо опоясывался шпагой: во всемъ онъ готовъ былъ увидѣть хорошую сторону, всякій поступокъ истолковать въ лучшему, никогда не мучилъ себя и ничѣмъ не поражался. Еслибъ онъ скорбѣлъ и волновался, онъ давно бы лишился божественнаго разума; но ничто, содержимое подъ небеснымъ сводомъ и на землѣ во всѣхъ ея измѣреніяхъ, не достойно тревожить наши чувства, волновать разумъ.

Пантагрюэль спокойно толкуетъ съ Панургомъ объ его расточительности, о неудобствѣ входить въ долги. Панургъ остроумно защищается: если-бъ послушать его, то, съѣдая свой хлѣбъ на

корню (son blé en herbe), онъ проявляетъ четыре главныхъ добродѣтели: благоразуміе, справедливость, крѣпость и умѣренность, и поступаетъ не только разумно, но и согласно съ верховнымъ закономъ человѣческаго и мірового развитія. Чтò бы сталось съ міромъ, если бы не было долговъ? Планеты прекратили бы свое правильное вращеніе; Юпитеръ, ничѣмъ не обязанный Сатурну, лишилъ бы Сатурна его сферы; Сатурнъ соединился бы съ Марсомъ, и оба взбудоражили бы цѣлый міръ; Меркурій отказался бы быть служителемъ другихъ, потому-что онъ имъ не долженъ; Венеру перестали бы почитать, потому-что она никого ничѣмъ не одолжила. Луна станетъ свѣтить тускло и кроваво: чтó обяжетъ солнце дарить ее своимъ свѣтомъ? Солнце перестанетъ освѣщать землю, планеты проявлять свое благое вліяніе, потому-что земля не будетъ болѣе питать ихъ своими испареніями; творчество стихій прекратится; земля будетъ производить лишь чудовищъ и титановъ, не будетъ ни дождя, ни свѣта, ни вѣтра, ни весны, ни осени.—Въ обществѣ настанетъ тоже смятеніе: никто не будетъ заботиться о другомъ, никто не отзовется на крикъ о помощи и не поможетъ другому. И зачѣмъ помогать? Вѣдь никто никому не долженъ, ничѣмъ не обязанъ! Вмѣсто вѣры, надежды, любви, водворятся среди людей недовѣріе, презрѣніе, злоба и всѣ напасти. Люди станутъ другъ для друга волками, разбойниками, отравителями, злорадцами.—Обратитесь къ человѣческому микрокосму, и тамъ найдете тѣ же явленія, чтó и въ мірѣ, гдѣ никто не долженъ и никто не одолжаетъ: голова откажетъ ногамъ и рукамъ въ помощи глазъ, дотолѣ руководившихъ ихъ движеніями; ноги и руки откажутся служить, сердце устанетъ биться, легкія дышать и т. д.; изъ всего этого произойдетъ нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ стачка членовъ человѣческаго тѣла противъ желудка въ апологѣ Эзопа—и міръ погибнетъ.

Наоборотъ, представьте себѣ міръ, гдѣ всякій одолжаетъ и всякій долженъ, гдѣ всѣ—должники и кредиторы! Какая гармонія установится въ движеніи небесъ, какое сочувствіе между стихіями? какое веселое творчество поднимется въ природѣ! Между людьми настанетъ миръ и любовь, все будетъ пировать и веселиться, золото и серебро и мелкая монета и всякій товаръ пойдетъ по рукамъ. Не будетъ ни тяжбъ, ни войнъ, ни споровъ, ни ростовщиковъ и скрягъ, и никакого отказа. Господи Боже мой! да вѣдь это будетъ золотой вѣкъ, царство Сатурна! Всѣ будутъ добрые, прекрасные, справедливые. О, блаженный міръ и трижды блаженные люди! Мнѣ кажется, что я между вами!—И въ человѣческомъ организмѣ установится тоже чудное согласіе, потому-

что и для него установленъ законъ, управляющій всею міровой жизнью: законъ обоюдной мѣны, взаимнаго одолженія, приводящій къ гармоніи.—«Я теряюсь, я въ восхищеніи, когда проникаю въ глубокую бездну этого міра, одолженнаго и одолжающаго!» — восклицаетъ Панургъ.

Пантагрюэля такіе доводы, разумѣется, не убѣдили, но онъ охотно прислушивается къ его рѣчамъ. Онъ самъ, всѣ гуманисты мечтали объ этой желанной гармоніи въ обществѣ, въ развитіи личности. Имъ помѣшали, запретили объ этомъ думать и говорить свободно; царство относительной правды, поддержанной насиліемъ, снова наступило, и Панургъ можетъ явиться въ своей старой роли—представителя общечеловѣческой истины, пугливо спрятавшейся въ формахъ каррикатуры и юродства. Пантагрюэль это понимаетъ,—вотъ почему онъ слѣдитъ съ такимъ дѣтски-серьёзнымъ вниманіемъ за шутками Панурга, не пугаясь ихъ видимой пустоты и безцѣльности; онъ серьёзно привязался къ Панургу (кн. II, гл. 9), у котораго, между тѣмъ, зародилась новая, негаданная фантазія: онъ хочетъ устроиться, жениться. Одно его безпокоитъ: что выйдетъ изъ его брака, не будетъ ли жена его обманывать, и будетъ ли онъ счастливъ? Онъ спрашиваетъ совѣта у Пантагрюэля.

— Женитесь, если такая пришла охота,—отвѣчаетъ онъ.

— Но если вамъ кажется, что мнѣ лучше бы остаться, какимъ я есть, не предпринимая ничего новаго, я предпочелъ бы не жениться.

— Въ такомъ случаѣ не женитесь,—говоритъ Пантагрюэль.

Разговоръ продолжается въ томъ же родѣ и далѣе; Панургомъ овладѣла манія жениться, но онъ самъ высказываетъ столько опасеній, такъ постоянно переходитъ отъ невыгодъ безбрачной жизни къ невыгодамъ брака, что отвѣты Пантагрюэля поневолѣ колеблются между да и нѣтъ. Панурга это не удовлетворяетъ: онъ самъ ни на что не можетъ рѣшиться, а ему хочется увѣриться, дѣйствовать навѣрняка. Онъ гадаетъ о своей будущей судьбѣ по стихамъ Виргилія, какіе случайно открылись въ его четвертой эклогѣ, примѣняя ихъ къ себѣ; гадаетъ по сновидѣнію, ищетъ совѣта у колдуньи, у нѣмого, объясняющагося знаками; у умирающаго: говорятъ, умирающіе въ старости, и особенно поэты, предвидятъ будущее; у астролога, хиромавта и физіономиста; у богослова, врача, легиста и философа, наконецъ, у шута. Отвѣты, полученные этимъ путемъ, такіе же темные и двойственные, и такъ же мало успокоиваютъ Панурга. Онъ рѣшается на послѣднее средство: хочетъ посѣтить оракулъ божественной бутылки (l'oracle

de la dive bouteille), лежащій гдѣ-то далеко, за моремъ, и добиться положительнаго отвѣта. Онъ говоритъ объ этомъ Пантагрюэлю, и тотъ соглашается. Тотчасъ же снаряжается флотъ, и общество телемитовъ, съ Пантагрюэлемъ, Панургомъ, братомъ Жаномъ, Эпистэмономъ и др., пускается въ дальній путь.

Комическія выходки Панурга намъ знакомы, но Пантагрюэль знаетъ имъ настоящую цѣну. Тревожная мысль о бракѣ, заставляющая Панурга путешествовать къ оракулу, такъ же фантастична и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же серьёзна, какъ и мечта о міровой гармоніи, основанной на всемірномъ одолженіи. Чѣмъ дальше развивается содержаніе двухъ послѣднихъ книгъ романа, тѣмъ болѣе сокращается и исчезаетъ идея брака, оставляя по себѣ лишь общій осадокъ сомнѣнія: да или нѣтъ, быть или не быть? Вотъ что долженъ разрѣшить оракулъ божественной бутылки, символизмъ котораго легко объясняется надписью въ ея храмѣ: «Въ винѣ—правда», ἐν οἴνῳ ἀλήθεια! Быть или не быть правдѣ — не объективной, общечеловѣческой правдѣ, которую телемиты надѣялись водворить на землѣ своимъ почином; они сами очутились теперь въ положеніи непризнаннаго сословія, кружка, съ весьма сомнительными правами на существованіе,—и ищутъ лишь относительной правды, простого права существованія среди измѣнившихся условій жизни: быть имъ или не быть? Такова цѣль ихъ фантастическаго путешествія. Предполагать въ немъ болѣе широкія цѣли—исканія абсолютной истины, тайны вещей, законности мірозданія и общественнаго строя, нѣтъ никакого повода. Если бы такая идея дѣйствительно имѣлась въ виду, она несомнѣнно высказалась бы въ цѣльности путешествія, въ послѣдовательности впечатлѣній, постепенно-приготовляющихъ выводъ. Но такой послѣдовательности нѣтъ, и возстановить ее можно лишь съ натяжками; впечатлѣнія смѣняютъ другъ друга случайно и пестро, и плана въ нихъ искать нѣчего: странствованіе телемистовъ—простая рекогносцировка дѣйствительности, въ которой они хотятъ опознаться. И эта дѣйствительность представляется какимъ-то хаосомъ: переживаніе старыхъ общественныхъ порядковъ и злоупотребленій, больные осадки гуманистическаго движенія, принявшіе форму религіонизма; прирожденныя слабости человѣческой природы, игра во внѣшность, въ мишуру, покрывающую пустоту содержанія—и та же игра, обращенная въ поэтическій принципъ, въ перлъ искусства—опять неудавшійся осадокъ гуманизма. Сцена быстро мѣняется, перемежаясь съ чертами гротеска и сознательно отводящаго глаза шаржа, въ которомъ и не слѣдуетъ заподозрѣвать какого-нибудь опредѣленнаго намека; изрѣдка от-

кроется просвѣтъ на блаженство Телема,—но великодушныхъ героевъ уже нѣтъ; вотъ почему мятутся люди и все на свѣтѣ такъ перемѣнилось, что кажется диковинкой. Вотъ почему Раблэ могъ воспользоваться для этой части разсказа мотивами небывалыхъ путешествій въ воображаемыя страны — и онъ сдѣлалъ это съ лихвою.

Первый островъ, къ которому пристаютъ путники, носитъ греческое названіе Medomothi, т.-е. Нигдѣ, небывалый островъ, царь котораго Филофанъ, т.-е. любящій блескъ; братъ его Филоѳеамонъ, т.-е. охотникъ поглазѣть, женится на инфантѣ королевства Энгисъ, т.-е. чтó по близости. Мы въ баснословномъ краѣ разныхъ несодержательныхъ рѣдкостей, носороговъ, звѣрей, мѣняющихъ цвѣтъ, какъ хамелеонъ, картинъ, изображающихъ въ натурѣ идеи Платона и áтомы Эпикура и т. п.

На пути къ слѣдующему острову Раблэ заставляетъ Панурга разыграть ту злостную шутку, которая до сихъ поръ цитуется, когда говорятъ о табунномъ чувствѣ толпы, о Панурговомъ стадѣ. Повздоривъ съ торговцемъ овецъ, находившимся на кораблѣ, Панургъ хочетъ отмстить ему: сторговавъ у него за дорогую цѣну одну овцу, онъ бросаетъ ее въ воду, на виду у всего стада, которое инстинктивно слѣдуетъ за ней, а за стадомъ и торговецъ, желавшій спасти его. — Общественная приложимость этого эпизода ясна сама собою, какъ вообще во всемъ странствіи телемитовъ разсѣяно множество болѣе или менѣе цѣльныхъ намековъ—только ихъ не слѣдуетъ связывать другъ съ другомъ слишкомъ тѣсно. Какая въ самомъ дѣлѣ связь между шуткой Панурга и дальнѣйшимъ приключеніемъ нашихъ путниковъ, пристающихъ къ острову Сочетаній (Des Alliances), гдѣ у всѣхъ жителей носы устроены на подобіе трефоваго туза, и всѣ сродни другъ другу, но родственныя названія странно перемѣшаны: старикъ называетъ маленькую дѣвочку: отецъ мой, а та отвѣчаетъ ему: дочь моя. Эта путаница обобщается въ постоянную игру словами и иносказаніями; всѣ говорятъ метафорами. Что это? намекъ ли на литературное направленіе, видѣвшее въ фигурномъ языкѣ задачу поэзіи, или имѣется въ виду болѣе серьёзный разладъ, наступающій между словомъ и дѣломъ, когда первому дается особое, отрѣшенное отъ дѣла значеніе?

На слѣдующемъ островѣ (Cheli, отъ греч. губы, уста) царитъ Saint Panigon, встрѣчающій путниковъ лобызаніями и объятіями и разсыпающійся передъ ними, онъ и его дворъ, въ самыхъ утонченныхъ увѣреніяхъ дружбы.—Братъ Жанъ протестуетъ про-

тивъ этой салонной пустоты, предпочитая ей содержательность—кухни.

Рядомъ съ дружелюбной мишурой салона—угрюмая непривѣтливость острова Прокуратуры (Procuration), гдѣ всѣ жители кормятся кляузничествомъ, оттуда ихъ названіе: Chicanous. Вся ихъ задача въ томъ, чтобы быть побитыми; тогда они вчинять искъ и бываютъ сыты. Безъ палочныхъ ударовъ—они пропали, они навязываются на нихъ, спорятъ о нихъ, какъ о доходной статьѣ, вызываются другъ передъ другомъ, когда братъ Жанъ сулитъ деньги тому, кто дастъ себя поколотить, и готовы сойтись на полцѣнѣ.

Миновавъ еще нѣсколько островозъ, путники повстрѣчали девять большихъ судовъ, наполненныхъ монахами разныхъ орденовъ. Они отправлялись на соборъ въ Шезилѣ, гдѣ должны были разсмотрѣть догматы вѣры противъ новыхъ еретиковъ. До сихъ поръ наблюденія путешественниковъ носили характеръ общественной сатиры, безъ наглядкаго приложенія къ времени; теперь Рабле обращаетъ ее къ волненіямъ религіонизма, нарушившимъ религіозный покой его Телема. Шезиль называлась у евреевъ звѣзда, предвѣстница бури; подъ соборомъ въ Шезилѣ слѣдуетъ разумѣть Тридентскій, окончательно опредѣлившій разрывъ между католиками и протестантами. Узнавъ отъ монаховъ о цѣли ихъ путешествія, Панургъ внезапно проявляетъ католическое рвеніе, проситъ святыхъ отцовъ помолиться о немъ и щедро ихъ одаряетъ. На Пантагрюэля эта встрѣча оказываетъ другое вліяніе: онъ сталъ сосредоточеннѣе и грустнѣе,—онъ чуетъ бурю. И страшная буря разыгралась, во время которой Панургъ проявляетъ всѣ смѣшныя стороны своего эгоизма: онъ такъ растерялся, идея жизни такъ его одолѣла, что у него упали руки; въ то время, какъ другіе работаютъ, укрѣпляя снасти, онъ не въ состояніи ни къ чему прикоснуться, а только скорбитъ и жалуется. Но вотъ показался берегъ. «А! — кричитъ Панургъ,—вотъ это хорошо. Буря прошла. Будьте добры, дайте мнѣ выдти первому, мнѣ надо по дѣлу. Хотите, чтобъ я еще вамъ помогъ? Дайте мнѣ замотать эту веревку. Храбрости у меня много, надо правду сказать, а страху мало. Подай сюда, дружище. Да, да, страху у меня нѣтъ на грошъ—вотъ только та страшная волна, перекатившая съ кормы на носъ, немного обезпокоила меня. Спустите парусъ. Такъ-то. Какъ, братъ Жанъ, ты ничего не дѣлаешь? Прилично ли пить въ такое время?» А братъ Жанъ все время работалъ какъ волъ, и Пантагрюэль стоялъ на стражѣ мачты и молился Господу-Спасителю. Они пристаютъ къ острову долго-

вѣчныхъ Макрэоновъ, гдѣ въ древнемъ лѣсу обитаютъ тѣ благодушные демоны и герои, которыхъ жизнь приноситъ людямъ счастье, а смерть вызываетъ бури и усобицы.

Послѣ этого отдыха, во вкусѣ гуманизма, мы снова выходимъ въ область современныхъ религіозныхъ противорѣчій, къ островамъ Жалкому и Суровому. На первомъ царствуетъ Quaresmeprenant, олицетвореніе поста, значеніе котораго для католиковъ особенно поднято было постановленіями Тридентскаго собора. Это какое-то чудовище, полугигантъ съ двойной тонзурой, тощій, питающійся рыбой, щедро расточающій индульгенціи, проводящій въ слезахъ три-четверти дня и во всемъ остальномъ тунеядствующій. Онъ находится въ постоянной войнѣ, особенно послѣ собора въ Шезилѣ (Тридентѣ), съ царицей сосѣдняго, Суроваго острова, и съ его жителями, колбасами (Andouilles). Колбасы— это кальвинисты, протестанты, разошедшіеся съ католиками по вопросу о постѣ, настойчиво-суровые въ своемъ узкомъ прегестѣ, исключительные, полные подозрѣній. Братъ Жанъ вступаетъ съ ними въ борьбу и побѣждаетъ при помощи поваровъ.

Откуда взялись на землѣ эти чудища? Раблэ отвѣчаетъ апологомъ, пересказаннымъ по Celio Calcagnini. Природа родила на свѣтъ Красоту и Гармонію; Антинатура или Антифизія, завидуя ей, произвела, пользуясь природными силами, Безмѣрность и Несогласіе (Amodunt et Discordance) съ круглой головой, ослиными ушами, съ глазами, выходившими изъ головы на какихъ-то костяныхъ отросткахъ; съ руками, прикрѣпленными позади плечъ. Они ходили на головахъ и колесомъ. Антифизія утверждала, что этотъ способъ хожденія естественный, потому что и небеса вращаются въ кругѣ; что неестественно, наоборотъ, ходить какъ мы ходимъ, словно опрокинутыя деревья, такъ какъ волосы человѣка—это корни, ноги отвѣчаютъ вѣтвямъ дерева и т. п. Такими и подобными доводами Антифизія привлекла къ себѣ громадную массу послѣдователей: ханжей и святошъ, папистовъ (papelards) и безумныхъ сектаторовъ, дьявольскихъ кальвинистовъ, женевскихъ обманщиковъ и подобныхъ противоестественныхъ чудовищъ.

Les demoniacles calvins, imposteurs de Genève — было несомнѣнно отвѣтомъ Рабэ на нападенія, которыя позволилъ себѣ противъ него Кальвинъ, въ своемъ трактатѣ «De scandalis». Но рядомъ съ кальвинистами поставлены и papelards: религіозныя воззрѣнія Раблэ ставили его выше партій, подпавшихся другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ, потому и католики, и кальвинисты обрушились на него съ равной злобой; его личному религіозному чувству претилъ формализмъ, принижавшій значеніе

божественнаго слова передъ буквой и боровшійся за букву яростно, до забвенія человѣчности. Рабле тотчасъ познакомитъ насъ съ результатами этой борьбы, напередъ заведя своихъ путниковъ на баснословный островъ Ruach, гдѣ жители питаются однимъ вѣтромъ.

Передъ нами двѣ смежныя страны, папфиговъ и папимановъ,— людей, забитыхъ физически и нищенствующихъ, и забитыхъ умственно и потому блаженно прозябающихъ. Папфиги жили когда-то въ привольи, но однажды имъ случилось отправиться на праздникъ къ сосѣдямъ, гдѣ въ то время выставлялось, на поклоненіе вѣрующимъ, изображеніе папы. Папфиги обошлись съ нимъ кощунственно, показавъ ему фигу (оттуда ихъ названіе). За то они и поплатились: папиманы напали на нихъ, разорили въ конецъ; съ тѣхъ поръ они не поправились. Папфиги—кальвинисты, протестанты, обездоленные побѣдоносныимъ католицизмомъ.

За то папиманы живутъ припѣваючи—одной вѣрой въ папу, котораго они какъ-то не отдѣляютъ отъ Бога, и въ его сошедшія съ неба декреталіи. Всѣ ихъ умственные интересы сократились въ одну обуявшую ихъ манію. Едва путники пристали къ берегу, какъ послышались голоса: «Видѣли ли вы его, странники, видѣли ли?» — Кого? — спрашиваетъ Пантагрюэль. — «Да его-то?» — повторили они.—Скажите же, кто онъ?—кричитъ братъ Жанъ: — клянусь, я изобью его. — Жану представилось, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь мошенникѣ, разбойникѣ или святотатцѣ. «Какъ, странные люди, вы не знаете Единаго?» — Кто же это такой? — «Сущій, — отвѣчали они: — скажите же, сподобились ли вы лицезрѣть его?» — Сущимъ наши богословы называютъ Бога; такимъ объявилъ онъ себя Моисею. Его мы не видѣли, да онъ и недоступенъ смертному оку.—«Да мы говоримъ не о Богѣ, царящемъ въ небесахъ, а о земномъ богѣ». Тутъ только поняли путники, что дѣло идетъ о папѣ, и Панургъ спѣшитъ заявить, что онъ видѣлъ цѣлыхъ трехъ папъ, хотя и безъ особой пользы для себя. Но одной этой вѣсти было достаточно, чтобы привести папимановъ въ неописанный восторгъ. «О, трижды и четырежды счастливые люди!» восклицаютъ они, бросаются передъ ними на колѣни, хотятъ облобызать ноги. «Они его видѣли, видѣли!» раздается повсюду; тотчасъ же пришелъ школьный учитель съ мальчиками, которыхъ принялся пороть для памяти, какъ въ иныхъ странахъ сѣкутъ дѣтей, когда казнятъ какого-нибудь преступника. Затѣмъ явился, во главѣ торжественной процессіи, епископъ папимановъ, Homenaz, ведетъ путешественниковъ въ церковь, показываетъ списокъ чудныхъ декреталій и портретъ живущаго папы, къ которому прикасается концомъ жезла, и этотъ конецъ даетъ

цѣловать вѣрующимъ. «Жаль только, что портретъ не похожъ на нашихъ послѣднихъ папъ,—замѣчаетъ Панургъ:—я видѣлъ ихъ не въ облаченіи іерарха, а въ шлемѣ, увѣнчанномъ тіарой, ведущихъ жестокую войну, когда кругомъ весь христіанскій міръ пребывалъ въ покоѣ».—Они воевали съ отступниками, еретиками, отчаянными протестантами, не исполняющими воли земного бога,—объясняетъ Homenaz.—Въ такихъ случаяхъ священныя декреталіи не только позволяютъ папѣ, но и приказываютъ обрекать мечу и огню королей и герцоговъ, властителей и государства, не исполнившія хотя бы одной буквы его велѣній. Онъ можетъ лишить ихъ имущества и царской власти, проклясть, погубить ихъ тѣла и сродниковъ ихъ, а души низвергнуть въ самый кипучій котелъ, какой только есть въ пропасти ада.— «Ну, между вами еретика не найдется,—говоритъ Панургъ:—не то что въ Германіи или Англіи; все христіане на подборъ, хоть просѣй!»—Да, слава Богу,—отвѣчаетъ Homenaz:—за то всѣ мы и спасены будемъ. Пойдемъ пока, возьмемъ святой воды, а тамъ пора и обѣдать.

Наивная вѣра Homenaz'а и его папимановъ не лишена извѣстной поэзіи. До Звенящаго острова—Рима, далеко, папы они не видѣли, а о происхожденіи декреталій ничего не знаютъ. Вѣрованіе приносится къ нимъ готовое, и вѣровать такъ удобно и пріятно. Homenaz извиняется передъ своими гостями, что время дня не позволяетъ ему отслужить имъ хорошей божьей мессы, высокоторжественной, законоположенной. За обѣдомъ, при которомъ въ винѣ не было недостатка и прислуживали красивыя дѣвушки, онъ становится лирикомъ и почти фантазёромъ, подъ стать Панургу. «О, серафимскія, херувимскія, ангельскія декреталіи!—вѣщаетъ онъ:—чтó бы безъ васъ стали дѣлать люди? И почему не оставятъ они всѣ труды и заботы, чтобы читать васъ, знать и понимать, прилагать и внѣдрять, претворяя ихъ въ кровь и мозгъ, въ мозжечокъ костей и въ лабиринтъ артерій!» Эпистэмона эта выходка такъ надсадила, что ему явилась необходимость выйти изъ-за стола. Homenaz ничего не замѣчаетъ: «Что бы сталось тогда со свѣтомъ?—продолжаетъ онъ.—Не было бы ни стужи, ни мороза, ни инея, ни града; на землѣ изобиліе всего, нерушимый миръ, прекращеніе войнъ и убійства—за исключеніемъ, разумѣется, еретиковъ и бунтовщиковъ. О, глубина учености и божественнаго знанія, увѣковѣченная въ божественныхъ главахъ вѣчныхъ декреталій! Прочтите полъ-канона, небольшой параграфъ, какой-нибудь отрывокъ—и вы почувствуете въ вашемъ сердцѣ пламя божественной любви, милосердіе къ

ближнему—только не къ еретику,—презрѣніе ко всему земному и преходящему, пареніе духа къ третьему небу, удовлетвореніе всѣхъ вашихъ душевныхъ побужденій».

Монологъ Homenaz'а продолжается еще долгое время на ту же тэму; оказывается, что на декреталіяхъ чуть ли не стоитъ весь міръ. Homenaz приходитъ въ экстазъ отъ открывающихся передъ нимъ перспективъ: онъ потѣетъ и хохочетъ, подъ конецъ принимается горько плакать, бить себя въ грудь и цѣловать сложенные крестомъ кончики пальцевъ. Эпистамонъ, братъ Жанъ и Панургъ, увидѣвъ это зрѣлище, поднесли къ лицу салфетки, будто плачутъ, и также принялись голосить: «мяу, мяу, мяу!» Новый залпъ вина разсѣялъ это платоническое гореванье. Отпировавъ и одаривъ всѣхъ, телемиты пускаются въ путь, обѣщая повидать папу и попросить его—навѣстить папимановъ.

Послѣ прелестно разработаннаго эпизода о папиманахъ, Раблэ замѣтно слабѣетъ къ концу четвертой книги. Сказка о словахъ, когда-то замерзшихъ въ воздухѣ и оттаявшихъ надъ Пантагрюэлемъ и его спутниками—не болѣе, какъ шутка, нѣсколько безцвѣтно помѣстившаяся въ путешествіе телемитовъ; посѣщеніе острова, гдѣ царитъ messere Гастеръ, т.-е. Желудокъ, окруженный своими поклонниками, даетъ поводъ къ цѣлой массѣ кулинарныхъ подробностей и размышленіямъ о томъ, что Желудокъ (мы сказали бы нужда)—первый изобрѣтатель человѣческой культуры. Фантазіи Панурга о міровой гармоніи были гораздо остроумнѣе.—На морѣ штиль: Пантагрюэль болтаетъ съ товарищами; проходятъ еще нѣсколько острововъ, еще нѣсколько главъ; четвертая книга кончается комическимъ страхомъ Панурга, надъ которымъ всѣ забавляются: онъ неожиданно низошелъ къ низменной роли буффона.

Съ началомъ послѣдней книги содержательный интересъ разсказа снова поднимается; за то читателя ожидаютъ здѣсь трудности, какія дотолѣ ему не встрѣчались. Пятая книга романа появилась лишь послѣ смерти Раблэ и оставлена имъ вчернѣ; набросанные имъ эпизоды соединила чужая и, быть можетъ, не всегда умѣлая рука кальвиниста. Ей приписываютъ, выходящую изъ стиля Раблэ, грубую прозрачность религіозныхъ намековъ; но задача собирателя вела и къ бóльшему приложенію своей самодѣятельности — въ ущербъ Раблэ. Ему многое приходилось связать, чтó въ оригиналѣ осталось не связаннымъ; работая въ этомъ смыслѣ, онъ могъ совнательно повторить нѣсколько шутокъ и каламбуровъ Раблэ, которые при новомъ появленіи теряли свою тонкую соль. Въ четвертой книгѣ, Раблэ, играя словами, застав-

лялъ своихъ путниковъ посѣтить островъ кляузниковъ или прокуратуры, passer Procuration, что, какъ извѣстно, имѣетъ и обиходный юридическій смыслъ. Въ пятой книгѣ такая игра повторена дважды: путники посѣщаютъ островъ уголовный, passent condemnation, и затѣмъ островъ людей разжирѣвшихъ, одутловыхъ какъ мѣхъ (outre); глава надписана: comment nous passasmes outre—и далѣе остроуміе продолжаетъ упражняться надъ двоякимъ значеніемъ этого слова. Такого рода неловкости обличаютъ руку собирателя, какъ и тѣ мелкія фактическія противорѣчія, которыя онъ могъ не замѣтить въ черновыхъ набросках, либо не постарался удалить. Прибавимъ къ этому, что въ первыхъ трехъ изданіяхъ всей пятой книги недостаетъ шестнадцатой главы, которую издатели не знаютъ куда точнымъ образомъ пристроить. Нѣтъ сомнѣнія, что, распоряжаясь замѣтками Раблэ, собиратель могъ отчасти опредѣлить и ихъ послѣдовательность; но это обстоятельство можетъ остановить лишь тѣхъ, кто усматриваетъ въ планѣ послѣднихъ книгъ строго предусмотрѣнную идею и постепенно восходящую линію въ расположеніи эпизодовъ. Для насъ ясно одно, что оракулъ, къ которому стремятся телемиты, долженъ былъ и въ планѣ Раблэ помѣщаться въ концѣ путешествія.

Интереснѣе другой вопросъ: насколько всѣ эти эпизоды, оставленные Раблэ, были имъ разработаны. Легко предположить, что иные изъ нихъ получили болѣе или менѣе окончательную отдѣлку, другіе были только намѣчены. Подробная характеристика страны папимановъ, блаженныхъ католиковъ, цвѣтущихъ вдали отъ Рима по милости декреталій, заставляла ждать чего-то болѣе грандіознаго, хотя бы въ смыслѣ гротеска, отъ описанія Рима. Но Звенящій островъ (l'isle sonnante), которымъ открывается пятая книга, вышелъ сравнительно безцвѣтенъ: это какая-то фантастическая страна, гдѣ воздухъ наполненъ колокольнымъ звономъ, а звонъ вызываетъ пѣснопѣніе у многочисленныхъ пернатыхъ—аббатовъ и аббатиссъ, кардиналовъ и монаховъ: всѣ эти птицы висятъ въ клѣткахъ; между ними Papegaut, т.-е. папа, въ своемъ родѣ единственный. Панургъ надѣвается надъ ними особенно плоско; папиманы съ своей вѣрой въ единаго и благоутробный Homenaz были гораздо рельефнѣе этого клерикальнаго птичника, общая идея котораго внушена была старинной легендой.

За Звенящимъ островомъ—металлическій l'isle des Ferremens, гдѣ на деревьяхъ растутъ всякаго рода инструменты и оружіе;

стоило одному изъ нихъ упасть нà-земь, и оно находило въ росшей у корня травѣ готовую полость, втулку, ножны; либо стебель травы, выростая копьемъ, алебардой, вилами и т. п., касаясь дерева, вступалъ съ нимъ въ такое же предусмотрѣнное сцѣпленіе. Это островъ приспособленій, цѣлесообразности; разумѣется, и въ природѣ далеко не все цѣлесообразно и между этими копьеносными деревьями и вилообразными знаками бываютъ иногда самыя странныя сочетанія. На этомъ слѣдуетъ успокоиться: «прекрасная вещь, въ самомъ дѣлѣ, вѣрить въ Бога!» Послѣ впечатлѣній Рима и католическихъ порядковъ, эти фантазіи о міровой цѣлесообразности имѣютъ, быть можетъ, особый смыслъ — если только весь этотъ эпизодъ принадлежитъ Раблэ.

Къ наиболѣе разработаннымъ частямъ пятой книги принадлежитъ разсказъ о посѣщеніи уголовнаго острова: мрачная сатира на уголовные порядки, пережившіе старую Францію и нетронутые возрожденіемъ. Это царство мохнатыхъ кошекъ (chats fourrés), судей, облеченныхъ въ традиціонныя мантіи, подбитыя мѣхомъ, хищниковъ правосудія, извращающихъ понятіе добра и зла; царство насилія и кровавыхъ вымогательствъ подъ личиною законности.

Еще нѣсколько переѣздовъ, и путники пристаютъ къ гавани ложной науки (Mateotechnie) въ царствѣ Квинтъ-Эссенціи или Энтелехіи, царица котораго питается исключительно категоріями, отвлеченіями, антитезами, метемпсихозами и т. п., говоритъ витіевато, любитъ античные танцы и угощаетъ гостей аллегорическимъ турниромъ. Мелочное знаніе скрылось за ученый терминъ, высокопарную фразу: это въ одно и то же время нападеніе на схоластику и на новѣйшее увлеченіе внѣшними формами античной науки, которую иные гуманисты понимали цѣльнѣе и плодотворнѣе.

Слѣдуетъ еще нѣсколько этаповъ; идея предпослѣдняго, страны свѣточей (Lanternois), гдѣ всѣ жители — свѣточи и питаются свѣтомъ, заимствована у Лукіана. Одинъ изъ этихъ свѣточей указываетъ путникамъ дорогу къ острову, гдѣ находится оракулъ божественной бутылки; въ этомъ состоитъ его роль; для этого, быть можетъ, и понадобился эпизодъ о «путеводныхъ» огняхъ, не имѣющій болѣе глубокаго значенія.

Пребываніе нашихъ путниковъ на островѣ оракула обставлено особою торжественностью, исполнено таинственно комическихъ впечатлѣній, среди которыхъ тѣмъ ярче казывается подвижная фигура Панурга.

Въ началѣ путь идетъ виноградникомъ, въ которомъ собраны лозы всѣхъ возможныхъ сортовъ, покрытые одновременно листьями, цвѣтами и плодами. Каждый изъ путниковъ долженъ съѣсть по три ягоды, положить въ обувь виноградныхъ листьевъ и взять въ руки зеленую вѣтвь. Затѣмъ они проходятъ подъ античной аркой, украшенной изображеніями кубковъ, сосудовъ, боченъ, луковицъ, окороковъ и другихъ соленостей, относящихся до питья.—За аркой открывалась пространная галерея изъ виноградныхъ лозьевъ; путники украшаютъ свои головы плющомъ, спускаются въ подземный ходъ и сойдя по лѣстницѣ, состоящей изъ мистическаго числа—ста-восьми ступеней, останавливаются передъ массивными дверями храма, съ порталомъ изъ ясписа, дорическаго стиля, на которомъ красовалась надпись: «въ винѣ правда». Двери растворяются сами собою; полъ храма украшенъ мозаикой античнаго стиля, стѣны и сводъ расписаны изображеніями побѣдъ Вакха въ Индіи; все это освѣщалось яркимъ, какъ солнце, свѣтомъ неугасимой лампады, висѣвшей надъ чуднымъ фонтаномъ, описаннымъ со всѣми архитектурными и декоративными тонкостями. Путники любуются имъ, заслушались мелодическимъ журчаніемъ воды; почтенная жрица божественной бутылки, Васbис, привѣтливо приглашаетъ ихъ попробовать воду: всѣ находятъ ее превосходной; велитъ испить въ другой разъ, представивъ себѣ вкусъ какого-либо вина: Панургъ ощущаетъ въ водѣ вкусъ отмѣннаго Beaune, братъ Жанъ — vin de Grave, и такъ всѣ остальные.—Затѣмъ жрица спрашиваетъ: кто желаетъ услышать пророческое слово божественной бутылки. Панургъ вызывается; жрица одѣваетъ его въ фантастическій костюмъ — пародія на обрядность мистерій,—ведетъ въ особую капеллу, освѣщенную сверху, гдѣ полупогруженная въ воду фонтана стояла чудная амфора. Васbис заставляетъ новопосвященнаго продѣлать разныя комическо-таинственныя манипуляціи; сосудъ издаетъ глухой звукъ: Trinc!—Видно онъ треснулъ или лопнулъ, замѣчаетъ неисправимый Панургъ.—Благодарите небо,—отвѣчаетъ жрица:—вы не долго ждали заповѣднаго слова, самаго радостнаго, божественнаго, вѣрнаго, какое я слышала съ тѣхъ поръ, какъ служу священному оракулу. Это слово общечеловѣческое и значитъ: пейте; не смѣяться, а пить свойственно человѣку, не воду, какъ пьютъ животныя, а хорошее студеное вино. Читали вы надпись на вратахъ храма: въ винѣ правда! «Божественный сосудъ отсылаетъ васъ къ ней; будьте сами истолкователями вашего предпріятія».

Всѣ путники попробовали чудной воды, и, придя въ поэтическій восторгъ, начинаютъ говорить стихами, каждый на свой ладъ. Но дѣло ихъ свершено, и жрица напутствуетъ ихъ древнимъ опредѣленіемъ божества, которое впослѣдствіи повторитъ Паскаль: ступайте, друзья, и да будетъ вамъ покровомъ та интеллектуальная сфера, которой средоточіе повсюду, а окружность нигдѣ, которую мы называемъ богомъ (кн. V, гл. 48; сл. кн. III, гл. 13). Ступайте и, вернувшись на вашъ свѣтъ, повѣдайте, какія сокровища и чудеса таитъ земля. Здѣсь, въ этой подземной области, мы поставляемъ высшее благо не въ томъ, чтобы принимать и брать, какъ утверждаютъ у васъ на землѣ, а въ томъ, чтобы много давать и расточать. Пусть ваши философы обратятся къ изученію этого міра, которое сулитъ имъ такое богатство новыхъ откровеній, что все ихъ знаніе и наука ихъ предшественниковъ окажется передъ ними ничтожной. Работая честно и трудолюбиво, они убѣдятся въ справедливости отвѣта, даннаго Θалетомъ египетскому королю Амазису, когда на вопросъ послѣдняго—въ чемъ состоитъ благоразуміе, онъ отвѣчалъ: во времени—потому что время открывало и еще откроетъ много сокровенныхъ таинствъ.

Мы сократили наставленіе вѣщей жрицы, которыя и не выиграли бы въ ясности, будучи переданы въ ихъ цѣльномъ видѣ.

Послѣднія страницы романа какъ-то особенно неясны; многое могло быть сознательно не досказано, случайно не кончено; тѣмъ не менѣе сущность жизненной программы, которой добивались телемиты, выступаетъ довольно ясно. Работайте, трудитесь, обратитесь къ честному, реальному изученію видимаго, дѣйствительности, земли, оставивъ астрологическія и схоластическія бредни; какимъ-то робкимъ отзвукомъ Панурговой грезы о міровомъ согласіи звучатъ слова, величающія щедрость, готовность отдать, передъ требовательностью и вымогательствомъ, господствующими въ людскомъ обществѣ. Вѣрьте въ могучую силу времени, которое выведетъ наружу, изъ нѣдръ земли, полное знаніе и всю истину; пока довольствуйтесь той ея частицей, которая случайно вамъ открылась, въ которую увѣровали искренне; вѣдь и телемитамъ одна и та же вода показалась не одного вкуса. Ждите, а пока не старайтесь бороться съ тѣмъ, что идетъ наперекоръ истинѣ, что одолѣло васъ случайно; воспитайте въ себѣ торжественное спокойствіе Пантагрюэля, смотрящаго на жизненныя невзгоды съ высоты своей гуманной невозмутимости; то настроеніе «пантагрюэлизма», которое Раблэ въ прологѣ къ IV книгѣ опре-

дѣлилъ какъ «извѣстную веселость духа, сопряженную съ презрѣніемъ ко всякимъ случайностямъ» (certaine gayeté d'esprit conficte en mespris des choses fortuites). Въ ожиданіи лучшаго, уйдите въ себя, ограничьте ваши надежды и желанія, какъ то сдѣлалъ крестьянинъ Кульятрисъ, исторію котораго прелестно пересказалъ Раблэ (въ введеніи къ IV кн.) — на тэмы Эзоповской басни и Лукіана.

Жилъ-былъ въ области Шинона бѣдный дровосѣкъ Кульятрисъ, и случилось ему однажды потерять свой топоръ. Вотъ-то было горе! Въ топорѣ была его жизнь и все достояніе; благодаря топору, онъ жилъ почетно среди богатыхъ дровосѣковъ; безъ топора ему приходилось умирать съ голоду; встрѣться съ нимъ послѣ того смерть, она бы скосила его со свѣту, какъ сорную траву. Онъ и принялся молить Юпитера, взывалъ къ нему, просилъ, увѣщалъ краснорѣчиво — вы знаете, что нужда изобрѣла краснорѣчіе; воздѣвалъ лицо къ небу, становился на колѣни, обнаживъ голову, и, поднявъ руки, растопыривъ пальцы, голосилъ ежеминутно: подай мнѣ топоръ, Юпитеръ, мой топоръ; ничего, кромѣ топора, — или денегъ, чтобы купить его.

Въ то время Юпитеръ рядилъ о важныхъ дѣлахъ въ совѣтѣ боговъ; древняя Кибела держала рѣчь, а можетъ быть и юный Фебъ — это мнѣ все равно. Но Кульятрисъ кричалъ такъ громко, что его услышали въ божественной консисторіи. — Чтó за чортъ, спрашиваетъ Юпитеръ, кто это тамъ голоситъ такъ страшно? Клянусь Стиксомъ, у насъ и безъ того слишкомъ много важныхъ дѣлъ, а къ намъ лезутъ съ пустяками. Мы порѣшили распрю персидскаго царя Престана съ Солиманомъ, императоромъ Константинополя; покончили дѣло между татарами и московитами; отвѣтили на требованія Шерифа, устроили отношенія Пармы, Майденбурга, Мирандолы и Африки — такъ зовутъ смертные люди городъ, который мы называемъ Афродизіумъ. Триполи перешелъ въ другія руки, потому что стерегли его худо; его время пришло. Вотъ саксонцы и нѣмцы молятъ насъ возвратить имъ здравый разсудокъ и прежнюю свободу; Rameau и Galland перессорили весь университетъ своими спорами (о философіи Аристотеля), и я не знаю, чтó съ ними дѣлать, въ чью пользу рѣшить: кажется, оба порядочные люди, у одного есть деньги, другой ихъ жаждетъ; одинъ кое-что знаетъ, другой не невѣжа; одинъ хитеръ, какъ лисица, другой какъ собака лаетъ на философовъ и ораторовъ древности. Не посовѣтуешь-ли чего, старикъ Пріапъ?

— Сравненіе подвернулось тебѣ кстати, — отвѣчаетъ Пріапъ,

и совѣтуетъ поступить въ данномъ случаѣ, какъ когда-то съ собакой и лисицей.

— Какъ, какимъ образомъ, гдѣ это было?

— Вотъ такъ память! Когда-то почтенный отецъ Вакхъ — видишь-ли его разрумянившееся лицо?—создалъ, на гибель өиванцамъ, волшебную лисицу, которую не бралъ никакой звѣрь. Вулканъ сковалъ такую-же собаку и одарилъ её чудеснымъ свойствомъ, по которому ни одно животное не могло избѣжать ея. Однажды онѣ встрѣтились. Какъ быть? Собакѣ предназначено схватить лисицу, лисицѣ на роду написано не быть схваченной. Воли судьбы были противорѣчивы, ты не хотѣлъ рѣшить противъ судебъ. Совѣтъ боговъ разсуждалъ долго; ты даже вспотѣлъ отъ натуги, и отъ твоего пота пошла на землѣ кочанная капуста; выпито было въ тѣ поры 78 боченковъ нектара. Я предложилъ тогда обратить лисицу и собаку въ камень.

Пріапъ совѣтуетъ также поступить и съ расходившимися учеными.

— Вижу я, мессеръ Пріапъ, что ты къ нимъ больно пристрастенъ. Обратимъ ихъ въ камень—да они лишь того и желаютъ, чтобы ихъ имя и память увѣковѣчилась въ мраморѣ, и не сотлѣла въ землѣ вмѣстѣ съ тѣломъ.

Боги перешли къ другимъ очереднымъ дѣламъ и лишь тогда вспомнили о Кульятрисѣ. Надо покончить съ этимъ крикуномъ, говоритъ Юпитеръ; посмотри, Меркурій, что ему тамъ нужно.

Меркурій выглянулъ въ небесное окно и докладываетъ богамъ о просьбѣ Кульятриса.

— Вотъ нашелъ время,—говоритъ Юпитеръ,—будто у насъ другого дѣла нѣтъ, какъ возвращать потерянные топоры! А надо его ему отдать,—такъ написано въ книгѣ судебъ:—слышите-ли, какъ кричитъ, будто цѣна топору все миланское герцогство! А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, топоръ ему такъ же дорогъ, какъ королю королевство. Отдать ему его топоръ, и довольно объ этомъ.

Пріапъ вторгается въ это серьёзное разсужденіе скоромной шуткой, заставляющей боговъ хохотать до упаду, а хромого Вулкана — сдѣлать нѣсколько граціозныхъ пируэтовъ. Между тѣмъ Юпитеръ велитъ Меркурію сойти на землю и бросить къ ногамъ Кульятриса три топора: золотой, серебряный и его собственный, желѣзный; пусть выбираетъ: если схватится не за свой, то отрубить ему голову; коли возьметъ собственный, то подарить ему и остальные.—Меркурій спускается въ своемъ традиціонномъ классическомъ костюмѣ и предлагаетъ Кульятрису выбрать изъ топо-

ровъ ему принадлежащій. Тотъ разсматриваетъ поочередно золотой и серебряный—но это не то, ихъ ему не нужно; свой онъ призналъ тотчасъ же.

— Если ты отдашь мнѣ его, я принесу тебѣ въ жертву въ половинѣ мая большой горшокъ молока съ земляникой,—говоритъ онъ Меркурію.

— Возьми его, добрый человѣкъ, отвѣчаетъ Меркурій, а такъ какъ ты умѣлъ умѣрить свои желанія, то дарю тебѣ, по волѣ Юпитера, и два другіе топора. Будетъ съ чего разбогатѣть.

И Кульятрисъ дѣйствительно богатѣетъ, разжился на зависть сосѣднимъ крестьянамъ. Узнавъ у него, какъ это съ нимъ случилось, они въ запуски другъ передъ другомъ начинаютъ терять свои топоры; бѣдные дворяне продавали шпаги, чтобы купить топоры и потерять ихъ—и всѣ взмолились и заголосили: подай мой топоръ, Юпитеръ, подай топоръ; топоръ—кричатъ здѣсь, топоръ—кричатъ тамъ; въ воздухѣ стоялъ одинъ сплошной крикъ.

Снова спускается Меркурій на землю — но мы почти напередъ знаемъ, что будетъ: просители схватятся за золотые топоры, и положатъ свои головы, потому что Меркурій не забылъ даннаго ему наказа. А Кульятрисъ остался въ барышахъ. «Вотъ что бываетъ тѣмъ, которые въ простотѣ сердца желаютъ и просятъ немногаго». Берите примѣръ, «ограничьте ваши желанія (souhaitez donc mediocrité), и они исполнятся, если между тѣмъ вы будете работать и трудиться какъ должно. Вы скажете мнѣ, что Господь могъ бы также легко дать вамъ семьдесятъ восемь тысячъ, какъ тринадцатую часть половины, потому что онъ всемогущъ, и милліонъ передъ нимъ то же что оболъ. О-хо-хо-хо! Кто это только научилъ васъ толковать и разсуждать о могуществѣ и предопредѣленіи Божіемъ! Но довольно—шшшш! Преклонитесь передъ его божественнымъ ликомъ и покайтесь въ вашихъ несовершенствахъ».

Уйти въ себя, ограничить свои надежды, выработать въ себѣ грустно-веселую невозмутимость ко всему, что должно бы возмутить и оскорбить святыню — вотъ что выносилъ идеалистъ первой половины XVI вѣка во вторую, исполненную далеко не идеальныхъ треволненій. Воспитавшись въ вѣрѣ во всесильный идеалъ личнаго развитія, онъ сохранилъ его и въ ту пору, когда рядомъ съ нимъ и выше его вышли на сцену исторіи идеалы общественные, когда, не дожидаясь плодовъ личнаго совершенствованія, вновь заговорила масса и потребовала своего собственнаго Телема. Идеалисты встрѣтились съ этими новыми

требованіями жизни, они поразились ими, какъ чѣмъ-то анормальнымъ, несовмѣстимымъ съ ихъ культурными задачами. Они не пытаются даже помѣряться съ ними, чтобъ тѣмъ тверже сохранить свою вѣру въ будущее. Главний интересъ романа Раблэ, и вмѣстѣ съ тѣмъ его высокая цѣльность, состоитъ для меня не въ его сатирѣ и беззавѣтномъ юморѣ, а въ его психологической откровенности, въ смѣнѣ юношескихъ и зрѣлыхъ впечатлѣній, надеждъ и разочарованій, выхваченныхъ изъ жизни человѣка, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ передовыхъ представителей цѣлой эпохи. Я, быть можетъ, не ошибся, когда назвалъ романъ Раблэ—нравственной автобіографіей цѣлаго періода возрожденія.

Александръ Веселовскій.

ЛЮБУШКА

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ

Изъ ночныхъ думъ старой няни.

Ой біда, біда
Чайці небозі,
Що повывила дитокъ
При битой дорозі.
Народная пѣсня.

I.

Рождественскій сочельникъ, глубокая зима; ледяными оковами сковала она быстрыя рѣки, ледянымъ покровомъ затянула озера, снѣжной пеленой укрыла лѣсъ и поле. Обвѣшаны инеемъ, запушены снѣгомъ и подъ тяжестью его пригнулись къ землѣ деревья господскаго сада и сельскаго погоста. Пушистыми бѣлыми ворохами лежитъ снѣгъ на церковной крышѣ, на оградѣ погоста, на крышахъ сельскихъ избъ и барскаго каменнаго дома. Морозная, безлунная ночь мерцаетъ только звѣздами и отблескомъ ихъ на бѣлыхъ полянахъ, на высокихъ сугробахъ, на снѣжныхъ ворохахъ, навѣянныхъ всюду. Все тихо, изрѣдка только морозъ потрескиваетъ, да проснувшаяся вдругъ на какомъ-нибудь дворѣ собаченка взвизгнетъ или залаетъ. Село умаялось и спитъ богатырскимъ сномъ усталаго люда. Изрѣдка, гдѣ-нибудь, въ темной избѣ, зашевелится спящій на палатахъ или на печи, охнетъ, зѣвнетъ, съ-просонья проговоритъ: «О, Господи, помилуй!» и, перекрестившись, опять заснетъ; или ребенокъ заплачетъ и смолкнетъ... и снятся спящему народу кому веселые, а кому и печальные и страшные сны. Благочинному отцу Степану снится тяжелый сонъ: видитъ онъ сына Алексѣя, подавав-

шаго такія блестящія надежды и осуществившаго совсѣмъ иное — тяжело вздыхается отцу Степану и, просыпаясь, твердитъ онъ: «Почто? Почто?» — «О Господи», шепчетъ съ-просонья матушка, «Ты далъ еси, ты взялъ, буди на все Твоя святая воля!» Но у отца Степана нѣтъ отвѣта на назойливое «почто?» и долго еще кряхтитъ онъ и охаетъ, пока дневная усталость не возьметъ своего. И дьячковъ Ванюшка не покоенъ; наслушался онъ съ вечера сказокъ у «тронутой» Настасьи — кому же и придетъ охота сказки сказывать въ сочельникъ, кромѣ нея, — и страшные сказочные óбразы примѣшиваются къ его дѣтскимъ грезамъ. Вотъ слышится ему мѣрный стукъ липовой ноги медвѣдя, слышится глухой голосъ, на распѣвъ причитающій:

Всѣ звѣри спятъ,
Всѣ люди спятъ,
Одна баба не спитъ:
На моей шкуркѣ сидитъ,
Мою шерстку прядетъ,
Мою костку грызетъ...

И Ванюшка съ плачемъ просыпается. «Шшъ, Шшъ, родимый», — успокоиваетъ его мать, — «Христосъ съ тобою, спи, усни, угомонъ тебя возьми». И засыпаетъ сынишка, крѣпко прижимаясь къ ней... но снова грезятся ему сказочные ужасы: видитъ онъ, между степью и лѣсомъ стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, онъ хочетъ войти въ нее, а двери не видно, и кричитъ онъ зычнымъ голосомъ: «Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» Избушка медленно поворачивается, словно живая, Ваня отворяетъ показавшуюся дверь, входитъ — и съ нѣмымъ ужасомъ видитъ опять ту же бабу-ягу, костяную ногу; видитъ, какъ протянулась она на всю избу — въ одномъ углу голова, въ другомъ ноги — ворочаетъ она страшными мутными бѣльмами и хриплымъ голосомъ говоритъ: «Никакъ русскимъ духомъ запахло? чую кровь русскую, горячую; чую силу молодецкую; кто русскій духъ въ мою избу занесъ, того сгублю-изведу; я баба-яга, костяная нога, гдѣ въ ступѣ проѣду, тамъ валятся дубы могучіе, луга выгораютъ зеленые, рѣки высыхаютъ глубокія... я — ступу пестомъ погоняю, слѣды свои помеломъ заметаю, костями русскими усыпаю». Бѣжитъ Ванюшка изъ бабиной избы, бѣжитъ что есть духу, съ громкимъ плачемъ, и слышитъ, какъ скачетъ за нимъ ступа, какъ стучитъ по ней пестомъ баба-яга... — и снова креститъ его и нашептываетъ ему ласковыя рѣчи разбуженная его крикомъ мать.

Слѣпыми очами глядитъ въ ночную даль высокія, темныя

окна барскаго дома, и только тамъ, на верху, въ окнѣ мезонина, мерцаетъ отблескъ отъ зажженой въ горенкѣ передъ иконами лампадки. Уютно въ теплой горенкѣ; — въ углу большая кіота, въ другомъ старое кожаное кресло съ продавленнымъ сидѣньемъ, на которомъ клубкомъ свернулся большой сѣрый котъ. Въ простѣнкѣ, между кіотой и кресломъ, столикъ; на немъ: раскрытое евангеліе, очки, корзинка съ иголками, нитками и начатымъ чулкомъ. Надъ столикомъ, на стѣнѣ, большой фотографическій портретъ красивой дѣвушки, окруженный, вмѣсто рамки, вѣнкомъ изъ сухихъ полевыхъ цвѣтовъ. Надъ портретомъ лубочная картинка, изображающая Аники-воина, подъ которымъ виднѣется подпись, крупнымъ, неровнымъ дѣтскимъ почеркомъ: «милай нянички на память отъ Любѣ». Вокругъ портрета и Аники-воина около полудюжины равнокалиберныхъ фотографическихъ карточекъ. Направо, у стола, кровать съ высоко взбитымъ пуховикомъ и подушками; напротивъ нея, у другой стѣны, изразцовая лежанка съ протянутою надъ нею веревкой, увѣшанной пучками сушенаго звѣробоя, богородицыной травки и душицы. Тихо мерцаетъ догарающая лампадка, тихо и мѣрно стучатъ стѣнные деревянные часы съ арапомъ, тихо и мѣрно текутъ мысли сѣдой старушки, прикорнувшей сгорбившись на лежанкѣ. Сходила она ко всенощной, напилась чайку, потомъ сѣла на лежанку погрѣться и никакъ не ожидала, что налетятъ на нее думы прошлаго, незатѣйливыя думы старой няни. Ей одной не спится во всемъ селѣ и образъ за образомъ возникаетъ передъ нею, а все потому, что сегодня рождественскій сочельникъ,—вечеръ, въ былое время приносившій столько счастья ея маленькимъ питомцамъ; вечеръ, когда барскіе покои сіяютъ, бывало, тысячью огнями отъ разукрашенной елки и слышится во всемъ домѣ веселый топотъ дѣтскихъ ножекъ и свѣжій гулъ дѣтскихъ голосовъ и смѣха. Возникаютъ образъ за образомъ и смѣняютъ другъ друга нескончаемой вереницей и встаетъ передъ старухой, какъ живая, и своя безцвѣтная, бѣдная жизнь—и полная событій и волненій жизнь ея любимыхъ и близкихъ.

И вотъ вспоминается старухѣ, какъ въ первый разъ, маленькой дѣвочкой, привели ее въ барскія хоромы; было ей всего лѣтъ двѣнадцать. Помнится ей, какъ она боялась глянуть вокругъ, хотя ей страхъ какъ хотѣлось, хоть однимъ глазкомъ, посмотрѣть, какъ это баре живутъ. Но дома мать строго-настрого заказала: «Не ворочать бѣльмами, господа-де будутъ дѣвчонокъ въ горницу выбирать, а баринъ-то, сказываютъ, не любитъ кто въ полъ глядитъ, а востроглазыхъ больше жалуетъ;

онъ-де всему голова, ему не полюбится — и барыня ничего не подѣлаетъ».

А вышло не такъ: баринъ чѣмъ-то занятъ былъ — не пожаловалъ въ дѣвичью, и выбрала барыня какъ разъ Иришку. Стала Иришка въ новомъ званіи «дѣвчонки» на побѣгушкахъ сновать изъ дѣвичьей въ кухню, изъ кухни въ людскую. Горько плакала мать, горько поплакала сначала и Иришка, а тамъ и утѣшилась. Стали барышни Иришку съ собою въ лѣсъ за грибами брать, стали, играючи, читать ее учить, но дальше печатнаго она не пошла. Выросла Иришка — стала Ариной; разбитной дѣвкой она никогда не была, а все больше тихо да смирно, то шьетъ въ дѣвичьей, то барышнѣ своей прислуживаетъ. А барышня, за которой ей пришлось ходить, меньшая была, тоже, какъ и Арина, кроткая, да къ тому еще и болѣзненная и замужъ долго не выходила. Другія барышни всѣ скоро замужъ повышли, имъ богатое приданое деньгами дали, а меньшой усадьбу отписали; пусть-де она при своемъ дѣвичествѣ въ деревнѣ живетъ, хозяйствомъ занимается. Анъ и тутъ вышло не по людскому разумѣнію, а по божьему повелѣнію: было барышнѣ лѣтъ тридцать, коли не больше, папеньку съ маменькой, царство небесное, давно на погостъ свезли, и жила барышня одна съ старушкой-тётенькой въ усадьбѣ, какъ присватался къ нимъ сосѣдній помѣщикъ, Иванъ Петровичъ Городѣевъ. Проживалъ онъ сначала все больше по заграницамъ, прокутился тамъ, говорятъ, порядкомъ, да и вернулся домой отъ кутежей да разъѣздовъ своихъ отдохнуть. Сталъ онъ тутъ съ сосѣдями знакомство водить, какъ быть должно — пріѣхалъ и къ намъ, а тамъ зачастилъ, да зачастилъ и такъ барышнѣ моей полюбился, что ни ѣстъ, ни пьетъ, все только Ивана Петровича дожидается. Ну, посватался — и свадьбу сыграли. Тутъ и меня за ихняго камердинера Антона Потапыча выдали — Ариной Ивановной величать стали и въ ключамъ приставили. Тётенька вскорѣ померла, — тужила барыня спервоначала крѣпко, а тамъ и утѣшилась. Стали мы жить да поживать, мирно да ладно, и все бы такъ хорошо было, что и сказать нельзя, кабы баринъ съ мужиками не столь крутъ былъ, а Антонъ Потапычъ не столь бы палъ. Ну, да что̀ говорить: хуже нашего бываетъ, намъ еще грѣхъ жаловаться было; какъ разскажутъ люди, каковъ нашей барыни дѣдушка былъ — звѣрь звѣремъ, такъ нашъ-то Иванъ Петровичъ еще слава-те Господи — куда тише. А какъ пошли это дѣти у барыни, такъ Господь Ивана Петровича и еще болѣе того на умъ наставилъ. А какъ я Аннушку

родила, то Антонъ Потапычъ и пить бросилъ, только холитъ да лелѣетъ дѣвку, — ну, и выростили и за Василья приказчика замужъ отдали. Хорошая баба Аннушка: мать почитаетъ и барское добро хранитъ, только не то ужъ въ ней къ господамъ, что̀ у насъ било — и страхъ и любовь — и все такое.... Охъ, времена не тѣ стали, истинно сказать, не тѣ времена стали; вотъ тоже и Любушка: въ старинныя-то времена такого и видомъ не видано, слыхомъ не слыхано. И чего бы, кажется? Всего въ волю, ни въ чемъ запрету, а вотъ, на̀-поди, что̀ случилось....

Сталъ нашъ баринъ, Иванъ Петровичъ, хозяйствомъ заниматься, крутъ онъ билъ съ мужиками, ну, а дома, барыню тамъ, али дѣтей, не обижалъ, да и не за что было; все, какъ есть, по его по волѣ ходило, своей воли ни у кого не было: что̀ у барыни, что̀ у дѣтей, — все одно. И все-то онъ на заграничный манеръ завелъ — и по хозяйству, и въ домѣ. Стали дѣтей нашихъ мадамы языкамъ разнымъ, да на фортоньянахъ учить, — мальчикамъ на лѣто учителей выписывали, а зимой ихъ въ Питеръ въ ученье, въ гимназію, отдавали. Какъ пошли это дѣти, такъ меня-то, грѣшную, опричь ключей еще и въ главныя нянюшки поставили. Выходила я ихъ, выхолила, двухъ барчуковъ да двухъ барышень, а ужъ какъ любила-то, какъ любила. Грѣхъ сказать, чтобы и они меня не любили; бывало, хоть на Рождество: какъ станутъ для нихъ ёлку убирать, заберутся они ко мнѣ въ свѣтелку, ждутъ не дождутся, пока внизъ позовутъ, и меня не пускаютъ: «Ты-де няня тоже не ходи, ты съ нами пойдешь, и тебѣ и намъ одна радость, одинъ сурпризъ». Такъ и скажутъ: сурпризъ, и я отъ нихъ это слово запомнила. А больше Любушки никто меня не любилъ, и я, нечего грѣха таить, такъ и не скрывала, что больше не-ежели къ другимъ лежитъ къ ней сердце мое. И то вѣдь сказать — меньшая была, да сначала хворая; но здоровью, да по облику, вся въ мать, а нравомъ въ отца — крутая, какъ станешь ей перечить; ну, если же добрымъ словомъ — то столь ласкова, столь добра, что и сказать нельзя. А пѣла, ну что твоя пташечка, и на языкахъ на разныхъ отлично выучилась. И не то чтобы учили ее много, — нѣтъ, хворала она больно маленькая, такъ доктора и совсѣмъ было учить ее не велѣли: какъ, говорятъ, подростетъ, да здоровѣе станетъ, такъ шутя сама всему выучится — столь умна уже была и въ тѣ годы! Такъ все и сбылось, какъ доктора сказывали. Какъ подросла моя Любушка, такъ краля-кралей стала: росту высокаго, коса черная, глаза какъ звѣздочки ясныя горятъ, румянецъ во всю щеку. И куда и нравность дѣлась — ласковая, да кроткая такая стала,

только ужъ не обижай никого при ней, не то вся поблѣднѣетъ, глаза словно темнымъ огнемъ какимъ загорятся, недобрые такіе станутъ, задрожитъ вся... и тутъ уже никто ей не милъ, не помнитъ ни кто отецъ, ни кто мать. И не перечили ей много до поры до времени, все помнили докторское слово, все боялись, что не крѣпка здоровьемъ, хоть на видъ и розаномъ цвѣтетъ. Ну, а про умъ, про Любушкинъ, и говорить нечего: изо всѣхъ нашихъ дѣтей умомъ вышла. До страсти любила она, маленькая, когда я ей сказки сказываю; прибѣжитъ это вечеркомъ, была она тогда не болѣе какъ по десятому году, подсядетъ ко мнѣ близко такъ, пріютится и проситъ: «А ну, разскажи-ка няня, милая, сказочку».

Ну, и сказываешь ей про Ивашку — бѣлую рубашку, про царевну Несмѣяну, про Аленушку съ Иванушкой. Эту самую сказку больше всѣхъ другихъ любила она, а особенно, какъ Аленушка брата Иванушку по свѣту ищетъ. Вотъ она слушаетъ, а я разсказываю:

«Бѣжитъ Аленушка полями широкими, бѣжитъ она лѣсами дремучими, бѣжитъ кустовьемъ терновымъ колючимъ, бѣжитъ свѣтлымъ днемъ, ночкой темною; плыветъ она черезъ рѣки быстрыя, вязнетъ въ болотахъ зыбучіихъ, вязнетъ въ пескахъ сыпучіихъ и вездѣ только вопрошаетъ: «Вы, лѣса-ли, лѣса дремучіе, вы, рѣки текучія — быстрыя, вы, пески ли сыпучіе, вы, болота зыбучія, вы поля цвѣтущія, широкія, вы кусты терновые, острые,—не видали-ль вы братца моего Иванушки?» И всюду одинъ отвѣтъ: «Чтó дашь, коли скажемъ?» Все отдаетъ Аленушка, вотъ ужъ и платокъ съ головы и платье рвутъ у нея кусты терновые, кое-гдѣ прихватываютъ клокъ и отъ русой косы, царапаютъ ей и руки и ноги и лицо.... и всѣ твердятъ только: не видали мы братца твоего Иванушки». И солнцемъ ее палитъ, и валитъ вѣтромъ, и морозомъ морозитъ, а она все только вопрошаетъ: «не видалъ ли кто братца моего родимаго Иванушки?» — «Ахъ, нянечка», скажетъ тутъ, бывало, Любушка, «такъ и надо, за брата, за друга все отдать, жизнь свою положить».—А какъ дойдемъ мы до того мѣста, гдѣ въ сказкѣ говорится, что Аленушка къ озеру прибѣжала, гдѣ Иванушка на днѣ лежитъ, и какъ къ самому ея сердцу волна черная подступила и какъ услышала она Иванушкинъ далекій да измученный голосъ: «Аленушка, сестра родимая, гдѣ ты? Знаешь ли ты, что здѣсь я въ пучинѣ глубокой? Чуетъ ли сердце твое, какъ душатъ меня тина зеленая, какъ она мнѣ руки-ноги опутала, пески желтые глаза засыпали, вокругъ сердца обвилась тоска, змѣя лютая?» Какъ дой-

демъ мы до этого мѣста, такъ Любушка вся и затуманится. «Ахъ, няня, какъ страшно, какъ горько, какъ мнѣ больно тутъ стало»,— и за грудку схватится. «Скорѣе, скорѣе, няня, разсказывай, какъ Иванушка опять на свѣтъ Божій вышелъ, какъ Аленушка отъ сердца его оторвала тоску, змѣю лютую. Пусть сама Аленушка сгибла, слаще ей померетъ за брата, чѣмъ жить, да знать, что онъ мучится». Вотъ какая чудная была.

Да, чудна была. Вотъ тоже разъ что надѣлала: былъ ей всего десятый годъ, и привезли барину откуда-то, изъ далека, изъ Китая, что ли, вазы двѣ въ гостиную,—любопытныя такія, фарфоровыя, а по нимъ рыбы да змѣи синія да зеленыя, такъ что и смотрѣть сначала на нихъ абы страшно. И была у насъ Настюшка, дѣвчонка шалопутная, да шкодливая, словно кошка плохая; выровнялась-было потомъ, замужъ за писаря вышла, да какъ случилось потомъ то дѣло, объ которомъ и подумать-то страшно да горько, такъ словно умомъ тронулась... Худого какъ есть никто отъ нея и теперь не видитъ, пѣсни тоскливыя поетъ только, да ребятамъ сказки сказываетъ, а все жаль бабу: пропала ни за что, отъ жалости отъ великой къ Любѣ моей. Такъ вотъ Настасья эта самая—баринъ уѣхавши былъ, а другіе господа, да мадамъ, гувернантка, по аппартаментамъ по своимъ разбрелись— Настька-то эта самая и шасть въ гостиную, да ну передъ каминнымъ зеркаломъ выверты разные вывертывать. Грѣха нечего таить, была и Любушка шаловлива, вотъ и подкараулъ она Настюшку—а съ Настюшкой онѣ душа въ душу жили, когда у мадамъ за глазами,—барыня тогда ужъ померши была—а при себѣ мадамъ никакъ Любушки съ Настей водиться не позволяла: боялась, что Любушка что худое отъ холопки перейметъ. И страхъ ее Люба за это ненавидѣла. Доѣзжала-таки мадамъ Настюшку: «Настазй,—говоритъ,—гадкій мужикъ, прочь пошелъ». Вотъ, и подкараулъ Любушка Настюшку на вывертахъ, да изъ-за двери, какъ есть мадаминымъ голосомъ: «Настазй, прочь пошелъ!» А Настька, взгромоздившись на стулъ передъ зеркаломъ, такія ли то рожи строитъ, да такъ тѣмъ дѣломъ занялась, что Любушкинъ голосъ и впрямъ за мадаминъ сосчитала. Кубаремъ слетѣла она со стула, да одинъ вазонъ-то задѣнь, да и сропи, а тотъ и расколись на-двое. Испугались тутъ ужъ и обѣ чудодѣйки. Настька воетъ, Любушка, какъ смерть блѣдная, стоитъ-молчитъ. «Матушка, Любовь Ивановна,—воетъ Настасья,—всю-то шкуру мою исполосуютъ, мѣста живого не оставятъ, охти мнѣтушки, охъ, охъ». Сѣла на полъ около вазона разбитаго и ни съ мѣста. Я-то ужъ послѣ, долго послѣ, обо всемъ этомъ узнала,

а то не бывать бы тому, что тутъ дальше подѣялось. Сѣла и Любушка около Насти, обняла ее, да и говоритъ: «Молчи, Настя, это мой грѣхъ—я все и поправлю; не плачь, ничего тебѣ не будетъ».—Какъ не будетъ, баринъ ни за что не проститъ, ой, умру, ой, утоплюсь-побѣгу въ озерѣ».— «Молчи же, молчи, глупая, вѣдь, услышать—придутъ, поневолѣ узнаютъ, что ты вазу разбила, не повѣрятъ, если я скажу, что моя эта бѣда».

Поняла тутъ Настька, что Любушка тотъ грѣхъ на себя взять хочетъ, и говоритъ: «Ахъ, Любовь Ивановна, вѣдь, и васъ накажутъ».—Ну, накажутъ, такъ накажутъ, пусть хоть высѣкутъ, а ты молчи только. — Грѣхъ сказать, чтобъ барскихъ дѣтей у насъ сѣкли, никогда этого не случалось, а Любиньку больше всѣхъ берегли и такъ только иной разъ — маленькую — бывало, розгой постращаютъ, когда расшалится очень; и, Господи, какъ она этой розги боялась, не то что розги, а стыда больше. Спровадивши Настюшку изъ гостиной, поставила Любинька вазонъ опять на каминъ, приперла его какъ-то, такъ что онъ будто и цѣлый стоитъ—кто не знаетъ; какіе тамъ мелкіе осколки были—руками подобрала, да по полу за ними шаривши и пальчики свои поцарапала, однако все устроила, словно бы Настька тутъ и не хозяйничала. Только, вдругъ, и слышитъ: мадамъ изъ своей комнаты-то шуршъ-шуршъ шелковымъ платьемъ. «Э-мé, Э-мé, учиться идите,—кричитъ—это она Любушку овечьимъ блеяньемъ такимъ, проклятая, звала,—по ихнему, по-французски,—а мадамъ французинка была, — это-де «Люба» значитъ. Ну, Любинька отозвалась на меканье на это, да и говоритъ: «Не пойду къ вамъ». А мадамъ до смерти упрямства не любила: «Оселъ,—говоритъ,—упрямый». Какъ барина дома нѣту, такъ грубовата бывала она съ Любушкой, не любила ее; «все, говоритъ, Эмé съ мужикъ любитъ быть». Какъ не захотѣла Люба добромъ съ ней пойти, она хвать ее за руку, а Люба, вывернись, да къ камину; мадамъ за ней, а та отъ нея, да, будто нечаянно, вазонъ и толкни: тотъ на полъ, да ужъ въ мелкія дребезги. Какъ ахнетъ мадамъ... «Шинъ, шинъ»—кричитъ; это значитъ—вазонъ-то настоящій, китайскій былъ. А Люба только усмѣхается, радуется, что удалось ей Настюшку вызволить. Какъ увидала мадамъ, что Люба еще и усмѣхается, совсѣмъ разсвирѣпѣла. Пріѣхалъ баринъ, заперлась она съ нимъ въ кабинетѣ—часъ цѣлый что-то толковала. Ходила я, грѣшная, послушать у дверей; слышно было: шинъ, шинъ, Эмé, Эмé, мужикъ, а больше-то ничего я и не разобрала. И высѣкли мою голубушку. Сама мадамъ у себя въ комнатѣ и сѣкла, да все время что-то приговаривала, вѣрно,

приказывала Любушкѣ повиниться, а та молчитъ. Стоимъ мы съ Настькой у двери, да слезами заливаемся, а войти не можемъ, дверь-то на ключъ изнутри защелкнута. А Любушка молчитъ, только разика два охнула, а розги-то по дѣтскому тѣльцу такъ и хлещутъ, и хлещутъ. Сама ихъ мадамъ въ саду срѣзáла, выбрала, окаянная, молодые, да гибкіе березовые прутья — это Настька все высмотрѣла. Послѣ того заперли Любушку въ дѣтскую и два дня ее тамъ держали — меня одну только и допускали къ ней. Не плакала она, а дрожитъ только вся и молчитъ, или обниметъ меня, да припадетъ ко мнѣ и долго сидитъ такъ. И прокрадься вдругъ эта самая Настька въ комнату, да какъ бросится къ Любинькѣ и ну ей руки цѣловать: «Любинька,—говоритъ,—матушка, солнышко ты мое ясное, помру за тебя — душу свою за тебя положу». Удивилась я тутъ и непонятна мнѣ такая въ Настасьѣ къ барышнѣ любовь; ну, ничего онѣ тутъ мнѣ не сказали; долго ужъ послѣ того узнала я, что грѣхъ-то не Любушкинъ, а Настькинъ былъ. Чудно мнѣ было, какъ это баринъ согласился, чтобы Любу высѣкли, а вышло дѣло такъ, что онъ только постращать маленько позволилъ, и то потому, что мадамъ страхъ чтó и про упрямство, и про капризъ Любинкинъ наговорила... А она возьми, да и высѣки ее на самомъ дѣлѣ, благо баринъ въ поле уѣхалъ, а доложить ему объ этомъ никто не смѣлъ, ни изъ дѣтей, ни изъ прислуги: больно мадамъ надъ нимъ самимъ волю забрала, послѣ барыниной смерти. Ну, и ей, мадамѣ-то, это даромъ не прошло: страсть какъ она мышей боялась, и стали у нея мыши, не то что одна, либо двѣ въ комнатѣ бѣгать, а цѣлыми десятками; стала она ихъ даже и въ кровати, и въ коммодѣ находить. Пробовала мышеловки ставить, въ другую комнату перешла — не унимаются... такъ изъ дому и выжили; плюнула, проклятая, и уѣхала, «верминъ, верминъ», говоритъ. А какой тутъ верминъ, тутъ просто Настькины прокуды. А главнымъ-то манеромъ выжили ее и не мыши, а пришло письмо, что тётенька, сестра барынина, изъ Москвы на лѣто гостить пріѣдутъ, такъ побоялась она, французинка-то, что узнаетъ, какъ Любушку она такъ не по-христіански высѣкла, и что ей отъ мѣста откажутъ, и убралась сама, по-добру, по-здорову, пока цѣла. И съ той поры, съ вазона разбитаго, такая то-ли дружба у Любушки съ Настасьей пошла, что словно бы онѣ сестры родныя были.

А какъ та-то вѣсть страшная объ Любѣ потомъ пришла, такъ Настасья и умомъ помутилась; только-что она тогда сынишка сво-

его родила и еще съ постели не вставала. Такъ съ той поры и зовется она у насъ «тронутая Настасья». О, Господи, помилуй!

Да, вотъ какова была Любушка. А то было у насъ и еще одно дѣло, дѣло темное, нехорошее,—и по-сейчасъ не разобрать бы мнѣ своимъ умомъ глупымъ, кто правъ, кто виноватъ былъ, а Любушка такъ скоро по-своему разобрала то дѣло своимъ разумомъ дѣтскимъ. Было ей тогда лѣтъ уже пятнадцать, какъ это случилось.

Изстари еще владѣли у насъ крестьяне большой сосновой рощей, десятинъ на 200, и слышно было, будто они еще при дѣдушкѣ барыни покойной рощу ту на свои денежки купили, у купца-кулака перебили; а были въ то время крестьяне наши богаты, ямскимъ, да извознымъ промысломъ занимались, пока не прошла чугунка;—теперь, вонъ, и все село того не стóитъ, чтó въ тѣ поры у иного хозяина въ подполицѣ на черный день припрятано было. Такъ и звали ту рощу—Перебоемъ, потому крестьяне у купца ее перебили. Померла барыня, тамъ волю объявили, а тамъ стали и уставныя грамоты писать. Только рощи-то той крестьянамъ и не отписали. Всполошились наши озерецкіе хозяева, — не хотятъ уставной грамоты подписывать. Было тутъ всего—ну, и подписали. Дѣти тогда малы были, не знали объ этомъ ничего, а хоть бы и знали, такъ не поняли бы. Только пришелъ это шестьдесятъ-шестой годъ, тяжелый годъ, моръ вездѣ былъ, на скотъ, на людей,—свѣта преставленія народъ ждалъ. Обѣднѣли наши крестьяне, и моръ, и гладъ, и страхъ, и не захотѣли они податей платить. У насъ, говорятъ, помѣщикъ кровное наше отнялъ, мы, говорятъ, свое назадъ добудемъ, а пока не добудемъ, податей платить не станемъ—не изъ-чего. И стали они тутъ ходоковъ въ Питеръ посылать. Далеко и высоко ходили, тринадцать разъ ходили; не даромъ тринадцать—наше мѣсто свято—чертовой дюжиной прозывается—вернулись на этотъ разъ хозяева наши не хорошо, а ходили что ни-на-есть степенные на деревнѣ мужики. Съ ними и солдатъ постой пришелъ. Баринъ же нашъ тѣмъ отговаривался, что бумагъ у него на то нѣту, чтобы лѣсъ крестьянскій былъ, и на словахъ-де барыня ему объ этомъ не сказывала. Можетъ, оно вправду такъ и было, хотя старики на деревнѣ не то баяли,—да гдѣ же барынѣ-покойницѣ все знать да вѣдать-было, ея дѣло женское, а то-бъ вѣрно она грѣха на душу не взяла; кабы знала, что лѣсъ крестьянскій, такъ и въ духовной бы своей имъ назадъ отписала.

Только были это Любушкины имянины, семнадцатаго сентября—Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софьи—свела я ба-

рышень къ обѣдни—молебенъ потомъ за здравіе Любви отстояли. Любинька въ церковь охотно ходила; зайдемъ оттуда къ батюшкѣ, отцу Степану, а тамъ и по деревнѣ погуляемъ; крестьянскихъ ребятокъ барышни кое-чѣмъ одарятъ. Выходятъ въ этотъ самый разъ барышни изъ церкви, а въ деревню-то солдаты входятъ — хозяевъ ведутъ. Плачъ это подняли по деревнѣ, вой... Такъ и встрепехнулась моя Любушка. Я съ ними тутъ одна была, мадамы съ ними въ церковь не ходили, все бусурманки были. Встрепехнулась это Любушка: «Няня, няня, да что же это?» Я прочь дѣтей вести, а Люба нейдетъ.

И подвернись тутъ Чириха, лютая была баба, о восьми ребятахъ, малъ-мала меньше, и ея мужа тутъ же вели. «А за то, — говоритъ: — что баринъ, папенька вашъ, кровное наше оттягалъ. А вамъ бы, Арина Ивановна, не слѣдъ сюда отродье барское, проклятое, водить, не то не сдобровать имъ и всѣмъ отъ насъ». Сама стоитъ, ажно синяя, зубъ-на-зубъ не попадаетъ. Любушка ничего тутъ не сказала, только Олюшка заплакала. «Веди, — говоритъ, — няня, насъ прочь отъ этой злой бабы». Испугалась она больно, моя голубушка, даромъ что старше Любы годомъ была, словно дитя малое заговорила: «Веди, — говоритъ, — насъ няня». Такъ и увела я ихъ. Барину ничего я объ этой Чирихѣ не сказала, знамо, человѣкъ въ горѣ не помнитъ, чтó и говоритъ, и барышень о томъ дѣлѣ смолчать попросила. Послѣ обѣда схватились мы Любушки искать. Искали, искали, нигдѣ нѣтъ, и Настюшки нѣтъ. Барину сказать не смѣемъ. Побѣжала я на деревню къ отцу Степану — не была ли? «Нѣтъ, — говоритъ матушка, — не была». А мнѣ Чирихины слова съ-ума нейдутъ: «Не сдобровать, — говоритъ: — имъ и всѣмъ-то отъ насъ». Прежде никогда этого не бывало; какъ только и ушла-то она у мадамы съ глазъ долой, вѣрно все Настюшкины проказы. Часа четыре этакъ пропадала, наконецъ, пришла. Чтó тамъ мадамъ барышнѣ говорила — не знаю, а Настькѣ я уши таки выдрала: «Говори, гдѣ была, шалопутная». Ну, и призналась, къ Чирихѣ бѣгали. Все это Любушка у Чирихи вызнала, выспросила, кáкъ и чтó, — плакала, заливалась вмѣстѣ съ нею. «Сначала, — говоритъ Настасья, — таково страшно Чириха барина кляла, а тамъ стихла и горько только плачетъ и Люба наша съ нею». Бросилась она къ мужикамъ, обнимаетъ, цѣлуетъ ихъ: «Простите, — говоритъ: — насъ простите!» «Богъ тебя проститъ, говорятъ: — а твоя дѣтская душа въ злѣ въ томъ неповинна». Ну, скрыли мы и это дѣло отъ барина и мадамъ упросили, чтобы не говорила; да та и сама рада смолчать, сама вѣдь проглядѣла барышню.

Простудилась тутъ Любушка, что-ли, али на деревнѣ чего захватила, али просто съ перепугу, да переполоху, только прохворала она недѣль съ шесть; никого не узнавала и все только кандалами, да цѣпями бредила. Однако, поправилась и потомъ не вспоминала объ этомъ дѣлѣ никогда, только видно на сердечкѣ его на своемъ держала, до послѣдняго дня и часа.

Вотъ ужъ и барчукамъ нашимъ восемнадцать, да девятнадцать лѣтъ минуло—Олюшка по восемнадцатому, а Любушка по семнадцатому году пошла. Вышли барчуки наши изъ гимназіи, изъ ученья, и стали собираться въ ниверситетъ поступать. Видно не больно они въ гимназіи-то хорошо учились, что понадобился имъ тутъ, большимъ такимъ, еще и учитель. И взяли имъ въ въ учителя Алексѣя Степаныча Всесвятскаго, нашего отца Степана, благочиннаго, сына. А тогда отецъ Степанъ всего съ годъ какъ къ намъ переѣхалъ. Охъ, грѣхи мои тяжкіе, и хорошъ былъ парень, да лучше бы ему къ нашему дому всѣ пути заказаны были. Любушка ты моя, пташка ты моя сизокрылая, для того ли горя тебя мать на свѣтъ родила, а я, старая, на рукахъ выносила-выходила? Горлинка ты моя нѣжная, гдѣ ты теперь, жива ли? Или надъ твоей безвременной могилкой вѣтеръ снѣгъ сугробомъ навѣваетъ, вьюга лютуетъ? Аль жива ты еще и тоска —змѣя люта—сосетъ твое сердце молодое? А тотъ-то, учитель-то, какъ пріѣхалъ, такъ словно насъ всѣхъ и заколдовалъ; баринъ души въ немъ не чаетъ, степенный-де онъ, да ученый, даромъ что молодъ; барчуки только диву даются, что онъ и охотникъ, и рыболовъ, и книжное дѣло лучше всякаго другого разумѣетъ. Пѣсни ли запоетъ—такъ ажно у насъ, у прислуги, у холоповъ, слезы изъ глазъ польются; и пѣлъ онъ пѣсни все русскія, а заморскихъ ни самъ не пѣвалъ, ни другимъ пѣть не давалъ. Утро это все съ барчуками занимается, а послѣ обѣда они и къ барышнямъ пойдутъ,—въ лѣсу съ ними, въ полѣ погуляютъ, а вечеромъ книжки вмѣстѣ вслухъ читаютъ. Была тутъ у барышень мадамъ, агличанка, въ лѣтахъ уже, такъ та либо къ себѣ въ комнату уйдетъ, либо тутъ же дремлетъ, баринъ въ кабинетѣ своемъ сидитъ, а инымъ часомъ къ молодымъ тоже выйдетъ и чтенья ихняго послушаетъ. А потомъ и станутъ, бывало, баринъ съ учителемъ толковать за чаемъ. Я чай разливаю, слушаю: толкуютъ они, а ино и заспорятъ, — слушаю и по-русски словно, а не понимаю о чемъ, да что̀ говорятъ. Иное слово-то и поймешь, а тамъ и опять будто не по-нашему выходитъ. Должно какъ эти споры-то у нихъ заходили, такъ и дѣтямъ скучно, да непонятно становилось—потому посидятъ-посидятъ, да и пойдутъ

себѣ—кто куда; только Любушка ужъ не отойдетъ—словечка сама не вымолвитъ, лишь глазки горятъ какъ звѣздочки. И вотъ, съ той самой поры, прошли у нея и норавность и капризъ, и стала она словно воскъ мягкая, ажно меня дума взяла, и рѣшила я своимъ разумомъ глупымъ, что полюбила барышня — ишь дѣло какое!—учителя, поповскаго сына. А тутъ дѣло-то такое вышло, такое... ахъ, ты, ласточка, ты, горюшка моя, лучше бы во сто кратъ кабы ты хоть мужика-сермяжника полюбила, чѣмъ...

Вотъ, рѣшила я это разумомъ своимъ глупымъ, что влюбилась барышня, да и думаю: матери у нея нѣту, а покойница-барыня, какъ помирала, такъ мнѣ передъ смертью наказывала: «Какъ умру я, Арина, такъ ты дѣтей моихъ не покидай, служи имъ вѣрой и правдой; ты ихъ вынянчила, выходила, ты и дальше за ними ходи и барышень береги пуще глазу». Я покойницѣ-барынѣ что обѣщала, то твердо и держала; какъ по-своему разуму холопскому умѣла, такъ барышень и соблюдала. За Олюшкой хлопотъ немного было. Была она тихая, въ мать, все больше съ мадамой, а потомъ скоро и замужъ за сосѣда вышла, за Илью Андреича Осташкина, и по-сейчасъ въ тридцати верстахъ отсюда, въ усадьбѣ, живетъ; онъ посредникомъ, а у ней дѣтокъ трое на рукахъ, и ростить она и холитъ ихъ, и меня старуху не забываетъ, дай Богъ ей здоровья. Ну, какъ рѣшила это я, что влюбилась барышня моя въ учителя, и думаю: семъ-де я съ ней поговорю, можетъ она совѣта моего, рабы своей вѣрной, послушаетъ, да тѣ мысли изъ головы выкинетъ. Хожу я, дѣло свое дѣлаю, а думку думаю, какъ бы мнѣ съ Любушкой такъ поговорить, чтобы и ее не обидѣть, а своего добиться. А тѣмъ временемъ учитель, Алексѣй Степанычъ-то, не токмо что съ господами, а и съ прислугой дружбу свелъ. И не то чтобы онъ за панибрата съ нами былъ, нѣтъ, онъ свое мѣсто знаетъ, въ дѣла наши не мѣшается, а только чуяли мы, что и въ насъ онъ людей живыхъ, а не скотовъ какихъ, видитъ. И коли ежели за совѣтомъ какимъ въ работѣ — столярничалъ онъ больно хорошо, — а у насъ этимъ дѣломъ, съ той поры какъ чугунка прошла, болѣ полъ-деревни занимается, — али тамъ книжку какую почитать попросить, это все къ нему, и сейчасъ онъ, какъ есть, все разскажетъ и растолкуетъ и дастъ. Сдружился онъ особенно съ дьячкомъ съ молодымъ; а дьячка того хотѣли-было въ попы посвящать, да за провинность какую-то въ дьячки къ намъ и прислали. Черезъ дьячка сошелся Алексѣй Степанычъ и съ крестьянами деревенскими. Господа того не знали, и никто имъ объ этомъ и не докладывалъ, потому худого оттого не было ни-

чего, а только польза всей деревни. И со мной куда ласковъ былъ, уважалъ во всемъ, словно мать родную.

Прожилъ онъ у насъ лѣто, да и уѣхалъ, и барчуки въ Питеръ въ ниверситетъ уѣхали. Такъ мнѣ съ Любушкой и не удалось поговорить; а какъ уѣхалъ онъ, я и рада, думаю, коли ежели что и было, такъ забудетъ она его теперь—дѣло молодое, всего семнадцатый годъ идетъ, поблажитъ маленько, потужитъ, да и перестанетъ. И стала я подмѣчать, не тоскуетъ ли. Однако тосковать не тосковала: все сидитъ, бывало, въ комнаткѣ своей, да книжку читаетъ, и книжки вижу не наши,—наши-то все съ золотымъ обрѣзомъ, да въ кожаномъ переплетѣ, много ихъ у барина было, а эти и безъ переплета вовсе. А какъ придетъ къ ней Олюшка, либо мадамъ, такъ книжекъ тамъ и нѣтъ, словно куда прятала она ихъ. Ну, поблѣднѣла тутъ Любушка, похудѣла маленько, и стала меня опять дума про Алексѣя Степаныча смущать, что полюбился онъ ей и по немъ тоскуетъ она. Стала она часто на деревню ходить, къ дьячихѣ тоже. Тѣмъ временемъ у дьячихи сынокъ родился, такъ Люба и крестила его. И въ школу сельскую захаживала, только не больно, видно, полюбилась ей школа-то,—потому скоро перестала. Какъ увидала это я, что она такъ часто къ дьячихѣ заглядываетъ, будто крестника Ванюшку повидать, такъ мнѣ и нейдетъ изъ ума мысль, что черезъ дьячка ей Алексѣй Степанычъ вѣсточки пересылаетъ.

Долго ли, коротко ли, а опять-таки рѣшилась я съ ней поговорить, да ужъ на этотъ разъ не откладывала, а положила, что поговорю въ тотъ же вечеръ. Каждый вечеръ приходила я ее раздѣвать, да спать укладывать. И не то, чтобы на самомъ дѣлѣ мнѣ чтò для нея дѣлать приходилось,—все она, голубка моя, сама дѣлала,—а такъ, по старой памяти, зайду, да поцѣлую, да ночи спокойной пожелаю, да скажу: «Ангелъ хранитель съ тобой, моя пташка». Вотъ, прихожу я къ ней и стою, а она свои косы черныя распустила, сама въ бѣломъ вся, словно ангельчикъ, и ласково таково улыбается, а у самой въ глазахъ печаль виднѣется. «Ахъ, няня», говоритъ, «какъ это можешь ты такъ любить насъ?» А кого же, говорю, и любить-то мнѣ—Аннушку, такъ у той мужъ есть (мы Аннушку съ годъ уже тутъ какъ замужъ отдали), а вы сиротливыя, вы у меня птенчики, вѣдь матери нѣтъ у васъ, а отецъ—такъ суровъ, да строгъ онъ больно, съ барыниной смерти. «Ахъ», говоритъ, «няня, не понимаешь ты меня, вѣдь тебя для насъ отъ семьи родной оторвали, жизнь твою еще ребенкомъ поломали, рабой сдѣлали... все для насъ, для насъ. Это несправедливо, няня, я бы не любила, а нена-

видѣла господъ своихъ, если бы у меня были, если бы меня мучили и тиранили какъ васъ, кровное бы отнимали, разоряли».... и зарыдала... Господи, твоя святая воля, думаю, вотъ она что вспомнила, ужъ не совсѣмъ ли помутилась, думаю. Какъ, бывало, маленькую, взяла я ее на колѣнки, да часа два такъ съ нею и просидѣла; и она, какъ припала ко мнѣ, такъ словно и оторваться не можетъ. Ну, уложила я ее, наконецъ, въ постельку, а одну на ночь оставить побоялась, такъ до утра и просидѣла надъ ней. Объ Алексѣѣ же Степановичѣ и заикнуться не посмѣла: не туда, вижу, мои мысли попали, куда слѣдовало.

Не черезъ долгое время, около Рождества это было, говоритъ мнѣ Василій, будто бы Алексѣя Степаныча на деревнѣ видѣли. Черезъ день приходитъ Алексѣй Степанычъ и къ намъ, а тамъ сталъ частенько захаживать. А это онъ на Рождество въ отцу-матери погостить на недѣльку-другую пріѣхалъ. Баринъ сначала ласково его принялъ, и Любушка ему обрадовалась, только, словно, не такъ, чтобы ужъ черезъ-чуръ, и говоритъ съ нимъ много —не говорила. Олюшка—такъ та невѣстой была и помимо жениха ей никто и на умъ не шелъ. Толковали тутъ Алексѣй Степанычъ съ бариномъ и спорили, да ужъ будто не по старому. И лѣтомъ случалось, что баринъ въ спорахъ ихнихъ присерживается,—особенно подъ осень это было, — а тутъ, разъ-другой, и совсѣмъ разсердился; все что-то о какой-то экономіи толковали. И разстались они, оба словно рады, что не придется имъ встрѣчаться опять. Какъ прощался баринъ въ послѣдній разъ съ Алексѣемъ Степанычемъ, такъ и «до свиданія» не сказалъ и бывать больше его не приглашалъ. Съ этимъ и уѣхалъ Алексѣй Степанычъ въ Питеръ. Ну, остатокъ зимы прошелъ у насъ тихо да смирно, и весна наступать стала.

Стала это весна наступать, и вижу я, что Люба моя, будто, что-то задумываетъ, и только дивую, что это съ дитёй сталось; ѣстъ-пьетъ мало, а не худѣетъ, не блѣднѣетъ, и глаза словно тихою радостью свѣтятся. Вотъ, прихожу я разъ вечеромъ чай разливать,—и вижу, ходитъ Любушка съ папашей по залѣ, у самой щечки такъ и горятъ, а на глазахъ слезинки навертываются, а баринъ и говоритъ: «Большіе это ты пустяки выдумала, глупенькая, ну, да если это для тебя развлеченье, то развлекайся, Господь съ тобой, только смотри — ни на кого не пеняй, если какія-нибудь непріятности изъ этого выйдутъ». И стала тутъ Любушка папашу благодарить, обнимаетъ его, цѣлуетъ, а сама такъ и сіяетъ, такъ и сіяетъ. А баринъ и говоритъ: «Ну, теперь объ этомъ больше ни слова, подумай еще, поразсуди до завтра-

го, а потомъ и скажешь мнѣ, твердо ли твое рѣшенье». Еле дождалась я вечера, такое любопытство меня взяло; прихожу я, наконецъ, къ Любушкѣ—спать ее укладывать, а она мнѣ: «Няня, няня, папаша позволилъ мнѣ школу устроить, чтобъ дѣтей деревенскихъ учить; няня, я не знаю, что дѣлать отъ радости!»

Вотъ она, думаю, радость та какая! ну, статочное ли дѣло барышнѣ, нѣжненькой да выхоленной, съ нашей голоштанной командой возжаться; думаю такъ-то, а она: то къ столику подбѣжитъ, да за книжку схватится, то засмѣется ни съ того, ни съ сего, да меня обниметъ, да поцѣлуетъ... Вотъ и говорю я ей: и что это ты, Любушка, словно неладное задумала; тебѣ ли, сердце мое, съ сопливыми, да вшивыми ребятами холопскими возиться. «Ахъ, няня, няня».... И затуманилось у ней личико, даже потемнѣло все.... «Ахъ, няня, неужели ты не понимаешь: отъ того и хочу я учить ихъ, что бѣдные они, никто ихъ не научитъ, никто правды не скажетъ; и грязные-то они, и дурные; изболѣло, изныло сердце мое по нимъ; я бы всѣхъ ихъ не только учила, я бы обмыла, обшила, приголубила каждаго изъ нихъ, особенно «маленькихъ».... Ну, говорю, Любушка, оно хоть и холопское мы отродье, да все же не какъ звѣрь дикій въ лѣсу растемъ, тоже поди отецъ съ матерью не все худому насъ учатъ, на путь тоже наставляютъ. А что ежели грязныя ребятки, такъ это точно,—только гдѣ же это нашему брату, на деревнѣ, чистоту эту наблюдать. Васъ, господскихъ дѣтей, это вѣрно, чисто держать, а для этой чистоты, почитай, что на каждаго человѣка по двѣ бабы на застольной живетъ. А и то ты разсуди: коли ежели ты мальчишку деревенскаго къ чистотѣ пріучишь, такъ ему потомъ отцовскимъ рукомесломъ почти-что и не заниматься стать—ни навозъ ему возить, ни въ полѣ работать. Нѣтъ, что говорить, хорошее дѣло чистота, да не для нашего брата мужика-сѣряка. Ну, а на счетъ ученья, такъ и ученье дѣло хорошее, только чему же, ты-то, красавица моя писаная, дитя крестьянское учить будешь, чтобы ему то въ прокъ пошло?

«Читать, писать», говоритъ Любушка, «учить буду, пусть книжки хорошія читаютъ. Считать выучу. Выучу какіе звѣри, и птицы и рыбы есть, — какія деревья, кусты и травы растутъ и какая отъ нихъ польза. Разскажу все объ солнцѣ, и мѣсяцѣ и о звѣздахъ; о теплѣ и холодѣ учить буду, о грозѣ и о томъ, отчего зима осень смѣняетъ, а тамъ весна и лѣто приходятъ».... Охъ, желанная моя, говорю, а не думаешь ты того, что книжки и худыя бываютъ, читать ты его, ребенка-то, научишь, а разумѣнья настоящаго тебѣ ему не дать, — вотъ и начитается

онъ въ книжкѣ всякаго такого, чего бы ему, тёмному человѣку, и во вѣкъ бы не услыхать. Считать научишь — онъ своего же брата обсчитаетъ — вонъ у насъ Антошка, матросъ, чай знаешь — вся деревня у него въ кабалѣ, а почему, — не разъ, поди, слыхала — тоже вѣдь писать и считать знаетъ, охъ какъ хорошо знаетъ.

— Да вѣдь я не только читать буду учить, няня, я же тебѣ сказала, я и о природѣ учить буду и разсказывать чтó хорошо, чтó худо....

— Ну, Любушка, что ты объ звѣряхъ, да объ травахъ тамъ говорила, такъ объ тѣихъ, что по нашимъ мѣстамъ, наши ребятки не менѣ твово знаютъ.... вотъ хошá бы волкъ, ты, поди, вѣдь его на картинкѣ только видала, а нашъ-то Васютка, пастушенокъ, даромъ что только двѣнадцатый годъ идетъ, на той недѣлѣ у волка овцу отнялъ. Ну, а на счетъ заморскихъ звѣрей, такъ, кажись бы, по моему разуму, по глупому, и знать-то объ нихъ незачѣмъ — они къ намъ, благодаренье Господу, не забѣгаютъ, такъ и толковать объ нихъ много не стóитъ.

— Няня, няня, неужели же не учить дѣтей и тому, что хорошо, что худо?

— Да, знаешь ли ты сама-то, пташка моя, что въ крестьянскомъ дѣлѣ хорошо, что худо? Ты вонъ въ барскихъ хоромахъ росла, мадамы тебя разныя учили и давно ли еще учить перестали? А нашъ-то братъ въ трудѣ, да въ нуждѣ съ той самой поры, почитай, какъ на ногахъ стоять выучился. Васъ, вонъ, безъ нянички и въ залу побѣгать не выпускали, когда тебѣ уже десятый годъ шелъ; а я по пятому году уже въ нянькахъ у сосѣдки жила, да такого ли мальца няньчила, что, пожалуй, столько же вѣсилъ сколько и я сама. Васъ-то учили, всю правду, молъ, сказывайте, а нашему брату толи́ тычокъ доставался, коли́ языка за зубами держать не умѣлъ. Нѣтъ, что и говорить, ваше дѣло дворянское своей полосой идетъ, а наше, холопское, своей. Васъ французинки, да агличанки, на свой манеръ не то что думать, а почитай-что и дышать заставляли, а мы, — какъ отцы да дѣды жили, такъ и намъ жить показали. Ты вотъ объ ученьи, а мы объ хлѣбѣ умомъ раскидываемъ, какъ бы съ голодухи не пропасть, и все-то у насъ на первомъ мѣстѣ — брюхо да брюхо.

Затуманилось у Любушки личико еще больше, и не стала она тутъ со мной, дурой старой, больше разговаривать; и кáкъ это осмѣлилась я только барышнѣ своей такъ перечить?.. Сама я потомъ диву давалась, — да ужъ больно отговорить ее отъ та-

кого труднаго дѣла хотѣлось: чуяло мое сердце, что толку изъ него не выйдетъ... Гдѣ же ей, нѣжной пташкѣ, съ родомъ нашимъ мужичьимъ справиться. А она дѣла своего задуманнаго не оставила,—не таковская была: упрямая, настойчивая. И завела-таки Любушка школу. Книжекъ это, бумаги, перьевъ накупила; ребятокъ артель собрала во флигель. Ревутъ ребята, артачатся, нейдутъ; ну, кого тычкомъ загнали—Любушка того и не знала—кого я, грѣшная, пряникомъ приманила: пусть ужъ, думаю, потѣшится барышня—и пошло у насъ ученье. Сначала будто и ладно все: разсказываетъ это она имъ, читаетъ, ихъ самихъ читать да писать съ-разу учитъ,—все таково ласково; и стали-было ребятишки охотно ходить къ ней... одно только не ладно: велитъ она имъ приходить чисто—иного сама умоетъ, иному попеняетъ—и стали тутъ бабы обижаться: «не намоешься-де этакъ на ребятъ рубахъ чистыхъ». И стали: кого мать не пускать, а кто и самъ отъ школы отлынивать,—надоѣла, да и на задворкахъ играть въ бабки куды вольготнѣе. А кто побѣднѣе, такъ побираться пошелъ—какъ свой хлѣбъ вышелъ, а новый не дозрѣлъ еще—и съ поля не убранъ... И не осталось у Любушки даже десятка учениковъ. Тѣмъ временемъ стали кое-кто изъ сосѣдей подсмѣиваться, какъ узнали, да подшучивать, что-де у насъ барышня-благодѣтельница проявилась, съ ребятами крестьянскими возится, вольнодумствомъ, видно, заняться хочетъ, старые порядки перемѣнивать начинаетъ. Баринъ послушалъ-послушалъ этихъ толковъ, да и положилъ всему конецъ:—нѐчего-де, Любушка, изъ-за шести ребятъ разговоръ такой дѣлать.

Думала я, что Люба горевать станетъ,—однако нѣтъ, не стала. Задумчива была, ну, только волю папашину исполнила и ребятъ распустила,—должно, смекнула, что непутевое дѣло затѣяла. Ходила этакъ недѣльки съ три задумавшись, а тамъ и повеселѣла опять. Ну, думаю, новое что-нибудь затѣваетъ моя барышня—и ужъ подлинно, такое затѣяла, что мнѣ и на умъ бы не пришло.

Тѣмъ временемъ красное лѣтичко во всей красѣ распустилось, и Алексѣй Степанычъ въ деревню, на каникулы, къ отцу вернулся, а къ намъ и не приходитъ. Былъ это какъ-то у насъ отецъ Степанъ, у барина по дѣлу, а Иванъ-то Петровичъ нашъ, хоть и присерживался на Алексѣя Степановича, да, видно, обидно ему, что учитель къ нему на поклонъ нейдетъ; сталъ онъ отцу Степану пенять: чтó, дескать, сынъ вашъ, батюшка, къ намъ не заглядываетъ? Замялся этакъ нѣсколько благочинный—за чаемъ сидѣли они—и говоритъ: «Занятъ очень

сынъ: черезъ годъ экзаменъ у него выпускной изъ академіи, а онъ человѣкъ у меня работящій и передъ другими лицомъ въ грязь ударить не желаетъ». — «А! это похвально, похвально», говоритъ баринъ. Я на Любушку смотрю,—а она какъ-есть ничего: не смутилась—и ничто. — Часто она тутъ на деревню ходила—мадамъ теперь не для ученья, а больше для прилику держали... Агличанка она была и охотно барышенъ на деревню пускала; сама съ ними даже по избамъ ходила,—нужно, говоритъ, чтобы господа знали, какъ ихъ рабочій народъ живетъ; въ нашей-де сторонѣ это всегда такъ дѣлается. Барышни мнѣ-то пересказывали: я вѣдь сама не понимаю, что̀ она на языкѣ своемъ лопочетъ. Ну, захаживали и къ отцу Степану съ матушкой, и Алексѣя Степаныча тамъ встрѣчали. Книжки, должно, давалъ онъ Любушкѣ по-старому, потому—много она этихъ, непереплетенныхъ, въ ту пору читала... большія все такія, толстыя.

Только разъ это вижу я: идетъ Люба къ папашѣ и долго таково̀ запершись съ нимъ сидитъ, а у меня за нее сердце ноетъ да ноетъ—сама не знаю почто̀. Не такая, вѣдь, была она, какъ всѣ: объ Оленькѣ знаешь, что она своимъ чередомъ выросла,—обневѣстилась, замужъ мы ее самымъ этимъ лѣтомъ отдали; знаешь, что потянется жизнь у ней обычнымъ путемъ: станетъ дѣтокъ родить, утѣшаться ими,—ни страху за нее, ни душа не болитъ, а и любишь ее словно меньше. А съ Любой все чего-то жди,—ни поймешь, ни разберешь ее; знаешь только, что все, что̀ ни задумаетъ, будетъ дѣло душевное, хорошее; — ну, какъ ни хорошо, а все можетъ оно ей и слезами, и горемъ откликнуться...—Ну, вотъ пошла она къ барину, а я ужъ тутъ какъ тутъ: хожу по залѣ близъ кабинетной двери, будто дѣло дѣлаю, а сама все слушаю, да слушаю,—не услышу ли чего? И вдругъ, какъ гранетъ бариновъ голосъ громовымъ раскатомъ: «Не бывать этому: я знаю, откуда все это идетъ!» Ну, думаю, плохо дѣло: баринъ, ка̀къ, бывало, ни сердится, а кричать не кричитъ. Ужъ ка̀къ золъ бывалъ ино на мужиковъ, а и пороть приказывалъ таково̀ спокойно, словно спрашиваетъ: «который часъ?» А тутъ, вишь, какъ загремѣлъ на дочь на родимую. Какъ выбѣжитъ баринъ изъ кабинета вихоремъ, — я только и успѣла что отъ двери отскочить... «А,—говоритъ,—это хорошо, Арина Ивановна, что вы тутъ: Любовь Ивановна завтра къ тётушкѣ за Москву на дачу гостить ѣдетъ, надолго, — соберите, да уложите имъ вещи, и Настасью съ ними отпустите».

Прихожу я вечеромъ къ Любушкѣ въ комнату, раньше не посмѣла я, — заперлась она, моя голубка, и къ чаю не выхо-

дила, — и спрашиваю: что, да какъ? Откуда и смѣлость взялась! — и не слѣдъ бы мнѣ, старой дурѣ, съ разспросами своими къ ней лѣзть... да я ей себя, словно, замѣсто матери почитала: сирота, вѣдь, а тутъ ѣдетъ завтра, надолго, на чужу-дальню сторону, — а допрежъ того не разставались мы съ ней никогда. Тутъ и разсказала она мнѣ все, со слезами съ горючими: «Хочу я, няня, людямъ помогать, а сама-то ничего еще не знаю; вотъ и школа не удалась,—поучиться мнѣ самой еще много надо; просилась я у папаши въ Петербургъ, учиться,— не пустилъ: нажужжали, говоритъ, тебѣ всякимъ вздоромъ уши дурные люди. Поѣзжай, говоритъ, въ Сокольники къ тётѣ Машѣ, тамъ веселиться станешь и глупости свои всѣ забудешь. Веселиться, няня, когда столько людей въ бѣдности, въ темнотѣ душевной!—да, по-моему, няня, грѣхъ быть даже сытымъ и тепло одѣтымъ, когда люди голодаютъ». Вотъ оно что, думаю, правда твоя, голубка моя! провидѣло твое дѣтское сердечко ту самую правду, что на небеса вознеслась, и не мирится чистая душа твоя съ кривдою, что на землѣ лютовать осталась.

Сила солому ломитъ: на утро увезъ баринъ Любу въ Москву, а у меня ровно что отъ сердца оторвалось,—пусто мнѣ такъ стало, холодно, словно и солнце померкло и не грѣетъ: тяжело старому человѣку дорогое дѣтище на чужу сторону провожать. Ну, къ тётенькѣ, къ Марьѣ Петровнѣ, ѣхала, а все не въ свой, въ чужой домъ. Просилась и я съ ней да баринъ не отпустилъ: «вы, говоритъ, Арина Ивановна, здѣсь по дому нужны». Плакала Любушка горько, какъ со мной прощалась, а не слезлива по природѣ была. Настасью, ту самую, что въ дѣвчонкахъ вазонъ разбила, съ нею отпустила, — очень она ужъ къ Любушкѣ вѣрна была,—а все не то, что я.

Дожила Любушка лѣто въ Сокольникахъ на дачѣ, къ осени же въ Москву тётенька всей семьей переѣхала.

Писала мнѣ, голубушка моя, раза два: «скучно», говоритъ, «няня, мнѣ, и жизнь такая, словно и не настоящая; все на показъ, и сама не знаешь зачѣмъ такъ живемъ, а не иначе какъ-нибудь». Умно писала (много мнѣ не понять вовсе бы, старой дурѣ, кабы не Василій письмо читалъ, я вѣдь писанаго читать не умѣю), тепломъ такимъ душевнымъ ото всего письма вѣетъ, словно солнышко весной красной кости твои старыя отогрѣваетъ. Къ осени уѣхалъ и Алексѣй Степановичъ въ Питеръ, а оттуда и въ Москву прокатилъ,—мы-то объ этомъ узнали только гораздо послѣ...

Приходитъ это разъ письмо съ почты,—читалъ ихъ баринъ

за завтракомъ,—и коли есть тутъ какое извѣстіе объ Любушкѣ, то онъ и мнѣ, бывало, скажетъ. Сталъ онъ въ это утро, какъ всегда, письма разбирать и читать, да одно какъ швырнетъ на столъ, не дочитавши: «ну, этому,—говоритъ,—ужъ никогда не бывать, вздоръ...» И завтракать не сталъ, ушелъ въ кабинетъ, да часа три тамъ ходилъ взадъ и впередъ. Усталъ видно, наконецъ, унялся, и послалъ за отцомъ Степаномъ. Былъ у нихъ разговоръ съ бариномъ горячій, и угадала я сердцемъ, что рѣчь объ Любушкѣ съ Алексѣемъ Степанычемъ,—не даромъ давно объ этомъ дѣлѣ у меня душа томилась. Ушелъ отецъ Степанъ, гордо ушелъ, не поклонился барину даже, и тотъ ему прощай не сказалъ. Вечеркомъ сбѣгала я къ матушкѣ; съ ней мы ладно да дружно жили, женщина была скромная, сына болѣ всего на свѣтѣ любила. Не болтлива была, не сплетница—все я ей открыла, всѣ свои мысли сказала и догадки глупыя; поговорили мы съ нею по душѣ, погоревали вмѣстѣ, только и она не знала ничего. «Уѣхалъ,—говоритъ,—нашъ Алексѣй въ Питеръ, а оттуда въ Москву, и сказывать объ этомъ не велѣлъ, да я вамъ только говорю, Арина Ивановна, потому и у меня сердце заныло, и я вѣдь за Алексѣемъ кое-что подмѣчала; ну, да вы никому не скажете, свою же Любу оберегаючи». Съ отцомъ Степаномъ не говорила я ничего; былъ онъ человѣкъ хоть и добрый, но обычаемъ суровый и съ бабами въ толки не пускался. «Было у нихъ за послѣднее время, какъ Алексѣй гостилъ у насъ, разговоровъ съ сыномъ много», сказывала мнѣ матушка,—но объ чемъ рѣчь шла, того она не знала, а можетъ мнѣ и сказать не хотѣла, все-таки чужой человѣкъ. «Да скажите вы—говорю—мнѣ, матушка, говорили-ль хоть что-нибудь объ Любушкѣ?»—«Можетъ и объ ней говорили, не знаю»;—отвѣчаетъ матушка,—«по правдѣ сказать, не такая жена нужна сыну нашему; хороша Любовь Ивановна, и добра и разумна, спору нѣтъ, да вѣдь къ роскоши она привычна; Алексѣю же нашему всего еще натерпѣться придется, пока-то въ люди выйдетъ». Такъ почти-что ни съ чѣмъ я и домой пришла.

Стала я къ матушкѣ чаще захаживать, все думаю, авось-либо, что и узнаю. Начала я тутъ по зимнему первопутку и Любушку поджидать; баринъ и комнатку ее хорошенько прибрать да истопить приказывалъ... Анъ—вмѣсто Любушки—письмо приходитъ съ нарочнымъ прямо изъ Москвы, отъ тётеньки. Какъ прочелъ его баринъ, за голову схватился, слова сказать не можетъ. Потомъ въ кабинетъ ушелъ и двери въ залу затворить за собой позабылъ. Я тутъ въ залѣ притаилась, и ноетъ, ноетъ

у меня душа... и вдругъ слышу я—рыдаетъ баринъ и твердитъ: «О, Господи, за что это, за что?»

Вечеромъ позвалъ меня: «Соберите,—говоритъ,—Арина Ивановна, всѣ Любовь Ивановны вещи, завтра ихъ отошлють въ Москву».—«А что же—говорю—сами онѣ развѣ ужъ не пріѣдутъ?» Какъ крикнетъ: «Молчать!»—Я такъ и присѣла, давно мнѣ барскаго крику надъ собой слыхать не приходилось.

Собрала я Любушкины вещи, какъ баринъ приказалъ, и отослала ихъ на другое утро. Въ тотъ же вечеръ побѣжала я къ матушкѣ: «Что,—говорю,—случилось?» А матушка сама слезами заливается: «Ушла ваша Люба отъ тётеньки съ нашимъ съ Алексѣемъ». Меня такъ и шатнуло въ сторону. Вотъ оно то́, чего годами боялась я, что́ чуяло мое сердце. Господи, Боже мой, что дальше изъ этого будетъ, что́ будетъ! Былъ тутъ въ комнатѣ и отецъ Степанъ, да я съ переполоху сначала его не замѣтила. «Нечего убиваться,—говоритъ это онъ матушкѣ,—Алексѣй знаетъ что дѣлаетъ, онъ не ребенокъ, ему двадцать-шестой годъ; самъ онъ за себя отвѣтчикъ; знаю я его за честнаго человѣка и въ благословеніи своемъ ему не отказываю, хотя не слѣдъ бы ему такъ, умыканіемъ...» и спохватился. «Что же — говоритъ—до Любовь Ивановны» — это мнѣ-то—«такъ не плохъ ей мужъ достается».—«Не плохъ и впрямъ—говоритъ и матушка.—«И я,—говорю,—Алексѣя Степановича хулить не могу». А сама думаю: чего, чего не натерпишься ты въ бѣдности, голубка моя, ты-то, выхоженная, выхоленная, да нѣжная. Потомъ узнала я отъ матушки же, что Алексѣй Степанычъ у барина нашего позволенья просилъ на Любушкѣ жениться, а тотъ ему и не отвѣтилъ — письмо его только разорванное назадъ отослалъ. Тогда Алексѣй Степанычъ изъ Питера въ Москву проѣхалъ, да Любушку тайкомъ и увезъ; тутъ ужъ не могъ баринъ не согласиться на свадьбу—потому—не согласись онъ, такъ на Любушкѣ бы стыдъ вѣковѣчный остался, а баринъ нашъ былъ гордъ, просьбы дочернины ни во что ставилъ, а сраму дому своему потерпѣть не захотѣлъ,—тогда только и согласился, какъ дому его стыдъ грозилъ. Узнала я потомъ, что много его Любушка письменно о согласіи просила, да онъ и слышать объ томъ не хотѣлъ.

Скоро вернулась къ намъ изъ Москвы Настя, только въ господскій домъ не приходила, а у матушки проживать стала—сирота она была—а вскорѣ замужъ вышла за сельскаго писаря, у нихъ это дѣло ужъ съ годъ какъ ладилось. Отъ Настасьи слыхала я потомъ, какъ ушла Любушка отъ тётеньки; не при-

зналась мнѣ только Настасья, что помогала ей въ томъ, да я сама догадалась, знала вѣдь, что для нея Любушкино слово—законъ. Мадамъ-агличанка въ скорости тутъ отъ насъ къ Олюшкѣ переѣхала,—держали ее еще все, какъ Любу-то ждали,—и сталъ нашъ домъ могила-могилой, тихо такъ, пусто, страшно даже. Баринъ Любушкино имячко вслухъ говорить заказалъ, самъ ходитъ суровъ, да угрюмъ, словно ночь осенняя. Отъ матушки услышала я, что Любушка съ мужемъ въ Петербургъ уѣхала, а тамъ и отъ нея, голубки моей, вѣсточку получила. Письмо такое хорошее, такимъ спокоемъ и счастьемъ дышетъ, что и мнѣ будто на душѣ легче стало. Въ одномъ только мѣстечкѣ, гдѣ о папашѣ спрашиваетъ, словно слезинка капнула, чернила посмыла.

Прошла такъ зима и опять весна-красна приходитъ, тутъ и у меня горе случилось: Антонъ Потапычъ захворалъ, да не дальше какъ черезъ недѣльку—Богу душу и отдалъ. Погоревала я, погоревала, а тамъ стала меня денно и нощно одна думка томить, какъ бы мнѣ Любу свою провѣдать. Вотъ и выпросилась я у барина въ Соловки, на богомолье, святымъ угодникамъ божіимъ, Зосимѣ и Савватію, поклониться. Поартачился сначала, а къ концу лѣта таки отпустилъ и денегъ малую толику съ собой далъ. Ну, хоть чуяло его сердце, кого я въ Питерѣ повидаю, однако ни словечка о томъ не вымолвилъ, только сказалъ: «Ты, Арина Ивановна, не торопись, мы тутъ и безъ тебя управимся, поѣзжай-себѣ съ Богомъ, да помолись какъ слѣдуетъ, объ комъ знаешь и родныхъ своихъ въ Петербургѣ повидай». А у меня въ Питерѣ сестра двоюродная у графа одного въ ключахъ ходитъ. Простилась я со всѣми, и съ матушкой, и поѣхала. Плакала матушка горько и наказывала кланяться отъ нея Алексѣю Степанычу, и благословеніе ему материнское, на вѣки нерушимое—икону святую—со мной послала. Наказывалъ и отецъ Степанъ, чтобы кланялась, даромъ что я имъ ни слова о томъ не вымолвила, что Любушку видать буду. Ну, простилась такъ-то и отправилась. Чудно это и страшно было мнѣ сначала на чугункѣ: лѣтъ тридцать не выѣзжала я изъ Озерковъ нашихъ. Со старыми господами ѣздили мы, бывало, въ Питеръ на долгихъ, при всемъ удобствѣ, недѣли по двѣ въ дорогѣ бывали,—а тутъ, нá поди, въ одни сутки на мѣсто доставили. Прошла это я съ вокзала на площадь, словно въ лѣсъ, не знаю куда и идти; ну, наняла извощика, да и потащилась съ узломъ своимъ на Петербургскую: адресъ-то благо свой Любушка мнѣ въ письмѣ прислала. Подъѣзжаю я гдѣ она живетъ, а домишко

маленькій, покосился весь, словно въ землю вросъ. Ахъ ты, Господи, думаю, вотъ какъ жить-то пришлось тебѣ, мое дитятко. Расплатилась я съ извощикомъ, отпустила его, да и вхожу во дворъ: дворикъ тоже маленькій, травкой зеленой поросъ; въ одномъ углу бузины кустъ, подъ нимъ насѣдка съ цыплятками-позднячками роется. Въ другомъ углу двѣ акаціи, разрослись онѣ густо-прегусто, даже верхушками спутались и словно бесѣдкой нависли надъ деревянной старой скамейкой, — а на скамейкѣ-то и сидитъ моя пташка, блѣдненькая такая, книжку читаетъ. И встала я, словно вкопаная, посередь двора, ни взадъ, ни впередъ не могу шагу ступить, ни даже словечка не могу вымолвить. Стою такъ-то и гляжу на нее, и только слезы у меня градомъ изъ глазъ катятся. Видно долго она ужъ книжку читала, устала, должно, вздохнула глубоко такъ, положила книжку на лавку, оглянулась вокругъ и меня увидала, да какъ бросится ко мнѣ: «Няня, моя дорогая, няня безцѣнная, ты ли?»—Я, мое золото, я, дитятко ты мое ненаглядное, я, няня твоя старая, вѣрная». И словно дочку родную стала я ее ласкать, миловáть, и съ той поры ровно съ меня робость мою холопскую сняли, и не рабой себя я восчувствовала, а будто мать, которая родное дитя потерянное нашла. Привела меня Любушка въ свою горенку—горенка маленькая, свѣтленькая, чистая, всюду книжки, на столѣ бумагъ ворохъ. «А гдѣ же,—говорю,—Любушка, муженёкъ твой?» Усмѣхнулась Любушка таковò ласково и говоритъ: «Дай срокъ, няня, ужò придетъ; онъ на другой квартирѣ живетъ, только часамъ къ шести всегда сюда приходитъ». Чуднò мнѣ такъ стало: приходитъ, говоритъ, а живетъ на другой квартирѣ; какъ же это, думаю,—по закону-то не слѣдовало бы мужу съ женой врозь жить. Ну, только ей, Любушкѣ-то, я ничего не сказала. О папашѣ стала Люба разспрашивать, здоровъ ли, и какъ и чтó, и объ Олюшкѣ и обо всѣхъ прочихъ. Плакать не плакала, а видно болѣло и у нея сердечко, не даромъ такая худенькая, да блѣдненькая стала; а красота все та же, пожалуй, еще даже лучше стала, голубка моя, чѣмъ прежде: въ глазахъ-то словно дума какая глубокая.... Стала это я раскладываться, деревенскіе гостинцы повынимала изъ узла — Люба смѣется на все, радуется: «Ишь, няня, какая ты,—говоритъ,—баловница; помнишь, что я и вареньицемъ полакомиться не прочь была». Часу этакъ въ седьмомъ, въ началѣ, и Алексѣй Степанычъ приходитъ. Чуточку подивился онъ, какъ меня увидалъ, а потомъ сталъ разспрашивать и про то, и про другое, и какъ тотъ-то живетъ и какъ этотъ, — и всякаго онъ знаетъ въ

деревнѣ и по имени-отчеству величаетъ. Господи, Боже мой, думаю, а господа-то, бывало, наши, не то что отечество,—имени мужицкаго не припомнятъ; была у насъ такъ-то одна сосѣдка, что всякаго мужика подъ-рядъ Васькой величала, хотя бы онъ и Селиверстомъ звался, а всякую бабу Машкой, словно козловъ, да козъ, прости Господи. И откуда взялись у меня тутъ рѣчи, стала я имъ разсказывать про житье-бытье крестьянское въ Озеркахъ, и про времена прошлыя, и про нонѣшнія времена, а тамъ и про папашу и про сестрицу. Братцы-то оба въ Питерѣ въ ниверситетѣ учились, про нихъ Любушка все сама знала, ну, а видалась съ ними не часто, больно сердиты были, что за студента, за недворянина, вышла, да еще и за небогатаго. А Алексѣю-то Степанычу учиться самая малость оставалась, а тамъ бы ему чинъ докторскій получить должно, да не то ему видно Господь судилъ. Просидѣли мы этакъ даже далеко за-полночь, а тамъ Алексѣй Степанычъ и ушелъ. Чудно это было мнѣ, да смолчала я и тутъ, не стать мнѣ, старой, въ дѣло молодое путаться, у жены объ мужѣ разспрашивать. А любить любила его Любушка очень: какъ говоритъ онъ съ нею—Любовь Ивановной называлъ и «вы» ей говорилъ—такъ у нея ажно все личико свѣтомъ такимъ тихимъ, да ласковымъ засвѣтится. Стала она меня въ постель въ свою укладывать, и таково мнѣ чудно это потомъ, не перечила я ей, словно такъ и надо, словно она мнѣ взаправду дочь и такъ и слѣдъ ей меня, старуху старую покоить. Ни робости у меня передъ ней, ни страху, а только еще больше люблю ее. Свернулась сама же, моя голубка, на диванчикѣ, вздохнула разикъ-другой и заснула тихо, какъ ребеночекъ невинный. Проснулась я утромъ — Люба моя уже одѣта, на столѣ самоваръ кипитъ, угощаетъ она чаемъ меня, старую. «Что ты, говорю, не разбудила ты меня, я бы самоваръ-то поставила».—«Да ты, говоритъ, съ дороги, уставши, такъ отдохнуть тебѣ надо было; самоваръ же мнѣ хозяйка ставитъ, а коли бы не поставила, такъ я и сама съумѣю, не стану такимъ дѣломъ гостью свою дорогую трудить». Такъ и сказала. Прожила я у нея цѣлую недѣльку. Любушка читаетъ все, да пишетъ бывало, и за писанье за это деньги получаетъ, этимъ и живетъ, у папаши ничего взять не хотѣла. Приходили къ ней дѣти разныя учиться, такъ больше даромъ ихъ учила, а съ кого деньги брала, то къ тѣмъ на домъ ходила. Алексѣй Степанычъ кажинный вечеръ бывалъ, ну, долго не засиживался, и у него, вишь, работы много. И такой между ними совѣтъ, такая дружба, что сердце, на нихъ глядя, радуется. Разъ рѣшилась я, да и говорю: «а что, Лю-

бушка, кабы у тебя ребеночекъ былъ, такъ не слѣдъ бы вамъ съ мужемъ врозь жить». «Не мужъ онъ мнѣ, няня,—говоритъ— а братъ». Только всего и вымолвила, а у меня старой словно очи духовныя прозрѣли, все-то я прежнее поняла—провѣдала. А я-то, глупая, въ сердцѣ своемъ ее судила, какъ она въ Москвѣ отъ тётеньки ушла—никому я хулы на нее тогда не высказала, а въ глубинѣ, въ душѣ твердила себѣ: «не слѣдъ, не слѣдъ бы». А она не жениху на шею вѣшалась, а къ брату шла и повѣнчалась съ нимъ потому только, что ни за что не отпустилъ бы ее баринъ въ Питеръ одну учиться, да придумывать, какъ мірскому горю помочь. А это и допрежъ того знала я, что хоть нѣтъ у ней своего горя собственнаго, а тяжело ей душу томитъ горе людское и ему помочь она хочетъ. Вотъ чтó я все поняла только тогда, дура я старая.—Народу къ Любушкѣ ходило мало; захаживали два-три человѣка, все больше барышни,— одѣты бѣдно, а смотрятъ весело и со мной говорятъ таково ласково. Стали меня тоже нянюшкой, Ариной Ивановной, величать, а одна разъ и говоритъ: «оставайтесь-ка вы, няня, Арина Ивановна, въ Питерѣ, снимите квартиру, а мы жить у васъ станемъ, будетъ вамъ кого баловать да холить, ишь, вы Любу какую выходили хорошую». Посмѣялись это мы, да куда ужъ мнѣ старой къ новымъ порядкамъ привыкать.

Сходила я къ сестрѣ двоюродной, что у графа въ экономкахъ живетъ, да кажись и больше того къ нему приближена, красива больно съ молоду была, а она меня и спрашиваетъ: «что,—говоритъ,—стриженыхъ дѣвокъ видѣла?»—Какихъ,—говорю, стриженыхъ?—«А вотъ—говоритъ—что мертвецовъ по ночамъ въ больницы рѣзать ходятъ, да съ любовниками шляются не знамо гдѣ. Ваша Люба вѣдь все только съ такими водится, да и сама»... Такъ и захолонуло у меня все нутро, а потомъ какъ закипитъ ретивое, какъ закипитъ, не дала я ей тутъ и договорить: «Ахъ, ты—говорю—змѣя, змѣя, графская ты наложница, да какъ у тебя духу хватило Любушку мою, ангела невиннаго, словами своими нечистыми поносить, да я»... Не помню ужъ чего наговорила я ей тутъ. А она одно, да одно: графъ-де за столомъ при гостяхъ на обѣдѣ холостомъ, что на той недѣлѣ у нихъ былъ, не то еще говорилъ, даже лакеи всѣ слыхали и ей пересказывали, а ея дѣло сторона, она и Любы не знаетъ и дѣвокъ стриженыхъ не видывала, и не знаетъ, какія такія онѣ есть.

Любушкѣ я обиды той не пересказывала, а Алексѣю Степанычу, признаться, открылась. Такъ только и сказалъ: «Богъ

съ ними, Арина Ивановна, мало ли чего на свѣтѣ говорятъ, на всякое чиханье не наздравствуешься. Пройдетъ, говоритъ, все это со временемъ». А графъ-то тотъ еще барынѣ нашей покойницѣ сродни приходился, и не дрогнуло у него сердце про Любушку да друзей ея такое неподобное говорить.

Барчуковъ своихъ повидала я тоже. Принимали ласково; честь честью отдали—кушать даже съ собою сажали—подарковъ надарили, а все не то, что Люба; не могла я забыть у нихъ, что я раба, холопка, а чествовали, нечего сказать, какъ дорогую гостью.

Проживши недѣлю въ Питерѣ, отправилась и въ Соловки пѣшкомъ, съ богомольцами,—таковъ былъ у меня еще въ Озеркахъ обѣтъ данъ, что только до Питера доѣду, больно ужъ меня къ Любѣ тогда тянуло. Какъ уходила я изъ Питера, такъ наказывала она мнѣ крѣпко, чтобы, какъ назадъ пойду, безпремѣнно къ ней опять заходила, да погостила подольше, а я старая и рада, и обѣщалась, что вѣрно это будетъ. Анъ Господь-то видно не то мнѣ судилъ: перво-на-перво захворала я на дорогѣ и пролежала безъ памяти недѣль шесть, почитай, въ селѣ Ивановскомъ, у попа,—спасибо, добрый попался; однако, господскія денежки, чтó баринъ на дорогу далъ, почти всѣ издержала, какъ еще недѣль шесть прожить пришлось, пока поправилась. Такъ къ угодникамъ я не попала, поздно, да и рада-рада, что силъ набралась, чтобы въ путь ужъ хоть въ обратный пуститься, Ивановское-то отъ Питера далеко, верстъ сотни за двѣ будетъ. Пока я такъ хворала, да назадъ ѣхала, прошло мѣсяца три съ лишнимъ и была, почитай-что, зима на дворѣ—ноябрь мѣсяцъ наступалъ, какъ я въ Питеръ вернулась. Прихожу на Любушкину квартиру—пусто. Спрашиваю дворника: «Куда,—говорю,—Любовь Ивановна Всесвятская переѣхала?» «Выбыла,—говорятъ,—въ Гатчину; да вы, баушка, не трудитесь ихъ тамъ искать, врядъ ли найдете, кажись, слыхали мы, что взаправду-то куда-то въ деревню съ мужемъ укатили». Ахъ ты, Господи, думаю, неужли же я ее такъ и не повидаю еще разокъ передъ смертью. А сердце-то мое ноетъ-ноетъ, словно опять бѣду чуетъ. Рѣшилась, даже къ сестрѣ къ двоюродной сходила,—авось, думаю, что-либо про Любу и узнаю. Ну, однако, ничего не узнала, только наслушалась укоровъ, да попрековъ за то, что поругала ее тотъ разъ за Любушку. Въ Гатчину я не ѣздила — не великъ городокъ, слыхала я, да гдѣ же мнѣ искать ее тамъ; не по домамъ же ходить, да всякаго встрѣчнаго выспрашивать, не тутъ ли, молъ, Любовь Ивановна Всесвятская живетъ? Такъ я въ свои

Озерки и вернулась,—напишетъ она мнѣ туда скорѣе всего, думаю.

Вижу, ходитъ баринъ мой, Иванъ Петровичъ, еще угрюмѣй стараго, о Любушкѣ по-прежнему не споминаетъ. Олюшка тогда уже порядочно какъ замужемъ была; родился у нея тутъ старшенькій, и нашъ баринъ, словно, повеселѣлъ. Съ крестьянами онъ еще и послѣ того, какъ воля вышла, куда какъ крутъ былъ, а тутъ будто у него охота вдругъ отпала на хлопоты по всѣмъ этимъ штрафамъ, да судамъ. Постарѣлъ онъ, читать сталъ мало, и какъ беретъ въ руки газету, такъ все словно чего опасается; не сталъ и читать ихъ за завтракомъ, какъ бывало, а съ собой въ кабинетъ уносилъ. Не черезъ долгое время получаю отъ Любушки письмо, ласковое такое: пишетъ, что здорова и мужъ здоровъ и живется имъ хорошо. Прислано было мнѣ то письмо изъ Питера и адресъ чужою рукою надписанъ, а гдѣ Любушка — въ томъ письмѣ не сказано. Сказано только, живемъ, молъ, въ деревнѣ. Сбѣгала я къ матушкѣ,—отецъ Степанъ понурый ходитъ, матушка плачетъ. «Не сталъ нашъ,—говорятъ,—Алексѣй экзамента докторскаго держать, уѣхалъ куда-то и вѣстей не шлетъ, только и было, — говорятъ, — что коротвая записка изъ Питера, не ждите, молъ, пока писемъ, а живется-де намъ хорошо, и находимся мы въ деревнѣ».

Письмецо, что я отъ Любушки въ эту зиму получила, было послѣднее. Пришло оно какъ разъ наканунѣ Рождества, въ сочельникъ, а передъ Пасхой и приключилось то, о чемъ мнѣ до могильнаго дня вспоминать страшно будетъ. Случилось это такъ: по нашимъ мѣстамъ что-ни-на-есть плохое для ѣзды время — постъ великій. Пойдутъ это дожди: ручьи, рѣки вздуются, изъподо льду еще разливаться станутъ, снѣгъ по дорогамъ смокнетъ — ни конному, ни пѣшему ни пройти, ни проѣхать. Коло дому хорошо бываетъ, снѣгъ счистятъ, гдѣ солнышко пригрѣло, тамъ гляди и травка зеленѣть начинаетъ,—жаворонки по тропинкамъ корму ищутъ... ну, а по лѣсамъ, по полямъ, по дорогамъ, какъ сказано, ни пройти, ни проѣхать. И тянется такое время почитай-что до самой Пасхи, а то и долѣ, коли она ранняя случится; тутъ мы по нѣскольку недѣль ни газетъ, ни писемъ не получаемъ, особливо ежели за зиму снѣгу много выпало. Такъ и въ этомъ году случилось, а этому нынѣ уже пятый годъ идетъ. О, Господи, милостивъ буди намъ грѣшнымъ, кому стрѣлой время летитъ, а Любѣ моей, поди, день кажинный вѣкомъ долгимъ тянется.

Не получали мы въ тѣ поры ни газетъ, ни писемъ ровно

четыре недѣли; соскучился баринъ и посылаетъ Василья за ними въ городъ. Проѣздилъ Василій дня три, сидѣлъ и въ снѣгу и въ водѣ, ну, однако, добрался домой по-добру, по-здорову, и письма и газеты привезъ. А городъ-то всего 30 верстъ отъ насъ. Привезъ это онъ и письма и газеты прямо передъ бариновымъ завтракомъ. За завтракомъ я барину прислуживала и чай ему подавала; въ прежнее-то время, бывало, онъ со мной и пошутитъ и изъ газетъ что̀ скажетъ, а теперь уже давно этого не было— съ той самой поры, какъ угрюмъ онъ такъ сталъ и газетъ не читалъ за столомъ больше. А на этотъ разъ словно ему какъ бы старое вспомнилось: «А, ну-ка», говоритъ, «Арина Ивановна, не займемся ли мы съ вами политикой?» Таково́ мнѣ радостно сдѣлалось; думаю, коли повеселѣетъ онъ, такъ мнѣ и объ Любушкѣ словечко ввернуть удастся — давно у меня въ-тихомолку задумано было сердце его къ голубкѣ моей смягчить. «Почитайте», говорю, «батюшка, почитайте, что-то нонѣ Наполеонъ подѣлываетъ, смекаю я, не на насъ ли опять въ походъ собирается, какъ въ старые годы?» «Политикъ вы,—говоритъ, Арина Ивановна,—политикъ». И разсмѣялся, а мнѣ и любо, у меня свое на умѣ. Сталъ это онъ газету пересматривать, да какъ вскочитъ, стулъ уронилъ, вытянулся весь, не то что блѣдный, а синій даже, да какъ крикнетъ не своимъ голосомъ: «Люба, дитя мое...» Еще хотѣлъ что-то сказать, не могъ, захрипѣлъ, да какъ снопъ и свалился. Тутъ и Богу душу отдалъ. Бросилась я къ барину, за дохтуромъ послала—въ городѣ жилъ,—пріѣхалъ на другой день, двухъ коней загнали,—да гдѣ уже покойника оживить, такъ ничего и не подѣлали. Газеты тѣ я тогда же прибрала и по сейчасъ храню, тамъ все про нее прописано и когда, и за что́, и ка̀къ... О, Господи, милостивъ буди намъ грѣшнымъ, въ дѣтяхъ грѣхи отцовъ караются. Чудны дѣла твои Господи. Гдѣ ты теперь, Люба моя, Люба многострадальная? быть можетъ, тамъ же, куда отцы и дѣды твои гнали, отъ роднего пепелища, отъ жены, отъ дѣтей на трудъ непосильный, въ утробу матери, земли сырой... гнали безъ пощады за слово, за взглядъ, за ничто. Голубка моя, горлица моя нѣжная, безцѣнное дитятко, за тебя молитвы мои грѣшныя, по тебѣ слезы горячія...

А. Л.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ *).

I.

1) *The poetical works of P. B. Shelley*, edited by *H. B. Forman*. London. Reeve and Turner. 4 vol. in 8°. 1877. — 2) *The works of P. B. Shelley*. London: Chatto and Windus. 4 vol. in 12°. 1875.

Передъ нами величайшій изъ поэтовъ XIX вѣка,—англичанинъ, слава котораго все растетъ и готова сравняться, если не затмить славу Байрона. «Написать біографію Шелли,—говоритъ извѣстный нашъ критикъ Россетти,—значитъ написать біографію величайшаго англійскаго поэта, который существовалъ послѣ времени Мильтона — и даже, быть можетъ, послѣ Шекспира». А между тѣмъ еще вчера не было полнаго изданія его сочиненій.

Въ іюлѣ 1874 года, журналъ «The Academy» напечаталъ слѣдующую замѣтку: «Одинъ экземпляръ сочиненія Шелли, озаглавленнаго «A refutation of Deism», почти неизвѣстный до сихъ поръ и принадлежащій профессору Доудену, изъ Trinity College въ Дублинѣ,—находится въ настоящее время въ рукахъ агентовъ Британскаго Музея, которымъ поручено прі-

---

*) См. „Вѣстникъ Европы“, іюль, 1877 г., стр. 270.

обрѣсти его для націи, если можно. М-ръ Россетти говоритъ о немъ слѣдующее въ своей біографіи Шелли, напечатанной при полномъ изданіи поэмъ послѣдняго [1]: «Въ началѣ 1814 года, Шелли напечаталъ опровержение деизма, бесѣду между Эвзебомъ и Теозофомъ, въ 101 страницу. Гоггъ приводитъ изъ нея краткій отрывокъ... Это единственный авторъ, который упоминаетъ объ этой брошюрѣ и, весьма вѣроятно, единственный человѣкъ, обладавшій или даже видѣвшій ея экземпляръ».

Итакъ, это было настоящимъ открытіемъ. Сочиненіе геніальнаго человѣка, задушенное при своемъ появленіи политическимъ и религіознымъ деспотизмомъ, царствовавшимъ въ Англіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, снова выплыло на свѣтъ Божій, по прошествіи шестидесяти лѣтъ. И—къ счастью для поэта—нѣкоторые пристрастные критики упрямо изображали его въ самомъ ложномъ освѣщеніи, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ.

Дѣйствительно, никогда еще истина не искажалась до такой степени съ безцеремонностью и нахальствомъ, присущими извѣстной литературной и философской школѣ. У этихъ господъ есть манера понижать до своего уровня геній всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Такимъ образомъ, Аристотель становится отцомъ церкви, Шекспиръ — завзятымъ пуританиномъ или отупѣлымъ католикомъ, смотря по вкусу критика—и ради его личной выгоды и вящшей славы его котеріи. Не осмѣливаясь аттаковать непріятеля лицомъ къ лицу, его обходятъ или искажаютъ и, въ концѣ-концовъ, пріурочиваютъ къ собственному ничтожеству.

Не знаю ничего отвратительнѣе этой работы кротовъ [2], и Шелли болѣе, чѣмъ кто другой, сталъ ея жертвой. Отнынѣ, благодаря двумъ послѣднимъ изданіямъ, заблуждаться долѣе невозможно: у насъ есть полное и достовѣрное собраніе его произведеній. Сверхъ того, Чатто и Уиндусъ даютъ въ своихъ хорошенькихъ, маленькихъ томикахъ прозаическія статьи, которыхъ нигдѣ больше не найдешь, кромѣ развѣ Британскаго Музея, и, между прочимъ, небольшой философскій трактатъ, который считали затерянныхъ.

И, мнѣ кажется, что остается еще многое сказать даже послѣ превосходной біографіи Россетти. Шелли умеръ 29-ти лѣтъ страшной и неожиданной смертью. Но талантъ его успѣлъ высказаться вполнѣ. Безъ сомнѣнія, онъ могъ бы написать много другихъ

[1]) „The Poetical Works of P. P. Shelley“, edited by W. Rossetti. London, Moxon. 2 vol. in 8°. 1870.

[2]) См. для примѣра: „Shelley, a critical biography, by Barneth Smith“, 1877, и статью въ „Revue des Deux-Mondes“ (февраль, 1877).

chef-d'oeuvres, но не превзошелъ бы своего «Прометея». 18-ти лѣтъ онъ изучилъ и усвоилъ самыя возвышенныя задачи науки и философіи: запасъ его свѣдѣній былъ болѣе обширенъ, чѣмъ у большинства изъ его собратовъ бываетъ въ сорокъ лѣтъ. Вотъ важный капитальный фактъ, все объясняющій, и на который не обращали достаточнаго вниманія, такъ какъ всѣ біографы напирали главнымъ образомъ на послѣдніе годы его жизни, на его сношенія съ лордомъ Байрономъ и проч.—Я попытаюсь пополнить этотъ пробѣлъ.

Родившійся 4-го августа 1792 года въ графствѣ Суссексъ, Перси Бишъ Шелли принадлежалъ, какъ и авторъ Чайльдъ-Гарольда, какъ и Ландоръ,—къ той поземельной аристократіи, которая если и не имѣетъ титула, то всегда можетъ пріобрѣсти послѣдній. Основателемъ фамиліи былъ нѣкій сэръ Уилльямъ, отецъ сэра Томаса Шелли, обвиненнаго въ государственной измѣнѣ и обезглавленнаго при королѣ Генрихѣ IV за то, что отстаивалъ права Ричарда II. Поэтъ происходилъ отъ младшей отрасли, и только въ 1806 году его дѣдъ сдѣланъ былъ баронетомъ, въ награду за его непоколебимую вѣрность партіи виговъ вообще и герцогу Норфолькскому въ особенности.

Шелли нисколько не похожъ на своего отца; но личность его дѣда интересуетъ насъ въ высшей степени. Мы встрѣчаемъ здѣсь съ физической и съ нравственной, если не съ умственной стороны, замѣчательный примѣръ наслѣдственности фамильныхъ черть. «Я очень хорошо помню сэра Биша въ его старости,—говоритъ Медуинъ:—онъ былъ очень красивый человѣкъ, высокаго роста, съ аристократическими манерами, съ видомъ очень знатнаго барина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его образъ жизни былъ весьма эксцентриченъ: у него было въ обычаѣ посѣщать одинъ кабачокъ самаго низкаго разбора въ Горшемѣ и пить вино съ самыми послѣдними оборванцами; эту привычку онъ, по всей вѣроятности, усвоилъ себѣ въ Новомъ-Свѣтѣ [1]). Онъ родился въ Сѣверной-Америкѣ, гдѣ занимался профессіей врача-практика, и такимъ образомъ положилъ основаніе значительному состоянію, которымъ былъ обязанъ только самому себѣ. Правда, что состояніе это было увѣнчано самымъ быстрымъ, какъ и рѣшительнымъ способомъ. Возвратясь въ Англію, онъ женился на двухъ богатѣйшихъ наслѣдницахъ въ Суссексѣ, само-собою разумѣется, скоро-

---

[1]) Thomas Medwin: The life of P. B. Shelley. London. 1847. 2 vol. tom. I p. 7. Сочиненіе крайне-интересное, благодаря нѣкоторымъ подробностямъ, но исполненное неточностей.

нивъ предварительно первую жену. Интересная подробность при этомъ та, что онъ похитилъ обѣихъ своихъ женъ. Говорятъ даже, что онъ похитилъ на своемъ вѣку трехъ женъ,—и что первый этотъ подвигъ совершенъ былъ имъ еще въ Америкѣ. Вотъ по части женскаго пола. Съ другой стороны, сэръ Биштъ былъ великій скептикъ. Шелли говоритъ о своемъ дѣдѣ, какъ объ отъявленномъ атеистѣ, который разсчитывалъ встрѣтить за гробомъ одно ничтожество. Хотя мы не знаемъ никакихъ подробностей, но и этого довольно, чтобы объяснить нѣкоторыя нравственныя и умственныя свойства, которыхъ поэтъ никакъ не могъ заимствовать у лицъ, непосредственно окружавшихъ его.

Десяти лѣтъ отъ роду, Шелли былъ отданъ въ пансіонъ въ Брентфордѣ, гдѣ находился одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, Медуинъ, сообщившій намъ нѣсколько свѣдѣній объ этой эпохѣ дѣтства поэта. Мы видимъ его здѣсь уже такимъ, какимъ позднѣе встрѣтимъ въ Итонѣ и въ Оксфордѣ—и даже позже: мы видимъ его худенькимъ и тщедушнымъ, очень высокимъ для своихъ лѣтъ, съ бѣло-розовымъ лицомъ. Черты лица прелестны, хотя и не отличаются безусловной правильностью, и обрамляются цѣлымъ лѣсомъ каштановыхъ и шелковистыхъ волосъ, отъ природы вьющихся. У него кротчайшее выраженіе лица, а большіе, голубые, мечтательные глаза придаютъ его лицу характеръ невыразимой невинности. «Онъ былъ по природѣ спокойнаго нрава,—говоритъ Медуинъ:—но при чтеніи или при разсказѣ о какой-нибудь несправедливости или жестокости черты его выражали немедленно величайшій ужасъ и негодованіе».

Въ этой школѣ было человѣкъ шестьдесятъ шалуновъ,—злыхъ по большей части, какъ и всѣ почти дѣти, которыхъ предоставляютъ ихъ природнымъ инстинктамъ: въ этихъ случаяхъ самые скверные изъ ребятишекъ являются непремѣнно вожаками. Обычай «fagging» былъ въ большой чести, хотя дѣйствія его были менѣе жестоки и менѣе неизбѣжны, чѣмъ въ Итонѣ или въ Гарроу. Новичокъ рѣшительно отказался подчиниться этому идіотическому обычаю — и, вслѣдствіе этого, ему пришлось не разъ страдать отъ малолѣтнихъ тирановъ. На его развитую и поэтическую душу такое обращеніе произвело самое тягостное впечатлѣніе, и онъ самъ отмѣтилъ его позднѣе:

I do remember well the hour which burst
My spirits sleep: a fresh May dawn it was,
When I walked forth upon the glittering grass
And wept, I knew not why: until there rose
From the near school-room, voices, that alas!

Where but one echo from a world of woes—
The harsh and grating strife of tyrants and foes [1]).

Шелли служитъ вмѣстѣ съ Лукреціемъ и Гёте однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ тѣсной связи между наукой и поэзіей, между реальнымъ міромъ и идеаломъ, составляющимъ совершеннаго человѣка. Эти двѣ способности проявились у него спозаранку. И прежде всего восторженность его воображенія высказалась въ выборѣ книгъ для чтенія: изъ всѣхъ романовъ, которые можно было достать въ «летучей библіотекѣ» Брентфорда, ему особенно нравились романы Анны Радклифъ и самыя сумасбродныя произведенія ея фантастическаго пера. Этому первоначальному вліянію слѣдуетъ приписать сочиненіе двухъ юношескихъ романовъ нашего поэта «Zastrozzi» и «St. Irvyne», перепечатанныхъ въ изданіи Чатто и Уиндуса. Это мрачныя и растрепанныя произведенія; но въ нихъ чувствуется жаръ, избытокъ жизни и молодости, которые васъ очаровываютъ, хотя и вызываютъ улыбку.

Въ то же самое время страсть къ истинѣ и любовь къ наукѣ проснулись въ Шелли по случаю лекцій объ астрономическихъ открытіяхъ, читанныхъ въ его школѣ на второй или на третій годъ его пребыванія тамъ. Любознательность была также сильно задѣта первыми понятіями изъ химіи, и онъ съ громаднымъ интересомъ, какъ сообщаетъ намъ о томъ Медуинъ, его однокашникъ, узналъ, что земля, вода и воздухъ совсѣмъ не то, чтó онъ думалъ. И его интересъ ко всему этому отличался отъ поверхностнаго интереса, проявляемаго обыкновенно дѣтьми.

Это и оказалось впослѣдствіи, когда въ Итонской коллегіи страсть его къ химіи проявилась съ особенной силой. Одинъ изъ его учителей, докторъ Линдъ, натолкнулъ его на этотъ путь. Но онъ только *поощрилъ* его, а вовсе не привилъ ему, какъ увѣряли нѣкоторые, страсть къ наукѣ. Шелли и не подумалъ пренебрегать вслѣдствіе этого литературой и философіей. Онъ быстро пріобрѣлъ достаточныя познанія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ и изучилъ важнѣйшіе изъ живыхъ языковъ.

Но онъ не достигъ въ этомъ совершенства, которымъ отличались нѣкоторые англійскіе *scholars*, и это безъ сомнѣнія благодаря философскому направленію своего ума, увлекавшаго его

---

[1]) .... Я очень хорошо помню часъ, когда проснулся мой дремавшій умъ. То было свѣжимъ майскимъ утромъ ... я гулялъ по росистой травѣ и плакалъ, самъ не зная отчего, какъ вдругъ изъ сосѣдняго класса донеслись голоса школьниковъ... Эхо, увы изъ міра, исполненнаго горести.... рѣзкій и раздирающій шумъ драки тирановъ и враговъ. (Предисловіе къ „Laon and Cythna").

къ другого рода занятіямъ и выразившагося въ ребенкѣ съ такой силой, подобной которой можно найти только у Паскаля или у Пика-дела-Мирандола. Независимо отъ примѣра, показаннаго его дѣдомъ, но, быть можетъ, въ силу унаслѣдованной способности, онъ былъ отъ природы склоненъ читать книги, которыя могли объяснить ему строеніе міра. Такимъ образомъ, напавъ на естественную исторію Плинія, онъ проглотилъ ее и занялся ея переводомъ, который онъ довелъ еще въ Итонѣ до половины. Этотъ фактъ, подтверждаемый всѣми біографами, представляется мнѣ крайне важнымъ, и я не сомнѣваюсь, что глава «De Deo» была зерномъ, изъ котораго выросло сознательное невѣріе. Самыя категорическія строки латинскаго автора приводятся Шелли въ его «Refutation of Deism» и въ примѣчаніяхъ къ «Queen Mab»[1]). Слѣдуетъ ли прибавлять, что Лукрецій тоже обратилъ на себя его вниманіе.

Въ концѣ 1810 г. онъ поступилъ въ *University college* въ Оксфордѣ, гдѣ тотчасъ же свелъ знакомство съ своимъ будущимъ біографомъ, Томасомъ Гоггомъ, замѣтки котораго представляютъ несомнѣнную важность; но подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы читатель умѣлъ отличить истинное отъ ложнаго въ болтовнѣ этого велерѣчиваго джентльмена, преисполненнаго того *cant'a* и той *respectabilily*, къ которымъ Шелли питалъ ненависть и презрѣніе. Никогда еще не сталкивались двѣ болѣе враждебныхъ по природѣ натуры: но Гоггъ былъ болтливъ и добродушенъ, и оказалъ Шелли ту услугу, что давалъ ему реплику въ безконечныхъ философскихъ преніяхъ. Поэтъ настойчивѣе чѣмъ когда-либо продолжалъ свои химическіе опыты и свои философскія изученія. Loккъ, Бэконъ, Юмъ и—что еще серьёзнѣе—Гоббесъ вскорѣ стали его обычными писателями. Не довольствуясь этимъ, онъ съ жадностью набросился на французскихъ философовъ великаго вѣка: Вольтеръ, Гольбахъ, Кабанисъ, Лапласъ даже, несмотря на его трудность, вскорѣ стали вполнѣ понятными для этой пылкой и ненасытной души. Въ то же самое время онъ читалъ Платона и всего болѣе восхищался его слогомъ и діалектикой.

Результатомъ всѣхъ этихъ занятій было сочиненіе знаменитой брошюры, озаглавленной «The necessity of Atheism», отъ которой не сохранилось ни одного экземпляра: но главные отрывки изъ нея были заново напечатаны авторомъ въ видѣ примѣчаній къ поэмѣ «Королева Мэбъ». Тутъ начинаются разгла-

---

[1]) См. 8-ю серію, изданіе Чатто и Уиндуса, стр. 327.

гольствованія Гогга, представляющаго все дѣло въ видѣ шутки, или философскаго турнира, лишеннаго всякаго серьёзнаго значенія [1]). Сверхъ того, по его же словамъ, все это не предназначалось для печати и пр. и пр. Между тѣмъ, никогда еще страсть къ печатанію своихъ произведеній,—эта страсть великодушныхъ душъ, влюбленныхъ въ славу, равно какъ и стремящихся разоблачить истину, не проявлялась энергичнѣе, чѣмъ у нашего молодого ученаго. И тутъ Гогга можно уличить съ поличнымъ въ неправдѣ. Откройте «Oxford and University Herold» отъ 9-го февраля 1811 г., и вы увидите тамъ объявленіе о вышеупомянутой брошюрѣ, съ цитатой Бэкона, вмѣсто девиза, и по всей вѣроятности эпиграфа, и все это въ сопровожденіи обычнаго примѣчанія: «to be had at the booksellers of London and Oxford» (можно получить у книгопродавцевъ Лондона и Оксфорда).

Результаты не заставили себя ждать. Въ одно прекрасное весеннее утро въ «Lady-day» того самаго 1811 г. Шелли былъ призванъ къ принципалу и fellows его коллегіи. У него спросили: онъ ли авторъ вышеупомянутой книги, и такъ какъ онъ отказался отвѣчать на этотъ вопросъ, то былъ тутъ же изгнанъ изъ университета, съ приказаніемъ оставить его въ двадцать-четыре часа. Другъ его Гоггъ, потребовавшій объясненій, былъ немедленно почтенъ такимъ же приговоромъ.

Итакъ, нашъ юный философъ былъ выгнанъ изъ университета. Пустяки! скажутъ. Но дѣло въ томъ, что передъ нимъ разомъ захлопнулись двери родного дома и общества. Отецъ его, ничтожный джентри, напыщенный своимъ богатствомъ, послалъ ему проклятіе съ приказаніемъ никогда не переступать за порогъ его дома. Достойный соперникъ отца Клариссы Гарло, этотъ будущій баронетъ, не взирая на свой вигизмъ, проникается безграничнымъ отвращеніемъ къ человѣку, который осмѣливается нападать на три столпа общественнаго зданія: англиканскую церковь, корону и лордовъ. Давно уже онъ ненавидитъ этого прелестнаго сына, такъ много обѣщающаго, но совсѣмъ на него не похожаго, и пользуется первымъ представившимся случаемъ, чтобы вышвырнуть его за дверь. Чтобы покончить съ этимъ отвратительнымъ сюжетомъ скажемъ теперь же, что черезъ нѣкоторое время и по настояніямъ герцога Норфолькскаго, онъ согласился назначить Шелли содержаніе въ 200 ф. стерлинговъ. Позднѣе, въ 1813 г., сдѣлавшись «сэромъ Тимоти», т.-е. баро-

---

[1]) *Hogg*. The life of Shelley. London. Moxon. 2 vol. in 8°. 1858. tom. I, p. 270.

нетомъ, и располагая состояніемъ, дававшимъ около ста тысячъ рублей серебромъ въ годъ дохода, онъ увеличилъ это содержаніе до пяти тысячъ рублей, но съ условіемъ, чтобы сынъ его отказался въ пользу младшаго брата отъ наслѣдства титула и земель: поэтъ продалъ свое первенство за блюдо чечевицы; но то была вынужденная продажа, настоящій грабежъ [1]).

Двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти поэта, когда вдова его готовилась выпустить въ свѣтъ полное изданіе его произведеній, сэръ Тимоти строго-на-строго запретилъ ей печатать какія бы то ни было біографическія свѣдѣнія, угрожая въ случаѣ неповиновенія оставить ее и ея ребенка безъ всякихъ средствъ къ жизни. Эта послѣдняя черта дополняетъ характеристику этого человѣка. Пусть мнѣ укажутъ болѣе яркій примѣръ буржуазной низости и жестокосердія. Пріятно думать, что Шелли отплатилъ, насколько могъ, тому, кого иначе не называетъ какъ «брюзгой» (Killjoy): «Мнѣ кажется—писалъ онъ разъ—что если бы я былъ вынужденъ завести сношенія съ Калибаномъ Шекспира, съ какимъ угодно негодяемъ—за исключеніемъ, однако, лорда Кортнэ, моего отца и епископа Уобертона—то я бы нашелъ что похвалить въ нихъ» (*Hogg*, t. I, p. 370).

Люди, расположенные къ нему, порицали его за эти выраженія, во имя дюжинныхъ банальностей. Я полагаю, что они не правы: Шелли, напротивъ того, оказалъ истинную услугу нравственности, сражаясь съ той явной безнравственностью, въ силу которой несправедливость считается добродѣтелью, когда исходитъ отъ отца. Если нѣтъ ничего выше и почтеннѣе просвѣщенной родительской власти, за то я не знаю ничего презрѣннѣе тиранніи звѣрскаго отца. Мнѣ кажется, что Шелли думалъ объ этомъ, когда выбиралъ сюжетомъ исторію *Ченчи*. Онъ пригвоздилъ къ позорному столбу безчестныхъ отцовъ.

Немного времени спустя послѣ своего изгнанія изъ Оксфорда, онъ вступилъ въ свой первый и несчастный бракъ съ Гарріэтой Уэстбрукъ, «дѣвушкой съ такимъ бѣлорозовымъ лицомъ, что оно напоминало розы и лиліи,—съ такими волосами, о которыхъ мечтаютъ поэты», говоритъ миссъ Шелли. Ей было шестнадцать лѣтъ, а ему девятнадцать. Несомнѣнно, что онъ никогда не любилъ ее серьёзно, но молодая дѣвушка искала его покровительства подъ самымъ пустымъ предлогомъ (отецъ хотѣлъ оставить ее въ пан-

---

[1]) Этотъ единственный братъ умеръ немного времени спустя послѣ поэта, и этому-то обстоятельству сынъ Шелли, сэръ Перси Флоренсъ, обязанъ тѣмъ, что владѣетъ состояніемъ и титуломъ, которыми его отецъ никогда не пользовался.

сіонѣ на одинъ лишній годъ)—и поэтъ счелъ себя обязаннымъ убѣжать съ ней и обвѣнчаться.

Это происходило въ концѣ 1811 года. Медовый мѣсяцъ не успѣлъ пройти, какъ Шелли рѣшилъ пуститься въ столь опасную въ то время сферу политики и примѣнить нѣкоторые изъ своихъ философскихъ и соціальныхъ принциповъ. Ирландія находилась тогда въ полномъ разгарѣ движенія за освобожденіе католиковъ и отмѣну союза. Онъ, не колеблясь, пріѣхалъ въ Дублинъ, говорилъ рѣчи на митингѣ, причемъ обнаружилъ замѣчательный ораторскій талантъ и обнародовалъ, кромѣ адресса къ ирландскому народу, проектъ ассоціаціи и *декларацію правъ*, въ которой выражены нѣкоторые весьма замѣчательные взгляды [1]). Совсѣмъ тѣмъ католическій фанатизмъ островитянъ не вязался съ его независимымъ духомъ, и два мѣсяца спустя послѣ своего прибытія онъ уѣхалъ изъ Ирландіи, покончивъ, какъ онъ самъ это заявляетъ, съ своимъ дѣломъ.

Возвратясь въ Англію, онъ напечаталъ поэму «Queen Mab» въ началѣ 1813 [2]). Это настоящая «философская поэма», какъ на это указываетъ заголовокъ, самый смѣлый, какой только появлялся со временъ Лукреція. Я согласенъ съ Суинбёрномъ, что существуетъ цѣлая пропасть, съ точки зрѣнія формы, между этимъ первымъ серьёзнымъ произведеніемъ и позднѣйшими стихотвореніями Шелли. Но на немъ тѣмъ не менѣе лежитъ отпечатокъ генія и чувствуется по временамъ присутствіе той мощи, которая развилась впослѣдствіи. Для меня эта поэма крайне интересна, потому что въ ней выражены философскія, политическія и религіозныя убѣжденія, которыя—за исключеніемъ рѣз-

---

1) *См.* „Address to the Irish people" и „Proposals for an association", перепечатанные въ 4 т. изданія Чатто и Уиндуса.—О подробностяхъ этого посѣщенія Ирландіи *см.* весьма интересную книгу Маккарти: „Shelley's early Life. London. J. C. Holten. 1872. Всѣ подробности новы или же были до сихъ поръ темны и криво поняты.

2) Въ *Британскомъ музеѣ* есть одинъ экземпляръ ея. Эпиграфомъ на первой страницѣ стоитъ боевой кликъ Вольтера: „Ecrasez l'infâme!" а внизу напечатано: „printed by P. B. Shelley 23, Chapel street, Grosvenor square". Поэтъ намѣревался распространять ее изъ рукъ въ руки. Но одинъ книгопродавецъ, по имени Кларкъ, пустилъ ее въ продажу безъ позволенія автора. Онъ былъ судимъ и признанъ виновнымъ въ „Old Bailey" и получилъ прощеніе только благодаря тому, что передалъ всѣ экземпляры въ руки „общества для искорененія порока", которое ихъ уничтожило. Позднѣе, въ 1821 г., поэма была снова издана въ Лондонѣ. Шелли написалъ въ „Examiner", „для предупрежденія возможныхъ послѣдствій этой публикаціи", не отрицая ничего, кромѣ рѣзкой и неудовлетворительной формы этого юношескаго произведенія и снова заявляя себя „ожесточеннымъ врагомъ всякаго угнетенія, исходитъ ли оно отъ религіи, отъ семьи или отъ общества".

кости формы—повторялись въ произведеніяхъ Шелли до конца его дѣятельности.

Королева Мэбъ, царица фей и геній міра увлекають духъ молодой Янте въ небесныя пространства, гдѣ ему будетъ дано созерцать прошлое, настоящее и читать «тайны будущаго». Оба граціозныхъ сильфа возносятся въ верхнія сферы, гдѣ вселенная раскрывается передъ ихъ глазами:

Countless and unending orbs
In mazy motion intermingled
Iet still fulfill'd immutably
Eternal nature's law [1]).

Фея воскрешаетъ воспоминаніе о прошлыхъ царствахъ: тамъ гдѣ были Аѳины и Спарта, теперь нравственная пустыня, и въ томъ городѣ, гдѣ жили Цицеронъ и Антонины—

A cowl'd and hypocritical monk
Prays, curses and deceives [2]).

А кто нарушилъ гармонію міра? кто ввелъ зло на землю? Политическій и религіозный деспотизмъ. Слѣдуетъ затѣмъ знаменитый и классическій отрывокъ о наказаніи атеиста: Янте разсказываетъ, что когда она была маленькой дѣвочкой, мать повела ее смотрѣть на это страшное зрѣлище, и такъ какъ она плакала:

Weep not, child! cried my mother, for this man
Has said: there is no God [3]).

Но рядомъ съ этой критикой богословской идеи, Шелли, различаясь въ этомъ съ Байрономъ, воспѣваетъ природу. Предчувствуя открытія біологіи и новѣйшей астрономіи, онъ окончательно запечатлѣваетъ плодотворный союзъ между наукой и поэзіей. Онъ уже знаетъ, что «ничто не теряется, ничто не созидается», и воспѣваетъ въ великолѣпныхъ стихахъ то, что̀ онъ называетъ *all pervading spirit*—силу, какъ бы сказали нынче:

That knows no term, cessation or decay [4]).

Наконецъ, онъ намъ показываетъ въ будущемъ міръ, счастливый и обновленный «любовью, свободой и здоровьемъ». Зло исчезло:

---

[1]) Гдѣ безчисленные и безконечные міры неизмѣнно отправляютъ законъ вѣчной природы.

[2]) Лицемѣрный монахъ въ капюшонѣ молится, проклинаетъ и обманываетъ.

[3]) Не плачь, дитя, вскричала моя мать, потому что этотъ человѣкъ говорилъ: нѣтъ Бога.

[4]) Которой нѣтъ ни срока, ни конца, ни уничтоженія.

земля стала плодородной отъ экватора до полярныхъ странъ, левъ сдѣлался такимъ же кроткимъ, какъ ягненокъ, а человѣкъ, сострадательный и добрый, живетъ свободный и гордый, «равнымъ среди равныхъ». Все совершенно и прелестно и хочется увѣровать въ мечту поэта и воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ:

«Happy earth! reality of Heaven!»

По прошествіи всего лишь одного года Шелли напечаталъ «Refutation of Deism»: это—философское сочиненіе, недавно найденное и перепечатанное въ 4-мъ томѣ изданія Чатто и Уиндуса. Оно написано ясно, твердо, категорично, той чудесной и гармоничной прозой, которой умѣютъ писать одни поэты, что̀ бы тамъ ни говорили. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ «Queen Mab», мы встрѣчаемъ взгляды, въ высшей степени смѣлые. Предвосхищая самыя послѣднія открытія, авторъ приходитъ къ мысли о соотвѣтствіи аналогичности свѣта, электричества, мысли, которыя всѣ, говоритъ онъ, имѣютъ права на безсмысленное названіе нематеріальныхъ агентовъ (*the unmeaning distinction of immateriality*). Раньше Дарвина онъ утверждаетъ, что различіе животныхъ видовъ происходитъ отъ приспособленія ихъ организма къ условіямъ окружающей среды.

Въ концѣ того же 1814 года, Шелли, бросивъ Гарріэту, убѣжалъ на континентъ съ Мэри Годуинъ, дочерью автора «Political justice» и знаменитой Мэри Уольстонкрафтъ. Онъ проводилъ въ жизнь принципы, высказанные въ «Queen Mab», въ силу которыхъ считалъ брачныя узы результатомъ «феодальнаго варварства и несовершенной цивилизаціи». Какъ бы ни судили объ его воззрѣніяхъ, но несомнѣнно, что семейная жизнь молодого поэта превратилась въ адъ. Гарріэта не была достойна своей участи: эта молодая дѣвушка, самаго дюжиннаго разбора, вообразила, что поймала сына баронета, съ титуломъ и великолѣпнымъ состояніемъ. А ей достался всего-на-все—великій человѣкъ, геній съ золотымъ сердцемъ, что̀ не всегда бываетъ соединено въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Но этого для нея было мало: подстрекаемая старшей сестрой, она наполняетъ домъ своими капризами и упреками [1]). По моему мнѣнію, такое поведеніе въ данномъ случаѣ было преступно, и Шелли вынужденъ былъ отвергнуть эту чашу.

Случилось же на бѣду, что жена, которую онъ бросилъ, покончила сама съ жизнью и утопилась въ Серпентайнѣ, рѣчкѣ,

---

[1]) См. письма Шелли къ Готту, т. II, стр. 514.

протекающей по Гайдъ-Парку. Это случилось два года спустя послѣ того, какъ Шелли ее бросилъ, и хотя лэди Шелли [1]) не сочла еще нужнымъ обнародовать документы, касающіеся этого дѣла, но ея недомолвки не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ истинной причины самоубійства жены Шелли. Гарріэта нашла себѣ новаго покровителя, чего, конечно, нельзя поставить ей въ вину, но, кажется, что выборъ ея не былъ счастливъ, и что самоубійство главнымъ образомъ обусловливалось печальными послѣдствіями несчастной связи.

Шелли былъ пораженъ до глубины души печальной вѣстью. Эта молодая женщина, кончившая такъ трагично, была первой подругой его молодости; къ тому же, онъ предчувствовалъ, что враги его не преминутъ по-своему воспользоваться этимъ событіемъ. Первой заботой его было потребовать своихъ двухъ дѣтей, которыхъ мать, по общему уговору, оставила у себя, когда они разъѣхались. Отецъ Гарріэты отказался ихъ отдать. Началась тяжба, въ 1817 г., и лордъ Эльдонъ, бывшій тогда великимъ канцлеромъ, рѣшилъ ее противъ Шелли, и изрекъ одинъ изъ тѣхъ приговоровъ, которые ложатся неизгладимымъ пятномъ на магистратуру цѣлаго края: «принимая во вниманіе,—говоритъ онъ,—что ничѣмъ не доказано, что этотъ джентльменъ отрекся въ настоящее время отъ принциповъ, которые онъ проповѣдывалъ въ 19 лѣтъ»— дѣти поэта были поручены передъ тѣмъ одному священнику англиканской церкви,—судъ постановилъ: не возвращать дѣтей отцу. Такимъ образомъ, въ этой странѣ—ставшей съ тѣхъ поръ свободной—у отца отняли дѣтей за то, что его убѣжденія были недостаточно ортодоксальны. Ничего подобнаго не видали со времени отмѣны Нантскаго эдикта и драгонадъ Людовика XIV.

Для нѣжной и впечатлительной души Шелли этотъ ударъ былъ самымъ чувствительнымъ: онъ никогда не могъ въ немъ утѣшиться. Въ самый годъ своей смерти, онъ намекалъ на него въ слѣдующихъ строкахъ, напечатанныхъ впервые, въ интересномъ маленькомъ томикѣ, м-ромъ Ричардомъ Гарнетомъ и озаглавленномъ «Relics of Shelley» (1862): «на меня щедрой рукой сыпали гоненія, оскорбленія и клеветы. Семья и общество стакнулись, чтобы нарушить въ моемъ лицѣ самыя священныя права человѣка. Фанатикъ увидитъ въ этомъ справедливую кару за мои заблужденія; свѣтскій человѣкъ—результатъ моей неосторожности: но никогда еще на голову одного человѣка...» Остальное зате-

[1]) „Shelley's Memorial". London. 1859. Лэди Шелли—жена сэра Перси Флоренсъ Шелли, сына поэта.

ряно, но его не трудно пополнить,—и нельзя не сочувствовать громадному горю, несправедливо причиненному кротчайшему и лучшему изъ людей.

Къ сожалѣнію, тутъ не мѣсто распространиться о лучшемъ произведеніи поэта: «Prometheus unbound». Онъ началъ его въ половинѣ 1818 г. и окончилъ слѣдующей весной въ Римѣ, среди циклопскихъ развалинъ бань Каракаллы. Кто имѣлъ счастіе созерцать эти грандіозные остатки римскаго величія, тотъ безъ труда пойметъ, какое дѣйствіе должно было произвести подобное зрѣлище на такого геніальнаго человѣка, какъ Шелли. Я присовокуплю только одно слово: «Прометей», произведеніе превосходное и совершенное само по себѣ, стремится къ тѣмъ же философскимъ, политическимъ и соціальнымъ выводамъ, какъ и «Queen Mab». Форма возвышеннѣе, выраженія — на видъ, по крайней мѣрѣ,—умѣреннѣе: сущность остается та же самая.

Въ предыдущемъ году появилась «Laon and Cythna». Вотъ настоящее и возстановленное отнынѣ м-ромъ Форменомъ заглавіе поэмы, извѣстной вообще и совсѣмъ некстати подъ названіемъ «Revolt of Islam». Въ этомъ длинномъ произведеніи, заключающемъ въ себѣ двѣнадцать пѣсенъ, Шелли захотѣлъ воспѣть французскую революцію, ея взрывъ, ея торжество и ея гибель, столь же роковую, какъ и преждевременную. Онъ захотѣлъ зажечь въ сердцахъ своихъ читателей, какъ самъ говоритъ въ своемъ предисловіи, «благородный энтузіазмъ къ тѣмъ ученіямъ справедливости и свободы, къ той вѣрѣ въ добро, которыхъ предразсудки, насиліе и ложь никогда не смогутъ вполнѣ искоренить среди людей». Герою Лаону помогаетъ въ дѣлѣ возмущенія и обновленія общества сестра Cythna, которая дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ его возлюбленной; въ ней поэтъ пожелалъ олицетворить свободную и равную мужчинѣ женщину, которую освобожденные народы избираютъ—

To be the Priestess of this holiest rite

—(быть жрицей святой церемоніи) на праздникѣ федераціи, на которомъ—

A hundred nations swear that there shall be
Pity and Peace and Love, among the good and free [1].

Надо прочесть пламенный диеирамбъ въ V пѣснѣ въ честь новыхъ принциповъ, провозглашаемыхъ на развалинахъ прошлаго.

[1]) Сотни націй клянутся, что среди добрыхъ и свободныхъ людей будетъ царствовать сострадаліе, миръ и любовь.

«Побѣда!» — восклицаетъ Cythna, въ нѣкоторомъ родѣ богиня, вдохновляемая разумомъ и свободой:

Victory, victory to the prostrate nations!
Bear witness, hight! and ye mute constellations
Who gaze on us from your crystalline cars!
Thoughts have gone forth whose powers can sleep no more.

Дѣйствіе этой публикаціи не замедлило обнаружиться. Не много времени спустя послѣ того, какъ книга была пущена въ продажу, издатель увѣдомилъ Шелли, что онъ долженъ изъять ее изъ обращенія. Поэтъ написалъ по этому поводу письмо, и отказался сдѣлать тѣ измѣненія, какія ему ставились, какъ *conditio sine qua non* дальнѣйшей продажи. Впослѣдствіи онъ уступилъ, не желая видѣть преждевременную гибель дѣтища, на которое возлагалъ такъ много надеждъ. Онъ *исправилъ* страницъ сорокъ, и поэма появилась подъ заглавіемъ: «Revolt of Islam», которое миссисъ Шелли совсѣмъ напрасно удержала въ изданіи произведеній своего мужа. Къ изданію м-ра Формена приложено *fac-simile* страницы, исправленной рукой Шелли. Напримѣръ, слово «God», сопровождаемое извѣстными эпитетами, замѣнено словомъ «Power» и т. д.

Остальная жизнь поэта извѣстна: пребываніе въ Италіи, дружба съ Байрономъ и Леемъ Гонтомъ, катастрофа въ Генуэзскомъ заливѣ, смерть двадцати-девяти лѣтъ отъ роду, и какъ достойный вѣнецъ такой изумительной жизни—похороны, достойныя временъ Софокла или Пиндара. Мнѣ хотѣлось подробнѣе поговорить о первыхъ юношескихъ годахъ и пополнить пробѣлъ, указавъ на развитіе и быстрый и преждевременный складъ радикальныхъ мнѣній у этого геніальнаго человѣка, котораго Англія начинаетъ, наконецъ, понимать какъ слѣдуетъ, то-есть какъ величайшаго поэта, украшающаго собой наше столь плодотворное XIX столѣтіе.

II.

1) *I. Talboys Wheeler:* History of India from the earliest ages. Vol. I. The Vedic period and the Mahabharata. Vol. II. The Ramayana and the Brahmanic period. Vol. III. Hindu. Budhist. Brahmanical revival. Vol. IV. Musulman rule. London. Trübner and C°. 1867—1877.—2) *Richard Barton:* Sind revisited. London. Bentley. 2 vol. in 8°. 1877.

Вотъ уже десять лѣтъ, какъ начало печататься сочиненіе Уилера, и оно до-сихъ-поръ еще не доведено до конца. Четвертый томъ, тотъ, въ которомъ говорится о мусульманской Индіи, еще не окон-

ченъ. Между тѣмъ онъ доводитъ насъ до XVII вѣка, и если принять во вниманіе, что авторъ вознамѣрился изложить исторію Индіи съ самыхъ отдаленныхъ временъ, то придется признать, что онъ выполнилъ самую значительную и самую трудную часть своего труда. Она вмѣстѣ съ тѣмъ и самая интересная: и въ тотъ моментъ, когда общественное вниманіе такъ сильно занято великимъ вопросомъ «британскихъ интересовъ», не безполезно будетъ указать безъ дальнѣйшаго промедленія на такую замѣчательную книгу, тѣмъ болѣе, что она написана такимъ авторитетнымъ перомъ. М-ръ Тальбойсъ Уилеръ служилъ когда-то секретаремъ остъ-индскаго правительства по иностраннымъ дѣламъ.

И прежде всего за нимъ остается та заслуга, что онъ предпринялъ дѣло безпримѣрное. Въ послѣднее время удалось воспроизвести историческіе періоды почти баснословной древности; но все же при этомъ имѣлись въ распоряженіи кое-какія указанія, кое-какіе документы, главнымъ же образомъ надписи, которыя почти совсѣмъ отсутствуютъ въ исторіи Индіи, по-крайней-мѣрѣ относительно періода, предшествовавшаго вторженію мусульманъ. Но если у индусовъ не имѣется историческихъ лѣтописей, зато они могутъ соперничать съ какимъ угодно народомъ, послѣ грековъ, въ дѣлѣ національной и легендарной эпопеи. Уступая, что бы тамъ ни говорили, съ точки зрѣнія замысла Иліадѣ и Одиссеѣ, обѣ великія эпическія поэмы: Рамайяна и Магабарата равны имъ по своему историческому значенію.

Опираясь на эти данныя и слѣдуя примѣру Грота, который посвящаетъ изложенію гомеровскихъ и другихъ поэмъ первые два тома своей исторіи Греціи, Уилеръ прибѣгнулъ къ тому же способу. Но только такъ-какъ другихъ матеріаловъ абсолютно у него не было, то онъ отвелъ двумъ великимъ индусскимъ поэмамъ значительное и совсѣмъ несоразмѣрное мѣсто, такъ-какъ изъ четырехъ томовъ, изъ которыхъ состоитъ его исторія—доведенная до конца XVII столѣтія,—два, самыхъ толстыхъ, наполнены отчетомъ и переводомъ этихъ эпопей.

Затѣмъ, такъ-какъ надо было извлечь изъ этой груды богатыхъ и сбивчивыхъ подробностей нѣсколько точныхъ фактовъ, онъ посвятилъ этому дѣлу свой третій томъ. Отсюда произошли почти невольныя повторенія, которыя, быть можетъ, и составляютъ самый серьёзный недостатокъ всего сочиненія. Какъ бы то ни было, этотъ третій томъ образуетъ самъ-по-себѣ нѣчто цѣлое и представляетъ картину первобытной исторіи Индіи, которой мы не найдемъ нигдѣ больше.

Въ началѣ изложенъ ведическій періодъ, самымъ драгоцѣн-

нымъ памятникомъ котораго являются священныя книги: Веды. Эта эпоха первобытныхъ арійцевъ, въ тотъ моментъ, когда индусская отрасль только-что отдѣлилась отъ общей вѣтви и проникла въ Индостанъ черезъ сѣверо-западный проходъ и поселилась въ бассейнѣ Инда. Кастъ еще не существовало, и религіей было многобожіе, вполнѣ аналогичное съ религіей Греціи въ ея самые прекрасные дни. По словамъ Уилера, въ Магабаратѣ можно найти слѣды цивилизаціи и нравовъ этой первобытной эпохи. Эпическій городъ Гастинапуръ, расположенный на верхнемъ теченіи Ганга, недалеко отъ Гималайевъ и Инда, повидимому, обозначаетъ первый этапъ арійскаго вторженія, ограничивавшагося пока сѣверо-западной оконечностью полуострова. Раджъ (rex) или раджа есть въ нѣкоторомъ родѣ феодальный глава, живущій во дворцѣ или въ укрѣпленномъ замкѣ среди населенія изъ землепашцевъ. Другихъ священниковъ или мудрецовъ, кромѣ *риши*, не существуетъ; браминовъ еще нѣтъ и въ поминѣ.

Въ Рамайянѣ совершается важная перемѣна. Во-первыхъ, завоеваніе пошло дальше: мы переносимся почти въ Аудъ, въ великій императорскій городъ Айодіа, гораздо дальше на востокъ. Вмѣсто земледѣльческой колоніи мы видимъ великолѣпный городъ, и надо прочитать въ самой поэмѣ его описаніе, по истинѣ великолѣпное и эпическое, и вмѣстѣ съ тѣмъ такое поучительное:

«Была нѣкогда славная страна, по прозванью Козала, и въ этой странѣ на берегахъ рѣки Сарайя возвышался знаменитый городъ, по имени Айодіа, и всѣ дома въ немъ были просторные и прекрасно-выстроенные, а улицы безпрестанно поливались. И въ немъ было пропасть храмовъ, богато-убранныхъ, и великолѣпные дворцы съ куполами, такими высокими, какъ горы, окруженные чудными садами, наполненными цвѣтами и птицами, и тѣнистыми рощами, гдѣ деревья склонялись подъ тяжестью плодовъ, и, наконецъ, тамъ были священныя и блестящія колесницы боговъ. А резервуары съ водой были такъ великолѣпны, что и описать нельзя и покрыты бѣлыми лотусами; и пчелы вздыхали по меду, а вѣтерокъ удалялъ бѣлый лотусъ отъ пчелъ, подобно тому, какъ скромность удаляетъ мужа отъ застѣнчивой невѣсты.... Въ городѣ Айодіа жило много народу и всѣ были счастливы и здоровы, и каждый могъ наѣдаться самымъ отборнымъ рисомъ; и у всѣхъ купцовъ магазины были биткомъ набиты драгоцѣнностями, привезенными со всѣхъ концовъ земли. Брамины поддерживали священный огонь и въ совершенствѣ знали Веды и обладали всѣми возможными качествами. Послѣ нихъ шли кшатріи, которые всѣ были воинами и постоянно упражнялись въ употребле-

ніи оружія, въ присутствіи Магарайи. Затѣмъ шли вайсіи или купцы и, наконецъ, судры, состоявшіе на службѣ у боговъ и у браминовъ» [1]).

Система кастъ уже введена: мы находимся въ полномъ разгарѣ браминскаго періода. Безъ сомнѣнія, обѣ поэмы были написаны въ одну и ту же эпоху, и позднѣйшую, но въ сущности брамины обработывали древнія легенды; и, передѣлывая ихъ на свой ладъ въ частностяхъ, они необходимо должны были держаться общихъ данныхъ. Они должны были, напримѣръ, допустить *лунное* происхожденіе династіи Гастинапура: но только прибавили, что сама луна происходитъ отъ брамина и все это для вящшей славы и выгоды своего ордена. Въ Рамайянѣ уже не говорится о *ришахъ:* брамины заняли ихъ мѣсто. Но кшатріи играютъ важную роль: мы находимся среди періода непрестанныхъ войнъ и завоеваній, въ моментъ рѣшительной борьбы между пришлыми арійцами и туземцами, народами туранской расы, которые первые заняли область Индостана.

Впрочемъ, читатели могутъ найти всѣ эти подробности въ самой книгѣ Уилера, а я упомяну только объ одномъ пунктѣ, который очень трудно, хотя и необходимо выяснить: о превращеніи первобытной арійской или ведической религіи въ браминскую. Какимъ образомъ это чистое и несложное поклоненіе силамъ природы выродилось въ отвратительную теологическую систему или—говоря словами Расина—

Comment en un plomb vil l'or pur s'est-il changé?

Вотъ что́ трудно понять и что́ Уилеръ не разъяснилъ удовлетворительно. Около XIII столѣтія до христіанской эры брамины, сначала простые прислужники кшатріевъ при жертвоприношеніяхъ, организовали изъ себя священническую коллегію и мало-по-малу водворили ужасающую клерикальную тираннію. Они заимствовали изъ Ведическаго Пантеона самое отвлеченное божество, олицетвореніе молитвы *Браманаспати.* Они сдѣлали изъ него Браму «Нераздѣлимаго, верховный Разумъ, Творца всего существующаго, Бога Солнца съ золотымъ пупомъ (*Hiranya-garbha*), изображаемаго съ четырьмя головами, но который самъ есть не что иное, какъ первое проявленіе Вѣчнаго Существа, источника всѣхъ вещей, все, *Панъ* Брамы» (средняго рода). Изъ этого Брамы происходитъ весь міръ и долженъ къ нему вернуться,— отсюда ученіе о переселеніи душъ... Это-то непонятное существо

---

[1]) Отрывокъ изъ Рамайяны, приведенный въ II т., стр. 5.

обозначаетъ между прочемъ вѣщій слогъ *Аит* (съ носовымъ звукомъ), который имѣетъ одинъ звукъ, хотя и состоитъ изъ трехъ буквъ. «Человѣкъ, говоритъ законъ Ману, родился, согласно своимъ поступкамъ, невѣжественный, нѣмой, слѣпой, глухой, безобразный: кто не искупилъ своихъ поступковъ, тотъ будетъ наказанъ послѣ своей смерти».

Вотъ ключъ системы, и послѣ этого не знаешь чему болѣе дивиться: адской изобрѣтательности браминовъ въ измышленіи мукъ и напастей, которыя претерпѣваетъ душа, прежде чѣмъ соединится съ Брамой, или же легковѣрію народа, принявшаго все за чистую монету.

Отнынѣ дѣло уже идетъ не объ умозрѣніяхъ о происхожденіи міра. Все основано на карахъ, убіеніи плоти, жертвахъ, словомъ—на искупительныхъ дѣйствіяхъ, которыя одни считаются добродѣтельными. Ученіе браминовъ есть не что иное, какъ разсужденіе объ испорченности міра. Замѣтьте при этомъ, что браминъ—единственное лицо, изъ нѣдръ котораго душа можетъ прямо вернуться къ своему источнику—Брамѣ. Одни только боги выше брамина, да и то еще онъ можетъ не только сравняться съ ними, но и подчинить ихъ себѣ приличной дозой поста и молитвы: какъ это было съ страшнымъ Раваной, злымъ духомъ Рамайяны, сдѣлавшимся всемогущимъ, благодаря десятитысячелѣтнему посту и убіенію плоти.

Рядомъ съ этими отвратительными заблужденіями, сочиненными священнической кастой, мы находимъ нѣкоторыя изъ благородныхъ представленій арійскаго генія. И прежде всего признаніе чистѣйшаго пантеизма въ іерархической классификаціи вещей въ природѣ,—классификаціи, обнимающей собою все, начиная отъ неорганической матеріи и кончая богами. Такимъ образомъ душа кровосмѣсителя переходитъ сто разъ въ ліану, растеніе, прежде нежели возродиться къ высшему существованію.

Затѣмъ наступила буддистская реформа, ея торжество отъ 400 лѣтъ до Р. Х., и по 800 г. по Р. Х. ея окончательное паденіе въ Индіи и возрожденіе браминской религіи. И вотъ когда брамины, наученные прошлымъ опытомъ и желая привлечь всѣ расы, отводятъ болѣе важное мѣсто, съ одной стороны, Вишну, благодѣтельному божеству, а съ другой—Шивѣ, богу разрушителю и обновителю туземцевъ Декана. Наконецъ они соединяютъ ихъ съ Брамой, богомъ созидающимъ, и образуютъ знаменитую индійскую троицу.

Впрочемъ, надо сказать, что сочиненіе Уилера грѣшитъ главнымъ образомъ общими выводами. Такимъ образомъ подъ тѣмъ

предлогомъ, что онъ незнакомъ очень близко ни съ санскритскимъ языкомъ, ни съ наукой о религіяхъ, онъ принимаетъ безъ всякой критики самыя рискованныя заключенія Макса Мюллера. И вотъ, изложивъ въ двухъ толстыхъ томахъ доказательства противнаго, онъ дѣлаетъ выводъ о монотеизмѣ арійцевъ въ ведическомъ періодѣ. Съ другой стороны, неоконченный томъ, тотъ, въ которомъ говорится про мусульманскую Индію, оставляетъ много желать лучшаго; но надо подождать конца, прежде чѣмъ высказать окончательное сужденіе. Несмотря на этотъ пробѣлъ и на неудовлетворительность выводовъ, это сочиненіе является драгоцѣннымъ и необходимымъ сборникомъ, — кромѣ того, только въ немъ можно найти удовлетворительную исторію Индіи въ періодъ, предшествовавшій мусульманскому завоеванію.

Книга Ричарда Бартона «*Sind revisited*» даетъ интересный матеріалъ къ изученію той же страны. Какъ показываетъ заглавіе, это такъ-сказать второе изданіе, значительно увеличенное, книги, изданной въ первый разъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Сочиненіе пересмотрѣно за-ново и содержитъ любопытныя подробности о нравахъ индусовъ вообще, а не однихъ только жителей провинціи, упоминаемой въ заглавіи. Отмѣчу мимоходомъ слѣдующій фактъ объ этихъ послѣднихъ, поразившій меня. Авторъ разсказываетъ, какъ эти «язычники» энергически сопротивлялись привитію оспы, подъ тѣмъ предлогомъ, что оспа посылается въ наказаніе богомъ и что грѣшно стараться уклониться отъ этого бича. Между тѣмъ въ половинѣ прошлаго столѣтія не малое число «христіанъ» медицинскаго факультета парижскаго университета отвергали, какъ безбожное нововведеніе, нарушающее права божества, точь-въ-точь какъ вышеупомянутые «язычники», привитіе оспы, проповѣдывавшееся Вольтеромъ и энциклопедистами. Религіозные предразсудки одинаковы на берегахъ Инда и на берегахъ Сены.

Отмѣтимъ еще недавно вышедшіе въ свѣтъ «Despatches and Papers of the marquess of Wellesley», во время пребыванія его членомъ остиндскаго правительства (Oxford, Clarendon Press, 1877), — важные документы для исторіи англійскаго завоеванія въ первые годы нынѣшняго столѣтія.

III.

1) *Captain Burnaby:* On Horseback through Asia Minor. London. Sampson Low. 2 vol. in 8°, 352 und 399 pages, 1877.—2) *Captain H. C. Marsh:* A ride through Islam. London. Tinsby, 1 vol. in 8°, 214 pages, 1877.

Прогулка верхомъ на лошади по Малой-Азіи—до Хивы [1]), вотъ заглавія сочиненій, отнынѣ знаменитыхъ въ Лондонѣ, капитана конной гвардіи, Фрэда Бэрнеби. Пусть не удивляются его успѣху. Онъ обладаетъ, по словамъ «Athenaeum», всѣми качествами, которыя англичане считаютъ спеціальнымъ достояніемъ своей расы: энергіей, рѣшимостью, стойкостью и тѣмъ капитальнымъ свойствомъ, въ силу котораго человѣкъ умѣетъ повелѣвать собою и другими. Прибавимъ къ этому крѣпкое и мускулистое тѣлосложеніе, если судить по чертамъ лица, насколько ихъ вѣрно передаетъ фотографія, приложенная къ сочиненію, и согласимся, что капитанъ родился подъ счастливой звѣздой, и осуществилъ собою всѣ стороны англійскаго идеала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ему нельзя отказать въ извѣстной дозѣ *юмора*, а этого одного болѣе чѣмъ достаточно, чтобы объяснить успѣхъ его кавалькадъ. Онъ очень точенъ и положителенъ: такъ, въ «Ride to Khiva» много страницъ посвящено его костюму, оружію, мѣхамъ, картушницѣ, провизіи, и онъ безпощадно сообщаетъ о каждомъ *вьюкѣ* своемъ, и нельзя не подивиться, какое множество всякой всячины онъ таскаетъ съ собой. Если я прибавлю, что м-ръ Фрэдъ Бэрнеби отчаянный руссофобъ, то дамъ достаточное понятіе о духѣ и родѣ его сочиненій.

Итакъ, въ началѣ 1877 г. капитанъ находился въ Константинополѣ и завтракалъ у г. Свайлера, талантливаго автора сочиненія о «Туркестанѣ», въ обществѣ м-ра Галенга, корреспондента газеты «Times» и м-ра Сала, не менѣе извѣстномъ редакторѣ газеты «Daily-Telegraph»:—довольно смѣшанномъ, какъ видите, обществѣ, что касается мнѣній по вопросу дня. Немного времени спустя, онъ уже переплылъ проливъ и выѣхалъ изъ Скутари подъ конвоемъ одного слуги-турка и одного англичанина.

Мы не послѣдуемъ за маленькой кавалькадой въ ея странствіяхъ по Малой-Азіи, отъ Скутари до Батума, черезъ Баязетъ. Весь интересъ книги заключается въ бесѣдахъ путешественниковъ съ туземцами и спеціально съ турецкими властями — пашами,

---

[1]) A ride to Khiva, by Capt. Burnaby: Londres. Cassel, 1876.

каймакамами и кади, которые отлично принимають его, благодаря тому обстоятельству, что онъ англійскій офицеръ. Прежде всего мы узнаемъ изъ этихъ бесѣдъ о превосходной администраціи провинцій, о дружескомъ согласіи между турками и христіанами, о всеобщемъ страхѣ къ Россіи и всеобщей любви къ Англіи. Къ этому слѣдуетъ присоединить неизбѣжныя побіенія черкесовъ, туркменовъ и пр.,—злосчастнаго орудія, которое попеременно обращалось враждующими партіями другъ противъ друга.

Есть, правда, и темныя пятна въ этой очаровательной картинѣ; такъ, напримѣръ, голодъ, свирѣпствовавшій въ 1873—74 гг. въ Ангорѣ и ея окрестностяхъ и отъ котораго погибло слишкомъ 40 тысячъ человѣкъ. Но настаивать на этомъ было бы неумѣстно, такъ какъ въ Индіи повторяется то же самое явленіе, и причины его,—пока,—считаются внѣ человѣческой власти. Къ довершенію всего является на сцену доброта и гостепріимство турокъ—фактъ, впрочемъ, общепризнанный, и капитанъ Бэрнеби имѣлъ не разъ случай испытать его на себѣ. За то его и нельзя упрекнуть въ неблагодарности: «тѣ изъ моихъ соотечественниковъ, которые ругаютъ турецкій народъ,—внушаетъ онъ,—и сваливаютъ на него всѣ грѣхи міра, хорошо бы сдѣлали, если бы бросили писать памфлеты и отправились бы путешествовать по Анатоліи» (t. I, p. 153). Это направлено противъ гг. Гладстона, Фримана и др., которые—спѣшу заявить это—не менѣе смѣшны своими преувеличеніями въ противномъ смыслѣ.

Но надо сказать, что капитану особенно везло въ его встрѣчахъ. Такъ, въ Эджинѣ онъ встрѣтилъ каймакама, болѣе свободнаго мыслителя, нежели самъ м-ръ Брадло. «Я не дѣлаю никакого различія между христіаниномъ и мусульманиномъ,—восклицалъ этотъ чиновникъ:—всѣ религіи хороши, лишь бы тотъ, кто ихъ придерживается, былъ честный человѣкъ».

По мѣрѣ того, какъ путешественникъ подвигается далѣе на востокъ, картина нѣсколько омрачается. Не видно больше того дружескаго согласія между христіанами и магометанами; въ Эрзерумѣ, напримѣръ, положеніе дѣлъ далеко не удовлетворительное. Это относится, конечно, насчетъ «русскихъ интригъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ силу одного изъ тѣхъ противорѣчій, которыя находятся въ природѣ вещей, оказывается, что пограничные армяне совсѣмъ не любятъ русскихъ.

Въ сущности, тутъ можетъ быть кое-что и справедливо, но все это весьма поверхностно. Всѣ эти «говорятъ», всѣ эти бесѣды на вѣтеръ, всѣ эти голословныя утвержденія доказываютъ весьма мало. Конечно, прочтешь безъ усталости и даже съ нѣ-

которымъ удовольствіемъ страницъ сотню, но въ концѣ-концовъ все это крайне монотонно и пусто.

Какъ бы то ни было, а авторъ создалъ школу. Теперь всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ печатаютъ какой-нибудь «ride» по какой-нибудь странѣ. М-ръ Маршъ, другой капитанъ (изъ 18 бенгальскаго кавалерійскаго полка), пожелалъ немедленно достигнуть вершины литературнаго величія. Подумаешь, важность какая Малая-Азія, Хива или Туркестанъ! Блестящій капитанъ угощаетъ насъ «Прогулкой верхомъ по Исламу». Вотъ это такъ грандіозно! И дѣйствительно, авторъ на какихъ-нибудь 200 страницахъ переноситъ насъ изъ Малой-Азіи въ Индію, черезъ Персію и Афганистанъ, черезъ Гератъ и Кандагаръ. Мнѣ скажутъ, что предпріятіе это смѣлое, и путешествіе опасное. Согласенъ; но это не резонъ угощать публику разсказомъ о немъ, когда располагаешь такимъ ничтожнымъ научнымъ и литературнымъ багажомъ. Я упомянулъ объ этой книгѣ только затѣмъ, чтобы указать на усиленіе «верховой литературы», производящей въ настоящее время фуроръ въ Лондонѣ.

Говорю это вовсе не въ ущербъ чести почтенныхъ кавалерійскихъ офицеровъ, работающихъ перьями, по невозможности работать саблею.

IV.

Theodore Martin: The Life of His Royal Highness the Prince Consort. London Smith. Vol. III, in 8°, 531 pages. December, 1877.

Это сочиненіе, появившееся въ самомъ концѣ прошедшаго года, находится въ настоящую минуту во всѣхъ рукахъ. Теодоръ Мертенъ предпринялъ съ согласія или, вѣрнѣе сказать, при содѣйствіи королевы Викторіи, написать новую біографію принца Альберта, гораздо болѣе обстоятельную, чѣмъ тѣ, которыя появлялись до сихъ поръ. Понятно, съ какимъ интересомъ читается этотъ третій томъ, посвященный подробному разсказу о 1854—55 и 56 гг. и появляющійся въ тотъ моментъ, когда свирѣпствуетъ новая восточная война. Еще понятнѣе станетъ этотъ интересъ, если мы скажемъ, что документы, статьи и рукописи принца, касающіеся этого вопроса, образуютъ пятьдесятъ томовъ in-folio.

И нельзя не удивляться біографу, которому такъ обязательно помогала королева, и который взялъ на себя трудъ извлечь для читателя «питательный мозгъ» изъ такой громадной кости.

Что принцъ Альбертъ гораздо болѣе вмѣшивался въ дѣла королевства, чѣмъ это допускалось его положеніемъ—фактъ от-

нинѣ несомнѣнный и подтверждаемый настоящимъ сочиненіемъ. Само собой разумѣется, что заинтересованныя лица, — королева и біографъ—утверждаютъ, что это вмѣшательство постоянно клонилось къ вящщей пользѣ страны; само собой разумѣется также, что они предлагаютъ намъ отрывки изъ документовъ, только могущіе утвердить публику въ этой идеѣ. Принцъ, съ другой стороны, былъ уменъ, трудолюбивъ, образованъ, честолюбивъ, словомъ—такого характера и темперамента, что долженъ былъ безпрестанно возмущаться безцвѣтной (въ данномъ случаѣ) ролью «супруга» и отца, далеко не удовлетворявшею его притязанія.

Не только Великобританія, но и вся Европа служили предметомъ его постояннаго изученія—и по поводу всѣхъ великихъ политическихъ событій онъ имѣлъ обыкновеніе писать или диктовать *memorandum*, болѣе или менѣе обстоятельный, о данномъ вопросѣ: и нельзя не признать во многихъ случаяхъ вѣрности и точности его сужденій. Въ другой разъ, онъ, какъ и всѣ смертные, принимаетъ свои желанія за дѣйствительность! Такимъ образомъ, 8-го марта 1854 года, наканунѣ войны, онъ пишетъ слѣдующее:

«Вопросъ не въ томъ, чтобы узнать: способна или нѣтъ турецкая имперія поддерживать свое существованіе; тщетно было бы рѣшать эту задачу *a priori*. Но вполнѣ несомнѣнно, что если Европа будетъ дѣйствовать единодушно относительно Россіи, то вопросъ рѣшится сообразно европейскимъ интересамъ, потому что такимъ образомъ Россіи помѣшаютъ осуществить свои планы. Съ другой стороны, говорятъ: «безумно воевать съ русскими, потому что ихъ невозможно подчинить». Россія, безъ сомнѣнія, не такая страна, которую можно было бы завоевать въ томъ смыслѣ, въ какомъ Наполеонъ воображалъ это возможнымъ въ 1812 году. Но она однако не непобѣдима, какъ говорятъ въ Германіи, потому что жизненныя силы страны заключаются не въ большой арміи и не въ обладаніи обширной территоріей, но скорѣе въ прочности и обиліи ея матеріальныхъ ресурсовъ, въ ея политической однородности и въ превосходствѣ ея общаго состоянія: преимущества, которыя могутъ подвергнуться большой опасности, чтó касается Россіи. Отнявъ у нея часть территоріи ея западной границы—ее поставили бы на положеніе славянско-азіатской державы, ни больше, ни меньше, и она перестанетъ играть важную роль въ совѣтахъ Европы» (стр. 12).

Немного времени спустя, въ письмѣ къ королю Леопольду, онъ рисуетъ слѣдующую колоритную картину состоянія общественнаго мнѣнія въ Англіи въ началѣ войны: «Весьма распро-

страненное заблужденіе заграницей заключается въ томъ, что на англійскую политику смотрять какъ на политику, основанную исключительно на матеріальныхъ интересахъ и на эгоистическихъ расчетахъ. Это, напротивъ того, политика чисто сантиментальная, а потому зачастую лишенная логики. Правительство въ Англіи есть правительство народное, а массы, на которыя оно опирается, чувствують, но не мыслять. Въ настоящее время, напримѣръ, вотъ чувство, преобладающее среди этихъ массъ: «русскій императоръ, — говорятъ они: — врагъ свободы на континентѣ. Онъ хочетъ сокрушить бѣднягу-турка. Но турокъ молодецъ и не покоряется ему, — побѣжимъ поскорѣй къ нему на помощь. Императоръ обманулъ нашу королеву. Долой императора и да здравствуетъ Наполеонъ! Этотъ послѣдній — племянникъ своего дяди, котораго мы побѣдили при Ватерло. Мы боимся, что онъ вторгнется въ нашу страну: вотъ пустяки! совсѣмъ напротивъ. Онъ, можетъ быть, сыгралъ злую шутку съ бѣдными французами, — но это бестолковый народъ и сами во всемъ виноваты. Къ чорту нѣмецкихъ государей, которые не хотятъ идти вмѣстѣ съ нами на русскихъ, потому что нуждаются въ нихъ, чтобы угнетать собственныхъ подданныхъ» (стр. 21), и такъ далѣе въ томъ же родѣ.

Когда война, наконецъ, была объявлена Россіи, мужъ королевы продолжалъ заниматься ею весьма дѣятельно. Онъ играетъ отчасти роль мухи на рогахъ вола, потому что планы его зачастую запаздываютъ: но онъ не перестаетъ подстрекать всѣхъ, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ. Послѣ Балаклавы онъ пишетъ лорду Эбердину, торопя его поскорѣе послать подкрѣпленія, и въ то же самое время посылаетъ ему полный планъ: соединить милицію, образовать иностранный легіонъ и пр., и пр. Этотъ планъ былъ предъявленъ кабинету — и тотъ отвергъ его. Безъ сомнѣнія, принцъ — какъ онъ самъ это объявляетъ — пользовался при этомъ правомъ каждаго англійскаго гражданина; но надо сознаться, что онъ почти единственный, чьимъ проектамъ оказываютъ честь обсуждать ихъ въ совѣтѣ министровъ. Въ сущности, тутъ происходило постоянное давленіе, долженствовавшее казаться, въ концѣ-концовъ, нестерпимымъ, вслѣдствіе своей неотступности. Слишкомъ большое число его меморандумовъ бывало такимъ образомъ подвергаемо на обсужденіе кабинета по всякому поводу.

И надо сказать, что эти занятія, эта лихорадочная дѣятельность, раздѣлялись также и королевой. Во всѣхъ ея тогдашнихъ письмахъ отражается это. Но всего курьёзнѣе то, что подъ ея

первомъ впервые выступають на сцену тѣ «atrocities», которымъ впослѣдствіи предназначено было играть такую важную роль. Вотъ ея письмо цѣликомъ—или, по крайней мѣрѣ, та часть его, которая дается намъ біографомъ. Оно написано по случаю Инкерманскаго сраженія.

«Виндзоръ-Кэстль.—28 ноября, 1854 г.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я писала, мы получили подробныя извѣстія о кровавомъ, но славномъ дѣлѣ подъ Инкерманомъ. Русскіе потеряли 13,000 человѣкъ; они вели себя съ величайшимъ варварствомъ. Многіе изъ нашихъ бѣдныхъ офицеровъ, которые были только легко ранены, безжалостно изрублены на мѣстѣ. Нѣкоторые прожили настолько, чтобы разсказать объ этомъ. Когда бѣдный сэръ Каткартъ упалъ смертельно раненый, его вѣрный секретарь, полковникъ Сеймуръ, который былъ съ нимъ на Мысѣ Доброй-Надежды, соскочилъ съ лошади и одной рукой—другая была ранена—пытался-было поддержать своего умирающаго начальника, когда подбѣжало трое негодяевъ и прокололи его своими штыками...» (стр. 159).

Это писала королева Викторія бельгійскому королю,—а авторъ этой *оффиціальной* біографіи распространяется на двухъ страницахъ о достовѣрности этихъ фактовъ, что доказываетъ впрочемъ одно, что «Her most gracious Majesty» склоняется скорѣе въ сторону Дизраэли, нежели въ сторону Гладстона.

Другая весьма интересная часть этого изданія касается отношеній между Франціей и Англіей въ моментъ союза, и въ особенности императора Наполеона III печальной памяти. Принцъ Альбертъ сдѣлалъ ему первый визитъ въ Булони, въ августѣ мѣсяцѣ 1854 года, и по возвращеніи продиктовалъ меморандумъ въ страницъ пятнадцать, перепечатанный цѣликомъ въ нашемъ сочиненіи: этотъ документъ крайне важенъ и можетъ еще рельефнѣе, если это возможно, выставить великую неспособность человѣка, которому Франція обязана своей теперешней гибелью. Такимъ образомъ, послѣ общихъ и извѣстныхъ замѣчаній о темпераментѣ, привычкахъ, общемъ тонѣ, не отличавшемся особымъ изяществомъ, Луи-Наполеона, принцъ Альбертъ говоритъ: «его образованіе, на мой взглядъ, совсѣмъ недостаточно въ томъ, что касается предметовъ, познаніе которыхъ составляетъ для него вопросъ первой важности; я говорю про политическую исторію новѣйшаго времени и политическія науки вообще. Но у него хватаетъ однако смысла признаваться въ недостаточности своихъ знаній по этой части—и вообще онъ очень откровененъ и не старается показать, что обладаетъ тѣми знаніями, какихъ у

него нѣтъ. Наоборотъ, онъ знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, всю наполеоновскую исторію» (стр. 109).

Послѣдствія показали, что, не взирая на весь ея интересъ, одной этой исторіи совершенно недостаточно для образованія государственнаго дѣятеля, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ. Такъ, напримѣръ, въ томъ, что касается его нѣмецкой политики, онъ уже въ то время вбилъ себѣ въ голову глупую идею, которая должна была привести его къ такому блистательному концу. Онъ воображалъ, что подобно тому, какъ Австрія и Пруссія организовались въ два отдѣльныхъ политическихъ тѣла, такъ и остальныя нѣмецкія государства могутъ составить болѣе компактное цѣлое. «Я объяснялъ ему,—говоритъ принцъ,—что эта система, именуемая «Тріадой», проповѣдуется Баваріей изъ эгоистическихъ цѣлей и опирается на полнѣйшемъ невѣдѣніи истиннаго положенія дѣлъ». Къ несчастію, это было что-называется горохомъ объ стѣну, и шестнадцать лѣтъ спустя Наполеонъ III выступилъ въ походъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что Баварія, Віртембергъ и другія государства поднимутся, какъ одинъ человѣкъ, и примкнутъ къ нему. Результатъ извѣстенъ.

Что касается «государственнаго переворота», то разсказъ принца подтверждаетъ отношеніе къ нему королевы и англійскаго министерства въ ту эпоху — и роль, которую играла старая безсовѣстная лисица, лордъ Пальмерстонъ, въ этомъ дѣлѣ. «Я разсказалъ исторію императору такъ, какъ она происходила. Я ему сказалъ, что когда онъ совершилъ свой государственный переворотъ, который *я считалъ сомнительнымъ дѣломъ, результата котораго нельзя предвидѣть*, королева приказала своимъ министрамъ держаться строжайшаго нейтралитета. Кабинетъ собрался и отвѣчалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе королевы: лорду Пальмерстону пришлось составить декларацію въ этомъ смыслѣ, обращенную къ французскому правительству. Декларація заставила себя долго ждать, а когда, наконецъ, она пришла и лордъ Норменби отвезъ ее министру иностранныхъ дѣлъ, то получилъ извѣщеніе, что правительство уже получило извѣстіе о согласіи и одобреніи сентъ-джемскаго кабинета. Королева потребовала объясненій отъ лорда Джона Россели, бывшаго тогда первымъ министромъ. Этотъ послѣдній, прождавъ нѣсколько дней, получилъ отъ лорда Пальмерстона такой грубый отвѣтъ, что долженъ былъ уволить его» (стр. 111).

Другой, тоже крайне поучительный фактъ. Наполеонъ признается принцу, что война застала его врасплохъ. Итакъ, даже для этого перваго приключенія онъ не былъ готовъ, и этотъ фактъ

повторился потомъ со всѣми его ужасными послѣдствіями, тѣмъ менѣе извинительными, что опытъ могъ бы послужить урокомъ. Не менѣе поучительны его проекты перекроить карту Европы. Такъ, напримѣръ, онъ задумываетъ освободить Ломбардію и возстановить Польшу; подъ этимъ именемъ онъ подразумѣваетъ одно только герцогство Варшавское. Позднѣе ему посчастливилось осуществить свои планы въ томъ, что касается Ломбардіи: этимъ однако онъ не пріобрѣлъ дружбы Австріи, но за то вполнѣ оттолкнулъ Италію, обманутую въ своихъ справедливыхъ ожиданіяхъ и ставшую съ тѣхъ поръ союзницей Германіи и Россіи. Наоборотъ, онъ мечталъ объ объединеніи Иберійскаго полуострова, и такъ какъ принцъ указывалъ ему, между прочимъ, какъ на возраженіе, на взаимную ненависть между двумя народами:—«есть возможность уладить это дѣло,—возразилъ онъ, сказавъ португальцамъ:—дарю вамъ Испанію, а испанцамъ:—дарю вамъ Португалію!» (стр. 118). Когда подумаешь, что это говорилось очень серьёзно и тономъ человѣка, воображающаго, что изрекаетъ глубоко-маккіавелевскую идею въ шутливой формѣ, то ужаснешься о судьбѣ страны, которая настолько несчастна, что выбрала себѣ такого главу.

«Въ концѣ-концовъ,—прибавляетъ принцъ,—вотъ какое впечатлѣніе вынесъ я изъ этого посѣщенія: императоръ отнынѣ никогда не предприметъ никакихъ насильственныхъ дѣйствій ни въ самой Франціи, ни относительно иностранныхъ державъ; но мнѣ кажется, что у него нѣтъ правительственной системы, онъ управляетъ страной со дня на день. Лишивъ націю всякаго участія въ управленіи и предоставивъ своимъ подданнымъ роль простыхъ зрителей, онъ обязанъ не прерывать зрѣлища ни на одно мгновеніе. Тутъ выходитъ нѣчто въ родѣ фейерверка, когда публика приходитъ въ нетерпѣніе въ промежутки между различными картинами и забываетъ, что нужно время, чтобы приготовить новыя» (стр. 120).

Какъ видите, послѣднее изданіе Теодора Мертена оправдываетъ въ извѣстной степени любопытство, внушаемое имъ. Что касается многочисленныхъ отрывковъ изъ «дневника» королевы, то они не представляютъ ровно ничего интереснаго ни въ какомъ отношеніи. Это банальности, въ которыхъ сказывается много сердечности и чувства, если хотите, весьма искреннихъ, безъ сомнѣнія, но ничего не имѣющихъ общаго съ литературой и политикой, заслуживающихъ этого названія.

V.

1) *Charles Reade:* A Woman-Hater. London. W. Blackwood. 3 vol. in-8°, 1877.— 2) *A. C. Swinburne:* A note on Charlotte Brontë. London. Chatto and Windus. 1 vol. in-8°, 97 pages. 1877. 3) *Vemyss Reid:* Charlotte Brontë; a monographe. London. Macmillan. 1877.

«Можно раздѣлить всѣ произведенія фантазіи на три категоріи—говоритъ Суинбёрнъ въ вышеприведенной брошюрѣ. Въ послѣднюю изъ нихъ слѣдуетъ отнести тѣ, которыя ставятъ насъ на одну доску съ честнымъ и изобрѣтательнымъ ремесленникомъ, и чьи фантазіи мы принимаемъ, не давая себѣ труда оспаривать точность его описаній природы и вѣрность его картинъ; произведенія второй категоріи достаточно замѣчательны, чтобы овладѣть нашимъ умомъ и вниманіемъ, чтобы заставить насъ размышлять, прежде нежели принять или отвергнуть ихъ; наконецъ, первостепенными произведеніями слѣдуетъ считать тѣ, которыя въ своемъ превосходствѣ не требуютъ и не вызываютъ ни согласія, ни несогласія, но которыя съ-разу заставляютъ насъ принять ихъ и повѣрить имъ».

Къ какой изъ этихъ трехъ категорій принадлежатъ романы Чарльза Рида? Ни къ которой, сказать по правдѣ. Не то чтобы они были ниже или внѣ всякой классификаціи,—но они составляютъ совсѣмъ особый родъ, въ которомъ литературный элементъ играетъ роль второстепенную,—чего не должно быть. Тѣмъ не менѣе онъ отвоевалъ себѣ особое мѣсто въ англійской современной школѣ и пользовался слишкомъ большой популярностью, чтобы его послѣднее произведеніе не заслуживало упоминовенія.

Онъ принадлежитъ къ старому поколѣнію и родился въ 1814 г. въ Оксфордширѣ. Онъ получилъ законченное литературное образованіе и былъ сдѣланъ *fellow* коллегіи Магдалины въ 1842 г. Въ 1850 г. университетъ даровалъ ему титулъ D. C. L. Попытавъ свои силы на адвокатскомъ поприщѣ, онъ весь отдался литературѣ, и дебютировалъ драмой «Gold», имѣвшей сомнительный успѣхъ, затѣмъ романомъ «Peg Woffington», который немедленно снискалъ ему благосклонность публики.

Но въ 1856 г. слава его приняла неожиданные размѣры въ минуту появленія его знаменитаго сенсаціоннаго романа, носящаго знаменательное заглавіе: «It is never too late to mend» (никогда не поздно исправиться). Въ этомъ романѣ выведенъ отъявленный негодяй, дѣлающійся въ концѣ-концовъ добродѣтельнѣе Сократа и безкорыстнѣе Гиппократа и Фабриція, вмѣстѣ

взятыхъ. Но это только эпизодъ, не взирая на заглавіе романа. Половина сочиненія посвящена разоблаченію ужасовъ тюремной системы въ Англіи, существовавшей двадцать лѣтъ тому назадъ. Директоръ одной тюрьмы проводитъ все свое время въ томъ, что мучаетъ своихъ заключенныхъ и подвергаетъ ихъ пыткамъ, почти не уступающимъ пыткамъ инквизиціи. Всего серьёзнѣе то, что матеріалы авторъ почерпнулъ въ фактахъ скандальнаго слѣдствія и процесса, окончившагося тѣмъ, что судъ ассизовъ призналъ виновнымъ директора Бирмингемской тюрьмы.

Нѣсколько лѣтъ спустя, неутомимый борецъ предпринялъ походъ противъ законовъ, управляющихъ домами умалишенныхъ, и главнымъ образомъ противъ директоровъ и врачей этихъ заведеній. Этотъ романъ называется «Hard Cash». Этотъ «Hard Cash» есть крупная сумма *наличными* деньгами, а не *тяжелыя*, *безжалостныя* деньги, какъ переведено было въ Revue des Deux-Mondes [1]). Отважный капитанъ купеческаго корабля возвращается съ 14,000 ф. стерлинговъ въ *bank-notes*, которые должны обеспечить благосостояніе его семьи и въ особенности дочери Джуліи. Цѣлый томъ посвященъ опасностямъ, которымъ подвергается «Hard Cash». Такъ какъ автору показалось мало бури и кораблекрушенія, то появляются пираты и затѣмъ убійцы, прибрежные грабители. Капитанъ, убѣжденный, что корабль пойдетъ ко дну, кладетъ *bank-notes* въ бутылку, которую волна вырываетъ у него изъ рукъ. Буря стихаетъ, корабль продолжаетъ свой путь: жизнь спасена, но деньги погибли; какъ вдругъ, о, радость! одинъ матросъ усматриваетъ какой-то плавающій предметъ, который оказывается драгоцѣнной бутылкой. Благословимъ Провидѣніе и пр. и пр.

Наконецъ, капитанъ возвращается въ свой родимый городъ Баркингтонъ и, проходя мимо дома извѣстнаго банкира, честнаго и солиднаго Гарди, немедленно освобождается отъ своихъ денегъ и ввѣряетъ ихъ въ вѣрныя руки. О! ужасъ! банкиръ банкротъ! Капитанъ, узнавъ объ этомъ, приходитъ вторично и требуетъ своихъ денегъ обратно, но банкиръ уцѣпился за нихъ, происходитъ сцена, и бѣдный капитанъ, измученный столькими тревогами и непріятностями, падаетъ, сраженный апоплексическимъ ударомъ, ударомъ, вслѣдствіе котораго теряетъ разсудокъ. Банкиръ удерживаетъ у себя деньги, и такъ какъ его сынъ провѣдалъ объ этомъ, онъ не находитъ ничего лучшаго, какъ выдать его за помѣшаннаго и запрятать въ домъ умалишенныхъ. Слѣдуетъ опи-

---

[1]) Revue des Deux-Mondes, 1 février 1864.

саніе пытокъ, которымъ можетъ подвергаться въ подобномъ мѣстѣ несчастный, вполнѣ здравомыслящій. Прибавимъ, что сынъ банкира влюбленъ въ дочь капитана, который въ концѣ-концовъ выздоравливаетъ. Въ то же самое время молодой человѣкъ спасается бѣгствомъ отъ своихъ палачей, благодаря пожару, и сходится съ своей возлюбленной и все оканчивается къ всеобщему благополучію счастливымъ бракомъ. «Ils vecurent longtemps heureux et eurent beaucoup d'enfants», потому что Чарльзъ Ридъ никогда не забываетъ, по примѣру волшебныхъ сказокъ, показать намъ порокъ наказаннымъ, а добродѣтель торжествующей.

Въ своемъ послѣднемъ романѣ «A woman Hater» онъ вознамѣрился защитить на свой обычный ладъ одну изъ сторонъ «женскихъ правъ», насчитывающихъ здѣсь весьма много приверженцевъ. Итакъ, онъ снова въ своей сферѣ и защищаетъ соціальный тезисъ: и по этой-то причинѣ я счелъ необходимымъ удѣлить мѣсто его послѣднему произведенію въ настоящемъ обозрѣніи.

«Женоненавистникъ», о которомъ идетъ рѣчь, англійскій джентльменъ, *сквайръ*, довольно милый и очень богатый человѣкъ, который ненавидитъ прекрасный полъ изъ принципа—хорошенько самъ не зная почему, У него есть прелестная и во всѣхъ отношеніяхъ очаровательная сестра, и она влюбляется въ восковую, бѣлорозовую куклу, которую можно было бы принять за женщину, если бы не усы. Этотъ непреодолимый красавецъ оказывается негодяемъ. Онъ уже женатъ на женщинѣ не менѣе очаровательной, чѣмъ сестра сквайра, хотя совсѣмъ въ другомъ родѣ: на знаменитой пѣвицѣ, красавицѣ, богатой, благодаря своему таланту, и нельзя хорошенько понять, почему этотъ мужъ, игрокъ и развратникъ, бросилъ ее. Напротивъ того, мы привыкли видѣть, что мужья этого рода, присасываются, какъ піявка, къ пѣвицамъ, когда имъ посчастливится залучить ихъ въ жены.

Между тѣмъ «женоненавистникъ» влюбляется въ пѣвицу, Ину Класкингъ, которую видѣлъ въ Гамбургѣ. Эта послѣдняя все еще оплакиваетъ бѣгство своего невѣрнаго мужа, который тѣмъ временемъ преслѣдуетъ свою задачу и увлекаетъ въ концѣ-концовъ Зою Визордъ, сестру «женоненавистника». Онъ не отступаетъ передъ двоеженствомъ и спокойно идетъ вѣнчаться со второй невѣстой, когда они оба натыкаются на первую жену. Натурально «tout est rompu, mon gendre», какъ въ одной французской пьесѣ, веселой памяти. Милую Зою утѣшаетъ одинъ молодой лордъ, который давно уже ухаживалъ за ней. Севернъ, неудачникъ двоеженецъ, становится отнынѣ только помѣхой въ

романѣ: онъ весьма кстати сломилъ себѣ шею за кулиссами оперы, гоняясь за одной танцовщицей. Ина Класкингъ и женоненавистникъ могутъ пожениться, что̀ и дѣлаютъ немедленно ко всеобщему удовольствію.

Но, скажутъ, а соціальный тезисъ при чемъ тутъ? а права женщинъ? Вотъ какимъ образомъ это обработывается совсѣмъ особнякомъ и безъ всякой связи, кромѣ самой поверхностной и призрачной, а потому удобнѣе и разсказать это отдѣльно. «Women's right» является подъ видомъ худощавой и высокой особы, суровой и непріятной наружности, снабженной дипломомъ врача. Миссъ Рода Гэль была найдена, въ одинъ прекрасный день, умирающей съ голода, въ одномъ уголку Лейстеръ-сквера Визордомъ, который великодушно привозитъ ее въ свое помѣстье, гдѣ ей можно заниматься медициной, сколько ей угодно.

Можно быть какого угодно мнѣнія объ этомъ великомъ вопросѣ—остающемся нерѣшеннымъ, особенно послѣ краснорѣчивой защиты Стюарта Милля. Пускай женщина выйдетъ изъ безцвѣтной и отчасти рабской роли, отведенной ей современнымъ обществомъ, пускай развиваетъ свой умъ такъ же, какъ и свое сердце—я думаю вмѣстѣ съ Шелли, что это желательно. Но если при этомъ она должна утратить всѣ качества своего пола и превратиться въ какое-то безполое и отвратительное существо, тогда, слуга покорный! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! пусть лучше остается тѣмъ, чѣмъ она есть, нежели дойти до настоящаго физическаго и нравственнаго паденія.

Между тѣмъ, таковъ портретъ, начертанный намъ Чарльзомъ Ридомъ. Ожесточенный врагъ не могъ бы поступить злѣе, и никогда еще медвѣжья услуга не была такъ тяжеловѣсна. Миссъ Рода Гэль—высокая и худая—неотступно надоѣдаетъ намъ. Она отводитъ глаза отъ микроскопа только затѣмъ, чтобы изрекать педантическія замѣчанія. Она возстаетъ противъ чая, который пьютъ среди дня, находитъ, что деревенскіе ребятишки глотаютъ слишкомъ много вишневыхъ косточекъ, отъ чего цвѣтъ лица у нихъ нездоровый, и вѣщаетъ, что «икры составляютъ признакъ цивилизаціи и здоровья» У ней нѣтъ слуха и она нисколько не интересуется музыкой, и, наконецъ,—это вѣнчаетъ все дѣло—она не влюбчива и отъ этого только сильнѣе привязывается къ женщинамъ (tom. II, p. 38). Я боюсь, какъ бы поклонницы Чарльза Рида не обидѣлись за его апологію.

Совсѣмъ тѣмъ не думайте, чтобы этотъ романистъ былъ уже такой необыкновенный либералъ, защитникъ соціалистическихъ ученій. Конечно, мы находимъ у него весьма краснорѣчивыя

тирады на счетъ злоупотребленія властью, но это совсѣмъ частные случаи, безъ малѣйшей связи между собой. У него хорошія намѣренія, но ему недостаетъ настоящаго знанія. Поэтому, рядомъ съ либеральными тенденціями, мы видимъ избытокъ противоположныхъ тенденцій. Его романы изобилуютъ слащавыми clergymen'ами; за то всѣ его негодяи, двоеженцы и другіе — отъявленные атеисты, матеріалисты и нигилисты. Въ одномъ изъ своихъ романовъ, «Put yourself in his place», онъ сталъ эхомъ самыхъ жестокихъ и отвратительныхъ обвиненій противъ «Trades-Unions», и это въ тотъ моментъ, какъ парламентъ узаконялъ ихъ существованіе. Нельзя отрицать его добрыхъ намѣреній, но все, что можно сказать въ заключеніе и ему въ похвалу, это — что у него гораздо больше сердца, нежели ума.

А теперь «paulo majora canamus»: я началъ эту статью съ величайшаго поэта новѣйшей Англіи и оканчиваю ее на ея величайшемъ романистѣ. Подобно тому, какъ слава Шелли впервые засіяла полнымъ блескомъ въ настоящую минуту, такъ и слава Шарлотты Бронти готовится достичь своего апогея, съ котораго больше не сойдетъ. «Это, быть можетъ, самый великій романистъ новѣйшаго времени», говорилъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, извѣстный критикъ «Revue des Deux-Mondes» [1]), который однако понималъ вещи только вполовину. Въ послѣдніе годы были предприняты серьёзные критическіе труды, и въ настоящее время превосходная біографія м-ра Уэмиса Райда, вмѣстѣ съ многочисленными, неизданными письмами, и замѣчательная статья Суинбёрна, доказываютъ всеобщее вниманіе и восхищеніе, съ какимъ англійскіе читатели относятся теперь къ несравненной женщинѣ, которой до сихъ поръ они не отдавали должной справедливости.

И, во-первыхъ, оказывается, что Шарлотта Бронти совсѣмъ не та болѣзненная и тщедушная женщина, какою ее вообще рисуютъ себѣ, на основаніи біографіи миссисъ Гаскель. Безъ сомнѣнія, она продуктъ, *результатъ* — какъ и всякій писатель — но своей натуры, столько же, сколько и обстоятельствъ, которыя не были особенно благопріятны, надо сознаться. Она провела почти всю свою жизнь въ промышленномъ селѣ Гоуорсъ въ Іоркширѣ. Ей было пять лѣтъ въ 1821 г., когда ея мать, умирая, оставила ее вмѣстѣ съ четырьмя маленькими сестрами и однимъ братомъ на рукахъ преподобнаго Патрика Бронти, эксцентричной памяти. Весьма малое извѣстно объ этой несчастной женщинѣ:

---

[1]) Іюль 1857.

за то извѣстны всѣ подробности характера и жизни Гоуорскаго священника. Извѣстно, напримѣръ, что когда миссисъ Бронти получила однажды въ подарокъ очень хорошенькое платье, это такъ оскорбило тщеславіе самодура священника, что онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ разорвать платье въ клочки и поднести ихъ женѣ. Въ другой разъ она купила хорошенькія ботинки для своихъ дочекъ: отецъ, найдя ихъ слишкомъ «суетными», бросилъ въ огонь. Это не мѣшаетъ нѣкоторымъ критикамъ изрекать освященную обычаемъ банальность. «Этотъ вспыльчивый человѣкъ, — говоритъ Эмиль Монтегю, — нѣжно любилъ свою семью, былъ добрымъ отцомъ, добрымъ мужемъ». Спасибо за такую доброту! Но вѣдь какъ же иначе! Въ этомъ высказывается обычное и фешенэбельное уваженіе къ «священному ковчегу» семьи. Всю свою жизнь онъ обѣдалъ особнякомъ—какой прекрасный отецъ! А что касается религіи и собственности, то онъ былъ отъявленнымъ консерваторомъ, такъ что нажилъ даже себѣ много враговъ. По этой причинѣ, безъ сомнѣнія, онъ постоянно носилъ въ карманѣ заряженные пистолеты и въ минуты раздраженій, зачастую проявлявшіяся у него, разряжалъ ихъ у дверей своихъ прихожанъ, привыкшихъ къ этой глупой, но невинной стрѣльбѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ могъ быть очень любезенъ, когда желалъ, въ особенности съ чужими людьми: «онъ любилъ распространяться,—повѣствуетъ Райдъ,—о прошлыхъ временахъ, и стоило ему выпить одну рюмку вина, чтобы придти въ возбужденное состояніе и начать повѣствовать о побѣдахъ, которыя онъ одерживалъ надъ дамами своей конгрегаціи».

Таковъ былъ «добрый отецъ и добрый мужъ», съ которымъ молодымъ Бронти суждено было коротать свой вѣкъ. Для нихъ было, безъ сомнѣнія, облегченіемъ, когда Шарлотта и ея старшая сестра были отправлены въ школу Коуэнъ-Бриджъ, основанную для дочерей священниковъ. Увы! иллюзія длилась недолго. Всѣ, кто читали «Джэнни Эйръ», помнятъ объ ужасахъ Лоудской школы, которая есть не что иное, какъ вѣрное изображеніе Коуэнъ-Бриджа. Достаточно сказать, что во время ихъ пребыванія въ этомъ «благотворительномъ» заведеніи, обѣ дѣвочки ни разу не легли спать сытыя. Элена Бѣрнсъ не кто иной, какъ Марія Бронти, и она дѣйствительно умерла въ Лоудѣ,—первая, сраженная тѣмъ ужаснымъ и безжалостнымъ недугомъ, который унесъ сначала мать, а затѣмъ постепенно истребилъ всю семью.

Черезъ нѣсколько времени Шарлотта вернулась къ отцу. Другая сестра ея тоже умерла. Она была теперь старшею изъ

трехъ сестеръ, оставшихся въ живыхъ. Братъ ея тоже умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, ведя жизнь далеко не примѣрную. Вскорѣ, движимая желаніемъ облегчить матеріальную участь семьи, она оставила родительскій домъ и пошла въ гувернантки. «Англійская гувернантка»—вотъ была одна изъ главныхъ ея ролей въ жизни, и чтò бы ни говорилъ ея послѣдній біографъ, она горько сознавала, несмотря на свое мужество, всѣ терніи этой карьеры.

Въ 1842 г. она пріѣхала въ Брюссель, чтобы усовершенствоваться во французскомъ языкѣ и поступила въ пансіонъ, гдѣ пробыла два года. То былъ рѣшительный моментъ въ ея жизни. Хотя мы и не имѣемъ безусловныхъ доказательствъ, но достаточно прочитать «Villette», чтобы убѣдиться, что Люси Сноу не кто иной, какъ сама Шарлотта, поставленная не въ фантастическую и блестящую среду, какъ Дженни Эйръ, но въ жизнь дѣйствительную. По возвращеніи въ Гоуорсъ ей пришло въ голову вмѣстѣ съ своими сестрами написать по роману и попытать счастія у издателей. Онѣ уже напечатали сообща сборникъ стихотвореній, который появился подъ псевдонимомъ Корреръ, Эллисъ и Эктонъ Бель. Эмили (Эллисъ Бель) написала романъ «Wathering Heights», одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ своемъ родѣ и поставившій ее на одинъ уровень съ сестрой передъ потомствомъ. Анна (Эхтонъ Бель) написала «Agnes Grey». Что касается Шарлотты, то она послала романъ «The Professor» гг. Смиту, Эльденъ и К°, которые отказались его печатать, но при этомъ высказали ей поощреніе.

Она снова принялась за дѣло, и въ 1847 г. напечатала «Дженни Эйръ»: нѣсколько дней спустя послѣ появленія книги, Бронти стала знаменитостью. Она наслаждалась своей славой не съ лицемѣрной скромностью, но откровенно, высоко закинувъ голову и съ улыбкой на губахъ. Эта страстная женщина была счастлива и высказывала это. Имя Корреръ Бель было во всѣхъ устахъ: она разоблачила свой псевдонимъ, и всѣ узнали, что писательница изъ «гувернантокъ» и дочь сельскаго священника. Послѣ «Дженни Эйръ», она написала «Ширлей» и «Вилльетъ». Послѣ того она вышла замужъ за викарія своего отца, и затѣмъ умерла, пробывъ всего годъ замужемъ. Ей было тридцать-девять лѣтъ.

Но скоро затѣмъ наступила реакція. Господа «High Life», также какъ и методисты и другіе субъекты того же закала, разъ улеглось первое увлеченіе, принялись вопить о революціи и безнравственности. «Quarterley Review» объявилъ, что если авторъ—женщина, то навѣрное и по справедливости заслужила порицаніе всего своего пола. Въ ней не видно «христіанскаго смире-

нія», а одна только гордость человѣческая, со всѣми печальными увлеченіями страсти. Затѣмъ наступило затишье, и имя «Корреръ Бель» заняло скромное, но почетное мѣсто среди романистовъ съ дарованіемъ, хотя и не первостепенныхъ.

Но вотъ въ послѣдніе годы сознали, что этого мало, и теперь Суинбёрнъ, великій поэтъ и замѣчательный критикъ, ринулся съ азартомъ на арену, чтобы преломить копье въ честь Шарлотты Бронти и ея «безсмертнаго творенія».

«11-го ноября 1876 г.,—говоритъ онъ,—литературный критикъ «Spectator» соблаговолилъ увѣрить насъ, что онъ согласенъ съ послѣднимъ біографомъ (Райдомъ), и что наступитъ день, когда произведенія Шарлотты Бронти будутъ считаться созданіемъ исключительнаго генія. Поэтому тотъ, кто пишетъ эти строки, осмѣливается высказать свое мнѣніе и объявить, что онъ съ этимъ согласенъ. Онъ рѣшается даже сознаться, что по его скромному сужденію, они переживутъ многое множество тѣхъ иммортелей, на которыя такъ щедра наша эпоха: онъ думаетъ, что будутъ съ наслажденіемъ и почтеніемъ перечитывать сочиненія Шарлотты Бронти тогда, когда изгладится самое воспоминаніе объ ихъ дешевой наукѣ и ихъ вульгарномъ искусствѣ любить,—тогда, когда Даніэль Деронда постигнетъ участь всѣхъ восковыхъ куколъ, и когда миссъ Броутонъ не будетъ больше «рости, какъ цвѣтокъ», и когда миссисъ Олифантъ будетъ, наконецъ, «скошена, какъ трава» [1]).

Теперь не время браться за пространную критику произведеній Шарлотты Бронти: нѣсколькихъ словъ достаточно, чтобы охарактеризовать ихъ главнѣйшія черты. И, во-первыхъ, съ точки зрѣнія чистой художественности, въ томъ, что касается самой сущности эстетики, надо сознаться, что они совершенны. Я думаю вмѣстѣ съ Суинбёрномъ, что ни одинъ изъ англійскихъ романистовъ, находящихся въ живыхъ, не можетъ съ ней сравняться въ искусствѣ живописать характеры въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и ихъ вліяніи другъ на друга: не говоря уже о томъ, что эти характеры суть «творческія произведенія» въ полномъ значеніи этого слова. Рочестеръ въ «Дженни Эйръ», Поль Эммануэль и Полина въ «Вилльетъ» живые люди, какихъ было бы тщетно искать у англійскихъ романистовъ нашего вѣка, какихъ не видывали со временъ Шекспира. Можетъ быть кто-нибудь писалъ такъ же хорошо, но никто не могъ писать лучше.

---

1) „Note on Charlotte Brontë", p. 4. Намекъ на романы этихъ дамъ, озаглавленные: „She cometh up as a flower" и „Cut down lite the grass".

Что касается идей, которыми проникнуты всѣ ея произведенія, то онѣ представляютъ антиподы холодной и безсодержательной морали романовъ Джорджа Эллiота.

Вмѣсто «l'impératif catégorique», мы сталкиваемся здѣсь со страстью, т.-е. съ природой и правдой во всемъ ихъ непобѣдимомъ обаяніи. Прибавьте къ этому энергическое бичеваніе великаго порока англичанъ: лицемѣрія, защиту правъ бѣднаго и слабаго, и вы поймете ненависть и оскорбленіе, какимъ подвергалась эта благородная женщина со стороны нѣкоторыхъ критиковъ. Я не могу доказать этого лучше, какъ представивъ въ заключеніе этого слишкомъ краткаго очерка, слѣдующій отрывокъ изъ «Quarterley Review», декабрьскаго № 1848 г.:—

«Въ сущности, автобіографія Джэнни Эйръ прежде всего произведеніе анти-христіанское. Въ немъ на каждомъ шагу сказывается недовольство роскошью богатыхъ и лишеніями бѣдныхъ, а это значитъ возмущаться противъ законовъ божескихъ: на каждомъ шагу натыкаешься на высокомѣрное и непрестанное провозглашеніе правъ человѣка; мы, не обинуясь, объявляемъ: теченіе идей, опрокинувшее власть на континентѣ и низвергнувшее всѣ законы божескіе и человѣческіе—это теченіе, создавшее у насъ чартизмъ и бунтъ, это же теченіе создало и Джэнни Эйръ».

Есть люди, для которыхъ эти строки являются высшей похвалой и высшей данью уваженія, какую только можно оказать памяти Шарлотты Бронти.

А. Реньяръ.

Лондонъ.—Декабрь, 1877.

ДВѢ СЦЕНЫ

из «Фауста» Гёте [1]).

I.

ПОГРЕБЪ АУЕРБАХА.

Изъ первой части

КОМПАНІЯ ГУЛЯКЪ.

Фрошъ.

Никто не пьетъ! Нѣтъ смѣха на устахъ:
Сидятъ, нахмурясь! Скука въ каждой рожѣ:
Сидятъ и киснутъ. А давно ли, Боже,
Огонь горѣлъ у каждаго въ глазахъ!

Брандеръ.

Ты виноватъ: кого-жъ винить другого?
Ни глупости, ни свинства никакого!

Фрошъ—*выливая ему на голову стаканъ вина.*

Такъ получи сполна!

Брандеръ.

Да ты—свиньей свинья!

Фрошъ.

Ты самъ просилъ—исполнилъ только я.

Зибель.

Кто ссорится,—къ чертямъ сейчасъ того ушлите!

[1]) Отрывокъ изъ новаго полнаго перевода „Фауста“, приготовленнаго къ печати.

Всякъ только знай свое, всѣ пойте да ревите:
Гопъ, голла, го!

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Пропали мы, бѣда!
Гдѣ вата? Этотъ ревъ мнѣ уши раздираетъ.

ЗИБЕЛЬ.

Когда дрожатъ полы и своды,—лишь тогда
Могущественный басъ всю силу проявляетъ.

ФРОШЪ.

Идетъ! Ну, а кому не нравится,—за дверь!
Га, тра-ла-ла-ла-ла!

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Га, тра-ла-ла-ля-ла!

ФРОШЪ.

Ну, братцы, наливай: мы спѣлися теперь!

Поетъ.

Святой, высокій римскій тронъ,
Какъ дó-сихъ-поръ не рухнетъ онъ?

БРАНДЕРЪ.

Дрянная пѣсня, тьфу: политикой звучитъ!
Создателя земли благодарите смѣло,
Что ветхій римскій тронъ блюсти не ваше дѣло.
Конечно, ужъ судьба ко мнѣ благоволитъ,
Что быть мнѣ канцлеромъ иль княземъ не велитъ.
Но старшину имѣть не худо и межъ нами:
Такъ изберемъ мы папу сами.
Извѣстно всѣмъ, талантъ какой
Рѣшаетъ выборъ въ санъ святой.

ФРОШЪ—*поетъ.*

Взвейся, поднимися къ небу, соловей!
Сто разъ поклонися милой ты моей!

ЗИБЕЛЬ.

Поклона милой нѣтъ,—и чтобъ о томъ ни слова!

ФРОШЪ.

Поклонъ и поцѣлуй—стою на этомъ снова!

Поетъ.

Прочь замóкъ! въ тиши ночной—
Прочь замóкъ!—ждетъ милый твой;
Щёлкъ замóкъ!—горитъ востокъ.

ЗИБЕЛЬ.

Ну, ладно, величай да пѣсни въ честь ей пой!
Тебя же осмѣютъ, а не кого другого:

Какъ провела меня, такъ проведетъ любого.
Пускай съ ней встрѣтится влюбленный домовой,
На перекрёсткѣ пусть ей отведетъ онъ очи!
Пусть въ полночь съ Блоксберга несущійся домой
Ей проблеётъ козелъ: спокойной ночи!
Чтобъ парень спину гнулъ предъ ней,—
Нѣтъ, много чести будетъ ей!
Повыбить óкна ей,—вотъ это
Я одобряю для привѣта!

Брандеръ—*ударяя кулакомъ по столу.*

Молчать! молчать! Послушайте меня:
Извѣстно вамъ, что жить и я умѣю!
Вѣдь здѣсь влюбленныхъ цѣлая семья—
И всѣмъ доставить по порядку я
Имъ кое-что пріятное имѣю.
На новый пѣсенка покрой:
Вы пѣть припѣвъ должны за мной!

Поетъ.

Разъ крыса въ погребѣ жила,
Все ѣла жиръ, да сало;
Какъ докторъ Лютеръ, завела
Брюшко, и бѣдъ не знала.
Но поваръ яду ей подлилъ,—
И крысѣ бѣлый свѣтъ постылъ:
Ужель она влюбилась?

Хоръ—*весело.*

Ужель она влюбилась?

Брандеръ.

Бѣжитъ назадъ, бѣжитъ впередъ,
Вездѣ грызетъ и гложетъ,
Во всякой грязной лужѣ пьетъ,
А боль унять не можетъ.
Бѣдняга скачетъ тамъ и тутъ,—
Но скоро ей пришелъ капутъ:
Ужель она влюбилась?

Хоръ.

Ужель она влюбилась?

Брандеръ.

Средь бѣла дня она въ пылу
Вбѣжала въ кухню, сѣла
Въ предсмертныхъ корчахъ на полу
И жалобно пыхтѣла.

А поваръ злой, смѣясь, твердитъ:
«Ага; со всѣхъ концовъ свиститъ!
«Ужель она влюбилась?»

Хоръ.

Ужель она влюбилась?

Зибель.

Вишь, умники! Чему ватага рада!
Ужъ будто нѣтъ и подвига славнѣй,
Какъ дать бѣдняжкѣ крысѣ яда!

Брандеръ.

Давно ли крысы въ милости твоей?

Альтмайеръ.

Эхъ, ты, пузанъ съ башкою лысой!
Въ несчастьи тихъ и кротокъ онъ:
Сравнилъ себя съ распухшей крысой—
И полнымъ сходствомъ пораженъ!

Входятъ Фаустъ и Мефистофель.

Мефистофель — *Фаусту.*

Съ тобою въ свѣтъ теперь вступая,
Въ толпу гулякъ ввожу тебя я;
Взгляни, какъ жить возможно безъ заботъ:
Для нихъ—чтó день, то праздникъ настаетъ.
Съ плохимъ умомъ, съ большимъ весельемъ, въ мірѣ
Они кружатся въ танцѣ круговомъ,
Точь-въ-точь котята за хвостомъ.
Имъ только-бъ былъ кредитъ въ трактирѣ,
Да не трещала-бъ голова,
Такъ все имъ въ мірѣ трынъ-трава!

Брандеръ — *указывая на Фауста и Мефистофеля.*

Пріѣхали они, должно быть, лишь сейчасъ;
Въ нихъ по манерамъ я чужихъ узналъ, какъ-разъ:
Они и двухъ часовъ не прóбыли у насъ.

Фрошъ.

Ты правъ. Эхъ, Лейпцигъ мой, отъ головы до пятокъ,
Какъ маленькій Парижъ, кладетъ свой отпечатокъ!

Зибель.

Ты ихъ откуда же считаешь,—изъ какихъ?

Фрошъ.

Ужъ предоставьте мнѣ: я только имъ поставлю
Бутылочку винца, такъ безъ труда я ихъ
Всю подноготную повѣдать намъ заставлю.

Они, должно быть, не простые, братъ:
Не даромъ зло и гордо такъ глядятъ.

БРАНДЕРЪ.

Знать, шарлатаны, чортъ ихъ подери!

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Должно быть, такъ.

ФРОШЪ.

Такъ надо къ нимъ придраться.

МЕФИСТОФЕЛЬ — *Фаусту.*

Народецъ! Чортъ межъ нихъ, а имъ не догадаться:
Хоть прямо ихъ за шиворотъ бери!

ФАУСТЪ.

Поклонъ вамъ, господа!

ЗИБЕЛЬ.

Спасибо за поклонъ.

Взглянувъ искоса на Мефистофеля, въ сторону.

Да, нѐчего сказать, прихрамываетъ онъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Присѣсть къ столу у васъ прошу я позволенья.
Хорошаго вина нельзя здѣсь получить,
Такъ мы найдемъ въ бесѣдѣ наслажденье.

АЛЬТМАЙЕРЪ.

На васъ, какъ вижу я, трудненько угодить.

ФРОШЪ.

Вы въ Риппахѣ вчера, должно быть, ночевали?
Не у Иванушки-ль вы были дурачка?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Нѣтъ, нынче мы пришли издалека;
Но прошлый разъ мы много съ нимъ болтали.
Намъ говорилъ онъ много о роднѣ:
Ей снесть поклонъ приказывалъ онъ мнѣ.

Кланяется Фрошу.

АЛЬТМАЙЕРЪ — *тихо Фрошу.*

Чтó—съѣлъ?

ЗИБЕЛЬ.

Да, это парень не простой.

ФРОШЪ.

Еще его поймаю я, постой!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Входя, мы слышали сейчасъ,
Какъ лились пѣсни хоровыя.

Должно быть, резонансъ у васъ
Хорошій: своды здѣсь большіе.

ФРОШЪ.

Вы, вѣрно, сами музыкантъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Охота есть, да не великъ талантъ.

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Что-жъ, спойте пѣсню намъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Хоть сто, когда хотите.

ЗИБЕЛЬ.

Съ условіемъ однимъ, что новую дадите.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

О, да! Въ Испаніи мы были, а она,
Извѣстно, родина и пѣсенъ, и вина.

Поетъ.

Жилъ-былъ король когда-то;
Блоху онъ полюбилъ...

ФРОШЪ — *прерывая.*

Вы слышите?—блоху! Понятно ли для васъ?
Блоха, друзья мои, почетный гость у насъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ — *поетъ.*

Жилъ-былъ король когда-то;
Блоху онъ полюбилъ:
Берёгъ блоху, какъ злато,
Какъ сыномъ, дорожилъ.
Зоветъ король портного:
«Сшей плащъ блохѣ сейчасъ
Изъ шелка дорогого,
Да брюки въ самый разъ».

БРАНДЕРЪ.

Да вы бы подтвердить портному не забыли,
Чтобы съ бѣдняжки снялъ онъ мѣрку повѣрнѣй,
И чтобъ, коль дорожитъ онъ головой своей,
Безъ складокъ и морщинъ штанишки шиты были.

МЕФИСТОФЕЛЬ—*поетъ.*

Въ шелку тогда ходила
И въ бархатѣ она,
И ленту получила,
А съ лентой ордена.
Блоха министромъ стала,
Была у ней звѣзда;

Родня ея попала
Въ большіе господа.
Весь дворъ блоха кусаетъ—
И барынь, и господъ;
Царицу обижаетъ
И дамъ ея грызетъ.
Ей пригрозить боятся
Бѣдняжки и щелчкомъ...
А мы—посмѣй кусаться —
Прищелкнемъ и убьемъ!

Хоръ.

А мы—посмѣй кусаться —
Прищелкнемъ и убьемъ!

Фрошъ.

Bis, bravo, bis! Что за припѣвъ лихой!

Зибель.

Да будетъ такъ со всякою блохой!

Брандеръ.

На ноготь лишь ее—и нѣтъ блохѣ исхода.

Альтмайеръ..

Да здравствуетъ вино! Да здравствуетъ свобода!

Мефистофель.

Я за свободу тостъ провозгласилъ бы свой,
Когда бы вина здѣсь немного лучше были.

Зибель.

Опять! Вы это намъ ужъ прежде говорили!

Мефистофель.

Хозяина боюсь обидѣть только я,
А то бы лучшимъ васъ виномъ мы угостили
И погребъ свой гостямъ охотно-бъ предложили.

Зибель.

Сюда его, сюда! Беру все на себя!

Фрошъ.

Благодаримъ впередъ! Скорѣй сюда давайте,
Лишь мелкихъ порцій намъ притомъ не предлагайте.
Чтобы о винахъ могъ я правильно судить,
Не мало надо мнѣ ихъ въ глотку пропустить.

Альтмайеръ—*тихо.*

А, гости съ Рейна! Такъ мнѣ сразу показалось.

Мефистофель.

Достаньте мнѣ буравъ.

БРАНДЕРЪ.

На что буравъ-то вамъ?
Не бочка же у васъ за дверью тамъ осталась?

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Вонъ ящикъ на столѣ: буравъ найдется тамъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ—*взявъ буравъ, Фрошу.*

Какого же вина отвѣдать вамъ угодно?

ФРОШЪ.

Что за вопросъ? Иль много ихъ у васъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Чего желаетъ кто, всякъ выбирай свободно.

АЛЬТМАЙЕРЪ—*Фрошу.*

А ты ужъ губы сталъ облизывать сейчасъ!

ФРОШЪ.

Что-жъ, если такъ, рейнвейнъ я выбираю:
Дары отечества я лучшими считаю.

МЕФИСТОФЕЛЬ — *буравя на краю стола передъ Фрошемъ.*

Чтобъ сдѣлать пробки мнѣ, немножко воску дайте!

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Ахъ, это фокусы! Вы насъ не надувайте!

МЕФИСТОФЕЛЬ—*Брандеру.*

Что вамъ?

БРАНДЕРЪ.

Шампанское вино!
Чтобъ било въ потолокъ оно!

Мефистофель буравитъ; одинъ изъ гостей затыкаетъ отверстіе.

БРАНДЕРЪ.

Друзья, къ чему весь вѣкъ бѣжать чужого дара?
Издалека добро мы можемъ получить.
Хоть нѣмцу кровному французъ совсѣмъ не пара,
Но отчего же винъ французскихъ намъ не пить?

ЗИВЕЛЬ—*видя, что Мефистофель приближается къ нему.*

Винъ не любилъ я кислыхъ никогда:
Стаканчикъ сладкаго позвольте!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Токайскаго вина мы вамъ нальемъ,—извольте.

АЛЬТМАЙЕРЪ—*Мефистофелю и Фаусту.*

Нѣтъ, нѣтъ, взгляните-ка въ глаза мнѣ, господа:
Я вижу, вы смѣетесь лишь надъ нами.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ай, ай, какъ смѣемъ мы? Съ такими господами
По меньшей мѣрѣ намъ невыгодно шутить.
Скорѣе за ковши — и выбирайте сами.
Итакъ, какимъ виномъ могу я вамъ служить?

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Любымъ, чтобъ долго намъ о томъ не говорить!

Всѣ дыры провернуты и заткнуты восковыми пробками.

МЕФИСТОФЕЛЬ — *дѣлая странные жесты.*

Намъ виноградъ лоза дала,
На лбу рога есть у козла;
Вино на древѣ рождено:
Столъ деревянный дастъ вино.
Въ природу вникните вѣрнѣй:
Повѣрьте, чудо скрыто въ ней.
Ну, пробки вонъ! Пусть каждый пьетъ!

Требуемое вино льется каждому въ стаканы.

ВСѢ.

О, чудный ключъ: струей онъ бьетъ!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Бѣда тому, кто капельку прольетъ!

Пьютъ еще разъ.

ВСѢ — *поютъ.*

По каннибальски любо намъ,
Какъ будто въ лужѣ ста свиньямъ!

МЕФИСТОФЕЛЬ — *Фаусту.*

Народъ свободенъ сталъ: взгляните на него!

ФАУСТЪ.

Мнѣ кажется, что намъ пора бы удалиться.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Постой, должно еще все ихъ скотство
Во всей красѣ предъ нами проявиться.

Зибель пьётъ неосторожно, вино льётся на землю и вспыхиваетъ огнёмъ.

ЗИБЕЛЬ.

Святители, горю! Угодницы святыя!

МЕФИСТОФЕЛЬ — *заговаривая огонь.*

Смирись и покорись, союзная стихія!..

Всѣмъ.

Огонь чистилища былъ тихъ на этотъ разъ.

ЗИБЕЛЬ.

Что это? Берегись: за шуточки такія
Отвѣтить можешь ты! Не знаешь, видно нас?

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Онъ можетъ по добру—по здорову убраться.

ФРОШЪ.

Попробуйте-ка вы свой фокусъ повторить!

ЗИБЕЛЬ.

Нѣтъ, какъ вы смѣли здѣсь, при насъ, производить
Дурацкій фокусъ свой, надъ нами потѣшаться?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Цыцъ, бочка!

ЗИБЕЛЬ.

Самъ ты помело!
Ты хочешь, чтобъ до кулаковъ дошло?

БРАНДЕРЪ.

Эй, берегись! Съумѣемъ мы подраться!

Альтмайеръ вынимаетъ пробку: на него вылетаетъ пламя.

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Пожаръ! горю!

ЗИБЕЛЬ.

Да это волшебство!
За голову его награда! Рѣжь его!

Вынимаютъ ножи и бросаются на Мефистофеля.

МЕФИСТОФЕЛЬ—*съ важнымъ видомъ.*

Умъ, смутися по словамъ!
Ложный видъ предстань очамъ,
Будьте здѣсь и будьте тамъ!

Всѣ останавливаются въ изумленіи, глядя другъ на друга.

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Гдѣ я и что со мной? Ахъ, что за садъ прелестный!

ФРОШЪ.

Что вижу я? Лоза!

ЗИБЕЛЬ.

И виноградъ чудесный!

БРАНДЕРЪ.

Взгляните, что за кустъ тѣнистый и густой:
И что за гроздья внизъ повисли, Боже мой!

Хватаетъ Зибеля за носъ. Другіе дѣлаютъ то же и поднимаютъ ножи.

МЕФИСТОФЕЛЬ—*по-прежнему*.

Спади съ очей, повязка заблужденья,
И помните, какъ дьяволъ пошутилъ!

Исчезаетъ съ Фаустомъ: пріятели выпускаютъ другъ друга.

ЗИБЕЛЬ.

Гдѣ?

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Что?

ФРОШЪ.

Такъ это носъ твой былъ?

БРАНДЕРЪ—*Зибелю*.

А я за твой схватился? Навожденье!

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Каковъ ударъ! По всѣмъ суставамъ пробѣжалъ!
Подайте стулъ: едва я устоялъ.

ФРОШЪ.

Такъ что же было здѣсь, скажите мнѣ, друзья!

ЗИБЕЛЬ.

Гдѣ-жъ этотъ молодецъ? Ужъ повстрѣчай меня:
Въ живыхъ бы онъ, ей-Богу, не остался!

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Да онъ давно изъ погреба убрался:
На бочкѣ онъ поѣхалъ, видѣлъ я...
Въ ногахъ свинецъ: со мной недоброе творится.

Оборачиваясь къ столу.

Я думаю, вино могло-бъ ещё политься?

ЗИБЕЛЬ.

Все было тутъ обманъ, предательство и ложь.

ФРОШЪ.

А тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что все-жъ
Я пилъ вино, друзья?

БРАНДЕРЪ.

А какъ же гроздья эти?

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Пусть говорятъ теперь, что нѣтъ чудесъ на свѣтѣ!

II.

ВАЛЬПУРГІЕВА НОЧЬ.

Изъ второй части.

Равнина. Происходитъ землетрясенье, и изъ земли выдвигается новая гора.

Мефистофель—*бродя по равнинѣ между обломками скалъ и ища сфинксовъ, которыхъ онъ потерялъ изъ виду.*

Да, вѣдьмами повелѣвалъ легко я,
Но здѣсь не то: здѣсь какъ-то все другое.
На Блоксбергѣ такихъ сюрпризовъ нѣтъ:
Тамъ и теперь все такъ, какъ было много лѣтъ.
А здѣсь стоишь,—глядь, сзади за тобою
Равнина вдругъ становится горою.
Впередъ по ровной я долинѣ шелъ,
А воротясь, на горку вдругъ набрелъ.
Хоть эта горка велика не больно,
Но все-жъ, конечно, и ея довольно,
Чтобъ не нашелъ я сфинксовъ. Но и здѣсь
Блестятъ огни, и приключенья есть:
Вонъ тамъ толпой красавицы мелькаютъ,
Зовутъ, танцуютъ, вѣчно убѣгаютъ;
Впередъ же, къ нимъ! Намъ врождено желать,
Вездѣ утѣхъ и радостей искать.

Ламіи—*увлекая Мефистофеля за собой.*

Скорѣй, скорѣе,
Впередъ дружнѣе!
А послѣ станемъ,
Шумя, болтая:
Тогда вѣрнѣе
Плута, прельщая,
Къ себѣ приманимъ.
За грѣхъ свой тяжко
Платясь, бѣдняжка
Спѣшитъ, хромая

И ковыляя;
Бѣжитъ онъ тамъ,
Съ трудомъ ступая,
Въ догонку намъ.

Мефистофель—*останавливаясь.*

Позоръ и стыдъ! Проклятіе судьбинѣ!
Обманъ съ времёнъ Адама и донынѣ!
Я сталъ старѣе, но умнѣй не сталъ;
Иль прежде я обмануть не бывалъ?
Какъ будто я не вижу здѣсь обмана?
Корсетъ на тальи, на лицѣ румяна,
Здороваго въ нихъ нѣту ни на грошъ:
Все гниль, да дрянь, какъ ближе подойдешь!
Все это знаешь, видишь, сердцемъ чуешь,
А все пойдешь и съ ними потанцуешь!

Ламіи—*останавливаясь.*

Смотрите: медлитъ, думаетъ, стоитъ!
Скорѣй къ нему, не то—онъ убѣжитъ.

Мефистофель.

Смѣлѣй впередъ: не дай же въ сѣти
Тебя сомнѣнью уловить!
Не будь лишь, вѣдьмы, васъ на свѣтѣ,
Кой чортъ захочетъ чортомъ быть!

Ламіи—*кокетливо.*

Подойдемъ-те же къ герою!
Можетъ быть, ему плѣниться
Суждено изъ насъ одною.

Мефистофель.

Ночью трудно убѣдиться
Въ вашей прелести; но все же
Я скажу, что вы не рожи.

Эмпуза—*протискиваясь между Ламіями.*

Я такая-жъ, какъ вы сами;
Стану тоже между вами.

Ламіи.

Никто ее здѣсь не зоветъ:
Всегда сама мѣшать придетъ!

Эмпуза—*Мефистофелю.*

Смотри: Эмпуза предъ тобою
Стоитъ съ ослиною ногою;
Ты тоже съ конскою ногой:
Привѣтъ тебѣ, кумъ милый мой!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Бѣда! Вездѣ, въ своей досадѣ,
Своихъ знакомыхъ вижу я!
На Гарцѣ, Брокенѣ, въ Элладѣ,—
Куда ни сунься, кумовья!

ЭМПУЗА.

Могу легко я превращаться,
Въ различныхъ образахъ являться;
Сегодня, въ честь тебѣ, пришла
Съ ушами длинными осла.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Хоть возражать неделикатно,
(Родство у васъ, я вижу самъ,
Въ почетѣ),—но вѣдь непріятно,
Сознайтесь, быть сродни осламъ!

ЛАМІИ.

Оставь! Всегда она губила
Все то, чтò сладостно и мило;
Чтò мило, сладостно для насъ,
Испортитъ все она сейчасъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Кáкъ вы ни стройны, какъ ни тонки,
Вы подозрительны, дѣвчонки!
На щёчкахъ розаны у васъ,
А тамъ, глядишь, сюрпризъ, какъ разъ!

ЛАМІИ.

Ищи: довольно насъ найдется;
Бери, чтò въ руки попадется,
Изъ насъ любую выбирай.
Ты самъ куда ужъ не красавецъ,
А тоже требуешь: красавицъ,
Да неподдѣльныхъ подавай!
Вотъ къ намъ вмѣшался онъ: дружнѣе
Бросайте маски вы скорѣе,
Наружу правда выступай!

МЕФИСТОФЕЛЬ—*Ламіи въ его рукахъ превращаются въ уродовъ.*

Ты лучше прочихъ... Тьфу, какая
Ты щепка тощая, сухая!

Ловитъ вторую.

А ты?.. Вотъ рожа-то, ай, ай!

Ламіи.

Не стóишь лучшей, не мечтай!

Мефистофель.

Не лучше-ль низенькая? Бьётся
Она, какъ ящерица, вьётся
Въ рукахъ проворною змѣей.
Ну, ты не лучше ли, большая?
Тьфу, жердь противная какая
Съ предлинной острой головой!
Ну, чтò мнѣ дѣлать? Попытаюсь,
За этой толстой погонюсь:
Авось она получше... Ба!
Дряблѣе губки! Для востока
Такія цѣнятся высóко...
Гнилѣй поганаго гриба!

Ламіи—*кидаясь на него.*

Бросайтесь, бѣгайте, взвивайтесь,
Крылами чорными старайтесь
Исчадью ада угрожать!
Кругомъ вампирами летайте,
Кружитесь, вейтесь, не давайте
Ему безвредно убѣжать!

Мефистофель—*отряхаясь.*

Нѣтъ, видно я не очень сталъ умнѣе!
Какъ дома, та же чушь, еще пошлѣе!
И здѣсь, какъ тамъ: чтó призракъ, то уродъ,—
Безсмысленны поэты и народъ,—
И здѣсь, какъ всюду, точно въ маскарадѣ,
Дурачатся, одной потѣхи ради.
Такъ хороши, а право нѣту силъ
Смотрѣть на нихъ, лишь стóитъ прикоснуться!
Я самъ не прочь, пожалуй, обмануться,
Когда-бъ обманъ не такъ прозраченъ былъ!

Н. Холодковскій.

БОЛГАРІЯ и БОЛГАРЫ
ПЕРЕДЪ ВОЙНОЮ

— *Georg Rosen*: Die Balkan-Haiduken. Ein Beitrag zur inneren Geschichte des Slawenthums. Leipzig, 1878.
— *H. C. Barkley*, civil engineer: Bulgaria before the war, during seven years' experience of European Turkey and its inhabitants. London, 1877.
— *Славянскій Сборникъ*. Томъ второй. Спб. 1877.

I. Болгарское гайдучество.

Быть можетъ, читатель припомнитъ разсказъ о герцеговинскомъ гайдучествѣ въ «Вѣстн. Европы» прошлаго года [1]). Въ настоящемъ случаѣ мы остановимся на гайдучествѣ болгарскомъ. То и другое—явленія совершенно одного порядка, съ тѣми же причинами, ихъ вызывавшими, съ тѣмъ же характеромъ и тѣми же отраженіями въ народной поэзіи. Болгарскій гайдукъ—двойникъ сербскаго, какъ во всѣхъ пріемахъ юнацко-патріотическаго и авантюристскаго поприща, такъ и въ пѣсенномъ его изображеніи. Иногда, сербскій и болгарскій гайдуцкій эпосъ имѣетъ однихъ и тѣхъ же героевъ; здѣсь и тамъ равно извѣстенъ «Старина Новакъ», или «Новакъ Дебельякъ», родоначальникъ гайдуковъ сербскихъ и болгарскихъ.

Поэтому, общая характеристика болгарскаго гайдучества была бы повтореніемъ того, что мы знаемъ о гайдучествѣ сербскомъ. Разница въ подробностяхъ опредѣляется мѣстными обстоятельствами. Какъ у сербовъ, такъ и у болгаръ гайдучество, по-

---

¹) Іюнь, стр. 718.

стоянно отличаемое и своими и чужими отъ обыкновеннаго разбоя, было, во времена ига, единственнымъ возможнымъ протестомъ противъ поруганія національности и всякаго угнетенія. Тамъ и здѣсь гайдучество имѣло свои извѣстные законы, и подвиги гайдуковъ были «юнацкіе», геройскіе подвиги, которые составляли для народа предметъ сочувствія и пѣсенныхъ прославленій. Что этотъ національно-героическій и освободительный характеръ дѣйствительно принадлежалъ гайдучеству и не составляетъ только одно притязаніе и мнимое оправданіе разбоя, это можно наблюдать уже на историческихъ фактахъ. Партизанская война черногорцевъ съ турками еще до очень недавняго времени имѣла чисто гайдуцкій характеръ, съ одними обычаями, чиноначаліемъ, съ одной ненавистью къ туркамъ и—свирѣпостью. Если можно понять черногорцевъ,—а ихъ понимали даже иноземные наблюдатели,—то можно понять и гайдучество. Черногорская «чета», въ отдѣльности, ничѣмъ не отличалась отъ гайдуцкой «четы»; собравшись, онѣ составляли настоящее войско и вели такъ-называемую «правильную» войну. Сербскіе гайдуки, въ эпоху борьбы за освобожденіе, стояли на ряду съ признанными освободителями своей родины, какъ знаменитый гайдукъ Велько, который съ этимъ титуломъ, и вошелъ въ исторію; сами признанные освободители бывали гайдуками. И въ наше время съ такимъ же характеромъ является извѣстный Лука Вукаловичъ, предводитель герцеговинскаго возстанія въ пятидесятыхъ годахъ. То же самое въ Болгаріи.

У освободившихся сербовъ нѣтъ гайдучества (въ собственномъ смыслѣ), потому что уже нѣтъ причины для него, нѣтъ турокъ. Въ Герцеговинѣ и Боснѣ возстаніе охватило всю массу народа; гайдуки смѣшались съ «усташами». Въ Болгаріи гайдучество, какъ мелкая партизанская война, длилось до самаго начала нынѣшней войны. Особенное положеніе страны, крайне подавленное состояніе народа не дали никогда организоваться въ Болгаріи обширному возстанію. Населеніе разбросано было на обширномъ пространствѣ, огражденномъ сильными турецкими крѣпостями; притомъ оно было разобщено Балканами. Кромѣ турецкаго населенія, разсѣяннаго вездѣ въ городахъ, а также и деревняхъ, кромѣ татаръ и черкесовъ, болгары имѣли еще одного врага, какого не знали сербы, именно грековъ, въ которыхъ турки имѣли всегдашнихъ вѣрныхъ шпіоновъ за болгарами; наконецъ, во многихъ мѣстностяхъ населеніе было такъ задавлено, было доведено до такой нищеты, что сопротивленіе было уже немыслимо. Возстанія тѣмъ не менѣе поднимались не разъ; всѣ

они кончались гибелью и истребленіемъ. Съ другой стороны, въ Балканахъ никогда не переводились гайдуки. Въ послѣдніе годы передъ войной гайдучество стремилось получить правильную организацію, чтобы стать настоящимъ народнымъ возстаніемъ. Всѣми брошенный несчастный народъ собиралъ послѣднія силы, — онъ не покидалъ надежды добыть свободу этими силами. Одинъ изъ гайдуковъ этихъ послѣднихъ лѣтъ, Панайотъ Хитовъ, разсказалъ въ замѣчательно любопытныхъ запискахъ (къ которымъ дальше обратимся) исторію своихъ многолѣтнихъ гайдуцкихъ странствій въ Балканахъ. Панайотъ въ особенности старался, чтобы гайдучество стало въ прямую связь съ патріотической партіей, дѣйствовавшей въ литературѣ, и дало точку опоры для народнаго возстанія. Предводители движенія заявляли, десять лѣтъ тому назадъ, что, если понадобится, они могутъ выставить нѣсколько тысячъ болгарскихъ волонтеровъ. Изъ нихъ выбирались недавно участники гайдуцкихъ бандъ; когда началась послѣдняя война, эти тысячи составили болгарскій легіонъ, извѣстный своими подвигами за Балканами и на Шипкѣ.

Это балканское, т.-е. по преимуществу болгарское, гайдучество, выбралъ предметомъ своей книги Георгъ Розенъ, извѣстный до сихъ поръ какъ авторъ «Турецкой Исторіи», вышедшей въ 1866—67 годахъ, въ исторической коллекціи Гирцеля. Нѣмецкія рекламы рекомендовали въ Розенѣ особенно компетентнаго знатока балканскихъ отношеній, такъ какъ онъ много лѣтъ былъ нѣмецкимъ генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимѣ (?) и Бѣлградѣ, и особенный интересъ книги указывали въ томъ, что она выясняетъ между прочимъ «тѣсную связь балканскаго разбойничества съ панславизмомъ».

Книга Розена любопытна поэтому въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по матеріалу, въ ней собранному; во-вторыхъ, по объясненіямъ автора. Матеріалъ состоитъ изъ нѣсколькихъ историческихъ данныхъ о балканскомъ гайдучествѣ стараго времени, а главное—изъ перевода болгарскихъ источниковъ, отчасти доселѣ неизвѣстныхъ и въ русской литературѣ. Розенъ сопоставилъ, въ нѣмецкомъ переводѣ, гайдуцкія пѣсни, изъ болгарскихъ пѣсенныхъ сборниковъ братьевъ Миладиновыхъ (1861) и Чолакова (1871), и, затѣмъ, перевелъ крайне интересныя записки упомянутаго «гайдука» послѣднихъ годовъ, Панайота Хитова, изданныя извѣстнымъ болгарскимъ писателемъ Любеномъ Каравеловымъ, въ Бухарестѣ, въ 1872 году. Въ вышедшемъ на этихъ

дняхъ второмъ томѣ «Славянскаго сборника» явился русскій переводъ этихъ записокъ.

Собственныя соображенія Ровена въ своемъ родѣ очень любопытны: онъ по-своему старается объяснить «внутреннюю исторію славянства», давая понять, что Турція, которая въ послѣднія десятилѣтія направилась по пути прогресса, была жертвой недостойнаго заговора между панславизмомъ и болгарскими гайдуками; что вообще въ смутномъ положеніи Балканскаго полуострова виноваты вовсе не турки, а именно болгары. Туркофильская точка зрѣнія имѣетъ разные оттѣнки, какъ имѣетъ разные поводы: у англичанъ, это—подозрительность къ Россіи изъ-за политическаго и торговаго господства на востокѣ; у венгровъ—ненависть по воспоминаніямъ о войнѣ 1850—51 года, и опасеніе усиленія славянскаго элемента въ сосѣдствѣ; у вѣнскихъ публицистовъ свои соображенія о господствѣ на славянскомъ востокѣ и т. д. Туркофильство, естественно, сопровождается враждебнымъ отношеніемъ къ Россіи. Мы не будемъ распространяться на тэму о «нелюбви къ намъ» Европы; думаемъ, что Европа во многихъ отношеніяхъ имѣетъ право смотрѣть съ чувствомъ превосходства на недостатки нашего образованія, на отсутствіе общественности, на жалкое положеніе литературы и т. д., потому что русская цивилизація представляетъ дѣйствительно слишкомъ большіе недочеты и по нашему собственному признанію. Но—какъ европейская наука не есть вовсе тотъ ученый конгрессъ, который былъ описанъ Щедринымъ, такъ «Европа» не есть всякій самодовольный нѣмецъ, который, кичась «культурнымъ превосходствомъ», остается самымъ дюжиннымъ ретроградомъ и у себя дома, и въ сужденіяхъ о другихъ народахъ. Приведи его случай въ Россію, культурно-превосходный человѣкъ окажется крѣпостникомъ, найдетъ, что современныя реформы слишкомъ широки и рановременны, что цензура въ Россіи слишкомъ слаба, потому что позволяетъ иногда нападать на Бисмарка, и т. п. Въ послѣдніе годы нѣмецкая литература представила не одинъ примѣръ въ этомъ родѣ.

Нѣчто подобное произошло съ Ровеномъ. Культурно-превосходный человѣкъ и ученый историкъ не находитъ слова сочувствія къ положенію цѣлаго народа, которое даже «европейскій концертъ» призналъ требующимъ измѣненія. Розенъ осторожно вообще выражается о Россіи и обыкновенно избѣгаетъ ее называть, но не скрываетъ враждебнаго отношенія къ болгарскому славянству и особенно къ «панславизму», хотя иногда онъ желаетъ показывать безпристрастіе. Тонъ его относительно болгаръ—не то что

высокомѣрный (относительно ихъ не стоитъ даже быть высокомѣрнымъ), а такой, какъ будто рѣчь шла о какомъ-нибудь полудикомъ племени, въ которомъ излишне предполагать цивилизованныя мысли и ощущенія. Книга имѣетъ еще одну странность: въ ней ни однимъ словомъ не упоминается о новѣйшихъ событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, о русско-турецкой войнѣ—не потому ли, что эти событія трудно было приладить къ его точкѣ зрѣнія? Авторъ почти не говоритъ также о новыхъ путешествіяхъ и описаніяхъ Болгаріи, — кромѣ С.-Клера и Брофи, у которыхъ беретъ разсказъ о балканскомъ гайдучествѣ. Между тѣмъ, если бы онъ хотѣлъ дѣйствительно доискаться истины во «внутренней жизни» балканскаго славянства, ему было бы полезно справиться съ другими путешественниками, или онъ долженъ былъ бы опровергать ихъ, потому что эти путешественники—Каницъ, Мэккензи и Ирби, Дентонъ, Барклей и др., и особенно г-жа Мэккензи—совсѣмъ иначе понимаютъ весь характеръ болгарскаго быта, все положеніе вещей, между прочимъ то, изъ котораго произошло гайдучество. Розенъ составилъ себѣ свое понятіе о болгарскомъ характерѣ (хотя вовсе не доказываетъ его фактами): народъ вообще плохой, грубо-неразвитый, имѣющій слабыя понятія о правѣ, о гражданскомъ порядкѣ, затрудняющій благія начинанія турецкаго правительства; гайдучество,—правда, вызвано было отчасти *прежней* безпорядочностью турецкаго управленія, но вообще, это просто разбой и кража, и въ настоящее время одна изъ важныхъ причинъ, мѣшавшихъ успѣхамъ турецкой цивилизаціи. Розену очень жаль, что немного лѣнивое турецкое правительство не искоренило этой язвы, такъ вредившей прогрессу имперіи. Есть и турецкіе разбойники — но въ нихъ есть нѣчто рыцарское и благородное (и цивилизаціи они, вѣроятно, не мѣшаютъ); но болгарскіе гайдуки—головорѣзы и грабители, нападающіе на чужихъ и своихъ, совсѣмъ обыкновенные разбойники. Даже въ этомъ сомнительномъ сравненіи Розенъ внушаетъ читателю, насколько турокъ лучше и выше болгарина. Въ новѣйшее время, болгарское гайдучество еще осложнилось: оно стало орудіемъ «панславизма», который не усумнился прибѣгнуть къ такому средству для разрушенія порядка въ турецкой имперіи.

Таковъ въ сущности взглядъ, который надо вывести изъ книги Розена. Можно было бы не придавать никакого значенія подобнымъ мнѣніямъ, если бы это была газетная статья, которая не гонится за доказательствами и выражаетъ только извѣстную впередъ тенденцію, политическое раздраженіе, или которая испол-

няетъ завѣдомо купленную у нея обязанность. Но дѣло перемѣняетъ характеръ, когда мы имѣемъ передъ собой мнимое «изслѣдованіе», съ научнымъ аппаратомъ, писанное ученымъ историкомъ; когда автора рекомендуютъ какъ германскаго генеральнаго консула «въ Іерусалимѣ и Бѣлградѣ», какъ знатока мѣстныхъ отношеній (какъ въ Іерусалимѣ изучалъ онъ *болгарскія* отношенія? въ Бѣлградѣ еще кое-какъ могъ). Еще противнѣе дѣлается этотъ образчикъ «нѣмецкой науки» отъ того обстоятельства, что его тенденціозное извращеніе фактовъ идетъ на службу рабовладѣльческимъ и ростовщическимъ насиліямъ противъ народа, уже довольно несчастнаго.

Турки могли бы смѣло ссылаться на изображаемый Розеномъ «панславизмъ», какъ при началѣ герцеговинскаго возстанія ссылались, что въ Невесиньѣ возстали соціалисты,—въ ожиданіи, что найдутъ глупцовъ, которые одобрятъ ихъ заботы о защитѣ священнаго права собственности, или политическихъ аферистовъ, которые найдутъ выгоднымъ принять такое толкованіе.

На первыхъ страницахъ своей книги Розенъ замѣчаетъ: «Въ числѣ причинъ, которыя воспрепятствовали Европейской Турціи примкнуть къ общему прогрессу нашей части свѣта, надо положительно привести и балканское гайдучество, естественнымъ послѣдствіемъ котораго было то, что произведенія почвы и промышленности тѣхъ земель были ограничены небольшой мѣрой, внутренняя торговля затруднена, жители горъ (а другіе жители?) остались на низкой степени развитія, южныя болгарскія племена отчуждены отъ сѣверныхъ». Онъ соглашается, что Турція виновата отчасти своимъ попустительствомъ; но болгарскій народъ виноватъ тѣмъ, что постоянно посылалъ въ Балканы разбойниковъ. Розенъ и не думаетъ остановиться на томъ обстоятельствѣ, что единственная причина, почему Турція не примкнула къ «общему прогрессу», заключается въ томъ, что она никогда и не думала желать этого, а у подданной «райи» отнимала къ этому всякую возможность, потому что давила и грабила ее.

Розенъ нашелъ немного историческихъ указаній о старомъ гайдучествѣ, и то, которое онъ цитируетъ, именно извѣстіе Рикаута (Rykaut), секретаря англійскаго посольства, жившаго много лѣтъ въ Константинополѣ и въ 1665 году возвращавшагося въ Англію черезъ Бѣлградъ и Вѣну, приводитъ его въ недоумѣніе. Англичанинъ ясно говоритъ о балканскихъ разбояхъ, говоритъ о болгарскихъ жителяхъ Балканъ, но, говоря о «гайду-

кахъ», упоминаетъ выходцевъ изъ Трансильваніи, Молдавіи, Венгріи, и именно *не* называетъ самыхъ болгаръ. Розенъ дѣлаетъ ученое предположеніе, что «быть можетъ, онъ черпалъ изъ болгарскаго источника, намѣренно дававшаго ложное свѣдѣніе». Не знаемъ, нужны-ли были въ то время такія тонкости; дѣло могло объясняться просто тѣмъ, что Турція вообще поставляла обширный контингентъ разбойничества, и разбойники-пришельцы могли превышать численностью туземцевъ. Пришельцевъ и тогда могло быть достаточно, такъ какъ и теперь есть края, населенные почти поголовно разбойниками, напр. Албанія и албанскія колоніи въ Старой Сербіи. Розену нужно, чтобъ разбойники на Балканахъ были именно одни болгары.

Ему не совсѣмъ пріятенъ фактъ, что самое имя «гайдукъ» — вовсе не болгарское; оно также не турецкое и не румынское, а венгерское. Первыхъ гайдуковъ исторія отмѣчаетъ въ XVI столѣтіи, когда «гайдуки» (первоначально—названіе пѣшаго войска) являются разбойниками въ южной Венгріи, когда она была занимаема турками. Отсюда уже гайдучество распространяется на югъ и находитъ гнѣздо въ Балканахъ,—сохранивъ венгерское названіе вѣроятно потому, что въ Венгріи оно уже успѣло пріобрѣсти специфическое значеніе. Можно предполагать, что гайдучество съ самаго начала пріобрѣло національно-религіозный оттѣнокъ. Венгры не думали тогда присчитываться въ родство къ туркамъ; напротивъ, у венгровъ, какъ у поляковъ и южноруссовъ, война съ турками была дѣломъ національнымъ и христіанскимъ, и наконецъ переходила въ популярныя формы, въ партизанское казачество и гайдучество. Турецкіе порядки были таковы, что для народовъ, жившихъ подъ властью Турціи и въ ближайшемъ ея сосѣдствѣ, эта партизанская война становилась необходимостью. Если бы Розенъ захотѣлъ сколько-нибудь добросовѣстно отнестись къ историческимъ фактамъ, онъ могъ бы увидѣть, какія причины вызывали гайдучество и кто первый и всѣхъ больше былъ виноватъ въ томъ, что Турція не «примкнула къ общему прогрессу нашей части свѣта».

Разсказы такихъ путешественниковъ, какъ Гильфердингъ и даже Каницъ, о болгарскомъ народѣ Розенъ находитъ слишкомъ хвалебными; и хотя признаетъ, что С.-Клеръ и Брофи, напротивъ, нѣсколько пристрастны въ пользу турокъ, но считаетъ не лишнимъ опереться на ихъ мнѣніе. Эти англичане, посвятившіе въ своей книгѣ особую главу балканскому разбойничеству, дѣлятъ балканскихъ разбойниковъ на три непохожія категоріи: балканъ-челеби; простыхъ разбойниковъ; и гайдуковъ. По словамъ С.-Клера

и Брофи, балканъ-челеби (Edlen vom Walde, по переводу Розена, лѣсные дворяне)—потомки старыхъ независимыхъ фамилій и сохраняютъ среди своего разбоя нѣчто благородное; они несравненно выше двухъ остальныхъ разрядовъ; они турки, и никогда не тронутъ своихъ; возвращаясь послѣ разбоевъ къ «частной жизни» они бываютъ самыми честными людьми, которымъ смѣло можно довѣрить даже крупныя деньги. Другой разрядъ—простые разбойники или воры, какіе бываютъ вездѣ. Гайдуки, по отзывамъ англичанъ, мало отличаются отъ простыхъ грабителей, и развѣ только кровожаднѣе ихъ.

Розенъ замѣчаетъ, что англичане недостаточно отличили два послѣдніе разряда и неполно характеризовали гайдуковъ. Самъ онъ отдѣляетъ ихъ отъ простыхъ разбойниковъ, которыхъ гайдуки презираютъ, называя ихъ курокрадами (кокошар); но вмѣстѣ съ англичанами думаетъ, что турецкіе разбойники, особенно «балканъ-челеби», гораздо выше гайдуковъ по пріемамъ своего разбоя, въ которомъ есть нѣчто «благородное». Не будемъ останавливаться на прикрашиваньи турецкихъ порядковъ, противъ котораго можно было бы привести много гораздо болѣе компетентныхъ показаній. Но оно опровергается самими авторами. Нѣмецкій и англійскіе авторы не замѣчаютъ, что во всемъ ихъ предпочтеніи турецкаго общества надъ болгарскимъ въ ихъ собственномъ разсказѣ проглядываютъ между строкъ очень странныя черты. Напримѣръ, С.-Клеръ и Брофи замѣчаютъ, что «балканъ-челеби» есть потомокъ обѣднѣвшей фамиліи беевъ. «Онъ дѣлается балканъ-челеби лишь тогда, когда, вслѣдствіе *подкупности турецкихъ властей*, какое-нибудь изъ остававшихся у него правъ отнимается у него въ пользу *пронырливаго райи*. На его отказъ, власти грозятъ послать его къ пашѣ въ Варну; онъ считаетъ это за *величайшее несчастіе*, какое только можетъ его постигнуть, и идетъ въ лѣсъ, куда не дойдетъ до него никакой призывъ къ суду». Таковы факты, происходящіе въ самомъ турецкомъ кругу; надо только замѣтить, что «пронырливымъ райей», которому отдается преимущество передъ туркомъ, можетъ быть развѣ такъ-называемый чорбаджи, другъ, сотрудникъ и прихлебатель турокъ, но никакъ не обыкновенный райя, которому турецкая власть вовсе не дѣлаетъ поблажекъ. Далѣе англичане разсказываютъ, что балканъ-челеби обыкновенно не преслѣдуются турецкой полиціей. «Если путешественникамъ (на которыхъ онъ нападаетъ) даютъ въ провожатые полицейскаго, то онъ выстрѣлитъ изъ своего ружья на воздухъ и затѣмъ спокойно идетъ своей дорогой, чтобы доложить въ Варнѣ, что на него напала толпа разбойниковъ и что, убивши

многихъ изъ нихъ, онъ съ трудомъ спасъ свою жизнь,—потому что онъ дальній родственникъ этому челеби, и быть можетъ, въ другомъ краѣ его собственный братъ занимается тѣмъ же ремесломъ. Какъ же онъ могъ изъ-за какого нибудь грека или армянина ссориться съ родственниками и хорошими друзьями?—Между тѣмъ ограбленный продолжаетъ свой путь, радуясь, что спасъ по крайней мѣрѣ свою жизнь; онъ остерегается также подавать жалобу, потому что знаетъ, что провинціальное турецкое правосудіе и медленно, и дорого, и что разбойникъ можетъ, не торопясь, перебраться въ другой пашалыкъ и тамъ спокойно дождаться конца преслѣдованія, если-бъ оно было противъ него начато». Такъ разсказываютъ люди, по словамъ самого Розена, слишкомъ предрасположенные восхвалять турокъ; слѣд., свѣдѣніе тѣмъ болѣе достовѣрно.

Далѣе Розенъ, самъ того не замѣчая, еще подбавляетъ къ невыгодности этого эпизода. Разсказавъ со словъ англичанъ другіе случаи очень спокойнаго отношенія турецкихъ властей къ разбою, онъ говоритъ: «очевидно, сообщенный здѣсь взглядъ есть вмѣстѣ взглядъ *образованныхъ турецкихъ круговъ*, въ средѣ которыхъ обращались эти англичане и которымъ обязаны своими *личными знакомствами* между балканъ-челеби». Такимъ образомъ въ «образованныхъ» турецкихъ кругахъ разбойничество турецкое не внушало ни малѣйшаго осужденія; въ этихъ кругахъ можно было даже завести «частнымъ образомъ», а не на большой дорогѣ, знакомство съ самими разбойниками.

Но если такъ, если турецкія власти въ *своемъ* кругу предоставляютъ разбою полную свободу, если полиція въ союзѣ съ «челеби», если разбойники являются въ «образованныхъ» турецкихъ кругахъ, то не слишкомъ ли много свалить на болгаръ (потому что большинство балканскихъ разбойниковъ — болгары) вину, что они помѣшали Турціи «примкнуть къ общему прогрессу нашей части свѣта»?

Забавно, что, восхищаясь своими «балканъ-челеби», Розенъ находитъ, что «турокъ, даже какъ преступникъ, исполненъ извѣстнаго аристократическаго чувства, вслѣдствіе котораго даже своихъ неблаговидныхъ цѣлей старается по крайней мѣрѣ достигнуть съ возможно бо́льшимъ внѣшнимъ приличіемъ». Тэма турецкаго аристократизма нерѣдко возвращается у туркофильскихъ писателей, и между прочимъ и у С.-Клера и Брофи. На дѣлѣ, привычка повелѣвать безотвѣтной райей, укрѣпленная вѣками; тунеядство, питающееся трудами этой райи, и вмѣстѣ религіозная ненависть и презрѣніе къ ней; крайнее невѣжество; исторія, въ те-

ченіи которой турки долгое время были дѣйствительнымъ страхомъ для Европы, а потомъ встрѣчали отъ нея всякія дипломатическія любезности и поблажки, все это вмѣстѣ сообщило туркамъ страшное самодовольство относительно всего не-турецкаго, величайшее высокомѣріе къ немусульманской райѣ и даже немусульманской Европѣ, которую ловко умѣли обманывать,—но смѣшно видѣть въ этомъ аристократизмъ. Управленіе этихъ аристократовъ есть грубѣйшая система грабежа и взяточничества—ихъ подкупность есть аксіома для самого Розена; въ своемъ чиноначаліи эти аристократы—самые низкопоклонные рабы; ихъ рыцарскія качества обнаружились достаточно въ нынѣшней войнѣ, когда съ вѣдома, а вѣроятно и распоряженія этихъ аристократовъ плѣнные замучивались и уродовались постоянно съ самой гнусной свирѣпостью. Считаетъ ли Розенъ и это доказательствомъ чувства аристократизма у турецкихъ пашей и ихъ сподвижниковъ,—и какъ бы говорилъ онъ, если бы такія аристократическія дѣянія производились надъ его соотечественниками?

Въ своей книгѣ Розенъ ставитъ себѣ въ особенности задачей,—пользуясь записками Панайота Хитова,—во-первыхъ, изобразить болгарское гайдучество какъ чистый разбой, только прикрывающійся національными цѣлями, затѣмъ набросить сомнѣніе на самый народный характеръ болгаръ, и, наконецъ, покарать «панславизмъ». Но въ первой части книги, составляющей родъ общаго введенія, Розену приходится признать, что въ глазахъ болгаръ гайдуки не разбойники, а юнаки, и въ глазахъ самихъ турокъ гайдучество имѣло видъ вовсе не простого разбоя, а именно революціоннаго сопротивленія и возстанія противъ ихъ власти. Къ простому разбою турки весьма привычны и очень снисходительны; гайдучество они всегда преслѣдовали.

Относительно самого Панайота Розенъ признаетъ, что, внѣ своего гайдуцкаго поприща, когда ему пришлось прожить нѣсколько времени въ Сербіи и заняться работой, Панайотъ былъ добросовѣстнымъ человѣкомъ, которому можно было смѣло довѣриться. Стараясь при всякомъ случаѣ очернить гайдучество Панайота, и подвергая его добровольные разсказы и признанія самой инквизиторской критикѣ, Розенъ не остановился на этомъ очень существенномъ обстоятельствѣ, что въ гайдучество пошелъ человѣкъ, по его собственному суду, весьма честный и добросовѣстный. Такъ, вѣроятно, бывало не съ однимъ Панайотомъ.

Когда надо было, наконецъ, опредѣлить спеціальныя особенности гайдучества, Розенъ самъ долженъ былъ отличать гайдука отъ разбойника. «Гайдукъ есть спеціально Балканамъ принад-

лежащій бандитъ, который ведетъ свое ремесло, какъ національное дѣло по опредѣленнымъ правиламъ и преданьямъ... Гайдукъ стыдится простого разбойника (кокошара)... Онъ, конечно, есть также разбойникъ на большой дорогѣ, но къ этому качеству присоединяется у него еще другое, какого нѣтъ у разбойника простого, и которое обыкновенно и составляетъ отличительную черту гайдука. Вслѣдствіе преступленія, тяжкаго въ глазахъ турецкихъ властей, онъ не можетъ уже показаться въ мѣстѣ своего жительства, у него уже нѣтъ родины,—между тѣмъ какъ простой разбойникъ довольно спокойно отправляется изъ своей деревни на промыселъ... Вслѣдствіе жалкаго состоянія турецкаго правосудія и полиціи, этотъ послѣдній можетъ часто на всю свою жизнь остаться безнаказаннымъ; напротивъ, гайдукъ сжегъ за собой корабли... Его преступленіе *можетъ* находить свое извиненіе въ національномъ предразсудкѣ и (въ послѣдніе годы) въ политическомъ заблужденіи. Гайдукъ чувствуетъ себя въ открытомъ, заявленномъ возстаніи противъ своего правительства».

Справедливо; но Розенъ никакъ не хочетъ понять исторической и современной причины факта, который однако же видитъ. Турки изъ всѣхъ видовъ разбоя ненавидятъ и преслѣдуютъ спеціально гайдучество; болгары считаютъ его національнымъ дѣломъ; въ гайдуки идутъ даже люди въ частной жизни безупречные; гайдучество есть возстаніе... Оставалось бы признать извѣстный фактъ, что положеніе болгарскаго народа подъ турецкимъ игомъ и дѣлало это возстаніе естественнымъ. Но для туркофильскаго писателя этотъ фактъ неизвѣстенъ: ига никакого нѣтъ, а было хорошее правленіе, желавшее прогресса; но болгары, по лѣни или тупости, не умѣли усвоивать себѣ цивилизованныхъ понятій— и, напротивъ, своими балканскими грабежами ставили одно изъ главныхъ препятствій къ процвѣтанію имперіи. Почти такъ и разсуждаетъ Розенъ. Болгары предаются гайдучеству потому, что мало цивилизованы и кровожадны; что касается національнаго чувства, то Розенъ, хотя соглашается, что оно имѣетъ здѣсь свое вліяніе, но дѣлаетъ къ этому знаменательное добавленіе—именно, что это національное чувство раздулъ главнымъ образомъ *московскій панславизмъ*. Вотъ его слова: «Въ наше время національное чувство у южныхъ славянъ такъ сильно господствуетъ надъ болѣе высокимъ чувствомъ человѣчности, что у многихъ болгаръ убивать турокъ, даже невинныхъ дѣтей, является не только какъ дѣло индифферентное, но даже какъ нѣчто достойное похвалы, — и другіе, которые сами не въ состояніи совершить такого преступленія, все-таки съ удовольствіемъ о немъ слу-

шаютъ. (Это съ апломбомъ пишется послѣ Филиппополя и Татаръ-Базарджика!) Этимъ крайнимъ раздраженіемъ національнаго чувства южное славянство обязано московскому панславизму, и потому оно идетъ только со времени *послѣ*-крымской войны. До тѣхъ поръ у болгарскихъ гайдуковъ было, правда, особенно живо нерасположеніе управляемыхъ къ управляющимъ (!), свойственное всѣмъ восточнымъ націямъ (?), въ томъ числѣ и турецкой, — и, конечно, еще усиливалось у нихъ различіемъ національностей; это была война *болгарскаго преступника* противъ *турецкаго начальства*, которое, съ своей стороны, было съ нимъ безжалостнѣе, чѣмъ съ туркомъ подобной категоріи. Но, — спѣшитъ замѣтить Розенъ, — это вовсе не была война народа противъ народа, противъ турецкаго младенца (!), противъ турецкой роженицы (!). Безспорно, московскій панславизмъ можетъ отмѣтить здѣсь великіе успѣхи; *ему* удалось сдѣлать непереходимой пропасть, раздѣляющую болгаръ и турокъ. Однако и болгарскій народъ, съ своей стороны, долженъ былъ заплатить за этотъ результатъ драгоцѣнной кровью, сожженіемъ селеній, уничтоженіемъ его благосостоянія, не говоря объ упадкѣ нравовъ въ массахъ. Но для жертвъ гайдуцкихъ предпріятій все равно: принципы ли, руководившіе Панайотомъ, или простое удовольствіе проливанія крови вложили оружіе въ руки ихъ согражданъ, которымъ онѣ (жертвы) ничего не сдѣлали».

Все это какъ-будто писалъ Серверъ, Сафветъ или Митхадъ-паша. Турецкій народъ является бѣдной жертвой кровожадности болгаръ, которые рѣжутъ младенцевъ и беззащитныхъ женщинъ, и особенно—жертвой московскаго панславизма, который раздулъ въ болгарахъ эту кровожадность. Но Розенъ оставляетъ читателя въ совершенной неизвѣстности: когда же и гдѣ происходили эти ужасные факты? Ни здѣсь, ни во всемъ продолженіи книги Розенъ не говоритъ, ни гдѣ болгары совершили столько звѣрствъ, чтобы вызвать истребленіе,—ни какимъ образомъ участвовалъ въ этомъ «московскій панславизмъ». Этотъ послѣдній показывается читателю только въ таинственномъ туманѣ...

Вѣроятно, для того, чтобы выставить именно поджигательства московскаго панславизма, какъ причину новѣйшаго гайдучества, Розенъ утверждаетъ, что гайдучество и болгарскій народъ *не одно и то же;* но не можетъ однако не замѣтить въ отношеніяхъ между ними «своеобразнаго явленія». Оно состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ ни испанцу, ни итальянцу не приходитъ въ голову хвалиться своими бандитами,—болгары, напротивъ, считаютъ ихъ національными героями и какъ-бы остат-

комъ древней свободы своего народа, т.-е., значитъ, народъ и гайдучество—одно и то же чтб Розенъ сейчасъ отвергалъ. Далѣе, гдѣ онъ говоритъ о бытовыхъ особенностяхъ гайдучества, Розенъ опять именно доказываетъ тѣсную связь гайдучества съ народной жизнью и его историческое значеніе. Розенъ находитъ (опять справедливо), что болгарское гайдучество, какъ предметъ народной гордости, представляетъ аналогію съ гайдуками Сербіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія и клефтами грековъ во время ихъ возстанія: удивительно только, что авторъ не примѣнилъ этого сравненія за нѣсколько строкъ выше; ему не понадобилось бы ни дѣлать странныхъ жалобъ на кровожадность болгарскаго народа, ни ссылокъ на московскій панславизмъ. «Тамъ и здѣсь (въ болгарскомъ гайдучествѣ),—продолжаетъ онъ,—поздно отомщается Турціи историческая несправедливость подчиненія другихъ націй, также какъ политическая неразумность унизительнаго обращенія съ ними, какъ съ подначальнымъ стадомъ, когда за ними остается владѣніе отечественной почвой, своимъ языкомъ, обычаями и религіей. Само дурное управленіе Турціи сдѣлало ихъ стремленіе къ свободѣ столь равнодушнымъ къ нравственному достоинству ея борцовъ; но это равнодушіе есть фактъ». Относительно болгаръ Балканы играютъ особенную роль: болгары считаютъ ихъ по преимуществу своею собственностью: «ни одинъ болгаринъ не сомнѣвается, что турки нѣкогда очистятъ страну, что болгары снова сдѣлаются единственными обитателями этихъ горъ»; гайдучество, антиципирующее свободу отъ турецкой власти, находитъ эту свободу только въ Балканахъ. «Пастухъ и гайдукъ,—говоритъ Панайотъ,—единственные свободные люди въ Турціи; въ горы кади не посылаетъ своихъ призывовъ на судъ, тамъ не является сборщикъ податей, тамъ не назначается квартирный постой; преслѣдованія, которыя паша посылаетъ за гайдуками, похожи на быстро проходящія грозы; отъ нихъ не портится воздухъ, которымъ дышетъ свободный сынъ горъ». Фантазія южнаго жителя рисуетъ все это лучше, чѣмъ оно есть на дѣлѣ; она не представляетъ себѣ ясно крайнихъ лишеній и усилій гайдуцкой жизни, но—по словамъ Розена—ей нравится возможность быстраго обогащенія путемъ гайдучества, нравится эта азартная игра, гдѣ, конечно, ставкой бываетъ жизнь, но гдѣ является вся вѣроятность богатаго выигрыша. — Трудно спорить, чтобъ эта разбойничья корысть не участвовала въ образованіи гайдучества; но идеализація его у народной массы составлялась, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ иныхъ впечатлѣній, — именно инстинктовъ свободы и національнаго озлобленія противъ турокъ.

Далѣе, самъ Розенъ говоритъ объ отношеніи народа къ гайдучеству: «Итакъ, гайдучество вообще есть для народа предметъ живого сочувствія, которое стараются привязать къ себѣ банды, нуждающіяся въ добромъ расположеніи сосѣднихъ деревень (здѣсь они получаютъ свѣдѣнія, добываютъ съѣстные припасы, находятъ пріютъ и убѣжище), и которымъ особенно стараются пользоваться «воеводы» (предводители). При этомъ удачно дѣйствуютъ даже ничтожныя, повидимому, внѣшнія подробности. Первое, чтó бросаетъ гайдукъ, это — некрасивое, изъ грубой матеріи сдѣланное платье, которое, по старому турецкому распоряженію объ одеждѣ, велѣно было носить всѣмъ болгарамъ низшаго класса, и которое, по общему обычаю, сохранилось у нихъ и донынѣ [1]). Какъ скоро промыселъ давалъ маленькій излишекъ, гайдукъ надѣвалъ сшитое со вкусомъ платье, купленное на базарѣ какого-нибудь балканскаго города, самъ воевода являлся въ шитомъ золотомъ доломанѣ, а его знаменоносецъ былъ почти такъ же великолѣпенъ, какъ онъ. Въ то время какъ болгарскій крестьянинъ можетъ носить оружіе только въ извѣстныхъ условіяхъ — и тогда только какъ утварь,—воевода и его толпа носятъ его на плечѣ и за поясомъ, какъ завидное украшеніе. Это оружіе всегда старательно вычищено; знамя, которое на походѣ несется впереди, довершаетъ иллюзію, что здѣсь является маленькій монархъ, который ни отъ кого подъ солнцемъ не получаетъ приказаній, но самъ умѣетъ заставить уважать свою волю. Такъ, являясь въ деревнѣ или мѣстечкѣ, гайдуцкая банда производитъ впечатлѣніе на крестьянъ, которые гордятся тѣмъ, что обращаются съ этими самоувѣренными воинами, какъ съ равными себѣ, что могутъ привѣтствовать какъ свою плоть и кровь этихъ людей, которые самихъ турокъ затмѣваютъ своимъ великолѣпіемъ. Удивительно ли, что мальчикъ-пастухъ, забираясь съ своими козами на уединенныя горныя скалы, ни о чемъ такъ не мечтаетъ, какъ о счастьѣ — принадлежать когда-нибудь къ гайдуцкой бандѣ подъ начальствомъ храбраго предводителя».

«Но пусть не думаютъ,—продолжаетъ Розенъ,—что одно пастушеское и крестьянское населеніе балканскихъ мѣстностей съ извѣстной фантазіей относится къ гайдучеству. Городскіе жители равнины до Эгейскаго моря на югѣ и до Дуная на сѣверѣ дѣ-

---

[1]) Говоря прежде о сербскихъ гайдукахъ, мы упоминали, что у нихъ первый пріемъ гайдучества состоялъ именно въ томъ же. Надѣть „гайдуцкое платье“ уже значило, что человѣкъ рѣшилъ идти на гайдуцкую войну. Это былъ символъ, — или своего рода мундиръ, — значеніе котораго было тотчасъ понятно.

лять это пристрастіе. Доказательство этого — книга самого Панайота Хитова. Авторъ могъ представить себѣ кружокъ своихъ читателей только въ образованнѣйшей части своей націи; потому что у народа, столь бѣднаго литературой и школьнымъ образованіемъ какъ болгары, еще не пишется и не печатается ничего для пастуховъ и крестьянъ, и чтеніе вовсе не принадлежитъ къ потребностямъ этихъ пастуховъ и крестьянъ. Но когда «воевода», привыкшій къ походамъ въ лѣсахъ, мѣняетъ свое ружье на непривычное перо, то онъ долженъ былъ питать твердое убѣжденіе, что его книга найдетъ благосклонный пріемъ въ болгарской публикѣ. Очевидно, это казалось несомнѣннымъ и для людей, гораздо болѣе компетентныхъ (въ литературномъ дѣлѣ), потому что такимъ только образомъ можно объяснить, что редакторъ болгарскихъ газетъ «Независимость» и потомъ «Свобода», Каравеловъ, принялъ участіе въ дѣлѣ какъ редакторъ и издатель...

«Еще въ одномъ обстоятельствѣ отражается важность разбойничества (такъ!) для душевной жизни (Gemüthsleben) этого славянскаго племени, именно въ томъ, что гайдуки и другіе бандиты Балканъ занимаютъ столь выдающееся мѣсто въ его народной поэзіи»...

Итакъ, Розенъ противъ собственнаго желанія подтверждаетъ характеръ гайдучества, какъ національнаго и историческаго явленія. Дѣйствительно, ему сочувствовали не только пастухи и крестьяне, но и городскіе жители, и даже образованные люди; и, конечно, причина сочувствія была не въ «разбойничествѣ» (которое Розенъ такъ благосклонно ставитъ необходимымъ элементомъ «душевной жизни» болгарскаго народа), а именно въ томъ, что гайдучество являлось олицетвореніемъ еще не затмившихся совсѣмъ преданій о старой свободѣ, и надеждъ на свободу будущую.

Но указавши упомянутые факты, Розенъ желаетъ покарать «гайдучество» съ турецко-полицейской точки зрѣнія. Гайдуки, конечно, совершали убійства и грабежи, недопускаемые въ благоустроенномъ государствѣ, многіе изъ нихъ выходили за предѣлы цѣли, которую собственно ставило себѣ гайдучество; — но если уже Розенъ желаетъ приложить къ нему мѣрку благоустройства и благочинія, то прежде всего долженъ былъ бы приложить ее къ своимъ друзьямъ, туркамъ и ихъ сотрудникамъ, черкесамъ и баши-бузукамъ. На вопросъ, какая первая причина вызвала гайдучество, чтó его поддерживало въ теченіи вѣковъ, какія условія народной жизни могли дѣлать его народнымъ идеаломъ, — отвѣтъ ясенъ: его породили и питали именно турецкіе

порядки, что̀ и можетъ служить его оправданіемъ; въ концѣ-концовъ, оно правѣе, чѣмъ Сафветъ, Серверъ и Мидхатъ-паши, и при всемъ нарушеніи законовъ благочинія гораздо больше, чѣмъ они, можетъ заслужить сочувствія, потому что съ ихъ стороны неблагочиній было неисчислимо больше, и гайдучество являлось хоть какой-нибудь отплатой за нихъ. Гайдуки вовсе не единичное явленіе въ турецкой исторіи и мы найдемъ ихъ не въ одномъ славянствѣ. Что̀ были тѣ клефты, о которыхъ вспоминаетъ самъ Розенъ; что̀ были знаменитые суліоты, которымъ изумлялась Европа,—какъ не такіе же гайдуки? Народы могутъ быть доводимы до страшнаго положенія, до крайняго ожесточенія; а если Розенъ хочетъ говорить о нравственномъ упадкѣ, то Греція двадцатыхъ годовъ была еще ниже Болгаріи. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ образованные люди въ Европѣ мечтали объ освобожденіи Греціи, вступали въ филэллинскія общества, въ гетэрію,—но кто были реальными представителями и борцами освобождаемой Греціи? Между ними было много мужественныхъ людей, но, увы, между ними было много людей положительно дурныхъ, сохранившихъ и среди великаго дѣла освобожденія— хищность, коварство и предательство разбойника. Байронъ отправился самъ лично служить дѣлу греческой свободы, и былъ жестоко разочарованъ зрѣлищемъ, которое увидѣлъ въ Греціи... И, несмотря на все это, идеалисты-филэллины были правы въ своихъ сочувствіяхъ: эти разбойники заслуживали сочувствія все-таки больше, чѣмъ ихъ «законные» повелители; возстаніемъ былъ все-таки освобожденъ народъ, и не слѣдовало оставлять его въ рабствѣ изъ-за того, что оно успѣло наложить на него свои мрачные слѣды.

Мѣсто не позволитъ намъ познакомить читателя съ записками Панайота Хитова съ такой подробностью, какъ бы онѣ того заслуживали. Нѣсколько выдержекъ дадутъ, однако, понятіе объ этой оригинальной книгѣ, которая останется любопытной картиной нравовъ Болгаріи—до освобожденія.

Панайотъ Хитовъ родился въ 1830 году, въ Сливнѣ, городѣ, расположенномъ въ восточномъ краѣ Балканскаго хребта, на одномъ изъ притоковъ Тунджи, знаменитой воздѣлываніемъ розъ; Сливно есть главный пунктъ фабрикаціи розоваго масла. Въ последніе дни до нынѣшняго перемирія Сливно было новой сценой страшнаго истребленія болгарскихъ жителей. «Мой отецъ—разсказываетъ Панайотъ,—назывался Иванъ Хитовъ; потому что имя моего дѣда было Хито. Отецъ моей матери звался Христоскалъ, а

отецъ этого Христоскала былъ Златко-Чорбаджи, въ свое время очень извѣстный человѣкъ, котораго помнятъ жители Сливна и донынѣ. Когда Златко-Чорбаджи проходилъ по городу, тогда вставали и кланялись ему сами турки; а когда онъ входилъ въ меджлисъ, тогда ханы и беи очищали ему мѣсто и приглашали его садиться. Сборъ винограда дѣлался у него всегда съ большими увеселеніями и музыкой. Но уваженіе, которымъ онъ пользовался, испугало турокъ, такъ что они рѣшили убить его, и дѣйствительно убили. Онъ умеръ въ цвѣтѣ молодости».

Вотъ первое семейное преданіе Хитова. Воспоминаніе объ убійствѣ Златко сохранилось въ народѣ въ пѣснѣ, которую авторъ Записокъ приводитъ тутъ же цѣликомъ.

Отецъ Хитова держалъ въ горахъ стада козъ и овецъ, былъ человѣкъ не очень богатый, но и не бѣдный. Съ двѣнадцати лѣтъ онъ сталъ брать сына съ собой въ горы, такъ что мальчикъ воспитывался при стадахъ и «съ тѣхъ поръ научился носить ружье и цѣнить свободу вольнаго человѣка». «Я позволю себѣ при этомъ замѣтить,—говоритъ Хитовъ, — что въ нашемъ отечествѣ только гайдуки и пастухи свободны отъ турецкаго рабства и чорбаджійскихъ притѣсненій; но за одну минуту свободы и счастья многіе болгары готовы жертвовать всею своею жизнью».

Однажды, на пастуховъ, съ которыми находился мальчикъ Панайотъ, напала шайка турецкихъ разбойниковъ. Пастухи струсили и не сопротивлялись; разбойники обобрали ихъ, а мальчика, связавши, увели съ собой и послали одного изъ пастуховъ сказать отцу (его не было при этомъ нападеніи), что онъ долженъ прислать за выкупъ мальчика 1000 дукатовъ, или же придти на такую-то гору собрать его кости. Черезъ нѣсколько времени, когда еще разбойники шли съ мальчикомъ, раздался выстрѣлъ, одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другіе бѣжали, чтобы скрыться отъ другихъ ожидаемыхъ выстрѣловъ, а мальчикъ пустился бѣжать назадъ. Дома онъ узналъ, что выстрѣлъ сдѣланъ былъ его отцомъ.

Послѣ этого приключенія Панайотъ уже не отправлялся въ горы, и поступилъ прикащикомъ въ лавку,—«но человѣку, привыкшему къ свободѣ, трудно—продавать азіату на три пары [1]) три сыра и еще выслушивать за это всякія ругательства». Тогда онъ завелъ самъ мясную лавку. «Но и этимъ ремесломъ я не могъ быть доволенъ,—говоритъ онъ,—какъ легко пойметъ каждый, кто знаетъ отношенія. Въ три года я потерялъ половину

[1]) Пара—40-я часть піастра, а піастръ составляетъ около 6 коп. сер.

своего капитала. Турецкіе чиновники брали мясо въ долгъ и никогда не платили; одинъ конакъ (т.-е. домъ губернатора), долженъ былъ мнѣ больше 4000 піастровъ. Поди, занимайся торговлей въ государствѣ, которое не знаетъ никакого порядка, гдѣ почти каждый турокъ воръ! Я бросилъ и мясную лавку и началъ торговать скотомъ» [1]).

Около 1855 у Панайота умерли мать и отецъ. У него остался еще братъ; двѣ сестры были уже давно замужемъ. Сестры,—какъ говоритъ Панайотъ,—по наущеніямъ одного турецкаго интригана и несправедливо, вмѣшались въ дѣло о наслѣдствѣ и наперекоръ болгарскому родству и сосѣдству обратились къ турецкому кадію. «Этотъ кадій,—говоритъ Панайотъ,—былъ одинъ изъ тѣхъ турокъ, которые упиваются пóтомъ народа и сосутъ народную кровь, точно піявки». Одинъ призывъ къ кадію Панайотъ счелъ великой обидой; онъ не хотѣлъ идти къ кадію на судъ, обращался за помощью къ болгарскимъ чорбаджіямъ, но и тѣ лишь выбранили его за сопротивленіе. «Всѣмъ уже извѣстно, что болгарскіе чорбаджіи—полу-турки». Кади пригрозилъ ему палками [2]).

Панайотъ уже въ это время смотрѣлъ на турецкія власти не очень дружелюбно: «все это судебное производство, — говоритъ онъ,—произвело на меня такое отвратительное впечатлѣніе, что я едва могъ удержаться, чтобы не броситься на кади, схватить его за горло и задушить его какъ лягушку». Судья рѣшилъ противъ него; Панайотъ рѣшилъ продать свой скотъ, и уйти изъ Сливна. Онъ передалъ брату все свое имущество вмѣстѣ съ домомъ и просилъ позаботиться объ обезпеченіи его жены. Братъ былъ къ нему очень привязанъ, и сначала хотѣлъ непремѣнно

---

[1]) Розенъ не могъ обойтись, чтобы не остановить Панайота примѣчаніемъ къ этому мѣсту. Онъ обвиняетъ Панайота въ „грубомъ преувеличеніи“, и, соглашаясь, что въ Турціи много нечестныхъ чиновниковъ, ссылается на „всѣхъ свѣдущихъ“ людей, что турки честнѣе болгаръ. Фактическій споръ здѣсь труденъ, разумѣется; но можно сослаться на многихъ путешественниковъ, которые вынесли отъ болгаръ, какъ народа, очень выгодное впечатлѣніе и въ данномъ случаѣ вовсе не отдаютъ туркамъ такого предпочтенія. Но Розенъ забылъ еще одно обстоятельство—что нечестные правители въ двадцать разъ хуже нечестныхъ управляемыхъ, и на первыхъ падаетъ бóльшая доля, а часто и вся вина послѣднихъ.

[2]) Розенъ категорически заявляетъ къ этому мѣсту Записокъ, что это „немыслимо“—такъ какъ палки были тогда уже *давно отмѣнены*. Повѣримъ, что онѣ были на бумагѣ отмѣнены; но повѣримъ также, что онѣ и остались въ практическомъ употребленіи, хотя не въ прежней оффиціальной формѣ „по пятамъ“, а какъ попало. Это нимало не противорѣчило бы дѣйствительному положенію вещей въ Турціи: болгарамъ доставалось и много хуже палокъ.

самъ идти съ нимъ, «хотя бы въ адъ». Панайотъ едва убѣдилъ его остаться; но съ нимъ отправился братъ его жены, Стоянъ.

Ясно было, что Панайотъ рѣшилъ идти въ Балканы.

«Я уже замѣтилъ прежде,—говоритъ Панайотъ,—что гайдуки—счастливѣйшіе люди въ турецкомъ царствѣ; а мое сердце жаждало свободы, чести, справедливости. Исполненіе моихъ желаній я могъ найти только на Старой-Планинѣ (такъ болгары называютъ вообще Балканскій хребетъ). Правда, «благоразумные» люди утверждаютъ, что мщеніе свойственно только дикимъ, кровожаднымъ народамъ; я думаю напротивъ, что оно свойственно только честнымъ людямъ, у которыхъ есть душа и сердце, которые имѣютъ высокое понятіе о своемъ достоинствѣ, и не позволятъ поступать съ собой какъ съ животными. Когда я ушелъ на Старую-Планину, моей единственной цѣлью было отмстить турецкимъ звѣрямъ, не знающимъ ни чести, ни человѣколюбія, ни справедливости.

«А что мой шуринъ Стоянъ взялъ на плечи ружье и пошелъ за мной, этому была слѣдующая причина. У него было четверо братьевъ, изъ которыхъ одинъ—Тодоръ—держалъ лавку. Однажды этотъ Тодоръ поссорился съ нѣсколькими турками, и они сломали ему ногу. Тодоръ пролежалъ цѣлыхъ два года и понесъ убытку на 20,000 піастровъ. Стоянъ захотѣлъ непремѣнно отмстить за брата, и убилъ (тайно) двухъ изъ упомянутыхъ обидчиковъ. Но другіе турки заподозрили въ чемъ дѣло и искали случая убить Стояна».

Къ нимъ присоединился еще уроженецъ Сливна, жившій въ Добруджѣ, старый гайдукъ Георгій Тренкинъ. Они разспрашивали его о томъ, гдѣ находятся извѣстнѣйшіе воеводы,—повидимому, желая пристать къ кому-нибудь изъ нихъ. Въ короткое время у нихъ собралась цѣлая толпа молодыхъ людей, и они начали свое странствіе въ лѣсахъ и горахъ Старой-Планины. Но въ лѣто 1858 они не сдѣлали, однако, ничего замѣчательнаго, потому что «были еще молоды и неопытны». Затѣмъ пришла осень, и надо было подумать о зимнемъ жилищѣ. Они направились въ Шумлу, потомъ въ Кюстенджи, и оттуда разошлись, кто куда хотѣлъ. Панайотъ и Стоянъ отправились черезъ Тульчу въ Браиловъ, т.-е. въ Румынію.

«Такова вкратцѣ исторія моей молодости и начало моей гайдуцкой жизни».

Розенъ, разбирая записки Хитова, старается доказать, что у него не было даже достаточнаго основанія идти въ гайдуки, что, ставши гайдукомъ, онъ предавался болгарской необузданности;

но въ приведенныхъ выпискахъ читатель видѣлъ, что основанія были, и что при этомъ была и національная подкладка. Для Хитова побужденіе идти въ гайдучество состояло не въ одномъ личномъ раздраженіи противъ турецкой несправедливости, но во всемъ запасѣ этой несправедливости, какой онъ видѣлъ въ цѣломъ бытѣ своего народа. Розенъ, замазывая, сколько можетъ, турецкія гадости, упрекаетъ Хитова въ несправедливости въ отдѣльныхъ случаяхъ; но—увы!—все настроеніе Хитова было такое, что въ его глазахъ *всякій* турокъ сталъ предметомъ его ненависти. Это—то же самое, что мы видѣли въ разсказахъ герцеговинскаго гайдука Сочивицы. Это—междуплеменная вражда, дошедшая до своего крайняго предѣла, гдѣ остается только взаимное истребленіе.

Весной 1859 г. Панайотъ и Стоянъ рѣшили собрать болѣе многочисленную и лучше устроенную дружину, и съ этою цѣлью отправились изъ Браилова черезъ Гирсово въ Болгарію. Они запаслись, какъ слѣдуетъ, всякими нужными паспортами и бумагами и выдавали себя за торговцевъ скотомъ. Изъ Гирсова они направились черезъ Черноводу въ Меджидіе, Базарджикъ, Шумлу, Преславу и на Старую-Планину.

«Мы взобрались на Балканы,—говоритъ онъ,—и остановились на томъ мѣстѣ, которое называется Равно-Буче или Царскій-Изворъ. Это мѣсто очень живописно... Я не въ состояніи описать тѣ впечатлѣнія, которыя испытало мое сердце, когда я остановился на этомъ мѣстѣ. Представьте себѣ, что это было весною: деревья только-что покрывались нѣжными зелено-бѣловатыми листьями; сливы, яблони и груши цвѣли; воздухъ былъ чистъ, ароматенъ и прохладенъ; а все это дѣйствуетъ на душу человѣка такъ нѣжно, что располагаетъ его любить не только свое отечество и свою порабощенную братію, но даже и своихъ непріятелей. Сказать по правдѣ, въ то время я былъ бы готовъ обнять даже своихъ кровныхъ враговъ, если бы только они позволили мнѣ и моимъ братьямъ жить спокойно, свободно и счастливо, наслаждаясь природой. Понятно, что такое настроеніе продолжалось не долго»... Какъ разъ у подошвы горы находилась болгарская деревня, которая, по словамъ Хитова, могла бы заставить и камни возопить объ отмщеніи. Эта деревня была полуразрушена, разграблена, оскорблена. «Болгары, живущіе у большихъ дорогъ, достойны искренняго сожалѣнія. Турецкіе путешественники (которымъ они обязаны доставить постой) съѣли у нихъ даже уши. Кто желаетъ составить себѣ понятіе, что́ такое рабъ и раба, тотъ пусть внимательно вглядится въ болгар-

скаго поселянина и болгарскую поселянку въ этихъ деревняхъ, и если его сердце не вскипитъ отъ негодованія, если онъ не пожелаетъ отмстить тѣмъ, которые уничтожили въ нихъ человѣческую личность, сдѣлали изъ человѣка четвероногое животное, убили въ немъ всякое человѣческое чувство и человѣческій смыслъ, то онъ и самъ не человѣкъ. Скажу коротко: кто берется защищать турецкую «невинность» или фанаріотское каноническое право, тотъ, должно быть, звѣрь,—тотъ, должно быть, не имѣетъ ни сердца, ни души,—тотъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми».

Вотъ именно соображенія, которыя руководили Панайотомъ, и которыхъ не могъ уразумѣть ученый историкъ Турціи, защищая цивилизацію и «невинность» турокъ. Не мѣшало бы обратить вниманіе на эти факты и тѣмъ нашимъ политикамъ, которые недавно говорили, что болгары благоденствуютъ и намъ не отъ чего спасать ихъ. Если наши политики, говоря это, имѣли еще другія мысли, то ихъ лучше было бы высказать въ отдѣльности: существуетъ много бѣдствій, и чтобъ указать на одно, не слѣдуетъ и несправедливо не видѣть или закрывать другое. Положеніе болгаръ подъ турецкимъ игомъ было бѣдствіе совершенно несомнѣнное.

Панайотъ начинаетъ затѣмъ повѣствованіе о своихъ странствованіяхъ по Старой-Планинѣ. Мы не будетъ слѣдить за нимъ, тѣмъ больше, что читатель имѣетъ теперь русскій переводъ самыхъ записокъ Хитова. Панайотъ лишь въ общихъ чертахъ разсказываетъ о своихъ гайдуцкихъ похожденіяхъ и революціонныхъ замыслахъ. Онъ мстилъ туркамъ за вышеописанныя деревни, убивалъ встрѣчавшихся на дорогѣ, отыскивалъ турокъ, особенно извѣстныхъ звѣрствами противъ болгаръ, нападалъ на турецкія почты, на черкесскія села и т. д. Зимы приходилось иногда проводить среди крайнихъ лишеній, въ балканской холодной пустынѣ, въ какомъ-нибудь скрытномъ углу, въ избушкѣ, построенной на скорую руку. Всего больше онъ держался въ восточныхъ Балканахъ, вблизи родного Сливна, гдѣ по всей окрестности у него было много друзей, черезъ которыхъ онъ зналъ, что дѣлалось въ городахъ, какія мѣры принимались турками и т. п., и черезъ которыхъ онъ получалъ также съѣстные припасы. Жизнь была трудная и тревожная. Приходилось быть постоянно на сторожѣ: когда разглашалось убійство, грабежъ, или просто проходилъ слухъ о появленіи гайдуковъ, турки высылали жандармовъ, осаждали гайдуковъ въ горахъ, дѣлали облавы, сгоняя деревенскихъ жителей, иногда цѣлыми сотнями регулярныхъ солдатъ окружали лѣсъ, гдѣ скрывались гайдуки; однажды, преслѣдова-

тели-турки являлись переодѣтые болгарскими крестьянами, и т. п. Но привычка къ трудностямъ горной жизни, знаніе мѣстности, быстрота передвиженій, разстроивали бóльшую часть преслѣдованій, о которыхъ притомъ гайдуки часто знали впередъ; иногда съ горныхъ вершинъ они видѣли самые отряды, направлявшіеся противъ нихъ, и успѣвали принять свои мѣры.

Но не всегда гайдуки бывали счастливы. Панайотъ терялъ товарищей; одинъ разъ отдѣлилась отъ него часть дружины съ знаменоносцемъ, желая дѣйствовать самостоятельно, и потерпѣла печальную участь. Были и случаи измѣны: бывали люди, которые не выдерживали, падали духомъ и отдавались туркамъ.

Въ одномъ изъ своихъ походовъ Панайотъ прошелъ весь Балканскій хребетъ вдоль, къ границамъ Сербіи, гдѣ онъ намѣревался провести зиму. Онъ жилъ нѣсколько времени въ Сербіи, занявшись частнымъ промышленнымъ дѣломъ, но въ то же время обдумывая новые гайдуцкіе походы. Отношенія Сербіи къ болгарскому вопросу въ книгѣ Хитова недостаточно выяснены. Сербія даже въ собственномъ интересѣ, если не изъ побужденій филантропіи, не могла оставаться равнодушной къ положенію сосѣдняго родственнаго народа, съ которымъ еще такъ недавно дѣлила общую судьбу. Естественно было, что гайдукъ, спасаясь изъ Турціи, могъ найти убѣжище въ Сербіи, какъ находилъ его въ Румыніи. У сербовъ могъ быть политическій разсчетъ, что болгарское возстаніе, еслибъ оно состоялось, могло быть полезно и имъ самимъ, такъ какъ возставшіе болгары были бы союзниками противъ турокъ, отъ которыхъ сербамъ еще предстояло окончательно отдѣлываться; у сербскихъ шовинистовъ въ политическіе разсчеты даже входило ожиданіе, что Болгарія, если не вся, то хотя частію, войдетъ въ составъ Сербіи, какъ уже готоваго государства. Едва ли сомнительно, что у самихъ болгаръ вовсе не было этихъ послѣднихъ мыслей. Но все дѣло было еще слишкомъ далеко отъ осуществленія; и въ этой неясности, наполненной ожиданіями, но бѣдной положительными опорами и средствами, вращались замыслы болгарскихъ патріотовъ. Они ходили ощупью, нигдѣ не видѣли ясно поданной надежды, нигдѣ не имѣли заявленнаго и признаннаго центра, и—должны были разсчитывать прежде всего на свои собственныя силы. Они видѣли, что въ данную минуту нельзя начать возстанія, откладывали его, но не падали духомъ: мысль о свободѣ слишкомъ сильно владѣла ихъ умами. Однажды, на замѣчаніе сербскаго министра Блазнавца, что возстаніе нельзя сдѣлать съ 50 человѣками, Панайотъ отвѣчалъ, что въ 1867 г. у него было не болѣе 50-ти

молодцовъ, но еслибъ онъ захотѣлъ, могъ бы собрать 50,000.— Это было, вѣроятно, патріотическое самообольщеніе: можно ли было собрать, и, разумѣется, вооружить, 50,000 на глазахъ турецкой готовой арміи?

Изъ Сербіи Панайотъ перебрался въ Бухарестъ, главное прибѣжище болгарскихъ патріотовъ; здѣсь жилъ тогда замѣчательнѣйшій изъ нихъ, Раковскій, и здѣсь же было гнѣздо ихъ внутреннихъ раздоровъ, интриги, столкновенія самолюбій и т. д. Раковскій, умершій въ 1868 г., былъ даровитый человѣкъ, горячій патріотъ, который былъ и поэтомъ, и публицистомъ, и этнографомъ и, наконецъ, революціоннымъ агитаторомъ. Біографія Раковскаго еще не написана, и Панайотъ даетъ только отрывочные эпизоды своихъ встрѣчъ съ нимъ. Это былъ уже послѣдній годъ жизни Раковскаго.

Конецъ книги Хитова посвященъ разсказамъ о замѣчательнѣйшихъ старыхъ «воеводахъ», т.-е. гайдуцкихъ предводителяхъ, которыхъ Панайотъ зналъ или самъ лично, или по преданіямъ. Онъ проводитъ передъ читателемъ длинный рядъ «воеводъ» съ начала столѣтія до послѣднихъ годовъ; тутъ же сообщаетъ пѣсни, какія ходятъ о нихъ въ народѣ: это — любопытный образчикъ народнаго эпоса съ комментаріемъ изъ живого быта и преданія.

О Россіи, о надеждахъ на нее — нѣтъ въ книгѣ ни слова. Этихъ надеждъ какъ-будто не было—фактъ, который должны бы выяснить себѣ тѣ, которые въ послѣднее время говорили такъ много о нашихъ братскихъ отношеніяхъ къ славянству. Къ счастію, исторія не обманула ожиданія, которое однако, несмотря на многія тяжкія разочарованія, жило въ народѣ; болгары дождались энергической помощи,— но не далѣе какъ *пять* лѣтъ тому назадъ (когда вышли записки Хитова), ни масса русскаго общества не подозрѣвала существованія трагическаго народнаго вопроса въ родственномъ и сосѣднемъ племени, ни патріоты этого племени не обращали къ этому обществу своихъ исканій.

Одинъ разъ, впрочемъ, говорится о Россіи (въ переводѣ «Славянскаго Сборника» мы не нашли, въ главѣ II, этого мѣста), по поводу обстоятельства, котораго, впрочемъ, мы не можемъ объяснить. Упоминая о татарскихъ и черкесскихъ поселеніяхъ въ восточной Болгаріи, Панайотъ горько жалуется, что сѣверные славянскіе братья, вмѣсто помощи, надѣлили ихъ этими грабителями, «какъ-будто съ болгаръ не было довольно турокъ и фанаріотовъ»; по мнѣнію Хитова, поселеніе черкесовъ и татаръ есть великій грѣхъ русской дипломатіи противъ славянства. Розенъ, не упускающій случая бросить камнемъ въ Болгарію, да и въ

Россію, замѣчаетъ къ этому мѣсту, что когда послѣ крымской войны началось переселеніе татаръ и черкесовъ въ Турцію, Россія очень благопріятствовала выселенію черкесовъ и будто бы *дала* тогда Турціи *совѣтъ (?)* усилить этими пришельцами могамеданскій элементъ населенія Болгаріи [1]).

Въ послѣдней главѣ своей книги Хитовъ еще разъ возвращается къ горной красотѣ своего отечества, которая приводила его въ патріотическій восторгъ. Эта глава занята описаніемъ «Старой-Планины». Въ восточномъ краѣ ея лежитъ Твердишская-Планина, которая называется также Чемерна. Здѣсь находится старая крѣпость, по преданію (извѣстному и у турокъ) мѣсто одной изъ послѣднихъ и кровопролитныхъ битвъ свободныхъ болгаръ съ турецкими ордами.

«Когда придете къ Чемернѣ,—говоритъ Хитовъ,—предъ вашими глазами развертывается великолѣпная картина. Въ которую сторону ни посмотришь — есть на что глядѣть, чему подивиться и радоваться. Прекрасна наша земля! Я люблю сидѣть на этомъ мѣстѣ и оплакивать, какъ Іеремія, свое порабощенное отечество. Даже и моя дружина, которая ставила человѣческую жизнь ни во что и которая была готова почти каждую минуту проливать человѣческую кровь, очень часто проливала на этомъ мѣстѣ юнацкія слезы. Съ этого мѣста видны Сакаръ-Планина, Адріа-

---

[1]) См. стр. 93, 275. Выпущенное мѣсто въ русскомъ переводѣ Хитова должно бы находиться на стр. 56 „Славянскаго Сборника". Въ томъ же „Славянскомъ Сборникѣ" читатель найдетъ любопытные разсказы объ этихъ татарскихъ и черкесскихъ поселеніяхъ въ Турціи. Авторъ, бывшій турецкій паша, называетъ планъ разселенія черкесовъ между болгарами собственнымъ планомъ турецкаго правительства; и подробности исполненія—были таковы, что Турція, очевидно, съ самаго начала хорошо видѣла, какой получала матеріалъ и какъ имъ пользоваться.

„Черкесскія поселенія разсѣяны по всей странѣ малыми группами, въ перемежку съ деревнями болгарскими, татарскими и греческими; находясь на *разсчитанномъ* разстояніи другъ отъ друга, эти поселенія расположены такимъ образомъ, что образуютъ собою *линіи, прорѣзывающія страну во многихъ направленіяхъ*, въ длину и въ ширину". Кромѣ того, въ большихъ болгарскихъ деревняхъ велѣно было построить по два дома для черкесовъ и снабдить всѣмъ необходимымъ. „Черкесы, составляя въ этихъ мѣстахъ нѣчто въ родѣ мусульманской полиціи, служили передовою стражею и соглядатаями для чисто-черкесскихъ деревень". Выходило, что для черкесовъ обезпеченъ былъ районъ грабежа и воровства, и вмѣстѣ возможность сообщеній другъ съ другомъ. Они были вполнѣ безнаказанны, такъ-какъ имѣли связи въ константинопольскихъ гаремахъ, и, кромѣ того, въ сущности, исполняли тайныя желанія правительства. Въ Константинополѣ бывали недовольны, когда случилось разъ или два, что мѣстные губернаторы или начальники регулярныхъ войскъ, при усмиреніи такъ-называемыхъ „возстаній", имѣли добросовѣстность не пускать черкесовъ на эти усмиренія. Какъ черкесы показали себя въ послѣднюю войну — самимъ туркамъ извѣстно

нополь, Филиппополь, видѣнъ и Доспатъ. Взгляните вправо: такъ видны Елена, Беброво, Терново, Габрово, Плевенъ; точно также видна и рѣка Тунджа, по берегамъ которой растутъ почти цѣлые розовые сады. Посмотрите на югъ — видите много полей и рѣкъ; а глядя къ Дунаю—видите горы и дубравы; покрытыя лѣсомъ возвышенности облиты золотыми лучами болгарскаго солнца; среди зеленыхъ полей краснѣютъ черепицы; бѣлые домики высматриваютъ между сливовыми, орѣховыми, грушевыми и вишневыми садами, а рѣки лоснятся подъ лучами солнца, точно серебряные пояса».

Послѣдняя часть книги Розена посвящена разбору сочиненія Панайота Хитова. Критикуя дѣятельность Панайота, онъ старается проникнуть ея предполагаемыя политическія тайны. Розенъ разбираетъ главу за главой, слѣдитъ за каждымъ шагомъ Панайота, подвергаетъ изслѣдованію всю его дѣятельность—съ цѣлью показать, что Панайотъ поступалъ очень дурно, возставая противъ своего правительства. Разборъ Розена—настоящій обвинительный актъ, гдѣ всякій признакъ факта превращается въ цѣлый фактъ, гдѣ перетолковывается всякое неопредѣленное выраженіе, случайное умолчаніе принимается за умышленное запирательство и т. п. Ревность этого прокурора къ турецкимъ интересамъ иногда неумилительна. Вмѣстѣ съ тѣмъ прокуроръ-ученый чувствуетъ себя человѣкомъ высшей породы и высшей школы и судитъ и рядитъ болгаръ съ внушительнымъ самодовольствомъ.

Въ разборѣ 1-й главы Розенъ, какъ мы уже упоминали, находитъ прежде всего, что Панайотъ недостаточно оправдываетъ свою ненависть къ туркамъ, что его разсказъ «бросаетъ на его собственный народъ такую тѣнь, при которой виновность турокъ оказывается ничтожной» (!). Онъ признаетъ, что Панайотъ не щадитъ и самихъ болгаръ-чорбаджіевъ и что нынѣшняя испорченность высшихъ классовъ и упадокъ низшихъ зависѣли отъ дурного управленія турокъ въ прежніе вѣка. «Но эта испорченность и упадокъ—по словамъ Розена—*всего менѣе* составляютъ вину *нынѣшняго* поколѣнія турокъ» (?). Однако, каково же управленіе *нынѣшнихъ* турокъ? Розенъ съ храбростью, достойною лучшаго дѣла, не вѣритъ въ дурное управленіе нынѣшнихъ турокъ, о которомъ, однако, есть цѣлая литература безпристрастныхъ посторонниxъ свидѣтельствъ, высказанныхъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Напомнимъ разсказы г-жи Мэккензи. Но подтвержденіе найдется тутъ же въ словахъ самого Розена. Упомянувъ о роли греческихъ «эпитроповъ» и болгарскихъ чорбаджіевъ при турецкихъ

чиновникахъ и въ меджлисахъ, дѣлающей этихъ эпитроповъ и чорбаджіевъ предметомъ страха и ненависти для ихъ соотечественниковъ, Розенъ говоритъ только: «*дурное опредѣленіе* ихъ обязанностей дѣлаетъ то, что они *рабскимъ низкопоклонствомъ*, всякими *шпіонскими услугами* и т. д. добиваются власти, которая служитъ имъ потомъ для низкаго удовлетворенія ихъ мстительности и грубаго чванства надъ тѣми, къ числу которыхъ они прежде сами принадлежали». Но, кажется, нынѣшніе турки наполняютъ эти меджлисы; для нихъ нужно рабское низкопоклонство и уничиженіе народной массы? Эпитропы и чорбаджіи («полу-турки», по словамъ Хитова)—только прислужники и исполнители турецкихъ правителей.

Упомянувъ о томъ, что самъ Панайотъ испыталъ въ дѣтствѣ нападеніе турецкихъ разбойниковъ, Розенъ думаетъ, что Панайоту извинительно было бы возненавидѣть турецкихъ *разбойниковъ*, но—«*не видно*, замѣчаетъ прокуроръ, почему же онъ долженъ былъ возненавидѣть *турокъ, какъ націю*, когда однако турки доставляютъ Балканамъ несравненно меньше гайдуковъ, чѣмъ болгары?» Панайотъ ненавидѣлъ турокъ *какъ націю* по тому же общему основанію, г. прокуроръ, почему итальянцы въ Ломбардіи и Венеціи ненавидѣли австрійцевъ, славяне въ Австріи—нѣмцевъ и мадьяръ, французы въ Эльзасѣ пруссаковъ, и т. д., съ той разницей, что болгары имѣютъ это право ненависти противъ турокъ еще въ усиленной степени. Они ненавидятъ турокъ за пятьсотъ лѣтъ турецкаго управленія болгарскимъ народомъ; а что турки поставляютъ въ Балканы меньше гайдуковъ, то это просто потому, что имъ нѣтъ надобности идти въ Балканы для убиванія и грабежа болгаръ; они могутъ спокойно дѣлать это и дѣлаютъ въ своихъ меджлисахъ, конакахъ и вездѣ, гдѣ случится.

Что Панайотъ не могъ получить отъ турецкихъ чиновниковъ уплаты за забранный въ его лавкѣ товаръ, Розенъ приписываетъ его собственной «неразсудительности». Не знаемъ, что̀ онъ долженъ былъ бы сдѣлать, по мнѣнію Розена: кланяться, снести подарокъ въ гаремъ, дать хорошую взятку губернаторскому домоправителю, добровольно отказаться отъ долга?

Понятно, что тѣхъ «друзей», которые поддерживали гайдуковъ, прокуроръ трактуетъ какъ «укрывателей»—не менѣе зловредныхъ, чѣмъ сами гайдуки. Онъ, очевидно, сожалѣетъ, что турецкое правительство не принимало противъ нихъ болѣе энергическихъ средствъ. Но какъ бы это могло быть сдѣлано, когда этихъ друзей были тысячи? Очевидно, что тѣмъ способомъ, какой употреблялъ Мидхатъ-паша, когда изъ-за мнимаго восстанія, гдѣ

участвовало нѣсколько десятковъ юношей, пришедшихъ изъ Румуніи, было казнено и разсажено по тюрьмамъ нѣсколько сотъ ничѣмъ неповинныхъ болгаръ. Розенъ въ одномъ мѣстѣ похваливаетъ «энергію» Мидхата-паши.

Четвертая глава доставила прокурору богатый матеріалъ для обвиненія. «Никто не будетъ отвергать,—говоритъ онъ,—что до сихъ поръ гайдучество Панайота обнаруживало величайшее сходство съ бандитствомъ другихъ странъ; одно отъ другого отличается развѣ только бо̀льшимъ распространеніемъ *укрывательства* и *вообще* выдерживаемымъ (festgehalten) національнымъ характеромъ, основывающимся на своеобразныхъ отношеніяхъ населенія Балканскаго полуострова». Прокуроръ не замѣчаетъ, что въ этой одной фразѣ онъ именно указалъ главнѣйшее отличіе гайдучества (Панайотова и вообще) отъ бандитства другихъ странъ, т.-е. обширное распространеніе укрывательства, или, иными словами, народнаго сочувствія къ дѣлу гайдуковъ, въ которомъ народъ видѣлъ хоть какую-нибудь отплату за свои обиды; а во-вторыхъ, національный характеръ. Неопредѣленная фраза о «своеобразныхъ отношеніяхъ балканскаго населенія» должна быть понята очень просто: отношенія турокъ и черкесовъ, грабителей и убійцъ, къ болгарамъ, объекту грабежа и убійства.

«Я говорю: *вообще*,—продолжаетъ Розенъ;—потому что допускались исключенія (т.-е. исключенія изъ національной мѣрки), какъ показываетъ явная ненависть къ чорбаджіямъ и высшимъ духовнымъ лицамъ, т.-е. къ *богатымъ людямъ* въ болгарской націи, которые, полагаясь на свое вліяніе у турецкихъ властей, могли не имѣть желанія пріобрѣтать себѣ имя патріотовъ денежными пожертвованіями и другими услугами гайдучеству. Черкесскіе и татарскіе новые поселенцы, на которыхъ, *конечно*, нападалъ Панайотъ, считались за людей, у которыхъ есть наличныя деньги. Поэтому промыселъ Панайота можно по справедливости назвать войной противъ собственности при извѣстныхъ національныхъ ограниченіяхъ и предпочтеніяхъ». Словомъ, опять то же обвиненіе и камень въ личный характеръ Панайота. Но, во-первыхъ, Розенъ забылъ, что самъ за нѣсколько страницъ говорилъ о чорбаджіяхъ, какъ о людяхъ вообще ненавистныхъ народу. Въ числѣ высшаго фанаріотскаго и ему сроднаго духовенства бывали также люди съ самыми возмутительными нравами и отношеніемъ къ народу. Свойства черкесскаго населенія въ Турціи достаточно извѣстны. Что чорбаджи были ненавистны Панайоту тѣмъ однимъ, что были богаты, этого никакъ нельзя вывести изъ

его записокъ: и самъ Розенъ признаетъ его личный умѣренный и вовсе не жадный характеръ.

Всѣ эти обвиненія, составляемыя, какъ видимъ, и съ ложью противъ собственныхъ словъ, нужны были прокурору между прочимъ для того, чтобы особенно рельефно выставить одну сторону дѣятельности Панайота—отношенія гайдучества къ *панславизму*. Кто или что такое этотъ панславизмъ, неизвѣстно; это одно изъ тѣхъ избитыхъ словъ, которыя охотно повторяются людьми, не понимающими ихъ значенія, какъ у насъ—нигилизмъ, соціализмъ, сепаратизмъ и т. п.; у большинства нѣмецкихъ публицистовъ и Розена въ томъ числѣ, подобную роль имѣетъ «панславизмъ».

«При этихъ обстоятельствахъ (т.-е. когда гайдучество, какъ Розенъ считаетъ доказаннымъ, есть простой грабежъ, отягчаемый убійствомъ), странно вдругъ читать, въ четвертой главѣ книги Хитова, о революціонныхъ отношеніяхъ гайдуковъ за границей, видѣть, что эти *преступники* указываются какъ существенный факторъ освобожденія ихъ отечества. Панайотъ безспорно былъ бы въ состояніи дать относительно этого перехода объясненія, восьмушка которыхъ была бы для насъ цѣннѣе цѣлаго листа другихъ его свѣдѣній. Но политика требуетъ нѣжнаго обращенія; нашъ авторъ завертывается въ осторожное молчаніе. Что здѣсь происходило, мы можемъ только *угадывать* по немногимъ, какъ-бы проскользнувшимъ замѣткамъ, именно если мы сопоставимъ ихъ съ общимъ политическимъ положеніемъ.

«Крымская война освободила міръ отъ иллюзіи относительно вліянія Россіи на единоплеменную и единовѣрную райю Турціи; всякія усилія возбудить возстаніе между христіанскими народами Балканскаго полуострова у грековъ имѣли только незначительный успѣхъ, у славянъ—никакого. Россія должна была тогда (?) извлечь мечъ за ключъ Виѳлеемскаго храма, не за христіанство и гуманность. Война была для нея несчастлива; къ другимъ потерямъ присоединилось и то, что у турокъ и райи потрясена была старая вѣра въ непобѣдимость православной державы. Для возстановленія значенія, которое должно было превзойти и прежнее, въ Россіи выставлена была (кѣмъ?) панславистическая идея, которая мало-по-малу получила въ самой странѣ такое могущество, что взяла на буксиръ и внутреннюю и внѣшнюю политику (!?). Вслѣдствіе поставокъ для многочисленныхъ войскъ, двинутыхъ противъ Россіи во время Крымской войны, къ райѣ притекли большія богатства, цѣны мѣстныхъ произведеній утроились и, при большомъ развитіи торговли, нечего было опасаться возвращенія назадъ (?); наконецъ, гатти-гумаюнъ, хотя далеко не сдѣлался

тотчасъ истинной, обозначилъ большой успѣхъ въ судьбѣ христіанъ. Панславизмъ серьёзно боялся соглашенія между господствующей и подчиненными націями на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Это надо было устранить, надо было создать положеніе вещей, которое заставило бы этихъ славянъ прибѣгнуть къ родственной державѣ, какъ скоро она распростретъ свои объятія. Возбужденіе умовъ во время войны уже разбило ледъ апатіи; панславистскимъ эмиссарамъ (?) удалось возбудить у людей чувство, что ихъ положеніе не улучшилось, а ухудшилось до невыносимой степени. Но этого было недовольно. Надо было еще прямѣе поссорить Порту съ ея подданными; ее надо было довести (!) до исключительныхъ мѣръ противъ нихъ; надо было заставить ее (!) возвысить до непомѣрности налоги, уже увеличенные вслѣдствіе войны, но не переходившіе платежной силы страны. Такой цѣли всего вѣрнѣе можно было достигнуть, превративши славянскія области Турціи въ очагъ постоянныхъ волненій. Панславизмъ не отступилъ передъ этимъ средствомъ (!). Исходнымъ пунктомъ агитаціи была выбрана Сербія и посредствомъ насильственной перемѣны династіи [1]) подготовлена для предположенной ей роли. Но потребовалось четыре года постоянной тайной обработки, пока, наконецъ, въ сербскомъ народѣ возбужденіе противъ турокъ приняло желанный острый характеръ и жившіе въ Бѣлградѣ турки изгнаны изъ своей собственности. Это произошло въ іюнѣ 1862, слѣдовательно черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ и у гайдуковъ пробуждена была мысль о политической миссіи. Подобные подкопы (Wühlerei) произошли также у боснявовъ, а черногорцамъ обѣщана была сербская поддержка при войнѣ съ турками. Казалось, предстоялъ на Балканскомъ полуостровѣ всеобщій взрывъ, предполагаемымъ результатомъ котораго должна была быть побѣда Порты, но Пиррова побѣда, подавленіе зародышей прогресса у народовъ райи и страшное ослабленіе турецкаго могущества (?). Все (?) ожидало сигнала изъ Бѣлграда; но Сербія, не довѣрявшая политикѣ Россіи, достигнувъ черезъ вмѣшательство державъ своей ближайшей политической цѣли—невозвращенія изгнанной колоніи турецкихъ чиновниковъ своей столицы,—заключила съ Турціей миръ, предоставляя своимъ единоплеменникамъ въ славянскихъ областяхъ Турціи—выпутываться изъ затрудненія, какъ они знаютъ.

«Вотъ историческая подкладка, съ которой открывается разсказъ Панайота о 1862 годѣ. Шайка грабителей и убійцъ, которой турецкія полицейскія мѣры сдѣлали существованіе почти

---

[1]) Въ Сербіи осталась прежняя *династія*, Обреновича.

невозможнымъ, теперь вдругъ (какъ въ началѣ нашего столѣтія сербскіе гайдуки, при совсѣмъ другихъ культурныхъ отношеніяхъ, во время войнъ Карагеоргія) превратилась въ дружину національныхъ героевъ и через то вступила въ связь съ освободительными стремленіями болгарскаго народа,—правда, мало благоразумными, но все-таки честными и приличными. Это было *дѣло панславизма*, который, устранивши прежнюю церковную политику Россіи на востокѣ, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ фанаріотскому клиру, конечно, работалъ съ большими средствами. Ему удалось *принудить* балканскихъ славянскихъ христіанъ *къ повиновенію* своимъ повелѣніямъ. Посредствомъ школъ, въ которыхъ больше занимались политикой, чѣмъ обучали наукамъ; посредствомъ обществъ для чтенія и странствующихъ политическихъ апостоловъ; наконецъ, посредствомъ всякихъ произведеній печати, всякихъ затрогиваній національной струны, между болгарами распространяемо было умственное движеніе, съ которымъ образованность не шла ровнымъ шагомъ, а еще болѣе распространяемо было неразумное самомнѣніе,—болгары, какъ многія другія національности, осужденныя обстоятельствами на незначительность, не хотѣли теперь знать никакихъ границъ возможнаго для нихъ, если бы только сброшенъ былъ *духовный* гнетъ греческаго клира, и *физическій*—турецкаго господства. Правда, этотъ двойной гнетъ есть прискорбный фактъ; но если панславизмъ, поддерживая гайдучество, рекомендовалъ противъ него борьбу, не связанную никакимъ нравственнымъ закономъ, то этимъ наибольшій вредъ принесенъ былъ именно болгарамъ».

Было бы долго собирать, въ дальнѣйшемъ изложеніи Розена, его изображенія панславизма; а главное, эти изображенія такъ неясны, Розенъ такъ много «отгадываетъ», и отгадки высказываетъ столь таинственно, намекая на «невидимую силу», на «неизвѣстнаго благодѣтеля», на «hohen Arrangeurs», что собирать эти отгадки совсѣмъ безполезно—въ нихъ невозможно доискаться чего-нибудь опредѣленнаго. Остается одно—главное: Болгарія была спокойна; но явился панславизмъ и сталъ смущать это спокойствіе; подкапываясь подъ господство Турціи надъ славянами, онъ возбуждалъ возстанія, и не устыдился пользоваться гайдучествомъ, т.-е. разбоемъ, для своихъ цѣлей, и т. д.

Не вдаваясь въ подробности соображеній Розена, остановимся только на приведенной тирадѣ, которая даетъ достаточный ихъ образчикъ. Прежде всего бросаются въ глаза противорѣчія и страшное извращеніе, свидѣтельствующее о неумѣренной прокурорской ревности нѣмецкаго историка. Начать съ того, что въ

1862 году (съ него начинается четвертая глава) въ дѣятельности Панайота Хитова, насколько она изображена въ его записказъ, вовсе не совершается такого внезапнаго поворота въ сторону «панславизма», какъ увѣряетъ Розенъ. Хитовъ, какъ прежде, такъ и послѣ, въ своемъ гайдучествѣ ставилъ себѣ главной задачей мстить туркамъ—зулумчарамъ (зулумджіямъ), т.-е. злымъ притѣснителямъ, противъ которыхъ вообще направлялось южно-славянское гайдучество. Въ концѣ 3-й главы, Хитовъ именно говоритъ объ этомъ, какъ о своей службѣ національному дѣлу. Какъ свой взглядъ на дѣло, Хитовъ приводитъ слова одного стараго, простого гайдука: «мы посланы Богомъ беречь бѣдныхъ и наказывать злочинцевъ; а если это такъ, то мы должны быть честными, правдолюбивыми и чистосердечными. Болгарскій народъ не имѣетъ ни царства, ни покровителей, ни защитниковъ. Онъ долженъ надѣяться на Бога, на насъ и на свои молодецкія мышцы, а если такъ, то гайдукъ долженъ беречь его честь, защищать его несчастныхъ и вдовъ и утѣшать беззащитныхъ». Панайотъ такъ и дѣлалъ, сколько могъ. «Нужно похвалиться,—говоритъ онъ,— что въ продолженіи этихъ нѣсколькихъ лѣтъ (*до* 1862) мы отмстили за многихъ несчастныхъ болгаръ, которые погибли отъ турецкаго фанатизма. Если слышали, что турки въ томъ или другомъ мѣстѣ сдѣлали какую-либо несправедливость, или какое-нибудь зло, то мы спѣшили помочь несчастнымъ болгарамъ».

И съ 1862 года характеръ дѣла въ существѣ не измѣнился. Если у многихъ тогда мелькала мысль о возстаніи, то эта мысль появлялась и раньше; самыя неудачныя попытки возстаній происходили и прежде. Если національное возрожденіе болгаръ представляло какую-либо замѣтную величину, оно не могло не выразиться подобными вспышками, — потому-что не представлялось другого пути добыть себѣ человѣческое существованіе, потребность котораго стала ясно сознаваться и задолго до Крымской войны,—но Розену, начала панславизма. Что касается до 1862 года, то столкновеніе Сербіи съ Турціей въ этомъ году естественно должно было дѣйствовать на болгарскихъ патріотовъ въ возбуждающемъ смыслѣ; но Панайотъ не въ 1862 году въ первый разъ мечталъ о возстаніи; когда Раковскій извѣстилъ его, что сербское дѣло кончилось и возстаніе въ Болгаріи немыслимо, онъ замѣчаетъ: «когда я услышалъ это извѣстіе, я чуть не сошелъ съ ума. Мы ожидали этого времени (т.-е. какого-нибудь столкновенія сосѣдей съ турками) въ теченіи *столькихъ лѣтъ*, а между тѣмъ оно не продолжалось и одной недѣли!»

Итакъ, Розенъ на первыхъ же строкахъ не вѣрно передаетъ самые факты.

Наконецъ, является на сцену панславизмъ. Этотъ панславизмъ изображается столь же ясно и логично, какъ нѣкогда «Московскія Вѣдомости» изображали «польскую интригу»: онъ—вездѣ, и въ то же время уловить его нѣтъ никакой возможности, и придаваемые ему признаки вопіющимъ образомъ противорѣчатъ одинъ другому. Прежде всего представляется, конечно, что панславизмъ Розена—это Россія. Ея былъ вопросъ о возстановленіи вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, потеряннаго въ Крымской войнѣ; только о Россіи, напр., объ ея дипломатіи, можно было бы сказать (по размѣру дѣла), что «онъ (панславизмъ) боялся соглашенія между господствующей и подчиненными націями Балканскаго полуострова», или что «ему нужно было поссорить Порту съ ея подданными», или что «ему удалось принудить балканскихъ христіанъ къ повиновенію своимъ повелѣніямъ». Но, съ другой стороны, это никакъ не могла быть русская дипломатія: этой послѣдней, напротивъ, приписанъ предательскій относительно болгаръ и пріятный Турціи совѣтъ разселить между болгарами черкесовъ для усиленія могамеданскаго элемента, и слѣдовательно крайняго затрудненія болгарскихъ возстаній. Съ третьей стороны выходитъ, что панславистическія указанія выходятъ изъ Петербурга и Москвы (стр. 293); слѣдовательно, скорѣе изъ какихъ-то частныхъ источниковъ, изъ славянскихъ комитетовъ, отъ И. С. Аксакова или О. Ѳ. Миллера? Съ четвертой стороны, прямымъ дѣтищемъ панславизма является «омладина» (стр. 311), которая, однако, очень извѣстна, какъ направленіе, чисто и исключительно сербское (пансербизмъ), слѣдовательно, по сущности стремленій вовсе не тождественное и даже противоположное панславизму....

Дѣйствія панславизма, въ изображеніи Розена, такъ же непостижимы. Въ одномъ мѣстѣ Розенъ категорически заявляетъ (какъ то и слѣдуетъ по всей его тенденціи), что вообще «славянство въ Турціи не боролось тогда за христіанство и гуманность» (стр. 297)—за гуманность боролись, очевидно, турецкіе чиновники и Мидхатъ-паша (ср. стр. 292, 302). Что касается панславизма, онъ имѣлъ какой-то совсѣмъ непонятный, чудовищный и просто глупый планъ: возбужденіе славянскихъ возстаній и войны съ Турціей, *ея побѣду*, и вслѣдствіе того «подавленіе прогресса у народовъ райи и страшное ослабленіе турецкаго могущества». Но, чтобы достигнуть «повиновенія своимъ повелѣніямъ», панславизмъ дѣлаетъ и нѣчто другое: его орудіями оказываются школы, читаль-

ныя общества, печать, «странствующіе апостолы», — причемъ онъ, разумѣется, злоупотребляетъ школой, дѣлая ее мѣстомъ не науки, а политической пропаганды.

Прокуроръ видимо путается въ обвиненіяхъ, и взваливаетъ на обвиняемаго то, чего онъ никакъ не могъ сдѣлать. Неужели все тотъ же панславизмъ, дѣйствующій изъ Петербурга и Москвы и замышляющій такіе политическіе перевороты, неужели все онъ же устроивалъ въ Болгаріи школы, читальныя общества, литературу и проч.? Надо же предоставить что-нибудь самому болгарскому народу; а если болгарскій народъ устроивалъ свои школы, литературу — какъ это дѣйствительно было, и быть иначе не могло, — значитъ, самъ народъ сталъ искать образованія; и къ чему же иному могло приводить его образованіе, хотя бы и неполное (не по его винѣ, а по винѣ Турціи, всячески его въ этомъ стѣснявшей), какъ не къ сознанію своего человѣческаго достоинства и къ рѣшенію—искать всѣхъ средствъ къ освобожденію отъ позорнаго, губительнаго и ненавистнаго ига? Прокуроръ дошелъ до того въ своемъ туркофильскомъ усердіи, что эти крайнія усилія несчастнаго народа войти въ цивилизованное человѣчество кажутся ему только чьей-то интригой и подкопомъ. Сомнительная тенденція прокурора отомстилась совершеннымъ прекращеніемъ логики. Вѣроятно, Серверъ, Сафветъ и Мидхатъ-паша подсмѣиваются надъ своимъ защитникомъ: они все-таки очень умные люди.

Въ роли тонкаго отгадчика, Розенъ не вѣритъ и простому, откровенному разсказу Панайота, что онъ пошелъ просить денегъ на возстаніе (на покупку ружей) къ богатымъ бухарестскимъ купцамъ, т.-е. болгарскимъ. «Это не совсѣмъ понятно»,— отгадываетъ Розенъ: «если и представить себѣ этихъ купцовъ людьми зажиточными, то у купцовъ вовсе нѣтъ обычая—жертвовать большія суммы на завѣдомо напрасныя предпріятія». Онъ не знаетъ, что въ извѣстныхъ положеніяхъ и у купцовъ, какъ у всякихъ другихъ людей, является обычай жертвовать на предпріятія, которыя считаются полезными и нужными для отечества. У болгаръ, бухарестскіе, отчасти одесскіе богатые купцы до последняго времени оставались почти единственными людьми, которые въ состояніи были поддерживать патріотическія предпріятія, требовавшія средствъ. Изъ Бухареста и Одессы пришли (не далѣе какъ сорокъ лѣтъ назадъ!) средства на основаніе первыхъ болгарскихъ училищъ; они дали въ последніе годы главныя средства для учрежденія «Болгарскаго книжевнаго дружества», зачатка будущей болгарской академіи. Не мудрено, что они же

давали средства для возстаній: въ ихъ числѣ могли быть такіе же болгарскіе патріоты, которые считали подобныя предпріятія вовсе не напрасными—не въ купеческомъ смыслѣ; могли быть разсчетливые люди, которые находили такія траты небезполезными даже и въ купеческомъ смыслѣ. Мало того: Розенъ могъ бы не пугаться и не приходить въ недоумѣніе, еслибъ нашлись факты, что и русскія деньги шли на такія предпріятія: за десять лѣтъ до прошлогодней войны,—что бы ни толковалъ Розенъ о миѳологическомъ панславизмѣ,—болгары были покинутый и забытый народъ; имъ оставалось одно средство заявить о своемъ существованіи и своемъ правѣ на помощь, это возставать противъ турецкаго ига, и еслибъ русскій любитель славянства, желая помочь болгарамъ, далъ небольшую помощь тѣмъ, въ комъ видѣлъ болгарскихъ патріотовъ, онъ сдѣлалъ бы только порядочный поступокъ. Чѣмъ отличалось бы это, mutatis mutandis, отъ помощи французскаго общества американскому возстанію сто лѣтъ назадъ, отъ пособій филэллинскихъ комитетовъ греческому возстанію двадцатыхъ годовъ, отъ приношеній иностранцевъ (особенно англичанъ) для предпріятій Гарибальди, отъ европейскихъ пособій кандіотамъ, и т. д. Надо только пожалѣть, что помощь (если только она бывала съ русской стороны) не была болѣе дѣйствительна и не оказана была раньше.

Мы замѣчали уже прежде, что не было ничего удивительнаго и въ томъ, что Сербія давала пріютъ болгарскимъ гайдукамъ и бѣглецамъ. Россія въ пятидесятыхъ годахъ была въ полномъ правѣ, нравственно обязана дать пріютъ и помощь предводителю герцеговинскаго возстанія, Лукѣ Вукаловичу. Это—одна изъ лучшихъ политическихъ обязанностей; жаль опять, что такія обязанности не выполнялись раньше и шире. Если бы для Розена показались убѣдительными нѣмецкіе примѣры, можно было бы указать цѣлыя переселенія сербовъ изъ Турціи въ Австрію (которая, впрочемъ, не преминула обмануть ихъ потомъ); а относительно гайдучества — указать примѣръ самого императора Іосифа II, который позаботился о Сочивицѣ, лично пожелалъ узнать его и сдѣлалъ ему подарокъ.

Что же до панславизма, то панславизмъ, изображаемый Розеномъ, конечно, не существуетъ на свѣтѣ: этотъ панславизмъ есть фантазія человѣка, вѣроятно изъ злости къ Россіи и къ болгарскому народу, уходящему изъ-подъ крѣпостного управленія его друзей-турокъ, перепутавшаго факты и отношенія, наклеветавшаго на несчастный болгарскій народъ, и, быть можетъ, въ придачу одураченнаго турецкими друзьями. Какъ историческій

трудъ, комментарій къ запискамъ Хивова, написанный историкомъ Турціи, есть вещь ниже всякой критики; во многихъ случаяхъ, это не только ученая, но личная недобросовѣстность. Если онъ знаетъ факты, онъ долженъ былъ говорить объ этихъ фактахъ—не называя именъ, пожалуй, по дипломатической осторожности, но въ ихъ дѣйствительной мѣрѣ, не приплетая къ нимъ посторонняго, не имѣющаго съ ними никакой связи; если онъ не знаетъ фактовъ, а дѣйствительно только «отгадываетъ», то онъ поступилъ бы умнѣе, еслибъ умѣреннѣе предавался этому занятію.

Впрочемъ, не трудно доискаться, гдѣ главный источникъ соображеній Розена о панславизмѣ. Это—турецкіе толки о панславизмѣ. Здѣсь это была принятая кличка противъ болгарскаго движенія, со стороны его враговъ. Въ разгаръ церковнаго вопроса, фанаріоты обвиняли въ панславизмѣ болгаръ, стремившихся освободиться отъ церковнаго фанаріотскаго ига; въ панславизмѣ обвиняли православныхъ болгаръ болгары-католики. Подъ панславизмомъ разумѣлись сочувствія къ Россіи, которыя въ Турціи, конечно, равнялись политическому преступленію; и это слово употреблялось съ такимъ же смысломъ и добросовѣстностью, какъ у насъ еще недавно «польская интрига», «сепаратизмъ» и т. д. Главнымъ представителемъ «панславизма» считался русскій посланникъ въ Константинополѣ; туркофильскія нѣмецкія и англійскія газеты съ начала разрыва такъ обыкновенно его и изображали. Одинъ корреспондентъ, бесѣдовавшій въ Харьковѣ съ Османомъ-пашой, приводитъ слѣдующее замѣчаніе паши: «виновникъ настоящей войны—генералъ Игнатьевъ. Живя въ Константинополѣ, онъ только и занимался, что пропагандою революціонныхъ идей въ Болгаріи». Это по крайней мѣрѣ ясно. Розенъ, очевидно, хотѣлъ сказать нѣчто подобное; но, во-первыхъ, онъ не осмѣлился этого сказать, потому что назвавши чье-нибудь имя, надо было бы привести хоть какія-нибудь доказательства; во-вторыхъ, ему хотѣлось пошире изобразить панславистскую «интригу», —но этого онъ окончательно не съумѣлъ, потому что, кажется, мало чтó и зналъ о ней.

Но есть одно обстоятельство, которое не позволяетъ европейскому писателю поощрять идеи турецкаго паши. Для Османа не существуетъ понятія о народномъ развитіи, образованіи, о народномъ правѣ на свободу у безправной, крѣпостной райи. Турція погибаетъ оттого, что не хотѣла признать за своими народами права на существованіе въ европейскомъ смыслѣ, къ которому, однако, стремились подчиненные ей европейскіе народы. Но европейскому ученому историку должны бы быть доступны эти

понятія. Розену они очевидно чужды; иначе онъ понималъ бы, что національное движеніе въ Болгаріи имѣло, въ скромныхъ размѣрахъ, тотъ же благородный человѣческій источникъ, изъ котораго выросла сама европейская цивилизація, что для этого движенія, когда оно *возникло*, довольно было ея собственныхъ внутреннихъ силъ и побужденій. Нѣкоторое знаніе новой болгарской исторіи показало бы ему, что зародыши національнаго движенія въ Болгаріи появились лѣтъ сто тому назадъ, когда не было ни у кого ни малѣйшей идеи о панславизмѣ. Наконецъ, нѣкоторое знакомство съ новѣйшей свободной болгарской публицистикой (въ Румыніи, конечно, не въ Турціи) показало бы ему, что болгарскіе «революціонеры», т.-е. патріоты, стремившіеся къ освобожденію своего отечества отъ турокъ, относились къ «панславизму» вовсе не такъ, какъ это ему представляется по его «отгадываніямъ».

Но фантазіямъ Розена о панславистскихъ интригахъ и заговорахъ можно противопоставить еще фактическія данныя о дѣйствительномъ положеніи вещей въ послѣдніе годы. Такова статья г. Дринова: «Болгарія наканунѣ ея погрома», во II томѣ «Славянскаго Сборника». Намъ случалось указывать труды этого писателя, посвященные Болгаріи. Г. Дриновъ имѣетъ заслуженное имя, какъ лучшій въ настоящее время знатокъ болгарской старины и современности, какъ основательный ученый, который прекрасно владѣетъ исторической критикой для прошедшаго и вовсе не лишенъ ея также и для настоящаго. Г. Дриновъ извѣстенъ въ болгарской литературѣ еще болѣе, чѣмъ въ русской.

Г. Дриновъ былъ въ Болгаріи въ 1875 году, когда уже началось герцеговинское возстаніе; у болгаръ возникали тревожныя ожиданія, у турокъ—озлобленная подозрительность. Г. Дриновъ посѣтилъ именно филиппопольскій округъ, центральный округъ Болгаріи, наиболѣе богатый, дѣятельный и оживленный,—тотъ самый, который вскорѣ сдѣлался такой ужасной сценой разрушенія и убійства. Жители нѣкоторыхъ мѣстностей этого края отличались нѣкоторой независимостью, и иногда отплачивали туркамъ тою же монетой. Нашъ путешественникъ замѣчалъ уже тогда признаки раздраженія со стороны турокъ, которые составляютъ здѣсь значительное населеніе, обыкновенно бѣдное, потому что праздное: болѣе или менѣе зажиточное болгарство этого края мозолило имъ глаза, и какъ у болгаръ было не ясное, но съ любовью питаемое ожиданіе, что придетъ, наконецъ, и для нихъ время освобожденія, такъ, съ своей стороны, турки съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда этому болгарству можно будетъ положить

конецъ и опять захватить земли, закупленныя болгарами. Но тогда было еще *мирное* время, и г. Дриновъ могъ наблюдать отношенія, какъ они существовали ранѣе, въ ихъ обыкновенномъ видѣ. Отсылаемъ къ самой статьѣ читателя, который желалъ бы подробнѣе ознакомиться съ этимъ положеніемъ вещей.

Г. Дриновъ разсказываетъ, наконецъ, нѣкоторыя подробности, прямо относящіяся къ предмету, разбираемому Ровеномъ.

«Къ концу моего пребыванія въ Панагюрищѣ [1]), туда начали проникать слухи, что въ Румыніи сформированы болгарскіе отряды, которые вскорѣ явятся на Балканы, чтобы оттуда подать сигналъ къ всеобщему возстанію; что, какъ только возстаніе начнется, и Россія объявитъ войну туркамъ; что въ горахъ гдѣ-то и кѣмъ-то заготовляются большіе склады оружія и т. п. Вскорѣ мнѣ представился случай познакомиться нѣсколько съ источникомъ этихъ слуховъ. Разъ явились ко мнѣ двое молодыхъ людей, которые оказались школьными учителями двухъ деревень, лежащихъ въ пяти часахъ ѣзды отъ Панагюрища (Панкчере и Ново-Село). Они сообщили мнѣ, что недѣли двѣ передъ тѣмъ къ нимъ пріѣзжалъ самъ Хитовъ, популярнѣйшій изъ болгарскихъ гайдуцкихъ воеводъ, и сказалъ имъ готовиться къ 14 сентября. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣзжалъ и какой-то господинъ, «должно быть, русскій», замѣтили молодые люди. «Они указали намъ и мѣсто, гдѣ мы къ этому дню должны собраться, и гдѣ будетъ выдано оружіе нуждающимся въ немъ; увѣряли также, что какъ только мы возстанемъ, и Россія объявитъ войну»... Разсказъ этихъ юношей привелъ меня въ сильное недоумѣніе, которое вскорѣ объяснилось. Около половины сентября въ двухъ уѣздныхъ городахъ Филиппопольскаго санджака, именно въ Захарѣ (Желѣзникѣ) и Черпанѣ, былъ открытъ бунтъ: нѣсколько десятковъ молодыхъ людей вышли ночью изъ Захары и отправились въ горы, гдѣ надѣялись найти воеводъ съ дружинами, найти оружіе и т. п. Долго они бродили по горамъ, но, не найдя ничего такого, рѣшили, раздѣлившись на нѣсколько партій, возвратиться домой. Между тѣмъ, у городскихъ воротъ ихъ дожидались заптіи, которые и заарестовали всѣхъ. Бунтъ!.. Мютесарифъ (губернаторъ) поскакалъ въ Захару вмѣстѣ со всѣми наличными заптіями: учителя, старшіе ученики, священники, многіе изъ зажиточныхъ гражданъ, словомъ, вся интеллигенція, до

1) Редакція „Слав. Сборника“ пишетъ вездѣ „Панигюрище“; это—мѣстность однако очень извѣстная, и спеціальному изданію не мѣшало бы умѣть писать ея имя правильно.

800 человѣкъ, были посажены въ тюрьмы. Нѣчто подобное, только въ меньшемъ размѣрѣ, происходило въ то же самое время въ Черпанѣ. Началось слѣдствіе, которое производилось весьма таинственно. Въ публику однакожъ былъ пущенъ слухъ, что предупрежденное возстаніе было подготовлено русскими эмиссарами. Эти происшествія навели меня на мысль, въ которой, впослѣдствіи, я имѣлъ случай вполнѣ удостовѣриться: для меня теперь несомнѣнно, что захарское и черпанское происшествія находятся въ связи съ странствованіемъ тѣхъ агитаторовъ, о которыхъ говорили мнѣ вышеназванные молодые люди. Я *не сомнѣваюсь*, что эти таинственныя личности были *подосланы турками:* собранныя мною данныя не даютъ еще возможности рѣшить, кому слѣдуетъ приписать эту адскую махинацію: «другу»-ли Россіи, Махмуду, или его врагу, Митхаду-пашѣ... Турецкіе мудрецы отлично понимаютъ, что мѣстное возстаніе въ Болгаріи нисколько не опасно для ихъ государства. Вызывая такого рода возстанія посредствомъ ими же импровизированныхъ русско-болгарскихъ агитаторовъ, мудрецы эти, помимо нѣкоторыхъ частныхъ разсчетовъ, преслѣдуютъ и двѣ общія цѣли: во-первыхъ, компрометтировать Россію въ глазахъ западно-европейской дипломатіи и тѣмъ парализовать ея давленіе на Порту; во-вторыхъ, развязать себѣ руки для сокрушенія болгарской интеллигенціи. И надо отдать справедливость турецкимъ дипломатамъ: они ведутъ это дѣло необыкновенно ловко. Лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и то совершенно случайно, я узналъ, что и возстаніе Раковскаго въ 1853 г. было дѣломъ турецкой интриги противъ Россіи. Бѣдный Раковскій, воспѣвшій это возстаніе въ своемъ «Горскомъ Путникѣ», былъ искренно убѣжденъ, что онъ дѣйствовалъ *самостоятельно* и что на народныя деньги вооружалъ свою дружину...

«Захарское дѣло произвело сильное смятеніе, въ виду котораго мнѣ невозможно было и думать о странствованіи по Средней горѣ и Родопу. Было неблагоразумно оставаться долѣе и въ Панагюрищѣ,—я долженъ былъ возвратиться въ Татаръ-Пазарджикъ, чтобы оттуда, по желѣзной дорогѣ, добраться поскорѣе до Константинополя. По пріѣздѣ въ Татаръ-Пазарджикъ, я немедленно отправился къ о. Георгію (это—священникъ, намѣстникъ филиппопольскаго болгарскаго митрополита, и въ этомъ качествѣ членъ меджлиса, гдѣ былъ представителемъ и заступникомъ христіанъ), котораго засталъ въ полномъ отчаяніи. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ послѣднія двѣ-три недѣли къ нему поступило такъ много жалобъ на злоупотребленія и неистовства ту-

рокъ, сколько прежде и въ годъ не поступало. Власти, къ которымъ о. Георгій обращался съ этими жалобами, не только не давали имъ хода, но еще заявляли ему, что все это ложь, что онъ самъ заставляетъ народъ сочинять такія жалобы въ угоду «русскимъ кометамъ» (комитетамъ). «На дняхъ, — продолжалъ о. Георгій,—меня и другихъ болгарскихъ представителей прямо выгнали изъ мезлиша (меджлиса). Какъ только мы пришли туда, насъ попросили удалиться, объявивъ, что мезлишу предстоитъ совѣщаться о дѣлахъ, не касающихся болгаръ. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ они затѣвали что-то недоброе». При этомъ о. Георгій сообщилъ, что, по дошедшимъ до него слухамъ, обанкрутившіеся турецкіе беги, давно жаждущіе избіенія болѣе зажиточныхъ болгаръ и расхищенія ихъ имуществъ, дѣятельно разжигаютъ фанатизмъ турецкаго населенія разными выдумками: между прочимъ, они распространяютъ въ средѣ его слухъ, что болгары замышляютъ поголовное избіеніе турокъ. О. Георгій подозрѣвалъ участіе и нѣкоторыхъ представителей власти въ этой пропагандѣ беговъ. «Да доводите ли вы обо всемъ этомъ до свѣдѣнія экзарха?» спросилъ я. Въ отвѣтъ на это, о. Георгій сообщилъ, что онъ недавно получилъ изъ экзархата приказаніе, по возможности воздерживаться отъ представленія жалобъ. Приказаніе это очень озадачило меня: по возвращеніи въ Константинополь, я постарался освѣдомиться о мотивахъ его. Оказалось, что хваленый Махмудъ (тогдашній визирь) заставилъ экзарха сдѣлать такое предписаніе. «Я,—говорилъ онъ экзарху,—впослѣдствіи все сдѣлаю для васъ, сдѣлаю такъ, что вы будете вполнѣ довольны,—только теперь прошеній, жалобъ никакихъ мнѣ не подавайте». При этомъ, Махмудъ приказалъ экзарху представить ему адресъ отъ имени болгаръ и заявить въ немъ какъ можно торжественнѣе о довольствѣ послѣднихъ своимъ положеніемъ, о благодарности ихъ за новыя милости, которыя султанъ излилъ на своихъ подданныхъ послѣднимъ фирманомъ, и т. п.».

Такова настоящая дѣйствительность. Нѣмецкому историку, мнимому «знатоку» отношеній, такъ и осталось непонятнымъ истинное значеніе турецко-болгарскихъ отношеній,—если только онъ не старается извратить и спутать ихъ завѣдомо тенденціознымъ образомъ. Параллель къ разсказамъ г-на Дринова читатель найдетъ въ письмахъ о татарахъ и черкесахъ въ Турціи, «бывшаго турецкаго паши» (подъ которымъ, повидимому, скрывается дѣйствительно бывшій паша, извѣстный польскій писатель). Авторъ писемъ между прочимъ изображаетъ и «энергію» Мидхата-паши, которая вообще нашла не мало восхвалителей, въ числѣ

ихъ не только Розена, но и Каница. Факты, здѣсь разсказанные о разселеніи черкесовъ, объ ихъ «образѣ жизни», объ отношеніи къ нимъ турецкой администраціи, о болгарскихъ «возстаніяхъ» вообще были мало извѣстны; послѣднія событія выяснили, въ чемъ дѣло, и вполнѣ подтверждаютъ то, что здѣсь разсказывается о прошедшихъ временахъ.

Англичанинъ Барклей, проживиїй въ Турціи нѣсколько лѣтъ, также слышалъ о панславизмѣ и русскихъ агитаторахъ; но онъ правдивѣе нѣмецкаго историка. «Русское воспитаніе (у многихъ болгаръ) и русскія симпатіи,—вотъ въ чемъ заключалась настоящая—и я думаю, единственная—«пропаганда» въ Турціи. Что касается до русскихъ эмиссаровъ, мнѣ никогда не случалось встрѣтить ихъ, и я никогда не слышалъ никакихъ достовѣрныхъ разсказовъ о такихъ лицахъ. Тѣ, кто утверждаетъ, что всѣ смуты въ Болгаріи произведены были русскими эмисарами и русскимъ золотомъ, должны были бы выставить доказательства болѣе обязательныя, чѣмъ одно утвержденіе».

А. Пыпинъ.

СОВРЕМЕННАЯ РИГА

ея

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ и ПОРЯДКИ

Недавно случай привелъ насъ прожить нѣсколько времени въ Ригѣ; мы, русскіе, изъѣздившіе вдоль и поперекъ Европу, иногда очень мало бываемъ знакомы съ тѣмъ, чтó у насъ, такъ сказать, пòдъ-бокомъ, и вотъ потому можно думать, что наши наблюденія, вынесенныя нами изъ поѣздки въ центръ балтійскаго края, будутъ не совсѣмъ излишни.

Рига, раскинутая по обѣимъ берегамъ Западной-Двины, въ 16—17 верстахъ отъ ея устья, производитъ очень пріятное впечатлѣніе на путешественника, пробирающагося со станціи желѣзной дороги въ одинъ изъ отелей Петербургскаго форштадта. Это— губернскій городъ, но во всякомъ случаѣ такой, какихъ у насъ нѣтъ. Центральная часть города тянется вдоль берега рѣки на версту съ небольшимъ, и имѣетъ въ ширину, отъ набережной, самое бóльшее, версту. По внѣшнему виду Рига напоминаетъ старинные нѣмецкіе города: высокія башни протестантскихъ церквей, оставшихся еще со временъ католичества, тѣсно-скученные дома исключительно каменной постройки, въ нѣсколько этажей, съ черепичными крышами и широкими окнами, узкія и кривыя улицы—все это какъ-бы переносятъ путника въ самую глубь средневѣковой Германіи. Рижане говорятъ, что Рига напоминаетъ Любекъ. Центральная часть города опоясывается дугой, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи; это—Петербургскій и Московскій форштадты; послѣдній выходитъ на Двину выше города.

Между городомъ и Петербургскимъ форштадтомъ раскинуты прекрасные бульвары, устроенные на мѣстѣ городскихъ стѣнъ; онѣ снесены лѣтъ 20 — 25 назадъ, когда была уничтожена также самая крѣпость въ Ригѣ, которою начинался городъ въ направленіи отъ устья Двины [1].

Окраина Петербургскаго форштадта, которая обращена къ городу, или такъ-называемый бульваръ Наслѣдника, представляетъ рядъ изящно и роскошно построенныхъ зданій новѣйшей архитектуры; это мѣсто справедливо считается самой лучшей частью Риги; оно напоминаю намъ, хотя, конечно, въ миніатюрѣ, нѣкоторыя части предмѣстій Франкфурта-на-Майнѣ. Нѣсколько зданій на бульварѣ принадлежатъ школамъ: здѣсь помѣщается высшее учебное заведеніе—Политехникумъ, составляющее гордость рижанъ; здѣсь же находятся правительственныя александровская мужская и ломоносовская женская гимназіи, а также городская (нѣмецкая) реальная гимназія. Бульваръ кончается, съ одной стороны, вокзаломъ риго-динабургской дороги, откуда поѣзды ходятъ также въ вспомогательную гавань Риги — Мюльграбенъ, находящуюся верстахъ въ 12 ниже по рѣкѣ, по правому ея берегу. Въ пяти минутахъ ходьбы отъ этого вокзала, но уже въ чертѣ самаго города, расположенъ вокзалъ больдерааской линіи, связывающей Ригу съ другой ея вспомогательной гаванью—Больдераа, находящейся у самаго устья Двины, рядомъ съ Динамюнде; отъ этого вокзала производится также движеніе пассажировъ, слѣдующихъ далѣе по митавской и туккумской дорогамъ. Окраина Московскаго форштадта, обращенная къ городу, между вокзаломъ риго-динабургской дороги и Двиной, занята такъ-называемымъ амбарнымъ кварталомъ и пеньковымъ буяномъ. Съ Митавскимъ форштадтомъ, на лѣвомъ берегу Двины, городъ соединенъ плавучимъ и желѣзнымъ мостами, причемъ послѣдній принадлежитъ больдерааской дорогѣ. Пространство всѣхъ трехъ форштадтовъ вмѣстѣ по-крайней-мѣрѣ въ семь разъ превосходитъ площадь, занимаемую самимъ городомъ; но застроены форштадты, въ особенности Петербургскій, гораздо рѣже и совершенно иначе: смотря по мѣстностямъ, бо́льшая часть домовъ или почти всѣ дома деревянные, такъ-какъ разрѣшеніе возводить повсемѣстно въ форштадтахъ каменныя зданія послѣдовало, если не ошибаемся, только со времени уничтоженія крѣпости; улицы обыкновенно широкія

[1]) Входъ въ Двину огражденъ теперь крѣпостью Динамюнде (второго класса), расположенной на лѣвомъ берегу рѣки между ея устьемъ и устьемъ притока Двины, Аа, а также особой батареей, находящейся у самаго устья Двины, на правомъ берегу.

и пряжея. Въ Петербургскомъ форштадтѣ много садовъ: почти подлѣ бульвара Наслѣдника раскинутъ Вермансвій паркъ, хотя небольшой, но хорошо-устроенный на средства одного изъ рижскихъ богачей. Въ лѣтній сезонъ здѣсь два раза въ день играетъ военная музыка, причемъ входъ безплатный. Паркъ этотъ служитъ любимымъ мѣстомъ прогулки жителей; здѣсь же многіе обѣдаютъ лѣтомъ, а по утрамъ пьютъ минеральныя воды. Почти рядомъ съ Верманскимъ паркомъ—садикъ концертовъ Шварца, частнаго антрепренера, гдѣ играетъ какой-либо особый, нарочно-выписываемый въ Ригу оркестръ: здѣсь какъ-то играли преображенцы, играли музыканты кадетскаго корпуса изъ Берлина, въ предпрошедшемъ году въ іюнѣ игралъ хоръ конногвардейскаго полка, не имѣвшій, впрочемъ, особаго успѣха.

Къ району же Петербургскаго форштадта можно отнести Царскій садъ, выходящій на Двину въ верстѣ ниже самаго города. Садъ этотъ Петровскихъ временъ: здѣсь находится дубъ, посаженный собственноручно великимъ государемъ, о чемъ сказано въ особой надписи, русскій и нѣмецкій тексты коей, однако, разнятся въ подробностяхъ. Царскій садъ напоминаетъ Екатерингофскій, но содержится лучше его. Сюда идетъ въ праздникъ по преимуществу народъ по-проще — нѣмцы-ремесленники, которые не могутъ уѣхать подальше за городъ, и хотятъ провести нѣсколько часовъ in's Grüne кругомъ. Недалеко отъ Царскаго сада расположенъ тоже большой садъ—общества вольныхъ стрѣлковъ, прилегающій къ бульварамъ.—Въ самомъ городѣ находятся: биржа, всѣ торговыя конторы, таможня, всѣ мѣста правительственныхъ и общественныхъ управленій, главный рынокъ, всѣ лучшіе магазины; затѣмъ, вдоль всей городской набережной останавливаются корабли. Это мѣсто составляетъ важнѣйшую часть Рижскаго порта, подъ которымъ слѣдуетъ понимать районъ всего теченія Двины отъ пеньковаго буяна до устья, т.-е. какъ Ригу, такъ Больдераа, Мюльграбенъ и еще нѣсколько мелкихъ пунктовъ. Кромѣ городской набережной, корабли останавливаются также, хотя въ гораздо меньшемъ числѣ, у Митавскаго форштадта; наконецъ, нѣкоторые груятся по срединѣ рѣки у плавучаго моста, къ которому съ другой стороны подходятъ барки или струги для «отдачи» товара. Такимъ образомъ, въ разгаръ навигаціи Двина подъ городомъ кажется какъ-бы сплошь уставленной судами; въ другую сторону, отъ пеньковаго буяна на 7 верстъ выше, рѣка покрыта лѣсными гонками, ожидающими очереди и случая для дальнѣйшаго сплава къ кораблямъ. Видъ на рѣку съ желѣзнодорожнаго моста, имѣющаго несравненно бо̀льшую вышину, чѣмъ

Николаевскій, очень живописенъ; живописность его во многомъ обусловливается тѣмъ, что на небольшомъ пространствѣ глазу представляется сочетаніе весьма разнородныхъ предметовъ, зритель имѣетъ предъ собой разнообразные типы рѣчныхъ, каботажныхъ и морскихъ судовъ; затѣмъ, самая рѣка течетъ прихотливо, образуя острова, косы и много рукавовъ. Видъ на Неву при въѣздѣ со стороны устья величественнѣе, въ томъ отношеніи, что все кругомъ имѣетъ бо̀льшіе размѣры, но онъ однообразнѣе уже потому, что зданія по берегамъ Невы гораздо болѣе сходны другъ съ другомъ, чѣмъ дома по набережнымъ Двины. Еще интереснѣе побродить по городской набережной:

Какая смѣсь племенъ и лицъ
Одеждъ, нарѣчій, состояній...

По одну сторону ея происходитъ нагрузка и разгрузка кораблей и пароходовъ и таможенный осмотръ ихъ; по другую, почти на всемъ протяженіи, расположенъ рынокъ, представляющій по роду торговли смѣсь нашей Сѣнной съ Апраксинымъ дворомъ. Онъ состоитъ изъ значительнаго числа рядовъ, почти всѣхъ каменныхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга концами улицъ, выходящихъ на набережную и особыми проѣздами. Въ одномъ краю продаютъ птицу, въ другомъ рыбу, въ третьемъ овощи и ягоды, подальше—бѣлую муку и простой табакъ, еще дальше—носильное платье для простого класса и матросскія рубашки; тутъ же примащивается лавчонка съ латышскими народными книжками; на этотъ же рынокъ раннимъ утромъ привозятъ крестьяне изъ Курляндіи хлѣбъ и разные продукты; здѣсь же нанимаютъ поденщиковъ для работъ на пристани. Черезъ рынокъ проѣздъ на плавучій мостъ, который доселѣ служитъ главнымъ сообщеніемъ города съ противоположнымъ берегомъ, потому что положеніе его болѣе центральное, чѣмъ каменнаго моста, и потому что на послѣдній надобно подниматься. По набережной идетъ вѣтвь риго-динабургской дороги, по которой перевозятся лошадьми вагоны съ товаромъ прямого заморскаго сообщенія, т.-е. назначаемымъ изъ-за границы прямо во внутреннія губерніи. У той же набережной останавливаются пассажирскіе пароходы, дѣлающіе рейсы между Ригой, Больдераа, Динамюнде и купальными мѣстами по берегу Рижскаго залива, каковы: Дуббельнъ, Майоренгофенъ и другіе. Капитаны и матросы кораблей, ломовые извощики, поденщики—классъ самый разноплеменный, нѣмцы-приващики конторъ, наблюдающіе за пріемкой и отправкой товара, евреи въ своихъ долгополыхъ кафтанахъ,—все это скучивается на набе-

режной, служащей и портомъ, и рынкомъ и базаромъ съ таможенными чиновниками и караульными, солдатами разныхъ полковъ, латышами изъ окрестныхъ мѣстъ и торговками-раскольницами; здѣсь же встрѣчаются крестьяне-великоруссы, запавшіе въ Ригу на разныя работы; здѣсь бродятъ и бѣлоруссы, прибывшіе со стругами. Фотографическій видъ набережной могъ бы служить лучшей иллюстраціей къ какому либо научному обозрѣнію жителей Риги по народностямъ. Тѣсновато здѣсь—правда, особенно въ разгаръ навигаціи; но какой либо сумятицы, гвалта, опасности для прохожихъ и проѣзжихъ мы не замѣтили: нѣмецкіе порядки или, выражаясь точнѣе, порядки, вызванные господствующимъ вліяніемъ въ общественномъ быту нѣмецкаго тона, въ этомъ отношеніи очень хороши; въ чисто-русскихъ городахъ врядъ ли бы удалось совмѣстить столь многое на небольшомъ пространствѣ. Между тѣмъ, соединеніе это въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень выгодно; упомянемъ лишь, что выборъ мѣста для центральнаго рынка у рѣки очень удаченъ въ гигіеническомъ отношеніи, такъ какъ при этомъ парализуется испорченность воздуха, неизбѣжная на большихъ рынкахъ. Спеціально для таможеннаго дѣла, соединеніе гавани и рынка, съ развитіемъ торговыхъ оборотовъ порта, оказалось, понятно, неудобнымъ, и въ непродолжительномъ времени мѣсто осмотра кораблей будетъ переведено нѣсколько ниже, къ району бывшей крѣпости, гдѣ оканчиваются постройкой новое зданіе таможни, пакгаузы, и возводится набережная.

Такъ какъ въ самомъ городѣ много помѣщеній занято разными управленіями и подъ торговлю, то едва ли не бо́льшая часть средняго класса нанимаетъ квартиры въ Петербургскомъ форштадтѣ; здѣсь же живутъ нѣкоторые капиталисты, имѣющіе конторы въ городѣ. Дѣловой нѣмецкій людъ любитъ жить на Петербургскомъ форштадтѣ, чтобы имѣть возможность, проработавъ въ многолюдномъ и тѣсномъ городѣ, отдохнуть среди семьи, такъ сказать, на просторѣ. Городъ и Петербургскій форштадтъ можно назвать нѣмецкими частями Риги, русское же населеніе сосредоточивается, торговое—въ Московскомъ форштадтѣ, а военное—въ районѣ бывшей крѣпости, называемомъ цитаделью. Въ Московскомъ форштадтѣ живетъ какъ масса русскаго люда изъ постоянныхъ обывателей Риги, такъ и наплывное русское населеніе; тотъ и другой людъ занимается преимущественно разнаго рода работами, связанными съ портовой торговлей, каковы, напр., работы на пеньковомъ буянѣ; изъ мѣстныхъ многіе также служатъ просто поденщиками въ порту; затѣмъ мѣстные занимаются мелкой рыночной торговлей, а пришлые — работами по строи-

тельной части. Простой русскій людъ—урожденцы Риги, принадлежитъ въ такъ-называемому рабочему классу, составляющему особенность городовъ прибалтійскихъ губерній [1]; изъ пришлыхъ, отдѣлкой пеньки на буянѣ заняты крестьяне калужской губерніи, извѣстные по Россіи трепачи (мещовскаго и мосальскаго уѣздовъ), а на строительныхъ работахъ большинство, кажется, изъ рязанской губерніи. Считать бѣлоруссовъ за обывателей Московскаго форштадта, въ точномъ смыслѣ этого слова, не приходится, потому что крестьяне, прибывающіе со стругами, за немногими исключеніями, очень скоро возвращаются изъ Риги обратно, на особыхъ поѣздахъ [2], но въ кратвую побывку свою въ Ригѣ бѣлоруссы бóльшую часть времени проводятъ на томъ же форштадтѣ. Важнѣйшими представителями наплывного русскаго населенія, аристократіей, такъ сказать, Московскаго форштадта слѣдуетъ считать иногороднихъ, т.-е. купцовъ нѣкоторыхъ городовъ смоленской, орловской и черниговской губерній, торгующихъ въ рижскомъ порту и называемыхъ въ своемъ краѣ портовыми; нѣкоторые изъ этихъ лицъ, имѣя братьевъ или родственниковъ дома, завѣдывающихъ тамъ торговлей, живутъ въ Ригѣ постоянно. Въ Московскомъ форштадтѣ находится большая часть православныхъ церквей; здѣсь же, недалеко отъ пеньковаго буяна, помѣщается гостиный дворъ, двухъ-этажное деревянное зданіе, по характеру постройки схожее съ подобными же зданіями во внутренней Россіи, но занятое не лавками, а кладовыми, гдѣ складываются хлѣбъ, сѣмя, табакъ, кожи. Въ старые годы, до устройства сѣти желѣзныхъ дорогъ, Московскій форштадтъ походилъ на окраину любого губернскаго города: нѣмецкое хозяйство какъ-бы не касалось его, русскіе нравы и обычаи господствовали здѣсь цѣликомъ. Въ послѣдніе же годы, когда въ Ригу нахлынула толпа евреевъ, большая часть коихъ поселилась въ этой же мѣстности, форштадтъ сталъ крайне грязнымъ, и общій видъ его измѣнился значительно; евреи выбираютъ себѣ здѣсь квартиры, потому что отсюда близко и къ порту и къ желѣзной дорогѣ. Московскій форштадтъ составляетъ въ торговомъ отношеніи какъ-бы преддверіе къ порту, подобно тому, какъ въ Петербургѣ этимъ преддверіемъ служитъ Калашниковая пристань,

---

[1] Сословія мѣщанъ въ городахъ этихъ нѣтъ, а имѣютъ ли право русскіе урожденцы записываться, и записываются ли въ бюргеры или граждане, мы не знаемъ.

[2] Къ слову сказать, поѣзды эти состоятъ изъ открытыхъ вагоновъ, въ родѣ платформъ; по крайней мѣрѣ, мы видѣли одинъ такой поѣздъ на риго-динабургской дорогѣ.

расположенная тоже выше по рѣкѣ, чѣмъ биржа. Въ окаймляющей городъ по другой сторонѣ цитадели помѣщаются: православный соборъ, всѣ военныя управленія и казармы. Это единственный теперь околотокъ въ Ригѣ, гдѣ всѣ надписи на домахъ только на русскомъ языкѣ, и гдѣ трудно услышать нѣмецкую рѣчь. Соборъ по внѣшнему виду напоминаетъ отчасти нашъ Петропавловскій, и должно быть построенъ въ прошломъ вѣкѣ; внутри онъ очень не великъ. Теперь заложенъ новый соборъ на Петербургскомъ форштадтѣ, очень близко отъ бульвара Наслѣдника; въ самомъ городѣ, гдѣ нѣтъ православныхъ церквей (приходскихъ), очевидно, не могли найти свободнаго мѣста. На рубежѣ бывшей крѣпости и города находится замокъ, старинное и крайне некрасивое зданіе, гдѣ жилъ прежде генералъ-губернаторъ прибалтійскихъ губерній, а теперь помѣщается лифляндскій губернаторъ и большая часть губернскихъ присутственныхъ мѣстъ; вблизи замка — лучшія гостинницы, гдѣ останавливаются помѣщики и чиновный людъ въ достаточныхъ рангахъ. Что касается до Митавскаго форштадта, то здѣсь сосредоточивается третій изъ крупныхъ элементовъ рижскаго населенія — латышскій; здѣсь же находится значительное число фабрикъ и товарная станція митавской дороги. Лѣтомъ нѣкоторые изъ городскихъ живутъ на дачахъ въ лучшемъ углу этого форштадта, переѣзжая Двину наискось на пароходикахъ.

Содержится городъ и Петербургскій форштадтъ очень опрятно; о такихъ зловонныхъ мѣстахъ, какія встрѣчаются въ Петербургѣ по всему протяженію Фонтанки отъ Чернышева моста къ устью, не говоря уже о Сѣнной, здѣсь нѣтъ и помину. Вообще воздухъ въ Ригѣ гораздо чище Петербургскаго, чему не мало содѣйствуетъ то, что относительно большее пространство занято садами; петербуржецъ, пріѣхавшій въ Ригу въ лѣтнюю пору, не можетъ не подивиться тому, зачѣмъ и многіе изъ жителей Петербургскаго форштадта перебираются на дачи. Городъ и, кажется, всѣ форштадты освѣщаются газомъ. Мостовая въ форштадтахъ исключительно булыжная, въ городѣ же есть мѣстами и плитная. Мостовыя вообще лучше петербургскихъ, причемъ, однако, надо замѣтить, что поддерживать ихъ въ исправности гораздо легче, благодаря какъ песчаному грунту, такъ и тому, что въ большей части городского района несравненно меньше ѣзды. Сравнивать рижскихъ извощиковъ съ петербургскими не приходится: у всѣхъ ихъ экипажи на лежачихъ рессорахъ, притомъ у большинства не дрожки, а открытыя коляски, какъ въ Бер-

линѣ [1]). Извощичья такса, разсчитанная по извѣстнымъ районамъ, умѣренная; надо желать, однако, чтобы такса эта была прибита на экипажѣ, и чтобы она печаталась не только на нѣмецкомъ языкѣ, но и на русскомъ. Затѣмъ большая возня для пріѣзжихъ съ тѣми извощиками, которые не говорятъ ни по-русски, ни по-нѣмецки (извощики всѣ латыши). Кромѣ извощиковъ, существуютъ общественныя кареты, проѣзжающія весь городской районъ на правой сторонѣ Двины, по самому бойкому его пути; кареты эти гораздо лучше такъ-называемыхъ нищенскихъ г. Щапина или его преемниковъ. Сообщеніе съ подгородными мѣстностями, лежащими ниже по Двинѣ, тоже очень удобное, благодаря желѣзнымъ линіямъ въ Больдераа и Мюльграбенъ и пароходамъ: на первой изъ этихъ линій четыре станціи, а на второй три. Вообще, что касается до сообщеній, то въ этомъ отношеніи, въ сущности, есть одна аномалія, рѣзко кидающаяся въ глаза,—это плата за проѣздъ чрезъ мостъ или мосты, потому что за пользованіе желѣзнодорожнымъ мостомъ берется та же плата, что и за плавучій. Чтобы судить о размѣрахъ этой таксы, достаточно сказать, что за проѣздъ на извощикѣ въ пару платится за одинъ конецъ 10 коп., а съ одноконной подводы съ товаромъ берутъ 30 копѣекъ. И плавучій мостъ, принадлежащій городу, и желѣзно-дорожный—въ періодъ навигаціи, находятся въ арендѣ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, у одного изъ русскихъ купцовъ, уроженцевъ Риги. Плата «мостовыхъ» есть остатокъ средневѣковыхъ порядковъ, которыхъ существуетъ не мало въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, но большинство ихъ хозяева города умѣютъ удачно маскировать. Здѣсь кстати сказать въ частности про желѣзнодорожный мостъ: вмѣсто того, чтобы связывать оба берега, онъ еще болѣе раздѣляетъ ихъ, представляя собой такимъ образомъ весьма любопытную диковинку. Дѣла владѣлицы его—больдерааской дороги—крайне дурны, какъ были бы дурны дѣла каждой дороги, которая на $17^1/_2$ верстъ общаго протяженія содержитъ мостъ почти въ 400 саженъ длины, и гдѣ товарное движеніе въ сущности только временное. При такихъ условіяхъ, дорога не только не можетъ понизить «мостовыхъ», но направляетъ всевозможныя усилія къ тому, чтобы выручить побольше съ моста: такъ, она беретъ съ митавской дороги за пробѣгъ ея вагоновъ къ вокзалу на правой сторонѣ рѣки, на протяженіи $1^1/_2$ версты,

---

[1]) И ломовые извощики лучше петербургскихъ въ томъ отношеніи, что самые роспуски у нихъ шире, въ родѣ платформъ, и часто рессорные.

плату одинаковую какъ за разстояніе въ 6 верстъ [1]), кромѣ мостовыхъ. Отправлять товары по такому тарифу Митавской дороги, дорогѣ тоже небольшой, конечно, невыгодно, и они разгружаютъ въ Митавскомъ форштадтѣ, слѣдуя въ городъ уже на лошадяхъ, что естественно парализуетъ развитіе движенія по дорогѣ, какъ въ направленіи къ Ригѣ, такъ и обратно. Съ другой стороны, риго-динабургской линіи, какъ всякой большой дорогѣ, невыгодно входить въ прямое сообщеніе съ такой мелкой линіей, какъ больдерааская, вслѣдствіе чего прямое заморское сообщеніе чрезъ Больдераа не можетъ быть практикуемо. Утвердивъ больдерааскую линію въ качествѣ самостоятельной дороги, противъ чего были всѣ рижскія общественныя управленія, правительство сдѣлало ошибку, результаты коей обнаружились очень скоро: въ какіе-нибудь 3—4 года больдерааская дорога пришла къ банкротству, бумаги ея считаются на биржѣ макулатурой, и въ Ригѣ очень распространены слухи, что настоящее управленіе министерства путей сообщенія, считая, и совершенно справедливо, что гавань Больдераа есть такая же нераздѣльная часть рижскаго порта какъ Мюльграбенъ, имѣетъ намѣреніе передать линію въ завѣдываніе риго-динабургской дороги. Желательно, однако, чтобы при этой передачѣ самый мостъ съ подъѣздами къ нему остался въ нейтральныхъ рукахъ, т.-е. въ рукахъ правительства, которому, казалось, всего умѣстнѣе имѣть въ своемъ распоряженіи переправу чрезъ важнѣйшія рѣки государства, къ коимъ нельзя не отнести Западную-Двину; тогда безспорно исчезнетъ мостовой сборъ или по-крайней-мѣрѣ сократится до возможно меньшихъ размѣровъ, и мостъ не будетъ служить помѣхой для окрестныхъ линій. Въ противномъ же случаѣ дѣло останется по прежнему, ибо риго-динабургской дорогѣ, также какъ больдерааской, не разсчетъ пускать митавскую дорогу на правый берегъ, какъ опаснаго для себя конкуррента, въ сношеніяхъ Риги съ заграницей, потому что путь въ Эйдкуненъ чрезъ Митаву-Можейки короче пути чрезъ Динабургъ на 80 верстъ. Взиманіе мостового сбора не остается, конечно, безъ вліянія на то, что и теперь, какъ до открытія желѣзнаго моста, Митавскій форштадтъ считается послѣдней, наименѣе удобной частью Риги: дѣловой людъ средняго класса прямо избѣгаетъ нанимать здѣсь квартиры.

Жизнь въ Ригѣ нѣсколько дешевле, не только чѣмъ въ Пе-

---

[1]) Впрочемъ, риго-больдерааская дорога руководствуется при этомъ примѣромъ главнаго общества, которое, за пробѣгъ вагоновъ по каждому протяженію менѣе двухъ верстъ, беретъ съ другихъ дорогъ то же, что за 6 верстъ.

тербургѣ, но и во многихъ городахъ внутренней Россіи; говорятъ, что здѣсь дешевле рабочій народъ. Вообще, въ Ригѣ много удобствъ, хотя они и устроены на нѣмецкій манеръ. Русскій человѣкъ или совершенно брезгаетъ удобствомъ, или устраиваетъ себѣ цѣлый комфортъ; нѣмецъ умѣетъ обходиться безъ нѣкоторыхъ вещей, входящихъ въ наше понятіе удобства; почти во всѣхъ домахъ въ Ригѣ, также какъ заграницей, лѣстницы деревянныя; при проѣздѣ по самому городу нерѣдко приходится ждать, пока извощики разъѣдутся другъ съ другомъ или съ телѣжками носильщиковъ (послѣдніе замѣняютъ и посыльныхъ и носильщиковъ); входить на пароходъ надо иногда по доскѣ безъ перилъ, и никто не подастъ вамъ руки при этомъ; переулокъ, гдѣ запрягаютъ пожарныхъ лошадей, какъ разъ у главнаго входа въ таможню и рядомъ съ Dom-Kirche, и такъ далѣе въ этомъ родѣ; но какъ подумаешь, чего стоитъ намъ нашъ частный комфортъ, на ряду съ которымъ въ общественныхъ мѣстахъ мы лишены подчасъ самаго необходимаго, то нѣмецкія удобства очень нравятся. Названія улицъ написаны по-нѣмецки и по-русски, то же надо сказать о вывѣскахъ надъ магазинами, принадлежащими русскимъ и евреямъ; надъ нѣмецкими же магазинами, которыхъ большинство, надписи только нѣмецкія. Надъ лавками, куда ходитъ простой народъ, вывѣски нѣмецкія и латышскія или нѣмецкія и русскія. Надписи надъ мѣстами правительственныхъ управленій, кромѣ военныхъ, на двухъ или на трехъ языкахъ; мѣста общественныхъ управленій или безъ надписей,—предполагается, что всякій знаетъ ихъ,—или же съ надписями только по-нѣмецки. Господство нѣмецкаго языка выражается во всемъ: стоитъ обратиться на улицѣ къ любому прохожему, одѣтому только не въ формѣ, съ русскимъ вопросомъ, и вамъ не отвѣтятъ, или отвѣтятъ по-нѣмецки. Вообще, пріѣзжему очень трудно безъ знанія нѣмецкаго языка, хотя въ гостинницахъ и въ главныхъ магазинахъ всегда есть кто-нибудь, кто хорошо говоритъ по-русски; особенно безполезно пускать въ ходъ русскія названія улицъ: выйдетъ то же самое, какъ если бы кто въ Петербургѣ сталъ искать Erbsen-Strasse вмѣсто Гороховой. Изъ постоянныхъ жителей Риги есть, однако, такіе, которые, обращаясь въ одномъ какомъ-либо, не нѣмецкомъ кружкѣ, ни слова не говорятъ по-нѣмецки. Большинство нѣмцевъ понимаетъ по-русски, потому что въ нѣмецкихъ школахъ русскій языкъ преподается съ теоретической стороны, по отзыву самихъ русскихъ, прекрасно; но говорить по-русски нѣмцы говорятъ, когда того

требуетъ настоятельная необходимость, какъ, напр., при пріемкѣ товара нѣмецкими приказчиками отъ иногороднихъ.

По переписи 1867 года, въ Ригѣ считалось 103,000 жителей, нѣмцевъ въ томъ числѣ было 44,000 или немного менѣе половины, русскихъ 26,000, латышей 24,000, т.-е. 1/4 всего населенія, евреевъ 5,000 и поляковъ 2,000; последняя цифра должна быть значительно меньше дѣйствительной, потому что поляки, выросшіе въ Ригѣ и по роду занятій своихъ вращающіеся въ нѣмецкихъ кружкахъ, оффиціально показываютъ себя нѣмцами. Теперь въ городѣ насчитывается около 125,000 жителей, причемъ евреевъ по меньшей мѣрѣ 11,000; значительныхъ перемѣнъ въ соотношеніи численности другихъ племенъ не послѣдовало. Нѣмцы составляютъ богатый и средній классы: они руководятъ торговлей и составляютъ большинство торговцевъ, въ ихъ рукахъ находятся фабрики и ремесла, имъ же принадлежитъ огромное большинство въ либеральныхъ профессіяхъ. По списку мѣстныхъ купцовъ на прошедшій годъ, изъ 770—780 фамилій—русскимъ принадлежитъ 120; по даннымъ упомянутой переписи, чиновниковъ разнаго рода, отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ, нѣмцевъ—900 человѣкъ, а русскихъ 200; занимающихся обученіемъ, леченіемъ и литературой, нѣмцевъ 600 мужчинъ и 500 женщинъ, русскихъ 100 мужчинъ. На долю русскихъ, какъ мы уже замѣтили, выпадаетъ главнымъ образомъ чернорабочій при торговлѣ трудъ; латыши же занимаются поденнымъ трудомъ во всѣхъ его видахъ, ихъ много также на фабрикахъ, въ рукахъ ихъ промыслы по части передвиженія, они же составляютъ главный контингентъ домашней прислуги. Въ общемъ, однако, распредѣленіе профессій, въ смыслѣ выгодности промысловъ, благопріятнѣе для русскихъ, чѣмъ для латышей. Собственно общество у нѣмцевъ составляютъ: богатые торговцы вмѣстѣ съ фабрикантами, и литераты, т.-е. прошедшіе университетскій курсъ или дѣти ихъ, причемъ кругъ этотъ естественно дѣлится на состоящихъ въ коронной и неслужащихъ лицъ либеральныхъ профессій, каковы напр., адвокаты. Помѣщики почти не живутъ здѣсь, а лишь пріѣзжаютъ временно по дѣламъ и для покупокъ: курляндское дворянство любитъ жить въ Митавѣ, а лифляндское въ Дерптѣ. Такимъ образомъ, на первомъ планѣ въ Ригѣ не баронскій кругъ, а кругъ экспортеровъ, т.-е. занимающихся отпускной за границу торговлей. Первое мѣсто среди нихъ, по размѣрамъ оборотовъ, принадлежитъ въ свою очередь представителямъ англійскихъ торговыхъ домовъ, издавна здѣсь основанныхъ. Представителей этихъ очень немного, и съ виду

ихъ нельзя отличить отъ нѣмцевъ; но въ ихъ складѣ и образѣ дѣйствій есть не мало особенностей: имѣя полную возможность смотрѣть на многое съ высоты своего величія, англійскіе нѣмцы не стоять горой за мѣстные интересы, хотя открыто того не высказывають и участвують въ разныхъ рижскихъ депутаціяхъ. Той рѣзкой грани, какая существуетъ въ русскомъ общественномъ быту между коммерческимъ и чиновнымъ кругомъ и вообще людьми либеральныхъ профессій, въ нѣмецкомъ обществѣ нѣтъ; у насъ эта разница сказывается не только въ образованіи, но въ складѣ понятій и самомъ образѣ жизни; это два совершенно особыхъ міра, благодаря также тому, что до послѣдняго времени занятія промышленностью были исключительно удѣломъ купеческаго и мѣщанскаго сословій. У нѣмцевъ разница въ сущности сводится къ роду и количеству знаній: поколѣніе коммерсантовъ прошло только реальную школу, тогда какъ литераты, если не были въ Дерптѣ или въ германскихъ университетахъ, то кончили курсъ въ гимназіяхъ. При такихъ условіяхъ, оба круга сходятся другъ съ другомъ—для дѣла ли или въ часъ досужный—гораздо проще, чѣмъ у насъ. Правда, прибавка къ фамиліи частицы von много значитъ, интересы промышленнаго міра и литератовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ расходятся, тѣмъ болѣе, что въ общественномъ представительствѣ и управленіи перевѣсъ на сторонѣ капитала, жизнь кружками тоже въ ходу; но, въ общемъ, бытовыя особенности той и другой группы очень мелки и сглаживаются въ глазахъ посторонняго наблюдателя. Къ нѣмецкому кругу принадлежитъ большинство образованныхъ латышей, вышедшихъ, что называется, въ люди; такіе латыши, встрѣчающіеся въ совершенно различныхъ сферахъ и должностяхъ, сами себя уже считаютъ нѣмцами. Говорятъ, что даже настоящій предсѣдатель биржевого комитета—родомъ латышъ.

Среди русскаго населенія перепись показываетъ 4500 лицъ или почти $^1/_6$ принадлежащими къ военному званію [1]); если цифру эту вычесть изъ общаго числа православныхъ, то окажется, что болѣе $^1/_3$ русскаго гражданскаго населенія принадлежитъ къ расколу; отдѣльно по поламъ это послѣднее отношеніе таково: мужчинъ раскольниковъ нѣсколько менѣе $^1/_3$, а женщинъ почти половина. Цифры эти подтверждаютъ слова рижанъ, что ядро русскаго туземнаго населенія составляютъ собственно расколь-

[1]) Собственно войска по переписи считалось 5000, въ этомъ числѣ—3600 русскихъ, 600 латышей, по 200 нѣмцевъ и эстовъ, 100 евреевъ и 300 поляковъ и другихъ народностей; женъ и дѣтей военныхъ было 500 мужского и 1300 женскаго пола.

ники. Среди важнѣйшихъ изъ русскихъ купцовъ, мѣстныхъ уроженцевъ, были почти всѣ раскольники; они прибыли сюда въ царствованіе императрицы Екатерины II, изъ ярославской губерніи. Собственно въ общество у русскихъ входятъ слѣдующія группы: духовные, военные, небольшое число чиновниковъ, преимущественно таможеннаго вѣдомства, нѣсколько учителей русскихъ гимназій, крупные изъ торговцевъ—мѣстныхъ уроженцевъ и иногородные. Большинство, такимъ образомъ, принадлежитъ военнымъ и купцамъ: они главные члены и посѣтители русскаго клуба. Мы не станемъ распространяться о соціальныхъ отличіяхъ кружка военнаго и купеческаго, а остановимся на категоріяхъ этого послѣдняго: русскихъ коммерсантовъ—мѣстныхъ уроженцевъ, которые учились всѣ въ нѣмецкихъ школахъ (какъ мужская, такъ и женская русскія гимназіи — учрежденія недавнія), съ бытовой стороны можно скорѣе сравнивать съ нѣмецкими торговцами, тогда какъ иногородные подходятъ къ обще-русскому типу богатыхъ купцовъ, хотя пріобрѣтаютъ, вслѣдствіе жизни въ Ригѣ и столкновенія съ мѣстными учрежденіями, нѣкоторыя особыя воззрѣнія и привычки. Исключеніе составляютъ иногородные, получившіе здѣсь образованіе: обладая хорошими знаніями, они въ то же время, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ внутренними губерніями, живутъ чисто-русской жизнью и русскими интересами; ихъ можно назвать передовыми людьми русскаго купечества. Съ другой стороны, среди иногородныхъ встрѣчаются люди совершенно стараго закала: намъ указывали на одно такое лицо, ворочающее сотнями тысячъ, если не милліонами, и не снимающее съ плечъ длиннаго синяго полукафтанья, какое носятъ или носили сельскіе дьячки. Любопытно видѣть, какъ подъѣзжаетъ къ зданію биржи этого ганзейскаго города Риги нашъ отечественный представитель коммерціи въ своемъ дѣдовскомъ платьѣ на широкихъ дрожкахъ особаго калибра, какой водится только по глухимъ провинціальнымъ городкамъ, и подъѣзжаетъ въ ту пору, когда собираются и тузы-экспортеры, т.-е. порядочно спустя послѣ открытія собранія [1]). Представляя особую отъ иногородныхъ группу въ бытовомъ отношеніи, русскіе коммерсанты—мѣстные уроженцы—не имѣютъ ничего общаго съ ними и по роду торговли, занимаясь оптовой внутренней торговлей, преимущественно ману-

---

[1]) Иногородные не обращаются прямо къ экспортерамъ, а чрезъ посредство коммиссіонеровъ, занимающихъ вообще видное мѣсто въ торговомъ мірѣ и принадлежащихъ къ русскимъ или нѣмцамъ, владѣющимъ русскимъ языкомъ въ совершенствѣ. Большинство иногородныхъ не знаетъ по-нѣмецки.

фактурными или колоніальными товарами, а также бѣдой мукой и табакомъ; нѣкоторые изъ нихъ участвуютъ и въ заграничной привозной торговлѣ.

После всего сказаннаго понятны будутъ возгласы, которые не разъ были слышаны нами въ Ригѣ: «русское общество у насъ разрознено; трудно заводить и поддерживать что-либо русское». — Скоро онѣмечивается здѣсь мало-мальски образованный русскій человѣкъ: пріѣзжаетъ онъ сюда, — все кругомъ говоритъ по-нѣмецки; русскій человѣкъ не англичанинъ: если онъ знаетъ хотя нѣсколько фразъ на чужомъ языкѣ, — онъ тщится разговаривать на немъ. Необходимость заставляетъ русскаго человѣка говорить по-нѣмецки не только на улицѣ, но и дома съ прислугой, а при такихъ условіяхъ не трудно перейти къ разговорамъ по-нѣмецки и съ семействомъ. Захочется развлечься русскому человѣку, — всѣ увеселенія, почти всѣ мѣста общественныхъ собраній устроены на нѣмецкій ладъ; подсмѣется надъ инымъ въ этомъ устройствѣ землякъ нашъ, но пойдетъ въ театръ или нѣмецкій клубъ и другой разъ, потому что, какъ бы тамъ ни было, а все это у нѣмцевъ уже готовое, тогда какъ русское надо заводить и поддерживать. Мало-по-малу многое начинаетъ и нравиться, — и, въ концѣ-концовъ, незамѣтно вкрадываются нѣмецкія привычки и воззрѣнія. Былъ русскій человѣкъ въ нѣмецкой школѣ — по выходѣ изъ нея онъ смотритъ нѣмцемъ. Нѣмецкими школами называемъ мы училища разнаго рода, принадлежащія общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, съ пособіемъ или безъ пособія отъ казны, гдѣ преподаваніе происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ. Хорошо учатъ въ этихъ школахъ, солидно учатъ, но есть какой-то особый характеръ въ преподаваніи: преимущественное вниманіе обращается на Германію и Прибалтійскій край; свѣдѣнія же о внутреннихъ губерніяхъ и о русской жизни отходятъ на задній планъ. Правда, теоретически хорошо проходятъ и русскій языкъ, но любви къ его литературѣ и къ русскому народу молодое поколѣніе отсюда не вынесетъ. Въ торговомъ отдѣленіи Политехникума проходятъ статистику торговли иностранныхъ государствъ и Риги, — объ оборотахъ же Петербурга, Москвы, Одессы не читается ни слова. Всѣ эти условія наиболѣе сильно дѣйствуютъ на группу русскихъ мѣстныхъ коммерсантовъ, самые интересы которыхъ побуждаютъ ихъ вращаться въ нѣмецкихъ кружкáхъ и жить съ нѣмцами болѣе или менѣе въ ладахъ; но нѣмецкое вліяніе сказывается даже и въ совершенно противоположной сферѣ — въ

средѣ военныхъ, на тѣхъ лицахъ, которые по-долгу стоятъ здѣсь и женятся на нѣмкахъ.

Считать однако русскихъ уроженцевъ, постоянно говорящихъ по-нѣмецки, за нѣмцевъ — было бы несправедливо: главное, что выдѣляетъ ихъ изъ нѣмецкой среды, это — строгая приверженность къ православію. Быть можетъ, для нѣкоторыхъ изъ читателей это покажется не совсѣмъ понятнымъ, но мы просимъ тѣхъ, которые бывали за границей и присматривались къ быту русскихъ тамъ, припомнить, какъ относится большинство нашихъ земляковъ къ церкви и всему церковному за-границей и дома. Затѣмъ, сравненіе въ нѣкоторой степени уяснитъ остальное. Русскій человѣкъ вообще, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ быта, оказываетъ относительно мало усердія къ церкви, мало проникается ея интересами и наставленіями; случись, однако, серьёзная перемѣна въ его жизни, постигнетъ его горе или затрудненіе, очутится онъ въ чуждой для себя обстановкѣ, — общеніе съ церковью становится для него дороже. «Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится», — пословица, до-нельзя мѣтко характеризующая отношеніе къ религіи и церкви всего православнаго общества, отъ простолюдиновъ и до самыхъ высшихъ его классовъ. Быть можетъ, на православныхъ, живущихъ въ средѣ протестантовъ, вліяетъ также примѣръ этихъ послѣднихъ, бо̀льшее почтеніе, оказываемое протестантами во всѣхъ случаяхъ проповѣдникамъ ученія. Такимъ образомъ, православіе и расколъ суть самыя могущественныя силы, связующія здѣшнихъ русскихъ со всѣмъ русскимъ міромъ; въ средѣ раскола русскій складъ сохранился гораздо цѣльнѣе, чѣмъ у православныхъ, — за то, по самой сущности ученія сектантовъ, нѣтъ надежды на дальнѣйшее развитіе какъ народныхъ, такъ и общечеловѣческихъ началъ у его послѣдователей. Религіозно-политическая миссія православія въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ связи съ тѣмъ, что судьба привела сюда значительное число раскольниковъ, такихъ же сыновъ Россіи, какъ и православные, — все это указываетъ, съ одной стороны, какимъ почетомъ должно быть окружаемо здѣсь православіе и все съ нимъ связанное, какъ надо беречь здѣсь всѣ церковныя учрежденія, какими высокими нравственными достоинствами должны отличаться служители православія, а съ другой, на то, что отношенія господствующей церкви къ сектантамъ должны быть основаны исключительно на духѣ христіанской любви и кротости, мѣсто имъ — въ сферѣ церковной, а никакъ не въ сферѣ полицейской. Добрые отзывы слышали мы вообще про мѣстное духовенство. Разсказы о бывшихъ преслѣдо-

ваніяхъ раскольниковъ связываются съ именами не духовныхъ лицъ, а тѣхъ изъ высшихъ администраторовъ края, которые покровительствовали нѣмецкому элементу въ ущербъ русскому. Не хочется поднимать тяжелаго прошлаго, но еще теперь многіе помнятъ, какъ въ глазахъ нерасположеннаго къ намъ нѣмецкаго общества арестовывали и заключали въ тюрьму русскихъ людей за то, что они молились не по тѣмъ книгамъ и въ особыхъ моленныхъ. Остается быть увѣреннымъ, что скоро исчезнетъ повсемѣстно хотя бы малѣйшая возможность возобновленія подобнаго рода горькихъ, обидныхъ для нашего общественнаго самосознанія событій... Служба въ мѣстныхъ церквахъ напоминаетъ петербургскую; среди молящихся можно замѣтить и латышей.

Хорошія вѣсти слышали мы и о молодой русской школѣ— русскихъ гимназіяхъ, о преподаваніи въ нихъ и успѣхахъ учениковъ. Задача этой школы тоже въ высшей степени важная и крайне трудная: помимо того, что школа должна служить для охраны и развитія русскаго элемента, ей приходится соперничать съ нѣмецкой школой, имѣющей обширный авторитетъ и опытъ. Только съ развитіемъ русской школы, русскій элементъ можетъ стоять на равной ногѣ съ нѣмецкимъ въ общественномъ отношеніи. «Теперь не то, чтó прежде», слышали мы отъ нѣкоторыхъ русскихъ: «не надо посылать дѣтей въ нѣмецкую школу»; но не всѣ еще такъ поступаютъ. Къ сожалѣнію, не имѣя подъ рукой отчетовъ гимназій, не можемъ сказать съ точностью, какая часть русскаго учащагося поколѣнія посѣщаетъ русскую школу; но если брать въ разсчетъ не только дѣтей, но и молодежь, т.-е. разсматривать всѣ роды заведеній вмѣстѣ съ Политехникумомъ, то положительно большинство русскихъ все же находится въ нѣмецкой школѣ. Число русскихъ въ Политехникумѣ въ послѣдніе годы, когда у насъ получила преобладаніе классическая система, болѣе и болѣе увеличивается, причемъ многіе изъ слушателей—пріѣзжіе; есть нѣкоторые даже изъ Сибири. Политехникумъ есть высшая реальная школа съ отдѣленіями для технологовъ, инженеровъ и коммерческимъ, пользующаяся всѣми правами высшаго учебнаго заведенія; она содержится на соединенныя средства биржевого комитета, города и дворянства, получая также ежегодную субсидію отъ министерства финансовъ—отъ 5,000 до 10,000 руб. Заведеніе пользуется вообще прекрасной репутаціей. Профессора— изъ кончившихъ въ Дерптѣ или изъ иностранныхъ университетовъ. Всѣ предметы читаются, конечно, по-нѣмецки; по направленію, это—реальный Дерптъ. Слушатели получили недавно право со-

ставлять корпораціи, отличающіяся съ виду цвѣтомъ фуражекъ. Русскіе образуютъ особую корпорацію подъ именемъ «Ruthenia»; въ корпораціи этой не существуетъ нѣкоторыхъ традиціонныхъ и, надо сказать, дикихъ обычаевъ нѣмецкихъ студентовъ въ родѣ того, что слушатели младшаго курса должны играть роль служекъ у старшихъ курсовъ (фуксы). Поляки держатся тоже особо. По выходѣ, почти всѣ слушатели занимаютъ мѣста или самостоятельно участвуютъ въ разнаго рода производствахъ въ Прибалтійскомъ краѣ; въ столицахъ и во внутреннихъ губерніяхъ ихъ принимаютъ пока туго, по совершенному незнанію ими русскихъ бытовыхъ условій. Говорятъ, что недавно министерство финансовъ обращалось къ управленію Политехникума съ предложеніемъ — имѣть преподавателя богословія для православныхъ слушателей и ввести преподаваніе русскаго языка во всѣхъ отдѣленіяхъ (теперь онъ изучается въ теченіи всего курса, въ торговомъ отдѣленіи); управленіе отказалось, и министерство не настаивало. Очень жаль — для школы и ея питомцевъ, лишаемыхъ вслѣдствіе того возможности предлагать свои услуги въ Россіи. Новый попечитель округа перевелъ управленіе округомъ изъ Риги въ Дерптъ, гдѣ оно помѣщалось въ старое время, до реформъ; это, быть можетъ, мелочь, — но мелочь, непріятно удивившая многихъ.

Къ пріѣзжему, говорящему по-нѣмецки, нѣмцы относятся очень любезно, но въ то же время они питаютъ ко всему русскому недовѣріе. Недовѣріе обнаруживается главнымъ образомъ тогда, когда въ мѣстныя учрежденія вводятся черты общегосударственнаго строя, касающіяся бытовой стороны, и выражается оно не прямо, а въ томъ, что по мѣрѣ возможности затягиваются подготовительныя мѣры, или исполненіе закона обходится какъ-бы путемъ легальнымъ, т.-е. ссылкой на привилегіи, мѣстныя затрудненія и т. п. Оставьте насъ, какъ-бы говорятъ по этому поводу нѣмцы русскимъ: мы и безъ васъ умѣемъ устроиться. Дѣйствительно, общественная дѣятельность здѣсь развитѣе, чѣмъ у насъ: съ одной стороны, всѣ гораздо ближе интересуются общественнымъ дѣломъ, съ другой — выборные обществомъ, въ массѣ, съ большимъ усердіемъ и практическимъ умѣньемъ выполняютъ свои обязанности. Здѣсь умѣютъ сплачиваться для дѣла и вести его не порывами, а съ постоянной настойчивостью; потихоньку выростаютъ здѣсь солидныя и весьма сложныя общественныя учрежденія и предпріятія. Укажемъ на работы по устройству порта. Работы эти заключаются въ укрѣпленіи береговъ Двины устройствомъ дамбъ, запрудъ и набережныхъ, чтобы, съузивъ нѣ-

столько русло рѣки, углубить и регулировать ея теченіе, — въ очисткѣ фарватера землечерпательными машинами, а также въ устройствѣ гаваней въ Больдераа и въ Мюльграбенѣ, какъ въ видахъ продленія срока навигаціи въ портѣ (рейдъ у Больдераа вскрывается обыкновенно нѣсколькими недѣлями раньше и покрывается льдомъ значительно позднѣе, чѣмъ рѣка подъ городомъ), такъ и для того, чтобы избѣжать тѣсноты для судовъ въ главномъ мѣстѣ порта. Возбужденіе всего этого дѣла и веденіе всѣхъ работъ принадлежитъ биржевому комитету, на долю котораго выпала и бо̀льшая часть расходовъ: дамба у входа въ устье рѣки стоила комитету болѣе двухъ милліоновъ; обѣ вспомогательныя гавани устроены исключительно на его средства; изъ его же бюджета производятся расходы на землечерпаніе, простирающіеся въ послѣдніе годы до 75,000 рублей. Правительство приступило къ регулированію Двины уже послѣ многолѣтнихъ трудовъ комитета по этой части; отпустивъ на работы въ 1868 и 1871 годахъ около 400,000 рублей, въ 1875 году оно ассигновало почти 2.000,000 (разложивъ ихъ на нѣсколько лѣтъ), для того, чтобы завершить дѣло устройства порта во всѣхъ частяхъ; производство самыхъ работъ, однако, предоставлено, при участіи особой инспекціи отъ министерства путей сообщенія, тому же комитету, въ завѣдываніе котораго переходятъ и готовыя сооруженія. Ни одинъ биржевой комитетъ въ Россіи не дѣлалъ столько для устройства своего порта, какъ здѣшній. Все это очень хорошо, быть можетъ, замѣтятъ намъ, за то какъ велики въ Ригѣ портовые сборы. На послѣднее въ свою очередь можно возразить тѣмъ, что самое содержаніе въ исправности портовыхъ сооруженій, вслѣдствіе условій теченія Двины, требуетъ весьма значительныхъ издержекъ; наконецъ, если дѣйствительно мѣстные сборы значительно выше другихъ портовъ, фактъ этотъ нимало не ослабляетъ почетнаго значенія иниціативы биржевого комитета въ дѣлѣ устройства порта. У насъ въ Петербургѣ для устройства думой второго постояннаго моста чрезъ Неву, потребность въ коемъ давно чувствовалась, понадобилось распоряженіе самой верховной власти. Въ сферѣ городского благоустройства найдется тоже, какъ мы уже имѣли случай указать, не мало примѣровъ крайне тщательнаго веденія общественныхъ дѣлъ; здѣсь не можемъ не посовѣтовать тѣмъ, кому придется быть въ окрестностяхъ города или въ рижской патримоніи, вглядѣться, какъ идетъ также хозяйство на обширныхъ городскихъ земляхъ, — какъ умѣютъ при этомъ пользоваться каждымъ клочкомъ земли, какія, напримѣръ, прекрасныя рощи сохранились подъ самымъ городомъ. При такомъ

характерѣ дѣятельности общественныхъ управленій и учрежденій понятенъ тотъ авторитетъ, какимъ дума пользуется не только въ мѣстныхъ сферахъ, но и у правительства. И дума поддерживаетъ этотъ авторитетъ во всемъ, что имѣетъ хотя косвенное отношеніе къ главному предмету ея дѣятельности: составляется, напр., въ Ригѣ общество для устройства особаго квартала амбаровъ, биржевой комитетъ немедля является пайщикомъ предпріятія; опытъ указываетъ на необходимость устроить въ портѣ докъ для починки судовъ, биржевой комитетъ даетъ толчокъ этому дѣлу и становится тоже въ числѣ его учредителей; созывается, по иниціативѣ министерства путей сообщенія, въ Ригѣ съѣздъ судохозяевъ и товароотправителей по Двинѣ для улучшенія судоходства по рѣкѣ,—представители биржевого комитета занимаютъ на съѣздѣ видное мѣсто, и комитетъ печатаетъ его протоколы въ своемъ повременномъ изданіи,—чего, кажется, не дѣлало ни одно изъ подобныхъ учрежденій въ другихъ городахъ, гдѣ бывали такіе съѣзды [1]).

Къ недостаткамъ мѣстнаго самоуправленія и общественныхъ учрежденій слѣдуетъ отнести то, что правомъ представительства пользовались сравнительно немногіе, вслѣдствіе чего родственныя связи имѣютъ большое значеніе, и выборныя должности становятся иногда какъ-бы наслѣдственными; затѣмъ въ рукахъ нѣкоторыхъ лицъ соединяется и управленіе и судъ. Существуетъ, напр., цехъ якорщиковъ, которые причаливаютъ струга и плоты, входящіе въ воды города и исполняютъ вообще обязанности рѣчной полиціи; завѣдующее этимъ цехомъ лицо принадлежитъ въ

---

[1]) Изданіе это—„Rigaer Handels-Archiv“, выходящее съ 1874 года, подъ редакціей секретаря комитета Штейна, знакомитъ весьма обстоятельно съ ходомъ торговой дѣятельности въ портѣ и мѣропріятіями, до нея касающимися; въ немъ помѣщаются отчеты биржевого комитета, его бюджеты, отчеты нѣкоторыхъ учрежденій, прикосновенныхъ къ комитету и обзоръ самой торговли. Дѣятельность биржевого комитета за время, предшествующее этому изданію, съ года открытія учрежденія, прослѣжена въ двухъ томахъ, принадлежащихъ тому же редактору: Der Rigasche Börsen-Comite in den Jahren 1816 bis 66 und 1866—72; второй изъ этихъ трудовъ особенно богатъ содержаніемъ, такъ какъ онъ приводитъ также уставы разнаго рода учрежденій и управленій, связанныхъ съ портовой торговлей. „Handels Archiv“, указывая на перемѣны, въ этихъ уставахъ происходящія, служитъ продолженіемъ ему. Состоящее при комитетѣ торгово-статистическое отдѣленіе издаетъ въ свою очередь, съ 1866 года, ежегодно подробныя статистическія данныя о ходѣ портовой торговли (Riga's Handel und Schifffahrt Bericht), дѣлая изъ нихъ чрезъ каждыя пять лѣтъ особые своды съ текстомъ и картами. Изданій, подобныхъ вышеуказаннымъ, не предпринимается ни однимъ изъ другихъ биржевыхъ комитетовъ имперіи; къ сожалѣнію, они не извѣстны ни въ нашихъ торговыхъ сферахъ, ни въ средѣ русскихъ ученыхъ обществъ.

то же время къ составу суда по дѣламъ торговой полиціи, куда приносятся жалобы на якорщиковъ. Наконецъ, въ средѣ общественныхъ управленій, какъ и у бо́льшей части нѣмецкаго общества, существуетъ излишняя, не раціонально на нашъ взглядъ понимаемая любовь къ старинѣ, вслѣдствіе чего здѣсь упорно поддерживаются иныя учрежденія, не оказывающія существенной пользы, а лишь загромождающія общественный механизмъ, обременяя плательщиковъ разными мелкими сборами. Этотъ упорный консерватизмъ во всемъ, что̀ касается бытовыхъ условій, со стороны общества, солидно образованнаго и внимательно слѣдящаго за успѣхами знанія и тотчасъ принимающаго усовершенствованія и нововведенія въ другихъ сферахъ, — есть явленіе въ высшей степени характеристичное и крайне важное въ дѣлѣ изученія нѣмецкаго общества. Сошлемся для примѣра на институтъ обязательной браковки важнѣйшихъ изъ отпускныхъ товаровъ; до послѣдняго времени продать эти товары безъ штемпеля городского брака было невозможно, другими словами,—товаръ, отнесенный бракаремъ къ извѣстному сорту, никоимъ образомъ не могъ быть проданъ за высшій. Обязательная браковка составляла дѣйствительно цѣлый институтъ, ибо влекла за собой существованіе особаго персонала—бракарей и ихъ многочисленныхъ помощниковъ, на содержаніе коего взимались особые сборы. Возбуждая жалобы и пререканія, браковка большой пользы никоимъ образомъ не могла приносить, потому что въ дѣйствіяхъ бракарей неминуемо заключалось много произвольнаго, несмотря на самыя подробныя для того инструкціи; въ то же время она увеличивала цѣну продукта и отодвигала на задній планъ достоинство товара той или другой фирмы продавцовъ. Правительство давно желало ея уничтоженія, выходили даже законодательныя постановленія по этому поводу, облеченныя, правда, въ нѣсколько условную форму — браковка все держалась до той поры, пока, вслѣдъ за устройствомъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, рѣзкое увеличеніе въ движеніи продуктовъ къ Кёнигсбергу не побудило биржевой комитетъ отмѣнить ее для всѣхъ товаровъ, кромѣ льняного сѣмени. По поводу мелочности сборовъ укажемъ, что еще очень недавно здѣсь существовалъ среди торговыхъ налоговъ особый сборъ въ пользу женъ или вдовъ столяровъ и ихъ дѣтей, уничтоженный законодательной властью; какое отношеніе имѣли эти семейства столяровъ къ ходу торговли—понять, конечно, трудно. Поддерживая существованіе разныхъ, утратившихъ свое значеніе старинныхъ корпорацій, общественныя управленія имѣютъ, надо полагать, и то въ виду, чтобы возможно бо́льшее число лицъ

находилось отъ нихъ въ зависимости и тѣмъ самымъ содѣйствовало къ возвышенію ихъ авторитета. Говоря о недостаткахъ мѣстнаго самоуправленія, мы должны, однако, замѣтить, что узнать ихъ для заѣзжаго крайне трудно, какъ трудно получить скоро ясное понятіе о всей системѣ общественнаго механизма по его сложности: вамъ весьма любезно сообщать многіе изъ уставовъ учрежденій, но бытовую сторону дѣла обойдутъ молчаніемъ, подобно тому, какъ крайне не любятъ здѣшнія общественныя управленія, когда правительственныя мѣста и лица обращаются къ нимъ съ запросами, на какомъ основаніи производятся тѣ или другіе изъ взимаемыхъ ими сборовъ. Трудность узнать недостатки, зависитъ еще отъ общаго характера бесѣды нѣмцевъ: нѣмецъ отвѣчаетъ только на вопросъ и притомъ по возможности сжато и кратко, дорожа гораздо больше временемъ, чѣмъ русскій человѣкъ. Земляка нашего выдаетъ его словоохотливость и радушіе. Сухо, правда, встрѣтитъ онъ заѣзжаго, обращающагося къ нему съ вопросами о томъ, что дѣлается кругомъ, отвѣчаетъ сначала урывками; но разъ разговорится онъ, особенно если предложитъ собесѣднику чай и станетъ обращаться съ нимъ какъ съ гостемъ, бесѣда его гораздо интереснѣе разговора нѣмца, потому что она знакомитъ съ разнообразными подробностями дѣла; въ то же время она гораздо теплѣе. Перескакиваетъ, правда, русскій человѣкъ въ своемъ разсказѣ съ предмета на предметъ, уклоняется далеко въ сторону отъ главнаго вопроса, приврётъ подчасъ для краснаго словца, за то выкажетъ иногда то, чего въ сущности и не желалъ передать постороннему человѣку; во всякомъ случаѣ, изъ бесѣды его общій ходъ дѣлъ выяснится гораздо ближе, чѣмъ изъ словъ нѣмца. Говоря, напримѣръ, о состояніи дорогъ въ краѣ, русскій человѣкъ способенъ ввернуть при этомъ и характеристику губернатора; съ нѣмцемъ этого никогда не случится.

Вообще, нѣмецкое общество превосходитъ русское и значительно — дѣловитостью; русское же превосходитъ его идеалами и тѣми учрежденіями, которыя порождены важнѣйшими реформами настоящаго царствованія; выражаясь иначе — въ прибалтійскомъ краѣ ведутся очень хорошо учрежденія, менѣе совершенныя по идеѣ, чѣмъ наши, тогда какъ въ русскомъ обществѣ часто бываетъ наоборотъ, — за недостаткомъ людей, что называется. О душевныхъ качествахъ русскаго человѣка, о большей симпатичности его характера мы не говоримъ. Такъ какъ мѣстныя учрежденія уступаютъ по идеѣ важнѣйшимъ изъ общегосударственныхъ, то объединеніе прибалтійскихъ губерній съ имперіей является не-

только мѣрой политически необходимой, но и мѣрой прогресса; но съ другой стороны это объединеніе никоимъ образомъ не можетъ заключаться въ простой замѣнѣ всѣхъ мѣстныхъ учрежденій и порядковъ русскими: развитіе общественной дѣятельности въ краѣ и большее распространеніе культуры, хотя другого склада, обусловливаютъ то, что перенесенію подлежатъ лишь порядки, болѣе совершенные, чѣмъ мѣстные,—такія учрежденія, которыя имѣютъ въ виду въ равной мѣрѣ интересы всѣхъ гражданъ, а не одного или нѣсколькихъ классовъ населенія, не говоря уже о племени. Съ распространеніемъ на прибалтійскія губерніи реформъ послѣдняго времени русское господство надъ краемъ получитъ совершенно иное значеніе, и въ совершенно иныя отношенія станутъ къ нѣмецкому элементу русскій и латышскій. Нѣмцы это очень хорошо понимаютъ, оттого такое нежеланіе этихъ реформъ; необходимость, однако, органической связи между частью государства и его цѣлымъ побуждаетъ проводить твердо принципъ объединенія, и при самомъ примѣненіи учрежденій сохранять ненарушимо существенныя ихъ черты; мелочи—дѣло другое, онѣ всегда и вездѣ видоизмѣняются по мѣстнымъ условіямъ; послѣднихъ здѣсь, по историческимъ причинамъ, очень много, но все-таки жертвовать изъ-за нихъ сутью не приходится. Въ настоящее время въ Ригѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ прибалтійскихъ губерній, вводится городовое положеніе; при примѣненіи его къ прибалтійскому краю воспользовались весьма удачно для дѣла одной мѣстной особенностью, а именно сохранили права представительства за литератами. Желательно, чтобы въ этомъ смыслѣ было дополнено городовое положеніе и для другихъ городовъ имперіи, для приданія муниципальныхъ правъ классу интеллигенціи повсемѣстно. Послѣ городового положенія очередь за судебными уставами и земскими учрежденіями, причемъ подготовительной мѣрой къ послѣдней реформѣ должно служить содѣйствіе къ развитію крестьянскаго землевладѣнія въ краѣ. Упраздненіе должности генералъ-губернатора прибалтійскихъ губерній для дѣла объединенія края существенно полезно: надо побывать въ Ригѣ и знать своеобразный взглядъ всего прибалтійскаго общества на значеніе этой должности, чтобы понять всю важность сказанной мѣры: нѣмцы смотрѣли на генералъ-губернатора не только какъ на ходатая предъ престоломъ о нуждахъ и интересахъ края, но и какъ на покровителя и защитника мѣстныхъ особенностей. Вообще, нѣтъ никакого основанія поддерживать еще русскими учрежденіями обособленность края; въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что врядъ ли справедливъ господ-

ствующій обычай—назначать на коронныя должности въ краѣ *исключительно* мѣстныхъ уроженцевъ. Русскіе люди, хорошо образованные и солидные работники, здѣсь были бы очень кстати. Высказывая желаніе о скорѣйшемъ примѣненіи въ краю главныхъ реформъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ пожелали бы распространенія на всѣ другія губерніи нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ порядковъ; къ нимъ относятся: льготы по цензурѣ, болѣе легкая возможность получить разрѣшеніе на открытіе обществъ, преслѣдующихъ разныя цѣли, кромѣ экономическихъ или не одни экономическія (объ обществахъ и компаніяхъ, имѣющихъ только промышленныя цѣли, мы не говоримъ: они разрѣшаются свободно повсюду, даже иногда слишкомъ легко), гораздо бо̀льшія права общественныхъ управленій надъ ихъ учрежденіями—вообще все то, что̀ даетъ бо̀льшее значеніе, бо̀льшія права личности и обществу въ государственномъ быту. Такимъ порядкамъ соотвѣтствуетъ и характеръ отношеній къ обществу полиціи—разумѣемъ полицію правительственную, какая существуетъ въ Ригѣ (въ другихъ городахъ губерніи она выборная). Полиція здѣсь гораздо больше служитъ обществу, чѣмъ у насъ; мы вполнѣ признаемъ разныя улучшенія, сдѣланныя по полицейской части столицы, но все же петербургская полиція, не говоря уже о полиціи въ городахъ внутренней Россіи, имѣетъ скорѣе типъ лицъ, подъ вѣдѣніемъ коихъ состоитъ общество. Вообще, жизнь въ Ригѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ свободнѣе.

Проводятъ время здѣсь довольно однообразно. Главныя мѣста общественныхъ собраній—клубы и театры, а лѣтомъ—для тѣхъ, кто не на дачѣ—сады, гдѣ играетъ музыка. Клубовъ нѣсколько. Въ нихъ бесѣдуютъ, читаютъ, играютъ въ шахматы и очень немного въ карты; той страсти къ картежной игрѣ, какая существуетъ въ русскомъ обществѣ, особенно въ провинціи, у нѣмцевъ совсѣмъ нѣтъ. Изъ русскихъ, выросшихъ въ нѣмецкой средѣ, многіе тоже совсѣмъ не знаютъ картъ. Лучшій изъ клубовъ—Musse, гдѣ намъ случилось разъ обѣдать. Обстановка клуба хорошая, но безъ роскоши, особенно хороша читальная зала. Муссе производитъ пріятное впечатлѣніе между прочимъ потому, что нѣкоторые порядки совершенно семейные; этимъ самымъ онъ составляетъ совершенную противоположность большинству русскихъ клубовъ, которые скоро превращаются или въ трактиры, или въ мѣста всевозможныхъ увеселеній. Вообще, въ мѣстахъ общественныхъ собраній здѣсь и свободнѣе и въ то же время порядочнѣе, чѣмъ у насъ: у насъ на гуляньѣ или всѣ точно чего-то боятся, или уже ничего въ мірѣ не боятся и дѣлаютъ всяческія безобразія. Здѣсь каждый смотритъ самъ себѣ господиномъ, причемъ, однако, бо̀льшая воспитанность удерживаетъ

отъ распоясыванія. Процвѣтаніе клубовъ безъ картъ зависитъ, конечно, и оттого, что въ нѣмецкомъ обществѣ нѣтъ русскаго гостепріимства, и что въ гости другъ къ другу ходятъ только близкіе родственники. Русскій клубъ въ Ригѣ существуетъ главнымъ образомъ картами и маскарадами; помѣщеніе клуба приличное, и въ читальнѣ—большой выборъ русскихъ газетъ и журналовъ. Театръ, расположенный среди бульваровъ, представляетъ красивое и большое зданіе; онъ построенъ городомъ, отпускающимъ также антрепренеру ежегодную субсидію. Нѣмецкая труппа даетъ и оперу, и драму; труппа, говорятъ, изъ среднихъ, и когда нѣтъ гастролей, то театръ бываетъ полонъ лишь на половину. Послѣднее объясняютъ, впрочемъ, и тѣмъ, что нѣмцы—народъ очень экономный и не пойдутъ смотрѣть пьесу во второй разъ при той же обстановкѣ. На гастроли приглашаютъ лучшихъ актеровъ изъ главныхъ городовъ Германіи или первыхъ персонажей изъ петербургской нѣмецкой труппы; тогда всѣ очень занимаются театромъ. Лѣтомъ труппа даетъ представленія въ Митавѣ, до которой ѣзды по желѣзной дорогѣ съ небольшимъ часъ.

Праздничные дни здѣсь рѣзко отличаются отъ буденъ; городъ, живущій главнымъ образомъ торговлей, какъ-бы замираетъ, потому что торговое движеніе совершенно прекращается, и изъ лавокъ открыты только тѣ, что существуютъ исключительно для простого класса. Еще лѣтомъ есть какое-либо движеніе на улицахъ, потому что большинство ѣдетъ или идетъ in's Grüne; но зимой городъ имѣетъ видъ, по выраженію одного изъ мѣстныхъ русскихъ остряковъ, какъ-бы послѣ какого-нибудь «глада, губительства, труса» и т. д. Праздничные дни проводятъ главнымъ образомъ въ семьѣ. Скучны эти собранія родственниковъ, какъ скучны всякія пріятельскія бесѣды у нѣмцевъ: протолковать битыхъ полчаса о достоинствахъ пива во вновь открытомъ ресторанѣ, о позѣ, какую тогда-то приняла такая-то актриса или актеръ, о прелестяхъ, на самомъ дѣлѣ совершенно обыденнаго, ландшафта—для нѣмца ничего не значитъ. Если прибавить къ этому, что кругъ собственно общества здѣсь не великъ, и что сплетни тоже въ большомъ ходу, то составится довольно вѣрное понятіе о большей части нѣмецкихъ бесѣдъ. Провинція чувствуется-таки въ Ригѣ, да какъ же и не быть ей здѣсь, если люди ведутъ родство и знакомства въ сущности только съ такими же нѣмцами прибалтійскихъ губерній. Но все же какъ послушаешь нѣмецкихъ разговоровъ да вспомнишь наши бесѣды и сравнишь притомъ дѣло у насъ и нѣмцевъ,—тяжело, обидно станетъ за русскаго человѣка.

Здѣсь выходитъ нѣсколько нѣмецкихъ газетъ и одна русская—«Рижскій Вѣстникъ»; кромѣ того, получаются въ большомъ количествѣ экземпляровъ иностранныя нѣмецкія газеты и «Petersburger Herold». Лучшей изъ мѣстныхъ газетъ по полнотѣ свѣдѣній считается «Rigasche Zeitung». Спросъ на газеты и въ обыденное время едва ли не большій, чѣмъ въ столицахъ; по русскихъ газетъ нѣмцы на домъ не выписываютъ. Между русскими уроженцами есть тоже не мало такихъ, которые за свѣдѣніями о Россіи вообще слѣдятъ только по «Herold'у». Въ ресторанахъ и нѣмецкихъ клубахъ изъ русскихъ газетъ встрѣчается только «Голосъ»; розничной продажи столичныхъ изданій не существуетъ, и пріѣзжему, кто привыкъ слѣдить за нѣсколькими нашими газетами, или кому вообще хочется порядкомъ почитать по-русски, надо переводить подписку на Ригу или пользоваться гостепріимствомъ русскаго клуба, куда, по рекомендаціи членовъ, можно входить три или четыре раза безплатно. Дѣла «Рижскаго Вѣстника» идутъ, кажется, плохо, потому что значительнаго числа русскихъ подписчиковъ здѣсь быть не можетъ: онъ кормится больше перепечатками изъ столичныхъ изданій и конкуррировать съ нѣмецкими газетами никоимъ образомъ не въ силахъ. Между тѣмъ порядочный русскій органъ здѣсь очень умѣстенъ; такъ какъ общество наше туго поддерживаетъ русскія предпріятія на окраинахъ, то остается желать, чтобы въ «Вѣстникѣ» приняло участіе правительство и сдѣлало его оффиціознымъ органомъ. Подъ покровительствомъ правительства и при субсидіи отъ него, задачу газеты можно было бы поставить шире, а именно «Вѣстникъ» могъ бы слѣдить, съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ, за бытомъ Риги и ея губерніи вообще, за всѣми учрежденіями мѣстности—безъ различія національностей, ихъ создавшихъ, сообщать важнѣйшія данныя изъ ихъ отчетовъ, а также разъяснять правительственныя мѣропріятія, до края относящіяся, и приводить подробныя корреспонденціи экономическаго характера изъ всего торговаго района порта. Какъ скоро подобная программа будетъ выполняема искусно, нѣмцы станутъ дѣлать выдержки изъ газеты, и значеніе ея совершенно измѣнится. Конечно, для успѣха дѣла необходимо также предоставить органу бо́льшую свободу, чѣмъ какая предоставляется досelѣ оффиціознымъ изданіямъ.

Послѣ соединенія Риги желѣзнымъ путемъ съ внутренними губерніями и обѣими столицами, существенныхъ перемѣнъ въ общемъ типѣ города, равно какъ въ бытѣ жителей, не произошло. Настроено, правда, много прекрасныхъ зданій, но въ новые

мѣха влито старое вино—духъ обывателей въ нихъ прежній; расширилось весьма значительно торговое движеніе, но по причинамъ, о которыхъ дальше, едва ли не больше всѣхъ выиграли отъ этого евреи, а евреи, какъ бы ни было ихъ много, общаго склада христіанскаго общества измѣнить не могутъ. Число русскихъ постоянныхъ жителей города увеличилось незначительно. Проѣзжихъ русскихъ, направляющихся въ купальныя мѣста, теперь очень много; но проѣзжіе эти, слѣдуя обыкновенно съ семьями, останавливаются въ Ригѣ на день, много на два, чтобы только, такъ сказать, передохнуть послѣ дальняго пути, благо же прямого сообщенія съ купальными мѣстами ни рельсовымъ, ни пароходнымъ путемъ пока не устроено. Изъ нѣмцевъ ѣздятъ во внутреннія губерніи и живутъ тамъ только довѣренныя лица и приказчики конторъ—съ спеціальною цѣлью покупокъ сырья. По части русскихъ промысловъ, желѣзныя дороги привели пока въ Ригу разнощиковъ и увеличили число великорусcовъ на строительныхъ работахъ; разнощики эти—мороженники и точильщики. Бойко выкрикивая по улицамъ: «морожено хорошее», «точить ножи—ножики», они одни служатъ здѣсь, такъ сказать, пропагандистами русскаго языка; счетъ съ нѣмцами они ведутъ, однако, полу-порусски полу-понѣмецки, изловчившись говорить fünf, zehn и т. п., точно также, какъ то дѣлаютъ торговки-раскольницы, продающія съ латковъ на мѣстѣ. Если что побудило въ послѣднее время нѣмцевъ больше интересоваться всѣмъ русскимъ и заботиться усиленно объ изученіи русскаго языка, это общеобязательная воинская повинность, причемъ экзаменъ для полученія льготъ производится, конечно, по-русски. Выводить, однако, изъ этого, что Рига русѣетъ, было бы несправедливо; также какъ прежде, рижане—не пруссаки и не русскіе, а нѣмцы остзейскихъ провинцій, потомки ганзеатовъ....

Для характеристики нравовъ и воззрѣній обывателей остановимся еще на нѣкоторыхъ учрежденіяхъ. Напротивъ ратуши находится некрасивое средневѣковое зданіе, лицевой фасадъ котораго напоминаетъ старинную католическую церковь. Это домъ Черноголовыхъ, о которомъ говорятъ съ большимъ почтеніемъ. Къ Черноголовымъ могутъ принадлежать лишь купцы старшей гильдіи лютеранскаго исповѣданія и холостые; съ какихъ именно поръ существуетъ общество,—большинство не знаетъ; самое же названіе Черноголовыхъ объясняютъ тѣмъ, что въ первые вѣка существованія города рыцари въ черныхъ головныхъ уборахъ защищали по дорогамъ отъ нападеній разбойниковъ транспорты товаровъ, слѣдовавшихъ въ портъ. Теперь число Черноголовыхъ

менѣе 20, и, если точны слова разсказывавшаго намъ лица, они не дѣлаютъ никакого взноса, за исключеніемъ издержекъ на обѣдъ, который дается съ особой пышностью каждымъ поступающимъ членомъ его собратьямъ въ залѣ дома. Такой порядокъ объясняется тѣмъ, что домъ имѣетъ значительные капиталы съ давнихъ временъ, такъ что производитъ даже вспоможенія тѣмъ членамъ, которые по какимъ-либо несчастнымъ обстоятельствамъ лишаются своего состоянія. Правильно организованныхъ выборовъ въ члены не бываетъ, потому что никто не можетъ выражать желанія поступить въ домъ: члены просто сговариваются другъ съ другомъ, кого хорошо было бы имѣть въ ихъ средѣ, и даютъ знать о томъ чрезъ знакомыхъ лицу, на котораго палъ ихъ выборъ; случаевъ отказа отъ поступленія въ домъ никогда быть не можетъ. Кромѣ пріемныхъ обѣдовъ и посѣщеній дома коронованными особами, Черноголовые, кажется, никогда не собираются въ немъ; публика же допускается туда только въ извѣстные дни года, но при нѣкоторой протекціи можно попасть и въ обыкновенное время. Убранство дома и столовая утварь его (кубки), употребляемая при обѣдахъ, принадлежатъ по большей части очень стариннымъ временамъ; не будучи знатоками въ старинныхъ вещахъ, мы не могли опредѣлить, насколько цѣненъ въ историческомъ отношеніи инвентарь дома, но общее впечатлѣніе отъ внутренняго вида дома далеко ниже ожиданій. Стѣны залы украшены портретами русскихъ государей, начиная отъ Петра Великаго, а также портретами Карла XII и Фридриха Великаго; въ залѣ — большой колоколъ, въ который звонятъ, когда получается извѣстіе, что кто-либо изъ членовъ вступилъ въ бракъ и вслѣдствіе того выбываетъ изъ общества. Особая книга содержитъ въ себѣ автографы коронованныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, посѣтившихъ домъ; здѣсь есть подпись императора Павла, императрицы Елизаветы Алексѣевны, нынѣ царствующаго Государя Императора, покойнаго Наслѣдника Цесаревича, нынѣшняго Шведскаго короля, принца Фридриха-Карла Прусскаго, есть подписи Потемкина и Румянцова.

На ряду съ домомъ Черноголовыхъ слѣдуетъ упомянуть о рижской гвардіи; изъ какихъ классовъ гражданъ она состоитъ и какъ велика ея численность, намъ не пришлось узнать; вся же обязанность ея заключается въ церемоніальномъ шествіи по улицамъ въ дни городскихъ празднествъ, а въ бытность генералъ-губернатора она парадировала также передъ нимъ разъ въ годъ. Въ особомъ цейхгаузѣ лежатъ ея мундиры, въ которые и облекаются граждане для своей церемоніаль-

ной службы; прежде мундиры эти были средневѣкового покроя, въ послѣднее же время сдѣланы новые, нѣсколько напоминающіе, судя по разсказамъ, форму гвардейскаго корпуса.—Совершенно иного склада, чѣмъ домъ Черноголовыхъ и гвардія,—союзъ добровольцевъ пожарныхъ,—учрежденіе, вызванное современными нуждами города и пользующееся большой и совершенно заслуженной извѣстностью. Союзъ этотъ основанъ лѣтъ 15 назадъ въ виду того, что составъ пожарной команды при полиціи крайне недостаточенъ; теперь число Freiwillige, такъ зовутъ сокращенно такихъ пожарныхъ, опредѣляется около 500. Вольнымъ пожарнымъ можетъ быть каждый, кто окажется къ тому по испытанія способнымъ, и за кѣмъ сочлены союза не знаютъ какихъ-либо дурныхъ поступковъ. Добровольцы дѣлятся на отряды по районамъ города и, кромѣ того, на смѣны (дежурства); время, проведенное добровольцемъ на пожарѣ, не вычитывается изъ его заработной платы хозяиномъ того предпріятія или промысла, гдѣ онъ занимается. По роду самыхъ своихъ обязанностей, добровольцы представляютъ главнымъ образомъ двѣ категоріи: одни тушатъ огонь, другіе—по-старше лѣтами или не такъ искусные въ собственно пожарной работѣ—оберегаютъ порядокъ, стоя у шнура, за который они не пускаютъ публику. Лошадей общество не имѣетъ, и добровольцы бѣгутъ на пожаръ, волоча инструменты за собой, или везутъ ихъ на извощикахъ. Для заявленій о пожарѣ существуетъ по разнымъ мѣстностямъ городского района большое число особыхъ пріемныхъ, которыя соединены съ станціями пожарнымъ телеграфомъ; кромѣ того, звонятъ въ колоколъ Domkirche. Freiwillige дѣйствуютъ очень хорошо, и, не существуй ихъ, пожары въ форштадтахъ были бы крайне губительны, потому что здѣсь много домовъ, сколоченныхъ просто изъ досокъ. Сколько русскихъ среди добровольцевъ—намъ не удалось узнать. Пожарные участвуютъ въ своихъ рабочихъ костюмахъ въ городскихъ празднествахъ и, кромѣ того, устраиваютъ особые парады, на которые публика смотритъ съ большимъ удовольствіемъ [1]). Хорошее устройство сухопутной пожарной части въ Ригѣ заставляетъ удивляться, какъ это доселѣ не сдѣлано здѣсь ничего по части рѣчной пожарной команды, потребность въ которой при тѣснотѣ судовъ подъ городомъ, казалось, весьма ощутительна. Не дальше какъ прошедшей весной былъ пожаръ на кораблѣ, и его тушили тѣ же Freiwillige.

---

[1]) По образцу Freiwillige устроилось общество вольныхъ пожарныхъ во Псковѣ и, кажется, въ Островѣ.

Говорить о Ригѣ и не сказать ничего о торговлѣ рижскаго порта, одного изъ первоклассныхъ въ имперіи, было бы странно. До устройства сѣти желѣзныхъ дорогъ, портъ этотъ выдавался среди другихъ по обильному отпуску волокнистыхъ продуктовъ: по количеству вывоза льна онъ занималъ положительно первое мѣсто; хлѣбная же торговля шла здѣсь какъ-бы между дѣломъ, и обороты ея были значительны лишь годами. Въ послѣднее время общая характеристика торговаго движенія измѣнилась существенно: отпускъ хлѣбовъ крайне усилился, тогда-какъ вывозъ льна и пеньки не только не увеличился, но обнаруживаетъ нѣкоторую наклонность къ пониженію; на ряду съ этимъ очень разрослась торговля лѣсомъ. Конечно, развитіе этой послѣдней никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено всецѣло къ вліянію желѣзныхъ дорогъ, но оно находится съ ними въ нѣкоторой связи, въ силу того толчка, который рельсовые пути дали оборотамъ капитала вообще; въ Ригѣ связь эта еще тѣснѣе потому, что главныя отрасли торговли соединяются здѣсь обыкновенно въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Слѣдующая табличка, основанная на данныхъ мѣстныхъ изданій, подтверждаетъ ближе наши слова, указывая количество вывоза изъ Риги (моремъ), по важнѣйшимъ предметамъ, въ среднемъ за пятилѣтія 1861—65 и 1871—75 годовъ:

	1861—65 годы.	1871—75 годы.
Ленъ	2.350,000 пудовъ.	2.320,000 пудовъ.
Пенька	1.260,000 „	1.240,000 „
Сѣмя льняное	1.900,000 „	2.300,000 „
Рожь, овесъ и ячмень .	2.400,000 „	10.600,000 „
Лѣсъ (главные виды) .	9.100,000 англ. куб. фут.	26.600,000 англ. куб. фут.

Что торговля льномъ и пенькой—продуктами наиболѣе цѣнными—не получала развитія, это объясняется не только конкуренціей Кёнигсберга, но и тѣмъ, что теперь есть возможность для отправки такихъ товаровъ изъ мѣстъ производства за-границу прямо сухопутьемъ (льна на иностранныя фабрики), чѣмъ занимаются также и англійскіе торговые дома изъ Риги. Какъ бы тамъ ни было, однако, отъ эксплуатаціи сѣти желѣзныхъ дорогъ ждали гораздо бо́льшаго для Риги. Въ частности, хлѣбный отпускъ, какъ онъ ни усилился вообще, но сохранилъ за собой, выражаясь языкомъ статистиковъ, прежнюю наклонность къ рѣзкимъ колебаніямъ по-годно; вмѣстѣ съ тѣмъ торговля пшеницей какъ была ничтожной прежде, такой осталась и теперь. Съ другой стороны, чрезвычайное расширеніе лѣсной торговли не представляется чѣмъ-либо прочнымъ, ибо хищническое хозяйство, на-

кое ведется въ огромномъ большинствѣ владѣльческихъ лѣсныхъ дачъ, можетъ не въ дальнемъ будущемъ положить ему предѣлъ. Какъ выразилсл же въ общемъ результатѣ вліяніе желѣзныхъ дорогъ на здѣшнюю торговлю, можно судить по тому, что цѣнность всего вывоза возрасла въ разсматриваемое десятилѣтіе лишь въ $1\frac{1}{2}$ раза, именно въ 1861 — 65 годахъ она составляла, въ среднемъ, 26 милліоновъ рублей, а въ 1871—75 годахъ почти 38 милліоновъ.

Что отпускъ изъ Риги развился не въ той мѣрѣ, какъ можно было бы ожидать, или, выражаясь иначе, почему Кёнигсбергъ беретъ такъ много товаровъ отъ Риги, это объясняютъ обыкновенно слѣдующими причинами: 1) общее расположеніе сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ выгоднѣе для движенія продуктовъ къ Кёнигсбергу, чѣмъ къ Ригѣ, чему покровительствуетъ также тарифъ россійско-германскаго прямого сообщенія. Тарифъ этотъ дешевле, говоря относительно, тарифа прямого сообщенія къ Ригѣ, потому-что главному обществу русскихъ желѣзныхъ дорогъ выгоднѣе отправлять товары для передачи германскимъ линіямъ, чѣмъ дорогамъ къ Ригѣ, такъ-какъ въ этомъ случаѣ товары проходятъ по гораздо бо̀льшему протяженію принадлежащей ему линіи; 2) періодъ навигаціи въ рижскомъ портѣ значительно короче, чѣмъ въ кёнигсбергскомъ; 3) здѣсь велики портовые сборы и на ряду съ этимъ фрахты отсюда дороже не только кёнигсбергскихъ, но часто и петербургскихъ, что̀ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ незначительности, говоря вообще, размѣровъ привозной торговли; 4) наконецъ, причина, касающаяся условій соперничества не только съ Кёнигсбергомъ, но и съ Петербургомъ,—черноземный районъ желѣзныхъ дорогъ первой группы, тянущихъ къ Ригѣ, по условіямъ сельско-хозяйственной производительности, представляетъ мало разнообразія; въ частности, въ немъ нѣтъ такихъ сортовъ пшеницы, которые можно было бы съ выгодой отпускать изъ Риги; сорта эти высѣваются нѣсколько дальше, въ прямомъ восточномъ направленіи отъ Борисоглѣбска, а изъ этой мѣстности, уже по условіямъ перевозки, выгоднѣе сбывать къ Петербургу. Чтобы дать надлежащій толчокъ развитію рижской торговли, представители мѣстныхъ торговыхъ управленій считаютъ необходимымъ соединить Ригу рельсами съ одной стороны—съ Бологое, черезъ Псковъ, причемъ къ этой линіи должны подходить вѣтви отъ Пернова и Дерпта (новая станція балтійской дороги), съ другой же — съ Виндавой, и въ этомъ смыслѣ ходатайствовали уже передъ правительствомъ. Линія на Псковъ и Бологое, сблизивъ Ригу съ главной мѣстностью ея

льняного округа, уѣздами лифляндской губерніи, должна также вновь прикрѣпить къ ней льняные уѣзды псковской губерніи, откуда продукты идутъ теперь почти исключительно на Кёнигсбергъ и иностранныя фабрики; наконецъ, линія эта откроетъ для Риги рыбинскій хлѣбный рынокъ. Въ свою очередь, продолженіе туккумской дороги до Виндавы (Туккумъ приходится почти по срединѣ между Ригой и Виндавой) придаетъ порту еще новую вспомогательную гавань, гдѣ притомъ навигація прекращается на самый короткій срокъ.

Въ заключеніе приведемъ одну черту изъ внутренняго характера торговли въ Ригѣ, черту, которая «на нашъ взглядъ объясняетъ весьма многое въ настоящемъ положеніи торговыхъ дѣлъ здѣсь, и о которой притомъ нѣмцы открыто не высказываются. Мѣстные экспортеры любятъ покупать только крупными партіями; люди они притомъ крайне осторожные, и чуть потише дѣла на иностранныхъ рынкахъ, или цѣны внутри Россіи очень поднимутся, они совершенно пріостанавливаютъ покупки. Спекулянтовъ же, т.-е. такихъ лицъ, которыя живутъ перепродажей товара экспортерамъ и берутъ его во всякое время отъ иногороднихъ продавцовъ, здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ. При такихъ условіяхъ дѣйствовать на рижской биржѣ мелкимъ продавцамъ не приходится: по одному, двумъ вагонамъ хлѣба здѣсь не покупаютъ. Вотъ, между прочимъ, причина, почему число иногороднихъ русскихъ въ Ригѣ съ устройствомъ сѣти желѣзныхъ дорогъ вообще не увеличилось. Евреи—дѣло другое: они вездѣ найдутся, вездѣ приноровятся, какъ дѣйствовать. Они торгуютъ, такъ сказать, цѣлымъ обществомъ: лишь только проникнутъ они куда, немедля устраивается тамъ цѣлый рядъ еврейскихъ торговыхъ инстанцій, и являются въ средѣ евреевъ самые разнообразные пособники торговлѣ, причемъ всѣ крѣпко поддерживаютъ другъ друга. При такихъ условіяхъ и мелкіе торгаши изъ евреевъ могутъ заработать въ Ригѣ. Призайметъ онъ у кого изъ своихъ собратьевъ деньжонокъ, накупитъ за Орломъ хлѣба на вагонъ, другой, заложитъ вагоны въ орловскомъ обществѣ взаимнаго кредита и ухитрится потомъ сдѣлать съ ними аферу въ Ригѣ,—какимъ способомъ, про то никто, кромѣ евреевъ, не знаетъ [1]). «Нашъ торговецъ никогда на такія аферы не пустится», говорило намъ лицо, хорошо знакомое съ русскимъ купе-

[1]) У евреевъ есть здѣсь своя биржа, собирающаяся на площади между ратушей и домомъ Черноголовыхъ, часъ спустя послѣ закрытія большой биржи, куда имѣютъ право входа лишь купцы первой гильдіи, платящіе ежегодно особый за это сборъ.

ческимъ міромъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что многіе изъ евреевъ дѣйствуютъ въ качествѣ факторовъ у контористовъ, которые скупаютъ при ихъ посредствѣ большое количество товара во внутреннихъ губерніяхъ. «Контористы охотнѣе ведутъ дѣла съ евреями, чѣмъ съ русскими,—продолжалъ тотъ же собесѣдникъ:—у евреевъ дешевле товаръ; наши торговцы все еще какъ-бы живутъ въ старомъ времени и норовятъ по прежнему получать крупные барыши, тогда какъ общее число торговцевъ теперь стало повсемѣстно несравненно большимъ». Дѣйствительно, подобно экспортерамъ, иногородные любятъ только крупныя сдѣлки и тоже крайне осторожны: они умѣютъ выдерживать цѣну, потому что число ихъ небольшое, и притомъ важнѣйшіе изъ нихъ владѣютъ огромными капиталами. Такимъ образомъ, на рижской биржѣ какъ-бы сталкиваются два могучихъ противника, которые все высматриваютъ и выгадываютъ, пока кто-либо изъ нихъ не прорвется. Въ Кёнигсбергѣ же всегда можно продать какую угодно мелочь; и продавцовъ и покупателей здѣсь масса. Этотъ сдержанно величавый, если такъ можно выразиться, характеръ оборотовъ въ Ригѣ сложился вѣками и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ условій путей сообщенія къ порту; припомнимъ, какъ еще недавно масса товара изъ внутреннихъ губерній могла отправляться сюда только разъ въ годъ, на стругахъ, и притомъ чрезъ пристани крайне отдаленныя отъ главныхъ мѣстъ производствъ, такъ что торговцу изъ этихъ мѣстъ съ небольшими средствами и думать было нельзя о дѣлахъ съ Ригой; въ то же время, сидѣлъ рижанинъ у устья Двины и былъ спокоенъ, зная, что не минуютъ его товары. Теперь же, когда по разнымъ направленіямъ и къ разнымъ гаванямъ проложены рельсовые пути, и значеніе Двины упало, обѣимъ сторонамъ коммерсантовъ остается измѣнить ихъ политику. Рижанамъ приходится бороться не только съ интересами прусскаго города Кёнигсберга, но и считаться съ Ревелемъ, Либавой—городами тѣхъ же остзейскихъ провинцій.

М. Р.

РАЗВИТІЕ
РУССКИХЪ ЗАКОНОВЪ О ЕВРЕЯХЪ

Русское законодательство о евреяхъ. Очерки и изслѣдованія И. Г. Оршанскаго. С.-Петербургъ, 1877.

Въ русской имперіи находится бо́льшее число евреевъ, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ государствѣ. Въ Австро-Венгріи (1 1/8 милл.) и Пруссіи (315 т.), вмѣстѣ взятыхъ, евреевъ меньше, чѣмъ въ русской имперіи (до 3 милл. душъ). Число евреевъ въ Россіи приблизительно равняется числу ихъ во всей остальной Европѣ. Изъ этого цифроваго сопоставленія мы могли бы сдѣлать, абстрактнымъ путемъ, такой выводъ, что „еврейскій вопросъ" ближе къ своему рѣшенію въ Россіи, чѣмъ гдѣ-либо, на томъ основаніи, что всякій вопросъ рѣшается скорѣе тамъ, гдѣ онъ важнѣе. Но достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ юридическимъ положеніемъ евреевъ въ Россіи, чтобы не сдѣлать такого вывода. Наши законы продолжаютъ обставлять евреевъ рядомъ ограниченій, которыя въ иныхъ странахъ Европы совершенно отмѣнены или уцѣлѣли въ видѣ остатковъ, далеко не равносильныхъ той совокупности исключительныхъ постановленій о евреяхъ, какія представляетъ доселѣ русское законодательство.

Стало быть, вопросъ объ уравненіи евреевъ есть одинъ изъ вопросовъ нашего сравненія съ остальною Европой, и уже поэтому долженъ постоянно стоять на очереди. Но, сверхъ того, нельзя не замѣтить, что въ самые послѣдніе годы у насъ введены вновь двѣ исключительныя мѣры по отношенію къ евреямъ, а именно—въ порядкѣ отбыванія воинской повинности и въ правилахъ о торговлѣ крѣпкими напитками. Означаетъ ли это, что русское законодатель-

ство по отношенію къ „еврейскому вопросу“ идетъ назадъ? Или это означаетъ только, что упомянутыя мѣры, исключительныя по своему характеру, въ то же время представляютъ исключеніе и изъ общаго взгляда современнаго нашего законодательства на евреевъ и изъ общихъ намѣреній законодательства по еврейскому вопросу, короче, что эти двѣ мѣры — просто отдѣльныя мѣры, продиктованныя особыми потребностями, а въ общемъ мы все-таки намѣрены идти впередъ, къ уравненію евреевъ?

Будемъ надѣяться, что справедливо послѣднее толкованіе, хотя оно и несовсѣмъ логично. Во всякомъ случаѣ, и общія условія „еврейскаго вопроса“ у насъ, и указанныя двѣ практическія мѣры побуждаютъ присмотрѣться поближе, какова сущность юридическаго положенія евреевъ въ Россіи. Съ этой цѣлью, мы обратимся къ „Очеркамъ и изслѣдованіямъ“ г. Оршанскаго, которые спеціально посвящены юридическому положенію евреевъ. Книга эта не представляетъ систематическаго сочиненія. Она—сборникъ статей г. Оршанскаго, написанныхъ по разнымъ поводамъ и помѣщавшихся въ разныхъ изданіяхъ. Статьи эти пополняютъ одна другую, и ихъ связываетъ въ нѣчто цѣльное основная мысль автора; но ни полноты, ни единства изложенія систематическаго здѣсь все-таки нѣтъ. Многіе пробѣлы отдѣльныхъ статей остались не пополненными, за то многія разсужденія повторяются; нить историческаго обзора нѣсколько разъ прерывается, и въ слѣдующихъ статьяхъ обзоръ возобновляется опять съ начала; аргументація, повидимому, законченная въ одной статьѣ, возобновляется въ другой. Все это—недостатки, обыкновенно встрѣчающіеся въ подобныхъ сборникахъ статей, когда ихъ редактируетъ не самъ авторъ. Но тѣмъ не менѣе друзья покойнаго Оршанскаго сдѣлали хорошо, не давъ его статьямъ заглохнуть въ разбросанныхъ нумерахъ старыхъ газетъ. Сборникъ этотъ все-таки имѣетъ цѣну. Въ немъ собрано не мало фактическаго матеріала, и отсутствіе порядка—только внѣшнее; внутреннее же единство мысли и логическая нить серьёзнаго, часто остроумнаго анализа даютъ книгѣ ту важнѣйшую связь и ту главную цѣну, какую могутъ имѣть книги: ею авторъ сказалъ нѣчто *свое*, оказалъ заслугу въ выясненіи юридической стороны „еврейскаго вопроса“ въ Россіи. Пользуясь матеріаломъ автора, мы въ концѣ сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній на совокупность его взглядовъ.

I.

Чтó такое русскій еврей въ юридическомъ отношеніи—вотъ чтó прежде всего нужно уяснить. Каждому ясно, что евреи представляютъ у насъ такой классъ, относительно котораго существуютъ въ законѣ различныя изъятія и ограниченія. Но это опредѣленіе слишкомъ недостаточно. Наше законодательствó вмѣщаетъ въ себѣ множество исключеній изъ общихъ законовъ по отношенію къ разнымъ мѣстностямъ и сословіямъ. Спрашивается именно, каковъ размѣръ и каково значеніе этихъ исключеній въ примѣненіи къ еврею; спрашивается прежде всего—можно ли, по буквѣ и духу нашего законодательства, признавать еврея гражданиномъ русской имперіи, хотя бы и подлежащимъ, наравнѣ съ другими, нѣкоторымъ изъятіямъ, или же совокупность этихъ изъятій и ограниченій по отношенію къ еврею такова, что юридическое положеніе еврея нельзя достаточно опредѣлить словомъ „гражданинъ", но надо подыскивать какое-либо особенное опредѣленіе, придумывать новый юридическій терминъ?

Отвѣтъ на это даютъ два соображенія. Во-первыхъ, всѣ русскіе граждане, если только права каждаго изъ нихъ не ограничены особымъ приговоромъ или распоряженіемъ, относящимися къ единичному лицу, пользуются неограниченнымъ правомъ жительства на всемъ пространствѣ имперіи. Понятіе о правѣ гражданства такъ связано съ понятіемъ о правѣ пребыванія, что ихъ раздѣлять нельзя. Но евреи не пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства въ Россіи. Если ихъ можно признавать гражданами, то только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, „въ чертѣ осѣдлости" евреевъ. Итакъ, если евреи—граждане, то граждане только одной части государства—понятіе совершенно исключительное и требующее особаго юридическаго термина. Далѣе, русскій законъ относительно всѣхъ граждавъ вообще исходитъ изъ раціональнаго понятія, что все, незапрещенное закономъ, имъ дозволяется, что они, по самому своему рожденію, пользуются естественными правами гражданской личности. Но въ отношеніи евреевъ законъ основывается на совершенно иномъ воззрѣніи: за евреемъ, по его рожденію, законъ естественныхъ правъ какъ-бы не предполагаетъ, и исходитъ изъ принципа, что еврей не имѣетъ никакихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыми онъ прямо и положительно надѣленъ закономъ. Вотъ почему законъ, даже въ тѣхъ первоначальныхъ и естественныхъ правахъ, которыя онъ хотѣлъ признать за евреями, счелъ нужнымъ прямо выразить, что евреямъ не воспрещается то или другое, чтó всѣмъ дозволено безъ всякаго особаго закона. Вотъ общее постановленіе: „Евреи, состоящіе въ подданствѣ

Россіи, подлежать общимъ законамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ не постановлено особыхъ о нихъ правилъ",—и таковы многія общія права̀, предоставляемыя евреямъ только въ видѣ особыхъ льготъ, напр.: „дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей, въ общихъ училищахъ"; или еще: „всѣмъ вообще евреямъ дозволяется безпрепятственно поступать въ земледѣльческое состояніе"; „всѣ роды фабрикъ дозволяется заводить евреямъ въ губерніяхъ, гдѣ имъ жить дозволено, на томъ же основаніи и съ той же свободой, какъ и всѣмъ другимъ подданнымъ имперіи"; „евреи могутъ отправлять общественныя молитвы и богомолія въ мѣстахъ общей ихъ осѣдлости" и т. д. Явно, что относительно каждаго права, общаго или частнаго, въ умѣ законодателя возникалъ вопросъ: а евреи могутъ ли имъ пользоваться? и затѣмъ, законодатель, когда находилъ то согласнымъ съ своими видами, предоставлялъ это право евреямъ особымъ закономъ. Стало быть, законодательству евреи, хотя и подданные русской имперіи, представлялись какъ-бы иностранцами, которые пользуются въ Россіи гражданскими правами лишь въ той мѣрѣ, въ какой они спеціально признаны за евреями положительнымъ закономъ.

Но признать, что русское законодательство видѣло въ евреѣ именно иностранца, все-таки нельзя. Съ одной стороны, еврей обложенъ былъ личной податью и воинской повинностью, которыхъ иностранцы не несутъ. Съ другой стороны, за иностранцами признавались нѣкоторыя права, которыми евреи не пользовались, и прежде всего—право сравниться во всемъ съ русскими гражданами, принявъ русское подданство. Русскій еврей не могъ пріобрѣсть полноправности этимъ путемъ, такъ какъ уже былъ русскій подданный, а еврей-иностранецъ не могъ быть принимаемъ въ русское подданство, такъ какъ это прямо воспрещалъ законъ, смотрѣвшій на еврейское населеніе какъ на зло неизбѣжное, но котораго ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ умножать. Положимъ, французскій еврей захотѣлъ бы принять русское подданство. Въ отечествѣ своемъ, то-есть во Франціи, онъ—французъ, совершенно равноправный съ другими французами; но, при желаніи его принять подданство Россіи, неравенство его съ другими французами тотчасъ возстановляется: русскій законъ не дозволяетъ принять его въ подданство Россіи.

Итакъ, для еврея, чтобы пріобрѣсть въ Россіи равноправность, исходъ одинъ—отказаться отъ своей вѣры, принять христіанство и притомъ преимущественно—православіе, такъ какъ обращеніе еврея въ другое христіанское исповѣданіе затруднено въ Россіи особыми формальностями: требуется удостовѣреніе пастора въ подготовленности и религіозныхъ познаніяхъ, засвидѣтельствованіе консисторіи,

наконецъ—разрѣшеніе высшаго начальства. Ничего этого отъ еврея, принимающаго православіе, не требуется. Приведенныя затрудненія сами по себѣ имѣютъ смыслъ: они должны стѣснять наружное обращеніе еврея въ христіанство, изъ личныхъ разсчетовъ; преодолѣть ихъ можетъ только такой еврей, который въ самомъ дѣлѣ, по внутреннему убѣжденію, хочетъ принять лютеранство. Но если еврей желаетъ принять православіе, хотя бы безъ надлежащей подготовки и только изъ личнаго разсчета, законъ никакихъ затрудненій ему не ставитъ.

„Такимъ образомъ,—заключаетъ авторъ, — евреи составляютъ въ Россіи особенное сословіе полу-гражданъ или, лучше сказать, гражданъ извѣстной части государства—явленіе феноменальное и, можно сказать, безпримѣрное. Выходъ изъ этого положенія для русскаго еврея, собственно говоря, только одинъ: принятіе христіанства и въ особенности православія". За то, какъ только еврей рѣшился на этотъ шагъ, онъ становится съ-разу не только гражданиномъ полноправнымъ, но даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, привилегированнымъ: ему нѣтъ нужды испрашивать согласія обществъ на приписку къ нимъ, онъ можетъ приписаться къ любому обществу, гдѣ найдетъ для себя удобнѣе, безъ согласія общества, получаетъ льготу отъ податей на три года, со дня приписки къ обществу и еще въ пособіе—отъ 15 до 30 рублей.

Законъ всѣми мѣрами старается облегчить переходъ еврея въ православіе. Такъ, если одинъ изъ супруговъ-евреевъ приметъ православіе, а другой останется въ іудействѣ, но пожелаетъ жить съ первымъ, то отъ перваго требуется подписка, въ томъ, что онъ обязывается имѣть тщательное попеченіе о приведеніи и своего супруга, увѣщаніемъ, къ принятію православія; некрещеный же супругъ обязывается подпиской не приводить дѣтей въ законъ іудейскій и не наносить супругу-христіанину поношенія и укоризны. Для принятія еврея въ христіанство по собственному его желанію въ нашемъ законѣ установленъ даже особый видъ совершеннолѣтія: лица, достигшія 14-ти-лѣтняго возраста, могутъ обращаться изъ іудейства въ христіанство, не испрашивая согласія родителей или опекуновъ, между тѣмъ какъ для выдачи росписки въ займѣ нѣсколькихъ рублей требуется полное совершеннолѣтіе—21 годъ.—„Переходъ въ христіанство,—говоритъ авторъ,—есть всеисцѣляющее средство противъ той неизлечимой болѣзни (по выраженію Гейне), которая называется принадлежностью къ еврейству". Но законъ допускаетъ для еврея и нѣкоторыя другія средства, которыми еврей можетъ освободиться не отъ всѣхъ, но все-таки отъ нѣкоторыхъ ограниченій, его стѣсняющихъ. Сущность этихъ средствъ авторъ хорошо выразилъ слѣдую-

щими словами: „гражданскія права, принадлежащія всѣмъ другимъ національностямъ, какъ естественное право каждаго человѣка въ обществѣ, могутъ быть пріобрѣтаемы евреями только въ силу особыхъ гражданскихъ доблестей". Такъ, напр., право жить гдѣ хочетъ и еврей можетъ пріобрѣсть слѣдующими путями: 1) если онъ состоялъ извѣстное число лѣтъ въ первой гильдіи, то-есть доставлялъ казнѣ значительную сумму дохода, то въ награду получаетъ право приписаться въ купечество по всей Россіи, пріобрѣтать недвижимую собственность, и т. д. Но все это только до тѣхъ поръ, пока онъ платитъ казнѣ повинности первой гильдіи; какъ только онъ ихъ платить болѣе не можетъ, онъ тотчасъ обращается вновь въ первобытное состояніе и долженъ, по выраженію автора, „возвратиться изъ обѣтованной земли въ землю египетскую". 2) Если еврей выслужилъ срокъ въ военной службѣ, то получаетъ тоже право повсемѣстнаго жительства въ видѣ награды за безпорочную службу. 3) Если еврей занимался науками особенно усердно и прошелъ университетскій курсъ, но не только окончилъ его, какъ всякій другой, а непремѣнно получилъ ученую степень (по медицинскому же факультету непремѣнно—степень доктора), онъ получаетъ право государственной службы и повсемѣстнаго жительства. Здѣсь мы замѣтимъ, что въ административной практикѣ и эта льгота еще подлежитъ примѣненію только условно. Такъ, были случаи, что ученому еврею ставилось затрудненіе для полученія каѳедры. 4) Если еврей—ремесленникъ, то, въ силу закона 1865 года, онъ можетъ заниматься своимъ ремесломъ на всемъ пространствѣ имперіи. Но это, по мысли закона,—не столько сдѣлано въ смыслѣ уравненія евреевъ, сколько для доставленія внутреннимъ губерніямъ ремесленниковъ, въ которыхъ они нуждаются. Какъ только еврей перестать бы заниматься ремесломъ, то полиція обязана выслать его обратно „на родину", то-есть въ западный или южный край, хотя бы родился онъ въ Костромѣ (такіе случаи со временемъ должны представиться). Стало быть, и этотъ законъ нисколько не отступилъ отъ общаго принципа нашего законодательства по отношенію къ евреямъ: еврей допускается во внутреннія губерніи только въ соображеніяхъ потребности тѣхъ губерній въ ремесленникахъ, но не въ силу расширенія взгляда законодательства на естественную правоспособность евреевъ какъ гражданъ. Ремесленникъ Великороссіи нуженъ; если онъ еврей, то тѣмъ хуже; но нечего дѣлать, онъ нуженъ какъ ремесленникъ. Но если бы онъ перестать приносить ту пользу, для которой онъ допущенъ туда, гдѣ ему быть не слѣдуетъ, то долженъ быть высланъ въ указанное для евреевъ мѣсто, въ то пристроенное, но все-таки безвыходное Гетто, которое представляется у насъ западной и южной полосами государства.

II.

Таково юридическое отношеніе еврея къ правамъ общимъ. Но затѣмъ, законъ, замыкая евреевъ въ опредѣленныя мѣстности, идетъ далѣе, и въ этихъ мѣстностяхъ замыкаетъ еще евреевъ въ отдѣльный отъ всего остального населенія міръ. Евреи составляютъ отдѣльныя отъ христіанъ общества въ податномъ отношеніи, отбываютъ воинскую повинность и всѣ другіе государственные налоги отдѣльно отъ христіанъ, назначаютъ для взиманія въ своей средѣ податей особыхъ сборщиковъ, а вслѣдствіе того, по связи податной системы съ паспортною, и въ паспортномъ отношеніи всецѣло зависятъ отъ своихъ отдѣльныхъ обществъ. Затѣмъ, сверхъ общихъ повинностей, евреи несутъ еще спеціальные налоги: коробочный и свѣчной сборы. Въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, они образуютъ особые ремесленные цехи, а выборы по городскому общественному управленію для евреевъ, во-первыхъ, обставлены особыми численными отношеніями, во-вторыхъ, даже и производятся еврейскимъ обществомъ отдѣльно отъ христіанъ. Еврейскія общества отвѣчаютъ и нынѣ за неисправность всѣхъ членовъ своей общины въ отправленіи воинской повинности, такъ какъ недоборъ въ новобранцахъ-евреяхъ пополняется изъ ихъ же среды. Коробочный сборъ, въ качествѣ косвеннаго налога на потребленіе мяса, падаетъ на всѣхъ вообще евреевъ, но идетъ главнымъ образомъ на покрытіе недоимокъ по государственнымъ податямъ и сборамъ, числящимся на бѣдныхъ членахъ обществъ, и въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть расходуемъ съ этой цѣлью не только между членами одной и той же общины, но и между различными еврейскими обществами одной и той же губерніи, что само узаконяетъ солидарность не только членовъ одной общины, но и всѣхъ еврейскихъ общинъ цѣлой губерніи. Законъ искусственно поддерживаетъ ту солидарность между евреями, которой онъ не могъ не замѣтить, поддерживаетъ и вытекающую изъ нея власть общины надъ своими членами. Такъ, до преобразованія воинской повинности, еврейскія общины пользовались правомъ отдавать своихъ порочныхъ членовъ въ рекруты.

Извѣстно, что главнымъ аргументомъ, который предъявляется въ пользу поддержанія нынѣшнихъ ограничительныхъ постановленій о евреяхъ, служитъ фактъ еврейской солидарности и замкнутости. Въ противность всѣмъ увѣреніямъ славянофиловъ, будто у насъ и законы и образованное общество совершенно проникнуты „заимствованными“ западно-европейскими, „готовыми“ взглядами, у насъ, какъ извѣстно, каждая возникающая общественная потребность подвер-

гается сомнѣнію и контроверсѣ по самой сущности, совершенно независимо отъ чужого опыта. Мы смотримъ на Россію въ средѣ міра отчасти такъ же исключительно, какъ законъ нашъ смотритъ на евреевъ. Что-нибудь хорошо для всѣхъ, но непремѣнно спрашивается, хорошо ли еще оно для Россіи. Такъ, было время, когда у насъ господствовало убѣжденіе, что желѣзныя дороги хотя и оказались несомнѣнно полезны западной Европѣ и Америкѣ, но не могутъ быть полезны Россіи, „по мѣстнымъ условіямъ". Каждая, хотя бы совершенно очевидная общая для всѣхъ обществъ въ мірѣ потребность, когда она возникаетъ въ Россіи, подвергается разсмотрѣнію по существу, какъ нѣчто новое, и при обсужденіи мы приводимъ, какъ нѣчто новое, всѣ тѣ соображенія, догадки, опасенія, которыя въ иныхъ мѣстахъ давно опровергнуты опытомъ. Говорятъ—мы склонны принимать „готовыя рѣшенія". Наоборотъ, мы не признаемъ готовыми и такихъ рѣшеній, которыя готовы безусловно, мы разбираемъ вновь и хотимъ рѣшать самостоятельно такіе вопросы, которые и допускаютъ только одно рѣшеніе — то самое, которое въ другихъ странахъ осуществлено и выдержало пробу опыта.

Такъ и въ еврейскомъ вопросѣ. Аргументы, истекающіе изъ солидарности и замкнутости еврейства, изъ стремленія евреевъ къ захвату, изъ силы „кагала", до начала нынѣшняго столѣтія предъявлялись во всей Европѣ и служили для оправданія исключительныхъ мѣръ противъ евреевъ. Но со времени французской революціи и войнъ Наполеона установилось полное убѣжденіе, что самая солидарность, замкнутость евреевъ, сила ихъ кагала и стремленіе ихъ къ захвату общими силами были прямымъ послѣдствіемъ той самой системы исключительныхъ мѣръ, которыя насильно, въ теченіи столѣтій, загоняли евреевъ въ ихъ кагалъ. Съ тѣхъ поръ всѣ подобныя мѣры отмѣнены во Франціи, въ Германіи, въ Италіи. Но для насъ это какъ-будто не существуетъ. Пусть *не успѣло* измѣниться наше законодательство о евреяхъ. Намъ удивительно не это. Насъ удивляетъ фактъ, что и въ настоящее время въ обществѣ, въ части печати, при обсужденіи возможности уравненія евреевъ,—даже при любомъ случаѣ, касающемся какихъ-либо изъ правъ, имъ нынѣ принадлежащихъ,—поднимается со дна все старье умствованій, давно признанныхъ несостоятельными, нелогичными, нелѣпыми во всемъ образованномъ мірѣ, и выкладывается передъ нашими глазами въ видѣ какихъ-то ново-открытыхъ Америкъ, оригинальныхъ продуктовъ отечественной проницательности. Начинается разборъ, по существу и ab ovo, всего „еврейскаго вопроса", который если и остается гдѣ-либо вопросомъ, то только на практикѣ, но въ теоріи давно перестаёъ быть вопросомъ, такъ какъ вездѣ, кромѣ Россіи, уже сознано, что этотъ во-

просъ допускаетъ только одно рѣшеніе — полное уравненіе гражданъ, какой бы вѣры они ни были.

„Евреи дѣйствуютъ скопомъ, кагаломъ", твердятъ у насъ доселѣ. Но вѣдь наши законы еще недавно (до сороковыхъ годовъ) прямо признавали кагалъ, — смотря на него такъ, какъ смотрѣли на крестьянскую общину, т.-е. видя въ немъ податную единицу, òрганъ податной круговой поруки, — поддерживали и поддерживаютъ доселѣ искусственно еврейскій скопъ, еврейскую солидарность. Таковъ былъ законъ, предоставлявшій обществамъ евреевъ-земледѣльцевъ право отдавать ихъ членовъ въ солдаты, „въ наказаніе за вины", съ тѣмъ, что за каждаго такого рекрута слагалось съ общества по 150 руб. изъ лежащаго на обществѣ казеннаго долга. Такимъ образомъ, члены общества были предоставлены на полный его произволъ, и достаточно было не только ослушанія кагалу, но любого поползновенія къ личной самостоятельности, малѣйшаго проявленія свободомыслія, чтобы быть сданнымъ въ солдаты, съ пользою для общества въ видѣ преміи въ 150 рублей. Спрашивается: какое же право мы имѣемъ ставить евреямъ въ вину солидарность и силу кагала, когда мы дѣлали все для усиленія и поддержанія этихъ явленій?

Другая, параллельная съ этой, вина евреевъ, по отзывамъ ихъ противниковъ, представляется въ приписываемомъ евреямъ фанатизмѣ, съ истекающими изъ него — враждебностью къ христіанамъ вообще и стремленію къ совращенію ихъ въ іудейство. Впрочемъ, эта послѣдняя часть обвиненія въ настоящее время слышится мало. Она была основана на чистомъ недоразумѣніи, полномъ незнаніи духа еврейскаго закона, который самъ по себѣ противенъ всякому прозелитизму. А между тѣмъ именно на подозрѣніи, что евреи постоянно стремятся совращать христіанъ въ свою вѣру, построилось первоначально все наше законодательство о евреяхъ, и слѣды этого опасенія видны доселѣ въ неопредѣленности закона относительно содержанія евреями христіанской прислуги. За то первая часть обвиненія въ фанатизмѣ — предполагаемая враждебность евреевъ къ христіанамъ — остается во всей силѣ. Излишне было бы разбирать, справедливо ли, что наши евреи настроены враждебно къ христіанамъ, такъ какъ не можетъ быть никакихъ положительныхъ основаній для рѣшенія этого вопроса. Гораздо интереснѣе провѣрить, не продиктованы ли были всѣ существовавшіе у насъ и еще существующіе законы о евреяхъ именно религіозной враждебностью *къ нимъ?* А если бы это было доказано, то затѣмъ — какая же логика была бы въ томъ, чтобы обвинять нашихъ евреевъ въ враждебности къ христіанамъ, даже если бы такая враждебность и была доказана?

III.

Исторія убѣждаетъ, что именно религіозное отвращеніе къ евреямъ и опасеніе ихъ пропаганды съ самаго начала легли въ основаніе опредѣленія юридическаго быта евреевъ въ Россіи. Въ уложеніи Алексѣя Михайловича положена смертная казнь евреямъ, совращающимъ въ свою вѣру православныхъ; въ 1676 году запрещено пропускать евреевъ изъ Смоленска въ Москву, а въ 1727 году, когда Смоленскъ уже принадлежалъ Россіи, евреи были выгнаны изъ ея предѣловъ съ запрещеніемъ въѣзда ихъ на будущее время. Между тѣмъ, въ 1736 году было дѣло о совращеніи евреемъ Борохомъ въ жидовство флота капитанъ-лейтенанта Возницына и другихъ подобныхъ преступленіяхъ Бороха. Возницынъ, хотя и покаялся и возвратился въ православіе, былъ сожженъ, также какъ и Борохъ, по приговору суда. Въ томъ же году — и, вѣроятно, вслѣдствіе этого случая — сенатъ предписалъ немедленно выслать всѣхъ евреевъ изъ Малороссіи, и распоряженіе это было повторено въ 1742 году, съ добавкою, чтобы впредь не впускать въ Россію вообще никого изъ евреевъ, „за исключеніемъ тѣхъ, которые бы пожелали принять православіе". На докладѣ сената о необходимости, по хозяйственнымъ соображеніямъ, дозволить евреямъ временный пріѣздъ въ Малороссію и Ригу, Елисавета Петровна положила характеристичную резолюцію: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли" — высказавъ въ этихъ словахъ, по замѣчанію приводимаго нами автора, „всю сущность старинной русской политики по еврейскому вопросу". По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, въ 1753 году изгнано изъ Россіи до 35 тысячъ евреевъ. Елисавета Петровна повелѣла исключить изъ числа членовъ петербургской академіи наукъ еврея Саншеса, который былъ прежде выписанъ въ Россію, былъ придворнымъ медикомъ и завѣдывалъ медицинской частью въ арміи, а потомъ, на старости лѣтъ, занимался наукой и лечилъ только даромъ. Разумовскій писалъ къ Саншесу: „она не разгнѣвалась на васъ за какой-либо проступокъ противъ нея или ея интересовъ, но она полагаетъ, что ея совѣсть не позволяетъ ей оставить въ своей академіи человѣка, который оставилъ знамя Христа и рѣшился сражаться подъ знаменемъ Моисея и ветхозавѣтныхъ пророковъ". Авторъ объясняетъ это предположеніемъ, что Саншесъ принадлежалъ къ потомкамъ тѣхъ португальскихъ евреевъ (марановъ), которые были нѣкогда насильно обращены въ христіанство; многіе потомки ихъ потомъ возвращались въ еврейство.

Тотчасъ по восшествіи на престолъ Екатерины II, сенатъ при-

зналъ полезнымъ допустить евреевъ въ Россію, но Екатерина не согласилась на то изъ опасенія, чтобы не раздражить духовенство и религіозныя чувства народа. Отношеніе нашего законодательства къ евреямъ съ самаго начала было именно религіозно-враждебное. Впослѣдствіи во взгляды законодателя на евреевъ вошли еще и другіе мотивы, но этотъ все-таки удержался до нашего времени. Способъ совращенія евреемъ христіанина въ уложеніи о наказаніяхъ характеризуется, между прочимъ, такъ: „или же открытымъ проповѣдываніемъ своего *лже-ученія*". Итакъ, пребываніе евреевъ въ еврейской вѣрѣ закономъ терпится, но онъ все-таки прямо называетъ эту вѣру „лжеученіемъ". Право еврейскаго общества сдавать своихъ членовъ въ солдаты существовало до преобразованія воинской повинности, и вотъ какимъ образомъ уложеніе о наказаніяхъ характеризовало одинъ изъ неправильныхъ поводовъ къ подобной сдачѣ въ рекруты: оно упоминало о случаѣ, когда еврейское общество отдастъ кого-нибудь неправильно въ рекруты за „противные суевѣрію евреевъ поступки". Здѣсь словомъ „суевѣріе" законъ называетъ религіозныя понятія евреевъ, побуждавшія ихъ иногда преслѣдовать отступниковъ отъ правилъ талмуда этимъ путемъ, который предоставленъ былъ замкнутой еврейской средѣ самимъ же законодательствомъ. Рядомъ съ такимъ отрицательнымъ взглядомъ закона именно на религіозную сторону еврейства, представлялся рядъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, прямо направленныхъ къ болѣе или менѣе насильственному обращенію евреевъ въ православіе. „Насильственнымъ" недостаточно признавать однѣ мѣры физическаго насилія. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что „если человѣкъ совершаетъ извѣстное дѣйствіе оттого, что иначе ему пришлось бы подвергнуться разоренію и изгнанію изъ мѣста, гдѣ онъ находитъ свое пропитаніе, — или оттого, что иначе онъ рѣшительно лишенъ возможности слѣдовать своему призванію въ жизни, — то о свободѣ воли и дѣйствій тутъ не можетъ быть и рѣчи, несмотря на отсутствіе прямого физическаго принужденія. Такъ, въ прошлое царствованіе существовалъ — и отмѣненъ всего только въ 1866 году — законъ, опредѣлявшій, что нехристіанинъ, принявшій христіанскую вѣру во время производства надъ нимъ слѣдствія или суда по уголовному дѣлу, освобождался отъ всякаго наказанія. Не говоря уже о крайней несостоятельности того закона, въ смыслѣ раціонально-юридическомъ, — не выражался ли въ немъ весьма краснорѣчиво духъ всего законодательства по отношенію къ евреямъ? Еврейство въ глазахъ закона составляло, стало-быть, такую вину, что — сложивъ ее съ себя — можно было получить за это прощеніе всякой иной вины.

И послѣ всего этого, евреямъ не только приписываютъ враждеб-

ность къ христіанамъ, но и упрекаютъ ихъ за нее! Но возвратимся теперь къ историческому обзору. Итакъ, въ основу исключительныхъ законовъ о евреяхъ у насъ, какъ и вездѣ (впрочемъ, въ давнопрошедшія времена) легла религіозная антипатія: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли", какъ выразилась Елизавета. Но въ наше, какъ и въ другія законодательства о евреяхъ постепенно вошли еще и другіе мотивы, выражавшіеся въ представленіяхъ объ опасности еврейскаго „захвата", экономической вредности евреевъ и въ то же время экономической полезности евреевъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, о притѣсненіи евреями народа, и необходимости изгнать ихъ изъ деревень и лишить ихъ права шинкарства, а вмѣстѣ—о необходимости стѣснять конкурренцію евреевъ христіанскимъ торговцамъ въ городахъ и даже высылать евреевъ изъ городовъ, ограничивать разные виды торговой предпріимчивости для нихъ и тѣмъ самымъ загонять ихъ опять-таки въ ту же область шинкарства.

Всѣ эти противорѣчивыя представленія истекли изъ двухъ главныхъ мотивовъ, которые дѣйствовали одновременно и продолжаютъ дѣйствовать доселѣ, хотя каждый изъ нихъ противоположенъ другому. Эти мотивы—зависть и опасенія христіанской буржуазіи съ одной стороны, интересъ государственнаго казначейства—съ другой. Оба эти мотива проявлялись не въ одной Россіи; особенность ихъ у насъ только въ томъ, что у насъ они продолжаютъ дѣйствовать доселѣ, между тѣмъ какъ въ иныхъ, главныхъ государствахъ Европы они дѣйствовать перестали давно.

Въ Европѣ исторія отношенія христіанъ къ евреямъ распадается на три совершенно различныхъ по духу періода: первый—до крестовыхъ походовъ, второй отъ крестовыхъ походовъ до революціи и ея послѣдствій, третій—со времени уравненія евреевъ. Въ первомъ періодѣ христіане враждебно относились только къ вѣрѣ еврейской; при средневѣковомъ фанатизмѣ и не могло быть иначе. Но евреи были терпимы вездѣ какъ необходимые единственные посредники торговли; они пользовались вездѣ болѣе или менѣе обширными правами и даже уваженіемъ, такъ какъ ихъ необходимость никѣмъ не оспаривалась. Занимались они исключительно торговлей и въ то время потому, во-первыхъ, что ничѣмъ инымъ заниматься не могли, такъ какъ въ феодально-земледѣльческую организацію общества ихъ не принимали, и, во-вторыхъ, что будучи разсѣяны по всему свѣту, легко могли завязывать международныя торговыя отношенія. Сама историческая судьба такимъ образомъ, очевидно, предназначила ихъ для торговли.

И, дѣйствительно, въ средневѣковой Европѣ, до крестовыхъ по-

ходовъ, вся торговля была въ рукахъ евреевъ. Но крестовые походы имѣли первымъ послѣдствіемъ усиленіе духа вражды къ невѣрнымъ, во-вторыхъ — создали международныя торговыя сношенія помимо евреевъ. Торговля и земство получили большое развитіе, возникли гильдіи и цехи, которыхъ назначеніе было двоякое: оборона и привилегія. Все, что не складывалось въ коллективныя единицы и не стояло выше ихъ, въ то время было беззащитно—отсюда первая необходимость торговыхъ и ремесленныхъ корпорацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, раскрывшаяся, вслѣдствіе сношеній, завязанныхъ съ востокомъ, область сбыта издѣлій и торговой дѣятельности представляла источники богатства, которые казалось необходимымъ захватить, обезпечить за собою въ каждой мѣстности, посредствомъ привилегій, исключавшихъ конкурренцію. Ремесло и торговля были закрѣпощены въ цехи и гильдіи, какъ владѣніе и пользованіе землею было закрѣпощено въ феодахъ.

Но евреевъ не принимали какъ въ феодальную систему землевладѣнія, такъ и въ ремесленно-цеховую и муниципально-гильдейскую систему. Евреи ремесленники и торговцы стали естественно представляться возникавшему и слагавшемуся въ привилегированныя корпораціи христіанскому бюргерству, какъ конкурренты, нарушающіе ихъ привилегіи, какъ „зайцы"—по новѣйшему биржевому выраженію—въ торговой области, захваченной привилегіями. Слѣдствіемъ того было, что евреямъ осталась только та отрасль дѣятельности, которой христіане гнушались, такъ какъ она осуждалась церковью, и поэтому не могла быть предметомъ привилегій—ростовщичество. Такимъ образомъ, дѣятельность евреевъ силою вещей была направлена на тотъ путь, который впослѣдствіи и до сихъ поръ ставился и ставится имъ въ упрекъ, и въ которомъ видятъ особое свойство ихъ природы. Средневѣковая система привилегіи и религіозная исключительность, не дававшая евреямъ мѣста въ привилегіяхъ—вотъ тѣ термины, которыми можно замѣнить выраженіе, употребляемое авторомъ, что „на путь неблаговидныхъ промысловъ и всеобщей къ нимъ ненависти привелъ евреевъ главнымъ образомъ эгоизмъ христіанской буржуазіи". Со времени крестовыхъ походовъ начинаются и религіозныя гоненія на евреевъ и жалобы на нихъ, обвиненіе ихъ въ ростовщичествѣ, торгашествѣ, эксплуатаціи народа.

Та же исторія повторилась въ Польшѣ, хотя позднѣе крестовыхъ походовъ. До XVI вѣка, когда въ Польшѣ было очень малочисленно городское сословіе, а ремесла и торговля были мало развиты, польское правительство привлекало въ страну евреевъ, тѣснимыхъ въ Германіи послѣ крестовыхъ походовъ, надѣлило ихъ разными

правами. Но по мѣрѣ того, какъ въ Польшу стали переселяться все въ большемъ числѣ нѣмцы, по мѣрѣ того, какъ изъ нихъ стало образовываться городское населеніе, и населеніе это, бюргерство, стало сплачиваться въ муниципалитеты, одаренные нѣмецкимъ, такъ-называемымъ магдебургскимъ правомъ, пріобрѣтая исключительное право на производство торговли и ремеслъ въ каждой мѣстности, начинается поворотъ въ польскомъ законодательствѣ о евреяхъ. Начиная съ XVI и особенно съ XVII вѣка, города ходатайствуютъ о королевскихъ привилегіяхъ,—о воспрещеніи евреямъ жить и торговать то въ томъ, то въ другомъ городѣ. „Оттѣсняемые, такимъ образомъ, отъ правильной торговли и ремеслъ", говоритъ авторъ, „евреи начинаютъ все болѣе разсѣеваться по селамъ, предаваться факторству, шинкарству и ростовщичеству, что, въ свою очередь, усиливаетъ ненависть къ нимъ и вызываетъ новыя ограничительныя мѣры противъ нихъ?"

Въ книгѣ приводятся выписки изъ прошеній, поданныхъ разными западными городами какъ во время польскаго владычества, такъ и до весьма недавняго времени, въ которыхъ однимъ изъ мотивовъ къ выселенію евреевъ изъ тѣхъ городовъ указывается самими просителями прямо—конкурренція евреевъ, ущербъ въ „гандлюхъ". Этой зависти или этому „эгоизму" христіанской буржуазіи и опасенію ея соперничества евреевъ авторъ придаетъ очень большое значеніе,—этому именно мотиву онъ приписываетъ распространеніе всевозможныхъ неблагопріятныхъ понятій о евреяхъ, частью совершенно невѣрныхъ, частью преувеличенныхъ, а частью хотя и вѣрныхъ, но упускающихъ изъ вида, что многіе недостатки, въ которыхъ евреевъ упрекаютъ, созданы и поддерживаются именно тѣми стѣсненіями ихъ дѣятельности, которыя исходили именно изъ эгоизмо-христіанской буржуазіи. Въ этомъ взглядѣ автора много основательнаго. Мы можемъ сослаться въ подтвержденіе на ту всеобщую зависть и ненависть, съ которыми было встрѣчено одесскимъ христіанскимъ купечествомъ усиленіе роли евреевъ въ торговлѣ Одессы. Преобладаніе, пріобрѣтенное евреями за послѣднее время въ отпускной торговлѣ одесскаго порта, для страны было выгодно. Въ рукахъ евреевъ отпускъ сильно возросталъ, пока онъ не упалъ отъ другихъ причинъ, цѣны, платимыя за хлѣбъ производителямъ евреями, были подняты, заработки одесскихъ рабочихъ сильно возвысились, но интересы мѣстнаго греческаго и вообще христіанскаго купечества пострадали отъ конкурренціи евреевъ, и ненависть къ нимъ, сопровождаемая разными обвиненіями, выражавшаяся даже извѣстными безпорядками—погромомъ еврейскихъ лавокъ—возросла.

IV.

Предоставляя себѣ сдѣлать оговорку съ нашей стороны въ концѣ, возвращаемся къ нити разсужденій автора. Доселѣ приведены были нами два, указанные имъ, основныхъ мотива законодательства о евреяхъ: мотивъ религіозный и эгоизмъ христіанскаго торговаго сословія. Одинъ изъ этихъ мотивовъ часто прибѣгалъ за помощью къ другому и иногда даже скрывался самъ за нимъ. Не всегда было удобно выступать прямо съ просьбою объ изгнаніи или ограниченіи евреевъ вслѣдствіе ущерба, наносимаго ихъ торговымъ соперничествомъ; въ такихъ случаяхъ христіанское торговое сословіе взывало къ религіозной нетерпимости, требовало устраненія „враговъ Христовыхъ", предъявляло такія баснословныя обвиненія, какъ, напримѣръ, употребленіе евреями христіанской крови для обрядовъ и т. п. Такъ, въ одномъ ходатайствѣ города Кіева о высылкѣ изъ него евреевъ, напримѣръ, указывалось на „неприличіе нахожденія евреевъ въ городѣ святыхъ", между тѣмъ какъ истинный мотивъ ходатайства былъ, конечно, гораздо реальнѣе.

Но, къ счастью для евреевъ, законодательство о нихъ основалось не исключительно на этихъ мотивахъ—религіозномъ и сословно-эгоистическомъ. Государство не могло не принимать иногда въ соображеніе и той пользы, какую евреи могли доставить ему, а въ особенности его казначейству. Польза эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывалась столь очевидною, что превращалась въ необходимость. Въ особенности это касалось, конечно, торговаго посредничества евреевъ при подрядахъ, арендахъ и т. п. Но польза, ожидавшаяся отъ нихъ въ разныхъ случаяхъ, была весьма разнообразна. Вотъ одинъ характеристическій примѣръ. Въ 1827 году послѣдовало повелѣніе о выселеніи евреевъ изъ Кіева. Но въ 1831 году повелѣно было: принявъ въ соображеніе настоящія политическія обстоятельства (польское возстаніе), „въ коихъ евреи могутъ иногда употребляться съ пользой"—войти въ разсмотрѣніе условій, на которыхъ можно оказать кіевскому еврейскому обществу „возможное покровительство". Покровительство, въ этихъ видахъ, и оказалось въ отсрочкѣ выселенія евреевъ на три года. „О какой пользѣ говорится здѣсь", замѣчаетъ авторъ,—„угадать не трудно"—и затѣмъ ссылается на помѣщенныя въ „Вѣсти. Европы" (1872 г., кн. 3, стр. 255) „Записки жандарма", въ которыхъ разсказанъ случай съ евреемъ Капланомъ. Генералъ Дребушъ, начальникъ жандармскаго управленія въ Вильнѣ, платилъ евреямъ за доносы политическаго характера, которые, поэтому, часто сочинялись; евреи пользовались слабостью генерала, его раченіемъ къ открытію

заговоровъ, а онъ защищалъ тѣхъ, которыхъ общество преслѣдовало, по ихъ увѣреніямъ, именно за доносы. Такъ, еврей Капланъ, за сокрытіе себя и своего семейства при ревизіи и другія преступленія, былъ по старанію общества приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе. Онъ обратился къ Дребушу, и клялся, что общество оклеветало его за его доносы о неправильностяхъ при сдачѣ рекрутъ. Жандармское управленіе вступилось за Каплана и обнаружило, что былъ совершенъ подлогъ къ его обвиненію.

Но каковъ бы ни былъ тотъ родъ пользы, какая ожидалась отъ евреевъ въ разныхъ случаяхъ, авторъ указываетъ третьимъ мотивомъ законодательства о нихъ—принципъ утилитарный, принципъ извлеченія „изъ сихъ людей пользы для государства", причемъ эта польза иногда совпадала съ пользою самихъ евреевъ, а иногда и не совпадала. Но только этотъ принципъ и служилъ имъ, въ прежнее время, охраной противъ двухъ другихъ мотивовъ, на которыхъ строилось законодательство о нихъ: мотива религіознаго и мотива устраненія торговаго соперничества въ ущербъ христіанскимъ сословіямъ. Въ то время, когда религіозный мотивъ еще преобладалъ исключительно и евреи не допускались въ Россію, мотивъ утилитарный уже неоднократно, хотя и безуспѣшно, выступалъ въ ихъ пользу, въ видѣ ходатайствъ разныхъ мѣстныхъ начальствъ въ началѣ и половинѣ XVIII вѣка о необходимости допустить евреевъ, хотя бы временно, „дабы, за непропускомъ ихъ, не послѣдовало въ казенномъ индуктовомъ сборѣ недобору", или потому что „коммерція (въ Ригѣ) совсѣмъ рушиться можетъ и привозныхъ изъ-за моря товаровъ продавать будетъ некому". Сопоставленіе обоихъ мотивовъ, религіознаго и утилитарнаго, причемъ послѣдній еще побѣждается первымъ, весьма рельефно выступаетъ именно въ приведенной уже резолюціи Елисаветы Петровны: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли". Итакъ, не общечеловѣческія права могли говорить въ пользу евреевъ, а только „интересная прибыль" для государства, но и такое, чисто финансовое воззрѣніе побѣждалось отвращеніемъ къ „врагамъ Христовымъ".

Утилитарный принципъ выразился и въ томъ единогласномъ постановленіи сената о необходимости допущенія евреевъ въ Россію, которое, какъ мы видѣли, случайнымъ образомъ почти совпало съ воцареніемъ Екатерины II. Несмотря на свое тогдашнее свободомысліе, она не рѣшилась возбудить неудовольствіе духовенства; ей помогъ въ этомъ случаѣ сенаторъ князь Одоевскій. Онъ сказалъ: „прежде чѣмъ рѣшиться, не угодно ли будетъ вашему величеству посмотрѣть собственноручное рѣшеніе, которое, въ подобномъ случаѣ, дала императрица Елисавета?" Екатерина взглянула на приведенную

резолюцію о „врагахъ Христовыхъ", и когда генералъ-прокуроръ подошелъ къ ней за рѣшеніемъ, сказала: „я желаю, чтобы это дѣло было отложено до другого времени".—„Какъ это хорошо характеризуетъ Екатерину II", замѣчаетъ авторъ,—„на словахъ провозглашавшую ученія энциклопедистовъ о равенствѣ, свободѣ и справедливости, а на дѣлѣ закрѣпостившую свободную Малороссію и раздававшую десятки тысячъ свободныхъ людей своимъ любимцамъ; на словахъ—горячую любительницу просвѣщенія, а на дѣлѣ преслѣдовавшую Фонъ-Визина, Новикова, Радищева и другихъ тружениковъ русской мысли!"

По присоединеніи въ 1772 году Бѣлоруссіи, законодательству впервые пришлось отступить отъ положительнаго исключенія евреевъ, продиктованнаго религіознымъ мотивомъ. Въ этомъ краѣ, евреи издавна жили густыми массами и приходилось признать существующій фактъ, примириться съ мыслью, что евреи могутъ быть русскими подданными. Екатерина, по своему обыкновенію, провозгласила либеральный принципъ, что „всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа", и примѣнила этотъ принципъ къ евреямъ. Но какъ? Польскіе законы, устанавливавшіе неравноправность евреевъ, подверглись только нѣкоторымъ измѣненіямъ, но осталось главное препятствіе къ сліянію евреевъ съ христіанами—кагалъ съ его финансовой и судебно-административной самостоятельностью. Во внутреннія губерніи евреи допущены не были, и въ 1770 году, по поводу моровой язвы, были изгнаны изъ Курляндіи и Лифляндіи. Одному иностранцу Екатерина говорила впослѣдствіи: „есть 3 или 4 еврея и въ Петербургѣ съ давнихъ поръ.... Ихъ терпятъ вопреки закону; дѣлаютъ видъ, что ихъ не замѣчаютъ. Впрочемъ, допущеніе ихъ къ жительству въ Россіи могло бы причинить много вреда нашимъ мелочнымъ торговцамъ, ибо эти люди *все къ себѣ притягиваютъ*, и, можетъ быть, что было бы больше неудовольствія, чѣмъ пользы отъ ихъ появленія". Отъ ученія энциклопедистовъ это уже весьма далеко, но очень близко ко взглядамъ и теперь еще проповѣдуемымъ нашими „жидоѣдами". Единственной серьёзной льготой, дарованной евреямъ при Екатеринѣ II, было дозволеніе имъ жить во вновь присоединенномъ Новороссійскомъ краѣ; но и при этомъ дѣйствовалъ, конечно, только мотивъ утилитарный—необходимость всякихъ мѣръ для заселенія обширнаго и пустыннаго края. Евреевъ законъ оставилъ тамъ въ покоѣ, какъ оставлялъ тамъ въ покоѣ и бѣглыхъ. Но это не значило, что законъ измѣнялъ свое убѣжденіе относительно закрѣпощенія евреевъ въ извѣстные географическіе предѣлы, какъ то не значило, что законъ отступалъ отъ

принципа необходимости крѣпостного права для Россіи. При Екатеринѣ же евреи были обложены двойной податью противъ христіанъ.

Въ царствованіе Александра было принято нѣсколько мѣръ относительно евреевъ. Общее направленіе ихъ удовлетворительно характеризуется указомъ, состоявшимся уже въ началѣ слѣдующаго царствованія, въ 1827 году, и резюмировавшимъ, въ своихъ мотивахъ, недавно передъ тѣмъ принятыя мѣры. Въ этомъ указѣ сказано: „новые поселенцы сіи (иностранные евреи) по роду ихъ промысловъ, состоящихъ бо́льшей частью въ мелочной торговлѣ и въ тѣхъ вѣтвяхъ промышленности, кои наиболѣе сродны съ контрабандой или въ содержаніи арендъ и шинковъ, на правилахъ, разорительныхъ и для вѣрителей ихъ, и для поселянъ, не могутъ приносить существенной пользы государству... Самыя мѣры, которыя принимало правительство къ *извлеченію изъ сего племени пользы для государства*, составленіемъ для управленія онаго особаго положенія и изысканіемъ средствъ къ переселенію евреевъ изъ селеній въ города, не могли имѣть доселѣ желаемаго успѣха; а повторительныя постановленія, изданныя въ облегченіе ихъ отъ уплаты значительныхъ недоимокъ или къ устраненію утайки душъ въ ревизіи, доказываютъ, что и со стороны *увеличенія казенныхъ доходовъ* евреи не приносятъ той пользы, которую слѣдовало бы ожидать по ихъ числу и промышленности и каковую имѣетъ государство отъ прочихъ жителей". „Положеніе", о которомъ упоминается здѣсь, было положеніе 1804 года, выработанное особымъ комитетомъ, для того составленнымъ въ 1802 году. Въ этомъ комитетѣ были Державинъ (какъ министръ юстиціи; послѣ него кн. Лопухинъ), гр. Кочубей, князь Адамъ Чарторыйскій и гр. Северинъ-Потоцкій. Державинъ, еще при Екатеринѣ, лично изучалъ положеніе евреевъ въ Бѣлоруссіи и вынесъ убѣжденіе, что крестьяне въ томъ краѣ болѣе всего разоряются отъ пьянства, а пьянство происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе спаиванія народа евреями. О разореніи народа крѣпостнымъ правомъ и поборами помѣщиковъ онъ умолчалъ, а можетъ быть и не думалъ. Присутствіе въ комитетѣ какъ его, такъ и польскихъ магнатовъ, несмотря на либерализмъ Чарторыйскаго, должно было опредѣлить взглядъ комитета на евреевъ. И въ самомъ дѣлѣ, общіе мотивы положенія 1804 года совершенно либеральны, высказывается даже экономическій принципъ laisser faire. Но существенныя черты положенія были слѣдующія: евреямъ предписывалось въ теченіи трехъ лѣтъ выселиться совершенно изъ селъ и деревень въ города̀; имъ дозволялось заниматься ремеслами и учреждать фабрики, предоставлялась свобода вѣры, установлялись разныя мѣры поощренія для евреевъ, которые захотѣли бы заниматься земледѣліемъ, и отмѣнены двойныя подати только для „наиболѣе полез-

ныхъ" изъ евреевъ, т.-е. для фабрикантовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. О дозволеніи же евреямъ жить въ русскихъ губерніяхъ и вступать на государственную службу положеніе ничего не говорило. Кагалъ, недавно передъ тѣмъ отмѣненный, положеніемъ былъ возстановленъ. Итакъ, бѣдственное положеніе закрѣпощеннаго народа было вмѣнено въ вину однимъ евреямъ—распространителямъ пьянства, и, чтобы спасти сельскій народъ отъ разоренія, евреевъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ душъ, предписано было удалить изъ мѣста жительства, гдѣ они утвердились вѣками.

Принципъ „извлеченія изъ сего племени пользы для государства" руководилъ законодательствомъ по отношенію къ евреямъ и послѣ Александра I, и притомъ не только въ общихъ, но и во всѣхъ частныхъ мѣрахъ, которыхъ перечислять здѣсь мы не имѣемъ возможности. Въ 1828 году было запрещено переселеніе въ имперію евреевъ изъ царства польскаго, такъ какъ „воспрещено переселеніе изъ-за границы въ Россію и водвореніе въ оной, на тотъ конецъ, дабы преградить чрезвычайное размноженіе въ Россіи сихъ людей, болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ для государства".

Всѣ исключенія изъ запрещеній евреямъ жить въ томъ или другомъ мѣстѣ или участвовать въ подрядахъ и арендахъ, когда такія исключенія дѣлались, до настоящаго царствованія, мотивировались прямо соображеніемъ утилитарнымъ. Приведемъ только два изъ многочисленныхъ примѣровъ. Въ 1848 году, состоялся законъ о допущеніи евреевъ къ торгамъ на перевозки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ не дозволено пребываніе. Военное министерство признавало: „полезнымъ и необходимымъ дозволять евреямъ-купцамъ вступать въ подряды на перевозки и внѣ черты ихъ осѣдлости, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, уменьшится соревнованіе торговцевъ, и казна вынуждена будетъ на большія переплаты, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе не найдетъ иныхъ подрядчиковъ, кромѣ евреевъ". Такъ, въ 1846 году, комитетъ министровъ нашелъ, что „соревнованіе евреевъ при торгахъ на отдачу въ содержаніе корчемъ въ казенныхъ имѣньяхъ могло бы значительно возвысить цѣну за содержаніе тѣхъ корчемъ", и потому такая отдача разрѣшена была на два года. По прошествіи этихъ двухъ лѣтъ однако торги, произведенные безъ евреевъ, были безуспѣшны, и мѣра эта дважды продлялась.

И въ послѣднее двадцатилѣтіе, несмотря на большія улучшенія въ положеніи евреевъ, принципъ утилитарный, принципъ „извлеченія изъ сихъ людей пользы для государства" нерѣдко проглядывалъ въ законахъ о евреяхъ. Важнѣйшіе изъ новыхъ законовъ продиктованы именно этими принципами, и самыя облегченія, доставляемыя ими евреямъ, обусловлены такъ, чтобы они оставались въ силѣ единственно

до тѣхъ поръ пока еврей приноситъ пользу, спеціально ожидаемую и требуемую отъ него государствомъ. Таковы законы о допущеніи въ государственную службу евреевъ, получившихъ высшую ученую степень, о дозволеніи жить во всей Россіи евреямъ-купцамъ и ремесленникамъ. Оффиціальные мотивы этого послѣдняго закона (1865 г.) прямо доказываютъ, что онъ состоялся лишь вслѣдствіе недостатка въ ремесленномъ трудѣ во внутреннихъ губерніяхъ и вслѣдствіе ходатайствъ разныхъ лицъ и учрежденій. Тотъ взглядъ, что евреямъ не слѣдуетъ предоставлять равноправности, но что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно ими пользоваться для видовъ государства и, съ этой собственно цѣлью, надѣлять ихъ нѣкоторыми правами, далеко еще не исчезъ изъ новѣйшаго законодательства. Такъ, въ 1864 году, евреямъ воспрещено было пріобрѣтеніе имѣній въ западномъ краѣ, а также и арендованіе ихъ. Но вотъ, въ 1867 году, выходитъ новый законъ, основанный на слѣдующемъ соображеніи: „такъ какъ въ западномъ краѣ промышленныя и торговыя занятія находятся почти исключительно въ рукахъ евреевъ, и внѣ ихъ среды почти невозможно найти тамъ людей, способныхъ завѣдывать мельницами или заводами, для управленія которыми требуются извѣстныя техническія познанія и навыкъ, то воспрещеніе отдавать имъ въ содержаніе подобныя оброчныя статьи ставитъ новыхъ, русскихъ землевладѣльцевъ въ весьма затруднительное положеніе и даже можетъ довести къ уничтоженію нѣкоторыхъ мельницъ и заводовъ, что̀ неблагопріятно бы отразилось какъ вообще на промышленности и хозяйствѣ, такъ и на дѣлѣ водворенія русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ“. По этому, отчасти хозяйственному, главнымъ же образомъ политическому соображенію, законъ 1867 г. сдѣлалъ отступленіе отъ закона 1864 года, и предоставилъ евреямъ право быть управителями и арендаторами мельницъ и заводовъ при имѣніяхъ въ западномъ краѣ.

V.

Можно сказать вообще, что въ нашемъ законодательствѣ о евреяхъ единственное начало, которое проводилось логически, представлялось нерасположеніемъ и недовѣріемъ къ евреямъ, внутреннимъ убѣжденіемъ, что евреи—племя низшее, по природѣ не могущее требовать правъ, которыя принадлежатъ всѣмъ. Но исторія практическаго примѣненія этого начала или, лучше сказать, настроенія представляетъ цѣлый хаосъ взаимныхъ противорѣчій въ средствахъ и даже соображеніяхъ. При каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣлается какое-либо исключеніе

изъ общаго правила, при каждой отдѣльной мѣрѣ упускается изъ виду то, что послужило основой для прежней мѣры. Нелишне будетъ нѣсколько настоять спеціально на этихъ противорѣчіяхъ, что послужитъ и къ дополненію сдѣланнаго выше краткаго историческаго обзора.

Съ самаго начала присоединенія къ Россіи областей съ туземными евреями, а именно въ царствованіе Екатерины, въ законодательствѣ явилось желаніе побороть отдѣльность, замкнутость евреевъ,—отмѣнить гражданское значеніе кагала. Въ положеніи 1786 года о евреяхъ было установлено, что они судятся, какъ съ другими, такъ и между собою, въ магистратахъ и ратушахъ; въ 1795 году, при устройствѣ минской губерніи, повторено, что „при дѣйствіи магистратовъ и словесныхъ судовъ по городамъ, кагалы еврейскіе не должны касаться ни до какихъ иныхъ дѣлъ, кромѣ обрядовъ закона и богослуженія ихъ". Но этотъ общій и вполнѣ раціональный государственный интересъ вдругъ забывается вслѣдствіе желанія обезпечить круговой порукой поступленіе податей съ евреевъ, для чего кагалъ могъ быть орудіемъ. А потому генералъ-губернаторъ, гр. Чернышевъ, „первый организаторъ западнаго края въ русскомъ духѣ", какъ его называетъ авторъ, уже въ 1776 году сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „жидовъ въ поголовную перепись записать въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ, котораго гдѣ ревизоры найдутъ, и дабы сборъ съ нихъ въ казну вѣрнѣе поступать могъ, такъ и въ прочемъ во всемъ сдѣлать съ ними надлежащій порядокъ, то *учредить кагалы*, въ которые всѣхъ ихъ и расписать, такъ чтобы каждый изъ жидовъ, когда онъ куда для промысловъ своихъ ѣхать или гдѣ жить и поселиться захочетъ, или что либо арендовать будетъ, отъ кагала получалъ паспорты... Поголовныя же деньги платить долженъ кагалъ и вносить оные въ провинціальныя канцеляріи". Въ 1783 году производилась въ сенатѣ переписка, изъ которой видно, что кагаламъ этимъ была присвоена и власть судебная, для разбора дѣлъ между евреями; законами 1786 и 1795 годовъ, она снова была отнята у кагаловъ, но власть административная и финансовая была за ними оставлена. Положеніе 1804 года упоминало, что сборъ и исправное внесеніе казенныхъ податей есть прямая обязанность кагаловъ. Это же подтвердило и положеніе 1835 года, прибавляя, что кагалу принадлежитъ обязанность наблюдать вообще за исполненіемъ евреями предписаній начальства. Въ періодъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, когда было принимаемо наиболѣе мѣръ, разсчитанныхъ на „сліяніе" евреевъ съ прочимъ населеніемъ (главнымъ образомъ—обращеніемъ въ христіанство и воспрещеніемъ еврейской одежды), наиболѣе строго соблюдалась вмѣстѣ съ тѣмъ общинная солидарность евреевъ въ

податномъ и рекрутскомъ отношеніяхъ, то есть—полнѣйшая отчужденность и замкнутость еврейскихъ обществъ, съ отвѣтственностью ихъ за своихъ членовъ. Нѣкоторые остатки этой системы существовали до послѣдняго преобразованія воинской повинности. Спеціальный же еврейскій „коробочный" сборъ, отмѣненный въ царствѣ польскомъ, существуетъ и теперь на остальной территоріи государства, и по своему распредѣленію и употребленію безусловно поддерживаетъ солидарность евреевъ какъ особаго сословія.

Кагалы были уничтожены въ 1844 году и дѣла ихъ переданы въ общія административныя учрежденія; но такъ какъ при этомъ остались въ силѣ и особые налоги на евреевъ и выдѣленіе ихъ въ особыя податныя общества и рекрутскіе участки, и избраніе ими особыхъ мѣщанскихъ старостъ, то сущность дѣла не измѣнилась. Разница была только та, что мѣсто отдѣльнаго учрежденія, „кагала", занялъ отдѣльный еврейскій столъ въ думѣ, съ отдѣльнымъ старостой и т. д. Сущность заключалась въ паспортно-податной системѣ, которая осталась прежняя.

Выше было приведено, на своемъ мѣстѣ, положеніе 1804 года, которымъ предписывалось выселить евреевъ изъ селъ и деревень въ городà, чтобы спасти сельское населеніе отъ причиняемаго ими разоренія; не говоря уже теперь о томъ, что странно было приписывать разореніе крѣпостныхъ людей однимъ евреямъ, положеніе это было странно еще и въ другомъ отношеніи. Каждому помѣщику уже принадлежало право выселять евреевъ изъ своихъ имѣній; право это было спеціально оговорено въ положеніи 1786 года, которое въ мотивахъ своихъ прямо ссылалось на это право помѣщиковъ и на право ихъ устранять вообще все, чтó можетъ весть къ распутству крестьянъ, и на этомъ основаніи высказывалось противъ выселенія евреевъ изъ деревень. Но положеніе 1804 года не хотѣло знать мотивовъ положенія 1786 года. За то положеніе 1835 года не хотѣло знать особыхъ мотивовъ положенія 1804 года, и прямо возвратилось къ тѣмъ соображеніямъ, которыя были написаны въ законѣ еще въ 1786 году. Положеніе 1835 года опредѣляло: „переселеніе евреевъ изъ селъ и деревень, гдѣ оно еще не начато, до времени пріостановить. Само собою разумѣется, что у помѣщиковъ не отъемлется чрезъ сіе права высылать евреевъ изъ селъ и деревень своихъ по собственному усмотрѣнію, но безъ нарушенія контрактовъ" и т. д. Нелишне замѣтить еще, что положеніе 1804 года предпринимало выселить евреевъ изъ деревень въ городà, не отмѣнивъ тѣхъ частныхъ ограниченій, которыми евреи не допускались къ жительству или къ промысламъ въ разныхъ городахъ. Но въ ближайшее ко времени изданія его время, по крайней мѣрѣ, не допускалось вновь такихъ

ограниченій. Такъ, въ 1810 году само правительство отвѣчало отказомъ на просьбу кіевскихъ гражданъ о выселеніи евреевъ, ссылаясь на то, что „по положенію о нихъ назначены для жительства ихъ преимущественно города". Но впослѣдствіи это было забыто, и самое ходатайство Кіева объ изгнаніи евреевъ было удовлетворено ранѣе положенія 1835 года, то-есть были случаи изгнанія евреевъ изъ того или другого города, несмотря на то, что продолжалъ дѣйствовать законъ о выселеніи евреевъ изъ деревень въ города.

Для пополненія всего только-что нами сказаннаго, мы должны были бы познакомить читателей еще съ тѣмъ отдѣломъ книги г. Оршанскаго, въ которомъ разбираются постановленія о духовномъ управленіи и въ особенности о семейномъ бытѣ евреевъ. Вотъ гдѣ всецѣло удерживается и до сихъ поръ совершенный хаосъ. Но мы хотѣли ограничиться однимъ краткимъ обзоромъ, а потому, спѣша перейти къ общимъ выводамъ, коснемся этой семейно-юридической стороны только въ нѣсколькихъ словахъ. По существующимъ законамъ или, лучше сказать, по отсутствію законодательныхъ опредѣленій семейнаго быта у евреевъ, могутъ, наприм., происходить такія уродливыя явленія, что мужъ-еврей, принявъ православіе, женится на христіанкѣ, безъ развода съ женой-еврейкой, и ее съ дѣтьми не только не обязанъ обезпечить, но даже можетъ не согласиться на ея требованіе развода съ нимъ; такъ что, брошенная имъ, она должна сама содержать себя, а между тѣмъ не имѣетъ права вступить въ новый бракъ. Далѣе—законъ въ имперіи не воспрещаетъ многоженства евреевъ, между тѣмъ какъ въ царствѣ польскомъ законъ (французскій) наказуетъ еврея-двоеженца совершенно одинаково съ христіаниномъ-двоеженцемъ. И дѣйствительно, обычай, который у евреевъ и есть дѣйствительный законъ, осуждаетъ многоженство. Еврейство не признаетъ въ бракѣ никакого духовнаго элемента, бракъ по еврейскимъ законамъ есть чисто-гражданскій союзъ. Поэтому вполнѣ раціонально было бы установить для евреевъ бракъ юридическій. Относительно духовенства, существующій законъ отчасти признаетъ въ раввинахъ—духовныхъ лицъ, отчасти же не признаетъ, такъ какъ не даетъ имъ преимуществъ лицъ духовныхъ. Между тѣмъ, всѣ тѣ опредѣленія законовъ, которыя исходятъ изъ взгляда на раввиновъ какъ на лицъ, исключительно уполномоченныхъ совершать обряды и толковать вѣру — не имѣютъ внутренней силы въ еврействѣ, такъ какъ у евреевъ всякъ можетъ толковать вѣру и совершать обряды, и авторитетъ раввина — чисто личный, такъ что весьма часто въ еврейскихъ обществахъ истинными раввинами въ смыслѣ духовномъ признаются не тѣ лица, которые состоятъ оффиціальными раввинами, и послѣдніе считаются именно только оффи-

ціальными, должностными лицами, чиновниками. Законы поручаютъ этимъ оффиціальнымъ раввинамъ контроль надъ соблюденіемъ правильности въ заключеніи браковъ, веденіе метрическихъ книгъ и т. д., а между тѣмъ, не обезпечиваютъ ихъ никакимъ содержаніемъ хотя бы изъ спеціально-еврейскихъ же налоговъ—коробочнаго и свѣчного. Эти оффиціальныя лица, которымъ порученъ контроль, содержатся изъ добровольныхъ приношеній обществъ, и стало быть достаточно имъ не согласиться въ чемъ-либо съ однимъ изъ богатѣйшихъ членовъ общества, чтобы лишиться бóльшей части своего содержанія.

Очевидно, что окончательное устраненіе всѣхъ недоразумѣній и противорѣчій въ законахъ, касающихся быта евреевъ, можетъ быть осуществлено только такими общими законодательными мѣрами, которыя исключили бы изъ нашего гражданскаго права всякое различіе по вѣроисповѣданіямъ, и основали бы семейныя права и обязанности на свѣтскихъ актахъ состоянія и на договорахъ юридическихъ, совершенно независимо отъ церковныхъ обрядовъ и церковныхъ воззрѣній. То же самое слѣдуетъ признать и въ отношеніи всѣхъ вообще правъ евреевъ какъ русскихъ гражданъ: единственнымъ, окончательнымъ и удовлетворительнымъ рѣшеніемъ здѣсь можетъ быть только полная равноправность, полное исключеніе вѣроисповѣдныхъ квалификацій и дисквалификацій изъ всей области русскаго свѣтскаго положительнаго права. Частныя недоразумѣнія и противорѣчія, истекающія изъ частныхъ, исключительныхъ мѣръ, тогда исчезнутъ сами собой.

Хотя авторъ разсматриваемой нами книги и не формулируетъ въ ней требованія полнаго уравненія евреевъ, но требованіе это, очевидно, было присуще его уму; оно естественно истекаетъ изъ его сужденій, которыя имѣютъ преимущественно полемическій характеръ, относятся отрицательно къ существующимъ исключительнымъ мѣрамъ противъ евреевъ вообще. Впрочемъ, настоящая книга составляетъ только часть трудовъ г. Оршанскаго; на оберткѣ книги объявляется, что издатели намѣрены выпустить еще нѣсколько томовъ его сочиненій. Быть можетъ, гдѣ-либо онъ формулировалъ требованіе о полномъ и совершенномъ уравненіи евреевъ. Но въ настоящей книгѣ мы находимъ въ одномъ мѣстѣ указаніе на такой путь къ улучшенію законодательства о нихъ, котораго мы раціональнымъ признать не можемъ. Авторъ высказываетъ мысль, что Россіи вѣроятно еще долго придется ожидать введенія обще-обязательности юридическаго брака, а такъ какъ для устраненія того хаоса, который преобладаетъ доселѣ въ правовыхъ семейныхъ отношеніяхъ евреевъ было бы полезно ввести теперь же обязательность юридическаго брака собственно у евреевъ, то онъ этого и требуетъ. Въ книгѣ есть еще и

другія указанія на возможность улучшенія частныхъ постановленій собственно о евреяхъ.

По нашему убѣжденію, этимъ путемъ невозможно достигнуть истиннаго улучшенія. Сколько ни дополняйте существующіе спеціальные законы о евреяхъ, сколько ни дополняйте ихъ новыми спеціальными же законами, хотя бы они надѣляли евреевъ все бо́льшими правами, но не какъ гражданъ, а какъ евреевъ, нельзя будетъ устранить недоразумѣній и противорѣчій. Отправляясь изъ точки особенностей вѣроисповѣдныхъ, законъ никогда не можетъ логично опредѣлить, напр., семейно-правовыя, а тѣмъ болѣе церковныя отношенія евреевъ, именно, потому что для этого требовалось бы, чтобы русскій законъ о евреяхъ совпалъ съ талмудомъ. Это невозможно, а если бы и было возможно, то не удовлетворило бы наиболѣе просвѣщенную часть еврейства, которая не можетъ не сознавать того, что сознавалъ самъ г. Оршанскій, а именно въ воззрѣніяхъ и требованіяхъ талмуда заключается много грубаго и несправедливаго въ смыслѣ общечеловѣческомъ.

Частныя, спеціальныя улучшенія, создающія или поддерживающія отчужденность разныхъ группъ гражданъ въ государствѣ, вообще не достигаютъ цѣли. Когда были введены метрическія книги спеціально для раскольниковъ, то-есть гражданская регистрація ихъ браковъ (обязательность юридическаго брака), рожденій, случаевъ смерти (свѣтское веденіе актовъ состоянія), то въ „Вѣстникѣ Европы" эта мѣра была привѣтствована, какъ первый приступъ ко введенію этой юридической системы въ область гражданскаго права для всѣхъ русскихъ подданныхъ, а не въ смыслѣ спеціальной мѣры, относящейся собственно къ раскольникамъ. То же самое слѣдуетъ сказать о подобной же реформѣ, предположенной авторомъ спеціально для евреевъ. Недостатки и противорѣчія въ спеціальныхъ о нихъ законахъ могутъ быть удовлетворительно и окончательно устранены только полной отмѣной такихъ спеціальныхъ законовъ и вмѣстѣ — секуляризаціею вообще нашихъ гражданскихъ законовъ, исключеніемъ изъ нихъ всѣхъ вѣроисповѣдныхъ различій, введеніемъ гражданскихъ мѣръ и актовъ, юридическихъ обрядовъ и договоровъ во всей юридической сферѣ взамѣнъ мѣръ, актовъ, обрядовъ и условій церковныхъ.

Если г. Оршанскій видѣлъ въ этомъ только идеалъ, то намъ кажется, что идеалъ этотъ можетъ осуществиться скорѣе, чѣмъ онъ, повидимому, предполагалъ, и такое убѣжденіе мы основываемъ на томъ соображеніи, что подобная общая реформа, даже въ самомъ безусловно-полномъ ея примѣненіи, нисколько не умалила бы полноправія власти правительственной.

Но, несмотря на наше убѣжденіе въ необходимости полнаго уравненія евреевъ въ правахъ со всѣми русскими гражданами, мы не скрываемъ отъ себя, что исключительный порядокъ, существовавшій вѣка собственно по отношенію къ евреямъ, уступая мѣсто совершенному уравненію, можетъ, по естественному ходу вещей, все-таки отозваться и въ новомъ законодательствѣ, для всѣхъ общемъ, отозваться въ видѣ какой-либо временной ограничительной мѣры въ отношеніи именно евреевъ, какъ національности, вынесшей нѣкоторыя особенности характера, нѣкоторую спеціализацію дѣятельности именно изъ вѣкового существованія исключительныхъ о нихъ законовъ. Въ этомъ смыслѣ мы, значитъ, какъ-бы сходимся съ авторомъ въ воззрѣніи на полное уравненіе евреевъ какъ на идеалъ, но въ то же время отчасти и расходимся съ его взглядами, насколько они уяснились намъ изъ его книги.

Пояснимъ нашу мысль и тотчасъ же опредѣлимъ съ точностью то ограниченіе, которое, по нашему мнѣнію, на первое время трудно было бы избѣгнуть и при полномъ распространеніи на евреевъ всѣхъ общихъ правъ.

Улучшать спеціальные законы о евреяхъ исправленіями и дополненіями ихъ мы считаемъ средствомъ невѣрнымъ и недостаточнымъ. Необходимо устраненіе вѣроисповѣдныхъ различій изъ законовъ общихъ и распространеніе этихъ законовъ на евреевъ, причемъ первое, что́ пріобрѣли бы евреи, было бы, конечно, право повсемѣстнаго постояннаго жительства во всѣхъ частяхъ имперіи и право государственной службы на общемъ основаніи. Но затѣмъ, идя этимъ, общимъ для всѣхъ, путемъ, мы можемъ все-таки натолкнуться на такія требованія о частныхъ ограниченіяхъ для евреевъ собственно въ области камеральнаго права, которыхъ мы сами, приверженцы полнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ уравненія евреевъ, не могли бы опровергнуть съ достаточной убѣдительностью. Мы не желали бы остаться въ области однихъ соображеній права, которыя безусловно говорятъ въ пользу совершеннаго уравненія евреевъ. Политическій вопросъ только въ такомъ случаѣ можно признавать рѣшеннымъ, хотя бы только на бумагѣ, когда противъ раціональнаго, юридическаго рѣшенія его не можетъ быть предъявлено какое-либо вѣское соображеніе свойства практическаго. Иначе участь найденнаго рѣшенія будетъ такова, какъ участь сенатскаго опредѣленія при Екатеринѣ II въ пользу допущенія евреевъ въ Россіи: рѣшеніе будетъ признано вполнѣ правильнымъ, но на практикѣ состоится резолюція: „отложить до времени исполненіе". Екатеринѣ практическое возраженіе представилось въ видѣ опасенія при самомъ началѣ цар-

ствованія—возбудить неудовольствіе духовенства. Теперь возраженіе можетъ быть иного свойства.

VI.

Представимъ себѣ, что вопросъ объ уравненіи евреевъ поставленъ у насъ—какъ то и въ дѣйствительности необходимо—на очередь. Представимъ себѣ, что всѣ возраженія противъ безусловнаго уравненія евреевъ, истекающія изъ мотива религіознаго и изъ предразсудковъ всякаго рода, побѣдоносно опровергнуты юридическою аргументаціею. Тогда непремѣнно будетъ предъявлено возраженіе такого рода: стало-быть, евреи получатъ право повсемѣстнаго жительства въ имперіи и стало-быть законъ, воспрещающій евреямъ содержать мѣста продажи крѣпкихъ напитковъ, будетъ отмѣненъ; въ такомъ случаѣ по всей Россіи кабаки перейдутъ въ руки евреевъ, и все русское крестьянство подпадетъ въ кабалу къ евреямъ-шинкарямъ, самое сельское самоуправленіе подпадетъ подъ вліяніе еврейскаго скопа. Вотъ то возраженіе, которое надо впередъ имѣть въ виду, защищая уравненіе евреевъ, такъ какъ это возраженіе непремѣнно будетъ сдѣлано. Чтобы устранить его, лучше всего было бы доказать, что фактъ спаиванія народа евреями въ западномъ краѣ невѣренъ, что это обвиненіе и въ настоящее время выдумано на евреевъ „эгоизмомъ христіанской буржуазіи", какъ прежде западные и южные помѣщики приписывали бѣдственное положеніе своихъ крѣпостныхъ исключительно евреямъ, а не крѣпостному праву.

Но доказать, что спаиваніе народа евреями въ чертѣ ихъ осѣдлости нынѣ вовсе не практикуется, что сколько-нибудь частыхъ случаевъ закабаленія крестьянъ евреями-шинкарями вовсе нѣтъ,—этого мы доказать не можемъ. Правда, мы можемъ объяснять, вмѣстѣ съ авторомъ разбираемой книги, что преимущественное обращеніе евреевъ къ промыслу шинкарства и самая солидарность евреевъ, еврейскій скопъ, вытекли не изъ національной особенности евреевъ, не изъ самой природы еврейства, но именно изъ тѣхъ стѣсненій и ограниченій, какими евреи были обставлены въ продолженіи вѣковъ, изъ закрытія имъ другихъ областей дѣятельности и, наконецъ,—у насъ—отъ искусственнаго скопленія евреевъ на пространствѣ нѣсколькихъ губерній. Со всѣмъ этимъ мы совершенно согласны, но и возражающіе могутъ согласиться съ этимъ, а между тѣмъ все-таки удержать въ силѣ свое практическое возраженіе, сказавъ: „отъ чего бы тамъ это ни произошло, но оно *есть* и не можетъ исчезнуть вдругъ, вслѣдъ

за однимъ законодательнымъ провозглашеніемъ полной равноправности для евреевъ".

Вотъ почему и въ видахъ практической достижимости такого уравненія во всѣхъ прочихъ правахъ, мы должны сдѣлать на практикѣ уступку, допустить временное отступленіе отъ своего принципа спеціально и именно только въ отношеніи права занятія евреевъ промысломъ шинкарства. Защитникамъ уравненія евреевъ, какъ намъ кажется, благоразумнѣе, практичнѣе требовать въ настоящее время только трехъ вещей: 1) допущенія евреевъ къ повсемѣстному жительству и ко всѣмъ промысламъ въ имперіи на тѣхъ правахъ, на которыхъ евреи нынѣ живутъ и промышляютъ въ нынѣшней чертѣ ихъ осѣдлости, но еще съ болѣе точнымъ и строгимъ опредѣленіемъ закона, воспрещающаго евреямъ шинкарство, такъ чтобы были невозможны случаи, которые представляются доселѣ въ западномъ краѣ, что еврей — негласный хозяинъ шинка; 2) отмѣны всѣхъ спеціальныхъ постановленій о евреяхъ и подчиненія ихъ общимъ законамъ во всѣхъ отношеніяхъ—за однимъ исключеніемъ, только-что оговореннымъ выше;—наконецъ, 3) пересмотра гражданскихъ законовъ вообще, съ цѣлью устраненія изъ нихъ всѣхъ вѣроисповѣдныхъ различій, со введеніемъ свѣтской метрики для всѣхъ безъ исключенія гражданъ, и съ порученіемъ регистраціи рожденій, браковъ и случаевъ смерти въ городахъ—особымъ должностнымъ лицамъ, а въ селеніяхъ — волостнымъ старшинамъ, подъ надзоромъ уѣзднаго метрическаго чиновника. Въ этихъ условіяхъ уже включается обязательность брака юридическаго, но—для полнаго осуществленія ея—формы брачной записи должны быть опредѣлены особо, такъ чтобы эта запись имѣла смыслъ договора, въ которомъ могутъ быть принимаемы та или другая изъ установленныхъ закономъ формъ.

Такая совокупность мѣръ была бы полнымъ рѣшеніемъ еврейскаго вопроса въ законодательномъ смыслѣ. Всѣ возраженія, недоразумѣнія и противорѣчія, истекающія изъ нынѣшняго порядка, исчезли бы, такъ какъ гражданскій бытъ евреевъ и юридическія условія ихъ быта семейнаго съ полной точностью опредѣлились бы общими законами. Осталась бы, въ видѣ временной и переходной мѣры, дисквалификація евреевъ: недоступность для нихъ торга крѣпкими напитками. Она и теперь закономъ для нихъ установлена въ западномъ краѣ, стало-быть, не представила бы ничего новаго, а за то евреи получили бы право повсемѣстнаго жительства, государственной службы и вообще всѣ права русскихъ гражданъ. Тогда уже и они не имѣли бы повода жаловаться, что съ закрытіемъ для нихъ шинкарства у нихъ были бы отняты средства къ пропитанію. На-

противъ, имъ были бы открыты, по всей Россіи, всѣ остальные промыслы и профессіи: еврей могъ бы быть купцомъ, ремесленникомъ, земледѣльцомъ, банкиромъ, чиновникомъ, разночинцемъ, офицеромъ и генераломъ (какъ во Франціи), чернорабочимъ и министромъ. При такомъ просторѣ дѣятельности странно было бы сѣтовать на одно ограниченіе — воспрещеніе собственно шинкарства. А наконецъ, по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, когда евреи разселились бы по всей Россіи, въ качествѣ полезныхъ дѣятелей, когда отмѣна всякаго неравенства заставила бы забыть о религіозномъ различіи, когда замкнутость и отчужденность евреевъ уступили бы мѣсто полному сліянію ихъ съ прочими національными разновидностями Россіи,— будущій законодатель, безъ сомнѣнія, вычеркнулъ бы изъ буквы закона и послѣднее, переходное ограниченіе, чтобы окончательно очистить русскій законъ отъ всякаго слѣда неравноправности.

Л. А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1878.

Послѣ войны.—Опытъ гражданскаго управленія въ Болгаріи.—Слабость нашихъ предварительныхъ свѣдѣній и невѣрность разсчетовъ. — Техническіе недостатки въ военномъ дѣлѣ. — Роль земства и печати въ эпоху войны. — Полемика одесскихъ газетъ съ тифлисскимъ „Обзоромъ". — Врачебная помощь со стороны женщинъ. — Финансовый вопросъ и преобразованіе податей. — Наша акцизная система.—Современное состояніе почтоваго дѣла въ Россіи.

Каковы бы ни были тѣ внѣшнія приращенія и выгоды, которыя принесетъ намъ нынѣшняя война, надо надѣяться, что и уроки ея не пройдутъ для насъ безслѣдно. Надо стараться выяснять ихъ себѣ и помнить твердо, не давая никакому обольщенію окончательнымъ успѣхомъ отводить намъ глаза отъ выступившихъ наружу недостатковъ. Никакъ не слѣдуетъ забывать, что въ іюлѣ и августѣ въ мыслящемъ обществѣ только и говорилось именно объ оказавшихся недостаткахъ. Но позднѣйшіе, дѣйствительно-блестящіе военные успѣхи и—въ особенности — такое обаятельное историческое событіе, какъ вступленіе русскихъ войскъ въ Константинополь, могутъ заслонить собой данные войною уроки и даже изгладить ихъ сознаніе. Общественное настроеніе у насъ крайне подвижно: оно обусловливается болѣе всего преходящими увлеченіями—уже потому, что ищетъ какъ бы „отводить въ нихъ душу" отъ созерцанія разныхъ непреходящихъ условій.

Но на этотъ разъ, можно надѣяться, общественное сознаніе выкажетъ болѣе выдержанности. Въ отношеніяхъ общества къ нынѣшней войнѣ было гораздо болѣе благоразумія, трезвости и вмѣстѣ искренности, чѣмъ въ тѣ времена, когда въ словахъ проявлялся крайній шовинизмъ, а на дѣлѣ—безучастіе. Вотъ почему позволительно ожидать, что и самые блестящіе успѣхи русскаго оружія не дадутъ намъ забыть того, что казалось намъ такъ очевидно въ концѣ прошлаго

лѣта. Если общественная мысль не хочетъ отречься отъ самой себя, если она въ правѣ считать себя чѣмъ-либо серьёзнѣе восторженнаго лепета, смѣняющаго унылое, равно безплодное вздыханье, то она именно теперь, послѣ нашихъ успѣховъ, и должна проявить первое свойство мужественности—выдержку, твердость въ сознаніи и стремленіяхъ.

Первое, непосредственное примѣненіе уроковъ, нами пройденныхъ, къ тому пути, который намъ предлежитъ, естественно указывается самыми фактами, какими сопровождались освобожденіе славянъ и веденная съ этой цѣлью война. Освобожденіе Болгаріи и устройство нѣкоторыхъ частей нашей военной машины—вотъ, разумѣется, первое, надъ чѣмъ слѣдуетъ призадуматься. Зададимъ себѣ сперва нѣсколько вопросовъ относительно фактовъ, которые постоянно занимали общество въ продолженіи войны, теперь, повидимому, конченной.

Оказались или нѣтъ такіе факты, что, приступивъ къ освобожденію славянъ, и начавъ войну изъ сочувствія къ нимъ, мы съ самаго начала отнеслись къ славянамъ съ слишкомъ бюрократическимъ высокомѣріемъ, принесли имъ готовыя, притомъ весьма примитивныя начала управленія, сводившіяся въ сущности на то самое начало, которое преобладаетъ въ отношеніяхъ нашихъ низшихъ административныхъ властей къ органамъ крестьянскаго самоуправленія? Оказалось или нѣтъ, что первымъ нашимъ шагомъ къ осуществленію національнаго самоуправленія въ Болгаріи, было перенесеніе туда готовой системы, выработанной безъ всякой справки съ мѣстнымъ мнѣніемъ, готовой администраціи, составленной изъ петербургскихъ офицеровъ, съ губернаторами, даже для неосвобожденныхъ еще мѣстностей, администраціи, нежелавшей слушать никакихъ заявленій со стороны населенія? Правда или нѣтъ, что, торопясь вводить это „гражданское" управленіе, мы объявляли объ отмѣнѣ „навсегда" десятиннаго сбора, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявляли объ установленіи „правильной" поземельной подати, но до ея введенія начали сбирать десятину натурою, а вскорѣ послѣ того—даже деньгами, то-есть выказывали въ своихъ мѣрахъ, принимаемыхъ „навсегда", такія колебанія и самопротиворѣчія, которыя вселяли въ болгаръ неизбѣжное недовѣріе?

На приведенные вопросы многіе отвѣчаютъ утвердительно, а такой отвѣтъ на нихъ указываетъ уже на цѣлый рядъ нашихъ ошибокъ. Если судить по пріемамъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма видныхъ приверженцевъ славянофильства, выказаннымъ въ Болгаріи, то остается только порадоваться свидѣтельству К. Д. Кавелина (въ его статьяхъ въ „Сѣв. Вѣстн."), что славянофилы никогда не были политическою партіей, и что они, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Россіи,

не думали навязывать никакой обязательной програмы государству и народу. Нынѣшній примѣръ только показываетъ, что въ случаѣ, если бы современные славянофилы получили возможность въ самой Россіи играть политически-вліятельную роль и пожелали бы навязывать намъ самимъ свою програму, то они не придумали бы для этого пріемовъ болѣе либеральныхъ, чѣмъ тѣ, какіе издавна практиковались столь нелюбимымъ ими „петербургскимъ періодомъ"; назначеніе военныхъ людей въ гражданское управленіе, начало всякой реформы съ раздачи высокихъ окладовъ, отрицаніе всякой самостоятельности управляемыхъ и въ концѣ-концовъ—произволъ. Пусть современные славянофилы продолжаютъ твердить старую погудку, что петербургскій періодъ представляетъ собой „оторванность отъ почвы"; но мы не должны упускать изъ виду, что въ первый же разъ, когда современные славянофилы явились практическими, политическими дѣятелями, они сами не обнаружили ровно никакой „оторванности" отъ административныхъ преданій петербургскаго періода. Въ иномъ современномъ славянофилѣ бюрократъ сидитъ не менѣе глубоко и сказывается даже болѣе рѣшительно, чѣмъ въ любомъ изъ представителей толико осужденнаго славянофилами „чиновничьяго" Петербурга.

Вообще, попытка предпринять во время войны что-то въ родѣ культурнаго возрожденія болгарскаго народа по чуждымъ ему шаблонамъ, безъ всякихъ справокъ съ дѣйствительными нуждами и понятіями самихъ болгаръ, попытка, ознаменовавшаяся вдобавокъ пріемами рѣзко-бюрократическаго свойства, была—какъ теперь уже выяснилось—ошибкой, такой ошибкой, о которой нельзя не пожалѣть и которую слѣдуетъ по возможности скоро исправить. Иначе результатомъ перваго нашего практическаго отношенія къ дѣлу возрожденія турецкихъ славянъ могутъ оказаться разочарованіе и недовѣріе болгаръ, которыхъ намъ пришлось бы затѣмъ силою принуждать къ участію въ „самоуправленіи", представляющемъ только наружную форму. Предварительныя условія мира показываютъ, что наше правительство намѣрено предоставить Болгаріи политическую самостоятельность: Болгарія будетъ отдѣльнымъ княжествомъ, хотя и вассальнымъ. Это уже ясно опредѣляетъ, что русское управленіе Болгаріею только временное, а стало быть ему совершенно несвойственны культурныя задачи, заботы о передѣлкѣ народнаго быта болгаръ. Такъ-называемое „гражданское" управленіе Болгаріею и доселѣ имѣло, по своему составу и пріемамъ, характеръ въ сущности военный. Но было бы лучше, если бы оно открыто носило именно военный, временный характеръ, обусловленный самыми обстоятельствами. Имѣя въ своей главѣ человѣка военнаго, который получилъ бы опре-

дѣленное мѣсто въ военной іерархіи нашихъ войскъ, временно занимающихъ Болгарію, это управленіе озабочивалось бы только охраненіемъ безопасности и необходимѣйшими отправленіями временной администраціи, предоставляя рѣшеніе всѣхъ вопросовъ объ окончательномъ устройствѣ быта—будущему представительству болгарскаго народа и его правителямъ. Такая постановка вполнѣ соотвѣтствовала бы обстоятельствамъ, соотвѣтствовала бы желаніямъ самихъ болгаръ и, исправивъ сдѣланную на первыхъ порахъ ошибку, возстановила бы ихъ довѣріе къ намъ, довѣріе, которымъ мы должны дорожить тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе придаемъ нынѣшней войнѣ характеръ войны за славянскую идею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, упомянутая ясная постановка устранила бы и возможность какихъ-либо недоразумѣній или пререканій между „гражданскимъ" и военнымъ управленіями въ Болгаріи. По смыслу вещей, тамъ не можетъ быть одновременно двухъ разнородныхъ русскихъ управленій, а могутъ явиться только, одинъ на смѣну другого, два порядка управленія: русскій, временный и по необходимости военный, а затѣмъ—болгарскій, какой окончательно должны выработать у себя сами болгары. Ничего средняго и переходнаго между этими двумя порядками съ успѣхомъ вводить нельзя. Какими бы болгарскими сходками и совѣтами ни прикрывалось русское „гражданское" управленіе, оно все-таки для болгаръ будетъ русскимъ, и произвольное предрѣшеніе имъ какихъ-либо бытовыхъ вопросовъ нисколько не будетъ обязательно для позднѣйшаго мѣстнаго, болгарскаго законодательства. Итакъ, чѣмъ скорѣе мы откажемся отъ попытокъ въ этомъ смыслѣ, могущихъ только затемнять для болгаръ истинный смыслъ великой услуги, оказанной имъ Россіею — освобожденія ихъ отъ турецкаго ига — тѣмъ будетъ лучше.

Гораздо естественнѣе и плодотворнѣе для насъ представляется иная задача: озаботиться пополненіемъ тѣхъ пробѣловъ и исправленіемъ тѣхъ недостатковъ, какіе оказались въ разныхъ частяхъ нашего собственнаго устройства. Вотъ то поле, на которомъ возможны прочные успѣхи, и все, что будетъ сдѣлано на немъ, представитъ цѣнные, практическіе результаты для насъ самихъ.

Здѣсь естественно представляются прежде всего нѣкоторые недостатки въ разныхъ отрасляхъ самаго военнаго устройства, непосредственно указанные войною. Повторимъ, что и ихъ не слѣдуетъ забывать, увлекаясь блескомъ успѣховъ, одержанныхъ нами въ концѣ-концовъ, благодаря выносливости и мужеству солдатъ и искусству генераловъ. Поэтому поставимъ еще разъ нѣсколько такихъ вопросовъ, которые прошлымъ лѣтомъ были у всѣхъ на языкѣ, ка-

зались всѣмъ ясными, а слѣдовательно, не должны быть устранены изъ нашего сознанія однимъ фактомъ нашей окончательной побѣды надъ Турціею. Пусть недостатки эти были не такъ важны, чтобы помѣшать нашей побѣдѣ надъ нею; пусть торжество нашихъ войскъ надъ турецкими было обезпечено впередъ и во всякомъ случаѣ тѣмъ, что Россія гораздо могущественнѣе Турціи. Но вѣдь намъ можетъ предстоять когда-либо необходимость воевать и не съ Турціею. Не для одного же устраненія опасности со стороны Турціи мы несемъ на себѣ почти 200-милліонный военный бюджетъ мирнаго времени и разсчитываемъ свою вооруженную силу въ два милліона ружей. А въ войнѣ съ болѣе могущественнымъ противникомъ и тѣ недостатки, какіе оказались нынѣ, могли бы гораздо болѣе повліять на исходъ дѣла. Итакъ, прежде всего необходимо устранить такіе недостатки, если они въ самомъ дѣлѣ оказались.

Но оказались ли они? Когда послушаешь высказываемое теперь въ иныхъ кружкахъ мнѣніе, то можно подумать, что никакихъ недостатковъ не было, что все обстояло благополучно, все было отлично разсчитано впередъ, подготовлено, всѣ средства были на лицо и оставалось только побѣдить. Но если бы мы даже не хотѣли помнить того, чтó лѣтомъ говорилось всѣми, то съ заявляющимся нынѣ мнѣніемъ нельзя было бы примириться уже апріорически, просто потому, что оно относитъ весь нашъ окончательный успѣхъ къ первоначальному разсчету, къ первоначальной подготовленности, а не къ чудесамъ выносливости и самоотверженія солдатъ и дарованіямъ отдѣльныхъ генераловъ. Между тѣмъ, факты показываютъ, что дѣло происходило въ прямо обратномъ смыслѣ: ошибки и перерывъ въ успѣшномъ ходѣ войны были послѣдствіемъ не вполнѣ вѣрнаго разсчета и не полной приготовленности; вслѣдствіе того, вся война пошла вовсе не такъ, какъ первоначально предполагалось; для достиженія же успѣховъ совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ предполагалось прежде, потребовалась такая сумма самопожертвованія со стороны солдатъ, какой никто не имѣлъ права предполагать впередъ, и счастливый выборъ людей, который до извѣстной степени былъ такъ-сказать лотереей, такъ какъ серьёзной войны мы не вели уже 20 лѣтъ.

Разсчетъ былъ таковъ, что съ 200-тысячнымъ войскомъ мы быстро двинемся еще лѣтомъ къ Адріанополю, а когда въ этомъ разсчетѣ оказалась ошибка на цѣлыхъ 100 тысячъ человѣкъ, то была принята во вниманіе возможность возобновленія рѣшительнаго наступленія весною. Никакой разсчетъ не могъ бы быть основанъ на такомъ предположеніи, что двѣ арміи въ 70 т. чел. каждая должны будутъ именно въ концѣ декабря переходить чрезъ Балканы, не имѣя даже теплой одежды, по тропинкамъ, которые не только въ главномъ штабѣ въ

Петербургѣ, но въ средѣ самихъ турецкихъ генераловъ считались непроходимыми для большихъ массъ войскъ съ артиллеріею. Если чтó было однакоже сдѣлано, то было сдѣлано ужъ никакъ не въ исполненіе первоначальнаго разсчета, а благодаря духу и умѣнью, обнаруженнымъ самими войсками. Основывался ли первоначальный разсчетъ на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ о свойствахъ турецкой вооруженной силы? Допускалъ ли этотъ разсчетъ возможность быстраго рѣшенія войны смѣлымъ натискомъ впередъ при составѣ дунайской арміи въ 200 т. чел.?—мы не можемъ отвѣчать на эти вопросы иначе, какъ утвердительно, такъ какъ это доказывалось фактами.

Обнаружился ли нѣкоторый недостатокъ наблюденій за современнымъ ходомъ военнаго искусства самой нашей тактикой подъ Плевною? Едва ли возможно отрицать и это. Нѣмецкій военный писатель генералъ Ганнекенъ въ статьѣ, недавно явившейся въ еженедѣльномъ военномъ обозрѣніи, замѣчаетъ, что всѣ современныя войны, начиная съ американской междоусобной войны, показывали болѣе и болѣе переворотъ, производимый въ тактикѣ скорострѣльнымъ оружіемъ. Въ старыя времена, ружье брало на 300 шаговъ, и для заряда требовалось много времени; поэтому колонна, штурмовавшая полевое укрѣпленіе, подвергалась всего 6 или 7-ми залпамъ, прежде тѣмъ доходила до бруствера и, потерявъ мало людей, непремѣнно выбивала штыками слабѣйшаго числомъ непріятеля. Теперь же, если редутъ командуетъ открытою мѣстностью, примѣрно на $1^1/_2$ версты, то нападающій отрядъ, пробѣгая это разстояніе въ 12 минутъ, долженъ выдержать до 40 залповъ, а это, какъ бы рѣдки ни были ряды построенія наступающихъ, должно выбить у нихъ половину людей изъ строя. Генералъ Ганнекенъ утверждаетъ, что этого не могутъ выдержать самыя испытанныя, самыя самоотверженныя войска; что, однимъ словомъ, наступленіе при этомъ превосходитъ человѣческія силы. А между тѣмъ, вспомнимъ, чтó мы дѣлали разъ подъ Зевиномъ и трижди подъ Плевной, имѣя противъ себя не слабѣйшаго числомъ, но сильнѣйшаго или равносильнаго себѣ непріятеля. „Если", разсуждаетъ генералъ Ганнекенъ, „какой-либо отрядъ будетъ двинутъ по открытому, хотя бы малоподъемному гласису въ 2 т. шаговъ подъ дѣйствіемъ быстраго огня скрытой за ретраншаментами пѣхоты, то этотъ отрядъ просто подвергается бойнѣ. Итакъ, необходимо, чтобы самъ наступающій рѣшился подаваться впередъ не иначе, какъ прикрывая себя, необходимо, чтобы онъ самъ сталъ окапываться и шелъ настоящимъ осаднымъ путемъ".

Легко сказать „окапываться". Но какъ окапываться, когда нѣтъ и простѣйшаго изъ всѣхъ изобрѣтенныхъ доселѣ орудій, когда попросту—нѣтъ лопатъ? Было ли у насъ подъ Плевной, когда мы пред-

принимали штурмы, достаточно шанцеваго инструмента или не было? Этотъ вопросъ рѣшается уже простой ссылкой на оффиціальный документъ, на рапортъ генерала Скобелева 2-го и штурмъ 30—31 августа; онъ удостовѣряетъ, что былъ недостатокъ въ шанцовомъ инструментѣ.

Оказалось или не оказалось несовершенство нашего ручного и артиллерійскаго оружія, въ сравненіи съ турецкимъ? Въ отношеніи ручного оружія вопросъ разрѣшается очень просто тѣмъ, что по мѣрѣ захвата нашими войсками ружей Пибоди и Мартини, они замѣняли свои крынковскія ружья этимъ оружіемъ. Перевооруженіе нашей арміи скорострѣльными ружьями, еще только предпринятое черезъ шесть лѣтъ послѣ опыта прусскихъ игольчатыхъ ружей въ датской войнѣ, не было затѣмъ окончено и въ теченіи дальнѣйшихъ семи лѣтъ. Большинство арміи имѣло ружья Крынка, которыя сами по себѣ во всѣхъ отношеніяхъ хуже ружей новѣйшихъ системъ; но, кромѣ того, на этомъ ружьѣ не было даже дальняго прицѣла, а прицѣлъ былъ только на 600 шаговъ, такъ что и въ открытомъ полѣ турки имѣли надъ нами большое преимущество, пока не подошли части войскъ, вооруженныя винтовкою Бердана.

Относительно артиллеріи оказалось ли, что ея вооруженіе равнялось турецкому? Нѣтъ, удовлетворительными оказались у насъ только осадныя орудія и мортиры. Что касается полевыхъ, то въ рапортѣ ген. Скобелева 2-го о взятіи Ловчи мы имѣемъ оффиціальное же удостовѣреніе, что наши орудія уступали турецкимъ въ дальности стрѣльбы. А что же оказалось бы, если бы мы вели войну не съ Турціею, а съ Германіею или съ Австріею? Вѣдь стальныя полевыя орудія, бывшія у турокъ, какъ теперь извѣстно, были пріобрѣтены изъ проданныхъ за ненадобностью прусскихъ же орудій прежняго образца; если тѣ орудія, которыя выведены изъ прусской артиллеріи для замѣны ихъ болѣе усовершенствованными, оказались лучше нашихъ по дальности стрѣльбы и прочности,—то что же мы подѣлали бы противъ смѣнившихъ ихъ *новыхъ* прусскихъ орудій?

Не хотимъ утомлять читателя разъясненіемъ другихъ вопросовъ, еще недавно столь ему ясныхъ: оказался ли недостатокъ въ госпитальномъ обозѣ, достаточно ли обезпечена была вся система снабженій арміи, что сдѣлали ли бы военные подвижные госпитали безъ помощи госпиталей общества „Краснаго Креста", какое отношеніе имѣли условія и права продовольственной компаніи Горвицъ и Коганъ къ системѣ военно-окружнаго устройства и т. п. Достаточно назвать эти вопросы, чтобы напомнить о цѣлыхъ рядахъ неутѣшительныхъ фактовъ и картинъ, которые зависѣли именно отъ нашей неприготовленности въ

томъ или другомъ отношеніи. А времени приготовленія у насъ было кажется довольно: la Russie se recueillait—20 лѣтъ.

Неужели же все то, что оказалось, всѣ недочеты, ошибки и пробѣлы, недостатокъ и свѣдѣній и матеріаловъ, — все это останется втунѣ, не будетъ принято въ соображеніи, потому только, что русскіе солдаты, благодаря находчивости трехъ—четырехъ генераловъ, замѣняли своей выносливостью и лучшее ружье, и лучшую пушку, и лучшую пищу, сами сдѣлали себѣ обувь, согрѣвались вмѣсто полушубка—терпѣніемъ, здоровые везли на себѣ пушки на обледенѣвшія скалы, замѣняя воловъ, и раненые безропотно умирали на стоверстномъ пути въ телѣгахъ?

Нѣтъ, слишкомъ очевидна необходимость, чтобы la Russie se recueille еще и впредь; время усиленныхъ работъ объ улучшеніяхъ не только не прошло, но въ нихъ именно вся задача нашей ближайшей будущности. Оказалась только необходимость оживленія въ преобразовательныхъ усиліяхъ, большей настойчивости, быстроты и выдержки въ ихъ осуществленіи; оказалась—хотя бы на примѣрѣ военной организаціи—невозможность слишкомъ долго собираться и откладывать, отставая отъ всѣхъ въ совершённой работѣ и являясь никому по ней не равными въ тотъ моментъ, когда сама судьба принуждаетъ насъ на дѣлѣ мѣряться съ кѣмъ бы то ни было.

Война—говорили мы при самомъ ея началѣ—есть проба силъ народа, экзаменъ всего ближайшаго направленія его внутренней работы. Что же показала намъ въ этомъ смыслѣ нынѣшняя война? Такъ какъ это все-таки была война только съ Турціею, то ее слѣдуетъ признать экзаменомъ изъ предмета сравнительно легкаго. И вотъ, мы, въ концѣ-концовъ, благополучно его прошли, но не безъ двойной переэкзаменовки, въ видѣ двойнаго похода, какъ за Дунаемъ, такъ и въ Малой Азіи; и здѣсь, и тамъ, потребовались два похода, изъ которыхъ вторые были съ совсѣмъ инымъ расчетомъ, чѣмъ первые. Итакъ, роль наша была похожа на роль талантливаго, но лѣниваго ученика, который смѣло явился на экзаменъ, преувеличивая себѣ его легкость и свою приготовленность; въ сущности же, былъ весьма слабъ во многихъ частяхъ, но напослѣдокъ, благодаря природной смѣтливости, и отвагѣ, и крѣпкой натурѣ, не спавъ нѣсколько ночей подъ рядъ, вынесъ-таки свое и получилъ хорошій баллъ, хотя его классный наставникъ отлично знаетъ, что ученикъ этого балла не заслуживаетъ.

. . . .

Если при веденіи войны, при этомъ напряженіи всѣхъ силъ государства, сказывается состояніе въ немъ каждой его силы, то что не должны подумать, напримѣръ, о нашемъ земствѣ? Земство есть самый не-

посредственный органъ народнаго хозяйства, такой органъ, въ которомъ народъ является самъ дѣятелемъ, въ силу выборнаго начала. Въ земствѣ соединены всѣ классы, образованные и необразованные, и если въ какомъ-либо учрежденіи должна выразиться прежде всего общественная мысль, проявиться дѣятельность народа въ направленіи этой мысли, то, казалось бы, именно въ земствѣ. Между тѣмъ, въ томъ напряженіи силъ, какое было вызвано войною, дѣятельность земства оставалась совершенно незамѣтной. Земскія собранія выразили патріотическія чувства и принесли пожертвованія изъ земскихъ суммъ, предназначенныхъ на хозяйство, на цѣли войны—вотъ и все, что сдѣлало земство. Но, вѣдь, подобныя заявленія и даже пожертвованія могли бы оказаться и тогда, если бы земскихъ учрежденій не было. Дворянскія и и городскія собранія и даже губернаторы отъ лица губерній могли бы не хуже выразить несомнѣнныя чувства русскаго народа и, съ разрѣшенія высшей администраціи, отчислить для цѣлей войны нѣкоторые средства изъ государственнаго земскаго сбора, продовольственныхъ капиталовъ и суммъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ лишь пассивное отношеніе земства къ великому народному дѣлу: заявить чувства и дать деньги въ распоряженіе правительства или общества попеченія о раненыхъ—это было легко и не представило еще никакой самодѣятельности, не удостовѣрило, что земство есть въ самомъ дѣлѣ сила, на которую въ томъ или другомъ случаѣ могло бы надежно опереться правительство. Совсѣмъ иначе было бы, если бы земство могло выразить желанія, болѣе опредѣленныя, если бы оно распорядилось само своими пожертвованіями на цѣли войны, напримѣръ, обложило бы населеніе добровольнымъ подоходнымъ налогомъ на время войны, а на собранныя средства заготовило бы снабженія для арміи, доставило бы ей недоставшій санитарный обозъ или теплую одежду еще съ осени, построило бы по губерніямъ временные госпитали для раненыхъ, причемъ одна губернія вошла бы въ сношенія съ другими, и всѣ губерніи могли бы избрать общую коммиссію для правильнаго руководства всѣмъ дѣломъ земской помощи веденію войны. Отрицать, что такая „посторонняя", т.-е. общественная помощь была нужна — не могутъ и самые рьяные бюрократы. Предъ ними на лицо дѣятельность общества „Краснаго Креста". Кто скажетъ, что эта общественная помощь была лишняя? Никто, конечно. Всѣ признаютъ, наоборотъ, что она была въ высшей степени необходима, что безъ временныхъ госпиталей „Краснаго Креста" и безъ собранныхъ имъ пособій всякаго рода, процентъ умершихъ въ средѣ заболѣвшихъ и раненыхъ военныхъ былъ бы, безъ всякаго сравненія, выше; всѣ сознаютъ, что собственно-военная санитарная часть оказалась крайне-недостаточною.

И это заявлено даже оффиціально. Достаточно вспомнить извѣстную телеграмму начальника гражданскаго управленія въ Болгаріи, кн. Черкасскаго, которая буквально умоляла общество придти на помощь раненымъ, удостовѣряя, что они терпятъ недостатокъ во всемъ.

Чтó же, скажутъ намъ, пусть помощь русскаго народа явилась въ этомъ случаѣ не при посредствѣ земства, а при посредствѣ общества „Краснаго Креста"; но все-таки это была помощь, свидѣтельствовавшая, что русскій народъ искренно сочувствовалъ національному дѣлу и что благотворительность его не оскудѣла. Но, вѣдь, въ чувствахъ русскаго народа и въ готовности его жертвовать нельзя было и сомнѣваться. Мы говоримъ только о томъ, оказалось ли русское земство силой, или не оказалось, и, къ сожалѣнію, должны отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ отрицательно. Земствами нѣкоторыхъ губерній было сдѣлано кое-что, но ничего согласнаго, ничего соотвѣтствовавшаго дѣйствительному размѣру военныхъ нуждъ сдѣлано быть не могло. Если бы организованная, всенародная помощь явилась въ лицѣ русскаго земства, которое у насъ всесословно, то, во-первыхъ, она несомнѣнно принесла бы болѣе 5—7 милліоновъ рублей, нынѣ собранныхъ, а во-вторыхъ, она засвидѣтельствовала бы, что весьма крупное, дѣйствительно-народное дѣло, могло быть совершено непосредственнымъ участіемъ самого народа, въ лицѣ его законныхъ выборныхъ.

Въ дѣйствительности же этого вовсе не оказалось, и роль земства совершенно стушевалась во время войны. Можно ли поставить это ему въ вину? Нѣтъ; этотъ фактъ только представилъ лишнее доказательство, что во время мира земство поставлено слишкомъ слабо, такъ что ни къ свободному крупному почину, ни къ самостоятельному соглашенію оно не правоспособно. Народное увлеченіе было, была охота жертвовать, но они должны были выразиться въ иной сферѣ, а не въ земствѣ, должны были выразиться въ пассивной отдачѣ денегъ въ распоряженіе спеціальныхъ благотворительныхъ комитетовъ, никакого отношенія къ земству и къ народнымъ выборамъ, изъ которыхъ оно исходитъ, неимѣющихъ.

Итакъ, земство, если можно такъ выразиться, не выдержало „экзамена", представляемаго войною; оно не явилось силою, а наоборотъ—выказалось чѣмъ-то слабымъ и пассивнымъ. А, стало быть, если Россія не должна заснуть на лаврахъ, доставленныхъ ей конечнымъ исходомъ войны, то вотъ еще одно указаніе внутреннихъ недостатковъ, подлежащихъ исправленію. Земство не имѣетъ будущности, если условія его дѣятельности не будутъ измѣнены такъ, чтобы оно могло быть дѣйствительною силой, служащей опорою правительству. Это одно можетъ оживить его и дать ему то значеніе,

какое предвидѣлось законодательствомъ, положившимъ ему начало. Иначе, земство будетъ глохнуть среди апатіи, личныхъ цѣлей и пресловутаго „неприбытія гласныхъ“.

О роли русской печати во время нынѣшней войны мы говорили уже не разъ и отдавали справедливость той относительно большей свободѣ, какою она могла пользоваться по отношенію военныхъ дѣлъ и вопросовъ. Печать и принесла на этотъ разъ настолько болѣе практической пользы, насколько ей предоставлено было болѣе простора касаться непосредственно разныхъ практическихъ сторонъ военнаго дѣла, не исключая и тѣхъ ошибокъ и недостатковъ, какіе оказались. Благодаря именно возможности, данной печати,—представлять дѣло въ истинномъ свѣтѣ, и являлась общественная помощь въ той формѣ, какъ она могла явиться. Этотъ примѣръ, въ сравненіи съ обратными примѣрами крымской войны, представилъ новое доказательство, что открытое указаніе на ошибки гораздо менѣе опасно, чѣмъ умалчиваніе о нихъ.

Вообразимъ себѣ, каково было бы впечатлѣніе, если бы газеты за извѣстіе, что наши ружья оказались хуже ружей Пибоди и Мартини, или что въ войскахъ недоставало теплой одежды, или что перевозка раненыхъ на простыхъ телѣгахъ сопровождалась многими страданіями,—подвергались административнымъ карамъ? Впечатлѣніе было бы, конечно, очень неблагопріятное; казалось бы, что хотятъ не исправлять, а только скрывать прискорбные факты, и караютъ печать за исполненіе ея прямого долга. Утѣшительно было не встрѣтить такихъ явленій по отношенію къ нынѣшней войнѣ, но вѣдь этотъ примѣръ не долженъ же пропасть и для мирнаго времени. И въ мирное время, какъ и въ военное, административная кара, наложенная на органъ печати, сама-по-себѣ не составляетъ еще опроверженія сообщенныхъ органомъ фактовъ. А вѣдь иногда сообщаемые факты бываютъ такого свойства, что ихъ невозможно оставлять безъ разъясненій, и затѣмъ—одно изъ двухъ: или опроверженіе, или признаніе; въ первомъ случаѣ должны подвергнуться суду тѣ, кто взводилъ на другихъ обвиненіе въ позорящихъ дѣлахъ; во второмъ случаѣ—тѣ, кто въ тѣхъ дѣлахъ оказался дѣйствительно виновнымъ.

Укажемъ на недавній примѣръ. Въ газетѣ „Русское Обозрѣніе“ было напечатано письмо изъ Оренбурга, которое, вслѣдствіе того, огласило одинъ фактъ изъ нашей гражданской жизни, подобно тому, какъ во время войны оглашались очень часто многіе факты изъ нашихъ военныхъ недостатковъ. Насколько фактъ тотъ вѣренъ или ложенъ—вотъ вопросъ, предъ которымъ остановился, конечно, каж-

дый читатель, въ ожиданіи какого-нибудь компетентнаго его разъясненія. За напечатаніе этого письма названная газета подверглась предостереженію. Вѣдомство печати дѣйствовало въ этомъ случаѣ на основаніи закона и было въ своемъ правѣ; но все это неубѣдительно для вѣдомства юстиціи, да и публика не считаетъ предостереженія разъясненіемъ факта, такъ какъ оно не вытекало изъ судебнаго слѣдствія по вопросу о преступности напечатанія статьи. Общество сложно даже думать, что предостереженіе дано только за рѣзкость формы заявленія, или за слишкомъ строгое сужденіе о сообщаемыхъ фактахъ. И вотъ какое впечатлѣніе остается въ обществѣ: оно полагаетъ, что если бы всѣ сообщенные факты были ложны, то газета подверглась бы судебному преслѣдованію, которое одно и могло бы удостовѣрить, что обвиненія были ложныя. Затѣмъ является естественная догадка, что если бы обвиненія эти были выражены въ формѣ болѣе мягкой, то предостереженія не было бы дано. Во всякомъ случаѣ факты, въ глазахъ общества, такъ и остались неопровергнутыми. Нельзя также думать, что и сама оренбургская администрація сочла бы себя удовлетворенною однимъ предостереженіемъ, если бы то письмо оказалось невѣрнымъ. Даже самая печать можетъ вынести для себя изъ настоящаго случая вовсе не тотъ урокъ, который былъ бы желателенъ, а именно, что съ печатнымъ словомъ слѣдуетъ обращаться осторожнѣе и не сообщать публикѣ невѣрныхъ извѣстій; печать будетъ заботиться, но не о классификаціи извѣстій на справедливыя и несправедливыя, а о раздѣленіи ихъ на опасныя и безопасныя для самой редакціи, и предпочтетъ безопасную ложь опасной правдѣ.

Между тѣмъ, добрый примѣръ, видѣнный нами во время нынѣшней войны, показалъ, повторяемъ, что гораздо менѣе опасно указаніе на недостатки, чѣмъ умалчиваніе о нихъ. Да и самое умалчиваніе въ печати все-таки не можетъ устранить того обстоятельства, что факты, совершающіеся въ той или другой мѣстности, дѣлаются извѣстными ея населенію и независимо отъ печати. Проектъ административной реформы, выработанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не осуществился, предѣлы административной власти остались и доселѣ не обозначенными съ достаточной ясностью; съ другой же стороны, еще слишкомъ памятны преданія до-реформеннаго времени, когда всѣ губерніи находились въ положеніи оренбургской, а потому довольно естественно, что даже и преувеличенные слухи у насъ легко находятъ вѣру. Удивляться-ли, что, при неполной гласности, почти всякій слухъ о дѣйствіяхъ провинціальныхъ властей встрѣчается довѣрчиво, когда мы видимъ, что въ силу той же причины, иногда не вызываютъ недовѣрія даже странные слухи о предполо-

женіяхъ свойства законодательнаго? Въ видѣ примѣра сошлемся на законъ, что съ годъ тому назадъ въ Петербургѣ распространился слухъ, будто подвергнутъ былъ обсужденію представленный кѣмъ-то проектъ о введеніи въ наше законодательство тѣлеснаго наказанія за политическія преступленія. Несмотря на всю нелѣпость такой мѣры, почти всѣ, до кого доходилъ этотъ слухъ, вѣрили ему, и приходили отъ него въ немалое смущеніе. Но если такъ легко допускали возможность подобной законодательной мѣры, то удивительно ли, что когда распространился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ другой слухъ, а именно будто въ одномъ изъ мѣстъ предварительнаго заключенія тѣлесное наказаніе было дѣйствительно примѣнено къ одному изъ обвиненныхъ, то этотъ слухъ былъ тотчасъ же принятъ за нѣчто достовѣрное. Замѣтимъ, что въ печать онъ проникъ только весьма недавно, вслѣдствіе особаго случая. Но вотъ уже нѣсколько мѣсяцовъ, какъ слухъ этотъ распространился въ Петербургѣ и былъ извѣстенъ всѣмъ, безъ всякаго оглашенія посредствомъ печати: печать тутъ была не при чемъ. Неполнота печатной гласности здѣсь обусловливала только одно: невозможность провѣрки простымъ обращеніемъ къ администраціи съ просьбою разъяснить дѣло.

Само-собою разумѣется, что въ данномъ примѣрѣ было бы желательно не одно только расширеніе правъ печати, но еще и точнѣйшее опредѣленіе правъ различныхъ органовъ административной власти. Если бы даже печать имѣла возможность дѣлать провѣрку слуховъ, хотя бы подобныхъ тѣмъ, о которыхъ сейчасъ упомянуто, но въ результатѣ такой провѣрки оказывалось бы, что подобные слухи были вѣрны, то это еще былъ бы не большой выигрышъ. Надо надѣяться, что, при оживленіи законодательной дѣятельности, весьма естественномъ послѣ нѣкоторыхъ отсрочекъ, вызванныхъ войною, признано будетъ нужнымъ возвратиться къ проекту административной реформы, при чемъ проектъ, выработанный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, могъ бы быть дополненъ, такъ что содержалъ бы въ себѣ не только новую организацію администраціи провинціальной, но и точнѣйшее указаніе предѣловъ власти административной вообще.

Въ декабрьской хроникѣ мы говорили еще о необходимости обратить особенное вниманіе на состояніе нашей провинціальной печати и распространить на нее мало-по-малу хотя бы то, чѣмъ пользуется столичная печать. А между тѣмъ оказывается, что и провинціальная печать у насъ находится въ различныхъ мѣстностяхъ въ различномъ положеніи. По этому поводу чуть не произошла оригинальная полемика между тифлисской газетой „Обзоръ“ и одною изъ одесскихъ газетъ изъ-за вопроса: кому лучше на свѣтѣ жить? „Обзоръ“

высказалъ зависть къ столичнымъ изданіямъ и задался вопросомъ: „почему же то, что возбраняется „Обзору" или „Тифлисскому Вѣстнику", дозволено „Голосу" и „Спб. Вѣд.", этого въ толкъ взять не можемъ" и т. д. Изъ Одессы возражаютъ на это:

„Обзоръ" завидуетъ положенію столичной печати. Не мы, конечно, будемъ оспаривать мнѣніе нашего собрата по провинціальной печати; но вотъ выдержка изъ „Донской Газеты", которая покажетъ уважаемой редакціи „Обзора", что существуютъ на Руси изданія, которыя способны позавидовать и нашему съ „Обзоромъ" положенію:

„Мы получаемъ настоятельныя напоминанія о своевременной высылкѣ „Донской Газеты". Не имѣя возможности отвѣчать на каждое заявленіе порознь, мы извѣщаемъ, что, вслѣдствіе перевода цензированія нашей газеты въ Москву, произошла задержка.

„Изъ этой поучительной замѣтки не должны ли мы съ „Обзоромъ" сдѣлать тотъ выводъ, что, какъ бы ни было неудобно положеніе, можетъ наступить другое, еще худшее, а потому: такъ какъ всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, не сѣтуй и не ропщи.

„Что послужило причиною къ перенесенію цензированія „Донской Газеты", издающейся въ Новочеркаскѣ, въ Москву,—неизвѣстно, но несомнѣнно, что подобная мѣра (принятая, вѣроятно, по какимъ-нибудь чисто-административнымъ соображеніямъ) можетъ убить газету".

Не знаемъ, что скажетъ на эту аргументацію „Обзоръ",—но едва ли можно провинціальную печать утѣшать теоріею, что бываетъ, молъ, и хуже, а главное—едва ли можно ожидать какого-нибудь ея улучшенія при тѣхъ условіяхъ, въ которыя она поставлена. Между тѣмъ такое улучшеніе дѣлается почти необходимымъ: это подѣйствуетъ могущественно на поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня нашей провинціи, живущей готовымъ умомъ, доставляемымъ ей изъ столицъ.

Дѣла въ Россіи предстоитъ такъ много, всякая помощь къ устроенію, къ развитію столь нужна, что странно было бы — изъ какихъ-то, ни на чемъ не основанныхъ недовѣрій — устранять чье-либо содѣйствіе. Не будемъ говорить уже о содѣйствіи всего народа, всего общества, въ лицѣ болѣе самостоятельнаго земства; но даже самыя скромныя силы и тѣ дороги на Руси, и тѣхъ не слѣдуетъ устранять отъ общаго дѣла или отвращать отъ желанія приносить пользу. Такъ, обращаясь къ примѣру, сравнительно малому, мы видѣли, какое цѣнное содѣйствіе оказывали врачамъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и въ ближайшихъ къ нему госпиталяхъ женщины, посвятившія себя изученію медицины. А между тѣмъ, досelѣ профессіональныя права и положеніе этихъ полезныхъ дѣятельницъ остаются стѣсненными.

Законодательныя опредѣленія о нихъ досехѣ таковы, какъ-будто привлеченіе женщинъ къ врачебной дѣятельности вообще нежелательно, и на первомъ планѣ представляется потребность стѣснить обращеніе женщинъ къ такой дѣятельности. И это въ такой странѣ, гдѣ приходится по одному врачу на сотни верстъ пространства! Нельзя отнестися иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ и пожеланіемъ скорѣйшаго успѣха къ недавнему постановленію преподавателей здѣшнихъ врачебныхъ женскихъ курсовъ по этому предмету. Ученіе на женскихъ курсахъ продолжается пять лѣтъ, наравнѣ съ медицинскими факультетами; всѣ вообще предметы преподаются слушательницамъ въ равномъ объемѣ, какъ студентамъ факультетовъ, за исключеніемъ примѣненій медицинской науки къ полицейско-судебнымъ цѣлямъ, а за то нѣкоторые предметы (акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни) преподаются на женскихъ курсахъ въ большемъ объемѣ, чѣмъ въ факультетахъ; наконецъ, практическія занятія въ лабораторіи и клиникахъ, репетиціи и экзамены — обставлены одинаково. Слушательницы женскихъ курсовъ, командированныя въ Руминію и Болгарію, заслужили то, что — еще не имѣя ученой степени — были поставлены въ одинаковыя условія дѣятельности съ врачами и, по удостовѣренію бывшихъ тамъ профессоровъ университетовъ и академіи, выказали полную способность къ врачебной дѣятельности и высокую степень добросовѣстности. По всѣмъ этимъ соображеніямъ преподаватели женскихъ курсовъ, въ числѣ которыхъ находятся извѣстнѣйшіе профессора медицинской академіи, единодушно признали „необходимость и своевременность ходатайства о дарованіи оканчивающимъ курсъ слушательницамъ, по выдержаніи ими окончательнаго публичнаго испытанія, — ученой степени и права врачебной практики, соотвѣтственно тѣмъ, которыми удостоиваются студенты, оканчивающіе курсъ медицинскаго образованія въ университетахъ и въ императорской медико-хирургической академіи". Послѣ такого заявленія извѣстнѣйшихъ представителей медицинской науки, всѣ возраженія, основанныя на мнимой неспособности женщинъ къ врачебной практикѣ, ихъ слабонервности, мѣшающей успѣху операцій и т. п., должны окончательно отойти въ область предразсудковъ и балагурства. А затѣмъ, что же могло бы оставаться препятствіемъ къ полному уравненію женщинъ-врачей въ правахъ съ врачами-мужчинами? — Опасеніе конкурренціи, такъ-называемый „Brodneid"? Никакого иного повода къ отказу на приведенное ходатайство теперь уже не остается, и отказъ, еслибъ онъ послѣдовалъ, означалъ бы именно это, то-есть представлялъ бы собою чисто-цеховую мѣру — охранить монополію врачей-мужчинъ въ ущербъ населенію, громадное большинство котораго остается безъ медицинскаго пособія, по-

тому что число врачей ничтожно сравнительно съ потребностью въ нихъ страны.

Перейдемъ теперь къ чисто-матеріальному порядку вещей и посмотримъ, какимъ образомъ и въ области финансовой необходимость дальнѣйшихъ преобразованій нашла себѣ новое подтвержденіе въ фактахъ, вызванныхъ войною. Обсуждая въ прошломъ „Обозрѣніи“ государственную роспись на 1878 годъ и контрольный отчетъ за 1876 годъ, мы видѣли, что даже въ нормальномъ бюджетномъ хозяйствѣ сказывается уже значительный дефицитъ, а между тѣмъ собственно чрезвычайныя потребности нынѣшняго военнаго времени вызвали необходимость четырехъ новыхъ займовъ (если къ иностранному займу въ 100 м. р. и двумъ внутреннимъ въ 100 и 200 м. р. прибавить новые выпуски кредитныхъ билетовъ на сумму до 280 м. р.). Указывая на весьма неутѣшительный фактъ, что государственный доходъ въ общей сложности какъ бы утратилъ способность къ возростанію, а недоимки ростутъ, ростутъ въ усиленной прогрессіи и расходы, мы спрашивали себя, какія мѣры придуманы для того, чтобы возстановить равновѣсіе. Мы могли упомянуть только объ одной, а именно о введеніи классной подати, и притомъ должны были оговориться, что классной подати нельзя придавать большого значенія въ смыслѣ новаго источника доходовъ. Мы замѣтили также, что, быть можетъ, значительно большія средства могли бы быть добыты и изъ существующихъ уже источниковъ, если бы самый порядокъ взиманія нѣкоторыхъ доходовъ былъ измѣненъ. На тотъ разъ мы ограничились однимъ примѣромъ: указаніемъ на огромные, періодическіе недоборы въ платежахъ, слѣдующихъ казнѣ съ желѣзнодорожныхъ обществъ, и на усиленіе приплатъ по гарантіи, которое отчасти было вызвано слишкомъ энергическими и недостаточно-расчетливыми распоряженіями о пріостановкѣ движенія по желѣзнымъ дорогамъ, по случаю перевозки войскъ.

Другой примѣръ представляется системой взиманія главнаго изъ нашихъ государственныхъ доходовъ, акциза питейнаго. Извѣстно, что и этотъ доходъ, составляющій цѣлую треть всего итога государственныхъ доходовъ Россіи, сталъ падать. Извѣстно также, что министерство финансовъ объясняетъ доселѣ его паденіе, главнымъ образомъ, — тѣми мѣрами, какія были приняты для ограниченія числа мѣстъ питейной продажи. Спрашивается, однако, какія же могутъ быть средства для поднятія вновь акцизно-питейнаго дохода? Главныя средства, употреблявшіяся доселѣ, заключались въ возвышеніи размѣра акциза и въ усиленіи контроля за выкуриваемымъ количествомъ вина. Но то и другое изъ этихъ средствъ, съ теченіемъ времени, было, на-

конецъ, доведено до того, что дальнѣйшее ихъ употребленіе представляется невозможнымъ. Количество вина, опредѣляемое градусомъ, представляетъ дѣйствительную стоимость отъ 1 до 2 коп., а акциза съ него взимается 7 коп.—далѣе этого едва ли уже возможно идти въ возвышеніи размѣра обложенія, и, дѣйствительно, на возвышеніе его, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, и не разсчитываютъ.

Затѣмъ остается другое средство—усиленіе контроля, такъ чтобы все количество выкуреннаго вина, подлежащее оплатѣ акцизомъ, дѣйствительно уплачивало бы акцизъ. Старанія финансовой администраціи на этомъ пути еще не прекратились, такъ что въ нынѣшнемъ году (съ 1 іюля) предстоитъ примѣненіе еще новой мѣры, направленной къ той же цѣли, а именно—введеніе новыхъ нормъ и сокращеніе срока броженія при выкуриваніи, до трехъ сутокъ, между тѣмъ уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ обнаруживаются такія обстоятельства, которыя указываютъ, что заботы о контролѣ уже едва ли не превзошли возможную мѣру всякой регламентаціи. Какъ почти всегда бываетъ, недостатки, присущіе какой-либо финансовой мѣрѣ, сказываются прежде всего во вредныхъ экономическихъ фактахъ ею вызываемыхъ, а уже потомъ отражаются и на томъ прямомъ государственномъ интересѣ, который такая мѣра имѣла въ виду упрочить или охранить. Такъ, напр., непосильное бремя подушныхъ платежей сказывается сперва въ запущеніи крестьянскаго хозяйства, а уже потомъ отражается въ сильномъ накопленіи недоимокъ; чрезмѣрные выпуски кредитныхъ билетовъ вызываютъ сперва общую дороговизну предметовъ потребленія, и уже затѣмъ рельефно отражаются на самомъ кредитѣ государства.

Винокуреніе, какъ всякая значительная отрасль производительности, имѣетъ значеніе экономическое, независимо отъ того камеральнаго значенія, которое оно представляетъ какъ главный предметъ бюджетнаго обложенія. Винокуреніемъ занимаются многочисленные заводы, то-есть, оно даетъ барыши и заработки извѣстному числу людей въ государствѣ; затѣмъ, винокуреніе, производимое въ малыхъ размѣрахъ, въ видѣ вспомогательнаго сельско-хозяйственнаго производства, можетъ служить важнымъ подспорьемъ для сельскихъ хозяйствъ, поддерживаетъ скотоводство, доставляя въ такъ-называемой бардѣ средство для бо́льшаго числа скота. Наконецъ, вывозъ спирта могъ бы быть, особенно въ Россіи, по громадности ея хлѣбной производительности, одною изъ важнѣйшихъ статей отпускной торговли. Какія же обстоятельства замѣчаются въ послѣднее время въ этомъ дѣлѣ? Замѣчается, что именно экономическая сторона его приходитъ все въ бо́льшее разстройство, клонится прямо къ упадку. Такъ, изъ около 4000 винокуренныхъ заводовъ, существовавшихъ въ Россіи, до 1,400, то-есть

около цѣлой трети, принуждены были закрыться; замѣтимъ при этомъ, что закрылись меньшіе заводы, то-есть, именно наиболѣе полезные для сельскаго хозяйства. Такъ какъ вся регламентація винокуреннаго дѣла, съ цѣлью камеральною, сводится на усиленіе и облегченіе контроля, то результатомъ принятой системы является централизація винокуреннаго производства: поставленіе мелкихъ заводовъ въ совершенную невозможность конкуррировать съ крупными. Облегченію фискальнаго контроля приносится въ жертву экономическая сторона дѣла. Общее число заводовъ уменьшилось на цѣлую треть, подспорье отъ винокуренія сельскому хозяйству окончательно устранилось исчезновеніемъ мелкихъ заводовъ; вывозъ спирта за границу, вмѣсто того, чтобы развиваться и составить со-временемъ одну изъ важнѣйшихъ статей нашей отпускной торговли, какъ то было бы естественно, съ каждымъ годомъ падаетъ.

Таковы экономическія явленія, замѣчаемыя въ этой области. При нихъ, разумѣется, трудно ожидать, чтобы существующая акцизная система могла обѣщать и хорошіе финансовые результаты, такъ какъ неоспоримо, что изъ экономическаго разоренія не можетъ выдти прочное финансовое процвѣтаніе. Указанныя выше обстоятельства обратили на себя вниманія нѣкоторыхъ нашихъ экономическихъ обществъ и были обсуждаемы въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства и въ обществѣ содѣйствія русской торговлѣ и промышленности. Сужденія ихъ сводились въ сущности къ тому, что существующая система контроля и взиманія акциза представляетъ невыносимую, наконецъ, ни для какой производительности тягость регламентаціи, и что тягость эта становится еще невыносимѣе вслѣдствіе безпрерывно мѣняющихся распоряженій акцизнаго вѣдомства.

Регламентація въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ производствѣ ведетъ къ тому, что всѣ экономическія условія приносятся въ жертву удобству контроля, установляются общія нормы для производства, дѣйствующаго при разныхъ условіяхъ, навязывается производителямъ извѣстная техническая система, нисколько не сообразующаяся съ различіемъ ихъ интересовъ, и такимъ образомъ производство въ сущности идетъ въ ущербъ для производителей, а вся ихъ выгода представляется только той искусственной выгодой, какую предоставляютъ имъ правила, въ видѣ премін. Въ данномъ случаѣ, регламентація дошла постепенно до того, что заводчикамъ указываютъ и опредѣляютъ ёмкость ихъ квасильныхъ чановъ, количество хлѣба, которое можетъ быть употреблено въ одинъ заторъ, срокъ столькихъ-то сутокъ, въ теченіи которыхъ должно быть окончено броженіе, число градусовъ спирта, какое они должны получать изъ матеріаловъ, служащихъ для затора. Всѣ эти нормы производства обязательны, не-

смотря на различіе его условій и самыхъ его матеріаловъ: качества хлѣба, силы дрожжей и т. п. Независимо отъ этого являются еще условія самаго наблюденія: дѣйствіе контрольныхъ аппаратовъ и повѣрка заводскихъ книгъ, многократное свидѣтельствованіе и пребываніе на самыхъ заводахъ казенныхъ надсмотрщиковъ.

Съ точки зрѣнія заводчиковъ, вся эта регламентація, при высокомъ размѣрѣ налога (въ нѣсколько разъ превышающаго дѣйствительную стоимость продукта) сводится на то, что производство вина, подлежащаго оплатѣ акцизомъ, само по себѣ идетъ для нихъ въ убытокъ, а затѣмъ вся возможная для нихъ выгода заключается въ такъ называемомъ „перекурѣ", то-есть, въ той долѣ спирта, которая получится сверхъ опредѣленнаго нормами количества и которая акцизу не подлежитъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой системы явилось то, что винокуреніе производится не такъ, какъ всякое иное заводское дѣло, то-есть разсчитываетъ свой барышъ не на удешевленіи и не на улучшеніи производства, не на усовершенствованіи его способовъ, но единственно—на увеличеніи той искусственной преміи, которую ему предоставляетъ питейный уставъ, на увеличеніи перекура, освобожденнаго отъ акциза и идущаго цѣликомъ въ пользу заводчика.

Приведемъ нѣсколько цифръ. Изъ пуда хлѣба выкуривается приблизительно ведро полугара, то-есть, спирта 40° крѣпости. Между тѣмъ, заводчикъ продаетъ спиртъ на мѣстѣ дешевле, чѣмъ ему самому стоилъ хлѣбъ!! Такъ, при цѣнѣ на хлѣбъ въ 50 коп., спиртъ на мѣстѣ запродается по 35 и 40 коп. Какимъ образомъ возможно продавать продуктъ дешевле того матеріала, изъ котораго онъ добытъ? Въ винокуреніи это возможно, потому именно, что здѣсь всѣ условія производства нарушены. Весь разсчетъ винокура—въ томъ перекурѣ, который онъ надѣется получить. Изъ пуда ржаной муки заводчикъ обязанъ добыть не менѣе 38°, за которые онъ долженъ заплатить акцизъ, по 7 коп. за градусъ, то-есть, съ 38-ми градусовъ 2 р. 66 коп. Но если предположить, что заводчикъ добудетъ изъ того же пуда хлѣба не 38°, а 42°, то лишніе 4° и представляютъ перекуръ, за который онъ акциза не платитъ. Этотъ перекуръ идетъ полностью въ его пользу, такъ что при продажѣ съ этихъ 4° у него остается 28 коп. барыша (по 7 коп. съ градуса). Этотъ-то барышъ на перекурѣ и покрываетъ разность въ цѣнахъ хлѣба и спирта, расходы по винокуренію и т. д.

Высота акциза на спиртъ съ освобожденіемъ отъ акциза того количества спирта, которое получается сверхъ нормы и называется перекуромъ, поставили винокуренное производство въ необходимость стремиться во что бы то ни стало къ полученію maximum'а пере-

кура. Это вызвало множество продѣлокъ и злоупотребленій, которыя побуждали акцизное вѣдомство къ введенію еще бóльшихъ стѣсненій, а эти стѣсненія ведутъ къ изобрѣтенію новыхъ улозокъ и къ закрытію множества заводовъ и т. д. Существуетъ даже мнѣніе, что, при нынѣшнихъ условіяхъ производства, честно весть это дѣло невозможно. Но вѣрно одно: что при такой системѣ, когда весь разсчетъ на одинъ перекуръ, который представляетъ все-таки величину гадательную, можетъ оказаться или не оказаться въ ожидаемомъ размѣрѣ, мелкіе заводы не въ силахъ переносить малѣйшей, всегда возможной ошибки въ разсчетахъ. Если получится только 38°—заводчику нечѣмъ покрыть своихъ расходовъ; если получится 40°, т.-е. только 2° перекура вмѣсто 4°, которыхъ онъ ожидалъ — всѣ его разсчеты будутъ сбиты, и онъ, при недостаткѣ капитала, не выдержитъ.

Такъ какъ цѣль всего винокуренія при нынѣшней системѣ есть полученіе максимума перекура, то не только мелкіе, но. и крупные заводчики имѣютъ въ виду только одну эту цѣль. Они не заботятся объ улучшеніи производства, не приглашаютъ хорошихъ техниковъ, не могутъ даже разсчитывать на барыши отъ удешевленія матеріаловъ производства. Все дѣло направляется исключительно къ полученію возможно бóльшаго количества перекура, а это достигается, наоборотъ, употребленіемъ самаго дорогого матеріала и обращеніемъ къ разнымъ злоупотребленіямъ. Для страны было бы, конечно, выгоднѣе, если бы на винокуреніе шелъ хлѣбъ низшаго качества, да и для самихъ заводчиковъ это было бы выгодно, если бы они стояли въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ съ другими заводчиками. Но при системѣ перекура необходимо употреблять на винокуреніе самый полновѣсный хлѣбъ; дѣло не въ цѣнѣ матеріала, а въ томъ, чтобы выходъ превзошелъ условную норму и далъ тотъ перекуръ, на разсчетѣ котораго и основано все производство.

Послѣдняя мѣра, принятая министерствомъ финансовъ относительно винокуренія, а именно опредѣленіе трехсуточнаго, ускореннаго, срока для броженія, есть новый шагъ на томъ пути, на которомъ всѣ экономическія условія производства приносятся въ жертву удобству фискальнаго контроля. Трехсуточный срокъ броженія существовалъ и доселѣ, но только на тѣхъ заводахъ, которые добываютъ спиртъ изъ картофеля, слѣдовательно, на заводахъ преимущественно остзейскихъ. Для тѣхъ же заводовъ, которые добываютъ спиртъ изъ хлѣба, трехсуточный срокъ представляетъ срокъ ускоренный. При такомъ ускоренномъ броженіи всѣ тѣ случайности, какія могутъ уменьшить количество перекура или вовсе его устранить, становятся вѣроятнѣе, а согласно съ этимъ возрастаютъ и рискъ, и возможность ошибокъ, ведущихъ къ разоренію. Установленіе трехсуточнаго

срока для хлѣбныхъ заводчиковъ представитъ стѣсненіе, увеличитъ ихъ рискъ и поведетъ къ закрытію многихъ великорусскихъ заводовъ, добивающихъ спиртъ изъ хлѣба. Допустимъ, что при увеличеніи риска, вслѣдствіе ускореннаго срока броженія, заводчикъ не получилъ перекура — ему нечѣмъ будетъ покрыть расходы; допустимъ, что вмѣсто 38° онъ получилъ только 35°, — въ такомъ случаѣ въ казну онъ обязанъ уплатить акцизъ все-таки съ нормы 38°, и будетъ имѣть дефицитъ, во-первыхъ, на акцизѣ, во-вторыхъ, на разности количества проданнаго спирта. Между тѣмъ, выходъ въ 35°, еще не есть худшій, и при неудачѣ можетъ быть гораздо менѣе. При рискованности самаго дѣла, построеннаго на перекурѣ, такое увеличеніе риска, какое представится для хлѣбныхъ заводчиковъ установленіемъ ускореннаго срока броженія, непремѣнно поведетъ къ сокращенію числа заводовъ, добывающихъ спиртъ изъ хлѣба. Между тѣмъ, тѣ заводы, которые добываютъ спиртъ изъ картофеля, ничего не теряютъ отъ новой мѣры; у нихъ и доселѣ срокъ броженія былъ именно трехсуточный. Конечно, уменьшеніе числа хлѣбныхъ заводовъ будетъ выгодно для этихъ картофельныхъ заводовъ, то-есть, преимущественно для заводчиковъ балтійскаго края; но оно нанесетъ ущербъ казнѣ и внутреннимъ провинціямъ Россіи. У насъ вообще преобладаютъ идеи протекціонизма, но уже тутъ является протекціонизмъ въ протекціонизмѣ, и вѣроятно потому наше общество содѣйствія русской торговлѣ нашло себя вынужденнымъ перейти на сторону фритредеровъ.

Если всѣ разсчеты спеціалистовъ вѣрны, то непонятно, чѣмъ руководствовалось министерство финансовъ при установленіи новаго правила. Все винокуренное производство обставлено уже такой массою стѣсненій самаго противоэкономическаго свойства, что казалось бы излишне вводить въ него еще одно такое же условіе — неравенство въ самомъ положеніи заводовъ, предпочтеніе интересовъ однихъ интересамъ прочихъ. Но независимо отъ этого частнаго факта, который только дополняетъ собою массу стѣсненій, наросшихъ на винокуренномъ производствѣ вслѣдствіе борьбы между контрольными видами акцизнаго вѣдомства и продѣлками заводчиковъ, — остается главный, общій вопросъ—на чемъ же, наконецъ, остановится это непрерывное наростаніе стѣсненій? Новыя ограниченія вызываютъ новыя плутни, для противодѣйствія которымъ являются новыя ограниченія. Но когда въ этомъ направленіи перейденъ уже извѣстный предѣлъ, то становится, наконецъ, почти невозможнымъ продолжать дѣло, и добросовѣстные заводчики принуждены прекращать свою дѣятельность—именно потому, что безъ обращенія къ сдѣлкамъ съ надсмотрщиками и къ злоупотребленіямъ всякаго рода, она становится

невозможною. Практическій вопросъ, стало быть, въ томъ, превзойденъ ли этотъ предѣлъ въ настоящее время—и спеціалисты рѣшаютъ его утвердительно.

Средство къ возвращенію винокуренія на естественный, нормальный путь могло бы быть одно: отмѣна системы перекура и нормъ, чтб сняло бы съ администраціи обязанность вмѣшиваться въ такія техническія условія производства, какъ емкость чановъ и сроки броженія. Только при этомъ условіи винокуреніе можетъ освободиться отъ необходимости приносить всѣ здравыя основанія производства въ жертву одной искусственной цѣли — увеличенію перекура, и отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя являются неизбѣжными послѣдствіями регламентаціи, дошедшей до крайности. Вмѣстѣ съ тѣмъ казна, взимая акцизъ со всего количества выкуреннаго вина (при отмѣнѣ перекура) получала бы лишній доходъ, который иными исчисляется до 10 м. р.!! Само собой разумѣется, что при отмѣнѣ нынѣшней регламентаціи могутъ возникнуть иныя злоупотребленія, хотя контрольные снаряды и опредѣляютъ количество вина, дѣйствительно выкуриваемое. Надзоръ будетъ во всякомъ случаѣ необходимъ, но дѣло въ томъ, чтобы самыя условія его не ставили производителей почти въ необходимость прибѣгать къ злоупотребленіямъ.

Что касается спеціальнаго вывоза спирта за-границу, то онъ, въ силу нынѣшнихъ стѣсненій акцизныхъ и таможенныхъ, значительно упалъ, по сравненію съ прежнимъ. При технической обстановкѣ винокуренія, обусловливаемой нынѣшней регламентаціею, получаемый продуктъ, т.-е. спиртъ, долженъ быть непремѣнно дороже, чѣмъ онъ былъ бы при меньшихъ стѣсненіяхъ и, сверхъ того, — хуже, такъ какъ качества продукта приносятся въ жертву количеству перекура. Итакъ, русскій спиртъ лишается обоихъ условій, при которыхъ онъ могъ бы спрашиваться за-границу въ большихъ размѣрахъ: дешевизны и достоинства. Сверхъ того, медленность формальностей при освидѣтельствованіи спирта на таможняхъ, отсутствіе складовъ и дурное качество бочекъ—вотъ еще обстоятельства, которыя содѣйствовали и содѣйствуютъ упадку вывоза. Иные причисляютъ къ нимъ еще и правило, по которому вывозная премія за спиртъ (право продажи 3% безъ акциза за каждое вывозимое ведро) выдается только за спиртъ крѣпости не ниже 90°. Но главное, очевидно, заключается въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ русскій спиртъ не можетъ быть ни достаточно дешевъ по своему качеству, ни достаточно чистъ по своей цѣнѣ; а условія эти зависятъ отъ самаго существованія системы перекура.

Сведемъ все сказанное о винно-акцизной системѣ къ нѣсколькимъ словамъ: жертвуя контролю всѣми условіями производства,

извращая крайней регламентаціею нормальные разсчеты производителей, обращая ихъ дѣло въ весьма рискованное и, наконецъ, создавая между ними полное *неравенство*, нынѣшняя система вредитъ экономическимъ силамъ страны, а при дальнѣйшемъ развитіи на этомъ пути сдѣлаетъ злоупотребленія до того неизбѣжными, что окончательнымъ послѣдствіемъ будетъ паденіе акцизнаго дохода. Замѣтимъ, что эта картина поучительна и для направленія акцизной системы по другимъ статьямъ. Такъ, въ табачно-акцизномъ дѣлѣ, министерство финансовъ въ послѣдніе годы вступило на тотъ же путь—безпрестанныхъ измѣненій и дополненій того бремени регламентаціи, которое связано съ акцизной системой. На первыхъ порахъ и здѣсь возвышеніе акциза и преувеличеніе контроля въ ущербъ производству вызвали быстрое возростаніе дохода. Послѣдніе бюджеты показываютъ, что министерство очень многаго ожидаетъ отъ возрастанія акциза съ табаку. Между тѣмъ, не трудно предсказать, что и здѣсь послѣдствія крайней регламентаціи и анти-экономическихъ условій, каковъ, напримѣръ, обязательный разборъ фабриками бандеролей на большую сумму, произведутъ тѣ же послѣдствія, что и въ винно-акцизной системѣ, только еще скорѣе. Исчезновеніе малыхъ фабрикъ, централизація фабричнаго дѣла, стѣсненіе разводителей, вздорожаніе и ухудшеніе табака, развитіе злоупотребленій и неудовольствіе потребителей поведутъ, наконецъ, къ паденію казеннаго дохода.

Недавно окончился печатаніемъ, изданный по распоряженію почтоваго департамента, обширный трудъ, подъ заглавіемъ: „Почтовая Статистика за 1876 годъ", изображающая наше почтовое хозяйство и почтовую дѣятельность на всемъ пространствѣ Россіи, до послѣдней мельчайшей станціи. Общіе выводы, представляющіе всю сущность дѣла, занимаютъ 9 страницъ, а подробная статистика по каждому почтовому учрежденію изложена на 72 обширныхъ таблицахъ. Почтовое дѣло, въ которомъ казна является, такъ-сказать, предпринимателемъ, представляетъ для государственныхъ финансовъ весьма важный экономическій вопросъ: оно можетъ явиться или источникомъ дохода, или пожертвованіемъ — въ виду громадной пользы, какую приноситъ почта всѣмъ общественнымъ и государственнымъ интересамъ; въ послѣднемъ случаѣ,—гдѣ заключаются причины дефицита? Въ 1876 г. финансовый результатъ почтоваго хозяйства былъ таковъ:

Доходъ.	11.392,461 р.
Расходъ	14.078,152 „
Передержано . . .	2.680,691 р.

Такой, повидимому, печальный результатъ, принуждающій казну жертвовать слишкомъ 2½ милліона рублей въ годъ на содержаніе почты, составители объясняютъ тѣмъ, что „въ числѣ *расходовъ* почтоваго управленія заключаются издержки, несоставляющія дѣйствительной потребности почтоваго вѣдомства". Это, дѣйствительно, справедливо,—но въ такомъ случаѣ, значитъ, хозяйство установлено неправильно: почта дѣлаетъ ссуду и не записываетъ ее на свой балансъ; тогда, можетъ быть, оказалось бы, что почта приноситъ государственнымъ финансамъ доходъ. Что же мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ изъ подробностей почтовой дѣятельности? Публика переслала внутри государства слишкомъ 41 милліонъ писемъ, вѣсомъ всего въ 35 тыс. пудъ [1]), и заплатила почтѣ за эту одну операцію 3.280,000 р.; въ это же время казна отправила по почтѣ слишкомъ 22 милліона писемъ и не заплатила ничего, значитъ, осталась должною почтѣ 1.760,000 рублей; но это вычисленіе еще не точно, такъ какъ казенныя письма [2]) представляли не нормальный вѣсъ: 22 милліона писемъ должны были бы вѣсить столько же лотъ, а общій вѣсъ казенныхъ писемъ оказался почти въ 82 милл. лотъ (около 64 тыс. пудъ), т.-е. казна заплатила бы почтѣ, въ 1876 году, около 6½ милл. рублей за доставку ея корреспонденціи, такъ какъ она переслала 64 тысячи пудъ, а общество только 35 тысячъ пудъ. Сверхъ того, казна отправила 10½ тысячъ пудъ цѣнныхъ посылокъ и 24 тысячи пудъ безъ цѣны; сколько переслано казною по почтѣ денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ—не видно. Во всякомъ случаѣ, мы не ошибемся, если скажемъ, что почта, издерживая на всѣ операціи 14 милліоновъ, собираетъ только 11 милліоновъ потому, что казна не уплачиваетъ ей около 10 милліоновъ; или, другими словами, казнѣ обходятся ея почтовыя издержки только въ 2½ милліона, и при этомъ она получаетъ до 7 милліоновъ почтоваго дохода. Для полной правильности хозяйства слѣдовало бы эту цифру показать сполна; если кто живетъ въ собственномъ домѣ и хочетъ вести свои счеты правильно, то управляющій дома, для показанія полной доходности имущества, заноситъ въ счетъ прихода плату за квартиру и съ самого хозяина дома. Въ почтовомъ хозяйствѣ такой пріемъ имѣлъ бы не одно счетное значеніе: если бы каждое министерство имѣло въ своемъ бюджетѣ ассигновку на почтовые расходы, какъ это дѣлается въ каждомъ хозяйствѣ, то, безъ сомнѣнія, въ почтовой статистикѣ ближайшаго же года оказалось бы казенныхъ писемъ число меньшее, а, главное, вѣсили бы

[1]) Среднимъ числомъ 1 письмо въ два года на одного человѣка!!

[2]) Въ отчетѣ они не названы казенными, а безплатными; вѣроятно, это одно и то же.

они не 64 тысячи пудъ, а, можетъ быть, 40 или много 50, такъ какъ казенные пакеты не имѣли бы тогда вида подушекъ: каждое вѣдомство позаботилось бы о томъ, о чемъ заботятся и частные люди, а именно переслать возможно бо̀льшее число написаннаго при наименьшемъ вѣсѣ. Самый же разсчетъ съ вѣдомствами могъ бы быть конечно безденежный, какъ онъ безденеженъ и съ публикой, а именно при помощи особыхъ марокъ казенной корреспонденціи.

Другое обстоятельство, указанное составителями и колеблющее неправильно почтовый балансъ, это—то, что колоссальная приплата за содержаніе лошадей на станціяхъ, въ числѣ 50½ тысячъ головъ, превышающая 6 милл. рублей, записана полностью на расходъ, между тѣмъ какъ изъ отпущенныхъ въ гонъ 12-ти милліоновъ лошадей только 4 милліона везли почту и эстафеты, т.-е. служили прямо вѣдомству, отпустившему 6 милліоновъ рублей; а 8 милліоновъ лошадей перевозили пассажировъ по казенной и частной надобности, т.-е. почта доплатила отъ себя то, что̀ не доплатили пассажиры изъ общества и отъ казны. Такимъ образомъ, почтовый гонъ стоилъ всего 2 милл. рублей, а 4 милл. почтовое вѣдомство уплатило за постороннее для него дѣло, что̀ повышаетъ на балансѣ приходъ на такую же сумму.

Ограничимся въ настоящемъ случаѣ этимъ разъясненіемъ общаго финансоваго результата почтовой дѣятельности за 1876 годъ. Превосходное изданіе почтовой статистики представляетъ въ себѣ много любопытныхъ данныхъ и указаній какъ той степени развитія, которой достигла наша почта, такъ и того, что̀ ей остается сдѣлать. Изъ 2,346 почтовыхъ точекъ въ Россіи въ 1876 году сносились по одному разу въ день только 1,761 мѣсто, а еще есть 577 мѣстъ, гдѣ почта появляется всего 2 раза въ недѣлю, 73 по 1 разу въ недѣлю, 8 по 1 разу въ двѣ недѣли и 2 по 1 разу въ мѣсяцъ; въ общемъ обзорѣ показаны еще 2 мѣста, которыя сносятся по почтѣ по 1 разу въ годъ; но какія это именно несчастныя мѣстности,—мы не могли найти ихъ въ подробной почтовой статистикѣ.

За что̀ бы мы впрочемъ ни взялись въ нашемъ государственномъ и народномъ хозяйствѣ, вездѣ приходимъ мы къ одному и тому же результату: когда мы начали войну, то и прежней, недодѣланной работы у насъ было много, недодѣланной по самымъ существеннымъ статьямъ, такъ что, въ силу такихъ пробѣловъ, многое и изъ того, что̀ сдѣлано, не получило еще своего окончательнаго смысла. Сама война раскрыла передъ нами ошибки и недостатки, которые должны быть исправлены, и, создавъ намъ новыя финансовыя затрудненія, еще усложнила задачу, разрѣшеніе которой предстоитъ въ ближайшемъ

будущемъ. Война эта вновь и весьма ярко показала огромную отсталость нашу отъ всѣхъ прочихъ странъ Европы, кромѣ Турціи. Да и сама Турція не во всемъ отстала отъ насъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и она ушла впередъ; достаточно напомнить, что ея армія была лучше вооружена, чѣмъ наша, и боевые припасы она имѣла, сравнительно съ нами, въ изобиліи. Неужели же этотъ урокъ пройдетъ для насъ даромъ, неужели мы не признаемъ нужнымъ напрячь вновь всѣ наши усилія и не станемъ стремиться съ энергіею, выдержкою и—главное—съ искренностью, чтобы не остаться навсегда позади всѣхъ? Будемъ надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, все то, что зависитъ собственно отъ законодательства, будетъ сдѣлано безъ отсрочки и колебаній, съ полнымъ довѣріемъ къ здравому смыслу русскаго народа.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

[12]/[24] января, 1878.

XXXIV.

Новѣйшій романъ Альфонса Додэ «Набовъ».

Два года тому назадъ, я посвятилъ статью произведеніямъ Альфонса Додэ и изслѣдовалъ его, какъ романиста, разсказчика, драматическаго автора и поэта [1]). Въ настоящее время мнѣ незачѣмъ высказываться объ этомъ, потому что пришлось бы повторяться. Но Альфонсъ Додэ напечаталъ романъ „le Nabab", имѣвшій такой успѣхъ и затронувшій такой интересный литературный вопросъ, что я, не колеблясь, избираю его единственной тэмой настоящаго письма. Мнѣ кажется, что читатели не попеняютъ на меня за то, что я по поводу этой книги ясно очерчу переворотъ, который происходитъ въ настоящій моментъ въ современномъ романѣ. Мнѣ не пріискать лучшаго аргумента для доказательства того, какое громадное мѣсто исторія все болѣе и болѣе захватываетъ себѣ въ произведеніяхъ фантазіи.

I.

Съ цѣлью доказать свой тезисъ я постараюсь прежде всего подробно и точно анализировать *Набоба*. Читатели вполнѣ поймутъ меня лишь тогда, когда у нихъ будетъ передъ глазами обстоятельное резюмé романа.

Знаменитый Набобъ, герой книги, это—нѣкто Жансулé, нажившій въ Тунисѣ колоссальное состояніе, нѣсколько сотъ милліоновъ. Жансулé, родившійся въ провансальской деревнѣ, перепробовалъ всѣ ремесла; происходя изъ бѣднаго и скромнаго семейства, онъ долго боролся съ нищетой и не брезгалъ самой грубой работой, самыми двусмысленными аферами. Удачный случай привелъ его въ Тунисъ, и тамъ, въ этой странѣ легкой наживы, онъ ухватился за всякаго рода предпріятія, сдѣлался любимцемъ бея и въ концѣ-концовъ нажилъ свои милліоны, съ замѣчательной легкостью. Натурально, источникъ этого богатства нѣсколько мутенъ, и лучше его не изслѣ-

[1]) 1876 г., мартъ, 391 стр. и слѣд. Въ отдѣльномъ изданіи: „Парижскія Письма Эм. Зола", т. I, стр. 103—137.

довать. Впрочемъ, какія бы гадости онъ тамъ ни совершилъ, но— онъ сталъ страшнымъ богачомъ. Немедленно его охватываетъ желаніе вернуться во Францію, наслаждаться своимъ богатствомъ въ Парижѣ, завоевать себѣ съ помощью денегъ почетное положеніе въ обществѣ и уваженіе. Онъ даже мечтаетъ завоевать Парижъ, сдѣлать въ немъ карьеру, словомъ—обновиться. Но случается то, чего онъ не предвидѣлъ, а именно, что Парижъ, какъ онъ самъ по себѣ ни гнилъ и ни мало щекотливъ, съ презрѣніемъ отталкиваетъ его, предварительно обобравъ и проведя его. Парижъ съѣдаетъ его, вмѣсто того, чтобы быть съѣденнымъ имъ. Не знаю болѣе обширнаго и болѣе оригинальнаго сюжета, какъ эта борьба между человѣкомъ и городомъ, человѣка, обогащеннаго одной цивилизаціей и разореннаго другой, и который на собственной персонѣ познаетъ, что деньги не могутъ всего дать, даже и тогда, когда ими пользуются въ такой средѣ, гдѣ повидимому все продажно.

И вотъ, Жансуле въ Парижѣ; онъ занялъ великолѣпную квартиру на Вандомской площади. Романистъ изображаетъ этого афериста, этого финансоваго проходимца добрымъ и наивнымъ человѣкомъ, съ широкимъ лицомъ, толстыми губами и приплюснутымъ носомъ,—словомъ, съ одной изъ тѣхъ славныхъ собачьихъ мордъ, которую такъ и хочется погладить. Вотъ что́ дѣлаетъ Жансуле симпатичнымъ, не смотря на его милліоны, болѣе или менѣе, и скорѣе менѣе честно нажитые. У него есть комодъ, набитый деньгами, изъ котораго онъ ихъ беретъ, не считая, на удовлетвореніе всѣхъ, окружающихъ его аппетитовъ. Надо видѣть этотъ одинъ изъ знаменитыхъ завтраковъ на площади Вандомъ. На нихъ собирается весь голодный Парижъ, набрасывающійся на доступныхъ богачей: Дженкинсъ, шарлатанъ, нажившій себѣ весьма аристократическую практику, изобрѣтя знаменитыя пилюли, которыя возвращаютъ бодрость истощеннымъ темпераментамъ; красавецъ Моёссаръ, самое продажное перо парижской прессы, дисконтирующій каждую изъ своихъ статей какъ вексель, выданный чужимъ тщеславіемъ; Монпавонъ, дворянинъ, съ скверной исторіей въ своемъ прошломъ, но котораго его элегантный видъ и дружба герцога де-Мора́ спасали до сихъ поръ отъ суда исправительной полиціи; маркизъ де-Буа-Ландри, другой негодяй, все еще съ честью фигурирующій въ парижскомъ обществѣ; Паганетти, директоръ *Поземельнаго банка*, корсиканскій бандитъ, пріѣхавшій заниматься финансовыми операціями въ Парижѣ и отличающійся итальянской вкрадчивостью и фантазіей; Швальбахъ, жидъ, спеціальность котораго продавать поддѣльныя картины великихъ мастеровъ милліонерамъ, прикидывающимся аматёрами, и еще другіе, перечислять которыхъ было бы слишкомъ долго. Весь этотъ людъ льститъ Жансуле́, объѣдается за его столомъ, уво-

дить его затѣмъ въ уголокъ, чтобы попросить взаймы, и безнаказанно обкрадываетъ его, спекулируя на его честолюбіе. Монпавонъ и Дженкинсъ обѣщаютъ представить его герцогу де-Мора; Моёссаръ пишетъ о немъ статьи въ „Messager“; Паганетти убѣждаетъ его помѣстить свои капиталы въ *Поземельный банкъ;* наименѣе храбрые занимаютъ нѣсколько луидоровъ, въ качествѣ друзей дома. Картина этой богемы, проживающей въ Парижѣ и опорожняющей сундукъ, набитый золотомъ въ странѣ султанштъ—одна изъ самыхъ любопытныхъ страницъ, какую только можно встрѣтить.

Но вотъ завязывается дѣйствіе. Жансулé, въ погонѣ за почестями и общественнымъ уваженіемъ, преслѣдуетъ двѣ опредѣленныхъ цѣли: онъ желаетъ получить орденъ Почетнаго Легіона и мѣсто въ палатѣ депутатовъ, какъ только откроется оффиціальная кандидатура. Докторъ Дженкинсъ представилъ его у себя герцогу де-Мора, историческому лицу, котораго каждый легко узналъ, любезному кутилѣ, игравшему важную роль при второй имперіи. Этотъ политическій авантюристъ, изящный и изысканный, истощенный безпорядочной жизнью, вдругъ почувствовалъ дружбу къ безъискусственному и нахально-добродушному Жансуле. Онъ берется провести его въ люди. Совсѣмъ тѣмъ на первый разъ желаніямъ Жансуле нанесено большое пораженіе: онъ пожертвовалъ по совѣту Дженкинса большой капиталъ на мнимое филантропическое предпріятіе, Виѳлеемскій пріютъ для дѣтей, колыбельную, гдѣ вскармливаютъ младенцевъ бѣдняковъ по особой системѣ, козьимъ молокомъ, отъ котораго они мрутъ, впрочемъ, какъ мухи. Жансулé разсчитываетъ прочитать свое имя въ „Moniteur“ въ числѣ пожалованныхъ орденомъ, но видитъ вмѣсто того, что орденъ данъ самому Дженкинсу. Какъ онъ самъ говоритъ, онъ заплатилъ болѣе двухъ-сотъ тысячъ франковъ за то, чтобы Дженкинса наградили орденомъ. Но это еще пустяки. Ему наноситъ болѣе жестокій ударъ его старинный пріятель Генерлингъ, разбогатѣвшій, какъ и онъ, въ Тунисѣ, ставшій банкиромъ и мечтающій объ его разореніи. Жансуле купилъ на берегахъ Роны великолѣпный замокъ Сенъ-Романъ, въ которомъ желаетъ принять бея, посѣтившаго Францію, понимая, что королевскіе праздники совсѣмъ обезпечатъ его предпріятія. Одинъ изъ близкихъ ему людей, о которомъ я еще не упоминалъ, Кардальякъ, директоръ театра, уже обанкротившійся два или три раза, беретъ на себя организовать великолѣпный пріемъ. Все готово, весь ополотовъ впопыхахъ, Жансуле дожидается бея на станціи желѣзной дороги; но поѣздъ приходитъ и уходитъ; Генерлингъ сидитъ въ вагонѣ самого бея, котораго ему удалось возстановить противъ несчастнаго Жансуле. Это для послѣдняго такая пощечина, отъ которой онъ съ трудомъ оправился бы, если бы герцогъ де-Мора не

явился къ нему на помощь, подыскавъ ему оффиціальную кандидатуру въ Корсикѣ. Ничего нельзя представить себѣ удивительнѣе этого депутатскаго полномочія, купленнаго по бюллетенямъ, завоеваннаго всѣми средствами, какими можетъ располагать богатый человѣкъ. Наконецъ, Жансуле избранъ, и вотъ когда наступаетъ апогея его счастія,—моментъ, когда онъ можетъ, наконецъ, надѣяться, что Парижъ въ его рукахъ.

Я оставляю въ сторонѣ побочныя обстоятельства, второстепенныхъ лицъ, чтобы поскорѣе окончить анализъ самой драмы. Когда Жансуле дѣлается депутатомъ, на него со всѣхъ сторонъ набрасываются ожесточенные враги. Тѣ люди, что всего наглѣе обирали его, паразиты и попрошайки площади Вандомъ жалуются на то, что онъ теперь не раскошеливается. Онъ имѣлъ неосторожность отказать въ деньгахъ Моёссару, который пишетъ противъ него подлѣйшую статью, обвиняя его въ томъ, что онъ занимался самыми позорными дѣлами. Со всѣхъ сторонъ онъ наталкивается на неблагодарность; его почти разоряетъ паденіе Виелеменскаго пріюта и *Поземельнаго банка*, издержки его выборовъ и грабежъ, которому подвергаются его капиталы. Самые худые слухи ходятъ на его счетъ, и законодательный корпусъ, обыкновенно такой покладливый, начинаетъ поговаривать о томъ, чтобы признать его выборы недѣйствительными для острастки.

Это было бы еще ничего,—только рана, нанесенная его самолюбію,—если бы оно не влекло за собой его разоренія. У него осталось всего только сто милліоновъ, сумма весьма почтенная, какъ видите, но она помѣщена въ помѣстьяхъ и капиталахъ въ Тунисѣ и находится въ полномъ распоряженіи бея, съ которымъ его поссорилъ врагъ Гемерлингъ. Если онъ останется депутатомъ, то бей ни за что не осмѣлится наложить руку на имущество французскаго представителя; тогда какъ если выборы его будутъ признаны недѣйствительными, то надо думать, что бей не поцеремонится ограбить частное лицо, обогащенное щедротами его отца. Отсюда то значеніе, какое Жансуле придаетъ тому, чтобы его не вычеркнули изъ числа депутатовъ. За него стоитъ герцогъ де-Мора, и онъ увѣренъ, что восторжествуетъ, благодаря его поддержкѣ, какъ вдругъ герцогъ умираетъ, вслѣдствіе невоздержной жизни. Для Жансуле это окончательная гибель. У него остается одна только надежда: помириться съ Гемерлингомъ, руку котораго онъ чувствуетъ во всѣхъ своихъ несчастіяхъ. Гемерлингъ не прочь помириться, но надо прежде всего умиротворить его жену. М-me Гемерлингъ была нѣкогда невольницей въ сералѣ, обратилась въ христіанскую вѣру и разыгрываетъ набожную женщину. Она сердита на Жансуле главнымъ образомъ за то, что м-me Жансуле, происходящая изъ богатой левантинской фамиліи, не захотѣла отдать

ей визита. Если m-me Жансуле согласится сдѣлать ей визитъ, то миръ будетъ заключенъ. Вся бѣда въ томъ, что m-me Жансуле, масса жира, совсѣмъ отупѣвшая въ Парижѣ и на которую находятъ припадки ребяческаго упрямства, упорно отказывается сдѣлать вещь, кажущуюся ей неприличной. Жансуле доходитъ до того, что бьетъ ее, и эта сцена, гдѣ изображается, съ одной стороны, тупое упрямство жены, съ другой—безсильная ярость мужа, очень хороша. Отнынѣ гибель Набоба неизбѣжна. Тщетно онъ обращается за помощью къ депутату, на котораго возложенъ докладъ объ его избраніи, адвокату-ханжѣ, который разставляетъ ему самую грубую ловушку. Недѣйствительность выборовъ потребована и вотирована; его парализуетъ видъ матери, провансальской крестьянки, которую онъ видитъ въ трибунѣ въ тотъ моментъ, какъ онъ готовится защищаться отъ гнусныхъ клеветъ, распускаемыхъ на его счетъ, сказавъ всю правду и объяснивъ, что его смѣшиваютъ съ старшимъ братомъ, безпутнымъ человѣкомъ, шатавшимся нѣкогда по всѣмъ парижскимъ вертепамъ. Мысль, что онъ заставитъ покраснѣть мать, останавливаетъ его, и онъ снова усаживается на скамью послѣ прекрасной рѣчи о томъ, какъ его сгубило колоссальное богатство, отъ котораго онъ ждалъ всѣхъ благъ. Съ этой минуты дѣло Жансуле проиграно. Правда, что одинъ великодушный человѣкъ отправляется въ Тунисъ, чтобы спасти сто милліоновъ. Но Жансуле, оскорбленный въ одинъ прекрасный вечеръ въ театрѣ презрѣніемъ всей залы, открыто выказываемомъ ему, умираетъ на сценѣ, въ депо аксессуаровъ, въ тотъ моментъ, какъ его повѣренный приходитъ ему сказать, что спасъ его состояніе.

Вотъ содержаніе драмы; но, какъ читатели уже вѣроятно поняли, главное достоинство ея заключается въ деталяхъ, въ картинахъ парижской жизни, среди которыхъ она происходитъ. Возвращаюсь къ второстепеннымъ дѣйствующимъ лицамъ. Я еще не упоминалъ про Фелицію Рюисъ, оригинальную фигуру женщины-артистки, родившейся въ мастерской своего отца, геніальнаго скульптора, воспитанной какъ мальчикъ, и всю жизнь страдающей отъ этого воспитанія. Она сама становится знаменитымъ скульпторомъ, и ея произведенія возбуждаютъ много толковъ. Но она мучится страннымъ сплиномъ, смутнымъ стремленіемъ къ буржуазнымъ добродѣтелямъ, грызущимъ ее всю жизнь. Романистъ хотѣлъ изобразить въ ней не столько великую артистку, сколько женщину, выброшенную изъ обыденной доли. Ведя замкнутую жизнь въ обществѣ одной бывшей танцовщицы, она проводитъ ужасные дни, разрываясь между страстью къ искусству и скукой своего уединенія. Она совсѣмъ почти не нужна для главной интриги. Докторъ Дженкинсъ, ложный добрякъ, мягкій и докторальный, задумалъ въ одинъ прекрасный день обезчестить ее, и воспо-

минаніе объ этомъ насиліи оставило въ ней отвращеніе и страхъ. Совсѣмъ тѣмъ, она сознаетъ въ себѣ худые инстинкты. Сначала она мечтаетъ выдти замужъ за Жансуле, пока не узнаетъ, что онъ женатъ, затѣмъ отдается герцогу де-Мора. Непосредственная польза ея присутствія въ романѣ заключается въ томъ, что съ ней проводитъ свою послѣднюю оргію герцогъ де-Мора, послѣ чего сваливается съ ногъ, съ тѣмъ, чтобы уже больше не встать. Позднѣе она падаетъ еще ниже и соглашается даже раздѣлить страсть самого Дженкинса, подлость котораго ей хорошо извѣстна. Но она служитъ поводомъ къ весьма блестящимъ эпизодамъ, къ великолѣпному описанію открытія ежегодной выставки живописи и скульптуры, во дворцѣ Промышленности, и прелестнымъ страницамъ, въ которыхъ описывается ея мастерская, ея дѣтство съ отцомъ, среди артистической богемы.

Мнѣ остается указать еще другой уголокъ книги. Славный молодой человѣкъ, Поль де-Жери, является въ Парижъ съ письмомъ отъ матери Жансуле, и поступаетъ къ послѣднему въ качествѣ секретаря. Онъ представитель честности въ романѣ; онъ видитъ, какъ грабятъ его патрона и позднѣе ѣдетъ въ Тунисъ, чтобы спасти сто милліоновъ. Но сколько онъ ни старается раскрыть глаза Жансуле, его никакъ нельзя спасти, и жребій его долженъ свершиться. Поэтому Поль былъ бы почти ненуженъ въ романѣ, если бы не служилъ связью между остальными дѣйствующими лицами и семьей Жуайёзъ, достойной и милой семьей, состоящей изъ отца и пятерыхъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ старшая, Алина, служитъ матерью всѣмъ остальнымъ. Это милый уголокъ въ книгѣ, уголокъ, гдѣ процвѣтаютъ буржуазныя невинность и добродѣтели. Жуайёзъ служитъ въ конторѣ Гемерлинга и вдругъ лишается мѣста, но скрываетъ это несчастіе отъ дочерей, уходитъ каждое утро какъ-бы въ должность и проводитъ дни въ безконечныхъ прогулкахъ. Это очень оригинальный добрякъ, какой-то мечтатель, изобрѣтающій цѣлыя исторіи по поводу всякаго пустяка. Къ счастію, Поль де-Жери является къ нему на помощь и роковымъ образомъ влюбляется въ Алину. Одну минуту онъ думалъ, что любитъ Фелицію Рюисъ, но цѣломудренная прелесть Алины скоро открываетъ ему глаза. Надо сказать, что вторая дочь Жуайёза, Элиза, тоже любима однимъ молодымъ человѣкомъ, Андре Мараннъ, который живетъ въ одномъ съ ними домѣ, въ одномъ изъ предмѣстьевъ. Андре сынъ особы, слывущей за m-me Дженкинсъ, но которая просто-на-просто любовница доктора, хотя онъ и представилъ ее всему Парижу въ качествѣ жены. Онъ оставилъ домъ доктора и открылъ фотографію въ ожиданіи, пока драма, которую онъ пишетъ, дастъ ему славу и деньги. Чистая и молодая любовь этихъ двухъ парочекъ

служитъ отдохновеніемъ отъ отвратительныхъ страстей, которыми наполнена книга. Драма Андре: „Révolte" увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, и даже въ то самое время, какъ рукоплещутъ дебютанту, —Жансуле, разбитый параличомъ, умираетъ въ депо аксессуаровъ.

Я буду вполнѣ обстоятеленъ, если скажу, какъ кончаютъ двѣ второстепенныя фигуры: мнимая m-me Дженкинсъ и графъ де-Монпавонъ. Дженкинсъ разстается съ своей любовницей съ отвратительной грубостью; онъ уѣзжаетъ, и желая продать свою мебель, поручаетъ своему фактору объявить бѣдной женщинѣ, чтобы она шла на всѣ четыре стороны; правда, что онъ велитъ предложить ей денегъ. Она отказывается ихъ взять, уходитъ, потерявъ голову, и вотъ она на улицѣ, безъ денегъ и безъ крова, бѣднѣе и заброшеннѣе, чѣмъ тѣ несчастныя, которыя ее толкаютъ на троттуарѣ. У нея одна мысль: броситься въ Сену. Но она хочетъ въ послѣдній разъ увидѣть сына; Андре угадываетъ, что случилась бѣда; онъ ее задерживаетъ, и она спасена. Конецъ Монпавона трагичнѣе. Его покровитель умеръ, и его призываютъ въ судъ исправительной полиціи. Тутъ просыпается его дворянская гордость, и онъ предпочитаетъ смерть безчестію. Спокойно одѣвается онъ въ послѣдній разъ, и весьма тщательно, желая сохранить до конца свой элегантный видъ. Затѣмъ выкуриваетъ послѣднюю сигару на бульварѣ и, наконецъ, рѣшается войти въ заведеніе ваннъ, въ глухомъ кварталѣ. Тамъ онъ открываетъ себѣ вены и умираетъ обезображенный до такой степени, что никто не можетъ его узнать. И эти два выкидыша современной парижской жизни: m-me Дженкинсъ и де-Монпавонъ, встрѣчаются на бульварѣ и обмѣниваются съ улыбкой поклономъ, хотя въ душѣ у обоихъ мысль о смерти. Но женщину спасаетъ сынъ, а мужчина ищетъ въ самоубійствѣ приличнаго конца.

Въ сущности можно было бы сказать, что „Набобъ" рисуетъ картину парижской испорченности, богему второй имперіи. Исторія сквозитъ сквозь вымыселъ.

II.

Я анализирую этотъ романъ не столько затѣмъ, чтобы произнести о немъ сужденіе, какъ о романѣ, сколько съ цѣлью показать, къ чему пришли современные романисты. Меня поймутъ всего лучше, если я объясню, какимъ способомъ Альфонсъ Додэ работаетъ.

Въ статьѣ, посвященной ему, я показалъ, какъ онъ началъ со сказки, съ картинки въ нѣсколько страницъ, и мало-по-малу расширилъ свои рамки и сталъ писать обширныя произведенія. Когда онъ довольствовался короткими разсказами, методъ его работы не трудно

было угадать. Онъ бралъ фактъ изъ жизни дѣйствительной, какую-нибудь исторію, происходившую у него на глазахъ или личность, какую ему случилось наблюдать, и старался просто-на-просто изобразить эту личность, разсказать эту исторію самымъ интереснымъ образомъ. Извѣстно, какъ мастерски пересказывалъ онъ всѣ эти мелочи. Сдѣлавшись романистомъ, онъ не измѣнилъ метода. Это очевидно. Онъ довольствуется тѣмъ, что связываетъ какой-нибудь общей нитью всѣ наблюденія, какія ему случилось сдѣлать съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ слѣдить за всѣмъ, что̀ вокругъ него происходитъ. Я сейчасъ объясню свою мысль.

Мнѣ представляется, что Альфонсъ Додэ ежедневно отмѣчаетъ то, что̀ онъ видѣлъ. Эти замѣтки могутъ быть составлены на бумагѣ или въ головѣ — это все-равно. Достаточно, что у него въ памяти или въ ящикахъ хранится цѣлый архивъ документовъ. Всѣ событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, всѣ люди, съ которыми ему случалось сталкиваться, оставляютъ въ немъ весьма сильныя впечатлѣнія, и онъ можетъ, по желанію, вызывать ихъ. Правда, что эти замѣтки разрозненны, и ничто не связываетъ ихъ между собою; это бусы, еще не нанизанныя на одно ожерелье. Но вотъ представимъ себѣ, что Додэ хочетъ написать романъ. Его сначала сильно займетъ какое-нибудь воспоминаніе, проснувшееся въ немъ. Ему придетъ въ голову, что тутъ есть эмбріонъ книги, но только онъ находится еще въ зачаточномъ состояніи и не имѣетъ необходимой плоти. И тутъ-то и начинается настоящая работа Додэ. Онъ будетъ рыться въ своихъ документахъ, пересмотритъ всѣ сдѣланныя имъ наблюденія, и увидитъ, какія могутъ идти рука объ руку, безъ фальши. Мало-по-малу онъ возьметъ тамъ главу, здѣсь типъ, дальше какую-нибудь сцену, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, какой у него есть подъ руками, до тѣхъ поръ, пока его наберется на цѣлую книгу.

Это кажется просто, но будьте увѣрены, что ничего не можетъ быть труднѣе. Тутъ уже не приходится приклеивать ни къ селу, ни къ городу историческіе факты къ романическимъ измышленіямъ: надо умѣть пользоваться матеріаломъ, доставляемымъ жизнью дѣйствительной, и такъ расположить его, чтобы онъ представлялъ нѣчто стройное и цѣлое.

Чтобы хорошенько отдать себѣ отчетъ въ этомъ новомъ методѣ творчества, всего лучше вспомнить, чѣмъ былъ романъ въ эпоху — Дюма-отца, напримѣръ. Возьмемъ „Три Мушкетера“ — произведеніе, остающееся у насъ самымъ популярнымъ. Очевидно, что у романиста была одна только забота — развлекать читателя, подстрекнуть его любопытство, не давать ему остыть, и для этого постоянно занимать его новыми перипетіями. Писатель отнюдь не окружалъ дѣйствующихъ лицъ

современной средой, потому что въ такомъ случаѣ ему пришлось бы считаться съ дѣйствительностью. Забравшись назадъ за два или за три столѣтія, помѣстивъ свое дѣйствіе въ эпоху Людовика XIII или XIV, онъ могъ врать сколько его душѣ угодно; невѣжды, т.-е. большинство этимъ не возмущалось. Въ сущности, это было очень удобно: нѣсколько историческихъ данныхъ объ эпохѣ и о нравахъ, ходячіе анекдоты, легендарныя преданія — и у автора былъ матеріалъ на десятки томовъ. Онъ писалъ, писалъ съ величайшимъ апломбомъ, нагромождая самыя удивительныя происшествія, и до того искажая исторію, что правда становилась подъ конецъ у него ложью... Въ сущности ему не было до нея никакого дѣла. Вѣдь онъ сказочникъ — и чѣмъ усерднѣе лжетъ, тѣмъ сильнѣе восхищаетъ публику.

Я назвалъ настоящимъ именемъ всѣхъ романистовъ, предшествовавшихъ Бальзаку или работавшихъ внѣ его вліянія. Они были просто-на-просто сказочниками. Обширная область воображенія принадлежала имъ, и они свободно дѣйствовали въ ней, черпая весь свой успѣхъ въ силѣ воображенія. Величайшей похвалой въ то время для романиста было сказать, что у него богатое воображеніе. Это значило, что онъ измышляетъ въ изобиліи событія, какихъ никогда не происходило, и лицъ, какихъ никогда не существовало. Его мѣрили степенью лжи его произведенія; имъ восхищались тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше удалялся онъ отъ обыденной жизни. Какъ мало походилъ его герой на людей, съ какими сталкиваешься на улицахъ! какъ далека была интрига романа отъ пошлой жизни, какую велъ читатель! Отъ автора требовали новыхъ ощущеній, необыкновенныхъ сюрпризовъ, чрезвычайныхъ фантазій, словомъ—самаго романическаго. Въ эту эпоху то, что называется нравоописательнымъ романомъ, занимало еще самое незначительное мѣсто; мода безгранично требовала романа съ приключеніями.

Я взялъ самый рѣзкій примѣръ, заговоривъ о произведеніяхъ Дюма-отца, который бредилъ на яву, и точно человѣкъ, опившійся опіумомъ, жилъ въ мірѣ невозможномъ, какъ у себя дома. Но я могъ бы привести менѣе рѣзкіе примѣры—и тѣмъ не менѣе они были бы весьма характеристичны. Романисты, которые лѣтъ двадцать-пять или тридцать тому назадъ хвалились тѣмъ, что сображаются съ природой, все еще считали, что природой надо вдохновляться издали. Они творили главнымъ образомъ общіе типы, они работали по воспоминаніямъ объ образцѣ, отъ котораго зачастую очень сильно удалялись. Никому и въ голову не приходило взять свою тетушку или мать и перенести ихъ живьемъ въ романъ. Они нашли бы такой способъ слишкомъ безыскуственнымъ; у нихъ были опредѣленныя понятія насчетъ необходимой идеализаціи дѣйствую-

щихъ лицъ и прикрасъ дѣйствительной жизни. Если они не лгали съ развязностью сказочниковъ, за то оставались благородными и скромными, они живописали природу, но подъ тѣмъ условіемъ, что замаскируютъ и прикрасятъ ее, согласно ходячей формулѣ. Впрочемъ, публика была въ заговорѣ; авторы могли въ свое оправданіе сказать, что не могутъ же они досаждать публикѣ, и скандализировать ее, угощая ее мало пріятными картинами. Въ то время всѣ, повидимому, были убѣждены, что читатели прежде всего требуютъ такого чтенія, которое бы не имѣло ни малѣйшаго соприкосновенія съ жизнью дѣйствительной.

Тогда разсуждали такъ: „вотъ купецъ, простоявшій весь день за прилавкомъ, продавая сукно или свѣчи; какъ вы думаете: очень интересно ему будетъ, если вы покажете ему такого же купца, какъ онъ самъ, занятаго такимъ же точно дѣломъ? Вотъ женщина, самымъ банальнымъ образомъ измѣнившая мужу и зѣвающая съ утра до ночи,—до того ей любовникъ кажется пошлымъ, гораздо пошлѣе мужа; какъ вы думаете: увлечется она вашей книгой, если вы ей разскажете, самымъ обстоятельнымъ образомъ, про такую же глупую и скучную интригу?" И изъ этого выводили, что необходимость идеализировать факты и дѣйствующихъ лицъ въ романѣ является роковымъ принципомъ романа. Читатели требуютъ, чтобы ихъ отвлекали отъ дѣйствительности, чтобы имъ показывали состоянія, составленныя въ одинъ день, принцевъ, прогуливающихся съ карманами, биткомъ набитыми брилліантами, восторженную любовь, уносящую любящихся въ очаровательный міръ грёзъ, словомъ—все, чтó только можетъ выдумать фантазія поэтовъ. Только этою цѣною, казалось, можно добиться успѣха. Лгите, или никто васъ не станетъ покупать.

А теперь сравнимъ это съ тѣмъ способомъ, какимъ работаетъ Альфонсъ Додэ въ „Набобѣ". Я говорилъ, что онъ ничего не измышляетъ. Онъ сознается, что у него совсѣмъ нѣтъ воображенія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я его опредѣлилъ. Онъ былъ бы неспособенъ изобрѣсти одну изъ тѣхъ сложныхъ исторій, которыя восхищали нашихъ отцовъ, какого-нибудь Монте-Кристо, совершающаго чудеса, благодаря богатому кладу, найденному на одномъ островѣ, изъ котораго онъ черпаетъ сокровища обѣими руками. И даже онъ тотчасъ же сбивается съ толку, если измѣнитъ хоть что-нибудь въ томъ, чтó онъ видалъ. Онъ того мнѣнія, что истинное происшествіе всегда эффектнѣе происшествія измышленнаго, и его огорчаетъ больше всего то, что онъ вынужденъ иногда кое-о-чемъ умалчивать. Это уваженіе къ правдѣ доходитъ у него до того, что имя типа, наблюденнаго имъ, отожествляется съ дѣйствующимъ лицомъ — и если ему нужно из-

мѣнить имя, то лицо уже не кажется ему такимъ вѣрнымъ. Поэтому, когда онъ не можетъ удержать имени, онъ старается создать такое, которое бы напоминало настоящее. И все это не литературная теорія, но ощущеніе художника, роковое и естественное стремленіе, побуждающее его придавать важное значеніе всему, чтó онъ наблюдалъ. Ему нужна живая модель, которая бы стояла передъ нимъ и будила всѣ его художественные инстинкты. Если у него нѣтъ такой модели, онъ чувствуетъ себя связаннымъ, у него опускаются руки, и онъ не можетъ работать, сознавая, что ничего путнаго не напишетъ. Все немедленно исчезаетъ, потому что модель приноситъ съ собой не только человѣческую фигуру, но еще и воздухъ, которымъ она окружена, среду, цвѣтъ и звукъ, — все, чтó составляетъ жизнь. Отсюдá стремленіе втиснуть въ свою книгу всѣхъ лицъ, которыхъ ему удалось изучить. Когда его поразитъ какая-нибудь личность или какое-нибудь явленіе, они преслѣдуютъ его до того, что ему кажется, что ничего любопытнѣе быть не можетъ; что у него подъ руками матеріалъ для „chef'd'oeuvre", и онъ не можетъ противиться желанію описать то, чтò онъ видѣлъ и слышалъ, никакое соображеніе его не останавливаетъ: страсть художника увлекаетъ его вопреки и наперекоръ всему. Вотъ чтó я называю горячкой дѣйствительности, — совсѣмъ новою болѣзнью у художниковъ. Ихъ мучитъ страсть составлять публичные протоколы, не пропуская ни одной подробности и рискуя оскорбить друзей и даже родныхъ, безсознательно послужившихъ имъ моделью. Въ одинъ прекрасный день попадаешь въ ихъ произведенія съ своимъ именемъ, жестами, платьемъ, исторіей, съ своими бородавками. Подъ ихъ скальпелемъ превращаешься въ человѣческій документъ, и было бы неразумно сердиться на нихъ за это, потому что они поступаютъ такъ безъ малѣйшаго злорадства и единственно лишь потому, что повинуются желанію внести какъ можно больше жизни въ свои произведенія.

Итакъ, Альфонсъ Додэ извлекъ изъ собранныхъ имъ замѣтокъ всѣ тѣ, которыя, по его мнѣнію, могли войти въ „Набобъ". Я сейчасъ скажу, какого рода эти замѣтки, гдѣ онъ почерпнулъ ихъ въ дѣйствительной жизни, какую дозу правды онѣ содержатъ. Замѣтки лежатъ на его письменномъ столѣ. И вотъ тутъ уже Додэ является творцомъ, потому что въ сущности у него подъ руками только сырой матеріалъ, и ему надобно привести въ систему разровненные документы. Начинается роль его воображенія, воображенія своеобразнаго, скромнаго слуги, который довольствуется тѣмъ, что остается на второмъ планѣ. Нужна какая-нибудь исторія, чтобы связать различные эпизоды, и исторія эта будетъ, по возможности, самая простая, самая обыкновенная, такъ чтобы она не загромождала книги и

оставляла побольше мѣста для широкихъ картинъ, которыя хочетъ рисовать авторъ. Напримѣръ, въ „Набобѣ“ воображеніе удовольствуется созданіемъ Поля де-Жери и познакомить его съ Жуайёзами и Фелиціей Рюисъ, чтобы онъ служилъ связующимъ звеномъ между этими различными личностями; воображеніе создастъ также еще нѣсколько подробностей: любовь Фелиціи и герцога де-Мора, скоропостижную смерть Жансуле, сраженнаго презрѣніемъ парижской публики, присутствующей на первыхъ представленіяхъ; но эти подробности будутъ регулированы наблюденіемъ и останутся второстепенною частью романа. Гораздо болѣе значительную роль займутъ, какъ я уже сказалъ, широкія картины жизни, которую романистъ задумалъ воспроизвести. Остальное играетъ второстепенную роль. Въ сущности, какое дѣло до интриги?—надо только изобразить съ должнымъ развитіемъ сцены поразительной правды: завтракъ на Вандомской площади, посѣщеніе Виѳлеемскаго пріюта, празднества, приготовленныя для бея въ замкѣ Сенъ-Романъ, ежегодную выставку картинъ и статуй, смерть и похороны герцога де-Мора. Все это историческія страницы, которыя необходимо было обезсмертить, изобразивъ во всей правдѣ.

Правда, что роль воображенія романиста на этомъ не останавливается. Если онъ не измышляетъ всего сплошь, за то ему приходится безпрестанно придумывать въ деталяхъ; воображеніе его расходуется на то, чтобы представить вѣрныя дѣйствительности картины, освѣтивъ ихъ особымъ огнемъ, сообщающимъ имъ жизнь. У Альфонса Додэ особенно сильно развито воображеніе въ постановкѣ и слогѣ. Изъ всякой мелкой сцены онъ создаетъ мастерскую вещь, благодаря искусству, съ какимъ ее сочиняетъ. Впрочемъ, ему отказываютъ въ умѣньѣ сочинять, какъ и другимъ романистамъ натуральной школы, и я не знаю болѣе несправедливой критики, потому что произведенія этихъ романистовъ, напротивъ того, сочинены съ необыкновенной утонченностью, съ искусствомъ, замыкающимъ дѣйствительность въ тщательно-отдѣланныя рамки. Позднѣе въ этомъ убѣдятся. Наконецъ, что придаетъ этому изображенію дѣйствительности характеръ превосходства — это фактура, уваженіе къ языку и хорошій слогъ. Безъ сомнѣнія, авторъ копируетъ природу и гордится этимъ; но онъ присовокупляетъ къ ней сильный интересъ личнаго взгляда. Онъ не пользуется воображеніемъ затѣмъ, чтобы передать плохимъ слогомъ дикія и невозможныя приключенія,—онъ пользуется имъ съ тѣмъ, чтобы поэтически описать какой-нибудь уголокъ необъятной вселенной.

И посмотрите какое чудо: уже не романы съ запутанной интригой восхищаютъ въ настоящее время публику, — весь успѣхъ до-

стается на долю наблюдательныхъ романовъ, какъ „Набобъ". Нельзя уже больше носиться съ знаменитой теоріею о потребности въ идеалѣ, мучающей публику. Напротивъ того, она выказываетъ жадное любопытство относительно всего, что близко ея касается: изображенія жизни, которую она ведетъ; къ людямъ, съ которыми она сталкивается; къ фактамъ, наполняющимъ ея жизнь. Впрочемъ, можно перевернуть то разсужденіе, которое я приводилъ выше: „чѣмъ хотите вы, чтобы интересовался купецъ, продающій цѣлый день сукно или свѣчи, какъ не торговыми драмами, какъ не исторіями другихъ купцовъ, болѣе или менѣе счастливыхъ, чѣмъ онъ? Что можетъ затрогивать виновную женщину, какъ не разсказъ о такомъ же нарушеніи супружеской вѣрности, о такихъ же тревогахъ и такой же убійственной скукѣ, какъ и тѣ, какія она испытываетъ?" Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что „Набобъ" выдержалъ болѣе тридцати изданій въ три мѣсяца, и что читатели все болѣе и болѣе увлекаются правдивыми произведеніями, точными и живыми копіями съ природы.

Я охотно скажу въ заключеніе, что романъ, понимаемый такимъ образомъ, сталъ современной исторіей, резюмированной въ яркихъ примѣрахъ и написанной художниками, владѣющими даромъ жизни.

III.

Появленіе „Набоба" было настоящимъ событіемъ. Разнесся слухъ, что авторъ описалъ въ этомъ романѣ многое-множество парижскихъ личностей, и всѣ захотѣли признать оригиналы. Отсюда сплетни и нескончаемый гвалтъ. Авторъ, которому надоѣли жалобы, захотѣлъ оградить себя отъ коварства извѣстной части прессы, обожающей скандалъ, и объявилъ въ „Figaro", который особенно нападалъ на него, что будетъ возражать на всѣ обвиненія въ предисловіи, которое обѣщалъ приложить къ ближайшему изданію своей книги.

Это предисловіе, ожидаемое съ большимъ нетерпѣніемъ, еще не появлялось во Франціи. Но я обязанъ дружбѣ Альфонса Додэ тѣмъ, что получилъ съ него копію и могу напечатать ее здѣсь. Я даю его здѣсь цѣликомъ, во-первыхъ, потому, что оно не очень длинно, — во-вторыхъ, потому, что такъ какъ эта вещь еще неизданная, то она является настоящей литературной рѣдкостью. Всѣ лица, прочитавшія „Набоба", пожелаютъ познакомиться съ слѣдующимъ заявленіемъ автора:

„Сто лѣтъ тому назадъ, Лесажъ помѣстилъ слѣдующее во главѣ „Жильблаза": — „такъ какъ существуютъ люди, которые не могутъ

читать книгъ, не узнавая знакомыхъ лицъ въ порочныхъ или смѣшныхъ характерахъ, встрѣчаемыхъ въ сочиненіи, то я объявляю этимъ хитроумнымъ читателямъ, что они напрасно стали бы искать портретовъ въ настоящей книгѣ.. Я дѣлаю публичное признаніе: я поставилъ себѣ задачей только изобразить жизнь людей такою, какова она есть".

„Принимая въ соображеніе то разстояніе, которое отдѣляетъ романъ Лесажа отъ моего, я долженъ былъ бы сдѣлать такое же объявленіе на первой страницѣ „Набоба", при первомъ же его изданіи. Многія причины помѣшали мнѣ это сдѣлать. Во-первыхъ, я побоялся, какъ бы такое объявленіе не было принято за приманку, брошенную публикѣ съ тѣмъ, чтобы привлечь ея вниманіе; во-вторыхъ, я былъ далекъ отъ мысли, что книга, написанная съ чисто-литературными цѣлями, могла бы вдругъ пріобрѣсти анекдотическое значеніе и навлечь на меня такой громкій хоръ жалобъ. Это, право, превосходитъ все, что можно себѣ представить. Нѣтъ ни одной страницы въ моемъ произведеніи, ни одного героя, ни одного мелькомъ очерченнаго лица, который бы не подалъ поводъ къ намекамъ, къ протестамъ. Сколько авторъ ни оправдывался, сколько онъ ни клялся и ни божился, что къ его роману нѣтъ ключа, — каждый куетъ для него ключъ, съ помощью котораго претендуетъ отпереть этотъ хитрый замокъ. Хотятъ, чтобы всѣ его типы были списаны съ живыхъ людей! — скопированы съ головы до пятокъ!... Монпавонъ — это такой-то, — не правда ли?.. Сходство съ Дженкинсомъ поразительно!.. Этотъ сердится, что его описали въ книгѣ, — а тотъ, что его не описали, и — благодаря такой погонѣ за скандаломъ — случайное сходство именъ, столь часто попадающееся въ новыхъ романахъ, названіе улицъ, нумера домовъ, выбранныхъ на-удачу, послужили къ отождествленію лицъ, созданныхъ изъ тысячи кусковъ и въ сущности совсѣмъ фантастическихъ.

„Авторъ слишкомъ скроменъ, чтобы принять на свой счетъ весь шумъ, который возбудило его произведеніе. Онъ знаетъ, какую роль играли во всемъ этомъ дружеская или коварная нескромность газетъ, и — не благодаря однихъ больше того, чѣмъ стоитъ, не сердясь на другихъ безъ мѣры — онъ покоряется своему шумному приключенію, какъ вещи совершенно неизбѣжной, и находитъ только нужнымъ честью увѣрить, ссылаясь на двадцать лѣтъ честной литературной дѣятельности, что въ этотъ разъ, также какъ и во всѣ предыдущіе разы, онъ не гнался за этимъ элементомъ успѣха. Перебирая свои воспоминанія — что составляетъ право и обязанность каждаго романиста — онъ припомнилъ странный эпизодъ изъ космополитнаго Парижа, случившійся пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Ро-

маническій интересъ ослѣпительнаго и мимолетнаго существованія, пронесшагося, какъ метеоръ, по парижскому небу, очевидно послужилъ рамками для „Набоба", для этой картины нравовъ конца второй имперіи. Но по поводу положенія, событія всѣмъ извѣстнаго и которое каждый былъ въ правѣ изучить и напомнить, сколько фантазіи, сколько вымысла, сколько прикрасъ и — въ особенности — какой расходъ непрестанной наблюдательности, почти безсознательной, безъ которой не можетъ быть писателя-романиста. Впрочемъ, чтобы дать себѣ отчетъ въ кристаллической работѣ, переносящей дѣйствительность въ фикцію, жизнь въ романъ, стоитъ только раскрыть „Moniteur Officiel" февраля 1864 года и сравнить настоящее засѣданіе законодательнаго корпуса съ тѣмъ изображеніемъ, какое находится въ моей книгѣ. Кто могъ бы предположить, что, послѣ стольнихъ протекшихъ лѣтъ, позабывчивый Парижъ узнаетъ первоначальную модель романиста въ идеализаціи, совершенной имъ, и что возвысится голосъ, обвиняющій въ неблагодарности того, кто, конечно, не былъ неизмѣннымъ гостемъ своего героя, но лишь любопытнымъ зрителемъ въ ихъ рѣдкія встрѣчи, зрителемъ, въ которомъ правда быстро фотографируется, и который не можетъ никогда изгладить изъ своей памяти образы, разъ въ ней запечатлѣвшіеся? Я знавалъ „настоящаго Набоба" въ 1864 году. Я занималъ тогда полу-оффиціальное положеніе, вынуждавшее меня вносить нѣкоторую сдержанность въ свои визиты къ этому пышному и гостепріимному левантинцу. Позднѣе я сдружился съ однимъ изъ его братьевъ; но въ то время бѣдный Жансуле вдали бился въ жестокихъ терновыхъ кустарникахъ, и его лишь нерѣдка видали въ Парижѣ. Впрочемъ, довольно щекотливо для честнаго человѣка считаться такимъ образомъ съ мертвецами и говорить: „Вы ошибаетесь: хотя это былъ и любезный хозяинъ, но вы рѣдко видали меня у него въ гостяхъ". Для меня достаточно заявить, что, описывая сына maman Жансуле, я хотѣлъ сдѣлать его симпатичнымъ, и что упрекъ въ неблагодарности кажется мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ нелѣпымъ. Это настолько справедливо, что съ другой стороны мнѣ говорятъ: „Да, мы его знавали, твоего Набоба, поэтъ. Ты изобразилъ его гораздо лучше и интереснѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ".

„Но и тутъ мой отвѣтъ очень простъ:—можетъ быть, вы и правы, но какое мнѣ дѣло! Пеняйте на газеты, которыя сказали вамъ настоящее имя Жансуле. Я вамъ далъ романъ, какъ романъ, худой или хорошій, не гарантируя сходства.

„Что касается Мора, то это другое дѣло. Толковали о нескромности, о политической измѣнѣ.... Боже мой! я никогда ничего не скрывалъ. Я былъ двадцати лѣтъ отъ роду прикомандированъ къ

кабинету того, кто мнѣ послужилъ типомъ; и друзья мои того времени знаютъ, какимъ серьёзнымъ политическимъ дѣятелемъ я былъ въ то время. Сама администрація, вѣроятно, не забыла чудака чиновника съ авессаломовской гривой, приходившаго вѣчно послѣднимъ въ бюро, уходившаго первымъ и видавшаго его превосходительство лишь затѣмъ, чтобы попросить отпуска. Впрочемъ, будучи вполнѣ независимыхъ мнѣній, съ руками, незапятнанными никакими кантатами, я такъ мало интересовался имперіею, что въ тотъ день, какъ герцогъ предложилъ мнѣ вступить въ службу, я, будущій чиновникъ, счелъ долгомъ объявить съ трогательной и комической торжественностью: „что я легитимистъ". — Это мнѣ все равно: императрица еще болѣе легитимистка, нежели вы!—отвѣчалъ его превосходительство съ пріятной, дерзкой и спокойной улыбкой. Съ такой улыбкой я постоянно видалъ его, не имѣя нужды подсматривать въ замочныя скважины, и такимъ я его изобразилъ, какимъ онъ любилъ показываться въ публикѣ, съ осанкой Ришелье-джентльмена. Исторія займется политическимъ дѣятелемъ. Я же показалъ свѣтскаго человѣка, какимъ онъ былъ и желалъ быть, убѣжденный, что онъ и при жизни былъ бы не прочь, чтобы его изобразили такимъ образомъ.

„Вотъ все, что я имѣю сказать.

„А теперь послѣ этихъ искреннихъ заявленій скорѣе вернемся къ работѣ. Это предисловіе покажется очень короткимъ, и любопытные тщетно станутъ искать въ немъ ожидаемаго перца. Тѣмъ хуже для нихъ. Какъ ни коротка эта страница, я нахожу ее слишкомъ длинной. Предисловія тѣмъ худы, что мѣшаютъ писать книги, и я жалѣю о томъ времени, какое и эта страница заставила меня потерять, да и васъ также, читатель".

Нельзя достойнѣе и искреннѣе возразить на обвиненія, лишенныя всякаго серьёзнаго основанія. Альфонсъ Додэ имѣлъ безусловное право воспользоваться, какъ онъ это сдѣлалъ, матеріаломъ, доставленнымъ ему дѣйствительностью. Но, чтобы понять его скромность, надо больше, чѣмъ онъ, распространиться объ оригиналахъ, послужившихъ ему моделью.

Жансуле не кто иной какъ знаменитый Бравей, которымъ весь Парижъ занимался въ 1864 г. Этотъ Бравей составилъ громадное состояніе не въ Тунисѣ, но въ Египтѣ, гдѣ онъ долгое время былъ любимцемъ и приближеннымъ лицомъ хедива. Додэ, не разъясняя съ точностью источниковъ его богатства, упомянувъ лишь вскользь объ аферахъ, которыми онъ его нажилъ, съ-разу выступилъ какъ весьма скромный и снисходительный историкъ. Позднѣе Бравей, желая

составить себѣ почетное и серьёзное положеніе, явился кандидатомъ въ депутаты. Его три раза выбирали, кажется, въ Гàрѣ, благодаря деньгамъ, которыми онъ сорилъ, и три раза палата объявляла его выборы недѣйствительными. Она не хотѣла допустить эту паршивую овцу; она вымещала на немъ преступленія всѣхъ замаранныхъ людей, которыхъ ей пришлось допустить въ свою среду. Съ другой стороны, борьба Гемерлинга съ Жансуле заимствована изъ жизни дѣйствительной. Одинъ банкиръ,—онъ еще живъ, и я не могу назвать его—въ самомъ дѣлѣ преслѣдовалъ Бравея своею ненавистью до тѣхъ поръ, пока не разорилъ его. Меня увѣряли даже, что драма между двумя женщинами отчасти списана съ натуры. Гдѣ романъ удаляется отъ исторіи, такъ это въ развязкѣ: Бравей не умеръ славной смертью Жансуле; онъ не палъ сраженный презрѣніемъ; напротивъ того, онъ влачилъ жалкое существованіе, разорившись въ конецъ, лишившись своей первоначальной роскоши и раздавленный постыдными исторіями, ходившими на его счетъ.

Какъ говоритъ Додэ, изумительно, что его обвиняютъ въ настоящее время въ неблагодарности къ памяти Бравей. Допустимъ, что онъ съ нимъ водился, что онъ нѣсколько разъ обѣдалъ за его столомъ. Развѣ вся книга „Набобъ“ не есть защита, панегирикъ Бравея? Надо знать, какое позорное воспоминаніе оставилъ по себѣ этотъ несчастный, чтобы понять, какую громадную услугу оказалъ Додэ его памяти; послѣдняя строчка его произведенія показываетъ даже, что онъ какъ будто и написалъ-то все затѣмъ, чтобы оправдать честнаго, но непризнаннаго человѣка. „Губы его пошевелились, и въ расширенныхъ глазахъ, обращенныхъ на Жери, появилось передъ смертью скорбное, умоляющее и негодующее выраженіе, словно онъ бралъ его въ свидѣтели величайшей и жесточайшей изъ несправедливостей, какія когда-либо совершалъ Парижъ“.

Сказать-ли? Додэ высказался такимъ нѣжнымъ живописцемъ для своей модели, что даже испортилъ для меня дѣйствительность. Мнѣ бы пріятнѣе было видѣть Жансуле откровенно замѣшаннымъ въ самыя сомнительныя дѣла, съ руками, полными золота, нажитаго самыми непозволительными средствами и завязывающимъ съ Парижемъ борьбу, въ которой Парижъ съ помощью всѣхъ своихъ пороковъ любезно обобралъ бы его въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ. Это не помѣшало бы надѣлить Жансуле нѣкоторой добротой, потому что я знавалъ негодяевъ съ добрымъ сердцемъ; онъ остался бы грубо-добродушнымъ, гостепріимнымъ для всѣхъ, но только сохранилъ бы энергическій характеръ и не далъ бы себя обокрасть, какъ ребенокъ. Желая оправдать этого милліонера, этого авантюриста, явившагося въ

Парижъ за пріобрѣтеніемъ почетнаго положенія въ свѣтѣ, я боюсь, что романистъ роковымъ образомъ его обезцвѣтилъ.

Изъ этого вытекаетъ, что Додэ не только не выказалъ неблагодарности, но, напротивъ, не сказалъ и половины того, что̀ зналъ. Онъ лишилъ себя удовольствія написать еще болѣе удивительныя и болѣе энергическія страницы вслѣдствіе щекотливости, которую можно только одобрить. Заинтересованныя лица должны сказать ему спасибо.

Что касается герцога де-Морни, силуэтъ котораго такъ легко признать въ герцогѣ де-Мора, то онъ самъ улыбнулся бы надъ этимъ портретомъ, какъ говоритъ авторъ, если бы могъ его прочитать. Бонапартисты выказали безпримѣрную суровость относительно Додэ, обвиняя его тоже въ неблагодарности и почти въ политической измѣнѣ. Это просто смѣшно. Романистъ далеко не нарисовалъ герцога де-Морни во весь ростъ, какимъ его изобразитъ со временемъ исторія. Онъ оставилъ въ сторонѣ самыя рельефныя черты этого характера: холодную волю, спокойный цинизмъ, абсолютное отсутствіе нравственности, потребность наслаждаться во что бы то ни стало, всю эту смѣсь энергіи и скептицизма, сдѣлавшую изъ этого истощеннаго уже кутилы роковое орудіе 2-го декабря. Его слѣдовало показать за дѣломъ въ то время, какъ онъ душилъ край и, позднѣе, при дѣлежѣ почестей и денегъ—и тогда дѣйствительно можно было бы упрекнуть Додэ въ томъ, что онъ забылъ, что герцогъ де-Морни помогъ ему, когда онъ только-что пріѣхалъ въ Парижъ. Но онъ не касался ни политическаго дѣятеля, ни афериста, требовавшаго взятокъ отъ всѣхъ финансистовъ, которымъ онъ покровительствовалъ, ни пособника, участвовавшаго во всѣхъ гадостяхъ имперіи. Онъ едва лишь намѣтилъ профиль внѣшняго человѣка, любезныя маніи этого министра, занимавшагося тряпками и водевилями въ промежуткѣ между двумя важными засѣданіями совѣта. Ужъ, разумѣется, герцогъ де-Морни не скрывалъ того, что̀ называлъ своими артистическими вкусами; онъ при жизни сознавался въ томъ, что онъ—авторъ шутовской пьесы, которая до-сихъ-поръ еще дается, и я увѣренъ, что нельзя было болѣе польстить ему, какъ похваливъ куплеты, къ которымъ онъ подбиралъ рифмы, выходя изъ законодательнаго корпуса. Додэ, правда, прибавилъ, что онъ обожалъ женщинъ, и что у него былъ близъ Нейльи домикъ, въ которомъ онъ доканалъ себя. Страсти—не преступленіе. Человѣкъ смѣется, когда ему говорятъ объ его любовницахъ. Во всемъ этомъ не брошено никакого серьёзнаго упрека въ лицо герцога. Я знаю даже изъ самаго вѣрнаго источника, что и тутъ романистъ выказалъ рѣдкую странность. Онъ могъ бы, не занимаясь политическимъ дѣятелемъ, рисовать эту фигуру свѣтскаго человѣка, совсѣмъ поверхностнаго, невѣроятно пустого, и до того надоѣвшаго самому себѣ, что не

могъ оставаться наединѣ съ самимъ собой и бросался въ самыя пустыя и смѣшныя занятія. Всѣ, кто близко знакомился съ герцогомъ де-Морни, обвороженные первоначально его изящной осанкой и аристократической любезностью, дивились, узнавъ его ближе, его нравственному и умственному ничтожеству, и не постигали, въ силу какой удали такой человѣкъ могъ занять такое высокое положеніе въ обществѣ. Вообще, герцогъ де-Мора есть герцогъ де-Морни, украшенный всѣми романическими прикрасами и выгодно освѣщенный для того, чтобы очаровывать глаза публики.

Конечно, я не ослабляю, говоря это, значеніе наблюденій, которыми воспользовался Додэ. Описаніе смерти герцога, напримѣръ, принадлежитъ къ числу самыхъ мастерскихъ страницъ, когда-либо написанныхъ Додэ. Этотъ эпизодъ отличается жизненностью, глубиной наблюденія и поразительной правдой, какъ какой-нибудь отрывокъ изъ Сенъ-Симона. Мужественная и приличная агонія этого кутилы, желавшаго удалиться изъ жизни, какъ удаляются изъ салона; смущеніе приближенныхъ лицъ, сознающихъ, что теряютъ могущественнаго покровителя и цѣпляющихся за отлетающую жизнь; низкое корыстолюбіе слугъ, ворующихъ всѣ деньги, какія только не подъ замкомъ; озабоченность друзей, удаляющихъ бумаги, которыя могли бы скомпрометтировать: дѣловыя и любовныя письма, съ желаніемъ ихъ уничтожить, и, не имѣя возможности сжечь, забрасывающіе ихъ въ отхожее мѣсто; гвалтъ, царствующій во дворцѣ, въ которомъ затѣмъ воцаряется глубокое безмолвіе—вся эта картина выхвачена цѣликомъ изъ жизни. Мнѣ гораздо меньше нравится описаніе похоронъ, тоже очень вѣрное въ подробностяхъ, но болѣе жидкое по содержанію и смахивающее немного на простой перечень.

Впрочемъ, если романистъ признаетъ оригиналы, послужившіе моделью для Жансуле и Мора, то мы можемъ быть также нескромны, какъ и онъ самъ и признать нѣсколькихъ другихъ лицъ. То, что онъ сдѣлалъ относительно Бравея и Морни, онъ сдѣлалъ и относительно нѣсколькихъ другихъ физіономій: взялъ общія черты, отбросилъ то, что ему казалось лишнимъ, воспользовался моделью, смотря по требованіямъ разсказа. Такимъ образомъ графъ де-Монпавонъ и маркизъ де-Буа-Ландри—два типа, извѣстные всему Парижу; самыя имена почти не измѣнены; одна изъ этихъ личностей уже умерла, другая живетъ и, какъ меня увѣряли, вовсе не въ претензіи, что попала въ „Набобъ". Моэссаръ, журналистъ, котораго Жансуле избилъ въ улицѣ Рояль, гранитъ и по сіе время мостовую Парижа, переживъ исторіи, дѣлающія ему мало чести. Паганетти тоже существуетъ, а также и Гемерлингъ и Ле-Меркье. Мнѣ кажется даже, что я встрѣчался съ Жуайёзомъ, добрякомъ, которому снятся на яву самыя чудовищныя исто-

рін. Что касается Кардальяка, театральнаго директора, съ улыбкой переносящаго свое банкротство, то онъ умеръ, и его можно назвать, тѣмъ болѣе, что многіе, обманутые сходствомъ имени, непремѣнно захотѣли признать въ немъ теперешняго директора комической оперы, Карвалье; Кардальякъ—не кто иной, какъ Несторъ Рокпланъ, любезный человѣкъ, чьи остроты до-сихъ-поръ еще повторяются. Я приберегъ къ концу доктора Дженкинса, который несомнѣнно слѣпленъ изъ нѣсколькихъ различныхъ типовъ; я побожусь, что авторъ взялъ наружность у одного человѣка, изобрѣтеніе знаменитыхъ пилюль у другого, а эгоизмъ и безчестность у третьяго. Англійскія газеты выказались особенно строгими къ Додэ, потому-что захотѣли признать въ Дженкинсѣ одного изъ лондонскихъ врачей, лечившаго нѣкогда герцога де-Морни; я привожу этотъ фактъ потому, что нахожу его любопытнымъ, и онъ показываетъ, какія странныя претензіи предъявляются автору.

Гораздо щекотливѣе подписывать имя подъ женскимъ портретомъ. Я удовольствуюсь нѣсколькими словами о Фелиціи Рюисъ. Называли много личностей, между прочимъ Сару Бернаръ, артистку „Comédie Française", которая, кромѣ того, занимается скульптурой. Но наружность очень мало похожа, и съ другой стороны, антецеденты, біографія, образъ жизни, совсѣмъ иные. Въ Фелиціи Рюисъ слѣдуетъ скорѣе признать дочь одного изъ нашихъ поэтовъ, тоже очень талантливую; само-собой разумѣется, что вся драма, вращающаяся вокругъ нея, вымышлена; но сохранены пріемы и воспитаніе среди артистовъ и недостатокъ равновѣсія въ буржуазной жизни.

Послѣдняя подробность, эксплуатація, которую Додэ обозначаетъ именемъ Виѳлеемскаго пріюта, дѣйствительно существовала и до-сихъ-поръ еще, быть-можетъ, существуетъ подъ именемъ La Pouponnière. Основатели очень много носились со своими филантропическими чувствами: они хотѣли,—говорили они,—обезпечить бѣднымъ маленькимъ существамъ, которыхъ матери не могутъ кормить, обильную пищу, здоровый воздухъ и тщательный уходъ. И основали заведеніе у воротъ Парижа, гдѣ козы замѣняли кормилицъ, красивыя козы, которыхъ видали рѣзвящимися въ саду. Домъ устроенъ былъ съ изумительнымъ комфортомъ: дортуары, столовая, лазаретъ, рекреаціонный залъ, ванны, и пр. и пр. Но худо было то, что бѣдныя дѣти всѣ умирали. „Figaro" въ свое время писалъ очень много рекламъ объ этомъ предпріятіи. Изъ любопытства многіе осматривали „la Pouponnière". Я полагаю, что вся выгода, какую принесло это гуманное предпріятіе, заключается въ томъ, что оно доставило романисту лишнюю главу, наполненную чувства и ироніи, какія онъ одинъ умѣетъ писать.

IV.

Слогъ Додэ—слогъ поэта, очень выработанный и передающій вещи съ ихъ разнообразными оттѣнками. Въ немъ нѣтъ, быть можетъ, большой мощи, ни бронзовой прочности. Но онъ гибокъ, нервенъ, богатъ неожиданными образами и—главное—очень субъективенъ. Не знаю слога очаровательнѣе. Его главное достоинство есть жизнь, оживленіе того лица, котораго онъ описываетъ съ его платьемъ, его лицомъ, воздухомъ, окружающимъ его.

Вотъ, напримѣръ, очаровательная страница, которую я не могу не привести. Въ ней найдутъ всѣ качества Додэ. Притомъ, самая картина очаровательна и прелестнѣе ея не найти во всѣмъ „Набобѣ". Кренмицъ, бывшая танцовщица, пріятельница и въ нѣкоторомъ родѣ дуэнья Фелиціи Рюисъ, вспоминаетъ про свою молодость однажды вечеромъ въ мастерской молодой художницы, послѣ прекраснаго обѣда.

„Одушевленная обѣдомъ, яркимъ освѣщеніемъ, бѣлымъ туалетомъ, скрадывавшимъ морщины, Кренмицъ, развалясь на стулѣ, поднесла къ полу-закрытымъ глазамъ рюмку съ шато-икемомъ, полученнымъ изъ погреба Moulin-Rouge, ихъ сосѣда; и ея розовая мордашка, отражаясь въ золотистомъ винѣ, сообщавшемъ ей пикантное оживленіе, напоминала героиню прежнихъ веселыхъ ужиновъ, по окончаніи спектакля,—Кренмицъ стараго, добраго времени, не нахальную, какъ звѣзды современной оперы, но наивную и безсознательно утопавшую въ роскоши, какъ жемчужина въ своей перламутровой раковинѣ. Фелиція, рѣшительно желавшая всѣхъ очаровать въ этотъ вечеръ, осторожно навела ее на воспоминанія и заставила еще разъ разсказать про свой великій тріумфъ въ *Жизели* и въ *Пери*, про оваціи публики, про визитъ принцевъ въ ея ложу, про подарокъ королевы Амеліи, сопровождаемый такими милыми словами. Воспоминаніе о всей этой славѣ опьянило бѣдную фею, глаза ея блестѣли, слышно было, какъ маленькія ножки притопывали подъ столомъ, словно ими овладѣла неудержимая плясовая манія.... И дѣйствительно, когда обѣдъ былъ конченъ и всѣ вернулись въ мастерскую, Констанція принялась прохаживаться вдоль и поперекъ мастерской, дѣлая по временамъ какое-нибудь па́, пируэттъ, не переставая разговаривать, напѣвая мотивъ изъ балета и покачивая въ ритмъ головой, потомъ вдругъ она согнулась и однимъ прыжкомъ очутилась на другомъ концѣ мастерской.

„— Она совсѣмъ расходилась,—тихо сказала Фелиція де-Жери.— Поглядите, это стоитъ того, вы увидите, какъ танцуетъ Кренмицъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, зрѣлище было прелестное и волшебное. На фонѣ громадной залы, гдѣ царствовалъ полу-мракъ, а свѣтъ проходилъ

лишь черезъ стеклянный потолокъ, сквозь который виднѣлась луна, плывшая по небу, темно-синему, настоящему оперному небу, силуэтъ знаменитой танцовщицы выдѣлялся трепетной, легкой, бѣлой тѣнью, скорѣе летавшей, нежели прыгавшей; порою, приподнявшись на кончики ногъ, поддерживаемая въ воздухѣ только своими вытянутыми руками, закинувъ голову въ убѣгающей позѣ, причемъ видна была только ея улыбка, она быстро приближалась къ свѣту или удалялась маленькими прыжками—до того быстрыми, что казалось, вотъ вотъ послышится трескъ разбитаго стекла и она поднимется вверхъ вмѣстѣ съ лучомъ луны, озарявшимъ всю мастерскую. Что сообщало особенную прелесть и поэзію этому фантастическому балету, такъ это отсутствіе музыки, слышенъ былъ только ритмическій ударъ ногъ, и этотъ быстрый и легкій топотъ былъ не сильнѣе шума, производимаго осыпающимися лепестками георгинъ... Это длилось нѣсколько минутъ, затѣмъ дыханіе танцовщицы, становившееся все прерывистѣе, показало, что она утомилась.

„— Довольно, довольно... садись,—сказала Фелиція.

„Тогда маленькая бѣленькая тѣнь остановилась на краю кресла и осталась тамъ, готовая снова запрыгать, улыбающаяся и запыхавшаяся, пока, наконецъ, сонъ не овладѣлъ ею и не началъ ее убаюкивать, тихонько раскачивая, не нарушая ея граціозной позы:—она походила на стрекозу на вѣткѣ ивы, опустившейся въ воду и колеблемой теченіемъ воды“.

Это—граціозная страница книги. Я не хочу злоупотреблять цитатами, но долженъ представить теперь образецъ энергической и мощной кисти. Этимъ образцомъ мнѣ можетъ послужить смерть герцога; но такъ какъ я желаю быть краткимъ, то дѣлаю нѣкоторыя купюры въ этомъ отрывкѣ и ставлю на этихъ мѣстахъ точки.

Происходила медицинская консультація, и умирающаго герцога окружаютъ камердинеръ Луи, Монпавонъ и Дженкинсъ. „Герцогъ тотчасъ же понялъ, что ни Дженкинсъ, ни Луи, не скажутъ ему настоящаго результата консультаціи. Поэтому онъ не сталъ разспрашивать ихъ, покорился ихъ притворной радости, притворился даже, что раздѣляетъ ее, что вѣритъ въ выздоровленіе, которое они ему сулили. Но когда вошелъ Монпавонъ, онъ подозвалъ его къ своей постели и сказалъ:

„— О! пожалуйста, не ломайся... между нами никакая ложь невозможна... Что говорятъ доктора?.. Я очень плохъ, не правда ли?

„Монпавонъ многозначительно помолчалъ, затѣмъ рѣзко, цинично, изъ боязни какъ бы не растрогаться своими словами:

„— Конченъ балъ! мой бѣдный Огюстъ.

Герцогъ выслушалъ это, бровью не моргнувъ.

— А!—просто замѣтилъ онъ.

„Онъ машинально покрутилъ усы, но черты лица его остались неподвижны.

. . . .

„Луи спросилъ—слѣдуетъ ли предупредить герцогиню; герцогъ прислушался, прежде чѣмъ отвѣтить, къ звукамъ музыки съ маленькаго бала, долетавшимъ въ открытое окно, потомъ сказалъ:

„— Не сейчасъ... Мнѣ еще нужно кое-чѣмъ распорядиться.

„Онъ велѣлъ придвинуть къ столу маленькій лаковый столикъ, желая самъ отобрать тѣ письма, какія слѣдовало уничтожить, но чувствуя, что силы ему измѣняютъ, подозвалъ Монпавона. — Сожги все!—сказалъ онъ ему угасшимъ голосомъ, и, видя, что тотъ подходитъ къ камину, гдѣ горѣлъ огонь, несмотря на лѣто:

„— Нѣтъ, не здѣсь, ихъ слишкомъ много... Могутъ придти...

„Монпавонъ взялъ легонькую конторку и сдѣлалъ знакъ камердинеру посвѣтить ему. Но Дженкинсъ бросился впередъ:

„— Останьтесь, Луи. Вы можете понадобиться герцогу.

„И взялъ лампу. Расхаживая осторожно по большому корридору, заглядывая въ пріемныя, въ галереи, гдѣ камины уставлены были искусственными цвѣтами и гдѣ не оставалось ни признака золы, они бродили точно привидѣнія среди безмолвія и мрака, царствовавшихъ въ громадномъ жилищѣ, гдѣ только на-право внизу веселье распѣвало, какъ птица на кровлѣ, готовой обрушиться.

„— Нигдѣ нѣтъ огня... Что дѣлать со всѣмъ этимъ?—спрашивали они себя въ большомъ затрудненіи. Можно было подумать, что то два вора таскаютъ сундукъ, который не умѣютъ раскрыть. Наконецъ, Монпавонъ, потерявъ терпѣніе, направился къ двери, которую они до сихъ поръ не отворяли.

„— Чортъ побери! тѣмъ хуже!.. если мы не можемъ ихъ сжечь, такъ утопимъ... Посвѣтите мнѣ, Дженкинсъ.

„И они вошли.

„Куда?... Сенъ-Симонъ разсказывающій о крушеніи царственной жизни, о разгромѣ пышности, величія, произведенномъ смертью и въ особенности смертью скоропостижной, одинъ Сенъ-Симонъ могъ бы намъ это сказать... Своими изящными и выхоленными ручками маркизъ де-Монпавонъ спускалъ воду. Другой, передавалъ разорванныя письма, на глассированной, цвѣтной, надушенной бумагѣ, украшенныя шифрами, гербами, бандеролями съ девизами, покрытыя тонкимъ почеркомъ, или торопливыми каракулями, и всѣ эти легкія страницы кружились, залитыя водой, стонявшей съ нихъ нѣжныя чернила, прежде чѣмъ онѣ успѣвали исчезнуть въ сточной трубѣ.

„То были любовныя письма и всякаго сорта, начиная съ записки

искательницы приключеній: „Je vous ai vu passer au bois hier, monsieur le duc!... и кончая аристократическими упреками предпослѣдней любовницы и жалобами покинутыхъ и еще не засохшей страницей послѣднихъ признаній. Монпавону были извѣстны всѣ эти тайны, онъ называлъ имя каждой изъ нихъ: „—Это, отъ m-me Мооръ.... Это! вотъ письмо m-me Атисъ...“ Вереница коронъ и заглавныхъ буквъ, капризовъ и старыхъ привычекъ — все это топилось въ ужасномъ мѣстѣ при свѣтѣ лампы, съ шумомъ перемежающагося потопа, переходя въ забвеніе позорной дорогой . . . .

. . . .

Монпавонъ, предоставивъ Дженкинсу окончить потопленіе шкатулки Донъ-Жуана, поспѣшно вернулся въ комнату. Въ ту минуту, какъ онъ собирался войти, голоса, долетѣвшіе до него, удержали его у спущенной портьеры. То Луи плаксивымъ голосомъ, какъ голосъ нищаго на церковной паперти, старался разжалобить герцога своей бѣдностью и просилъ позволенія взять нѣсколько свертковъ луидоровъ, лежавшихъ въ ящикѣ. О! какой хриплый, измученный, едва слышный отвѣтъ, въ которомъ слышалось усиліе больного, вынужденнаго перевернуться съ одного бока на другой и оторвать глаза отъ вѣчности, которая уже мерещилась ему!

„— Да, да, возьмите... Но, ради Бога! дайте мнѣ поспать... дайте мнѣ поспать“.

V.

Мнѣ остается высказать свое сужденіе о Набобѣ. Я начну съ нѣсколькихъ критическихъ замѣчаній, внушаемыхъ моимъ индивидуальнымъ темпераментомъ, какъ писателя.

Одно лицо въ романѣ произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе: Фелиція Рюисъ. Авторъ всѣмъ надѣлилъ эту молодую женщину: красотой, умомъ, даже геніемъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего превращаетъ ее въ самую замаранную личность въ своемъ произведеніи. Когда онъ впервые знакомитъ насъ съ нею, онъ увѣнчиваетъ ее лучами, изображаетъ ее умной и гордой, возмущающейся оскорбленіемъ, стремящейся ко всему прекрасному и доброму; затѣмъ приписываетъ ей рядъ поступковъ, одинъ гаже другого: сначала она мечтаетъ выдти замужъ за Жансуле, она—олицетвореніе славы—за него, у котораго ничего нѣтъ, кромѣ денегъ; затѣмъ отдается герцогу де-Мора изъ утомленія, изъ глупаго тщеславія; наконецъ, падаетъ еще ниже и отдается Дженкинсу, котораго до тѣхъ поръ уничтожала своимъ презрѣніемъ. Мнѣ не нравится также то дѣйствіе, какое

производитъ на нее отчаяніе отъ попытки Дженкинса обезчестить ее: оно навѣки отвращаетъ ее отъ любви, и съ тѣхъ поръ жизнь представляется ей въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Это мнѣ кажется очень мелодраматично. Самая цѣломудренная молодая дѣвушка можетъ подвергнуться насилію, но когда она оборонялась и спасла себя, какъ Фелиція, съ такой мужественной скромностью, то это не кладетъ на нее никакого пятна, и жизнь остается для нея широкой и веселой. Безъ сомнѣнія, романистъ желалъ изучить дѣйствіе дурного воспитанія, роковое паденіе, ожидающее всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, воспитанныхъ среди артистической богемы. Несомнѣнно, что ребенокъ, выросшій какъ Фелиція, въ мастерской отца, безъ особаго присмотра, спозаранку все узнавшій, оставшись впослѣдствіи безъ поддержки, съ единственной страстью къ искусству, не можетъ жить какъ буржуазка. Но ошибка, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что такую женщину хотятъ мѣрить мѣркой другихъ женщинъ. Она уже не женщина, она артистка, въ особенности когда авторъ надѣляетъ ее даже геніемъ. Въ такомъ случаѣ отъ нея требуется совсѣмъ иное. Что за дѣло, будутъ или нѣтъ у нея любовники, если только она производитъ chefs d'oeuvres! Мнѣ не зачѣмъ прибѣгать къ примѣрамъ: всѣ еще помнятъ женщинъ, произведеніями которыхъ всѣ восхищаются, оставляя въ сторонѣ ихъ поведеніе. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Додэ выказалъ больше любви къ Фелиціи, чтобы онъ отнесся къ ней какъ художникъ и не приносилъ ее въ жертву дѣвочкамъ семьи Жуайёзъ.

Эта семья Жуайёзъ, вообще наименѣе удачный уголокъ романа. Какъ я уже говорилъ, авторъ не рѣшился набросать картину, въ которой парижская испорченность занимала бы все мѣсто. Ему захотѣлось для контраста изобразить наивность, чистоту и все такое, на чемъ бы могъ отдохнуть читатель. Изъ принципа онъ всегда удѣляетъ мѣстечко для добродѣтели во всемъ, что пишетъ. Это ему удавалось въ прежнихъ произведеніяхъ, и онъ считаетъ необходимымъ поднести этотъ пряникъ публикѣ. Но на этотъ разъ наблюденія его надъ парижскимъ порокомъ такъ полны и многочисленны, что роковымъ образомъ захватываютъ все вниманіе. И бѣдная семья Жуайёзъ почти стирается обликомъ и мощью страшныхъ картинъ, ее окружающихъ. Она слишкомъ безцвѣтна, слишкомъ отзывается условной банальностью. По моему мнѣнію, это значитъ оказать очень худую услугу честности, заставляя ее играть такую жалкую роль. Боже мой! кто не знаетъ, что Парижъ очень испорченъ, но, право, смѣшно желать раздавить его добродѣтелями дѣвицъ Жуайёзъ. Это слишкомъ узко. Дѣвицамъ Жуайёзъ такъ же мало можно поставить въ достоинство ихъ добродѣтель, какъ цвѣтамъ ихъ ароматъ.

То же самое надо сказать и про другую часть „Набоба", о кото-

рой я еще не говорилъ. Додэ пришла въ голову очень остроумная мысль: показать изнанку нѣкоторыхъ событій, заставивъ слугъ, дѣйствующихъ лицъ, пересказывать ихъ. Словомъ, онъ захотѣлъ изобразить господъ съ точки зрѣнія слугъ. Къ несчастію, эту мысль довольно трудно осуществить на дѣлѣ. Додэ пришлось изобрѣсти особаго слугу, Пассажона, служившаго судебнымъ приставомъ въ провинціи, и который, скопивъ нѣсколько деньжонокъ, поддался несчастной идеѣ увеличить свое состояніе, поступивъ въ Парижѣ слугой въ контору поземельнаго банка. Этотъ добрякъ, слегка знакомый съ литературой, пишетъ мемуары. Додэ время отъ времени приводитъ изъ нихъ отрывки, но слогъ ихъ ужасно скучный и можетъ насмѣшить только знакомыхъ съ этимъ бытомъ людей, и такимъ образомъ иронія его утрачена для большинства. Авторъ понялъ это и не особенно настаивалъ на своей мысли. А между тѣмъ, въ этихъ отрывкахъ много прекрасныхъ вещей, очень мѣткихъ и глубокихъ замѣчаній. Но только лакейскій цинизмъ, міръ передней и кухни, воспроизводящій пороки салоновъ, въ болѣе грубой формѣ, требовали бы болѣе энергической кисти.

Вообще можно сказать, что самое лучшее въ „Набобѣ"—все то, что̀ было наблюдено авторомъ. Все, что̀ Додэ почерпнулъ изъ жизни дѣйствительной—превосходно, тогда какъ все то, что̀ ему пришлось присочинить, гораздо слабѣе. Сказать это, значитъ, по моему мнѣнію, похвалить Додэ. Какъ я уже говорилъ, нужно, чтобы его лично затронула какая-нибудь сцена, какое-нибудь живое лицо, чтобы талантъ его проявился во всей силѣ. Онъ бываетъ холоденъ, когда ему надобно что-нибудь придумывать изъ головы. И въ другихъ его романахъ это было еще ощутительнѣе, нежели въ „Набобѣ". На этотъ разъ онъ не старался измыслить исторію; онъ предоставилъ страницамъ развертываться естественнымъ ходомъ, подобно тому, какъ факты развертываются въ жизни. Можно только пожалѣть, зачѣмъ онъ придумалъ своего Поля де-Жери, единственнаго честнаго человѣка во всемъ романѣ, и семью Жуайёзъ, на счетъ которой я только-что высказался. Все, что̀ ослабляетъ силу романа, хотя бы даже то были премилые эпизоды, должно немилосердно выбрасываться. И вотъ почему я безусловно осуждаю семью Жуайёзъ.

Высказавъ эти критическія замѣчанія, мнѣ остается затѣмъ только восхищаться. Альфонсъ Додэ своимъ „Набобомъ" окончательно завоевалъ высокое положеніе въ литературѣ. Несмотря на большой успѣхъ „Fromont jeune et Risler aîné" и „Jack", многіе отказывали ему въ силѣ. За нимъ признавали всякія прекрасныя качества, неподражаемое искусство разсказывать мелочи, но упорно видѣли въ немъ поэта, который напрасно не заключится въ болѣе тѣсныя рамки.

Теперь уже никто не посмѣетъ отсылать его къ сказкамъ. Онъ доказалъ, что настолько силенъ, что можетъ ворочать толпою лицъ и распоряжаться кучей деталей. Наконецъ, онъ доказалъ силу анализа, какъ писатель, умѣющій забираться въ глубь человѣческой природы и выворачивать ее наизнанку, если нужно. Такимъ образомъ, профиль Морни не умретъ, и книгу Додэ станутъ читать для того, чтобы получить точное понятіе объ обществѣ второй имперіи въ тотъ моментъ, какъ оно разлагалось.

Я уже похвалилъ его за то, что онъ не измышлялъ драмы, которая бы служила остовомъ для его произведенія. Онъ удовольствовался тѣмъ, что набросалъ обширныя картины, связавъ ихъ между собой дѣйствіемъ безусловно необходимымъ. За то, что онъ принесъ такимъ образомъ въ жертву внѣшній интересъ романа, его нельзя достаточно поблагодарить. Онъ очень рисковалъ, потому что могъ сбить съ толку читателей. Къ счастію для него, содержаніе романа его поддерживало, и онъ настолько пережилъ его, что вдохнулъ въ него пламя жизни. Жизнь—вотъ въ чемъ заключается въ наше время главная сила. Какъ объяснить, что „Набобъ", въ которомъ нѣтъ никакой интриги, никакихъ избитыхъ исторій, увлекающихъ публику, потому что она къ нимъ привыкла, пользуется такимъ же успѣхомъ, какъ и старинные романы Дюма-отца? Единственнымъ отвѣтомъ на это можетъ быть то, что совершился переворотъ, что книги, живо-трепещущія жизнью, захватываютъ въ настоящее время читателей. И это чудо совершилось благодаря таланту нѣсколькихъ писателей, съумѣвшихъ передать жизнь съ ея трепетомъ, языкомъ, полнымъ образовъ. Движеніе еще только-что началось; нельзя предвидѣть, къ чему оно приведетъ.

Я желалъ воспользоваться успѣхомъ, увѣнчавшимъ „Набоба", чтобы подкрѣпить эти идеи примѣромъ. Очевидно, романъ у насъ вступилъ въ періодъ торжества, какого еще никогда не знавалъ даже во времена Бальзака. Можно сказать, что два великихъ теченія нашего вѣка: наблюдательность, которой положилъ начало Бальзакъ, и искусная риторика, созданная Гюго, соединились, и что наши теперешніе романисты находятся на этомъ теченіи при истокахъ этого единственнаго потока натурализма, практикуемаго стилистами, которые, повидимому, не остановятся на полпути. Романическій элементъ отжилъ; начинается исторія. Я говорю про общую исторію человѣка, про ту значительную груду человѣческихъ документовъ, нагромождаемыхъ въ настоящее время въ наблюдательные романы. Нельзя представить себѣ, напримѣръ, какая масса фактовъ, наблюденій, всякаго рода документовъ разсѣяна въ „Набобѣ"; какимъ

сильнымъ ключомъ бьетъ въ немъ жизнь. Прочтите это сочиненіе съ этой точки зрѣнія—и вы удивитесь, какую универсальность сообщила роману наша эпоха. Въ настоящее время романъ сталъ орудіемъ вѣка, великимъ изслѣдованіемъ, производимымъ надъ человѣкомъ и природой.

Эмиль Зола.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

По поводу писемъ А. С. Пушкина къ женѣ.

М. Г. Въ первой книжкѣ (январь) „Вѣстника Европы" помѣщено начало переписки А. С. Пушкина съ женою. Въ этихъ письмахъ упоминается имя нѣкоего *Отрыжкова* [1]). Вотъ по поводу этого лица я и желалъ бы сказать нѣсколько словъ. Подъ именемъ Отрыжкова слѣдуетъ разумѣть Отрѣшкова, который впослѣдствіи, къ своему первоначальному прозвищу, присоединилъ—Тарасенко, и засимъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Тарасенки-Отрѣшкова.*

Наркизъ Ивановичъ Отрѣшковъ не безслѣдно прошелся по устройству дѣлъ умершаго А. С. Пушкина. Онъ окончилъ курсъ наукъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ бывшемъ благородномъ пансіонѣ, при московскомъ университетѣ, и состоялъ со многими изъ своихъ сотоварищей, кои всѣ болѣе или менѣе были извѣстны, въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Впослѣдствіи, Отрѣшковъ сосредоточилъ свою дѣятельность въ Петербургѣ и сдѣлался извѣстнымъ какъ прожектёръ многихъ неудавшихся предпріятій и дѣлъ. А на службѣ онъ состоялъ при графѣ П. Д. Киселевѣ, при самомъ началѣ образованія министерства государственныхъ имуществъ, и былъ, кажется, начальникомъ отдѣленія. Позже онъ считался на службѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ и носилъ званіе камеръ-юнкера. Въ предпослѣдніе годы жизни Пушкина, Отрѣшковъ состоялъ въ добрыхъ отношеніяхъ къ извѣстному въ свое время графу Григорію Александровичу Строганову. По смерти Пушкина, графъ Григорій Александровичъ принялъ на себя званіе опекуна надъ дѣтьми покойнаго поэта, а Отрѣшковъ сдѣлался производите-

[1]) Вотъ при какой обстановкѣ упоминается это имя, въ письмѣ № 22: „Голова моя кругомъ идетъ при мысли о *газетѣ.* Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровья Отрыжкову; авось вывезетъ".

лемъ опекунскихъ дѣлъ семейства Пушкина и въ этомъ качествѣ приступилъ къ разбору его бумагъ и сочиненій. Я имѣю много основаній думать, что Отрѣшковъ отнесся къ этой обязанности не съ должнымъ пониманіемъ важности оной. Хотя онъ и считался сочинителемъ неважныхъ брошюрокъ, по части разныхъ проектовъ, но никогда не былъ литераторомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Скажу одно, что, вслѣдъ за полученіемъ имъ къ разбору дѣлъ и бумагъ Пушкина, появились въ рукахъ его знакомыхъ толстыя рукописныя тетради сочиненій Пушкина, съ его собственными, Отрѣшковскими, крайне любопытными помарками.

Обо всемъ этомъ я пишу въ надеждѣ, не напомнитъ ли моя замѣтка кому-нибудь изъ знавшихъ Отрѣшкова, какія это тетради онъ давалъ тогда своимъ знакомымъ и не существуютъ ли онѣ гдѣ-нибудь и до настоящаго времени. Въ заключеніе скажу, что въ Курской губерніи, кажется, въ числѣ недавнихъ предводителей дворянства (чуть ли не щигровскаго уѣзда) жилъ, а можетъ быть и теперь живетъ, братъ Наркиза Отрѣшкова—Любимъ Ивановичъ Отрѣшковъ.

Я сочту себя совершенно счастливымъ, если мои указанія, основанныя на ближайшемъ знаніи фактовъ и лицъ, послужатъ поводомъ къ отысканію какого-нибудь новаго памятника руки А. С. Пушкина, каждая строчка котораго дорогà для насъ.

Примите и пр.

Н. М. К.

Кіевъ.—4 февраля 1878.

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Матеріалы для изученія Болгаріи. Напечатаны по повелѣнію Е. И. В. Главнокомандующаго Дѣйствующей Арміей. Бухарестъ, 1877. Выпускъ IV: О поземельной собственности въ Болгаріи.

Съ живымъ интересомъ узнали мы еще въ іюлѣ прошедшаго года о появленіи „Матеріаловъ“ для изученія Болгаріи. „Journal des Débats“, этотъ заклятый врагъ славянства, если вѣрить отзывамъ газетъ, первый счелъ своимъ долгомъ оповѣстить европейскую публику о появленіи запоздалыхъ нѣсколько попытокъ русскаго общества ознакомиться поближе съ бытомъ страны, за благосостояніе которой оно такъ охотно проливаетъ кровь своихъ дѣтей. Написанная дружественною рукою, статья „Journal des Débats“ разсыпалась въ похвалахъ неутомимымъ собирателямъ „Матеріаловъ“, которые, въ во-

ображеніи автора, должны были наполнить собою пять громадныхъ in-folio. Не мало было, поэтому, наше удивленіе, когда, добившись, наконецъ, послѣ долгихъ и тщетныхъ усилій, возможности получить прославленные „Матеріалы",— мы увидѣли передъ собою пять жиденькихъ томиковъ въ 32-ю долю листа, изъ которыхъ ни одинъ не достигалъ даже скромнаго размѣра полутораста страницъ.

Наше удивленіе скоро уступило мѣсто другому, болѣе тяжелому чувству, когда на первой же страницѣ четвертаго выпуска,—выпуска, посвященнаго всецѣло изученію одного изъ тѣхъ вопросовъ, отъ правильнаго рѣшенія которыхъ зависитъ дальнѣйшее благосостояніе освобожденнаго нами края, вопроса о поземельной собственности,— мы, вмѣсто самостоятельнаго изслѣдованія, сдѣланнаго рукою спеціалиста въ мусульманскомъ правѣ, нашли выписку изъ книги генерала Обручева: „О Турціи" (стр. 249 и слѣд.). Мы вполнѣ допускаемъ возможность обращенія къ авторитету извѣстнаго военнаго писателя, но только по вопросамъ, входящимъ въ кругъ его компетенціи. Въ то же время мы высказываемъ рѣшительное сомнѣніе въ томъ, чтобы послѣдняя распространялась и на сложные и запутанные вопросы землевладѣнія у мусульманъ. Такое заимствованіе является притомъ совершенно излишнимъ, въ виду цѣлой литературы на Западѣ, литературы, пришедшей одновременно въ Англіи, Франціи и Германіи къ опредѣленнымъ и тождественнымъ выводамъ,— выводамъ, спорнымъ лишь въ глазахъ тѣхъ, которые можетъ быть преднамѣренно ихъ игнорируютъ.

Для чего же, спрашивается, сдѣлана упомянутая выписка? Изъ самаго текста „Матеріаловъ" видно, что она должна служить подтвержденіемъ слѣдующей мысли: „Если сохранились въ народномъ быту какія-либо условія землевладѣнія происхожденія до-мусульманскаго, то въ существующемъ законодательствѣ таковыя не нашли себѣ выраженія, уступивъ мѣсто законамъ, сложившимся на чисто-мусульманской почвѣ". Противъ этой-то мысли, идущей прямо въ разрѣзъ съ результатами, добытыми вѣковой разработкой мусульманскаго права на Западѣ, мы и считаемъ нужнымъ вооружиться, предоставляя спеціалистамъ по уголовному, торговому и финансовому правамъ рѣшить вопросъ о томъ, насколько достовѣрны свѣдѣнія, сообщаемыя „Матеріалами" по вопросамъ ихъ компетенціи.

Несостоятельность основного взгляда собирателей матеріаловъ о поземельной собственности въ Болгаріи могла бы быть доказана на основаніи даже тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя они благоволятъ сообщать намъ. Для этой цѣли достаточно было бы изложить одно лишь содержаніе ими же приводимаго закона о поземельной собственности (отъ 21-го апрѣля 1855 года),—закона, признающаго одно-

временное существованіе въ предѣлахъ имперіи османловъ: 1) полной собственности частныхъ владѣльцевъ, или земель мюлькъ; 2) государственныхъ имуществъ—миріе; 3) общинныхъ земель, или метруке; 4) пустопорожнихъ — меватъ; и 5) земель, принадлежащихъ духовнымъ корпораціямъ; — и поставить затѣмъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ могли появиться въ законодательствѣ османловъ постановленія объ общинныхъ и частныхъ земляхъ, „при полномъ перенесеніи фактическаго права владѣнія землею на мири, т.-е. общественную казну, состоящую въ распоряженіи имама, султана“, — перенесеніи, о которомъ говорятъ какъ ген. Обручевъ, такъ и съ его словъ составители „Матеріаловъ“?

Если простого сопоставленія данныхъ, встрѣчающихся на шестой страницѣ, съ свѣдѣніями, сообщаемыми на первыхъ двухъ, совершенно достаточно для того, чтобы показать противорѣчіе, въ какое впадаютъ такъ легко, съ такой — сказалъ бы французъ — gaité de coeur, собиратели „Матеріаловъ о Болгаріи“, то этимъ еще далеко не объясняется дѣйствительная причина, по которой оффиціальные представители русскаго общества предъ Болгаріей сочли нужнымъ высказывать такія странныя и не отвѣчающія дѣйствительности положенія.

Представьте себѣ людей, которые, при глубокой вѣрѣ въ преимущества формъ землевладѣнія у православнаго народа надъ формами послѣдняго у еретиковъ, въ то же время отличаются глубокимъ невѣжествомъ, какъ относительно источниковъ этого еретическаго законодательства, такъ и богатой литературы, вызванной необходимостью ихъ интерпретаціи. Первой ихъ задачей будетъ, разумѣется, обратиться къ изученію не сочиненій мусульманскихъ законодателей, такъ обстоятельно, съ такой изумительной логикой распутывающихъ самые сложные и затруднительные вопросы юридической практики и пользующихся въ магометанскихъ судахъ тѣмъ же вполнѣ заслуженнымъ признаніемъ, какое составляло завидный удѣлъ римскихъ юристовъ золотого вѣка, —а къ весьма свободной и не лишенной тенденціозности интерпретаціи отрывочныхъ и неопредѣленныхъ выраженій корана. Аскетическое воззрѣніе на принадлежность благъ міра сего въ собственность Богу высказывается въ коранѣ съ большей рѣзкостью, нежели въ какомъ-либо другомъ религіозномъ сводѣ (см., напр., гл. II, ст. 256 и 284, главу IV, ст. 94, 142 и 176, въ особенности же главу 64 ст. I); но сказать, что въ писаніи другихъ народовъ, хотя бы, напр., христіанскихъ, тотъ же взглядъ никогда не былъ высказываемъ,—было бы совершенною ложью. Откройте первое посланіе апостола Павла къ коринеянамъ, гл. IV, ст. 7, и найдете въ немъ слѣдующее обращеніе къ служителю Христову: „Что ты имѣешь, чего бы не полу-

чилъ" (отъ Бога). Полюбопытствуйте также заглянуть въ извѣстное „Подражаніе Христу" Ѳомы Кемпійскаго, гдѣ вы прочтете: „Господь, все на небѣ и на землѣ принадлежитъ тебѣ. Все принадлежитъ тебѣ; все сотворенное и данное тобою намъ" (кн, IV, гл. IX, ст. I, гл. I, ст. I).

Представьте себѣ теперь какого-нибудь магометанскаго юриста, обращающагося съ вышеуказанными научными пріемами къ изученію хотя бы французскаго гражданскаго права и заглядывающаго поэтому не въ Code civil, а въ сочиненія Ѳомы Кемпійскаго, и скажите, не былъ ли бы онъ въ правѣ признать, что собственникомъ всей земли въ современной Франціи слѣдуетъ считать Бога, или по меньшей мѣрѣ его намѣстника на землѣ, папу?

Чего не дѣлаютъ магометанскіе юристы, то въ прошломъ вѣкѣ дѣлали еще западно-европейскіе историки и публицисты. Практическіе результаты, къ которымъ повела англичанъ и французовъ, произведенная вышеуказаннымъ путемъ интерпретація мусульманскаго законодательства по вопросамъ о недвижимой собственности, слишкомъ извѣстны, чтобы намъ нужно было напоминать ихъ читателю. Объявленіе себя собственникомъ на мѣсто низверженнаго имъ магометанскаго правительства, и безцеремонная раздача частной и общинной собственности въ руки не только европейскихъ колонистовъ, но и финансовыхъ чиновниковъ низверженнаго ими правительства—таковы, какъ извѣстно, отличительныя черты поземельной политики въ Индіи и въ Алжирѣ,—политики, отправлявшейся отъ воззрѣнія на землю покоренной страны, какъ на исключительную собственность смѣненныхъ ими монгольскихъ императоровъ и алжирскихъ беевъ и имѣвшей своимъ конечнымъ результатомъ дезаппропріацію какъ общинныхъ, такъ и частныхъ владѣльцевъ изъ среды туземнаго населенія.

Не много времени потребовалось, однако, для того, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей несостоятельности юридической интерпретацій явленій поземельнаго владѣнія, на основаніи изреченій одного корана. Знакомство съ сочиненіями мусульманскихъ юристовъ,—путь къ которому проложенъ былъ переводомъ сочиненія одного изъ извѣстнѣйшихъ законоучителей изъ школы Абу Ганефы, на англійскій языкъ (переводъ сдѣланъ Гамильтономъ въ 1791 году, по приказу англійскаго губернатора въ Бенгалѣ) и передѣлкою Мультеки на французскій языкъ,—раскрыло глаза какъ оріенталистамъ, такъ и чиновникамъ колоніальной администраціи въ Индіи и Алжирѣ на дѣйствительный характеръ землевладѣнія у магометанскихъ народовъ. Во Франціи Dupeyron, извѣстный критикъ теоріи Монтескьё о вліяніи восточнаго деспотизма на характеръ семейныхъ и имущественныхъ

отношеній, а въ Англіи—цѣлый рядъ писателей, вербовавшихся изъ числа дѣятельныхъ администраторовъ Остъ-Индской Компаніи, высказались еще въ концѣ прошлаго вѣка въ пользу *признанія магометанскими завоевателями status quo поземельныхъ отношеній завоеванной ими страны;* въ Германіи тотъ же взглядъ установился не ранѣе 1835 г., съ выходомъ въ свѣтъ извѣстнаго сочиненія Гаммера Пургшталя объ управленіи провинцій въ эпоху арабскихъ калифовъ, сочиненія, въ которомъ онъ категорически высказался противъ защищаемаго нѣкогда имъ же самимъ [1]) взгляда насчетъ присвоенія мусульманскими завоевателями въ *ихъ* исключительную собственность всей территоріи занятой ими страны. Результаты, до которыхъ дошли Dupeyron и Hammer-Purgstall, были дополнены и болѣе точно формулированы, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ текущаго столѣтія, въ цѣломъ рядѣ французскихъ и нѣмецкихъ статей и монографій, написанныхъ оріенталистами и подписанныхъ такими крупными именами, каковы имена Вормса, Белина, Кремера, Тишендорфа и др.

Столѣтняя литература по вопросамъ землевладѣнія у народовъ мусульманскаго міра привела западныхъ историковъ и юристовъ къ единогласному убѣжденію, что мусульманское нашествіе *нигдѣ не повело къ дезаппропріаціи мѣстнаго населенія въ пользу правительства,* что оно, самое бóльшее, ускорило лишь процессъ феодализаціи недвижимой собственности, удерживая въ то же время неприкосновенными какъ частныя, такъ и общинныя формы послѣдней. Работы оріенталистовъ, не прошедшія безслѣдно даже для англійскихъ миссіонеровъ (см. статью миссіонера Лонга о сельскихъ общинахъ въ Индіи и Россіи, помѣщенную имъ въ Transactions of the Bengal social science association), тѣмъ не менѣе совершенно игнорируются собирателями матеріаловъ для изученія Болгаріи. Авторитетъ г. Обручева, заимствовавшаго свой взглядъ изъ устарѣлаго сочиненія Гаммера-Пургшталя, отъ котораго отрекся самъ авторъ, въ ихъ глазахъ, покрываетъ собою авторитетъ всѣхъ остальныхъ писателей о Турціи, и русская публика до-сихъ-поръ призывается ими вѣрить теоріямъ, несостоятельность которыхъ сдѣлалась въ настоящее время очевидной для всѣхъ лицъ, когда-либо заглядывавшихъ въ любой трактатъ того или другого изъ мусульманскихъ законоучителей. Лица, которыя уже благодаря своей профессіи, повидимому, наиболѣе призваны просвѣтить насъ насчетъ дѣйствительнаго характера землевладѣнія у народовъ мусульманскаго міра, прямо высказываются противъ всякаго обращенія къ западно-европейской литературѣ по этому вопросу, забывая, что лучшія сочиненія о бытѣ южныхъ славянъ въ Россіи,

---

[1]) Des osmanischen Reichs Staatsverfassung und Verwaltung.

и въ числѣ ихъ монографія Егора Петровича Ковалевскаго о Черногорцахъ, неоднократно пользовались параллельными имъ изслѣдованіями на Западѣ.

Послѣ сказаннаго о методологическихъ пріемахъ собирателей матеріаловъ для изученія Болгаріи, читатель согласится съ нами насчетъ ихъ совершенной несостоятельности—достигнуть предположенной ими цѣли, ознакомленія русской публики съ бытомъ освобожденныхъ нами странъ.

Это убѣжденіе раздѣляютъ, быть можетъ, съ нами и сами собиратели матеріаловъ. Иначе они вѣроятно позаботились бы о томъ, чтобы сдѣлать послѣдніе доступными русской читающей публикѣ; въ настоящее же время матеріалы можно добыть лишь чрезъ родственниковъ и знакомыхъ самихъ собирателей. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, допустить мысль, чтобы даже кратковременное пребываніе въ странѣ, въ которой они призваны къ реформаціонной дѣятельности, не убѣдило собирателей матеріаловъ, что изданныя ими по ту сторону Дуная брошюры заключаютъ въ себѣ не болѣе какъ стереотипное выраженіе глубокаго невѣдѣнія, въ которомъ до сихъ поръ находится русское общество по вопросамъ, затрогивающимъ существенныя стороны изъ жизни не однихъ болгаръ, но всѣхъ вообще южныхъ славянъ.

Максимъ Ковалевскій.

Москва, январь, 1878.

НЕКРОЛОГЪ

Ю. А. Россель.

† 1-го февраля.

Юрій Андреевичъ Россель родился въ англійской семьѣ, давно живущей въ Россіи, и родился въ Россіи. Онъ успѣшно уже кончалъ курсъ въ медико-хирургической академіи, когда, вслѣдствіе личнаго столкновенія съ однимъ изъ надзирателей за студентами, долженъ былъ выдти изъ академіи. Естественныя, и въ особенности медицинскія науки, и впослѣдствіи оставались любимыми предметами занятій покойнаго. Ему не трудно было бы выдержать экзаменъ на званіе врача, но по своимъ убѣжденіямъ, по тому взгляду на терапевтику, какой онъ себѣ составилъ, онъ не считалъ себя призваннымъ

въ медицинской практикѣ. Приводимъ этотъ фактъ потому, что онъ хорошо характеризуетъ Росселя. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые медленно, осторожно и логически выработываютъ въ себѣ убѣжденія, видя въ нихъ затѣмъ непреложные законы для своей жизни.

Такъ какъ Россель имѣлъ родственниковъ русскихъ и учился въ русскихъ школахъ, то русскій языкъ былъ ему родной. Обладая основательною научною подготовкою и большой политической начитанностью, наконецъ, зная нѣсколько иностранныхъ языковъ, Россель обратился къ литературной профессіи. Первая газета, въ которой онъ участвовалъ, была газета „Современное Слово“, прекращенная въ 1863 году. Онъ дѣлалъ выборки изъ англійскихъ корреспонденцій и писалъ фельетоны преимущественно по соціальнымъ вопросамъ. Его чисто-аналитическій умъ никогда не останавливался передъ крайнимъ выводомъ, если только такой выводъ логически слѣдовалъ изъ сдѣланной имъ постановки вопроса. Отсюда происходило, что на многія условія общественнаго быта, на многія учрежденія и почти на всѣ обычныя формы практической дѣятельности онъ смотрѣлъ совершенно такъ, какъ смотрѣлъ на леченье и на врачебную профессію.

Уѣхавъ въ 1862 году въ Лондонъ съ однимъ русскимъ родственникомъ, Россель оставался тамъ около года, занимался въ музеяхъ и изучалъ англійскую общественную жизнь. Въ это время онъ познакомился съ однимъ извѣстнымъ русскимъ литераторомъ, который былъ главнымъ сотрудникомъ только-что основаннаго „Голоса“. Возвратившись въ Петербургъ, Россель сталъ потому работать въ „Голосѣ“, занимаясь переводами съ англійскаго. Въ 1864 году, онъ перешелъ въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Въ этой газетѣ онъ дѣлалъ превосходныя изложенія преній англійскаго парламента и служилъ настоящимъ спеціалистомъ по части сѣверо-американской войны; сверхъ того, отдавалъ и небольшія статьи по общественнымъ вопросамъ. Онъ участвовалъ еще въ короткое время существовавшей газетѣ „Русь“, а впослѣдствіи былъ однимъ изъ редакторовъ газеты „Недѣля“, вмѣстѣ съ г-жею Конради и г. Гайдебуровымъ.

Участіе его въ „Вѣстникѣ Европы“ началось съ 1869 года. Вотъ его статьи, какъ подписанныя его именемъ, такъ и не подписанныя: „Корнеллевскій университетъ въ Америкѣ“ (септ., 1869 г.); „Джонъ Стюартъ Милль и его школа“ (май — декабрь, 1874 г.); „Спеціальный журналъ для русской публицистики“ (апр., 1875 г.); „Южные штаты сѣверо-американской республики и ихъ настоящее“ (мартъ, 1877 г.), и „Аграрный вопросъ и его главная задача“ (іюнь, 1877 г.).

Сверхъ того, въ редакціи остается еще послѣдняя статья, написанная Росселемъ до начала его тяжкой болѣзни, а именно сдѣланный имъ обзоръ книги г-на Скайлера „О Туркестанѣ". Покойный участвовалъ также и въ газетѣ „Сѣверный Вѣстникъ".

Россель былъ человѣкъ замѣчательно прямодушный, съ твердымъ характеромъ и полной преданностью убѣжденію. Онъ жилъ главнымъ образомъ внутренней жизнью, и даже то, что̀ имъ было написано, далеко не даетъ истинной мѣрки его знаній и оригинальности его ума. Въ житейскихъ дѣлахъ онъ былъ крайне неопытенъ и легко поддавался увлеченію, между тѣмъ какъ уму его именно увлеченіе было чуждо. Такъ, напримѣръ, одно время онъ попробовалъ заниматься земледѣліемъ, и, разумѣется, изъ этого ничего не вышло. И въ литературѣ это былъ человѣкъ недостаточно высказавшійся, далеко не сдѣлавшій того, что̀ могъ бы сдѣлать. Но все же онъ оставилъ въ нашей журналистикѣ воспоминаніе о себѣ, какъ объ умномъ писателѣ и безукоризненно-честномъ человѣкѣ, который былъ гораздо выше того, что̀ ему удалось сдѣлать въ теченіи его недолгой жизни—40 лѣтъ.

Л. П.

ОКОНЧАНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Мѣсяцъ перемирія.

Со времени перенесенія главной квартиры нашихъ войскъ въ Адріанополь, 14 января, ходъ политическихъ событій вступаетъ изъ области совершенно ясныхъ и логичныхъ фактовъ, представлявшихъ побѣдное наступленіе русской арміи, — въ сферу сложныхъ военно-дипломатическихъ комбинацій. Военный интересъ продолжалъ быть весьма ясенъ. Вступленіе русскихъ въ Адріанополь окончательно лишило Порту надежды на возможность успѣшнаго сопротивленія, а между тѣмъ, съ 19 января, въ рукахъ ея оставалась еще сильная оборонительная линія Деркасъ-Чекмедже; оставленіе ея турками было для насъ желательно и соотвѣтствовало самому настроенію Порты. Сверхъ того, для увѣнчанія нашихъ военныхъ успѣховъ было желательно вступленіе, хотя бы съ согласія Порты, части нашихъ войскъ въ самую столицу Турціи. Такой фактъ имѣлъ бы не только

одно парадное значеніе. Онъ одинъ могъ бы окончательно удостовѣрить весь мусульманскій міръ, что времена господства османловъ надъ славянами прошли, что за славянами стоитъ такая сила, которой невозможно противопоставить никакого непреодолимаго препятствія. Ходъ нынѣшнихъ событій уже доказалъ туркамъ, что ни Дунай, ни Балканы, ни разлитіе рѣкъ, ни морозъ въ горахъ, ни слабость на морѣ, ни развитіе болѣзней въ рядахъ наступающихъ, ни одна изъ этихъ гарантій безнаказанности для жестокостей, совершаемыхъ надъ славянами, не представляются непреодолимыми. Необходимо, чтобы они убѣдились на дѣлѣ, что и послѣдняя гарантія—защита со стороны Англіи и Австріи—не могутъ предотвратить полнаго и окончательнаго успѣха русскихъ, короче — что между Петербургомъ и Константинополемъ для Порты нѣтъ никакого серьёзнаго обезпеченія, кромѣ человѣчнаго обращенія съ христіанами—съ ея стороны—и умѣренности въ требованіяхъ со стороны Россіи.

Итакъ, нашъ военный интересъ и послѣ взятія Адріанополя оставался совершенно яснымъ. Но этого никакъ нельзя было сказать о тѣхъ дипломатическихъ условіяхъ, какими было обставлено удовлетвореніе этого интереса и самое заключеніе мира. Спрашивалось, насколько другія державы—и въ особенности Англія и Австрія, конечно—намѣрены создать намъ серьёзныя затрудненія. Ни движеніе русскихъ войскъ изъ Адріанополя къ Чаталджѣ и Галлиполи, ни временное занятіе Константинополя, ни любое изъ нашихъ условій для заключенія мира не могли нравиться этимъ державамъ; каждый изъ этихъ фактовъ и каждое изъ этихъ требованій представляло поводъ къ протесту со стороны тѣхъ державъ, во имя нарушенныхъ ихъ интересовъ. Обѣ онѣ сами нарушили свои интересы, допустивъ неуспѣхъ константинопольской конференціи, допустивъ Турцію до войны съ Россіею. Тѣмъ не менѣе, и Англія и Австрія хлопотали и теперь, послѣ успѣховъ русскаго оружія, о своихъ интересахъ, и разумѣли ихъ въ такомъ общемъ смыслѣ, что эти интересы будутъ тѣмъ болѣе обезпечены, чѣмъ менѣе результатовъ Россія извлечетъ изъ своихъ военныхъ успѣховъ. Онѣ готовы были тормазить каждый дальнѣйшій нашъ шагъ; между тѣмъ, дальнѣйшіе шаги съ нашей стороны были неизбѣжны, и спрашивалось только, можетъ ли который-либо, и какой именно изъ этихъ шаговъ, вызвать Англію и Австрію, въ самомъ дѣлѣ, къ объявленію намъ войны, и затѣмъ—дѣйствовать по обстоятельствамъ. Итакъ, намъ предстояло идти впередъ съ большей осторожностью, но съ такой осторожностью, которая не исключала бы настойчивости.

Протоколъ о принятіи предварительныхъ основаній мира и условія о перемиріи были подписаны въ Адріанополѣ 19 (31) января и утверж-

дены Государемъ Императоромъ 3 (15) февраля. Между тѣмъ движеніе нашихъ войскъ впередъ и даже стычки съ непріятелемъ продолжались, хотя переговоры о перемиріи и предварительныхъ условіяхъ мира начались 11-ю днями раньше, а именно еще въ Казанлыкѣ, откуда главная квартира перенесена, была въ Адріанополь 14-го января. Турецкіе уполномоченные, найдя свои инструкціи недостаточными, въ виду требованій, предъявленныхъ имъ въ Казанлыкѣ, 8 января, обратились въ Константинополь за окончательными инструкціями. Движенія русскихъ войскъ въ это время естественно продолжались, а порча телеграфнаго сообщенія произвела замедленіе въ сношеніяхъ турецкихъ уполномоченныхъ съ Портою. Послѣдовавъ за главной квартирою въ Адріанополь 14 января, и все еще не получая новыхъ инструкцій, уполномоченные просили 16 (28) января дозволенія послать въ Константинополь письмо съ нарочнымъ, чрезъ линію нашихъ аванпостовъ, и это позволеніе было дано имъ, но съ тѣмъ, чтобы они представили окончательный отвѣтъ не позже 21 января (2 февраля). Между тѣмъ, уже 18 (30) января уполномоченные получили телеграмму изъ Константинополя отъ 12 (24) числа, и, тотчасъ испросивъ аудіенціи у главнокомандующаго русскою арміею, объявили, что, „не имѣя болѣе средствъ сопротивляться, Турція согласится подписать всѣ наши условія". Вмѣстѣ съ тѣмъ, они просили скорѣйшаго рѣшенія, для того, чтобы военныя дѣйствія были пріостановлены. Главнокомандующій немедленно назначилъ русскими военными уполномоченными генераловъ Непокойчицкаго и Левицкаго, поручивъ имъ опредѣлить съ турецкими уполномоченными подробности демаркаціонной линіи и условій перемирія. Переговоры о предварительныхъ основаніяхъ мира и о перемиріи начались тогда же, и уже на слѣдующій день, 19 (31) числа, и были подписаны какъ протоколъ, о которомъ упомянуто выше, такъ и условія перемирія.

Сдѣлаемъ краткій обзоръ обоихъ этихъ документовъ, за подписаніемъ которыхъ въ тотъ же день даны были приказанія о пріостановленіи военныхъ дѣйствій.

Болгарія, въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ большинствомъ болгарскаго населенія, будетъ возведена въ автономное княжество, платящее дань, съ правительствомъ народнымъ, христіанскимъ и туземною милиціею; оттоманская армія не будетъ болѣе тамъ находиться. Независимость Черногоріи будетъ признана и увеличеніе ея владѣній послѣдуетъ на основаніи военнаго uti possidetis. Независимость Сербіи и Румыніи будетъ признана, съ предоставленіемъ Сербіи исправленія границъ, а Румыніи—поземельнаго вознагражденія. Босніи и Герцеговинѣ дается автономное управленіе, и подобнаго рода преобразованія вводятся во всѣхъ христіанскихъ областяхъ европейской Тур-

ціи. Порта вознаграждаетъ Россію за ея военныя издержки либо деньгами, либо поземельною уступкою, либо чѣмъ инымъ. Произойдетъ соглашеніе между Россіею и Турціею для охраненія интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданелльскомъ. Немедленно будутъ открыты въ главной квартирѣ переговоры для установленія „предварительныхъ условій мира". Это послѣднее выраженіе можно признать не вполнѣ соотвѣтствовавшимъ положенію дѣла. „Предварительныя условія" мира собственно представлялись уже тѣми основаніями, которыя были подписаны 19 января. Затѣмъ могла идти рѣчь только о заключеніи *окончательнаго* мира между Россіею и Турціею. Но, вѣроятно, изъ деликатности по отношенію къ имѣющей послѣдовать, для признанія ихъ другими державами, конференціи, эти условія отдѣльнаго мира здѣсь были названы, именно въ этомъ только смыслѣ, предварительными. Остальными условіями въ актѣ 19 января были: немедленное прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій между арміями: турецкою и русскою, съ союзными ей арміями румынскою, сербскою и черногорскою, и очищеніе турецкими войсками крѣпостей Виддина, Рущука, Силистріи и Эрзерума, а вмѣстѣ съ тѣмъ занятіе русскими войсками, въ продолженіе переговоровъ, нѣкоторыхъ стратегическихъ пунктовъ, обозначенныхъ въ условіяхъ перемирія.

Въ условіяхъ перемирія существенная черта представляется демаркаціонною линіей. Она была опредѣлена отъ Деркоскаго озера, отъ Чекмеджикъ, чрезъ Карджали, по прямому направленію, пересѣкая желѣзную дорогу, на правый берегъ р. Кара-Су, вдоль теченія котораго она опускается до Мраморнаго моря. При этомъ турецкія войска обязывались очистить послѣднюю и весьма сильную свою укрѣпленную линію Деркасъ-Вуюкъ-Чекмедже. Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, о нихъ должно быть заявлено за три дня. Подробности перемирія въ азіатской Турціи должны быть опредѣлены между русскими и турецкими уполномоченными въ Малой-Азіи.

Установленіе такой демаркаціонной линіи, которая заставила турокъ очистить оборонительную линію, отстоявшую всего на 50 верстъ отъ турецкой столицы, линію, укрѣпленную 26-ю фортами, и дала русскимъ войскамъ право занимать пункты на берегу Мраморнаго моря — представляетъ большую заслугу генерала Непокойчицкаго, подписавшаго перемиріе. Удачный выборъ пункта переправы чрезъ Дунай (Зимница-Систово), своевременное заготовленіе нужныхъ для переправы матеріаловъ и счастливое ея исполненіе, затѣмъ весьма выгодное перемиріе — вотъ важныя заслуги почтеннаго начальника штаба нашихъ войскъ за Дунаемъ. Роль начальника штаба соб-

ственно въ направленіи всего хода военныхъ дѣйствій можетъ быть выяснена только исторіею войны. Въ обществѣ было извѣстно, что генералъ Непокойчицкій съ самаго начала находилъ наши силы за Дунаемъ недостаточными для движенія впередъ при необезпеченности праваго фланга, и что такимъ образомъ Плевна вовсе не должна падать на его отвѣтственность. Мы не знаемъ, какое участіе принималъ онъ и генералъ Тотлебенъ въ планѣ движенія генераловъ Гурко и Радецкаго, рѣшившихъ судьбу кампаніи, какъ не знаемъ, насколько участія имѣлъ генералъ Лорисъ-Меликовъ въ блестящихъ успѣхахъ при Аладжѣ и Деве-Бойну, приписываемыхъ главнымъ образомъ генералу Гейману. Мы даже склонны предполагать—какъ и высказывали это въ военныхъ обозрѣніяхъ—что окончательный планъ на европейскомъ театрѣ войны опредѣлился главнымъ образомъ взятіемъ Горнаго Дубняка, Телиша и Орханіе генераломъ Гурко. Но какъ бы то ни было, несомнѣнныя, весьма важныя и личныя заслуги генерала Непокойчицкаго представляются—самымъ началомъ войны (переправою) и окончаніемъ ея (начертаніемъ демаркаціонной линіи).

Послѣ подписанія предварительныхъ основаній мира намъ предстоялъ, очевидно, такой путь, чтобы, пользуясь сознаніемъ Порты въ ея военномъ безсиліи и обнаруженной ею готовностью къ серьёзнымъ уступкамъ, достигнуть слѣдующихъ двухъ дальнѣйшихъ результатовъ: 1) заключить непосредственный мирный трактатъ съ Турціею, безъ участія въ немъ прочихъ державъ, и 2) добиться допущенія нашихъ войскъ въ Константинополь. Само собой разумѣлось при этомъ, что условія мира въ тѣхъ статьяхъ, которыя могутъ имѣть дѣйствительное отношеніе къ интересамъ другихъ державъ, должны быть впослѣдствіи признаны европейскою конференціей. Такая международная санкція нѣкоторыхъ изъ условій мира признавалась постоянно и въ заявленіяхъ нашей дипломатіи; она же признана и въ самомъ текстѣ предварительныхъ основаній мира, какъ они изложены въ договорѣ 19 января. Но весьма важно было, чтобы окончательный мирный трактатъ съ Турціею былъ заключенъ безъ участія державъ, чтобы онъ былъ подписанъ еще до созыва европейской конференціи и чтобы вступленіе части русскихъ войскъ въ Константинополь стало фактомъ прежде, чѣмъ вопросъ о мирѣ вступилъ бы на почву международныхъ соглашеній. Тогда конференція начала бы свои дѣйствія имѣя передъ собой фактически предрѣшенными всѣ существенные вопросы. Затѣмъ, конференція могла, конечно, не признать нѣкоторыхъ изъ состоявшихся уже соглашеній. Но это было бы равносильно только неуспѣху конференціи и вовсе не инвалидировало бы постановленій трактата, заключеннаго между Россіею и Турціею, какъ сторонами, заинтересованными непосред-

ственно. Россія и Турція, связанныя трактатомъ, являлись бы уже согласными между собой, а пожалуй даже и союзниками. Державамъ, протестующимъ противъ той или другой статьи, пришлось бы имѣть противъ себя и Россію, и Турцію. Въ крайнемъ случаѣ, одна или двѣ державы могли и послѣ неуспѣха конференціи рѣшиться на войну. Но, во-первыхъ, переговоры съ Турціею о мирѣ должны были занять около мѣсяца, затѣмъ созывъ и работы конференціи потребовали бы времени никакъ не менѣе, а рѣшиться на войну черезъ два мѣсяца послѣ принятія Турціею основныхъ условій гораздо труднѣе, чѣмъ при первомъ ихъ заявленіи. Во-вторыхъ, на нашей сторонѣ были бы уже совершившіеся факты, согласіе стороны наиболѣе заинтересованной и присутствіе русскихъ войскъ въ Константинополѣ. Этотъ послѣдній фактъ представлялъ бы серьёзную гарантію въ томъ, что на конференціи Турція не перейдетъ на сторону нашихъ противниковъ. А при согласіи Россіи съ Турціею, державамъ, которыя стали бы въ концѣ марта рѣшаться на войну изъ-за вопросовъ, въ сущности рѣшенныхъ актомъ 19 января, предстояло бы вести войну за Турцію противъ Россіи и противъ желаній самой Турціи.

Совсѣмъ иначе представлялось бы дѣло въ томъ случаѣ, если бы мы не воспользовались нашими побѣдами для движенія впередъ, если бы не поспѣшили заключить отдѣльнаго мира съ Турціею и не выговорили себѣ вступленія въ Константинополь. Въ такомъ случаѣ, конференція получила бы совсѣмъ иное значеніе: она была бы призвана не для признанія только нѣкоторыхъ условій мира, но для выработки его условій. Условія мира между побѣдившей Россіей и побѣжденной Турціей выработывались бы при участіи Англіи и Австріи, не принимавшихъ участія въ войнѣ. При этихъ переговорахъ Россія была бы одна, развѣ имѣла бы дружественнаго посредника, но не защитника въ лицѣ Германіи; а противъ насъ были бы въ полномъ согласіи между собой Турція, Англія и Австрія.

Вотъ причины, по которымъ весьма важно было избрать именно тотъ путь, который и былъ избранъ съ нашей стороны, и русское общество не должно жаловаться на осторожность, съ какою держались этого пути наша главная квартира и наша дипломатія. Осторожность была необходима, лишь бы мы настойчиво шли по пути, который указывался прямыми нашими интересами. Она была необходима уже и потому, что попытки къ запугиванію насъ со стороны Англіи начались еще раньше, чѣмъ были подписаны перемиріе и предварительныя основанія мира. При осторожности и вмѣстѣ настойчивости съ нашей стороны, эти попытки запугиванія и должны были остаться только безплодными попытками; онѣ должны были только

обнаружить колебанія нашихъ противниковъ, колебанія, обусловленныя желаніемъ ихъ избѣгнуть войны и сдержать Россію дешевой цѣною однѣхъ демонстрацій.

Еще на той недѣлѣ, которая предшествовала подписанію перемирія и предварительныхъ основаній мира, а именно въ половинѣ января, британское правительство, ссылаясь на фактъ, что Россія не заявляла ему своихъ условій перемирія, а между тѣмъ двигаетъ свои войска по направленію къ Галлиполи и къ укрѣпленной линіи Деркасъ-Чекмедже, предписало 11 (23) января командующему англійскимъ флотомъ въ водахъ Леванта, адмиралу Горнби—вступить въ Дарданеллы, и заявило парламенту о своемъ намѣреніи внесть требованіе о кредитѣ въ 6 милл. фунтовъ для военныхъ приготовленій. Что самое вступленіе англійскаго флота въ Дарданеллы предпринималось именно только какъ угроза, а не въ смыслѣ удостовѣренія дѣйствительной рѣшимости Англіи весть войну—обнаружилось тѣмъ, что этотъ шагъ повлекъ за собою подачу просьбъ объ отставкѣ двумя англійскими министрами: лордомъ Дерби и Карнарвономъ. Неодобреніе самимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Англіи этого воинственнаго шага могло имѣть только одинъ смыслъ: нежеланіе имъ дѣлать призрачную демонстрацію. Англійскій флотъ дѣйствительно вступилъ въ Дарданеллы, но между тѣмъ англійское правительство получило сообщеніе о смыслѣ условій перемирія—и движеніе русскихъ войскъ по направленію къ Галлиполи было пріостановлено, британскій премьеръ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для устраненія кризиса, возникшаго въ кабинетѣ: по его приказанію, англійскій флотъ снова вышелъ изъ Дарданеллъ, и лордъ Дерби остался въ должности министра иностранныхъ дѣлъ.

Когда перемиріе и предварительныя условія мира были подписаны, возбужденіе въ Лондонѣ нисколько не ослабѣло. Два раза распространялся слухъ о совершившемся вступленіи русскихъ войскъ въ Константинополь, и слухъ этотъ вызывалъ самыя воинственныя статьи въ „Morning Post“ и „Daily Telegraph“, между тѣмъ какъ „Times“ выказывалъ вообще сдержанность. Тревожные слухи на первыхъ порахъ обусловливались уже тѣмъ обстоятельствомъ, что приказаніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій не достигло одновременно всѣхъ частей нашихъ войскъ. Послѣ 19-го января схватки въ разныхъ мѣстахъ и движеніе впередъ еще продолжались дня два-три. Особенно энергично подвигались въ этотъ, „двѣнадцатый часъ“, какъ выражаются нѣмцы, войска генерала Циммермана; онъ еще только начиналъ кампанію.

Между тѣмъ, въ Константинополѣ, вслѣдъ за подписаніемъ предварительныхъ основаній мира, произошла министерская перемѣна: должность великаго визиря была упразднена, а президентомъ совѣта ми-

нистровъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Ахмедъ-Вефикъ-паша, Серверъ-паша — министромъ иностранныхъ дѣлъ, а Реуфъ-паша—военнымъ министромъ. Портѣ въ этотъ критическій моментъ угрожало новое затрудненіе: Греція, которая соблюдала полную осторожность до тѣхъ поръ, пока у Турціи оставалась какая-либо сила, напослѣдокъ, и почти одновременно съ движеніемъ впередъ войскъ генерала Циммермана изъ Добруджи, послала свои войска въ Ѳессалію, чтобы заявить свое участіе въ войнѣ и свое право на участіе въ пріобрѣтеніяхъ. Впрочемъ, пребываніе греческихъ войскъ на турецкой территоріи было весьма непродолжительно. Достаточно было приближенія турецкаго броненосца къ Пирею и усиленныхъ представленій англійской дипломатіи, чтобы аѳинское правительство отозвало свои войска, объяснивъ это въ видѣ уступки, которую Греція сдѣлала Европѣ, единственно въ томъ ожиданіи, что и греческіе интересы будутъ приняты во вниманіе и обезпечены на конференціи.

Мысль о созваніи этой конференціи была предложена вѣнскимъ кабинетомъ и безпрепятственно принята всѣми правительствами. Русское правительство сдѣлало возраженіе только противъ созыва конференціи въ Вѣну или въ другую столицу, высказавъ предпочтеніе какому-либо городу въ одномъ изъ второстепенныхъ государствъ. Затѣмъ, мысли дипломатіи остановились на Баденъ-Баденѣ. Но по мѣрѣ того, какъ выяснялось, что прежде всего должно послѣдовать заключеніе отдѣльнаго мира непосредственно между Россіей и Турціей, европейская конференція теряла свое значеніе, и сдѣлалось извѣстнымъ даже, что министры иностранныхъ дѣлъ не явятся на нее, а переговоры будутъ происходить между обыкновенными посланниками или спеціальными уполномоченными державъ.

Замѣчательно, что условія перемирія, а именно оставленіе турками оборонительной линіи Деркасъ-Чекмедже и условленная демаркаціонная линія, которая дала нашимъ войскамъ право занять пункты на Мраморномъ морѣ—Родосто и Сильвери, уяснились не только западной публикѣ, но и самой дипломатіи Запада не въ тотъ моментъ, когда они сдѣлались извѣстны, но гораздо позже, именно только тогда, когда они были приведены въ исполненіе. Увидѣвъ русскія войска въ 50-ти верстахъ отъ Константинополя и на берегу Мраморнаго моря, иностранные органы снова забили тревогу, какъ будто бы случилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное; англійское правительство само, вдругъ, какъ-будто спохватилось. Въ половинѣ января, оно двинуло свой флотъ въ Дарданеллы собственно по той причинѣ, что русскія условія перемирія и основанія мира были ему неизвѣстны, и затѣмъ, получивъ извѣстіе о сущности условій, оно

поспѣшно отозвало свой флотъ назадъ. Между тѣмъ когда условія перемирія были дѣйствительно приведены въ исполненіе, то въ концѣ января английское правительство потребовало у Порты фирмана на входъ англійскаго флота въ Дарданеллы. Такое же требованіе предъявили еще три правительства: австрійское, французское и итальянское. Этотъ новый шагъ, правда, былъ объясненъ британскимъ правительствомъ въ парламентѣ и въ дипломатическомъ сообщеніи—желаніемъ охранить жизнь и имущество живущихъ въ Константинополѣ британскихъ подданныхъ. На этотъ поводъ сослались и прочія державы, требовавшія пропускного фирмана для своихъ флотовъ. Но что не таково было при этомъ истинное побужденіе сентъ-джемскаго кабинета—легко понять. Это удостовѣрилось и фактически. Когда Порта отказала въ выдачѣ фирмана, то прочія державы не сочли возможнымъ дѣйствовать вопреки волѣ Порты. Отъ появленія иностранныхъ флотовъ вблизи Босфора вопреки волѣ Порты можно было ожидать такой же опасности для европейцевъ, проживающихъ въ Константинополѣ, какъ и отъ движенія на Константинополь русскихъ войскъ.

Но такъ-какъ истинной цѣлью британскаго правительства было—предъявить Россіи новую угрозу и по возможности повліять этимъ на ходъ переговоровъ объ окончательномъ мирѣ между Россіею и Турціею, то англійскому флоту и предписано было вступить въ Дарданеллы, несмотря на несогласіе Порты. И дѣйствительно, 1 (13) февраля, англійскій флотъ вступилъ въ Дарданеллы. Турецкія власти заявили формальный протестъ противъ этого акта, но не оказали сопротивленія. Между тѣмъ, на сообщеніе лорда Дерби, что британскій флотъ будетъ отправленъ къ Константинополю собственно съ мирной цѣлью — для огражденія англійскихъ подданныхъ, нашъ канцлеръ, депешею 29 января, весьма раціонально отвѣчалъ, что этотъ шагъ побудитъ и русское правительство, съ своей стороны, принять мѣры, направленныя къ той же цѣли—огражденія интересовъ русскихъ подданныхъ, и для этого имѣть въ виду возможность вступленія части русскихъ войскъ въ Константинополь.

Самые переговоры о сепаратномъ мирѣ между Россіею и Турціею начались 2 (14) февраля. За вступленіемъ англійскаго флота въ Дарданеллы еще не послѣдовало вступленіе русскихъ войскъ въ Константинополь, какъ того опасались на Западѣ, вслѣдствіе заявленія князя Горчакова. Между тѣмъ демонстраціи противъ Россіи въ Австріи и Англіи продолжались. Въ первую недѣлю февраля въ австрійскомъ и венгерскомъ сеймахъ министры графъ Ауэрспергъ и г. Тисса сдѣлали заявленія въ отвѣтъ на запросы по политикѣ правительства въ восточныхъ дѣлахъ. Смыслъ этихъ заявленій былъ таковъ, что Австро-

Венгрія не признáетъ тѣхъ пунктовъ сепаратнаго русско-турецкаго мира, которые будутъ касаться правъ австрійской монархіи или державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ 1856 года, не признáетъ до-тѣхъ-поръ, пока они не будутъ утверждены согласіемъ державъ; что австро-венгерскимъ правительствомъ предложено созваніе конференціи, которое и принято всѣми державами, призванными къ участію въ ней; наконецъ, что „нѣкоторыя такія постановленія, которыя могли бы имѣть послѣдствіемъ перестановку вліянія на востокѣ къ невыгодѣ австро-венгерской монархіи, не могутъ быть признаны ею, какъ несоотвѣтствующія австрійскимъ интересамъ".

Въ англійскомъ парламентѣ министерство почти въ каждомъ засѣданіи должно было отвѣчать на запросы по восточному вопросу. Оно обнародовало дипломатическую переписку съ петербургскимъ кабинетомъ по вопросу о мирѣ, веденную въ іюнѣ и іюлѣ 1877 года, и по вопросу о движеніи русскихъ войскъ къ Галлиполи. Изъ этой послѣдней переписки явствовало, что лордъ Дёрби поставилъ незанятіе Галлиполи русскими—вопросомъ о мирѣ или войнѣ между Англіею и Россіею, и что князь Горчаковъ заявилъ отсутствіе намѣренія русскихъ войскъ занять Галлиполи. Военный кредитъ, потребованный англійскимъ правительствомъ, былъ разрѣшенъ ему въ засѣданіи 27 января (8 февраля) весьма значительнымъ большинствомъ, и это побудило его возвысить тонъ въ своихъ сношеніяхъ съ Россіею и своихъ заявленіяхъ объ ея дѣйствіяхъ.

Въ засѣданіи 2 (14) февраля палаты пэровъ, графъ Дерби объявилъ, что британскій флотъ уже находится въ двухъ миляхъ отъ Константинополя, у Принцевыхъ острововъ. Замѣтимъ, что когда Порта заявила г. Лэйярду, англійскому послу въ Константинополѣ, что присутствіе англійскаго флота вблизи Константинополя подаетъ поводъ русскимъ войскамъ вступить въ турецкую столицу, то адмиралу Горнби было предписано удалиться отъ острововъ Принца нѣсколько назадъ, въ Муданійскій заливъ (образуемый азіатскимъ берегомъ), и этой уступкой затѣмъ толковалось замедленіе вступленія русскихъ войскъ въ Константинополь. Между тѣмъ замедленіе это зависѣло собственно отъ того, что у насъ надѣялись получить на него согласіе Порты, такъ что вступленіе русскихъ войскъ явилось бы въ исполненіе русско-турецкаго мирнаго трактата. Когда же намѣреніе русскихъ вступить въ Константинополь подтвердилось, то адмиралу Горнби приказано было пройти мимо острововъ Принца и стать на якорѣ у Тузлы, то-есть при самомъ входѣ въ Константинопольскій проливъ.

На депешу кн. Горчакова отъ 29 января, лордъ Дерби отвѣчалъ 31 января (12 февраля), что отвергаетъ всякое сходство между при-

ближеніемъ къ турецкой столицѣ флота дружественной Турціи державы, съ цѣлью защиты подданныхъ Англіи, и вступленіемъ туда враждебной арміи, въ нарушеніе условій перемирія. По отзыву лорда Дерби одно не можетъ оправдывать другого, и вступленіе русскихъ войскъ въ Константинополь было бы бѣдственнымъ фактомъ, могущимъ подвергнуть большой опасности мѣстныхъ христіанъ.

Въ засѣданіи германскаго сейма 7 (19) февраля, высказалъ свое мнѣніе о положеніи дѣлъ князь Бисмаркъ. Рѣчь его была въ сущности весьма неопредѣленна; можно только сказать, что она клонилась въ пользу Россіи, хотя обѣщанія поддержки намъ на конференціи въ ней не было, какъ не было и никакихъ угрозъ. Князь Бисмаркъ высказалъ, что не считаетъ вѣроятною войну даже въ случаѣ неудачи конференціи. Что касается образа дѣйствій Германіи, то онъ объявилъ, что она не желаетъ играть въ Европѣ роль третейскаго судьи, можетъ согласиться только на роль посредника, и что во всякомъ случаѣ онъ не посовѣтуетъ своему государю весть войну съ какою-либо иной цѣлью, кромѣ „охраненія нашей независимости (т.-е. германской) во внѣшнихъ отношеніяхъ и единства между нами самими, а также интересовъ столь ясныхъ, что если бы мы вступились за нихъ, то не только получили бы необходимое, единодушное согласіе союзнаго совѣта, но и убѣдились бы вполнѣ въ безусловномъ одушевленіи германской націи (dass die volle Ueberzeugung, die Begeisterung der deutschen Nation uns trägt).

Переговоры о мирѣ между Россіею и Турціею между тѣмъ подвигались довольно медленно. Русская главная квартира была переведена 12-го (24) февраля въ Санъ-Стефано, въ 17-ти верстахъ отъ Константинополя, и переговоры продолжались здѣсь. Относительно главныхъ пунктовъ предполагавшагося мира „Politische Correspondenz" сообщала, что автономная Болгарія будетъ обнимать, за исключеніемъ Адріанополя, всю долину Марицы, съ Софіею и Филиппополемъ; что на годъ останется въ ней 50 тыс. чел. русскихъ войскъ; что Румынія пріобрѣтетъ Добруджу, Сербія — Нишъ, Черногорія — Подгорицу и Антивари, Россія — вознагражденіе въ 1,400 милл. руб., и взамѣнъ его — Батумъ, Ардаганъ, Баязетъ, Карсъ и шесть турецкихъ броненосцевъ, по выбору Россіи; сверхъ того, — 50 милл. руб. облигаціями и звонкою монетою. Упоминая о размѣрахъ вознагражденія и опредѣляя его, по слухамъ, въ 150 — 200 милл. фунтовъ, лордъ Дерби, въ засѣданіи палаты перовъ 15-го (27) февраля, находилъ его непомѣрнымъ. Между тѣмъ англійское правительство стало мобилизировать два корпуса своихъ регулярныхъ войскъ, начальство надъ которыми, по слухамъ, будетъ поручено лорду Непиру-Магдаль-

скому, помощникомъ котораго будетъ генералъ Уёльсели, а австро-венгерское правительство потребовало у своихъ делегацій военнаго кредита въ 60 милл. гульденовъ.

По слухамъ, переговоры находились 17-го февраля с. с. въ такомъ положеніи, что приняты обѣими сторонами были только пункты, касающіеся Болгаріи, и одинъ—относящійся къ Черногоріи, а между тѣмъ, когда мы были готовы закончить свой обзоръ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", 20 февраля, появилась короткая депеша изъ нашей Главной Квартиры въ Санъ-Стефано, отъ Е. И. В. Главнокомандующаго дѣйствующей арміею, посланная 19-го февраля, въ 5 часовъ пополудни:

„Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ подписаніемъ мира. Господь сподобилъ насъ, Государь, окончить предпринятое Вами великое, святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ Вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго".

Все значеніе этой торжественной минуты въ жизни народовъ выяснится намъ позже, когда мы въ точности узнаемъ условія самаго освобожденія и убѣдимся въ возможности болѣе или менѣе легкаго ихъ осуществленія; но и независимо отъ того, чувство, вызываемое приближеніемъ мирнаго времени, всегда бываетъ самымъ отраднымъ, самымъ веселымъ чувствомъ. Во всякомъ случаѣ, брань наша была не напрасна, если въ результатѣ ея оказалось бы хотя одно то, что въ исторіи человѣчества однимъ игомъ стало меньше.

ИЗВѢСТІЯ

О русской выставкѣ въ Пильзенѣ.

Мы получили отъ г. Эдуарда Валечки, въ Пильзенѣ, въ Богеміи, слѣдующее циркулярное заявленіе на чешскомъ языкѣ, съ просьбой довести его до свѣдѣнія нашей публики:

„Въ августѣ мѣсяцѣ 1878 г. я открываю въ г. Пильзенѣ *русскую выставку* съ благотворительной цѣлью. Выставленные предметы послужатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніемъ для учрежденія постояннаго *русскаго музея.*

„Выставка будетъ имѣть цѣлью представить прошедшее и нынѣшнее состояніе Россіи въ различныхъ отношеніяхъ. Именно будутъ выставлены:

„1. Русскія прежнія и нынѣшнія повременныя изданія, и другія періодическія изданія.

„2. Русскія книги всякаго рода, въ особенности научные труды, замѣчательнѣйшія беллетристическія произведенія, школьныя книги, иллюстрированныя сочиненія, народныя пѣсни и сказки, карты русскихъ областей и т. д.

„3. Книги на какихъ бы то ни было языкахъ, посвященныя Россіи и ея областямъ, напримѣръ: исторія политическая и литературная, жизнеописанія русскихъ людей, научныя изслѣдованія, описанія земель и путешествій, грамматики, словари, переводы беллетристическихъ и другихъ русскихъ сочиненій, брошюры и т. п.

„4. Русскія музыкальныя произведенія.

„5. Картины и фотографіи русскихъ городовъ, деревень, мѣстностей, памятниковъ, зданій и другихъ достопримѣчательностей.

„6. Портреты и автографы знаменитыхъ русскихъ лицъ, отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени.

„7. Фотографіи и изображенія русскихъ типовъ.

„8. Старыя и новыя монеты, медали, изображенія русскихъ орденовъ, почтовыя и штемпельныя марки и т. п.

„9. Русскія особенности въ одеждѣ, домашнемъ хозяйствѣ, инструментахъ, играхъ и т. п.

„10. Произведенія художественныя и промышленныя.

„Поэтому обращаюсь съ просьбой о благосклонномъ участіи въ этой выставкѣ высылкою въ даръ по почтѣ не франкированными вышеупомянутые предметы для этой выставки и будущаго музея. Болѣе дорогія изданія я покупаю по возможно дешевой цѣнѣ, которую просилъ бы предварительно мнѣ указать.

„Каталогъ, съ поименованіемъ гг. дарителей, будетъ напечатанъ и имъ безденежно посланъ.

У насъ нѣтъ ближайшихъ свѣдѣній объ этомъ предпріятіи и его ходѣ; но мысль его заслуживаетъ вниманія. Если имѣютъ какой-нибудь реальный смыслъ слова: „славянская взаимность“, то устройство подобныхъ выставокъ и музеевъ (подъ условіемъ конечно, если они будутъ не односторонни,—что́ очень возможно) могло бы служить хорошимъ средствомъ для взаимнаго ознакомленія славянства.

М. Стасюлевичъ.

ЭЛЕМЕНТЫ МЫСЛИ

Окончаніе.

V*.

Мышленіе конкретами:—Различеніе и узнаваніе внѣшнихъ предметовъ.—Различеніе въ нихъ частей, признаковъ и состояній.—Отвлеченіе частей, признаковъ и состояній отъ предмета, какъ цѣлаго.

Низшія формы расчлененнаго сложнаго (т.-е. сгруппированнаго) чувствованія, заключающіяся *въ различеніи и узнаваніи* внѣшнихъ предметовъ, свойственны не только ребенку, но и животнымъ, обладающимъ способностью передвиженія. По какому бы поводу ни двигалось животное, ему на каждомъ шагу необходимо схватывать топографическія условія мѣстности, чтобы приноравливать къ нимъ локомоцію, и схватывать часто на бѣгу, когда пристальное разсматриваніе предметовъ физически невозможно. Значитъ, даже этотъ наипростѣйшій случай предполагаетъ въ одно и то же время умѣнье различать свойство мѣстности, по летучимъ намекамъ, и оцѣнку ихъ со стороны удобствъ для передвиженія, т.-е. родъ знанія этихъ свойствъ изъ личнаго опыта. Еще сложнѣе условія различенія въ случаяхъ, когда животное гоняется за добычей: здѣсь ему приходится приноравливать свои движенія не только къ мѣстности, но и къ движеніямъ добычи; схватывать не одни пространственныя, но и преемственныя отношенія. Выборъ пищи, отличеніе друга отъ врага, умѣнье находить дорогу домой въ свою очередь изобличаютъ въ животномъ

* См. выше: мартъ, 89 стр.

не только способность различать предметы, въ смыслѣ ихъ выдѣленія изъ группъ, но и умѣнье узнавать въ нихъ старыхъ знакомцевъ.

Останавливаться на томъ, какимъ образомъ ребенокъ и животное выучиваются различать отдѣльные предметы,—нечего;—явно, что тутъ все дѣло въ расчлененіи сложныхъ группъ и рядовъ. Но что такое узнаваніе предметовъ?

На обыденномъ языкѣ [для простоты я буду имѣть въ виду случай зрительнаго узнаванія] это есть быстрое, иногда мгновенное, воспоминаніе при первомъ взглядѣ на предметъ, что онъ былъ уже видѣнъ нами прежде; и это опредѣленіе совершенно вѣрно.—Узнаваніе есть не что иное, какъ воспроизведеніе стараго, уже испытаннаго впечатлѣнія тѣмъ самымъ внѣшнимъ возбудителемъ, которымъ оно было произведено прежде, и послѣдующее затѣмъ сопоставленіе или соизмѣреніе воспроизведеннаго чувствованія съ новымъ. Если, напримѣръ, взглядъ на знакомое дерево вызвалъ въ сознаніи опредѣленный образъ, то глаза, какъ говорится, невольно начинаютъ искать въ деревѣ его особенныхъ примѣтъ, и едва они найдены, мы сознаемъ *непосредственно*, что это дерево именно то, а не другое. Вотъ это-то исканіе глазами особыхъ примѣтъ, представляющее въ сущности воспроизведеніе прежнихъ глазныхъ движеній, и составляетъ суть сопоставленія или соизмѣренія стараго образа съ новымъ. Значитъ, соизмѣреніе образовъ совершается въ силу воспроизведенія двигательныхъ реакцій глазъ, безъ всякаго вмѣшательства какого-либо особаго агента, завѣдующаго сопоставленіемъ впечатлѣній. Никакого посторонняго агента нельзя открыть и въ послѣднемъ актѣ процесса, который на словахъ можно опредѣлить, какъ сознаніе или констатированіе тождества между послѣдовательными чувствованіями, потому что тождество сознается здѣсь мгновенно, когда нѣтъ времени для разсужденій, т.-е. для построенія выводовъ изъ посылокъ. Тѣмъ не менѣе въ узнаваніи мы все-таки имѣемъ: 1) раздѣльность двухъ чувственныхъ актовъ; 2) сопоставленіе ихъ другъ съ другомъ, и 3) сопоставленіе въ опредѣленномъ направленіи, именно по сходству,—три элемента, которыми характеризуется мысль. Значитъ—

—*узнаваніе предметовъ, этотъ наипростѣйшій изъ всѣхъ психическихъ актовъ, носитъ на себѣ всѣ существенные характеры* [т.-е. по содержанію и какъ рядъ процессовъ] *мышленія.*

Въ немъ содержится даже та сторона мысли, изъ-за которой послѣдней придаютъ характеръ разумности. Въ самомъ дѣлѣ, въ сферѣ предметнаго мышленія всякая мысль, взятая въ отдѣльности,

выражаетъ собою не болѣе, какъ познаніе отношеній между ея объектами, и въ этомъ смыслѣ она служитъ чувственнымъ отраженіемъ внѣшнихъ предметовъ и ихъ зависимостей, которое можетъ быть только болѣе или менѣе вѣрнымъ, или фальшивымъ, но никакъ не разумнымъ. Разумность мысли начинается только съ того момента, когда она становится руководителемъ дѣйствій, т.-е. когда познаваемое отношеніе кладется въ основу послѣднихъ. Тогда дѣйствія, получая цѣль и смыслъ, становятся цѣлесообразными, а руководитель получаетъ характеръ разумнаго направителя ихъ. Узнаваніе предметовъ, очевидно, служитъ животному руководителемъ цѣлесообразныхъ дѣйствій — безъ него оно не отличало бы щепки отъ съѣдобнаго, смѣшивало бы дерево съ врагомъ, и вообще не могло бы оріентироваться между окружающими его предметами ни единой минуты. Значитъ, актамъ узнаванія присущъ характеръ разумности въ той же мѣрѣ, какъ всякой мысли, служащей руководителемъ практически-разумныхъ дѣйствій.

Въ узнаваніи есть, наконецъ, даже элементы разсудочности, насколько процессъ напоминаетъ собою умозаключительные акты.

Второй шагъ чувственной эволюціи, вытекающій непосредственно изъ расчлененія сложныхъ группъ и рядовъ на отдѣльныя звенья, долженъ былъ бы заключаться въ актахъ сопоставленія группъ, какъ цѣлаго, съ отдѣльными звеньями, какъ частями или признаками; и у дѣтей эти формы дѣйствительно существуютъ, [какъ это видно, напримѣръ, изъ умѣнья ихъ рисовать въ очень раннемъ возрастѣ цѣлые ландшафты]. Но онѣ стоятъ положительно на второмъ планѣ сравнительно съ продуктами анализа [опять расчлененія] отдѣльныхъ предметовъ, выдѣленныхъ изъ группъ; такъ что вторымъ шагомъ эволюціи слѣдуетъ считать процессы различенія частей и свойствъ или признаковъ, а также состояній въ отдѣльныхъ предметахъ.

Причина этому заключается въ слѣдующемъ. Въ обширныхъ группахъ внѣшнихъ предметовъ, напримѣръ, въ ландшафтѣ, есть всегда много характернаго, какъ въ сочетаніи, но очень мало такихъ признаковъ, которыми мы надѣляемъ отдѣльные предметы. Ландшафтъ есть группа слишкомъ обширная, и потому слишкомъ измѣнчивая, чтобы говорить, напримѣръ, о его формахъ или цвѣтѣ. Притомъ обширныя группы дѣйствуютъ на насъ только издалека; поэтому множество вліяній (напримѣръ, осязательныя, обонятельныя, вкусовыя и даже отчасти слуховыя) не доносятся отъ нихъ до наблюдателя. Наоборотъ, вблизи открыта возможность знако-

миться съ самыми разнообразными свойствами предметовъ—видѣть ихъ цѣликомъ и частями, обонять, осязать, словомъ—пускать въ ходъ всѣ чувства. Благодаря этому, анализъ группъ останавливается почти исключительно на оптическомъ или зрительномъ расчлененіи картины, тогда какъ въ отдѣльныхъ предметахъ мы выучиваемся мало-по-малу различать форму, цвѣтъ, запахъ, вкусъ, твердость, мягкость, шероховатость и пр. и пр. Не нужно забывать кромѣ того, что подвижность ребенка приводитъ его въ непрерывное общеніе съ внѣшними предметами на близкихъ разстояніяхъ; слѣдовательно, чувствованіе вблизь должно по необходимости перевѣшивать чувствованіе вдаль.

Какими же средствами обладаетъ ребенокъ для различенія въ отдѣльныхъ предметахъ ихъ частей, свойствъ или признаковъ и состояній, и путемъ какихъ процессовъ достигается эта цѣль?

Различеніе въ отдѣльныхъ предметахъ частей есть по преимуществу дѣло глаза. Пособникомъ зрѣнія является, правда, во многихъ случаяхъ и осязаніе, но показанія его [въ дѣлѣ различенія частей] у людей нормальныхъ, т.-е. зрячихъ, далеко уступаютъ глазу со стороны быстроты, объема и подробности анализа, поэтому они получаютъ рѣшающее значеніе только въ исключительныхъ случаяхъ. [За то у осязанія зрячаго человѣка есть своя спеціальная область, гдѣ оно властвуетъ безраздѣльно, напримѣръ: твердость, упругость, шероховатость предметовъ и т. п.]. На этомъ основаніи я буду говорить здѣсь о различеніи частей только зрительномъ, и, чтобы избѣгнуть околичностей, скажу прямо:

Зрительное дробленіе отдѣльныхъ предметовъ на части является и по содержанію и со стороны процессовъ актомъ совершенно равнозначнымъ дробленію нашихъ прежнихъ группъ на отдѣльные предметы; разница между ними только въ условіяхъ видѣнія—группа дробится при видѣніи издали, а отдѣльный предметъ—при видѣніи вблизь.

Когда мы смотримъ на далекій ландшафтъ, поле зрѣнія наполнено такими крупными группами, какъ цѣлый городъ, озеро, рядъ горъ; и частями картины въ самомъ благопріятномъ случаѣ являются такія крупныя вещи, какъ отдѣльный домъ, отдѣльное дерево, но, конечно, безъ мелкихъ деталей. Когда мы, наоборотъ, приближаемся къ дому или дереву, образъ ихъ постоянно возрастаетъ, такъ что, наконецъ, все поле зрѣнія занято однимъ предметомъ, и благодаря этому, мы разсматриваемъ уже его детали. При еще бóльшемъ приближеніи сфера видѣнія съуживается на часть дома и дерева, и теперь получается возможность различать

детали частей цѣлаго предмета. Но дѣло этимъ не ограничивается. Уже выше я упоминалъ о желтомъ пятнѣ сѣтчатки, какъ мѣстѣ наиболѣе отчетливаго видѣнія, сравнительно съ другими частями, на которыя тоже падаютъ образы, смотримъ-ли мы вблизь или вдаль. Такое устройство въ обоихъ случаяхъ помогаетъ выдѣленію изъ цѣльнаго образа нѣкоторыхъ частей съ бо́льшею ясностью противъ остальныхъ, и въ этомъ смыслѣ уже при смотрѣніи вдаль на ландшафты желтое пятно является анализаторомъ картины. Но тамъ оно помогаетъ выдѣлять изъ нея большіе предметы; при смотрѣніи же вблизь имъ выдѣляются изъ части предмета отдѣльныя точки. Анализъ въ обоихъ случаяхъ абсолютно тождественъ, и разница только въ томъ, что при видѣніи вдаль на сѣтчатку падаютъ въ сильно уменьшенномъ видѣ обширныя картины цѣлыхъ городовъ, рощъ, озеръ, а при видѣніи вблизь мѣсто, которое занимала такая картина, занято однимъ деревомъ. Итакъ, до тѣхъ поръ, пока во внѣшнемъ цѣльномъ предметѣ и любой части его, какъ бы мелка она ни была, существуетъ оптическая раздѣльность, не превышающая аналитическихъ средствъ глаза, они [т.-е. предметъ и его части] являются въ отношеніи расчлененія группой въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ цѣлый ландшафтъ, но только при видѣніи вблизь, а не вдаль.

Какъ при видѣніи ландшафта издали, зрительныя оси глазъ,— это прямыя линіи, упирающіяся однимъ концомъ въ центръ желтаго пятна, а другимъ въ разсматриваемую точку,—переходятъ отъ одного выдающагося пункта картины къ другому, такъ и при видѣніи вблизь онѣ переходятъ отъ одной точки къ другой. Какъ въ ландшафтѣ зрительные акты перерываются двигательными реакціями, такъ и здѣсь. Какъ въ первомъ случаѣ мышечное чувство связываетъ пункты картины пространственными отношеніями, такъ и во второмъ.

Словомъ, если имѣть въ виду дробленіе впечатлѣній въ предѣлахъ чувственности, то оказывается, что—

—*вторая фаза эволюціи относится со стороны раздробленности чувственныхъ объектовъ къ предшествующей фазѣ, какъ видѣніе вблизь относится къ видѣнію вдаль.*

Другими словами: *дробленіе зрительныхъ объектовъ въ предѣлахъ чувственности совершается при помощи уже извѣстныхъ намъ общихъ факторовъ психической эволюціи—прирожденной нервно-психической организаціи и повторенія воздѣйствій въ формѣ опредѣленныхъ, но измѣнчивыхъ отъ одного случая къ другому группъ.*

Помимо оптической дробности 'предметовъ и топографическихъ отношеній между ихъ частями, глазъ воспринимаетъ еще: контуры предмета, или общую плоскостную форму, цвѣтъ, положеніе относительно наблюдателя, удаленіе отъ него же, величину, тѣлесность и движеніе. Всѣ эти чувственныя формы входятъ непремѣнными звеньями въ акты расчлененнаго видѣнія и составляютъ ту сумму зрительныхъ признаковъ, которыми характеризуется видимый предметъ во всякомъ данномъ впечатлѣніи.

Откуда берутся эти признаки, и чѣмъ обусловливается ихъ раздѣльность?

Подробные отвѣты на этотъ вопросъ читатель найдетъ въ любомъ учебникѣ физіологіи; я же принужденъ ограничиться здѣсь немногими общими замѣчаніями.

Контуръ предмета, какъ линія его раздѣла отъ окружающей среды, принадлежитъ къ самымъ рѣзкимъ чертамъ всякаго видимаго образа. Съ другой стороны, глаза при смотрѣніи на предметъ всегда бѣгаютъ отъ одной характерной точки къ другой; слѣдовательно, пробѣгаютъ между прочимъ и по контуру. Поэтому во всѣхъ случаяхъ, когда плоскостная форма предмета отличается опредѣленностью, слѣдъ въ сферѣ мышечнаго чувства, оставляемый передвиженіями глазныхъ осей по контуру, будетъ тоже опредѣленнымъ.

Если разсматриваемый предметъ стоитъ отъ насъ вправо, то мы бываемъ принуждены повертывать въ его сторону глаза или голову. Къ зрительному чувствованію присоединяется, такимъ образомъ, опредѣленная по направленію мышечная реакція, повторяющаяся въ жизни тысячи разъ; и въ концѣ-концовъ она становится для сознанія знàкомъ, въ какомъ направленіи видится предметъ.

Опредѣлителемъ удаленія предмета является опять упражненное мышечное чувство, соотвѣтствующее степени сведенія зрительныхъ осей.

Величина предмета стоитъ въ связи съ предыдущимъ моментомъ и угломъ зрѣнія, измѣряемымъ, въ свою очередь, мышечными движеніями.

Тѣлесность опредѣляется извѣстной несовпадаемостью образовъ на сѣтчаткахъ обоихъ глазъ и, вѣроятно, соизмѣреніемъ ихъ при посредствѣ очень мелкихъ передвиженій глазныхъ осей.

Движенія предметовъ опредѣляются и со стороны направленія, и со стороны скорости, соотвѣтственными передвиженіями глазныхъ осей (мы слѣдимъ глазами за движущимися предметами).

Наконецъ, видѣніе цвѣтовъ есть актъ равнозначный видѣнію свѣта вообще, такъ какъ безцвѣтнаго свѣта не существуетъ.

Эта именно сумма двигательныхъ реакцій, съ сопровождающими ее различными, но опредѣленными формами мышечнаго чувства, и составляетъ во всей ея совокупности такъ-называемое умѣнье смотрѣть — искусство, которому ребенокъ выучивается гораздо раньше, чѣмъ ходьбѣ. Повторяясь въ теченіи всей жизни ежеминутно, весь комплексъ движеній слаживается [координируется] мало-по-малу въ группу столько же стройную и привычную, какъ ходьба или любое движеніе руки и столь же легко воспроизводимую, какъ послѣднія. Вмѣстѣ съ движеніями упражняется и сопровождающее ихъ мышечное чувство. Оно, въ свою очередь, координируется въ стройную систему знаковъ, которые, присоединяясь къ эффектамъ возбужденія сѣтчатки, становятся опредѣлителями всѣхъ пространственныхъ сторонъ видѣнія.

Значитъ, въ сущности, зрительнымъ признакамъ всякаго видимаго предмета соотвѣтствуетъ *ассоціація* одного и того же эффекта возбужденія сѣтчатокъ съ различными, но совершенно опредѣленными формами мышечнаго чувства; или, что́ то же, ассоціація одного и того же свѣтового эффекта съ дѣятельностями различныхъ мышечныхъ группъ, такъ какъ въ сведеніи зрительныхъ осей на фиксируемыя точки и въ передвиженіяхъ сведенныхъ осей съ точки на точку дѣйствуютъ разныя группы мышцъ. Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что —

— въ основѣ раздѣльности зрительныхъ признаковъ предмета лежитъ раздѣльность физіологическихъ реакцій, участвующихъ въ актахъ воспріятія впечатлѣній.

Видѣніе въ предметѣ его контуровъ, красокъ, величины, удаленія, направленія, тѣлесности и передвиженій, представляетъ координированную чувственную группу [вѣрнѣе—рядъ, потому что не всѣ реакціи происходятъ одновременно] въ томъ самомъ смыслѣ, какъ фазы ходьбы или громко произносимыя слова суть группы, координированныя изъ элементовъ движенія.

Еще рѣзче высказываются приведенные законы дробленія предметовъ на признаки и возсоединенія послѣднихъ въ координированныя группы на такихъ случаяхъ, гдѣ въ чувственномъ ряду сталкиваются дѣятельности различныхъ органовъ чувствъ. Примѣръ пояснитъ это всего лучше.

Апельсинъ мы чувствуемъ, какъ тѣло круглое или шарообразное, оранжеваго цвѣта, особеннаго запаха и вкуса. Въ этомъ сложномъ впечатлѣніи, контуръ предмета и цвѣтъ даются глазомъ; шарообразная форма—преимущественно рукой съ ея мышечной системой [но также и глазомъ]; а послѣднія два каче-

ства—обонятельнымъ и вкусовымъ снарядомъ. Совмѣщеніе чувственныхъ знаковъ могло происходить при разныхъ встрѣчахъ съ предметомъ частями, но также и всѣхъ разомъ. Глазъ видитъ апельсинъ; потомъ протягивается рука и схватываетъ его; затѣмъ, апельсинъ подносится ко рту и къ носу; новыя движенія—и ощущенія запаха и вкуса. Путемъ повторенія рядъ зарегистровывается въ памяти; раздѣльныя двигательныя реакціи стушевываются, но связанныя съ ними формы мышечнаго чувства—нѣтъ, потому что въ воспоминаніи остается величина предмета, его шаровидность и даже направленіе, въ которомъ находился апельсинъ относительно субъекта. Въ концѣ-концовъ получается ассоціированная чувственная группа, звенья которой даны раздѣльными реакціями зрительнаго, осязательнаго, обонятельнаго и вкусоваго аппаратовъ.

Понятно, что подобныхъ группъ бездна, и всего больше такихъ, гдѣ ассоціированы зрительные продукты съ осязательными, такъ какъ всѣ безъ исключенія земныя тѣла [за исключеніемъ развѣ воздуха] видимы и осязаемы, не будучи въ то же время непремѣнно звучащими, пахучими или ощутимыми на вкусъ. Понятно далѣе, что совмѣщеніемъ всѣхъ свойствъ или признаковъ, доступныхъ чувствамъ, и опредѣляется собственно чувственный образъ всякаго предмета.

Зависимость признаковъ въ предметахъ отъ раздѣльности физіологическихъ реакцій воспріятія можно было бы вести далѣе, сопоставляя свойства воспринимающихъ снарядовъ, которыя извѣстны изъ анатоміи и физіологіи органовъ чувствъ, съ свойствами предметовъ, извѣстными изъ общежитія. Но я не стану дѣлать этихъ сопоставленій, такъ какъ вопросъ выясненъ и безъ того достаточно, при помощи подобной параллели между свойствами зрительнаго снаряда и зрительными признаками предметовъ [1]). Скажу прямо:

—*всѣ вообще признаки или свойства предметовъ, доступные*

---

[1]) Очень поучительно также въ этомъ отношеніи попарное сопоставленіе физіологическихъ свойствъ и чувственныхъ продуктовъ высшихъ и низшихъ органовъ чувствъ, напримѣръ, зрѣнія съ обоняніемъ, слуха со вкусомъ. Организація обонятельныхъ и вкусовыхъ снарядовъ у человѣка, сравнительно съ зрѣніемъ, осязаніемъ и слухомъ, очень низка, и соотвѣтственно этому вкусовыя и обонятельныя ощущенія расчленимы въ чрезвычайно слабой степени. Это видно уже изъ того, что для обозначенія запаховъ мы заимствуемъ имена бóльшею частію отъ пахучихъ предметовъ [фіалковый, жасминный, огуречный запахъ] и различаемъ въ ощущеніи только интенсивность и пріятность, тогда какъ въ звукѣ чувствуется, кромѣ этихъ сторонъ, протяженность, высота, тэмбръ и безчисленное количество модификацій основныхъ свойствъ, когда звуки дѣйствуютъ рядами.

чувству, суть продукты раздѣльныхъ физіологическихъ реакцій воспріятія, и число первыхъ строго опредѣляется числомъ послѣднихъ.

Для глаза разныхъ реакцій насчитываютъ *семь*, и столько же категорій признаковъ (цвѣтъ, плоскостная форма, величина, удаленіе, направленіе, тѣлесность и движеніе). Для осязанія, въ связи съ мышечнымъ чувствомъ руки и всего тѣла, число реакцій доходитъ, по меньшей мѣрѣ, до *девяти*, и имъ соотвѣтствуютъ: теплота, плоскостная форма, величина, удаленіе, направленіе, тѣлесность, сдавливаемость, вѣсъ и движеніе. Для слуха число основныхъ реакцій и признаковъ не превышаетъ *трехъ* (протяжность во времени, высота и тэмбръ). Наконецъ, въ обоняніи и вкусѣ формы реакцій единичны. Стало быть, наибольшее число чувственныхъ признаковъ въ предметѣ не можетъ превышать 21. Но не нужно забывать, что это категоріи, допускающія тьму индивидуальныхъ колебаній въ предѣлахъ рамки 21.

Акты различенія во внѣшнихъ предметахъ ихъ качествъ или признаковъ свойственны, безъ всякаго сомнѣнія, какъ дѣтямъ, такъ и животнымъ, потому что и послѣднія обладаютъ способностью узнавать предметы по отдѣльнымъ признакамъ. Для нихъ эта способность даже важнѣе въ практическомъ отношеніи, чѣмъ для ребенка, потому что они живутъ вѣчно на военномъ положеніи, окруженные непріятелями, и оріентація между внѣшними предметами на бѣгу, по намекамъ, составляетъ для нихъ сущую необходимость.

Несомнѣнно также, что различеніе признаковъ достигается во многихъ случаяхъ и у животныхъ путемъ личнаго опыта, т.-е. при посредствѣ повторительныхъ встрѣчъ съ предметами. Собака не выпрыгнетъ изъ окна третьяго этажа, не ткнется мордой въ огонь и не испугается своего образа въ зеркалѣ, если она знакома изъ опыта съ условіями спрыгиванья, свойствами огня и зеркала. Но, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ другихъ случаяхъ познаніе свойствъ предметовъ какъ будто родится у животныхъ готовымъ на свѣтъ, наслѣдуется ими отъ родителей. Въ прежнее время всѣ подобные факты могли только изумлять наблюдателей и клали непроходимую бездну между психической организаціей человѣка и животныхъ, теперь же можно до извѣстной степени понять, въ чемъ тутъ разница. Съ той минуты, какъ дознано, что и у человѣка акты чувственнаго воспріятія наклонны координироваться въ группы, сходныя съ актами локомоціи или привычными движеніями рукъ, нечего

удивляться болѣе, что чувственныя группы могутъ быть въ той же мѣрѣ прирожденными, какъ локомоція. Кромѣ того, при обсужденіи всѣхъ подобныхъ вопросовъ, необходимо принимать во вниманіе, что срокъ психическаго развитія у животныхъ несравненно короче, чѣмъ у человѣка, слѣдовательно, то, что̀ совершается у ребенка въ мѣсяцы, дѣлается, напримѣръ, у собаки въ дни.

Какъ бы то ни было, но различеніе въ предметахъ ихъ свойствъ не есть еще мышленіе предметами и ихъ свойствами, какъ это доказалъ Гельмгольтцъ. Ребенокъ видитъ (т.-е. чувствуетъ) форму предметовъ, ихъ величину, удаленіе, вѣроятно, съ такою же ясностью, какъ взрослый, и умѣетъ пользоваться въ своихъ движеніяхъ показаніями расчлененнаго чувства [поворачиваетъ голову на зовъ, хватаетъ руками предметы, опредѣляя вѣрно ихъ направленіе и удаленіе], но дѣйствія его не суть продукты размышленія, а привычныя послѣдствія расчлененнаго чувствованія, хотя съ виду они и имѣютъ умозаключительный характеръ. Въ виду такого сходства Гельмгольтцъ прямо обозначаетъ отдѣльные акты пространственнаго видѣнія у ребенка словами «безсознательныя умозаключенія» («unbewusste Schlüsse»); и данныя для умозаключительныхъ актовъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ существуютъ [см. ниже: *выводы*], только не слѣдуетъ думать, чтобы дѣйствія ребенка и животнаго вытекали изъ разсужденій въ формѣ силлогизмовъ.

Предположимъ, напримѣръ, такую сцену: невдалекѣ отъ своего дома, лицомъ къ нему, сидитъ собака; домъ отъ нея влѣво; правѣе дома начинается лѣсъ; затѣмъ лѣсная просѣка и опять лѣсъ; вдругъ на свѣтломъ фонѣ просѣки является заяцъ, и собака мчится во весь духъ прямо къ нему. Видя это, можно было бы, конечно, подумать, что психическій процессъ, происходившій на душѣ у собаки, будучи переведенъ на слова, имѣлъ приблизительно такую форму: «я вижу передъ собою домъ, лѣсъ и лѣсную просѣку съ зайцемъ; заяцъ отъ меня вправо, *слѣдовательно* мнѣ нужно взять вправо и бѣжать къ нему по прямой линіи, сломя голову, *такъ какъ* заяцъ скачетъ очень быстро». Но въ дѣйствительности дѣло происходитъ очевидно проще: чтобы узнать зайца справа, для этого достаточно нѣсколькихъ долей секунды, и если впечатлѣніе достаточно импульсивно, то оно тотчасъ же вызываетъ двигательную реакцію въ свою сторону. Если собака голодна, то движеніе произойдетъ, вѣроятно, еще быстрѣе, но не оттого, что къ прежнимъ силлогизмамъ прибавятся новыя соображенія о зайцѣ, какъ лакомомъ кускѣ, а просто

по причинѣ усиленія импульсивности впечатлѣнія. Все дѣло здѣсь въ быстромъ узнаваніи предмета съ его специфическими и пространственными особенностями и въ привычномъ умѣньи приноравливать передвиженія своего тѣла къ послѣднимъ.

Повторяю опять, на этой ступени развитія расчлененное чувствованіе, какъ средство оріентаціи во времени и пространствѣ и какъ руководитель цѣлесообразныхъ дѣйствій, носитъ на себѣ всѣ внѣшніе характеры мышленія; но въ сущности представляетъ не что иное, какъ фазу расчлененныхъ чувственныхъ рядовъ, координированныхъ другъ съ другомъ и съ двигательными реакціями въ опредѣленныя группы. Это есть фаза *чувственно-автоматическаго мышленія*, которую едва ли сильно переступаетъ какое-либо животное въ дикомъ состояніи, но которая у человѣка непосредственно переходитъ въ такъ-называемое *конкретное предметное мышленіе.*

Отъ узнаванія предметовъ по отдѣльнымъ признакамъ, даваемаго предшествующей фазой развитія, ребенокъ непосредственно переходитъ къ мышленію внѣшними предметами и ихъ признаками или свойствами. Въ его сознаніи происходитъ сначала родъ какого-то отдѣленія *предмета* отъ *признака*, и уже отсюда получается возможность умственнаго сопоставленія ихъ рядомъ въ смыслѣ принадлежности одного другому. Когда ребенокъ сознательно говоритъ: «лошадь бѣжитъ», «дерево зелено», «камень твердъ», «снѣгъ бѣлъ», онъ приводитъ во-очію доказательства и разъединенія предмета отъ признаковъ, и рядоваго сопоставленія ихъ другъ съ другомъ.

Какъ же это дѣлается?

Въ былое время первый изъ нашихъ вопросовъ — актъ отвлеченія признаковъ отъ предмета — игралъ въ теоретическихъ воззрѣніяхъ на умственную жизнь человѣка первостепенную роль и нерѣдко служилъ краеугольнымъ камнемъ цѣлыхъ философскихъ системъ; но въ настоящее время обаяніе, внушаемое этимъ процессомъ, исчезло вмѣстѣ съ его таинственностью, и его смѣло можно причислить къ наиэлементарнѣйшимъ формамъ психической дѣятельности.

Чтобы понять это, намъ слѣдуетъ возвратиться къ тому, что́ было сказано выше, по поводу различенія въ предметахъ зрительныхъ признаковъ. Развитіе этой способности, какъ читатель помнитъ, было поставлено въ связь съ развитіемъ [путемъ упражненія] мышечнаго чувства, сопровождающаго двигательныя реакціи глаза при разсматриваніи предметовъ. Но тамъ ни слова не

было упомянуто о тѣхъ исходныхъ формахъ пространственнаго видѣнія, которыя въ упражненномъ глазу расчленяются въ контуръ, величину, удаленіе и проч.; а онѣ должны быть, иначе нечему было бы расчленяться.

У новорожденнаго внѣшніе предметы даютъ на сѣтчаткѣ такіе же образы, какъ у взрослаго, и сѣтчатка его тоже устроена на точечное воспріятіе свѣтовыхъ впечатлѣній; значитъ, плоскостный образъ предметовъ, включая въ него и контуръ, долженъ чувствоваться ребенкомъ такъ же или почти такъ же, какъ взрослымъ. Но у него нѣтъ въ началѣ умѣнья смотрѣть, т.-е. сводить зрительныя оси глазъ на одну точку и затѣмъ передвигать ихъ сведенными по контуру или вообще отъ одной характерной точки предмета къ другой. Поэтому *верхъ*, *низъ*, *правая* и *лѣвая* сторона предмета, равно какъ величина его и удаленіе, чувствуются вначалѣ безразлично. Когда же искусство смотрѣнія пріобрѣтено, оно даетъ ребенку множество готовыхъ формъ передвиженія глазъ, заученныхъ въ связи съ мѣстомъ возбужденія сѣтчатки. Вслѣдствіе ежеминутно повторяющагося передвиженія глазъ прямо вверхъ или внизъ, когда они переходятъ отъ разсматриванія верхнихъ частей предмета къ нижнимъ, или, что то же, отъ нижнихъ частей образа на сѣтчаткѣ къ верхнимъ [такъ какъ образъ на сѣтчаткѣ имѣетъ извращенное положеніе], сѣтчатка перестаетъ быть пассивнымъ зеркаломъ внѣшнихъ картинъ, относящимся безразлично къ тому, лежитъ ли мѣсто возбужденія ея въ верхней половинѣ глаза или въ нижней, справа или слѣва. Подъ руководствомъ упражненнаго мышечнаго чувства въ ней развивается мало-по-малу самостоятельное чувство мѣстности, въ силу котораго всякое возбужденіе ея нижней половины непосредственно объективируется вверхъ [т.-е. чувствуется, какъ свѣтовое вліяніе, исходящее сверху], возбужденіе верхней внизъ, правой половины—влѣво и т. д. Въ концѣ-концовъ сѣтчатка упражненнаго глаза дѣлается способной видѣть, безъ передвиженія глаза, мгновенно, контуръ предметовъ, ихъ величину и направленіе [очень несовершенно—удаленіе и тѣлесность] [1]).

Благодаря этому, для ребенка съ сѣтчатками, упражненными въ дѣлѣ локализаціи свѣтовыхъ впечатлѣній, является возможность видѣть каждый предметъ послѣдовательно въ двухъ разныхъ формахъ: въ первый мигъ чувствовать наиболѣе характерныя особенности его плоскостнаго образа и узнавать по нимъ

---

[1]) Этимъ и объясняется способность глазъ узнавать предметы при мгновенномъ освѣщеніи ихъ электрической искрой, о чемъ говорилось въ гл. III стр. 89 (В. Е. мартъ).

предметъ, а затѣмъ, когда зрительныя оси упали на какую-нибудь часть предмета въ отдѣльности, видѣть послѣднюю ярче прочихъ. Первые два акта знакомы намъ изъ прежняго и составляютъ случай воспроизведенія координированной группы черезъ намекъ на одного или нѣсколькихъ изъ ея членовъ. Процессъ идетъ, какъ мы знаемъ, такъ быстро, что обѣ половины его чувствуются единично, и чувствуются конечно, какъ *цѣльный предметъ*, хотя въ немъ яркаго можетъ быть только одинъ контуръ [не даромъ дѣти и вообще люди на низкихъ ступеняхъ развитія изображаютъ даже тѣлесные предметы одними контурами]. Когда же вслѣдъ затѣмъ является въ сознаніи съ особенной яркостью какая-нибудь часть предмета, рѣзкая по формѣ или краскѣ, то получается въ сознаніи *сопоставленіе цѣлаго предмета* съ *отдѣльнымъ его признакомъ.* Акты видѣнія повторяются у ребенка неизмѣнно въ этой общей формѣ многія тысячи разъ, такими же зарегистровываются въ памяти и въ той же формѣ воспроизводятся при малѣйшемъ намекѣ въ сознаніи.

Отсюда уже явно слѣдуетъ, что—

—*въ основѣ умственнаго отвлеченія частей и признаковъ отъ предмета, какъ цѣлаго, лежитъ раздѣльность и различіе физіологическихъ реакцій воспріятія; предмету соотвѣтствуетъ первый общій эффектъ внѣшняго импульса, а признаку—частная реакція детальнаго видѣнія.*

Другимъ и болѣе общимъ условіемъ отвлеченія признаковъ отъ предметовъ служитъ измѣнчивость внѣшнихъ воздѣйствій, при повтореніи однородныхъ впечатлѣній, и измѣнчивость субъективныхъ условій ихъ воспріятія. Одинъ и тотъ же предметъ при разныхъ условіяхъ освѣщенія и при разсматриваніи съ разныхъ точекъ зрѣнія можетъ мѣнять цвѣтъ и форму, казаться на ощупь то теплымъ, то холоднымъ; сокращаться при удаленіи въ маленькую фигуру, а приближаясь выростать въ большой образъ и т. д. Еще больше подобныхъ колебаній представляютъ, конечно, впечатлѣнія отъ однородныхъ, но индивидуальныхъ предметовъ. Результатомъ этого является, какъ мы знаемъ, обособленіе въ чувственной группѣ (соотвѣтствующей предмету) признаковъ болѣе и менѣе постоянныхъ. Первые зарегистровываются въ памяти прочнѣе, образуютъ группу болѣе сплоченную, и воспроизводятся въ предѣлахъ этой группы всего легче, хотя намекомъ, воспроизводящимъ ее, можетъ служить любой изъ измѣнчивыхъ признаковъ. При этомъ условіи, *воспроизводимая группа, какъ часть наиболѣе постоянная въ чувствованіи и предметѣ, ста-*

новится эквивалентомъ цѣлаго предмета, а воспроизводящій чувственный намекъ—признакомъ его.

Дѣло сводится, какъ читатель видитъ, къ тому, что уже много разъ было говорено по поводу расчлененія обширныхъ предметныхъ группъ на отдѣльные предметы—и отдѣльныхъ предметовъ на признаки; и это дѣйствительно составляетъ начало отвлеченія отъ группы частей, разумѣть ли подъ нею обширную группу цѣльныхъ предметовъ, или отдѣльный предметъ, какъ группу признаковъ. Самый же актъ отвлеченія заключается въ возможности сопоставленія группы съ частью. Въ послѣднемъ отношеніи между обширными предметными группами и отдѣльными предметами оказывается, впрочемъ, нѣкоторая разница. Первыя, какъ сочетанія крайне измѣнчивыя по содержанію, имѣютъ мало шансовъ запоминаться группами и распадаются поэтому при повтореніи впечатлѣній преимущественно на составные элементы, т.-е. отдѣльные предметы; тогда какъ послѣдніе, будучи группами несравненно болѣе узкими и постоянными, запоминаются и воспроизводятся какъ цѣликомъ, такъ и частями [см. выше 459 стр., гдѣ говорилось о сравнительной трудности для ребенка мыслить предметными группами]. Итакъ:

—хотя общія условія расчлененія предметовъ на признаки тѣ же, что условія расчлененія обширныхъ группъ на отдѣльные предметы, а именно: измѣнчивость объективныхъ и субъективныхъ условій воспріятія; но продукты расчлененія отличаются въ обоихъ случаяхъ въ слѣдующемъ отношеніи: обширная группа, какъ сочетаніе крайне измѣнчивое, зарегистровывается преимущественно въ раздробь и только въ исключительныхъ случаяхъ цѣльной группой; тогда какъ предметъ, какъ группа болѣе узкая и постоянная, зарегистровывается и цѣликомъ, и въ раздробь.

Воспроизводясь въ послѣднихъ двухъ формахъ рядомъ, она составляетъ настоящую предметную мысль, въ которой объектами являются предметъ и его свойство, положеніе или состояніе.

Въ этой категоріи мыслей *раздѣльности объектовъ* соотвѣтствуетъ *раздѣльность физіологическихъ реакцій воспріятія и ихъ слѣдовъ въ нервной организаціи; сопоставленію* ихъ другъ съ другомъ—*преемственность распространенія нервнаго процесса* при актахъ воспроизведенія; а *связующимъ звеньямъ* (направленію сопостановленія) *частичное сходство* между послѣдовательными реакціями воспріятія и ихъ слѣдами въ памяти.

Только этимъ частнымъ сходствомъ между первоначальной

общей реакціей, соотвѣтствующей *предмету*, и детальной, соотвѣтствующей *признаку*, и объяснимо непосредственное чувствованіе тѣсной связи между ними, равно какъ вольность языка у всѣхъ народовъ, когда они, сопоставляя въ рѣчи предметъ съ признакомъ, какъ-бы приравниваютъ ихъ другъ къ другу, несмотря на то, что предметъ есть сумма, а признакъ—одно изъ слагаемыхъ. Другая вольность, ставить вмѣсто предмета какой-нибудь одинъ признакъ (напримѣръ, очень часто контуръ) тоже понятна изъ сказаннаго на послѣднихъ страницахъ и воспиталась, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ практической выгоды узнавать и обозначать предметы какъ можно быстрѣе по отдѣльнымъ намекамъ или признакамъ.

Разбирать подробно дальнѣйшіе случаи конкретнаго предметнаго мышленія, когда объектами мысли является не одинъ предметъ и его признакъ, а два или болѣе отдѣльныхъ предмета, я не стану, потому что это значило бы повторять сказанное. Въ самомъ дѣлѣ, когда упражненный въ видѣніи глазъ ребенка переходитъ съ одного предмета на другой, въ сознаніи его сопоставляется рядъ сгруппированныхъ чувственныхъ продуктовъ совершенно такимъ же образомъ, какъ сопоставлялся прежде предметъ съ признакомъ, съ тою лишь разницею, что теперь сопоставленіе возможно въ болѣе разнообразныхъ направленіяхъ—тамъ исключительно по сходству, а здѣсь по сходству и со стороны пространственныхъ и преемственныхъ отношеній. Каждая сосѣдняя пара связывается такимъ образомъ въ сознаніи опредѣленнымъ отношеніемъ, зарегистровывается вмѣстѣ съ нимъ въ памяти и при удобныхъ условіяхъ можетъ воспроизводиться въ сознаніи вновь, являясь теперь въ формѣ предметной мысли. На сколько послѣдовательныя реакціи воспріятія сходны между собой,—связующимъ отношеніемъ между объектами мысли является сходство или различіе; насколько въ переходѣ отъ одного предмета къ другому были замѣшаны двигательныя реакціи наблюдателя (а онѣ всегда есть),—объекты связываются пространственными или преемственными отношеніями. Словомъ и здѣсь—

—*мысль есть не болѣе, какъ актъ воспроизведенія расчлененной чувственной группы, состоящей по меньшей мѣрѣ изъ трехъ раздѣльныхъ реакцій воспріятія. Двумъ крайнимъ соотвѣтствуютъ обыкновенно объекты мысли, а промежуточной—связующее ихъ отношеніе.*

Насколько велика сфера приложенія этой общей формулы, легко видѣть изъ того, что въ мысли можно сопоставлять другъ

съ другомъ любые два предмета внѣшняго міра, какъ бы разнородны они ни были—песчинку съ солнцемъ, человѣка съ пылинкой, городъ со щепкой и т. п.,—лишь бы существовали условія послѣдовательнаго появленія ихъ въ сознаніи. Разъ условія есть, отношеніе между объектами не можетъ не найтись, потому что органы и процессы воспріятія для всѣхъ предметовъ у человѣка одни и тѣ же.

Формула наша приложима, наконецъ, къ такъ-называемымъ цѣпямъ или рядамъ мыслей, потому что они образуются изъ сцѣпленія послѣдовательныхъ паръ другъ съ другомъ, когда чувствующій субъектъ переходитъ послѣдовательно черезъ цѣлый рядъ предметовъ. Эти цѣпи въ свою очередь способны зарегистровываться цѣликомъ, и, воспроизводясь въ словесной формѣ, составляютъ то, что̀ обыкновенно называютъ описаніемъ мѣстностей, сценъ и событій.

Здѣсь я остановлюсь, чтобы сказать нѣсколько заключительныхъ словъ, касательно фазы конкретнаго предметнаго мышленія или мышленія дѣйствительными внѣшними предметами и ихъ признаками.

На этой ступени развитія, длящейся очень короткое время (причину этому см. ниже, стр. 479), мысль ребенка почти нисколько не отличается отъ реальнаго впечатлѣнія, относясь къ нему, какъ воспоминаніе относится къ дѣйствительно видѣнному и слышанному. Все ея содержаніе исчерпывается тѣмъ, что̀ можетъ дать упражненное искусство смотрѣть, слушать, осязать и обонять. Она, такъ сказать, скользитъ по чувственной поверхности предметовъ и явленій, схватывая въ нихъ лишь то, что̀ непосредственно доступно видѣнію, слуху и осязанію. Такая мысль въ самомъ счастливомъ случаѣ можетъ воспроизводить дѣйствительность только рабски—фотографически, притомъ только съ чисто внѣшней стороны. Для нея недоступны тѣ существенныя связи между предметами и тѣ тонкія предметныя отношенія, которыми пользуется взрослый для житейскихъ нуждъ, и которыя составляютъ въ то же время пружины внѣшней жизни, придавая ея явленіямъ опредѣленное значеніе и смыслъ. Сфера личнаго опыта ребенка ограничивается за первые годы, можетъ быть, какими нибудь сотнями такихъ встрѣчъ, изъ которыхъ могли бы выясниться для него нѣкоторыя связи этого рода, но онѣ навѣрняка перемѣшаны съ тысячами другихъ, гдѣ отношенія не существенны и случайны. Въ жизни, какъ и въ наукѣ, связи перваго рода, открываемыя опытомъ, рѣдко лежатъ на поверхности

явленій—онѣ замаскированы обыкновенно явленіями побочными, несущественными. Кромѣ того, срокъ личнаго опыта ребенка тянется всего мѣсяцы, а сроки многихъ явленій или перемѣнъ во внѣшней жизни длятся годы. Ребенокъ живетъ почти исключительно настоящей минутой, а взрослый на половину живетъ и дѣйствуетъ для будущаго.

Если бы поэтому задачей послѣдующей фазы умственнаго развитія человѣка мы поставили способность различать существенныя предметныя связи и зависимости—разумѣется, между самыми обыденными предметами—отъ случайныхъ и знакомство съ сроками опять-таки самыхъ обыденныхъ явленій; то и тогда фаза эта должна была бы выдти очень длинной. Въ сущности, даже на эти двѣ не высокія цѣли не хватило бы срока индивидуальной жизни человѣка, если бы онъ былъ предоставленъ исключительно своему личному опыту и въ его умственной жизни не произошло никакого перелома. По счастію, ребенокъ культурныхъ расъ уже съ самой колыбели окруженъ, на ряду съ естественными вліяніями, искусственными сочетаніями предметовъ и отношеній, которыя создала культура, надъ которыми работала мысль въ теченіи вѣковъ. Съ самыхъ раннихъ поръ ему приподносятъ и дѣломъ и словомъ готовыя формы чужого опыта, снимая съ его слабыхъ плечъ тяжелый трудъ дознаванія собственнымъ умомъ. Но какъ бы наглядно ни было первоначальное обученіе, учителю нельзя обойтись безъ системы сокращенныхъ знаковъ [т.-е. словъ, рисунковъ и вообще графическихъ изображеній], а въ ученикѣ должна быть дана почва для воспринятія и усвоенія символическихъ изображеній, иначе обученіе было бы безплодно. Не имѣя подъ собой почвы, символы или не воспринимались бы вовсе, какъ мы видимъ это на животныхъ, или ложились бы особнякомъ отъ продуктовъ продолжающагося личнаго опыта ребенка, какъ это бываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда приподносимая умственная пища не по лѣтамъ воспитанника.

Для того, чтобы символическая передача фактовъ изъ внѣшняго міра усвоивалась имъ, необходимо, чтобы символичность передаваемаго и по содержанію и по степени соотвѣтствовала происходящей внутри ребенка, помимо всякаго обученія, символизаціи впечатлѣній.

Вотъ эта-то таинственная работа превращенія чувственныхъ продуктовъ въ менѣе и менѣе чувственные съ виду символы, рядомъ съ прирожденной способностью къ рѣчи, и даетъ возможность человѣку сливать продукты чужого опыта съ показаніями собственнаго [это и значитъ усвоивать передаваемое], со-

ставляя въ то же время самую характерную черту всего его послѣдующаго умственнаго развитія.

Эта фаза психической эволюціи въ области мышленія начинается какъ будто крупнымъ переломомъ [но въ сущности, какъ мы то вскорѣ увидимъ, этого нѣтъ]:—ребенокъ думалъ, думалъ чувственными конкретами, и вдругъ объектами мысли являются у него не копіи съ дѣйствительности, а какіе-то отголоски ея, сначала очень близкіе къ реальному порядку вещей, но мало-помалу удаляющіеся отъ своихъ источниковъ настолько, что съ виду обрывается всякая связь между знакомъ или символомъ и его чувственнымъ корнемъ.

Эти знаки или символы принято называть *абстрактами* или *умственными отвлеченіями* отъ реальнаго порядка вещей;—на этомъ основаніи всю соотвѣтствующую фазу развитія называютъ *абстрактнымъ* или *отвлеченнымъ*, также *символическимъ мышленіемъ*.

Начинаясь съ очень ранняго дѣтства, фаза эта длится безъ всякихъ переломовъ всю остальную жизнь человѣка. Это не значитъ однако, что элементы, изъ которыхъ слагается отвлеченная мысль, разъ сформировавшись, не измѣняются болѣе—они, наоборотъ, развиваются у людей изъ вѣка въ вѣкъ, но развиваются безъ переломовъ: — абстракты отъ одного и того же чувственнаго корня отличаются другъ отъ друга скорѣе количественно, чѣмъ качественно, и получаются путемъ однѣхъ и тѣхъ же умственныхъ операцій сначала надъ корнями, а потомъ надъ продуктами 1-й, 2-й, 3-й и послѣдующихъ ступеней превращеній.

Съ этой минуты задачей нашей будетъ изученіе условій развитія *отвлеченнаго мышленія*.

Прежде всего я постараюсь установить границы и планъ изслѣдованія, такъ какъ относящаяся сюда область явленій, обнимая собою всю сумму человѣческихъ знаній, представляетъ безконечное разнообразіе.

1) Выше было замѣчено, что самою характерною чертою отвлеченной мысли служитъ символичность ея объектовъ, различающаяся по степенямъ. Чѣмъ ближе производный продуктъ къ своему чувственному корню, тѣмъ больше въ немъ сходствъ съ дѣйствительностью, и наоборотъ. На извѣстномъ же удаленіи отъ него объектъ теряетъ всякую чувственную оболочку и превращается во внѣ-чувственный знакъ.

Изученіе условій символизаціи чувственныхъ впечатлѣній и

производныхъ отъ нихъ формъ 1-го и 2-го и т. д. порядковъ должно составлять нашу первую задачу.

2) По мѣрѣ того, какъ умственное развитіе подвигается впередъ, человѣкъ перестаетъ мало-по-малу довольствоваться непосредственными показаніями своихъ чувствъ. Даже ребенка въ 2—3 года начинаютъ волновать вопросы: «какъ?», «зачѣмъ?» и «почему?» Отвѣты на нихъ составляютъ, какъ извѣстно, такъ-называемое *толкованіе явленій*—форму умственной дѣятельности, которая съ виду носитъ какой-то активный характеръ [въ отличіе отъ формъ, которыми человѣкъ констатируетъ факты или описываетъ ихъ] и всегда служила главнымъ основаніемъ для признанія въ человѣкѣ дѣятельнаго начала—ума, какъ истолкователя фактовъ. Разъясненіе этой формы психической дѣятельности составитъ вторую нашу задачу.

3) Послѣдней цѣлью я ставлю себѣ разъясненіе условій перехода мысли изъ чувственной области во внѣ-чувственную, и разборъ нѣсколькихъ общихъ случаевъ такого перехода.

Въ отношеніи каждаго изъ трехъ пунктовъ изученіе должно собственно заключаться въ рѣшеніи вопросовъ, какими изъ извѣстныхъ уже намъ прирожденныхъ свойствъ развивающейся нервной организаціи или какими новыми свойствами ея объяснимы всѣ три категоріи явленій; и остается ли для этой фазы развитія форма внѣшнихъ вліяній прежняя, или въ образѣ ихъ дѣйствія есть еще стороны, о которыхъ не было упомянуто. Другими словами, объяснимы ли всѣ существенные характеры отвлеченнаго мышленія съ точки зрѣнія гипотезы Спенсера, или нѣтъ; составляетъ ли оно только фазу развитія, тождественную и по основнымъ началамъ и по типу предшествующимъ, или въ немъ участвуютъ помимо старыхъ факторовъ дѣятели новаго рода.

Читатель, мало-мальски знакомый съ сущностью этихъ вопросовъ, пойметъ, однако, напередъ, что я далекъ отъ мысли рѣшать ихъ исчерпывающимъ образомъ; это значило бы—ни много, ни мало—выразить въ терминахъ нервно-психической организаціи и внѣшнихъ воздѣйствій разницу между животнымъ и человѣкомъ [такъ какъ отвлеченное мышленіе, насколько извѣстно, свойственно только человѣку], — выразить въ такое время, когда мы не знаемъ ни анатомически, ни физіологически существенныхъ разницъ въ организаціи мозга у того и другого, и вообще очень еще далеки отъ подробнаго познанія смысла этой организаціи. Единственная цѣль, которую я себѣ ставлю,—но ее я ставлю совершенно сознательно,—заключается въ разрѣшеніи трехъ общихъ вопросовъ:

—измѣняется ли природа мысли по содержанію и со стороны процесса, когда она становится символической? — когда она принимаетъ форму истолкованія явленій? и когда переходитъ во внѣ-чувственную область?

Во главѣ всего я ставлю два положенія, о которыхъ было уже упомянуто въ началѣ этого очерка—

—форма мысли, какъ сопоставленіе объектовъ другъ съ другомъ въ какомъ-либо отношеніи, остается неизмѣнной на всѣхъ ступеняхъ отвлеченія;

—общія направленія сопоставленій—сходство, пространственная и преемственная связь—тоже не измѣняются, пока мысль остается въ чувственной области.

Положенія эти, выработанныя, какъ я уже говорилъ, вѣковымъ (грамматическимъ и логическимъ) анализомъ словесныхъ образовъ мыслей разныхъ порядковъ, взятыхъ изъ разныхъ областей знанія, не нуждаются, по счастію, въ доказательствахъ [1]); а между тѣмъ при ихъ посредствѣ въ значительной мѣрѣ облегчается задача описанія явленій отвлеченнаго мышленія.

Если въ самомъ дѣлѣ мысль на всѣхъ ступеняхъ отвлеченія сохраняетъ форму сопоставленія объектовъ другъ съ другомъ въ извѣстномъ отношеніи, то и со стороны процесса она должна оставаться неизмѣнной, потому что сопоставленію соотвѣтствуетъ, какъ мы знаемъ, рядовое или послѣдовательное развитіе раздѣльныхъ нервныхъ актовъ—и ничего болѣе. Въ чувственномъ мышленіи это опредѣлялось раздѣльностью и послѣдовательнымъ развитіемъ реакцій воспріятія, которыя, повторяясь въ одной и той же формѣ множество разъ, зарегистровывались въ соотвѣтственной формѣ въ памяти и воспроизводились въ видѣ ряда въ сознаніи. Значитъ, теперь въ области отвлеченнаго мышленія процессъ будетъ прежній, лишь бы раздѣльности элементовъ абстрактной мысли соотвѣтствовала раздѣльность физіологическихъ реак-

---

[1]) Относительно перваго положенія сомнѣній ни у кого быть не можетъ; для того же, чтобы помочь читателю выдти съ-разу изъ всякихъ затрудненій по поводу второго, я предлагаю размыслить, существуютъ ли въ области человѣческаго знанія такіе факты, доступные чувству, которые не совершались бы во времени или пространствѣ. Если нѣтъ, то второй пунктъ на ²/₃ доказанъ. Кромѣ того, извѣстно, что при научной разработкѣ всякихъ вообще явленій или фактовъ, изслѣдователю приходится разлагать сложное въ пространствѣ или во времени на составныя части и затѣмъ классифицировать сложные и расчлененные продукты по сходству—это и есть анализъ въ трехъ главныхъ направленіяхъ. Въ концѣ-концовъ изслѣдователь стремится подвести возможно бóльшую сумму фактовъ подъ возможно мéньшее число формулъ—это опять анализъ и классификація по сходству.

цій,—тѣмъ болѣе, что направленіе сопоставленій остается неизмѣннымъ.

Это обстоятельство съ-разу избавляетъ меня отъ труда говорить объ отвлеченной мысли, какъ процессѣ, о регистраціи ея въ памяти и актахъ воспроизведенія, — *все остается прежнее, лишь бы было доказано, что раздѣльности элементовъ абстрактной мысли соотвѣтствуетъ раздѣльность составляющихъ ее нервныхъ актовъ.*

Эту именно сторону дѣла я и буду имѣть преимущественно въ виду при разборѣ явленій символизаціи впечатлѣній, къ которому приступаю.

VI.

Мышленіе символами или отвлеченіями:—Внутренняя символизація впечатлѣній, или образованіе представленій и понятій.—Внѣшняя символизація, или облеченіе впечатлѣній, представленій и понятій въ условные знаки, и именно въ элементы рѣчи.

Если имѣть въ виду ту рѣзкую разницу между типическимъ абстрактомъ и типическимъ конкретомъ со стороны чувственной яркости, которая бросается въ глаза прежде всего, то можно подумать въ первую минуту, что подъ «символизаціей впечатлѣній» слѣдуетъ разумѣть всякія вообще превращенія чувственныхъ продуктовъ, при посредствѣ которыхъ они утрачиваютъ сходство съ своими первообразами все сильнѣе и сильнѣе, пока, наконецъ, не превратятся въ отрывки, выражающіе дѣйствительность условно. Такой взглядъ на дѣло былъ бы, однако, крайне ошибоченъ: тогда въ категорію символовъ, рядомъ съ дѣйствительными отвлеченіями, попадали бы условные знаки, продукты постепеннаго исчезанія изъ памяти впечатлѣній и, наконецъ, результаты неполнаго или неяснаго воспріятія ихъ. Нечего и говорить, что послѣднія двѣ формы должны быть исключены изъ категоріи символовъ абсолютно, потому что все забываемое и неясное уже въ чувственномъ воспріятіи, очевидно, не можетъ играть никакой дальнѣйшей роли въ умственной жизни человѣка. Не слѣдуетъ также смѣшивать другъ съ другомъ отвлеченій съ условными знаками (хотя на практикѣ проведеніе между ними раздѣльной грани бываетъ иногда очень трудно): символы перваго рода, какъ прямые продукты операцій отвлеченія надъ элементами расчлененнаго чувствованія, не могутъ заключать въ себѣ ничего, чтò не содержалось бы въ исходной формѣ [пока отвлеченная мысль

вращается въ предѣлахъ чувственности],—тогда какъ символы второго рода выражаютъ дѣйствительность, отражающуюся въ сознаніи человѣка не прямо, а условно. Символы перваго рода, по самому смыслу дѣла, выстраиваются изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, которые лежатъ въ основаніи расчлененной чувственной группы, — тогда какъ условные символы могутъ не имѣть съ символизируемымъ ничего общаго (напримѣръ, всѣ словесныя обозначенія зрительныхъ или осязательныхъ продуктовъ, гдѣ звуковыя группы символизируютъ форму, цвѣтъ, вѣсъ и проч.). Въ виду такого существеннаго различія, я раздѣлю весь предстоящій трактатъ на двѣ половины. Въ первой будетъ говориться о символизаціи впечатлѣній, происходящей внутри человѣка, помимо обученія [хотя обученіе ускоряетъ этотъ процессъ, можетъ быть, во многія сотни разъ], и всю область относящихся сюда явленій назову для краткости — *внутренней* символизаціей расчлененныхъ чувственныхъ продуктовъ. Для людей, знакомыхъ съ психологической терминологіей, эта фаза развитія характеризуется образованіемъ символическихъ продуктовъ, которыя принято называть *представленіями* и *понятіями* о *предметахъ*. Затѣмъ пойдетъ рѣчь о *внѣшней символизаціи* впечатлѣній, и подъ этими словами я буду разумѣть нашу способность придавать продуктамъ внутренней символизаціи внѣшнее выраженіе—облекать ихъ въ такую форму, при которой всѣ наши душевныя состоянія дѣлаются доступными для другихъ.

Другая мысль, невольно приходящая въ голову при сравненіи абстрактовъ съ конкретами, заключается въ томъ, что первые представляютъ сокращенныя группы признаковъ, замѣняющія (символизирующія) собою полныя суммы ихъ, и что въ составъ сокращеній входятъ признаки, наиболѣе характерные для предмета.

Въ этомъ воззрѣніи есть уже доля правды. Абстракты въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣйствительно представляютъ сокращенныя суммы признаковъ и на практикѣ очень часто употребляются взамѣнъ конкретовъ [какъ объ этомъ было вскользь упомянуто на стр. 471]; но не въ этомъ ихъ истинное значеніе. — *Абстрактъ есть сокращенная сумма отличительныхъ признаковъ не одного какого-нибудь конкрета, а цѣлыхъ группъ или рядовъ ихъ, и въ этомъ смыслѣ онъ представляетъ единичный знакъ, символизирующій множество.* Будучи во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ мѣриломъ сходствъ для предметовъ всякой данной группы, онъ, очевидно, долженъ измѣняться по содержанію вмѣстѣ съ измѣненіемъ предѣловъ послѣдней. Этому именно

и соотвѣтствують такъ-называемые абстракты разныхъ порядковъ или степеней.

Этихъ предварительныхъ замѣчаній уже достаточно, чтобы доказать на нѣсколькихъ простыхъ примѣрахъ слѣдующее крайне важное положеніе:

Внутренняя символизація впечатлѣній начинается въ самыя раннія эпохи дѣтства.

Представимъ себѣ на минуту міръ населеннымъ деревьями, озерами, рѣками и горами, какъ двѣ капли воды, похожими другъ на друга, то-есть представимъ себѣ всѣ вообще предметы лишенными индивидуальныхъ различій. Тогда запоминаніе ихъ было бы дѣломъ очень простымъ—разъ расчленена и заучёна данная форма, и она готова на всѣ дальнѣйшія жизненныя встрѣчи. Память у человѣка была бы наполнена, однако, не символами, а воспроизведеніями дѣйствительности, хотя и при этомъ условіи для множества однородныхъ предметовъ существовали бы единичныя формы.

Представимъ себѣ, съ другой стороны, что индивидуальныя различія существуютъ, и человѣкъ имѣетъ несчастіе запоминать всякую вещь со всѣми ея индивидуальными особенностями. Тогда въ его головѣ для всякаго самаго обыденнаго предмета — напримѣръ: дерева, камня, лошади — должны бы были сохраняться многія тысячи образовъ, и мышленіе человѣка, вѣроятно, остановилось бы на конкретахъ. По счастію, дѣло происходитъ иначе: въ силу уже извѣстнаго намъ закона регистраціи впечатлѣній по сходству, у человѣка въ памяти сливаются всѣ сходные предметы въ средніе итоги. Такъ, онъ мыслитъ дубомъ, березой, елью, хотя видалъ на своемъ вѣку эти предметы тысячи разъ въ разныхъ формахъ. Эти средніе продукты не будутъ уже точнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, такъ какъ при реальныхъ встрѣчахъ впечатлѣнія мѣнялись отъ одного случая къ другому; а между тѣмъ по смыслу они представляютъ единичные чувственные образы или знаки, замѣняющіе собою множество однородныхъ предметовъ.

Это символы 1-й инстанціи, которыми долженъ думать уже ребенокъ, если онъ видѣлъ расчлененно десятки березъ, собакъ и лошадей [1]).

Отъ средняго дуба, такой же ели и березы дѣтская мысль

[1]) На этомъ основаніи выше, на стр. 472, и было сказано, что мышленіе индивидуальными предметами длится очень короткое время.

переходить къ «дереву», какъ единичному образу или знаку для множества сходныхъ [неоднородныхъ] предметовъ. «Дерево» даже въ сознаніи ребенка не есть только словесный знакъ, а уже значительно расчлененный образъ. Рисуя его правильно — стволъ внизу, вѣтви выше, а листья на концахъ вѣтвей — онъ доказываетъ не только умѣнье отвлекать контуръ отъ предмета, но также различеніе частей и оцѣнку ихъ топографическихъ отношеній.

На этой ступени отвлеченія изъ чувственныхъ первообразовъ (т.-е. впечатлѣній отъ реальныхъ деревьевъ) выброшены признаки наиболѣе непостоянные [величина, тѣлесность, направленіе видѣнія и окрашенность частей], а остатокъ—древообразная фигура—сохраняющійся у большинства людей на всю жизнь, сдѣлался *сокращеннымъ символомъ* или сокращеннымъ знакомъ для извѣстнаго отдѣла внѣшнихъ предметовъ.

Происхожденіе всѣхъ подобныхъ сокращенныхъ символовъ— а у человѣка ихъ, очевидно, безчисленное количество, потому что контурами и отдѣльными штрихами можно воспроизводить дѣйствительность въ той же мѣрѣ, въ какой она воспроизводится живописью вообще—едва ли требуетъ разъясненій. Все дѣло здѣсь, во-первыхъ, въ раздѣльности физіологическихъ реакцій воспріятія, а во-вторыхъ, въ усиленіи слѣдовъ [въ организаціи] отъ тѣхъ изъ нихъ, которыя повторялись при воспріятіи сходственныхъ впечатлѣній всего чаще. Въ этомъ смыслѣ *всякій сокращенный символъ, въ родѣ приведеннаго, является по содержанію болѣе или менѣе дробной частью замѣняемаго имъ цѣльнаго предмета, а со стороны процесса—дробной частью всей суммы реакцій воспріятія* (точнѣе: слѣдомъ этихъ дробныхъ реакцій).

Насколько, слѣдовательно, у ребенка въ 2 — 3 года физіологическія реакціи воспріятія способны достигать ясной членораздѣльности, настолько онъ способенъ выдѣлять признаки изъ предметовъ, находить сходства между ними [т.-е. между признаками] и думать такими единичными отвлеченіями отъ множества.

Чѣмъ далѣе идетъ жизнь, тѣмъ обширнѣе и разнообразнѣе становится рядъ обозрѣваемыхъ предметовъ, тѣмъ разнообразнѣе сочетанія ихъ въ группы; а этими сочетаніями опредѣляются отношенія предметовъ другъ къ другу и къ воспринимающему человѣку.

Съ другой стороны, почва, на которую все это падаетъ, тоже не остается неизмѣнной. По мѣрѣ упражненія органовъ чувствъ и всей системы приспособительныхъ двигательныхъ реакцій тѣла

[включая сюда локомоцію и въ особенности движенія рукъ при схватываніи предметовъ и дробленіи ихъ на части], акты воспріятія становятся болѣе и болѣе дробными, сохраняя прежнюю физіологическую членораздѣльность. Соотвѣтственно этому, человѣкъ становится способнымъ выдѣлять изъ предметовъ болѣе и болѣе мелкія части и признаки — дробить ихъ физически и умственно сильнѣе и сильнѣе — и, въ то же время, проникать съ поверхности во внутренность предмета. Понятно, какое громадное число отдѣльныхъ чувственныхъ состояній должно возникнуть изъ анализа, предѣлы котораго даны, съ одной стороны, цѣлымъ ландшафтомъ, — съ другой, какой-нибудь маленькой песчинкой. И всѣ эти состоянія, проходя черезъ голову, должны стать элементами мысли! Вдумавшись въ это, перестаешь удивляться уже не разнообразію ея объектовъ, а тому, какъ можетъ умъ совладать съ такою громадною массою матеріала, не изнемочь подъ его бременемъ. Отвѣтъ на это, по счастью, не труденъ для пониманія. Рядомъ съ аналитическимъ процессомъ умноженія объектовъ мысли идетъ обратный синтетическій процессъ сочетанія тысячъ и милліоновъ сходныхъ индивидуальныхъ особенностей въ единичные термины или знаки; — рядомъ съ дробленіемъ идетъ сортировка осколковъ въ сходственныя группы и возсозиданіе изъ нихъ сначала частей раздробленныхъ предметовъ, а потомъ и самыхъ предметовъ. Что это не фраза — убѣдиться въ этомъ очень легко даже на дѣтскомъ «деревѣ». Чтобы быть дѣйствительно среднимъ терминомъ, оно должно состоять изъ средняго ствола, такихъ же вѣтвей и листьевъ. Значитъ, «дерево» является — по крайней мѣрѣ съ виду — какъ-бы продуктомъ многочисленныхъ дробленій, обобщенія частей и возсозиданія изъ обобщеній цѣлаго.

По отношенію къ каждому предмету въ отдѣльности, дробленіе или анализъ есть средство раскрытія всѣхъ его свойствъ; въ отношеніи же ко всѣмъ предметамъ въ совокупности — средство всеобщей классификаціи внѣшнихъ предметовъ по сходственнымъ признакамъ, причемъ собираніе раздробленныхъ частей въ группы бóльшей и бóльшей общности соотвѣтствуетъ образованію такъ-называемыхъ видовъ, родовъ, классовъ нашихъ классификаціонныхъ системъ.

Въ ряду всѣхъ этихъ процессовъ аналитическая работа дробленія предметовъ на части или признаки и сліяніе сходныхъ осколковъ въ средніе термины не представляютъ для насъ ничего новаго. Способность глаза, напримѣръ, видѣть въ предметѣ всякую точку въ отдѣльности — есть результатъ его организаціи;

способность наша выдѣлять часть изъ цѣлаго обусловливается, какъ мы знаемъ, раздѣльностью актовъ воспріятія; наконецъ, сліяніе сходныхъ осколковъ въ средніе термины—есть дѣло регистраціи по сходству. Но что слѣдуетъ разумѣть подъ словами «возсозданія изъ обобщенныхъ осколковъ обобщеннаго цѣлаго?»

Выше, когда у насъ шла рѣчь объ отвлеченіи частей и признаковъ отъ цѣльныхъ предметовъ, я говорилъ, между прочимъ, что послѣдніе, какъ группы признаковъ постоянныя, могутъ воспроизводиться и цѣликомъ, и въ раздробь. Такое отношеніе продолжается, конечно, въ теченіи всей жизни человѣка непрерывно; а между тѣмъ слѣды какъ отъ цѣльныхъ предметовъ (т.-е. отъ всей суммы свойствъ), такъ и отъ ихъ признаковъ и частей въ отдѣльности (т.-е. отъ слагаемыхъ той же суммы) метаморфозируются, и очевидно, параллельно другъ другу, въ средніе итоги. Слѣдовательно, на всѣхъ ступеняхъ превращеній связь между символическимъ цѣлымъ и символической частью остается прежняя.—Обобщенное «дерево» есть членъ «обобщеннаго лѣса» въ той же мѣрѣ, какъ «реальный дубъ» есть членъ «реальнаго лѣса». Значитъ, возсозиданіе здѣсь настолько же фиктивно, какъ обратный процессъ умственнаго выдѣленія частей признаковъ и отношеній изъ цѣлаго предмета. Каждый разъ, какъ человѣкъ встрѣчается съ объектомъ внѣшняго міра, нервно-психическій процессъ можетъ происходить у него въ двухъ направленіяхъ: переходя отъ цѣльнаго впечатлѣнія къ дробному—и наоборотъ. Первому случаю соотвѣтствуетъ анализъ, второму—синтезъ [воспроизведеніе цѣлой группы по намеку на одно изъ ея звеньевъ]. Но, конечно, фиктивное дробленіе и возсозиданіе чувственныхъ продуктовъ составляютъ для человѣка первоначальную школу, плодами которой является со временемъ умѣнье дробить предметы и возсозидать ихъ изъ частей не фиктивно, а дѣйствительно.

Перечислить всѣ результаты только-что описанныхъ превращеній, разумѣется, невозможно; но если призвать на помощь мысль Спенсера, что и здѣсь факторами эволюціи могутъ быть только воздѣйствія извнѣ и измѣнчивая почва нервно-психической организаціи, усложняющіяся параллельно другъ другу, то всѣ послѣдствія описанныхъ процессовъ можно собрать въ слѣдующія двѣ категоріи:

1) Умноженіе числа и разнообразія жизненныхъ встрѣчъ въ отношеніи къ предметамъ однороднымъ [одной и той же породы или разновидности,—сказалъ бы натуралистъ,—или, въ крайнемъ случаѣ, въ отношеніи къ предметамъ одного и того же вида]

ведетъ за собой образованіе среднихъ итоговъ, которые принято называть *представленіями* о предметахъ;

2) Умноженіе числа и разнообразіе жизненныхъ встрѣчъ въ отношеніи къ предметамъ разнороднымъ ведетъ за собою образованіе среднихъ итоговъ еще бо̀льшей общности, такъ-называемыхъ *понятій*. Послѣдній результатъ можно выразить еще такъ: умноженіе числа и разнообразія встрѣчъ даетъ человѣку возможность классифицировать всѣ безъ исключенія внѣшніе предметы по сходству, сопоставляя ихъ попарно другъ съ другомъ.

На обоихъ пунктахъ необходимо остановиться.

Представленіе о предметѣ отличается отъ расчлененнаго чувственнаго облика какого-нибудь конкрета въ двухъ отношеніяхъ. Послѣдній есть результатъ расчлененнаго чувственнаго воспріятія отъ какого-нибудь одного предмета и по своему содержанію представляетъ сумму признаковъ, непосредственно доступныхъ чувству. Представленіе же есть средній итогъ изъ отдѣльныхъ расчлененныхъ воспріятій—отвлеченіе отъ извѣстной суммы однородныхъ предметовъ—и въ составъ его входятъ, помимо внѣшнихъ признаковъ, такіе, которые открываются не непосредственно, а только при детальномъ, умственномъ и физическомъ анализѣ предметовъ и ихъ отношеній другъ къ другу и къ человѣку. Какъ единичное отвлеченіе отъ множества, представленіе есть символъ. Какъ совмѣщеніе свойствъ и отношеній предмета къ другимъ, включая и человѣка, представленіе есть умственная форма, несравненно болѣе богатая содержаніемъ, чѣмъ предшествующая ей ступень [расчлененный чувственный обликъ]—форма, въ которой совмѣщается все, что̀ человѣкъ знаетъ о предметѣ. Въ этомъ смыслѣ *полное представленіе* обнимаетъ собою всю естественную исторію предмета, равно какъ сумму всѣхъ его значеній въ жизни человѣка. Полныя представленія составляютъ поэтому въ головахъ людей рѣдкость [1]); тѣ же образованія, которыя встрѣчаются подъ этимъ именемъ въ обыденной жизни, суть не что иное, какъ отрывки возможнаго для даннаго времени полнаго представленія, разнящіеся другъ отъ друга по содержанію не только у разныхъ людей, но и у одного и того же человѣка въ отдѣльныхъ случаяхъ воспроизведенія (мышленія).

Возьмемъ, напримѣръ, «представленіе о стулѣ». Многіе люди видали на своемъ вѣку, вѣроятно, милліоны разъ стулья, притомъ такой разнообразной формы и съ такихъ различныхъ точекъ зрѣ-

---

[1]) Да и здѣсь ихъ полнота относительная, потому-что зна̀нія прогрессируютъ; слѣдовательно, представленія частію пополняются, частію видоизмѣняются.

нія [и спереди, и сзади, и въ профиль, и въ полъ-оборота], что если бы представленіе было простымъ сліяніемъ полученныхъ въ отдѣльности перспективныхъ образовъ, результатомъ могла бы быть только невообразимая путаница. А между тѣмъ кто же не знаетъ, что въ представленіи «стулъ состоитъ изъ горизонтальнаго сидѣнья, четырехъ отвѣсныхъ ножекъ подъ сидѣньемъ и вертикальной спинки позади и кверху отъ сидѣнья». Въ этой обобщенной и наиболѣе распространенной формѣ продуктъ имѣетъ опредѣленный, пространственный обликъ (его можно нарисовать), а между тѣмъ въ развитіи его, очевидно, участвовало всего сильнѣе практическое употребленіе стула, какъ сидѣнья — его отношеніе къ человѣку. Представленіе о стулѣ у столяра будетъ навѣрно полнѣе приведеннаго, потому-что въ составъ его входитъ, конечно, матеріалъ и производство мебели; у какого-нибудь Санъ-Галли продуктъ опять будетъ иной, такъ-какъ здѣсь и матеріалъ и процедура производства другіе, чѣмъ у столяра. Точно такъ же будутъ разниться между собой представленія о стулѣ у собирателя древней мебели и натуралиста, если бы послѣднему пришло въ голову написать исторію стула, подобно тому, какъ Фарэдей написалъ исторію свѣчки.

Какъ бы, однако, ни были отрывочны въ практической жизни представленія о предметахъ, они во всякомъ случаѣ суть продукты отвлеченія, или символы, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ 3-ю инстанцію превращеній *всѣхъ* исходныхъ чувственныхъ формъ.

Исходная форма — слитное ощущеніе отъ группъ и рядовъ цѣльныхъ предметовъ; 1-я инстанція превращеній — выдѣленный цѣльный предметъ изъ группъ и рядовъ въ мало-расчлененной формѣ; 2-я инстанція — расчлененный чувственный обликъ предмета; 3-я инстанція — представленіе о предметѣ.

Классификацію предметовъ внѣшняго міра считаютъ дѣломъ ученыхъ; но это, конечно, несправедливо. Классификаціей занимаются люди и внѣ научной области, даже дѣти; но, разумѣется, операціи совершаются ими надъ предметами очень близкими другъ къ другу, притомъ со стороны признаковъ, непосредственно доступныхъ чувству. Дерево и кустъ, рѣка, рѣчка и ручей, гора, пригорокъ и холмъ представляютъ наглядные продукты сравненія сходныхъ предметовъ по величинѣ. Вещи очень рѣзкія по контурамъ навѣрняка сопоставляются со стороны очертаній [носъ прямой, горбатый, курносый], тяжелыя — по вѣсу [металлы и антитезъ ихъ — пухъ], звучащія — по характерамъ звука и т. д. Словомъ, всякій выдающійся признакъ въ извѣстномъ ряду сходствен-

ныхъ предметовъ составляетъ самъ-по-себѣ неизбѣжное условіе для ихъ сопоставленія въ сознаніи, въ силу закона регистраціи по сходству. Другимъ же побужденіемъ для подобныхъ сопоставленій являются практическія требованія или занятія въ жизни. Гора и пригорокъ въ представленіи горнаго жителя имѣютъ навѣрняка не одну зрительную форму, но также сравнительную истому восхожденія. У носильщика тяжестей въ головѣ есть навѣрняка родъ таблицы удѣльныхъ вѣсовъ для очень разнообразныхъ предметовъ. Поэтому въ однихъ случаяхъ классификація не имѣетъ практическаго значенія, а въ другихъ — она оказывается, наоборотъ, крайне полезной.

Что касается до возможности всеобщей классификаціи предметовъ или, точнѣе, до возможности сопоставлять любые предметы внѣшняго міра по два, по три и т. д., то все дѣло здѣсь въ слѣдующемъ. По мѣрѣ упражненія реакцій воспріятія, онѣ становятся болѣе и болѣе дробными, но сохраняютъ въ то же время членораздѣльность и не измѣняются ни на волосъ по природѣ. На всѣхъ ступеняхъ развитія упражненнаго зрѣнія, зрительными признаками предметовъ и ихъ частей всегда остаются плосостная форма, окрашенность, величина, удаленіе, направленіе видѣнія и т. д. Стало-быть, разсматриваетъ ли человѣкъ группу, состоящую изъ нѣсколькихъ песчинокъ, или цѣлый ландшафтъ, реакціи смотрѣнія будутъ въ обоихъ случаяхъ однородны, а однородности ихъ всегда соотвѣтствуетъ сходство признаковъ (такъ-какъ въ основѣ раздѣльности признаковъ лежитъ раздѣльность реакцій воспріятія). Поэтому-то является возможность сопоставленія по сходству даже такихъ вещей, которыя въ обыденной жизни несправедливо считаются совсѣмъ не похожими другъ на друга. Абсолютныхъ несходствъ во внѣшнемъ мірѣ быть не можетъ, потому-что орудія воспріятія чувственныхъ впечатлѣній для всѣхъ предметовъ остаются у человѣка одни и тѣ же. Не даромъ всѣ предметы внѣшняго міра называются *видимыми;* не даромъ всѣмъ тѣламъ приписываются общія свойства, безъ которыхъ ни одно тѣло не мыслимо,—напримѣръ, протяженность, сопротивляемость на ощупь и вѣсъ. Если же такимъ образомъ оказывается, что любая пара тѣлъ должна имѣть какое-либо частное сходство, то, очевидно, возможно и сопоставленіе ихъ этою стороною въ сходственный рядъ. Выше, когда рѣчь у насъ шла о физіологическомъ смыслѣ предметныхъ признаковъ или свойствъ, непосредственно доступныхъ чувству, ихъ было насчитано 21; столько же, конечно, возможно и частныхъ сходствъ между предметами. Земнымъ тѣламъ, за небольшими исключеніями, свойственны почти

всѣ зрительные и осязательные признаки; значитъ, даже самые несходные предметы можно сопоставлять другъ съ другомъ по сходству болѣе, чѣмъ въ 15-ти направленіяхъ. И это только въ отношеніи къ свойствамъ, непосредственно доступнымъ чувству, пока предметы не раздроблены физически на составныя части и чувство не проникло еще съ поверхности въ глубь предметовъ.

Отсюда легко понять, безъ дальнѣйшихъ объясненій, на какое необозримое число мыслей становится способнымъ человѣкъ, когда чувственные облики предметовъ приняли форму представленій, и дробность реакцій воспріятія достигла крайнихъ предѣловъ [не нужно забывать, что и тогда мысль по содержанію остается сопоставленіемъ мыслимыхъ объектовъ въ какомъ-либо одномъ отношеніи]. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что отъ начала міра и до нашихъ дней на свѣтѣ не было еще человѣка, черезъ голову котораго прошли бы, напримѣръ, *всѣ* возможныя умственныя сопоставленія *всѣхъ* предметовъ внѣшняго міра по два. Не говоря уже о томъ, что на это не хватило бы продолжительности человѣческой жизни, подобный рядъ процессовъ не имѣлъ бы практически никакого смысла и принималъ бы часто характеръ бреда сумасшедшаго. Тѣмъ не менѣе возможность подобныхъ сопоставленій существуетъ для всякаго человѣка, и она доказываетъ всего яснѣе, что, по мѣрѣ символизаціи, чувственные продукты исходныхъ инстанцій становятся все болѣе и болѣе способными принимать форму мыслей или идейныхъ состояній. Оттого символизацію впечатлѣній справедливо называютъ также *идеализаціей* ихъ.—Исходный чувственный продуктъ, претерпѣвая описанныя превращенія, утрачиваетъ яркія краски дѣйствительности, но за то выигрываетъ въ идейномъ направленіи.

Таковы результаты символизаціи чувственныхъ продуктовъ, когда процессы отвлеченія падаютъ на естественныя группы признаковъ, или цѣльные предметы. Вторую половину составляютъ такіе случаи, когда тѣ же процессы падаютъ на сокращенныя группы свойствъ, признаковъ и отношеній, отвлекаемыхъ отъ цѣльныхъ предметовъ, или на свойства, признаки и отношенія въ отдѣльности. Вытекающіе отсюда умственные продукты должны быть, очевидно, еще символичнѣе предыдущихъ и имѣть въ то же время еще болѣе общее значеніе. Только эти продукты отвлеченія 2-й, 3-й и дальнѣйшихъ степеней и слѣдовало бы называть *понятіями*, сохранивъ за *представленіями* значеніе символовъ, резюмирующихъ однородные предметы. Тогда всю эту сту-

пень превращеній можно было бы назвать *фазой образованія отвлеченныхъ понятій.*

Способъ происхожденія такихъ символовъ всего легче понять изъ примѣровъ.

Возьмемъ, напримѣръ, классификаціонную систему какихъ-нибудь родственныхъ предметовъ, хоть животныхъ. Всякую такую систему можно создать на два лада: классифицируя въ группы бо́льшей и бо́льшей общности (порода, видъ, родъ и т. д.) постепенно расширяющійся рядъ отдѣльныхъ особей, причемъ классификація совершается надъ конкретами, т.-е. цѣльными предметами; или собирая индивидумы сначала въ группы мѐньшей общности,—напримѣръ, въ породы, а затѣмъ производя дальнѣйшую классификацію (видовую, родовую и проч.) уже не надъ индивидуумами, а надъ символами 1-го, 2-го и т. д. порядковъ. Такъ, между собаками разныхъ породъ число сходствъ больше, чѣмъ между любой собакой и любой лисицей; поэтому отвлеченіе отъ однѣхъ собакъ будетъ вмѣщать въ себѣ бо́льшее число сходственныхъ признаковъ, чѣмъ отвлеченіе отъ всѣхъ собакъ и лисицъ вмѣстѣ, или, что̀ то же, отвлеченіе отъ «средней собаки» + «средней лисицы». Отвлеченная сумма сходствъ будетъ еще меньше, если къ предыдущимъ среднимъ терминамъ прибавлена «средняя кошка»; и вообще тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ шире и разнообразнѣе по формамъ группа, отъ которой сходства отвлекаются. Изъ всѣхъ признаковъ, напримѣръ, которыми характеризуются наиболѣе близкіе къ человѣку представители животнаго царства, въ отвлеченномъ отъ нихъ продуктѣ остается только одинъ—кормленіе дѣтенышей молокомъ. Терминъ «млекопитающее» по смыслу, очевидно, равнозначенъ «среднему дереву», или «средней собакѣ»; разница между ними только въ томъ, что двѣ послѣднія формы суть продукты отвлеченія 1-й степени, тогда какъ «млекопитающее» получено при посредствѣ цѣлаго ряда отвлеченій. Они равнозначны другъ другу и по употребленію, представляя единичные символы, замѣняющіе множество. Они равнозначны, наконецъ, и въ психогенетическомъ отношеніи, потому что въ основѣ всѣхъ подобныхъ продуктовъ отвлеченія, какого бы порядка они ни были, всегда остается нѣкоторое число чувственныхъ признаковъ, или, что̀ то же, нѣкоторое число раздѣльныхъ чувственныхъ реакцій. Въ этомъ смыслѣ зоологическое понятіе «порода» соотвѣтствуетъ умственному продукту, который мы назвали выше *представленіемъ* [соотвѣтствуетъ «среднему дереву», «среднему стулу»]; а символы «видъ», «родъ», «классъ»

будутъ болѣе и болѣе *дробными представленіями* или *понятіями* [1]).

Другой примѣръ.

Выше было замѣчено, что цѣльные предметы, имѣющіе характерную форму, можно сопоставлять другъ съ другомъ со стороны этого признака. Это будетъ классификаціей цѣльныхъ предметовъ. Но классифицировать можно самыя формы, отдѣльно отъ предметовъ. Это будетъ классификаціей продуктовъ отвлеченія, которые уже въ исходномъ видѣ суть дробные символы.

Соотвѣтственно различію реакцій видѣнія и осязанія точекъ, лежащихъ на разномъ удаленіи отъ человѣка, формы предметовъ распадаются на двѣ главныхъ категоріи: *плоскостную* и *тѣлесную*. Первой всегда соотвѣтствуетъ двойственная чувственная реакція [у зрячаго—всегда видѣніе контура и осязаніе плоскости рукою, поэтому продуктъ можно назвать зрительно-осязательной ассоціаціей]; второй для мелкихъ предметовъ—тоже двойственная реакція [у зрячаго—всегда видѣніе контура + актъ охватыванія предмета рукою], а для крупныхъ—цѣлый рядъ отдѣльныхъ зрительныхъ или осязательныхъ воспріятій.

По мѣрѣ того, какъ реакціи воспріятія, вслѣдствіе упражненія, становятся болѣе и болѣе дробными, сохраняя членораздѣльность, ассоціированныя группы ихъ распадаются на элементы (диссоціируются), и соотвѣтственно этому распадаются обѣ формы. Всего легче выдѣляется изъ обѣихъ *контуръ*, затѣмъ изъ второй измѣримость въ *толщину* и наконецъ [вѣроятно позднѣе всего прочаго] *поверхность* [2]).

Рядомъ съ реакціями видѣнія и осязанія контура, поверхности и толщины, упражняется реакція видѣнія величины плоскостнаго образа, и въ результатѣ получается, какъ общій пріемъ для ея оцѣнки, различеніе размѣровъ въ двухъ главныхъ направленіяхъ. Почему глазъ съ этою цѣлью выбираетъ преимуществено вертикальное и горизонтальное—размѣръ въ вышину и ширину—понять въ общихъ чертахъ не трудно, если принять во вниманіе, что, съ одной стороны, наибольшіе размѣры предметовъ внѣшняго міра, въ ихъ естественномъ положеніи, приходятся всего чаще на долю вертикальнаго направленія (самъ че-

---

[1]) Если принять, однако, во вниманіе, что въ зоологическихъ системахъ объекты классифицируются преимущественно со стороны сходствъ въ строеніи, то понятно, что и „порода" соотвѣтствуетъ дробному представленію.

[2]) Это отвлеченіе выводится вѣроятно изъ наблюденій надъ предметами, которые имѣютъ легко-удалимую оболочку и изъ сравненія послѣдней съ внутреннимъ содержаніемъ.

ловѣкъ, большинство деревъ, травъ, домашнихъ животныхъ и почти всѣ человѣческія постройки); съ другой стороны, глазные яблоки, вслѣдствіе положенія ихъ центровъ вращенія въ одномъ горизонтѣ и въ силу устройства двигательнаго снаряда, перемѣщаются въ горизонтальной плоскости съ наименьшей затратой энергіи,—слѣдовательно, всего легче и чаще. Разъ привычка двигать глазами преимущественно въ отвѣсномъ и горизонтальномъ направленіи образовалась, обѣ реакціи (производимыя отдѣльными группами мышцъ), въ связи съ реакціей приспособленія къ разстояніямъ, составляютъ основу для измѣренія плоскостей въ вышину и ширину, а массивныхъ тѣлъ, кромѣ того, въ толщину.

Идти далѣе въ этомъ анализѣ было бы безполезно, потому что на всѣхъ ступеняхъ отвлеченія или символизаціи исходныхъ формъ повторяются въ сущности одни и тѣ же процессы, и за продуктами всегда остается раздѣльность физіологическихъ реакцій. Въ самомъ дѣлѣ, отъ прямой линіи, угла, круга, треугольника, пирамиды и цилиндра, которые учитель геометріи рисуетъ мѣломъ на доскѣ, переходъ къ геометрическимъ понятіямъ объ этихъ формахъ хотя и очень большой, но *практически* онъ настолько неваженъ, что вся геометрія изучается по чертежамъ. Значитъ, путемъ классификаціи отвлеченныхъ отъ реальныхъ предметовъ контуровъ, поверхностей и объемовъ можно дойти совершенно незамѣтно до геометрическихъ представленій о линіи, плоскости, поверхности и д. т. Легко понять также, что если для человѣка на извѣстной ступени развитія возможна классификація реальныхъ предметовъ со стороны величины [напримѣръ, горъ по высотѣ, церковныхъ колоколовъ по тяжести]; то въ этой способности уже кроются задатки для классификаціи размѣровъ и вѣса помимо самыхъ предметовъ—задатки построенія чиселъ, мѣръ и вѣсовъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ читателю уже не трудно догадаться, что символизація частей, признаковъ и отношеній, отвлеченныхъ отъ цѣльныхъ предметовъ, даетъ продукты, лежащіе между представленіями о предметахъ и умственными формами, непосредственно переходящими за предѣлы чувства. Несмотря на очевидное существованіе чувственной подкладки, абстракты этой категоріи, по крайней мѣрѣ высшіе, уже настолько удалены отъ своихъ источниковъ, что въ нихъ едва замѣтно чувственное происхожденіе. Поэтому, замѣняя въ мысли реальные предметы, они кажутся иногда болѣе, чѣмъ сокращенными, именно *условными* знаками или символами. Будучи въ то же время обоб-

щенными продуктами дробнаго анализа, падающаго на признаки и отношенія цѣльныхъ предметовъ и ихъ частей, абстракты символизируютъ не столько самые предметы, сколько ихъ связи и отношенія. Такъ, мышленіе формами или движеніемъ безъ отношенія къ реальностямъ соотвѣтствуетъ по самому смыслу дѣла мышленію слѣдами отъ двигательныхъ реакцій глазъ и рукъ при смотрѣніи и осязаніи; въ области же предметнаго мышленія этимъ реакціямъ соотвѣтствуетъ не главный объектъ мысли— предметъ, а его признакъ, состояніе или отношеніе между частями. Будучи, наконецъ, продуктами повторительныхъ операцій сравненія (классификаціи) надъ очень широкими группами объектовъ, наши абстракты выражаютъ собою наиболѣе общія стороны въ предметахъ и ихъ отношеніяхъ. Довольно сказать, напримѣръ, что нормы всѣхъ вообще предметныхъ связей и зависимостей въ пространствѣ и во времени выработываются именно здѣсь, изъ развивающихся элементовъ пространственнаго и преемственнаго видѣнія и осязанія. — Это есть колыбель всѣхъ вообще количественныхъ и механическихъ отношеній, въ которой самое сходство, вслѣдствіе наибо́льшей простоты элементовъ, выражается полнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и можетъ дѣйствительно доходить до полнаго тождества или равенства.

Итакъ, во внутренней символизаціи впечатлѣній [или, что́ то же, въ образованіи абстрактовъ различныхъ порядковъ] можно открыть съ достовѣрностью только слѣдующіе процессы: 1) болѣе и болѣе дробный анализъ чувственныхъ конкретовъ, распространяющійся на болѣе и болѣе обширные ряды ихъ; и 2) классификацію какъ цѣльныхъ предметовъ (т.-е. естественныхъ суммъ признаковъ), такъ и частей ихъ, отдѣльныхъ признаковъ, состояній и отношеній въ группы бо́льшей и бо́льшей общности. Первой половинѣ процессовъ соотвѣтствуетъ болѣе и болѣе дробная диссоціація чувственныхъ группъ и рядовъ, неизбѣжно связанная съ упражненіемъ органовъ чувствъ и умноженіемъ жизненныхъ встрѣчъ. По существу дѣла, это тѣ же операціи, при посредствѣ которыхъ на низшихъ ступеняхъ эволюціи происходитъ расчлененіе группъ предметовъ на составныя части и цѣльныхъ предметовъ на признаки, непосредственно доступные чувству. Слѣдовательно, этою стороною фаза отвлеченнаго мышленія составляетъ естественное продолженіе предшествующихъ. Но то же самое можно сказать и относительно второй половины процессовъ. Отдѣльные акты классификаціи, какого бы порядка ни были ея объекты, всегда заключаются или въ попарномъ сопоставленіи классифицируемыхъ предметовъ, или въ переборкѣ ихъ въ оди-

ночку, причемъ впечатлѣнія отъ каждаго единичнаго объекта сопоставляются въ сознаніи съ воспроизведеннымъ среднимъ слѣдомъ отъ прошлыхъ сходственныхъ впечатлѣній. Въ томъ и другомъ случаѣ неизбѣжнымъ результатомъ сопоставленія бываетъ сліяніе сходными сторонами новыхъ впечатлѣній со старыми и образованіе въ общемъ слѣдѣ тѣхъ частныхъ сочетаній сходственныхъ признаковъ, которые соотвѣтствуютъ видовому или родовому сходству. Новаго въ этомъ противъ того, что̀ открывается для ума изъ основного закона регистраціи впечатлѣній по сходству, опять-таки нѣтъ ничего.

Значитъ, вообще *весь циклъ внутреннихъ превращеній чувственныхъ продуктовъ въ болѣе и болѣе символическія формы, начинающійся съ одного конца представленіями о предметахъ, а другимъ непосредственно переходящій во внѣ-чувственную область, объяснимъ съ точки зрѣнія гипотезы Спенсера въ той же или почти той же мѣрѣ, какъ явленія эволюціи мысли на предшествующихъ ступеняхъ развитія.*

Совершенно непонятной остается только та черта человѣческой организаціи, въ силу которой уже ребенокъ проявляетъ какой-то инстинктивный интересъ къ дробному анализу предметовъ, неимѣющему никакого прямого отношенія къ оріентаціи его въ пространствѣ и во времени. Высшія животныя по устройству ихъ чувствующихъ снарядовъ [по крайней мѣрѣ периферическихъ концовъ] должны были бы быть тоже способными къ очень детальному анализу [однако, менѣе чѣмъ человѣкъ, одаренный такимъ тонкимъ аналитическимъ орудіемъ, какъ рука съ ея удивительною осязательной поверхностью]; но они почему-то не заходятъ ни въ немъ, ни въ обобщеніи впечатлѣній за предѣлы потребностей оріентаціи. Животное всю жизнь остается самымъ узкимъ практикомъ-утилитаристомъ, а человѣкъ уже въ дѣтствѣ начинаетъ быть теоретикомъ. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что черта эта можетъ играть въ умственныхъ актахъ человѣка роль только неопредѣленнаго стимула или побужденія въ родѣ голода, заставляющаго животное искать пищи, но никакъ не оказывать вліянія на самый ходъ развитія мысли.

Мысль, выстроенная изъ символовъ любой степени обобщенія, продолжаетъ по прежнему представлять раздѣльную чувственную группу, или чувственное выраженіе нервнаго процесса, пробѣгающаго по обособившейся группѣ раздѣльныхъ путей.

Переходя теперь къ вопросу о внѣшней символизаціи актовъ чувствованія, я долженъ заранѣе оговориться, что, по своей не-

обычайной сложности [1]), онъ далеко заходитъ за предѣлы моей компетентности; и если вопросъ вообще затронутъ мною, то только потому, что въ немъ есть одна сторона, изъ-за которой его нельзя обойти изслѣдователю въ области мышленія.

Способность человѣка выражать душевныя состоянія условными внѣшними знаками служитъ ему не только средствомъ умственнаго общенія съ людьми, но также пособіемъ и даже орудіемъ собственнаго мышленія. — Уже въ дѣтствѣ, благодаря обученію, мысль ребенка облекается въ слово, и человѣкъ мало-по-малу выучивается думать на три лада: 1) болѣе или менѣе отрывочными или сокращенными воспроизведеніями дѣйствительно перечувствованнаго, безъ перевода чувственныхъ элементовъ на языкъ условныхъ знаковъ; 2) тѣми же сокращенными воспроизведеніями съ переводомъ ихъ элементовъ на слова; и, наконецъ, 3) одними словами. Чѣмъ ярче въ данномъ впечатлѣніи чувственные элементы, тѣмъ больше шансовъ для воспроизведенія его въ 1-й формѣ. Чѣмъ символичнѣе, наоборотъ, элементы чувствованія данной минуты, тѣмъ больше для нихъ шансовъ облекаться въ наиболѣе привычныя символическія (сокращенныя) формы. Для огромнаго большинства людей такой привычной формой является слово. Когда же мысль человѣка переходитъ изъ чувственной области во внѣ-чувственную, рѣчь, какъ система *условныхъ* знаковъ, развившаяся параллельно и приспособительно къ мышленію, становится необходимостью. Безъ нея элементы внѣ-чувственнаго мышленія, лишенные образа и формы, не имѣли бы возможности фиксироваться въ сознаніи; она придаетъ имъ объективность, родъ реальности (конечно, фиктивной), и составляетъ поэтому основное условіе мышленія внѣ-чувственными объектами.

Факты эти общеизвѣстны, и распространяться о нихъ было бы безполезно; но изъ нихъ для насъ вытекаютъ вопросы, обойти которые нельзя.

Если принять во вниманіе, что у всякаго почти человѣка болѣе значительную долю знаній составляетъ чужой опытъ, переданный ему въ изустной или письменной формѣ, то естественно возникаетъ мысль, что способность человѣка къ рѣчи и письменамъ играетъ, можетъ быть, въ его умственномъ развитіи болѣе важную роль, чѣмъ такъ-называемый личный опытъ [понимаемый

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, въ составъ внѣшнихъ символовъ, которыми человѣкъ можетъ выражать свои душевныя состоянія, входятъ: естественная мимика всего тѣла, со включеніемъ голоса; условная мимика (преимущественно подражательная) глухо-нѣмыхъ; рѣчь и письмена; сокращенныя графическія схемы или чертежи и вся система математическихъ знаковъ.

какъ болѣе и болѣе расчленяющіяся и обобщающіяся формы чувствованія при болѣе и болѣе видоизмѣняющихся объективныхъ и субъективныхъ условіяхъ воспріятія], о которомъ рѣчь у насъ шла доселѣ. Если да, то, конечно, главными опредѣлителями умственнаго развитія становятся не Спенсеровскіе общіе факторы, изъ взаимодѣйствія которыхъ слагается личный опытъ [развивающаяся прирожденная нервная организація и внѣшнія воздѣйствія), а факторы, участвующіе въ возникновеніи и развитіи рѣчи у людей вообще, и тѣ умственные перевороты, которые происходятъ въ головѣ ученика, когда его обучаютъ искусству говорить, читать и писать. Можно думать поэтому, что изложенныя до сихъ поръ основы мысли, какъ процесса, претерпѣваютъ очень существенныя перемѣны, какъ только въ нея вводятся такіе условные знаки, какъ слова.

Чтобы разрѣшить всѣ эти недоумѣнія вполнѣ, нужно было бы знать прежде всего тѣ первичные корни въ организаціи человѣка, изъ которыхъ мало-по-малу развилась рѣчь; затѣмъ полную исторію развитія хоть какого-нибудь одного нарѣчія, изъ которой можно было бы выяснить общій типъ эволюціи рѣчи, какъ системы развивающихся и поднесь знаковъ; и наконецъ опредѣлить мѣсто воспринимаемыхъ при обученіи словесныхъ знаковъ (они воспринимаются, очевидно, какъ звуковыя группы или ряды) въ ряду прочихъ чувственныхъ воспріятій.

Первый изъ перечисленныхъ вопросовъ, по существу дѣла анатомо-физіологическій,—вопросъ о нервно-мышечномъ снарядѣ голоса и рѣчи и его связяхъ съ нервными аппаратами всѣхъ органовъ чувствъ; поэтому читатель вправѣ ожидать отъ меня разъясненій въ этомъ направленіи. Къ сожалѣнію, здѣсь больше чѣмъ гдѣ-нибудь я принужденъ ограничиться нѣсколькими общими замѣчаніями, такъ какъ по обоимъ пунктамъ физіологія живетъ пока въ періодѣ догадокъ и общихъ соображеній, а не въ области положительныхъ фактовъ.

Топографическую обособленность центральныхъ частей органовъ рѣчи въ головномъ мозгу можно считать фактомъ въ высшей степени вѣроятнымъ. Помимо общихъ аналогій, за это говорятъ болѣзненные случаи полной потери рѣчи, не сопряженной ни съ параличами языка или другихъ частей тѣла, ни съ утратою сознанія, или умственныхъ способностей. Какова-бы ни была сущность этихъ явленій, за ними во всякомъ случаѣ остается значеніе аргумента въ пользу функціональной изолированности органовъ рѣчи.

Локализаціи и границъ центральныхъ частей органовъ рѣчи въ головномъ мозгу мы однако не знаемъ [1]). Но если имѣть въ виду, что органы рѣчи по составу принадлежатъ въ категоріи нервно-мышечныхъ аппаратовъ, подчиненныхъ волѣ въ той же мѣрѣ, какъ аппаратъ ходьбы или любое заученное координированное движеніе, то напередъ можно сказать съ увѣренностью, что границы его распространенія должны быть тѣ же, что и для этихъ снарядовъ. Пути возбужденія послѣднихъ находятъ въ новѣйшее время даже въ полушаріяхъ мозга; то же самое должно быть a priori и для мышцъ, участвующихъ въ актахъ рѣчи.

Руководясь сказанною аналогіею, можно думать далѣе, что межцентральная связь между органами рѣчи и органами чувствъ должна быть устроена въ общемъ по тому же типу, какъ связь центровъ чувствованія съ двигательной системой рукъ и ногъ.— Это на томъ основаніи, что акты заучиванья отдѣльныхъ словъ, фразъ, стиховъ и пѣсенъ по всему своему содержанію равнозначны заучиванью какихъ-нибудь опредѣленныхъ сложныхъ ручныхъ или ножныхъ движеній. Вся разница между ними только въ томъ, что въ первомъ случаѣ заучиваемая группа контролируется слухомъ, а во второмъ—глазомъ. Кромѣ того, нельзя сомнѣваться, что, по мѣрѣ упражненія человѣка въ рѣчи, въ головѣ его должна созидаться система знаковъ, выстроенныхъ изъ элементовъ мышечнаго чувства, параллельная системѣ движеній. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, наконецъ, и въ томъ, что передвиженіе возбужденія по путямъ, соотвѣтствующимъ системѣ этихъ знаковъ, играетъ важную роль въ нѣмомъ мышленіи словами.

Итакъ, на основаніи физіологическихъ аналогій аппаратъ рѣчи у историческаго человѣка можно считать въ той же мѣрѣ прирожденнымъ, какъ двигательную систему рукъ. Какъ тотъ, такъ и другой представляютъ въ прирожденной формѣ возможность для чрезвычайно-разнообразныхъ комбинированныхъ движеній, и оба стоятъ въ тождественныхъ или крайне сходныхъ отношеніяхъ къ чувствующимъ аппаратамъ тѣла.

Рѣчь представляетъ поэтому систему привычныхъ комбинированныхъ движеній, ассоціированную путемъ обученія почленно съ актами чувствованія такимъ же образомъ, какъ во всякомъ заученномъ сложномъ движеніи рукъ или ногъ элементы его сочетаны съ зрительными продуктами (или все равно представ-

---

[1]) Попытку нѣкоторыхъ изслѣдователей локализировать центры рѣчи въ полушаріи мозга нельзя считать серьёзной, потому что утрату рѣчи при пораженіи ихъ можно объяснять на множество ладовъ, если представлять себѣ органы рѣчи связанными съ органами чувствъ черезъ посредство полушарій.

леніями) *отъ того движенія, которое служило при заучиваніи образцомъ.*

При такомъ взглядѣ на дѣло, обученіе ребенка рѣчи очевидно можетъ быть подведено безъ всякой натяжки подъ общую схему эволюціи чувственныхъ продуктовъ Спенсера. Слова, произносимыя матерью или нянькой въ то самое время, какъ ребенокъ воспринимаетъ впечатлѣнія черезъ глазъ, осязаніе и прочіе органы чувствъ, получаютъ значеніе внѣшнихъ воздѣйствій (въ формѣ опредѣленныхъ звуковыхъ группъ или рядовъ) и фиксируются въ памяти на ряду съ первыми, если вся сумма повторяется въ одной и той же формѣ много разъ.

Выше мнѣ много разъ случалось говорить, что мысль есть не что иное, какъ послѣдовательный рядъ чувственныхъ знаковъ, параллельный прохожденію нервнаго процесса по опредѣленнымъ путямъ—рядъ знаковъ, подразумѣвающихъ нѣсколько раздѣльныхъ актовъ воспріятія. Такъ, когда я вижу «желтое, круглое, шарообразное тѣло, извѣстнаго запаха и вкуса», то у меня въ сознаніи слѣдующій рядъ чувственныхъ знаковъ:

—*желтый, круглый, шарообразный, запахъ, вкусъ,*—

соотвѣтствующій слѣдующему ряду отдѣльныхъ физіологическихъ реакцій:

—*чисто-свѣтовая, зрительно-мышечная, осязательно-мышечная, обонятельная, вкусовая.*

Когда же меня на практикѣ учатъ обозначать соотвѣтствующій предметъ словомъ, то къ прежнему ряду чувственныхъ знаковъ прибавляется:

звуковая группа — *апельсинъ*, съ соотвѣтствующею *слуховою реакціею.*

Когда же ребенокъ выучился произносить слово, то реакція въ его сознаніи дѣлается *мышечно-слуховой.*

Нужно ли доказывать, что новые члены не отличаются отъ старыхъ ничѣмъ инымъ—въ прежней суммѣ знаковъ прибавленъ одинъ лишь новый — кромѣ того, что они навязаны сознанію извнѣ, а старые самой природой связаны вмѣстѣ. Но за то мы и сознаемъ это различіе, говоря, что «апельсинъ» есть лишь имя, кличка, а все остальное—природныя свойства предмета.

Все сказанное здѣсь о словесныхъ знакахъ для реальныхъ предметовъ, ихъ качествъ или признаковъ и состояній, вполнѣ переносимо и на обозначенія предметныхъ отношеній, потому что послѣднія въ такой же мѣрѣ чувственные знаки съ реальной физіологической подкладкой, какъ признаки.

Значитъ, въ тотъ періодъ жизни, когда ребенокъ относится

въ употребленію рѣчи только подражательно, облеканіе чувственныхъ и идейныхъ состояній въ словесную форму дѣйствительно согласимо съ ученіемъ Спенсера.

Но это только первый шагъ въ развитіи словесной символизаціи. Мало-по-малу слово дѣлается для человѣка самостоятельнымъ орудіемъ мышленія; слѣдовательно, въ рѣчи, какъ выразителѣ чувственныхъ и идейныхъ состояній, во всякомъ случаѣ должна быть своя организація и свои законы развитія; и только при условіи, если послѣдніе дѣйствительно совпадаютъ съ законами умственной эволюціи, заключенными въ данныхъ личнаго опыта, можно сказать съ увѣренностью, что слово никогда не вноситъ въ мысль перелома. Представимъ себѣ въ самомъ дѣлѣ, что типъ умственной эволюціи человѣка, понимаемой, какъ накопленіе результатовъ личнаго опыта, былъ бы разработанъ до подробностей, и что лингвистамъ въ свою очередь удалось бы установить детальный типъ развитія какого-нибудь нарѣчія [конечно, изученіемъ исторіи его развитія отъ дѣйствительно исходныхъ формъ до современнаго состоянія]; и положимъ, что оба типа оказались бы тождественными. Тогда вопросъ нашъ былъ бы разрѣшенъ съ-разу и вполнѣ.

Хотя подобное раціональное рѣшеніе въ настоящее время невозможно; но у насъ есть множество частныхъ доводовъ въ пользу того, что мысль, какъ процессъ, облекаясь въ слово, не можетъ измѣняться по природѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она перестаетъ выражать собою дѣйствительные факты и дѣйствительныя отношенія, т.-е. когда переводъ продуктовъ какого-либо умственнаго опыта на условные знаки сдѣланъ неправильно, фальшиво.

За это говоритъ, во-первыхъ, постоянство словесной формы мысли, или, что то же, независимость ея отъ содержанія. Во-вторыхъ, тождественность умственныхъ операцій надъ элементами мысли при ея детальномъ развитіи, все равно соотвѣтствуютъ ли символы дѣйствительнымъ фактамъ и отношеніямъ, или нѣтъ. Наконецъ, въ-третьихъ, та очень обширная группа общеизвѣстныхъ фактовъ, изъ которыхъ всякій образованный человѣкъ выводитъ заключеніе, что слово развивалось во всѣ историческія времена и развивается поднесь параллельно и приспособительно къ потребностямъ мышленія.

Первый и третій пункты не требуютъ разъясненій. Что же касается до второго, то онъ становится съ-разу понятнымъ, если принять во вниманіе, что какъ бы метафизична ни была мысль,

носимая человѣкомъ въ данную минуту въ головѣ или высказываемая имъ, онъ всегда подразумѣваетъ подъ ея символами нѣчто дѣйствительное, существующее [если не для чувства, то для ума, какъ говорится обыкновенно]. Предположеніе его можетъ, конечно, оказаться неосновательнымъ, символы могутъ быть просто именами, кличками; но все же если мысль развивается, если надъ ней совершаются какія бы то ни было умственныя операціи, все это дѣлается не иначе, какъ во-имя подразумѣваемаго. При этомъ шаблономъ для операцій и превращеній по необходимости служать случаи, когда подобныя же словесныя формы покрываютъ собою не фикціи, а дѣйствительность—говорю: по необходимости—на томъ основаніи, что періодъ предметнаго (конкретнаго и символическаго) мышленія, какъ предшествующій по времени, представляетъ школу, въ которой человѣкъ выучивается всѣмъ пріемамъ мышленія и искусству облекать его продукты въ соотвѣтственныя словесныя формы.

Выше, на стр. 495, была нами показана на примѣрѣ какъ физіологическая, такъ и психологическая равнозначность имени съ чувственными воспріятіями отъ предметовъ. Второй шагъ словесной символизаціи составляетъ различеніе имени цѣлаго предмета отъ именъ его свойствъ — шагъ параллельный отвлеченію отъ предметовъ ихъ признаковъ. Позднѣе, когда начинается въ головѣ, помимо обученія, дробленіе и классификація цѣльныхъ предметовъ и отвлеченныхъ отъ нихъ частей, признаковъ и отношеній, является потребность новыхъ обозначеній; и въ рѣчи, развивавшейся вѣка параллельно и приспособительно къ мышленію, потребность находитъ готовое удовлетвореніе.—Параллельно классификаціямъ предметовъ по сходству, въ рѣчи есть клички для породы, вида и рода. Параллельно дробленію, есть клички для цѣлаго и частей. Соотвѣтственно переходу мысли отъ предметовъ къ свойствамъ и отношеніямъ, т.-е. когда главными объектами въ мысли на мѣстѣ предметовъ внѣшняго міра являются признаки, состоянія и отношенія ихъ другъ къ другу, въ рѣчи существуютъ уже готовыя превращенія прилагательныхъ и глаголовъ въ существительныя и т. д. и т. д. Всему этому человѣкъ обучается, и не по одной наслышкѣ, а путемъ нагляднаго обученія, т.-е. съ примѣненіемъ преподаваемаго къ дѣлу; и благодаря этому элементы рѣчи перестаютъ мало-по-малу быть звуковыми ярлыками, привязанными почленно къ элементамъ мысли — слово начинаетъ символизировать личный опытъ и сочетается подобно послѣднему въ координированныя опредѣленнымъ образомъ чувственныя группы. Тогда для человѣка становится соб-

ственно безразлично—мыслить ли прямыми символами, или съ переводомъ ихъ на языкъ условныхъ знаковъ.

Этотъ послѣдній шагъ въ эволюціи внѣшней символизаціи, т.-е. полное отдѣленіе имени отъ именуемаго, въ свою очередь подготовляется издалека, мало-по-малу, путемъ отщепленія звуковыхъ членовъ отъ чувственныхъ группъ, съ которыми они ассоціированы. Какъ члены ассоціацій, равнозначные всѣмъ прочимъ, имена должны очевидно раздѣлять участь послѣднихъ во всѣхъ перипетіяхъ ассоціированной группы.—Они могутъ служить намеками для воспроизведенія всей группы въ сознаніи, могутъ воспроизводиться сами, когда намекъ данъ другимъ членомъ, и могутъ, наконецъ, отвлекаться подобно остальнымъ признакамъ.

Словомъ, съ какой бы стороны ни смотрѣть на дѣло, въ результатѣ всегда оказывается, что введеніе словесныхъ символовъ въ мысль представляетъ или прибавку новыхъ чувственныхъ знаковъ къ уже существующему ряду ихъ, или замѣну однихъ символовъ другими, равнозначными въ физіологическомъ отношеніи. Явно, что природа мысли отъ этого измѣниться не можетъ. *Даже метафизическая мысль, какъ процессъ, сохраняетъ значеніе ряда чувственныхъ знаковъ, параллельнаго передвиженію возбужденія по опредѣленнымъ путямъ.*

VII.

Активная форма мышленія:—Выводы вообще, и выводы въ частности отъ дѣйствія къ причинѣ.

Приступая теперь къ разбору новаго обширнаго класса явленій, которыя придаютъ дѣятельностямъ человѣческаго ума рѣзко выраженный активный характеръ, я постараюсь прежде всего установить границы вопроса.

Сводя на схему Спенсера развитіе разныхъ видовъ предметной мысли изъ сложныхъ ощущеній, намъ по необходимости приходилось до сихъ поръ изображать человѣка пассивнымъ носителемъ совершающихся внутри его нервно-психическихъ переворотовъ. На мѣсто человѣка, способнаго въ умственной жизни къ иниціативѣ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, мы ставили прирожденную нервно-психическую организацію съ прирожденною же способностью развиваться опредѣленнымъ образомъ подъ вліяніемъ воздѣйствій извнѣ, и во всѣхъ безъ исключенія

случаяхъ смотрѣли на нее, какъ на пассивную почву, воздѣлываемую внѣшними вліяніями невѣдомаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, данными помимо человѣка. Умственное развитіе по схемѣ Спенсера ставитъ человѣка, по крайней мѣрѣ съ виду, въ положеніе вѣчнаго школьника, воспринимающаго и усвоивающаго элементы собственнаго и чужого опыта. А между тѣмъ, кто же не знаетъ, что человѣкъ, выучившійся мыслить, умѣетъ не только усвоивать элементы опыта, но и утилизировать его показанія—примѣнять ихъ къ жизни? Какъ мыслитель, онъ умѣетъ: сосредоточивать вниманіе на явленіяхъ, наблюдать и анализировать факты, сравнивать ихъ между собою и дѣлать выводы, обобщать результаты анализа и сравненія и, наконецъ, доискиваться причинъ явленій. Насколько во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ является не воспринимателемъ, а дѣятелемъ, весь комплексъ явленій называютъ *дѣятельнымъ мышленіемъ.* Но это только одна половина случаевъ, гдѣ умственные процессы принимаютъ активную форму. Другую половину составляетъ вся практическая дѣятельность человѣка, въ которой на долю умственныхъ процессовъ приходится опредѣленіе цѣли, времени, продолжительности, условій и послѣдствій дѣйствій.

Послѣдняя половина явленій не касается насъ вовсе,—по крайней мѣрѣ, прямо; изъ области же активнаго мышленія многое мы уже знаемъ. Такъ, въ *наблюденіи,* помимо активной стороны процесса, нѣтъ ничего, что не содержалось бы въ извѣстномъ уже намъ умѣньи владѣть органами чувствъ, пріобрѣтаемомъ путемъ упражненія. Въ активномъ *анализѣ,* такомъ же *сравненіи* и *обобщеніи,* помимо активной стороны, опять нѣтъ ничего, что не содержалось бы въ пассивныхъ формахъ анализа, сравненія и обобщенія, о которыхъ рѣчь была выше. Слѣдовательно, истинно новаго для насъ только активная сторона мышленія вообще, вопросъ о вниманіи, дѣланіе выводовъ изъ сопоставленія наблюдаемыхъ фактовъ и, наконецъ, вопросъ о причинной зависимости. Но и въ этомъ ряду, въ виду спеціальности нашей задачи—развитія логическихъ сторонъ мышленія,—нашему разсмотрѣнію подлежатъ только два послѣдніе вопроса, потому что первыя двѣ проблемы составляютъ собственно вопросъ объ отношеніи воли къ мышленію; а воля, сколько извѣстно, не принимаетъ прямого участія въ развитіи мысли ни на одной изъ инстанцій ея превращеній.

Эти-то два вопроса и разумѣлись выше на стран. 475 подъ словами *истолкованіе фактовъ и явленій.*

И въ обыденной жизни и въ учебникахъ логики подъ «выводомъ» разумѣютъ заключительный актъ ума, которому всегда предшествуетъ какое-либо умственное сопоставленіе предметовъ—одиночное, двойное, или цѣлый рядъ сопоставленій,—все равно. Выводъ представляетъ собой всегда итогъ какого-нибудь анализа или сравненія, ряда анализовъ или ряда сравненій. Въ наипростѣйшей формѣ выводъ не содержитъ въ себѣ ничего, что не было бы дано предшествующимъ сопоставленіемъ, потому что въ послѣднемъ, какъ мы уже знаемъ, всегда непосредственно заключены всѣ три элемента мысли, сопоставляемые объекты и отношеніе между ними, а выводъ, очевидно, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ мыслью. Значитъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ на долю *заключающаго* ума не приходится собственно никакой работы: человѣкъ только повторяетъ, и, конечно, почти всегда въ словесной формѣ, предшествующій раздѣльный актъ.

Но выводъ столько же часто, можетъ быть даже чаще, не вполнѣ совпадаетъ по содержанію съ предшествующимъ сопоставленіемъ (послѣднее въ этихъ случаяхъ называется у логиковъ *посылкой*). Такъ, на практикѣ [въ области конкретнаго, символическаго и смѣшаннаго мышленія] выводъ можетъ дѣлаться: отъ части къ цѣлому и наоборотъ; отъ признака, свойства или состоянія предмета къ самому предмету и обратно; отъ даннаго индивидуальнаго случая къ сходному съ ними въ разныхъ степеняхъ (и наоборотъ) или—что̀ то же—отъ частнаго къ общему и обратно, отъ явленія или факта данной минуты къ факту ожидаемому или отсутствующему; отъ настоящаго къ прошлому и будущему; отъ эффекта къ причинѣ и обратно; наконецъ, отъ чувственнаго къ истинно-внѣ-чувственному.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ [ради удобства, прошу читателя исключить на время изъ этого перечня выводы къ причинѣ и внѣ-чувственному, такъ какъ о нихъ рѣчь будетъ впереди] заключающему уму дѣйствительно приходится работать, потому что элементовъ вывода на лицо нѣтъ—выводъ совершается отъ присутствующаго къ отсутствующему. Но въ чемъ же заключается его работа? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, сто̀итъ только принять во вниманіе, что если человѣкъ способенъ дѣлать какіе-либо выводы разбираемой категоріи вообще, то только въ силу и на основаніи предшествующаго опыта. Тамъ, гдѣ его нѣтъ, выводъ не можетъ заходить за предѣлы посылки. Въ умѣ заключающаго происходитъ, стало быть, просто-на-просто репродукція элементовъ стараго опыта, и выводъ выстраивается изъ нихъ.—По какому-нибудь обломку узнавать вещь, которой онъ принад-

лежитъ, какъ часть, можно только изъ опыта [репродукція цѣлаго по части]. Этимъ же путемъ изъ своеобразной подвижности невиданнаго дотолѣ предмета можно узнать, что имѣешь дѣло съ животнымъ [это репродукція признака класса по частному признаку конкрета]. На томъ же основаніи, увидѣвъ во время грозы молнію, человѣкъ ожидаетъ грома [репродукція конкретнымъ случаемъ съ недочетомъ одного члена соотвѣтствующаго стараго опыта съ полнымъ числомъ членовъ]. Все это до такой степени намъ извѣстно изъ предыдущаго, что дальнѣйшія разъясненія были бы положительно безполезны, если бы въ числѣ выводовъ не были упомянуты случаи умозаключеній отъ настоящаго къ прошедшему и будущему, о составѣ которыхъ, какъ чувствованій и идей, не было еще рѣчи. На этихъ трехъ формахъ я принужденъ остановиться.

Въ области конкретнаго мышленія *прошлое* относительно *настоящаго* есть по преимуществу воспоминаніе относительно реально прочувствованнаго. Насколько въ обѣихъ формахъ вообще велика разница по содержанію (со стороны яркости) и условіямъ происхожденія [реальное впечатлѣніе требуетъ реальнаго субстрата, а воспоминаніе нѣтъ], настолько человѣкъ способенъ вообще различать всякое прошлое чувствованіе отъ настоящаго реальнаго. Въ случаѣ же, когда въ сознаніи становятся рядомъ репродуцированныя чувствованія изъ прошлаго разныхъ эпохъ, тогда, очевидно, данныя различенія не могутъ быть прежнія, и таковыми являются какія-нибудь побочныя обстоятельства, сопутствовавшія и ассоціировавшіяся съ сопоставляемыми актами. Насколько въ этихъ придаткахъ, часто совершенно случайныхъ, есть разница, настолько отличаются и самые акты, какъ цѣлое, въ сознаніи. Безъ такихъ придатковъ однородныя чувствованія изъ разныхъ эпохъ различены быть не могутъ.

Другими словами, въ сферѣ чувства *прошлое* само по себѣ не заключаетъ никакихъ характерныхъ признаковъ. Позднѣе, когда человѣкъ заучиваетъ *ряды* или явленія въ ихъ естественной послѣдовательности и расчленяетъ ихъ во времени, при каждой новой встрѣчѣ съ знакомымъ рядомъ существуютъ моменты сознаванія, что такое-то звено въ цѣпи свершилось и исчезло, такое-то чувствуется теперь, а третье еще ожидается. Нечего и говорить, что чувствованія, соотвѣтствующія моменту исчезанія, особенно если оно происходитъ отрывисто, сознаются иначе, чѣмъ послѣдующее; а это, какъ реальное чувствованіе, въ свою очередь отличается отъ ожидаемаго, какъ репродуцированнаго. Значитъ, при реальныхъ встрѣчахъ съ явленіями или послѣдованіями,

человѣкъ долженъ мало-по-малу выучиться различать въ нихъ тѣ выдающіеся моменты, которые соотвѣтствуютъ поочередному возникацію, теченію и исчезанію звеньевъ, изъ которыхъ слагается рядъ. Съ другой стороны, встрѣчи съ обрывками рядовъ пріучаютъ его сопоставлять среднія звенья съ крайними и наоборотъ [воспоминаніе по отрывкамъ цѣлаго]; и, конечно, при подобныхъ сопоставленіяхъ всякое предшествующее звено должно являться въ сознаніи относительно своего послѣдующаго съ аттрибутомъ исчезанія, а послѣдующее—съ аттрибутомъ ожиданія. Еще позднѣе, когда для человѣка наступаетъ періодъ классификаціи и обобщенія расчлененныхъ рядовъ, чувственные признаки превращаются въ символы: *предыдущее* и *послѣдующее*; *начало, продолженіе* и *конецъ; прошедшее, настоящее* и *будущее*. Здѣсь прошлое есть исчезнувшее; настоящее—совершающееся, а будущее—ожидаемое.

Изъ этого бѣглаго очерка читатель, конечно, пойметъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій, что человѣкъ доходитъ до понятій *о настоящемъ, прошедшемъ* и *будущемъ* совершенно такимъ же путемъ, какъ до пространственныхъ представленій. Въ одномъ случаѣ анализируемое и классифицируемое представляетъ въ исходной формѣ чувственный рядъ съ различной послѣдовательностью звеньевъ во времени, въ другомъ—группу съ различнымъ сочетаніемъ звеньевъ въ пространствѣ.

Отсюда же необходимо слѣдуетъ, что и въ выводахъ отъ настоящаго къ прошедшему и будущему не можетъ содержаться ничего помимо извѣстнаго изъ прежняго соотвѣтственнаго опыта.

Итакъ, *въ какомъ бы отношеніи выводъ ни стоялъ къ посылкамъ, въ немъ нельзя открыть по содержанію ничего, что не заключалось бы въ данныхъ посылокъ и элементахъ какого-либо соотвѣтственнаго имъ стараго опыта.*

Я сказалъ бы даже:—

— *съ психо-генетической стороны выводъ* [заключительное предложеніе] *и есть собственно старый опытъ репродуцируемый посылками во всѣхъ случаяхъ, когда мыслительные акты принимаютъ форму силлогизмовъ* [1]);

[1]) Я не полагаю, чтобы въ настоящее время могла еще у кого-либо держаться въ головѣ мысль, что выводъ возможенъ отъ извѣстнаго къ дѣйствительно неизвѣстному. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у человѣка зарождается въ головѣ какое-либо дѣйствительно новое сопоставленіе и вслѣдъ затѣмъ онъ какъ-бы прозрѣваетъ его результатъ, послѣдній есть все-таки членъ сопоставленія въ томъ самомъ смыслѣ, какъ отношеніе, связывающее объекты мысли, есть непремѣнный третій членъ мысли. Дѣйствительно новымъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ или то, что сопоставляются

если бы на пути не стояла активная форма процесса «дѣланія выводовъ». Впрочемъ, и это затрудненіе будетъ сейчасъ устранено.

Вопросъ объ исходныхъ чувственныхъ корняхъ умозаключительныхъ процессовъ разъясненъ впервые Гельмгольтцемъ [1]). Разобравъ въ своей знаменитой «Физіологической Оптикѣ» условія развитія пространственнаго видѣнія, онъ пришелъ къ выводу, что когда оно сформировалось у ребенка, чувственные акты, соотвѣтствующіе той или другой сторонѣ пространственнаго видѣнія, должны принять въ его головѣ форму умозаключительныхъ процессовъ, потому что всѣ двигательныя реакціи обнаруживаютъ тогда въ ребенкѣ родъ *разсужденій* касательно удаленія, направленія, величины и прочихъ пространственныхъ признаковъ видимыхъ предметовъ. Этотъ разсудочный характеръ выраженъ въ чувственныхъ актахъ настолько рѣзко, что Гельмгольтцъ не поколебался назвать ихъ *заключеніями*, несмотря на то, что пространственное видѣніе бываетъ готово уже въ такую раннюю пору жизни, когда объ умѣньи ребенка *разсуждать сознательно* и рѣчи быть не можетъ. Но, съ другой стороны, чтобы выдти изъ противорѣчія, ему пришлось назвать эти заключенія *безсознательными* (unbewusste Schlüsse) [2]).

объекты, не сопоставлявшіеся до тѣхъ поръ никѣмъ другимъ, или то, что объекты сопоставляются новыми сторонами, которыя только-что выяснились изъ новѣйшаго анализа, либо просто ускользали до этой минуты отъ вниманія другихъ. Явно, что и здѣсь вся честь открытія приходится на долю посылокъ, а не на долю вывода, которому приходится лишь констатировать въ словесной формѣ уже сдѣланное.

[1]) Хотя это случилось у него, такъ-сказать, мимоходомъ.

[2]) Мысль Гельмгольтца можетъ быть выяснена на слѣдующемъ простомъ примѣрѣ. Положимъ, ребенокъ, выучившійся ходить, видитъ отъ себя предметъ вправо, повертывается въ его сторону и, подойдя къ предмету на длину руки, останавливается, протягиваетъ руку и схватываетъ предметъ. При видѣ всего этого, какому-нибудь наблюдателю невольно можетъ придти въ голову, что ребенокъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Я вижу предметъ направо отъ себя, поэтому долженъ повернуть направо и идти нѣкоторое время, такъ какъ предметъ удаленъ отъ меня; но вотъ я подошелъ къ нему на длину руки, идти дальше безполезно—я останавливаюсь и протягиваю руку“. Дѣйствія ребенка, руководимыя пространственнымъ видѣніемъ, дѣйствительно имѣютъ разсудочный характеръ; а между тѣмъ въ основѣ ихъ, очевидно, не можетъ быть ничего, кромѣ различенія пространственныхъ отношеній или анализа пространственныхъ группъ. Весь ключъ къ загадкѣ лежитъ въ томъ, что пока вы смотрите на акты, проявляемые ребенкомъ, безотносительно, въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ элементовъ пространственнаго различенія, но стóитъ только отнести различеніе къ ребенку, какъ дѣйствіе съ его стороны, и тогда невольно кажется, что онъ *разсуждаетъ*.

Хотя это названіе и не разъясняетъ всей сути дѣла, но оно, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что умозаключительный характеръ можетъ быть принадлежностью самыхъ элементарныхъ чувственныхъ актовъ—процессовъ чисто-автоматическихъ, такъ какъ все лежащее за рубежомъ сознанія не можетъ имѣть иного характера.

Если отъ этой первоначальной ступени подняться на одинъ шагъ выше, въ періодъ, когда ребенокъ выучился выражать свои душевныя состоянія словами, изъ рѣчей его можно почерпнуть на каждомъ шагу убѣжденіе, что онъ не только умѣетъ разсуждать, т.-е. употреблять правильно силлогистическую форму, но уже ясно сознаетъ свою инціативу въ дѣлѣ мышленія. Рѣчь его въ такой же мѣрѣ испещрена вставками мѣстоименія *я*, какъ у взрослаго, если не сильнѣе; и его *я* чувствуетъ, думаетъ, хочетъ, бѣгаетъ, капризничаетъ, плачетъ, смѣется и вообще продѣлываетъ все то, въ чемъ участвуетъ или одно сознаніе, или только руки и ноги. Понятно, что въ основѣ всѣхъ этихъ описаній съ частицей *я* должны же лежать какія-нибудь чувственныя состоянія, иначе ребенокъ не могъ бы усвоить этой формы выраженія.

Прислушайтесь же къ такимъ рѣчамъ, и вы найдете, что все существенное содержаніе ихъ исчерпывается воспоминаніями того, что́ ребенокъ видѣлъ, нюхалъ, хваталъ руками, что́ вообще чувствовалъ и какъ дѣйствовалъ. Какъ воспоминанія, это—репродуцированные акты, но репродуцированные съ новой для насъ частицей *я*, которая именно и придаетъ мысли активный характеръ. Чувственной подкладкой этой частицы мы и займемся.

На ряду съ воспріятіями изъ внѣшняго міра, человѣкъ съ дѣтства безпрерывно получаетъ впечатлѣнія отъ собственнаго тѣла. Одни изъ нихъ воспринимаются обычными путями [собственный голосъ, напримѣръ, слухомъ; формы тѣла глазомъ и осязаніемъ] и мало отличаются отъ соотвѣтственныхъ впечатлѣній, получаемыхъ нами отъ другихъ людей [однако, отличаются, какъ это было уже мною показано въ моихъ психологическихъ этюдахъ, 1873, стран. 58 и 59]; другія же идутъ, такъ сказать, изнутри тѣла и являются въ сознаніи въ формѣ очень неопредѣленныхъ, темныхъ чувствованій.

Ощущенія послѣдняго рода являются спутниками процессовъ, совершающихся во всѣхъ главныхъ анатомическихъ системахъ тѣла [голодъ, жажда, чувство благосостоянія, усталость и проч.] и справедливо называются системными чувствами. Сопутствуя актамъ, непрерывно происходящимъ въ тѣлѣ, они должны по-

стоянно наполнять сознаніе человѣка, и если мы не всегда чувствуемъ ихъ присутствіе здѣсь, то только благодаря ихъ крайней блѣдности, сравнительно съ продуктами дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ. Стоитъ однако какому-нибудь системному ощущенію мало-мальски подняться изъ-за обычнаго уровня, и оно становится въ сознаніи если не преобладающимъ, то равноправнымъ членомъ проходящаго въ данную минуту ассоціированнаго ряда.

Поэтому у человѣка не можетъ быть собственно никакого предметнаго ощущенія, къ которому не примѣшивалось бы системное чувство въ той или другой формѣ. Въ этой смѣси или ассоціаціи для половины, данной дѣятельностью высшихъ органовъ чувствъ, существуетъ, какъ эквивалентъ, предметъ внѣшняго міра, а для другой—никакого внѣшняго эквивалента нѣтъ. Первая половина чувствованія имѣетъ, какъ говорится, объективный характеръ, а вторая—чисто-субъективный. Первой соотвѣтствуютъ предметы внѣшняго міра, второй—чувственныя состоянія собственнаго тѣла—*самоощущенія.*

Когда такой чувственный элементъ по той или другой причинѣ сознается въ данную минуту, то онъ всегда ассоціируется съ сосѣдними ему по времени впечатлѣніями отъ внѣшнихъ предметовъ и придаетъ чувственному состоянію субъективную окраску. Такъ какъ, однако, системныя ощущенія у здороваго человѣка всегда очень темны, неопредѣленны и нерасчленимы, то дѣло рѣдко доходитъ до различенія въ субъективномъ придаткѣ составныхъ частей. Доказывается это тѣмъ, что когда при диссоціаціи группы придатокъ обособляется въ отдѣльное звено [а диссоціація происходитъ, конечно, на общихъ основаніяхъ], для него въ человѣческой рѣчи не оказывается частныхъ обозначеній [если исключить случаи перенесенія на этотъ продуктъ имени человѣка, Петра, Ивана] и онъ прикрывается уже у ребенка родовымъ знакомъ *я.*

Благодаря чрезвычайной частотѣ образованія подобныхъ ассоціацій, которыя съ этой минуты я буду называть для краткости *личными чувственными рядами*, всякое вообще чувствованіе, какъ бы отрывисто оно ни было, получаетъ возможность проявляться и въ сознаніи и въ рѣчи въ двоякой формѣ: безъ придатка—и съ нимъ. Въ первомъ случаѣ чувствованіе или мысль, облеченныя въ слово, имѣютъ всегда характеръ объективной передачи испытаннаго—«дерево лежитъ на землѣ», «собака бѣжитъ»; «кричитъ воробей», «цвѣтокъ пахнетъ». Во второмъ тѣ же самые акты получаютъ характеръ описанія личнаго чувствованія

опредѣленной формы—«я вижу дерево лежащимъ на землѣ», «я вижу бѣгущую собаку», «я слышу крикъ воробья», «я ощущаю запахъ цвѣтка». Вся разница между ними только въ прибавкѣ двухъ субъективныхъ членовъ «я вижу», «я слышу», а между тѣмъ какой рѣзкой кажется она не только по формѣ, но и по смыслу:—въ одномъ случаѣ передаются событія, совершающіяся внѣ насъ, а въ другомъ эти самыя событія описываются, какъ акты чувствованія!

Но, конечно, эта разница выступаетъ рѣзко въ сознаніи человѣка не въ дѣтствѣ, а позднѣе, когда всѣ реакціи воспріятія не только расчленились вполнѣ, но и распредѣлены въ группы бóльшей или меньшей общности по сходству и по принадлежности къ органамъ чувствъ. Тогда всѣ вторые члены типическихъ личныхъ рядовъ, выражающіеся въ рѣчи обыкновенно глаголами, получаютъ для сознанія опредѣленный смыслъ. Эффекты возбужденія органовъ чувствъ свѣтомъ, звукомъ, запахомъ и проч., будучи отвлечены отъ всего прочаго и символизированы, превращаются въ *видѣніе*, *слышаніе*, *осязаніе* и *обоняніе* [для вкуса почему-то въ русскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго слова], какъ виды родовой формы «чувствованіе»; а двигательныя реакціи воспріятій въ *смотрѣніе*, *слушаніе*, *нюханіе*, *щупаніе* и *смакованіе*, какъ активныя стороны тѣхъ же процессовъ [что въ сущности, конечно, несправедливо, потому что пассивнымъ формамъ соотвѣтствуютъ эффекты возбужденія нервовъ свѣтомъ, звукомъ и т. д., а дѣятельную категорію составляютъ мышечныя реакціи при актахъ воспріятія впечатлѣній] и какъ виды родовой формы «дѣйствіе». Такъ какъ при этомъ связь тѣхъ и другихъ съ чувственной подкладкой *я* не прерывается, то понятно, что въ концѣ-концовъ должны необходимо развиться двѣ формы *я*—пассивная и активная [1]).

Позднѣе жизнь приноситъ съ собою данныя для дальнѣйшаго развитія «дѣятельнаго я», насколько вообще продолжающимся анализомъ личныхъ рядовъ, сопровождавшихся дѣйствіями, выясняются для сознанія мѣсто каждаго члена въ такомъ ряду и ихъ отношенія другъ къ другу. При этомъ дѣйствія со всѣми ихъ характерами по прежнему пріурочиваются къ *я*, и эта ничтожная въ лѣстницѣ психическихъ образованій форма, способная расчленяться едва ли не менѣе боли или чувства усталости, пре-

[1]) Одинаковая легкость сліянія субъективнаго *я* съ субъективными же ощущеніями и съ двигательными реакціями воспріятій объясняется тѣмъ, что и послѣднія, насколько въ нихъ замѣшано мышечное чувство, имѣютъ для сознанія непосредственно субъективный характеръ.

вращается мало-по-малу въ самодѣятельное начало, властвующее надъ мыслью и поступками!

Защитники этого начала, конечно, возразятъ мнѣ, что разумѣемое мною *я*—не то, которое разумѣется ими; но тогда нужно показать корни и развитіе ихъ *я*. Съ ихъ точки зрѣнія это положительно невозможно; съ той же, которая защищается мною, понять въ общихъ чертахъ происхожденіе *я*, со всѣми его выспренними аттрибутами, не особенно трудно.

Выше я уже замѣтилъ, что самоощущенія представляютъ чувственный комплексъ, настолько темный и неопредѣленный, что ясное различеніе въ немъ составныхъ частей невозможно. Въ этомъ смыслѣ они образуютъ готовую рамку, въ которую могутъ поступать чувственные элементы изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, лишь бы новые пришельцы не различались по *основнымъ* характерамъ отъ системныхъ ощущеній. Характеровъ же этихъ три: системное чувство, во-первыхъ, *субъективно;* во-вторыхъ, крайне часто *импульсивно* въ положительную и отрицательную сторону [какъ это видно на его типическихъ представителяхъ—голодѣ, жаждѣ, усталости и половомъ чувствѣ, когда они достигаютъ нѣкоторой высоты] и въ-третьихъ, будучи импульсивнымъ, *служитъ часто стимуломъ*, вызывающимъ двигательныя реакціи въ тѣлѣ [новый поводъ къ тому, чтобы считать *я* дѣятельнымъ началомъ]. Понятно, что при такомъ условіи въ рамку чувственнаго *я* могутъ попадать незамѣтно для сознанія всякія вообще чувственныя и идейныя состоянія съ мало-мальски импульсивнымъ характеромъ, хотя бы это были производныя дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ. Насколько любая мысль или представленіе импульсивны, и насколько они, въ силу своей импульсивности, способны вызывать цѣлесообразныя двигательныя реакціи, въ нихъ для сознанія существуетъ очевидное сходство съ элементами системнаго *я;* и эти столь разнородныя образованія дѣйствительно относятся человѣческимъ сознаніемъ въ одну группу, когда личные ряды расчленяются и элементы ихъ классифицируются по сходству. Что это не фраза, всего легче убѣдиться изъ того, въ какомъ видѣ представляется непосредственно сознанію всякаго мыслящаго человѣка воля. Въ обособленной отъ прочихъ душевныхъ способностей формѣ, она имѣетъ видъ неопредѣленной нерасчленимой силы [въ рѣчи воля можетъ быть только сильна и слаба], дѣйствующей по преимуществу въ двигательной сферѣ; а въ связи съ другими способностями, воля является началомъ, то подчиненнымъ разуму—

исполнительницей его велѣній, — то равноправнымъ съ нимъ — активной стороной разума.

Даже эта нетвердость въ опредѣленіяхъ понятна съ развитой мною точки зрѣнія.—Отнесеніе идейныхъ состояній, съ импульсивнымъ характеромъ, въ рамку системнаго *я*, очевидно, не всегда одинаково удобно для сознанія, такъ какъ въ идеѣ или представленіи всегда остается много объективнаго (вслѣдствіе вѣчно присущей намъ способности объективировать впечатлѣнія). Поэтому, когда элементы съ послѣднимъ характеромъ развиты въ представленіи сравнительно слабо, оно можетъ входить въ рамку цѣликомъ, и *я* будетъ по преимуществу импульсивнымъ. Въ обратномъ случаѣ оба элемента, разсудочный (по отношенію къ дѣйствію) и импульсивный, будутъ казаться двумя сторонами одной и той же вещи.

Итакъ, въ развитіи дѣятельныхъ формъ мышленія [прошу читателя не забывать, что изъ обзора были пока исключены причинная зависимость и внѣ-чувственное мышленіе] принимають участіе слѣдующіе моменты: 1) импульсивность чувственныхъ и идейныхъ состояній, общее значеніе которой было уже выяснено во II-й главѣ этого трактата; 2) присоединеніе къ производнымъ высшихъ органовъ чувствъ элементовъ системнаго *я*; и 3) анализъ и классификація вытекающихъ отсюда личныхъ рядовъ, которые, какъ мы видѣли, происходятъ на общихъ основаніяхъ.

Стало-быть, *и въ этой обширной области явленій нѣтъ ничего, что не подходило бы подъ общую схему эволюціи Спенсера.*

Едва ли существуетъ въ области логики другой вопросъ, который нуждался бы въ трезвомъ психологическомъ освѣщеніи въ той же мѣрѣ, какъ вопросъ о «причинѣ» и «причинной связи» или зависимости. Слова эти, съ прибавленіемъ афоризма «нѣтъ дѣйствія безъ причины», слышатся изъ глубокой древности по-днесь такъ часто, что понятіямъ, обозначаемымъ ими, слѣдовало бы уже давно прочно установиться, а между тѣмъ здѣсь до сихъ поръ продолжается путаница невообразимая.

Моей цѣлью или, по крайней мѣрѣ, желаніемъ будетъ не только внести опредѣленность въ понятія при помощи гипотезы Спенсера, но и объяснить съ ея точки зрѣнія самую путаницу понятій.

Для этого я считаю наиболѣе удобнымъ, въ видахъ краткости и ясности, развить мою основную мысль въ нѣсколько положеній, которыя временно пусть считаются гипотезами, за исключеніемъ, впрочемъ, перваго.

1) Понятія, *причина* и *причинная связь*, развивались во всѣ времена преимущественно въ приложеніи къ *явленіямъ*, или *рядамъ* [какъ субъективнымъ, такъ и объективнымъ], а не къ группамъ,—къ послѣдованіямъ, а не сосуществованіямъ.

2) Причиной, дѣйствіемъ и причинной связью во всѣ времена обозначались продукты анализа рядовъ, заходящаго за внѣшнюю поверхность явленій, — анализа, соотвѣтствующаго по смыслу, но не по средствамъ, современному научному анализу явленій природы.

3) Изъ явленій умственно выдѣлялись не только чувственныя звенья, но и болѣе или менѣе скрытые факторы — эквиваленты господствовавшимъ нѣкогда у натуралистовъ силамъ и современнымъ формамъ энергіи.

4) Причиной всегда обозначался факторъ, казавшійся по чему бы то ни было главнымъ дѣятелемъ въ цѣломъ ряду или въ отдѣльныхъ звеньяхъ ряда; а причинной связью—отношеніе его къ фактору второстепенному, но отношеніе особаго рода,— не пространственное, не количественное, не сходство и не отношеніе во времени.

5) Чѣмъ ниже была культура, тѣмъ, конечно, страннѣе были въ представленіи частныя формы факторовъ и ихъ причинныхъ отношеній; но родовая форма тѣхъ и другихъ оставалась въ общихъ чертахъ неизмѣнной: причина оставалась родовымъ знàкомъ для главнаго фактора [конечно, представленія о главенствѣ въ разныя эпохи и у разныхъ людей не могли оставаться неизмѣнными, если представленія о самомъ факторѣ мѣнялись], а причинная связь по-прежнему выражала отношеніе отличное отъ связи по сходству, во времени и въ пространствѣ.

6) Благодаря языку, понятія эти перешли и къ намъ. Въ невѣжественныхъ массахъ, которыхъ одно наше отечество насчитываетъ десятки милліоновъ, причина и причинная зависимость— даже въ приложеніи къ частнымъ явленіямъ—сохранили, я думаю, почти первобытную форму, которая только въ исключительныхъ случахъ еле поднимается надъ уровнемъ суевѣрія. Въ образованныхъ же слояхъ суевѣрныя формы причины и причинной связи хотя давно исчезли, вмѣстѣ съ выясненіемъ представленій о факторахъ, но убѣжденіе въ родовомъ отличіи причинной связи отъ всѣхъ прочихъ формъ связей держится все еще крайне упорно.

7) Только у натуралистовъ (математики въ своей области по самому существу дѣла вѣдаются только съ отношеніями количественными и пространственными), какъ людей, занимающихся

явленіями наиболѣе простыми, судьба обоихъ понятій окончательно опредѣлилась: причина развѣнчана на степень фактора, равнозначнаго всѣмъ прочимъ, а причинная зависимость все болѣе и болѣе превращается въ связь по сходству, связь во времени и пространствѣ. И только тамъ, гдѣ форма связи не выяснена, натуралистъ — частью по привычкѣ, частью изъ удобства — употребляетъ знаки: причина и причинная зависимость. Самымъ краткимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ нагляднымъ доказательствомъ этого служитъ всеобщее стремленіе естествознанія сводить всѣ явленія природы на чисто-механическія отношенія, и именно: на разныя формы движенія, сообщеніе ихъ отъ одной системы къ другой, и на вытекающія отсюда превращенія въ формахъ движеній.

8) Примѣръ естествознанія такимъ образомъ показываетъ, что чѣмъ сильнѣе становятся средства научнаго анализа, тѣмъ фиктивнѣе оказываются понятія причины и причинной зависимости, если разумѣть подъ ними нѣчто отличное отъ факторовъ и отношеній, дѣйствующихъ въ пространствѣ и во времени.

При такомъ взглядѣ на дѣло — а выясненіе его психологической необходимости и составляетъ собственно мою задачу — съ-разу становится понятной та неопредѣленность и шаткость возрѣній, которыми характеризуется разбираемая область. Подъ причинной зависимостью для человѣческаго сознанія всегда скрывается нѣчто существенное, реальное, но—за отсутствіемъ средствъ къ анализу—всегда столь неопредѣленное, что въ этотъ намекъ можно втиснуть, какъ въ готовую рамку, самыя разнообразныя вещи. Оттого-то причина и кажется уму то дѣятелемъ въ родѣ человѣческаго *я*, то скрытнымъ активнымъ началомъ въ предметахъ внѣшняго міра (и эти формы еще болѣе опредѣленны), то неопредѣленнымъ источникомъ, изъ котораго явленія родятся неизбѣжнымъ роковымъ образомъ,—то, наконецъ, источникомъ, въ которомъ предсуществуетъ не только производящая сила, но и самый эффектъ. Мнѣнія же о причинной зависимости, если возможно, еще болѣе неопредѣленны: она является то какой-то эманаціей дѣятельнаго начала, то моментомъ необходимости въ послѣдованіи, то закономъ послѣдованія и пр.

Первымъ нашимъ дѣломъ должно быть разъясненіе вопроса о чувственныхъ корняхъ понятій: *причина, дѣйствіе* и *причинная зависимость.*

Въ организаціи чувствующихъ снарядовъ мы находимъ, какъ извѣстно, только условія для анализа явленій въ пространствѣ

и во времени. Если же включить въ составъ чувствующихъ снарядовъ тѣ отдѣлы организаціи, при посредствѣ которыхъ происходитъ записываніе впечатлѣній, то регистрація по сходству составляетъ, какъ мы знаемъ, третій чувственный корень познанія — орудіе анализа по сходству.

Та же самая регистрація по сходству, но только въ приложеніи къ рядамъ или послѣдованіямъ, причемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ она имѣетъ видъ фотографическаго записыванія ряда, *составляетъ чувственную основу разбираемыхъ понятій.*

При посредствѣ такой регистраціи ряды случайные забываются, постоянные [неизмѣнныя послѣдованія] фиксируются въ памяти и воспроизводятся въ неизмѣнной формѣ при всякомъ намекѣ, а ряды отрывочные или видоизмѣняющіеся по содержанію способствуютъ расчлененію всѣхъ вообще рядовъ на отдѣльныя звенья.—Это общій законъ расчлененія группъ и рядовъ.

Если годовалый ребенокъ — или даже собака — обожжется раза два-три, сунувшись въ пламя, то въ четвертый не сунется болѣе. Такой результатъ есть въ сущности репродукція уже испытаннаго ряда при новомъ намекѣ на него, и обличаетъ въ субъектѣ еще умѣнье справляться съ движеніемъ — ничего болѣе. Но съ виду актъ имѣетъ уже форму различенія причины и слѣдствія—и, если хотите, различенія роковой связи между ними.

Изъ суммы подобныхъ чувственныхъ опытовъ и слагается тотъ матеріалъ, который можно назвать чувственными корнями разбираемыхъ понятій. Въ немъ, очевидно, нѣтъ ничего, кромѣ расчлененія постоянныхъ рядовъ, совершающагося на общихъ основаніяхъ. Я думаю, $^3/_4$ или даже $^9/_{10}$ этого матеріала составляютъ случаи личныхъ или субъективныхъ рядовъ, такъ какъ условія для ихъ происхожденія существуютъ ежесекундно,—все равно, воспринимается ли неподвижная группа или подвижная перемѣна — явленіе. Изъ этого же числа опять $^3/_4$ или болѣе навѣрняка составляютъ частные случаи личныхъ рядовъ, въ которыхъ чувствованія сопровождались движеніями или дѣйствіями самого ребенка. Этотъ частный видъ личныхъ рядовъ я назову для краткости *рядами личнаго дѣйствія.*

Чѣмъ дальше идетъ жизнь, принося съ собою разнообразіе встрѣчъ, тѣмъ опредѣленнѣе и дробнѣе становятся звенья субъективныхъ и объективныхъ рядовъ. Черезъ это умножается число частныхъ сходствъ между ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются шансы для сопоставленія тѣхъ и другихъ по сходству. Послѣднему въ значительной степени помогаетъ фигурность рѣчи, переносящей очень часто наименованія съ одного класса предметовъ

и отношеній на другіе. Подобными сопоставленіями по сходству, дѣйствительному или только словесному, всего легче объясняются дѣтскіе вопросы въ родѣ того, отчего столъ не ходитъ, когда у него есть ножки; куда идетъ солнышко; гдѣ оно прячется; отчего цвѣтокъ пахнетъ, а камень нѣтъ и т. д. Съ виду за этими вопросами какъ-будто скрывается уже смутное сознаваніе причинъ, дѣйствій и ихъ связей; но оно появляется, вѣроятно, нѣсколько позже, и источникомъ его служатъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, опять-таки сравненія, а не какія-нибудь таинственныя, инстинктивныя нашептыванія.

Разъ подобные вопросы стали возникать въ головѣ ребенка, они естественно ассоціируются съ тѣми отвѣтами или толкованіями, которые получаются имъ отъ матери или няньки. Каково бы ни было значеніе такихъ толкованій со стороны логичности и научности, въ нихъ всегда найдется много отвѣтовъ, выстроенныхъ по шаблону причины, дѣйствія и ихъ связи; и я едва ли преувеличу, сказавъ, что въ толкованіяхъ съ этимъ характеромъ причина получаетъ всего чаще форму дѣятеля, напоминающаго болѣе или менѣе человѣка съ его способностью къ дѣйствіямъ.— Это—форма самая обыденная, наглядная и приходится по плечу всякому толкователю, какова бы ни была степень его умственнаго развитія. Такимъ образомъ бросается сѣмя, и теперь дѣло уже за почвой, чтобы оно дало плодъ.

Я сказалъ выше, что между чувственными рядами, проходящими черезъ сознаніе ребенка, ряды личнаго дѣйствія должны представлять очень высокій процентъ. Отношеніе это поддерживается, конечно, все время, пока ребенокъ сохраняетъ ту непостижимую для взрослаго мышечную подвижность, которой характеризуется дѣтство. Поэтому естественно думать, что оно [т.-е. то же количественное отношеніе] переходитъ и на продукты расчлененія всѣхъ вообще рядовъ. Кромѣ того, ряды личнаго дѣйствія отличаются отъ всѣхъ прочихъ, помимо крайняго разнообразія содержанія, наибольшею полнотою членовъ. Такъ, въ типической формѣ подобнаго ряда можно насчитать до семи моментовъ съ разными физіологическими подкладками:

1) побужденіе къ дѣйствію;

2) отличеніе себя отъ предмета, на которое имѣетъ быть устремлено дѣйствіе;

3) сознаваніе въ себѣ силы или способности къ дѣйствію;

4) различеніе субъективныхъ и объективныхъ условій дѣйствія, т.-е. оцѣнка положенія и свойствъ предмета, рядомъ съ

оцѣнкой собственныхъ силъ (т.-е., по силамъ ли дѣйствіе или нѣтъ), изъ чего опредѣляются:

5) начало дѣйствія во времени;

6) самый способъ дѣйствія, и —

7) результатъ.

Съ импульсами къ дѣйствіямъ мы знакомы; 2-й пунктъ тоже извѣстенъ. Сознаваніе въ себѣ силы слагается изъ тѣхъ ощущеній мышечнаго напряженія или усилій, которыми сопровождается мускульная работа въ приложеніи къ внѣшнимъ тѣламъ. Первая половина 4-го пункта опять извѣстна; а вторая — есть продуктъ опытовъ, въ которыхъ человѣку приходилось сравнивать свою силу съ сопротивленіемъ ея дѣйствію внѣшнихъ предметовъ. Послѣдніе три пункта, въ свою очередь, представляютъ отдѣльные моменты или звенья всякаго испытываемаго ряда.

Если же мы возьмемъ любой объективный рядъ, даже такой, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является живое существо [напримѣръ, птицу, гоняющуюся за бабочкой], то въ немъ непосредственно нельзя открыть никакихъ другихъ элементовъ, кромѣ тѣхъ, которые даетъ анализъ явленія въ пространствѣ и во времени. И только изъ ряда аналогій съ собственными способностями къ дѣйствію, открываемыхъ опытами, можно заключить, что звѣрь и птица, гонящіеся за добычей, переживаютъ тотъ же рядъ душевныхъ состояній, что̀ и человѣкъ во время дѣйствія.

Еще бѣднѣе и отрывочнѣе должны, конечно, представляться сознанію объективные ряды, съ неодушевленными предметами въ роли дѣятелей; и всего бѣднѣе такіе, въ которыхъ дѣйствіе нельзя пріурочить къ какому-нибудь осязаемому предмету или по-крайней-мѣрѣ видимому образу.

Чѣмъ же должно выразиться такое различіе между объективными рядами и рядами личнаго дѣйствія?

Когда тѣ и другіе расчленены и обобщены настолько, что между символическими образами ихъ является сходство, личные ряды, вслѣдствіе ихъ наибо̀льшей полноты и привычности, должны стать шаблонами или мѣрками при сопоставленіяхъ по сходству. Оттого-то изъ всѣхъ толкованій матери или няньки, по шаблону причинной связи, дѣти и усвоиваютъ всего легче форму, въ которой причина является одушевленнымъ дѣятелемъ.

Но этимъ же, очевидно, путемъ могъ и долженъ былъ выработаться въ человѣческомъ сознаніи типъ дѣйствія по внутреннему желанію или хотѣнію дѣятеля *совершенно самостоятельно*, помимо всякаго обученія людей въ дѣтствѣ. Какъ типъ наиболѣе привычный и наиболѣе законченный, онъ, по необходимости, долженъ

былъ служить людямъ главнымъ или даже исключительнымъ шаблономъ для объясненія физическихъ явленій, пока научный анализъ не раскрывалъ ихъ истинныхъ факторовъ. И это выразилось, какъ извѣстно, тѣмъ, что даже въ случаяхъ, когда, при наблюденіи явленій, дѣятелей съ хотѣніями не оказывалось на лицо, умъ создавалъ миѳы, лишь бы подвести непонятное подъ знакомый типъ.

Это былъ періодъ одухотворенія или олицетворенія причинъ.

Психологическую сторону умственнаго созиданія одушевленныхъ причинъ или миѳовъ понять теперь не трудно. Если смотрѣть на процессъ безотносительно, то онъ кажется умозаключеніемъ отъ даннаго извѣстнаго къ неизвѣстному, что̀ психологически невозможно. Если же принять происхожденіе одушевленной причины изъ сравненія съ рядами личнаго дѣйствія, то процессъ будетъ умозаключеніемъ отъ опытнаго ряда съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ недочетомъ членовъ, къ шаблонному сходному [въ большинствѣ случаевъ въ сущности очень мало сходному] и тоже опытному ряду, но съ полнымъ числомъ членовъ.

Процессъ развитія причины въ формѣ дѣятельнаго начала совершенно тотъ же. Вся разница отъ предыдущаго случая въ томъ, что на мѣсто олицетвореннаго дѣятеля ставится его свойство или способность къ дѣйствію. Этимъ же путемъ возникаютъ представленія о причинѣ, какъ *силѣ;* причемъ шаблономъ служитъ, очевидно, мышечная сила человѣка. Въ послѣдней формѣ причина держалась даже въ физикѣ до очень недавняго еще времени, употребляясь, какъ объяснительное начало, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наблюденіе открывало или заставляло предполагать притяженіе, либо отталкиваніе. Понятно, впрочемъ, что по мѣрѣ выясненія разницы между предметами одушевленными и неодушевленными, дѣйствующія начала въ послѣднихъ должны были все болѣе и болѣе удаляться отъ исходнаго типа и терять аттрибуты жизненности. Когда этотъ переворотъ въ умахъ людей совершился, типъ физическаго дѣятеля сдѣлался для сознанія болѣе простымъ, болѣе понятнымъ, и въ способѣ изученія явленій путемъ сравненія, т.-е. *въ способѣ отыскиванія причинъ,* произошелъ поворотъ на 180°.—*Шаблономъ сталъ типъ физическаго дѣятеля и физическаго дѣйствія, а соизмѣряемымъ съ нимъ неизвѣстнымъ—прежній шаблонъ личнаго дѣйствія.*

Насколько такой поворотъ естествененъ для натуралиста, указаніемъ можетъ служить очень вѣрная русская поговорка: «всякъ мѣритъ на свой аршинъ».—Аршинъ натуралиста для измѣренія

всѣхъ вообще явленій въ природѣ—типъ физическаго дѣятеля и физическаго дѣйствія; имъ онъ мѣритъ все. Насколько же такой поворотъ законенъ, можно рѣшить для себя всякому [разумѣется, я имѣю въ виду людей просвѣщенныхъ], сличивъ оба шаблона, старый и новый, въ отношеніи простоты и опредѣленности. Едва ли кто откажетъ новому шаблону въ преимуществѣ съ этой стороны. А если это такъ, то кому же быть шаблономъ или мѣркой, какъ не ему?

Послѣ всего сказаннаго о причинѣ распространяться о причинной зависимости, какъ отношеніи между причиной и эффектомъ, считаю совершенно безполезнымъ. Явно, что—

—*причинная зависимость не можетъ имѣть никакихъ притязаній обозначать собою особый видъ связи между факторами явленій, отличный отъ связей въ пространствѣ, во времени и въ сходствѣ.*

Будучи въ психологическомъ отношеніи не болѣе, какъ обобщеннымъ выводомъ изъ множества сравненій чувственныхъ рядовъ, разсматриваемыхъ какъ *дѣйствіе* вообще (родовой знакъ, подъ которымъ можно разумѣть сколько угодно формъ дѣйствій), причина и причинная связь въ самомъ счастливомъ случаѣ могутъ служить и служатъ до-сихъ-поръ очень удобнымъ терминомъ для обозначенія факта существованія за внѣшностью явленій производящихъ его факторовъ и отношеній между ними. Въ этомъ собственно и заключается вся реальная подкладка обоихъ понятій, дѣлающая изъ положенія «нѣтъ дѣйствія безъ причины» аксіому. Послѣдняя истина, впрочемъ, и теперь остается непоколебимой, потому-что въ переводѣ на болѣе современный языкъ она гласитъ: «нѣтъ явленій безъ факторовъ».

Нужно ли прибавлять, что выводы отъ дѣйствія къ причинѣ ни въ какомъ отношеніи не составляютъ явленій, развитіе которыхъ не подходило бы подъ общую схему Спенсера.

VIII.

Внѣ-чувственное мышленіе: —Характеристика внѣ-чувственныхъ продуктовъ.—Условіе перехода мысли изъ сферы чувства въ область внѣ-чувственныхъ отношеній.

Приступая къ вопросу о внѣ-чувственномъ мышленіи, я заранѣе считаю нужнымъ оговориться, что не касаюсь въ изслѣдованіи области вѣрованія, т.-е. сверхъ-чувственнаго.

Какъ ни простъ кажется съ перваго взгляда вопросъ о раз-

ницѣ между чувственнымъ и внѣ-чувственнымъ; но если прислушаться къ разнымъ мнѣніямъ по этому предмету, то легко убѣдиться въ противномъ. Такъ, иногда въ первую группу собираютъ только то, что̀ непосредственно дается чувствомъ—все, что̀ можно видѣть, ощупать, обонять,—а въ сторону внѣ-чувственнаго относятъ всѣ продукты идеализаціи или символизаціи впечатлѣній. Это дѣлается, когда, напримѣръ, реальность противополагается идеѣ. Убѣдиться въ нелѣпости такой группировки однако очень легко.—Все видимое, осязаемое есть объективированная форма чувствованія; слѣдовательно, въ самомъ счастливомъ случаѣ отличіе этихъ продуктовъ отъ идеи или метаморфозированнаго чувствованія можетъ заключаться въ необъективируемости послѣдней; мы же знаемъ, что воспоминаніе о видѣнномъ и слышанномъ имѣетъ для сознанія образъ и часто очень яркій; зрительные символы, несмотря на то, что это отрывки дѣйствительности, тоже не безформенны. Стало быть, видимое, осязаемое есть чувственное, рѣзко объективируемое; а мысль, представленіе есть чувственное, объективируемое настолько, насколько въ немъ сохранился какой-нибудь обрывокъ исходнаго чувственнаго корня.

Внѣ-чувственными продуктами считаются иногда причудливыя созданія воображенія, неимѣющія соотвѣтствія въ дѣйствительности, въ родѣ, напримѣръ, крылатыхъ быковъ, сфинксовъ и т. п. Но здѣсь, кромѣ ненормальности сочетанія, всѣ детали очевидно чувственны и реальны; сочетаніе же двухъ или болѣе вещей, не встрѣчающихся въ природѣ вмѣстѣ, можетъ быть продуктомъ даже случайнаго сопоставленія соотвѣственныхъ представленій въ умѣ. Такъ, размышляя въ эту минуту о сфинксахъ передъ нашей академіей художествъ, какъ образѣ животнаго съ человѣческой головой, я невольно подумалъ, что обезьянье тѣло съ вѣтряной мельницей, вмѣсто головы, могло бы составить не только образъ, но и служить эмблемой фиглярства и легкомыслія въ человѣческомъ родѣ.

Въ категорію внѣ-чувственнаго относили еще аксіомы или всеобщія истины. Такъ какъ большинство изъ нихъ для людей образованныхъ самоочевидны, т.-е. понимаются съ-разу безъ всякихъ разсужденій или толкованій, то имъ приписывалось внѣ-опытное [или, что̀ то же, внѣ-чувственное] происхожденіе; а способъ ихъ воспріятія или пониманія считался непосредственнымъ, интуитивнымъ.

Чтобы избѣжать длинныхъ разсужденій по этому предмету, я коснусь только содержанія аксіомъ и смысла интуиціи, какъ процесса. Всѣ самоочевидныя истины, во-первыхъ, крайне

элементарны; во-вторыхъ, всегда представляютъ съ виду сильно обобщенные выводы, встрѣчающіе приложеніе не только въ наукѣ, но и въ практической жизни на каждомъ шагу. Такая приложимость ихъ къ *опыту*, рядомъ съ отсутствіемъ пониманія многихъ аксіомъ дѣтьми въ раннемъ возрастѣ, заставляетъ уже сильно сомнѣваться въ ихъ *внѣ-опытномъ* происхожденіи, хотя и не можетъ, конечно, опровергнуть этой мысли абсолютно. Но вотъ чтó ее опровергаетъ.—Всѣ признаютъ, что интуиція равнозначна выводу, дѣлаемому какъ будто безъ посылокъ; на этомъ основаніи Льюисъ характеризуетъ ее чрезвычайно мѣтко словами *интуиція есть организованное сужденіе*, желая этимъ выразить ея сходство съ автоматическимъ движеніемъ, гдѣ механизмъ процесса скрытъ быстротою и легкостью дѣйствія. Я, съ своей стороны, могу привести аналогію еще болѣе подходящую, именно *unbewusste Schlüsse* Гельмгольтца при воспріятіи пространственныхъ отношеній дѣтьми въ тáкую пору, когда они еле-начинаютъ ходить, не только что разсуждать. Аналогія послѣднихъ актовъ съ интуиціями до такой степени полная, что я, не колеблясь, утверждаю психологическую однозначность интуитивнаго пониманія любой аксіомы, напримѣръ: «часть всегда меньше своего цѣлаго», съ пониманіемъ слѣдующаго предложенія: «чтобы видѣть предметъ, стоящій справа, нужно всегда повернуть или голову или глаза направо». А между тѣмъ кто же станетъ сомнѣваться, что послѣдняя изъ истинъ, будучи столь же *самоочевидной*, *всеобщей* и *необходимой*, какъ первая, имѣетъ чувственное происхожденіе?

Въ категорію внѣ-чувственнаго относятъ, наконецъ, математическія построенія ума, всю область метафизическаго или трансцендентнаго мышленія [она обособляется до сихъ поръ въ особый отдѣлъ знаній по привычкѣ отдѣлять философію отъ прочихъ наукъ] и внѣ-чувственныя построенія или фикціи *опытныхъ наукъ*. Хотя этимъ и не исчерпывается, какъ мы увидимъ, вся сумма явленій; но перечисленные крупные отдѣлы знаній дѣйствительно относятся уже въ категорію внѣ-чувственнаго мышленія и составляютъ наибольшую часть его продуктовъ. Позже, когда общее психологическое значеніе послѣднихъ будетъ установлено, границы внѣ-чувственной области обозначатся яснѣе; теперь же будетъ удобнѣе ограничиться упомянутыми крупными отдѣлами и, выбравъ мысленно по нѣскольку примѣровъ изъ каждой [напр., математическую точку, число; существо, бытіе, конечная причина; атомъ, сила, матерія], заняться общей характеристикой внѣ-чувственнаго.

Всѣ вообще внѣ-чувственные продукты, какъ показываетъ уже ихъ родовое имя, лишены для сознанія всякой формы, всякаго чувственнаго облика; между тѣмъ въ нихъ есть всегда для ума болѣе или менѣе опредѣленный смыслъ, даже когда они приходятъ въ сознаніе въ одиночку, въ одѣяніи условныхъ знаковъ.

Первая половина положенія не представляетъ для насъ ничего особенно новаго: мы знаемъ, что ощущенія вкуса и обонянія даже при воспоминаніяхъ, т.-е. на самой низшей ступени превращеній, не объективируются вовсе. То же самое и съ элементами мышечнаго чувства, если они отщемляются отъ ассоціированныхъ съ ними зрительныхъ и осязательныхъ продуктовъ. Такъ, удаленіе и величину нельзя себѣ представить образно, если не вообразить опредѣлителями удаленія двухъ предметовъ, а подъ величину не подставить какого-нибудь образа, хоть линіи. *Близь, даль, большое* и *малое* суть уже символы и понятны для насъ, *какъ отношенія*. Этотъ пунктъ очень важно замѣтить для послѣдующаго.

Что касается до внутренняго смысла внѣ-чувственныхъ символовъ, составляющаго, конечно, всю суть явленія, то дѣло объясняется изъ слѣдующаго. Всякая вообще вещь, мыслимая отдѣльно отъ прочихъ (дерево, столъ, человѣкъ, чернильница) не можетъ имѣть никакого смысла; смыслъ всякой вещи опредѣляется только ея отношеніями ко всѣмъ прочимъ вещамъ; и сколько такихъ отношеній, столько въ ней смысловъ, столько мыслей можно выстроить изъ этой вещи и ея отношеній. Все это, конечно, одинаково обязательно въ мышленіи конкретами, отвлеченіями отъ нихъ и внѣ-чувственными символами.

Значитъ, послѣдніе по смыслу не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ отношеніями даннаго символа къ другимъ того же или болѣе низкаго порядка.

Отношеніе это проявляется въ сознаніи только при сопоставленіяхъ символовъ другъ съ другомъ, и весь актъ соотвѣтствуетъ тому, что называютъ вообще пониманіемъ смысла. Когда же отношеніе облекается въ условное внѣшнее одѣяніе—переводится на языкъ условныхъ знаковъ—мы пріурочиваемъ смыслъ къ символу, все равно, какъ на низшихъ инстанціяхъ мышленія пріурочиваются къ предметамъ ихъ отношенія. Оттого и кажется, что за единичнымъ знакомъ скрывается извѣстный смыслъ. Новаго во всемъ этомъ для насъ въ сущности опять ничего нѣтъ.

Коренное значеніе условныхъ символовъ въ области чувственнаго и внѣ-чувственнаго мышленія одинаково:—это сокращенные знаки, придающіе необъективируемымъ продуктамъ сознанія услов-

ную или фиктивную объективность. Своею сокращенностью они ускоряють мышленіе, а сообщеніемъ продукту объективнаго характера фиксирують его въ сознаніи [придають ему для сознанія предметный обликъ] и тѣмъ облегчають умственныя операціи надъ нимъ.

Главныхъ источниковъ, изъ которыхъ вышеупомянутые отдѣлы знаній заимствують внѣшнее одѣяніе для своихъ умозрѣній, два: человѣческая рѣчь и система математическихъ знаковъ. Рѣчь, какъ цѣлое, и математика, какъ наука, могуть быть разсматриваемы, какъ двѣ отдѣльныя системы обозначеній, развивавшіяся изъ вѣка въ вѣкъ параллельно и приспособительно къ обыденному и математическому мышленію [мышленію пространственными и количественными отношеніями!]. Послѣднее изъ вѣка въ вѣкъ вѣдалось съ отношеніями наиболѣе простыми и наиболѣе опредѣленными; и это отразилось на самой системѣ математическихъ обозначеній (развивавшейся всегда параллельно мышленію пространственными и количественными отношеніями!) тѣмъ, что за символами, разъ установившимися, могъ навсегда упрочиться строго опредѣленный смыслъ, все равно выражается ли ими какое-нибудь дѣйствіе, или обозначается его результатъ. Благодаря такой строгой опредѣленности системы обозначеній, ведущей къ тому, что символъ и подразумѣваемое, знакъ и внутренній смыслъ, *вполнѣ* совпадають другъ съ другомъ, для математика—и только для него одного—получается возможность производить очень обширныя умственныя операціи *надъ одними символами*, безъ сознательнаго обращенія ко всѣмъ корнямъ подразумѣваемаго, и получать строго вѣрные результаты. Но даже въ этихъ случаяхъ, конечно, не составляющихъ правила въ дѣлѣ изысканія математическихъ истинъ, подразумѣванія только просматриваются, а они есть; слѣдовательно, операціи все-таки совершаются во имя подразумѣваемаго.

Еще настоятельнѣе необходимость въ подразумѣваніи въ такихъ областяхъ, гдѣ одѣяніе для умозрѣній заимствуется изъ рѣчи, развивавшейся параллельно и приспособительно къ мышленію обыденными предметами и отношеніями. Послѣдніе (т.-е. предметы и отношенія) изъ вѣка въ вѣкъ отличались сложностью и неопредѣленностью, поэтому и знакамъ слѣдовало перейти въ рѣчь съ обоими свойствами. Но въ развитіи ея очевидно сильно участвовало практическое требованіе отъ символовъ краткости—оно перетянуло на свою сторону и въ рѣчь перешла простота знака съ неопредѣленностью обозначаемаго. При этихъ условіяхъ всякій разъ, какъ мысль, имѣющая своимъ содержаніемъ какое-

нибудь обыденное отношеніе [1]), переступала чувственную границу, какъ подразумѣваемое, такъ и знакъ сохраняли неопредѣленность — рѣчь, потому что она изъ вѣка въ вѣкъ развивалась на отношеніяхъ не строго опредѣленныхъ, а подразумѣваемое—на томъ основаніи, что отношеніе между двумя неопредѣленными объектами не можетъ быть опредѣленнымъ. Тѣмъ не менѣе, метафизики всегда считали продукты своего умозрѣнія простыми, опредѣленными и выводили изъ нихъ, какъ изъ камней, зданіе всего существующаго.

Какъ бы то ни было, но и у нихъ умственныя операціи надъ символами всегда производились во имя подразумѣваемаго.

Итакъ, со стороны употребленія символовъ въ дѣло мышленія, внѣ-чувственная область опять не представляетъ для насъ ничего существенно новаго [я не разбираю съ этой стороны мышленіе опытными фикціями натуралистовъ, потому что тутъ играть символами не позволяетъ опытъ] [2]).

Но, можетъ быть, она отличается отъ предыдущихъ видовъ мышленія логическими пріемами, или умственными операціями надъ своими продуктами?

Это вопросъ уже давно рѣшенный.—И въ математикѣ, и въ философіи, и въ теоретизированіяхъ натуралистовъ вся логика мышленія остается прежняя, т.-е. ее составляютъ анализъ, синтезъ и классификація, переходы отъ общаго къ частному, отъ частнаго къ общему и выводъ.

И тутъ, къ немалому, можетъ быть, изумленію читателя, опять сходство! Но вотъ, наконецъ, продуктъ дѣйствительно громадной важности и съ перваго взгляда совершенно *новый*, даваемый внѣ-чувственнымъ мышленіемъ—это *количественное отношеніе*, которое даже въ обыденной жизни упоминается на каждомъ шагу! *Количество* и *количественныя отношенія* суть понятія дѣйствительно внѣ-чувственныя, потому что съ ними вѣдается исключительно математика, а она отъ начала до конца продуктъ внѣ-чувственнаго мышленія. Новыми же кажутся оба понятія потому, что до сихъ поръ главными формами мыслимыхъ

---

[1]) Всякій, конечно, знаетъ, что метафизика ставила себѣ задачей изслѣдованіе внутреннихъ пружинъ всего бытія—всего существующаго внѣ и внутри насъ; поэтому ей приходилось вѣдаться во всякомъ случаѣ съ самыми обыденными представленіями.

[2]) Для тѣхъ изъ читателей, которые хоть немного знакомы съ химіей, превосходнымъ примѣромъ приспособленія системы обозначеній къ развивающемуся мышленію служитъ развитіе химической символизаціи отъ обозначенія элементовъ и паевыхъ формулъ до схемъ, выражающихъ химическое строеніе тѣлъ.

отношеній между предметами я выставлялъ *сходство, пространственную связь* и *преемство во времени;* а между тѣмъ оказывается, что мыслимо еще 4-е отношеніе—*количественное.* По счастію, есть возможность убѣдиться крайне легко и скоро, что новый продуктъ не составляетъ категоріи отношеній—отличной отъ старыхъ трехъ, а лишь производную отъ нихъ форму. Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что количество приложимо и ко времени, и къ пространству и даже къ сходству, когда послѣднее доходитъ до тождества: примѣръ—количественное сравненіе или измѣреніе силъ.

Внѣ-чувственному мышленію приписываютъ еще установленіе причинной зависимости; но мы уже знаемъ, что за нею тоже не скрывается никакой новой категоріи отношеній.

Итакъ, за исключеніемъ способа образованія внѣ-чувственныхъ продуктовъ и какого-то метаморфозированія элементовъ пространства, времени и сходства въ количество, фаза внѣ-чувственнаго мышленія не представляетъ никакихъ существенныхъ отличій отъ предшествующей.

Задача наша сводится, стало быть, на выясненіе только двухъ пунктовъ: изъ чего и какъ развиваются вообще продукты недоступные или превосходящіе чувство? Изъ чего и какъ развивается понятіе о количествѣ?

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ рѣшенію обоихъ вопросовъ, будетъ не безполезно закончить приведенную бѣглую характеристику внѣ-чувственнаго перечисленіемъ тѣхъ великихъ благодѣяній, которыя дало человѣчеству внѣ-чувственное мышленіе.

Оно дало ему: философское мышленіе, всю великую область математики съ ея приложеніями и всѣ теоріи естествознанія. Изъ этихъ крупныхъ даровъ на долю обыденной жизни культурныхъ расъ уже въ самыя раннія эпохи ихъ существованія достались зачатки математики — изобрѣтеніе мѣръ и чиселъ съ системою счисленія, при посредствѣ которыхъ сдѣлалось возможнымъ измѣрять время, пространство и очень многое изъ того, что̀ совершается во времени и пространствѣ, напримѣръ, вѣсъ и всякія вообще тяги. Счисленіе и мѣра, въ приложеніи ко времени, поставили человѣка въ возможность мыслить отдаленнымъ прошлымъ и будущимъ съ опредѣленностью самого счисленія; и такой же результатъ получился отъ приложенія мѣры и числа къ пространственнымъ отношеніямъ.—*Близь* и *даль, большое* и *малое,* насколько бы они ни превосходили естественныя средства зрѣнія, получали *количественную* опредѣленность.

Выше было уже упомянуто, что со стороны логики мышленія внѣ-чувственная область не отличается отъ опытной.

Сходство это сознавалось очень давно, но оно считалось метафизическими школами чисто внѣшнимъ, формальнымъ. По ихъ ученію уже переходъ въ внѣчувственную область, какъ выводъ отъ чувственнаго къ не-чувственному, но *умственному*, могъ быть только актомъ *умозрѣнія*. Только *уму* приписывалась способность прозрѣвать первую и послѣдующія ступени не-чувственныхъ отношеній. *Прозрѣвая* сложность какого-либо продукта, онъ расчленялъ его—*умозрительный анализъ; прозрѣвая* сходство продукта съ другими, онъ классифицировалъ ихъ—*умозрительное обобщеніе* и т. д. Форма дѣйствій оставалась, такимъ образомъ, прежняя, но дѣятелемъ былъ уже исключительно *умъ;* и потому всю область называли *областью чистаго умозрѣнія*, въ отличіе отъ *области опыта*.

Въ настоящее время, и именно съ тѣхъ поръ, какъ развитіемъ психологіи на физіологическихъ основаніяхъ у *ума* (какъ обособленнаго начала) отвоеваны главнѣйшіе его аттрибуты—интуитивное познаніе пространства, времени, причинной связи и всеобщихъ яко-бы внѣ-опытныхъ истинъ—*умозрѣніе*, какъ способность прозрѣвать «*превосходящее чувство*», должно быть, конечно, перенесено въ ту самую сферу, которая отвоевала умозрительные аттрибуты,—въ сферу, гдѣ, дѣйствительно, съ дѣтства происходитъ кипучая разработка отношеній пространственныхъ, преемственныхъ и причинныхъ. Область эту мы знаемъ — это опытъ.

Въ лабораторіи опыта намъ и слѣдуетъ искать того матеріала, изъ котораго создается внѣ-чувственное.

Опытная почва, подготовляющая возникновеніе внѣ-чувственнаго, заключается въ тѣхъ едва-ли не ежеминутныхъ наблюденіяхъ, которыя ставятъ человѣка въ возможность умозаключать о присутствіи или существованіи чего либо, несмотря на то, что оно невидимо, неслышимо и неосязаемо въ данную минуту. Знакомый пригорокъ или лѣсъ, закрывающій отъ глазъ родной домъ, не мѣшаетъ никому думать, что домъ есть, хотя и невидимъ. Въ знакомомъ мѣстѣ, мы знаемъ не только то, чтб въ настоящую минуту стоитъ передъ глазами, но и все, чтб у насъ за спиной. Знакомая, совершенно темная и беззвучная комната не представляетъ для человѣка ничего чувственнаго, а между тѣмъ, войдя въ нея, онъ знаетъ, гдѣ стоитъ столъ, диванъ и стулья, и можетъ даже пройдти по комнатѣ, не наткнувшись на мебель.

Такое же значеніе имѣетъ обширная категорія ожиданій. Ими наполнена вся душа ребенка, когда онъ гуляетъ и производитъ разнаго рода эксперименты. Ожиданія—это цѣль всѣхъ его дѣйствій; а между тѣмъ, ожидаемое въ данное мгновеніе, будучи для ума существующимъ, не есть ни видимое, ни слышимое. Всѣ умозаключенія перваго и втораго рода, какъ выводы отъ извѣстнаго даннаго къ извѣстному же, но не находящемуся на лицо или имѣющему явиться, суть не что иное, какъ репродукціи видѣннаго, слышаннаго и вообще испытаннаго; слѣдовательно, не заключаютъ въ себѣ ровно ничего внѣ-чувственнаго. Но они мало-по-малу пріучаютъ человѣка считать реальности возможными за предѣлами чувства вообще, безъ яснаго различенія дѣйствительныхъ предѣловъ чувства отъ условныхъ.

Когда почва, такимъ образомъ, подготовлена, — жизненный опытъ даетъ случаи даже простолюдину додуматься до двухъ дѣйствительныхъ формъ перехода чувственныхъ объектовъ въ не-чувственную область, именно, до *мыслимыхъ эффектовъ продолженнаго дробленія или анализа и продолженнаго сочетанія или синтеза.*

Если истолочь рыхлый камень передъ глазами любого нашего крестьянина въ пыль и спросить его, увѣренъ ли онъ, что каждая пылинка существуетъ въ отдѣльности, то отвѣтъ будетъ, конечно, утвердительный. А между тѣмъ пылинка невидима. Если, далѣе, въ глазахъ простонародной публики огромный воздушный шаръ, поднимаясь вверхъ, превращается въ еле-видимую точку и затѣмъ совсѣмъ исчезаетъ, то никто не находитъ исчезновеніе страннымъ, и всякій худо ли, хорошо ли объясняетъ его тѣмъ, что есть предѣлъ зрѣнію. Здѣсь предѣлъ уже дѣйствительный; слѣдовательно, если простолюдинъ думаетъ и теперь, что шаръ продолжаетъ существовать, т.-е., что исчезновеніе его не есть обращеніе въ ничто, то онъ представляетъ примѣръ мышленія внѣ-чувственной реальностью. Растолковать всего этого онъ, конечно, не съумѣетъ, особенно связать другъ съ другомъ по смыслу невидимую пылинку и исчезнувшій изъ вида шаръ. Но для насъ такой смыслъ конечно ясенъ: если пылинка есть мыслимый (невидимый и неосязаемый!) результатъ продолженнаго дѣйствія дробленія (анализа), то исчезающая изъ виду точка есть мыслимый результатъ продолженнаго дѣйствія удаленія ея отъ наблюдателя.

По шаблону пылинки выстроены математическая точка и атомы натуралистовъ, насколько они по величинѣ недоступны чувству.

Когда простолюдинъ выражаетъ далѣе идею множества очень

рельефнымъ сравненіемъ: «какъ песку на днѣ морскомъ»,—въ его головѣ, очевидно, есть уже всѣ чувственныя основы этого понятія, какъ отношенія. Онъ знаетъ изъ опыта, что множество можетъ создаться продолженнымъ сочетаніемъ, и что въ результатѣ получается не только множественность, но и возрастающая протяженность. Изъ песчинокъ выстраиваются цѣлыя горы; а изъ камней можно повидимому выстроить гору, которой и конца не будетъ въ высоту. Чувственная реальность не представляетъ, правда, никакихъ наглядныхъ примѣровъ протяженности, превосходящей чувства, въ родѣ ея антитеза—пылинки; но не въ этомъ сила.—Важно сознанное отношеніе между продолженнымъ дѣйствіемъ сочетанія и его результатомъ, особенно когда сочетаемые элементы, въ свою очередь, наростаютъ. Разъ оно утвердилось въ головѣ—а возможность къ этому дана самыми обыкновенными опытами—изъ него уже очень легко возникаютъ, при помощи *числа* и *мѣры*, представленія о такихъ размѣрахъ, которые далеко превышаютъ протяженности, открываемыя зрѣніемъ.

Про наиболѣе первобытныхъ дикарей разсказываютъ, что они не въ силахъ додуматься сами до чиселъ свыше 4. Понять это до извѣстной степени не трудно, если принять во вниманіе, что числа хотя и имѣютъ чувственные корни, но, какъ система, представляютъ продуктъ чисто-символическаго мышленія и возможны только при опредѣленномъ распорядкѣ обозначеній. Одними глазами нельзя, напримѣръ, сосчитать и 10 песчинокъ, расположенныхъ въ безпорядкѣ, если не слѣдовать въ передвиженіи глазъ какой-нибудь заранѣе принятой системѣ и не отмѣчать въ умѣ періодическія фиксаціи словами: разъ, два, три и т. д. Легче, но едва ли возможно сосчитать и при посредствѣ періодическихъ отодвиганій песчинокъ пальцемъ, если не сопровождать передвиженій тѣми же знаками. Отчего это? Да просто потому, что считанія въ формѣ отдѣльныхъ передвиженій глазъ или пальца, представляя однообразно повторяющіеся періоды болѣе или менѣе длиннаго ряда, не могутъ зарегистровываться въ памяти раздѣльно, а должны, въ силу сходства, сливаться другъ съ другомъ. Дѣло другого рода, если каждое послѣдующее передвиженіе отмѣчено для сознанія новымъ знакомъ, напримѣръ звуковымъ, тогда память съ-разу выводится изъ всякаго затрудненія, потому что каждый вновь появляющійся знакъ по смыслу чиселъ суммируетъ сосчитанное.

У многихъ изъ тѣхъ, кому не случалось думать о происхожденіи счета изъ чувственныхъ опытовъ, въ эту минуту невольно

должна была мелькнуть въ головѣ мысль, не родились ли уже самыя числа изъ актовъ, похожихъ на дѣйствіе считанія предметовъ глазами, рукою или пальцемъ, но производившихся, пока не было чиселъ, безцѣльно. Въ началѣ они могли представляться сознанію безразлично, то въ видѣ звуковъ или именъ, отмѣчающихъ отдѣльные періоды передвиженій глазъ или пальцевъ, то въ видѣ измѣнчивыхъ группъ предметовъ выдѣляемыхъ при счетѣ изъ множества [1]); и только мало-по-малу изъ этого слитнаго чувственнаго комплекса выработалось можетъ быть число со всею его опредѣленностью приблизительно такимъ же образомъ, какъ выработывается мысль изъ слитнаго сложнаго ощущенія.

Я не могу, конечно, имѣть въ виду написать исторію постепеннаго развитія чиселъ; но, съ другой стороны, въ качествѣ изслѣдователя, выставившаго тезисомъ опытное происхожденіе внѣ-чувственнаго, обязанъ указать тѣ элементы человѣческаго сознанія, изъ которыхъ могли возникнуть числа.

Я сдѣлаю это и—даже нѣсколько болѣе—покажу именно, что въ разныхъ чувственныхъ сторонахъ акта ходьбы, этого наипривычнѣйшаго изъ явленій для человѣка, заключены элементы не только для построенія чиселъ во всей ихъ опредѣленности, но также для измѣренія длинъ и небольшихъ участковъ времени.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ рѣшенію вопроса въ этой формѣ, мнѣ необходимо сказать нѣсколько предварительныхъ словъ по поводу способности слуха оцѣнивать протяженность времени.

Звукъ и время представляются сознанію, какъ нѣчто тянущееся; слѣдовательно, если бы сознаніе наше наполнено было отъ рожденія до смерти какимъ-нибудь непрерывнымъ слабымъ шумомъ, мы имѣли бы въ немъ чувственный образъ времени. Нѣчто подобное дѣйствительно и происходитъ, потому что даже ночью среди мертвой тишины въ головѣ есть какой-то непрерывный шумъ, вѣроятно отъ движенія крови по тѣлу, а днемъ—и говорить нечего. Очень возможно, что отсюда и родится способность уха оцѣнивать продолжительность не только ясныхъ звуковъ, но и пустыхъ (повидимому) промежутковъ между ними—паузъ или интерваловъ.

Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что способность послѣдняго рода не могла воспитаться исключительно въ школѣ слуха, потому что

---

[1]) Такъ, если изъ кучи палочекъ выдвигать пальцемъ по одной и класть ихъ параллельно другъ другу, то первыя три группы будутъ совсѣмъ похожи на первыя три цифры римскаго счета.

пауза во всякомъ случаѣ соотвѣтствуетъ періоду почти полнаго бездѣйствія слухового снаряда. Другое дѣло, если бы пустые промежутки между звуками выполнялись, въ силу устройства слухового органа, напримѣръ, элементами мышечнаго чувства, съ присущею имъ по природѣ тягучестью въ сознаніи, тогда ясная чувственная мѣра для паузы была бы на лицо. Но такихъ или подобныхъ элементовъ до сихъ поръ не открыто въ ухѣ, и потому способность оцѣнивать маленькіе промежутки времени я считаю принадлежащей первично періодическимъ движеніямъ тѣла и по преимуществу актамъ ходьбы. Развившись здѣсь, она воспитала вторично слухъ.

Всякій знаетъ изъ личнаго опыта, что мы способны различать непосредственно, т.-е. только при помощи тягучаго мышечнаго чувства, очень разнообразныя степени продолжительности и быстроты въ движеніяхъ собственнаго тѣла, начиная отъ *мига*, которымъ нашъ народъ символизируетъ быстроту и вмѣстѣ съ тѣмъ самый краткій періодъ времени по продолжительности. Легко понять, однако, что чувство быстроты и продолжительности, какъ нѣчто опредѣленное, могло развиться всего удобнѣе на такихъ движеніяхъ, которыя, будучи въ жизни очень частыми, совершались бы съ болѣе или менѣе автоматической правильностью. Подъ такое требованіе подходятъ всѣ вообще *періодическія сгибанія и разгибанія членовъ*, т.-е. пальцевъ, рукъ и ногъ (самыя *простыя* и *привычныя* движенія тѣла!), и всего болѣе періодическіе акты ходьбы. «Медленная и скорая ходьба», съ ихъ валовыми различіями сознаются, я думаю, уже дѣтьми въ очень раннемъ возрастѣ. Позднѣе, путемъ расчлененія чувственнаго локомоторнаго ряда, въ немъ должны выясниться или обособиться моменты стоянія ногъ на землѣ, которые для правой ноги всегда совпадаютъ съ перемѣщеніями лѣвой и наоборотъ. Тогда мѣрой продолжительности стоянія правой ноги будетъ тягучее мышечное чувство въ движущійся лѣвой и обратно. Такое перемѣщеніе чувственной мѣрки стоянія справа налѣво и слѣва направо вредить не можетъ, потому что оба акта, т.-е. стояніе одной ноги и движеніе другой при средней ходьбѣ почти совпадаютъ во времени, притомъ же ходьба, въ силу устройства тазобедреннаго сустава (см. учебники физіологіи), не можетъ не совершаться съ автоматической правильностью. Когда расчлененіе достигло такой степени, изъ ходьбы выдѣляется *шагъ* (промежутокъ между двумя сосѣдними постановками ногъ на землю), какъ постоянно повторяющійся элементъ пути и какъ постоянно повторяющійся элементъ продолжительности. Въ виду же того, что каждое ставленіе ноги на

землю сопровождается звукомъ, ходьба различныхъ скоростей является для сознанія періодическимъ рядомъ коротвихъ звуковъ, промежутки которыхъ наполнены тягучими элементами мышечнаго чувства. Вотъ, слѣдовательно, та школа, въ которой слухъ могъ выучиться оцѣнивать различную продолжительность интерналловъ въ предѣлахъ ускореній или замедленій шага при ходьбѣ.

Заручившись этимъ выводомъ, я уже могу приступить къ дѣлу.

Ходьба можетъ чувствоваться человѣкомъ просто, какъ *правильно* періодическій рядъ звуковъ ставленія ногъ на полъ съ равными для слуха пустыми промежутками, въ родѣ того, какъ ночью слышится біеніе сердца. Если отмѣтить хоть три послѣдующіе періода такого ряда какими-нибудь, но непремѣнно разными, графическими знаками, и потомъ хоть черезъ день случайно взглянуть на знаки,—что явится въ головѣ при ихъ видѣ? Первый знакъ мелькнетъ въ головѣ въ формѣ одиночнаго движенія (шагъ имѣетъ зрительный образъ!), второй—двойного, и человѣкъ, пожалуй, для пущей наглядности двинетъ соотвѣтственнымъ образомъ пальцемъ. Внесите теперь сюда только слуховую правильность періодовъ, или *слуховое равенство* паузъ,—и знаки по своему внутреннему содержанію дѣлаются эквивалентными числамъ: 1, 2, 3. Но откуда же взяться этому *чувству равенства?* Главный источникъ его лежитъ въ воспитателяхъ слуха—элементахъ мышечнаго чувства, которые сопровождаютъ каждый шагъ и при *наибольшей однородности* для сознанія между всѣми ощущеніями тѣла чувствуются *тождественными до неразличаемости*. Если въ ходьбѣ есть, въ самомъ дѣлѣ, для сознанія что-либо столько же похожее другъ на друга, какъ человѣкъ самъ на себя, то это, конечно, мышечное чувство, сопровождающее каждый шагъ. Оттого-то ходьба и можетъ имѣть для сознанія форму, въ которой на мѣсто элементовъ чувства являются *пустые, но равные* промежутки. *Сходство, доведенное до этой степени, соотвѣтствуетъ уже той степени равенства, которая дѣлаетъ изъ чиселъ величины практически однородныя и строго опредѣленныя по взаимнымъ отношеніямъ* [1]). Значитъ, изъ элементовъ ходьбы дѣйствительно могутъ возникнуть опредѣленныя числа.

---

[1]) Равенство различаютъ на практическое или чувственное и на математическое. Раздѣленіе это вѣрно и умѣстно, насколько однимъ выражается приближеніе, а другимъ предѣлъ. Но на практикѣ, для десятковъ милліоновъ людей числовое равенство [а слѣдовательно, и опредѣленность чиселъ] не превышаетъ сходства вещи съ самой собою.

Ходьба можетъ чувствоваться далѣе, какъ періодическое откладываніе шаговъ по видимой длинѣ проходимаго человѣкомъ пространства,—въ родѣ, наприм., попеременной перестановки правой и лѣвой ножки циркуля по длинѣ измѣряемой линіи. При этомъ, для глазъ путь, проходимый человѣкомъ, представляется, какъ цѣльная протяженность [какъ отстояніе предмета, къ которому человѣкъ имѣетъ идти] и имѣетъ значеніе измѣряемой длины; а шагъ, сознаваемый въ видѣ постоянно-повторяющагося элемента пути, получаетъ смыслъ мѣры. Еще проще выясняется такое значеніе шага, если ноги оставляютъ по себѣ на почвѣ слѣдъ. Тогда путь представляется раздѣленнымъ шагами на равные участки. Отсюда переходъ къ измѣренію длинъ шагами дѣлается уже самъ собою, если счетъ готовъ и шаги считаются. Такъ произошли, вѣроятно, ножныя мѣры для измѣренія длинъ, а локти и пяди (можетъ быть позднѣе) для измѣренія высотъ.

Ходьба можетъ чувствоваться, наконецъ, какъ звуковой рядъ съ постоянной продолжительностью пустыхъ промежутковъ, тянущійся все время, пока человѣкъ проходитъ извѣстное пространство. Тогда процессъ рисуется въ сознаніи совершенно въ той же формѣ, какъ случай измѣренія продолжительности любого явленія съ опредѣленнымъ началомъ и концомъ во времени, при посредствѣ звукового счетчика (напр., метронома). При этомъ постоянная продолжительность шага по самому смыслу дѣла соотвѣтствуетъ періоду время-измѣрительнаго снаряда, а ходьба, какъ рядъ, будетъ соотвѣтствовать самому снаряду.

Примѣръ ходьбы важенъ не только въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ единичный шаблонъ, на которомъ могли развиться числа, линейная мѣра и мѣра времени; но еще и потому, что сводя всѣ три продукта на одного и того же дѣятеля—мышечное чувство,—онъ даетъ возможность опредѣлить ихъ физіологически.

Какъ счетчикъ равныхъ періодовъ, мышечное чувство даетъ при помощи опредѣленныхъ обозначеній рядъ чиселъ.

Какъ счетчикъ періодически откладываемыхъ равныхъ длинъ, оно даетъ, при тѣхъ же обозначеніяхъ, опредѣленныя протяженности въ пространствѣ.

Какъ счетчикъ періодически-повторяющихся равныхъ продолжительностей, оно даетъ, опять при томъ же обозначеніи, опредѣленныя протяженности во времени.

Сведеніе же всѣхъ трехъ продуктовъ на мышечное чувство, въ свою очередь, представляетъ большую теоретическую важность.

Въ первой части этого труда (напр., стр. 75 и 99, также стр. 102—103, «Вѣстн. Евр.», мартъ), оно было выставлено, какъ опредѣлитель предметныхъ отношеній въ пространствѣ и времени. Близь, даль и высота предметовъ, пути и скорости ихъ движеній—все это продукты мышечнаго чувства. Теперь же мы видимъ, что, являясь въ періодическихъ движеніяхъ дробнымъ, то же мышечное чувство становится *измѣрителемъ или дробнымъ анализаторомъ пространства и времени.*

Я, конечно, далекъ отъ мысли утверждать, что числа и обѣ мѣры развились, именно, изъ ходьбы. Я знаю, наоборотъ, очень хорошо, что дробныя мѣры времени возникли изъ раздѣленія крупныхъ дневныхъ періодовъ на равныя части, а не послѣдніе были сведены на короткія условныя единицы, заимствованныя отъ продолжительности шага. Моя цѣль заключалась въ томъ, чтобы показать читателю въ возможно простой и удобопонятной формѣ, что всѣ три продукта должны были развиться изъ какихъ-нибудь правильно-періодическихъ движеній тѣла, съ сопровождающимъ ихъ мышечнымъ чувствомъ, а изъ какихъ, именно, это уже вещь второстепенная. Въ пользу же того обстоятельства, что счетъ для своего развитія требовалъ правильно-періодическихъ движеній, я могу привести, помимо всего доселѣ сказаннаго, еще слѣдующій послѣдній доводъ.

Извѣстно, что на практикѣ счетъ изъ глубокой древности и по сіе время прикладывается только къ собраніямъ предметовъ однородныхъ. Считаютъ только деревья въ лѣсу, овецъ, окна въ дому, трубы; но я увѣренъ, напримѣръ, что очень немногіе люди могутъ тотчасъ же отвѣтить на вопросъ, сколько у человѣка на головѣ выдающихся въ зрительномъ отношеніи особенностей? Всякій знаетъ, какъ дважды два, что у человѣка въ головѣ 2 глаза, 1 носъ, 1 ротъ и 2 уха; но до сей минуты многіе (я сужу по себѣ) не знали, что всѣхъ особенностей слѣдовательно 5. Причина этому лежитъ, очевидно, глубже, чѣмъ въ практическихъ интересахъ счета, потому что считаньемъ всѣхъ особенностей въ предметахъ безъ разбора, если бы оно продолжалось изъ вѣка въ вѣкъ, могли бы быть достигнуты, вѣроятно, очень важные результаты. Причина заключается въ томъ, что чѣмъ рѣзче отличаются другъ отъ друга перебираемые поочередно глазомъ или рукою предметы, тѣмъ больше шансовъ вниманію быть отвлеченнымъ отъ числа въ сторону качества, тѣмъ счетъ невозможнѣе. Съ другой стороны, чѣмъ монотоннѣе вліянія на человѣка извнѣ, тѣмъ правильнѣе совершаются у него всѣ періодическія движенія рукъ, ногъ и даже дыханія; но стóитъ

какому-нибудь впечатлѣнію внезапно возвыситься изъ-за средняго уровня,—и гармонія періодическихъ движеній нарушена. Не указаніе ли это, что счетъ могъ возникнуть только, какъ гармоническій рядъ изъ гармоническаго же движенія?

Примѣромъ ходьбы я воспользуюсь вновь, чтобы показать читателю, какъ протяженность можетъ превращаться въ количество.

Положимъ, счетъ уже готовъ и заученъ, длина шага принята за единицу мѣры длины, а продолжительность его за такую же единицу для времени. Представимъ себѣ, что человѣкъ проходя одно, два, десять, тысячу разныхъ пространствъ, считаетъ каждый разъ шаги чисто-автоматически и записываетъ полученныя числа въ памятную книжку. Это будетъ *переводъ протяженностей въ пространствѣ и времени на числа*. Безъ помощи ходьбы съ автоматическимъ счетомъ человѣкъ могъ бы узнавать разницы въ пространственныхъ протяженіяхъ только такимъ неточнымъ орудіемъ, какъ глазомѣръ [степень сведенія зрительныхъ осей], а разницъ протяженностей во времени онъ не могъ бы различать вовсе. Теперь же тѣ и другія выражены совершенно *опредѣленными величинами*, и онъ можетъ производить какія угодно операціи надъ числами, подразумѣвая подъ ними уже протяженности,—и производить съ увѣренностью, что результаты, какъ числовыя отношенія, будутъ сохранять ту же степень опредѣленности, что и первоначальныя числа.

Этотъ примѣръ представляетъ въ одно и то же время всѣ выгоды *превращенія протяженностей во времени и пространствѣ въ количество и самый типъ превращенія. По тому же типу совершается переходъ всѣхъ взаимныхъ отношеній протяженностей въ количественныя отношенія.*

Для человѣка мало-мальски знакомаго съ понятіемъ *количество* непосредственно кажется, что оно стоитъ въ близкомъ отношеніи *къ множеству* (какъ собранію однородныхъ предметовъ). И это, дѣйствительно, такъ; но только къ *множеству пересчитанному*, слѣдовательно, въ свою очередь, сведенному на число. *Количество можетъ быть множествомъ, но только опредѣленнымъ въ той же мѣрѣ, какъ число.*

Теперь читателю должно быть понятно уже безъ дальнѣйшихъ объясненій, что въ превращеніи связей въ пространствѣ и времени въ количественныя отношенія, сходство играетъ громадную роль. Превращеніе это совершается, какъ мы сейчасъ видѣли, при посредствѣ числа и мѣры, а въ образованіи послѣд-

нихъ участвуетъ анализъ правильно-періодическихъ рядовъ по сходству звеньевъ, да еще такому полному, что сходство превращается въ тождество.

Здѣсь я остановлюсь, чтобы резюмировать все доселѣ сказанное по поводу развитія внѣ-чувственныхъ продуктовъ изъ опытныхъ данныхъ.

Расчлененіемъ субъективныхъ и объективныхъ рядовъ со стороны условій чувствованія и дѣйствія человѣкъ пріучается къ мысли считать реальнымъ не только тò, чтò непосредственно доступно чувству. Для выводимыхъ этимъ путемъ не-чувственныхъ продуктовъ есть на обыденномъ языкѣ даже родовое имя — *возможность*. Сумма всѣхъ опытныхъ возможностей составляетъ для всякаго человѣка ту почву, на которой онъ строитъ внѣ-чувственное.

Продолженнымъ дѣйствіемъ дробленія, въ примѣненіи къ внѣшнимъ тѣламъ, онъ прямо достигаетъ продуктовъ, превышающихъ чувства. Убѣжденіе въ раздѣльномъ существованіи каждой невидимой пылинки основано у всякаго человѣка на опытномъ знаніи фактовъ (выводъ изъ сопоставленія сходныхъ рядовъ), что по мѣрѣ продолженія дѣйствія дробленія увеличивается дробность раздѣльныхъ частей.

Продолженнымъ дѣйствіемъ сочетанія, въ примѣненіи къ внѣшнимъ тѣламъ, онъ доходитъ до познанія факта [опять выводъ изъ сопоставленія сходныхъ рядовъ], что, по мѣрѣ продолженія дѣйствія сочетанія, наростаетъ постоянно множественность собираемыхъ частей и постоянно увеличивается протяженность группы. При этомъ въ головѣ нѣкоторыхъ уже мелькаютъ размѣры, превосходящіе чувства, какъ неизбѣжное послѣдствіе продолжаемаго и продолжаемаго сочетанія, но мелькаютъ неясно, какъ всякая неиспытанная возможность.

Изъ тѣхъ же, можетъ быть, опытовъ продолженнаго сочетанія надъ внѣшними тѣлами,—можетъ быть, также изъ анализа періодическихъ актовъ ходьбы, но, во всякомъ случаѣ, изъ анализа какихъ-нибудь очень правильныхъ періодическихъ движеній собственнаго тѣла, возникаютъ *числа* и *мѣры*. Раньше или позже, первыя приводятся въ систему и облекаются въ графическіе знаки, а для мѣръ устраиваются шаблоны.

Когда изъ числъ и мѣръ родится ясное представленіе о равныхъ частяхъ въ цѣломъ, числа и мѣры могутъ дробиться и увеличиваться въ какихъ угодно предѣлахъ, и такъ какъ исходныя величины опредѣленны, то такими же должны быть и производныя мѣры.

Теперь внѣ-чувственные продукты дробленія и сочетанія внѣшнихъ предметовъ могутъ уже получить для человѣческаго сознанія хотя и условный, но совершенно *опредѣленный*, т.-е. *понятный* обликъ. Такъ, знаки $^1/_2$ миллиметра, $^1/_{100}$ миллиметра и $^1/_{1.000,000}$ миллиметра по смыслу понятны въ одинаковой степени, а между тѣмъ первому изъ нихъ соотвѣтствуютъ размѣры, видимые простымъ глазомъ; $^1/_{100}$ милл.—размѣры, видимые только въ микроскопъ; а $^1/_{1.000,000}$ милл. представляетъ длину, недоступную никакому микроскопу. Первая величина для всѣхъ людей чувственна; вторая для простолюдина внѣ-чувственна, но ее ему можно растолковать, показавши миллиметръ; а третья—внѣ-чувственна для всѣхъ людей въ настоящее время, но сдѣлается, можетъ быть, чувственной лѣтъ черезъ 100. Земной шаръ, продолжительность въ 30 сек., тѣмъ болѣе въ часъ, день, недѣлю и т. д., какъ нѣчто чувственное, непредставимы; но символы «шаръ съ поперечникомъ въ милліардъ верстъ» [который, конечно, больше земного шара] или «милліардо-лѣтіе» понятны не менѣе, чѣмъ знаки «билліардный шаръ» и «минута».

Такова мощь въ опредѣленности числа и мѣры, когда они прилагаются къ опытнымъ возможностямъ, какъ продуктамъ продолженнаго расчлененія и синтеза! При помощи ихъ, границы возможныхъ реальностей отодвинуты современной физикой въ такіе предѣлы, для которыхъ въ счисленіи нѣтъ числъ. Такъ, въ каплѣ воды физикъ, выходя изъ данныхъ опыта, насчитываетъ до 10^{26} или 100 000 000 000 000 000 000 000 000 частичекъ!

Съ виду менѣе поразительны, но въ сущности еще болѣе грандіозны и болѣе богаты послѣдствіями заслуги числа и мѣры въ дѣлѣ классификаціи и обобщенія.

Начало ихъ приложенія въ этомъ направленіи мы уже видѣли, когда рѣчь шла о превращеніи или обобщеніи множества и протяженностей въ пространствѣ и времени въ количество. Только-что сказанныя три слова коротко произносятся, но за ними скрывается необозримое число сочетаній и послѣдованій, группъ, рядовъ, формъ и ὀбразовъ. За одними пространственными протяженностями лежатъ всѣ мыслимыя формы кривыхъ линій, поверхностей, площадей съ самыми разнообразными очертаніями и объемовъ. Понятно, слѣдовательно, какъ велика должна быть обобщающая мощь числа и мѣры, если людямъ удалось выработать хоть нормы для подведенія такого матеріала подъ формулу количества.

Обобщающая мощь числа и мѣры даетъ себя чувствовать на

каждомъ шагу и въ опытныхъ наукахъ, какъ физика и химія. Въ этихъ областяхъ измѣреніе есть не только орудіе количественнаго анализа фактовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ средство ихъ классификаціи, притомъ — средство наиболѣе общаго характера, т.-е. такое, при посредствѣ котораго обѣ науки достигаютъ самыхъ общихъ своихъ выводовъ, или теорій.

Такимъ образомъ, *переходъ мысли изъ опытной области во внѣ-чувственную совершается путемъ продолженнаго анализа, продолженнаго синтеза и продолженнаго обобщенія.*

Въ этомъ смыслѣ, *она составляетъ естественное продолженіе предшествующей фазы развитія, не отличающееся отъ нея по пріемамъ, а слѣдовательно, и процессамъ мышленія.*

Но она отличается отъ нея существенно по содержанію. Если предшествующая фаза символизировала реальность, то эта символизируетъ реальную — но, къ сожалѣнію, очень часто и фиктивную — возможность.

Ив. Сѣченовъ.

ИППОЛИТЪ ТЭНЪ

какъ

ИСТОРИКЪ ФРАНЦІИ

I.

Самымъ крупнымъ изъ историческихъ событій новаго времени по впечатлѣнію, произведенному имъ на современниковъ и по его послѣдствіямъ для потомковъ, самымъ важнымъ по обширности его вліянія и по практическому его значенію, нужно, конечно, признать *французскую революцію* конца прошлаго вѣка; въ отличіе отъ другихъ аналогическихъ по названію явленій, въ исторіи Франціи ее приходится назвать *великой революціей*. Это событіе было логическимъ завершеніемъ всей предшествовавшей исторіи этой страны и послужило основаніемъ для дальнѣйшей ея исторіи; оно было причиной возрожденія всей юго-западной части европейскаго материка, внесло новыя идеи и учрежденія въ обще-европейскую жизнь и оставило неизгладимыя черты на современной цивилизаціи. Поэтому, безъ изученія и безъ свободной отъ предразсудковъ оцѣнки французской революціи нельзя вѣрно понять ни прошлой, ни современной исторіи Франціи, нельзя вникнуть въ причины, опредѣлившія исторію значительной части европейскихъ государствъ въ XIX вѣкѣ, нельзя, наконецъ, дать себѣ яснаго отчета о движеніи нашей духовной жизни и стоять на уровнѣ современной цивилизаціи.

Но изученіе и оцѣнка историческихъ событій всегда сопря-

жены съ значительными затрудненіями. Съ литературнымъ и художественнымъ произведеніемъ легко познакомиться; оно представляется цѣльно и непосредственно эстетическому чувству читателя или зрителя. Даже если подступаешь къ нему съ предубѣжденіями, оно постепенно беретъ свое и иногда безсознательно увлекаетъ критика за тѣсныя рамки школы или преданій. Историческія же событія представляются наблюдателю не непосредственно; ихъ можно изучать лишь въ зеркалѣ, въ которомъ они отражаются, т.-е. съ помощью какого-нибудь историческаго сочиненія. Но дѣло въ томъ, что никакое историческое сочиненіе не можетъ быть дѣйствительнымъ зеркаломъ событій, т.-е. механическимъ пассивнымъ отраженіемъ ихъ, ибо всякое сочиненіе есть не только дѣло индивидуальнаго творчества, но и плодъ той эпохи, той теоріи, того міровоззрѣнія, подъ вліяніемъ котораго писалъ историкъ. И нигдѣ это явленіе не обнаруживается такъ ясно, какъ въ литературной исторіи французской революціи. Во всѣхъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ объ этомъ событіи мы видимъ послѣдовательный отголосокъ тѣхъ политическихъ теорій и стремленій, тѣхъ надеждъ и настроеній, которыя пережило французское или европейское общество въ XIX вѣкѣ. Кто не знакомъ съ богатой умственной жизнью этого общества, съ вліяніемъ, которое оно имѣло на современныхъ историковъ, и съ интересами, въ виду которыхъ послѣдніе приступали къ своей литературной дѣятельности,—тотъ не будетъ имѣть ключа къ ихъ произведеніямъ. Историческій процессъ, начавшійся съ французской революціи, продолжаетъ совершаться, и каждый моментъ этого процесса долженъ былъ отразиться въ особомъ опредѣленномъ взглядѣ на французскую революцію и различныхъ ея дѣятелей, и служилъ особой точкой отправленія для извѣстныхъ историковъ революціи.

Вслѣдствіе этого, для изученія великаго событія, о которомъ мы завели рѣчь, недостаточно простого знакомства съ сочиненіями, въ которыхъ оно описано. Необходимо каждое изъ такихъ сочиненій оторвать такъ-сказать отъ почвы, на которой оно выросло, изучить среду, отразившуюся на историкѣ, познакомиться съ его идеалами и стремленіями, найти его уголъ зрѣнія, чтобы ясно понять распредѣленіе свѣта и тѣни въ его картинѣ. Однимъ словомъ, необходимъ критическій разборъ каждаго изъ этихъ произведеній.

Справедливость этихъ замѣчаній легко доказать на каждомъ изъ классическихъ или наиболѣе извѣстныхъ сочиненій о французской революціи, на сочиненіяхъ *Тьера, Минье, Луи Блана,*

Мишле, Зибеля, Дювержье-де-Горанна [1]) и *Кине*. Всѣ названныя здѣсь нами произведенія знаменуютъ собою различныя эпохи, пережитыя французскимъ обществомъ послѣ революціи, и отражаютъ на себѣ различные моменты внутренней исторіи этого общества отъ возстановленія легитимной монархіи до владычества народнаго избранника, Наполеона III. Замѣчательно, что всѣ авторы приведенныхъ сочиненій (за исключеніемъ, конечно, автора вышеупомянутой *нѣмецкой* исторіи революціи) принадлежали въ свое время къ *оппозиціи*, что ихъ сочиненія являются, такимъ образомъ, выраженіемъ взглядовъ оппозиціонной части общества, той части, которая своимъ неудовольствіемъ подготовляла предстоявшій переворотъ и которой было суждено господствовать въ послѣдовавшемъ за тѣмъ періодѣ. Такъ, Тьеръ является представителемъ либеральной журналистики съ революціоннымъ оттѣнкомъ, которая содѣйствовала сверженію монархіи легитимизма. Луи Блана и Мишле можно считать представителями двухъ главныхъ оппозиціонныхъ стремленій, подкопавшихъ силу и популярность конституціонной монархіи Людовика-Филиппа — оппозиціи соціалистической и оппозиціи демократическо-республиканской. Наконецъ, сочиненія Дювержье-де-Горанна и Кине, вышедшія въ 1857 и 1865 годахъ, указываютъ на двоякую оппозицію въ французскомъ обществѣ противъ безотвѣтственнаго представителя народовластія — на оппозицію, исходившую изъ круговъ, оставшихся вѣрными преданіямъ парламентарной монархіи, и, съ другой стороны, на оппозицію, желавшую возстановить народовластіе въ республиканскихъ формахъ. При этомъ нельзя не обратить вниманіе на то, что единственное французское сочиненіе, разсматривавшее революцію съ точки зрѣнія конституціонной монархіи, вышло въ то время, когда эта монархія перестала существовать во Франціи; да и это сочиненіе представляетъ только сжатый анализъ общаго хода французской революціи, а не послѣдовательный разсказъ событій, такъ что, за изложеніемъ революціи съ парламентарной точки зрѣнія, мы должны обратиться къ сочиненію Зибеля, первый томъ котораго вышелъ около того же времени (1853).

Вслѣдствіе такой солидарности названныхъ историковъ съ извѣстными стремленіями современнаго имъ общества, задача ихъ очень усложнилась. Каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду не только

---

[1]) Мы разумѣемъ первый томъ его сочиненія „Histoire du Gouvernement Parlementaire en France“ (1814—48), который заключаетъ въ себѣ очеркъ исторіи французской революціи.

событія и людей прошлаго, но, можно сказать, столько же людей настоящаго, и желалъ воспользоваться историческимъ матеріаломъ, чтобы дать урокъ современникамъ, ободрить однихъ, запугать другихъ. Такъ, Тьеръ и Минье желали доказать господствовавшимъ легитимистамъ, что революція—не заблужденіе и не преступленіе, что якобинская диктатура была вызвана борьбой съ внутреннею реакціей и иностраннымъ нашествіемъ, и что ужасы террора были спасеніемъ Франціи. Луи Бланъ стремился доказать способомъ гегелевской діалектики, что исторія человѣчества ведетъ къ установленію коммунизма, что французская революція была началомъ новой блаженной эры, и что тѣ изъ вождей революціи, которые наиболѣе сдѣлали для осуществленія братскаго идеала, должны считаться благодѣтелями человѣчества. Вдохновленная книга Мишле является реакціей свободной республики противъ кровавой коммунистической диктатуры, и реакціей демократическаго чувства *массы* противъ аристократіи *вождей*. Въ его изображеніи революція представлена стремительнымъ потокомъ, ринувшимся изъ нѣдръ народной жизни, поднимавшимъ и уносившимъ по своей волѣ *честолюбивыхъ маріонетокъ*, думавшихъ управлять потокомъ по своимъ узкимъ взглядамъ—и на счетъ этихъ «маріонетокъ» отнесено въ изложеніи Мишле все кровавое, все своекорыстное, все, чтó оскорбляетъ приверженца гуманности и свободы.

Наконецъ, историки, преданные принципамъ парламентарной монархіи, изучали революцію для того, чтобы изслѣдовать основаніе и условія конституціоннаго порядка, и показать, по какимъ причинамъ и вслѣдствіе какихъ ошибокъ этотъ порядокъ не установился во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка. Сочиненіе Зибеля имѣло, кромѣ того, задачею выяснить истинное отношеніе революціонной Франціи къ остальной Европѣ и, вопреки увѣреніямъ французскихъ историковъ, доказать, что ужасы диктатуры были излишними, такъ какъ не Европа угрожала Франціи, а революція вызвала на борьбу Европу, и что не терроръ спасъ Францію, такъ какъ европейская коалиція потерпѣла неудачу не вслѣдствіе пораженія, а вслѣдствіе разлада союзниковъ, противоположности ихъ интересовъ и неспособности вождей.

Уже это краткое указаніе основной задачи вышеупомянутыхъ историковъ даетъ возможность представить себѣ, кáкъ своеобразнó долженъ былъ сложиться у каждаго изъ нихъ общій взглядъ на революцію, и какъ, вслѣдствіе этого, въ ихъ сочиненіяхъ извѣстныя стороны и вопросы должны были выступить на первый планъ, другіе, напротивъ, стушевываться, нѣкоторые дѣя-

тели представлены героями, другіе же встрѣтили равнодушіе или строгое осужденіе. Такъ, героями Тьера становятся всѣ энергическіе сподвижники революціи—организаторы, умѣвшіе воспользоваться властью, и побѣдоносные полководцы, покрывшіе славой возродившуюся Францію; героями Луи Блана — гіерофанты, постигнувшіе тайну исторіи, и жрецы новаго порядка, не дрогнувшіе передъ кровью и жертвами; любимцемъ конституціонныхъ историковъ долженъ былъ сдѣлаться тотъ, кто одинъ постигъ истинныя условія порядка, примиряющаго свободу съ монархіей, и кто одинъ былъ способенъ руководить революціей и остановить ее вò-время—графъ Мирабо; героемъ же исторической поэмы Мишле является какой-то сказочный богатырь, безплотный и неосязаемый для читателя, но вездѣ присущій и всемощный—французскій народъ, безъ вождей, безъ партій, безъ аристократическихъ и образованныхъ слоевъ, вдохновленный какъ-бы единою думою.

Такимъ образомъ, сочиненія всѣхъ названныхъ историковъ, преимущественно же тѣ, которыя написаны до 1848 года, отличаются болѣе или менѣе одною общею чертой—*апологетическимъ* характеромъ изложенія. Цѣлью каждаго изъ историковъ была *защита* какой-нибудь идеи или партіи изъ исторіи революціи, защита, становившаяся въ то же время обвиненіемъ противниковъ той идеи или той партіи, которыя пользовались сочувствіемъ автора; изъ этой цѣли далѣе вытекала необходимость объяснить, почему такая-то идея или партія, несмотря на свою правоту, не восторжествовала или пала послѣ кратковременнаго торжества. Такое отношеніе историка къ своей задачѣ имѣло свое основаніе и извѣстную цѣлесообразность. Оно было вызвàно какимъ-нибудь практическимъ вопросомъ, занимавшимъ современное общество, желаніемъ историка противодѣйствовать какимъ-нибудь предразсудкамъ или ложнымъ взглядамъ, распространившимся насчетъ революціи или извѣстныхъ дѣятелей той эпохи.

Между тѣмъ французская революція, какъ и всякое другое историческое событіе, требовала прежде всего объективнаго научнаго изученія. Различныя субъективныя воззрѣнія на революцію хотя, конечно, никогда не утратятъ вполнѣ своего значенія, должны уступить все болѣе и болѣе мѣста чисто-научному разсмотрѣнію, которое одно можетъ привести къ единству разнорѣчивыя и нерѣдко противоположныя мнѣнія, привести, такъ-сказать, къ одному знаменателю различныя субъективныя воззрѣнія, дать извѣстное мѣрило для оцѣнки ихъ. Научное же разсмотрѣніе французской революціи прежде всего обусловливается тѣмъ, чтобы

изучать ее какъ историческое событіе, корни котораго теряются въ глубинѣ предшествовавшихъ вѣковъ, ходъ, характеръ и цѣль котораго опредѣляются ходомъ и свойствомъ всей исторіи французскаго народа. Только когда будетъ достаточно выяснена вся связь между революціей и произведшей ее исторіею, можно будетъ съ нѣкоторою увѣренностью опредѣлить вліяніе второстепенныхъ ея элементовъ, которые давали ей извѣстный историческій колоритъ, и взвѣсить значеніе тѣхъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ, которыя видоизмѣняли основной ходъ революціи. Только тогда можно будетъ съ достаточною объективностью оцѣнивать идеи, стремленія и всю индивидуальную дѣятельность вождей и жертвъ революціи, судить о степени примѣнимости того или другого плана, о настоящихъ причинахъ успѣха и гибели той или другой партіи, снимать осужденіе и произносить приговоры и взвѣшивать мѣру личной отвѣтственности.

Итакъ, научная постановка исторіографіи французской революціи зависѣла отъ сознанія тѣсной связи между этимъ событіемъ и предшествовавшей ему исторіей. А этому сознанію чрезвычайно мѣшало укоренившееся глубоко убѣжденіе, что революція была полнымъ разрывомъ съ прошедшимъ, что Франція послѣ 1789 года не представляетъ ничего общаго съ Франціей при старой монархіи. Такое убѣжденіе сложилось не только подъ впечатлѣніемъ страшныхъ потрясеній и коренныхъ перемѣнъ, послѣдовавшимъ во всей Европѣ вслѣдъ за переворотомъ 1789 года, но было главнымъ образомъ слѣдствіемъ того энтузіазма, который воодушевлялъ и самихъ дѣятелей французской революціи, и ихъ современниковъ. Благодаря этому энтузіазму, охватившему съ такою порывистой силой такую обширную массу людей различныхъ классовъ и національностей, на французскую революцію стали смотрѣть какъ на источникъ обновленія и новой жизни—не только для Франціи, но и для всего человѣчества. Этотъ взглядъ раздѣляли съ французами многіе изъ политическихъ противниковъ ихъ; вспомнимъ слова, сказанныя уже немолодымъ въ то время Гёте прусскимъ офицерамъ въ критическій день отступленія прусской арміи передъ революціонными войсками у Вальми: «Сегодня начинается новая эра для человѣчества; вы, господа, можете сказать, что присутствовали при ея зарожденіи».

Чѣмъ сильнѣе было одушевленіе, вызванное революціей, и чѣмъ, съ другой стороны, было глубже ожесточеніе противъ нея, тѣмъ менѣе какъ приверженцы, такъ и враги ея были расположены отыскивать ея связь съ прошедшимъ, объяснять ее пред-

шествовавшимъ историческимъ развитіемъ — одни изъ опасенія умалить заслуги революціи, другіе — изъ страха оправдать ее. Но по мѣрѣ удаленія отъ событій 1789 года, по мѣрѣ охлажденія революціоннаго энтузіазма и забвенія страданій и попранныхъ революціей интересовъ, должна была постепенно проявиться потребность изучать французскую революцію съ исторической точки зрѣнія. Приведеніе этой потребности къ ясному сознанію есть безсмертная заслуга Токвиля. Онъ первый доказалъ, что французская революція представляетъ собою не столько разрывъ съ историческимъ прошедшимъ Франціи, сколько послѣдовательное его завершеніе и дальнѣйшее его развитіе въ данномъ искони направленіи. Это положеніе, которое въ настоящее время можно признать *трюизмомъ*, имѣло въ свое время значеніе великаго научнаго открытія. Заслуга Токвиля въ этомъ отношеніи такъ значительна, что съ его сочиненія: «Старый порядокъ и революція», вышедшаго въ 1856 году, почти можно начать новый періодъ въ исторіографіи французской революціи. Впрочемъ, основная идея этого сочиненія, имѣвшаго такое вліяніе на изученіе революціи — идея объ исторической преемственности французской революціи — была высказана Токвилемъ еще за 20 лѣтъ предъ тѣмъ, правда, въ статьѣ, написанной для иностраннаго журнала и мало извѣстной во Франціи [1]). Идея о преемственности французской революціи, о неразрывной связи историческаго движенія въ до-революціонной и обновленной Франціи, эта идея, безъ которой невозможно настоящее пониманіе ни исторіи Франціи, ни значенія революціи, навсегда будетъ связана съ именемъ Токвиля; но справедливость требуетъ не упускать изъ виду, что одновременно съ нимъ и другіе ученые направляли свои изслѣдованія къ разъясненію тѣхъ же мыслей. Сознаніе въ необходимости изучать французскую революцію въ связи съ предшествовавшей исторіею подготовлялось двумя различными стремленіями исторической науки во Франціи. Съ одной стороны, ученые, изучавшіе раннія эпохи французской исторіи, стали подмѣчать *родственныя*, аналогическія черты между нѣкоторыми событіями этихъ эпохъ и великой революціей, и стали слѣдить за ростомъ того политическаго элемента, который произвелъ переворотъ 1789 года. Съ другой стороны, писатели, изучавшіе революцію или общество, непосредственно вышедшее изъ нея,

[1]) Статья—„Etat Social et Politique de la France avant et depuis 1789“—появилась въ 1836 году, въ англійскомъ журналѣ London и Westminster Review, издававшемся Стюартомъ Миллемъ, и перепечатана на французскомъ языкѣ въ V томѣ общаго собранія сочиненій Токвиля.

раскрывали въ послѣднемъ черты, стремленія и идеи, чрезвычайно сходныя съ состояніемъ, съ стремленіями и понятіями общества въ предшествовавшій періодъ. Въ первомъ отношеніи особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на изслѣдованія Огюстена Тьерри, преимущественно же на его сочиненіе: «Essai sur l'Histoire de la Formation et du Progrés du Tiers Etat», вышедшее въ 1853 году; во второмъ отношеніи—на непосредственнаго предшественника Токвиля—Родо. Задолго до книги Токвиля, —о «Старомъ порядкѣ», появилось сочиненіе Родо о томъ же предметѣ, въ которомъ въ первый разъ устройство и положеніе до-революціонной Франціи подверглись серьёзному историческому анализу [1]). Авторъ этого сочиненія пріобрѣлъ извѣстность какъ горячій защитникъ того же принципа *децентрализаціи* и мѣстной свободы, который составлялъ задушевную цѣль всѣхъ стремленій и научныхъ занятій Токвиля. Родо не только считалъ, подобно Токвилю, децентрализацію необходимымъ условіемъ для установленія свободы, но и единственнымъ средствомъ для достиженія въ будущемъ величія со стороны Франціи, которая, по его мнѣнію, низко пала. Глубокій интересъ къ вопросу о централизаціи и ея историческому развитію во Франціи, навелъ какъ Токвиля, такъ и Родо на изученіе старой монархіи и ея борьбы съ феодальными остатками мѣстной самостоятельности; но если знаменитый авторъ «Демократіи въ Америкѣ» при этомъ держится на строго научной почвѣ и у него только изрѣдка пробивается элегическое сожалѣніе о погибшемъ строѣ, заключавшемъ въ себѣ среди феодальныхъ развалинъ зародыши свободныхъ учрежденій, Родо увлеченъ тенденціей за предѣлы научнаго безпристрастія, и, смѣшивая рутинную и эгоистическую привязанность къ привилегіямъ, сохранившимся отъ феодальной раздробленности, съ стремленіями къ свободѣ и мѣстному самоуправленію, нерѣдко подаетъ руку писателямъ-легитимистамъ, которые проводятъ мысль, что революція была гибельна для свободы, ибо разрушила учрежденія, заключавшія въ себѣ богатые задатки для развитія политической и мѣстной свободы.

Послѣ выхода сочиненія Токвиля о «Старомъ порядкѣ», интересъ къ этому предмету еще болѣе усилился и вызвалъ нѣсколько изслѣдованій въ томъ же направленіи. Укажемъ на сочиненіе Буато [2]), о «Состояніи Франціи до 1789 года», вышедшее въ

---

[1]) Raudot: La France avant la Révolution, son état politique et social, etc. 1 изд. 1841.

[2]) Boiteau, Etat de la France en 1789.

1861 году, авторъ котораго старается, по слѣдамъ Токвиля, прослѣдить развитіе централизаціи при старомъ порядкѣ и описать ея òрганы и учрежденія, но съ бòльшимъ сочувствіемъ къ ней, доказывая, въ противоположность своему предшественнику Родò, несостоятельность историческихъ учрежденій, сохранившихся до XVIII вѣка. Особенное значеніе имѣютъ, кромѣ того, въ сочиненіи Буатò тѣ главы, въ которыхъ авторъ подвергъ тщательному изученію, на основаніи статистическихъ данныхъ, состояніе духовенства и религіозныхъ корпорацій во Франціи при Людовикѣ XV и XVI. Изученіе французскаго общества передъ самой революціей, его политическихъ идеаловъ и стремленій, его надеждъ, жалобъ и требованій составляетъ предметъ очень важнаго для историковъ сочиненія Шассена о «Духѣ Революціи», задуманнаго на широкомъ основаніи, но, къ сожалѣнію, не оконченнаго [1]. Авторъ его задался мыслію характеризовать Францію наканунѣ революціи съ помощью инструкцій и полномочій, данныхъ избирателями депутатамъ, отправившимся въ собраніе генеральныхъ штатовъ; но онъ не ограничивается этимъ, а частыми отступленіями объясняетъ различныя черты французскаго народа и правительства, отразившіяся потомъ на ходѣ самой революціи, напр., пренебреженіе къ индивидуальной свободѣ, вліяніе мелкой провинціальной интеллигенціи—стряпчихъ, нотаріусовъ и т. п.—на простой народъ и пр. Наконецъ, мы считаемъ необходимымъ упомянуть о спеціальномъ сочиненіи, о «Провинціальныхъ собраніяхъ при Людовикѣ XVI», Леонса де-Лаверня, пріобрѣтшаго извѣстность своимъ изслѣдованіемъ о вліяніи революціи на положеніе французскаго земледѣлія. Сочиненіе Лаверня, написанное на основаніи протоколовъ этихъ провинціальныхъ собраній, чрезвычайно поучительно, во-первыхъ, потому, что очень наглядно рисуетъ экономическое состояніе провинцій и недостатки мѣстной администраціи; во-вторыхъ, представляетъ въ новомъ свѣтѣ привилегированные классы наканунѣ революціи—ихъ либерализмъ, готовность къ жертвамъ и охоту заниматься мѣстной администраціей. Неудивительно, что авторъ увлекся привлекательной картиной, имъ нарисованной, и слишкомъ поддался вѣрѣ въ жизненность и способность къ улучшенію *стараго режима*.

Подъ вліяніемъ такихъ изслѣдованій прежнее пренебреженіе къ историческому способу объясненія, прежнія догматическія или полемическія воззрѣнія на революцію должны были все болѣе и болѣе уступать мѣсто болѣе строго-научному методу. Не въ однихъ

---

[1] Chassin: Le Génie de la Révolution. 1864.

только специальныхъ сочиненіяхъ стало проявляться желаніе пролить свѣтъ на революцію посредствомъ изученія старой Франціи, но самые историки революціи все болѣе и болѣе проникались убѣжденіемъ въ необходимости завязать историческую нить, прерванную ихъ предшественниками, и искать точку опоры для своего изложенія не въ догматическихъ и политическихъ принципахъ, а въ *генетическомъ* методѣ изложенія. Если первые историки революціи исходятъ изъ мнѣнія, что революція порождена злоупотребленіями, промахами и даже преступленіями правительственныхъ лицъ эпохи Людовиковъ XV и XVI, и довольствуются тѣмъ, что въ видѣ *введенія* къ своему разсказу нѣсколькими рѣзкими штрихами набрасываютъ картину финансоваго кризиса, придворнаго распутства и аристократическихъ предразсудковъ, то слѣдующіе за ними историки даютъ все болѣе и болѣе мѣста этому введенію и захватываютъ все глубже и глубже явленія, вызвавшія революцію и опредѣлившія ея ходъ и характеръ. Интересно, напр., сравнить краткій очеркъ «нравственнаго и политическаго состоянія Франціи въ концѣ XVIII в.», съ котораго Тьеръ начинаетъ свое изложеніе французской революціи, похожій скорѣе на завѣсу, скрывающую отъ нетерпѣливаго зрителя начало захватывающей драмы, чѣмъ на историческое введеніе — съ тѣмъ тщательнымъ научнымъ изслѣдованіемъ, съ помощью котораго Зибель подготовляетъ читателя къ пониманію изучаемаго имъ переворота. Не довольствуясь сжатымъ, но чрезвычайно поучительнымъ описаніемъ экономическаго состоянія, поземельной собственности и администраціи наканунѣ революціи, Зибель разсматриваетъ ее какъ звено въ величественномъ историческомъ процессѣ, общемъ всей западной Европѣ, начиная съ эпохи реформаціи. Такой пріемъ, конечно, совершенно понятенъ со стороны ученаго, вышедшаго изъ школы, воспитанной на философіи и привыкшей къ универсальному пониманію явленій и въ то же время къ критическому объективному методу; онъ вполнѣ естественъ со стороны иностраннаго историка, практически мало заинтересованнаго въ политическихъ вопросахъ, порожденныхъ революціей и не принадлежащаго ни къ одной изъ партій, спорящихъ изъ-за наслѣдія революціи; но подобное явленіе встрѣчаемъ мы и среди французской историографіи, если сопоставимъ раннихъ историковъ революціи съ позднѣйшими. Мы замѣчаемъ желаніе справляться съ исторіею или ссылаться на нее даже у такихъ писателей, которые—по своей ближайшей цѣли или по характеру своего ума — склонны къ догматическимъ разсужденіямъ и отвлеченнымъ пріемамъ. Очень поучительно въ этомъ отношеніи сочиненіе Кинé и срав-

ненie его пріемовъ съ пріемами Мишлé, съ которымъ у него такъ много общаго въ политическихъ убѣжденіяхъ и въ основномъ взглядѣ на революцію. Мишле, какъ извѣстно, написалъ средневѣковую исторію Франціи, которую во многихъ отношеніяхъ можно признать за лучшую; онъ обладаетъ необыкновенною способностью вживаться въ эпоху и посредствомъ богатаго воображенія воспроизводить ее передъ читателемъ во всемъ ея историческомъ колоритѣ; тѣмъ не менѣе, когда онъ приступилъ къ эпохѣ революціи, онъ такъ увлекся ею, что все прошедшее Франціи задернулось передъ нимъ какъ-бы густою завѣсой; если онъ касается его, то только для того, чтобы показать всю противоположность его принциповъ жизненному духу новой эры. Онъ говоритъ, напр., о христіанствѣ какъ о религіи *до-революціонной* Франціи; революція, по его мнѣнію, исходитъ изъ началъ, діаметрально-противоположныхъ тому, что̀ онъ считаетъ сущностью христіанства. Совершенно иначе смотритъ Кине на связь революціи и начавшагося съ нея историческаго періода съ до-революціонной эпохой. Конечно, на него въ этомъ отношеніи имѣло сильное вліяніе разочарованіе революціей 1848 года и трагическая судьба второй республики, завершившаяся въ промежутокъ между сочиненіями двухъ друзей. Кине обратился къ изученію первой революціи не для того, чтобы съ юношескимъ энтузіазмомъ Мишле ее идеализировать, а чтобы «открыть и показать, почему столько и такихъ безмѣрныхъ усилій, столько принесенныхъ жертвъ, такая чудовищная трата людей оставили послѣ себя такія еще несовершенные и уродливые результаты». Его отвѣтъ заключается въ томъ, что главная вина на сторонѣ старой Франціи. Онъ вооружается противъ писателей, которые не принимали въ разсчетъ всѣхъ преградъ, поставленныхъ этой до-революціонной Франціей на пути развитія новой и которые поэтому видѣли «по сю сторону 1789 года одну только ложь, а по ту — одну только правду». Но каково бы ни было его побужденіе, Кине не хочетъ допустить, чтобы 1789 годъ представлялся какими-то непроходимыми «Пиренеями». Онъ вооружается противъ пріема, который дѣлаетъ изъ революціи «изолированный пунктъ во времени безъ отношенія къ прошедшему — исторію, колеблющуюся въ пустомъ пространствѣ, не прикрѣпленную къ предшествовавшимъ эпохамъ», а потомъ привлекаетъ къ отвѣтственности человѣческій духъ, какъ-будто онъ виновенъ въ этомъ ненормальномъ зрѣлищѣ. «Революція, — говоритъ Кине, — какъ всякое другое событіе, въ связи съ тѣмъ, что̀ ей предшествовало; она находится подъ бременемъ прошедшаго. Часто она его воспроизводитъ, даже

когда борется съ нимъ. Не видѣть этой связи, — значитъ, отрицать самую душу исторіи». Вліяніе историческаго метода еще болѣе отразилось на сочиненіи знаменитаго бельгійскаго историка-философа *Лорана* [1]). Этотъ ученый, прослѣдившій съ изумительной начитанностью и неизмѣнной бодростью мысли весь необъятный процессъ развитія человѣчества отъ первыхъ зачатковъ гражданственности въ Индіи и Египтѣ до нашихъ дней, не могъ не воспользоваться уроками исторіи, когда приступилъ къ изложенію революціи. Притомъ, его принадлежность къ бельгійскому народу, его, такъ-сказать, *международное положеніе* должно было его предрасполагать къ болѣе безпристрастному, объективному воззрѣнію и избавить отъ нѣкоторыхъ патріотическихъ увлеченій французскихъ историковъ. Такъ, напр., останавливаясь надъ вопросомъ, почему революція не имѣла результатомъ установленіе свободы, онъ указываетъ на то, что стремленіе къ равенству, къ *народовластію* въ смыслѣ господства массъ, получило преобладаніе надъ стремленіемъ къ обезпеченію индивидуальной свободы, которое въ началѣ революціи выразилось въ *декларацiи правъ человѣка*, и объясняетъ это тѣмъ, что латинскій или галло-римскій элементъ французскаго народа, пропитанный преданіемъ демократической имперіи Рима, взялъ перевѣсъ надъ элементомъ индивидуальной свободы, внесеннымъ германскими завоевателями. Такимъ образомъ, Лоранъ, разбирая элементы обоготворяемой имъ революціи, относитъ лучшій и плодотворнѣйшій изъ этихъ элементовъ на долю вліянія германской расы, которое совершенно отрицается или порицается современными французскими историками, конечно, не вслѣдствіе научныхъ мотивовъ. Лорана въ этомъ случаѣ нельзя осуждать за слишкомъ рѣзкое разграниченіе *характеровъ расы;* онъ не только имѣлъ за себя авторитетъ Монтескьё и другихъ историковъ XVIII столѣтія, но и демократическихъ историковъ нашего вѣка, которые, прославляя уравнивавшую дѣятельность королевской власти и ея союзъ съ демократіей, видѣли въ ихъ борьбѣ съ феодальной аристократіей противодѣйствіе туземнаго галльскаго элемента противъ чуждаго германскаго, и готовы были повторить возгласы Сіеза, предлагавшаго прогнать *варваровъ* назадъ въ ихъ зарейнскія дебри.

Но, съ другой стороны, доктрина, что прогрессивное развитіе человѣчества ведетъ къ превращенію христіанства въ теизмъ и

---

[1]) Laurent. La Révolution française. Это сочиненіе составляетъ XIII, XIV и XV томы его Etudes sur l'Histoire de l'humanité.

гуманитарную религію будущаго,—доктрина, которой придерживается Лоранъ и которая находитъ обильную пищу въ мѣстныхъ бельгійскихъ интересахъ,—увлекла его до тенденціозной разработки французской революціи. Бельгія была обязана этой революціи своимъ обновленіемъ, но вслѣдствіе большой прочности ея средневѣковыхъ учрежденій, она была къ ней недостаточно подготовлена и бурный переворотъ раскололъ, такъ-сказать, эту страну и ея населеніе на двѣ равныя враждебныя части,—либеральную, которая любитъ французскую революцію, какъ свою колыбель, — и клерикальную, которая ненавидитъ ее главнымъ образомъ какъ манифестацію *анти-религіознаго* духа. Такъ какъ вся будущность страны зависитъ отъ исхода этой борьбы, то понятно, что передовые люди Бельгіи подчиняютъ торжеству надъ клерикализмомъ всѣ прочіе интересы. И для Лорана исторія революціи служитъ главнымъ образомъ оружіемъ противъ опаснаго врага. Защищая революцію и критикуя ее, онъ постоянно имѣетъ въ виду зоркое око бельгійскихъ клерикаловъ, которые болѣе чѣмъ гдѣ-либо овладѣли печатью и воспитаніемъ молодежи. При такомъ положеніи дѣла нѣтъ мѣста для примиренія и для объективной точки зрѣнія.

Лоранъ прямо становится на почву своихъ враговъ, соглашается съ ними, что революція была выраженіемъ философскаго анти-христіанскаго духа, и возвращается къ воззрѣніямъ французскихъ писателей прошлаго вѣка, которые видѣли въ борьбѣ съ церковью свою главную задачу.

Вслѣдствіе этого у Лорана нѣтъ достаточно досуга и охоты, чтобы обращаться къ исторіи, и даже тамъ, гдѣ онъ прибѣгаетъ къ историческимъ объясненіямъ, онъ не всегда доводитъ ихъ до конца. Такъ, напримѣръ, хотя онъ и рѣзко протестуетъ противъ преувеличенія со стороны историковъ вліянія климата и *расы* на духовное развитіе народовъ [1]; однако онъ самъ сводитъ противоположность деспотическаго народовластія и индивидуальной свободы къ различію духа галло-римской и германской расы, не обращая достаточнаго вниманія на общій ходъ французской исторіи, враждебный развитію индивидуальной свободы.

Такъ, напримѣръ, далѣе, Лоранъ очень мѣтко указываетъ на то, что въ основаніи всѣхъ «демократическихъ стремленій» старинныхъ генеральныхъ штатовъ лежало собственно стремленіе

[1]) Révol. franç. Prem. partie, p. 163. L'influence fatale du climat a perdu son crédit parceque l'histoire la dément à chaque page. C'est la race ou la nationalité qui a pris chez les historiens modernes la place du climat. Au fond c'est la même erreur, il n'y a qu'un mot de changé, и т. д.

къ верховной власти, осуществившееся, наконецъ, въ исходѣ XVIII вѣка въ противоположность англійскимъ парламентамъ, упрочившимъ свободу; но при этомъ онъ не принимаетъ въ разсчетъ историческаго *развитія* французскаго государства и существеннаго различія между штатами и парламентомъ.

Лоранъ вѣрно объясняетъ ненависть къ французскому дворянству во время революціи и необузданность демократической реакціи характеромъ этого дворянства, но онъ не хочетъ знать, подъ вліяніемъ какихъ историческихъ причинъ образовалась французская аристократія и почему у дворянъ «властолюбіе и презрѣніе къ низшимъ сословіямъ были гораздо сильнѣе, чѣмъ любовь къ свободѣ».

Наконецъ, хотя Лоранъ отлично выясняетъ характеръ королевской власти во Франціи и предостерегаетъ читателей отъ односторонности уважаемаго имъ Огюстена Тьерри, который «напрасно прославляетъ старинныхъ королей какъ *защитниковъ равенства*, *какъ представителей народа, для него только трудившихся*, тогда какъ единственной цѣлью ихъ была *власть*»—онъ однако въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія выражаетъ сожалѣніе, что короли не послѣдовали совѣтамъ философовъ. «Еслибъ королевская власть,—говоритъ Лоранъ,—послушалась этихъ врачей и пророковъ, она предотвратила-бы революцію, отмѣнивши злоупотребленія *Стараго Порядка*», какъ будто сущность того историческаго переворота, который обнаружился въ революціи, заключался только въ отмѣнѣ злоупотребленій, а не въ перемѣщеніи власти, и какъ будто короли имѣли возможность дѣйствовать вопреки своему историческому характеру, мѣтко очерченному Лораномъ. Несмотря, однако, на подобныя недомолвки или даже отступленія отъ историческаго метода въ угоду доктринѣ или политической критикѣ, сочиненіе Лорана представляетъ рѣдкое соединеніе философскаго и историческаго объясненія французской революціи и можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости объяснять это событіе *генетически*.

Изъ нашего краткаго обзора исторіографіи французской революціи читатель могъ убѣдиться, что въ ней постепенно обнаруживаются двѣ тенденціи: съ одной стороны, идеализація революціи вообще или извѣстныхъ дѣятелей революціи уступаетъ мѣсто *критическому* отношенію къ нимъ; съ другой—беретъ верхъ *историческій* методъ, т.-е. способъ разсматривать революцію какъ звено въ общемъ историческомъ процессѣ Франціи, объяснять и оцѣнивать ее съ помощью предшествовавшей исторіи. Интересно

наблюдать, какъ подъ вліяніемъ этихъ двухъ тенденцій — критической и исторической—видоизмѣняется прежнее апологетическое отношеніе къ революціи; какъ, наприм., въ книгѣ Кинé защита революціи выражается въ томъ, что авторъ старается поставить въ вину самыя ошибки, промахи и неудовлетворительные результаты революціи—*историческому прошлому* Франціи.

II.

Предпославши эти необходимыя замѣчанія, мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію новѣйшаго французскаго сочиненія, относящагося къ исторіи революціи—книги Тэна: «Les origines de la France contemporaine»—достойной подробнаго анализа уже по общему интересу ея содержанія и литературной извѣстности автора. Но, кромѣ того, это сочиненіе, какъ мы имѣемъ въ виду показать, знаменуетъ собою новое направленіе въ исторіографіи французской революціи, а это новое направленіе въ то же время представляетъ собою важный симптомъ общественнаго настроенія и умственнаго состоянія современной Франціи [1]).

Оригинальность разсматриваемаго нами сочиненія обнаруживается при первомъ знакомствѣ съ нимъ. Она проявляется въ самомъ поводѣ, который заставилъ автора приступить къ этому труду, въ цѣли, которую онъ себѣ поставилъ, наконецъ, во внѣшней формѣ, какую онъ придалъ своему сочиненію. Какъ у предшествовавшихъ историковъ французской революціи, такъ и у Тэна, поводъ къ труду былъ чисто практическій, навязанный автору окружавшей его обстановкой. Но если при этомъ другіе руководились желаніемъ защитить какой-нибудь политическій принципъ, ихъ одушевлявшій, то Тэна приводило къ исторіи революціи именно отсутствіе всякой политической доктрины и необходимость избрать для себя какое-нибудь руководящее начало. «Когда въ 1849 г., бывши двадцати-одного года, я очутился избирателемъ,—пишетъ Тэнъ въ предисловіи къ своей книгѣ,—я былъ въ крайнемъ затрудненіи; мнѣ приходилось выбирать 15 или 20 депутатовъ, и, сверхъ того, по французскому обычаю, я долженъ былъ не только избирать лица, но и выбирать между политическими системами. Мнѣ предлагали сдѣлаться роялистомъ

---

[1]) Личную характеристику Тэна и черты изъ его жизни читатели найдутъ въ одномъ изъ „Писемъ“ Эмиля Золà, посвященномъ исключительно этому новѣйшему историку Франціи, въ февральской книгѣ журнала 1876 г.

или республиканцемъ, демократомъ или консерваторомъ, соціалистомъ или бонапартистомъ: я не принадлежалъ ни къ какой партіи, я просто не имѣлъ никакого взгляда и иногда я завидовалъ всѣмъ этимъ *убѣжденнымъ* людямъ»

Разсмотрѣвши различныя современныя политическія доктрины, Тэнъ не былъ въ состояніи остановиться на какой-либо изъ нихъ; ему казалось, что въ политикѣ не слѣдуетъ руководиться своимъ личнымъ вкусомъ. Его современники готовы были построить государственную организацію подобно тому, какъ строятъ домъ по извѣстному плану, по самому изящному или самому простому, или, наконецъ, по самому новомодному, и французскому обществу было выставлено на выборъ нѣсколько моделей: «дворецъ маркиза (отель), буржуазный домъ, помѣщеніе для рабочихъ, военная казарма, фаланстеръ коммунистовъ, пожалуй даже стоянка дикарей». Но, наученный опытомъ прошедшаго, Тэнъ полагалъ, что если народъ и въ состояніи указать, какая правительственная форма ему наиболѣе нравится, онъ однако не можетъ знать, какая именно ему *нужна;* послѣднее же онъ можетъ узнать только на практикѣ. Въ 80 лѣтъ французскій народъ разрушалъ 13 разъ свою государственную организацію, чтобъ замѣнить ее новой—и до сихъ поръ не обрѣлъ еще той, которая ему наиболѣе соотвѣтствуетъ.

Между тѣмъ, по мнѣнію Тэна, эта лучшая и нормальная организація существуетъ, и все дѣло въ томъ, чтобъ ее *открыть*. Опредѣляется же она не народнымъ голосованіемъ, такъ какъ выборъ сдѣланъ уже для Франціи природой и исторіей — ибо прочный соціальный и политическій строй народа зависитъ не отъ его произвола, а отъ его характера и его прошедшаго. Поэтому, нужно извратить принятый методъ и сначала составить себѣ ясное понятіе о народѣ, а потомъ уже сочинять государственную организацію или конституцію. Такимъ образомъ, исторія снова возводится Тэномъ на степень учительницы и руководительницы въ политической жизни. Онъ рѣшился не составлять себѣ политическаго мнѣнія, не изучивши въ подробности исторію Франціи; чтобъ понять современную Францію, ему нужно узнать, какимъ образомъ она сложилась. Но въ исторіи этого прогресса одинъ моментъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. «Въ концѣ прошлаго вѣка, подобно тому какъ превращается насѣкомое, Франція подверглась метаморфозѣ. Ея прежняя организація распалась; она сама порвала самыя драгоцѣнныя ткани и пала, какъ казалось, въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Потомъ, послѣ многочисленныхъ судорожныхъ движеній и послѣ тяжелаго летар-

гическаго сна, она воспрянула. Но ея организація уже не та: благодаря глухой внутренней работѣ, новое существо заняло мѣсто прежняго».

«Вотъ почему, — говоритъ Тэнъ, — если мы хотимъ понять наше настоящее положеніе, наши взоры всегда возвращаются къ ужасному и плодотворному кризису, благодаря которому старый порядокъ породилъ революцію, а революція — новый порядокъ вещей» (p. V).

Итакъ, цѣль, которую себѣ поставилъ Тэнъ, какъ историкъ, заключается прежде всего въ раскрытіи генетическаго процесса, въ изученіи революціи, какъ продукта предшествовавшаго періода и какъ причины новаго порядка вещей. Для этого онъ намѣренъ ограничиться точнымъ *описаніемъ* этихъ трехъ эпохъ; онъ требуетъ для историка права дѣйствовать въ качествѣ *натуралиста*, относиться къ своему предмету какъ къ метаморфозѣ какого-нибудь насѣкомаго. Онъ приступаетъ къ своей задачѣ, отрѣшившись отъ всякаго опредѣленнаго обязательства (parti pris) и надѣется, что вслѣдствіе этого его любознательность получитъ чисто-научный характеръ. Мы увидимъ впослѣдствіи, насколько онъ сдержалъ свое обѣщаніе, насколько ему удалось исполнить свою задачу и осуществить свою надежду, что изученіе прошлаго послужитъ твердой точкой опоры среди современнаго политическаго броженія.

Задачей Тэна опредѣляется и внѣшняя форма его сочиненія; оно распадается на три части: описаніе стараго порядка, исторію революціи и исторію французскаго общества со времени революціи. Передъ нами лежитъ первая часть, предоставляющая довольно объемистый и вполнѣ закругленный томъ. Уже въ этомъ расположеніи труда Тэна выражается торжество историческаго метода: введеніе въ исторію революціи разрослось въ самостоятельное сочиненіе, въ первый *томъ* исторіи революціи. Нужно надѣяться, что Тэнъ, болѣе счастливый, чѣмъ его знаменитый предшественникъ Токвиль, найдетъ въ себѣ достаточно жизненныхъ силъ, чтобъ закончить свой такъ стройно проектированный трудъ. Во всякомъ случаѣ эта задача чрезвычайно облегчается однимъ свойствомъ его таланта, вполнѣ обнаружившимся въ выпущенномъ въ свѣтъ томѣ—это архитектурная симметричность въ планѣ сочиненія и распредѣленіе его частей. Одно изъ самыхъ любопытныхъ для историка наблюденій можно извлечь изъ сравненія внѣшней формы сочиненій англійскихъ и французскихъ писателей. Оно даетъ возможность заключить, что историческая народность есть такое *органическое* цѣлое, что лежащій въ осно-

ваніи его духовный принципъ опредѣляетъ рѣшительно всѣ проявленія народной жизни, отъ самыхъ важныхъ до самыхъ мелочныхъ.

Подобно тому, какъ французское государство было всегда самымъ стройнымъ, самымъ послѣдовательнымъ въ проведеніи руководящаго принципа, наиболѣе склоннымъ подчиняться отвлеченнымъ идеямъ, такъ и французскіе писатели всегда отличались передъ другими потребностью въ единствѣ плана и симметріи частей. И съ другой стороны, подобно тому, какъ англійское государство всегда было наименѣе стройнымъ, наименѣе заботилось о логичности и ясности своихъ политическихъ и юридическихъ началъ, всегда уступало практическимъ требованіямъ минуты и обстоятельствъ, такъ и лучшіе англійскіе писатели мало придаютъ важности единству идеи и исполненія въ литературномъ произведеніи, руководятся часто при собираніи и расположеніи матеріала второстепенными практическими соображеніями, легко дозволяютъ себѣ отступленія, которыя заслоняютъ главную мысль: то говорятъ слишкомъ пространно, то не договариваютъ, а потому ихъ произведенія представляютъ часто только *торсъ* задуманнаго сочиненія или богатый складочный магазинъ идей и фактовъ.

Но если архитектурность и симметричность составляютъ вообще французскую черту, то въ рѣдкомъ французскомъ сочиненіи онѣ выступаютъ такъ наглядно и такъ сильно дѣйствуютъ на читателя, какъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи. Онѣ проявляются не только во внутренемъ планѣ сочиненія, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить, но и во внѣшнихъ рамкахъ его. Вышедшій томъ состоитъ изъ пяти книгъ, изъ которыхъ первыя двѣ, а потомъ третья и четвертая составляютъ какъ-бы двѣ параллельныя части одного зданія, а пятая—связанная по содержанію одинаково съ первой и второй парой — какъ-бы вѣнецъ зданія. Кстати замѣтимъ, что даже число страницъ въ каждой изъ пяти книгъ почти одинаковое.

III.

Задача объяснить происхожденіе французской революціи естественнымъ образомъ распадалась на двѣ части. Какъ нѣкоторыя другія историческія событія, такъ и французская революція была вызвана столько же причинами политическими, сколько и духовными, т.-е. идеями. Участіе этихъ двухъ факторовъ давно

было обнаружено, но степень ихъ участія опредѣлялась не одинаково.

Тѣ современники французской революціи, которые были ея противниками, считали главнымъ образомъ философію XVIII в. причиной своихъ несчастій, и писатели-легитимисты и клерикалы и теперь еще держатся такого взгляда и обвиняють во всемъ превратныя идеи Вольтера, энциклопедистовъ—и фран-масоновъ. Иначе поступають защитники революціи: не отрицая культурнаго значенія философскихъ идей XVIII в., они подробно останавливаются на признакахъ, указывавшихъ на гнилость политическаго и общественнаго строя стараго порядка. Нѣкоторые изъ либеральныхъ историковъ считають даже непосредственное вліяніе философіи очень незначительнымъ. Зибель, наприм., указывая на состояніе цензуры и книжной торговли, увѣряетъ, что идеи Вольтера и Руссо мало проникали въ ряды буржуазіи, а Валлонъ [1]), авторъ одного изъ новѣйшихъ сочиненій, касающихся состоянія Франціи до 1789 г., выражается такъ объ этомъ вопросѣ: «Историки, считавшіе философію славной или позорной виновницей революціи, очевидно заблуждались, и ихъ ошибка, которую по очереди эксплуатировали самыя различныя партіи, для того, чтобъ возвеличить философію, или же съ цѣлью смягчить вину духовенства,—эта ошибка не позволила послѣдующимъ поколѣніямъ извлечь изъ этого кроваваго прошедшаго должное поученіе».

Тэнъ поступаетъ иначе;—его сочиненіе распадается на двѣ равныя части, въ которыхъ онъ разсматриваетъ сначала общество, созданное королевской Франціей, а потомъ доктрину XVIII в. и ея распространеніе среди общества.

Отличительную черту французскаго общественнаго строя въ XVIII в. составляетъ рѣзкое раздѣленіе націи на два слоя: привилегированные классы и масса народа. Къ первымъ принадлежали всѣ тѣ лица и сословія, которыя успѣли сохранить болѣе или менѣе остатковъ государственныхъ функцій и правительственныхъ правъ, превращенныхъ феодализмомъ въ частную собственность. Этимъ привилегированнымъ слоемъ и занимается Тэнъ въ первыхъ двухъ книгахъ своего сочиненія, распредѣляя согласно съ своими методическими пріемами свои наблюденія подъ двѣ рубрики: «общественный строй» и «нравы и характеры». Первая книга, написанная, какъ и всѣ остальныя, живо и мѣтко, представляетъ наименѣе оригинальнаго и спорнаго. Авторъ имѣлъ передъ собою богатую, разработанную его пред-

[1]) Jean Wallon. Le clergé de Quatre-Vingt-Neuf. P. 1876.

шественниками фактическую почву. Любопытенъ только литературный пріемъ, съ помощью котораго Тэнъ хотѣлъ придать своему предмету новый интересъ и пикантность.

Тэнъ посвящаетъ нѣсколько страницъ происхожденію привилегій духовенства, дворянства и короля. Причину этихъ привилегій онъ ищетъ не въ историческомъ фактѣ завоеванія, не въ общихъ основахъ государственной и общественной жизни, а въ *услугахъ*, оказанныхъ нѣкогда обществу привилегированными классами. Онъ вводитъ читателя въ эпоху разрушенія римской имперіи и вторженія варваровъ — и показываетъ, какъ распространеніе религіи и устройство церкви было дѣломъ духовенства. Въ эпоху распаденія всѣхъ общественныхъ связей духовенство создаетъ крѣпкую организацію, управляемую законами; оно идетъ на встрѣчу варварамъ и подчиняетъ ихъ своему нравственному вліянію, устроиваетъ убѣжище для покоренныхъ и угнетенныхъ, спасаетъ остатки цивилизаціи, въ своихъ монастыряхъ основываетъ разсадники новой культуры; въ эпоху владычества грубой силы оно создаетъ идеальный міръ: своими легендами, соборами и литургіями дѣлаетъ осязательнымъ царство небесное, даетъ людямъ силу и охоту жить—или, по крайней мѣрѣ, съ смиреніемъ переносить тяжкую жизнь, даетъ трогательную или поэтическую мечту въ замѣну счастья.

Подобнымъ образомъ, въ эпоху распаденія государства, основаннаго варварами, и вторженія норманновъ, которые шайками грабили и выжигали страну,—спасителемъ и благодѣтелемъ страны становится воинъ, умѣющій сражаться и защищать другихъ. Въ эпоху непрерывныхъ войнъ только одинъ общественный строй хорошъ—это феодальный строй, гдѣ вождь, окруженный дружиной, защищаетъ своихъ вассаловъ; каждый изъ этихъ вождей твердой ногой внѣдряется въ мѣстности, гдѣ онъ поселился,—это его замокъ, его владѣніе, его графство. Съ теченіемъ времени изъ этого воинственнаго міра выработывается новый идеальный типъ: рядомъ съ святымъ является рыцарь, и этотъ новый идеалъ служитъ также могущественнымъ цементомъ для сплоченія людей въ прочное общество. Среди этого же феодальнаго міра выростаетъ и власть короля; онъ расширяетъ свои феодальныя владѣнія въ теченіи восьми вѣковъ съ помощью завоеваній, политическихъ браковъ, наслѣдства, камень за камнемъ создаетъ онъ плотное государство въ 26 милл. жителей, самое могущественное въ Европѣ. Во все это время онъ являлся главой общественной защиты, освободителемъ страны отъ иноземцевъ: отъ папы въ XIV вѣкѣ, отъ англичанъ въ XV, отъ испанцевъ въ

XVI. Внутри государства онъ верховный судья—grand justicier; съ шлемомъ на головѣ—онъ постоянно въ походѣ: разрушаетъ зàмки феодальныхъ разбойниковъ, унимаетъ частныя войны, защищаетъ слабыхъ,—онъ водворяетъ порядокъ и миръ. Все полезное возникаетъ по его приказанію или подъ его покровительствомъ: дороги, гавани, каналы, университетъ, школы, богадѣльни, промышленныя и торговыя заведенія.

Такія услуги вызываютъ соотвѣтственное награжденіе. Оно заключается, съ одной стороны, въ громадномъ количествѣ поземельныхъ владѣній, которыя скопились въ рукахъ привилегированныхъ классовъ,—съ другой стороны, въ различныхъ почетныхъ или выгодныхъ правахъ. Но дѣло въ томъ, что эти привилегированные классы, пользуясь выгоднымъ положеніемъ, созданнымъ ихъ заслугами, постепенно перестаютъ оказывать обществу дальнѣйшія услуги и ихъ преимущества обращаются во вредъ этому обществу. Около этой мысли Тэнъ искусно группируетъ все, чтó намъ извѣстно о ненормальномъ положеніи прелатуры, дворянства и династіи въ старой Франціи, о злоупотребленіяхъ и гибельныхъ для государственной жизни послѣдствіяхъ, какія вытекали изъ привилегій. Тэнъ не относится враждебно ни къ королевской власти, ни къ аристократіи: онъ не отрицаетъ ихъ значенія въ исторіи французскаго государства. Такія же реальныя причины, какія вызвали ихъ появленіе, оправдываютъ, по его мнѣнію, ихъ дальнѣйшее существованіе: «Можно удивляться,—говоритъ онъ,—тому, что одинъ человѣкъ изъ своего кабинета распоряжается имуществомъ и жизнью 26 милл. человѣкъ; но для того, чтобъ народъ оставался независимымъ, необходимо, чтобъ онъ ежедневно былъ готовъ приносить жертвы. Предоставленное самому себѣ и обращенное мгновенно въ дикое состояніе, человѣческое стадо будетъ только волноваться, сталкиваться, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, сила не возьметъ верхъ, какъ во времена варваровъ, и пока не явится среди безпорядковъ и криковъ военный вождь, который бóльшею частью оказывается палачомъ». Такимъ же способомъ доказывается необходимость аристократіи: «Когда масса не развита, полезно, чтобъ вожди были обозначены заранѣе наслѣдственной привычкой за ними слѣдовать и особымъ воспитаніемъ, которое подготовляло бы ихъ къ ихъ призванію. Въ такомъ случаѣ общество не имѣетъ надобности отыскивать ихъ. Они на лицо, въ каждомъ округѣ, ихъ знаютъ,—они заранѣе всѣми признаны; ихъ легко отличить по имени, по сану, по богатству, по ихъ образу жизни, и всѣ впередъ готовы встрѣтить ихъ авторитетъ съ почтеніемъ».

Итакъ, бѣда не въ существованіи династіи и аристократіи, а въ томъ, что, несмотря на измѣненіе феодальнаго строя, онѣ сохранили свой прежній характеръ, и не приняли на себя новой соотвѣтствующей роли. Король изъ военнаго вождя феодальной эпохи долженъ былъ превратиться въ правителя. Аристократъ также можетъ сохранить свои привилегіи, не утрачивая популярности, если изъ наслѣдственнаго военнаго вождя въ своемъ округѣ онъ сдѣлается «постояннымъ и благодѣтельнымъ владѣльцемъ, добровольнымъ начинателемъ всѣхъ полезныхъ предпріятій, обязательнымъ попечителемъ бѣдныхъ, безвозмезднымъ администраторомъ и судьею округа, его представителемъ (безъ оклада) передъ королемъ, т.-е.—вождемъ и покровителемъ какъ прежде, но посредствомъ новаго рода патроната, приспособленнаго къ новымъ обстоятельствамъ. Мѣстное управленіе, представительство въ центрѣ—вотъ два главныхъ его назначенія»

Въ другихъ феодальныхъ странахъ аристократія соотвѣтствовала этому своему назначенію; во Франціи—нѣтъ, она не оказываетъ обществу ни *мѣстныхъ*, ни *общихъ* услугъ.

Всѣ сеньоры распадаются на два класса: одни не живутъ въ своихъ владѣніяхъ, находясь при дворѣ или въ Парижѣ; это самые богатые и знатные; всегда отсутствуя, они не въ состояніи исполнить своей мѣстной роли. Другіе, средніе и мелкіе дворяне, правда, живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, они въ непосредственномъ отношеніи къ своимъ крестьянамъ и фермерамъ; они не высокомѣрны, не угнетаютъ ихъ; напротивъ, особенно въ эпоху голода и бѣдствій, расточаютъ имъ свои доходы. Но чиновникъ, интендантъ оттѣснилъ сеньора отъ его прежнихъ подданныхъ. «Сельская администрація не касается его, онъ даже не имѣетъ надъ ней надзора: раскладка податей и распредѣленіе набора, поправка церкви, созваніе и предсѣдательство въ приходскомъ собраніи, проведеніе дорогъ, устройство благотворительныхъ рабочихъ домовъ—все это дѣло интенданта или чиновниковъ общины, которыхъ интендантъ назначаетъ и которыми онъ руководитъ».

Самолюбіе сеньора, которому закрытъ всякій выходъ изъ такого положенія, становится мелочнымъ; онъ ищетъ не вліянія, а отличій: «il songe à primer, non à gouverner». Притомъ онъ самъ въ полной зависимости отъ интенданта, связанъ въ своихъ движеніяхъ; 20 человѣкъ дворянъ не могли собраться безъ разрѣшенія короля. Большинство изъ нихъ бѣдны, они не въ состояніи отказаться отъ своихъ феодальныхъ правъ, которыми они живутъ, и отъ этого превращаются, по отношенію къ крестьянамъ, въ простыхъ кредиторовъ.

Не оказывая мѣстныхъ услугъ, аристократія была безполезна и въ центрѣ. Толпясь около короля, прелаты и сеньоры не представляютъ собою интересовъ страны, а пользуются своимъ вліяніемъ только для личныхъ выгодъ. Духовенство еще сохранило, какъ сословіе, нѣкоторыя политическія права; оно періодически съѣзжалось на собранія, которыя имѣли право дѣлать представленія королю. Правительство входило съ ними въ сношенія по поводу доли участія духовенства въ государственной повинности, которую оно несло подъ именемъ *добровольнаго дара*.

Но на что̀ употребляетъ духовенство свое корпоративное вліяніе? на поддержаніе феодальныхъ привилегій, закрытіе школъ и преслѣдованіе протестантовъ. Еще въ 1780 году собраніе духовенства объявляетъ, что алтарь и престолъ были бы одинаково въ опасности, если бы еретикамъ было дозволено сорвать свои оковы.

Свѣтской же аристократіи, лишенной всякаго политическаго о̀ргана, остается употреблять для своихъ интересовъ только личное вліяніе и придворную интригу. Благодаря этому личному вліянію, всѣ доходныя мѣста въ церкви заняты дворянами; имъ предоставлены, напримѣръ, всѣ епископскія мѣста, за исключеніемъ 3-хъ или 4-хъ (petits évêchés de laquais). То же самое въ арміи: чтобы получить чинъ капитана, нужно быть дворяниномъ въ 4-мъ поколѣніи. Въ свѣтской администраціи 44 генералъ-губернаторства, 66 вице-губернаторствъ, 407 губернаторствъ и множество другихъ синекуръ, особенно при дворѣ, предоставлены дворянамъ. Къ этому нужно присоединить громадную сумму, расточаемую принцамъ крови, герцогамъ и графамъ, придворнымъ дамамъ, въ видѣ пенсій, наградъ и приданаго ихъ дочерямъ. «Версаль!—восклицаетъ министръ Людовика XV-го, д'Аржансонъ,—въ этомъ словѣ заключается все зло! Версаль сдѣлался сенатомъ націи; послѣдній лакей въ Версалѣ—сенаторъ; горничныя принимаютъ участіе въ правленіи; если онѣ не даютъ приказаній, то, по крайней мѣрѣ, мѣшаютъ исполненію закона и всякихъ правилъ; а при этой постоянной помѣхѣ нѣтъ болѣе, наконецъ, ни закона, ни распоряженій, ни распорядителей... Версаль—это могила народа» (р. 93). Духовная и свѣтская аристократія подобны генеральному штабу, который, думая только о своей выгодѣ, удалился бы отъ арміи. Прелаты и сеньоры стоятъ одиноко среди провинціальнаго дворянства, которое не имѣетъ хода и среди простого духовенства (curés), которое борется съ матеріальной нуждой, и въ критическую минуту покинетъ своихъ вождей.

Остается еще одно привелигированное лицо, обладающее громадными привилегіями, это—самъ король; онъ наслѣдственный главнокомандующій въ этомъ наслѣдственномъ генеральномъ штабѣ. Французскій король—государь, который можетъ все сдѣлать, во главѣ аристократіи, которая ничего не дѣлаетъ. Правда, его должность не превратилась въ синекуру; но ему вредитъ излишество власти, отсутствіе всякихъ предѣловъ. Незамѣтно захватывая всѣ власти, король взялъ на себя всѣ обязанности; задача безмѣрная, превышавшая человѣческія силы. Зло, проистекавшее изъ такого порядка вещей, могло огорчать короля, но не тревожило его совѣсти; онъ могъ имѣть состраданіе къ народу, но не считать себя виновнымъ передъ этимъ народомъ. Франція принадлежала ему, какъ феодальный *доменъ* принадлежитъ суверену. Основанная на феодализмѣ, королевская власть была его собственностью, родовымъ наслѣдіемъ, и было бы слабостью съ его стороны, если бы онъ допустилъ уменьшить этотъ священный залогъ, переходящій отъ поколѣнія къ поколѣнію. «Король не только, по средневѣковому преданію, военачальникъ французовъ и собственникъ Франціи, но и по теоріямъ легистовъ онъ, какъ цезарь, единственный и постоянный (perpétuel) представитель націи, а по ученію богослововъ, онъ, какъ Давидъ, священный и прямой намѣстникъ (délégué) самого Бога» (p. 102).

При такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы поставить предѣлъ произвольному распоряженію государственнымъ достояніемъ, несмотря на то, что во многихъ отношеніяхъ интересъ короля и его самолюбіе совпадали съ общею пользой. У него есть опытные совѣтники; по ихъ указанію, введены многія реформы и основаны благодѣтельныя учрежденія. Но въ феодальномъ ли видѣ или въ преобразованномъ, Франція все-таки остается собственностью короля, которою онъ можетъ злоупотреблять по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ центръ государства, въ Версалѣ, былъ въ то же время и центромъ зла. Феодальный порядокъ, охватывавшій въ Германіи и Англіи живое еще общество, во Франціи превратился въ рамку, механически сжимавшую массу людей, массу атомовъ. Въ этомъ обществѣ еще сохранился внѣшній порядокъ, но въ немъ уже нѣтъ порядка нравственнаго.

Во всемъ этомъ подробномъ описаніи общественнаго строя дореволюціонной Франціи заслуживаютъ, конечно, прежде всего вниманія реалистическій пріемъ Тэна и его тенденція къ утилитарной точки зрѣнія въ исторіи, проявляющаяся въ попыткѣ объяснить положеніе привилегированныхъ классовъ услугами, ими ока-

занными французскому народу. Тэнъ съумѣлъ очень искусно воспользоваться этимъ объясненіемъ для литературнаго эффекта, рельефно противополагая древней эпохѣ, когда духовенство и дворянство были «спасителями» общества — позднѣйшую, когда ихъ преимущества и жертвы, приносимыя народомъ въ ихъ пользу, не оправдывались никакими съ ихъ стороны заслугами. Поэтому Тэнъ не пожалѣлъ поэтическихъ красокъ при изображеніи того значенія, которое имѣли средневѣковая церковь и феодальная баронія, чтобы съ помощью контраста еще ярче изобразить неразумность сословныхъ привилегій XVIII вѣка. Но въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ подобныхъ, Тэнъ принесъ въ жертву научную истину потребностямъ литератора-художника или публициста. Вслѣдствіе этого у него представлены въ ложномъ свѣтѣ возникновеніе церкви и государства, и невѣрно объяснено происхожденіе привилегій прелатовъ и сеньоровъ. Церковь и даже самая религія у него являются какъ-бы продуктомъ духовенства [1]), а государственный строй дѣломъ феодальныхъ сеньоровъ. Что же касается до привилегій, то, конечно, преобладающее положеніе духовенства въ средніе вѣка объясняется отчасти его культурною ролью, но сословныя его привилегіи и особенно аристократическій характеръ послѣднихъ не могутъ быть признаны необходимыми послѣдствіями этой культурной роли, а вытекаютъ какъ изъ общей исторіи католицизма, такъ и изъ того положенія, которое французское государство приняло по отношенію къ папству и католической церкви. Подобнымъ образомъ нужно сказать, что услуги, оказанныя военными людьми обществу въ анархическую эпоху, послѣдовавшую за Карломъ-Великимъ, играли несравненно меньшую роль въ созданіи феодальныхъ привилегій, чѣмъ захватъ государственныхъ функцій, присвоенныхъ мѣстной аристократіей еще въ эпоху, предшествовавшую Карлу-Великому, да и самая анархія IX и X вѣка была дѣломъ феодализма, разложившаго возникавшій государственный строй. Далѣе нужно имѣть въ виду, что собственно сословныя привилегія французской аристократіи, хотя источникъ ихъ и заключается въ суверенной власти феодализма, правильнѣе объясняются особенностями слѣдующихъ затѣмъ историческихъ эпохъ — вѣдь не сохранила же англійская аристократія существенныхъ привилегій феодальнаго времени. Одну изъ главныхъ причинъ привилегій французской аристократіи, какъ свѣтской, такъ и духовной, нужно искать въ той роли, которую играла аристократія

---

[1]) Il (le clergé) avait fait la religion et l'Eglise, p. 4.

въ объединеніи французскаго государства. Сомкнувшись вмѣстѣ съ прелатурой въ генеральныхъ штатахъ, аристократія содѣйствовала королевской власти въ организаціи государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ успѣла сохранить въ видѣ привилегіи то, что нѣкогда было государственной функціей или ея послѣдствіемъ.

Что касается королевской власти, то и сопоставленіе династіи съ прелатурой и аристократіей въ одну категорію «привилегированныхъ классовъ», изображеніе короля въ качествѣ наиболѣе привилегированнаго лица—чрезвычайно удачная и вѣрная мысль, которая проливаетъ много свѣта на общественный и государственный строй старой Франціи и многое объясняетъ въ исторіи французской революціи. Можно только пожалѣть, что Тэнъ какъ будто недостаточно самъ оцѣнилъ значеніе этой мысли и не извлекъ изъ нея того вывода, который всего важнѣе для историка, ставящаго себѣ задачею выяснить происхожденіе революціи изъ «стараго порядка». Какъ намъ кажется, то обстоятельство, что монархическая власть, развившаяся изъ феодальнаго сюзеренитета, сохранила вслѣдствіе этого во многомъ частный, феодальный характеръ, представлялась династіи какъ-бы наслѣдственной привилегіей—есть главная причина поразительной солидарности, установившейся между династіей и привилегированными сословіями, которая всего болѣе тормазила самыя необходимыя реформы, заставляла королевское правительство щадить и даже оберегать въ эпоху развитія полнаго абсолютизма самыя отжившія привилегіи, не только ненавистныя большинству населенія, но даже и вредныя интересамъ самого правительства. Эта солидарность династіи съ привилегированными классами наложила на внутреннюю политику монархіи стараго порядка ту печать легитизма при деспотизмѣ, которая составляетъ самую яркую, индивидуальную черту этой исторической формы. Эта же солидарность опредѣлила образъ дѣйствія династіи во время французской революціи и имѣла, поэтому, глубокое вліяніе какъ на исторію и исходъ этого переворота, такъ и на дальнѣйшую судьбу Бурбонской династіи и легитимизма во Франціи. Еще важнѣе другое упущеніе, которое можно поставить въ укоръ Тэну. Разсматривая прелатуру и дворянство старой Франціи исключительно съ точки зрѣнія привилегированнаго положенія, которымъ они пользовались, Тэнъ долженъ былъ впасть въ нѣкоторую односторонность, не касаясь вовсе тѣхъ явленій въ бытѣ этихъ классовъ, которыя не имѣли отношеній къ привилегіямъ. Такъ, напр., мы ничего не узнаемъ о характерѣ и объемѣ землевладѣнія дворянскаго сословія, напр., о томъ, какую часть доходовъ, полу-

чавшихся французскими дворянами, составляли феодальные поборы, остатки верховныхъ правъ, и что получали они въ качествѣ поземельныхъ собственниковъ. Еще существеннѣе такое упущеніе по отношенію къ королю. Политическая роль прелатуры и дворянства въ старой Франціи почти исчерпывается ихъ образомъ дѣйствія въ качествѣ привилегированныхъ сословій. Но этого никакъ нельзя сказать о королѣ и династіи. Историческая роль французскихъ королей отнюдь не можетъ быть отождествлена съ охраненіемъ привилегій. Идея монархіи «стараго порядка» знаменуетъ собою не только принципъ привилегій, но и принципъ государственнаго и національнаго объединенія и вытекавшія отсюда стремленія къ административной централизаціи и бюрократическому абсолютизму. Оттого историческая роль привилегированныхъ классовъ Франціи была окончательно сыграна съ времени Лиги и Фронды, когда они вступились за свои привилегіи, не внося въ борьбу никакой новой, прогрессивной идеи, и съ этихъ поръ они представляютъ только тормазъ въ историческомъ развитіи страны. Королевская же власть, при всемъ своемъ феодальномъ характерѣ и при всей солидарности съ привилегированными классами, представляла собою въ то же время принципъ реформы и прогресса. Оттого отношеніе націи во время революціи къ привилегированнымъ классамъ и къ королю было такъ различно; оттого этотъ переворотъ отразился столь противоположнымъ образомъ на ихъ судьбѣ; революція окончательно подорвала аристократическій принципъ въ церкви и государствѣ; монархическій же принципъ не погибъ во время революціи; уничтоженъ былъ только ея феодальный характеръ, монархія лишилась тѣхъ преимуществъ, которыя вытекали изъ привилегій и вслѣдствіе этого только—*легитимная* монархія сдѣлалась невозможной во Франціи. Другой же принципъ монархіи—принципъ объединенія и централизаціи власти былъ даже усиленъ устраненіемъ всѣхъ преградъ, стѣснявшихъ его въ видѣ феодальныхъ и мѣстныхъ привилегій, а потому непосредственнымъ послѣдствіемъ революціи было установленіе имперіи, т.-е. монархіи болѣе сильной и абсолютной, чѣмъ монархія Людовика XIV.

Танъ, правда, кое-гдѣ упоминаетъ о преобразовательной дѣятельности королевскаго правительства, о такихъ его мѣрахъ, которыя не вытекали изъ принципа привилегій, но онъ касается ихъ только для того, чтобы и о нихъ сказать, что онѣ служили къ упроченію этого принципа. Отъ него совершенно укрылся дуалистическій характеръ древней французской монархіи, это замѣчательное соединеніе феодальной и бюрократической политики.

Такимъ образомъ, положеніе монархіи въ до-революціонной Франціи у Тэна не вѣрно или по крайней мѣрѣ не полно характеризовано, и этимъ затруднено правильное разрѣшеніе одной изъ существенныхъ задачъ историка революціи — вѣрное опредѣленіе отношеній революціи къ монархическому принципу [1]).

Причину такого недостатка не трудно указать. Она заключается отчасти въ томъ, что Тэнъ увлекся мыслью подвести монархію Людовика XIV подъ категорію привилегій феодальной эпохи, а именно это придало его описанію общественнаго строя королевской Франціи такой общій, гармоническій колоритъ; главнымъ же образомъ эту причину нужно искать въ свойствахъ таланта Тэна и характерѣ его занятій. Тэнъ—историкъ литературы и притомъ представитель той школы, которая видитъ въ литературныхъ произведеніяхъ преимущественно выраженіе бытовой жизни народа и пользуется ими главнымъ образомъ только какъ матеріаломъ для исторіи общества и его культуры. Обратившись къ исторіи, Тэнъ не сдѣлался историкомъ государства, историкомъ-юристомъ; его интересъ по прежнему сосредоточивался на культурѣ общества, на типахъ и людяхъ. Поэтому и сила его таланта должна была преимущественно проявиться въ тѣхъ частяхъ его сочиненія, гдѣ ему приходится быть живописцемъ общества, описывать его нравы и идеи. Поэтому вторая книга — «Нравы и характеры» по интересу, по оригинальности и по общему значенію стоитъ гораздо выше первой.

IV

Сколько разъ были описаны роскошь и величіе двора Людовика XIV и расточительная обстановка, среди которой Людовикъ XV провелъ полвѣка! Кто не знакомъ съ Версальскимъ дворцомъ и садомъ! Кто не видѣлъ изображеній тогдашней придворной обстановки и кто не читалъ много разъ о великосвѣтскихъ французскихъ салонахъ. Изображать вновь этотъ всѣмъ знакомый міръ, перечислять придворныя должности, приводить громадныя цифры денегъ, которыя тратились на королевскій столъ, на прислугу, экипажи и версальскія празднества, на всю рос-

[1]) Болѣе подробныя указанія на солидарность между королевскою династіей и привилегированными классами, вытекавшую изъ принципа привилегій и на дуалистическій характеръ французской монархіи, читатель можетъ найти въ статьѣ: „Республика или монархія установится во Франціи"—въ III томѣ „Сборника Государственныхъ Знаній".

чавшихся французскими дворянами, составляли феод... боры, остатки верховныхъ правъ, и что получали ... ствѣ поземельныхъ собственниковъ. Еще существ... щеніе по отношенію къ королю. Политическая ... и дворянства въ старой Франціи почти исчерп... зомъ дѣйствія въ качествѣ привилегирова... этого никакъ нельзя сказать о королѣ и ... роль французскихъ королей отнюдь не ... влена съ охраненіемъ привилегій. Ид... рядка» знаменуетъ собою не только ... принципъ госу... текавшія отсюд... и бюрократиче... вилегированны... съ времени Лю... вилегія, не як... и съ этихъ по... ческомъ развит... феодальномъ х... рованными кла... цигъ реформы ... революціи въ ... такъ различно; ... ...ъ и ученикъ вопoложнымъ ... ...ція при Людовикѣ XIV, подорвала ... ...ои Тэна. «Дворъ французскаго монархичес... ...у эпоху, какъ выражается Тэнъ, зрѣ... уничтоже... ...штаба въ отпуску (en vacances), продолжаю... шилась ... вѣка, гдѣ главнокомандующій принимаетъ гостей вслѣд... (tient salon).

мож... ...гда-то, въ первыя времена феодализма, при простотѣ нра... об... и товариществѣ въ лагерѣ и въ замкѣ дворяне лично при... ...уживали королю, кто заботясь объ его помѣщеніи, кто принося кушанье къ его столу, тотъ помогая ему вечеромъ раздѣваться, другой надзирая за его соколами и лошадьми. И теперь, какъ прежде, они съ шпагой на бедрѣ усердно толпятся вокругъ него, ожидая одного слова, одного знака, чтобъ исполнить его желаніе, и самые знатные между ними исправляютъ по виду должность служителей. Но давно уже великолѣпный парадъ замѣнилъ дѣйствительную Францію (action efficace); дворянство давно перестало быть полезнымъ орудіемъ и сдѣлалось изящнымъ украшеніемъ.

Конунга, окруженнаго дружиной, замѣнилъ сначала сеньоръ, окруженный рыцарями, рыцари постепенно превратились въ мар-

воръ превратился въ «салонъ». Этимъ все сказано; вокругъ
ставленія группируются всѣ факты, имъ объясняются
обычаи до мелочей. Столица новой монархіи, Вер-
устроена, чтобъ служить салономъ для всей Фран-
чобъ дать возможность собраться всему, что было
и великосвѣтскаго около хозяина Франціи.
резиденціи или около нея на 10 миль кру-
люди Франціи имѣютъ свои резиденціи,
дставляютъ цѣлый вѣнокъ архитектурныхъ
ждое утро вылетаетъ множество раззо-
чтобъ поблистать и набрать добычи въ
блеска и изобилія. Королевскій дво-
блестящихъ салоновъ; тотъ же ха-
я обстановка. Цвѣтники и паркъ
ъ, только на воздухѣ; природа
еннаго; она вездѣ измѣнена и
же не мѣсто, гдѣ можно по-
гулянье, гдѣ всѣ прохажи-
гомъ.

полнены многочисленнымъ
этого общества еще сохранили
аго дружиннаго быта; королю необхо-
а; ему необходимы отборные тѣлохранители,
о свиты нуженъ обширный конный дворъ; кавалеръ
быть прежде всего искуснымъ наѣздникомъ. Другую
одальную забаву составляетъ охота. Всѣ окрестности Парижа на 10 миль кругомъ входятъ въ составъ королевскаго парка, гдѣ никто не смѣетъ сдѣлать ни одного выстрѣла. Тотъ же феодальный обычай требуетъ открытаго и роскошнаго стола для гостей и для свиты короля; въ Шуази еще въ 1780 г. накрывалось 16 столовъ съ 345 кувертами.

Вотъ тѣ рубрики, которыя дозволяютъ Тэну, не утомляя читателя, наполнять цѣлыя страницы перечисленіемъ придворныхъ должностей и цифровыхъ данныхъ, которыя онъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ итогѣ около 4,000 человѣкъ для гражданскаго придворнаго штата (maison civile du roi), 9,000 или 10,000 человѣкъ для военнаго штата, 2,000 человѣкъ въ штатѣ членовъ королевскаго дома, всего 15,000 человѣкъ, содержаніе которыхъ стоило отъ 40 до 45 милл., составлявшихъ въ то время десятую часть государственнаго дохода».

Приливъ въ королевскій салонъ постоянно поддерживается

Другое послѣдствіе салонной жизни заключается, по вѣрному замѣчанію Тэна, въ томъ, что она даетъ большое преимущество женщинѣ, дозволяя ей свободно развивать и проявлять свойственныя ей способности; оттого въ эту эпоху женщины господствують въ обществѣ и имъ управляютъ.

Утонченность, веселость, театральность, а потому страсть къ театру, составляютъ отличительную черту этой жизни и придаютъ ей особый ароматъ, который дѣйствовалъ, какъ говоритъ Тэнъ, упоительно на иностранцевъ—и, какъ видно, отчасти подѣйствовалъ такъ и на историка, съ такой любовью и увлеченіемъ его описывающаго.

Передъ такой блестящей картиной быта и нравовъ должна умолкнуть всякая критика. Критикъ становится простымъ референтомъ и съ трудомъ можетъ оторваться отъ подлинника, неохотно воздерживается отъ удовольствія вспоминать всѣ страницы и мѣста, которыя особенно удались автору. Вторая книга, безъ сомнѣнія, представляетъ лучшую часть всего произведенія. Талантъ Тэна имѣлъ возможность развернуться здѣсь въ полномъ блескѣ; ему не мѣшала въ этомъ никакая школьная доктрина, бросающая ложный свѣтъ на картину, какъ въ третьей книгѣ, не мѣшала и «злоба дня», какъ въ пятой. Дворъ Людовика XIV и жизнь его аристократіи,—когда-то предметъ безконечныхъ обличеній и ожесточенныхъ нападокъ,—въ настоящее время настолько отошли въ область воспоминаній, что сатирикъ можетъ уступить мѣсто художнику, и историкъ, водя читателя по разукрашеннымъ заламъ версальскаго дворца и вспоминая о безразсудныхъ тратахъ и легкомысліи его обитателей, въ то же время можетъ наслаждаться какъ передъ картиной Ватó и блескомъ красокъ, и утонченной граціей жизни, которые были плодами этихъ тратъ и этого легкомыслія. Тэнъ это понялъ своей аристократической натурой, и его даръ пластическаго, живого образа далъ ему возможность развернуть передъ читателемъ столь же привлекательную, сколько и правдивую въ научномъ отношеніи картину. Эта картина оставляетъ послѣ себя тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе, что Тэнъ вполнѣ артистическимъ образомъ смѣнилъ ее другой картиной, представляющей совершенный контрастъ колорита. За цвѣтущей эпохой «салоновъ» слѣдуетъ другая, когда содержаніе салонной жизни измѣняется, а затѣмъ быстро и неожиданно наступаетъ катастрофа, поглощающая это блестящее общество салоновъ и обнаруживающая его слабость и нравственную несостоятельность.

Салонная жизнь, какъ она ни была пріятна, съ теченіемъ

времени начала казаться пустой; искусственность и сухость, составляющія принадлежность свѣтской жизни, доведены были до крайности; число дозволяемыхъ свѣтомъ поступковъ было также ограничено, какъ и число принятыхъ модою словъ; беззаботное равнодушіе породило эгоизмъ. Женщины первыя стали тяготиться такимъ положеніемъ дѣла, и тогда, подъ вліяніемъ моды, начала развиваться иного рода аффектація—чувствительность. «Рѣчь зашла о томъ, что нужно возвратиться къ природѣ, восхищаться деревней и простотой сельскихъ нравовъ, интересоваться поселянами, быть гуманнымъ, имѣть сердце, наслаждаться прелестью и нѣжностью естественныхъ привязанностей, быть мужемъ и отцомъ; болѣе того, нужно имѣть душу, добродѣтели, религіозныя чувства, вѣрить въ провидѣніе и въ безсмертіе души, быть способнымъ къ энтузіазму». Литература, живопись, театръ начинаютъ служить новой модѣ; подъ ея вліяніемъ измѣняются обычаи, семейная жизнь и отношеніе свѣтскаго общества къ народу. Чувства, рѣчи и нравы получаютъ идиллическій оттѣнокъ, и весь міръ представляется идилліей. Эта перемѣна окончательно ослабляетъ и обезоруживаетъ нѣкогда воинственную аристократію. «А между тѣмъ, въ этомъ мірѣ,—замѣчаетъ историкъ,—тотъ, кто хочетъ жить, долженъ бороться. Владычество есть принадлежность силы, какъ въ природѣ, такъ и въ мірѣ человѣческомъ. Всякое существо, теряющее искусство и энергію защищаться, дѣлается добычей грубыхъ инстинктовъ, которые его окружаютъ, и тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе самый блескъ; неосторожность и даже привлекательность его выдаютъ заранѣе». Но французская аристократія не понимаетъ опасности, ей грозящей; живя въ своей узкой сферѣ, она не знаетъ дѣйствительности; не бывало еще никогда въ мірѣ примѣра такого полнаго и добровольнаго ослѣпленія. Когда опасность становится очевидной, у аристократіи не оказывается силы ей противодѣйствовать. Всякое рѣшительное, нѣсколько грубое дѣйствіе противно обязанностямъ, которыя свѣтская жизнь налагаетъ на всякаго благовоспитаннаго человѣка.

«Противъ дикой, свирѣпѣющей толпы—они (les princes et les nobles) совершенно безпомощны. Они не имѣютъ того физическаго превосходства, которое можетъ обуздать эту толпу, ни того грубаго шарлатанства, которое ее привлекаетъ, ни тѣхъ уловокъ плута-Скапена, какими онъ умѣетъ отвести глаза; а для того, чтобы отвратить свирѣпость разнузданнаго звѣря, нужно было бы употребить всѣ средства энергическаго темперамента и животной хитрости». Но этихъ средствъ у нихъ нѣтъ; всесильное воспитаніе подавило, смягчило, ослабило въ нихъ самый жизнен-

ный инстинктъ. Въ виду самой смерти у аристократа-француза не закипаетъ кровь отъ гнѣва, не напрягаются мгновенно всѣ силы и способности, не является слѣпой, неудержимой потребности бить того, кто бьетъ. Они послушно идутъ въ тюрьму; вѣдь буйство было бы неприлично. И въ тюрьмѣ они продолжаютъ вести салонную жизнь: «Какъ женщины, такъ и мужчины продолжаютъ одѣваться съ тщаніемъ, дѣлаютъ другъ другу визиты, однимъ словомъ, заводятъ у себя салонъ, хотя бы то было въ концѣ какого-нибудь корридора, при четырехъ свѣчахъ; тутъ шутятъ, пишутъ мадригалы, сочиняютъ пѣсенки; они стоятъ на томъ, чтобъ и здѣсь остаться любезными, веселыми и изящными по прежнему. Неужели нужно сдѣлаться мрачнымъ и утратить благовоспитанныя манеры изъ того только, что случайно васъ засадили въ плохую гостинницу? Даже передъ судьями, на колесницѣ, везущей ихъ на казнь, они сохраняютъ свое достоинство и свою улыбку; особенно женщины идутъ на эшафотъ съ той же легкостью поступи, съ тѣмъ же свѣтлымъ лицомъ, съ какимъ онѣ, бывало, принимаютъ гостей у себя въ салонѣ. Это—высшая степень жизненнаго искусства (savoir vivre), которое было возведено въ единственный долгъ и сдѣлалось для этой аристократіи второю природой; эту черту мы находимъ вездѣ какъ въ хорошихъ свойствахъ, такъ и въ порокахъ, въ способностяхъ и въ слабостяхъ аристократіи, въ ея процвѣтаніи и въ ея паденіи, эта же черта скрашиваетъ самую смерть, до которой она и довела аристократію» [1]).

Описывая трагическую судьбу той части французской аристократіи, которая сдѣлалась жертвой террора, Тэнъ, правда, вышелъ изъ предѣловъ задачи, поставленной для перваго тома, но такое заключеніе эпопеи «салоновъ» было ему необходимо для полноты историческаго образа. Реалистическій языкъ, представленія и сравненія, заимствованныя изъ области животнаго царства, дѣлаютъ мысль автора еще рельефнѣе и усиливаютъ впечатлѣніе, производимое на читателя этимъ эпилогомъ. Но можно усомниться въ правѣ историка подводить итогъ историческому значенію французской аристократіи на основаніи только ея поведенія въ па-

[1]) Гоняясь за реалистическими образцами, Тэнъ иногда рѣшительно впадаетъ въ шаржъ, напр., на стр. 218, гдѣ онъ описываетъ, чего не доставало аристократіи для усиленной борьбы съ мятежной толпой: Il n'ont pas l'ascendant physique, qui la maitrise, le charlatanisme grossier qui la charme, les tours de Scapin qui la dépistent, le front de taureau, les gestes de bateleur, le gosier de stentor, bref les ressources du tempérament énergique et de la ruse animale, seules capables de détourner la fureur de la bête déchainée.

рижскихъ тюрьмахъ. Гораздо важнѣе для ея оцѣнки политическая роль, которую она играла въ національномъ собраніи во время эмиграціи и въ событіяхъ послѣ 9-го термидора. Во всемъ этомъ обнаруживается, что французская аристократія борется противъ деспотическаго народовластія во имя того самаго начала, которое она отстаивала противъ королевскаго абсолютизма. Какъ тогда, такъ и теперь въ ея программѣ нѣтъ никакого общаго политическаго принципа, ни одной либеральной или прогрессивной идеи, это просто борьба за привилегіи. Только когда эти привилегіи были окончательно уничтожены, когда рушилась всякая надежда на возстановленіе ихъ, изъ этой борьбы за привилегіи выработался болѣе идеальный принципъ *легитизма*, явилось безкорыстное служеніе идеѣ, хотя и ложной, основанной на неясномъ романтизмѣ и клерикализмѣ, неимѣющей никакого права на жизнь и никакой надежды на осуществленіе, но все-таки гораздо болѣе уважительной, чѣмъ прежнее отстаиваніе привилегій. Какъ бы то ни было, въ отстаиваньи своихъ привилегій во время революціи и въ созданіи принципа легитизма, французская аристократія обнаружила гораздо болѣе живучести и упругости, чѣмъ предполагаетъ Тэнъ, объясняющій ея поведеніе во время террора физическою слабостью и нравственнымъ одряхленіемъ—слѣдствіемъ салонной жизни. Вѣдь и эта великосвѣтская развязность и беззаботность, съ которой она шла на эшафотъ, немыслима безъ физическаго мужества. Какъ часто то бываетъ съ писателями, внесшими въ предметъ новую, оригинальную мысль, — Тэнъ нѣсколько преувеличилъ здѣсь значеніе и вліяніе *салона*. Но въ этомъ преувеличеніи видѣнъ только художникъ, который нуждается въ живыхъ и яркихъ краскахъ. Гораздо бо́льшее преувеличеніе того же мотива мы находимъ и въ слѣдующихъ двухъ книгахъ; кромѣ того, и побудительныя причины здѣсь менѣе извинительны, и вытекающія отсюда заблужденія болѣе противорѣчатъ научной истинѣ. Въ первыхъ двухъ книгахъ мы имѣли дѣло съ историкомъ-художникомъ; въ слѣдующихъ — мы встрѣтимся съ теоретикомъ, принадлежащимъ къ односторонней философской школѣ.

В. Геръе.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ОБВИНИТЕЛЯ

РОМАНЪ ТРЕХЪ ДНЕЙ.

Первый день.

I.

... Я—обвинитель. Я—обвинитель не только по званію, но и по призванію. Я — обвинитель даже не по преимуществу, а до мозга костей! Иначе я никакой профессіи, никакой спеціальности не допускаю. Хоть бы я взялся улицу мостить; но если я всей души не положу въ каждый булыжникъ, который нанизываю къ другому, чтобы воспроизвести мостовую въ наилучшемъ видѣ,— то я уже не мостовщикъ, а пачкунъ, кропатель.

Отсюда, какъ логическое послѣдствіе, и мое отношеніе къ жизни, мой образъ жизни. Я и внѣ суда—обвинитель. Каждый ближній для меня — подсудимый; ходитъ же на свободѣ только потому, что еще не уличенъ, что очередь до него не дошла. Какъ вѣнецъ творенія, человѣкъ, конечно, не можетъ быть поставленъ на одну доску съ неразумными тварями. Тѣ — невинны, безспорно, ибо не надѣлены достаточной массой мозговой кашицы, чтобы послѣдовательно соображать свои поступки. Если же человѣка признавать невиннымъ или, иначе, невмѣняемымъ въ томъ или другомъ совершонномъ имъ дѣяніи, то это значитъ — признавать его на одной ступени съ низшими организмами. Благодарю покорно! «Ты, дескать, безмозглая тварь, стало-быть ни въ чемъ не повиненъ!»

Правда, не всѣ люди достигаютъ одинаковаго развитія; одинъ субъектъ едва доходитъ только до обезьяны, другой — до быка,

третій—до рыбы, четвертый—до слизня. Но я ихъ тàкъ и третирую: отъ обезьяны не требую полнаго человѣческаго ума, отъ быка — ума обезьяны, отъ рыбы — ума быка, отъ слизня — ума рыбы, а тѣмъ менѣе ума человѣка. Чѣмъ кто богатъ, тѣмъ и радъ. Иной, быть-можетъ, — предостойный слизень и исполняетъ свое призваніе отмѣнно. Съ этой точки зрѣнія я и гляжу на него. Я охотно воздаю каждому свое и ничуть не придирчивъ.

Но довольствуется ли всякій слизень своей сферой?

То-то что нѣтъ. Одинъ тянется въ рыбы, другой рвется въ быки, третій лѣзетъ въ обезьяны, а четвертый даже въ люди! Отсюда вся эта пропасть людскихъ глупостей, проступковъ, преступленій.

А тутъ еще это такъ-называемое «чувство», по-моему же просто — «распущенность спинной нервной системы»: гдѣ иного его крошечный умокъ еще удержалъ бы отъ дури, тамъ доканываетъ его «чувство». Законодатель предусмотрѣлъ эту слабую струнку человѣческой натуры: онъ допустилъ «смягчающія» обстоятельства. Что касается лично меня, то я не могу вполнѣ примириться съ этимъ терминомъ. Онъ слишкомъ эластиченъ. «Смягчающихъ» обстоятельствъ въ дѣйствительности нѣтъ. Есть только бóльшее или меньшее количество болѣе или менѣе вѣскихъ данныхъ *за* и *противъ*; смотря по тому, насколько, такъ-сказать, пудовъ, фунтовъ и золотниковъ на вѣсахъ правосудія данныя *противъ* перетянутъ данныя *за*, сама-собой должна опредѣлиться и степень виновности подлежащаго объекта.

Но, такимъ-образомъ, почти всякій прикосновенный къ дѣлу будетъ сколько-нибудь да виновенъ?

Сколько-нибудь —да. Быть-можетъ, очень мало, тàкъ мало, что довольно, въ наказаніе, самаго легкаго словеснаго внушенія; но если есть хоть одно данное *противъ*, то нѣкоторой виновности никакъ нельзя отрицать. Впрочемъ, какъ сказано: если данныя *за* перетянутъ, то я готовъ даже допустить полное оправданіе. Вѣдь и я—человѣкъ, и во мнѣ, къ стыду моему, есть чувство; иной подсудимый разжалобитъ такъ, что готовъ бы почти отказаться отъ обвиненія... и только сознаніе своего долга—поддержать въ глазахъ массы высокое значеніе суда — заставляетъ ломать еще копья съ защитой. Тутъ случается, конечно, что зарвешься, упечешь молодчика слишкомъ далеко; но вина уже не моя, а защитника: зачѣмъ не представилъ достаточнаго противовѣсія. Утѣшаешься однимъ: сколько-нибудь всякій да виновенъ,— не въ этомъ, такъ въ чемъ ни на есть другомъ; стало-быть, упеченъ только немножко дальше, чѣмъ заслужилъ. Совершенное же

оправданіе должно быть ему, разумному существу, даже какъ-то обидно. Въ этихъ случаяхъ благодушное изреченіе золотого вѣка: «Лучше упустить десять виновныхъ, чѣмъ упечь одного невиннаго», обертывается такъ: «лучше упечь десять невинныхъ, чѣмъ упустить одного виновнаго». Мы—дѣти желѣзнаго вѣка, и позолота намъ не къ лицу.

Я строгъ къ другимъ, но я строгъ и къ себѣ. Пусть всякій бы только былъ строгъ къ себѣ—и суду было бы дѣла въ десять разъ меньше.

Я охотно бы, напримѣръ, женился. Я могъ бы жениться: средства дозволяютъ. Я нашелъ бы себѣ жену: я не старъ, не безобразенъ. Но я не женатъ. Одно изъ двухъ: или я поставилъ бы себя и въ отношеніи къ семьѣ своей въ положеніе вѣчнаго обвинителя, т.-е. сдѣлался бы ея тираномъ,—чего вовсе не желаю, такъ-какъ и въ ближнихъ цѣню человѣческое достоинство; или же, наоборотъ, сталъ бы потакать прихотямъ жены и дѣтей, т.-е. лишился бы собственнаго человѣческаго достоинства,—чего еще менѣе желаю.

По той же причинѣ я отдалился отъ всѣхъ своихъ родныхъ; поэтому же нѣтъ у меня и друзей. *Былъ*, пожалуй, одинъ другъ, давнымъ давно, во времена студенчества; и самъ онъ, кажется, еще продолжаетъ считать меня своимъ другомъ; но я вижу въ немъ только пріятеля. Не будь я обвинителемъ, лучшаго друга мнѣ, пожалуй, и желать бы нельзя: душа человѣкъ; все для тебя сдѣлать готовъ, послѣднее отдастъ. Но потому-то самому для меня субъектъ совсѣмъ и не подходящій. Изъ принципа и съ нимъ я давно прервалъ бы всякія сношенія. Но, во-первыхъ, волей-неволей вижусь съ нимъ почти ежедневно, въ судѣ, потому-что и онъ тоже человѣкъ суда, хотя и мой антагонистъ — защитникъ; во-вторыхъ, это глупое «чувство»! Не могу подавить въ себѣ слабость къ «другу». Каждый день, каждый часъ повторяю себѣ, что я еще слишкомъ воспріимчивъ, слишкомъ чувствителенъ; и будь положено по закону за чувствительность какое-либо опредѣленное наказаніе, я, не задумываясь, съ радостью принялъ бы его: вынесъ должное, и затѣмъ могу уже вполнѣ уважать себя! Но наказанія такого нѣтъ; чтó же остается? Остается каяться передъ самимъ собою. Не часто приходится каяться, а таки-приходится.

Мелкаго, дрянного облачка достаточно, чтобы затмить солнце для цѣлой полосы нашей грѣшной планеты. Нынче я также попалъ опять въ тѣнь такого облачка, и стоитъ оно надо мною,

и затмѣваетъ мнѣ свѣтъ. Надо согнать его, самоказненіемъ очистить себя въ собственныхъ глазахъ.

II.

Первымъ затронулъ сегодня мою проклятую чувствительность, разумѣется, все онъ же, «другъ» мой, Константинъ Дмитріевичъ Усольцевъ. Захватилъ онъ меня по-утру въ судѣ. Впрочемъ, правду сказать: не онъ меня на этотъ разъ захватилъ, а я его. Чтó съ нимъ подѣлаешь? Есть люди, которые однимъ наружнымъ видомъ своимъ уже привлекаютъ къ себѣ всѣ сердца. Усольцевъ принадлежитъ именно къ числу этихъ счастливцевъ. Онъ не то, чтобы красавецъ; но добродушная прямота, ровная самоувѣренность и живой умъ, свѣтящіеся изъ его открытыхъ карихъ глазъ, со всего его выразительнаго лица, съ перваго взгляда располагаютъ въ его пользу. Неизмѣнный фракъ съ значкомъ на отворотѣ, вырѣзной жилетъ и бѣлый галстухъ, этотъ хвостатый, шутовской самъ-по-себѣ нарядъ, сидитъ на немъ такъ натурально-изящно, какъ перья на пернатыхъ, будто сама природа на него шила. Даже золотое пенснé, которымъ осѣдланъ его орлиный носъ, составляетъ какъ-бы неотъемлемую, прирожденную часть его. Прифранченъ, надушонъ, онъ смотритъ самымъ образцовымъ щеголемъ и львомъ! А ловковстрёпанная львиная грива, эта необходимая принадлежность чисто кровнаго адвоката, придаетъ ему окончательно побѣдный видъ. Не будь онъ такъ медорѣчивъ, и то могъ бы разсчитывать на легкія побѣды не надъ однимъ слабымъ поломъ; а теперь это—непрерывное побѣдное шествіе! Нѣтъ, кажется, въ судебномъ вѣдомствѣ лица, которое бы не знало его, не жало ему пріятельски руку. И я, какъ увидѣлъ его нынче мчащимся на всѣхъ парȧхъ по корридору суда, не утерпѣлъ, чтобы его не окликнуть.

Онъ съ живостью обернулся.

— А! Чердынскій. Здорово, голубчикъ. Вотъ кстати-то! Ты вечеромъ свободенъ?

— Свободенъ.

— Такъ пріѣзжай-ка въ клубъ. Я тебя съ премилой барынькой познакомлю.

— Не интересуюсь. Самому-то, видно, солоно пришлась?

— Похоже на то...

— Ну, вотъ. Кто же это: не де-Накръ ли?

— Леонтина? Ахъ, нѣтъ. Съ нею у насъ счеты давно покончены.

— Съ какихъ поръ? Что сердце твое очень помѣстительно— всему свѣту извѣстно; но Леонтина чуть ли не самая старинная и постоянная твоя симпатія, со временъ студенчества; она первая прозрѣла въ тебѣ будущее свѣтило адвокатуры, окрестивъ тебя «Мирабо»;—и что же? теперь, когда сама она звѣздою первой величины заблистала на театральномъ небосклонѣ, ты вдругъ знать ее не хочешь?

— Нѣтъ, мы разошлись очень мирно: я прямо объявилъ ей, что собираюсь жениться, и она даже благословила меня.

— Жениться? ты—жениться?

— Да; въ то время я серьёзно ухаживалъ за нѣкоей Аглаей Борисовной Ключевской...

— Слышалъ, слышалъ; слухомъ земля полнится. Но, вѣдь, Ключевская эта послѣ, кажется, уже за другого вышла?

— За капиталиста Кудряшева, да. Съ нею-то я и хотѣлъ тебя познакомить.

— Но съ какой стати?

— А вотъ съ какой. Видишь ли: у мужа Аглаи Борисовны есть молоденькая сестрица...

— За которой ты теперь и пріударилъ?

— Пріударилъ; но съ тою же законною цѣлью—сочетаться бракомъ.

— Экъ его приспичило! Хочется, во что бы то ни стало, попасть на веревочку. Да, впрочемъ, для тебя, мотылька, оно, можетъ быть, и лучше. А ci-devant, видно, ревнуетъ?

— Нѣтъ, пока-то, кажется, еще не сообразила; пока я лавировалъ довольно искусно. Но надо, наконецъ, объясниться съ Полинькой...

— Это нынѣшняя?

— Да. Аглая же Борисовна все еще какъ будто благоволитъ ко мнѣ, и ни разу до сихъ поръ не оставляла насъ однихъ съ Полинькой.

— Такъ мнѣ, значитъ, нужно отвести ей глаза?

— Да, голубчикъ, будь другъ.

— Но, вѣдь, я не изъ вашей братьи, кордебалетныхъ: въ кои вѣки упражнялся въ танцахъ.

— Фигуры-то въ кадрили еще помнишь?

— Думаю, что не совсѣмъ забылъ.

— И отлично. Больше ничего не нужно. Такъ я могу на тебя разсчитывать?

— Какъ ты прытокъ! Развѣ ты самъ берешься когда за дѣло, не изучивъ предварительно деталей?

Усольцевъ взглянулъ на часы.

— Четверть часа я еще въ твоемъ распоряженіи.

И, взявъ меня подъ руку, онъ повелъ меня внизъ по коридору.

— Что же ты еще хотѣлъ знать? Спрашивай.

— Во-первыхъ,—началъ я:—далеко ли зашло у васъ съ Аглаей Борисовной? Вѣдь, объявленнымъ женихомъ ея ты не былъ?

— Нѣтъ. Но висѣлъ на волоскѣ. Она, видишь ли, и собой-то очень мила, и танцуетъ на заглядѣнье. Я же въ то время дирижировалъ въ клубѣ танцами, и потому, понятно, былъ съ нею всегда въ первой парѣ.

— Значитъ, паркетная, не болѣе?

— Да, пожалуй; но первый сортъ. Въ своемъ родѣ начитана: знаетъ всѣ новости изящной литературы, въ особенности французской; бойка, остра; начнетъ болтать—уши развѣсишь.

— Но все это, братецъ, имѣется и у Леонтины, даже въ высшей степени совершенства,—возразилъ я:—смазлива, пластична—и въ формахъ, и въ движеніяхъ, а ужъ по части остроумія, навѣрное, твою паркетную за поясъ заткнётъ.

— Ай, нѣтъ! У Аглаи Борисовны все—свое, прирожденное; у Леонтины же все дѣлано, заучено—

Самый цвѣтъ лица
Купленъ въ магазинѣ.

— Что-жъ такое? Коли природа гдѣ оплошала, такъ какъ же ей не пособить? Какое тебѣ дѣло, изъ какихъ красокъ, съ какимъ масломъ мѣсится на палитрѣ живописца цвѣтная кашица, если она, намазанная на полотно, производитъ такое же цѣльное впечатлѣніе, какъ и настоящее произведеніе природы?

— Ты, Чердынскій, я знаю, говоришь противъ своего убѣжденія. Да дѣло теперь не въ томъ. Тебя удивляетъ, что я хотѣлъ жениться на заурядной свѣтской барышнѣ? Хотѣть-то я собственно не хотѣлъ, но съ трепетомъ предвидѣлъ, что не устою.

— Вотъ вздоръ! Если человѣкъ чего серьёзно захочетъ...

— Можно, братъ, хотѣть, да не мочь. Ты охотникъ купаться?

— Ну?

— Не правда ли, какъ славно плыть по теченью? Весь безотчетно отдашься волнамъ, а тебя такъ и несетъ, какъ на ру-

какъ, все дальше и дальше. И меня уносило. Послѣ третьей кадрили, когда наступаетъ антрактъ и всѣ разбредутся по столовымъ чай пить, мы съ нею, бывало, ходимъ-себѣ да ходимъ подъ ручку по заламъ.

— Такъ зачѣмъ же ты ходишь? Исчезалъ бы въ курильную.

— Исчезнешь! Чуть кончится кадриль, она повиснетъ на твоей рукѣ и поведетъ куда вздумаетъ.

— Такъ дома бы сидѣлъ.

— Пробовалъ, душа моя! Но иное прекрасно въ теоріи, да на практикѣ гроша мѣднаго не стóитъ. Замкнусь я, положимъ, у себя въ четырехъ стѣнахъ, займусь предстоящимъ судебнымъ процессомъ; сижу, какъ пригвожденный; пó-уши, до макушки уйду въ омутъ дѣла. Хоть бомба около тресни,—какъ Карлъ XII, съ мѣста не тронусь. Вдругъ подаютъ письмо: «Человѣкъ отъ господъ Ключевскихъ принесъ». Смотрю: отъ нея самой! Экая опрометчивость! Читаю: путается, путается... точно въ устномъ разговорѣ, когда сильно смутишься. Почеркъ неровный; видно, перо въ пальцахъ какъ по вѣтру ходило. Въ заключеніе, словно печать приложила—капнула крупный кляксъ, да потомъ перочиннымъ ножичкомъ скоблила-скоблила и проскоблила.

— А суть письма?

— Суть—насколько можно понять (ибо цѣлому синедріону мудрецовъ всей этой путаницы не разрѣшить): «чтобы непремѣнно, *непремѣнно* (два раза подчеркнуто) былъ у нихъ нынче въ восемь часовъ, отнюдь не позже». Что за притча? зачѣмъ? ума не приложу. Хоть бы словечкомъ намекнула! Однако-жъ, какъ не быть? Хоть ужъ для того, чтобы за письмо намылить ей хорошенькую головку. Выхожу къ лакею: «Скажи, что *хорошо*».—Больше ничего-съ?—«Больше ничего». Самъ стараюсь принять самый равнодушный, сосредоточенный видъ, но чувствую, какъ кровь къ вискамъ приливаетъ. Пріѣзжаю ровно въ восемь. Что же? Родитель преспокойно почиваетъ послѣ обѣда; родительница—сидитъ при лампѣ въ столовой и раскладываетъ пасьянсъ. Дочка тутъ же, съ романомъ въ рукахъ. «Константинъ Дмитричъ!» вскрикиваетъ она съ такимъ удивленнымъ видомъ, будто ничего и не писала: «вотъ не ожидали! Maman со скуки пасьянсомъ занялась; развлечете немножко».—«А ты, Аглашенька, не уйдешь ли къ себѣ, не приляжешь ли?—говоритъ, зѣвая, maman:—вѣдь, ты совсѣмъ простужена. Константинъ Дмитричъ не взыщетъ». Аглашенька дѣйствительно закутана въ платокъ, горло у нея обмотано шарфомъ. «Вотъ новости», говоритъ она: «вы будете тутъ вмѣстѣ веселиться, а мнѣ сидѣть одной въ за-

перти?» И пошла болтать, шутить безъ умолку, пока не раскашляется, а тамъ опять смѣхъ и шутки. Радость, удовлетворенное дѣтское самолюбіе такъ и блещутъ въ ея милыхъ, кокетливыхъ глазкахъ, такъ и прыщутъ изъ каждаго ея слова. «Вишь, растаяла, а до васъ какъ замороженная сидѣла», говоритъ maman: «но побереги себя, ma chère, говори поменьше: ты вотъ уже кашляешь». Дочь хохочетъ, кашляетъ, опять хохочетъ и кличетъ лакея: «Зажги свѣчи въ залѣ». Maman протестуетъ. «Чтò ты? какъ можно! Тамъ не топлено; совсѣмъ простудишься».— «А вотъ увидите, какъ можно», говоритъ дочь и идетъ въ залъ: «пойдемте, Константинъ Дмитричъ!» Идти или не идти? Слишкомъ ужъ явно, что будемъ любезничать. Дѣлаю видъ, что не слышу и остаюсь съ maman. Доносятся звуки рояля. Она играетъ мою любимую пьесу: «*Mandolinata*». Крѣплюсь и продолжаю занимать maman. Но вотъ раздается и голосъ Аглаши: «Константинъ Дмитричъ! не узнаёте развѣ?» — «Узнаю».— «Такъ чего же вы еще тамъ засиживаетесь? Venez donc, monsieur, vite, vite, vite!» Какъ не идти? Встаю и иду. Прежде всего тутъ читаю ей мораль: какъ, дескать, писать молодому человѣку за спиной родителей? Чтó, если узнаютъ? «Не узнаютъ!» — «А отъ лакея?» — «Онъ на меня молится». Это-то вѣрно: всѣ въ домѣ у нея по стрункѣ ходятъ. «Но зачѣмъ вы писали-то ко мнѣ? чтó было у васъ такое важное?» Она лукаво смѣется: «А какъ же: я простужена, не могу никуда глазъ показать. Вотъ и придумала. И, вѣдь, чтó, небось?—попались! Иначе, вѣдь, навѣрно не пріѣхали бы, признайтесь? Да? Ахъ, вы противный!» А у самой глазёнки такъ и свѣтятся, какъ двѣ звѣздочки, такъ что слово «противный» я смѣло могу перевести словомъ «душка», и пальцы ея при этомъ безпорядочно бѣгаютъ по клавишамъ; Богъ знаетъ, чтó они наигрываютъ—ни ей неизвѣстно, ни мнѣ,—оба мы унеслись куда-то dahin, dahin...

Пылкій пріятель мой совсѣмъ увлекся своими воспоминаніями, точно забылъ, что въ данную минуту сердце его, по собственному его увѣренію, всецѣло принадлежитъ уже другой.

— Мимо, мимо!—прервалъ я его. — А родители ея развѣ совсѣмъ слѣпы?

— Нѣтъ, видѣть-то видѣли, да сквозь пальцы: рады были, видно, пристроить дочку. Vater ея, изъ отставныхъ служакъ, человѣкъ рыхлый, покладистый. Разъ, въ мазуркѣ мы съ нею до того замечтались, что и не замѣтили, какъ подошелъ онъ сзади. Ему надо было что-то сказать дочери, и онъ опустилъ уже голову между насъ; но въ ту же минуту дочь, въ припадкѣ откро-

венности, называетъ меня: «Constantin». Съ испугомъ поднимаю голову, глаза наши встрѣтились на разстояніи вершка; поглядѣли мы такъ, не моргнувъ, другъ на друга; онъ снисходительно усмѣхнулся, пожалъ плечами, повернулъ налѣво-кругомъ и, не сказавъ ни слова, отошелъ. Я, какъ тебѣ извѣстно, твердо держусь одиннадцатой заповѣди: не конфузливъ. Я не зналъ еще, что̀ скажу ему, но зналъ, что дѣла такъ оставить нельзя, что надо что-нибудь сказать, и побѣжалъ въ догонку. Но онъ предупредилъ меня, отечески взялъ меня за талью и повелъ къ буфету: «Ну-съ, Константинъ Дмитричъ; не выпить ли намъ по коньячку?»—«Выпьемъ». Пошли, выпили, крѣпко чокнувшись, глянули другъ другу въ глаза и разошлись. Судьба моя была рѣшена! Словесно между нами ничего не было сказано, но глазами—все. Каждый изъ насъ уже зналъ теперь про себя: я—что онъ видитъ во мнѣ зятя; онъ—что я вижу въ немъ тестя. Я понималъ, что едва ли найду съ его дочерью настоящее семейное счастье; но чуялъ, что борюсь напрасно, что меня неодолимо несетъ все ближе и ближе къ Ніагарѣ брака, откуда уже нѣтъ возврата. Вдругъ—спасенье! Съ берега перекинулся ко мнѣ древесный сукъ. Я, разумѣется, ухватился за него обѣими руками и выскочилъ на сушу.

— И сукъ этотъ—нынѣшній ея мужъ Кудряшевъ?

— Да. Старикъ Ключевской сошелся съ нимъ за зеленымъ столомъ. Мнѣ онъ, надо полагать, все еще не совсѣмъ довѣрялъ; а тутъ—директоръ одного изъ солиднѣйшихъ банковъ, денежный тузъ, играетъ въ карты капитально, словомъ—человѣкъ по всѣмъ статьямъ капитальный, даже и по лѣтамъ; но все-же и не дряхлъ, еще крѣпышъ. Притомъ же отецъ малолѣтняго ребенка, нуждающагося въ женскомъ присмотрѣ, точно также какъ самъ онъ—въ свѣтской представительницѣ дома. По первой статьѣ онъ, правда, немножко промахнулся (до ребенка ей и горя мало), за то по части свѣтскости лучшаго выбора не могъ сдѣлать. Все пошло по сказанному какъ по писанному: зачастилъ онъ къ нимъ въ домъ. А мнѣ только того и нужно, перекрестился—и сократился: удралъ на недѣльку въ Москву, а какъ вернулся...

Усольцевъ взглянулъ опять на часы и выпустилъ проворно мою руку:

— Ну! баста. Далъ тебѣ даже пять минутъ лишнихъ противъ граціоннаго срока. До свиданія, душа. Я положительно на тебя разсчитываю.

— Но ты далеко не все досказалъ:—какія у нихъ теперь отношенія съ мужемъ, что̀ онъ за человѣкъ такой...

— Человѣкъ, какъ сказано, капитальный: одностороненъ, если хочешь, консервативенъ, но практиченъ и честенъ до кончиковъ ногтей. Теперь, когда эта банкирская мелюзга, имя же ей легіонъ, гибнетъ въ безднѣ ажіотажа, онъ одинъ, какъ утесъ, стоитъ твердо и не поморщится. Всѣ на него и полагаются, какъ на гранитную скалу: гдѣ Кудряшевъ—директоръ-распорядитель, тамъ капиталъ сохраненъ, какъ у Христа за пазухой. И нѣтъ у него ужъ никакого лицепріятія: и богача-звѣздоносца, и бѣдную вдовицу выслушаетъ равно внимательно, удовлетворитъ по возможности и того, и другую, обоихъ чинно до двери проводитъ; только вдовицѣ еще, быть можетъ, ниже поклонится.

— А ревнивъ?

— Кажется, что есть-таки. На видъ-то онъ невозмутимъ, на лицѣ его ничего не прочтешь; но въ женѣ онъ души не чаетъ, и только въ послѣднее время относится ко мнѣ что-то черезчуръ формально. Уже поэтому мнѣ хотѣлось бы поскорѣе выступить передъ нимъ открыто, какъ претенденту на руку его сестры.

— Ну, а та?

— Полинька?...

Усольцевъ меня не понялъ: я хотѣлъ знать, ревнива ли супруга; между тѣмъ лишь только произнесъ я милое ему имя, передъ внутреннимъ взоромъ его возсталъ и милый образъ, глаза его умаслились, умильно прищурились; онъ поднесъ руку къ губамъ и поцѣловалъ кончики своихъ аристократически-стройныхъ пальцевъ съ миндалевидными ногтями, проговоривъ:

— Такая, братецъ, прелесть, что ни словами сказать, ни перомъ написать! Ее надо ближе узнать, а сегодня ты отчасти будешь имѣть къ тому случай.

И, съ слегка раздувающимися фалдами, встряхнувъ гривой, онъ, какъ корабль съ распущенными парусами, флагами и вымпелами, полетѣлъ внизъ по своему фарватеру.

Усольцевъ не совсѣмъ меня понялъ, но—можетъ быть, къ лучшему. Пускай его думаетъ, что я исполняю его просьбу единственно по чувству «дружбы!» При всей своей талантливости, онъ не можетъ взять въ толкъ, что на человѣческія страсти можно смотрѣть съ чисто-объективной точки зрѣнія; ему не вдомёкъ, что въ данномъ случаѣ меня интересуетъ не столько его новый сердечный романъ, какъ «встрѣчное обстоятельство»—ревность дѣйствующихъ лицъ его романа. Ревность—самый заигранный, но и самый живой мотивъ житейскихъ драмъ. «Où est la femme?»—говорю и я всякій разъ, когда приступаю къ новой уголовщинѣ. Варьяціи этого мотива—цѣлая наука; для изученія ея не довольно

однихъ законченныхъ тэмъ: надо пользоваться всякими обрывками нарождающихся мелодій, изъ которыхъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, всегда можетъ разыграться полная уголовщина.

Чутье мое меня не обмануло. Новыя, неожиданныя «встрѣчныя обстоятельства» довели скоро мою уголовную фантазію почти до финала.

III.

Не люблю я клубовъ; рѣдко бываю въ нихъ; но все же бываю, и они мнѣ не новость. Тѣмъ не менѣе, всякій разъ, когда я съ вольнаго воздуха вступаю въ раскаленную атмосферу клубнаго танцовальнаго зала, гдѣ, подъ задирательные звуки моднаго танца, происходитъ неистовое круговерченіе и кривляніе сотни-другой разряженныхъ мужчинъ и дамъ,—всякій разъ,—говорю я,—мнѣ сдается, что я ошибкой попалъ въ домъ умалишенныхъ въ самый разгаръ всеобщихъ припадковъ умоизступленія. Немного погодя ужъ, нѣсколько приглядѣвшись, я убѣждаюсь, что предо мною обыкновенные смертные, но ярые приверженцы терпимой закономъ секты цивилизованныхъ скакуновъ, доведенные возбуждающей обстановкой и дикими завываніями струнныхъ и духовыхъ инструментовъ до высшей точки духовной экзальтаціи, разряжающейся непроизвольными движеніями всей мускульной системы, преимущественно же ногъ.

То же впечатлѣніе испыталъ я и сегодня, когда съ вольнаго воздуха, сквозь ряды толпившейся у входныхъ дверей молодежи, проникъ въ тропически-знойный танцовальный залъ. Впрочемъ, ретивый пріятель мой, тутъ же усмотрѣвшій меня, не далъ мнѣ даже очувствоваться.

— Наконецъ-то! а я уже отчаявался,—сказалъ Усольцевъ и, взявъ меня безъ околичностей на буксиръ, ринулся стремглавъ въ бушующій передъ нами океанъ.

Съ опасностью жизни лавируя между бурунами колыхающихся человѣческихъ тѣлъ, мы благополучно выплыли на противоположный берегъ.

— Да куда-жъ это мы?—спросилъ я тутъ.

— А вотъ я сейчасъ отрекомендую тебя Кудряшевымъ...

— Pas trop de zèle, mon cher, pas trop de zèle! Дай прежде вздохнуть да произвести общую рекогносцировку.

— Некогда, милый: сейчасъ будетъ опять кадриль; а я уже пригласилъ на нее Полиньку, для тебя же завербовалъ Аглаю Борисовну. Мы танцуемъ визъ-а-ви.

— И за обѣдъ, братъ, садиться докторà не велятъ сейчасъ послѣ моціона (я сюда прогулялся пѣшкомъ); а мнѣ и теперь ужъ претитъ отъ одного вида этой выставки декольтированныхъ плечъ и рукъ. Точно гастрономическій магазинъ съ арбузами и дынями «на вырѣзъ».

— Ну, ты—извѣстный анахоретъ, Чердынскій; сердце твое, я знаю, монастырь, въ которомъ строго соблюдаются посты; но вѣдь кто же съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь ходитъ? Противъ обычая ничего не подѣлаешь. Но Полинька, впрочемъ... Вонъ, вонъ она, танцуетъ тамъ! видишь?

— Аглая Борисовна тебѣ, можетъ быть, больше понравится, продолжалъ онъ. Ну, что-жъ, любуйся на здоровье, никто не помѣшаетъ: благовѣрный ея усядется за десять комнатъ отсюда, за своими милыми картами; пріютится, какъ практическій человѣкъ, въ уголку, въ сторонѣ отъ суеты и шума, подъ вентиляторомъ, куда табачный дымъ уноситъ, и тамъ ужъ никого въ мірѣ знать не хочетъ: ни жены, ни сестры.

Мелкое бѣснованіе кончилось, и пары начали строиться къ крупному—къ кадрили. Усольцевъ подвелъ меня къ Кудряшевымъ. Аглая Борисовна, въ самомъ дѣлѣ, оказалась «первый сортъ»...

— Знаете что́, m-r Чердынскій?—проговорила она, послѣ обычныхъ привѣтствій, не то шаловливо, не то насмѣшливо:— мнѣ хотѣлось бы съ-разу заслужить вашу благодарность. Со мною, замужней, вамъ танцовать, конечно, ничуть не интересно. Между тѣмъ ma belle-soeur, Поликсена Семеновна, какъ видите, уже въ длинномъ платьѣ; она еще весьма молодая, но и весьма развитая дѣвица, духовная сестра Спенсера!... Знаете ли что́? Я уступаю ее вамъ!

— А я-то причемъ?—въ минорномъ тонѣ спросилъ совсѣмъ озадаченный Усольцевъ.

— А вы должны удовольствоваться вашей старой дамой! Что̀-жъ дѣлать? Вы, видно, забыли, что теперь третья кадриль?— вполголоса, съ удареніемъ, присовокупила она и, овладѣвъ его рукой, повлекла бѣднягу на другой конецъ залы.

Дѣло было рѣшено безъ права на кассацію. Я остался съ «весьма молодой, но и съ весьма развитой дѣвицей»—«духовной сестрой Спенсера».

Если Аглая Борисовна думала сыграть со мною злую шутку, то ошиблась въ разсчетѣ. Ее, Аглаю Борисовну, я отчасти уже зналъ со словъ Усольцева; но «сестра Спенсера» Поликсена (Господи, какое имя!) была для меня terra incognita, требовала еще тщатель-

наго изученія, для разрѣшенія проблемы: что ожидаетъ впереди моего «друга».

Помѣстившись съ нею рядомъ, я оглядѣлъ ее.

Тонкая-претонкая, съ тоненькой шейкой, съ худенькими плечиками и рученками, совсѣмъ еще зелёненькая... Впрочемъ, нѣтъ, розоватая: безцеремонная выходка невѣстки нѣсколько раздосадовала дѣвочку и вогнала въ лицо ей краску. Со временемъ, когда раздобрѣетъ, думалъ я, и изъ нея, пожалуй, образуется настоящая Поликсена Семеновна.

Близкое сосѣдство молчаливаго наблюдателя начинало безпокоить мою даму. Она задвигалась на стулѣ, мгновенно вскинула на меня свои длинныя иглы рѣсницъ и такъ же мгновенно опять опустила долу.

— Я знаю, что вы теперь думаете...—скороговоркой, видимо храбрясь, проговорила она.

— Что?

— Вы думаете: «вотъ навязали мнѣ малютку, которой бы только попрыгать!»

— Нѣтъ, я думалъ другое: что бы сказалъ мистеръ Спенсеръ, если бы узналъ, что «духовная сестра» его находитъ еще удовольствіе въ прыганьи.

Багровая тучка всплыла на свѣтломъ челѣ дѣвочки. Нижняя губа ея задрожала.

— Вы въ своемъ правѣ, если глядите на меня свысока...— перемогаясь, сказала она:—вы старше, опытнѣе, умнѣе меня. Но развѣ я виновата, что моложе васъ? Выказывать подобное превосходство едва ли великодушно. Вы будете свысока относиться ко мнѣ; другой будетъ относиться точно такъ же къ вамъ, и такъ далѣе. Въ этомъ всеобщемъ самомнѣніи заглохнетъ всякое человѣческое чувство...

Ого!—сказалъ я себѣ: какая недотрога! Noli me tangere! Тутъ надо идти ощупью, тихонько, тихонько! Не то какъ разъ лбомъ стукнешься.

— Виноватъ,—смиренно проговорилъ я:—я повторилъ только буквально выраженіе вашей родственницы.

— Однако-жъ не потрудились справиться впередъ, правильно ли это выраженье? Я, точно такъ же, какъ вѣроятно и вы, не люблю турокъ; но одно обыкновеніе ихъ я почитаю: они никогда не наступятъ на клочокъ писанной бумаги, потому что на немъ можетъ быть написано имя Аллаха. Почемъ вы знаете, что написано внутри меня?

Я съ трудомъ подавилъ улыбку.

— Да, вы до сихъ поръ для меня сфинксъ,—сказалъ я,—но вѣдь и сами вы не протестовали противъ даннаго вамъ названія?

— Не протестовала потому, что Аглая Борисовна уже нѣсколько времени называетъ меня такъ. На-дняхъ будутъ читаться публичныя лекціи о зрительномъ мышленіи, и главнымъ образомъ, какъ говорили мнѣ, все будетъ основано на Гербертѣ Спенсерѣ. Я взяла билетъ, но, чтобы хорошенько подготовиться къ слушанію, достала изъ библіотеки сочиненія Спенсера. Вотъ и все! Аглая Борисовна тотчасъ же и произвела меня въ его духовныя сестры, потому что ей совсѣмъ непонятно, ка́къ это женщина можетъ интересоваться серьёзнымъ чтеніемъ! Сама вѣдь интересуется только однимъ: чтобы *ею* интересовались, и считаетъ тотъ день потеряннымъ, когда кого-нибудь не осчастливитъ—все равно: словомъ или взглядомъ. Та́къ, пригоршнями, и разсыпаетъ! И васъ вѣдь при первой же встрѣчѣ какъ рублемъ подарила; а кого полтиной, кого двугривеннымъ, гривенникомъ, пятачкомъ. У ней этой мелкой монеты довольно: на всѣхъ хватитъ, никого не обидитъ.

— А вы хоть кого обидите,—сказалъ я:—вы въ самомъ дѣлѣ сфинксъ, да съ преострыми львиными когтями.

Дѣвушка немножко смѣшалась.

— Я, право, не знаю, какъ это у меня сорвалось... Я не хотѣла сказать что-нибудь для нея обидное. Но неужели и вы полагаете, что мнѣ рано читать Спенсера?

— Я позволю себѣ предложить вамъ въ отвѣтъ другой вопросъ,—сказалъ я, поддразнивая ее:—если вы теперь, въ 17 лѣтъ, беретесь уже постигать творенія мудрѣйшихъ изъ современныхъ мыслителей, то что̀ же остается вамъ въ 20, въ 30, въ 40 лѣтъ? Или самимъ открыть новую Америку, или же...

— Или ничего не открыть? Вполнѣ вѣрю, что никакой Америки не открою. Но отчего вы не хотите дать намъ въ руки и серьёзную книгу? будетъ не по силамъ, не понравится,—такъ все-равно не дочтемъ. Если ребенокъ проситъ дать ему сигару—дайте, не отказывайте: навѣрное—не придется по вкусу, самъ броситъ и впредь просить не будетъ.

— Но признайтесь,—сказалъ я:—все ли у Спенсера вамъ по вкусу?

Она тихо вздохнула.

— Если говорить откровенно: не все. Иного не понимаю, многое слишкомъ отвлеченно, слишкомъ сухо. Я еще не настолько развита; мнѣ досадно, мнѣ совѣстно... но что̀ же дѣлать,—нужно ждать, а пока буду питаться тѣмъ, что̀ по вкусу. Но и у Спенсера есть, говоря вашимъ языкомъ, превкусныя мѣста. Вотъ

вы удивляетесь, что я, «духовная сестра» его, танцую; а помните ли, что говоритъ о танцахъ самъ Спенсеръ?

— Рѣшительно не помню.

— Что всякое возбужденное состояніе человѣка выражается тѣлодвиженіями и восклицаніями; тѣлодвиженія въ окончательной формѣ обращаются въ танцы, восклицанія—въ музыкальную рѣчь. Такимъ образомъ, танцы составляютъ одно общее съ музыкой и поэзіей.

— Не спорю. Но вѣдь значеніе и того, и другого, и третьяго въ жизни весьма ограничено: для васъ, людей совсѣмъ молодыхъ, это—обыкновенное лакомство, какъ шоколадъ, конфекты, во всякое время дня; для людей постарше—чашка кофею, стаканъ зельтерской воды въ концѣ обѣда, для облегченія пищеваренія послѣ тяжеловѣсной пищи.

— Вы это говорите не серьёзно! Поэзія, въ чемъ бы она ни выражалась: въ движеніяхъ, въ звукахъ или въ человѣческой рѣчи, развиваетъ въ насъ изящный вкусъ, пробуждаетъ въ насъ лучшія, гуманныя чувства, дѣлаетъ насъ воспріимчивѣе ко всему прекрасному, благородному, словомъ: изъ животнаго-эгоиста обращаетъ насъ въ людей съ душой.

— Это тоже по Спенсеру?—замѣтилъ я, улыбнувшись.

— Да, его мысли, хоть и не его слова.

— Ну, а какъ вы полагаете: въ водѣ есть гуманныя чувства?

— Въ водѣ? Я васъ не понимаю.

— Да вотъ, я читалъ какъ-то (не у Спенсера, впрочемъ); что, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ шумѣ водопадовъ всегда, безъ исключенія, слышится одно и то же опредѣленное тройное созвучіе: *do-mi-sol*, и, независимо отъ того, различается постороннее этому созвучію, густое *si*. По-вашему, созвучіе это, вѣроятно, ни болѣе, ни менѣе, какъ гармоническое пѣніе русалокъ, а густое *si*—басистое брюзжаніе на нихъ старика Нептуна?

— Въ переносномъ смыслѣ—да. Вашъ примѣръ только подтверждаетъ мысль Спенсера: если уже неодушевленные предметы въ природѣ, какъ вода, издаютъ звучные аккорды, то какъ же наиболѣе развитому произведенію природы—человѣку—не стремиться къ возможно-полной гармоніи? Душа человѣческая—эолова арфа, телефонъ, воспринимающій и передающій звуки даже на большое разстояніе...

— Жаль только,—сказалъ я,—что дисгармоніи, какофоніи, рѣжущей ухо и душу, на свѣтѣ въ десять разъ больше, чѣмъ чистой гармоніи, такъ что лучше всего герметически заткнуть себѣ уши, закупорить душу.

— Какъ у васъ хватаетъ духу говорить такъ!—воскликнула Полинька.—Неужели для васъ ничего уже, кромѣ вашей судебной суши, не существуетъ?

— Нѣтъ. И я этимъ горжусь.

— А я вамъ, знаете, чтó посовѣтую?

— Чтó?

— Вы лѣтомъ вѣрно сидите въ городѣ, взаперти, въ четырехъ стѣнахъ?

— Да.

— А вотъ нынче лѣтомъ нарочно сдѣлайте-ка исключеніе: переѣзжайте на дачу.

— У меня есть и собственная деревенька; но...

— И чудесно! Берите отпускъ съ весны, уѣзжайте до поздней осени, гуляйте съ утра дó вечера по полямъ, по лугамъ. Увидите: тѣмъ ли человѣкомъ вы оттуда вернетесь?

— Другимъ: потолстѣю, изнѣжусь. Но этого я и боюсь. А въ хозяйствѣ только напутаю, потому что въ агрономіи ни аза не смыслю.

— Да вамъ и не надо дѣлаться агрономомъ; напротивъ: если выйдете въ полѣ, то не думайте о томъ, что вотъ здѣсь выкосится столько-то пудовъ сѣна, выручится столько-то денегъ. Гуляйте только ради гулянья, слушайте, какъ заливаются жаворонки, жужжатъ пчелы; любуйтесь игрою красокъ полевыхъ цвѣтовъ, вдыхайте чудный духъ ихъ—въ полномъ смыслѣ «mille fleurs». Не бойтесь, что разнѣжитесь. Немножко оно и не вредно. Гармонія природы настроитъ только гармонически и вашъ душевный телефонъ.

— Да вѣдь и онъ, какъ всякій музыкальный инструментъ, требуетъ опять настройки, а въ городѣ сейчасъ же разстроится.

— Какъ-будто и въ городской жизни нѣтъ поэзіи! Ищите—и обрящете.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ: опера, святки, ёлка...

— А вамъ еще дѣлаютъ ёлку?

Полинька покраснѣла.

— Не мнѣ, а моей маленькой племянницѣ. Если бы вы знали, какъ весело убирать елку! А за форточку нарочно положимъ вѣтку: это значитъ, что оторвалась, когда ангелъ влеталъ съ елкой. А потомъ — радость малютки! Она у насъ нынче, знаете, ходила сперва, какъ потерянная, отъ одного подарка къ другому, отъ другого къ третьему. Вдругъ какъ протянетъ впе-

редъ обѣ ручёнки и побѣжитъ къ ёлкѣ, точно обнять ее хочетъ: «Елка, кáкъ я тебя люблю!» Мы всѣ такъ и разсмѣялись.

«Ты, въ самомъ дѣлѣ, Полинька, а не Поликсена!» долженъ былъ признаться я. Разговоръ мой съ подросткомъ представлялся мнѣ сначала не болѣе, какъ дѣтской игрой, перебрасываніемъ мячика, которымъ и взрослый человѣкъ иногда мимоходомъ вздумаетъ позабавиться съ ребенкомъ. Но, странное дѣло! игра эта, чѣмъ дальше, тѣмъ больше мнѣ нравилась, доставляла мнѣ даже удовольствіе: было любо видѣть, какъ ловко, съ какой естественной граціей эта крошка подбрасываетъ и подхватываетъ мячикъ. Но неожиданно подхватилъ нашъ мячикъ Усольцевъ и, шутя, швырнулъ далёко въ сторону.

Мы въ это время выдѣлывали уже съ нашими визъ-а-ви третью фигуру кадрили, держась всѣ четверо за руки.

— Вы точно лекцію ему читаете?—съ улыбкой замѣтилъ Полинькѣ мой пріятель.—О чемъ это?

— О поэзіи въ жизни,—отвѣчала она.—Въ примѣръ я привожу ёлку...

— Какую? съ золотыми орѣхами и бонбоньерками?

— Да.

— Напрасно. Вотъ кабы вы, вмѣсто того, повѣсили моему пріятелю на ёлку человѣка, то онъ сейчасъ бы понялъ: такая бонбоньерка для него верхъ поэзіи.

— Фу, какой вы!...—сказала Полинька и надула губки.

Фигура была окончена, и мы возвратились къ нашимъ мѣстамъ.

— Это вѣрно,—сказалъ я:—въ нашей профессіи есть своего рода обаяніе, если хотите—поэзія. Препріятно вывести на чистую воду закоренѣлаго злодѣя и загнать—куда Макаръ телятъ не гонялъ.

— Да понятіе-то о злодѣйствѣ очень относительное. Есть ли дѣйствительные злодѣи? Не болѣе ли это «униженные и оскорбленные»? Я увѣрена, что иной разъ и у васъ сердце размягчится.

— И слякоть мягка, но завязнуть въ ней куда какъ некрасиво.

— Да чтó такое, въ сущности, слякоть? Немножко земли да немножко воды, къ тому же небесной! Между тѣмъ и надъ самымъ малымъ комкомъ земли разстилается то же небо, чтó и надъ нами, и его освѣщаетъ то же солнце, и на него вѣетъ тотъ же вѣтеръ. И въ самой маленькой лужицѣ отражается вся красота міровая. Чтобы этого не видѣть, надо быть слѣпымъ! Но вы, я увѣрена, не слѣпы, а просто зазнаётесь своимъ превосход-

ствомъ и обвиняете больше затѣмъ, чтобъ обвинять; изъ любви къ искусству—даже рѣзче, чѣмъ бы слѣдовало!

У меня почему-то вдругъ кровь прилила къ головѣ, точно брошенный въ меня мячикъ хлопнулъ меня по лицу.

— Вся разница между мною и вами та,—сказалъ я, — что я смотрю на міръ своими глазами, а вы—сквозь цвѣтную призму молодости; оттого всѣ люди и представляются вамъ въ несвойственныхъ имъ радужныхъ краскахъ. Зла на свѣтѣ гораздо болѣе, чѣмъ вы думаете, и оно, какъ сорная трава, должно быть вырываемо съ корнемъ.

— Да одну ли сорную траву вы вырываете? Да и сорная-то трава, если ее вблизи разглядѣть, растеніе какъ растеніе, съ цвѣточками, иногда прехорошенькими! И ей должно быть больно, и ее тоже жалко. Вамъ смѣшно?

— Мнѣ вспомнилось постановленіе одного земства по поводу какой-то брошюры о мѣрахъ противъ волковъ,—отвѣчалъ я:—благочестивые земцы, большинствомъ голосовъ, отвергли предлагаемое средство истреблять волковъ стрихниномъ, потому-де, что и волки вѣдь — творенія Божіи.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! А развѣ волки виноваты, что у нихъ плотоядные зубы?

— Да я ничего не имѣю противъ того, если сострадательныя души будутъ проливать по каждомъ отравленномъ волкѣ потоки слезъ. Только бы не мѣшали ихъ истреблять. По-вашему, жизнь—рай до грѣхопаденія, гдѣ и волки, рядомъ съ овцами, паслись на лугахъ; по-моему, это—ожесточенный бой на жизнь и смерть плотоядныхъ съ травоядными, зла съ добромъ. Или зло возьметъ верхъ, или добро. Неужели же поблажать злу! И отъ кого же вы это требуете? отъ насъ, стражей закона! Правда, законъ нѣсколько стѣснителенъ: онъ (чтобы выразиться для васъ нагляднѣй)—стальной корсетъ, который въ одно время служитъ и панцыремъ, и опорою стана. Казалось бы, чѣмъ слабѣе, беззащитнѣе личность, тѣмъ охотнѣе она должна бы прибѣгать къ закону; однако, нѣтъ, мягкотѣлость не выноситъ долго стальныхъ тисковъ и при первомъ случаѣ сбрасываетъ ихъ, тогда какъ крѣпкія мышцы, слегка сдавливаемые ими, тѣмъ сознательнѣе только ощущаютъ свою силу.

Полинька расхохоталась.

Такого отсутствія такта я и отъ нея, подростка, не ожидалъ, и съ нѣкоторою обидчивостью оглянулся на нее. Тутъ, однако, оказалось, что обиды никакой не было: она смѣялась не надо мною, а надъ нашимъ визъ-а-ви, Усольцевымъ. Ловко, по обык-

новенію, повертывая свою даму, онъ весьма неловко наступилъ ей на шлейфъ, запутался въ немъ и, благодаря лишь своей отмѣнной увертливости, не растянулся на полу, а ограничился экстраординарнымъ salto mortale; одновременно съ нимъ то же самое продѣлало и его пенснé, соскочившее съ своего всегдашняго сѣдалища и удержанное отъ полнаго побѣга лишь эластическою привязью. Дѣло объяснялось просто тѣмъ, что онъ слишкомъ внимательно вслушивался въ доносившійся до него отрывками діалогъ мой съ новой повелительницей его сердца и былъ оттого слишкомъ невнимателенъ къ особѣ собственной дамы. Полинька, повидимому, не подозрѣвала этого; она замѣтила только удивительный воздушный прыжокъ и не могла уже побороть свою ребяческую смѣшливость.

— Вы, пожалуйста, извините меня...—пробормотала она, силясь сложить лицо въ серьёзныя складки.—Но Константинъ Дмитріевичъ подскочилъ такъ уморительно, точно его подстрѣлили! И по дѣлóмъ, такъ ему и надо!... Виновата, вы сравниваете законъ съ корсетомъ? Но вотъ Аглая Борисовна, напримѣръ, затягивается въ корсетъ до обморока, хотя законодатель ея, мужъ, ей того и не позволяетъ. По-моему, законъ скорѣе—ограда вкругъ плодоваго дерева для защиты отъ вѣтра и стужи: обведите ограду слишкомъ высоко и тѣсно—дерево заглохнетъ; дайте дереву въ мѣру простора—оно раскинется пышно и дастъ богатые плоды. Вы—садовникъ, приставленный къ этому дереву; но чуть шалунъ перелѣзъ ограду—вы его за ухо и избиваете какъ закоренѣлаго злодѣя; чуть подточилъ червякъ яблоко—вы сплеча обрубаете и всю вѣтвь. Можно удивляться вашей рѣшительности, какъ удивляешься героизму оруженосца князя черногорскаго Николая, который, не покладывая рукъ, снялъ головы съ 14-ти человѣкъ турокъ. Изъ прекраснаго далёка, среди мира и тишины, оно читается съ такою пріятностію: «14 человѣкъ подъ рядъ!». Оно такъ эффектно и вовсе не страшно. Точно съѣлъ подъ рядъ 14 буттербродовъ! Но если немножко напрячь фантазію, вообразить себѣ поле битвы съ изрубленными, кровавыми трупами людей, которые только-что еще дышали, мыслили; если вдуматься въ положеніе каждаго изъ этихъ бѣдныхъ изрубленныхъ, которые, хоть и турки, имѣли, однако, какъ и мы съ вами, свой особый, совершенно законченный душевный мірокъ, съ своими радостями и печалями, симпатіями и стремленіями,—вчужѣ дрожь пробѣжитъ! А вы развѣ не страшнѣе еще этого оруженосца? Вы рубите не враговъ-турокъ, а своихъ же братьевъ-христіанъ, не ятаганомъ въ порывѣ раздраженія, а холодно,

систематически—лезвіемъ вашего остраго языка! И сколько вы ихъ на своемъ вѣку уложили? Вѣрно не 14, а 14 разъ 14!...

Такъ говорила она, или почти такъ: услѣдить за отдѣльными выраженіями я не имѣлъ возможности. Дѣтскія черты ея внезапно преобразились. До того я видѣлъ только простое русское лицо, съ извѣстной паспортной характеристикой: «лицо чистое, волоса русые, глаза сѣрые, носъ и подбородокъ обыкновенные; особыхъ примѣтъ никакихъ». Но, вдругъ, съ этимъ, самымъ обыкновеннымъ лицомъ произошло что-то необычайное: оно стало вдумчивѣе, осмысленнѣе и... красивѣе, да,—женственнѣе и, стало быть, красивѣе. Маленькіе русые кудряшки надъ лбомъ ея безпокойно заколыхались и спустились къ глазамъ, чтобы заглянуть сверху: «что̀ это, молъ, съ нашей хозяйкой сталось?» Мало развитый станъ ея выпрямился, словно выросъ. Прежде я только время отъ времени оборачивался къ ней; теперь какъ обернулся, такъ и глазъ не сводилъ: меня живо заняло это, совершающееся во-очію передо мною, превращеніе дѣвочки въ дѣвицу. Я слушалъ ее и въ то же время не слушалъ. Рядомъ съ мыслью, слѣдившею за полетомъ ея крылатой рѣчи, въ головѣ у меня пролетали другія мысли, обгоняли первую:

«Вѣдь вотъ есть сказка про молодца́, что̀ слышалъ, какъ трава растетъ. А развѣ я въ эту минуту не слышу, не вижу того же? Мелкая травка на глазахъ моихъ вытягивается въ стройный стебель, раскидывается сочными листьями, распускается цвѣткомъ...

«И уже ли эти цвѣтущія щечки, эти алыя губки когда-нибудь поблекнуть, эти ярко-росистые глазки померкнуть? Не хотѣлось бы вѣрить.

«Да, можетъ быть, это—только искусственное оживленіе? Можетъ быть, она—бездушная статуя, въ которую на мгновеніе только вдохнулъ жизнь какой-нибудь новый Пигмаліонъ? Что, если я самъ этотъ Пигмаліонъ? Забавно было-бы... но слишкомъ невѣроятно!

«Какъ бы то ни было, Усольцевъ правъ: она—просто прелесть!»...

И вдругъ, точно стрѣла молніи исполосовала небо и мигомъ разорвала всю фантасмагорію: искра дѣтской шаловливости брызнула изъ ея восторженныхъ глазъ, разсыпалась по всему ея вдохновенному лицу: дѣвица разомъ превратилась опять въ дѣвочку и, откинувшись назадъ, закатилась самымъ искреннимъ смѣхомъ.

Я взглянулъ на Усольцева: онъ также заливался. Вѣрно,

переглянулись и вспомнили оба коллинный пируэтъ. Меня даже зло взяло: и онъ туда же! Экія дѣти, право... Но сказать что-нибудь уже не пришлось.

— Grand rond! раздалась команда дирижера, и всѣ мы сомкнулись въ кругъ для заключительнаго сумбура.

IV.

Вниманіе мое, незамѣтно для меня самого, мало-по-малу до того приковалось къ моей бойкой дамочкѣ, что я на время забылъ даже свою роль наблюдателя въ отношеніи къ нашимъ визъ-а-ви, которыхъ первоначально никакъ не хотѣлъ упускать изъ виду. Теперь, въ общемъ круговоротѣ, ни я для Полиньки, ни она для меня не существовали. Она перепархивала отъ кавалера къ кавалеру; я точно такъ же принималъ и передавалъ съ рукъ на руки даму за дамой.

Вотъ на лету запылала въ моей рукѣ чья-то влажно-горячая нервная ручка. Я невольно взглядываю. То Аглая Борисовна.

Что съ нею?! Это не просто разгоряченное состояніе отъ танцевъ, это какой-то лихорадочный жаръ.

Воспаленный взоръ ея съ явной досадой сверкаетъ въ сторону. Я смотрю по тому же направленію—и понимаю.

Прислонясь къ колоннѣ и, повидимому, флегматически любуясь причудливыми, поминутно мѣняющимися узорами живой цѣпи бѣснующихся, стоитъ приземистый, но коренастый человѣчекъ, съ лунообразнымъ, гладковыбритымъ лицомъ. По сходству съ Полинькой, я догадываюсь, что это—самъ Кудряшевъ.

Наконецъ, музыка съ раскатомъ умолкаетъ, и въ воздухѣ одно мгновеніе стоитъ только однообразное царапанье шаркающихъ въ тактъ ногъ и шуршащихъ платьевъ. Въ слѣдующее мгновеніе звуки эти покрываетъ уже нестройный, смутный гулъ стоустаго говора. Все, обмахиваясь, обтираясь платками, пожимаетъ руки, откланивается и затѣмъ ищетъ спасенія за дверьми пекла. Наибольшая масса устремляется къ столовымъ, такъ какъ послѣ этой, по счету третьей кадрили, слѣдуетъ установленный получасовой промежутокъ для болѣе основательнаго высыханія и укрѣпленія плоти.

Кудряшевъ отдѣлился отъ колонны, чтобы подойти къ женѣ; но та проворно повернула съ Усольцевымъ въ противоположную сторону. Въ то же время Полинька на мой поклонъ, послѣ котораго я располагалъ удалиться, пролепетала скороговоркой:

— Пройдемтесь и мы... Мнѣ хотѣлось бы еще сдѣлать вамъ одно предложеніе...

«Предложеніе? Эге! Ужели я въ самомъ дѣлѣ Пигмаліонъ? Благодарю! не ожидалъ».

Я молча опять поклонился. Но не успѣли мы сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ за нами раздался сухой голосъ ея брата:

— Полинька!

Мы возвратились.

Кудряшевъ остановилъ на ходу жену и Усольцева и говорилъ спокойно, но безапелляціонно:

— Хорошаго, матушка, по-маленьку. Смотри, какъ упарилась! Ни дать, ни взять—изъ бани.

— Mais quels expressions, mon cher!—вполголоса укорила его молодая супруга, указывая глазами на насъ съ Усольцевымъ.

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь: все у васъ какъ на ладони. Чтó-жъ? Нынче суббота,—значитъ, такъ и Богъ велѣлъ: простой народъ въ свою баню, вы въ свою. Только надо и честь знать.

— Mais taisez-vous donc!

— Нездорово, матушка, ей-Богу!—и тебѣ, и Полинькѣ нездорово.

— Если Полинькѣ нездорово, такъ пусть посидитъ, не танцуетъ. Для меня же это—вторая жизнь; я никогда еще не уѣзжала такъ рано.

— Когда-нибудь надо и пораньше. Минуту въ минуту не угодишь... Мое почтенье, господа.

Формально кивнувъ намъ, онъ безъ околичностей забралъ руки обѣихъ дамъ своихъ подъ мышки и повернулъ къ выходу.

— Дай же мнѣ, mon ami, доскакать,—попыталась еще въ послѣдній разъ протестовать Аглая Борисовна, и съумѣла теперь вложить въ протестъ столько теплоты и мягкости, что въ немъ слышалось болѣе покорности, чѣмъ досады.—Ты самъ вѣдь никогда еще не нарушалъ своего слова,—нѣтъ?

— Нѣтъ.

— А я же дала уже слово m-r Чердынскому на слѣдующую кадриль. Какъ жена твоя, могу ли я нарушить слово, тѣмъ болѣе—въ первый день нашего знакомства съ нимъ?

«Ловко вретъ!» не могъ не отдать я въ мысляхъ честь ей, но не счелъ умѣстнымъ ее изобличать. Благовѣрный ея съ своего наблюдательнаго поста у колонны усмотрѣлъ, должно быть, слишкомъ явные признаки благоволенія супруги его къ молодому адвокату, что счелъ даже нужнымъ увезти ее по добру по здо-

рову во-свояси. Но приведенный ею резонъ былъ для него, честнаго коммерсанта, слишкомъ убѣдителенъ, и онъ долженъ былъ нѣсколько уступить.

— Да! вотъ статья!—проговорилъ онъ, почтительно преклоняя голову.—Только наше-то слово дѣловое и ваше бездѣльное — рубль да грошъ. Но будь по-твоему: разсчитайся съ своимъ кредиторомъ. Только, чуръ, нынче никому уже ни денежки больше не ссужай. А покамѣсть китайской травы разопьемъ.

— Да я не хочу.

— Ну, это какъ знаешь. А для меня *чай*—вторая жизнь. И Полинька, я увѣренъ, не откажется: у нея двѣ вторыя жизни: и плясъ, и чай,—а?

Полинька только улыбнулась. Аглая Борисовна нетерпѣливо дернула плечомъ:

— Охота такой балластъ нести!

— Вовсе не охота; затѣмъ и выбрасываю. Чѣмъ больше его выбрасывать, тѣмъ выше взлетаетъ воздушный шаръ.

Остроуміе Парфена Семеновича (такъ звали, какъ оказалось, Кудряшева) было доморощенное и взлетало выше весьма медленно; но онъ усвоилъ себѣ, по крайней мѣрѣ, основное правило настоящихъ остряковъ: острить серьёзно. При этомъ, впрочемъ, считалъ нужнымъ всякій разъ окидывать украдкой зоркимъ взглядомъ по-очереди всѣхъ присутствующихъ: не просыпалась ли для кого-нибудь безъ пользы его великорусско-аттическая соль,—дабы въ послѣднемъ случаѣ вторично преподнести.

Аглая Борисовна, безъ сомнѣнія, знала слишкомъ хорошо непреклонный нравъ супруга, потому что покорилась своей участи, но не преминула пригласить съ собою и меня съ пріятелемъ. Кудряшевъ и тутъ не показалъ никакого вида. Заказавъ на всѣхъ чаю, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣлъ подать графинчикъ рому.

— Да смотри, братецъ, первый сортъ,—наказалъ онъ лакею:— изъ французскаго погреба.

— Слушаю-съ.

— Чтò по сторонамъ-то глазѣешь? Ты слушай: изъ французскаго: отъ Рауля. Елисѣевскаго отнюдь не носи! Понимаешь?

— Какъ не понять-съ.

— То-то же. Почемъ у васъ бутылка-то? Всего по два рубля?

— Кажись, такъ-съ.

— Смотри, чтобъ не меньше: возвращу. Ну, ступай. Да нѣтъ, стой! — Ты, жиночка, пить чаю такъ-таки, значитъ, и не будешь?

— Отказалась разъ!

— Такъ ужли же тебѣ впроголодь сидѣть?—Вотъ что́, любезнѣйшій: тащи-ка еще парочку котлетъ.

— Что́ ты, mon cher!—воскликнула и отмахнулась Аглая Борисовна:—кто же теперь станетъ мясное ѣсть?

— А вотъ посмотримъ; не пропадутъ. Такъ котлетокъ, значитъ, не забудь. А кстати: захвати и мороженаго — фисташковаго. Отъ него-то, я знаю, жиночка не откажется?

Аглая Борисовна нéхотя головой кивнула.

— Третья жизнь,—а?

— Да, лучше порціи фисташковаго для меня ничего въ мірѣ нѣтъ.

— А двѣ порціи не лучше?

Она волей-неволей, наконецъ, снизошла улыбнуться.

— Лучше.

Улыбка ея, какъ заря на противоположной горной вершинѣ, отразилась сіяньемъ на каменномъ челѣ супруга.

— Такъ, стало-быть, двѣ порціи. Живѣе, братецъ. Да ты помнишь ли еще? Повтори-ка.

— Что́ повторять-съ... И такъ запомнимъ-съ.

— Не толкуй.

И онъ заставилъ-таки его повторить.

Разговоръ у насъ завязался, разумѣется, о «злобѣ дня» — восточномъ вопросѣ. Взгляды Кудряшева, съ его коммерческой точки зрѣнія, были, пожалуй, здравые, послѣдовательные, но въ общественномъ, въ общегосударственномъ смыслѣ—узкіе и односторонніе. Все, что̀ отзывалось неблагопріятно на денежномъ рынкѣ, уже по тому самому было въ его глазахъ нелогично, предосудительно. Онъ терпѣливо и вѣжливо выслушивалъ чужое мнѣніе до конца. Но точно такъ же могъ бы и не выслушивать: результатъ былъ бы тотъ же. Какъ на лицевой сторонѣ монеты опредѣленная цѣна обязательнаго курса, такъ на неподвижномъ лицѣ этого монетнаго туза непоколебимая вѣра въ правильность собственныхъ сужденій была четко вычеканена. Выслушавъ, онъ, словно затверженный урокъ, начиналъ сызнова излагать свой прежній доводъ, по пунктамъ, чуть ли не тѣми же словами.

Когда было принесено заказанное, Аглая Борисовна принялась за свое мороженое, предоставивъ разливаніе чая невѣсткѣ. Очевидно, и дома занятіе это выпадало на долю Полиньки: такъ проворно и ловко распоряжалась она, не задѣвъ носомъ чайника ни одного стакана. Потомъ взяла ножъ и хлѣбъ, искусно

нарѣзала нѣсколько аппетитныхъ, тонкихъ-претонкихъ ломтиковъ и тщательно намазала каждый масломъ.

Да чего это я слѣжу за каждымъ ея движеніемъ, точно впервые вижу, какъ наливають чай, какъ мажуть буттерброды? Въ томъ-то и дѣло: чтобы такъ наливали, такъ мазали, съ такою безпритязательною граціей, мнѣ дѣйствительно не доводилось еще видѣть!

Котлеты, какъ вѣрно предсказалъ Кудряшевъ, нашли свое назначеніе: когда мы съ Усольцевымъ отказались, самъ амфитріонъ нашъ пододвинулъ ихъ къ себѣ, уписалъ сперва одну, а тамъ взялся и за другую.

— Такъ вотъ ты о комъ заботился! — замѣтила Аглая Борисовна.

— Чтобы не пропадало,—былъ откровенный отвѣтъ.

— L'appetit vient en mangeant,—вставила Полинька, выгораживая брата.

— Не скажу,—возразилъ онъ:—чѣмъ дальше ѣшь, тѣмъ аппетиту все какъ-будто убываетъ. Да что же вы, господа, насчетъ рому-то? Позвольте-ка, я самъ вамъ налью. Можетъ, и у васъ аппетитъ разыграется. Не знаю, право, кого больше жалѣть: тѣхъ ли, у кого нѣтъ аппетиту для рому,—или тѣхъ, у кого нѣтъ рому для аппетиту? Да нѣтъ, нѣтъ, постойте,—отклонилъ онъ мою руку,—пожалуйста не мѣшайте. Товаръ доброкачественный; зачѣмъ же ему пропадать?

Дешевое остроуміе супруга начинало, казалось, раздражать Аглаю Борисовну.

— Дай-ка сюда,—сказала она вдругъ и, взявъ у него изъ рукъ графинчикъ, облила изъ него мороженое.

— Что ты это дѣлаешь?—сказалъ супругъ.

— Чтобы не пропадало!

Укоръ былъ не въ бровь, а въ глазъ. Но у Парфена Семеновича или кожа была очень толста, или нервы лица отмѣнно слушались приказаній мозга: уколъ не произвелъ на него никакого видимаго дѣйствія.

На Аглаю Борисовну, напротивъ, подлитый къ мороженому ромъ тотчасъ же обнаружилъ свое дѣйствіе: лицо ея сильнѣе зарумянилось, глазки задорнѣе забѣгали, перескакивая съ одного на другого. Вотъ они остановились на мнѣ.

— Вы все больше наблюдаете, m-r Чердынскій, — заговорила она,—а такіе люди—самые опасные; въ тихомъ омутѣ... и такъ далѣе.

— Напротивъ, душа моя свѣтла, какъ зеркало.

— Съ поверхности! То-то въ нее нѣкоторые и засматриваются.

Взоры ея перебѣжали на Полиньку. Та вынесла ихъ, однако, съ стоицизмомъ невинности и даже подхватила шутку.

— Да, въ душу m-r Чердынскаго какъ-то невольно засмотришься,—сказала она;—только тамъ глубоко, дна не видать! Не усмотришь, что̀ тамъ у него водится: драгоцѣнные ли кораллы, или хищныя акулы.

— Затѣмъ-то вы, ma belle, давича и закинули вашу удочку: не вытащите ли акулы?

Намекъ былъ слишкомъ рѣзокъ. Полинька чуть зардѣлась.

— Я васъ не понимаю, Аглая Борисовна.

— Да не сами ли вы предложили ему пройтись подъ ручку послѣ третьей кадрили? Это съ вами, кажется, въ первый разъ случается, да притомъ вѣдь съ совершенно-новымъ кавалеромъ?

— А у насъ послѣдній разговоръ былъ о черногорцахъ. Мнѣ и хотѣлось предложить m-r Чердынскому взять также билетъ въ мою лоттерею.

«А ларчикъ просто открывался!»—вздохнулъ я про себя.

— Пора бы вамъ, право, оставить вашу лоттерею!—сказала Аглая Борисовна. — Всѣ эти славяне давно повыдохлись, а эти милые добровольцы наши окончательно ихъ дискредитировали. Мнѣ даже теперь стыдно вспомнить, что сама ходила съ кружкой для нихъ.

— А мнѣ пока не стыдно!—смѣло созналась Полинька: — пусть большинство ихъ—неудачники; кому тепло дома, за печкой, тотъ и остался за печкой,—понятно, хоть, можетъ быть, и не похвально. Но они, неудачники, жертвуютъ *собой*, своей жизнью, то-есть самымъ дорогимъ, что̀ есть у каждаго изъ насъ, и уже по этому одному почтеннѣе богатыхъ безгрѣшниковъ, жертвующихъ какую-нибудь тысячу рублей.

— Это ты, сударыня, въ мой огородъ камешки бросаешь?— спросилъ Парфенъ Семеновичъ. — Я въ самомъ дѣлѣ пожертвовалъ тысченку; но теперь охотно далъ бы двѣ, лишь бы ихъ вернуть. Чего мы добились этими подачками? Кромѣ крови да крови—ничего. А что̀ намъ съ этою кровью—кровяныя колбасы чинить, что ли? И, благо, проливалась бы только тамъ, на мѣстѣ; анъ нѣтъ, вѣдь каждая такая дрянная стычка за тысячи верстъ отзывается у насъ на биржѣ рикошетомъ, возбуждаетъ въ десять разъ кровопролитнѣйшія баталіи. Тамъ послѣ битвы остается десятокъ-другой безпріютныхъ вдовъ и сиротъ, у насъ — сотня-другая, да не однѣ вдовы съ сиротами, а и съ мужьями и отцами,

столь же безпріютными. И тамъ и здѣсь, правда, человѣчество приводится къ одному знаменателю: всѣ нищими дѣлаются: égalité, fraternité! Но тамъ хоть крестъ тебѣ на грудь навѣсятъ, а здѣсь его взвалятъ тебѣ на спину, да не маленькій, серебряный, а большущій—деревянный. Того гляди, повалитъ тебя съ ногъ и могильнымъ крестомъ твоимъ станетъ.

Воздушный шаръ Парфена Семеновича воспарилъ довольно высоко, но поднимался не торопясь, исподоволь. Тираду свою Кудряшевъ произнесъ безъ всякаго озлобленья, даже безъ признака неудовольствія. Между отдѣльными фразами онъ обгладывалъ, обсасывалъ котлетную косточку и пожевывалъ смачно.

— Позвольте вамъ на это возразить,—сказалъ Усольцевъ:— кто же заставляетъ нашихъ биржевиковъ задавать баталіи? Вы сами, Парфенъ Семеновичъ, когда-нибудь пускались ли въ биржевую игру?

— Покамѣсть Богъ миловалъ.

Усольцевъ встряхнулъ своей роскошной шевелюрой, поправилъ на орлиномъ носу золотое пенсне́ и, подавшись назадъ, чтобы лучше обозрѣть все общество, продолжалъ:

— Вотъ видите ли. Стало быть, устоять есть же возможность? Но они — записные драчуны, имъ нужно, чтобъ клочья летѣли; по поводу чего—имъ и горя мало. Въ американскомъ, въ вѣнскомъ, въ берлинскомъ крахѣ славяне ли были виноваты? Отнюдь нѣтъ. И у насъ вина не во внѣшней причинѣ, а во внутренней—въ самихъ биржевикахъ, въ разъѣдающей ихъ язвѣ ажіотажа. Славянскій вопросъ только раскрылъ эту язву, какъ взмутилъ онъ всю вѣковую гущу нашего общественнаго болота. Но какою чистою, свѣтлою волною пробилась сквозь гущу славянская струя! И ваша тысяча рублей—одна серебряная струйка этой общей волны. Васъ испугала всплывшая вверхъ тина, которую западные доброжелатели наши съ такимъ злорадствомъ ловятъ съ поверхности и разносятъ по міру. Но будьте увѣрены: не пройдетъ года, не пройдетъ полугода, двухъ мѣсяцевъ—свѣжая волна прорвется наружу съ полною силой, хлынетъ неизсякаемымъ ключомъ и разольется далеко за предѣлы болота!

Полинька освѣтила моего пріятеля сіяющимъ благодарностью взглядомъ. И на брата ея, однако, краснорѣчіе пылкаго адвоката не осталось безъ вліянія

— Дай-то Богъ,—сказалъ онъ.—Полинька! Сколько у тебя еще этихъ билетовъ-то осталось?

— Да не очень много...—замялась Полинька.

— Ты не тая. Вѣдь я не на смѣхъ спрашиваю. Сколько, ну?

— Штукъ двѣсти-пятьдесятъ, триста...

— Такъ вотъ что, матушка. Вы, Константинъ Дмитричъ, сколько сроку-то дали? два мѣсяца? Коли въ два мѣсяца не разойдутся, такъ пиши всѣ на мое имя.

— Всѣ!

Полинька даже подпрыгнула на стулѣ и протянула Усольцеву черезъ столъ свою тоненькую руку.

— Позвольте васъ отъ души поблагодарить, Константинъ Дмитріевичъ!

Аглая Борисовна, кусая губки, облила и вторую порцію мороженаго ромомъ.

— Позвольте мнѣ съ своей стороны отъ души пожалѣть васъ, m-r Чердынскій,—обратилась она ко мнѣ.

— Пожалѣть?—удивился я.

— Весь успѣхъ вашъ потерянъ. Другъ вашъ разомъ вырвалъ изъ рукъ вашихъ пальму первенства.

Душевное состояніе ея начало интересовать меня. То не была еще ревность въ полномъ смыслѣ слова; ей было пока только досадно, что другая позволяетъ себѣ также обращать на себя вниманіе Усольцева. Въ глазахъ Полиньки мнѣ почудилась самая мимолетная искорка неудовольствія: блеснула и исчезла. Парфенъ Семеновичъ былъ на видъ по прежнему невозмутимъ, хотя въ тайнѣ безпокоился едва ли не болѣе другихъ. Ужели нынче все этимъ и ограничится? Стоило изъ-за того ѣздить въ клубъ! Чуть-чуть гдѣ-то, подъ пепломъ, огонекъ тлится. Подсыпать развѣ щепоточку безвредной канифоли, чтобы легкой вспышкой ярче освѣтить всю группу?

— На то онъ и Мирабо,—сказалъ я,—ему и книги въ руки. Вы знаете ли, кто его прозвалъ такъ?

— Студенческая кличка!—поспѣшилъ предупредить меня Усольцевъ.—И студентомъ я уже отличался словоизверженіями.

— Не только ими,—сказалъ я.—Болѣе словоизверженій, побудительными причинами къ такому прозвищу послужили двѣ его извѣстныя пассіи, перенятыя имъ отъ своего прототипа. Первая пассія—цвѣты. И въ то время ужъ оба окошка въ единственной его комнатѣ были сплошь уставлены цвѣтами. Теперь квартира его—оранжерея: биткомъ набита ими, хотя не одинъ врачъ уже предостерегалъ его, что цвѣточныя эѳирныя масла не могутъ не дѣйствовать вредно на его нервную натуру.

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете, Константинъ Дмитріевичъ?!—вырвалось невольно у Полиньки.

Аглая Борисовна обожгла ее огненнымъ взглядомъ, и она, какъ обожженная, потупилась.

— А другая его пассія?—спросила Аглая Борисовна.

— Другая—одушевленные цвѣты рода человѣческаго: предъ всякой красотой, будь она свободна или принадлежи уже другому, онъ, какъ древній грекъ-язычникъ, падаетъ, благоговѣя, ницъ.

Бѣдная Поланька! Я все же не ожидалъ, чтобы она уже такъ близко принимала къ сердцу пассіи моего друга: ее точно пришибло; точно у подстрѣленной птички, головка у нея повисла, а глазки усиленно заморгали. Аглая Борисовна, не упускавшая ея изъ виду, какъ-бы теперь только почуяла въ ней негаданную соперницу, и, гордо откинувшись на спинку стула, обвела насъ всѣхъ лихорадочнымъ, вызывающимъ взоромъ.

— Что современный грекъ-язычникъ преклоняется предъ всякой истинной красотой, хотя бы она принадлежала и другому, — съ удареніемъ сказала она, — совершенно понятно: въ немъ говоритъ чувство прекраснаго. Но если онъ преклоняется и передъ недодѣланнымъ обрубкомъ, передъ нераспустившимся бутономъ, то обнаруживаетъ не совсѣмъ разборчивый вкусъ и достоинъ сожалѣнія.

Кудряшевъ покончилъ, наконецъ, и со второй котлетой. Наливъ въ стаканъ воды, онъ выполоскалъ себѣ замаслившіеся кончики своихъ толстыхъ пальцевъ, тщательно обсушилъ каждый палецъ салфеткой, еще тщательнѣе обтеръ ротъ и придвинулъ къ себѣ затѣмъ стаканъ чаю, налитый Полинькой.

— Хорошо, — замѣтилъ онъ, — что духовная пища входитъ въ насъ тоже не ртомъ, а ушами; а то не мудрено бы испортить себѣ желудокъ.

— То-есть вамъ, мой другъ, не по вкусу мои слова на счетъ бутона?—колко спросила его Аглая Борисовна.

— Точно такъ, сударыня. Сердце всякой изъ васъ, дѣйствительно, нѣжный, душистый цвѣтокъ, ландышъ тамъ, что ли, или розанъ. Бутонъ ли оно еще, или уже распустилось—это все единственно: настоящій цвѣтоводъ любуется и бутономъ. Но коли цвѣтокъ разъ запроданъ, то ему не годится уже соваться всякому подъ носъ. Отъ частаго обонянія онъ, поневолѣ, потеряетъ свою свѣжесть, лепестки обвянутъ и обсыпятся. И что же останется тогда самому владѣльцу? Шипы!

Аглая Борисовна топнула нетерпѣливо подъ столомъ ножкой.

— Если владѣлецъ не умѣетъ достаточно цѣнить свой цвѣтокъ, то что же дѣлать цвѣтку, какъ не искать цѣнителей внѣ

цвѣтника? И, слава Богу, женскій вопросъ подвинулся у насъ уже настолько, что ни одинъ мужъ не рѣшится лишить жену свою этого, въ сущности, совершенно невиннаго удовольствія.

— Это еще бабушка на-двое сказала. Иной, пожалуй, распорядится и по-своему.

— Кулакомъ, что ли?

— Кулакомъ не кулакомъ, а какъ вотъ тотъ мавръ венеціанскій...

— Отелло?! кинжаломъ!

— Кинжаломъ или ножомъ—что сряду подъ руку подвернется.

Кудряшевъ и тутъ не возвысилъ голоса, но въ первый разъ у него послышалась глухая, зловѣщая нота. Воздушный шаръ достигъ облаковъ. Облака были грозовыя, насыщенныя электричествомъ, и всѣ мы, сидѣвшіе въ подвязанной къ шару лодкѣ, задержали духъ: вотъ-вотъ грянетъ! Съ минуту длилось тягостное молчаніе. Аглая Борисовна первая прервала его.

— Монахъ родился!—развязно разсмѣялась она, и, приникнувъ ухомъ къ донесшимся вдругъ изъ танцовальнаго зала звукамъ оркестра, радостно сорвалась съ мѣста.—Слышите, m-r Чердынскій? уже заиграли. Allons!

— Но это, кажется, полька?—сказалъ я:—а мелкихъ танцевъ я не танцую.

— Все равно,—пойдемте.

V.

Я имѣлъ теперь полное время насмотрѣться на нее вдосталь въ непосредственной близи. Да, она—настоящій цвѣтокъ, которымъ не грѣхъ и залюбоваться. Это—писанная красота, наша родная, русская, типъ древней молодой боярыни: лицо, во всѣхъ своихъ частяхъ, въ мѣру выхоленное, благородно-правильное, какъ на заказъ выточенное; глаза—небеснаго цвѣта, воловьи, и съ выраженьемъ воловьимъ, но не въ ущербъ цѣлому: не даромъ же и божественная супруга громовержца-Зевса величалась волоокой. Тутъ, дѣйствительно, ни румянъ не надо, ни сурьмы—*своя* красота. Густыя, свѣтлозолотистыя пряди волосъ—тоже *свои;* бюстъ, который могъ бы послужить моделью самому требовательному Фидіасу, — *свой;* тѣлодвиженія — *свои,* своеобразно-мягкія, естественно-граціозныя. Это — образцово-откормленная растительная натура, тепличный цвѣтокъ, но живой, недѣлан-

ный. Теперь мнѣ понятно, что Усольцевъ, испытанный «цвѣточныхъ дѣлъ мастеръ», отдалъ ему предпочтеніе передъ искусственнымъ, на проволокѣ, парижскимъ цвѣткомъ — Леонтиной. Но онъ бросилъ теперь и этотъ живой цвѣтокъ для бутона — Полиньки; очевидно, послѣдняя одержала верхъ не наружными качествами, а внутренними. Любопытно заглянуть и внутрь отверженнаго цвѣтка! Быть можетъ, онъ такъ пышенъ именно потому, что махровый, а махровые, вѣдь, какъ извѣстно, внутри пусты и безплодны?

Цвѣтокъ освободилъ меня отъ труда глубоко заглядываться и самъ мнѣ раскрылся.

— Не знаю, право, что это со мною?..—заговорила Аглая Борисовна. — Мнѣ вездѣ такъ душно... и голова кружится... Вѣрно отъ этого глупаго рому. Знаете, m-r Чердынскій... вѣдь, на васъ можно положиться, если Константинъ Дмитріевичъ выбралъ васъ своимъ другомъ? Мнѣ хотѣлось бы спросить васъ совсѣмъ по-дружески, откровенно. Вы, вѣдь, меня не осудите?

Подернутые маслянистою влагой, небесно-голубыя очи ея довѣрчиво-близко глянули мнѣ въ глаза; легкій, разговорный тонъ перешелъ въ таинственно-задушевный.

— Откровенность — «смягчающее обстоятельство»,—отвѣчалъ я,—и затѣмъ я не могу быть слишкомъ строгъ.

— У него отъ васъ, вѣроятно, нѣтъ тайнъ?

— У Усольцева? Онъ довольно сообщителенъ.

— Но обо мнѣ онъ вамъ говорилъ?

— Говорилъ.

— Подробно?

— Подробно.

— Такъ вотъ что... Мнѣ очень неловко, но время дорого... Вы, конечно, знаете, что онъ бываетъ у насъ, бываетъ очень часто, почти ежедневно?

— Слышалъ-съ.

— Такъ, значитъ, вамъ извѣстно и то, зачѣмъ онъ бываетъ?

— Извѣстно.

— Зачѣмъ же? говорите.

Какъ ни былъ заманчивъ случай дать новый толчокъ драматическому дѣйствію, но раздувать еще ревность моей собесѣдницы, при ея возбужденномъ состояніи, было бы грѣшно; къ тому же, я былъ и связанъ даннымъ пріятелю обѣщаніемъ «отвести ей глаза».

— Затѣмъ же,—отвѣчалъ я,—зачѣмъ онъ каждый день хо-

дилъ и въ домъ вашихъ родителей, когда вы не были еще замужемъ.

Озабоченныя черты Аглаи Борисовны просіяли удовлетвореннымъ самолюбіемъ. Она весело засмѣялась.

— А мнѣ, знаете, пришла вдругъ такая дикая мысль, будто бы ma belle-soeur... Ну, да все равно. Но я его вовсе не понимаю! Онъ, стало быть, такъ и не переставалъ...

— Любить васъ?

— Да.

— Видно, нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ въ такомъ случаѣ... ахъ, какой онъ глупый! Я этого ему никогда не прощу.

— Зачѣмъ онъ тогда въ Москву улизнулъ?

— Именно, улизнулъ! Я нарочно, вѣдь, выждала его. Еслибъ вы знали, сколько труда мнѣ стоило уговорить отца! Парфенъ Семеновичъ—человѣкъ страшно упрямый; далъ мнѣ сроку ровно два дня, отъ восьми часовъ вторника до восьми часовъ четверга, и я могла быть почти увѣрена, что если къ сроку не рѣшусь, то онъ возьметъ предложеніе свое назадъ. Но я сказалась сперва больною, потомъ уѣхала въ Царское-Село къ подругѣ, подъ предлогомъ, что та при смерти; потомъ нарочно устраивала всегда такъ, что у насъ каждый вечеръ былъ кто-нибудь, и онъ, Парфенъ Семеновичъ, никакъ не могъ застать меня одну; а онъ, какъ человѣкъ аккуратный, хотѣлъ имѣть отвѣтъ непремѣнно лично отъ меня. Дотянула! Constantin... Константинъ Дмитріевичъ, наконецъ, возвратился. Я узнала это чрезъ нашего человѣка, который былъ мнѣ совсѣмъ преданъ. Я послала записку; ждала-ждала цѣлый вечеръ—нѣтъ! не дождалась-таки, не послушался, злодѣй. На другой день, съ утра, я была какъ на угольяхъ. Меня точно что-то подталкивало самой разыскать его. Не встрѣчу ли хоть на улицѣ? Я поѣхала кататься. Представьте! точно судьба: на Невскомъ, вижу издали, мой Константинъ Дмитріевичъ идетъ по Гостиному и, вотъ, вошелъ въ книжный магазинъ. Но онъ вамъ, вѣрно, разсказывалъ тоже про эту нашу встрѣчу?

— Нѣтъ, не разсказывалъ. Свѣдѣнія мои заканчиваются бѣгствомъ его въ Москву.

— Такъ слушайте. Вы знаете начало, такъ знайте же и конецъ. Вхожу въ магазинъ. Онъ наклонился надъ прилавкомъ и разбираетъ ворохъ книгъ. Я подошла совсѣмъ близко: «Bonjour, monsieur!» Онъ вздрогнулъ, но, какъ всегда, сейчасъ же нашелся, отвѣсилъ мнѣ шутливо глубокій поклонъ: «Bonjour, mademoiselle.» Я отвела его къ окошку. «Почему васъ не было вчера, мило-

стивый государь? извольте отвѣчать безъ увертокъ».—«Потому что... во мнѣ для васъ уже нѣтъ надобности». Каковъ? еще издѣвается! «Скоро, очень скоро, можетъ быть, и не будетъ надобности. Но вамъ еще неизвѣстно, что мнѣ сдѣлано уже предложеніе?» Онъ поблѣднѣлъ и отвернулся къ окошку: «Поздравляю».—«Это вы говорите серьёзно? и больше ничего не имѣете сказать?»—«Могу только сказать, что партія очень выгодная, будете обставлены всѣми благами земными, будете какъ сыръ въ маслѣ кататься, а ужъ положиться на вашего будущаго можете—какъ на каменную гору». У меня горечь подступила къ сердцу, подступила къ горлу. «Какъ на каменную гору!—повторила я:—и по твердости, и по наружной отдѣлкѣ!» — «Отдѣлка самая прочная,—сказалъ онъ:—а что до твердости, то предложеніе его служитъ лучшимъ доказательствомъ его мягкосердія».—«Напротивъ, онъ сдѣлалъ только одинъ шагъ; теперь, когда я замѣшкалась, онъ сталъ, какъ вкопанный, и ни за чтó уже не подойдетъ».—«Такъ сдѣлайте, какъ Магометъ: когда гора не подошла къ нему, онъ самъ къ ней подошелъ. Имѣю честь кланяться». Онъ взялъ ручку двери. «А книги ваши?» говорю я.—«Въ другой разъ возьму».—«Но не зайдете ли къ намъ хоть сегодня вечеромъ?»—«Не имѣю, къ сожалѣнію, времени; слишкомъ занятъ. Мое почтеніе!» И чуть не бѣгомъ изъ магазина. Я ждала его до 11-ти вечера; въ 11-ть Парфенъ Семеновичъ имѣлъ мое слово. Могла ли я поступить иначе? Не правда ли? Послѣ того Константинъ Дмитріевичъ еще разъ, передъ свадьбой, былъ съ поздравительнымъ визитомъ. Я и боялась остаться съ нимъ tête-à-tête, и желала. Мнѣ надо было, во чтó бы то ни стало, въ послѣдній разъ вылить всю накипѣвшую горечь. Отецъ еще не выходилъ; maman вышла вонъ заказать кофе; мы остались съ нимъ одни. Какъ теперь помню: я стояла по одну сторону стола, онъ, съ chapeau claque подъ мышкою,—по другую. Долго мы стояли такъ, молча, оба опершись на столъ, исподлобья только взглядывая другъ на друга. Въ лицѣ его выражалась такая затаенная грусть и какъ-бы упрекъ... Я уже забыла, чтó хотѣла сказать ему. Я чувствовала только, что разгораюсь все больше и больше, что на глазахъ моихъ навертываются слезы. «Вы сердитесь на меня?» спросила я, и спросила невольно такимъ умоляющимъ тономъ, точно я передъ нимъ виновата, а не онъ передо мною. «За что же мнѣ сердиться?—сказалъ онъ:—я могу лишь принести вамъ глубочайшую благодарность за все то вниманіе, котораго до сихъ поръ удостоивался». Этакое самообольщеніе! Я уже не владѣла собой: «Не даромъ, говорю, maman

меня предостерегала: «не давай никому авансовъ, пока формально руки не попросятъ».—«А если человѣкъ благородный, то какъ же не довѣрять? Не обманетъ!» — «Будешь раскаяваться!»—«Не буду». И что же? Maman была права: теперь я узнала, чтó значитъ довѣряться *благороднымъ* людямъ, и—раскаяваюсь...» — «Напрасно! говоритъ, вы до сихъ поръ были свободны, и будущій мужъ вашъ не въ правѣ требовать отъ васъ отчета въ прежнихъ вашихъ симпатіяхъ».—«Или не достоинъ, по вашему мнѣнію? Вы думаете, что онъ мнѣ вовсе не нравится? что я ухватилась за него, какъ за соломинку, что не надѣялась больше найти себѣ мужа?»—«Я не считаю себя въ правѣ, говоритъ, доискиваться вашихъ тайныхъ мотивовъ; родители ваши васъ слишкомъ любятъ, чтобы выдать васъ насильно. Вы сами выбрали,—и, конечно, имѣли къ тому свои резоны».—«Имѣла: потому что онъ мнѣ нравится, потому что я безъ ума отъ него!» Константинъ Дмитріевичъ, молча, пожалъ плечами, точно сказать хотѣлъ: «На вкусъ мастера нѣтъ». Тутъ вошла maman, и разговоръ нашъ прервался. Вы, m-r Чердынскій, меня, можетъ быть, осудите; но, во-первыхъ, мнѣ такъ хотѣлось отмстить ему...

— И вы отмщены: онъ теперь какъ лиса передъ виноградомъ.

— Во-вторыхъ, я вѣдь въ самомъ дѣлѣ всей душой готова была полюбить своего мужа. Вы, пожалуй, мнѣ не повѣрите: онъ уже не молодъ, а главное—не имѣетъ манеръ, не только не знаетъ ѣсть, какъ слѣдуетъ, артишоковъ и спаржи, но даже вообще при ѣдѣ не можетъ обойтись одной вилкой, безъ ножа. Но сердцу моему надо было излить любовь свою, а онъ, человѣкъ почтенный и уважаемый, просто и честно предложилъ мнѣ свою руку, выбралъ меня спутницей на цѣлую жизнь, а вѣдь это, какъ хотите, для молодой дѣвушки лестно? Чувство, какъ положенное въ землю зерно, спитъ непробудно до перваго теплаго весенняго луча. Выборомъ своимъ мужъ мой отогрѣлъ въ груди моей это зерно, и оно пустило ростки и выглянуло на поверхность. Но тутъ вдругъ Константинъ Дмитріевичъ опять зачастилъ къ намъ въ домъ... Зачѣмъ, съ какой стати?

— Раскаивается, видно, въ своемъ прежнемъ малодушіи.

— Но мнѣ-то чтó дѣлать? скажите, ради Бога, мнѣ-то чтó дѣлать?

— Да ничего.

— Какъ ничего?

— Да такъ; какъ совѣтуетъ Крыловъ въ другой своей баснѣ:

«Полаетъ, да отстанетъ».

— Ахъ, вы меня не понимаете! Вѣдь я, можетъ быть, вовсе и не хочу, чтобъ онъ отсталъ... Господи ты, Боже мой! я не знаю, право, чтó и говорю... Вы не подумайте, пожалуйста... Это все отъ рому. Въ глазахъ даже комната кругомъ идетъ... Я не могу больше стоять...

Она пошатнулась, такъ что я долженъ былъ поддержать ее и отвести къ уютному угловому дивану.

— Вамъ пріятно слушать его лай?—началъ я опять, усаживаясь рядомъ съ нею.—Слушайте на здоровье; никто вамъ не мѣшаетъ.

— А мой Отелло? Меня всю еще въ дрожь бросаетъ, когда вспомню, какъ уставился онъ на меня... Онъ, право, кажется, въ состояніи зарѣзать!

— Что вы! Онъ, повидимому, васъ на рукахъ носитъ, все для васъ сдѣлать готовъ.

— О, да! Онъ не скупъ, онъ исполнитъ всякую мою прихоть, но какъ! Такъ, чтобы лѣвая рука о правой знала. Если принесетъ новый браслетъ, то сейчасъ же скажетъ цѣну. Войдетъ горничная—и той скажетъ. Выѣдемъ въ гости—и тамъ не преминетъ сказать. Расходъ свой по мелочамъ онъ соберетъ-таки назадъ.

— Перемелется—мука будетъ, прервалъ я ее.—Сами не замѣтите, какъ стерпитесь-слюбитесь.

— Вы меня просто не въ состояніи понять. Вѣдь у васъ-то сердце *патентованное:* какъ патентованный зонтикъ, его никакимъ вѣтромъ, никакой бурей не перевернетъ, не изломитъ.

— Да у васъ самихъ нѣтъ тоже ни вѣтра, ни бури,—сказалъ я:—тишь да гладь, да божья благодать.

— А онъ, пріятель вашъ,—не вѣтеръ, не буря? Безъ него я, можетъ быть, какъ-нибудь и свыклась бы. Но зачѣмъ онъ-то опять подвернулся? Я знаю, что онъ человѣкъ порядочный, что онъ уважаетъ моего мужа. Объясните, чего же ему надо отъ меня? Вѣдь я-то не патентованная!

Въ своенравномъ своемъ горѣ она, въ одно время, какъ будто и смѣялась, и плакала.

Чтó могъ я сказать ей? Одна коротенькая фраза: «Да вѣдь онъ любитъ не васъ, а вашу belle-soeur»—охладила бы, правда, въ мигъ ея пылъ. Но вынесетъ ли это ея уязвленное женское самолюбіе? Въ порывѣ отчаянья и досады, не выместитъ ли она на нихъ обоихъ свое горе, не разстроитъ ли нарочно самые законные планы моего друга? Пока я такъ колебался, въ разго-

ряченной головкѣ моей собесѣдницы, повидимому, уже созрѣло рѣшеніе.

— Вы читали, конечно, m-r Чердынскій, «Подводный камень?»—вдругъ спросила она меня.

— Читалъ.

— Осуждаете ли вы героиню?

— Она сама себя осудила, добровольно вернувшись къ мужу.

— Я бы ни за что не вернулась!—воскликнула Аглая Борисовна, и быстро поднялась съ дивана.—Съ вами не сговоришься. Но все, что мы говорили, остается, разумѣется, между нами?

— Разумѣется.

— Но вотъ что...

Она на минуту запнулась и невольно отвела въ сторону взоръ. Но вслѣдъ затѣмъ, храбрясь, рѣзво опять разсмѣялась.

— Вотъ что: васъ, какъ я очень хорошо замѣтила, заняла дѣтская болтовня моей belle-soeur; такъ танцуйте же съ нею и на этотъ разъ! Ну, что-жъ вы не благодарите?

— Покорнѣйше благодарю.

— Pas de quoi!

И съ граціознымъ жестомъ, означавшимъ, что аудіенція моя окончена, она ловко вильнула своимъ длиннымъ лисьимъ хвостомъ и съ шелковымъ шелестомъ поплыла обратно къ столовой.

VI.

До самой столовой, впрочемъ, идти ей не пришлось. Когда я, не торопясь, направился также къ дверямъ, то увидѣлъ ее еще въ концѣ анфилады комнатъ, а съ нею и остальныхъ, встрѣтившихся ей на полпути. По оживленности, съ которою Аглая Борисовна говорила съ мужемъ, я, не слыша еще ея словъ, издали уже догадался, что задуманный ею обмѣнъ кавалеровъ встрѣтилъ со стороны Парфена Семеновича положительный отпоръ. Я подошелъ ближе.

— Тутъ, матушка, и разсуждать-то не объ чемъ,—говорилъ съ методичнымъ апломбомъ Кудряшевъ:—ты возвратила господину Чердынскому свое слово; и затѣмъ входить въ какую-либо новую сдѣлку не была уже въ правѣ.

— Но мы только обмѣнялись съ Полинькой!—горячилась Аглая Борисовна, тщетно стараясь высвободить свою руку, которую онъ уже подложилъ подъ свою.

— А кто вамъ право-то далъ? Никакая сдѣлка безъ маклера не дѣйствительна; а маклеръ вашъ—я. Иди-ка впередъ, Полинька.

Полинька, не прекословя, молча поклонилась намъ съ Усольцевымъ и пошла впередъ. Аглая Борисовна, однакоже, еще не сдавалась.

— На чтó это похоже, mon cher!—корила она, понижая голосъ.—Видишь: на насъ даже оглядываются. Сдѣлай милость, играй себѣ въ свои карты.

— Карты—не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдутъ.

— А я уйду?

— Почемъ знать?

Тонъ его былъ настолько нешуточенъ, что Аглая Борисовна поняла: ѣхать ей, такъ ли, сякъ ли, придется. Она рѣшилась на компромиссъ:

— Будь по-твоему,—вздохнула она:—я поѣду. Только зачѣмъ же тебѣ самому безпокоиться, когда тебѣ некогда? Константинъ Дмитріевичъ охотно отвезетъ насъ.

Усольцевъ отвернулся, показывая видъ, что не слышитъ.

— Константинъ Дмитріевичъ, какъ видишь, самъ даже не предлагаетъ своихъ услугъ.

— А мнѣ непремѣнно надо переговорить съ нимъ.

— Въ другой разъ переговоришь.

— Нѣтъ, сегодня. Безъ того я не поѣду!

Парфенъ Семеновичъ близко наклонился къ уху жены и внушительно что-то шепнулъ ей. Внушеніе подѣйствовало. Молодая дама слегка измѣнилась въ лицѣ и съ задорной усмѣшкой кивнула Усольцеву:

— Прощайте, Константинъ Дмитріевичъ. Но мы съ вами все-таки еще переговоримъ.

Усольцевъ, насупившись, раздумчиво глядѣлъ въ слѣдъ удаляющимся.

— Чтó она хотѣла этимъ сказать?—пробормоталъ онъ, не то про себя, не то относясь ко мнѣ.

— Что она еще нынче же будетъ у тебя,—шутя отвѣчалъ я.—Съ чѣмъ тебя и поздравляю.

— Чтó ты! чтó ты!—не на шутку всполошился онъ.—Съ чего ты взялъ?

Я передалъ ему отъ слова до слова разговоръ свой съ Аглаей Борисовной; въ заключеніе же долженъ былъ еще употребить не мало краснорѣчія, чтобы доказать всю невѣроятность побѣга ея отъ мужа и тѣмъ хоть нѣсколько успокоить моего впечатлительнаго пріятеля.

Который, однако же, часъ?

Уже пятый въ исходѣ! Вотъ что значитъ записаться. Спасибо еще, что для летучихъ своихъ замѣтокъ на судебныхъ преніяхъ стенографію изучилъ: и теперь службу сослужила; пиши обыкновеннымъ письмомъ—прописалъ бы до утра, до обѣда.

Ну, за то теперь какъ обуза съ плечъ; все, что каменной грудой давило душу, камень по камню аккуратнѣйшимъ образомъ разобралъ, свалилъ на бумагу—и въ ящикъ.

Все ли?

Какъ-будто все. Добросовѣстно и прямодушно изложилъ, кажется, всѣ отдѣльные эпизоды, гдѣ выказывалась моя чрезмѣрная чувствительность—къ «другу» и... и къ другимъ. Но одно въ особенности при этомъ возвышаетъ мой духъ, это—сознаніе, что, рядомъ съ чувствительностью, во мнѣ въ теченіи всего времени не засыпала моя наблюдательная способность, что я, подобно естествоиспытателю, съ научною цѣлью крошащему кошекъ и лягушекъ, имѣлъ достаточно хладнокровія съ тою же цѣлью потрошить духовнымъ скальпелемъ кошекъ и лягушекъ рода человѣческаго. И запасъ моихъ судебно-психическихъ наблюденій немного, а таки-обогатился.

Но если все свалено и улажено, то почему же внутри меня все-таки еще что-то копошится, ворошится, ноетъ, не даетъ покою? Чего-то какъ-будто передъ самимъ собою совѣстно, и не охота сознаться...

Рѣшился казниться—такъ и казнись. Не могу я одного забыть: что эта крошка приравняла меня къ оруженосцу черногорскаго князя! Точно я изъ-за удовольствія своего накидываюсь на подсудимыхъ, а не по долгу службы? Вотъ дурочка-то! смѣетъ еще возбуждать сомнѣніе въ правильномъ отношеніи моемъ къ своему дѣлу! Просто дѣвчонка, ребенокъ...

Ребенокъ-то ребенокъ; а почему же, чуть только я зажмурюсь, все она да она возстаетъ предо мною? словно эта тоненькая фигурка съ ребяческой головкой, съ довѣрчиво-пугливыми глазками, нарочно меня дразнитъ, но дразнитъ какъ-то дѣтски-мило, наивно, такъ что даже не обидно на нее, а только на себя... И даже пріятно жмуриться и разсматривать ее, какъ любопытнаго заморскаго звѣрка. И въ голову, откуда нивѣсть, налетаютъ вдругъ и роятся, точно пчелки, разныя дикія мысленки, медоносныя и въ то же время съ острымъ жаломъ; роятся, жужжатъ, улетаютъ и вновь налетаютъ гурьбой; и всѣ-то вертятся около одной пчелы, самой крупной, стройной, царственной, около

своей пчелиной матки, и царица-матка эта—не кто иная, какъ все *она* же!

Чтó сонъ сей означаетъ? Аглая Борисовна говорила о зернѣ подъ землей, которое всходитъ на поверхность при первомъ весеннемъ лучѣ. Неужли же и во мнѣ есть такое зерно, и эти лучезарные дѣтскіе глазёнки отогрѣли его, пробудили къ жизни?

Пустяки! другъ мой первымъ заявилъ притязанія на ея особу, и затѣмъ не можетъ быть уже и рѣчи о какихъ-либо притязаніяхъ съ моей стороны; да и сердце у меня патентованное; а виновата одна моя чувствительность, эстетика; да, вотъ настоящее-то слово: «*эстетика*»! Что-жъ! отчего и не полюбоваться на эстетическое произведеніе?

Но чтò же меня внутри-то сосетъ? Не только совѣсть, а и злоба какая-то. Чтó это? Зависть?—Глупости! Можно любоваться эстетической вещицей, и не обладая ею.

Вотъ зарапортовался-то! Просто засидѣлся черезчуръ на стулѣ, прогулялъ сонъ: всякая чертовщина въ голову и лѣзетъ.

Пора спать. Какъ бы только заснуть! А то вѣдь впередъ знаю: лишь закрою глаза, какъ опять...

Ни слова больше...

Второй день.

I.

«Горе побѣжденнымъ!»

Но я еще не совсѣмъ побѣжденъ, не сдался на капитуляцію; я вò-время только уклонился отъ боя и «благородно ретировался».

«Благородно» ли?

Надо идти на чистоту. Вчера началъ казниться; сегодня, когда я не только не выказалъ мужества черногорца, а, напротивъ, далъ обуять себя какою-то необъяснимою паникой,—казниться самъ Богъ велѣлъ. Меня даже не радуетъ новый драгоцѣнный фактъ, которымъ обогатилась сокровищница моей судейской практики. Вчерашняя, повидимому, мелкая мелодрама разыгралась нежданно-негаданно въ кровавую трагедію: то, чтó я принималъ за невинный бенгальскій огонь, оказалось вспышкой зажигательной нити къ скрытому пороховому складу; складъ взорвало, и одно изъ дѣйствующихъ лицъ взлетѣло на воздухъ. Какой богатѣйшій матеріалъ для безпристрастнаго спеціалиста-наблюдателя! Но я не съумѣлъ, не хотѣлъ, не былъ въ состояніи

воспользоваться этимъ матеріаломъ! вдругъ закружился, закружился и спасовалъ... Чтó же меня подрѣзало? Эстетика,—все она же!

Чего я опасался, ложась спать, тó и сбылось: чуть сомкнулъ вѣки, какъ опять всплылъ передо мною образъ этой дѣвочки, да точно въ ореолѣ.

Отвернулся я къ стѣнѣ, зажалъ рукой глаза, зажалъ такъ крѣпко, что даже больно стало, и забѣгали круги. Отогналъ!

Но въ ушахъ, какъ колокольчики, начинаютъ звенѣть отдѣльныя ея фразы, и невольно какъ-то вслушиваешься. Это вѣрно оттого, что написалъ сейчасъ на память весь разговоръ! Теперь каждое словечко такъ и врѣзалось, точно въ мозгъ себѣ вписалъ. И строятся словечки эти по-солдатски, въ рядъ, и чинно, взводъ за взводомъ, маршируютъ мимо меня, какъ мимо командира. Вотъ прошли.

«Налѣво кругомъ, маршъ!»

Повернули такъ же стройно назадъ, и затѣмъ съ музыкой, съ барабаннымъ боемъ, проходятъ мимо въ третій разъ.

«Бѣгомъ!»

И понеслись, сломя голову, бѣглымъ шагомъ.

Заснулъ я уже на разсвѣтѣ.

Само-собою разумѣется, что когда опять проснулся (а проснулся я позднѣе обыкновеннаго—часу въ одиннадцатомъ), то передъ трезвымъ дневнымъ свѣтомъ улетучилась вся эта дребедень, и началъ я день свой такъ же хладнокровно, систематично, какъ всегда, прозаическимъ бритьемъ.

За этимъ же занятіемъ застала меня еще и моя «японская тѣнь» —Ахиллъ Ивановичъ Когортовъ. Онъ—самая исправная «тѣнь», какую только могъ бы пожелать себѣ первостатейный актеръ королевскаго театра въ Іеддо. Онъ не лѣзетъ публикѣ на глаза, скромно держится въ тѣни, какъ разъ позади своего актера, но смѣтливо и расторопно—сейчасъ подъ рукой, когда мнѣ, его актеру, требуется подать что-нибудь.

Особенно выдвигаться на видъ ему, правда, и не приходится: внѣшностью слишкомъ не казистъ; онъ—горбунъ или почти горбунъ: карликъ ростомъ и сильно сутуловатъ. Но, какъ обыкновенно бываетъ съ тѣлесно-обиженными природой, онъ смышленъ и даровитъ, а сознаніе своей непривлекательности какъ для прекраснаго пола, такъ отчасти и для не-прекраснаго, сдѣлало его болѣзненно-раздражительнымъ, пріучило его къ скрытности и подозрительности—основнымъ качествамъ, требуемымъ отъ ищейки. Я могу поставить себѣ въ заслугу, что первый открылъ въ немъ эти драгоцѣнныя свойства, когда онъ состоялъ еще кандидатомъ

на судебныя должности. Благодаря мнѣ, онъ на второй же годъ службы утвержденъ судебнымъ слѣдователемъ, и, при всей юности своей, теперь едва ли не самая тонкая лиса изъ всѣхъ судебныхъ лисъ.

Но если я его лелѣю какъ зеницу ока, то и онъ съ своей стороны понимаетъ, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ. Быть можетъ, у него тутъ не столько благодарность и уваженіе къ моей опытности, сколько холодный разсчетъ (кто его знаетъ? лиса!), но по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ни одного важнаго шага онъ не ступалъ безъ меня.

Иные пуристы назвали бы это, пожалуй, *давленіемъ* съ моей стороны; но я стою на твердой почвѣ закона, ибо не только въ правѣ, по закону, *требовать* дополненія предварительнаго слѣдствія, но въ правѣ *присутствовать* при *всѣхъ* слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, а слѣдователь обязанъ исполнять всѣ мои законныя *требованія*. Я и *присутствую*, гдѣ нужно; оффиціально же *требовать* (съ отмѣткою въ протоколѣ) не имѣю надобности лишь потому, что неоффиціально данное мною по дѣлу мнѣніе впередъ принимается уже къ свѣдѣнію и руководству.

Такой порядокъ, между прочимъ, цѣлесообразенъ и въ томъ отношеніи, что часто дѣло, направлявшееся мною негласно при предварительномъ слѣдствіи, затѣмъ гласно поступаетъ ко мнѣ же, обвинителю, въ каковомъ случаѣ всѣ нити самаго запутаннаго казуса уже въ моихъ рукахъ, какъ повода отъ десятка лошадей въ рукахъ опытнаго берейтора въ циркѣ.

Сегодня—день воскресный, часъ былъ не визитный, и потому визитъ моей «тѣни», притомъ безъ всякаго вниманія къ неоконченности моего туалета, могъ быть объясненъ не иначе, какъ особенною неотложностью и чрезвычайностью дѣла. А таинственно-веселый видъ горбуна и то самодовольство, съ которымъ онъ, подходя ко мнѣ, потиралъ свои уродливо-костлявыя ручёнки съ нервно-обгрызанными ноготками, подтверждали только это предположеніе.

Не стѣсняясь его присутствіемъ, я продолжалъ скоблить свой подбородокъ и коротко поставилъ вопросъ:

— Убійство?

Онъ почтительно усмѣхнулся, обнажая при этомъ свои блеклыя дёсны и испорченные лекарствами зубы:

— Убійство-съ.

— Холоднымъ оружіемъ?

— Холоднымъ-съ.

— Въ богатомъ семействѣ?

— Да-съ.

— Изъ ревности?

Онъ былъ уже немножко озадаченъ и, съ секунду помолчавъ, отвѣчалъ:

— Изъ ревности. Но кто убитъ, отгадаете ли: мужчина или женщина?

— Молодая дама.

— Вѣрно-съ! А кѣмъ?

— Немолодымъ мужемъ.

— Да вы почемъ все это знаете, Павелъ Алексѣичъ?

— Святымъ духомъ! На что же намъ, рыцарямъ духа, и дана наша высшая сообразительность? Я, пожалуй, назову вамъ и фамилію убійцы: его зовутъ Кудряшевымъ.

Когортовъ даже руками развелъ.

— Вы вѣрно отъ кого-нибудь слыхали.

Я опустилъ бритву. Надо было нѣсколько успокоить нервы: невольное дрожаніе руки могло выдать внезапное душевное волненье. Какое-то смутное вдохновеніе, судейскій инстинктъ водили мною при первыхъ догадкахъ; я шелъ ощупью, и фамилію Кудряшева произнесъ даже полу-шутя, наугадъ. Оказалось, что я попалъ какъ разъ въ цѣль, въ центръ мишени, и въ тотъ же моментъ взвилась сигнальная ракета! Хоть я и отрѣшился давно отъ всякихъ сентиментальностей, но по неволѣ содрогнулся, когда почти безсознательно угадалъ смерть лица, которое за нѣсколько часовъ назадъ видѣлъ здравымъ и невредимымъ. Предъ «тѣнью» своею, однакоже, мнѣ нельзя было выказывать такую непростительную слабость, и, тутъ же овладѣвъ собою, я отвѣчалъ обыкновеннымъ ровнымъ тономъ:

— Ни отъ кого не слыхалъ. Но вчера вечеромъ случайно видѣлъ ихъ обоихъ въ клубѣ...

— Вы съ ними близко знакомы?

— Нѣтъ, въ первый разъ видѣлъ; но Кудряшевъ въ порывѣ ревности прямо высказалъ женѣ, что, въ случаѣ чего, можетъ разыграть и роль Отелло.

Горбунъ лукаво опять осклабился.

— Однакожъ не совсѣмъ сдержалъ слово! Знаете ли, чѣмъ онъ ее пырнулъ?

— Чѣмъ? не кинжаломъ?

— Нѣтъ-съ.

— И не ножомъ?

— Не угадаете-съ. Съ легкой руки Абдулъ-Азиса, нынче пошелъ въ моду совсѣмъ иной инструментъ.

— Ножницы?

— А то какъ же-съ? Нельзя-съ; не отставать же отъ вѣка!

— И что же, она и не пикнула? сейчасъ до̀ смерти добилъ?

— Не пикнула, нѣтъ-съ; а до̀ смерти ли? Это съ какой стороны взять: de facto — пожалуй до̀ смерти, de jure же — non, ибо фактъ юридически нами еще не констатированъ, не санкціонированъ.

— Ну, будетъ намъ шутить, Ахиллъ Иванычъ, — сказалъ я серьёзно. — Разскажите-ка, что̀ вамъ пока извѣстно?

Свѣдѣнія его были довольно скудны.

Сегодня, часу въ восьмомъ утра, Кудряшева найдена бездыханною на полу спальни, плавающею въ собственной крови. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, тоже весь въ крови, лежалъ ея мужъ. Но то̀ была не его кровь: на немъ не было и царапинки; то̀ была кровь его жертвы. Что она была именно *его* жертвою — не могло быть сомнѣнія: въ правой рукѣ своей онъ держалъ еще окровавленныя ножницы. Хотя онъ и не сознался въ убійствѣ, но и не отрицалъ его: въ самый моментъ преступленія его, повидимому, поразилъ параличъ, какъ реакція чрезмѣрной натуги всей нервной системы. Какъ не могъ онъ уже разжать своихъ пальцевъ, державшихъ оружіе преступленія, такъ точно не могъ связать и двухъ словъ: у него отнялся языкъ и спуталась мыслительная способность.

Данныя эти молодой слѣдователь извлекъ изъ нескладнаго рапорта городового, присланнаго за нимъ изъ участка. Но предварительно отправленія своего на мѣсто дѣйствія, онъ, Когортовъ, почелъ для себя все же обязательнымъ завернуть еще ко мнѣ, на случай, если я призналъ бы казусъ достойнымъ моего вниманія и пожелалъ бы пособить ему, Когортову, изловить главную хищную рыбу, которая, впрочемъ, судя по всему, сама далась уже въ сѣть.

— Такихъ ли мы еще рыбокъ ловили! — заключилъ онъ. — Пока сѣти наши были ветхи, намъ, рыбакамъ, конечно, приходилось плохо: ловилась одна мелюзга; крупная рыба прорывалась. Ну, а теперь всѣ гнилыя нити и петли возобновлены, и теперь ни одной акулѣ, ни одному киту не улизнуть отъ насъ.

— Кудряшевъ — ни китъ, ни акула, это вѣрно, — сказалъ я: — развѣ зубастая щука; и я не сомнѣваюсь, что вамъ, Ахиллъ Иванычъ, не будетъ стоить никакого труда изловить его. Но я все же благодаренъ вамъ, что не забыли меня, и буду присутствовать при уловѣ, въ виду того, что здѣсь стимуломъ къ преступленію была не грубая страсть къ наживѣ, а страсть тонкая,

благородная—супружеская ревность. Такіе случаи всегда поучительны, потому что даютъ для будущихъ однородныхъ казусовъ многообразныя, для простого глаза едва уловимыя черточки, путеводныя нити, паутинки.

— А у васъ, Павелъ Алексѣичъ, и имѣются уже такія паутинки,—подхватилъ Когортовъ:—подобрали вчера въ клубѣ. Не будете ли столь добры сообщить мнѣ, чтобы я по нимъ, какъ по клубку Аріадны, тѣмъ легче добрался до своей щуки-Минотавра?

Вчерашнія паутинки, кромѣ супруговъ Кудрашевыхъ, мимоходомъ зацѣпили и двухъ другихъ лицъ: Усольцева и Полиньку, и мнѣ, понятно, было нежелательно безъ нужды впутать и ихъ въ общую сѣть. Кстати же я могъ сослаться на подлежащую статью судебныхъ уставовъ.

— Вы—Тезей, не спорю,—сказалъ я:—но я-то—не Аріадна: если я дамъ вамъ теперь допрашивать меня въ качествѣ свидѣтеля, то уже тѣмъ самымъ лишу себя права вести впослѣдствіи дѣло въ качествѣ прокурора. Но вы, разумѣется, обойдетесь и безъ моихъ паутинокъ: задача ваша вовсе не такой сложный лабиринтъ, для котораго нуженъ непрерывный клубокъ; она скорѣе—простой ребусъ, и если я вручу вамъ еще ключъ къ нему, то ребусъ потеряетъ для васъ всякую занимательность.

— Идетъ!—воскликнулъ молодой слѣдователь.—Но съ своей стороны позвольте-ка и мнѣ поставить вамъ условіе. Можно-съ?

— Говорите.

— Вы отказываетесь помочь мнѣ разрѣшить ребусъ. Такъ, пожалуйста, ужъ не помогайте и послѣ: пусть честь разрѣшенія будетъ принадлежать исключительно мнѣ.

Чтó это онъ, птенецъ, не думаетъ ли ужъ воспользоваться удобнымъ случаемъ ускользнуть изъ-подъ моей опеки, испробовать самостоятельно силу своихъ крылышковъ? Коли оперился—отчего бы и не дать воли? но случай-то слишкомъ деликатный.

— Пока оставимъ вопросъ открытымъ,—сказалъ я:—а тамъ увидимъ.

Такимъ образомъ, до сихъ поръ я не ронялъ еще себя даже въ собственныхъ своихъ глазахъ. Мы сѣли въ сани и поѣхали.

II.

Около небольшого, двухъ-этажнаго барскаго дома толпилась кучка зѣвакъ. Передъ подъѣздомъ прохаживался, огрызаясь, городовой. Завидѣвъ насъ, онъ вдругъ засуетился и засновалъ по толпѣ взадъ и впередъ.

— Куда вы ломите, господа? Разойдитесь, сдѣлайте такую милость... Честью васъ просятъ...

— Спасибо, что честью!—раздалась насмѣшка:—по меньшей мѣрѣ, знáть будемъ, гдѣ ее искать: въ полицейскихъ локтяхъ да кулачищахъ.

Дружный хохотъ толпы былъ шутнику наградой.

Сани наши остановились. Городовой проворно отстегнулъ полость и затѣмъ вновь метнулся въ толпу.

— Право же, господа, разойдитесь!—вѣдь не представленье какое...

— Circulez, messieurs, circulez!—передразнилъ тотъ же голосъ:—не представленье, а по билетамъ (сирѣчь — кредитнымъ) таки-впускаютъ.

Я невольно оглянулся на насмѣшника. Онъ оказался не изъ простолюдиновъ, а съ цилиндромъ на-бекрень, съ тросточкой въ рукѣ и даже одноглазкой въ прищуренномъ глазу. Весь нарядъ его, неряшливый и потертый, свидѣтельствовалъ краснорѣчиво о лучшихъ временахъ. Онъ не былъ старъ, но и не молодъ; болѣе опредѣлительно угадать его возрастъ было трудно, потому что неправильная жизнь наложила на его—не лишенную, впрочемъ, ума—физіономію слишкомъ темный (въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ) отпечатокъ. И въ данную минуту онъ, повидимому, находился подъ нѣкоторымъ вліяніемъ винныхъ паровъ.

Замѣтивъ, что взоръ мой остановился на немъ, онъ тотчасъ же выступилъ впередъ и, не безъ ловкости кружа въ воздухѣ тросточкой, чрезвычайно развязно, въ развалку, подошелъ ко мнѣ.

— Позвольте полюбопытствовать: вы—прокуроръ?

— Товарищъ прокурора; а на чтó вамъ?

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, не скромничайте,—величайтесь полнымъ рангомъ. На чтó было бы похоже, ежели бы подполковника въ общежитіи именовали: «господинъ подполковникъ!» Въ душѣ вы себя, разумѣется, чувствуете полковникомъ, а можетъ, даже и генераломъ — Excellence!

Я молча вымѣрилъ его холоднымъ взглядомъ и повернулся,

чтобы идти. Онъ уже успѣлъ встать въ дверь дома и заградилъ мнѣ проходъ.

— Нѣтъ, вы должны меня выслушать, votre Excellence... виноватъ!—господинъ прокуроръ. Отчасти вѣдь я собратъ вамъ. Я тоже чиновалъ — хоть и не у дѣлъ, отставной дѣятель блаженной памяти Управы Безч.... Молчокъ! de mortuis aut bene, aut nihil. Теперь же вы видите во мнѣ воскресшаго изъ пепла феникса — ходатая по дѣламъ, правда, пока оффиціально непризнаннаго, но въ свое время имѣющаго быть признаннымъ. Независимо же отъ того, я — непремѣнный членъ отъ литературы, постоянный сотрудникъ и репортеръ разныхъ газетъ.

— Такъ что же вамъ?

— Такъ вотъ-съ, не соблаговолите ли разрѣшить мнѣ тоже однимъ глазкомъ заглянуть туда, въ обитель скорби и печали?

Онъ указалъ тросточкой на второй этажъ.

— Не считаю себя въ правѣ,—отвѣчалъ я.

— А почему же другихъ-то пускаютъ?

— Другихъ?

— Да-съ. Только, правда, при помощи входныхъ билетовъ экспедиціи государственныхъ кредитныхъ бумагъ. Такъ при мнѣ еще взошла и вышла нѣкая привилегированная особа женскаго сословія.

— На это обстоятельство будетъ обращено вниманіе кого слѣдуетъ; съ своей стороны я не могу впустить васъ.

— Но примите въ соображеніе, господинъ прокуроръ, какъ важно для столь животрепещущаго органа гласности...

— Къ сожалѣнію, ничего не могу для васъ сдѣлать. Позвольте-ка намъ пройти.

Не оборачиваясь, я поднялся съ своей «тѣнью» по лѣстницѣ, устланной ковромъ, уставленной цвѣтами. На верхней площадкѣ встрѣтилъ насъ околоточный.

Приложившись рукой къ козырьку, онъ доложилъ, что принялъ всѣ необходимыя предварительныя мѣры: вытребовалъ сюда полицейскаго врача, который уже на-лицо, добылъ понятыхъ, которые также на-лицо—но что, по семейнымъ обстоятельствамъ, самъ онъ никоимъ образомъ не могъ тотчасъ же по полученіи извѣстія о происшествіи прибыть на мѣсто; между тѣмъ, когда затѣмъ прибылъ, нѣкоторые слѣды преступленія оказались уже уничтоженными: убитая умыта, переодѣта, перенесена на диванъ; убійца точно также приведенъ въ надлежащій видъ и препровожденъ на другой конецъ квартиры; окровавленный полъ вы-

мыть щелокомъ, — и все въ комнатѣ вообще приведено въ порядокъ.

— По чьему распоряженію? — спросилъ я.

— По распоряженію единственной теперь хозяйки дома — подростка-сестрицы господина Кудряшева.

Когортовъ обмѣнялся со мною многозначительнымъ взглядомъ.

— Паутинка!—лаконически замѣтилъ онъ.

— Просто неумѣстная чистоплотность, — поправилъ я. — А предупредили ли вы, господинъ надзиратель, вашихъ подчиненныхъ, чтобы до прибытія вашего отнюдь ничего въ домѣ не трогали?

— Предупредилъ-съ. Но изволите ли видѣть, господинъ прокуроръ...

— Въ настоящее время объясненія пока излишни,—остановилъ я его. — Обстоятельства лучше всего покажутъ, кто и въ какой мѣрѣ причастенъ въ допущенныхъ отступленіяхъ отъ предписаннаго закономъ порядка. Больше вы сами ничего не замѣтили?

— Еще вотъ что̀-съ: та же сестрица господина Кудряшева настояла на томъ, чтобы докторъ еще до васъ осмотрѣлъ рану покойницы.

— И онъ осмотрѣлъ?

— Осмотрѣлъ-съ.

— Паутинка!—повторилъ Когортовъ.

При всей моей сдержанности, я на этотъ разъ не вытерпѣлъ.

— Вы нынче, Ахиллъ Иванычъ, что-то очень экспанзивны? — сказалъ я; затѣмъ вновь обратился къ околоточному: — Еще что́?

— Больше ничего-съ.

— А постороннихъ никого не впускали?

— Никакъ нѣтъ-съ. Хотя и разные знакомые господъ Кудряшевыхъ уже навѣдывались, хотѣли поклониться покойницѣ, но никто не былъ впущенъ, всѣ отъѣхали-съ ни съ чѣмъ.

— Всѣ ли? До моего свѣдѣнія дошло, что одну даму вы будто бы пропустили?

Околоточный мой оторопѣлъ.

— Не я-съ, господинъ прокуроръ! Если, можетъ статься, впустили, то еще до меня-съ. Да притомъ же, смѣю доложить, этихъ барынь не всегда и удержишь: берутъ что́-называется, нахрапомъ-съ.

— Это ужъ ваше дѣло. На подобные случаи у васъ должны быть инструкціи. Считаю, впрочемъ, небезполезнымъ поставить васъ теперь же въ извѣстность, что, по отзыву очевидцевъ, кое-

кто изъ вашихъ подчиненныхъ позволилъ себѣ принять отъ этой самой барыни благодарность.

— Не можетъ быть-съ! Клевета-съ!

— Полагаю, вы не сомнѣваетесь, что я это слышалъ? Можетъ быть, тутъ недоразумѣніе. Это опять въ свое время выяснится. Но пока вамъ не мѣшаетъ повнимательнѣй слѣдить за вашей командой.

И, кивнувъ головой, я пошелъ-было дальше. Онъ еще разъ меня окликнулъ:

— Виноватъ, господинъ прокуроръ!

Я вопросительно оглянулся.

— Позвольте надѣяться, господинъ прокуроръ, что дѣйствія полиціи въ этомъ дѣлѣ не будутъ имѣть непріятныхъ послѣдствій?

— *Бездѣйствіе* полиціи, хотите вы сказать?

— Да-съ. Но, какъ я имѣлъ уже честь доложить вамъ, нами приняты были всѣ мѣры...

— Если были приняты, то о послѣдствіяхъ для васъ и разговору быть не можетъ; если же не были приняты, то—не взыщите. Вы помните подлежащую статью: «Когда до прибытія на мѣсто происшествія судебнаго слѣдователя, слѣды преступленія могли бы изгладиться, полиція замѣняетъ судебнаго слѣдователя».... Такъ-съ?

— Такъ-то такъ...

— А другая статья еще опредѣлительнѣе: «До прибытія судебнаго слѣдователя, полиція принимаетъ необходимыя мѣры, чтобы предупредить уничтоженіе слѣдовъ»... Вѣрно-съ?

— Вѣрно....

— Намъ съ вами къ этому ни іоты ни прибавить, ни убавить. Поставьте себѣ вопросъ: въ точности ли соблюдены эти статьи? и если вы въ состояніи отвѣтить утвердительно, то можно васъ только поздравить.

— Но если бы ходъ дѣла оттого вовсе не замедлился, не пострадалъ, господинъ прокуроръ...

— Все равно. Для васъ вопросъ не въ фактическихъ послѣдствіяхъ судебнаго разслѣдованія, а въ сознаніи, что васъ отнюдь нельзя упрекнуть въ неисполненіи вашего долга; вопросъ—въ принципѣ.

Я нарочно такъ обстоятельно воспроизвожу здѣсь весь разговоръ свой съ этимъ господиномъ, чтобы нагляднѣе убѣдить себя, что до-поры-до-времени, доколѣ возможно было, я держался на уровнѣ своего призванія. Представитель полиціи и носъ повѣсилъ, и не смѣлъ уже меня удерживать.

III.

Въ передней, просторной и свѣтлой, мы были встрѣчены молодою горничной съ заплаканными глазами, которая услужливо и ловко сняла съ насъ шубы. У однѣхъ изъ дверей (какъ оказалось потомъ—въ спальню, гдѣ лежало тѣло) стояла на часахъ полицейская статуя съ бляхой. Въ окнѣ на подоконникѣ сидѣлъ знакомый мнѣ участковый врачъ, который, увидѣвъ меня, пошелъ-было ко мнѣ на встрѣчу; но ранѣе его отвѣсили мнѣ земной поклонъ два бородача—понятые, переминавшіеся тутъ же около входныхъ дверей: я обратился прежде къ нимъ. Одинъ былъ содержателемъ сосѣдней мясной, другой—мелочной лавки. Коротко и ясно внушилъ я имъ ихъ первую обязанность — не умничать, не разѣвать рта, пока ихъ не спросятъ, и вторую—глядѣть въ оба, чтобы послѣ безъ толку не оспаривать протоколовъ, къ которымъ имъ придется руку приложить. Затѣмъ, уже повернулся къ старику—доктору. Тотъ терпѣливо ждалъ своей очереди и пріятельски-крѣпко потрясъ мнѣ руку.

— Жаль, право, г-нъ прокуроръ, что мы видимся только при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ.

Онъ родомъ изъ остзейскихъ губерній, но живетъ въ Петербургѣ безвыѣздно уже лѣтъ сорокъ, и потому объясняется порусски свободно, только съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Вы, докторъ, говорятъ, уже видѣли тѣло?

— Какъ-же-съ. А вотъ и протоколъ.

Онъ подалъ мнѣ сложенный вчетверо листъ бумаги. Я развернулъ.

Протоколъ былъ написанъ довольно уже тряскимъ, но когда-то, видно, каллиграфически-аккуратнымъ почеркомъ, съ характерными готическими завитушками.

— Да вы не разберете моихъ каракуль,—благодушно замѣтилъ старикъ.—Позвольте-ка, я самъ прочту вамъ.

Онъ взялъ опять изъ рукъ моихъ листъ, досталъ изъ бокового кармана потертый футляръ для очковъ, вынулъ золотыя очки, на изгибахъ перевязанныя для прочности желтой шелковинкой, насадилъ ихъ себѣ на сухой, крючковатый носъ и принялся аккуратно, съ разстановкой, читать намъ свое писаніе.

Тамъ значилось, что на «тѣлѣ» не найдено никакихъ знаковъ насилія, кромѣ одной раны, которая длиною въ 1 дюймъ, глубиною въ $4^1/_2$ дюйма, съ ровными, острыми краями, нанесена обоюдоострымъ оружіемъ, между третьимъ и четвертымъ ребромъ. Ору-

жіе прорѣзало сердечные покровы и проникло въ правый желудочекъ сердца. Смерть должна была послѣдовать мгновенно. Судя по виду запекшейся крови и окоченѣлости всѣхъ членовъ, съ момента смерти до освидѣтельствованія, произведеннаго въ 10 часовъ утра, прошло часовъ десять.

— Тутъ, кажется, нѣчего прибавлять? — спросилъ докторъ, взглядывая на насъ обоихъ, на меня и «тѣнь» мою, поверхъ очковъ.

— Нѣчего,—должны были единогласно признать мы.

— Очень радъ. И волки, значитъ, сыты, и овцы цѣлы. Вы, господа, конечно, не въ претензіи, что я васъ въ волки пожаловалъ? — добродушно улыбнулся старикъ, похлопывая насъ по спинѣ—меня одной рукою, Когортова—другою.

— Помилуйте! даже очень благодарны!... Но позвольте-ка еще разъ заглянуть въ вашъ протоколъ....

— Форменъ-ли? все какъ требуется. Можете удостовѣриться, молодой человѣкъ.

Сѣдовласый врачъ говорилъ съ юнымъ слѣдователемъ покровительственно и доброжелательно, какъ дѣдъ съ внукомъ. Слѣдователь же сознавалъ себя равнымъ съ нимъ общественнымъ дѣятелемъ и закинулъ въ протоколъ ястребиный взоръ.

— Что эти двѣ свидѣтельницы, подписавшіяся вмѣстѣ съ вами, замужнія?

— Одна—замужняя, другая—вдова. Вы не думаете ли, что я позволю себѣ такой грубый промахъ—пригласить дѣвицу?

— Но почему вы, докторъ, не обождали насъ? точно поспѣшили...

— Поспѣшилъ.

— Нарочно?

— Нарочно.

— Зачѣмъ?

— Да вѣдь протоколъ, какъ есть, по формѣ? имѣетъ полную законную силу?

— Согласенъ. Но я, какъ слѣдователь, могъ дать вамъ ближайшія указанія, на что при осмотрѣ желательно обратить особенное вниманіе.

Старикъ-докторъ лукаво прищурился.

— Въ статьѣ, на которую вы ссылаетесь, прямо говорится, что вы даете указанія врачу только *«по его требованію»*. А мнѣ они не требовались: васъ, милѣйшій мой, и на свѣтѣ-то не было, какъ я уже осмотрѣлъ тысячу-другую мертвыхъ тѣлъ.

— Вы, докторъ, не отвѣчаете прямо на вопросъ. Вѣдь васъ спеціально просили осмотрѣть тѣло до насъ?

— Просили,—и имѣли къ тому право...

— Но вы знаете ли, зачѣмъ васъ объ этомъ просили? Вѣдь, можетъ статься, тутъ былъ умыселъ!

— Былъ, несомнѣнно; но только самый чистый. Вамъ, господинъ слѣдователь, который годъ?

— Двадцать-четвертый.

— А та особа, чтó просила меня, — олицетворенное цѣломудріе: ей страшно было и подумать, что при осмотрѣ трупа ея молодой родственницы будетъ присутствовать молодой человѣкъ. Она всѣми святыми упрашивала меня, поскорѣй, безъ васъ, покончить дѣло. Теперь вы меня, надѣюсь, понимаете?

Я молча пожалъ руку добродушному старцу за высказанную имъ деликатность.

— Да вотъ кстати, господа,—досказалъ онъ,—чуть не забылъ. Во время самаго освидѣтельствованія ворвалась къ намъ одна барыня; не знаю ужъ, какъ ее полицейскіе пропустили. Околоточнаго-то еще не было. Застала она насъ врасплохъ; но я не только тотчасъ же выпроводилъ ее, но счелъ нужнымъ отобрать у нея и визитную карточку съ адресомъ, на случай, если бы что понадобилось.

Онъ подалъ мнѣ при этомъ отобранную карточку.

— «Léontine de Nacre», не безъ нѣкотораго удивленія прочелъ я.

— Кто-съ? — переспросилъ Когортовъ. — Де-Накръ? Она только-что была также у меня на дому.

— Да, она справлялась тутъ о вашемъ мѣстѣ жительства,— сказалъ докторъ.

— Ну, вотъ; очень просто; у нея пропало вчера брилліантовое ожерелье, и, замѣтивъ пропажу, она не медля ни минуты адресовалась ко мнѣ.

— А почему она предполагала, что вы здѣсь? значитъ, слышала уже объ убійствѣ? А главное: она что-то ужъ съ слишкомъ большимъ интересомъ заглядывалась на покойницу.

Я не могъ не улыбнуться наивности доктора.

— Еще бы ей не заглядываться, актрисѣ, — сказалъ я: — сама зачастую играетъ умирающихъ, и потому рада всякому случаю изучить смерть. Относительно же полиціи, пропустившей ее, я приму свои мѣры.

— Я, господа, счелъ только неизлишнимъ обратить ваше вниманіе; не даромъ я практикую уже полвѣка. А тамъ дѣлайте, какъ знаете. Одно хорошо: — вы, господинъ слѣдователь, бывая

у нея по ея дѣлу, будете имѣть ее постоянно въ виду. Наблюдайте за нею построже.

Я взялъ старика за талью.

— Пріятно вамъ, докторъ, спросилъ я, когда вамъ диктуютъ рецепты? Нѣтъ? Ну, такъ позвольте-жъ и намъ дѣйствовать по нашей собственной рецептурной методѣ. А теперь не пора ли и за дѣло приняться?

Я послалъ служанку передать Полинькѣ о прибытіи суда и необходимости ее видѣть. Но та вслѣдъ затѣмъ вернулась съ отзывомъ, что ей, Полинькѣ, никакъ нельзя отлучиться отъ брата, и она проситъ пока распоряжаться безъ нея. Мы воспользовались этимъ полномочіемъ и, въ сопровожденіи понятыхъ, вошли въ спальную дверь, которую широко распахнулъ передъ нами полицейскій.

Тамъ не было ни души, именно ни *души*,—хотя и лежало человѣческое тѣло.

Живо памятно мнѣ еще, какъ сейчасъ, чтó испыталъ я въ первый разъ при видѣ покойниковъ, третируемыхъ не какъ бренные останки разумныхъ существъ, а какъ научный матеріалъ, какъ *тѣла*. Я былъ тогда гимназистомъ шестого класса; дѣятельность врача, незнающаго, для блага своихъ ближнихъ, ни днемъ, ни ночью покою, представлялась мнѣ и нѣкоторымъ моимъ товарищамъ особенно почтенною, и вотъ, для перваго ознакомленія съ практическою стороною этой дѣятельности, мы въ одинъ прекрасный день собрались въ компаніи на Выборгскую, въ анатомическій театръ медицинской академіи. Я ни мало не нервенъ; я не только не упалъ въ обморокъ, я даже не поморщился, а смѣло, можно сказать — дерзновенно, прошелся между столами, на которыхъ были разложены для предстоящей секціи *готовые* трупы. Я былъ на видъ спокоенъ; но внутри меня, гдѣ-то тамъ, въ самой затаенной складкѣ моего *я*, что-то шевелилось. Я озирался, широко выпучивъ глаза, — и въ то же время невольно моргалъ и отводилъ взоръ. Я чувствовалъ, что что-то не такъ, что мнѣ не по себѣ, что я самъ съ собою фальшивлю; мнѣ было чего-то совѣстно—чего, я не зналъ,—а теперь знаю: мнѣ безотчетно было совѣстно за человѣческое достоинство этихъ несчастныхъ, обезличенныхъ въ *тѣла*, въ *туши*.

И помню, какъ съ шумомъ растворилась дверь, и, въ самомъ обыденномъ расположеніи духа, по-своему—просто и пластично перебраниваясь, ввалились два сторожа—оба съ новыми *тушами*.

Препаровочная наполнилась постепенно юными любознательными сынами Эскулапа. Вкругъ столовъ закопошились формен-

ные сюртуки, замелькали руки съ засучеными рукавами. Начались жертвоприношенія: черепа заскрипѣли подъ пилой; распластанныя груди открывали жаждущимъ научнаго свѣта очамъ тайны внутренняго строенія человѣческаго организма...

А вотъ и время завтрака. Всему свой срокъ: и духу и плоти. Сторожа вносятъ, на укрѣпу плоти, горячіе слоеные пирожки, дымящійся ситникъ; и священно-дѣйствующія руки на́-скоро только осушаются полотенцемъ и жадно хватаютъ принесенное. Молодой желудокъ мой, привыкшій получать свою пищу въ опредѣленный часъ, также заявилъ-было свои права, но непреодолимая гадливость не позволяла мнѣ взять малѣйшій кусокъ въ ротъ, хотя я и пальцемъ не прикоснулся ни къ одному трупу. Послѣ того дня на три у меня отбило аппетитъ, и участь моя была рѣшена безповоротно: я не пошелъ ужъ въ академію, я поступилъ въ университетъ.

По прихотливой волѣ судьбы, однакожъ, и на вновь избранномъ поприщѣ мнѣ не удалось вполнѣ избѣгнуть возни съ *тѣлами*, хотя и теоретически-пассивной. Въ настоящее время подлежащее судебному обслѣдованію *тѣло* для меня совершенно однозначаще съ другими вещественными доказательствами, и такъ же мало рябитъ гладкую поверхность моей души, отражающую только непоколебимый сводъ... законовъ.

Иное дѣло, когда этого свода нѣтъ надо мною, т.-е. когда я подхожу къ тѣлу не въ качествѣ оффиціальнаго духовнаго оператора, а въ качествѣ частнаго его знакомаго. Тогда на зеркало души моей, какъ въ лѣта юности, налетаетъ легкая рябь; противъ собственнаго желанія, мною овладѣваетъ то чувство нѣмого благоговѣнія, которое въ подобныхъ случаяхъ невольно охватываетъ, кажется, всѣхъ—и вѣрующихъ, и невѣрующихъ въ загробную жизнь. Какъ объяснить это особенное чувство?

Живымъ людямъ я гляжу въ глаза смѣло, и даже въ комнату человѣка, котораго имѣю полное основаніе опасаться, вхожу безъ всякаго волненія, съ высоко-поднятой головой. Почему же, входя къ человѣку, духъ котораго отлетѣлъ уже отъ тѣла и который, слѣдовательно, не только не можетъ быть мнѣ опасенъ, но не можетъ и знать о моемъ присутствіи,—почему здѣсь я не смѣю ступить громко и поникаю головой?

По той же, быть можетъ, естественной деликатности, по которой я гораздо охотнѣе вхожу въ чужую комнату, когда знаю, что хозяинъ комнаты тамъ, а не въ отсутствіи?

Отчасти, да: я сознаю, что это тѣло, лежащее передо мною, лишилось своего хозяина и совершенно беззащитно, вполнѣ пре-

дано на мой гнѣвъ и милость,—и потому самому чту, свято охраняю его, какъ охраняю на улицѣ чужого ребенка, который безъ моего посредства былъ бы задавленъ проѣзжающими лошадьми. Кромѣ того и болѣе того, однако, я чту въ немъ существо, подобное себѣ, но окончившее свое земное поприще: каково бы оно при жизни ни было — добро или зло, умно или ограничено,—само по себѣ оно составляло цѣлую человѣческую единицу, для которой важнѣе ея самой ничего на свѣтѣ не было. Всѣ счеты ея съ земною жизнью покончены, круговоротъ ея завершёнъ, какъ завершится разъ круговоротъ и мой, и всякаго другого,—и миръ ея праху, послѣдній глубокій поклонъ ему, какъ дай Богъ чтобъ и всѣмъ намъ въ свое время поклонились!

То ли самое ощутилъ я сегодня, когда, перейдя комнату, остановился передъ тѣломъ Аглаи Борисовны?

То-же—съ тою только модификаціей, что между этими частными элементами души моей и элементами оффиціальными, признающими въ каждомъ *тѣлѣ* не болѣе, какъ объектъ распоряженій, возникла моментальная борьба. Но и теперь оффиціальные элементы одержали еще верхъ, и я принялся методически-внимательно обозрѣвать *тѣло*.

Лежало оно не на пышномъ ложѣ, виднѣвшемся на заднемъ планѣ, за богатой драпировкой; не лежало еще и на столѣ. Оно было удобно положено, въ глубинѣ комнаты, на небольшую оттоманку. На немъ было платье—не вчерашнее бальное, а черное шелковое, застегнутое по горло. Головка покоилась на мягкомъ изголовьѣ и вдавилась въ него славными золотистыми косами. Прелестное личико почти не измѣнилось; оно было такъ же изящно-кругло, носъ не успѣлъ еще пріостриться, и только около красивыхъ полныхъ губъ застыла какая-то новая черта,—черта горькой покорности. Не будь этой черты, да чрезвычайной блѣдности, смѣнившей вчерашнюю розовую свѣжесть, можно было бы подумать, что молодая красавица, утомленная баломъ, прилегла отдохнуть. Даже руки не были еще сложены на крестъ; одна небрежно протянулась по оттоманкѣ вдоль стройнаго стана, другая была положена на высокую грудь. Пальцы этой руки были также очень блѣдны, хотя не приняли еще настоящей смертельной блѣдноты—съ пепельнымъ оттѣнкомъ.

И вдругъ вспомнилась мнѣ она опять на вчерашнемъ балѣ, живая, живучая, во всемъ блескѣ цвѣтущей молодости, съ звонкимъ смѣхомъ и съ страстными порывами. Въ ушахъ моихъ зазвучали цѣлыя тирады ея сердечныхъ изліяній. И изъ-за чего она изливалась, волновалась, колебалась?

Всему разомъ конецъ, все какъ въ воду кануло.

Гдѣ теперь то существо, которое такъ откровенно раскрылось передо-мною, которое само также слушало, понимало меня, предъ которымъ и я обдумывалъ каждую свою фразу?

Его уже нѣтъ, *нигдѣ* нѣтъ! Вотъ все, что отъ него осталось—это *тѣло*, столь же безгласное, безчувственное, индифферентное къ одушевленному земному міру, какъ и эта мебель вокругъ... Безплотный духъ разжалованъ въ ничтожный прахъ! Какая профанація! И насъ всѣхъ, и меня ожидаетъ то же!

Холодъ пробѣжалъ у меня по спинѣ; и невольный страхъ, и глубокое сочувствіе къ этой бѣдняжкѣ, опередившей только насъ, прочихъ, сжали мое сердце. Я быстро отвернулся къ двумъ живымъ существамъ, подобно мнѣ, безмолвно стоявшимъ передъ навсегда умолкшимъ *тѣломъ*.

Когортовъ, замѣтивъ сдѣланное мною въ его сторону движеніе, словно обрадовался случаю прервать молчаніе.

«Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ!»

—развязно продекламировалъ онъ; но, вслѣдъ затѣмъ, какъ-бы испугавшись громкихъ звуковъ собственнаго голоса, прибавилъ нотою ниже:—А что ни говори—роскошный субъектъ! Просто жалость подумать, что это—обѣдъ червямъ. Какъ вы полагаете, докторъ: скоро ею станутъ лакомиться?

— Да ею пожалуй и теперь уже лакомятся—хоть и не черви, а микрофиты.

— Это еще что за штука?

— А тоже животные зародыши, только микроскопическіе, которые, на подобіе ферментовъ, химически разлагаютъ наши бѣлковыя вещества на болѣе простыя составныя части.

— Да откуда же они берутся?

— Они есть вездѣ въ воздухѣ, даже въ самомъ чистомъ.

— Значитъ, и здѣсь въ комнатѣ?

— Разумѣется. Они невидимками носятся повсюду, и только поджидаютъ случая, чтобы накинуться на свою добычу: на васъ, на меня, на всякій продуктъ разложенія. Пока мы живы, т.-е. пока кровь въ насъ еще вращается и правильно получаетъ извнѣ необходимый горючій матеріалъ, мы, сгорая, въ то же время, и возстановляемся. Остановилось движеніе крови—сгораніе идетъ своимъ чередомъ, идетъ ровно, неудержимо, и мы истлѣваемъ, какъ спичка. А тутъ еще подстерегаютъ насъ эти баши-бузуки—микрофиты, и ускоряютъ распаденіе. Видите ли, какъ эта барыня еще миловидна: будто и не померла, а спитъ. А завтра замѣтьте-

ка перемѣну! Та́къ и знайте: работа микрофитовъ. Я и то приказалъ ужъ поставить здѣсь чашку карболовой кислоты, которая въ свою очередь имѣетъ свойство разрушать эти чрезвычайно-нѣжныя низшія существа и тѣмъ предохранять отъ нихъ болѣе устойчивые, высшіе организмы. Фениловая кислота, правда, еще дѣйствительнѣй; но она меньше въ употребленіи, потому что дороже.

И кто говорилъ это? Говорилъ мой тонкій, деликатный старичокъ! говорилъ преспокойно, преблагодушно, точно о наилучшемъ способѣ сохраненія провизіи, чуть ли даже не сочувствуя «чрезвычайно нѣжнымъ низшимъ существамъ», которымъ онъ карболовою кислотою не только испортитъ вкусное блюдо, но которыхъ и самихъ истребитъ!... Что̀ значитъ привычка! въ извѣстномъ направленіи притупляетъ самыя естественныя чувства, продолжающія еще дѣйствовать въ другихъ направленіяхъ.

Любознательный горбунъ развѣсилъ уши. Въ другое время и я также выслушалъ бы импровизованную лекцію не безъ удовольствія; теперь на меня опять напала та самая совѣстливость, та самая гадливость, которыя мнѣ впервые довелось испытать 16-лѣтнимъ мальчикомъ въ препаровочной. Вонъ, вонъ отсюда!

— Все это очень назидательно, господа,—сказалъ я,—однако здѣсь все уже въ такомъ порядкѣ...

— Въ слишкомъ большомъ порядкѣ!—подхватилъ Когортовъ, скептически озираясь кругомъ.

— Въ такомъ порядкѣ,—холодно продолжалъ я,—что ничего новаго болѣе здѣсь не найдемъ.

— Вотъ развѣ ножницы,—сказалъ докторъ.

Когортовъ уже подскочилъ къ лежавшимъ на окнѣ ножницамъ и сталъ разсматривать ихъ со всѣхъ сторонъ.

— Онѣ не только вымыты, но и пескомъ вычищены. Тоже по приказанію сестрицы господина Кудряшева?

— Говорятъ такъ,—отвѣчалъ докторъ.

— Гм, гм...

Онъ вымѣрилъ длину ихъ своими костлявыми пальчиками:

— Вѣрно: дюйма четыре съ половиною будетъ; и ширина подходящая. Только вотъ обстоятельство... Вы пишете въ протоколѣ, докторъ, что края раны «ровныя», «острыя». Ка́къ это понимать? Такъ ли, что каждый край раны идетъ прямою линіей?

— Да.

— Безъ перерывовъ, безъ зазубринъ?

— Ну, да.

— А вотъ потрудитесь-ка взглянуть на ножницы: одинъ кли-

нокъ не вполнѣ покрываетъ другой. Стало быть, при погруженіи ихъ въ мясо, кожа должна бы быть прорвана тоже неровно, съ зазубринкой съ каждой стороны. Не такъ ли?

Докторъ не сейчасъ отвѣтилъ.

— Рѣшить съ-разу вопросъ я не берусь,—уклонился онъ.— Предварительно слѣдовало бы сдѣлать пробу надъ кускомъ мяса; а тамъ пригласить бы еще и экспертизу.

— Но вы-то, докторъ, какъ полагаете? Вы сами видѣли рану.

— Видѣлъ; но вопросъ—существенной важности для прикосновенныхъ лицъ, а я—тоже человѣкъ: errare humanum est. Однако, въ самомъ дѣлѣ, господа, время дорого,—присовокупилъ онъ, справляясь съ своими часами,—у меня тутъ по сосѣдству консультація. Я вамъ больше не нуженъ?

— Нужны,—отвѣчалъ я:—надо еще освидѣтельствовать умственныя способности убійцы.

— Домашній врачъ Кудряшевыхъ, котораго я засталъ еще здѣсь, утверждаетъ, что у него каталепсія всей правой стороны тѣла. Но вамъ, конечно, требуется отзывъ оффиціальнаго эксперта? Не позволите ли вы мнѣ отлучиться только на часъ времени? У васъ вѣдь и безъ того здѣсь довольно дѣла.

Мы не стали его удерживать, тѣмъ болѣе, что Полинька еще не выходила изъ своей комнаты, а безъ нея мы не могли и попасть туда, къ ея больному брату. Въ ожиданіи ея выхода мы отправились прежде всего обозрѣвать расположеніе квартиры.

IV.

Господи! чтó это со мною? Не подмѣнилъ ли меня кто? Не хлебнулъ ли я ошибкой на тощакъ вина, и одуряющіе пары огнемъ разлились по жиламъ, поднялись въ голову и ошеломили меня? Я, право, не узнаю себя: въ груди моей точно натянута звонкая струна и, при каждомъ шагѣ впередъ, она сотрясается и звенитъ; въ глазахъ даже огни бѣгаютъ...

Это-то, пожалуй, отъ яркаго солнца: спальня лежитъ на сѣверъ; а теперь мы вдругъ перешли на парадную половину, обращенную на югъ.

Но спокойствія, всегдашняго моего безстрастія почему какъ-будто недостаетъ ужъ мнѣ?

Я тщательно, по обыкновенію, озираюсь, чтобы запечатлѣть въ памяти до мельчайшихъ подробностей обстановку, въ которой

совершено дѣйствіе. Но взоръ мой застилаетъ и не можетъ ни на чемъ остановиться. Я то-и-дѣло оглядываюсь на дверь и отвлекаюсь. Мнѣ все сдается, что вотъ-вотъ кто-то сейчасъ выйдетъ къ намъ на встрѣчу...

Кто? Убитая? Параличный мужъ-убійца? Въ возбужденномъ состояніи можно ждать и привидѣній.

Нѣтъ, нѣтъ, я жду кого-то другого... А какъ оглянусь, въ ожиданіи, такъ струна—динь-динь!—заколыхается и зазвучитъ.

Чтó это за струна?

«Душевный телефонъ!»

Смѣшно, неправдоподобно, а вѣрно. Точно мнѣ эта дѣвочка напророчила!

Но кто его вложилъ въ меня? Не она ли же, первая заговорившая о немъ? Не ее ли я и жду теперь?

Вздоръ, вотъ вздоръ-то! Просто, онъ былъ уже во мнѣ, но не подавалъ звука. Теперь же видъ знакомой покойницы вдругъ сильно растревожилъ его, очень просто! И во время грозы тоже какъ-будто ждешь чего-то, на душѣ неспокойно, а между тѣмъ все дѣло въ избыткѣ озона въ атмосферѣ. Атмосфера вокругъ меня теперь насыщена страшнымъ преступленіемъ—моральнымъ озономъ.

Какъ бы то ни было, вниманія своего я все время не могъ вполнѣ сосредоточить. Если бы меня теперь спросили, гдѣ стоитъ тамъ какая мебель, я, право, не былъ бы въ состояніи съ точностью сказать, и, благодаря лишь мимоходомъ снятому мною плану квартиры, знаю ея расположеніе.

Мы перебывали послѣдовательно во всѣхъ комнатахъ, за исключеніемъ одной—Полинькиной, гдѣ юная хозяйка ея сидѣла теперь съ параличнымъ братомъ. Тѣмъ не менѣе, изъ всего дозорнаго обхода въ памяти моей сколько-нибудь отчетливо сохранилось только пребываніе въ дѣтской. Быть можетъ, тоже оттого лишь, что... нѣтъ, вздоръ! а такъ, случайно.

Тамъ нашли мы трехлѣтнюю дочку Парфена Семеновича отъ перваго брака, а при ней и ея няню. Черты дѣвочки живо напоминали простой складъ отцовскаго облика, а затѣмъ и—молоденькой ея тётушки, столь походящей на брата. Меня даже поразило это сходство, тѣмъ болѣе, что и ухватки ея были точно скопированы съ тётиныхъ. Не чинясь, просто, по первому слову няни, она подала и мнѣ, и Когортову ручку, пытливо и прямодушно заглядывая намъ въ глаза; а затѣмъ, по привычкѣ малютокъ, сама же вступила съ нами въ бесѣду.

— Новая-то мамаша у насъ тоже померла, совсѣмъ по-

мерла! болтливо тутъ же сообщила она намъ.—Прежде старая, а теперь новая. Послѣ завтра ее тоже на кладбище свезутъ, а мы съ тётей въ каретѣ сзади поѣдемъ. Такъ весело!

— Липочка! что ты это говоришь?—укорила ее няня, женщина среднихъ лѣтъ, раздобрѣвшая на барскихъ харчахъ и потому держащая себя весьма представительно.—Точно тебѣ и не жалко мамаши.

— Этой не жалко.

— Фуй, Липочка! Какая ты бяшечка.

— Я—бяшка,—покорнымъ тономъ тутъ же согласилась Липочка.

— А почему же вамъ не жалко новой мамаши? Она васъ вѣрно не любила?—вмѣшался Когортовъ.

— Нѣтъ, не любила.

— Какъ тебѣ не стыдно, Липочка! передъ чужими людьми... замѣтила опять няня и взяла ее за ручку, чтобы отвести въ сторону.—Вы не слушайте, сударь.

— Напротивъ, весьма назидательно,—отвѣчалъ Когортовъ, входя, шагъ за шагомъ, въ свою инквизиторскую роль:—Такъ васъ она не любила? Кого-жъ она любила?

— А вотъ дядю Костю любила.

Слѣдователь, напавъ на такую неожиданную паутинку, отъ удовольствія ухмыльнулся.

— А знаете ли вы, какъ дядю Костю по отчеству зовутъ? Вѣрно не знаете?

— Знаю.

— Ну, какъ? Константинъ?...

— Дмитричъ!

— А по фамиліи?

— Усольцевъ.

— Гмъ., гмъ... А папу мамаша любила?

Тутъ я рѣшительно замѣтилъ Когортову:

— Если это, Ахиллъ Иванычъ, формальный допросъ, то вы должны бы предупредить допрашиваемую о льготѣ, которую ей, дочери подозрѣваемаго, предоставляетъ законъ.

— Да я его не подозрѣваю.

— Все равно. Пока—всѣ улики противъ него, и допросъ можетъ дать еще новыя. Но она даже и не знаетъ о преступленіи, и намъ съ вами едва ли умѣстно, безъ разрѣшенія ея ближайшихъ родственниковъ, посвящать ее, малое дитя, въ эту страшную семейную тайну.

— Имъ, разумѣется, не можетъ быть пріятно, но предъ закономъ всякія «нѣжности» въ сторону. Ваши же слова!

Онъ снова билъ меня моимъ же оружіемъ.

— Ну, вернемтесь къ дѣлу, сказалъ я, и мы оба вышли.

— Сейчасъ, правда, вы поступили со мною довольно предательски, Павелъ Алексѣичъ, заговорилъ Когортовъ;—но у васъ своя цѣль—затруднить мнѣ ребусъ. Или, можетъ быть... та-та-та! теперь понялъ-съ: вѣдь оный вышеупомянутый Константинъ Дмитричъ Усольцевъ не кто иной, какъ присяжный повѣренный Усольцевъ, закадычный другъ вашъ?

— Онъ самый.

— Такъ-съ! Вамъ не хотѣлось его замѣшивать въ исторію?

— Да... Но, впрочемъ, вы не стѣсняйтесь. Чтобы показать вамъ всю мою уступчивость, я предоставляю вамъ теперь разрѣшать ребусъ по собственному усмотрѣнію, оставляя за собою только право безмолвнаго зрителя.

— И за то спасибо. Я приступилъ бы теперь къ опросу прислуги?

— Можете.

— Притомъ, на мѣстѣ дѣйствія? Внушительнѣй, знаете.

Непріятнѣе выбора мѣста онъ не могъ для меня сдѣлать. Но я не смѣлъ показать и виду.

— Гдѣ вамъ угодно,—отвѣчалъ я.

Это былъ первый шагъ моего «благороднаго» отступленія!

V.

Сидя, быть можетъ, еще вчера за своимъ изящнымъ рабочимъ столикомъ, Аглая Борисовна никакъ, разумѣется, не могла предвидѣть, сколь великую службу онъ сегодня ей сослужитъ. За нимъ помѣстились мы, представители земной кары, для огражденія—если и не ея самой, то ея памяти и, въ лицѣ ея,—общественнаго правосудія и безопасности.

Призванная первою къ допросу горничная была поставлена лицомъ къ распростертому на оттоманкѣ *тѣлу*—ради той же «внушительности», одного изъ первыхъ условій у Когортова.

Дѣвушка она лѣтъ двадцати, собой смазливая. Одѣта опрятно, нѣсколько даже франтовато: чистенькій цвѣтной воротничокъ и такіе же рукавчики; платье—шерстяное, хотя и безъ шлейфа, но модное, съ такъ-называемымъ панье; бѣлоснѣжный фартучекъ кокетливо вырисовываетъ здоровую, плотно-стянутую талью; на

головѣ — большая чужая коса: чужая, ибо свѣтло-золотистаго цвѣта, тогда какъ прочіе волосы—русые; очевидно, наслѣдство барыни. Стоитъ передъ нами прямо, стройно, скрестивъ руки свободно подъ высокою грудью. По временамъ хоть и вздыхаетъ, закатываетъ заплаканныя очи, но вообще высматриваетъ бойко, не стѣсняется въ отвѣтахъ, выражаясь довольно правильно. По всѣмъ признакамъ—столичное произрастеніе.

Изъ вступительнаго опроса оказывается, что зовутъ ее Марьей Панкратьевой, что она еще съ малолѣтства взята была въ домъ родителей Аглаи Борисовны, Ключевскихъ, гдѣ постепенно дошла до степени каммерюнгферы молодой барышни, а по замужествѣ послѣдней—перешла вмѣстѣ съ нею и въ мужнинъ домъ. Личность, слѣдовательно, весьма близко-стоящая къ жертвѣ преступленія, едва ли не ближе всѣхъ другихъ домочадцевъ, въ томъ числѣ даже мужа, и показанія ея должны имѣть особенно-существенное значеніе. Въ виду этого, мой опытный слѣдователь нашелъ нужнымъ, предварительно самаго допроса, выяснить нѣкоторыя детали ея положенія въ домѣ.

— Такъ по паспорту васъ зовутъ Марьей Панкратьевой?—сказалъ онъ:—а въ домѣ-то здѣсь ка́къ?

— Кто-съ?

— Прислуга?

— Прислуга—«Машей».

— А господа?

— Господа? барышня тоже «Машей», а баринъ «Марьей».

— А барыня ка́къ звала?

— Барыня-съ...—Она взмахнула глазами на *тѣло* и перекрестилась:—Царствіе ей небесное!

— Ну-съ, такъ какъ-же?

— Иной разъ «Мари́»...

— А обыкновенно?

— Обыкновенно-съ... да изволите видѣть...

Дѣвушка невнятно что-то пробормотала и запнулась.

— Говорите громче.

Она снова во́ззрилась на свою покойную барыню, какъ-бы стѣсняясь ея присутствіемъ.

— Да на что̀ вамъ, сударь? Вѣдь ихъ все одно уже нѣтъ...

— Для дѣла оно, значитъ, важно, если спрашиваю.

— Вы, можетъ, станете смѣяться? Другіе сначала тоже смѣялись...

— Допрашиваютъ васъ не для смѣха. Такъ какъ же она звала васъ?

— «Ма».

Разъ пересиливъ себя, она глубоко перевела духъ и затѣмъ смѣло уже уставилась на слѣдователя.

— Какъ?—переспросилъ тотъ, полагая, что ослышался.

— «Ма».

— Просто-таки «Ма»?

— Просто-таки. Вотъ и вамъ, видите ли, странно. Но онѣ звали меня такъ не шутки ради, а потому: короче.

— Вообще она, кажется, была коротка съ вами? Ежели кому извѣстны были ея тайны, то прежде всего, конечно, вамъ, каммерюнгферѣ?

— Само-собою!—съ гордостью подтвердила каммерюнгфера.

— Но коли вы пользовались такимъ расположеніемъ барыни, то какъ же вы теперь въ горничныя угодили? однимъ чиномъ, значитъ, понизились?

— Не то, чтобы... Я и теперь имъ голову убирала. Но мужская прислуга, знаете, нынче все больше пьющая, креста на нихъ нѣтъ: баринъ нашъ, какъ послѣдняго-то со двора согналъ, совсѣмъ закаялся брать лакея.

— И на васъ всю лакейскую работу взвалилъ?

— Точно такъ.

— А что же барыня? и слова добраго за васъ не замолвила?

— Замолвила-съ; только баринъ вѣдь что разъ скажетъ, то ужъ свято.

— Упрямъ?

— Да-съ, не любитъ, чтобы перечили. Никогда не вскипитъ скажетъ тихонько, ровнёхонько, а такъ всякій ужъ про себя знаетъ: быть по сему.

— Но вѣдь отъ васъ зависѣло уйти? Зачѣмъ же вы остались изъ-за барыни?

— Да-съ... Но и баринъ-то у насъ не то, чтобъ дурной: тогда же мнѣ два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ прибавилъ,—и не просила даже; отъ себя назначилъ.

— Изъ всѣхъ вашихъ словъ, свидѣтельница, явствуетъ, что вы были очень привязаны къ покойной барынѣ, что почитаете и вашего барина. Сейчасъ вамъ придется дать мнѣ обстоятельный отзывъ по настоящему дѣлу. Чѣмъ добросовѣстнѣе, откровеннѣе будутъ ваши показанія, тѣмъ болѣе облегчится суду возможность разыскать виновнаго и воздать ему по заслугамъ. Если же вы что скроете, либо исказите, то тѣмъ самымъ, укрывая убійцу, совершите надъ бѣдной барыней вашей какъ-бы вторичное убійство. Желательно ли вамъ это?

— Упаси Господи!.. Но вѣдь баринъ нашъ...

— Вамъ жаль вашего барина? Это очень похвально; но вы можете успокоиться и на его счетъ: часто самыя на видъ тяжкія показанія въ концѣ-концовъ ставятся въ облегченіе виновному. И, какъ знать? можетъ статься, нѣкоторыя мелочи, которымъ вы сами не придаете никакого значенія, въ совокупности съ другими мелочами, прольютъ на дѣло совсѣмъ новый свѣтъ, и баринъ вашъ окажется или мало, или вовсе даже невиновенъ. Поэтому и въ его интересахъ вамъ лучше ничего не утаивать. Вы, надѣюсь, вполнѣ понимаете меня?

— Вполнѣ-съ...

— Въ заключеніе, однако, не могу не предупредить васъ, что настоящія показанія ваши вамъ придется скрѣпить своею подписью, а впослѣдствіи на судѣ васъ могутъ переспросить опять подъ присягой, и потому уже вамъ слѣдуетъ теперь безусловно говорить сущую правду, и только одну правду, не увеличивая и не уменьшая извѣстныхъ вамъ обстоятельствъ, а показывая все такъ, какъ что́ случилось. Итакъ, вы будете показывать безъ утайки?

— Буду-съ.

— По чистой совѣсти?

— По чистой-съ.

Когортовъ наклонился надъ своимъ листомъ и подъ тѣмъ, что́ записалъ уже со словъ свидѣтельницы, провелъ тонкую черту. Я зналъ его остроумный пріемъ и вполнѣ одобрялъ его. Всякій законченный отдѣлъ допроса отмѣчался имъ или чертой, или многоточіемъ, или звѣздочками: чертой—когда отдѣлъ совсѣмъ закругленъ; многоточіемъ—когда онъ внезапно прерванъ; звѣздочками—когда послѣдующій отдѣлъ находится въ нѣкоторой связи съ предыдущимъ. Пока шла только интродукція, для ознакомленія съ личностью свидѣтельницы; затѣмъ должны были слѣдовать одно за другимъ: анданте, аллегро и финалъ.

— Потрудитесь же разсказать намъ по порядку все, что̀ вамъ извѣстно по настоящему дѣлу,—вновь отнесся къ свидѣтельницѣ Когортовъ.

Та достала между тѣмъ изъ кармана платокъ и, не безъ граціи, обтерла себѣ сперва углы глазъ, около слезныхъ железокъ, а затѣмъ одну и другую сторону носа, на которомъ уже во время интродукціи проступили крупные перлы пота.

— По порядку-съ? — спросила она. — Извольте видѣть, сударь... Еще дня за три я впередъ знала, что ей не сдобровать.

— За три дня? Да вы просто умница! Почемъ же вы знали?

— Да по примѣтамъ-съ. У здѣшняго дворника, надо вамъ сказать, есть собака Валетка. Собака не важная, а маленькой барышнѣ нашей Олимпіадѣ Парфеновнѣ до-смерти полюбилась; извѣстно: ребенокъ! Каждый день подай ей ее: изъ рукъ своихъ кормила. Хорошо-съ. Случись же тутъ на-грѣхъ, что входятъ барыня въ дѣтскую какъ-разъ въ ту пору, какъ Валетку тамъ хлѣбомъ кормятъ. Валетка — звѣрь молодой, рѣзвый, всякому съ-дуру на встрѣчу кидается. Кинься и къ барынѣ, лизни по губамъ да измарай грязными лапами все платье, а платье-то на нихъ было новѣхонькое да свѣтленькое. Понятное дѣло-съ, осерчали, вонъ выгнали, да строго-на-строго наказали — впередъ не впускать. Хорошо-съ. Проходитъ день, приходитъ урочный часъ, когда кормитъ Валетку. Ломитъ Валетка въ кухню, скребетъ, визжитъ, — что хошь. Кухарка Лукерья еле кочергой угнала. Хорошо-съ. Ночью вдругъ вой. Что за притча? Вышла Лукерья, видитъ: Валетка. Хватъ кочергу... то бишь — полѣно. Онъ за дверь. Не успѣла ударить — увернулся. Только улеглась, онъ опять за свое: скребетъ да воетъ благимъ матомъ, воетъ такъ жалостливо, просто душу вытягиваетъ.

— Только вы-то у насъ душу не вытягивайте, — прервалъ слѣдователь. — Скажите въ двухъ словахъ въ чемъ дѣло?

— Какъ прикажете! — съ нѣкоторою уже колкостью отвѣчала словоохотливая разсказчица, задѣтая за живое нетерпѣливостью слушателя. — ... Вылъ онъ одну ночь, вылъ другую, вылъ и третью. Тутъ ужъ всѣ мы такъ и ждали, что съ барыней что приключится.

— Почему же именно съ барыней?

— А то какъ же: вѣдь онѣ же ее прогнали?

— Остроумно замѣчено. Ну, а ежели бы собака выла всего одну или двѣ ночи, то ничего бы не случилось?

— Можетъ, и случилось бы, да не такъ ужъ.

— А какъ же?

— Да хоть бы не подъ воскресенье, не подъ праздникъ.

— А! Жаль, право, что съ вами не посовѣтовались; днемъ, двумя раньше бы на тотъ свѣтъ спровадили: подъ пятницу, подъ субботу — совсѣмъ не та бы статья; можно бы и по головкѣ погладить? Не правда ли? А другихъ примѣтъ у васъ не было? не чесалась ли у васъ переносица?

Явная иронія горбуна окончательно раззадорила дѣвушку. Разгоряченное лицо ея запылало еще пуще, жилки на вискахъ налились, въ томныхъ очахъ зажглись сердитые огни.

— Ничего больше не было! — отрѣзала она, отворачиваясь

къ окошку.—Я дальше, сударь, не могу говорить,—какъ вамъ угодно-съ.

— Вы напрасно къ сердцу принимаете,—успокоилъ ее Когортовъ.—Не забывайте, что вы передъ судомъ. Продолжайте.

— Нѣтъ, какъ вамъ угодно-съ... Спрашивайте, коли хотите: отвѣчать буду; сама же отъ себя ни словечка ужъ не скажу.

— Перетянешь струну—лопнетъ, — вполголоса замѣтилъ Когортовъ и поставилъ нѣсколько точекъ. — Извольте, отвѣчайте, но чуръ—коротко и ясно. Вы нанимаете здѣсь весь бель-этажъ?

— Не нанимаемъ-съ: домъ-то нашъ собственный!

— Очень хорошо. Но въ вашу квартиру два хода: парадный и черный; и оба они, кажется, совершенно отдѣльные, къ одной вашей квартирѣ?

— Само-собой. Къ жильцамъ, что̀ подъ нами, ходъ со двора, съ особаго подъѣзда.

— Но на парадной лѣстницѣ у васъ нѣтъ швейцара?

— А куда же его положить? Подъ лѣстницей-то — сами, чай, видѣли — нѣтъ мѣста.

— Прошу васъ не волноваться. Нижняя дверь у васъ всегда замкнута, или вы на̀-день ее оставляете открытою?

— Да коли у насъ тамъ печка!

— Такъ что́ же?

— А коли печка, значитъ—топится! Ка̀къ вы это, сударь, еще спрашиваете? Дрова-то свои, небось, не казенные; развѣ можно на̀-вѣтеръ топить?

— Повторяю: не волнуйтесь; отвѣчайте только на вопросъ. Вы меня не такъ поняли. Дверь вами и на́-день замыкается на ключъ, или просто притворяется?

— Замыкается. А позвонятъ—отпирается.

— Кто же отпираетъ?—вы или кто другой?

— Да кому другому, какъ не мнѣ-съ? На то и горничная. Сбѣжать, слава Богу, не долго; не изъ пятаго: весь домъ-то въ два этажа.

— А вчера вы цѣлый день дома были? никуда не отлучались?

— У насъ и въ заводѣ-то нѣтъ, чтобы на недѣлѣ отлучаться; только въ праздникъ.

— Припомните-ка хорошенько: не отпирали ли вы вчера дверь кому-нибудь чужому и кому именно?

Свидѣтельница минутку задумалась.

— Газетчикъ приносилъ газеты, афишникъ—афишки; больше никому не отпирала.

— А нà-ночь ключъ оставляется въ замкѣ?

— Въ замкѣ. Да на чтò вамъ, сударь, вся эта пустяковина?

— Коли спрашиваю, — стало-быть, не пустяковина. А наверху здѣсь, съ лѣстницы въ переднюю, у васъ двѣ двери, которыя тоже запираются?

— Еще бы не запирать! Попробуй-ка разъ, — такъ баринъ тебѣ, не говоря дурного слова, и пашпортъ въ руки.

— И обѣ двери на ключѣ?

— Одна на ключѣ, другая на цѣпи и крючкѣ.

— А черный ходъ?

— Черный тоже-съ на цѣпи и на крючкѣ.

— А ночью дворникъ всегда у воротъ?

— Нѣтъ, ночью онъ, старый хрычъ, дрыхнетъ, а ворота всегда нá-глухо запираетъ.

— Съ котораго часа?

— Съ одиннадцати. Мы и то ужъ жаловались барину: мы ли изъ гостей, отъ насъ ли гости—изволь-ка всегда ждать, покуда встанетъ съ своей лежанки, пойдетъ да отопретъ!

— И аккуратно запираетъ?

— Ужъ чего аккуратнѣй! Аспидъ!

— А что же баринъ—не уважилъ вашей просьбы?

Дѣвушка рукой махнула.

— Не то, чтобы уважилъ, даже пугнулъ. Вѣдь у него, чтò разъ положено—коломъ не вышибешь.

Первый отдѣлъ былъ законченъ: не подлежало сомнѣнію, что извнѣ къ Кудряшевымъ убійца не могъ проникнуть, даже съ подобраннымъ ключомъ; очевидно, онъ долженъ былъ находиться въ квартирѣ, былъ изъ числа домочадцевъ. Теперь логически слѣдовала галерея домочадцевъ. Подведя опять свою черту, Когортовъ приступилъ къ слѣдующему отдѣлу.

— Скажите-ка мнѣ теперь, пожалуйста, сколько васъ здѣсь въ домѣ прислуги?

— Прислуги?.. Три-съ.

— Всего три? Мнѣ давеча показалось, что больше.

— Нѣтъ, три-съ. Да больше и не нужно: всякая при своемъ дѣлѣ.

— Кто же именно?

— Я, да кухарка, да прачка.

— А няня?

— Няня?.. Такъ и вы, сударь, почитаете ее за прислугу?

— А то за чтó же?

— Какъ есть, по закону?

— И по закону.

— Я тоже вѣдь говорила! А она, вишь, за другимъ столомъ раньше насъ кушаетъ, такъ «нѣтъ же», говоритъ, «я не прислуга,—я бонна!» Вотъ-те и бонна! У насъ тутъ цѣлый споръ вышелъ. Ужъ вы, пожалуйста, сударь, объясните ей, чтобы впередъ знала.

— Это къ дѣлу не относится. Потрудитесь отвѣчать дальше. Кто изъ васъ гдѣ спитъ?

— Няня при маленькой барышнѣ въ дѣтской, а мы, прочія, рядомъ въ людской.

— Отъ васъ до господской спальни пять дверей,—сказалъ Когортовъ, справляясь съ планомъ квартиры.—Онѣ нá-ночь всѣ притворяются?

— Всѣ-съ. Кому любо спать при открытыхъ дверяхъ? Ни господамъ, ни намъ. А въ столовую двери только изъ передней да изъ колидора: изъ передней всякій могъ бы видѣть, какъ господа кушаютъ; на чтó же это похоже? потому ужъ дверь оттуда всегда притворена. А изъ колидора могъ бы идти кухонный чадъ, такъ тамъ обѣ двери даже съ пружинкой, чтобы сами запирались.

— Значитъ, отъ васъ до спальни, чрезъ пять дверей, ничего не слышно?

— Чего захотѣли!

— Если бы даже тамъ кричали?

— Все одно, хоть бы пушками палили.

— Прекрасно. Няня изъ дѣтской имѣетъ только одинъ выходъ: чрезъ вашу людскую?

— Есть еще въ барышнину комнату; да барышня всегда отъ себя на ключъ запираются.

— Вчера вы когда легли?

— Мы-то, прочія, послѣ пріѣзда господъ изъ клуба—часовъ въ двѣнадцать, а няня еще раньше—сейчасъ послѣ чаю.

— И потомъ она уже не проходила у васъ?

— Нѣтъ-съ.

— А изъ васъ прочихъ никто не вставалъ ночью?

— Лукерья вставала: отперетъ барину дверь. Баринъ-то, какъ привезъ барыню съ барышней домой, опять въ клубъ уѣхали, доиграть въ карты.

— Почему же Лукерья отперла, а не вы?

— Очень просто: потому что съ чернаго ходу. Ночью-то баринъ всегда съ чернаго ходу ворочаются, чтобы барыню звонкомъ въ прихожей не безпокоить, да чтобы заодно ужъ карету въ ворота впустить.

— Карету? Такъ у васъ и лошади свои?

— А вы думали: чужія?

— И при нихъ, значитъ, и кучеръ?

— Да какъ же лошади безъ кучера? Вы, сударь, опять смѣяться изволите?

— Ничуть. Но вы сейчасъ называли прислугу, а его не назвали.

— Да развѣ кучеръ прислуга?

— А что же, по-вашему?

— То кучеръ, а то прислуга. Онъ и спитъ-то черезъ дворъ, въ конюшнѣ.

— Будь по-вашему. А что, онъ молодъ?

— Да мнѣ и неизвѣстно: не смотрѣла.

— Разсказывайте! Ужъ не приглянулся ли вамъ?

Дѣвушка отплюнула въ сторону.

— Фу! татаринъ, да чтобы приглянулся!

— Такъ къ нему изъ васъ, женской прислуги, никто не расположенъ?

— Еще бы съ кѣмъ располагаться! Баринъ и то держитъ его только за его глупость да честность: лѣтъ десять либо двѣнадцать ужъ безсмѣнно при нихъ состоитъ.

— Такъ объ немъ теперь и говорить нечего. Въ которомъ же часу отперла барину Лукерья?

— Въ три часа, въ четвертомъ.

— Почемъ вы знаете?

— Да тутъ же часы въ кухнѣ пробили.

— И сама Лукерья, какъ отперла, тотчасъ же назадъ къ вамъ вернулась?

— Въ ту же минуту.

— А затѣмъ, по-утру, кто изъ васъ раньше всѣхъ вонъ вышелъ?

— Раньше-то—я.

— Въ которомъ часу?

— Въ восьмомъ-съ. Ахъ, ты, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Какъ вспомню только, такъ вотъ и теперь въ глазахъ все завертится...

— Такъ, значитъ, вы же первая и усмотрѣли дѣло?

— Я-съ, само собою...

Первая часть второго отдѣла была также исчерпана: никто изъ прислуги не могъ быть причастенъ къ преступленію, совершённому, по разсчету доктора, въ началѣ ночи. Изобразивъ

внизу три звѣздочки, Когортовъ перешелъ во второй части того же отдѣла.

— Вы перечислили мнѣ здѣшнюю прислугу. Кто же у васъ еще въ квартирѣ? господа? больше никого?

— Никого-съ.

— Какіе же господа?

— Баринъ, да вонъ барыня была, да двѣ барышни: большая и маленькая.

— И только?

— А вамъ мало? И то на нихъ работы не оберешься.

— Вы говорили, что баринъ очень ровнаго нрава. Не припомните ли: сердился онъ когда серьёзно, выходилъ изъ себя или нѣтъ?

— Не припомню-съ. Всегда одни и тѣ же. Даже разъ, какъ я нечаянно лампу въ залѣ со стола уронила, да въ дребезги разбила, только на слѣдующее воскресенье въ гости не пустили; и копѣйки мнѣ на счетъ не поставили, словечка худого не сказали.

— Поэтому васъ, конечно, чрезвычайно удивило, что онъ далъ увлечь себя до убійства?

— Чрезвычайно-съ. Глазамъ не хотѣла вѣрить.

— Очень хорошо. А барыня-то, напротивъ, была нрава нетерпѣливаго, вспыльчиваго?

— Это какъ вамъ сказать?.. Со мной онѣ были всегда предобрыя...

— А съ другими?

— Съ другими... До другихъ мнѣ и дѣла нѣтъ!

— А намъ есть. Что же, съ другими не была такъ добра?

— Тоже были-съ, ежели улучить время; у нихъ часъ на часъ не приходился: когда гроза, когда вёдро. Все эти нервы, изволите знать. А сердце у нихъ тоже было предобрѣющее: захочешь—всегда упросишь.

— Мягкое, горячее сердце?

— Именно, что такъ.

— Ну, о малюткѣ-барышнѣ и рѣчи не можетъ быть. А у старшей-то барышни?.. какъ ее, бишь?

— Поликсена Семеновна.

— У нея сердце тоже разгорчивое?

— Не могу знать-съ. Онѣ скрытныя, тихонькія.

— Воды не замутитъ?

— Да-съ.

— А въ тихомъ болотѣ черти водятся,—такъ, что ли?

— Ужъ, право, не смѣю сказать...

— Ну, а однако-жъ? Иногда, нѣтъ-нѣтъ, да, какъ порохъ, вдругъ и вспыхнетъ, взорвется, а?

— Случалось, точно.

— Когда же, напримѣръ? Больше въ разговорѣ съ барыней, которая была еще вспыльчивѣй? Двѣ тучки сойдутся — громъ грянетъ?

До этихъ поръ я слушалъ-слушалъ, не проронивъ ни слова, теперь нашелъ нужнымъ вмѣшаться.

— Не слишкомъ ли у васъ такъ затянется допросъ, Ахиллъ Иванычъ? — сказалъ я. — На что̀ вамъ эти окольныя свѣдѣнія, неидущія прямо къ дѣлу?

— Вы полагаете?—тонко усмѣхнулся онъ, осклабляя дёсна (при тонкой усмѣшкѣ, въ полъ-рта, осклабляются у него однѣ дёсна, безъ зубовъ). — Результатъ покажетъ. Но уговоръ лучше денегъ: вы дали мнѣ картъ-бланшъ. Позвольте же мнѣ идти моимъ окольнымъ путемъ: тише ѣдешь—дальше будешь.

И свернулъ онъ опять на свой окольный путь, но пошелъ не тихимъ шагомъ, а, какъ молодой рѣзвый конь, бойкимъ галопомъ.

— Такъ онѣ обѣ, значитъ, не ладили?

Свидѣтельница, словно ободренная моей неожиданной поддержкой, вдругъ заупрямилась:

— Ужъ лучше не спрашивайте, сударь. Зачѣмъ соръ изъ избы выносить?

— Значитъ, соръ-таки былъ? Какой же соръ? это любопытно?

— Увольте, сударь. Вѣдь, это, какъ они вонъ сейчасъ сказали, нейдетъ прямо къ дѣлу.

— Позвольте ужъ объ этомъ мнѣ судить. Вамъ самимъ когда-нибудь соринка въ глазъ попадала?

— Попадала-съ.

— И больно бывало отъ одной соринки?

— Больно-съ.

— Ну, та̀къ и въ нашемъ дѣлѣ: иной разъ въ одной соринкѣ вся суть.

— Нѣтъ, ужъ спрашивайте лучше другихъ. Противъ барыни своей я не могу говорить...

— Особенно въ ея присутствіи?—подхватилъ Когортовъ, съ довольно искуснымъ паѳосомъ указывая приподнятымъ перстомъ на трупъ молодой дамы.—Вы правы! Она васъ слышитъ. Душа ея, неполучившая земного возмездія за насильственное отлученіе отъ тѣла, нѣтъ сомнѣнія, витаетъ теперь здѣсь, надъ нами, и

безгласно молить о возмездіи, безъ котораго ей не успокоиться въ загробной жизни. Но какъ же намъ дать ей это возмездіе, если вы что-либо скроете отъ насъ?

Паѳосъ, однако, на сей разъ не оказалъ требуемаго дѣйствія.

— Да какъ же дурное, что̀ я скажу про нее, можетъ ей въ прокъ пойти?—возразила допрашиваемая.—Нѣтъ, ужъ лучше я ничего не скажу.

Горбунъ выпрямился, насколько позволяла ему его сутуловатость, острыми иглами вонзилъ свои потемнѣвшіе взоры въ глаза свидѣтельницы, и къ прежнему медовому паѳосу подбавилъ нѣсколько капель терпкой горечи устрашенія:

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только предупредить васъ, что ваше молчаніе можетъ, къ крайнему моему сожалѣнію, окончиться для васъ самихъ же весьма плачевно!

— Ну, полноте, Ахиллъ Иванычъ, — хотѣлъ я умѣрить его прыть:—припомните 405-ю статью!

— Статья 405-я говоритъ о допросѣ обвиняемаго, а не свидѣтелей!—тотчасъ же нашелся онъ, и, какъ борзый конь, закусивъ удила, помчался безъ оглядки; только искры изъ-подъ копытъ засверкали: — Все, что̀ вы, свидѣтельница, не доскажете, само собою должно быть истолковано противъ васъ; такимъ образомъ, очень можетъ статься, на васъ самихъ ляжетъ тѣнь подозрѣнія—или въ сокрытіи преступленія, или даже въ прямомъ соучастіи!

Я не смѣлъ уже его останавливать: онъ дѣйствовалъ по моей же системѣ. Средневѣковыхъ пытокъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ членовредительствомъ, я самъ не одобряю; насколько возможно—я либераленъ. Но попытать свидѣтеля морально, гдѣ дѣло ограничивается слезной водицей, охами да вздохами, какъ вѣрно замѣтилъ Когортовъ, и закономъ не возбраняется, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда иначе не добиться истины, положительно даже необходимо. Данный случай былъ именно такой исключительный, и, въ сущности, я могъ быть только вполнѣ доволенъ послѣдовательною тактикою моей переимчивой «тѣни».

Система устрашенія оказалась дѣйствительнѣе системы умиленія. Пытаемая измѣнилась въ лицѣ, нѣсколько разъ глубоко вздохнула, нѣсколько разъ обтерлась платкомъ и въ заключеніе смиренно вопросила:

— Что̀ же вамъ угодно еще знать, сударь?

— Между вашими двумя дамами никогда не было ладу, или только въ послѣднее время?

— Въ послѣднее время.

— Съ тѣхъ поръ, какъ чаще сталъ ѣздить Константинъ Дмитричъ Усольцевъ?

Дѣвушка видимо была озадачена и медлила отвѣтомъ.

— Та̀къ вѣдь?

— Не знаю, право...

— Не забывайте, о чемъ я васъ сейчасъ предупредилъ! Отвѣчайте прямо на вопросъ: такъ-ли?

— Да изволите видѣть... Нельзя сказать, чтобы у нихъ до ссоры доходило. Барыня скажутъ слово, барышня промолчатъ, къ себѣ въ комнату уйдутъ и запрутся-съ. Тутъ всему и конецъ.

— Значитъ, старалась скрывать свою страсть къ Константину Дмитричу.

— Должно полагать.

— Но вамъ со стороны все же видно было: что̀ она къ нему очень неравнодушна?

— Похоже на то.

— Изъ чего же вы заключаете?

— Да всегда, какъ пригвожденныя, ёрзаютъ на стулѣ, а глаза такъ и бѣгаютъ, какъ мышки.

— Признаки несомнѣнные. А Константинъ Дмитричъ за которой изъ нихъ больше пріударялъ? за барыней?

— Еще бы-съ! Онѣ и собой-то куда авантажнѣй, да и столько лѣтъ уже съ нимъ знакомы...

— Вотъ какъ! Такъ онъ ухаживалъ за нею и до замужства?

— Извѣстное дѣло.

— Такъ. А тутъ нашла коса на камень: соперница подвернулась:

«Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?
That is the question! Вотъ вопросъ!«

Вдругъ ловкій взмахъ, гордіевъ узелъ разсѣченъ, и вопросъ рѣшенъ: что́ и требовалось доказать. Такъ, такъ!

Горбу́нъ, очевидно, былъ не мало доволенъ этою второю частью втораго отдѣла допроса. Глубокомысленно сморщивъ брови и втянувъ въ себя свои тонкія губы, онъ провелъ подъ отдѣломъ медленно и старательно особенно густую черту.

— Теперь,—сказалъ онъ:

«Еще одно послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя».

Припомните-ка хорошенько обстоятельства вчерашняго вечера.

Передъ отъѣздомъ въ клубъ не было ли между ними тоже крупнаго разговора?

— Крупнаго? Никакъ нѣтъ-съ.

— А мелкаго?

— Да только вонъ въ прихожей, какъ накидки имъ подавала, слышала — про танцы говорили.

— А о Константинѣ Дмитричѣ не упоминали?

— Поминали-съ. Барыня торопились на первую кадриль, потому ихъ Константинъ Дмитричъ ангажировалъ. Барышня-то и скажи тутъ: «а меня на третью». Барыня какъ разомъ вдругъ вскинутся: — «На третью? Не можетъ быть! Вѣрно на вторую».— «Нѣтъ, серьёзно, говорятъ, на третью». — «Ну, положимъ; но будетъ ли танцовать еще—неизвѣстно».—«Почему же нѣтъ?»—«Да ужъ тамъ увидите». Повернулись и побѣжали внизъ по лѣстницѣ.

— А затѣмъ возвратились изъ клуба въ которомъ часу?

— Двѣнадцати еще не пробило. Никогда въ жизнь такъ рано не ворочались.

— Такъ что вы сейчасъ подумали: не вышло ли у нихъ чего?

— Да-съ.

— Но баринъ и тутъ не показывалъ виду?

— Баринъ—никакого-съ: и шубы не снимали; прямо назадъ въ клубъ укатили.

— А барыня съ барышней обѣ не въ духѣ были?

— Обѣ-съ. Барыня-то не дали даже съ себя накидку снять, прямо на стулъ швырнули-съ, а когда барышня имъ «бонь-нюи» пожелали, онѣ имъ что-то буркнули по-французски, да видно, больно обидное, потому что барышня какъ ударятся въ слезы, да давай Богъ ноги!

— Такъ что о третьей кадрили и Константинѣ Дмитричѣ у нихъ и помину уже не было?

— Было-съ, только послѣ.

— Когда же послѣ? Развѣ онѣ потомъ еще видѣлись?

— Видѣлись. Барыня здѣсь, въ будуарѣ-съ, только перчатки сняли, хотѣли бальное платье скинуть, какъ барышня вдругъ опять вбѣгаютъ, да, увидѣвши меня, у дверей остановились. Сами-то, какъ осиновый листъ, дрожмя-дрожатъ, а по щекамъ слезки текутъ.

— Ну-съ?

— Барыня имъ: «Ке вуле́ ву?» А онѣ: «Анвуаѐ ла сервантъ». Барыня туды-сюды. Напослѣдокъ, однакожъ, услали меня вонъ: «сама, дескать, раздѣнусь»,—и дверь за мной замкнули-съ.

— Но вы подслушали?

— За кого вы меня считаете!

— Но тàкъ, случайно, разслышали?

— Да, уходя, въ дверяхъ.

— Чтó же?

— Да все это, знаете, по-французски. Одно только и разобрала: «труазьемъ кадриль», да «Константинъ Дмитричъ». Рукой махнула и пошла своей дорогой. Только въ колидорѣ ужъ мнѣ показалось, что кто-то изъ нихъ крикнулъ.

— Крикнулъ? и громко?

— Вѣрно, громко, коли до колидора слышно было. Прислушалась: однакожъ, все ужъ стихло. «Почудилось», думаю, и пошла, спать легла.

— Гм... И проспали до утра?

— До утра-съ.

Когортовъ многозначительно покосился на меня и выставилъ опять подъ своимъ писаніемъ неизмѣнныя три звѣздочки.

— Ну-съ, любезнѣйшая, теперь остается вамъ только повѣдать намъ еще самый эпилогъ печальной эпопеи. Встали вы въ восьмомъ часу?

— Да-съ; въ будни-то обыкновенно ровно въ семь, а ныньче — воскресенье... Какъ же думать, что въ домѣ такое страшное учинилось?

— Подъ праздникъ — еще бы! Кому въ голову придетъ?

— Ежели вы, сударь, будете еще издѣваться, такъ я, право же, не могу говорить!

— Ну, ну, не сердитесь. Такъ какъ же вы обнаружили дѣло?

— Вставши, собралась комнаты убирать. Ничего не чая, выхожу лишь съ метлой въ прихожую, вдругъ слышу: рядомъ въ спальнѣ стонутъ. Баринъ всегда во-снѣ храпятъ-съ; но то не храпъ былъ, а стонъ — стонъ дикій какой-то, словно звѣрь раненый, при послѣднемъ издыханіи, стонетъ. Мать моя, пресвятая Богородица! Оробѣла я, тàкъ оробѣла, что даже поджилки затряслись. Однакожъ солнце въ окошко свѣтило; собралась съ духомъ, на цыпочкахъ подхожу къ двери, а дверь-то чуть притворена; заглянула въ щелочку... Въ глазахъ даже помутилось! Вскрикнула благимъ матомъ, бросила и метлу, да ну — бѣжать безъ оглядки.

— Чтó же вы увидѣли?

— Страсти-съ увидѣла! Тутъ вотъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы теперь сидѣть изволите, лежитъ среди пола наша бѣдная

барыня, а тамъ, около самыхъ дверей, баринъ; оба въ крови. Дальше ничего не видѣла; метнулась въ кухню, ору, какъ полоумная: «господъ нашихъ убили!» Послѣ ужъ, какъ всѣ собрались, стали обоихъ подымать, видимъ: барина только кондрашка хватилъ, всего кренделемъ свернуло: Господь на мѣстѣ покаралъ! Руки, лицо хоть и въ крови, да отъ проклятыхъ ножницъ... За то барыня-то, голубушка моя, какъ есть готова, совсѣмъ уже остыла!

Потрясенная живымъ воспоминаніемъ ужасной картины, свидѣтельница взялась рукою за край стола, а другою поднесла платокъ къ глазамъ.

— Ежели бы вы позволили мнѣ немножко сѣсть...—всхлипнула она.

— Поджилки опять затряслись? Ничего, постойте: для дѣла лучше. Сейчасъ покончимъ. Ну-съ, а барышня сама явилась, или ее позвали?

— Видно, сами-съ... не знаю, право; онѣ были ужъ тутъ вмѣстѣ съ другими.

— Гм... И что же, не была она удивлена, поражена?

— Не замѣтила-съ. Были только очень блѣдны, какъ полотно, какъ снѣгъ.

— А въ обморокъ не падала?

— Нѣтъ-съ, сейчасъ заметались, за дворникомъ да кучеромъ послали, барина къ себѣ въ комнату отнести велѣли, сами ему губкой лицо да руки обмыли.

— А до барыни не прикасалась?

— Нѣтъ-съ, мы, прочія, тѣмъ временемъ за барыню принялись, тоже поубрали.

— Такъ, такъ. Но по приказу же барышни?

— По приказу.

— И торопила она еще, можетъ быть?

— Торопила-съ: «До полиціи, дескать, покончить».

— Ага. А дворникъ ничего на это не сказалъ?

— Говорилъ, что «нельзя-съ, сударыня; надо идти въ участокъ заявить».

— А барышня?

— Барышня-съ: «Не твое, молъ, дѣло. Сперва бѣги за докторомъ, а тамъ въ участокъ».

— А когда полиція прибыла, полъ здѣсь не былъ еще вымытъ?

— Нѣтъ-съ, ужъ при полицейскомъ вымыли.

— И онъ не предупреждалъ, чтобы не мыли?

— Упреждалъ-съ. Но барышня, изволите видѣть, очень ужъ просили...

— И упросила?

— Упросили-съ.

— Одними добрыми словами или и инымъ манеромъ?

— Больше добрыми словами.

— А меньше?

— Да стаканчикъ водки поднесли.

— Изъ своихъ рукъ?

— Изъ собственныхъ-съ.

— Это какой полицейскій-то былъ: чтó здѣсь у дверей теперь стоитъ?

— Онъ самый.

— Примемъ къ свѣдѣнію. А барыню въ чемъ вы нашли тутъ: въ этомъ самомъ платьѣ или въ ночномъ облаченіи?

— Нѣтъ-съ, въ бальномъ.

— Въ бальномъ? въ которомъ вернулась изъ клуба?

— Точно такъ.

— Да вѣдь она вернулась еще до полуночи, говорите вы, а баринъ только въ три часа? Случалось ли, чтобы барыня засиживалась ночью по три часа въ ожиданіи барина?

— Не то, что въ ожиданіи; а такъ, съ книжкой на диванъ, бывало, повалятся, да и читаютъ до пѣтуховъ.

— Но не въ бальномъ же платьѣ?

— Нѣтъ-съ, всегда въ пенюарѣ. Меня и то диво взяло, что онѣ въ платьѣ да въ корсетѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, дивно—и знаменательно: три часа пробыть безъ надобности затянутой въ корсетъ!

Мнѣ вспомнилось тутъ, чтó говорила вчера Полинька о корсетѣ Аглаи Борисовны, и я поспѣшилъ поставить свой вопросъ.

— Но барыня ваша затягивалась въ корсетъ очень туго?

— Такъ туго, что и сказать нельзя.

— Даже до обморока?

— Да-съ, до дурноты. Вѣдь онѣ тоже изъ себя полныя, и кровь имъ часто въ голову приливала.

— Слѣдовательно, очень просто: вчера, по возвращеніи домой, съ нею сдѣлалось дурно, и пролежала она какъ разъ до пріѣзда мужа. Тутъ произошла между ними семейная сцена, окончившаяся, какъ нерѣдко кончаются такія сцены, ручной расправой; на бѣду ножницы подъ руку подвернулись—и убійство совершенó неожиданно для самого убійцы, котораго съ горя и раскаянія тутъ же апоплексія хватила.

— Вы для кого эти соображенія излагаете, Павелъ Алексѣичъ? для меня?—лукаво усмѣхнулся горбунъ:—Меня съ занятой разъ позиціи, какъ и васъ, не скоро собьешь. А теперь гдѣ то платье да корсетъ? обратился онъ снова къ свидѣтельницѣ.

— На чердакѣ висятъ, сушатся.

— Тоже выстираны?

— А какъ же: ужъ очень окровавились. Прачка первымъ дѣломъ за нихъ принялась.

— Но по приказанію же барышни?

— Не то, что по приказанію; онѣ не приказываютъ, только просятъ; но просятъ такъ, что отказать трудно.

— Ее вѣрно всѣ очень любятъ?—вставилъ я опять, чтобы загладить невыгодное для бѣдной Полиньки заключеніе допроса.

— Ну, любовь любовью, а дѣло дѣломъ,—сказалъ Когортовъ и, проведя окончательную черту, посыпалъ ее пескомъ.—Благодарю, васъ, свидѣтельница, за чистосердечное показаніе. Желаете, я вамъ прочту сейчасъ протоколъ, или вы такъ подпишетесь?

— Ужъ лучше такъ,—отвѣчала она и дрожащею рукою поспѣшила росписаться подъ протоколомъ.—Теперь можно мнѣ идти?

— Идите съ Богомъ. Уморились, небось?

Какъ загнанная почтовая лошадь, обливаясь въ три ручья пóтомъ, разбитая, встрепанная, она, безъ оглядки, выскочила въ дверь.

Когортовъ опять до ушей осклаблся, съ удовольствіемъ потянулся своими короткими ногами и руками, приподнялся съ мѣста и, потирая руки, прошелся по комнатѣ.

— И меня, злодѣйка, уморила. Но хоть не даромъ: паутинки набѣгаютъ, набѣгаютъ! Двѣ-три еще—и муха поймана!

Чуть ли не въ первый разъ и мнѣ самому онъ показался теперь антипатичнымъ. Зубоскалить при такихъ худосочныхъ деснахъ, въ конецъ испорченныхъ зубахъ, было, по меньшей мѣрѣ, безтактно, если не нахально. Потирать публично эти безобразныя, костлявыя руки съ обгрызанными ногтями было болѣе, чѣмъ непозволительно,—было безстыдно.

— У васъ предвзятая идея!—воскликнулъ я.

— А какъ же безъ нея-съ? Не сами ли вы, Павелъ Алексѣичъ, всегда проповѣдывали, что судебный слѣдователь—тотъ же романистъ: какъ для романа предварительно долженъ быть скомпанованъ планъ, такъ точно и для слѣдствія нуженъ опредѣленный маршрутъ, съ заранѣе намѣченными станціями. Да, впрочемъ, не ждетъ ли насъ уже докторъ?

VI.

Когортовъ не ошибся: не только эскулапъ нашъ былъ уже на лицо, но вмѣстѣ съ нимъ застали мы и Усольцева, который получилъ отъ Полиньки записку съ просьбой съѣздить къ родителямъ Аглаи Борисовны и исподоволь подготовить ихъ къ ужасному для нихъ извѣстію. На вѣчно-ясномъ челѣ моего легковѣснаго друга нависло облако. Онъ усиленно растиралъ батистовымъ платкомъ напотѣвшія на морозѣ стёкла своего пенсне́, и глаза его, точно не смѣя подняться, бѣгали низомъ. Рѣчь его была разсѣянна и порывиста. Возбужденное состояніе его представлялось мнѣ вполнѣ естественнымъ въ виду того интереса, который еще такъ недавно внушала ему покойная, и я не придалъ никакого значенія тому, что онъ, здороваясь, подалъ мнѣ лѣвую руку.

Его Полинька не заставила долго ждать. Не сказали мы съ нимъ и десяти словъ, какъ въ концѣ анфилады комнатъ хлопнула дверь. Я оглянулся, и въ груди у меня опять звучно зазвенѣло: то была она, Полинька.

Все время, пока она шла къ намъ, я не спускалъ съ нея глазъ. Если бы я встрѣтилъ ее неожиданно, на улицѣ, а не здѣсь, то усумнился бы, пожалуй, она ли это. Много, правда, дѣлалъ и нарядъ. Вмѣсто откровеннаго бальнаго платья, слишкомъ наглядно выставлявшаго недоразвитость ея дѣвственнаго стана, теперь — гибкую талью, узкія плечи ея охватывало плотно, до самой шейки, черное платье, которое, дѣлая ее на видъ выше и старше, шло къ ней также гораздо лучше. Самое лицо ея, съ простенькими чертами, выигрывало отъ простоты одежды, казалось миловиднѣе, — хотя лучшая краса его — цвѣтущая краска молодости — на одну тѣнь и спала. Но что̀ наиболѣе измѣняло ее, такъ это — выраженіе лица, осанка и все обращеніе ея: гдѣ вчерашняя дѣтская застѣнчивость и въ то же время невольно прорывающаяся шаловливость? Съ вечера она словно на пять лѣтъ выросла. Глаза ея были красны и влажны отъ слезъ, но глядѣли открыто и прямо; отъ всего существа ея вѣяло покорною, установившеюся грустью, когда она такою ровною, самоувѣренною поступью приблизилась къ намъ, когда такъ свободно отвѣтила легкимъ склоненіемъ стана на поклонъ доктора и Когортова, а Усольцеву и мнѣ сама подала руку.

— Здравствуйте. Я не могла дождаться васъ, Константинъ

Дмитріевичъ. Ну, что̀ Ключевскіе? Этакіе бѣдные! Вѣдь единственная дочь...

Я старался уловить ея взглядъ: не подмѣчу ли чего. Но радость ея при видѣ Усольцева была самая беззавѣтная, дружеская: глубоко-печальныя черты ея мгновенно прояснились, чтобы вслѣдъ затѣмъ, при упоминаніи о старикахъ Ключевскихъ, опять заволокнуться сочувственною скорбью. У меня немножко отлегло: ни тѣни какого-нибудь страха не замѣчалось у нея; это—спокойствіе чистой совѣсти, недопускающей «паутинокъ»! Семейное горе не сразило ее, а укрѣпило. Для характеровъ слабыхъ горе —страшный исполинъ, при одномъ видѣ котораго они уже обмираютъ; для характеровъ сильныхъ оно—пигмей, черезъ котораго они смѣло шагаютъ. Для Полиньки оно если и не было пигмеемъ, то не было и исполиномъ: она поняла, что бороться съ нимъ ей придется, и она не убоялась врага, а пошла ему прямо на встрѣчу.

— До сихъ поръ пробылъ у нихъ,—отвѣчалъ Усольцевъ.— Бѣда съ старухой! Она, вы знаете, слабенькая, а нынче, къ тому же, встала съ мигренью. Пока я рѣшился внушить ей только, и то понемножку, малыми дозами, что дочь ея, на вчерашнемъ балѣ разгорячившись отъ танцевъ, по дорогѣ схватила серьёзную простуду, такъ что даже бредитъ. Съ старухой и то чуть не сдѣлалось дурно, и мнѣ стоило не малаго труда уговорить ее не выѣзжать съ мигренью.

— А отъ старика ничего не скрыли?

— Скрылъ. Полная истина была бы и для него слишкомъ тяжела: они вѣдь оба дочь свою боготворили. Я присовокупилъ только, что оказываю уже возможное пособіе, но все-же доктора нѣсколько опасаются за жизнь Аглаи Борисовны. Старикъ, конечно, тоже готовъ былъ, сломя голову, сейчасъ летѣть сюда, но далъ, наконецъ, убѣдить себя не отлучаться отъ жены, пока я не привезу имъ новаго бюллетеня. Во всякомъ случаѣ придется ихъ сегодня же посвятить въ дѣло; иначе они легко узнаютъ все отъ прислуги или отъ постороннихъ, а это еще опаснѣй. До ихъ прибытія, однако, было бы желательно устранить здѣсь всю судебную обстановку.

— Да, ужъ пожалуйста, поторопитесь, господа!—обратилась къ намъ съ Когортовымъ и Полинька.—Но что̀ съ вашей рукой, Константинъ Дмитріевичъ? Вѣрно болитъ?

Теперь и я обратилъ вниманіе, что правую руку свою Усольцевъ держитъ за жилетомъ.

— Ничего... такъ, пустяки...—замялся онъ.

— Но дайте посмотрѣть,—настаивала Полинька, и безъ чиновъ вынула у него руку изъ-за пазухи.—Вдоль всей ладони его тянулась широкая полоска англійскаго пластыря, сквозь который просвѣчивалъ кровавый шрамъ.

Полинька даже ахнула:

— И вы этимъ шутите! Когда вы такъ оцарапались?

— Да вчера вечеромъ...

— Гдѣ? не въ клубѣ же?

— Н-нѣтъ... У себя въ домѣ. Не замѣтилъ гвоздика на перилахъ, когда поднимался по лѣстницѣ.

Точно ли дѣло было такъ? Сомнительно. Отчего же онъ запнулся?

— Но у васъ, конечно, теперь бездна хлопотъ, Поликсена Семеновна,—поспѣшилъ Усольцевъ свернуть на другую тэму.— Не могу ли я въ чемъ вамъ помочь?

— Я и то на васъ сильно разсчитывала,—откровенно созналась Полинька и освѣтила его благодарнымъ взглядомъ:—мнѣ шагу теперь нельзя сдѣлать отъ брата; къ кому же мнѣ обратиться, какъ не къ вамъ, чтобы закупить для меня и племянницы траурныхъ принадлежностей, а затѣмъ распорядиться и похоронами? Вѣдь теперь, извините меня, Константинъ Дмитріевичъ, я, право, вижу въ васъ другого своего брата.

— И я постараюсь оправдать это званіе!—съ теплотою отвѣчалъ Усольцевъ.—Я хоть сейчасъ къ вашимъ услугамъ. Приказывайте.

— А у васъ съ собою ваша записная книжка?

— Съ собою.

— Такъ пойдемте. Я вамъ продиктую.

Новые братъ и сестра отошли отъ насъ, прочихъ, къ окошку.

Когортовъ, съ самой минуты прибытія Полиньки не проронившій ни слова, покусывая ногти, такъ погрузился въ созерцаніе дѣвушки, что вздрогнулъ, когда я теперь положилъ на плечо ему руку.

— Чтó вы на нее такъ заглядѣлись?—шепнулъ я ему.— Предъ этой ангельской чистотой, небось, всѣ ваши паутинки въ прахъ распались?

— Напротивъ, сплотились еще крѣпче,—шопотомъ же отвѣчалъ онъ.—Посмотрите-ка, кàкъ довѣрчиво подняла она къ нему лицо свое, кàкъ благоговѣйно слушаетъ его? Онъ ей не братъ, онъ ей идолъ, которому она молится. А на алтарь своего идола идолопоклонники, какъ извѣстно, готовы принести, если нужно, и человѣческія жертвы.

— О чемъ шепчетесь, господа?—вмѣшался докторъ.

— А головы оцѣниваемъ,—отвѣчалъ Когортовъ.—Вы, докторъ, во сколько цѣните головку сей юной особы?

— А дороже и моей, и вашей,—промолвилъ строго старикъ.—Если мы съ вами—мѣдюки, то она—золотой. А сколько надо крупныхъ пятаковъ, чтобы извѣсить маленькій полуимперіалъ?

— Но за то пятаковъ и не бываетъ фальшивыхъ, а полуимперіаловъ—сколько угодно. Однако, долго ли имъ еще тамъ идолопоклонствовать?

Онъ направился къ Полинькѣ.

— Виноватъ, сударыня. Намъ некогда. Не позволите ли намъ войти теперь къ вашему братцу?

— Да мы уже готовы,—сказалъ Усольцевъ и, крѣпко пожавъ руку своей новой названой сестры, полетѣлъ на крыльяхъ вѣтра исполнять ея порученія.

— Къ брату?—спросила Полинька.—Извините, господа, я не могу васъ впустить.

— То-есть, не желали-бы?—сказалъ Когортовъ:—Къ нашему прискорбію, на сей разъ мы не можемъ руководствоваться чьимъ бы то ни было желаніемъ; мы *должны* его видѣть и видѣть сейчасъ же.

— Но для чего?

— Для того, чтобы констатировать то состояніе духа, въ которомъ могло быть совершено имъ преступленіе.

— Это въ его же интересѣ,—пояснилъ я:—если подтвердится, что онъ находился въ невмѣняемомъ состояніи, то его должны оправдать.

— Дай-то, Господи!—вздохнула Полинька.—Но я васъ могу увѣрить, что онъ дѣйствительно не совсѣмъ... владѣетъ своими пятью чувствами. Нашъ домашній докторъ подтвердитъ вамъ.

— Этого для насъ недостаточно,—сказалъ Когортовъ:—намъ самимъ надо его видѣть, съ понятыми и при нашемъ собственномъ врачѣ.

— Какъ же мнѣ быть-то?...—бормотала Полинька, кусая губы.—Мнѣ та́къ не хотѣлось бы показывать его теперь другимъ, та́къ не хотѣлось бы...

— Да почему?

— Потому что... Ахъ, Боже! Если бы вы только знали... Я сама его та̀къ люблю, та́къ привыкла, чтобы его всѣ уважали, а теперь онъ до того измѣнился... Я должна вамъ прямо сказать: онъ просто ужасенъ! Я оттого и прислуги даже не подпускаю къ нему...

— Въ такомъ случаѣ я вамъ сегодня же доставлю сидѣлку,— съ отеческою заботливостью сказалъ старикъ-докторъ:—и самимъ-то вамъ вовсе не годится быть постоянно при немъ. А насъ вы можете спокойно впустить: мы въ эту минуту не люди, а машины, орудія закона.

Какъ къ послѣднему якорю спасенія, она обернулась ко мнѣ.

— И вы, m-r Чердынскій, признаёте необходимымъ?

Она была такъ жалка! Но что̀ могъ я сказать ей? Я только пожалъ плечами и промолвилъ:

— Это для него же лучше! Съ своей стороны, я могу обѣщать вамъ одно: покончить возможно скорѣе.

Она снова вздохнула изъ глубины груди:

— Такъ нечего дѣлать! Войдемте...

В. П—вичъ.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ

И

ЕГО СУДЬБА

Сочиненія лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Четыре тома. Спб. 1874—1877 г.

II *).

Мрачное настроеніе Байрона поддерживалось мыслію о томъ, что къ нему несправедливы и люди, и судьба. Снисходить къ людямъ и покоряться судьбѣ—ради того, что не къ нему одному, но и ко многимъ и очень многимъ она относится не какъ мать, а какъ мачиха,—было не въ натурѣ Байрона. Смягчить эту неподатливую и озлобленную натуру могло бы существо въ родѣ тѣхъ, которыя часто рисовалъ онъ въ своихъ женскихъ типахъ,— существо, способное беззавѣтно его полюбить, несмотря на всѣ его отталкивающія стороны, и такою беззавѣтной любовью смягчить и уничтожить ихъ угловатость. Это могло бы, конечно, произойти только при томъ *постоянномъ* союзѣ, какимъ является союзъ супружескій. Бракъ не только могъ, но и долженъ былъ представляться вѣрною пристанью для бурнаго сердца поэта. Мнѣ кажется очень страннымъ утвержденіе Эльце, будто бы для Байрона «не могло быть и рѣчи о бракѣ по наклонности и на-

---

*) См. выше: февр. 457 стр.

стоящей любви», будто рѣшительный шагъ былъ имъ сдѣланъ «ради свѣтскихъ побужденій, прежде всего ради неотложной необходимости поправить свое состояніе и занять подобающее ему общественное положеніе» [1]). Кажется, что почтенный біографъ и отчасти апологетъ Байрона подсунулъ ему совершенно неидущія къ его, во всякомъ случаѣ, неразсчетливой натурѣ узкія филистерскія побужденія. Если Байронъ въ своихъ письмахъ, предшествующихъ браку, говоритъ о немъ нѣсколько слегка и какъ-бы шутя, то это легко объяснить его привычкой не руководствоваться господствующими пріемами и даже доводить до аффектаціи пренебреженіе ими. «Говорятъ,—пишетъ Байронъ Муру о своей невѣстѣ отъ 20 сентября 1814 г.,—что она со временемъ будетъ богатой наслѣдницей, но я право объ этомъ ничего не знаю и не стану, конечно, объ этомъ заботиться. Но я знаю, что у нея не мало талантовъ и отличныхъ качествъ, и ей нельзя отказать въ умѣ, такъ какъ она забраковала шестерыхъ и, наконецъ, остановилась на мнѣ».—Поэтъ разъясняетъ это послѣднее обстоятельство въ письмѣ къ графинѣ Блессингтонъ, отъ 5-го октября того же года. «Это могло бы сдѣлаться еще два года тому и спасло бы меня отъ раскаянія во многомъ. Эти два года употребила она на то, чтобы отказать полдюжинѣ моихъ ближайшихъ друзей, и все-таки подъ конецъ взять меня, за что̀ я ей очень признателенъ» [2]). Дѣло въ томъ, что два года передъ тѣмъ онъ уже сватался за ту же миссъ Анну Беллу Мильбанкъ, но получилъ отказъ—быть можетъ, вслѣдствіе общей молвы объ его широкой жизни. При самолюбіи Байрона, ему вѣроятно непремѣнно хотѣлось поставить во что̀ бы ни стало на своемъ,—и онъ достигъ этого. Разсказываютъ, будто бы кто-то изъ друзей Байрона, а, можетъ быть, и его сестра (самая такая неопредѣленность указываетъ на то, что это только *разсказываютъ*) сталъ возражать противъ его выбора и предложилъ ему какую-то другую партію, и что онъ будто бы подался на отправку отъ его имени написаннаго этимъ другомъ (или сестрою) письма къ этой новой невѣстѣ. Когда былъ полученъ отказъ, Байронъ будто бы сказалъ: «вотъ видите, — въ концѣ-концовъ выйдетъ все-таки миссъ Мильбанкъ;—я напишу ей». Когда онъ показалъ написанное вслѣдъ затѣмъ письмо тому близкому лицу, которое было во всемъ этомъ замѣшано, то лицо это замѣтило: «какъ жаль, что такому прелестному письму (я право никогда не чи-

---

[1]) Elze, Lord Byron, p. 149.
[2]) Engel, Lord Byron, eine Autobiographie p. 51-54.

талъ лучшаго) не дойти по назначенію». «Ну, такъ оно непремѣнно пойдетъ», отвѣчалъ будто бы Байронъ,—и тутъ же запечаталъ и отправилъ это письмо, рѣшившее его участь [1]).

При тѣхъ странностяхъ, которыми иногда любилъ даже порисоваться Байронъ, во всемъ этомъ, можетъ быть, есть и правда. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы Байронъ не любилъ своей невѣсты и женился на ней только по разсчету.

Въ письмѣ къ Муру онъ такъ просто,—а потому, надо думать, и искренно—говоритъ: «она такая отличная дѣвушка, что... что—словомъ, что я бы желалъ быть самъ хоть сколько-нибудь получше»... Въ письмѣ къ гр. Блессингтонъ, онъ едва ли съ меньшею искренностью называетъ себя влюбленнымъ въ ту, которая согласилась *рискнуть* за него выйти... Къ сожалѣнію, поэтъ не ошибся, когда писалъ Муру: «мать моихъ будущихъ Гракховъ, говорятъ, слишкомъ для меня добродѣтельна»... «Не даромъ она единственное дитя въ семьѣ», пояснилъ онъ глубокомысленно далѣе... Единственныя дѣти могутъ, въ самомъ дѣлѣ, быть лучше воздѣланы, но за то ихъ сердце легко становится сухимъ и неуступчивымъ... Байронъ такимъ образомъ предугадывалъ, чего можетъ недоставать его образцовой невѣстѣ,—недоставать именно для замужства съ такимъ человѣкомъ, какъ онъ—живой Чайльдъ-Гарольдъ.

Мы видѣли, что этотъ поэтическій портретъ Байрона, воображая себя пресытившимся любовью и неспособнымъ болѣе къ ней, въ сущности совсѣмъ не такъ охладѣлъ и увялъ. Въ «Гаурѣ» и «Корсарѣ», этихъ новыхъ сколкахъ съ самого себя, Байронъ выставляетъ намъ любовь къ женщинѣ, конечно, могучимъ и постояннымъ огнемъ, а не вспышкой. И онъ на самомъ дѣлѣ едва ли растратилъ весь свой сердечный пылъ въ своей преждевременно шибкой жизни. Эльце, говоря объ его—по собственному выраженію поэта—чисто-южной чувствительности (которая, впрочемъ, заключалась, по всей вѣроятности, не столько въ *крови*, сколько въ *нервахъ*), замѣчаетъ однакоже, что она была сильно преувеличена и имъ самимъ, и молвой. Онъ приводитъ примѣры, изъ которыхъ видно, что часто не онъ преслѣдовалъ женщинъ, а онѣ преслѣдовали его. Самъ поэтъ замѣтилъ однажды, что если на свѣтѣ не много Іосифовъ, то очень много Пентефріевыхъ женъ. Самъ онъ, по его же собственному сознанію, конечно, не годился въ Іосифы, но не былъ и соблазнителемъ женщинъ. Въ другой разъ онъ выразился въ такомъ смыслѣ, что ему прихо-

---

[1]) Elze, 151—152.

дилось въ продолженіи всей своей жизни быть жертвой женщинъ. «И въ самомъ дѣлѣ,—замѣчаетъ при этомъ Эльце—женщины не имѣютъ ни малѣйшаго права жаловаться на Байрона: онъ изображалъ ихъ такими, какими сами онѣ ему себя представляли, а отъ самой его колыбели онѣ показывались ему именно съ самой невыгодной, чтобы не сказать съ самой низкой стороны. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы и онъ съ своей стороны не мучилъ ихъ, сколько ставало силы» [1]). Но вѣдь Байронъ изображалъ женщинъ не съ одной лишь невыгодной стороны. Многіе изъ его женскихъ образовъ отличаются самою идеальною высотою—способностью любить тою самоотверженною, т.-е. единственною настоящею любовью, на какую совсѣмъ не способны его мужскія лица—эти вѣчные варьянты одного и того же типа. Это и свидѣтельствуетъ о томъ идеализмѣ Байрона, при которомъ онъ едвали ли могъ жениться только по разсчету. Нѣтъ,—онъ вполнѣ былъ способенъ ожидать не матеріальной, а нравственной опоры отъ брака. На его бѣду жена его оказалась на самомъ дѣлѣ «слишкомъ для него добродѣтельной»,—т.-е. строгость правилъ не умѣрялась въ ней тою любовью, которая, по словамъ апостола Павла, «долготерпитъ... не превозносится... не раздражается... николи же отпадаетъ».

Какъ бы то ни было, свадьба Байрона состоялась 2-го января 1815 года. Разсказываютъ, будто бы онъ передъ самымъ отправленіемъ въ церковь читалъ Овидія, а впослѣдствіи передавалъ Медвину, что единственнымъ беззаботнымъ (unconcerned) лицомъ во время вѣнчанія была его жена, что мать его плакала, а самъ онъ дрожалъ, какъ осиновый листъ, и отвѣчалъ не впопадъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ поэтъ и въ своемъ автобіографическомъ стихотвореніи «Сонъ»; но вѣдь оно написано позже, послѣ развода съ женой, а съ другой стороны заключаетъ въ себѣ воспоминанія о первой (еще отроческой) несчастной любви. Объ этомъ не слѣдуетъ забывать, читая въ этомъ «Снѣ» описаніе поэтомъ его свадьбы—въ третьемъ лицѣ [2]). Разсказываютъ еще, будто бы послѣ вѣнца онъ выпрыгнулъ изъ кареты и побѣжалъ, не заботясь о своей молодой женѣ, которой помогъ выдти камердинеръ, а потомъ обращался къ ней по-старому: «миссъ Мильбанкъ». Все это возможно и находится въ связи съ тѣмъ, что Байрону пришлась совсѣмъ не по нраву роль новобрачнаго, какъ и все, отзывавшееся, такъ-сказать, *обрядовою* стороною жизни,

---

1) Elze, 143—144.

2) Переводъ Вейнберга (Соч. Байрона, I, 46).

т.-е. тѣмъ, что̀ обязательно для *всѣхъ* и въ чемъ совершенно исчезаетъ *личность*. Существуютъ и другіе разсказы нѣкоторыхъ «добродѣтельныхъ» женщинъ—будто бы онъ тотчасъ послѣ вѣнца самымъ грубымъ образомъ оскорбилъ свою молодую жену, а потомъ объяснялъ это тѣмъ, что она «могла бы сдѣлать изъ него все, если бы вышла за него при первомъ его сватовствѣ,—теперь же ей придется увидѣть, съ какимъ чортомъ она соединила свою судьбу». Но такіе разсказы опровергаются свидѣтельствомъ миссисъ Миннсъ, особы очень близкой съ самаго начала ея брачной жизни къ лэди Байронъ, которая однако же никогда не жаловалась ей ни на что подобное. Въ письмѣ къ Муру отъ 2-го февраля, т.-е. какъ-разъ по истеченіи медоваго мѣсяца, проведеннаго у тестя, Байронъ говоритъ, что мѣсяцъ этотъ прошелъ, онъ проснулся,—и увидѣлъ себя женатымъ. «Мы сошлись съ женою какъ нельзя лучше», утверждаетъ онъ далѣе, приводя однако же слова Свифта, что «умные люди не женятся».—«За то для глупца», прибавляетъ Байронъ, «бракъ — самое блаженное состояніе. Я думаю однако же, что можно жениться только въ видѣ опыта, хотя я увѣренъ, что даже черезъ 99 лѣтъ я сдѣлалъ бы этотъ опытъ съ той же самой женщиной» [1]).

Какъ-разъ во время медоваго мѣсяца Байрона вышли въ свѣтъ его «Еврейскія Мелодіи». Въ коротенькомъ предисловіи онъ приписывалъ появленіе ихъ случайности—просьбѣ его пріятеля Киннерда составить текстъ для собранныхъ имъ еврейскихъ мотивовъ. Байронъ вообще отзывался объ этихъ стихотвореніяхъ пренебрежительно и даже называлъ ихъ «плаксивыми причитаньями». Дѣло, можетъ быть, въ томъ, что въ нихъ сказалось чувство горячей любви еврейскаго народа къ родинѣ — способность все приносить ей въ жертву, а отъ подобнаго настроенія, при субъективномъ направленіи поэзіи Байрона, должна была открещиваться гордая душа поэта, случайно обнаружившая тутъ свою собственную, такъ бдительно скрываемую, патріотическую струну. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пьесъ сказалась не особенно развитая въ еврейской религіозной поэзіи идея личнаго безсмертія души [2]), которая могла непосредственно вытекать изъ Байроновскаго начала безграничнаго развитія личности,—но могла, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляться ему и отталкивающею—по своему совпаденію съ догматомъ.

Увлеченье еврейскими религіозными мотивами едва ли нужда-

---

[1]) Engel, 54—55.

[2]) Въ пьесахъ: „О, если тамъ за небесами“ (III)—„Когда нашъ теплый трупъ“ (XV).

лось на самомъ дѣлѣ въ томъ объясненіи случайностью, къ которому прибѣгнулъ Байронъ. Оно легко вытекало изъ извѣстнаго намъ пристрастья поэта къ ветхому завѣту. Въ пьесѣ: «На разореніе Іерусалима Титомъ», поэту представлялся случай коснуться хотя бы съ чисто-исторической точки зрѣнія смѣны іудейства христіанствомъ, но онъ ограничился однимъ противопоставленіемъ слабаго и въ своей побѣдѣ язычества—сильному и въ своемъ паденіи іудейству:

.... Въ твой храмъ святой, гдѣ Ты, Господь, царилъ,
Не сядутъ, не войдутъ языческіе боги!
Твой зримый храмъ упалъ, но въ сердцѣ сохранилъ
На-вѣки твой народъ, Господь, тебѣ чертоги! [1])

Надо, наконецъ, замѣтить, что нѣкоторые изъ библейскихъ мотивовъ, воспроизведенныхъ поэтомъ, непосредственно отвѣчали его мрачной разочарованности. Таковъ его перифразъ Соломоновской «Суеты суетъ» (XIV) и въ особенности его варьяція на тэму «Саула, жаждущаго Давидовой арфы» [IX — «Душа моя мрачна» [2])]. Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію, обыкновенно приводимомъ въ изданіяхъ Байрона, значится: «Всѣмъ было извѣстно, что у лорда Байрона являлись иногда странности, довольно близкія къ помѣшательству,—и дѣйствительно одно время утверждали, что онъ на самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума. Байрона очень забавляли эти слухи. Разъ онъ объявилъ, что хочетъ посмотрѣть, какъ сумасшедшій человѣкъ можетъ писать; схвативъ перо съ видомъ помѣшаннаго, онъ дико и величественно устремилъ глаза въ даль и, въ порывѣ вдохновенія, разомъ написалъ эти стихи, не сдѣлавъ ни одной помарки» [3]).

Не должна ли была женитьба сдѣлаться для Байрона чѣмъ-то въ родѣ Давидовой успокоительной арфы? Но этому помѣшали уже тѣ кредиторы, которые, какъ хищныя птицы, налетѣли со всѣхъ сторонъ на поэта, когда онъ, послѣ своего медоваго (или, какъ онъ насмѣшливо выражался, сиропнаго) мѣсяца, проведеннаго имъ съ женою у тестя (о которомъ отзывался вообще насмѣшливо) вернулся съ своей новой подругой въ Лондонъ. Поэтъ, разумѣется, былъ бы радъ выпутаться разъ навсегда изъ критическаго положенія, но мы не имѣемъ никакого основанія полагать,

---

[1]) Переводъ А. Майкова. Всѣ вообще переводы „Еврейскихъ Мелодій" въ изданіи г-на Гербеля—удачны (ими и начинается его изданіе).

[2]) Она помѣщена у г-на Гербеля въ превосходномъ, всѣмъ извѣстномъ возсозданіи Лермонтова.

[3]) Изд. Н. В. Гербеля, I, 5.

что исключительно въ этихъ видахъ онъ и рѣшился жениться. Обладай онъ такою практической сметкой, онъ бы постарался взять за женою болѣе [1]). Между тѣмъ вышло такъ, что всего приданаго лэди Байронъ еле-еле хватило на уплату его долговъ, а затѣмъ онъ сейчасъ же вошелъ въ новые, такъ что ему вскорѣ пришлось продавать даже свою библіотеку. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что и постели молодой четы были описаны. Къ счастью, званіе пэра спасало поэта отъ долговой тюрьмы. Среди такихъ-то обстоятельствъ и родилась у Байрона дочь (10-го декабря 1815 года). Вслѣдъ затѣмъ, чуть оправившись, лэди Байронъ поѣхала для отдыха къ своимъ родителямъ. Это произошло по желанію поэта, который собирался пріѣхать туда за нею. Между тѣмъ ему пришлось, вслѣдъ за этимъ, получить письмо отъ тестя—съ извѣщеніемъ, что жена его съ маленькой дочерью никогда къ нему не вернутся. Байронъ отвѣчалъ, что подобное сообщеніе могло бы послѣдовать только со стороны самой лэди Байронъ. Она поспѣшила разсѣять его сомнѣнія собственнымъ письмомъ о томъ же. Такъ разсказываетъ это со словъ Байрона другъ его Муръ.

Когда, послѣ смерти поэта, воспоминанія Мура появились въ печати (уже въ 1830 году), лэди Байронъ стала это передавать иначе. «Передъ моимъ отъѣздомъ,—писала она,—мнѣ запала въ голову мысль, что лордъ Байронъ находится подъ вліяніемъ душевной болѣзни». Родные поэта, будто бы, подтвердили ея предположенія и даже замѣтили ей, что онъ порою готовъ на себя наложить руки. Докторъ, съ которымъ она совѣтовалась, внушилъ ей мысль — на время уѣхать и дать поэту придти въ себя. Впрочемъ, онъ желалъ, чтобы она переписывалась съ нимъ — о какихъ-нибудь легкихъ предметахъ. Этимъ, вѣроятно, и объясняется тò дружелюбное письмо, которое получилъ отъ нея Байронъ. Послѣ того, по ея увѣренію, писала ему ея мать (всегда, будто бы, относившаяся къ нему весьма любезно) и приглашала его къ нимъ пріѣхать. Между тѣмъ извѣстія, получаемыя молодою женой поэта, будто бы, подтверждали все болѣе и болѣе и прежде возникавшія въ ней сомнѣнія въ дѣйствительности его душевной болѣзни. Послѣ этого, она рѣшилась сказать родителямъ, что, такъ какъ обращеніе съ нею мужа не объясняется его болѣзнью, то она никогда не согласится къ нему вернуться [2]).

---

[1]) Не ограничиваясь надеждой *на будущія блага*—т.-е. на наслѣдство, которое должно было въ свое время достаться женѣ.

[2]) Elze, 157—160. Лэди Байронъ разсказывала, будто бы, приходя поздно ве-

Въ письмахъ поэта къ Муру послѣ постигшей его катастрофы выражается глубокое чувство горя, — но и твердости вмѣстѣ съ тѣмъ. «Ошибка или несчастье,—писалъ онъ отъ 8-го марта 1816 г.,—заключалась не въ выборѣ, сдѣланномъ мною, а въ томъ, что мнѣ бы вовсе не слѣдовало выбирать. Даже теперь, подъ впечатлѣніемъ всей этой отвратительной исторіи, я полагаю, что едва ли когда-нибудь существовало болѣе милое, привѣтливое, сердечное и пріятное существо, чѣмъ лэди Байронъ. Во все продолженіе моей жизни съ ней, я не могъ ни въ чемъ ее упрекнуть. Если кто изъ насъ заслуживаетъ порицанія, то это я самъ,—и если этого уже нельзя поправить, то приходится покориться» [1]. При гордомъ, самолюбивомъ и непокорномъ характерѣ Байрона, такое обвиненіе во всемъ самого себя можетъ быть объяснено только тѣмъ, что онъ очень любилъ жену. За то родныхъ ея онъ бранитъ въ томъ же самомъ письмѣ. Онъ ссылается также на запутанность своихъ дѣлъ, оказывавшую вліяніе на его душевное расположеніе. «Это доводило меня,— пишетъ онъ,—до гнѣвныхъ вспышекъ и дѣлало меня неспособнымъ спокойно наслаждаться жизнью. Многое зависѣло, можетъ быть, и отъ того, что, такъ рано достигнувъ самостоятельности, я пріучилъ себя жить шибко». Но при всей своей готовности безропотно покориться судьбѣ, которую онъ самъ заслужилъ, поэтъ упоминаетъ далѣе о своей «гордости, возмущенной тѣмъ, что про него распускаютъ самые грязные слухи» [2].

Вскорѣ ему пришлось, надо думать, убѣдиться въ томъ, что этимъ слухамъ причастна его жена. По крайней мѣрѣ, онъ сталъ о ней отзываться иначе. Слухи эти, вѣроятно, заключались въ такъ-называемой *тайнѣ*, которую лэди Байронъ, скрывъ даже отъ своихъ родителей, сообщила своему адвокату, послѣ чего онъ будто бы согласился съ нею, что примиреніе съ мужемъ для нея невозможно. Адвокатъ этотъ живъ до сихъ поръ, но не находитъ почему-то нужнымъ нарушить молчаніе. А между тѣмъ эта *тайна*, и въ свое время не оставшаяся совершенно подъ спудомъ, была,

---

черомъ домой, поэтъ дразнилъ ее тѣмъ, что онъ вернулся изъ неприличнаго дома; будто бы, во время болѣзни ея послѣ родовъ, онъ напугалъ ее ложною вѣстью о болѣзни ея матери; будто бы, наконецъ, при видѣ своей новорожденной дочки, онъ воскликнулъ: „да ты вѣдь будешь для меня только новой пыткой!“ (Elze, 192).

[1]) Въ томъ же тонѣ писалъ онъ 25-го марта Роджерсу, спрашивая его, отозвался ли онъ хоть разъ, въ защиту самого себя, сколько-нибудь невыгодно о женѣ? Не говорилъ ли онъ ему, напротивъ того, что если тутъ можетъ быть рѣчь о правотѣ или несправедливости, то правою, во всякомъ случаѣ, осталась бы его жена? (Engel, 59—60).

[2]) Engel, p. 58—59.

наконецъ (въ 1869 г.), перенесена въ печать извѣстною романисткою г-жею Бичеръ-Стоу, рѣшившеюся на это съ согласія лэди Байронъ, съ благимъ намѣреніемъ умѣрить этимъ разоблаченьемъ вредное вліяніе байроновской поэзіи. Дѣло заключается въ томъ, что Байронъ будто бы любилъ свою сводную сестру, находившуюся притомъ замужемъ, Августу Лей, болѣе, чѣмъ можетъ братъ любить сестру. Между тѣмъ, сестра эта, замѣчаетъ Эльце, была болѣе чѣмъ пятью годами старше Байрона, была очень счастлива со своимъ мужемъ, совершенно посвятила себя дѣтямъ и по бо́льшей части находилась въ разлукѣ со своимъ знаменитымъ братомъ (который, какъ мы знаемъ, даже не простился съ нею передъ своимъ продолжительнымъ путешествіемъ по Европѣ). Но всего страннѣе бы было, что лэди Байронъ не только допустила сестру своего мужа быть крестною матерью своей дочери, названной даже, въ честь г-жи Лей, Августой, но и сохраняла до смерти Байрона самыя дружескія отношенія съ этой самой его сестрой, на что́ и обращаетъ особенное вниманіе Эльце (стр. 176). Сверхъ того, исполнители завѣщанія лэди Байронъ объявили въ отвѣтъ на молву, разглашенную г-жею Бичеръ-Стоу, что въ находившихся у нихъ въ рукахъ запискахъ лэди Байронъ не нашлось ничего подтверждающаго эту обвинительную молву. Ссылающійся на это новѣйшій нѣмецкій біографъ Байрона, Рудольфъ Готшаль, не видитъ тутъ однако же неотразимаго доказательства правоты Байрона—на томъ основаніи, что лэди Байронъ «могла простереть и за двери гроба великодушіе своего молчанія, хотя и увлеклась однажды до того, что его нарушила» [1]). Но такое великодушіе нисколько бы не соотвѣтствовало ближайшему участію лэди Байронъ въ уничтоженіи записокъ ея мужа, заключавшихъ въ себѣ, по всей вѣроятности, оправдательныя страницы,—въ чемъ справедливо винитъ ее Эльце, замѣчая при этомъ, что она дождалась смерти сестры Байрона и тогда только пустила въ свѣтъ свои обвиненія, когда некому было на нихъ отвѣтить [2]). По всей вѣроятности, въ завѣщаніи лэди Байронъ не нашлось ничего, подтверждающаго обвиненіе, потому что въ свое время она сама не имѣла на то никакихъ основаній и воздержалась отъ того, чтобы ввѣрить бумагѣ свои подозрѣнія, возведенныя впослѣдствіи «добродѣтельною» г-жею Бичеръ-Стоу на степень положительнаго факта. Эльце старается психологически объяснить возможность такихъ подозрѣній со сто-

---

1) Der neue Plutarch, IV Theil. Leipzig, 1876, p. 306.

2) Elze, p. 181.

роны лэди Байронъ. «Она была слишкомъ способна предполо-гать въ своемъ мужѣ самое дурное... Самообвиненія Байрона, бывшія часто съ его стороны только плохими шутками и мистификаціями, она готова была принимать за чистую монету. Къ тому же, въ натурѣ ея была ревность, а, какъ единственное дитя въ своей семьѣ, едва ли она обладала способностью для пониманія нѣжной братской любви»... При такомъ настроеніи, довольно было близкой къ обоимъ супругамъ женщинѣ [1]) «сопоставить вниманье и нѣжность поэта къ сестрѣ съ его холоднымъ и строптивымъ обращеніемъ съ женою, да еще намекнуть при этомъ на то, что Августа была не болѣе, какъ сводная сестра Байрона — и сѣмя подозрѣнія было заброшено достаточно глубоко, чтобы принести плодъ. «Очень можетъ быть, что Байронъ когда-нибудь упомянулъ, по свойственному ему обычаю, о какомъ-нибудь чувствѣ своей виновности передъ сестрой. Извѣстно, какъ долго онъ занимался поэтическою игрой въ виновность и сознанье виновности, пока подозрѣнье въ несмываемомъ преступленіи не пало самымъ горькимъ образомъ на его голову».

Эльце предполагаетъ, что чудовищное подозрѣніе обратилось для лэди Байронъ въ своего рода душевную болѣзнь. Онъ ссылается при этомъ на голосъ, раздавшійся, наконецъ, въ самой англійской печати въ защиту гонимаго своими соотечественниками поэта, сравнивавшими его — даже печатно — съ Нерономъ, Калигулой и Геліогабаломъ — вслѣдъ за его разводомъ съ женою. Въ отвѣтъ на разглашеніе г-жи Бичеръ-Стоу, «Quarterly Review» между прочимъ замѣтила, что «если лэди Байронъ сначала объясняла его образъ дѣйствія душевной болѣзнью, то своего рода Немезида не даетъ благосклонному моралисту возможности объяснить ея собственный образъ дѣйствій чѣмъ-либо другимъ, какъ такою же душевною болѣзнью. Но есть — продолжаетъ журналъ — и существенная разница между болѣзнями мужа и жены: онъ болѣзненнымъ образомъ преувеличивалъ свои пороки, она — свои добродѣтели; его мономанія заключалась въ томъ, чтобы быть

[1]) Эльце предполагаетъ, что это была г-жа Шарлемонтъ, имѣвшая затаенные счеты съ поэтомъ (стр. 179). Противъ нея направлено злостно-сатирическое стихотвореніе Байрона „Эскизъ“ (его не оказывается въ изданіи г. Гербеля). Тутъ онъ во всемъ винитъ ее, про жену же свою говоритъ, что ей „не доставало только нѣжной слабости—прощать“. „Раздражаясь — продолжаетъ поэтъ — слишкомъ живо противъ ошибокъ, которыхъ не знаетъ ея душа, она полагаетъ, что всѣ на землѣ должны на нее походить; врагъ всѣхъ пороковъ, она однако же не можетъ быть названа другомъ добродѣтели, потому что добродѣтель 'прощаетъ тѣмъ, кого бы хотѣла исправить“ (The poetical Works of L. Byron, new edition. London, 1870, v. III, Miscellanies, v. I, p. 330).

невозможнымъ грѣшникомъ,—ея—чтобы быть невозможною святою» [1]). Только съ этою воображаемою святостью, при утвердившейся вѣрѣ въ преступность мужа и его сестры, какъ-то плохо мирится постоянно дружеское обращеніе лэди Байронъ съ послѣдней — только съ ней, при полнѣйшей непримиримости съ нимъ. Все это слишкомъ отзывается лицемѣріемъ или, наконецъ, Богъ знаетъ чѣмъ!

Между тѣмъ Готшаль рѣшительно примыкаетъ къ отечественнымъ клеветникамъ великаго поэта и старается доказать его вину самыми созданіями его поэзіи. Такъ, онъ считаетъ возможнымъ сослаться на то, что въ «Абидосской невѣстѣ» Зулейка и Селимъ любятъ другъ друга самой страстной любовью, несмотря на то, что она его считаетъ братомъ. Когда же оказывается, что онъ ей не братъ, она приходитъ въ отчаяніе отъ того, что ей нельзя будетъ больше любить Селима. Такая наивность Зулейки даетъ Готшалю поводъ сравнить ея душу съ «чистымъ листомъ, на которомъ не написаны еще никакія предписанія нравственности». Гораздо многозначительнѣе, конечно, въ позднѣйшей драматической поэмѣ Байрона «Каинъ» указаніе Люцифера на то, что любовь къ Каину его сестры Ады «пока еще не грѣхъ, но что со временемъ *такая* любовь между братомъ и сестрой сдѣлается грѣхомъ». Готшаль видитъ въ этомъ со стороны поэта тенденцію—выставить запрещеніе связи между братомъ и сестрой—однимъ изъ произвольныхъ законовъ нравственности [2]). Очень можетъ быть—но такая тенденція могла явиться у поэта уже подъ вліяніемъ толковъ объ его отношеніяхъ къ сестрѣ. Онъ, по своему обычаю, вѣроятно, и тутъ захотѣлъ подразнить своихъ клеветниковъ тѣмъ, что не только не старался разсѣять ихъ измышленія, но даже будто не видѣлъ никакого грѣха въ томъ, что̀ они считаютъ величайшимъ грѣхомъ. Точно также могъ онъ нѣсколько ранѣе поступить и въ своемъ «Манфредѣ», если вѣрно, что и въ этой драмѣ онъ указываетъ на ту же самую связь съ сестрой,—но указываетъ уже прямо, признавая ея грѣховность и томясь отъ сознанья ея въ себѣ. Но мы вскорѣ увидимъ изъ подробнаго разбора «Манфреда», есть ли достаточное основаніе въ этомъ мнѣніи Готшаля. Послѣдній полагаетъ, что поэтъ, въ своемъ гордомъ отпорѣ общественному мнѣнію, не ограничивался однимъ разыгрываніемъ виноватаго, но что онъ на самомъ дѣлѣ впалъ и въ эту даже вину, заставившую уподо-

---

[1]) Elze, 178—179.

[2]) Der neue Plutarch, IV, 309.

бить его Нерону, Калигулѣ и Геліогабалу, чтобы окончательно наругаться надъ общественными понятіями. «Онъ чувствовалъ въ себѣ — замѣчаетъ Готшаль — какое-то дикое, демоническое величіе, когда оскорблялъ самымъ вызывающимъ образомъ унаслѣдованныя преданія и нравы». Но если такъ, то онъ слишкомъ поторопился развѣнчать это свое «демоническое величіе» въ «Манфредѣ», выставивъ, какъ утверждаетъ Готшаль, основнымъ корнемъ страданій Манфреда сознаніе совершоннаго имъ оскорбленія этихъ самыхъ нравовъ.

На самомъ дѣлѣ Байронъ, дразня общественное мнѣніе мнимымъ равнодушіемъ къ клеветѣ, именно подъ вліяніемъ ея, надо думать, разомъ измѣнилъ тонъ своихъ отзывовъ о разставшейся съ нимъ женѣ. Стихотвореніе «Прости», написанное подъ первымъ впечатлѣніемъ разлуки съ нею, проникнуто еще тою же любовью, какою дышетъ и приведенное выше письмо его къ Муру,—хотя тутъ уже не одно самообвиненіе, но и упреки ей, только упреки, еще исполненные нѣжности:

Прости! и если такъ судьбою
Намъ суждено—на вѣкъ прости!
Пусть ты безжалостна [1])—съ тобою
Вражды мнѣ сердца не снести [2]).
Не можетъ быть, чтобъ повстрѣчала
Ты непреклонность чувства въ томъ,
На чьей груди ты засыпала
Невыразимо сладкимъ сномъ.

Можетъ ли такъ говорить человѣкъ, женившійся по разсчету (какъ готовъ предполагать Эльце) и притомъ для прикрытія другой, давнишней и противоестественной связи, какъ вмѣстѣ съ различными добродѣтельными англичанами воображаетъ Готшаль?

. . . .
Когда твой взоръ малютка ловитъ—
Ея цѣлуя, вспомяни
О томъ, тебѣ кто счастья молитъ,
Кто рай нашелъ въ твоей любви....

Тутъ чувство любви доведено до того, что поэтъ, вопреки своему обычному взгляду, даже готовъ по-христіански прощать и продолжать любить, не будучи уже самъ любимъ. Далѣе

---

[1]) Въ подлинникѣ: *unforgiving* — неспособна прощать.

[2]) Never'gainst thee schall my heart rebel., т.-е. никогда мое сердце не будетъ возмущено противъ тебя.

онъ прямо утверждаетъ, что въ немъ происходила нравственная переработка, но ее не пришлось довести до конца—

Ты потрясла моей душою;
Презрѣвшій свѣтъ духъ гордый мой
Тебѣ покорнымъ былъ; съ тобою
Разставшись, разстаюсь съ душой! [1])

Та же сила любви, но растворенная уже гораздо бóльшими укоризнами, сказалась въ стихотвореніи, написанномъ уже значительно позже—послѣ неудачной попытки поэта сойтись съ женой. Стихи эти не назначались для печати и только впослѣдствіи вошли въ собраніе стихотвореній Байрона. Поводомъ къ нимъ послужило полученіе извѣстія о болѣзни лэди Байронъ. Поэтъ подъ этимъ впечатлѣніемъ восклицаетъ:

Такъ, я отмщенъ! Судьбой своей гонимый,
Я грѣшенъ былъ, и могъ преступенъ быть;
Но не тебѣ, не женщинѣ любимой,
Господь велѣлъ грѣхи мои казнить!
. . . .
И пусть льстецы исполнены вниманья
И вкругъ тебя пускай тѣснится свѣтъ:
Безжалостнымъ не будетъ состраданья,
Безжалостнымъ на небѣ мѣста нѣтъ.
Я много жилъ и былъ богатъ врагами
И въ честный бой ходилъ прямымъ путемъ:
Я мстилъ врагамъ иль дѣлалъ ихъ друзьями,
Но ты была невѣдомымъ врагомъ....
Чего съ тобой не могъ бы сдѣлать я! [2]).

Какое же адское лицемѣріе надобно допустить въ поэтѣ, признавая подлинность той связи, которую онъ будто бы только хотѣлъ замаскировать своимъ бракомъ!

Но мы имѣемъ нѣсколько стихотвореній Байрона къ сестрѣ. Есть ли же тутъ хоть что-нибудь, отзывающееся тою страстью, отъ которой приходили въ ужасъ и современные ему, и пережившіе его сплетники? Одно изъ этихъ стихотвореній написано на

---

[1]) Переводъ Ив. Козлова (изд. Гербеля I, 25—26).

[2]) Эти прекрасные стихи А. В. Дружинина, въ сущности, не переводъ, а подражаніе. Тутъ недостаетъ многаго, даже слѣдующаго, весьма важнаго мѣста: „нравственная Клитемнестра своего мужа, ты убила мечомъ, отъ котораго я не оборонялся, мое доброе имя, мой миръ, мои надежды и ту лучшую жизнь, которая, безъ холодной измѣны твоего сердца, могла бы еще возродиться изъ нашихъ несогласій и найти болѣе благородный долгъ, чѣмъ эту разлуку“. (The poetical Works of L. Byron, new ed. Lond. 1870, III, p. 340).

прощаніе съ сестрой, пріѣхавшей погостить у него передъ отправленіемъ его въ новое странствованіе изъ окончательно-постылой для него родины.... Вотъ какимъ тономъ обращается поэтъ къ сестрѣ:

Хоть минули счастье и слава,
И звѣзда закатилась моя,
Ты одна не взяла себѣ права
Поносить и тревожить меня.
. . . .
Средь обломковъ и дикой пустыни
Я безъ страха и гордо стою:
Не отбить имъ послѣдней святыни—
Не утрачу любовь я твою [1]).

Гдѣ же тутъ языкъ *страсти?* Если же это опять только маска, то какое же надо предположить образцовое умѣнье лицемѣрить въ томъ, кто ее надѣлъ. — А мы знаемъ, что Байронъ любилъ, наоборотъ, прямо совать свои пороки въ глаза людямъ и даже преувеличивать ихъ имъ на зло, что́ есть мочи. Но Готшаль опирается по преимуществу на третьемъ посланіи поэта къ сестрѣ, напечатанномъ уже послѣ его смерти (въ 1830 г.) [2]). Оно написано уже послѣ того какъ поэтъ опять покинулъ свое отечество, написано въ Швейцаріи, и начинается такъ:

Сестра моя! (когда-бъ названье было
Еще нѣжнѣй, то было бы твоимъ) [3])
. . . .
Гдѣ-бъ ни былъ я, ты будешь — мнѣ сдается —
Всегда моей любимою мечтой:
Въ грядущемъ мнѣ вѣдь только остается
Объѣхать міръ и жить потомъ съ тобой.
Отъ первой я отрекся бы обузы,
Свершись мечта любимая моя;
Но на тебѣ лежатъ иныя узы
И облегчить ихъ не желаю я.

Мысль эта совершенно проста: она привязана къ своему гнѣзду и не можетъ посвятить всѣхъ своихъ заботъ брату — бездомному скитальцу на всю свою жизнь! Признавая это, онъ, стало-быть, покорился своей судьбѣ, и пообуздалъ въ себѣ причинившую ему уже столько бѣдъ волю,—

Идущую всему наперекоръ.

---

[1]) Перев. Дружинина.
[2]) Der neue Plutarch, IV, 302.
[3]) Въ подлинникѣ *dearer and purer*—т.-е. нѣжнѣе и *чище*.

Онъ смиряется и отдыхаетъ душою на лонѣ природы; но всѣ ея красоты въ Швейцаріи не въ силахъ у него похитить воспоминанія о другой, болѣе скромной природѣ, очаровывавшей его въ свѣтлые годы дѣтства — о природѣ тогда еще милой родины:

Люблю надъ тѣмъ я озеромъ носиться,
Чтò никогда не будетъ вновь моимъ!
Леманъ—хорошъ; но мысль моя стремится
Къ брегамъ инымъ и болѣ дорогимъ.

Мысль о сестрѣ такимъ образомъ сливается для него съ мыслію о свѣтломъ и чистомъ дѣтствѣ, со временъ котораго идетъ его связь съ сестрой, единственнымъ существомъ, съ которымъ онъ могъ быть коротокъ, такъ-какъ мать отстраняла его отъ себя своею причудливою неровностью.... Хорошо бы, хочетъ сказать поэтъ, если бы и позже я зналъ лишь такія связи:

Когда-бъ съ людьми пораньше я разстался,
Я бы не зналъ моихъ тревожныхъ грезъ,
Во мнѣ-бъ страстей соборъ не пробуждался,
Я-бъ не страдалъ и ты-бъ не знала слезъ —

т.-е. не знала бы слезъ о нравственныхъ паденіяхъ брата и объ озлобленныхъ гоненіяхъ на него — вслѣдствіе этого «собора страстей», который не пробудился бы въ немъ, если бы онъ могъ навсегда остаться вблизи сестры. Но и въ роковой для него разлукѣ съ нею онъ навсегда останется съ нею связанъ всѣми лучшими, уцѣлѣвшими въ немъ струнами души....

Сестра! судьба союзъ намъ завѣщала
Отъ первыхъ дней до сѣней гробовыхъ —
И какъ бы смерть намъ поздно ни предстала,
Та связь продлится дольше всѣхъ другихъ [1]).

Надо имѣть, мнѣ кажется, очень сильное и очень испорченное воображеніе, чтобы усмотрѣть въ этомъ языкѣ какой-то незаконной страсти!

Но Готшаль ссылается на то, что сама Августа Лей вплоть до 1830 г. не соглашалась на напечатаніе этого посланія къ ней поэта. «Что же могло,—спрашиваетъ онъ,—вызвать съ ея стороны такое противодѣйствіе обнародованію столь прекрасныхъ въ поэтическомъ смыслѣ стиховъ? Что могло заключаться непри-

---

[1]) Этотъ весьма удачный переводъ Н. В. Гербеля помѣщенъ въ 3-й части его изданія, на стр. 95—100.

личнаго (anstössiges) въ посланіи брата къ сестрѣ? Ничего болѣе, какъ то, что оно было написано языкомъ пламенной любви, что такое посланіе могло быть направлено прямо къ возлюбленной». Но мы видѣли уже, такъ ли это? Сестру же Байрона отъ напечатанія этихъ стиховъ могло удерживать именно то, что слухи о грязной сплетнѣ, разумѣется, до нея доходили,—а тогда, какъ и позже, особенно при враждѣ къ поэту въ его отечествѣ, было не мало людей, способныхъ и промежду самыхъ чистыхъ строкъ вычитывать самыя нечистыя мысли.

Если у Байрона есть стихи, къ которымъ можно *придраться* въ смыслѣ занимающаго насъ теперь обвиненія, то это развѣ 55-ая строфа 3-й пѣсни «Чайльдъ-Гарольда»:

Да, онъ любилъ одно созданье,
И связь, сильнѣй законныхъ узъ,
Связала ихъ: ей нѣтъ названья: [1])
Былъ чистъ и крѣпокъ ихъ союзъ.

Но въ этомъ можетъ заключаться намекъ на какую-нибудь одну изъ привязанностей Байрона до брака, которую онъ могъ идеализировать тутъ изъ напряженно-самолюбиваго чувства досады на тѣ законныя связи, въ прочности которыхъ онъ только-что обманулся. Впрочемъ, поэтъ, приписывая эти воспоминанія своему герою, могъ даже быть не совсѣмъ чуждымъ желанія подразнить своихъ враговъ, уподоблявшихъ его во всемъ Чайльду, намекалъ даже прямо на *тѣ* незаконныя отношенія, которыя только *приписывались* ему врагами, но которыхъ онъ *не хотѣлъ* у нихъ оспаривать.

Поэтъ не даромъ опять покинулъ родину и отправился въ Швейцарію, гдѣ и написано имъ посланіе къ сестрѣ. Но еще во время своей кратковременной брачной жизни онъ успѣлъ издать въ свѣтъ, вслѣдъ за «Еврейскими Мелодіями», двѣ поэмы: «Паризину» и «Осаду Коринѳа». Первая самымъ своимъ сюжетомъ могла, въ свою очередь, подать поводъ заподозрить поэта въ желаніи идеализировать запретную страсть. Паризина—жена Феррарскаго герцога, котораго незаконно-рожденный сынъ является соперникомъ своего отца въ любви къ ней, предназначавшейся прежде въ невѣсты не отцу, а сыну [2]). Связь между молодыми людьми, повинующимися голосу природы на зло ста-

---

[1]) Though unwed—хотя и внѣ брака.

[2]) Положеніе, нѣсколько напоминающее Шиллерова Донъ-Карлоса—съ тою разницею, что тамъ любовь между пасынкомъ и мачихой остается, скрѣпя сердце, платоническою.

рику-разлучнику, нарисована въ поэмѣ самыми привлекательными чертами. Предубѣжденный читатель, послѣ того, какъ сплетня про поэта пошла въ ходъ, легко могъ высматривать тутъ поэтическую идеализацію отношеній самого Байрона къ его сестрѣ. Но несчастный Уго платится за свое преступленіе казнью, подписанною самимъ отцомъ. Послѣдній, значитъ, злодѣй, — поэтъ умышленно его выставляетъ такимъ, чтобы усилить сочувствіе читателя къ преступному сыну—такія заключенія легко могли приходить на умъ досужимъ сплетникамъ моралистамъ. Но поэтъ не старался вполнѣ оправдать своего героя, онъ говоритъ:

Ужасенъ грѣхъ и правъ законъ [1]).

Ну, это и значитъ, что онъ самъ былъ причастенъ соотвѣтственному грѣху, а потому, при всей своей гордой безнравственности, невольно выдалъ въ этомъ стихѣ угрызенія своей совѣсти. Не даромъ же, могли продолжать, подъ вліяніемъ тѣхъ же угрызеній совѣсти, онъ выставилъ Уго даже не отказавшимся передъ смертью отъ религіознаго напутствія... А вѣдь у Байрона, какъ извѣстно, всѣ герои выливаются въ одну *свою* форму—вполнѣ независимо отъ условій мѣста и времени. Уго, стало быть,—вѣрующій не потому, что онъ католикъ стараго времени, а потому, что, подъ гнетомъ сознанія собственной ужасной вины, самъ поэтъ готовъ ухватиться за все—даже за вѣру. Но Уго вообще не лишенъ мягкости, въ немъ вообще сказался довольно слабо обычный Байроновскій типъ. Ну, это и значитъ, что гордость самого поэта была надломлена сознаніемъ ужасной его вины. Такимъ образомъ, всякая черта въ произведеніяхъ поэта могла истолковываться досужими моралистами, какъ имъ было надобно, и каждая новая поэма Байрона могла становиться новымъ обвинительнымъ актомъ противъ него. Я только примѣнилъ къ «Паризинѣ» тѣ пріемы морализатора-сыщика, которыя такъ блистательно примѣнилъ Готшаль къ «Абидосской невѣстѣ», «Каину» и «Манфреду». А такихъ сыщиковъ и при жизни поэта было, конечно, не мало.

Въ «Осадѣ Коринеа» прежній, вполнѣ непокорный Байроновскій типъ проявился опять, такъ-сказать, во весь свой ростъ—въ лицѣ Альпа. Не значитъ ли это, что та готовность смягчиться, которая могла бы развиться въ поэтѣ при дѣйствительно счастливомъ бракѣ, — опять ушла у него въ самую глубь души отъ холоднаго прикосновенія его «добродѣтельной» су-

---

[1]) Dark the crime, and just the law. „Паризина“ переведена г. Гербелемъ вообще удачно (т. I, стр. 51—60).

пруги?—Какъ бы то ни было, въ Альпѣ сказывается опять исключительно чувство *личной обиженности*, доводящее его даже до ренегатства. Венеціанецъ родомъ и страстно влюбленный въ дочь венеціанца Минотти, управлявшаго Коринѳомъ (послѣ того какъ «грозный мечъ венеціанъ исторгъ Морею у турокъ»), Альпъ получивъ отъ него отказъ въ рукѣ ея и вообще обиженъ родиной. При свиданіи съ предметомъ своей страстной любви у стѣнъ осаждаемаго имъ вмѣстѣ съ турками греческаго города, онъ разсчитываетъ на то, что и ею будетъ руководить только личная страсть. Но она, какъ и многія Байроновскія женщины, способна на то, чего такъ долго недоставало самому поэту и его мужскимъ типамъ. Она становится выше личнаго чувства,—и отвергаетъ Альпа, какъ измѣнника родному народу и вѣрѣ. Тутъ такимъ образомъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ противъ «Гяура», гдѣ дѣло съ обѣихъ сторонъ ограничивается только личной любовью. Но тутъ, какъ и тамъ, на почвѣ, дававшей прямой поводъ нарисовать отношенія къ мусульманамъ порабощенныхъ ими, но не утратившихъ желанія свободы, туземныхъ христіанъ, поэтъ рисуетъ намъ образы пришлыхъ дѣтей западной Европы. Въ этомъ, конечно, продолжали невольно сказываться извѣстныя преданія англійской политики, не желающей знать балканскихъ туземцевъ. Съ другой стороны за то лирическое выраженіе участія къ Греціи, сказавшееся уже въ «Гяурѣ» и другихъ произведеніяхъ перваго періода (но еще только въ формѣ художническо-археологическаго увлеченія), оказывается въ «Осадѣ Коринѳа» положительно окрѣпшимъ и принявшимъ болѣе широкое направленіе—уже совершенно на зло всѣмъ преданіямъ родины, ставшей окончательно врагомъ поэта и тѣмъ самымъ его породнившей со всѣми ею гонимыми и обиженными.

Вспоминая про прежнихъ героевъ Греціи, поэтъ замѣчаетъ:

Кого величіе влечетъ,
Предъ тѣмъ Эллада возстаетъ:
И, ободренный, онъ стремится
Тиранство низкое попрать;
И въ битву радостно онъ мчится,
Чтобъ жизнь за Грецію отдать
Или мечомъ добыть свободу
Ея несчастному народу.

Такіе стихи *пока* вытекали, можетъ быть, главнымъ образомъ изъ того, что самъ Байронъ состоялъ относительно Англіи въ роли Альпа. Послѣ окончательнаго развода съ женой и всѣхъ распущенныхъ по этому поводу сплетенъ, онъ покинулъ Англію,

чтобы никогда болѣе ее не видать. Впрочемъ, и въ самомъ изгнаніи поэта не оставляла въ покоѣ «ватага лицемѣровъ, мнимыхъ моралистовъ и ревнителей обрядной нравственности, которыми,—по выраженію Шерра,—кишитъ Англія» [1]).

Къ этому времени относится то стихотвореніе «Сонъ», о которомъ уже говорилось у меня выше по поводу и первой любви поэта, и его настроенія во время свадьбы.

Замѣчательно, что, отправляясь въ путь, Байронъ забралъ съ собой многочисленную прислугу и даже молодого доктора для своей особы, и озаботился сооруженіемъ для себя экипажа съ самыми изысканными удобствами. Всѣ эти барскія затѣи, по замѣчанію Эльце, не могли быть на его собственный счетъ — при запутанности его дѣлъ. Но не могъ ли онъ войти въ долгъ, разсчитывая расплатиться гонораромъ за свои будущія сочиненія? Долго онъ совсѣмъ не бралъ гонорара, но сталъ, наконецъ, его брать, и всѣмъ заранѣе могло быть извѣстно, что онъ можетъ получать громадныя деньги за плоды своего вдохновенія [2]). Эльце полагаетъ (199), что онъ не задумался устроить себѣ весь этотъ комфортъ на счетъ жены, получивъ возможность расплатиться съ нею только позже (въ 1818 г.), по продажѣ своего наслѣдственнаго имѣнія. Если это такъ, то онъ строго держался англійскаго закона, предоставляющаго мужу право безусловно располагать имуществомъ жены. Какъ оно ни странно послѣ разлада съ леди Байронъ, это можетъ быть объяснено тѣмъ безусловнымъ стояніемъ *за свои права и интересы*, которое вытекаетъ изъ крайняго развитія личности, сказывающагося какъ въ англійскомъ національномъ характерѣ, такъ и въ характерѣ Байрона, этого, въ сущности, истаго сына Англіи.

Еще на Рейнѣ, поэтъ сталъ набрасывать третью пѣснь своихъ странствованій «Чайльдъ-Гарольда», т.-е. передавать свѣжія впечатлѣнія своихъ собственныхъ новыхъ странствованій, недававшихъ ему однакоже никакой возможности убѣжать отъ самого себя... Въ началѣ третьей пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», поэтъ вспоминаетъ о дочери, съ которой его навсегда разлучили.

Мое дитя, малютка Ада,
Я не забылъ твои черты!
Улыбкой дѣвственнаго взгляда
На мать свою похожа-ль ты? [3])

---

[1]) Его статья о Байронѣ помѣщена во главѣ изданія г. Гербеля.

[2]) За 4-ю пѣсню „Ч. Гарольда" онъ потребовалъ, по свидѣтельству Энгеля, 17,500 талеровъ и, разумѣется, получилъ (Engel, 80).

[3]) Ей же посвящены и заключительныя строфы этой пѣсни.

Возвращаясь въ третьей пѣсни къ своему герою (которымъ занимается онъ тутъ гораздо меньше, чѣмъ въ первыхъ двухъ пѣсняхъ и котораго даже совсѣмъ забываетъ въ четвертой) поэтъ надѣляетъ его опять своимъ собственнымъ нелюдимствомъ и разочарованностью.

Не особенно утѣшителенъ былъ и тотъ политическій опытъ, который только-что достался тогда Европѣ. Ватерлооское поле внушаетъ поэту слѣдующія мысли...

Правдивый судъ! Пусть Галлъ кусаетъ
Свои стальныя удила.
Но гдѣ-жъ свобода? Что дала
Побѣда надъ однимъ владыкой?
Затѣмъ ли свергнули мы *льва*,
Чтобъ предъ *волками* преклоняться?

И точно, меттерниховщина смѣнила бонапартизмъ,—и уже давала себя знать тогда. Наполеонъ, окончательно свергнутый, опять сталъ для нашего поэта предметомъ участія—многими сторонами, соотвѣтствовавшими характеру самого поэта. «То больше, то меньше чѣмъ человѣкъ,—обращается къ нему Байронъ,—то на высотѣ, то совсѣмъ внизу, давая сраженья народамъ и спасаясь съ поля битвы, то дѣлая головы государей своимъ подножіемъ, то скорѣе послѣдняго солдата готовый сдаваться, ты умѣлъ править царствами, сокрушать ихъ и возстановлять, но не умѣлъ справиться съ малѣйшею изъ своихъ страстей, ни, при твоемъ глубокомъ дарѣ постигать другихъ, сколько-нибудь читать въ своей собственной душѣ» [1]). Поэтъ готовъ былъ почти благоговѣть передъ Наполеономъ за его гордое настроеніе въ самомъ своемъ паденіи. «Душа твоя,—говоритъ онъ ему,—вынесла такъ отлично поворотъ судьбы, вынесла съ тою прирожденною философіею, которой не выучишься, будь она—умъ, хладнокровіе или глубина гордости, но которая остается горькою желчью и полынью для враговъ». «Твоя гордость подстрекала тебя черезъ-чуръ выказывать твое справедливое и привычное презрѣніе къ людямъ и къ ихъ понятіямъ; оно было бы мудростью—это презрѣніе къ нимъ—если бы ты не носилъ его постоянно на твоихъ устахъ и на твоемъ челѣ, такъ что покорныя орудія твоей воли поднялись, наконецъ, на твою собственную погибель».—Поэтъ былъ вѣдь и самъ знакомъ по опыту съ практическими послѣдствіями край-

---

[1]) Я привожу это, какъ и многое далѣе, въ своемъ собственномъ прозаическомъ переводѣ, такъ какъ переводъ г. Минаева, хорошій по стиху, часто оказывается крайне неточнымъ (хотя онъ значительно выправленъ противъ 1-го изданія).

наго презрѣнія къ людямъ и къ ихъ понятіямъ. Но становиться съ ними въ одинъ уровень онъ считаетъ по прежнему невозможнымъ. «Не можетъ быть ничего ненавистнѣе, какъ сознавать себя неподатливымъ звеномъ живой цѣпи, знать, что мнѣ отведено мѣсто посреди тварей, тогда какъ душа стремится туда — къ облакамъ, на вершины горъ, на просторъ океана или въ сонмище звѣздъ».

По пріѣздѣ въ Швейцарію усиливаются успокоительныя впечатлѣнья красотъ природы, описанныя уже во второй половинѣ третьей пѣсни, оконченной тамъ — подъ впечатлѣніемъ также и особыхъ воспоминаній—воспоминаній о Ж.-Ж. Руссо. Онъ и его послѣдователи расшатали зданіе, на обломкахъ котораго основалъ свое величіе Наполеонъ, тотъ самый Наполеонъ, который только-что былъ низринутъ—чуть не на глазахъ у поэта, но опять не къ добру, опять не къ пользѣ для человѣчества! Но долго ли оно будетъ такъ—долго ли будетъ раздаваться все только новая погудка на тотъ же старый ладъ? Нѣтъ, «человѣчество уже почувствовало свою силу и оно даетъ ее чувствовать. Можно было бы лучше ею воспользоваться, но народы были увлечены сознаніемъ своей новой мощи и грозно столкнулись между собою... Прожившіе такъ долго въ мрачной пещерѣ гнета не могутъ оказаться орлами, взрощенными при свѣтѣ дня. Что-жъ за диво, если они ошиблись въ своей добычѣ?...

Въ словахъ этихъ свѣтлое гуманное чувство разсѣяло обычный мракъ Байроновскаго разочарованія. Та же гуманность сказалась и въ слѣдующихъ примирительныхъ выраженіяхъ: «Я никогда не любилъ свѣта, ни свѣтъ меня,—но все же намъ лучше разстаться добрыми врагами (fair foes); я готовъ вѣрить, хотя я и не нашелъ этого, что въ немъ не все только *слова*, но есть и *дѣла*, что не всѣ его надежды обманываютъ, что существуетъ въ немъ добродѣтель, способная и прощать [1]), а не только ставить силки для слабыхъ; я готовъ даже думать, что есть же люди, способные чистосердечно тужить о чужой бѣдѣ; что найдутся въ немъ хоть два человѣка, или, наконецъ, хоть одинъ, который, на самомъ дѣлѣ, почти то, чѣмъ онъ кажется, что доброта не одинъ лишь звукъ и счастье не одинъ лишь сонъ».

Тамъ же, въ Швейцаріи, и около того же времени у Байрона вылился извѣстный его диѳирамбъ свободѣ, составляющій приступъ къ «Шильонскому узнику»:

---

1) Опять, надо думать, намекъ на *не прощающую* жену поэта.

О, вѣчный духъ, не скованный цѣпями,
Въ темничной тьмѣ свѣтящая свобода!
Тамъ — въ сердцѣ ты свила себѣ гнѣздо,
Съ тобой одной любовью слитомъ сердцѣ!
Твои сыны, забитые въ оковы,
Подъ сводами сырой темничной тьмы
Страдальчествомъ побѣду покупаютъ
Родной странѣ, и чистая молва
По всѣмъ вѣтрамъ разносится о волѣ!
Шильонъ! твоя тюрьма—святой алтарь,
Въ ней слѣдъ отпечатлѣлся Бонивара;
Да будетъ вѣчно онъ хранимъ, и къ Богу
Взываетъ за людей порабощенныхъ! [1]).

Самая исторія Бонивара и его двухъ, вмѣстѣ съ нимъ заточенныхъ братьевъ, хорошо извѣстна намъ всѣмъ по прелестному переводу Жуковскаго. Поэма, какъ извѣстно, исполнена темничнаго мрака, но согрѣта любовью старшаго узника къ двумъ меньшимъ. Но, кромѣ этой вполнѣ безкорыстной, совсѣмъ *не личной* любви, которою до тѣхъ поръ поэтъ надѣлялъ только своихъ женщинъ,—въ Бониварѣ сказывается даже и вѣра, сдерживающая, въ свою очередь, эгоизмъ. Страннымъ образомъ въ переводѣ нашего несомнѣнно вѣровавшаго поэта черта эта вышла далеко не такъ опредѣленна, какъ въ подлинникѣ скептика Байрона. У Жуковскаго Бониваръ говоритъ:

Не знаю, вѣра-ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь спасла?

Между тѣмъ у Байрона совершенно прямо:

I had no earthly hope—but faith,
And that forbade a selfish death...

т.-е. «у меня не было земной надежды, но была вѣра, и она воспретила мнѣ эгоистическое самоубійство». За то Жуковскій, совершенно уже соотвѣтственно своему собственному характеру, подбавилъ кротости и безропотности меньшому брату, который, впрочемъ, довольно ясно надѣленъ этими качествами и въ самомъ подлинникѣ. Чтó касается старшаго, то къ концу, совсѣмъ опять въ духѣ обычныхъ байроновскихъ героевъ, онъ говоритъ:

Я безнадежность полюбилъ.

[1]) Вступленіе это не было переведено Жуковскимъ. Его недостаетъ и въ изданіи г. Гербеля, воспроизведшемъ переводъ нашего знаменитаго поэта. Я перевелъ это вступленіе, какъ съумѣлъ.

Но въ той же Швейцаріи, вызвавшей у поэта своими успокоительными красотами нѣсколько свѣтлыхъ мотивовъ, онъ нарисовалъ свою, какъ ее называетъ Шерръ, страшную картину отчаянія: «Тьму». Ему представилось, что на землѣ окончательно не стало свѣта — а вмѣстѣ съ нимъ и тепла, а съ отсутствіемъ того и другого сталъ царить голодъ, — голодъ, который дошелъ до того, что —

...пожиралъ скелетъ скелета,
И даже псы хозяевъ раздирали.
Одинъ лишь песъ остался трупу вѣренъ:
Звѣрей, людей голодныхъ отгонялъ,
Пока другіе трупы привлекали
Ихъ зубы жадные; но пищи самъ
Не принималъ....

Такимъ образомъ, чувство любви и благодарности уцѣлѣло — только въ животномъ... Въ людяхъ же, въ двухъ послѣднихъ людяхъ, узнавшихъ другъ друга при свѣтѣ послѣдняго, раздутаго ими уголька, уцѣлѣло совсѣмъ другое. То было двое согражданъ — старыхъ враговъ —

... оба подняли глаза,
Взглянули, вскрикнули, и тутъ же вмѣстѣ,
Отъ ужаса взаимнаго, внезапно
Упали мертвыми [1]...

Стихотвореніе это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому настроенію, которое, при всемъ успокоительномъ дѣйствіи на поэта его швейцарской жизни на лонѣ природы, сказалось въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ его тогдашняго дневника. «Я былъ, — пишетъ онъ, — расположенъ къ тому, чтобы быть довольнымъ. Я большой любитель природы и почитатель ея красотъ. Я готовъ выносить усталость и привѣтствовать лишенія, и мнѣ пришлось насладиться нѣкоторыми изъ лучшихъ видовъ въ мірѣ. Но среди всего этого — воспоминаніе испытанной горечи, особливо же недавняго и преимущественно домашняго огорченія, которое должно сопровождать меня во всю мою жизнь, отяготѣло на мнѣ и здѣсь; ни музыка пастуховъ, ни трескъ ниспадающихъ лавинъ, ни водопады, ни горы, ни ледники, ни лѣса, ни облака, ни на одну минуту не сбавили тяжести съ моего сердца, не могли освободить меня отъ постояннаго злополучнаго пребыванья

[1]) Переводъ И. С. Тургенева (изд. г. Гербеля, I, 42).

въ самомъ себѣ [1]) передъ этимъ величіемъ, этой силой, этой славой повсюду вокругъ, надо мной и подо мной» [2]).

Уныніе могло поддерживаться въ поэтѣ и тѣмъ, что и въ Швейцаріи его преслѣдовали встрѣчи съ милыми соотечественниками. Въ другомъ отрывкѣ изъ своего дневника онъ разсказываетъ, какъ по дорогѣ въ Шильонъ ему попалась цѣлая компанія англичанъ и между ними крѣпко заснувшая дама. «Крѣпко заснуть въ самомъ ненаркотическомъ уголкѣ земли,—это прелестно!» восклицаетъ поэтъ. Но еще болѣе утѣшила его другая дама—«разумѣется,—замѣчаетъ онъ,—тоже англичанка», воскликнувшая, у подножья Монблана: «какой сельскій ландшафтъ!»—«Скалы, сосны, горные потоки, лавины и облака на вершинахъ съ никогда нетающимъ снѣгомъ—и это онѣ называютъ сельскимъ ландшафтомъ!» [3]).

Правда, были и другого рода встрѣчи съ тѣми же соотечественниками. Въ Швейцаріи Байронъ познакомился съ поэтомъ Шелли, судьба котораго въ Англіи стала впослѣдствіи даже печальнѣе судьбы самого Байрона: у него, послѣ смерти его жены, были отняты дѣти—для предохраненія ихъ отъ его религіознаго вольнодумства. Въ 1816 г. его молодая жена была вмѣстѣ съ нимъ въ Швейцаріи, и Байронъ проводилъ съ ними обоими время. Муръ въ своихъ запискахъ представляетъ любопытную сравнительную характеристику обоихъ поэтовъ, которая однакоже относительно Байрона невполнѣ вѣрна. «Въ Байронѣ,—говоритъ онъ,—реальное никогда не приносилось окончательно въ жертву фантазіи. Хотя воображеніе отдало въ его распоряженіе все свое царство, онъ былъ не менѣе сыномъ этого міра, чѣмъ его строителемъ; потому-то и въ самыхъ воздушныхъ и тонкихъ созданіяхъ его духа обращалась живая кровь дѣйствительности и правды. Совсѣмъ не то Шелли: его фантазія (у него ея было столько, что хватило бы на цѣлое поколѣніе поэтовъ) была та призма, чрезъ которую онъ смотрѣлъ на все, на свои факты, также какъ на свои теоріи; не только по большей части его поэзія, но и тѣ политическія и философскія умствованія, которыя онъ лелѣялъ, пропускались черезъ тотъ же очистительный отвлеченный [4]) сосудъ»... Въ сущности, разумѣется, Байронъ и самъ былъ крайній идеалистъ, но Шелли далеко превосходилъ

---

[1]) Я не умѣю ближе передать: not enabled me to lose my own wresched identity.

[2]) Th. Moore, Letters and Journals of L. Byron, with notices of his life in four volumes, Paris, 1831, III, 28.

[3]) Engel, p. 61. Онъ переводитъ *idyllisch*. Въ подлинникѣ *rural* (Moore, III, 18).

[4]) Unrealizing alembic.

даже его въ этомъ направленіи. «При воспріимчивости Байрона къ новымъ впечатлѣніямъ,—продолжаетъ Муръ,—воззрѣнія такого собесѣдника, какъ Шелли, оставались далеко не безъ вліянія на духъ Байрона (тѣмъ болѣе, кажется мнѣ, что онъ былъ одноподенъ съ духомъ Шелли). Мѣстами, сквозь тѣ взрывы страсти и картины природы, которыми изобилуетъ третья пѣсня «Чайльдъ-Гарольда», можно разглядѣть слѣды того мистицизма мысли, той возвышенности ея, распускающейся въ своей собственной неопредѣленности, которая въ такой сильной степени характеризуетъ произведенія его необыкновеннаго друга» [1]). Вліяніе Шелли сказалось, можетъ быть, и въ гуманномъ идеализмѣ стихотворенія «Прометей» (написаннаго въ ту пору):

Не съ равнодушіемъ, какъ боги,
Титанъ безсмертный, ты глядѣлъ
На человѣческій удѣлъ,
Его напасти и тревоги.
Ты насъ любилъ [2]), но что-жъ тебѣ
Наградой было? Лишь страданья
Въ упорной и нѣмой борьбѣ,
Борьбѣ, не знавшей упованья —
Оковы, коршунъ и скала.

Тутъ, стало-быть, не одна идея смѣлаго отпора тѣмъ, кто сильнѣе, но и идея посвященья себя на службу тѣмъ, кто слабѣе насъ. Въ стихахъ этихъ вѣетъ уже не тотъ духъ, который сказался (какъ мы видѣли выше) въ отзывѣ поэта о Ларѣ:

За слабыхъ онъ, чтобъ сильныхъ въ грязь втоптать.

Въ классическомъ Прометеѣ сказался у поэта духъ, близкій къ тому *новозавѣтному* духу любви, котораго такъ долго не могъ переварить Байронъ и который, можно сказать, лежитъ въ основаніи «мирового принципа любви» у Шелли — этого, какъ его считали въ Англіи и какъ самъ онъ себя считалъ, *атеиста*.

Но Байрону не суждено было долго оставаться подъ теплымъ вліяніемъ своего знаменитаго друга. Другіе его соотечественники, а отчасти и не менѣе ихъ святошествующіе женевцы, своимъ любопытствующимъ бѣганьемъ за пѣвцомъ «Чайльдъ-Гарольда», скоро выжили его изъ Швейцаріи (само-собой разумѣется, что они бѣгали не столько за геніемъ, сколько, какъ имъ казалось,

---

[1]) Т.-е. Шелли. Moore's Life of L. Byron, III, 30—32.

[2]) Этихъ словъ, впрочемъ, въ подлинникѣ нѣтъ; они соотвѣтствуютъ въ немъ одному *pity*.

за чудовищемъ безнравственности) [1]). Вмѣстѣ же съ тѣмъ, перемѣна мѣста, ради новыхъ впечатлѣній, могла понадобиться поэту и потому, что, рѣшившись, по совѣту также жившей тогда въ Швейцаріи m-me de Staël, на попытку примириться черезъ посредство нѣкоторыхъ лицъ съ женой, онъ испыталъ въ этомъ окончательную неудачу. Вотъ тутъ-то и написалъ онъ уже затронутые мною выше стихи: «по полученіи извѣстія о болѣзни лэди Байронъ». Но и вслѣдъ затѣмъ, уже по переѣздѣ въ Италію (на которую спѣшилъ онъ смѣнить Швейцарію), Байронъ продолжалъ писать подъ различными дѣловыми предлогами къ женѣ и посылать ей подарки для маленькой дочери. Жена же сообщала ему свѣдѣнія о ней черезъ его сестру (съ которой, стало-быть, не переставала быть въ перепискѣ) и однажды рѣшилась даже утѣшить поэта, приславъ ему волосы его дочери.

Еще въ Швейцаріи, у m-me de Staël, Байронъ познакомился съ англійскимъ романомъ: «Glenarvon», въ которомъ выведенъ былъ, и съ самой дурной стороны, не кто другой, какъ онъ самъ. Сочинительница романа, г-жа Ламбъ, съ которой Байронъ имѣлъ связь до своей женитьбы, обратила эту книгу въ орудіе мщенья поэту за скорое охлажденіе его къ ней. Въ Италіи встрѣтился онъ съ публикаціей о предстоящемъ переводѣ этого романа на итальянскій языкъ. Впрочемъ, цензоръ обратился къ поэту съ вопросомъ, не желаетъ ли онъ воспрепятствовать появленію въ свѣтъ этого перевода. Поэтъ не только не воспользовался этимъ, но даже доставилъ переводчику денежное пособіе для напечатанія. Это не безъ основанія объясняютъ тѣмъ, что ему нравилось быть знаменитостью въ какомъ бы то ни было родѣ. Къ тому же, онъ позаботился довести это до свѣдѣнія г-жи Ламбъ, которая такимъ образомъ даромъ потратила свой зарядъ [2]).

Точно такъ же на зло — уже не какой-нибудь г-жѣ Ламбъ, а всѣмъ — въ Миланѣ, въ Амвросіанской библіотекѣ онъ внимательно занялся перепискою Лукреціи Борджіа, знаменитой между прочимъ и по своей связи съ роднымъ братомъ. Онъ даже взялъ съ собой волосокъ изъ сохраняющагося тамъ локона Лукреціи, какъ-бы желая этимъ подать поводъ думать, что онъ относится съ особаго рода культомъ къ тѣмъ порочнымъ знаменитостямъ, которыя были, могли сказать, авторитетомъ для него самого.

Поэтъ, наконецъ, основался въ Венеціи — вблизи издавна ему

---

[1]) Муръ разсказываетъ, что одна 65-ти-лѣтняя англійская писательница, при неожиданной встрѣчѣ съ Байрономъ въ обществѣ, упала въ обморокъ, точно будто бы ей предстало „само его сатанинское величество".

[2]) Elze, 148.

дорогой стихіи, которую не даромъ сопоставлялъ съ характеромъ Байрона нашъ Пушкинъ въ извѣстныхъ своихъ стихахъ «Къ морю»:

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могучъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ не укротимъ.

Но Байрона, сверхъ того, привлекала Венеція тѣмъ, что, «хотя и республика, она была истымъ городомъ аристократизма», а «Байронъ, при всемъ радикализмѣ своемъ на бумагѣ, оставался во всю жизнь самымъ отъявленнымъ аристократомъ» [1]. Но, касаясь Венеціи въ IV пѣснѣ «Чайльдъ-Гарольда», которою и заключилась въ Италіи книга этихъ поэтическихъ странствованій, Байронъ, оплакивая утрату Венеціей ея независимости, винитъ свое отечество въ томъ, что оно не протянуло ей руку помощи:

Стыдъ ей, царицѣ Океана,
Стыдъ Англія; она глядитъ,
Какъ погибаютъ моря дѣти,
Не подавая имъ руки....
О, Англія! пусть велики
Твои владѣнія на свѣтѣ,
Но и тебя, быть-можетъ, ждетъ
Паденье то же, тотъ же гнётъ.

Поэтъ, озлобленный противъ родины, прямо щеголяетъ въ этой пѣсни своимъ космополитизмомъ. «Я усвоилъ себѣ, — говоритъ онъ,— чужіе языки и пересталъ быть иностранцемъ въ чужихъ глазахъ; для духа, умѣющаго всегда оставаться самимъ-собою, перемѣна мѣста не имѣетъ силы [2]). Не трудно себѣ создать, не мудрено найти пристанище гдѣ-либо у людей,—а пожалуй даже и безъ нихъ!» Между тѣмъ онъ тутъ же и проговаривается:

Любилъ я родину, быть-можетъ,
И если прахъ остывшій мой
Въ чужой землѣ въ могилу сложатъ,
Мой духъ вернется въ край родной

---

1) Elze, 210.

2) Въ переводѣ г. Минаева, вообще неточномъ, сказано тутъ слишкомъ рѣзко:

. . . . Умамъ свободнымъ незнакома
Тоска по родинѣ...

Къ мѣстамъ знакомымъ и любимымъ.
Надѣюсь я: въ родной странѣ,
На языкѣ моемъ родимомъ,
Потомки вспомнятъ обо мнѣ....

Ясно, что поэтъ не чуждъ былъ горячей любви къ этой родинѣ, такъ сурово оттолкнувшей его отъ себя. Но столь свойственное ему чувство гордости сейчасъ же опять беретъ свое.... Онъ и не думаетъ сожалѣть, или даже упрекать.... Онъ утверждаетъ:

. . . . Никакой
Не нужно мнѣ любви людской!
Всѣ тѣ шипы, что́ я сбираю,
Я самъ взлелѣялъ и взростилъ —
И тихо кровью истекаю.

А между тѣмъ, чувство личной обиды, потери, разлуки со всѣмъ, что́ есть самаго милаго—проходитъ черезъ всю эту пѣснь, особенно-выдающуюся изъ ряда при всемъ томъ, что настроеніе этого рода и всегда вѣдь сказывается у Байрона. Онъ только усиливаетъ тутъ свои личныя жалобы ссылкой на то, что и всему человѣчеству всегда жилось дурно. Историческій пессимизмъ только служитъ новою пищей для его индивидуальнаго пессимизма... Въ концѣ 2-ой пѣсни мысль о развѣчанной славѣ Греціи до нѣкоторой степени заставила присмирѣть его самого... Поэтъ старается настроить себя подобнымъ образомъ и въ 4-й пѣснѣ—мыслію о развѣнчанной славѣ Италіи. Но личные счеты поэта съ судьбой все же выступаютъ впередъ. Бездонная чаша міроваго горя, которой не исчерпать всему человѣчеству, отодвигается въ сторону передъ тѣми каплями будто бы еще небывалой отравы, которыя достались на долю самому поэту. Онъ воображаетъ даже, что такихъ мукъ, какъ его муки, еще и не бывало, что никто, кромѣ его, и не вынесъ бы такихъ мукъ. Если уже въ «Корсарѣ» далеко зашелъ *аристократизмъ мысли*, то тутъ онъ поднялся еще нѣсколькими ступенями выше. А между тѣмъ, это *исключительное* горе поэта—въ сущности вовсе не *его* горе, а горе всего человѣчества, для котораго «право мыслить» есть вмѣстѣ съ тѣмъ и «удѣлъ страдать» [1]).

Посѣтивъ Феррару, поэтъ весь отдался воспоминаніямъ о другомъ несчатливцѣ-поэтѣ—жертвѣ людской злобы и пустоты,

[1]) Посвящая IV пѣснь „Чайльдъ-Гарольда" Гобхоузу, и дѣлая это посвященіе 2 января, поэтъ замѣчаетъ, что это самый несчастный день въ его жизни (день его женитьбы).

а еще болѣе собственнаго воображенія, болѣзненно сосредоточеннаго на самомъ себѣ. Воспоминанія эти выразились въ «*Жалобѣ Тасса*», который тутъ говоритъ:

Въ душѣ моей, гдѣ ты лишь, Леонора,
Царишь одна, нѣтъ мѣста для укора:
Я лишь могу любить, благоговѣть!
Твой братъ жестокъ: я не рождёнъ для мщенья;
Забыла ты: мнѣ не дано забвенья!

Въ словахъ этихъ едва ли не заключается собственное обращенье поэта къ женѣ.

Тутъ же, подъ тѣми же впечатлѣніями, всегда и вездѣ почти одинаково грустными для поэта, оконченъ имъ и «Манфредъ», задуманный и начатый имъ еще въ Швейцаріи.

Кромѣ впечатлѣній швейцарской природы, вліянія идеализма Шелли — и постоянно неотразимаго вліянія собственной личности поэта, особенно омрачившейся въ эту, едва ли не самую трудную пору его жизни,—на «Манфредѣ» сказалось также вліяніе Гётевскаго «Фауста». Несмотря на то, что Байронъ не владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, и съ «Фаустомъ» его познакомили въ Швейцаріи въ подстрочномъ устномъ переводѣ, онъ легко схватилъ сущность этой великой философской драмы и увлекся ею. Но Гёте былъ совершенно правъ, когда, по прочтеніи «Манфреда», сказалъ про Байрона, что онъ «совершенно по-своему воспользовался основными началами «Фауста», такъ что ни одно изъ нихъ не осталось тѣмъ, чѣмъ было». Чтó составляетъ сущность всѣхъ жалобъ Фауста? Не то ли, что, поглотивъ всѣ науки, онъ только окончательно убѣдился въ старой истинѣ, что мы все-таки *ничего не знаемъ*. Фаустъ совершенно не въ силахъ вынести присутствіе вызваннаго имъ мірового духа, который пояснительно ему замѣчаетъ: «ты подобенъ тому, чтó ты понимаешь, а не мнѣ». Именно полнымъ сознаніемъ ограниченности средствъ человѣческаго разума Фаустъ и отличается отъ своего недалекаго famulus'а, который съ такою важностію говоритъ, что онъ «знаетъ уже очень много, но что ему хочется все знать». Вагнеръ самодовольно погружается въ духъ будто бы постигнутыхъ имъ прошедшихъ временъ и тѣшитъ себя мыслію, что мы отъ нихъ такъ далеко ушли. Фаустъ же не того мнѣнія, а такъ называемый «духъ эпохи», по его словамъ, — это собственный духъ ученаго, который надъ нею мудритъ. Единственное, чтò, по мнѣнію Фауста, мы дѣйствительно узнаёмъ изъ цѣлаго множества книгъ, это то, что *люди всегда и вездѣ страдали* (сто-

рона Гётевской мысли, всего ближе подходившая къ Байрону). Не лучше ли же,—спрашиваетъ онъ, вмѣсто того, чтобы корпѣть въ этой душной комнатѣ,—употребить въ удовольствіяхъ свои силы, и прожить на нихъ состояніе? Вотъ на этомъ-то и удается словить его Мефистофелю. «Только бы зародиться въ тебѣ презрѣнію къ разуму и наукѣ, этой величайшей человѣческой силѣ,—и ты въ моихъ рукахъ»—разсуждаетъ Мефистофель. По взгляду Гёте, величайшая изъ силъ человѣка заключается въ самомъ постоянствѣ его хотя бы и ненасытимаго стремленія къ знанію, и въ этомъ онъ совершенно сходился съ Лессингомъ, который, какъ извѣстно, предпочиталъ ухватиться за шуйцу Божію, заключающую въ себѣ именно это *стремленіе къ истинѣ*, и отказывался отъ заключающейся въ десницѣ Божіей *полноты постиженія истины*,—такъ какъ она не по силамъ человѣку. Благотворное вліяніе, оказываемое на человѣка уже самою искренностью его стремленія къ истинѣ, указывается у Гёте (въ прологѣ) самимъ Господомъ, который говоритъ Мефистофелю, что «человѣкъ заблуждается постоянно въ своемъ стремленіи», но что «честная душа, при всей даже неясности своего стремленія, сознаетъ за собою возможность устоять на прямой дорогѣ». Мефистофелю удается только на время совращать съ этого прямого пути. При всей своей кажущейся умѣлости, не онъ однакоже заправляетъ въ мірѣ. Это въ силахъ постигнуть Фаустъ, говорящій ему: «въ цѣломъ ты не можешь ничего испортить, а хватаешься только за частности». Да и самъ Мефистофель вѣдь сознается: «я только часть той силы, которая постоянно стремится ко злу и постоянно поддерживаетъ добро».

Такимъ образомъ, въ основѣ «Фауста» вовсе не *пессимизмъ*. Философская драма, созданная невозмутимымъ умомъ и классическимъ «чувствомъ мѣры» Гёте, только указываетъ человѣку извѣстныя *границы*, съ которыми ему приходится помириться.

Въ «Манфредѣ» совершенно не то, хотя въ основѣ и тутъ символически понимаемый, взятый изъ средневѣковой легенды, союзъ человѣка съ духами. Манфредъ достигъ всей полноты знанія, вполнѣ подчинилъ себѣ и всѣ тайныя силы природы, но уже въ первомъ монологѣ своемъ говоритъ:

Кто могъ *во все* умомъ своимъ проникнуть,
Тотъ истину встрѣчаетъ воплемъ скорби,
И древо знанія ему не древо жизни.

Онъ вовсе не пугается вызываемыхъ имъ духовъ, которые говорятъ ему: «Смертный, все тебѣ покорно». Онъ проситъ у нихъ

того, чего ни они и никто не можетъ ему дать: забвенія, полноты *забвенія* (forgetfulness), т.-е. поясняетъ онъ далѣе, забвенія того, что́ въ немъ самомъ, — *самозабвенія*. Онъ не даромъ не разъ умолялъ, чтобы разумъ его угасъ.—Не даромъ также говоритъ про него первая парка:

Хоть мысль его во все теперь проникла,
Но не нашелъ онъ счастья въ знаньи этомъ,
И онъ его считаетъ переходомъ
Отъ одного невѣжества къ другому,
Еще сильнѣйшему...

Но невѣжество это—чисто прикладное, незнаніе жизненнаго прока ото всего своего знанія, неумѣніе избавиться при его помощи отъ самого себя.

Не даромъ раздается надъ Манфредомъ голосъ какого-то духа: «Изъ твоихъ лживыхъ слезъ я извлекъ эссенцію, имѣющую силу убивать; изъ твоего собственнаго сердца я выжалъ черную кровь въ ея чернѣйшемъ источникѣ; съ твоей же собственной улыбки схватилъ я змѣю, извивающуюся въ ней, какъ въ кустарникѣ; испытавъ всѣ извѣстные яды, я нашелъ, что самый сильный изъ нихъ—это твой же собственный... Кляну тебя твоею холодною грудью и змѣиною улыбкою, неизмѣримыми пучинами твоего коварства, этимъ избыткомъ притворной добродѣтели въ твоихъ глазахъ, всѣмъ лицемѣріемъ твоей замкнутой души, всѣмъ совершенствомъ того искусства, при помощи котораго ты заставилъ считать твое сердце гуманнымъ; всѣми твоими наслажденіями отъ чужой бѣды, твоимъ кровнымъ братствомъ съ Каиномъ,—я кляну тебя всѣмъ этимъ и заставляю тебя быть самому себѣ адомъ».

Но Манфредъ и самъ глубоко чувствуетъ, что мы, люди, «нашею смѣшанною природой вызываемъ столкновеніе стихій». Онъ мечтаетъ о другой совершенно роли, когда говоритъ:

О, какъ бы я хотѣлъ летать въ пространствѣ
Живой гармоніей иль пѣсней нѣжной,
Хотѣлъ бы я родиться только звукомъ
И звукомъ же по воздуху растаять.

Но что же мѣшаетъ ему сознательно стать однимъ изъ тоновъ въ согласномъ человѣческомъ хорѣ?

Не напрасно горный охотникъ читаетъ у него на лицѣ «гордость привыкшаго къ свободѣ селянина».

Т.-е. на самомъ дѣлѣ это гордость не селянина, какимъ только по первому взгляду могъ его почесть охотникъ, а чело-

вѣка *знатнаго*, какимъ и является на самомъ дѣлѣ Манфредъ, не даромъ говорящій о своихъ предкахъ и конечно не безъ вліянія своей знатности жаждущій такого широкого простора *для себя*, для *своей* личности. Но при этомъ онъ вполнѣ сознаетъ, что счастье не въ томъ. Говоритъ же онъ, и не безъ зависти, горному охотнику: «Я вижу твой гостепріимный домъ, твой кроткій духъ, терпѣнье, вѣру, твое самоуваженіе, поддерживаемое чистотою мыслей, твое здоровье и твой спокойный сонъ, твои охотничьи сѣти, облагороженныя опасностью, но не запятнанныя преступленьемъ». Но на вопросъ охотника, хотѣлъ ли бы онъ съ нимъ помѣняться судьбой, Манфредъ отвѣчаетъ, что нѣтъ, потому что «существованіе, доставшееся ему, только ему одному и по силамъ, а никто другой и во снѣ даже не вынесъ бы его мукъ».

Если по этимъ словамъ Манфреда можно заключить, что имъ руководитъ состраданіе къ ближнему, который потерпѣлъ бы отъ такой мѣны, то вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тутъ выдаетъ свою гордость, заставляющую его пренебрегать удѣломъ обыкновенныхъ людей. То, что̀ сказалось такъ сильно уже въ Корсарѣ и Ларѣ — еще ярче сказывается въ Манфредѣ.

Онъ поясняетъ, что «съ раннихъ лѣтъ не сходился съ людьми, не глядѣлъ ни на что ихъ глазами, что его страданія, страсти и всѣ его качества постоянно расходились съ обыкновенными человѣческими, что если онъ и носилъ человѣческій образъ, то у него никогда не было симпатій съ земными братьями»... «Была лишь одна,—вспоминаетъ онъ,—походившая на меня во многомъ... Ея мысли, какъ и мои, были далеки отъ міра; съ такою же жаждой, какъ я, предавалась она тайному знанію; умъ ея, столь же пытливый и сильный, обнималъ вселенную; но при этомъ она обладала качествами, болѣе благородными (gentle), чѣмъ мои: состраданьемъ, веселостью (smiles), чувствительностью (tears)—мнѣ ихъ вовсе недоставало; наконецъ, нѣжностью—къ ней, конечно, и я былъ нѣженъ [1])—и смиреніемъ, котораго у меня никогда не было».

Байронъ, какъ мы знаемъ, любилъ и вообще указывать на *самоотверженіе* въ сердцѣ женщины, то самоотверженіе, котораго почти вовсе не знаютъ его мужскіе типы. Прежде онъ, можетъ быть, видѣлъ въ этомъ признакъ *мужской силы*. Теперь же, вѣроятно, не безъ вліянія Шелли, онъ рѣшительно отдаетъ преимущество этимъ качествамъ. Онъ говоритъ:

---

[1]) Т.-е. къ ней одной, какъ Конрадъ къ Медорѣ.

Ея ошибки были и моими,
Но *добродѣтели* принадлежали
Одной лишь ей. Любя ее безумно,
Я погубилъ ее...
.... Сердцемъ ядовитымъ
Разбилъ я, это любящее сердце
И изсушилъ.

— т.-е. надо думать онъ сперва горько оскорбилъ ее своимъ холодомъ къ людямъ, а затѣмъ наконецъ обдалъ и ея сердце тѣмъ же самымъ холодомъ. Онъ продолжаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ ней:

.... Когда бы не любилъ я,
То ты, моей убитая любовью,
Еще-бъ жила, сіяла и любила,
Неся другимъ и счастіе, и ласки.

Но какъ же такъ? Вѣдь и самъ онъ, по его собственному свидѣтельству, былъ способенъ благотворить. Еще въ началѣ драмы онъ говоритъ:

Я расточалъ добро, я въ людяхъ даже
Добро нашелъ, но это все напрасно...

Онъ, очевидно, холодно, гордо дѣлалъ добро, — и холодно, гордо, безъ увлеченія и услажденья, встрѣчалъ его въ людяхъ.

Манфреду недоставало любви. За то свою гордость сохраняетъ онъ до конца. Онъ не то, что Уго подъ конецъ жизни, или Бониваръ въ темницѣ, или, наконецъ, Гётевскій Фаустъ, все-таки смягчаемый звуками пасхальной пѣсни. Ни тихая вѣра и кротость горнаго пастуха, хотя и возбуждающаго въ немъ своего рода зависть, ни глубоко убѣжденный голосъ аббата, къ которому онъ относится съ несомнѣннымъ уваженіемъ, не дѣйствуютъ на его гордую душу. Онъ не хочетъ покориться и духу тьмы, съ которымъ у него такъ много общаго. Манфредъ презрительно отталкиваетъ и его, когда говоритъ:

Я власть свою купилъ — не договоромъ
Съ твоею темной шайкой, нѣтъ, но знаньемъ...
Тревожными, безсонными ночами
И изученіемъ науки той древнѣйшей,
Когда въ одну семью соединялись
И ангелы, и люди...

Все, по его убѣжденію, въ немъ самомъ: и его *сила*, и его *слабости*. Самъ источникъ своего зла, онъ не хочетъ допускать за это самодѣльное зло никакой внѣшней кары. Когда духъ тьмы

приходитъ за нимъ, какъ за вѣрной добычей ада, онъ не хочетъ признавать такихъ притязаній.

Манфредъ признаетъ лишь законъ природы, неумолимое право смерти, одинаково постигающей и человѣка, и безсмысленныхъ животныхъ. Никакого закона возмездія онъ не признаетъ, какъ не признаетъ и грѣха. Самовольное зло само же себя и наказываетъ, но это самонаказаніе доставляетъ и наслажденіе гордости человѣка. Ядъ питаетъ его, какъ Митридата Понтійскаго [1]).

Но при подобномъ взглядѣ не предвидится никогда никакой надежды на измѣненіе къ лучшему. Въ «Фаустѣ» вовсе нѣтъ этой вполнѣ безотрадной безвыходности, хотя нельзя не сознаться, что та *конечная разумность*, которой въ сущности не отрицаетъ и самъ Мефистофель, довольно туманна, а потому и не особенно утѣшительна. Безотрадность «Манфреда», вытекающая не изъ ограниченности человѣческаго ума, а изъ коренной испорченности человѣческой воли,—глубока и неотразима. Въ основѣ ея своего рода сознаніе *первороднаго грѣха*, т.-е. въ переводѣ на философскій языкъ, коренной душевной болѣзни всего человѣчества.

Въ концѣ драмы Байронъ выводитъ на сцену *Немезиду*, какъ олицетвореніе—вовсе не возмездія историческаго, а скорѣе какой-то исторической работы Данаидъ.

Немезида хвалится тѣмъ, что она «возстановляла власти, свергнутыя людьми, развязывала руки деспотамъ, знакомила людей съ местью и пугала ихъ ея же плодами, доводила до безумія мудрыхъ, а глупцовъ выставляла новыми оракулами міра — въ замѣну тѣхъ, которые устарѣли». Правда, она похваляется и тѣмъ, что «люди уже стали осмѣливаться разсуждать своимъ умомъ, взвѣшивать своихъ владыкъ и толковать о свободѣ — этомъ запретномъ плодѣ».

Но изъ смысла цѣлаго должно выходить, что все дѣло и ограничивается одними толками о свободѣ, что этотъ запретный и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣтный плодъ никогда и нигдѣ не достанется всѣмъ и каждому. Почему же? Потому что тѣ, на чьей сторонѣ *сила*, постоянно хотятъ присвоить *лично себѣ*, такъ сказать, *монополію* на этотъ плодъ, потому что имъ постоянно недостаетъ той способности смирять и смягчать свое *я*, которою, по свидѣтельству Манфреда, отличалась нравственно убитая имъ Астарта.

---

[1]) Сравненіе, употребленное Байрономъ въ стихотвореніи: „Сонъ", въ отношеніи самого себя.

Есть однако же мнѣніе, и оно не можетъ быть оставлено безъ вниманія, будто бы это нравственное убійство Манфредомъ предмета его любви, — должно быть понимаемо вовсе не такъ, а въ болѣе узкомъ, и притомъ автобіографическомъ смыслѣ — въ смыслѣ опять пресловутой его связи съ сестрой. Готшаль усматриваетъ въ таинственности отношеній Манфреда къ Астартѣ одно изъ доказательствъ преступности отношеній поэта къ Августѣ. Дѣйствительно, въ рѣчахъ одного изъ слугъ Манфреда есть такое замѣчаніе про Астарту:

Одну ее нашъ графъ любилъ, казалось,
И былъ родствомъ съ ней связанъ онъ...

Самъ Манфредъ говоритъ про себя:

...Мои проклятія ложились
На тѣхъ людей, которыхъ лишь любилъ я,
Которые меня любили тоже.
Враговъ я не щадилъ лишь только въ битвѣ:
Для нихъ я въ жизни вовсе не былъ страшенъ;
Но былъ, какъ ядъ, ужасенъ и смертеленъ
Мой поцѣлуй для тѣхъ, кого любилъ я.

На это мѣсто и опирается главнымъ образомъ Готшаль [1]. Но соотвѣтственные намеки можно, пожалуй, найти и въ тирадѣ, произносимой Манфредомъ при видѣ вина, подносимаго ему только-что удержавшимъ его отъ самоубійства горнымъ охотникомъ. Вино это представляется Манфреду кровью. Это, говоритъ онъ, та «чистая кровь, которая текла въ жилахъ нашихъ предковъ и въ насъ самихъ въ дни нашей молодости, *когда мы любили другъ друга, какъ намъ не слѣдовало любить*»... Кровь эта пролилась и заградила имъ доступъ къ небу. Это даетъ поводъ предположить, что дѣло не ограничилось *нравственнымъ* убійствомъ Астарты. Но въ другомъ мѣстѣ Манфредъ говоритъ: «я пролилъ не ея кровь, а чужую... а все же была пролита и эта кровь... я не въ силахъ былъ спасти, хоть и видѣлъ все».

Тутъ такая же таинственность, какъ и въ остающемся столь же мало разъясненномъ преступленіи Лары. Но мы знаемъ, что Байронъ, привыкнувъ къ тому, что публика во всякой чертѣ каждаго изъ его героевъ любила отыскивать какой-нибудь изъ его даже прямо *поступковъ*, — полюбилъ, въ свою очередь, ин-

---

[1]) Der neue Plutarch, IV, 316.

триговать ее и дразнить мистификаціями самаго мрачнаго свойства. Въ одномъ изъ писемъ лэди Байронъ приводится слѣдующая характеристика этой стороны характера ея мужа. «Его постоянное желаніе обращать на себя вниманіе заставляло его ни мало не избѣгать быть предметомъ изумленія и любопытства даже въ томъ случаѣ, если бы тутъ примѣшивалось какое нибудь темное и неопредѣленное подозрѣніе» [1]). Лэди Байронъ, къ сожалѣнію, не хотѣла понять, что сама же она и поддерживала въ мужѣ такую наклонность, подавая поводъ къ «таинственнымъ подозрѣніямъ». А публика, подхвативъ ихъ, поощряла поэта къ тѣмъ новымъ мистификаціямъ, которыя слѣдуетъ, мнѣ кажется, видѣть и въ только-что приведенныхъ тирадахъ.

Между тѣмъ, Готшаль увѣренъ, что Манфредъ «вовсе не отражаетъ въ себѣ стремленія всего человѣчества къ испытанію тайнъ природы, а оно нужно ему лишь затѣмъ, чтобы найти цѣлебный бальзамъ для своей совѣсти. Темное дѣло, омрачившее всю его жизнь,—это преступная любовь къ сестрѣ и связанное съ ней убійство».

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, можетъ ли какое бы то ни было *знаніе* служить бальзамомъ для *совѣсти* и логична ли вся эта постановка дѣла у Готшаля? Но переносить содержаніе такой глубоко-философической драмы на почву одного голаго факта, на почву, такъ сказать, анекдотическую,—не значитъ ли это жертвовать полюбившейся роли прокурора въ скандалёзномъ процессѣ гораздо болѣе благодарною ролью историко-литературнаго критика?

Отношенія Манфреда къ Астартѣ во всякомъ случаѣ *не ограничиваются* тѣмъ, что̀ подозрѣваетъ въ нихъ Готшаль *e tutti quanti*. Настоящій трагизмъ этихъ отношеній заключается въ томъ, что въ чувствѣ любви сошлись два существа—внутренно противоположныя (при кажущихся чертахъ сходства). Манфредъ вполнѣ характеризуетъ себя, говоря, что слово *терпѣнье* придумано

... для вьючныхъ,
Тупыхъ скотовъ, но не для хищныхъ тварей... [2])

Но онъ, этотъ сознательный представитель *хищнаго начала*, однакоже въ воспоминаньяхъ своихъ объ Астартѣ прямо умиляется именно ея *терпѣніемъ*, — понимая это слово въ широ-

---

[1]) Elze, 189.

[2]) Birds of prey—хищныхъ птицъ.

комъ смыслѣ. Она—олицетворенное терпѣнье въ томъ смыслѣ, въ какомъ недоставало этого качества леди Байронъ, оказавшейся столько же «хищною», какъ и ея мужъ. Въ Астартѣ была та любовь, которая «долготерпитъ, снисходитъ, не превозносится» — или же въ ней, какъ выражаетъ это Манфредъ другимъ соотвѣтственнымъ словомъ, было *смиреніе* [1]), понимаемое опять-таки широко, т.-е. въ ней сказался тотъ самый типъ, который, въ противоположность хищному, получилъ у одного изъ нашихъ критиковъ названіе *смирнаго*. Но если одинаковость типа въ Байронѣ и его женѣ (при коренныхъ различіяхъ ихъ во взглядахъ) привела къ разводу, то противоположность типа въ Манфредѣ и Астартѣ (даже при одинаковости способностей и рода занятій), привела не къ разлукѣ, а къ нравственному отравленію смирнаго типа хищнымъ. Въ этомъ, если глядѣть съ точки зрѣнія *самопризнаній*, можно, пожалуй, усматривать указанье на то, что и бракъ съ самымъ мягкимъ, самымъ любящимъ существомъ не послужилъ бы цѣлебнымъ бальзамомъ для гордой души поэта. Вѣдь Астарта не служитъ такимъ бальзамомъ для Манфреда и послѣ своей, имъ же и причиненной смерти. Самое горе по ней, умиленье передъ ея добродѣтелью и ненависть къ самому себѣ не уничтожаютъ его гордыни. Но, если вдуматься, то подъ нее уже подведены подкопы. Чувство умиленія передъ Астартой показываетъ, что поэту уже не противенъ тотъ «нововавѣтный духъ», который даже въ годы дѣтства претилъ его хищной натурѣ. Духъ этотъ, и тутъ еще остающійся у него преимущественнымъ достояніемъ женской природы, однакоже сказывается уже и въ горномъ охотникѣ и въ аббатѣ, какъ и прежде успѣлъ сказаться отчасти въ Уго и Шильонскомъ узникѣ. Но вѣдь мы замѣтили въ свое время и проблескъ этого духа въ байроновскомъ Прометеѣ, соединяющемъ гордую неподатливость высшимъ силамъ съ самоотверженною заботой о другихъ—о всѣхъ людяхъ.

Прометей на своей скалѣ, въ своемъ страдальческомъ одиночествѣ, въ сущности вовсе не одинокій, потому что съ нимъ неразлучна мысль о всемъ человѣчествѣ—составляетъ яркую противоположность съ Манфредомъ, обладающимъ властью не только надъ людьми, но и надъ духами, и вполнѣ одинокимъ въ своемъ эгоизмѣ подъ гнетомъ воспоминаній о любящемъ существѣ, которое онъ довелъ до того же нравственнаго одиночества.

---

[1]) Humility.

Прометеевское начало,—конечно, *не смирное*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *не хищное*, т.-е. хотя и берущее силой, но берущее *для другихъ*, еще долго должно было бороться въ Байронѣ съ началомъ Манфредовскимъ, т.-е. исключительно хищнымъ, *забирающимъ все себѣ, и несчастнымъ на всей высотѣ своего полновластія*.

Но отвращеніе къ хищному типу въ самомъ себѣ должно было все болѣе и болѣе усиливаться въ Байронѣ—рядомъ съ усиленіемъ его отвращенія къ тому же хищному типу въ политическихъ отношеніяхъ его отечества.

Все болѣе и болѣе должно было подготовляться въ поэтѣ то настроеніе, которое обратило его сперва въ одного изъ поборниковъ итальянской свободы, а потомъ даже прямо въ борца за свободу грековъ.

Ор. Миллеръ.

ИЗЪ
СОВРЕМЕННЫХЪ ПОЭТОВЪ
ФРАНЦІИ *

I.—ШАРЛЬ БОДЕЛЕРЪ.

1.

СПЛИНЪ.

Когда небесный сводъ, нависшій и тяжелый,
Гнететъ усталый духъ болѣзненной тоской,
И жалокъ горизонтъ, какъ даль пустыни голой,
И смотритъ самый день грустнѣе тьмы ночной;

Когда вселенная намъ кажется подваломъ
Съ сырыми стѣнами и мутнымъ потолкомъ,
Гдѣ робкая мечта, въ смятеньи небываломъ,
Какъ мышь летучая, пугливо бьетъ крыломъ;

Когда струи дождя весь воздухъ застилаютъ,
Какъ прутья частые тюремнаго окна,
А злые пауки нашъ мозгъ перебираютъ
И въ душу темную спускаются до дна;

* Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ „Писемъ“: „Наши современные поэты“ (февр., стр. 883) Эмиль Зола даетъ характеристику новѣйшихъ французскихъ поэтовъ, стоящихъ внѣ такъ-называемаго „парнасскаго кружка“ романтиковъ и примыкающихъ къ новой школѣ реалистовъ: Боделера, Коппе и Ришпена.

Когда колокола съ вершинъ церквей огромныхъ
Свой ропотъ къ небесамъ пытаются дослать,
Какъ стая демоновъ печальныхъ и бездомныхъ,
Собравшихся въ лѣсу неистово стонать,—

Тогда нѣмыхъ гробовъ я вижу вереницы
И плàчу надъ своей растерзанной Мечтой,
А Скорбь меня сосетъ со злобою тигрицы
И знамя черное вонзаетъ въ черепъ мой!

2.

MOESTA ET ERRABUNDA.

Скажи, душа твоя стремится-ли, Агата,
Порою вырваться изъ тины городской
Въ то море свѣтлое, гдѣ солнце безъ заката
Льетъ чистые лучи съ лазури голубой?
Скажи, душа твоя стремится-ли, Агата?

Укрой, спаси ты насъ, далекій океанъ!
Твои немолчныя подъ небомъ пѣснопѣнья
И вѣтра шумнаго чарующій органъ,
Быть можетъ, намъ дадутъ отраду усыпленья...
Укрой, спаси ты насъ, далекій океанъ!

О, дайте мнѣ вагонъ иль палубу фрегата!
Здѣсь лужа темная... Я въ даль хочу, туда!
Отъ горестей и мукъ, неправда-ли, Агата,
Какъ сладко въ тотъ пріютъ умчаться навсегда...
О, дайте мнѣ вагонъ иль палубу фрегата!

Зачѣмъ въ такой дали блестятъ долины рая,
Гдѣ вѣчная любовь и вѣчный ароматъ,
Гдѣ можно все и всѣхъ любить, не разбирая,
Гдѣ дни блаженные невидимо летятъ?
Зачѣмъ въ такой дали блестятъ долины рая?

Но рай безгорестный младенческихъ утѣхъ,
Гдѣ пѣсни и цвѣты, забавы, игры, ласки,

Открытая душа, всегда веселый смѣхъ
И вѣра чистая въ нéсбыточныя сказки,—
— Но рай безгорестный младенческихъ утѣхъ,

Эдемъ невинности, съ крылатыми мечтами,
Неужто онъ отъ насъ за тридевять земель,
И мы не призовемъ его къ себѣ слезами,
Ничѣмъ не оживимъ умолкшую свирѣль?—
Эдемъ невинности, съ крылатыми мечтами!

3.

ЛЮБОВЬ И ЧЕРЕПЪ.

У человѣчества безсмѣнно
Любовь на черепѣ сидитъ
И съ наглымъ хохотомъ надменно
На тронѣ пламенномъ царитъ.

Устами нѣжными вздуваетъ
Она блестящіе шары
И ихъ коварно посылаетъ
Сіять въ надзвѣздные міры.

Взлетаетъ шаръ подъ сводъ лазурный,
Но таетъ мыльнымъ пузыремъ,
И весь составъ его мишурный
На землю падаетъ дождемъ.

И стонетъ черепъ: «Духъ лукавый!
Разбившій тысячи сердецъ,—
Скажи: игрѣ твоей кровавой
Когда-жъ предвидится конецъ?

«Колдунья гнусная, слѣпая!
Вѣдь то, что́ губишь ты шутя,
Въ пустомъ пространствѣ расточая,—
То—мозгъ, и плоть, и кровь моя!»

II.—ФРАНСУА КОППЕ.

1.

ГОЛОСЪ РАЗОЧАРОВАННАГО.

Всѣ любятъ и живутъ! Лишь я среди людей
Стою, какъ мертвый дубъ на вешнемъ небосклонѣ...
Какъ жутко въ тридцать лѣтъ скитаться безъ страстей,
Не знать ребяческой за радостью погони!

Я жалокъ, какъ больной, которому не въ мочь
Кругомъ наскучили знакомые предметы,
И онъ пытается дремоту превозмочь,
Считая на коврѣ пунцовые букеты.

Подчасъ мнѣ хочется скорѣе умереть,
И на уснувшія въ душѣ воспоминанья
Мнѣ тягостно взглянуть, какъ трудно посмотрѣть
Портрету старому въ лицо безъ содраганья.

И даже отъ любви, любви моей слѣдовъ
На сердцѣ высохшемъ не болѣе осталось,
Какъ лѣтомъ на цвѣтахъ—отъ тѣни мотыльковъ,
Которыхъ тысячи въ ихъ листикахъ питалось.

Созданье милое, невѣдомое мнѣ!
Быть можетъ, гдѣ-нибудь тебя я встрѣчу вскорѣ:
Кокотка-ль за столомъ, при газовомъ огнѣ,
Иль дѣва чистая съ стыдливостью во взорѣ,—

Явись, когда въ тебѣ есть сила оживить
Мнѣ грудь, лишенную надежды и желанья,
Всю вѣру прежнюю во взглядѣ возвратить,
Природу всю мнѣ дать въ одномъ цвѣткѣ лобзанья.

Приди! Какъ отдаютъ все золото волнамъ,
Спасаясь, моряки, чтобъ жить одно мгновенье,—
Приди! Я душу всю—всю кровь тебѣ отдамъ
За мигъ единственный любви и наслажденья!

2.

УБАЮКАННОЕ ГОРЕ.

Ты погибалъ. Промчались годы,—
Ты сталъ супругомъ и отцомъ.
А помнишь прежнія невзгоды?
Ты въ смерти видѣлъ лучъ свободы
И мѣтилъ въ голову свинцомъ.

Ты не забылъ своихъ страданій,
Ни бурь, ни тяжкихъ испытаній,
Ни страсти, бившейся въ крови,
Ни мукъ обманутой любви.
Въ душѣ врачуя слѣдъ измѣны,
Ты вѣчно жаждалъ перемѣны:
То въ шумѣ оргій утопалъ,
То въ славѣ отдыха искалъ,
То слушалъ плескъ и ропотъ моря,
Но, неразлученъ съ тѣнью горя,
Ты позабыть его не могъ.
Теперь—ты больше не страдаешь,
Но чѣмъ забвенья достигаешь?

— Какъ жалокъ ты: ты—одинокъ!
Довольно мнѣ для этой цѣли
Качаній мѣрныхъ колыбели,
Гдѣ спитъ мой маленькій сынокъ.

3.

НА ВОЗДУХѢ И ВЪ КОМНАТАХЪ [1]).

Картинки.

I.

Она увѣрена, что тяжко ожиданье,
И знаетъ, что клялась явиться на свиданье,
Что онъ уже давно мученьями томимъ.
Въ уборной розовой предъ зеркаломъ своимъ
Она съ прическою немножко запоздала.
Теперь огорчена прелестница не мало,
Что, разодѣтая, собравшаяся въ путь,
Не можетъ второпяхъ перчатку застегнуть.
И какъ мила возня рученки суетливой!
Какъ милъ суровый взглядъ и жестъ нетерпѣливый!
И, разсерженная, въ порывѣ молодомъ,
Стучитъ она въ паркетъ капризнымъ каблучкомъ.

II.

Вчерашнюю мятель морозецъ придавилъ.
Вся крыша, ворота и столбики перилъ,
Бесѣдка и балконъ, скамейка и заборы
Одѣлись въ ватные пушистые уборы.
Подъ небомъ сѣренькимъ въ безлиственныхъ садахъ
Бѣлѣетъ изморозь на спутанныхъ вѣтвяхъ.
Но, стойте: вотъ закатъ. Ничто не шевелится.
Багряной полосой край неба золотится.
На вѣтви зимнія ложится отблескъ алый —
И превращаетъ ихъ въ волшебные кораллы:

---

[1]) Подъ общимъ заглавіемъ „Promenades et Intérieurs" Коппе написалъ 89 набросковъ, составляющихъ отдѣльныя картинки, какъ называетъ ихъ и самъ поэтъ:

Ce tableau d'un instant rencontré sur ma route...

Многія изъ картинокъ имѣютъ слишкомъ мѣстный, чисто-французскій интересъ. Изъ нихъ мы выбрали шесть болѣе общаго характера.

III.

Училище. Въ углу распятіе съ цвѣтами.
Скамейки черныя межъ бѣлыми стѣнами.
Подъ чистымъ чепчикомъ, румянна и свѣжа,
Сестра-наставница, усердно сторожа
Пятнадцать дѣвочекъ, даетъ имъ объясненья.
На ласковомъ лицѣ не видно утомленья,
Когда предъ ней твердятъ въ несчетные разы
Давно извѣстные и скучные азы, —
И, добродушная, она не помѣшаетъ,
Когда десятокъ глазъ пытливо наблюдаетъ
На бѣломъ лоскуткѣ тетраднаго листка
Движенья робкія плѣненнаго жука.

IV.

Какъ часто вечеркомъ, у краснаго огня,
О птичкѣ маленькой задумываюсь я,
Погибшей гдѣ-нибудь въ лѣсу непроходимомъ.
Въ дыханьи холода, при вѣтрѣ нестерпимомъ,
Подъ вѣчнымъ сумракомъ на мертвыхъ небесахъ
Ряды пустынныхъ гнѣздъ качаются въ вѣтвяхъ.
Какъ много вымерло хозяюшекъ зимою!
А между тѣмъ, когда весеннею порою
Фіалки собирать въ долину мы пойдемъ,
Скелетовъ тоненькихъ мы въ травкѣ не найдемъ.
И спрашиваю я, отвѣта не встрѣчая:
Куда же прячутся всѣ птички, умирая?

V.

Мнѣ слышенъ съ улицы ея печальный голосъ,
Когда она поетъ. Густой, но рыжій волосъ
Блеститъ въ ея косѣ; какъ тѣнь, она блѣдна;
Лицо съ веснушками. Согнувшись, у окна,
Безъ устали она работаетъ иглою
И знаетъ, что слыветъ лицомъ она дурною.

Въ убогой комнаткѣ нѣтъ цѣннаго добра.
Наперстокъ лишь одинъ у ней изъ серебра.
Она два франка въ день работой добываетъ
И су шарманщику за музыку бросаетъ.
Сосѣди ей всегда шлютъ ласковый привѣтъ,—
Лицо усталое смѣется имъ въ отвѣтъ.

VI.

Вчера мнѣ встрѣтились въ пути глухонѣмые,
Попарно двигались питомцы молодые.
Серьёзный разговоръ у нихъ происходилъ
И каждый пальцами свободно говорилъ.
На лица странныя взглянулъ я мимоходомъ.
По полю свѣжему, подъ ярко-синимъ сводомъ,
Они сокрылись въ даль, подошвами стуча.
Остался я одинъ. Мелодіей звуча,
Пронесся вѣтерокъ въ березахъ серебристыхъ,
Звенѣли ласточки въ кустарникахъ росистыхъ,
Кузнечикъ стрекоталъ въ гвоздикахъ полевыхъ:
Мнѣ будетъ памятна судьба глухо-нѣмыхъ.

III.—ЖАНЪ РИШПЕНЪ.

1.

ВОПЛЬ.

Куда бѣжать? Въ какой дали
Укрыться мнѣ отъ злого горя?
Оно пространнѣе земли
И глубже моря.

Гдѣ стану жить? Въ какой тиши
На міръ свѣтлѣе глянутъ очи?
Угрюмый мракъ моей души
Чернѣе ночи.

Зачѣмъ, зачѣмъ ничья рука
Не поразитъ меня? Повѣрьте,
Моя безумная тоска
Страшнѣе смерти!

2.

Какъ часто въ головѣ усталой и тупой
Внезапно промелькнетъ, какъ лучъ, передо мной
Когда-то слышанное слово, —
Одно изъ тѣхъ пустыхъ, но милыхъ сердцу словъ,
Въ которомъ будто шлютъ мнѣ сотни голосовъ
Привѣты счастія былого.

Я вижу старый годъ, далекій день и часъ,
И долго плачу я, не раскрывая глазъ,
И вотъ—въ одномъ изъ словъ небрежныхъ
Вся юность прошлая мнѣ снится и звучитъ,
Какъ пѣсню шумную намъ море все гудитъ
Въ любой изъ раковинъ прибрежныхъ...

С. Андреевскій.

БОЛГАРІЯ и БОЛГАРЫ

ПЕРЕДЪ ВОЙНОЮ

— *Georg Rosen*: Die Balkan-Haiduken. Ein Beitrag zur inneren Geschichte des Slawenthums. Leipzig, 1878.
— *H. C. Barkley*, civil engineer: Bulgaria before the War, during seven years' experience of European Turkey and its inhabitants. London, 1877.
— *Славянскій Сборникъ*. Томъ второй. Спб., 1877.

II. Нравы и порядки правленія.

Переходъ отъ Розена къ Барклею производитъ пріятное впечатлѣніе, какъ переходъ отъ вздорнаго, злостнаго политикана къ простому разсудительному человѣку, который не берется рѣшать таинственныхъ политическихъ вопросовъ, говоритъ лишь то, чтó хорошо знаетъ, и остается добросовѣстнымъ свидѣтелемъ, правдивость котораго очевидна — безъ всякихъ увѣреній съ его стороны.

Барклей — не нѣмецкій ученый историкъ, и хотя для изученія болгаръ не былъ генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимѣ, но за то провелъ много лѣтъ въ восточной Болгаріи, въ качествѣ инженера при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ — отъ Кюстенджи въ Черноводу, и потомъ отъ Варны до Рущука. Это — чисто практическій человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, и свои наблюденія онъ дѣлалъ въ томъ самомъ кругѣ, который долженъ былъ узнать по своимъ практическимъ занятіямъ. Онъ нисколько не пускается въ политику, какъ ни былъ великъ соблазнъ въ то время, когда онъ издавалъ свои книги, когда вопросъ объ отношеніяхъ между болгарами и турками сталъ предметомъ такихъ оживленныхъ и ожесточенныхъ споровъ. Но для изученія этихъ отношеній его

разсказы даютъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ. Въ теченіи своей многолѣтней жизни въ Турціи, Барклей каждый день видѣлъ эти отношенія и не внесъ въ свои наблюденія никакой предвзятой политической теоріи: ему просто надо было строить желѣзную дорогу, и при этомъ пришлось вступать въ сношенія съ мѣстными жителями всякаго рода, — имѣть дѣло съ правительствомъ, съ пашами, мелкими чиновниками, купцами и, наконецъ, рабочими всякихъ національностей турецкой имперіи. Для внимательнаго наблюдателя на этой практической мѣркѣ не могло не выразиться относительное достоинство всѣхъ этихъ элементовъ населенія имперіи, и Барклей успѣлъ замѣтить, гдѣ есть настоящая способность и любовь къ труду, гдѣ есть неиспорченность, гдѣ есть мирный, спокойный народный характеръ, т.-е. свойства, на которыхъ можетъ быть построена будущая культура страны, — и гдѣ, напротивъ, являются другія качества, которыя не могутъ обѣщать для культуры никакого будущаго. Если рѣшать вопросъ объ отношеніяхъ болгаръ и турокъ не одной «силой государствъ» (на которую начинаютъ ясно намекать противники освобожденія Болгаріи), т.-е. силой кулака, а также какими-нибудь человѣческими соображеніями, — то всѣ многолѣтнія наблюденія Барклея не оставляютъ въ этомъ вопросѣ никакого сомнѣнія: болгары, старожилы, даже аборигены Балканской страны, вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшіе жители этой страны, наиболѣе трудолюбивые и способные сдѣлать ее страной цивилизованной. Это — то самое впечатлѣніе, какое вынесла изъ знакомства съ Болгаріей англійская путешественница, г-жа Мэккензи.

Барклей жилъ въ Турціи въ то время (въ шестидесятыхъ годахъ), когда не возникало еще политическихъ опасеній, національная вражда не была разжигаема никакими внѣшними обстоятельствами; такимъ образомъ, въ его разсказахъ изображается обыкновенное, всегдашнее положеніе вещей. Это положеніе было таково, что для Барклея не было никакого сомнѣнія въ томъ, что болгары должны быть освобождены, и что Турція не можетъ управлять этой страной.

Наконецъ, мнѣнія Барклея получаютъ особенную цѣну по самой національности автора. Онъ издавалъ свою книгу, когда раздраженіе англичанъ противъ Россіи (и противъ болгаръ!) доходило уже до сильной степени; но это обстоятельство не оказало ни малѣйшаго вліянія на его выводы, — какъ не оказало у г-жи Мэккензи, наиболѣе компетентной путешественницы по Болгаріи въ новѣйшее время.

Въ книгѣ, которую мы назвали въ заглавіи, Барклей во вто-

рой разъ возвращается къ этимъ странамъ. Онъ уже говорилъ о турецко-болгарскихъ отношеніяхъ въ своемъ первомъ сочиненіи: «Between the Danube and the Black Sea», которое въ прошломъ году вышло вторымъ изданіемъ и было замѣчено въ нашей литературѣ. Безпристрастные англійскіе критики отдавали справедливость этому первому труду и указывали туркофиламъ, что въ Барклеѣ нельзя заподозрить тайнаго агента генерала Игнатьева или омладины. Розену, который вездѣ видѣлъ этихъ тайныхъ агентовъ, полезно было бы знать эту книгу.

Барклей, постоянно встрѣчаясь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ рабочимъ народомъ всякихъ національностей Турціи, и особенно съ болгарами, вообще вынесъ относительно болгаръ самое благопріятное впечатлѣніе, какъ о народѣ, чрезвычайно трудолюбивомъ и толковомъ, и приходилъ къ заключенію, что—при порядочномъ воспитаніи—изъ нихъ могутъ выйти отличные, на все способные люди. Къ несчастью, это воспитаніе было почти невозможно. Для людей рабочихъ единственной практической школой было поступить въ лавку или контору левантинскаго купца въ какомъ-нибудь изъ большихъ городовъ, а коммерческая нравственность этихъ купцовъ такова, что они могли воспитать только плутовъ и негодяевъ. Болгарскія школы недостаточны. Барклей совѣтуетъ *избѣгать* богатыхъ и состоятельныхъ болгаръ, но въ сельскомъ населеніи находитъ прекрасныя качества: это — спокойный, работящій, честный народъ, безъ сопротивленія переносящій турецкое иго, но и не низкопоклонный, какъ обыкновенно греки и армяне. «Долго живя въ болгарскихъ селахъ и близко познакомившись съ обычаями и характеромъ этого народа, я вполнѣ убѣдился,—говорилъ Барклей,—что когда только турки будутъ изгнаны изъ этой страны, болгары въ самое короткое время превратятъ ее въ одну изъ лучшихъ и цвѣтущихъ земель восточной Европы». При постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, англичане особенно старались пользоваться трудомъ болгарскихъ рабочихъ, которые чрезвычайно скоро привыкали даже къ работамъ, требующимъ извѣстнаго искусства: они способны были занимать вскорѣ такія мѣста, о которыхъ не могли и думать другіе туземцы. Греки, по словамъ Барклея, годились въ слуги, разсыльные, въ содержатели кабаковъ, но не способны были къ постоянной усиленной работѣ, кромѣ какъ на морѣ; армяне были лучше какъ рабочіе, но имъ нельзя было ни мало довѣриться; цыганы, которыхъ много въ Турціи, христіанъ и магометанъ, — менѣе помогали постройкѣ, чѣмъ уничтоженію желѣзной дороги,

воруя все, что попадалось подъ руку. Послѣ болгаръ, лучшіе рабочіе были албанцы.

Поземельныя отношенія, при обиліи свободной земли, не представляли для болгаръ особенныхъ стѣсненій, но они бѣдствовали отъ всякихъ несправедливостей и насилій турецкихъ властей, отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ; эти власти при проѣздахъ считаютъ себя въ правѣ требовать отъ поселянъ все, что имъ нужно, и употреблять ихъ на всякую работу. Поэтому, самыя многолюдныя и богатыя селенія находятся вдали отъ большихъ дорогъ и городовъ. Селенія, которыя случаются на большихъ дорогахъ, состоятъ изъ жалкихъ мазанокъ, съ жалкими жителями (мы видѣли, что Панайотъ Хитовъ точно также изображаетъ болгаръ, живущихъ при большихъ дорогахъ, самыми несчастными изъ всѣхъ его соотечественниковъ). При постройкѣ желѣзной дороги, пришлось прокладывать ее подлѣ одного богатаго села, населеннаго болгарами и турками, но доступъ къ которому былъ обыкновенно очень затруднителенъ по условіямъ мѣстности; для желѣзной дороги построенъ былъ мостъ; но на другой же день по окончаніи онъ былъ разрушенъ, и одинъ турокъ откровенно сознался англичанамъ, что жители—и турки, и болгары—скорѣе сожгутъ свои жилища и уйдутъ въ другое мѣсто, чѣмъ останутся здѣсь, когда къ нимъ свободно станутъ наѣзжать чиновники, солдаты, баши-бузуки и заптіи. Этихъ послѣднихъ, ближайшихъ исполнителей власти, Барклей называетъ оффиціальными разбойниками; о баши-бузукахъ нѣчего и говорить. По словамъ Барклея, если бы собрать въ европейскихъ тюрьмахъ самыхъ грубыхъ злодѣевъ, они оказались бы приличными и разумными существами въ сравненіи съ «бѣшеной сворой этихъ чертей». Надо прибавить, что то же угнетеніе, какое переносятъ болгары, испытываютъ, лишь въ нѣсколько меньшей степени, и магометанскіе поселяне, — не только въ Европейской Турціи, но и въ самомъ гнѣздѣ турокъ, Малой-Азіи. О турецкихъ поселянахъ Барклей отзывается также очень благопріятно. Онъ вообще приходилъ къ убѣжденію, что болгары вполнѣ заслуживаютъ самой широкой автономіи, и что тогда между христіанскимъ и мирнымъ турецкимъ населеніемъ (сельскимъ) можно было бы не опасаться враждебныхъ столкновеній.

О болгарскомъ внутреннемъ бытѣ, нравахъ, семейной жизни Барклей говоритъ съ величайшими похвалами: нигдѣ не видалъ онъ такихъ добрыхъ, хорошихъ людей, съ такими скромными, честными нравами. Припомнимъ опять, что то же замѣчаніе дѣлала г-жа Мэккензи, когда, проѣзжая по Македоніи, гдѣ жи-

вуть рядомъ греки и болгары, сравнивала нравы тѣхъ и другихъ, и послѣднимъ отдавала рѣшительное преимущество.

Турецкое управленіе приводитъ англійскаго наблюдателя въ недоумѣніе. Богатыя средства страны остаются неразработанными, и страшное невѣжество сопровождается безконечнымъ грабежомъ чиновничества всѣхъ ступеней. Барклей убѣжденъ, что этой странѣ предстоитъ великая будущность, но прежде всего, говоритъ онъ, турки должны убраться въ Малую Азію и возвратиться къ своему первобытному варварству, изъ котораго, собственно говоря, никогда и не выходили, и не могутъ выдти.

Новая книга Барклея, къ которой теперь переходимъ, представляетъ новые разсказы объ его жизни въ Турціи и любопытна не менѣе первой. Онъ не повторяетъ прежнихъ темъ, но развиваетъ ихъ новыми подробностями—съ тѣмъ же спокойнымъ наблюденіемъ фактовъ, съ тѣмъ же полнымъ отсутствіемъ пристрастія въ какую-нибудь сторону. О самомъ болгарскомъ народѣ говорится здѣсь мало [1]); но за то сообщается множество подробностей, рисующихъ общее положеніе страны, и характеръ тѣхъ господъ, освобожденіе отъ которыхъ встрѣтило теперь столько дипломатическихъ затрудненій. Барклей говоритъ здѣсь больше о туркахъ въ Болгаріи, чѣмъ о болгарахъ, но для разъясненія общаго вопроса эта сторона дѣла имѣетъ существенную важность.

Касаясь мимоходомъ послѣднихъ событій, Барклей счелъ нужнымъ защитить болгарскій народъ отъ осужденій, какія высказывались противъ него, и не разъ возвращается въ своей новой книгѣ къ характеристикѣ турецкаго господства, которое дѣлаетъ для болгаръ невозможнымъ человѣческое существованіе и которое должно было быть свергнуто, какъ господство полудикаго народа надъ народомъ, назначеннымъ и способнымъ къ европейской цивилизаціи.

О турецко-болгарскихъ отношеніяхъ очень много спорили въ послѣдніе годы; туркофилы, образчикъ которыхъ мы видѣли въ Розенѣ, утверждаютъ, что болгары просто бунтовщики, а турки не даромъ господствовали надъ ними, что это господство есть ихъ право, что они обладаютъ многими добродѣтелями, тогда какъ

---

[1]) Барклей вообще говоритъ лишь о томъ, что̀ самъ видѣлъ и знаетъ; онъ не пускается ни въ исторію, ни въ этнографію, и напр., относительно болгарскаго племени въ этнографическомъ отношеніи говоритъ только слѣдующее: „нѣтъ сомнѣнія, что болгары—племя очень смѣшанное; но что по происхожденію, они главнымъ образомъ славянское племя, это *вѣроятно справедливо*“.

болгары порочны; наконецъ, что освобожденіе Болгаріи есть «ограбленіе» Турціи [1]). Барклей хочетъ остаться безпристрастнымъ и сообщая читателю свои факты, предоставляетъ ему самому судить и рѣшать.

«Знаменитѣйшій дипломатъ, жившій когда-либо на Востокѣ (говоритъ Барклей въ предисловіи), сказалъ однажды: «проживши въ Турціи десять мѣсяцевъ, думаешь, что вполнѣ узналъ этотъ народъ. Проживши тамъ десять лѣтъ, начинаешь находить, что ничего о немъ не знаешь». Это очень справедливо, и проживши много лѣтъ въ этой странѣ, я очень затрудняюсь высказать мнѣніе о мотивахъ и поведеніи ея жителей. Иногда случается взглянуть въ глубину, которая открываетъ чувства и мысли совершенно необъяснимыя». Барклей приводитъ въ примѣръ, что даже ловкіе и умные христіане, получая вліяніе черезъ связи съ турками, начинали обнаруживать крайнее высокомѣріе, повидимому очень неблагоразумное, потому что оно должно было создавать имъ враговъ. И однакоже всѣ классы въ Турціи полагаютъ, что это такъ и должно быть, что иначе какъ высокомѣріемъ съ одной стороны, и рабствомъ съ другой, и не можетъ выказываться важность и значеніе человѣка.

«Господствуетъ вообще мнѣніе,—продолжаетъ Барклей,—что турокъ правдивъ, а христіанинъ (въ Турціи) не правдивъ. Мой опытъ побуждаетъ меня думать, что оба не только одинаково неправдивы, но и презираютъ правдивыхъ. То, что̀ мы назвали бы прямотой, они считаютъ ошибкой, если не чѣмъ-то похожимъ на дурныя манеры, и принимая въ соображеніе, что почти во всѣхъ дѣлахъ съ европейцами они успѣваютъ, они заключаютъ, что ихъ политика, въ дипломатіи или въ торговлѣ, и должна быть самая умная. И однакоже, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, они вѣрятъ другъ другу столь же полно, какъ мы довѣряемъ самымъ испытаннымъ общественнымъ дѣятелямъ. Я не сомнѣваюсь, что турецкая публика съ такимъ же полнымъ довѣріемъ приняла отчетъ Эдиба-эффенди о болгарской рѣзнѣ (въ Филиппополѣ), какъ мы отчетъ г. Беринга. У нихъ абсолютно «желаніе есть отецъ мысли», и я увѣренъ, что никому изъ нихъ не приходило въ

[1]) У насъ, конечно, нѣтъ туркофиловъ; но извѣстное отраженіе ихъ мнѣній (или непониманіе болгарскаго дѣла) высказывалось различнымъ образомъ въ теченіи послѣдней войны. Очень многіе изъ нашихъ соотечественниковъ совсѣмъ не знали, какъ относиться къ туркамъ и болгарамъ: сколько разъ слышалась брань противъ послѣднихъ; какія любезности оказывались первымъ — въ родѣ плевнинскихъ „браво", въ родѣ конфектъ, подносимыхъ плѣннымъ туркамъ (занимавшимся передъ тѣмъ незадолго истязаніемъ нашихъ раненыхъ, остававшихся на полѣ сраженія) и т. п.

голову, чтобы кто-нибудь изъ несчастныхъ повѣшенныхъ болгаръ былъ невиненъ въ приписанныхъ имъ преступленіяхъ, хотя они должны знать, что доказательства, на основаніи которыхъ болгары были уличаемы, бо́льшей частью не имѣютъ ни малѣйшаго значенія. Они знаютъ, что болгары сочувствуютъ русскимъ, и потому думаютъ, что они не только способны на всѣ другія преступленія, но что навѣрно и совершили ихъ. Всѣ исторіи о русскихъ жестокостяхъ, какія публиковались турками, не только принимались съ полной вѣрой, но никакія доказательства противнаго никогда не поколеблютъ въ нихъ этой вѣры.

«Спасти обвиненнаго болгарина отъ висѣлицы—я искренно надѣюсь, что нѣкоторые могли бы быть спасены англійскимъ или другимъ вліяніемъ—оскорбило бы чувства турокъ столь же сильно, какъ у насъ оскорбило бы народъ освобожденіе, чужимъ вліяніемъ, какого-нибудь ужаснаго преступника. Повѣсить Шевкетъ-пашу было бы для турокъ столь же чудовищнымъ дѣломъ, какъ для англичанина повѣсить Лауренса или Клейда.

«Мы не подозрѣваемъ глубины задѣтаго чувства и предразсудка, которые скрываются подъ кроткой, вѣжливой, почти покорной манерой турка. Онъ горитъ желаніемъ отомстить за нравоученія и выговоры посланниковъ, за ту терпимость, которую онъ нашелъ политичнымъ выказывать, и вольности, которыя долженъ предоставить презираемымъ христіанамъ. Мнѣ непріятно думать о томъ, какая судьба постигла бы безчисленныхъ болгаръ, если бы туркамъ удалось прогнать русскихъ назадъ за Дунай.

«Турки могутъ сколько угодно наушничать, клеветать, интриговать лично одни противъ другихъ, но они всегда за-одно, какъ нація, во всѣхъ крупныхъ вопросахъ. Пышный паша, который толкуетъ съ знатнымъ англійскимъ туристомъ о политической экономіи и свободѣ, имѣетъ тѣ же чувства и стремленія какъ деревенскій заптій. При храбрости, распаленной успѣхомъ, при свѣжемъ чувствѣ побѣды они способны свести старые счеты и осуществить старыя цѣли такимъ способомъ, что изумили бы міръ.

«Турки храбры, послушны, хитры и честолюбивы. При благопріятныхъ обстоятельствахъ великій визирь стараго типа можетъ потребовать всякой жертвы у 16.000,000 мусульманъ имперіи, съ увѣренностью, что ему будутъ охотно повиноваться, если только цѣль будетъ популярна. Возвратить потерянную территорію ислама, унизить своихъ враговъ и возстановить прямую власть надъ quasi-независимыми областями, — такія цѣли встрѣтили бы у всѣхъ восторженное одобреніе».

Барклей указываетъ, какимъ образомъ связи религіозныя,

образованіе, получаемое многими болгарами въ Россіи, побуждали болгаръ смотрѣть съ надеждами на Россію,—и продолжаетъ:

«Много людей, глубоко пропитанныхъ русскими симпатіями и наиболѣе передовыми изъ русскихъ идей, возвратились къ себѣ на родину и въ свою очередь прививали эти понятія массамъ [1]). Когда случались затрудненія и испытанія, эти люди шли обыкновенно въ разныя русскія консульства, ища сочувствія, совѣта, помощи. При нѣсколько аналогическихъ обстоятельствахъ, мы видѣли, какъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ телеграфировало англійскому посланнику въ Константинополѣ—употребить свое вліяніе, чтобы спасти, если возможно, двухъ болгаръ, воспитывавшихся въ Англіи, отъ позорной смерти.

«Словомъ, русское образованіе и русскія симпатіи были настоящей—и я думаю, единственной реальной «пропагандой» въ Турціи. Что касается до русскихъ эмиссаровъ, мнѣ никогда не случилось встрѣтить ихъ, и я никогда не слышалъ никакихъ достовѣрныхъ разсказовъ о подобныхъ лицахъ. Тѣ, кто утверждаетъ, что всѣ смуты въ Болгаріи произведены были русскими эмиссарами и русскимъ золотомъ, должны были бы выставить доказательства болѣе осязательныя, чѣмъ одно утвержденіе.

«Кто бы ни одержалъ успѣхъ въ настоящей борьбѣ, Европа должна признать, когда придетъ день рѣшенія, что населеніе Болгаріи заслуживаетъ не одного голаго сочувствія. Съ прекраснымъ климатомъ, большою красотой природы, богатой почвой, со всѣхъ сторонъ доступная или легко могущая сдѣлаться доступной, Болгарія безъ сомнѣнія заслуживаетъ лучшей судьбы—чѣмъ быть отданной на періодическое опустошеніе, или чтобы въ промежуткахъ между ними ея богатства употреблялись лишь какъ средство собрать силы, которыя должны быть опять направлены на то же опустошеніе».

Барклей думаетъ, что при будущемъ освобожденіи болгаръ они и турки могли бы спокойно жить вмѣстѣ, еслибъ надъ ними стояло разумное правительство, т.-е. такое, которое держало бы турокъ въ извѣстномъ предѣлѣ. Но пока они остаются господами, инстинкты опустошенія неизбѣжны. Въ чемъ же ихъ причина? Очевидно, на Балканскомъ полуостровѣ стояли до сихъ поръ рядомъ два несоединимые элемента, которые и дѣйствительно не соединялись въ теченіи цѣлыхъ пяти-сотъ лѣтъ: съ одной стороны, азіатская и европейская этнологическія натуры,

[1]) Это бывало; но болгарское возрожденіе имѣло и другіе, болѣе дальніе и глубокіе источники.

съ другой—азіатская и европейская религіи. Господство досталось физической силѣ, удвоенной религіознымъ фанатизмомъ, и подавленныя народности цѣлые вѣка остались безпомощны; но сила вещей дѣлаетъ свое, и первобытные европейскіе элементы съ нынѣшняго столѣтія возникаютъ вновь и несомнѣнно должны взять верхъ: на ихъ сторонѣ оказался сильный союзникъ въ европейской образованности.

Мы не будемъ слѣдить за разсказами Барклея, но извлечемъ изъ нихъ отдѣльныя подробности, въ которыхъ рисуются междуплеменныя отношенія Турецкой имперіи и свойства господствующей расы.

Барклей, проживши долго въ Турціи, успѣлъ хорошо познакомиться съ нравами и привыкъ смотрѣть на нихъ спокойно, безъ удивленія, когда наталкивался на нелѣпости, безъ особеннаго негодованія, когда встрѣчался съ безобразіями, и ведетъ свое повѣствованіе съ дозой юмора, которая иной разъ помогаетъ безпристрастію. Онъ съ самаго начала представляетъ себѣ, что заѣхалъ въ полудикую страну, гдѣ нечего и требовать человѣческихъ отношеній, къ которымъ онъ привыкъ у себя дома; и старается только понять, въ чемъ состоитъ кругъ идей и мотивы поступковъ того міра, въ которомъ пришлось ему жить. Міръ и дѣйствительно оказывается полудикимъ; Барклею и въ голову не приходитъ толковать, какъ Розенъ, о турецкихъ «образованныхъ кругахъ» (въ которыхъ можно знакомиться со вчерашними разбойниками съ большой дороги), о попечительности турецкаго правительства (которой мѣшаютъ необузданные болгары) и т. п.; онъ знаетъ, что ничего подобнаго нѣтъ, и говорить объ этомъ показалось бы ему слишкомъ глупо. Онъ просто показываетъ факты, — полное отсутствіе какой-нибудь заботы о государственномъ хозяйствѣ; отсутствіе какой-нибудь правильной администраціи; полный произволъ центральной и мѣстной власти; необразованность правителей, доходящую до того, что губернаторъ области не умѣетъ понимать плана; полную возможность обходить администрацію, полицію и судъ подкупомъ и т. д. Народъ турецкій, отъ котораго въ этомъ отношеніи не отдѣляются и самые высшіе классы, исполненъ презрѣнія ко всему не-турецкому, считаетъ себя перломъ созданія, и хотя способенъ къ мирному труду и спокойной жизни, способенъ также, по первобытности своего развитія, доходить подъ внушеніемъ своихъ авторитетовъ до страшнаго фанатизма, въ которомъ становится дикимъ звѣремъ—примѣромъ служитъ турецкая «мили-

ція», баши-бузуки, набираемые изъ худшихъ слоевъ городского населенія и ничѣмъ не обуздываемые.

Обратимся къ подробностямъ. На первыхъ страницахъ книги находимъ между прочимъ замѣчанія о турецко-болгарскомъ разбойничествѣ, въ которомъ Розенъ нашелъ поводы къ восхваленію турокъ и осужденію болгаръ. «Я убѣдился въ одномъ фактѣ,—говоритъ Барклей,—что *большая часть* грабежей совершается не разбойниками по профессіи, а обыкновенными поселянами, т.-е. когда разбойники были *турки*. Дѣло въ томъ, что вовсе не считается безчестьемъ для молодого «дели-кана» (сорванца), если онъ облегчитъ христіанина отъ его кошелька, когда бы даже при этомъ онъ перерѣзалъ ему и горло. Это—терпимое преступленіе, которое считается просто за удальство, какъ въ прежніе годы въ Англіи смоггдерство (контрабанда). Часто случается, что гурьба молодыхъ людей возвращается съ принудительныхъ работъ для правительства, или съ рубки лѣсу, когда судьба пошлетъ имъ на дорогѣ армянина или грека, купца или лавочника. Искушеніе для нихъ слишкомъ сильно, и они избавляютъ его отъ заботы беречь свой кошелекъ. Если онъ будетъ такъ безразсуденъ, что узнаетъ кого-нибудь изъ грабителей, ему рѣжутъ горло или пускаютъ въ него пулю. Грабители возвращаются въ свою деревню. Консулы извѣщаются, что на такой и такой дорогѣ появилась новая шайка головорѣзовъ, паша суетится, посылаются разъѣзды, въ которыхъ нерѣдко участвуютъ и сами разбойники.

«Съ болгарами другое дѣло. Грабить считается для него безчестящимъ преступленіемъ, и онъ не только осуждается у своихъ, но и турки не имѣютъ снисхожденія *къ нему*. Если онъ желаетъ устроить нѣкоторыя дѣла на большой дорогѣ, онъ долженъ разорвать со всѣми честными людьми, онъ долженъ взяться за это совсѣмъ серьёзно, и, сдѣлавши это своей профессіей, онъ скоро обгоняетъ простыхъ любителей. Когда болгаринъ дѣлается разбойникомъ, онъ *почти неизмѣнно* бываетъ *вынужденъ* къ этому тиранніей и угнетеніемъ заптіевъ или вообще какихъ-нибудь оффиціальныхъ чиновниковъ. Напримѣръ, когда я жилъ въ Варнѣ, въ сосѣдствѣ былъ извѣстный болгарскій разбойникъ, который ушелъ въ лѣсъ потому, что не хотѣлъ, чтобы его во второй разъ въ теченіи года гнали миль за тридцать отъ дома на принудительную работу, и, переступивши разъ черту, онъ уже не имѣлъ возврата, и потому пошелъ по принятой дорогѣ и сталъ самымъ ловкимъ и опаснымъ изъ всего братства».

Однажды паша, губернаторъ Варны, пригласилъ Барклея

присутствовать на судѣ надъ однимъ знаменитымъ разбойникомъ, который былъ въ это время пойманъ. Разбойникъ былъ турокъ; послѣдніе ограбленные — христіанскіе купцы. Барклей собственными глазами видѣлъ благодушіе турецкихъ судей къ турецкому разбойнику и страхъ свидѣтелей-христіанъ. Разбойникъ осужденъ былъ на пять лѣтъ тюремнаго заключенія; но черезъ три мѣсяца благополучно бѣжалъ.

«Въ Варнѣ, и во всей Турціи, считается необходимостью для всякаго, кто желаетъ казаться важнымъ человѣкомъ, держать одного или больше частныхъ стражей, единственная обязанность которыхъ—слѣдовать за своимъ господиномъ или, въ многолюдныхъ улицахъ, идти впереди, и, если достанетъ смѣлости, расталкивать съ дороги проходящихъ. «Кавасъ» такъ необходимъ, что всѣ консулы держатъ одного или двухъ, и рѣдко выходятъ изъ дому безъ нихъ, и не выходятъ безъ нихъ никогда, отправляясь по оффиціальнымъ дѣламъ».

Въ этой должности служатъ обыкновенно албанцы-магометане, которые одѣваются, на счетъ хозяина, въ извѣстный албанскій костюмъ съ золотымъ шитьемъ, съ кинжалами и пистолетами и пр. Держать каваса не есть, впрочемъ, для европейца одна роскошь; это и необходимость, во-первыхъ, потому, что этого требуютъ нравы; во-вторыхъ, потому, что путешествіе и пребываніе въ Турціи далеко не обезпечены.

«Обыкновенно,—говоритъ Барклей,—эти люди отъ природы наглые разбойники, и на мой взглядъ совершенно отвратительны, когда были избалованы и испорчены своими европейскими хозяевами. Я сомнѣваюсь въ ихъ храбрости, въ ихъ честности, и въ ихъ правдивости. Это — раболѣпныя, льстивыя животныя съ своими господами, и наглецы съ низшими; но я все-таки думаю, что нашимъ консуламъ они необходимы, потому что внушаютъ уваженіе невѣжественнымъ жителямъ, а затѣмъ вина ихъ господъ, если имъ позволяютъ пользоваться своимъ положеніемъ».

Барклей также держалъ двухъ кавасовъ, турокъ, которымъ однако не сдѣлалъ ненавистнаго ему албанскаго костюма. Одинъ изъ нихъ, Сали, молодой турокъ, въ особенности нравился ему своей наружностью и своимъ усердіемъ.

«И однако же, этотъ молодой герой, съ голубыми глазами, прекрасными волосами, деликатный, хотя смѣлый, былъ настоящій баши-бузукъ, и, подобно всей этой милой шайкѣ, звѣрскій убійца! Я не подозрѣвалъ этого все время, пока онъ былъ у меня, и только послѣ того, какъ онъ прослужилъ у меня три

года и затѣмъ умеръ отъ скоротечной чахотки, Гассейнъ (второй кавасъ) и другіе разсказали мнѣ его исторію....

«Европейцу невозможно понять этихъ необыкновенныхъ людей, или представить себѣ фактъ, что одинъ изъ нихъ въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ окажется способнымъ, изъ-за нѣсколькихъ лиръ, на самое гнусное преступленіе, и что, однако же, ему можно было довѣрить отвозить сотни фунтовъ стерлинговъ на большія разстоянія по безлюднымъ дорогамъ, гдѣ онъ могъ бы легко захватить и припрятать ихъ, и сказать, что онъ былъ ограбленъ толпой разбойниковъ...

«Христіане, по многимъ причинамъ, не употребляются въ Турціи въ качествѣ кавасовъ—и главная причина та, что турецкіе поселяне съ презрѣніемъ смотрѣли бы на человѣка съ такими провожатыми, и путешественнику пришлось бы плохо, если бы, прибывши въ деревню, онъ потребовалъ пищи и помѣщенія. Далѣе, христіанинъ такъ привыкъ къ обидамъ отъ господствующаго племени, что, какъ бы господинъ его ни былъ оскорбленъ турками, онъ не посмѣетъ вмѣшаться, а въ случаѣ встрѣчи съ турецкими разбойниками, я увѣренъ, что кавасъ изъ райи будетъ плохой защитникъ. Путешествуя въ Турціи полезно имѣть мусульманскаго каваса, и если это будетъ хорошо выбранный человѣкъ, онъ будетъ вѣжливъ съ поселянами и всѣми, кто встрѣтится по дорогѣ, и настоящій демонъ, когда его господинъ не получитъ должнаго уваженія или окажутъ ему какое-нибудь пренебреженіе.

«По моему мнѣнію, лучшіе кавасы это—заптіи, нанятые на цѣлое путешествіе или помѣсячно, которымъ платитъ путешественникъ и которые могутъ быть отпущены, какъ только онъ замѣтитъ какой-нибудь дурной ихъ поступокъ. Невѣжественные турецкіе поселяне боятся мундира заптія, а болгары скоро теряютъ всякій страхъ, когда видятъ, что заптіи находятся подъ надзоромъ господина, который хочетъ держать ихъ въ порядкѣ».

Въ восточной Болгаріи Барклей имѣлъ возможность близко познакомиться еще съ однимъ фатальнымъ элементомъ тамошней жизни—съ черкесами, переселеніе которыхъ совершалось на его глазахъ. Его характеристика татаръ и черкесовъ, поселившихся въ тѣхъ краяхъ, совершенно согласна съ тѣми разсказами бывшаго турецкаго паши (во 2-мъ томѣ «Славянскаго Сборника»), о которыхъ мы упоминали въ прошлой статьѣ.

«Лѣтомъ 1866 года,—говоритъ Барклей,—совершилось событіе, которое на вѣка оставитъ свой слѣдъ на исторіи Турціи; и, судя по тому, чтó я знаю объ этомъ лично, я склоненъ думать, что оно будетъ къ невыгодѣ турокъ. Я разумѣю большое

переселеніе черкесовъ въ Турцію,—переселеніе, которое доставило удовольствіе оставшимся, и было привѣтствовано правителями тѣхъ, кто принималъ ихъ.

«За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, я видѣлъ, какъ прибыли толпами въ Кюстенджи татары, спокойно разселились и образовали мирную и трудолюбивую часть мусульманскаго общества; и въ моемъ невѣжествѣ я думалъ, что черкесы будутъ люди такого же рода, и, кромѣ того, былъ предрасположенъ въ ихъ пользу тѣмъ мужествомъ, съ какимъ они защищали свою горную родину противъ дисциплинированныхъ войскъ Россіи.

«За нѣсколько времени въ европейскихъ газетахъ появились извѣстія, что черкесы должны выселиться; но въ Варнѣ, я полагаю, вообще въ первый разъ узнали объ ихъ приходѣ только тогда, когда прибыло турецкое судно, нагруженное жалкими изнуренными бѣдняками, въ крайней нищетѣ и буквально умирающими съ голоду; потому-что корабль задержанъ былъ на нѣсколько дней противными вѣтрами, и небольшой запасъ воды и пищи, взятый ими съ собой, истощился. Они не только умирали съ голоду, но, какъ было и съ татарами, они умирали отъ оспы, дисентеріи, горячки, и не прошло часа послѣ того, какъ брошенъ былъ якорь, какъ гавань и берегъ уже приняли мертвыя тѣла. Никакихъ приготовленій не было сдѣлано, но когда пришла настоящая тревога, губернаторъ заторопился, какъ можетъ заторопиться турокъ въ отчаянномъ положеніи дѣла; скоро всѣмъ былъ розданъ хлѣбъ, и первое великое бѣдствіе, голодъ, было остановлено».

За первымъ кораблемъ послѣдовали другіе; въ одну Варну прибыло восемьдесятъ тысячъ черкесовъ въ такомъ же нищенскомъ состояніи. Мало-по-малу, выселенцы были отправлены по деревнямъ, гдѣ жители должны были содержать ихъ, построить для нихъ дома, и доставить каждому семейству пару быковъ, арбу и сѣмена для посѣва.

Но если эти бѣдствія переселенцевъ возбуждали глубокое состраданіе, ихъ послѣдующій образъ жизни и способъ дѣйствій не внушилъ Барклею ни малѣйшаго сочувствія къ нимъ; напротивъ.

«Я не могу представить себѣ двухъ племенъ, столь непохожихъ по своимъ нравамъ, какъ черкесы и ихъ единовѣрцы, турки. Послѣдній исполненъ достоинства, спокоенъ и, въ особенности, *медленъ*. Медленъ во всемъ, что̀ онъ дѣлаетъ: надо ли заключить договоръ для спасенія своей страны или вынуть изъ кармана часы, чтобъ справиться о времени. Первый—есть масса энергіи, не спокойный ни на минуту, вѣчно-спѣшащій. Я никогда не видѣлъ,

чтобы черкесъ—кромѣ того, когда онъ умираетъ—разлегся или даже медленно шелъ, и каждое движеніе его тѣла или движеніе рукъ дѣлалось съ такой быстротой, которая сдѣлала бы честь фокуснику. Черкеса можно узнать за милю по его быстрому, короткому шагу, прямому стану и быстрымъ движеніямъ; и если сойдется ихъ двое или больше, они будутъ говорить такъ быстро и горячо, какъ-будто отъ этого зависѣла жизнь или смерть. И, однако, при всей удивительной энергіи, они ненавидятъ работу какого бы то ни было рода, какъ кошка ненавидитъ воду.

«Когда они прибыли впервые, нѣсколько молодыхъ людей, безъ сомнѣнія побуждаемые голодомъ, приходили иногда просить работы на желѣзной дорогѣ, но они не могли выдержать даже одного, много двухъ дней, и исчезали, чтобы уже никогда не возвращаться. Частные подрядчики съ радостью дали бы работу сотнямъ черкесовъ по всей линіи, но черкесы, хотя умирали съ голоду, не хотѣли работать, и я не думаю, чтобы всѣ поселенцы получили отъ насъ законнымъ образомъ даже пять фунтовъ.

«Они предоставили поселянамъ строить для нихъ дома, сами не двинувши пальцемъ, чтобы имъ помочь; но старые жители охотно давали свой трудъ, если новая (черкесская) деревня была достаточно далека, такъ-какъ этимъ они отдѣлывались отъ непрошенныхъ голодныхъ гостей.

«Хлѣбъ, данный имъ для посѣва, былъ тотчасъ съѣденъ; рабочіе быки раздѣлили ту же участь, и до сего дня (въ теченіи многихъ лѣтъ) они не обработали, сравнительно, даже столько земли, сколько татары обработали въ первый годъ своего переселенія.

«Это—племя мародеровъ и воровъ скота, и можно сказать, что масса ихъ живетъ воровствомъ. Они не пробыли въ странѣ одного мѣсяца, какъ уже принялись за свое любимое занятіе, и не прошло полугода, какъ почти всѣ мужчины имѣли хорошихъ лошадей, хотя, когда они прибыли, у нихъ не было денегъ, чтобы купить хлѣба и избавиться отъ голодной смерти. Старымъ жителямъ, христіанамъ и мусульманамъ, пришлось тотчасъ брать предосторожности для защиты своего скота, и въ первое время каждая деревня должна была всю ночь держать на сторожѣ сильный патруль; но, несмотря на то, черкесы воровали лошадей и коровъ прямо у нихъ подъ носомъ, и все-таки рѣдко кто попадался на мѣстѣ. Если ихъ ловили, имъ мало давали пощады —ихъ убивали какъ гадовъ и хоронили какъ собакъ.

«Они не только воровали скотъ, но въ область ихъ воровства входило рѣшительно все. Эти животныя раскрывали могилы

нашихъ рабочихъ изъ-за тѣхъ лохмотьевъ, въ которыя труны были завернуты, такъ что надо было сторожить и оберегать самыя могилы.

«Каждое существо въ странѣ ихъ ненавидѣло; христіанинъ и турокъ, проходя мимо черкеса, отворачивались и плевали, говоря: а, черкесскій волкъ! И они дѣлали это открыто передъ ними, и я никогда не видѣлъ, чтобы черкесъ отплачивалъ за это, или даже сердился или удивлялся этому».

Это пишетъ вовсе не какой-нибудь партизанъ славянства и врагъ Турціи; Барклей предсказывалъ, что при случаѣ черкесы будутъ грабить кого угодно, какъ въ концѣ нынѣшней войны они и принялись грабить самихъ турокъ. Можно, слѣдовательно, представить себѣ положеніе болгаръ, среди которыхъ были расселены эти колонисты, и которые были передъ ними совершенно беззащитны, потому что черкесы были мусульмане.

Барклей не думаетъ ни на минуту признавать той мнимой равноправности, о которой говорятъ туркофильскіе публицисты и ученые.

Барклей разсказываетъ одинъ случай, гдѣ черкесы ограбили и чуть не убили одного англичанина, служившаго при постройкѣ желѣзной дороги. Англичане, конечно, не захотѣли пропустить этого безнаказаннымъ и настояли, чтобы разбойники были розысканы и наказаны. Турецкія власти должны были это сдѣлать, и дѣйствительно съумѣли найти разбойниковъ.

«Если бы,—замѣчаетъ Барклей,—турецкіе чиновники въ провинціяхъ захотѣли (ихъ природа противорѣчитъ этому) всегда показывать такую энергію и рѣшительность, когда совершается разбой и неистовство, эти небольшіе возбуждающіе случаи скоро бы кончились, и страна могла бы жить спокойно; но въ настоящемъ положеніи вещей, *разбойники знаютъ* (обратите на это вниманіе, г. прокуроръ Розенъ), что если они ограничиваютъ свои операціи гяурами, то девять разъ изъ десяти противъ нихъ будутъ приняты только полумѣры, и даже если они будутъ захвачены, то почти невозможно будетъ уличить ихъ, потому что, что̀ бы ни говорили фирманы, никакой судья въ Турціи, если только можетъ, не приметъ показаній христіанина, направленныхъ противъ турка (т.-е. вообще мусульманина)».

Всѣ туркофилы неизмѣнно (даже тотъ Каницъ, который кажется Розену предрасположеннымъ въ пользу болгаръ, т.-е. противъ турокъ) указываютъ на Мидхата-пашу, какъ на цивилизованнаго прогрессиста, который своей «просвѣщенной дѣятельностью» доказывалъ, что турецкій прогрессъ совершенно возмо-

женъ, — лишь бы только не мѣшали ему необузданность болгаръ и интриги панславизма.

Барклей и на этотъ разъ оказывается совершеннымъ скептикомъ, тѣмъ болѣе непріятнымъ для туркофиловъ, что онъ былъ ближайшимъ свидѣтелемъ и говоритъ фактами. Митхадъ-паша, дѣйствительно, строилъ шоссейныя дороги,—но оказывается, что онѣ строились безъ особенныхъ хлопотъ—принудительнымъ трудомъ тѣхъ же болгаръ.

«Въ Турціи не было шоссейныхъ дорогъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ я жилъ,—потому что впослѣдствіи я читалъ извѣстіе, что есть прекрасная шоссейная дорога изъ Виддина, построенная Мидхатомъ-пашой, когда онъ былъ губернаторомъ вилайета.

«Митхадъ-паша прибылъ въ Рущукъ, вскорѣ послѣ того, какъ мы начали желѣзную дорогу, и тотчасъ предпринялъ устроить шоссе отъ этого города къ Варнѣ. Вся она была устроена «барщиной» (by corvée), и множество людей было употреблено на это дѣло; въ результатѣ было то, что на первыя пять миль отъ Рущука была прекрасная широкая дорога. Отъ Варны тоже было нѣчто въ родѣ дороги на четыре мили, но промежуточное пространство (именно около 160 миль) дороги, когда она была объявлена открытой, была въ гораздо худшемъ состояніи, чѣмъ когда на ней еще ничего не было сдѣлано».

Дорога была столь ужасна, что по ней избѣгали ѣздить тѣ, кому приходилось ею пользоваться, и ѣхали подлѣ нея въ объѣздъ; тогда по ней выставлены были заптіи, чтобъ загонять проѣзжающихъ на дорогу, гдѣ ломались оси и колеса. «Я вполнѣ увѣренъ,—замѣчаетъ Барклей,—что самъ великій паша никогда не проѣхалъ по этому шоссе послѣ того, какъ проѣхалъ по хорошей его части у воротъ Рущука».

Въ серединѣ дорога просто заросла кустарникомъ и оставалась безъ употребленія въ тѣ слѣдующіе годы, когда Барклей еще жилъ въ Турціи и видѣлъ эту дорогу.

«Каждаго европейца, посѣщавшаго пашу, спрашивали, видѣлъ ли онъ дорогу, и если онъ ея не видѣлъ, его посылали на милю или на двѣ за городъ въ одномъ изъ экипажей паши, или просили его нанять экипажъ самому. Такимъ путемъ паша пріобрѣлъ скоро большую славу; но если, съ одной стороны, принять во вниманіе множество людей, оторванныхъ отъ дома и своихъ обыкновенныхъ занятій, вынесенныя ими бѣдствія и озлобленіе, которое порождаетъ эта принудительная работа, и съ другой стороны *результатъ*, то всякій благомыслящій человѣкъ,

я думаю, согласится со мной, что паша заслужилъ репутацію — только совсѣмъ не ту, которую онъ получилъ!»

Не будемъ повторять анекдотовъ, которые разсказываетъ Барклей объ этой дорогѣ, и приведемъ его послѣднія замѣчанія о Мидхатѣ-пашѣ.

«Кромѣ пяти миль хорошей дороги изъ Рущука, Мидхатъ-паша устроилъ также хорошую шоссейную улицу черезъ болгарскій кварталъ, и продолжилъ шоссе на милю отъ города по направленію къ Силистріи... Онъ выстроилъ также пріютъ для сиротъ, который, какъ скоро онъ былъ конченъ, обратилъ въ гостинницу, говоря, что сироты должны получать прибыли, и такъ какъ его отецъ и мать умерли, то я осмѣливаюсь думать, что сирота получилъ прибыли. Онъ построилъ далѣе очень красивую набережную вдоль рѣки, съ широкой променадой на верху; но такъ какъ его инженеры забыли о фундаментѣ, — вся она въ теченіи года съѣхала въ Дунай... Конечно, все, что я говорю, относится къ тому положенію вещей, какое было, когда я еще жилъ въ Турціи, т.-е. до 1870 года. Послѣ того дорога *могла* быть поправлена, и другія публичныя работы *могли* быть приведены въ совершенный порядокъ, но, если бы это случилось, я былъ бы чрезвычайно изумленъ».

Словомъ, Барклей не желалъ быть ни простофилей относительно прогрессивныхъ идей Мидхата-паши, ни лгуномъ. Живя многіе годы въ Турціи, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ турецкими высшими властями, онъ ни разу не видѣлъ ни «образованныхъ турецкихъ круговъ», ни «попечительности» турецкихъ властей.

«Благодаря новымъ пришельцамъ, черкесамъ, — разсказываетъ онъ дальше, — я счелъ абсолютно необходимымъ для охраненія желѣзно-дорожнаго матеріала, удвоить число сторожей въ Варнѣ, и не только поставить сторожей, но удвоить мое собственное наблюденіе за сторожами; и я нашелъ, что единственное средство сдѣлать это — навѣщать ихъ время отъ времени ночью и безъ разговоровъ отпускать тѣхъ, кто не былъ на мѣстѣ.

«Бѣдный турокъ ничего такъ не любитъ, какъ быть сторожемъ; во-первыхъ, потому что можетъ спать цѣлый день; во-вторыхъ, потому что ожидаетъ того же и на всю ночь; и потому мои визиты вовсе не были пріятны, и рѣдко случалось, чтобы, обходя рундомъ, я не нашелъ нѣкоторыхъ изъ нихъ преспокойно спящими въ сторожевыхъ домахъ... Въ первый разъ, когда я сдѣлалъ свой объѣздъ, я нашелъ всѣхъ сторожей спящихъ въ постеляхъ, и, вслѣдствіе того, на утро была общая отставка».

Очевидно, это была давнишняя привычка, историческая лѣнь и беззаботность; ту же черту, въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, Барклей указываетъ и во всемъ турецкомъ управленіи, гдѣ все дѣлается спустя рукава. Съ другой стороны, нѣтъ недостатка въ разныхъ мѣрахъ надзора, и если ихъ принимаются исполнять, то онѣ становятся только средствомъ для новыхъ прижимокъ и вымогательствъ чиновничества—послѣдняя черта весьма, впрочемъ, знакома не въ одной Турціи, а также и въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ.

«Въ Англіи мнѣ часто приходилось слышать, будто въ Турціи не спрашиваютъ паспортовъ, будто для путешествія это самая свободная страна на континентѣ, и будто турокъ вполнѣ уважаетъ свободу каждаго, если только уважаются разумные законы страны. Эти утвержденія происходятъ отъ незнанія. Я не видѣлъ страны, гдѣ бы законъ требовалъ болѣе строгаго наблюденія за паспортами, чѣмъ въ Турціи. Иностранцу не только необходимо имѣть съ собой паспортъ и показывать его, но каждый, иностранецъ или туземецъ-турокъ, христіанинъ или еврей, долженъ имѣть паспортъ для самаго небольшого путешествія *въ* странѣ — даже изъ одной деревни въ другую, и всякій негодный мелкій служитель правительства можетъ потребовать его для осмотра, и этимъ причинить путешественнику безконечныя безпокойства.

«Живя въ Турціи, дѣйствительно кажется, что всѣ законы сдѣланы именно съ намѣреніемъ надоѣдать честнымъ людямъ; потому что плуты безцеремонно не хотятъ ихъ знать и часто даже находятъ въ нихъ помощь для себя, между тѣмъ какъ люди, которые хотятъ быть честными и прямыми, страдаютъ отъ этихъ законовъ и своимъ кошелькомъ, и расположеніемъ духа.

«Въ самомъ дѣлѣ, законъ такъ слабъ, и тѣ, кто обязанъ поддерживать его въ силѣ, такъ продажны и лѣнивы, что всякій, кто умѣетъ взяться за дѣло, можетъ или купить законъ, или избѣжать его. Но только-что пріѣхавшій европеецъ, ожидающій, что законъ будетъ его защищать и помогать ему, если онъ остается честнымъ, находитъ, что законъ употребляется только для того, чтобы вытянуть деньги изъ его кармана, и какъ капитальное средство испортить ему характеръ.

«Девяносто-девять разъ изо ста бакшишъ спасаетъ провинившагося. Бакшишъ покупаетъ судью, покупаетъ ложныхъ свидѣтелей, открываетъ таможни для контрабандныхъ товаровъ, останавливаетъ сборщика податей, и есть самый лучшій паспортъ въ Турціи. Ловко употребленный бакшишъ выпуститъ изъ тюрьмы убійцу, одѣнетъ терпѣливаго солдата въ картонную обувь, заря-

дить его ружье патронами изъ опилокъ, и позволить плутамъ и проходимцамъ всякаго рода долго наслаждаться своей прибылью».

Барклей, какъ мы упоминали, разсказываетъ много случаевъ, гдѣ турецкое правосудіе оказывалось очень снисходительно къ разбою, когда разбойникомъ бывалъ турокъ, а жертвой райя. Въ такихъ случаяхъ иногда не дѣлалось даже совсѣмъ никакихъ розысковъ.

«Отъ времени до времени, когда шла какая-нибудь большая ярмарка, какъ, напримѣръ, ежегодная ярмарка въ Эски-Джумѣ (городъ миляхъ въ двадцати къ западу отъ дороги между Рущукомъ и Шумлой), сдѣлана была слабая попытка оказать покровительство купцамъ, ѣдущимъ туда съ товарами, поставивши на каждыхъ десяти миляхъ по главнымъ окрестнымъ дорогамъ трехъ или четырехъ спеціальныхъ заптіевъ, бо̀льшею частью — грубыхъ арнаутовъ, которые построили себѣ хижины подлѣ дороги, требовали себѣ съѣстныхъ припасовъ изъ ближайшей деревни и систематически оскорбляли каждаго прохожаго, какого осмѣливались, подъ предлогомъ осмотра его тескере или паспорта. Девять разъ изъ десяти, когда мы проѣзжали эти станціи, этихъ стражей можно было видѣть крѣпко спящими и, вслѣдствіе того, я часто могъ избѣгать ихъ наглости, и безполезной и скучной задержки. Рѣдкій изъ этихъ заптіевъ умѣетъ читать, такъ что всякій клочокъ бумаги съ большой печатью сходитъ за паспортъ; но, несмотря на то, что они не въ состояніи прочесть ни одного слова, каждый изъ заптіевъ внимательно переглядываетъ его и старается показаться знающимъ.

«Затѣмъ, какъ стража, они совершенно безполезны. Что̀ могли бы они сдѣлать, находясь въ десяти миляхъ отъ ближайшаго пикета, не имѣя лошадей — и всего трое или четверо — противъ шайки разбойниковъ?.. Кромѣ того, я думаю, что они положительные трусы и спрятались бы отъ разбойниковъ, если бы оказались съ ними въ равномъ числѣ».

Однажды, эти охранители безопасности особенно усердно примѣнили свою систему осмотра къ одному неопытному англичанину, отобрали у него паспортъ, вытянули отъ него денегъ, — такъ что, ушедши отъ нихъ, онъ думалъ, что попалъ на воровъ. Другіе англичане (служившіе при постройкѣ желѣзной дороги), болѣе опытные, не думали жаловаться на нихъ начальствамъ, а просто сами расправились съ заптіями. Послѣдніе и не подумали обращаться къ своимъ властямъ, и стали съ тѣхъ поръ только приличнѣе.

«Иногда этими стражами были настоящіе турки — и тогда,

прибывши къ ихъ хижинѣ, можно было встрѣтить вѣжливый пріемъ, пріятно было сойти съ лошади, протянуть ноги и выпить чашку чернаго кофе; но это были рѣдкіе случаи, и мы привыкли избѣгать сторожевыхъ домовъ, какъ избѣгали бы настоящихъ разбойниковъ.

«Любовь къ торговлѣ и наживѣ должна быть удивительно сильна у евреевъ, армянъ и грековъ, если заставляетъ ихъ ѣздить по странѣ съ своими товарами съ одной ярмарки на другую, потому что все время своего путешествія они мучатся страхомъ, — и съ основаніемъ мучатся, потому что мало между ними такихъ, которые не были когда-нибудь остановлены, ограблены и не потерпѣли насилія въ этихъ путешествіяхъ. Если вы ѣдете съ туземцемъ, онъ будетъ, по мѣрѣ путешествія, указывать вамъ черезъ каждыя нѣсколько миль какое-нибудь мѣсто, гдѣ было совершено убійство или грабежъ. «Здѣсь Дмитрій Янко былъ ограбленъ на сто лиръ; тутъ задушили Іована, за то, что у него не было достаточно денегъ, чтобы удовлетворить убійцъ; тамъ найдены три еврея съ перерѣзанными горлами. Тутъ намъ проѣхать было бы всего ближе, но мы не любимъ этой дороги съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь былъ остановленъ и ограбленъ цѣлый караванъ купцовъ, — мы лучше объѣдемъ другой дорогой», — и такъ далѣе.

«Естественно, что купцы набавляютъ еще лишнюю плату на всѣ свои товары, чтобы покрыть свой рискъ, и страна также мало безопасна, какъ если бы ее наводнило непріятельское войско; торговля и промыслы положительно остановлены домашнимъ непріятелемъ, разбойниками и полиціей, сборщикомъ податей и чиновникомъ правительства, какъ-будто страшный и ненавистный руссъ наполнилъ страну арміей казаковъ.

«Единственное удобство въ Болгаріи — то, что къ жертвѣ рѣдко чувствуютъ большое состраданіе, если только въ бѣду попадетъ не какой-нибудь бѣдный и мирный поселянинъ. Купецъ и промышленникъ, крупный или мелкій,—всегда плутъ, и здѣсь бываютъ скорѣе рады, когда услышатъ, что плутъ былъ ограбленъ, и что человѣкъ, обманывавшій на піастрахъ, былъ ограбленъ на лирахъ. Можетъ показаться слишкомъ крѣпкимъ—сказать о цѣломъ классѣ людей, что они плуты; но немногіе англичане, которые проживутъ въ Турціи столько, сколько я, не придутъ къ тому же заключенію, и еще меньше будетъ такихъ, которые выѣдутъ отсюда не обманутыми. Въ Турціи нѣтъ вещи, называемой торговой нравственностью, и всякій, кто возымѣлъ

бы здѣсь подобное донъ-кихотское понятіе, будетъ сочтенъ за глупца».

Барклей дѣлаетъ дальше нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о консулахъ, особенно англійскихъ. Онъ находитъ между ними нѣсколько достойныхъ исключеній, но вообще думаетъ, что консульская служба въ Турціи составляетъ одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ говоритъ, что высказываетъ свое мнѣніе по опыту, такъ какъ лично зналъ очень многихъ консуловъ, и даже самъ нѣсколько мѣсяцевъ по необходимости исправлялъ обязанности консула.

«У консуловъ въ цѣлый мѣсяцъ есть едва ли на одинъ день дѣла, и справедливость старой пословицы, что «чортъ находитъ дѣло для праздныхъ рукъ», часто можно видѣть какъ-разъ подъ англійскимъ флагомъ въ какомъ-нибудь скучномъ, маленькомъ турецкомъ городѣ.

«Между англійскимъ консуломъ и его товарищами вѣчно идутъ глупые ребяческіе споры о какомъ-нибудь предполагаемомъ нарушеніи этикета, — и человѣкъ, посланный для охраненія британскихъ интересовъ, тратитъ свою жизнь на тó, чтобы наблюдать, какъ относятся къ нему тѣ, о которыхъ онъ воображаетъ, что они или держатъ себя болѣе важно, чѣмъ онъ, или желаютъ оказать ему какое-нибудь небреженіе.

«Часто, ихъ знаніе закона равняется нулю, а знаніе страны и народа исполнено предразсудковъ и ошибокъ. Они водятся только съ богатыми купцами и турецкими чиновниками, между тѣмъ какъ поселянинъ — его жизнь, его заботы, его занятія и стремленія, остаются имъ совсѣмъ неизвѣстны. Свѣдѣнія для отчетовъ, посылаемыхъ ими въ Англію, собираются главнымъ образомъ *отъ турецкихъ чиновниковъ*, и на нихъ невозможно полагаться (quite unreliable), и однакоже эти люди получаютъ жалованье, которое могло бы побудить многихъ образованныхъ и умныхъ англичанъ согласиться на такое назначеніе.

«Я видѣлъ нѣсколько блестящихъ исключеній изъ всего этого; видѣлъ людей, которые пользовались большимъ уваженіемъ отъ всѣхъ, высшихъ и низшихъ, турокъ и христіанъ, и у которыхъ знаніе страны и людей было результатомъ многолѣтняго внимательнаго изученія. Но я долженъ повторить опять, это были *исключенія*, насколько я видѣлъ на опытѣ.

«Я знаю, что истина моихъ словъ будетъ подвергнута сомнѣнію, что каждый консулъ въ Левантѣ найдетъ кого-нибудь, кто будетъ говорить объ его годности къ его положенію,—кого-нибудь, кто навѣщалъ его консульство, получалъ его гостепріим-

ство и пользовался его оффиціальнымъ вліяніемъ; но я думаю, что такіе люди некомпетентны въ сужденіи объ этомъ дѣлѣ. Компетентны только тѣ, кто долго жилъ въ странѣ, хорошо ее знаетъ, наблюдалъ способъ дѣйствій консуловъ и читалъ ихъ оффиціальные отчеты»...

Какъ мы замѣтили, Барклею пришлось однажды взять на себя обязанности консула, по неволѣ, такъ какъ консулъ уѣхалъ и некому больше было исполнять его должность.

«Такъ какъ за свою службу,—говоритъ Барклей,—я никогда не получалъ публичной благодарности, то, быть можетъ, мнѣ позволятъ сказать о себѣ самомъ, что дѣлать мнѣ было нечего, и это я дѣлалъ не совсѣмъ дурно—чего далеко нельзя сказать о многихъ левантинскихъ консулахъ, находящихся въ томъ же положеніи.

«По опыту, я пришелъ къ заключенію, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ назначать консуломъ левантинца, потому что если бы даже онъ былъ умный и честный человѣкъ, онъ навѣрно боится турецкихъ чиновниковъ и будетъ подъ ихъ вліяніемъ... Всякій консулъ долженъ быть назначаемъ прямо изъ Англіи, послѣ должнаго обученія и выдержавши соискательное испытаніе. На первое время у него можетъ не быть такого знанія народа, но его сужденія не будутъ испорчены закоренѣлыми предразсудками, и у него не будетъ друзей, которые станутъ удерживать его отъ исполненія долга.

«Изъ всѣхъ консуловъ въ Турціи, англійскіе уважаются больше всѣхъ, — кромѣ *русскаго*. Я говорю это, хорошо обдумавши, потому что, по моему мнѣнію, русская консульская служба настолько же выше нашей, насколько наша выше другихъ. Я зналъ многихъ русскихъ консуловъ на Востокѣ, и неизмѣнно находилъ въ нихъ умныхъ, знающихъ людей, самостоятельныхъ, дѣлавшихъ свое дѣло спокойно и безъ тщеславія, никогда не мѣшавшихся въ мелкія дрязги съ своими товарищами и никогда не вступавшихъ въ раздоры съ властями; и по разговорамъ, какіе я часто имѣлъ съ ними, я думаю, что они понимаютъ восточныхъ людей лучше, чѣмъ всѣ другіе консулы, взятые вмѣстѣ. Я знаю, говорятъ, что они интригуютъ съ болгарами противъ турокъ, и я не могу отвергать, чтобы этого не было, потому что это люди, которые дѣлаютъ что надо дѣлать, не посвящая міра въ свои дѣла.

«Въ собственной Турціи я никогда не видѣлъ и не могъ подозрѣвать, чтобы дѣлалось какое-нибудь скрытное дѣло, хотя знаю,

что въ Бухарестѣ, передъ первымъ болгарскимъ возстаніемъ, русскій консулъ давалъ ему совѣтъ и нравственную поддержку».

(Объ этомъ послѣднемъ мы не имѣемъ свѣдѣній).

Изъ народовъ, населяющихъ европейскую Турцію, Барклей на первомъ мѣстѣ по спокойному народному характеру—ставитъ болгаръ, послѣ нихъ—татаръ, тѣхъ, которые переселились туда послѣ крымской войны. Барклей видѣлъ ихъ много, сначала въ Добруджѣ, потомъ въ Варнѣ: здѣсь онъ прожилъ три года въ татарскомъ кварталѣ города, въ которомъ подъ конецъ имѣлъ множество друзей. Онъ жилъ сначала въ греческомъ кварталѣ и рѣшилъ бросить его по безпорядочному быту его населенія, лишавшему его покоя; но татарскимъ кварталомъ онъ не нахвалится.

«Такъ какъ татары—новые пришельцы въ Европѣ [1]),—говоритъ Барклей въ своемъ разсказѣ о нихъ, — и только очень немногіе англичане живали между ними, какъ я, то я разскажу мои встрѣчи съ ними, и сдѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ, потому что изъ всѣхъ племенъ Болгаріи, послѣ самихъ болгаръ, я считаю татаръ самымъ трудолюбивымъ, разумнымъ и мирнымъ. Унаслѣдовавъ номадные инстинкты своихъ предковъ, они не могутъ похвастаться постройкой домовъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они, кажется, совсѣмъ отдѣлались отъ своихъ кочевыхъ наклонностей и принялись за торговлю и хозяйство съ такимъ прилежаніемъ и постоянствомъ, которые ручаются за успѣхъ. Пришедши въ Турцію всего восемнадцать лѣтъ назадъ, и принеся съ собой едва ли что-нибудь кромѣ сильныхъ рукъ, они достигли уже удивительнаго процвѣтанія и удивительно измѣнили видъ восточной Болгаріи. Въ 1857, когда я въ первый разъ проѣзжалъ въ Добруджѣ, болѣе двухъ-третей огромной равнины были покрыты дѣвственной травой, тогда какъ теперь татары довели это количество до одной трети цѣлаго пространства, — остальное занято земледѣліемъ...

«Въ городахъ какъ Варна и Кюстенджи, мѣстная торговля быстро перешла въ ихъ руки, и они быстро пріобрѣтаютъ всѣ лавки, вытѣсняя старыхъ турокъ своимъ скорымъ веденіемъ дѣла, и въ своихъ мастерскихъ перетягиваютъ къ себѣ заказчиковъ гораздо лучшей работой».

Возвращаясь къ характеристикѣ турокъ, Барклей разсказываетъ:

---

[1]) Т.-е. съ англійской или вообще западной точки зрѣнія, — не считая Европой тѣхъ частей Россіи, гдѣ издавна живутъ татары.

«Турки, которые въ качествѣ слугъ приходятъ въ ежедневныя сношенія съ европейцами, могутъ привыкнуть любить ихъ, какъ мы привыкаемъ любить животное, но въ подкладкѣ этого лежитъ чувство презрѣнія ко всѣмъ не-туркамъ, или, быть можетъ, скорѣе убѣжденіе о чрезвычайномъ превосходствѣ турка надъ всѣми другими. Разъ, говоря съ однимъ туркомъ объ этомъ предметѣ, я спросилъ его:—развѣ онъ не видитъ, что европейцамъ надо больше удивляться, чѣмъ туркамъ, по ихъ уму и энергіи? Онъ отвѣчалъ мнѣ такъ: «умѣете ли вы сдѣлать часы? Нѣтъ. Хорошо, но думаете ли вы, что человѣкъ, который умѣетъ, очень выше васъ? Хорошо; мы не умѣемъ дѣлать всего, что умѣете вы, но въ другихъ отношеніяхъ мы выше васъ. Въ дипломатіи вы дѣти передъ нами, и, кромѣ того, турокъ равняется двумъ человѣкамъ всякой другой націи какъ солдатъ; поэтому вы видите, что мы имѣемъ достаточное основаніе считать себя выше васъ, не принимая даже въ разсчетъ того преимущества, какое мы имѣемъ въ своей религіи».

«Въ другой разъ, я спросилъ турка, который много лѣтъ работалъ для меня и, какъ я имѣю основаніе думать, меня любилъ: имѣю ли я, по его мнѣнію, шансы попасть въ рай. Онъ сказалъ: «еслибъ вы были мусульманинъ, я сказалъ бы, что ваше дѣло совершенно вѣрное, но теперь—я не знаю. Быть можетъ, рай похожъ на большой ханъ (турецкая гостинница), въ которыхъ бываетъ два рода помѣщеній, и Аллахъ дастъ вамъ, добрымъ христіанамъ, особую комнату, но кто знаетъ! Мы увидимъ». По тому, какъ онъ говорилъ все это, я могъ видѣть, что слабая надежда на бѣдное помѣщеніе для меня въ раю была подана имъ только для того, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе, и что въ душѣ онъ полагалъ, что мнѣ попасть туда столь же возможно, какъ собакѣ.

«Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ я согласенъ съ первымъ изъ турокъ, о которыхъ говорилъ, потому что, не совсѣмъ допуская, что онъ побьетъ насъ въ дипломатіи (хотя въ сущности, я не совсѣмъ увѣренъ, что онъ этого не сдѣлаетъ), и совершенно отвергая, что какъ солдатъ онъ стоитъ двухъ европейцевъ, и зная, далѣе, что онъ—дикарь, я знаю также, что онъ совершалъ подвиги, которые сдѣлали бы честь величайшему герою въ Европѣ, и обнаруживалъ добродѣтели, которыми могъ бы гордиться всякій христіанинъ. Но его характеръ такой сложный и перемѣшанный, что турокъ, который сегодня совершитъ героическій подвигъ, завтра можетъ быть обвиненъ въ самомъ низкомъ и гнусномъ поступкѣ. Какъ часто, напримѣръ, солдатъ въ теченіи нѣсколь-

кихъ дней защищалъ свой валъ, окруженный павшими товарищами съ почти вѣрной смертью въ виду, а затѣмъ, нѣсколько недѣль спустя, бѣжалъ отъ горсти непріятеля и сдавалъ позицію за позиціей, какъ отъявленный трусъ! Я знаю, что каждый изъ турокъ, съ которыми я работалъ, легко можетъ обратиться противъ меня, и что въ случаѣ фанатическаго взрыва, не найдется никого, кто бы мнѣ помогъ; что старый кавасъ, который каждый день нянчилъ моего ребенка и посвящалъ себя ему съ неутомимымъ терпѣньемъ, очень можетъ быть, и убилъ бы его, если бы когда-нибудь произошелъ этотъ взрывъ. И однако тотъ же самый человѣкъ, который сдѣлалъ бы это, сражался бы на смерть, предводимый своимъ начальникомъ,—или еслибъ этотъ начальникъ заболѣлъ самой страшной заразительной болѣзнью, онъ посвятилъ бы себя на услуженіе ему, гнушаясь подумать одну минуту о той опасности, которой подвергается.

«Зная турокъ, какъ я ихъ знаю, я не могу терпѣливо слушать англичанина, который, проживъ въ Турціи нѣсколько недѣль, возвращается домой и разсказываетъ о вѣрномъ туркѣ, который ему служилъ и, по его мнѣнію, при всякихъ обстоятельствахъ пожертвовалъ бы своей жизнью для удовольствія своего господина; или другого англичанина, который возвращается домой съ открытіемъ, что турокъ есть прекраснѣйшій изъ героевъ, честный, вѣрный, и что онъ положительно любитъ гяуровъ; или третьяго, который бранитъ его какъ совершенно дурного человѣка, лгуна, головорѣза, такого же дикаря, какъ ашантіи, или даже хуже ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Турокъ не есть ни то, ни другое. Это — дѣйствительно странная аномалія, и я не вѣрю, чтобы существовалъ теперь европеецъ, который можетъ сказать, что̀ онъ такое, или сколько-нибудь его понимаетъ».

Но самъ Барклей доставляетъ не мало указаній для опредѣленія этой аномаліи. Надо отдать справедливость его безпристрастію, что онъ не увлекся обыкновенной страстью путешественниковъ, описывающихъ чужія земли и народы,—все съ-разу понять, рѣшить и объяснить; и, напротивъ, старался освободиться отъ своей исключительной европейской точки зрѣнія, чтобы не затерять тѣхъ лучшихъ сторонъ турецкаго характера, какія въ немъ есть. Добраго онъ все-таки сказалъ немного, и общій выводъ не возбудитъ симпатіи къ этому характеру.

Но для выясненія вопроса надо поставить его иначе. Дѣло въ томъ, что этотъ характеръ можно судить съ двухъ разныхъ

сторонъ: въ собственной средѣ самого этого народа, и въ его отношеніяхъ къ другимъ народамъ, съ которыми онъ былъ тѣснымъ образомъ связанъ исторіей и современнымъ политическимъ положеніемъ. Въ первомъ отношеніи—едва ли найдется народъ, который бы не представлялъ, при всѣхъ недостаткахъ развитія, извѣстныхъ достоинствъ и даже добродѣтелей, внушаемыхъ общей человѣческой природой. Таковы турецкое мужество, выносливость, самоотверженіе, о которыхъ не разъ говоритъ Барклей и которыхъ не понимаетъ и отказывается объяснить. Это—тѣ лучшія человѣческія свойства, появленію которыхъ можетъ не мѣшать ни раса, ни умственная неразвитость, ни религія. Турецкій характеръ мало понятенъ для насъ, потому что это все еще характеръ чисто восточный, съ большой долей древнихъ патріархальныхъ нравовъ, съ ихъ простотой, извѣстными достоинствами, а также и страшными недостатками, которые бросаются рѣзко въ глаза при сравненіи съ новой европейской точкой зрѣнія. Турецкая религія представляется намъ не только теологически, но логически ложной и морально ошибочной; это такъ, но для турка она — религія, какъ для насъ религія—христіанство; у него нѣтъ терпимости, но совершенно также какъ не было терпимости въ самомъ европейскомъ христіанствѣ: христіанинъ былъ для турка «гяуромъ», турокъ для христіанина — поганымъ, т.-е. омерзительнымъ уже только въ силу разновѣрія. Въ европейской средѣ образованіе смягчило нетерпимость,—но далеко не у всѣхъ; папа и его послѣдователи все еще гнушаются насъ какъ схизматиковъ; И. С. Аксаковъ гнушается католицизма,—хотя оба, безъ сомнѣнія, превышаютъ турокъ образованіемъ.

Такимъ образомъ, турокъ вовсе не представляетъ какой-нибудь непостижимой аномаліи, какъ это представляется Барклею. Его ошибки и достоинства — общечеловѣческія. Но въ историческихъ условіяхъ, свойства турка являются совершенно несовмѣстимыми съ европейскимъ характеромъ, и чѣмъ дальше шла исторія, тѣмъ несовмѣстимость становилась рѣзче, и «восточный вопросъ» состоялъ въ разрѣшеніи этого коренного противорѣчія.

Турецкое нашествіе въ Европу было, съ одной стороны, завоевательнымъ распространеніемъ племени, съ другой—религіозной пропагандой, производимой съ крайнимъ фанатизмомъ, съ такимъ, съ какимъ шли крестоносцы на востокъ, папы истребляли альбигойцевъ, католики истребляли гугенотовъ въ Вареоломеевскую ночь. Дѣло было удачно для турокъ; пришедши въ Европу азіатской, деспотически организованной, фанатизированной ордой, они завоевали царства, получили однимъ оружіемъ громадныя богат-

ства, многочисленное населеніе, которое, не принявши ислама, стало ихъ безотвѣтными рабами и на этомъ остановилось. Господствующая военная раса усилилась ренегатами изъ высшихъ классовъ покоренныхъ странъ, и, гордая своими военными успѣхами, не имѣла основанія измѣнять своего религіознаго презрѣнія къ покореннымъ христіанамъ, и двигалась все дальше и дальше. Европа боялась «великаго турка» и ухаживала за нимъ, хотя очень желала его выгнать. Наконецъ, завоеванія остановились, наконецъ подвинулись назадъ; но для турокъ все еще не было причины ни перемѣнить своего отношенія къ покореннымъ, ни усомниться въ своемъ превосходствѣ: въ ихъ рукахъ все-таки оставались многіе милліоны безотвѣтной райи и полузависимыхъ населеній. Въ Европѣ продолжали за ними ухаживать, хотя уже съ задними цѣлями; не дальше какъ въ Крымскую войну, на нашей памяти, Турція фигурировала рядомъ съ первыми государствами западной Европы. Когда наконецъ — разумѣется не человѣколюбіе, а разныя практическія соображенія — заставили дипломатическую Европу заговорить объ обезпеченіи христіанскаго населенія Турціи, къ Портѣ обратились съ просьбами и совѣтами, и удовлетворились надувательскими фирманами. Турки увидѣли только, что передъ Европой надо казаться гуманной и заботливой о благѣ *всѣхъ* подданныхъ *одинаково*, что серьёзно этого Европѣ вовсе не нужно, — они написали ничего не значащія бумаги, и остались совершенно тѣми же, какъ были.

Немудрено, что если въ теченіи пяти-сотъ лѣтъ Турціи ничто не мѣшало держаться своего стараго внутренняго «порядка», въ умахъ и въ характерѣ турокъ нисколько не уменьшилось старое враждебное и презрительное отношеніе ко всему не-турецкому. У нихъ существуетъ двѣ мѣрки понятій, для своихъ и чужихъ: у себя дома они держатся старой деспотически-патріархальной морали; для европейцевъ они представляются прогрессистами и либералами; они могутъ сойтись съ европейцами, какъ разсказываетъ Барклей о своемъ кавасѣ, — но лишь до того момента, когда бы явилось на сцену ихъ племенное и религіозное противорѣчіе; тогда они станутъ обманывать или рѣзать, или то и другое вмѣстѣ.

Въ чемъ же состоялъ внутренній «порядокъ»? Онъ и теперь былъ тотъ же, какой сталъ устанавливаться въ концѣ XIV столѣтія. Это было крѣпостное право турокъ надъ христіанами, полный произволъ и безнаказанность первыхъ, и полная беззащитность и безгласность послѣднихъ. Г-жа Мэккензи и Барклей были въ Турціи послѣ того, какъ объявлены были «реформы»,

которыя придуманы были на парижскомъ мирѣ для устраненія всякаго оффиціальнаго повода къ вмѣшательствамъ Россіи, и мы видѣли, что оба англійскіе свидѣтеля совершенно согласно представляютъ эти реформы какъ простое дипломатическое лганье, что ссылаться на нихъ серьёзно могъ только тотъ, кто самъ хотѣлъ лгать. Можно заподозривать свидѣтелей враждебно заинтересованной стороны, но это — англійскіе свидѣтели, и ихъ трудно отвергнуть. Въ 1870 г., также какъ въ 1770, показаніе христіанскаго свидѣтеля въ турецкомъ судѣ не имѣло ни малѣйшаго значенія; разбойникъ, грабившій и убивавшій христіанина, уходилъ безнаказаннымъ; чиновникъ, крупный и мелкій, грабилъ по праву; въ низшихъ народныхъ турецкихъ слояхъ, гдѣ уже всякія церемоніи отлагались, воспитался баши-бузукъ.

Барклей говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей книги: «Я всегда радъ сказать на этихъ страницахъ все, что могу, что показываетъ турокъ въ хорошемъ свѣтѣ, потому что боюсь, что, держась строгой истины, могу разсказать много исторій, которыя не служатъ къ его чести: дѣло въ томъ, что онъ есть странная смѣсь — непостижимая для насъ, европейцевъ, полная пороковъ восточнаго дикаря, которые однако часто сопровождаются великими достоинствами».

Эти недостатки принадлежатъ въ особенности религіи — такъ какъ, за отсутствіемъ образованія, религія остается для массъ единственнымъ направляющимъ мотивомъ, и религія именно научаетъ турокъ свирѣпой нетерпимости къ невѣрнымъ; и затѣмъ принадлежатъ длинной исторіи крѣпостного и хищническаго господства надъ этими невѣрными. Образованіе никакъ не приставало и не пристало къ туркамъ: чтобы пріобрѣсть его, надо было переломить упорные національные предразсудки — какъ сдѣлалъ у насъ Петръ Великій, — но турки пока и не чувствовали въ немъ никакой надобности; а только оно могло бы внушить имъ мысль о необходимости серьёзно измѣнить отношенія къ райѣ, которыя и стали началомъ паденія Турціи.

Въ другомъ мѣстѣ Барклей говоритъ о валахахъ (румунахъ) и туркахъ. Валаховъ онъ наблюдалъ въ Бухарестѣ, и до того ихъ не взлюбилъ, что предпочитаетъ имъ турокъ. Но для нихъ онъ все-таки видитъ будущее: въ немногіе годы своего, хотя еще неполнаго освобожденія, они успѣли много сдѣлать для своей страны, и у нихъ есть надежды. «Турокъ не надѣется ни на какое улучшеніе; напротивъ, онъ желаетъ остановиться тамъ, гдѣ онъ есть и какъ онъ былъ 400 лѣтъ тому назадъ; а что касается до общественнаго мнѣнія, это — мнѣніе гяуровъ, которое

хуже и заслуживаетъ больше презрѣнія, чѣмъ мнѣніе тѣхъ животныхъ, которыми онъ пользуется».

Быть можетъ, эти послѣднія слова недурно было бы помнить тѣмъ, которые въ послѣднее время расточали любезности турецкимъ пашамъ и офицерамъ на словахъ и въ печати. Надо быть великодушнымъ къ побѣжденному врагу, но когда этотъ врагъ таковъ, можно приберечь любезности, чтобы, по крайней мѣрѣ, не ставить себя въ двусмысленное положеніе — потому что въ концѣ-концовъ турки въ душѣ насмѣхаются надъ этими любезностями или презираютъ ихъ. Они знаютъ, что̀ они дѣлали и что̀, конечно, готовы и впредь дѣлать, какъ между прочимъ утверждаетъ это и Барклей. Разсказывали, что одинъ, взятый въ плѣнъ, паша поблѣднѣлъ, когда его спросили о русскихъ плѣнныхъ и раненыхъ; онъ, вѣроятно, ждалъ расправы за то, что̀ несомнѣнно было имъ сдѣлано. Но когда другой подобный паша, не встрѣчая никакихъ подобныхъ вопросовъ, встрѣчалъ комплименты и увѣренія въ уваженіи,—можно себѣ представить, что̀ онъ думалъ про себя...

Возвращаемся къ болгарамъ. Нельзя безъ сожалѣнія или, лучше сказать, безъ досады видѣть, что наша такъ-называемая интеллигенція — послѣ того, какъ даже война кончилась — все еще не съумѣла понять, изъ-за чего и изъ-за кого шла эта страшная борьба, эта громадная трата человѣческой жизни. «Собственные корреспонденты» остались до конца тѣмъ, чѣмъ начали; публика, ими поучаемая, чуть не стала, наконецъ, больше сочувствовать туркамъ, чѣмъ болгарамъ. Какъ, бывало, въ войну сербскую противъ сербовъ, такъ теперь противъ болгаръ можно было слышать (отъ «очевидцевъ») и читать (также отъ «очевидцевъ») различныя обвиненія: болгары трусливы, болгары равнодушны къ своему освобожденію, болгары — главные турецкіе шпіоны, болгары грабятъ русскихъ, болгарскіе крестьяне живутъ лучше русскихъ крестьянъ — отъ чего же ихъ освобождать? и т. д. Замѣчательно, что изъ всѣхъ корреспондентовъ всѣхъ разумнѣе и всѣхъ правдивѣе взглянулъ опять не русскій, а англійскій или американскій — Макъ-Гаханъ. Онъ съумѣлъ оцѣнить достоинства болгарскаго народа (которыя и прежде не разъ были указаны новѣйшими путешественниками, какъ г-жа Мэккензи, Каницъ, Барклей) и съумѣлъ объяснить темныя стороны, которыя, разумѣется, не трудно было встрѣтить въ различныхъ случаяхъ. У насъ также не разъ повторялась фраза, извиняющая

болгаръ тѣмъ игомъ, подъ которымъ они жили; но никто и изъ говорившихъ эту фразу не представилъ себѣ, что́ же значитъ реально это «иго», которое было таково, что надо удивляться и тому, что́ могло быть сдѣлано болгарами съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ впервые стало распространяться сознаніе своего положенія.

Наши судьи не умѣли понять, что болгарскій народъ не представляетъ одной сплошной массы, которую всю можно характеризовать общими чертами и эпитетами; что, напротивъ, есть разные слои, смѣшивать которые было бы ошибкой, какъ было бы нелѣпостью у всякаго народа смѣшивать разные слои общественные, степени развитія, чиновника съ поселяниномъ, доносчика съ патріотомъ и т. п. Множество разъ было объясняемо, что, напр., такъ-называемые «чорбаджіи» всего меньше могутъ служить представителями болгарскаго народа, потому что изъ нихъ главнымъ образомъ набирались прислужники турокъ и угнетатели собственнаго народа. Самый народъ въ разныхъ мѣстахъ бывалъ въ различномъ положеніи: мы приводили вполнѣ согласныя показанія Панайота Хитова и Барклея о томъ до послѣдней степени бѣдственномъ состояніи тѣхъ болгарскихъ поселеній, которыя, находясь по большимъ путямъ сообщенія, были открытой жертвой для грабежа всякаго проѣзжаго и прохожаго турка. Оба свидѣтеля говорятъ о нихъ, какъ о несчастнѣйшей части болгарскаго народа. Большія и цвѣтущія села и деревни скрывались въ мало доступныхъ мѣстахъ, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, въ балканскихъ долинахъ и пр. При неравномъ матеріальномъ положеніи, при неравной степени развитія, при неравномъ турецкомъ гнетѣ, народное настроеніе представляло различные оттѣнки, и самую крупную разницу указываютъ вообще между болгарами до-балканскими и за-балканскими: послѣдніе вообще больше возбуждены въ національномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, для сколько-нибудь правильной (и прибавимъ: добросовѣстной) оцѣнки народнаго характера и настроенія болгаръ надо было составить себѣ понятіе объ этихъ различныхъ условіяхъ, больше видѣть людей и—умѣть говорить съ ними. Мы еще были подъ Плевной, а корреспонденты уже писали свои приговоры о болгарскомъ народѣ!

Если прибавить къ тому страшныя условія войны, которая принимала характеръ народной войны и готовилась стать цѣлымъ переворотомъ въ народной судьбѣ, но уже вскорѣ возбудила тревогу частными неуспѣхами, — то не мудрено, что наши наблюдатели встрѣчали весьма непохожее настроеніе, встрѣчали опасливость, недовѣріе, даже раздраженіе, наконецъ, прямо враждеб-

ное отношеніе—со стороны тѣхъ, кто до войны былъ другомъ и союзникомъ турокъ. Довольно было корреспонденту увидѣть нѣчто подобное, и онъ уже отписывалъ въ газеты свои легкомысленныя рѣшенія.

Но надо прибавить еще одно. Сколько извѣстно, гражданское управленіе съ самаго начала приняло относительно болгаръ такое суровое положеніе, которое мало способно было дѣйствовать ободряющимъ образомъ. Мы считаемъ невѣроятнымъ, чтобы это входило въ предположенную заранѣе систему; всего скорѣе, это было личнымъ дѣломъ исполнителей, но, такъ или иначе, это, повидимому, съ своей стороны произвело впечатлѣніе, заставившее болгаръ держаться опасливо и съ неувѣренностью. Прямой переходъ на сторону русскихъ былъ для нихъ вопросъ жизни и смерти, и Эски-Загра испытала это страшнымъ образомъ; Сливно, Адріанополь испытали предварительное истребленіе; Калоферъ былъ совсѣмъ разрушенъ...

Но за то, сколько было въ другихъ мѣстахъ примѣровъ величайшей радости и полнаго восторга при встрѣчѣ русскихъ. Объ этомъ говорили и наши корреспонденты, и извѣстія, приходившія изъ-за Балканъ. При этомъ опять надо припомнить одинъ страшный фактъ изъ болгарскаго мученичества. Съ предусмотрительностью злобы турки умѣли отмстить болгарамъ такъ-сказать надолго впередъ: извѣстно изъ газетъ, и то же мы слышали отъ болгаръ (заѣзжавшихъ въ Петербургъ), что турки старательно истребляли именно тѣхъ людей, которые работали для народнаго воспитанія и на которыхъ они вообще сваливали политическую вину—школьныхъ учителей и священниковъ. Считаютъ убитыми тѣхъ и другихъ нѣсколько сотъ, почти до тысячи въ тѣхъ городахъ и селахъ, гдѣ прошлась турецкая рука. А школьные учители и священники и была настоящая болгарская интеллигенція... Надо думать, что оставшіеся сохранятъ намъ подробности этихъ избіеній, и мы, вѣроятно, лучше оцѣнимъ впослѣдствіи весь ужасъ положенія вещей, котораго теперь все еще не понимаемъ.

Было уже не мало споровъ о славянскомъ движеніи нашего общества, изобрѣтено было слово «расхолаживаніе» въ укоръ и осужденіе тѣмъ, кто не вторилъ газетнымъ восклицаніямъ; но несмотря на обиліе восклицаній остается несомнѣннымъ фактъ, что общество бóльшей частью мало поняло положеніе, характеръ и интересы братскаго освобождаемаго народа. Правда, оно давало много пожертвованій; много лучшихъ молодыхъ силъ несло самоотверженные труды,—но большинство, съ его газетными руководителями вмѣстѣ, до сихъ поръ не додумалось—чтó такое болгары,

которыхъ мы освобождали,—потому что и до послѣдняго времени мы слышали толки, что болгары трусливы, что они равнодушны къ освобожденію и т. п. [1]).

Намъ возразятъ восклицаніями, напр.: надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть великаго факта, громаднаго историческаго событія, совершаемаго русскимъ народомъ для освобожденія славянства, которое будетъ выведено нами на историческое поприще, возвращено человѣчеству и пр. Фактъ мы очень хорошо видимъ, и не меньше (думаемъ, больше очень многихъ восклицателей) желаемъ, чтобы онъ выросъ во всю величину своего возможнаго значенія; но мы вовсе не о немъ говоримъ, а о томъ, что масса общества очень мало отдаетъ себѣ отчета въ его значеніи. Общество принесло свои жертвы; народъ поставилъ воиновъ, вызвавшихъ изумленіе у чужихъ свидѣтелей—но была ли война если не иниціативой общества, то результатомъ его дѣйствительнаго сознанія? Власть приняла рѣшенія, вызвавшія горячее сочувствіе общества, но общество обнаружило бы странное притязаніе, если бы вздумало приписать себѣ въ этомъ дѣйствительную роль. Исторія разскажетъ нѣкогда внутренній ходъ событій, котораго мы теперь еще не знаемъ; можетъ оказаться, что событія готовились издавна, что издавна наблюдалось положеніе вещей и т. д. Но думало ли обо всемъ этомъ общество? Нѣтъ, не думало. Былъ кружокъ людей, интересовавшихся славянствомъ; но для массы общества толки о славянствѣ были одной скукой, оно о славянствѣ ничего не знало или знало очень мало (чтò обнаружилось и въ сербскую, и въ послѣднюю войну); для «общества» славянскій вопросъ былъ всего чаще только вспышкой шовинизма, лишь у немногихъ онъ былъ искреннимъ движеніемъ, имѣющимъ впрочемъ очень сложныя причины. Самый кружокъ бòльшей частью понималъ славянскія отношенія очень превратно, односторонне и недостаточно... Барклей разсказываетъ, что какъ только открылась строенная англичанами желѣзная дорога отъ Рущука къ Варнѣ, множество путешественниковъ (западно-европейскихъ, и множество англичанъ) направилось сюда—кто за охотой, кто за естественно-историческими коллекціями, кто за иными учеными изслѣдованіями; было ли что-нибудь подобное у насъ? Мы не слышали...

---

[1]) О книгѣ Розена было упомянуто въ литературѣ, изложено ея содержаніе, которое найдено интереснымъ; но авторъ одного, нами читаннаго, отчета не замѣтилъ, что это—дрянная, негодная книга по своей тенденціи. Въ эти послѣдніе дни мы читали корреспонденцію изъ Рущука (русскую), гдѣ авторъ выхваливалъ Мидхата-пашу за его благодѣтельныя учрежденія, которыхъ, разумѣется, не видалъ. Мы видѣли, что Барклея эти благодѣянія ни мало не обманывали.

въ то время у насъ не подозрѣвали существованія Болгаріи. Будемъ ждать, что, по крайней мѣрѣ, теперь получимъ разсказы, которые объяснятъ намъ Болгарію, что въ арміи найдется новый Броневскій или Ковалевскій.

Общество наше увлекалось (мы говоримъ о лучшихъ его людяхъ, а не о герояхъ Щедрина)—инстинктомъ; инстинктъ былъ прекрасный; но онъ былъ и остается несознаннымъ. Литература обратила вниманіе на одну важную сторону дѣла, на отношеніе настоящей войны къ нашему внутреннему вопросу; въ отдѣльныхъ случаяхъ указаны были самыя серьёзныя обстоятельства, о которыхъ вновь напоминаетъ война и которыя должны бы стать глубокой заботой и государства и общества,—но большинство отечественной литературы отмахивается отъ этихъ вопросовъ, съ легкомысліемъ и пустотой, производящими скуку или омерзѣніе. Что касается славянской стороны дѣла, мы все еще не знаемъ (и литература совсѣмъ не думаетъ задавать себѣ этого вопроса), что́ же значитъ освобожденіе славянскаго племени; что̀ нужно для его дѣйствительности и полноты; если мы дѣйствительно являлись представителями славянской идеи, то должна ли наша роль относительно балканскаго славянства кончиться одной военной помощью и ограничиться однимъ племенемъ; какія теоретическія послѣдствія связываются съ фактомъ освобожденія? и т. д. Повидимому, племенная связь, единство во имя «славянской идеи» въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ должны бы именно заставить подумать о завтрашнемъ днѣ,—именно о томъ, когда кончится совсѣмъ періодъ военной дѣятельности, и наступитъ гражданская жизнь для освобожденнаго народа. Для этого народа на первыхъ же порахъ явятся капитальные вопросы его внутренняго быта, устройства правленія, образованія, литературы, вопросы, въ которыхъ наше участіе въ разныхъ отношеніяхъ могло бы быть великой помощью и въ которыхъ именно могла бы сказаться наша сочувственная самостоятельность. Но мы напрасно искали бы хотя одной мысли, одного предположенія или желанія относительно этого завтрашняго дня. Будемъ ли мы держаться общественнаго «невмѣшательства» (когда именно «вмѣшательство» могло бы доказать серьёзность нашего отношенія къ славянскому вопросу), или желали бы что-нибудь сдѣлать? Неизвѣстно; быть можетъ, общество найдетъ, что оно безсильно для подобнаго реальнаго участія къ первымъ политическимъ шагамъ братскаго народа, что оно связано своими условіями. Если такъ, то было бы хорошо и то, если бы оно прямо въ этомъ созналось.

Все это отношеніе нашего общества къ судьбѣ балканскаго славянства, это неумѣнье понять положеніе «униженнаго и оскорбленнаго» народа, который мы освобождали, отсутствіе всякаго интереса къ его начинающемуся политическому бытію обнаруживают крайнюю слабость пониманія или, если угодно, «славянской идеи» въ нашемъ обществѣ, или—очень странное его собственное положеніе, въ которомъ его внѣшне-политическая заносчивость не совсѣмъ умѣстна.

Но есть, напримѣръ, элементарныя вещи, которыя могло бы взять на себя общество, или его ученыя учрежденія. Другое общество, болѣе нормальное, въ этихъ условіяхъ давно бы возъимѣло предпріятія для изученія освобожденной страны и народа. Французы, какъ Ами-Буэ, Виенель, Лежанъ; нѣмцы, какъ Ганъ, Каницъ, Гохштеттеръ; англичане, какъ Дентонъ, г-жа Мэккензи, Барклей и т. д., давно стали изучать балканское славянство, котораго мы почти не изучали. Иностранная литература гораздо больше нашей сказала о недавнемъ прошломъ Болгаріи, какъ и во время войны—не русскіе, а англичане были лучшими корреспондентами-историками событій. Положимъ, до сихъ поръ путешествіе русскаго въ Турцію было затруднительно; но теперь не должно ожидать такихъ затрудненій, и можно было бы подумать о другомъ участіи нашемъ къ родственному племени, общественно-образовательномъ. Такова могла бы быть, напримѣръ, на первый разъ ученая, особенно историко-этнографическая, экспедиція для ознакомленія нашего съ народомъ и страной, которая въ прошломъ была такъ тѣсно связана съ нашей собственной исторіей, а въ настоящее время такъ обильно залита русской кровью, была свидѣтельницей такихъ подвиговъ русскаго народа. Думаемъ, что Болгарія заслуживала бы въ этомъ отношеніи не меньше вниманія, чѣмъ Туркестанъ, и предпріятіе этого рода, освѣтивши наши понятія о странѣ, могло бы, при здравомъ и широкомъ исполненіи, для самихъ болгаръ стать сильнымъ умственнымъ и нравственнымъ возбужденіемъ.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Скользилъ нашъ челнъ, шуршалъ высокій очерётъ;
А вѣтви съ берега склонялись
Надъ свѣтлымъ зеркаломъ прозрачныхъ, сонныхъ водъ,
Шептали тихо и качались.

И небо синее, и чащу камышей,
И этотъ лѣсъ, и эту воду,
Все населяли мы фантазіей своей —
Всю необъятную природу.

И, намъ казалось, понимала все она:
Досель холодная, нѣмая,
Воскресши вдругъ, любви и трепета полна,
Заговорила, какъ живая.

Забыли мы, увлекшись чудною мечтою,
Что всѣ волшебныя видѣнья,
Какъ призраки, кругомъ встававшіе толпой,
Лишь мысли нашей отраженье.

Она ясна—и ясно все; взгрустнется вдругъ—
И все, что блещетъ красотою,
Любовью кроткой, нѣгой полно, все вокругъ
Исполнится тоской, враждою.

Такъ, стóитъ въ небѣ черной тучѣ набѣжать,
И мирно блещущія воды
Внезапно помутятся и начнутъ роптать
Отъ приближенья непогоды.

II.

Ты, солнце, разбило природы оковы,
Расплавило льды и снѣга;
Лѣса и поля одѣваются снова,
Опять зеленѣютъ луга.

Ты влажную землю согрѣло собою—
Зимы не осталось слѣда,
Но видно невзгоды и горе людское
Упорнѣе снѣга и льда.

III.

Пока довольные судьбою
Вседневной жизнью мы живемъ,
Она уноситъ насъ съ собою,
Безслѣдно мчится день за днемъ.

Когда обмануты мы страстью,
И чудный призракъ насъ зоветъ,
За нимъ къ невѣдомому счастью
Спѣшимъ и рвемся мы впередъ.

И счастливъ тотъ, кто покрывала
Съ грядущихъ лѣтъ не могъ сорвать,
Кто не отыскивалъ начала
И не усталъ еще желать.

Но жалокъ тотъ, кто видитъ ясно
Стремленьямъ всѣмъ одинъ исходъ,
Кто цѣли дней искалъ напрасно
И ничего отъ нихъ не ждетъ.

Кому желанья надоѣли
И жизнь является порой
Лишь глупой шуткою безъ цѣли,
Жестокой шуткой и пустой.

IV.

УТРО.

Едва бѣлѣетъ край востока,
Вездѣ густой туманъ лежитъ,
Все дремлетъ мирно и глубоко
И листъ въ лѣсу не шелеститъ.

Туманъ рѣдѣетъ, солнце выше —
И пробуждаются лѣса;
Среди безмолвія и тиши
Ужъ раздаются голоса.

Какъ будто вдругъ подъ солнцемъ мая
Природа вся въ лучахъ встаетъ,
Вѣсну какъ будто провожая,
Она ликуетъ и поетъ.

Тѣ дни прошли, когда играетъ,
Смѣется въ небѣ первый громъ,
И подъ грозой все оживаетъ
И распускается кругомъ;

Когда незримой вереницей,
Среди синѣющихъ небесъ,
На сѣверъ снова тянутъ птицы
И зеленѣетъ только лѣсъ.

Когда и въ глушь лучи косые
Еще врываются порой,
И мечутъ искры золотыя
Въ ея прохладу и покой.

А соловей, встрѣчая зорю,
Всю ночь безъ умолку поетъ;
Когда не вѣрится ужъ горю
И все любви и счастья ждетъ.

Когда въ волшебномъ упоеньѣ,
Весь міръ, охваченный весной,
Лежитъ какъ чудное видѣнье,
Покрытъ прозрачной пеленой.

Тѣ дни прошли—идетъ къ намъ лѣто,
Въ лѣсу замолкнулъ соловей,
Лучами знойными согрѣта,
Земля раскинулась пышнѣй.

Цвѣта вездѣ пестрѣй и ярче,
А тѣни гуще и чернѣй,
И солнце въ полдень паритъ жарче,
И въ тучахъ молнія грознѣй.

Тѣ дни прошли, идетъ къ намъ лѣто,
Его встрѣчать одѣлся край,
И блещетъ весь подъ моремъ свѣта,—
Но ты, весна моя, прощай.

Кн. Д. Цертелевъ.

БОЛГАРІЯ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Замѣтки и воспоминанія.

ГЛАВА VII *).

Тяжелые дни: Эски-Загра и наше отступленіе.

Спокойно было на сердцѣ у каждаго изъ насъ, когда мы оставляли Казанлыкъ, направляясь въ Эски-Загру: тамъ мы надѣялись настигнуть нашъ передовой отрядъ. Казанлыкъ, послѣ томительныхъ двадцати-четырехъ часовъ напряженнаго состоянія, вызваннаго ложнымъ извѣстіемъ о наступленіи нѣсколькихъ тысячъ турокъ на беззащитный городъ, послѣ малодушнаго волненія и панической тревоги, точно вздохнулъ свободно, ожилъ и преобразился. Магическое слово «побѣда», казалось, написано было у всѣхъ на лицѣ. Точно тяжелое бремя свалилось съ болгарскаго населенія Казанлыка.

«Турки разбиты! турки не придутъ къ намъ!»—Вотъ слова̀, мигомъ облетѣвшія городъ, и высыпавшіе на улицы болгары по прежнему дружественно улыбались каждому проходившему или проѣзжавшему мимо ихъ русскому. Хотя во всѣхъ своихъ дѣлахъ каждый изъ насъ еще съ молокомъ матери всосалъ въ себя нѣсколько обидное для человѣческаго самолюбія убѣжденіе, что должно быть злою волею судебъ всѣ мы представляемъ изъ себя не болѣе какъ послѣднюю спицу въ колесницѣ, и что въ сущности

---

*) См. выше: февр., 676 стр.

всѣ мы всегда и вездѣ не болѣе, какъ статисты, являющіеся на театральныхъ подмосткахъ для усиленія эффекта, а все же нельзя не покаяться, что чувство гордости и какого-то самодовольства закрадывалось въ душу, когда приходилось выслушивать привѣтствія болгарскаго населенія. Слова благодарности необыкновенно ласкали ваше ухо, и вы готовы были вѣрить, что дѣйствительно представляете собою нѣчто, что вы не частица той театральной толпы, а напротивъ, что и вашъ голосъ играетъ какую-то роль въ драмѣ, называемой исторіею. Правда, внутренній голосъ подсмѣивался надъ вашимъ внутреннимъ чувствомъ гордости и точно поддразнивалъ, нашептывая извѣстныя слова: гуси Римъ спасли! Впрочемъ, блаженны вѣрующіе! а у насъ на Руси не перевелись еще тѣ «блаженные», которые чуть не каждый день юродствуютъ на тэму своего общественнаго вліянія.

Но какъ бы такой назойливый внутренній голосъ ни умалялъ вашего чувства гордости, а все же эти привѣтствія, эта радость, съ которою васъ встрѣчали и провожали, щекотали ваше національное самолюбіе и вызывали спокойное и пріятное настроеніе. Въ такомъ именно радужномъ настроеніи мы выѣхали изъ Казанлыка, разсчитывая черезъ нѣсколько часовъ добраться до Эски-Загры. Дорога была отличная, опасности ожидать было неоткуда, тѣмъ болѣе, что мы были увѣрены, что вплоть до самой Эски-Загры мы постоянно будемъ встрѣчать русскіе казачьи посты. Увѣренность эта, впрочемъ, должна была скоро поколебаться. Мы ѣхали уже больше часа, Казанлыкъ былъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ, а между тѣмъ пóстовъ нашихъ нѣтъ какъ нѣтъ!

— Вѣрно дальше!—говорили военные люди, — и мы беззаботно продолжали нашъ путь. Но дальше все было также пустынно: становилось ясно, что пóстовъ нѣтъ!

— Ну, значитъ, мѣстность совершенно очищена, пóсты сняли, наши, вѣрно, ушли еще впередъ!

Другой мысли ни у кого не являлось—всѣ мы были слишкомъ далеки отъ предположенія, что нашъ передовой отрядъ могла постигнуть какая-нибудь неудача. Но если мы не видѣли русскихъ пóстовъ, за то скоро намъ стали попадаться небольшія группы бѣгущихъ болгаръ.

— Куда они идутъ, отчего?—спрашивали мы другъ у друга въ недоумѣніи, и мало-по-малу стало закрадываться какое-то неопредѣленное, смутное сомнѣніе. Мы остановили какого-то болгарина, раскраснѣвшагося отъ жара и быстрой ходьбы, и поразившаго насъ своимъ растеряннымъ видомъ.

— Куда идешь?—спрашиваютъ его—въ Казанлыкъ?

— Казанлыкъ!—не то говоритъ, не то кричитъ болгаринъ.

— Изъ Эски-Загры? Тамъ русскіе?—начинаемъ разспрашивать болгарина, но, увы! онъ не хорошо понимаетъ насъ, мы едва понимаемъ его [1]).

— Турка много, много турка!

— Гдѣ, въ Эски-Загрѣ? Русскихъ тамъ нѣтъ?

— Русска бѣгутъ, русска много, турка много!

Ничего больше мы не могли добиться отъ обезумѣвшаго почти со страха болгарина.

Мы не могли вѣрить, чтобы въ Эски-Загрѣ были турки, послѣ того, какъ мы всего нѣсколько часовъ тому назадъ получили извѣстіе о побѣдѣ генерала Гурко при Эски-Загрѣ. Тѣмъ не менѣе слова бѣжавшаго болгарина заставили задуматься насъ.

— Что̀ бы это значило?

На этотъ вопросъ никто, конечно, не могъ отвѣтить.

— Не будемъ и думать, все это вздоръ — замѣтилъ одинъ изъ военныхъ:—услышалъ болгаринъ выстрѣлы, испугался и побѣжалъ, другого ничего быть не можетъ!

Скоро, однако, мы начали встрѣчать все больше и больше бѣгущихъ болгаръ, которые въ концѣ-концовъ объяснили намъ, что у Эски-Загры идетъ сраженіе, что турокъ много, русскихъ мало, и что наши должны были отступать. Казалось, теперь мы могли повѣрить, и все же—нѣтъ! Трудно объяснить то чувство, которое заставляло насъ сомнѣваться въ извѣстіи, передаваемомъ болгарами. Во время войны какъ-то легко и охотно вѣришь, когда разносится слово: побѣда! и точно защищаешься отъ другого рокового слова: пораженіе!

Мы ѣхали все дальше, точно не хотѣли обращать вниманія на эти группы бѣгущихъ болгаръ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Казалось, они ничего не видѣли передъ собою, кромѣ страха и

---

[1]) Нѣкоторые изъ читателей-публицистовъ остались, повидимому, недовольны моимъ отношеніемъ къ гражданскому управленію вообще и къ кн. Черкасскому въ особенности, и потому порѣшили заявить, что разсказъ мой лишенъ достовѣрности и представляетъ собою не что иное, какъ „сочинительство". Для того, чтобы слова ихъ получили бо̀льшую убѣдительность, они выставляютъ такой аргументъ: авторъ не знаетъ ни слова по-болгарски, какимъ же образомъ онъ объяснялся съ тѣми болгарами, цѣлые монологи которыхъ приведены въ его замѣткахъ? Тѣ, которые дѣлаютъ такого рода возраженія, сами отлично понимаютъ вѣдь, что среди болгарскаго населенія есть люди, получившіе нѣкоторое образованіе, и всѣ такіе люди довольно свободно, а нѣкоторые и совсѣмъ свободно, объясняются по-русски,—точно также они понимаютъ, что разговоры политическаго характера ведутся преимущественно именно съ такими людьми.

ужаса, который гналъ ихъ немилосердо все впередъ и впередъ. Отъ времени до времени какой-нибудь болгаринъ посмотритъ на нашу небольшую партію изъ пятнадцати человѣкъ и прокричитъ намъ вслѣдъ:

— Турка, турка много!

— Господа, не остановиться ли намъ,—замѣтилъ одинъ изъ бывалыхъ въ такомъ положеніи людей:—это бѣгство не даромъ, оно не предвѣщаетъ ничего добраго, когда жители бѣгутъ, и бѣгутъ такъ, какъ эти, со страхомъ и съ плачемъ, значитъ, что-нибудь да случилось недоброе.

— Да, полноте, ничего не могло случиться, это бѣгутъ отъ сраженія, отъ пуль и гранатъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; но если сраженіе идетъ, то вѣдь это не значитъ, что мы понесли пораженіе, что турки заняли Эски-Загру. Поѣдемъ дальше!

— Какъ хотите, а все лучше было бы выяснить въ чемъ дѣло!

Увѣренность въ нашемъ успѣхѣ взяла верхъ, и мы продолжали слѣдовать своей дорогой, приближаясь къ Эски-Загрѣ.

Но чѣмъ далѣе двигались мы, тѣмъ больше сомнѣній закрадывалось въ душу. Постовъ русскихъ нигдѣ не было слѣда, число бѣгущихъ болгаръ все увеличивалось, крики: «Эски-Загра! много турка!» раздавались все чаще, и мысль, что «что-то не ладно» сквозила уже въ нашихъ разговорахъ, хотя первоначальное рѣшеніе доѣхать до находившагося уже въ нашемъ владѣніи города оставалось неизмѣннымъ.

— Прибавимъ, господа, ходу, а то вонъ ужъ сумерки наступаютъ, совсѣмъ ночь будетъ, когда пріѣдемъ въ Эски-Загру,— замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ,—и мы, безъ жалости къ нашимъ замученнымъ лошадямъ, поскакали впередъ.

Но не успѣли мы проѣхать и полъ-версты, когда одинъ изъ сопровождавшихъ насъ казаковъ крикнулъ:

— Ваше благородіе, налѣво пыль какая-то показалась, пыль большая,—должно быть, кавалерія идетъ!

Всѣ въ мигъ остановились. Налѣво отъ нашей дороги дѣйствительно, въ одной или двухъ верстахъ, поднималось цѣлое облако пыли.

— Что это можетъ быть? Обозъ,—нѣтъ! войско, что ли, идетъ?

— Несомнѣнно войско, кавалерія!

— Наши или турки?—спросили всѣ чуть не въ одинъ голосъ, но нужно ли говорить, что на этотъ вопросъ никто не могъ дать отвѣта. Вопросъ этотъ, однако, требовалъ какого-нибудь разрѣшенія, такъ какъ, только соображаясь съ тѣмъ, турки то или

русскіе, мы могли окончательно избрать путь — назадъ или впередъ.

— Да откуда же могутъ очутиться здѣсь, вдругъ, турки!— говоритъ одинъ.

— А откуда могутъ быть русскіе?—возражаетъ другой.

И, дѣйствительно, сколько ни соображали, никакъ не могли объяснить себѣ этого внезапнаго появленія цѣлаго отряда.

— Однако, господа, нужно же на что-нибудь рѣшаться,— заговорилъ одинъ изъ офицеровъ: — если идутъ турки, то мы должны скорѣй скакать впередъ къ Эски-Загрѣ, чтобы пристать къ своимъ; если это наши, мы должны направиться къ нимъ, такъ какъ иначе мы сейчасъ нарѣжемся впереди на турокъ.

Всѣ мы повытащили наши бинокли и стали пристально всматриваться.

— Русскіе, несомнѣнно русскіе, мнѣ кажется, что я вижу бѣлое, это кителя!

— Гдѣ вы видите бѣлое, полно-те, никакихъ кителей нѣтъ, да и разглядѣть нельзя.

— Да они удаляются отъ Эски-Загры,—не можетъ быть, чтобы это были турки.

— А наши зачѣмъ же тутъ: вѣдь они идутъ на Казанлыкъ!

— Можетъ быть, наши отступаютъ!—промолвилъ кто-то.

Ни одинъ человѣкъ не возразилъ. Это была первая минута, когда должны были допустить такое тяжелое предположеніе, и никто не рѣшился энергически возражать.

— Если наши отступаютъ, ѣхать впередъ невозможно, мы прямо попадемъ въ руки турокъ,—поѣдемъ къ этому отряду.

— А если это турки!

Минута была довольно критическая. Самое отвратительное, безпокойное на войнѣ, это—нерѣшительность, когда сомнѣваешься, колеблешься, ка́къ слѣдуетъ поступить. Кончается сомнѣніе, принято то или другое рѣшеніе, сейчасъ является спокойствіе: что́ будетъ, то будетъ!

А мы находились именно въ такой нерѣшительности, и нельзя не признать, что колебанія наши были довольно законны.

Рѣшеніе, наконецъ, было принято и самое осторожное—послать на развѣдку трехъ казаковъ, а остальнымъ всѣмъ ждать на мѣстѣ ихъ возвращенія. Казаки ускакали, но споры о томъ, русскіе то, или турки, не прекратились. По-прежнему мы продолжали разсматривать въ бинокли, утѣшая себя, что что-то видимъ, хотя въ дѣйствительности было уже настолько темно, что ничего нельзя было разобрать. Нетерпѣливо ожидали мы возвра-

щенія казаковъ, но прошло полчаса—ихъ не было, прошло три-четверти часа, а казаки наши точно пропали. Три-четверти часа провести въ ожиданіи, это—большое время, тѣмъ болѣе, что исчезновеніе ихъ наводило на мысль, не попались ли они въ руки турокъ.

— Да куда они дѣвались, вѣдь тутъ двѣ-три версты не больше, туда и назадъ можно доскакать въ четверть часа,—восклицалъ то одинъ, то другой! Но подобныя разсужденія только разжигали нетерпѣніе, а ужъ вовсе не способствовали къ уясненію нашего положенія. Ожидать еще! но до которыхъ же поръ? Нѣтъ, ожидать болѣе не приходилось, нужно было на что-нибудь рѣшаться!

— Ну, господа, пропали наши казаки, ѣдемъ въ сторону идущаго отряда, это должно быть наши, а если подъѣдемъ поближе и увидимъ, что турки, то успѣемъ ускакать отъ нихъ. Насъ слишкомъ мало, чтобы имъ стоило насъ преслѣдовать! — проговорилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Ѣхать, такъ ѣхать, только куда же дѣвались казаки! — Рѣшеніе было принято, и мы свернули съ дороги по направленію къ двигавшемуся отряду.

— Ну, не быть добру! Неосторожно мы поступаемъ,—сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ спутниковъ,—хорошо говорить: удеремъ отъ турокъ! А какъ измученныя лошади откажутся удирать, что́ тогда?

Трудно было сказать, кто тутъ былъ правъ; ясно было одно, что намъ приходилось играть въ лотерею: вытащимъ хорошій нумеръ—попадемъ къ своимъ, дурной — нарвемся на турокъ. Столько же опасности было ѣхать впередъ, въ Эски-Загрѣ, если тамъ уже были турки, сколько и ѣхать по направленію къ отряду, если этотъ отрядъ чужой. Нужно было полагаться на счастье, на то «авось», которое не разъ уже выручало русскаго человѣка. Главное,—рѣшеніе было принято, и мы, не дождавшись нашихъ казаковъ, рысью поѣхали къ отряду. Едва ли, впрочемъ, у кого-либо на душѣ было совсѣмъ спокойно. Но тревожное состояніе продолжалось не долго. Очень скоро, черезъ десять минутъ или четверть часа, мы наткнулись на нашего драгуна, тащившаго охабку сѣна.

— Ты откуда?—спрашиваетъ одинъ изъ офицеровъ.

— Тутъ наши на бивуакѣ остановились! — отвѣчаетъ драгунъ.

Съ какою радостью мы всѣ услыхали слово «наши». Но радость эта, увы! была слишкомъ непродолжительна!

— Откуда идете?

— Изъ-подъ Эски-Загры!

Дальше мы не разспрашивали; мы увидѣли вблизи отрядъ, расположившійся на бивуакѣ, и сердце почуяло что-то недоброе. Въ этихъ словахъ: «изъ подъ Эски-Загры», не трудно было услышать другое тяжелое слово — «отступленіе», но когда чему-нибудь не хочешь вѣрить, тогда такъ охотно цѣпляешься за самую неправдоподобную надежду. Такъ было и съ нами. Казалось бы, мы должны были поскорѣе разспросить встрѣтившагося солдата о причинахъ отступленія, совершилось ли оно послѣ сраженія, окончившагося пораженіемъ, или только ради стратегическихъ соображеній, но мы точно боялись спрашивать, точно страшились услышать жуткое слово: разбиты! У каждаго на умѣ шевелилась эта тревожная дума, но никто ее не хотѣлъ высказать, у каждаго сквозило что-то похожее на суевѣрное чувство, какъ будто бы отъ произносимаго слова могло зависѣть совершившееся уже событіе! Мы быстро поѣхали впередъ — и черезъ нѣсколько минутъ мы уже были среди русскаго лагеря.

Видъ этого лагеря производилъ самое тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. Небольшой отрядъ только-что остановился на бивуакѣ. Люди еще не размѣстились, не улеглись; не всѣ лошади были еще разсѣдланы; группы солдатъ и офицеровъ ходили изъ стороны въ сторону, и довольно было одного взгляда, чтобы угадать ихъ невеселое настроеніе. Страшно утомленный, измученный видъ; лица, точно закоптѣлыя отъ порохового дыма; платье, покрытое густымъ слоемъ пыли; разорванные рукава, полы, на-сторону свалившіеся погоны — все носило какой-то мрачный отпечатокъ. Не слышно было смѣха, не видно было улыбки, и только отъ времени до времени гдѣ-нибудь въ сторонѣ раздавался тяжелый вздохъ или вырванный страданіемъ стонъ раненаго. Видно было, что всѣ эти люди находились подъ суровымъ впечатлѣніемъ только-что окончившагося сраженія, а какъ оно окончилось, пораженіемъ или побѣдой, о томъ не нужно было и спрашивать. Угрюмый, сумрачный видъ цѣлаго отряда слишкомъ ясно говорилъ за себя. Не было офицера, не было солдата, на лицѣ котораго нельзя было бы прочитать унынія, раздраженія, досады. Оно не мудрено. Впечатлѣніе было еще слишкомъ сильно, не прошло еще и трехъ часовъ, что̀ отрядъ этотъ выдержалъ ожесточенный бой, окончившійся отступленіемъ отъ Эски-Загры.

Лишь только мы подъѣхали къ лагерю, и прежде еще, чѣмъ мы слѣзли съ коней, какъ насъ обступили офицеры, спѣшившіе передать намъ все, что̀ случилось въ этотъ злополучный день

19-го или 20-го іюля. По тому тону, съ которымъ они говорили, можно было видѣть, какъ сильно на нихъ было впечатлѣніе, не по ихъ винѣ, неудачнаго боя. Ни одинъ изъ нихъ не могъ дать обстоятельнаго разсказа; у каждаго вырывалась только отрывистая фраза; всѣ говорили точно въ лихорадочномъ состояніи.

— Мы ничего не могли сдѣлать! турки наступили огромными силами!—вырывалось у одного.

— Намъ ничего не оставалось болѣе сдѣлать, какъ отступить, и то, слава Богу, что мы отступили въ порядкѣ, бѣгства не было,—говорилъ другой.

— Мы понесли страшныя потери; болгарское ополченіе на половину истреблено; болгары дрались молодцами, героями! — горячо прибавилъ третій.

— А Калитинъ, а Өедоровъ, какъ они шли въ бой, лучшіе офицеры погибли,—вспомнилъ четвертый павшихъ въ бою храбрыхъ товарищей.

— Да развѣ мы могли держаться, когда насъ была кучка противъ цѣлаго полчища; мы были обречены на жертвы! — горячо произносилъ одинъ изъ окружавшихъ насъ офицеровъ, и слова его нашли отголосокъ у всѣхъ остальныхъ, у которыхъ такъ тяжело было на душѣ.

Эти отрывистыя фразы, произносимыя взволнованнымъ голосомъ, производили болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ произвелъ бы, быть можетъ, подробный, обстоятельный разсказъ о нашемъ пораженіи подъ Эски-Загрой. Въ этихъ отрывистыхъ словахъ было такъ много глубокаго, теплаго чувства. На душѣ становилось какъ-то больно и грустно, но эта боль и эта грусть заставляли насъ относиться ко всѣмъ окружающимъ съ несравненно-бо́льшею теплотою, чѣмъ въ другое, счастливое время. Мнѣ ни разу не пришлось быть свидѣтелемъ побѣды, торжества, — я не видѣлъ ликующаго послѣ счастливаго боя лагеря, но едва ли самая бурная побѣдная радость вызываетъ такую задушевность, такую теплоту, какъ тó скорбное чувство, которое послѣ пораженія опускается на душу тяжелымъ осадкомъ. Да оно, впрочемъ, и совершенно естественно! Въ радости, въ счастьи человѣкъ становится по преимуществу эгоистомъ: ему никого не нужно, онъ доволенъ собою, онъ не ищетъ себѣ опоры въ другихъ людяхъ, въ своихъ ближнихъ, и если даже чужое горе, чужое несчастье для него не безразличны, то онъ относится къ нимъ все-таки съ тѣмъ поверхностнымъ только сочувствіемъ, которое не выводитъ его изъ эгоистическаго чувства самодовольства. Много проходитъ времени, прежде чѣмъ въ людяхъ успѣваетъ окрѣпнуть со-

знаніе и чувство, что не можетъ быть личнаго счастья безъ счастья общаго; впереди еще та свѣтлая пора, когда людское горе, людскія страданія будутъ чувствоваться нами такъ сильно, что они лишатъ насъ возможности наслаждаться личнымъ, эгоистическимъ счастьемъ. Этотъ золотой вѣкъ человѣчества скрывается еще гдѣ-то за дальними, очень дальними облаками, и его заставляютъ предчувствовать только немногіе, всегда и вездѣ одиноко стоящіе люди, самоотверженно отказывающіеся отъ всякаго эгоистическаго счастья, которое они приносятъ въ жертву грядущему счастью своихъ ближнихъ. Но такихъ людей мы, искусившіеся уже въ жизни публицисты, по свойственной намъ нравственной слѣпотѣ, именуемъ фантазерами и утопистами, забывая, что безъ такихъ фантазій и утопій—міръ давно бы окоченѣлъ со всѣми его «правдами» и «неправдами», со всѣмъ его зломъ. Этимъ «фантазерамъ», этимъ «утопистамъ» мы подчасъ сочувствуемъ теоретически, даже завидуемъ, — но жизнь, увы! слишкомъ исковеркала насъ, чтобы мы способны были ради общественныхъ интересовъ жертвовать всецѣло своимъ личнымъ счастьемъ. Въ такомъ сознаніи своего бессилія, какъ ни обидно оно, все-таки больше достоинства, чѣмъ въ хвастливой гордости и напыщенномъ самомнѣніи людей, кричащихъ о своей готовности нести крестъ и принимающихъ на себя самозванную роль руководителей «фантазеровъ» и «утопистовъ», но которые въ дѣйствительности не пожертвуютъ, да и едва ли способны пожертвовать даже мизинцемъ своимъ ради общихъ интересовъ. Для насъ, порочныхъ дѣтей порочнаго общества, нужны нравственныя страданія, злые удары судьбы, суровая школа личнаго несчастія, чтобы пробудить тó теплое участіе къ людямъ, которое возвышается надъ «практическими стремленіями» и «эгоистическими интересами».

Все это, примѣнимое къ отдѣльнымъ людямъ, примѣнимо также и къ цѣлому обществу, и вотъ почему до сихъ поръ громкій успѣхъ оружія, счастливыя войны рѣдко ознаменовывались быстрымъ прогрессомъ во внутренней жизни народа, между тѣмъ какъ удары, наносимые націи, заставляли ее почти всегда напрягать всю ея энергію, чтобы хотя нѣсколько освободить себя отъ накопившейся гнойной матеріи. Личные интересы прячутся, и наружу выступаютъ серьёзные общественные интересы, люди начинаютъ гораздо яснѣе сознавать неизбѣжную связь между личнымъ и общественнымъ благомъ. Пробужденіе же общественныхъ интересовъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ имѣетъ приливъ теплаго чувства въ людяхъ по отношенію къ ихъ ближнимъ. Такое забвеніе личныхъ интересовъ,

такая теплота между людьми съ необыкновенною силою чувствуется послѣ несчастнаго боя, послѣ пораженія. Эта именно черта поразила меня въ томъ небольшомъ отрядѣ, который я встрѣтилъ тотчасъ послѣ дѣла подъ Эски-Загрой. Слово «я» почти не слышалось въ разговорахъ; забыты были всѣ личныя невзгоды, лишенія; личная жизнь точно исчезла, и мѣсто ея заняли думы несравненно высшаго порядка.

— Можно ли думать о себѣ,—сказалъ мнѣ одинъ офицеръ, съ которымъ пришлось вскорѣ разговориться,—когда видишь, что́ дѣлается кругомъ! Сто́итъ ли думать о томъ, свалишься или останешься живъ, когда кругомъ тебя валится народъ,—однимъ больше, однимъ меньше, вотъ и все. Просто—смѣшно дѣлается, когда вспомнишь, какой прежде страхъ нагоняла мысль о смерти. Нечего сказать, есть о чемъ безпокоиться! А лишенія, усталость, отсутствіе сна, пищи,—да, подчасъ оно и тяжело, да вѣдь не одинъ я, всѣ такъ! Какъ вспомнишь объ этомъ, такъ, право, точно легче станетъ. Вотъ ужъ правда, что на людяхъ и смерть красна. Знаете,—прибавилъ онъ,—здѣсь точно добрѣе дѣлаешься, всѣ тебѣ близки, всѣхъ тебѣ жаль, о всѣхъ болитъ сердце, офицеръ ли, солдатъ ли, своего полка, чужого ли, ко всѣмъ какъ-то иначе относишься, всѣхъ любишь, всѣ тебѣ точно братья!

Я запомнилъ эти слова́, потому что они какъ нельзя лучше выражали собою общее настроеніе! Говоритъ ли офицеръ о солдатѣ,—въ его словахъ слышится что-то доброе, сочувственное; разсуждаетъ ли солдатъ объ офицерѣ,—въ его разсужденіи сквозитъ что-то дружеское, любовное. Во всѣхъ отношеніяхъ между людьми, отъ старшаго до младшаго, устанавливается какая-то простота, естественность; дисциплина соблюдается, но въ ней исчезаетъ все жесткое, суровое; она становится безъискусственною, человѣчною, и, конечно, ничего отъ того не проигрываетъ; что́ придавало еще бо́льшую теплоту отношеніямъ, это то, что жизнь не только офицера, но и самого начальника этого небольшого отряда нисколько не отличалась отъ жизни простого солдата. Отрядъ шелъ безъ обоза; какъ солдатъ спалъ на травѣ подъ открытымъ небомъ, положивъ подъ голову какой-нибудь свертокъ, такъ точно спалъ и офицеръ. Ни у одного человѣка въ отрядѣ не было даже самой крохотной палатки. Какъ солдатъ питался чернымъ сухаремъ, такъ точно также питался имъ офицеръ. Хорошо, если добудутъ гдѣ барана, живо зажарятъ его безъ масла, безъ всякой приправы, и ѣдятъ. Жизнь въ полномъ смыслѣ слова спартанская. Да и гдѣ было думать объ удобствахъ жизни, когда чуть не каждый день приходилось драться и затѣмъ.... хоронить своихъ товарищей. Мудрено

ли, что общій тонъ былъ до-нельзя грустный, заставлявшій слишкомъ часто болѣзненно сжиматься сердце.

Для меня все тутъ было ново. Въ первый разъ пришлось увидѣть лагерь, и не тотъ беззаботный, веселый лагерь, среди котораго я провелъ нѣсколько дней въ Тырновѣ,—нѣтъ, лагерь боевой, полный тревоги, каждую минуту готовый всполошиться и идти на смерть,—лагерь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ непріятеля, въ пять разъ болѣе сильнаго количествомъ, но не духомъ.

Наступила ночь. Всѣ расположились на ночлегъ тамъ же, гдѣ и сидѣли, и только въ нѣсколькихъ мѣстахъ зажглись небольшіе костры. Красиво они освѣщали разбросанныя кое-гдѣ группы изъ нѣсколькихъ человѣкъ, нравственное возбужденіе которыхъ отъ проведеннаго дня оказалось сильнѣе физической усталости и измученности. Въ этихъ группахъ шла задушевная бесѣда; у каждаго были свои впечатлѣнія, свои совсѣмъ еще живыя воспоминанія. Сколько думъ они вызывали! Одно чувство связывало весь этотъ лагерь, — чувство, пронизывавшее насквозь каждаго, отъ старшаго до младшаго,—чувство любви къ своей родинѣ, и какую силу, какую нравственную крѣпость придавало оно каждому, какъ вытѣсняло оно все личное! Чужого, посторонняго человѣка тутъ не могло быть. Какая-то близость устанавливается между знакомыми и незнакомыми. Вы видите въ первый разъ человѣка, вы сказали съ нимъ едва два слова; но вамъ кажется, что будто вы всегда были вмѣстѣ — вотъ что́ значитъ общность высокихъ интересовъ. Въ этомъ пробужденіи общности интересовъ, въ этомъ сознаніи тѣсной родственной связи между людьми заключается несомнѣнно выгодная сторона войны, особенно для русскаго человѣка. Благодаря отсутствію у насъ высшихъ интересовъ, всѣ мы живемъ, какъ волки въ лѣсу, каждый копошится въ своей берлогѣ, каждый думаетъ только о себѣ, и никому, кажется, нѣтъ и дѣла до той несправедливости, которой можетъ подвергнуться тотъ или другой членъ общества. Эта разрозненность вкореняется въ нравы, каждый старается подкапываться подъ другого, не замѣчая, что такіе подкопы какъ нельзя болѣе съ руки тѣмъ, которымъ выгодно поддерживать такую разрозненность среди людей, стремящихся, повидимому, къ одной и той же цѣли. На войнѣ, да въ особенности при какой-нибудь неудачѣ, все это исчезаетъ, оттого-то такъ сильно и чувствуется, несмотря на всѣ ея невзгоды, прелесть военной, походной жизни.

Я подсѣлъ къ одному изъ костровъ, примкнулъ къ небольшой группѣ, слушалъ простые, правдивые разсказы, и мнѣ казалось, что съ этими людьми, которыхъ я видѣлъ всего въ первый разъ,

я никогда и не разставался. Мнѣ хочется отмѣтить здѣсь одну черту, которая, во все время моего пребыванія среди военнаго люда въ Болгаріи, во всѣхъ случаяхъ поражала меня какъ нельзя болѣе пріятно—это простое, радушное отношеніе нашихъ военныхъ къ невоеннымъ. Вы можете быть увѣрены, что всегда вы встрѣтите ласковый пріемъ, васъ не только не чуждаются, напротивъ, вамъ рады, и если въ чемъ-либо чувствуется различіе въ отношеніяхъ между военными и невоенными, то развѣ только въ томъ, что къ вамъ относятся съ бо́льшею предупредительностью. Во время походной жизни мнѣ не разъ приходила въ голову мысль, что та рознь, которая какъ-бы установилась между военнымъ сословіемъ и невоенными, есть не что иное, какъ большое недоразумѣніе, несомнѣнно вредно вліяющее на нашу общественную жизнь.

— Не въ веселую минуту попали вы къ намъ,—обратился ко мнѣ одинъ изъ офицеровъ,—и передать нельзя какъ обидно, а до сегодняшняго дня все хорошо шло, какъ по маслу. Да что́ было дѣлать, наткнулись на страшную силу, насъ всѣхъ могли они искрошить, да и то сколько мы народу потеряли, однихъ «братушекъ» бѣдныхъ сколько погибло, а съ ними и наши лучшіе офицеры!

— А какъ же болгары дрались?—спросилъ я.

— Дай Богъ всѣмъ такъ драться, молодцы: первый разъ попали они въ жаркое дѣло, а шли впередъ точно старые солдаты, какъ львы бросались въ бой, за то и легло ихъ сколько, половины не осталось въ строю!

Отзывъ этотъ о болгарскомъ ополченіи былъ вовсе не единичный. Сколько ни приходилось въ этотъ и въ слѣдующіе дни говорить объ ихъ участіи въ сраженіи подъ Эски-Загрой, всѣ отъ простого солдата до начальника отряда отзывались съ одинаковою похвалою объ ихъ геройскомъ поведеніи въ этомъ злополучномъ боѣ. Отзывы эти были тѣмъ болѣе пріятны, что при самомъ началѣ, прежде даже, чѣмъ болгарское ополченіе имѣло случай встрѣтиться на полѣ брани съ своимъ вѣковымъ врагомъ, пошла о болгарахъ молва, что они никуда не годятся, что драться они неспособны, и поспѣшили отнестись къ нимъ съ крайнимъ пренебреженіемъ, чтобы не сказать съ презрѣніемъ. Сраженіе подъ Эски-Загрой фактически опровергало сложившееся слишкомъ быстро предубѣжденіе противъ готовности болгаръ своими костьми и своею кровью заплатить за независимость своей родины.

— Если бы они дрались дурно, если бы не смѣло шли на

врага, тогда бы изъ 1800 человѣкъ болгарскаго ополченія не выбыла изъ строя цѣлая половина.

— Да какъ имъ и не драться съ остервененіемъ,—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ,—когда они всюду встрѣчаются съ слѣдами страшнаго звѣрства, ежечасно, ежеминутно совершаемаго турками. У одного изъ нихъ убили отца; у другого изрубили брата; у третьяго изнасиловали жену или сестру—и, вдоволь наругавшись, замучили до-смерти; у четвертаго придушили ребенка — и такъ безъ конца!

Послѣднія слова вызвали цѣлый рядъ разсказовъ.

— У меня до сихъ поръ волосы поднимаются дыбомъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ вольноопредѣляющихся кіевскаго гусарскаго полка,— когда я припоминаю ту безобразную, дикую картину, которой я на-дняхъ только былъ свидѣтелемъ. Послѣ небольшой перестрѣлки, мы вытѣснили изъ одной деревни турокъ. Я вошелъ въ маленькій домишко, и чтò же я увидѣлъ? — на гвоздѣ, вбитомъ въ потолокъ, висѣлъ какой-то болгаринъ, головою внизъ, а на полу разложенъ былъ костеръ. Голова и верхняя часть туловища обгорѣли, обуглились! Прибавлять, кажется, нéчего. Чтò вы скажете объ этомъ ухищреніи варварства? Кажется, дальше идти нельзя! — однако нѣтъ: я видѣлъ другую сцену, которая произвела на меня еще бóльшее впечатлѣніе. Я вошелъ какъ-то съ нѣсколькими гусарами въ брошенную болгарскую избу. Все въ ней было переломано, перебито, и въ одномъ только углу стоялъ столъ. На этомъ столѣ лежалъ на спинѣ ребенокъ двухъ-трехъ лѣтъ. Мы приблизились къ нему и увидѣли тогда, что онъ былъ пригвожденъ къ столу. Большой гвоздь проходилъ черезъ животъ!

Чтó можно было, въ самомъ дѣлѣ, сказать по поводу подобныхъ разсказовъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію? Одно только слово и могло быть произнесено: изверги! Наши противники, защищая турокъ, обыкновенно упрекаютъ насъ въ переселеніи абхазцевъ на сѣверъ, сопряженное съ чрезвычайными лишеніями и страданіями для нихъ; но, видя, какъ обращаются наши солдаты съ плѣннымъ врагомъ, мы не хотимъ вѣрить всему, что разсказывается по этому поводу. Во всякомъ случаѣ, нельзя обвинять легкомысленно болгаръ, если они зажигали ту или другую турецкую деревню, или отнимали впослѣдствіи награбленное у нихъ же добро. Ангельская кротость, смиреніе и прощеніе врагамъ, конечно, высокая добродѣтель, только проповѣдывать-то ее любятъ именно тѣ, кто часто меньше всѣхъ имѣетъ на тò право.

Пришлось тоже услышать цѣлый рядъ разсказовъ о звѣрскомъ обращеніи турокъ съ русскими ранеными и убитыми, но эти разсказы слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было ихъ воспроизводить еще и еще разъ. Турки пожелали иллюстрировать, повидимому, передаваемые разсказы и дать лишнее доказательство своей гуманности. Въ то время, какъ огонь нашего костра все болѣе блѣднѣлъ, въ Эски-Загрѣ разложенъ былъ страшный костеръ, все небо озарилось краснымъ заревомъ — Эски-Загра горѣла. Турки мстили болгарамъ за горячій дружескій пріемъ, оказанный ими русскому отряду—и зажгли болгарскій городъ!

— Разбойники!—вырвалось у многихъ.

— Разбойники-то, разбойники!—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ,—да то̀ обидно, что ихъ дикая месть ложится немножко и на нашу совѣсть. Виноваты и мы передъ болгарами. Мы должны были знать, съ кѣмъ ведемъ войну — и уже вести дѣло та̀къ, чтобы не давать имъ возможности мстить тѣмъ мѣстностямъ, черезъ которыя проходили наши войска.

Всѣ почти были согласны съ выраженнымъ мнѣніемъ, да и трудно было съ нимъ не согласиться. Зная характеръ турокъ, нужно было подвигаться впередъ осторожно, такъ, чтобы, сдѣлавъ шагъ впередъ, не быть уже вынужденнымъ черезъ нѣсколько дней дѣлать шагъ назадъ и предоставлять покинутую нами мѣстность на страшный произволъ фанатизированнаго врага. Теперь, безъ сомнѣнія, все это уже отошло въ область исторіи, мы искупили передъ болгарами нашу невольную вину, — результатъ первоначальнаго легкомысленнаго и необдуманнаго отношенія къ дѣлу, — искупили ее, добившись освобожденія Болгаріи изъ-подъ турецкаго господства; но наши первыя ошибки, наши тяжелыя неудачи, стоившія такъ дорого русскому народу, не должны быть забываемы, хотя эти ошибки, эти неудачи были заглажены геройскою стойкостью и необычайнымъ мужествомъ русскаго солдата и офицера.

Когда говорится о легкомысленномъ отношеніи къ врагу, то вовсе не нужно думать, что его раздѣляли наши солдаты, офицеры и всѣ военные начальники. Вовсе нѣтъ. Оно было удѣломъ главнымъ образомъ тѣхъ, кто непосредственно не соприкасался съ врагомъ. Тѣ же, которые дрались, — тѣ относились какъ нельзя болѣе справедливо къ военнымъ способностямъ турокъ и къ ихъ военной организаціи. Въ этомъ я могъ убѣдиться много разъ, и то, что̀ пришлось услышать теперь, то̀ находило себѣ подтвержденіе и послѣ, — въ особенности послѣ тяжелыхъ плевненскихъ неуспѣховъ. Въ то время многіе стали даже преувели-

чивать совершенство турецкой арміи, ея духа, ея организаціи, но это преувеличеніе было естественнымъ послѣдствіемъ нашихъ горькихъ разочарованій. Пораженіе всегда имѣетъ свойство вызывать духъ критики, анализа причинъ, вызвавшихъ извѣстное положеніе дѣлъ, доходящій сплошь и рядомъ до самобичеванія, дѣлающаго, во всякомъ случаѣ, болѣе чести, чѣмъ самовосхваленіе, и—главное—приносящаго незамѣтно добрые результаты. Этотъ духъ анализа, критики, съ необыкновенною силою сказался послѣ нашихъ первыхъ неуспѣховъ, и не только среди людей, жаждущихъ движенія впередъ по пути прогресса, но точно также и среди консервативнаго элемента уже по самому своему положенію, среди военнаго сословія, т.-е. того самаго элемента, который съ такимъ героизмомъ жертвовалъ своею жизнью во имя любви къ своей родинѣ. Тутъ этотъ духъ критики производилъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что въ немъ не чувствовалось никакой ѣдкости,—въ немъ сказывался только оттѣнокъ извѣстной грусти, порожденной пробудившимся сознаніемъ какого-то коренного недостатка, парализирующаго самую мощь русскаго народа. Такой отпечатокъ грусти отзывался и на той бесѣдѣ, которая велась вокругъ горящаго костра людьми замученными и физическою усталостью, и еще болѣе подавленными тѣми нравственными впечатлѣніями, которыя имъ пришлось вынести въ этотъ злополучный день.

— Да, что̀ ни говорите, а турки дерутся хорошо,—тоже умѣютъ умирать! Съ ними нужно смотрѣть, что̀ называется, въ оба...

— Держатся хорошо,—спора нѣтъ, да и вѣдь и то нужно сказать, что дерутся-то они при другихъ условіяхъ, чѣмъ мы!

— То-есть ка̀къ при другихъ условіяхъ?—спрашивалъ я, не посвященный въ военное дѣло.

— Да та̀къ. Сравните ихъ вооруженіе—и наше! У насъ ружье беретъ на 600 шаговъ,—у нихъ больше чѣмъ на 1200 шаговъ; у насъ негодное ружье Крынка,—у нихъ отличное ружье Мартини; у насъ подчасъ нечѣмъ стрѣлять, недостатокъ въ снарядахъ,—у нихъ такое изобиліе, что только поспѣвай стрѣлять. Вотъ тутъ и иди въ атаку: пока подбѣжишь, сколько народу они уложатъ?—а атаковать необходимо, потому что все-равно они насъ бьютъ, а мы съ нашими ружьями ничего не можемъ подѣлать. Вотъ стрѣлкамъ—тѣмъ ничего: у тѣхъ берданки.

— А въ артиллеріи развѣ не то же самое, у нихъ отличныя стальныя орудія, а у насъ... ну, да что и говорить! Еще

девятифунтовыя орудія ничего, да и тѣ послѣ 180-ти или двухсотъ выстрѣловъ смотришь или никуда не годятся, а если и годятся еще, то уже такъ попорчены, что только зло береть! Нѣтъ, у турокъ по части вооруженія арміи совсѣмъ другое дѣло, намъ не тягаться.

Весьма мало понимая или, вѣрнѣе, ничего не понимая въ военномъ дѣлѣ, я долженъ былъ только слушать да удивляться!

— Помилуйте, да какъ же это возможно, вѣдь ужъ что другое, а ужъ это-то дѣло мы дѣлали! Да, наконецъ, какихъ страшныхъ денегъ стоило перевооруженіе арміи, одинъ военный бюджетъ долженъ былъ ручаться за то, что по сравненію съ турками, по-крайней-мѣрѣ у насъ дѣло будетъ поставлено не хуже!

— Мало ли чтò должно было бы быть, да когда нѣтъ этого, чтó же станете дѣлать. Видно дѣлали, да не додѣлали, или не съумѣли сдѣлать,—говорилъ мой огорченный собесѣдникъ.—Да и не въ одномъ только вооруженіи, не въ одной артиллеріи у насъ сказывается недочетъ. Возьмите интендантство, — хорошо оно? мы, слава Богу, безъ всякихъ интендантовъ здѣсь обходимся! А посмотрите-ка у турокъ; только и радости, когда они побросають свой лагерь, — всего у нихъ найдешь, одни галеты ихъ чего стоятъ, просто лакомство. Кàкъ они дѣлаютъ, кто распоряжается, на чьи деньги,—только я знаю, что у нихъ всего много. Солдатъ у нихъ ѣстъ хорошо, патроновъ пропасть, идти ему легко, онъ только и знаетъ свою сумку съ патронами, а у насъ солдатъ точно вьючная лошадь. Просто удивляешься, какъ онъ еще такіе переходы дѣлаетъ!

— А палатки турецкія развѣ не прелесть!—досказалъ другой. У насъ, такъ чуть дождичекъ, насквозь промокнешь, а въ ихъ палаткахъ не то.

Цѣлый рядъ подобныхъ отрывочныхъ замѣчаній, выслушиваемыхъ въ первый разъ, естественно наводитъ на самыя грустныя размышленія. Привычка дѣлаетъ все, впослѣдствіи я уже ничему болѣе не удивлялся. Какъ-то съ трудомъ укладывалось, или, вѣрнѣе, вовсе не укладывалось въ головѣ, чтобы та часть, которой преимущественно были посвящены наши долговременныя заботы, находилась, сравнительно, въ томъ неудовлетворительномъ положеніи, о которомъ свидѣтельствовали люди, менѣе всего предубѣжденные. Нѣтъ, быть не можетъ,—работала въ головѣ мысль, всѣ эти отзывы навѣрно являются ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ естественнаго минутнаго раздраженія! Но, увы! отзывы эти были справедливы, и нужно было видѣть, съ какимъ горькимъ чувствомъ разсуждали объ этихъ недочетахъ военные люди. Большинство

изъ нихъ были совершенно убѣждены въ совершенствѣ нашей военной организаціи, и потому когда они встрѣтились съ дѣйствительностью, они останавливались въ какомъ-то тяжеломъ недоумѣніи передъ сдѣланными ими открытіями. Въ одномъ только они не имѣли права разочаровываться, это въ своей собственной готовности, не колеблясь, идти на смерть, да въ необычайномъ мужествѣ русской арміи, по истинѣ, не знавшемъ никакихъ преградъ и заслонившемъ собою всѣ слабыя стороны нашей военной организаціи. Духъ критики искалъ причинъ этихъ темныхъ сторонъ и, какъ всегда бываетъ, накидывался, на первыхъ порахъ, только на ближайшія. Такую ошибку дѣлали не одни мои собесѣдники, находившіеся тогда подъ давленіемъ тяжелой неудачи,— эту же ошибку потомъ повторяли и у насъ вдалекѣ отъ войны, толкуя о нашихъ военныхъ недостаткахъ и промахахъ, и ихъ причинахъ. Армія дурно продовольствуется — виновато интендантство, главный интендантъ со всѣми его подначальными; нѣтъ у насъ дальнобойныхъ орудій — виновато артиллерійское управленіе; ружья никуда не годятся — виноваты завѣдывающіе вооруженіемъ арміи; полевая почта изображаетъ собою хаосъ изъ хаосовъ—виноваты тѣ, на которыхъ была возложена эта важная часть; военно-медицинское управленіе выказало въ полномъ блескѣ всю свою неприготовленность—виноваты военно-медицинскій инспекторъ и остальной персоналъ; дѣлаются неудачныя военныя распоряженія—виноваты различные военные начальники и т. д. и т. д. Строгому осужденію подлежали тѣ и другія лица, но такое осужденіе казалось, да и до сихъ поръ кажется мнѣ несправедливымъ. Спору нѣтъ, были лица, заслуживавшія порицанія, злоупотреблявшія оказаннымъ имъ довѣріемъ, но вѣдь не всѣ же виноваты, не всѣми же руководила злая воля, напротивъ, многіе, быть можетъ, большинство, было воодушевляемо самыми благими намѣреніями! Отчего же всѣ почти оказываются въ бо̀льшей или меньшей степени виновными, должна же быть какая-нибудь причина, независящая отъ воли отдѣльныхъ лицъ, которая была источникомъ всѣхъ оказавшихся недочетовъ. Никто изъ судей не обратилъ при этомъ вниманія на справедливое положеніе теоріи современной историко-литературной школы, что въ моменты высшаго напряженія силъ люди являются тѣмъ, чѣмъ дѣлаетъ ихъ среда, тѣ или другія ея условія, общій строй, среди котора̀го развивались или глохли ихъ умственныя и нравственныя силы. Несправедливо слагать всю вину на отдѣльное вѣдомство, когда оно осуждено черпать свои силы изъ общаго источника. Вотъ почему я не могъ соглашаться и съ обвиненіями, на-

правленными противъ того или другого лица, и старался защищать отъ несправедливыхъ по моему мнѣнію нападковъ.

— Такъ кто же виноватъ, по-вашему, спрашивали меня, или нѣтъ виноватыхъ,—Богъ, что ли караетъ насъ за тяжкія прегрѣшенія!

— Скажемъ лучше, что всѣ мы, сколько насъ есть, всѣ мы виноваты и помиримся на этомъ!

— Ну, нѣтъ, какой же это отвѣтъ! Чѣмъ же мы виноваты, мы вѣдь ни въ чемъ не принимали участія, голоса своего не подавали; сказали намъ: въ походъ! мы и пошли и слава Богу,—кажется, свое дѣло дѣлаемъ. Нѣтъ, ужъ если, по-вашему, никто не виноватъ, такъ вы скажите, отчего показались всѣ эти прорѣхи въ нашей военной организаціи, отчего всюду поднимаются жалобы чуть не на всѣ части той громадной машины, на которую было затрачено столько денегъ, столько времени и столько силъ, отчего намъ, могущественному народу, послѣ двадцати лѣтъ мира, приходится, повидимому, дѣлать извѣстное напряженіе силъ, чтобы справиться съ такимъ безсильнымъ, и физически и нравственно, государствомъ, какъ Турція. Вотъ, скажите, отчего это все, если по-вашему никто не виноватъ?

Опять я встрѣтился съ этимъ фатальнымъ «отчего», и еще разъ разговоръ оборвался. Острый кризисъ войны—не время для разъясненія внутреннихъ вопросовъ.

Всѣ на минуту утихли. Каждый ушелъ въ свои думы, въ свои живыя впечатлѣнія. Костеръ нашъ совсѣмъ ужъ потухалъ, и только зарево горѣвшей Эски-Загры становилось все ярче, да ярче.

— Ну, будемъ спать, господа, довольно бесѣдовать, авось не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ! А за сегодняшній день отквитимъ, не всегда же насъ будетъ три тысячи противъ пятнадцати.

— И то правда, будемъ спать, а то вѣдь завтра чуть свѣтъ нужно подниматься: говорятъ, въ четыре часа назначено выступленіе!

— Хорошо, если до четырехъ часовъ не придется вскочить,—чего добраго, турки и раньше разбудятъ!

— Пустяки, они ночью добрыхъ людей не безпокоятъ!

— Вотъ ужъ, правда, безмозглые! и что они насъ не преслѣдовали, вѣдь чего добраго, всѣхъ бы, сколько насъ есть, уложили. Нужно тоже отдать имъ справедливость, совсѣмъ не умѣютъ пользоваться побѣдой.

— Да полно, что ты бранишь ихъ, скажи лучше спасибо!

На нѣсколько минутъ разговоръ получилъ шутливый тонъ, но онъ не удержался—тяжелыя и мрачныя впечатлѣнія дня не могли такъ быстро изгладиться.

Всѣ замолчали, растянулись на опаленную солнечными лучами траву и стали жаться отъ быстро наступавшаго холода послѣ невозможно знойнаго дня. Оригинальность походной жизни, новость военныхъ впечатлѣній, прогоняли сонъ, а сверкавшее зарево горѣвшей Эски-Загры, то слабѣвшее, то снова усиливавшееся, вызывало цѣлую вереницу неотвязчивыхъ думъ. Прошло можетъ быть полчаса, какъ всѣ расположились на ночлегъ и сказано было послѣднее слово,—нѣкоторые уже уснули тѣмъ крѣпкимъ, могучимъ сномъ, какимъ могутъ спать только люди, сдѣлавшіе переходъ въ нѣсколько дней, когда я увидѣлъ, какъ кто-то привсталъ съ земли и нервно проговорилъ:

— Нѣтъ, не могу я отдѣлаться отъ этой сцены, не выходитъ она изъ головы, такъ и вижу передъ собою этого раненаго болгарина, этого турецкаго офицера, занесящаго надъ его головою шашку, точно слышу какъ онъ ударилъ ее разъ, два... и помочь ему было нельзя...

— Ну, спи, спи...

И опять все утихло!

Не одному человѣку въ эту ночь мерещились дикія сцены сраженія, не у одного сонъ былъ тревожный, мятежный. Долго я еще слышалъ, какъ тотъ или другой что-то бормоталъ во снѣ.

Впечатлѣнія этихъ людей были сильны, у многихъ изъ нихъ точно прояснился взглядъ, отношеніе къ жизни сдѣлалось несравненно серьёзнѣе. Война заставила весьма многихъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣми темными сторонами нашего общественной жизни, на которыя до тѣхъ поръ не обращалось никакого вниманія. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы блескъ послѣдующихъ событій не изгладилъ первыхъ впечатлѣній, чтобы необычайное мужество и героизмъ арміи, пересилившей всѣ другіе недочеты, не заставилъ забыть все то, что такъ ясно мы сознали въ первый періодъ войны. Впрочемъ, трудно вѣрилось тогда, чтобы этотъ первый періодъ могъ быть когда-нибудь забытъ, въ особенности тѣми, кто вблизи испыталъ мучительныя ощущенія, вызванныя нашими обидными неудачами. Онѣ тѣмъ болѣе были тяжелы для нравственнаго чувства, что сопровождались тѣми, по меньшей, невѣроятными бѣдствіями, и безъ того замученнаго, болгарскаго народа, въ которомъ не далѣе какъ на слѣдующій день пришлось убѣдиться во-очію.

Прежде чѣмъ появились первые солнечные лучи, въ пятомъ

часу утра, весь лагерь былъ уже на ногахъ, все пришло въ движеніе. Утро было холодное, всѣ, казалось, продрогли до костей, укрыться не во что, кутались въ свои подбитыя вѣтромъ пальто, не у многихъ счастливцевъ были бурки, за то съ какою завистью и смотрѣли на нихъ. Общій видъ лагеря былъ весьма прозаическій. Всѣ грязные, не выспавшіеся, всѣ зѣваютъ; лица посинѣлыя, только и думаешь о томъ, какъ бы солнце выступило поскорѣе, да хоть чуточку посогрѣло.

— Ну, что, какъ вы себя чувствуете,—спрашивалъ меня одинъ офицеръ:—не очень-то завидна походная жизнь!

И правда, не завидная жизнь! Нужна большая сила воли, большая энергія, чтобы всегда бодро переносить всѣ лишенія, какъ переносила ихъ русская армія—и холодъ, и голодъ, и нездоровье—всего было довольно.

— Я думаю, вы не отказались бы теперь отъ стакана чаю?

Но гдѣ тутъ было думать о чаѣ. Приходилось довольствоваться нѣсколькими глотками коньяку, который, нужно ему отдать справедливость, оказывалъ большія услуги; какъ ни мужественно переносили солдаты и офицеры всевозможныя лишенія, но физическая усталость, быстрая перемѣна температуры, питаніе кое-чѣмъ и кое-какъ дѣлали свое дѣло—въ отрядѣ было много больныхъ, хотя всѣ они оставались въ строю.

— Не хорошо себя чувствуете, — говорилъ мнѣ военный докторъ,—тошнота вѣрно мучитъ! Ничего не подѣлаешь, у насъ кажется 90% всѣ въ такомъ состояніи.

Но солдаты и офицеры не унывали. Въ отрядѣ началось сильное движеніе: тамъ казаки ведутъ лошадей поить, тутъ подкладываютъ имъ ячменю; въ одномъ мѣстѣ кучка солдатъ чинится, чистится, въ другомъ—развели себѣ огонь, поставили на деревяшки свою манерку и устраиваютъ себѣ какую-то варку, всѣ занялись какимъ-нибудь дѣломъ. Одна группа невольно привлекала къ себѣ вниманіе. Стоитъ солдатъ на колѣняхъ и нараспѣвъ читаетъ какую-то книгу, трое или четверо другихъ превратились въ одинъ слухъ и слѣдятъ за чтеніемъ съ такимъ неустаннымъ вниманіемъ, что, кажется, раздайся надъ ихъ ухомъ крикъ: турокъ! они не услышали бы его... Выступило солнце, точно повеселѣе стало, и перестали дрожать отъ холоду, разговоры сдѣлались оживленнѣе, всѣ ужъ готовы, собрались,—раздается сигналъ, не пройдетъ и пяти минутъ какъ всѣ на мѣстахъ.

— Что же, скоро ли выступаемъ? — спрашивали другъ у друга.

— Да кто знаетъ, говорили въ четыре часа, а вотъ ужъ теперь шестой, а ничего не слышно.

— Говорятъ, мы должны ждать какихъ-нибудь извѣстій отъ генерала Гурко, куда онъ отошелъ.

— Да вѣдь будемъ долго ждать, такъ чего добраго, турки спохватятся и перейдутъ въ преслѣдованіе. Намъ-то не очень удобно принимать бой.

— Да куда мы отступаемъ, это рѣшено или нѣтъ?

— Говорятъ, къ Казанлыку, а затѣмъ можетъ быть и дальше!

— Эхъ, плохо дѣло!

Трудно передать то чувство обиды, которое являлось у всѣхъ на душѣ при мысли о неизбѣжности отступленія.

— Господа,—проговорилъ какой-то подошедшій офицеръ,— можете не торопиться, рѣшено, что мы не выступимъ отсюда раньше девяти часовъ, если только прежде не получится извѣстія отъ генерала Гурко.

Тотъ небольшой отрядъ, въ который я попалъ въ несчастный день сраженія подъ Эски-Загрой, былъ только частью отряда генерала Гурко. Эти части должны были соединиться послѣ сраженія при Іени-Загрѣ, гдѣ турки были разбиты, но, увы! соединеніе не произошло вó-время, большія непріятельскія силы набросились на три, на четыре тысячи, и, послѣ упорнаго боя, заставили ихъ отступить. Съ этимъ-то отрядомъ я и встрѣтился наканунѣ.

Извѣстія отъ генерала Гурко все не было, и около девяти часовъ раздался сигналъ къ выступленію. Въ нѣсколько минутъ весь небольшой отрядъ выстроился, и мы начали отступать къ Казанлыку.

Не смотря на страшное утомленіе, солдаты шли бодро, ни въ чемъ нельзя было замѣтить упадка духа, хотя едва ли въ цѣломъ отрядѣ былъ хотя одинъ человѣкъ, у котораго весело было бы на душѣ. Мысль, что мы вынуждены отступать, сознаніе, что мы отдаемъ покидаемую нами мѣстность въ жертву необузданной мести турокъ, на всѣхъ производило подавляющее впечатлѣніе. Не знаю, каковъ былъ русскій солдатъ прежде, но я знаю, и много разъ имѣлъ въ томъ возможность убѣдиться, что теперь онъ разсуждаетъ и чувствуетъ не хуже другого.

— Плохо имъ теперь будетъ, какъ мы ушли,—случалось мнѣ слышать отъ солдатъ во время нашего перехода,—много народу турка перерѣжетъ, а ужъ чтó деревень сожжетъ....

Такъ говорили солдаты о «братушкахъ». Подчасъ бранили они

болгаръ, но за то умѣли также относиться къ нимъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ сострадания.

Было еще и другое чувство, которое точно точило этотъ небольшой отрядъ. Не знаю, какъ его назвать,—пожалуй, чувство военной чести. Конечно, въ томъ пораженіи, которое было нанесено ему турками, не было ничего постыднаго; напротивъ, всѣ участвовавшіе въ сраженіи исполнили свято свой долгъ, и не они были виновны, что имъ пришлось бороться съ непріятелемъ, втрое болѣе сильнымъ. Притомъ, какая же война возможна безъ частныхъ неудачъ! и все-таки мысль, что они первые доставили туркамъ побѣду, производила на всѣхъ подавляющее впечатлѣніе. Думая же, что ихъ пораженіе было первою побѣдою турокъ, они горько ошибались. Въ нашу лѣтопись настоящей войны была вписана уже и вторая Плевна, но, разумѣется, никто изъ насъ ее и не подозрѣвалъ еще, во время этого отступленія къ Казанлыку. О первой же Плевнѣ, какъ я уже упоминалъ, мы имѣли слишкомъ смутное понятіе, чтобы считать дѣло 8-го іюля пораженіемъ.

Вотъ сколько было причинъ, чтобы среди нашего отряда было не особенно весело. Всѣ были озабочены. Трудно сказать, конечно, въ чемъ выражается такая озабоченность, она только чувствуется; а пожалуй уловливается въ отрывочныхъ фразахъ, которыми отъ времени до времени перебрасываются люди.

— Что-то будетъ сегодня, чего добраго, турки перейдутъ въ наступленіе!

Такую мысль и нельзя было не допускать, а между тѣмъ эта мысль, какимъ бы мужествомъ ни былъ воодушевленъ отрядъ, была все-таки тяжела, такъ какъ всѣ прекрасно сознавали, что нашъ отрядъ слишкомъ малочисленъ и слишкомъ изнуренъ, чтобы могъ выдержать съ честью еще новый бой.

Впрочемъ, не доходя версты или двухъ до Казанлыка, отрядъ нашъ усилился новою болгарскою дружиною, спустившеюся съ Шипки съ нѣсколькими орудіями. Теперь, если бы турки стали преслѣдовать отступавшій отрядъ, онъ все-таки могъ бы защищаться въ Казанлыкѣ и выждать еще новыхъ подкрѣпленій. Всего двадцать-четыре часа, какъ я оставилъ Казанлыкъ, и что за перемѣна! Я увидѣлъ тѣ же улицы, тѣ же дома, но я не узналъ города. Вѣсть о нашемъ пораженіи и неизбѣжнымъ за нимъ отступленіемъ еще вечеромъ облетѣла Казанлыкъ, и одна декорація, точно на сценѣ, быстро смѣнила другую.

Наканунѣ Казанлыкъ былъ совершенно спокоенъ, всѣ дома настежъ, лавки открыты, на улицѣ торгуютъ, вездѣ народъ, болгары

ходятъ весело, привѣтливо кланяются вамъ, турки выражаютъ полную покорность, радушно васъ принимаютъ, засѣдаютъ въ городскомъ совѣтѣ, мы относимся къ нимъ съ достойнымъ великодушіемъ побѣдителей, объявляемъ имъ, что они будутъ пользоваться всѣми гражданскими правами наравнѣ съ болгарами, что религія ихъ будетъ почитаться, что русскія власти будутъ зорко слѣдить, чтобы болгары не дозволяли себѣ по отношенію къ нимъ никакого своеволія.... проходитъ нѣсколько часовъ и на Казанлыкъ опустилась точно свинцовая туча. Все измѣнилось. Дома заколочены, лавки закрыты, на улицахъ пустота, болгарское населеніе трепещетъ, одни заперлись въ своихъ домахъ, ни живы, ни мертвы; другіе, побросавъ свои дома, свое имущество, бросились бѣжать, преслѣдуемые страшною мыслію о томъ насиліи, о тѣхъ истязаніяхъ, которымъ они подвергнутся, если попадутъ живыми въ руки ихъ заклятыхъ враговъ. А тамъ, въ турецкомъ кварталѣ, за каменными стѣнами, турки ликуютъ, и ждутъ только удаленія послѣднихъ нашихъ солдатъ или приближенія своихъ, чтобы приступить къ страшной расправѣ. Вы чувствуете, проходя по этимъ пустыннымъ улицамъ, что тишина, спокойствіе это—только наружная оболочка, въ дѣйствительности тутъ все дышетъ непримиримою враждою, ожидающей только минуты, чтобы вспыхнуть и вызвать страшную рѣзню. Впрочемъ, городъ уже обагрился кровью, ночью уже были зарѣзаны нѣсколько человѣкъ. По этимъ мрачнымъ и пустыннымъ улицамъ нашъ отрядъ прошелъ черезъ весь городъ и большое поле впереди монастыря, то самое, гдѣ за два, за три дня передъ тѣмъ, въ часы всеобщей паники, болгары такъ дружно рыли рвы, было выбрано мѣстомъ для бивуака. Какъ долго мы должны были оставаться въ Казанлыкѣ, нѣсколько часовъ или до другого дня,—никто еще не зналъ. Вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ отряда я направился въ самый монастырь, но лучше было не проникать за монастырскую ограду! Картина, которую мы встрѣтили тамъ, была по-истинѣ потрясающая! Никакое описаніе не въ силахъ передать ее; не существуетъ, мнѣ кажется, достаточно яркихъ красокъ, чтобы изобразить весь ея ужасъ. Прежде чѣмъ вы успѣли войти за ограду, до васъ доносились уже стоны, рыданія, вопли, крики, вырванные болью, страданіемъ, муками людей.

— Господи! что тамъ дѣлается?—невольно спрашивали вы себя, и чувство неизъяснимаго страха наполняло вашу душу.

Еще нѣсколько шаговъ, и вы становились лицомъ къ лицу съ картиной еще разъ въ эту войну напомнившею описанія Дантовскаго ада. Надо было обладать закаленными нервами, чтобы она не по-

трясла васъ до мозга костей. Весь монастырскій дворъ былъ переполненъ народомъ, и чувство какого-то безпредѣльнаго ужаса, страха, оцѣпенѣнія невольно бросалось въ глаза; на землѣ, въ кучѣ, валялись мужчины, женщины, дѣти, испускавшіе пронзительные стоны, пронизывавшіе все ваше существо. Всѣ эти несчастные были изрѣзаны, переранены, прострѣлены, всѣ они носили на себѣ слѣды кинжаловъ, ятагановъ, револьверовъ. Нѣкоторые изъ нихъ истекали кровью. Одна женщина лежитъ на землѣ страшно больная, почти мертвая, съ глубокою раною ножемъ на горлѣ, другая полунагая, съ открытою грудью, прострѣленною въ двухъ мѣстахъ, рядомъ молодой болгаринъ съ провалившимися глазами, тяжело дышащій, по голой спинѣ его течетъ кровь изъ нѣсколькихъ широкихъ ранъ. Смерть слишкомъ долго заставляетъ его ждать своей очереди. Немножко дальше нѣсколько человѣкъ тупо смотрятъ на двухлѣтняго ребенка, валяющагося на землѣ. Ребенокъ лежитъ неподвижно.

— Чтó онъ, умеръ? неужели некому прибрать его, гдѣ его мать?

Матери нѣтъ, она убита, а ребенокъ живъ еще, онъ дышетъ, но надолго ли... можетъ быть, часъ, другой—и онъ умретъ, голодною смертью. Пришла монахиня, сжалилась, подобрала его и унесла въ комнату. Монастырь полонъ такими дѣтьми, куда ихъ дѣть,—они исторгаютъ слезы, но ихъ оставляютъ умирать. Такая смерть страшна, но чтó ужаснѣе смерти—это страданіе ребенка. Ничто, кажется, не въ силахъ произвести на человѣка такого ошеломляющаго впечатлѣнія, какъ видъ порубленнаго ребенка, ничто не въ силахъ поднять такой злобы, такой ненависти къ извергамъ, какъ видъ крови, струящейся изъ ранъ пяти или шести-лѣтняго ребенка; истекаетъ кровью взрослый—тяжелая картина, но дѣлать нечего, на то и война: сегодня онъ лежитъ въ предсмертныхъ мученіяхъ, вчера, быть можетъ, отъ его руки умиралъ другой, въ такихъ же страданіяхъ. Ранена женщина, ея стоны терзаютъ ваше сердце, но она все-таки могла бороться, защищаться, ей не чуждо было чувство мести; она, быть можетъ, мстила за мужа, за отца, брата—и ей отплатили ударомъ ножа или пулей. Но когда стонетъ ребенокъ, когда онъ, беззащитный, ни въ чемъ неповинный, истекаетъ кровью, и вы слышите его стоны, видите его глубокія раны, тогда одно только чувство охватываетъ васъ, чувство это—жажда мести, безъ жалости, безъ пощады, и будь вы самый гуманный человѣкъ, вы забудете вашу гуманность и съ остервененіемъ готовы будете наброситься на тѣхъ, кто способенъ былъ только совершить такое вопіющее по своему звѣрству дѣло. Это

чувство невольно охватывало каждаго изъ насъ, когда мы увидѣли ребенка пяти, шести лѣтъ, съ перерубленною рукою, всего облитаго кровью. Его мучительныя рыданія поднимали волосы дыбомъ; едва ли нашелся бы хоть одинъ человѣкъ, у котораго слезы негодованія не подступили бы къ горлу. Описывать такія сцены со всѣми подробностями ихъ и трудно, и не къ чему. Сколько такихъ описаній ни будетъ, сколько ни читай разсказовъ о самыхъ звѣрскихъ поступкахъ, сколько ни трогайся изображеніемъ судьбы нечеловѣческихъ страданій, претерпѣваемыхъ взрослыми, женщинами и даже дѣтьми, никакія книги, какъ бы талантливо они ни были написаны, не могутъ сравниться, по силѣ впечатлѣній, съ одною минутою, когда вы въ первый разъ сдѣлаетесь очевидцемъ звѣрской жестокости, совершённой надъ ребенкомъ.

При видѣ подобныхъ сценъ на первый планъ выступаетъ страстное чувство ненависти, и это чувство заглушаетъ въ человѣкѣ, казалось, прочно укоренившуюся въ немъ гуманность. Вотъ почему нельзя было бы удивляться, если бы русскіе солдаты, сдѣлавшись свидѣтелями такого рода звѣрскихъ поступковъ, въ свою очередь явились бы мстителями за цѣлый рядъ насилій и изувѣрствъ, совершаемыхъ турками. Но меня удивляло другое, это—та человѣчность по отношенію къ врагу, которая никогда не пропадала среди русской арміи, несмотря на всѣ дикія картины, прошедшія передъ ея глазами. Увидѣвъ вблизи адскія расправы, учинявшіяся турками надъ болгарами, кто рѣшился бы бросить камнемъ въ послѣднихъ за тѣ, сравнительно, слишкомъ немногія вспышки мести, за которыя такъ несправедливо корили болгаръ. Такого укора не пошлетъ имъ никто, кому случалось быть свидѣтелемъ такихъ сценъ, какъ на монастырскомъ дворѣ въ Казанлыкѣ, гдѣ десятки людей, взрослыхъ и дѣтей, своими исполосованными тѣлами, своими воплями и брызгавшею кровью говорили о мукахъ цѣлаго народа.

На дворѣ было также нѣсколько офицеровъ, раненыхъ въ послѣднемъ сраженіи. Одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и мы разговорились.

— На васъ дѣйствуютъ эти сцены?—спросилъ онъ меня.

Я только посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Да; но какъ же они могутъ не дѣйствовать, нужно, чтобы нервы были изъ желѣза, чтобъ оставаться спокойнымъ при видѣ этихъ несчастныхъ.

— А вотъ на меня такъ больше не дѣйствуютъ. То, чтò вы видите, это сравнительно бездѣлица, пустяки; вотъ если бы

вы насмотрѣлись на все то, на чтò мы насмотрѣлись, тогда дѣло другое!—и онъ сталъ разсказывать видѣнныя сцены.

И прежде уже я слышалъ, что послѣ занятія Эски-Загры небольшая рѣка, протекающая вблизи, окрасилась кровью въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Вся она была переполнена трупами замученныхъ болгаръ, были тутъ и женщины и дѣти, были и русскіе раненые, которыхъ не успѣли подобрать. Но прежде отчасти я не довѣрялъ этимъ разсказамъ, отчасти считалъ преувеличенными, полагая, что вѣдь и фанатизированные турки все-таки люди, и потому едва ли на всѣ подобные разсказы не наложены болѣе густыя краски, чѣмъ того требовала бы истина. Теперь только для меня сдѣлалось понятнымъ, что во всѣхъ разсказахъ о невѣроятныхъ неистовствахъ и жестокостяхъ турокъ не только краски не были усилены, но, напротивъ, всякое слово представляется слишкомъ блѣднымъ, чтобы передать истину. Все, что безсильны были передать слова, то дополнялъ видъ этихъ истерзанныхъ людей, искавшихъ убѣжища за монастырской оградой.

— Но, скажите, откуда эти несчастные, вѣдь не здѣсь же, не въ Казанлыкѣ происходила эта бойня,—спрашивалъ я у одной монахини, возившейся съ груднымъ еще ребенкомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она со слезами,—такія злодѣйства ждутъ Казанлыкъ еще въ будущемъ, когда вы уйдете отсюда. Боже мой, сколько крови прольется, сколько невинныхъ жертвъ погибнетъ! Вотъ такихъ, какъ этотъ малютка!

— Откуда же онъ у васъ, вы давно его взяли къ себѣ?

— Нѣтъ, я сегодня подобрала его, онъ былъ брошенъ на улицѣ, но что я буду съ нимъ дѣлать, я ужъ и не знаю!

— А матери у него нѣтъ?

— Богъ знаетъ, гдѣ она теперь, дѣтей много, всѣхъ захватить нельзя, силъ нѣтъ тащить, такъ и покидаютъ малютокъ; сколько ихъ погибло—одному Богу извѣстно! Всѣ бѣгутъ! когда-то наступитъ конецъ нашимъ страданіямъ!

Она говорила правду—все бѣжало. Одни изъ подъ Эски-Загры, другіе изъ Карабунара, третьи изъ Іени-Загры, четвертые изъ сосѣднихъ селеній. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хоть близко показывались наши солдаты, турки свирѣпствовали, жгли и рѣзали, рѣзали и жгли. Немудрено, что они наводили на все населеніе панику, ужасъ, страхъ, и при словѣ: турки! все бросалось бѣжать.

— Уйдемъ отсюда, право слишкомъ тяжело, помочь мы не можемъ, а только одолѣваетъ безсильная злоба.

Я охотно послушался, и мы вышли изъ монастырской ограды

и отправились бродить по городу. На улицахъ снуютъ только солдаты и офицеры, жители точно исчезли, и только изрѣдка проскользнетъ какой-нибудь болгаринъ, точно крадется, опасаясь, что кто-нибудь его увидитъ.

— Пойдемъ въ турецкій кварталъ, посмотримъ, что тамъ дѣлается.

— Ну, нѣтъ, господа, туда я не пойду, да и вамъ не совѣтую: что за охота быть убитымъ изъ-за угла, того и смотри кто-нибудь выстрѣлитъ изъ-за стѣны,—отвѣчалъ одинъ изъ болѣе опытныхъ людей.

— Вотъ тоже! пока войско здѣсь, они не посмѣютъ!

— Не посмѣютъ! а отчего же они смѣли выкидывать такія штуки въ Эски-Загрѣ. Спросите-ка, что тамъ дѣлалось, да, впрочемъ, не только въ Эски-Загрѣ, то же было и въ Казанлыкѣ, когда мы заняли городъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ за предательскіе выстрѣлы было повѣшено нѣсколько человѣкъ. Здѣсь не знаю сколько, а въ Эски-Загрѣ было повѣшено семь человѣкъ на тѣхъ самыхъ окнахъ, изъ которыхъ были сдѣланы выстрѣлы!

— И что́ ужасно,—замѣтилъ при этомъ кто-то изъ присутствующихъ,—что болгары радовались этимъ повѣшеніямъ точно празднику. Болгарскія женщины приходили смотрѣть на повѣшенныхъ турокъ, трогали ихъ, гуляли около труповъ, продолжая ѣсть свои сливы и груши! Удивительное жестокосердіе!

Такой упрекъ былъ очевидно несправедливъ. Люди не ангелы, да и не зачѣмъ ими быть. Свирѣпость, жестокость, насиліе не могутъ вызывать любви и мягкости. Если бы за зло люди всегда платили зломъ, на свѣтѣ, можетъ быть, было бы меньше до него охотниковъ.

— Такъ какъ же, господа, идемъ, что ли, въ турецкій кварталъ?

— Помните правило,—замѣтилъ одинъ военный, отъ опасности не бѣгите, но на нее не напрашивайтесь! Можетъ быть, мы и совершимъ нашу прогулку вполнѣ благополучно, но это будетъ ни для чего ненужной бравадой!..

Вчера мы преспокойно расхаживали мимо турецкихъ домовъ, заходили въ гости къ туркамъ, сегодня мы опасались, что эти самые «мирные» турки будутъ по насъ стрѣлять. Мы были, правда, еще господами въ Казанлыкѣ, но наше господство, несмотря на присутствіе войска, было уже призрачное. А между тѣмъ не прошло еще и двухъ дней, что мы вводили здѣсь весьма торжественно гражданское управленіе! Боже, какая это была злая иронія? Припомнилось мнѣ, какъ ликовали болгары, когда мы объявляли, что «навсегда» отмѣняется та мѣра, «навсегда» вводится другая; какъ они были

счастливы, выслушивая за двадцать-четыре часа провозглашеніе ихъ независимости, конецъ гоненіямъ, конецъ турецкому игу. Правда, прошло шесть мѣсяцевъ, и то, чтó было имъ возвѣщено, сдѣлалось историческимъ фактомъ, но въ эти шесть мѣсяцевъ какъ многіе изъ тѣхъ, которые тогда ликовали, поплатились своею жизнію за выказанную ими радость.

Пробродивъ по пустынному городу часъ или два, мы возвратились къ монастырю. Въ этотъ небольшой промежутокъ времени увезли на подводахъ какъ нашихъ раненыхъ, такъ и перебитыхъ болгаръ. Въ Казанлыкѣ оставаться было нельзя. Получено было извѣстіе отъ генерала Гурко, отошедшаго къ Ханкіойскому проходу, и мы рѣшились покинуть злополучный городъ. Тѣ болгары, которые еще оставались въ Казанлыкѣ, собирались бѣжать изъ города. Они утратили послѣднюю надежду. Въ Казанлыкѣ мы оставили немногихъ русскихъ, но имъ нечего было больше опасаться ярости врага, они покоились подъ землею въ монастырской оградѣ. Шесть могилъ, одна подлѣ другой, тянулись въ рядъ у стѣны самаго монастыря, это были могилы тѣхъ, которые пали въ бою при первой атакѣ Шипки. Деревянный крестъ, окрашенный черною краскою съ бѣлою полоскою, стоялъ надъ этими бѣдными могилами, и на крестѣ скромная простая подпись: «15-го стрѣлковаго баталіона капитанъ Василій Шепелевъ убитъ въ сраженіи на высотахъ при селеніи Шипки 6-го іюня 1877 г.»; дальше: «командиръ 13-го стрѣлковаго баталіона Аполлинарій Климонтовичъ», еще: «графъ Эдуардъ Казиміровичъ Ронникеръ». Простота этихъ подписей заставила меня припомнить другіе кресты на могилахъ, которыми усѣяна была Франція въ 70 году, и гдѣ не было почти ни одного безъ какой-либо надписи, въ видѣ: «mort pour la patrie», или: «mort en brave»; каюсь, я любилъ эти надписи, онѣ дѣйствуютъ на чувство, какъ дѣйствуетъ теплое слово, сказанное надъ свѣжей могилой. Но мы, русскіе, боимся больше чумы обнаружить искреннее чувство, и щедры только на выраженіе казенныхъ чувствъ. Эти дорогія могилы—вотъ все, чтò оставалось тогда здѣсь отъ нашего перваго похода за Балканы.

— Скоро ли мы выступаемъ, всѣ спрашивали другъ у друга, но никто не зналъ часа выступленія изъ Казанлыка; знали только, что мы отступаемъ къ Шипкѣ.

Вопросъ этотъ находился въ связи съ другимъ—успѣемъ ли мы отступить прежде, чѣмъ турки перейдутъ въ наступленіе! Мысль эта тѣмъ болѣе тревожила, что мы не обладали достаточными силами, чтобы оказать имъ успѣшное сопротивленіе.

Весь отрядъ могъ сложить свои кости безъ всякаго добраго результата. На вопросъ о времени выступленія былъ одинъ отвѣтъ:

— Можетъ быть, выступимъ сегодня поздно вечеромъ, если ли же нѣтъ, то завтра, на разсвѣтѣ.

Въ 8 часовъ вечера было отдано приказаніе, чтобы никто не выходилъ изъ цѣпи, и только штабъ отправился опять въ монастырь. Тамъ опять было все биткомъ набито народомъ, въ двухъ комнаткахъ была тѣснота, на дворѣ не было мѣстечка, гдѣ можно было бы прилечь и хотя немного отдохнуть. А усталость ощущалась сильная, глаза смыкались, такъ и тянуло ко сну. Тщетно искали мы себѣ мѣста, гдѣ бы прилечь, все было занято, пришлось, волей-неволей, забывъ обычное неловкое чувство, расположиться на могилахъ. Лошадей разсѣдлывать было нельзя, каждую минуту нужно было быть готовымъ вскочить, чтобы слѣдовать за отрядомъ. Говоръ, шумъ, люди ходятъ взадъ и впередъ, лошади топчатся на одномъ мѣстѣ; казалось бы, какъ тутъ заснуть, но утомленіе взяло верхъ, и мы заснули скоро самымъ крѣпкимъ сномъ...

— Вставайте, вставайте скорѣе, всѣ ужъ уѣхали, въ монастырѣ нѣтъ никого, всѣ вышли, нужно догонять.

Насъ, должно быть, въ темнотѣ не замѣтили и оставили однихъ въ монастырѣ. Я вскочилъ, зги не видать, мертвая тишина, ощущеніе самое тяжелое.

— Да куда же всѣ ушли?

— Не знаю, надо скорѣй догонять.

Было всего часовъ одиннадцать. Насъ предупреждали, что, можетъ быть, выступятъ поздно вечеромъ, вѣроятно такъ и сдѣлали.

Минуты черезъ двѣ, взнуздавъ лошадей, мы выѣхали изъ монастырскихъ воротъ. Лошади едва переступаютъ, тьма кромѣшная.

— Вѣрно, получено извѣстіе, что приближаются турки, потому и поторопились!

Минутъ черезъ десять добрались до поля, гдѣ былъ расположенъ бивуакъ. Насъ окликнулъ часовой.

Ну, отрядъ здѣсь!

— Штабъ проѣзжалъ?—спрашиваемъ мы у часового.

— Проѣзжалъ.

— Куда, въ какую сторону?

— Прямо.

Мы направляемся прямо. Опять часовой, опять тѣ же вопросы, опять тотъ же отвѣтъ: прямо!

Впереди ничего не видать, куда дальше ѣхать, дорогъ нѣсколь-

ко: которая ведетъ на Шипку, Богъ ее знаетъ. Присматриваемся къ лагерю, кажется, точно меньше народу.

— Ужъ не ушла ли большая часть отряда на Шипку? смотрите, вѣдь все почти пусто!

Какія только фантастическія мысли не приходили въ голову!

— Ну, что-жъ, дѣлать нечего! куда мы поѣдемъ дальше въ такую темень, подождемъ свѣта.

Разумѣется, это было единственное разумное рѣшеніе, которое можно было только принять. Мы подъѣхали къ одному изъ стоговъ соломы, слѣзли съ коней и улеглись. Ни звука, точно все вымерло. Лошадь привязать некуда, да и страшно: вдругъ кто-нибудь уведетъ; а безъ лошади на войнѣ человѣкъ пропалъ. Правду кто-то сказалъ, что человѣкъ безъ лошади на войнѣ только полчеловѣка. Нечего дѣлать, приходилось держать поводья въ рукахъ, а то, чего добраго, лошадь уйдетъ куда-нибудь, потомъ и ищи. Спать хочется, но только-что задремлешь, лошадь осторожно своею мордою коснется вашего лица, просыпаешься; отгонишь ее отъ себя, смотришь, черезъ нѣсколько минутъ она опять васъ будитъ, и такъ всю ночь, т.-е. часовъ до четырехъ, когда начинаетъ свѣтать.

По утру, когда можно было различать уже предметы, я увидѣлъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, у другого стога ячменя, показалось нѣсколько человѣкъ изъ штаба, о которомъ мы предполагали, правда, довольно легкомысленно, что онъ съ вечера еще покинулъ Казанлыкъ.

— Куда вы пропали вчера изъ монастыря,—спрашивали насъ:—мы васъ искали; хотѣли сказать, что на ночь отправляемся въ поле; но васъ нигдѣ не было.

Мы сознались въ томъ, что подумали, — насъ просто забыли. Оказалось, штабъ, выѣхавъ изъ монастыря, объѣхалъ кругомъ цѣпи и расположился на ночь такъ точно, какъ и мы.

Не было еще четырехъ часовъ, когда всѣ ужъ были на ногахъ. Утро такое же холодное, дрожишь весь, и только одно утѣшеніе—коньякъ.

— Ну, кажется, все благополучно, турки, повидимому, и не думаютъ переходить въ наступленіе!

— Что же, слава Богу!

— Еще бы не слава Богу! намъ бы плохо пришлось, ну, а на Шипкѣ продержимся: оттуда насъ не такъ скоро прогонятъ!

Не потеряй турки послѣ боя при Эски-Загрѣ цѣлыхъ двухъ недѣль, если не больше, кто знаетъ, удалось ли бы намъ удер-

жать въ нашихъ рукахъ этотъ важный пунктъ, отвоеванный генераломъ Гурко въ его первый балканскій походъ.

Черезъ полчаса, въ началѣ пятаго, раздался сигналъ, и отрядъ нашъ сталъ выступать.

Только-что мы свернули съ поля на большую дорогу, ведущую изъ Казанлыка на Шипку, мы были поражены новою картиною, производившею не менѣе сильное впечатлѣніе, а, можетъ быть, еще и бо́льшее, чѣмъ та, которую мы застали вчера въ монастырѣ. По всей дорогѣ тянулась густая масса бѣгущаго населенія. Нужно было видѣть этихъ бѣглецовъ, чтобы понять весь ужасъ войны, чтобы постигнуть всю силу турецкаго ига, заостреннаго фанатизмомъ!

Вмѣстѣ съ нами покинули Казанлыкъ всѣ почти болгары, не успѣвшіе еще бѣжать, или не терявшіе надежду, что мы не отдадимъ въ руки непріятеля ихъ города. Знакомыя монахини казанлыкскаго монастыря вмѣстѣ съ нами покинули свою обитель; онѣ спасались не только сами, но спасали цѣлую кучу дѣтей. Весь экипажъ, въ которомъ онѣ сидѣли, былъ переполненъ дѣтьми; на рукахъ, на колѣняхъ, на днѣ экипажа, всюду показывались дѣтскія головы. Всѣ эти дѣти были буквально подобраны на дорогѣ, всѣ они были оставлены ихъ несчастными родителями. Крупныя слезы падали изъ глазъ этихъ женщинъ, и эти слезы составляли какой-то горькій контрастъ съ беззаботнымъ смѣхомъ брошенныхъ дѣтей, этихъ круглыхъ сиротъ при живыхъ родителяхъ. Такъ увѣрены были эти монахини до конца своихъ дней дожить въ скромномъ монастырѣ — и что же? Теперь онѣ должны были бѣжать, искать себѣ гдѣ-нибудь убѣжища, спасаться отъ насилія, отъ ножа, ятагана, свинца. Куда онѣ дѣнутъ дѣтей, чѣмъ будутъ кормить ихъ, онѣ приняли на себя тяжкую ношу, но что̀ было дѣлать? неужели оставлять умирать ихъ. И не однѣ женщины сжалились надъ брошенными малютками. Сердце русскаго солдата не уступало имъ въ добротѣ. Не было ни одного артиллерійскаго ящика, не было лафета, на которомъ не торчали бы ребятишки. Ихъ подбирали, сажали гдѣ только могли и везли. Что̀ сталось со всѣми этими дѣтьми впослѣдствіи — лучше ужъ и не задаваться такимъ мрачнымъ вопросомъ. Девять-десятыхъ изъ нихъ, если не больше, безъ сомнѣнія, погибли. Но кто могъ думать въ ту минуту о будущемъ, настоящее было такъ страшно, что оно поглощало всѣ умы. Что̀ ни говори, а слово «погибаетъ» куда грознѣе слова «погибнетъ», и это-то слово заставляло выходить наружу глубокую сердечность русскаго простого народа. Черты этой врожденной гуманности

сказывались на каждомъ шагу, ихъ можно было бы привести десятками, но мнѣ хочется передать одинъ только случай, наиболѣе рельефно говорившій объ этой сердечности. Вижу я, идетъ себѣ солдатъ вмѣстѣ со всѣми остальными, въ одной рукѣ держитъ свое ружье, а другою поддерживаетъ ребенка, обхватившаго его шею обѣими ручонками. Я приблизился къ нему и сталъ разспрашивать, чей ребенокъ, кто ему передалъ его, куда онъ несетъ его и что съ нимъ будетъ дѣлать.

— Да кто его знаетъ,—отвѣчалъ добродушно солдатъ,—чей онъ! Иду я себѣ вчера съ поля, вышелъ на дорогу, вижу лежитъ мальчуганъ вотъ въ этой самой одеждѣ и все кричитъ. Я подошелъ, смотрю кругомъ никого нѣтъ, должно быть, потеряли его. Какъ тутъ быть? оставить его—грѣхъ, хоть онъ и маленькій, а все христіанская душа. Поднялъ я его и понесъ. Возьму, думаю, его съ собой, кто знаетъ, авось, Господь приведетъ домой съ нимъ вернуться. Вотъ, тогда и сдѣлаю изъ «братушки» русскаго.

— Да какъ же ты его донесешь, вѣдь, въ строю-то нельзя съ ребенкомъ носиться?

— Какъ ужъ тамъ будетъ—я не знаю! Можетъ, Господь и поможетъ!

Идетъ себѣ солдатъ и бодро шагаетъ съ своей новой ношей. Нѣтъ почти сомнѣнія, что скоро онъ долженъ былъ разстаться съ поднятымъ и усыновленнымъ имъ ребенкомъ, и самъ онъ, и ребенокъ давно, можетъ быть, погибли, осталось только еще одно доказательство теплоты и сердечности русскаго народа. Правда и то,—никогда, я думаю, не представлялось такъ много случаевъ, гдѣ сердечная доброта должна была сказываться со всею силою. Несчастье кругомъ разлилось точно безбрежное море. Не одни бѣжавшіе жители Казанлыка составляли печальный эскортъ нашего отряда. Тысячи семействъ бѣжали изъ долинъ Тунджи и Марицы, бѣжали въ испугѣ, побросавъ свои дома, свое имущество, накопленное многими годами труда, спасались безъ всякихъ пожитковъ, часто безъ хлѣба, обрекая себя, не думая о томъ, на голодную смерть. Страхъ передъ турками сравнивалъ богатыхъ и бѣдныхъ. Вчера богатый, онъ бѣжалъ въ чемъ былъ, въ одной одеждѣ, отдавая въ жертву турецкой мести всѣ свои богатства. Онъ думалъ только о спасеніи своей жизни. Я знаю такой случай. Въ Эски-Загрѣ проживалъ одинъ богатый болгаринъ, принимавшій въ своемъ домѣ всѣ русскія власти. Онъ не жалѣлъ денегъ, чтобы показать, что болгары умѣютъ цѣнить жертвы, приносимыя русскимъ народомъ. Все было къ услугамъ русскихъ. Прошло нѣсколько дней, появились войска Сулейманъ-

паши, разбить русскій отрядъ, и этотъ богатый болгаринъ бѣжалъ изъ родного города, бѣжалъ, не успѣвъ захватить съ собой даже самыхъ жалкихъ крохъ изъ всѣхъ его богатствъ. Онъ превратился въ нищаго, не вѣдающаго, чѣмъ онъ будетъ питаться завтра.

Куда шла эта несчастная толпа, о чемъ она думала, никто не могъ сказать. Вѣрнѣе всего, она ни о чемъ не думала: испугъ, страхъ парализировалъ ея сознаніе. Одни были болѣе счастливы, чѣмъ другіе, они успѣли захватить съ собою коекакой скарбъ; были тутъ различныя тряпки, домашняя утварь, но того, чѣмъ могли они питаться, хлѣба, припасли себѣ слишкомъ немногіе. Трудно дать вѣрную картину этого бѣгства. Представьте себѣ пожаръ, грозное пламя охватило не одинъ какой-нибудь домъ, нѣтъ, цѣлый городъ. Спасенія нѣтъ, нужно бѣжать отъ этого всепожирающаго огня. Въ страшномъ смятеніи люди бросаются изъ своихъ домовъ, стараются спасти самыя драгоцѣнныя свои вещи, но спокойствіе исчезло, умъ помрачился, они хватаютъ первую попавшуюся ненужную и ничего не стоющую вещь, и бѣгутъ, думая, что несутъ драгоцѣнности. Страхъ обуялъ ихъ, они ничего не видятъ, ничего не слышатъ, ничего не сознаютъ. Передъ ихъ глазами только одно—пламя, какъ передъ глазами этого несчастнаго населенія—безпощадный турецкій ножъ. Кто видѣлъ картину Брюллова «Послѣдній день Помпеи», кто помнитъ эти лица, живыя воплощенія чувства ужаса, окаменѣлаго испуга, тотъ пусть вызоветъ ее въ своей памяти. Тѣ же лица, тотъ же ужасъ всю дорогу были нашими спутниками.

Если вся эта картина въ ея цѣломъ производила на всякаго угнетающее впечатлѣніе, то отдѣльныя ея части, вырванныя изъ нея клочки такъ больно щемили ваше сердце, что вамъ становилось просто невыносимо. Вглядитесь въ одну изъ группъ этой мучительной по своему трагизму картины, въ эту спасающуюся отъ смерти семью, и тогда вамъ сдѣлаются понятны вынесенныя страданія десятковъ,—нѣтъ, сотенъ тысячъ болгарскаго народа. Семья эта, точно я вижу ее передъ глазами, состоитъ изъ мужа, жены и семерыхъ дѣтей, одинъ другого меньше. Мужъ ведетъ ослика, на которомъ навьюченъ домашній скарбъ, на него взобралась дѣвочка лѣтъ пяти и обѣими ручонками цѣпляется за палку впереди вьюка. Лицо этого человѣка такое, какое бываетъ только у несчастнаго, пришибленнаго тяжелымъ горемъ; безсмысленно смотритъ онъ впередъ, точно никого не видитъ и не слышитъ. Рядомъ съ нимъ двое дѣтей, жалкихъ, уже оборванныхъ,

еле передвигающихъ своими ножонками; они измучены длиннымъ путемъ, не по силамъ имъ идти десятки верстъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ идетъ за ними женщина. Я вовсе не имѣю намѣренія усиливать красокъ, но какъ не сказать, что видъ этой женщины былъ, по-истинѣ, ужасенъ. Она не выплакала еще всѣхъ своихъ слезъ, но глаза ея впали, волосы торчатъ клочьями изъ-подъ какой-то тряпки, она изнемогаетъ отъ усталости, да и не мудрено: она превратилась въ вьючное животное — троихъ дѣтей она несетъ на себѣ. Одинъ ребенокъ виситъ на ея спинѣ, обхвативъ ея шею, другой привязанъ какъ-то на груди, третьяго она поддерживаетъ одною рукою, и, наконецъ, за платье ея хватается ребенокъ лѣтъ четырехъ, горько обливающійся слезами. Онъ не идетъ, онъ бѣжитъ за матерью; но она не видитъ, не замѣчаетъ его слезъ... Вглядываясь въ эту семью, въ эту жалкую мать, въ эту кучу дѣтей, для меня сдѣлался понятенъ возмущающій, повидимому, фактъ—оставленія дѣтей на большой дорогѣ. Выбьется изъ силъ эта женщина, утратитъ возможность нести на себѣ троихъ дѣтей, съѣденъ будетъ послѣдній захваченный съ собою кусокъ хлѣба, чтó тогда дѣлать? А между тѣмъ нужно идти впередъ, страхъ гонитъ дальше и дальше, чтó же ей больше остается? жертвуя однимъ, двумя, она спасаетъ другихъ. Были, впрочемъ, случаи и болѣе ужасные, чѣмъ оставленіе дѣтей на большой дорогѣ. Матери бросали своихъ родныхъ дѣтей, грудныхъ младенцевъ въ кручу, отъ страха подвергнуть ихъ истязаніямъ ихъ гонителей.

Чѣмъ дальше двигались мы впередъ, тѣмъ все становилось гуще бѣгущее населеніе. Долина розъ превратилась въ долину стенаній и воплей, провожавшихъ насъ до самой Шипки. Тамъ, дальше, за Балканами, казалось, намъ не придется больше быть свидѣтелями тѣхъ сценъ, которыя минутами заставляли проклинать начатую войну, раздувшую еще болѣе дикую злобу фанатиковъ, минутами заставлявшія еще болѣе сильно желать войны, войны до конца, войны до изгнанія турокъ изъ Европы, минутами, наконецъ, заставлявшія думать только объ одномъ: какъ бы уйти, убѣжать отъ этихъ сценъ, какъ бы забыть, что видѣлъ ихъ на яву, а не во снѣ. Но мы ошибались, думая, что за Балканами мы не встрѣтимся болѣе съ голодомъ, слезами, стонами спасающагося бѣгствомъ болгарскаго населенія.

Два-три часа поднимались мы на высоты Шипки. Вся долина Тунджи была подъ ногами, и все, чтò охватывалъ собою глазъ,—все было покрыто сплошною массою несчастнаго народа, гонимаго страхомъ передъ турецкою местью. Съ самой вершины

Шипки видъ внизъ на уступы высотъ представлялъ собою такую необычайную картину, что вы съ трудомъ могли себѣ отдать отчетъ въ томъ впечатлѣніи, которое она производила. Одно несомнѣнно — щемящая тоска овладѣвала вашею душою. Отъ подошвы до вершины Шипки не было пустого клочка земли. Десятки тысячъ болгаръ переваливали черезъ Балканы и, казалось, что движутся не отдѣльные люди, а сами высоты. Не знаю, съ чѣмъ и сравнить эту людскую громадную волну, чтобы дать хотя приблизительное понятіе о развернувшейся передъ нами картинѣ. Точно страшный, колоссальный муравейникъ усѣявалъ всѣ высоты, съ верху до низу, и, глядя на эту безпросвѣтную толпу, какъ было не думать о той безысходно-горькой участи, которая ждала ихъ въ ближайшемъ будущемъ. Если теперь, едва покинувъ свои жилища, они оставались безъ хлѣба, если теперь уже голодъ заставлялъ плакать не только дѣтей, но и взрослыхъ, то что же предстояло имъ впереди! А что голодъ давалъ уже себя чувствовать, въ этомъ мы слишкомъ скоро должны были убѣдиться.

Взобравшись на высоты, снабженныя турецкими орудіями, мы нашли здѣсь нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ. Питаясь послѣдніе дни чернымъ прокислымъ хлѣбомъ, да овечьимъ сыромъ, когда еще его находили, мы съ радостью приняли предложеніе раздѣлить скромный, но въ то время казавшійся намъ роскошнымъ, обѣдъ артиллеристовъ. Намъ принесли баранину, нѣсколько хлѣбовъ, но не успѣли мы приступить къ обѣду, какъ перекочевывавшіе болгары, и притомъ исключительно женщины и дѣти, густою толпою обступили нашу палатку. Не нужно было спрашивать, чего они просили! Плачъ дѣтей, молящіе взгляды матерей давали вполнѣ ясный отвѣтъ. Голодные, они просили куска хлѣба. Едва разрѣзали два хлѣба и роздали по куску дѣтямъ, какъ толпа вокругъ палатки стала увеличиваться и среди этой толпы слышалось одно только слово: хлѣба! Долго не переставали подходить несчастные, но—увы!—хлѣба не было больше! Они уходили, со слезами на глазахъ и тяжелыми вздохами!

Шипка была крайнимъ предѣломъ нашего отступленія. Всѣ прекрасно и тогда понимали, что уступить ее, значитъ, почти что признать себя побѣжденными и снова перебраться на ту сторону Дуная. Очевидно, этого никто не допускалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, глядя на страшныя высоты, мало кому могла придти въ голову мысль, что турки отважутся вытѣснять насъ съ этой позиціи.

— Здѣсь мы какъ у Христа за пазухой!—говорилъ мнѣ

одинъ артиллерійскій офицеръ:—пусть турки попробують отнять у насъ Шипку, они убѣдятся тогда, что мы умѣемъ отстаивать такія позиціи лучше, нежели они. Я и до сихъ поръ не могу понять, какъ могли они уступить Шипку, особенно когда я думаю, ка́къ, сравнительно, мало стоила она намъ жертвъ. Да они, впрочемъ, и не сунутся.

Таково было въ то время почти всеобщее мнѣніе, но близкое будущее показало, что всѣ ошибались — турки, возбужденные своимъ успѣхомъ, скоро съ энергіею набросились на высоты, и нужна была по-истинѣ геройская оборона, чтобы заставить Сулейманъ-пашу, по выраженію одного военнаго, разбить себѣ лобъ о Шибку.

Не считая аттаку Шипки возможною, увѣренные, что съ этой стороны, т.-е. по ту сторону Балканъ, наступитъ періодъ остановки, затишья, всѣ, кто только могъ, всѣ спѣшили покинуть непривѣтливыя высоты и возвратиться въ Тырново, мѣстопребываніе главной квартиры. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ на высотахъ, мы стали спускаться по направленію къ Габрову. Спускъ съ вершины до подножья былъ прекрасно разработанъ нашими саперами, широкая дорога пролегала тамъ, гдѣ нѣсколько времени тому назадъ извивалась сравнительно узкая тропа. Но вся дорога была буквально загромождена. Безконечные обозы спускались внизъ, и, смотря на это передвиженіе, невольно приходилось задаваться вопросомъ:

— Да куда же все это направляется, неужели мы отступаемъ еще дальше, возможно ли, что въ главной квартирѣ рѣшено оставить шипкинскія высоты?

Повидимому, это передвиженіе было случайное, но оно несчастнымъ образомъ совпадало съ нашимъ отступленіемъ изъ долины Тунджи, и потому среди бѣжавшаго населенія вызывало еще бо́льшую панику. Оно бѣжало дальше и дальше, боясь останавливаться даже для необходимаго отдыха,—этимъ несчастнымъ казалось, что врагъ преслѣдуетъ ихъ по пятамъ. Масса бѣгущаго населенія была такъ велика, что едва можно было двигаться шагомъ, да и то приходилось чуть не на каждомъ шагу останавливаться, изъ опасенія не наѣхать на едва виднаго отъ земли ребенка или дряхлую старуху, слѣдовавшую за своею семьею.

Болгары смотрѣли на насъ, и, къ чему скрывать, на многихъ лицахъ не трудно было прочесть укоръ, обращенный къ намъ, русскимъ.

— Вы пришли насъ спасать, и вотъ что́ вы сдѣлали съ нами!

Если бы не вы, мы, можетъ быть, преспокойно дожили бы нашъ вѣкъ въ нашихъ селахъ, а теперь... сколько погибло уже и сколько погибнетъ еще!

Если такую мысль и можно было прочесть въ ихъ глазахъ, то кто рѣшится бросить въ нихъ за нее камнемъ, кто рѣшится обвинить ихъ въ неблагодарности. Чаша страданій ихъ переполнилась, они знали только настоящее, въ этомъ настоящемъ они не видѣли ничего, кромѣ безпримѣрнаго несчастія.

Но если ни на секунду въ головѣ не являлась мысль винить болгаръ за эти нѣмые упреки, то они тѣмъ не менѣе производили тяжелое впечатлѣніе, на душѣ поднималось чувство досады, злобы, но не противъ болгаръ, а противъ насъ самихъ. Не поступай мы такъ легкомысленно при началѣ войны, не будь всѣхъ тѣхъ недочетовъ, которые оказались въ военной организаціи, мы не сдѣлались бы тогда невольною причиною невѣроятныхъ бѣдствій болгарскаго населенія. Теперь же эти нѣмые укоры, отрывистыя жалобы болгаръ не могли болѣзненно не затрогивать вашего чувства.

Шипка была уже позади, мы выѣхали на габровскую дорогу, а толпа невольныхъ переселенцевъ все не уменьшалась.

— Куда, наконецъ, они идутъ, гдѣ они остановятся?—слышался вопросъ; но какъ было на него отвѣчать, когда не знали того даже тѣ, которые перекочевывали.

— Турокъ нѣтъ, не бойтесь, остановитесь, Шипку мы не оставимъ!—приходилось говорить болгарамъ.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они шли впередъ, не обращая никакого вниманія на наши слова, и только разъ изъ толпы, на эти увѣщанія, послышался суровый, лаконическій отвѣтъ:

— Да, все не бойтесь!

Трудно передать, какъ тяжело отозвались въ насъ эти слова. Долго еще потомъ въ ушахъ раздавалось: «да, все не бойтесь». Страшно должна была наболѣть душа у того болгарина, у котораго вырвался этотъ суровый отвѣтъ. Въ этихъ словахъ сказывалось то, чтó думали многіе, а думали они въ то суровое время обидную думу: «вамъ чтó, вы какъ пришли, такъ и ушли, а мы!» Они, погруженные въ свое несчастіе, забывали, что и наши ряды рѣдѣли, что и русской крови было уже пролито не мало.

Подъѣзжая къ Габрову, мы увидѣли на большомъ полѣ точно громадный цыганскій таборъ. Нѣсколько сотъ семействъ рѣшились здѣсь остановиться и выжидать, пока судьба сжалится надъ ними. Они были безъ крова, безъ всякихъ средствъ къ пропи-

танію, безъ теплой одежды. А ночи становились все холоднѣе. Страшно подумать, сколько дѣтей было схоронено на этомъ полѣ. Въ самомъ Габровѣ было не лучше. Главная улица, по которой мы проѣзжали, была запружена бѣжавшимъ изъ-за Балканъ населеніемъ. На каждой ступенькѣ каждаго дома сидѣли женщины, ребятишки, по всему городу стоялъ какой-то гулъ. Здѣсь впервые я увидѣлъ болгаръ, протягивавшихъ руку, прося милостыни.

Въ Габровѣ окончилась эта мрачная картина болгарскаго бѣгства. Дальше попадались отдѣльныя группы, изъ двухъ-трехъ семействъ, переселявшихся въ придунайскую Болгарію, но бѣгство не имѣло больше такого повальнаго характера. Впервые, казалось, послѣ нѣсколькихъ дней, можно было вздохнуть свободно.

Повидимому, было совершенно очевидно, что мы не можемъ оставаться равнодушными зрителями этихъ страшныхъ бѣдствій освобождаемаго нами народа, мы должны были явиться ему на помощь и чѣмъ-либо облегчить его положеніе въ эти тяжелые дни кризиса. Это понимали весьма многіе, и только одинъ вопросъ приводилъ въ смущеніе: чѣмъ мы можемъ помочь, какія у насъ средства, чтобы организовать сколько-нибудь правильно помощь? Гражданское управленіе Болгаріи, казалось, должно было дать отвѣтъ на эти заботы. Ему представлялась теперь возможность принести дѣйствительную пользу, пріобрѣсти заслуженную популярность, заняться настоящимъ дѣломъ, вмѣсто того, чтобы размѣщать губернаторовъ въ незанятыхъ нами городахъ да спѣшить на практикѣ доказывать болгарамъ, что самымъ могущественнымъ средствомъ нашей системы управленія служитъ не что иное, какъ нагайка. Весь вопросъ заключался только въ томъ, захочетъ ли гражданское управленіе заниматься такимъ «пустымъ» дѣломъ, какъ спасеніемъ десятковъ тысячъ населенія отъ голодной смерти, и если захочетъ, то съумѣетъ ли оно надлежащимъ образомъ взяться за него. За такое опасеніе нельзя было особенно винить себя, въ особенности тому, кто имѣлъ уже случай нѣсколько ознакомиться съ характеромъ и образомъ дѣйствій гражданскаго управленія, задавшимся мыслію облагодѣтельствовать болгаръ великими преобразованіями. Всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ должны были разсѣяться съ возвращеніемъ въ Тырново, гдѣ пока еще сосредоточивались всѣ нити гражданскаго управленія Болгаріи.

Трудно представить себѣ что-либо болѣе поразительное, чѣмъ та быстрота, съ которою совершается въ военное время перемѣна отъ самаго высокаго настроенія къ полному упадку духа.

Довольно одной, самой незначущей побѣды, чтобы вознестись за облака, достаточно перваго пораженія, чтобы въ сердца людей закралось самое недостойное малодушіе. Точно отъ самой высокой до самой низкой ноты въ гаммѣ не существуетъ среднихъ нотъ. Такая черта должна была броситься въ глаза каждому, кто въ то время возвращался въ Тырново послѣ самаго коротваго отсутствія, продолжавшагося десять дней или двѣ недѣли.

Я оставилъ Тырново веселымъ, беззаботнымъ, праздничнымъ, а встрѣтилъ его теперь унылымъ, мрачнымъ, встревоженнымъ. Не гремѣла больше военная музыка, по вечерамъ у маркитантовъ не собирались больше веселыя компаніи, не пѣнилось французское вино, не видно было больше беззаботной, довольной собою молодежи. Вездѣ было какъ-то пусто, весь блескъ исчезъ, все стало скромно, точно опустили всѣ головы, и, вмѣсто игривыхъ разговоровъ, вмѣсто споровъ о наградахъ, полученныхъ или неполученныхъ, всюду слышалась серьёзная рѣчь и слово «Россія» чаще раздавалось въ воздухѣ. Что же случилось? Отступленіе ли наше за Балканами вызвало эту разительную перемѣну? Нѣтъ, о немъ почти никто еще не зналъ. Случилось тѣмъ бо̀льшее несчастіе, чѣмъ менѣе къ нему кто-либо былъ приготовленъ, случилась вторая Плевна, стоившая русскому народу до десяти тысячъ преданныхъ ему сыновъ и такъ неожиданно разстроившая не нашъ планъ,—нѣтъ, но всѣ наши планы.

Серьёзность настроенія была бы вполнѣ естественна, но это была не серьёзность, а какая-то приниженность, обидное малодушіе.

— Что̀ правда, турки двигаются на Тырново, если мы выступаемъ?

— Вы слышали, турки грозятъ намъ изъ Османъ-Базара.

— Во всемъ виноватъ Левицкій! это онъ... и т. д.

— Какъ вы думаете, турки не отрѣжутъ намъ путь къ отступленію.

— Все дѣло погубилъ Крюднеръ, если бы не онъ...

Только подобныя фразы и приходилось слышать на каждомъ шагу. Затѣмъ начиналась критика, страстная, неудержимая всего военнаго устройства, и тѣ, которые находили, что tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles, теперь утверждали, что нѣтъ ни единаго годнаго винтика во всемъ общественномъ механизмѣ.

Сло̀ва нѣтъ, это пессимистическое настроеніе давно исчезло, оно сгладилось громкими побѣдами, блистательнымъ исходомъ войны и превратилось по-прежнему въ самое высокое и радуж-

ное; но, правду сказать, было бы во сто кратъ лучше, если бы въ тяжелыя времена мы сохраняли больше спокойствія, твердости, но за то въ побѣдные дни не убаюкивали себя сладкими мечтаніями, что все у насъ совершенно и мы не нуждаемся ни въ какихъ цѣлебныхъ средствахъ.

Это унылое настроеніе, этотъ упадокъ духа, эта быстрая перемѣна въ отношеніи къ туркамъ, вчера еще несправедливо вызывавшимъ презрительную улыбку, сегодня преобразившимся вовсе безъ основанія чуть не въ сказочныхъ героевъ, производили самое невыгодное впечатлѣніе. Оно было тѣмъ болѣе обидно, что наше настроеніе вполнѣ естественно передавалось населенію, понурившему теперь свои головы. Весь городъ, всѣ жители представляли въ эти тревожные дни яркую противоположность тому, что было всего какихъ-нибудь десять дней назадъ. Давно ли, кажется, наши войска съ такимъ торжествомъ вступали въ древнюю столицу Болгаріи; тогда все ликовало, было охвачено какимъ-то восторгомъ, всюду гремѣла музыка, цвѣты падали къ ногамъ побѣдителей, начиная отъ главныхъ начальниковъ и кончая простымъ солдатомъ, всѣ улыбались, чувствовали себя на верху блаженства. Теперь всѣ объяты ужасомъ, всѣ трепещутъ, у всѣхъ на умѣ только одинъ вопросъ: что̀ будетъ съ нами, когда вы совсѣмъ уйдете, что̀ ждетъ насъ впереди, если турки захватятъ Тырново? Отвѣтъ былъ готовъ — наступятъ дни страшнаго разгрома, дома наши будутъ сожжены и кровь польется широкой рѣкой!

На лицахъ тырновскихъ жителей можно было прочесть тотъ же затаенный укоръ, который мы прочли у тѣхъ, которые своими рыданіями и стонами провожали насъ отъ самаго Казанлыка вплоть до Габрова.

Такое мрачное настроеніе должно было неизбѣжно усилиться, если бы Тырнова и его окрестностей коснулась та волна, которая такъ неудержимо нахлынула изъ-за Балканъ. Вотъ почему слѣдовало ее остановить, а для того, чтобы остановить ея грозный приливъ, должны были быть приняты какія-нибудь мѣры. На всемъ пути отъ Шипки до Тырнова было множество покинутыхъ турецкихъ деревень, и эти деревни могли пріютить въ себѣ бѣжавшее населеніе. Но, прежде всего, оно нуждалось въ одномъ — въ хлѣбѣ, чтобы ко всѣмъ ужасамъ войны не прибавился еще ужасъ голодной смерти. Что̀ же, слѣдуетъ спросить, было сдѣлано гражданскимъ управленіемъ для облегченія страданій этихъ десятковъ тысячъ бѣжавшаго населенія? Принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ всецѣло зависѣло отъ гражданскаго гу-

бернатора Болгаріи, который долженъ былъ, кажется, сознавать, что посильная помощь, какъ бы ни была она мала, предписывалась не только чувствомъ человѣколюбія, но самыми элементарными политическими соображеніями. Являясь на помощь въ такую минуту, гражданское управленіе несомнѣнно гораздо болѣе расположило бы болгаръ и привязало ихъ къ Россіи, чѣмъ назначеніе никому не нужныхъ губернаторовъ, введеніе новыхъ порядковъ въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Казанлыкъ, гдѣ оно имѣло одинъ только результатъ—указать туркамъ на тѣхъ лицъ, на которыхъ по преимуществу должна была пасть ихъ всесильная месть. Многіе изъ лицъ, призванныхъ для управленія краемъ, повидимому ни во что считали привязанность народа къ нимъ, и полагали, что лучшее средство управленія — это желѣзная узда, и что отъ народа имъ ничего не нужно, кромѣ слѣпого повиновенія и покорности, основанной не на уваженіи, а на страхѣ. Какими же, позволительно задаться вопросомъ, высокими государственными соображеніями могло оправдывать гражданское управленіе свое безучастное отношеніе къ тѣмъ бѣдствіямъ болгарскаго населенія, которыя—разумѣется, противъ нашей воли—были вызваны все-таки отчасти нашею виною, т.-е. неуспѣхомъ перваго забалканскаго похода? [1]). Самое существенное возраженіе противъ такой помощи заключалось бы, конечно, въ двухъ словахъ: «нѣтъ денегъ!» Но такое возраженіе было бы, очевидно, несостоятельнымъ. Не говоря уже о томъ, что въ Болгаріи собирались различныя подати, десятины, пошлины, изъ которыхъ могла бы быть удовлетворена эта внезапная потребность — тѣмъ болѣе, что даже въ «проектѣ главныхъ основаній для устройства финансоваго управленія въ Болгаріи» предвидѣлись «тѣ но-

[1]) Читатель пойметъ, безъ сомнѣнія, тѣ мотивы, которые заставляютъ меня, въ виду смерти кн. Черкасскаго, отказаться отъ болѣе подробной оцѣнки его личной дѣятельности въ Болгаріи. Такая задача, потерявъ въ настоящее время всякую цѣлесообразность, была бы и несвоевременна, если даже и допустить, что князь Черкасскій принадлежитъ къ тѣмъ государственнымъ дѣятелямъ, которыхъ исторія не проходитъ молчаніемъ. Отказываясь отъ дальнѣйшаго разбора дѣятельности гражданскаго управленія, я не могу не сказать два слова по поводу статьи „одного изъ бывшихъ въ Болгаріи". Полемика плодотворна только тогда, когда она касается извѣстныхъ принциповъ, а не личныхъ воззрѣній того или другого автора. Вотъ почему я предпочитаю оставить безъ всякихъ возраженій все тó, чтó было высказано въ нѣкоторыхъ журналахъ не по поводу статей, а по поводу ихъ автора. Такіе пріемы не дѣлаютъ чести публицистамъ. Чтò же касается замѣчаній „одного изъ бывшихъ въ Болгаріи", то едва ли они требуютъ возраженій. Ни одно изъ выставленныхъ мною положеній авторъ не опровергаетъ. Выводы же, которые изъ нихъ дѣлаются, могутъ быть различны. Это зависитъ отъ личныхъ вкусовъ.

вые по внутреннему въ кázахъ управленію расходы, необходимость которыхъ можетъ вновь обнаружиться, независимо отъ расходовъ, производившихся при прежнемъ, турецкомъ правительствѣ» — но даже помимо этого, въ то время, когда русскій народъ жертвовалъ сотни милліоновъ для освобожденія Болгаріи, едва ли могло встрѣтиться серьёзное препятствіе употребить нѣсколько тысячъ рублей — для облегченія невыносимаго положенія бѣжавшаго населенія, хотя бы только въ первые дни.

Но не въ этомъ соображеніи заключалось главное возраженіе,—оно казалось слишкомъ мелкимъ. Соображенія были иного свойства, такъ-сказать, государственнаго характера.

— Мнѣ кажется, — отвѣчали мнѣ на мой разсказъ о бѣгствѣ несчастнаго народа, — что вы желаете, чтобы мы, вмѣсто того, чтобы управлять страною, предались филантропіи. Да, конечно, то, чтò вы передаете, все это очень грустно, — но чтò же мы можемъ дѣлать?

— Оказать помощь! — долженъ былъ отвѣчать я.

— То-есть явиться подстрекателями такого бѣгства? — если болгары узнають, что мы обезпечиваемъ ихъ существованіе, тогда не десятки, а сотни тысячъ бросятся бѣжать.

— Неужели вы полагаете, что тотъ кусокъ черназо хлѣба, который вы дадите голоднымъ людямъ, будетъ служить достаточной приманкой, чтобы заставить людей бросить свой кровъ, свое имущество,—чтобы вызвать такія явленія, какъ бросанье своихъ дѣтей въ кручу болгарскими матерями?

— Все это прекрасно, но это не наше дѣло: пусть этимъ занимается славянскій комитетъ,—почему онъ ничего не дѣлаетъ? у насъ другіе, болѣе важные государственные интересы, которымъ должны быть посвящены наши заботы.

— Но позвольте васъ спросить: не заключается ли государственный интересъ также и въ томъ, чтобы не заставлять населеніе—или, по крайней мѣрѣ, извѣстную его часть—проклинать наше появленіе въ этой странѣ?

— Да развѣ мы виноваты въ ихъ бѣгствѣ?—мы ихъ къ тому не приглашали.

— Что касается приглашенія, то объ этомъ можно, конечно, говорить ради шутки; а относительно того, кто виноватъ въ этомъ бѣгствѣ, то виноваты немножко и мы.

— Ну, это другой вопросъ; о томъ будетъ судить исторія!

— А до суда исторіи люди будутъ умирать съ голоду!

— Умирать съ голоду—это красивая фраза!

— Если бы однако вы дали себѣ трудъ проѣхаться отъ Га-

брова до Шипки, то, быть можетъ, вы согласились бы, что эта красивая фраза есть горькая истина!

— Если такъ, то пусть болгары сами помогаютъ,—они достаточно богаты: дай Богъ, чтобы наши крестьяне черезъ двѣсти лѣтъ были такъ богаты, какъ они,—пусть научаются помогать другъ другу! Гражданское управленіе создано не для филантропіи!

И опять пошли въ ходъ «государственныя соображенія», «высшіе интересы» и т. п. Въ этомъ родѣ болѣе нежели полчаса продолжался разговоръ. Я съ умысломъ привелъ изъ него небольшой отрывокъ, чтобы, съ одной стороны, показать, какая сухость, жесткость сердца и ума прикрывается подчасъ государственными соображеніями и идеями высшаго порядка, — а съ другой, чтобы сдѣлать нагляднымъ отношеніе къ болгарскому народу, а вмѣстѣ и къ нашей задачѣ среди южныхъ славянъ, даже такихъ людей, которые по преимуществу должны были бы заботиться о томъ, чтобы установить между нами и болгарами связь, основанную на прочной привязанности. Разговоръ же этотъ, я позабылъ сказать, происходилъ именно съ человѣкомъ, по преимуществу находившимся въ такомъ положеніи.

Чтобы быть справедливымъ, я долженъ прибавить, что хотя государственныя соображенія и состояли, повидимому, въ противорѣчіи съ помощью бѣгущему голодному населенію, тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ, представилась все-таки возможность согласить ихъ — и, вслѣдствіе этого, была послана, хотя и незначительная, но все-таки помощь забалканскимъ жителямъ, покинувшимъ свои жилища.

Представляя образчики такого отношенія къ болгарамъ, я весьма далекъ отъ мысли утверждать, чтобы тутъ было что-либо преднамѣренное, сознательное, чтобы мы систематически дурно относились къ болгарамъ. Вовсе нѣтъ. Весьма можетъ быть, что люди, разсуждавшіе такимъ образомъ, въ другихъ случаяхъ весьма энергично защищали болгаръ, отстаивали подчасъ горячо ихъ интересы, — все это весьма вѣроятно; я настаиваю только на одномъ: на отсутствіи опредѣленной системы, основанной на пониманіи нашей истинной задачи, которая заставляла бы неуклонно держаться извѣстнаго пути. Когда ея нѣтъ, тогда весьма серьёзные вопросы рѣшаются въ томъ или другомъ смыслѣ, смотря по расположенію духа. А между тѣмъ кто же не знаетъ, что нѣтъ ничего хуже въ жизни народа, когда главную роль въ ней играютъ слова: «tel est notre bon plaisir!» При такомъ условіи, никто не знаетъ, на какой ногѣ слѣдуетъ плясать: сегодня принимается одна мѣра, завтра—прямо противоположная; а по-

чему? вслѣдствіе какихъ причинъ?—объ этомъ не спрашивайте: «tel est notre bon plaisir». Вотъ въ чемъ, между прочимъ, коренился также залогъ неуспѣшности дѣйствій нашего гражданскаго управленія. Другая причина лежала въ весьма маломъ знакомствѣ, на чтò уже случалось указывать, не только съ настоящимъ, но и съ прошлымъ болгарскаго народа; но это незнаніе не было, конечно, удѣломъ одного гражданскаго управленія,—оно было почти всеобщимъ, и отзывалось тѣмъ болѣе вредно, что содѣйствовало установленію столько же неправильнаго, сколько и невыгоднаго мнѣнія о болгарахъ, и породило противъ нихъ цѣлый рядъ обвиненій, разбору которыхъ будетъ посвящена слѣдующая глава.

Какъ мы повторяли на каждомъ шагу: «болгары богаты, черезъ двѣсти лѣтъ русскій народъ не будетъ пользоваться такимъ благосостояніемъ»—и въ то же время не давали себѣ ни малѣйшаго труда разобрать, насколько завидно было это благосостояніе, такъ точно мы говорили: «болгары не расположены къ намъ—смотрите, какъ смотрятъ они на насъ исподлобья» и не нуждались больше ни въ какихъ объясненіяхъ. Послѣднюю фразу мнѣ пришлось часто слышать въ послѣдній день моего пребыванія въ Тырновѣ, когда болгары дѣйствительно были сумрачны, но за то, какой же это былъ и несчастный день. Ничто такъ не заразительно, какъ паника. Она летитъ на крыльяхъ. Не виноваты были жители Тырнова, что они поддались этому малодушному чувству: въ тѣ злопамятные дни оно охватило собою не однихъ болгаръ! Систовская паника послѣ второй Плевны служитъ тому лучшимъ доказательствомъ!

Тырновскіе болгары сдѣлались сумрачны и тревожны, когда по городу распространилась вѣсть, чтò главная квартира покидаетъ ихъ городъ. Двигайся она впередъ, они ликовали бы, но она дѣлала нѣсколько шаговъ назадъ, и ими овладѣвало чувство страха.

Этой вѣсти сначала никто не хотѣлъ вѣрить; не вѣрили русскіе, не вѣрили болгары. Правда, нѣсколько дней уже, тотчасъ послѣ второй Плевны, точно ниспосланный судьбою для того, чтобы пробудить насъ отъ сладкихъ грезъ, главнокомандующій покинулъ Тырново, но никто почти не ждалъ, чтобы главная квартира была выведена изъ древней столицы Болгаріи.

— Вы не слышали, это правда, что главная квартира получила приказаніе оставить Тырново.

— Говорятъ, что правда!

— Господи, что же это такое, какой стыдъ, позоръ, мы должны бѣжать отсюда.

— Полноте, какой тутъ стыдъ, развѣ не естественно, что главная квартира переносится въ то мѣсто, которое въ данную минуту представляется наиболѣе центральнымъ!

— Какая тутъ центральность, просто мы опасаемся, что турки отнимутъ Тырново!

Когда исчезла увѣренность въ свои силы, тогда никакія разсужденія не помогаютъ!

Тѣ же тревожныя сомнѣнія, тѣ же вопросы мучили и болгаръ.

— Покидаете насъ?—не то спрашивали, не то сдержанно упрекали они.

— Нѣтъ, не покидаемъ! у васъ остается генералъ Радецкій съ своимъ корпусомъ!

— А онъ не уйдетъ?

— Нѣтъ, не уйдетъ!

Но болгары плохо вѣрили въ то. Имъ мерещились уже пламя и кровь. Волненіе, безпокойство, отчаяніе достигли высшей степени, когда вѣсть о выступленіи главной квартиры сдѣлалась достовѣрною.

Многіе болгары приготовлялись бѣжать, нѣкоторые уже оставили городъ. У всѣхъ, и у болгаръ, и у большинства русскихъ лица вытянулись, всѣ со страхомъ смотрѣли на грядущія событія. При этомъ произошла оригинальная перемѣна роли. Тѣ, которые нѣсколько дней тому назадъ относились къ туркамъ съ полнымъ пренебреженіемъ и считали войну съ ними ничѣмъ инымъ какъ веселыми маневрами, тѣ теперь предались малодушному отчаянію и потеряли всякую вѣру въ нашу силу; тѣ же, которые ранѣе относились съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ нашему быстрому движенію впередъ и не довѣряли возвѣщенному совершенству нашей военной организаціи, тѣ, напротивъ, нимало не унывали и твердо уповали, что въ концѣ-концовъ своимъ мужествомъ, своимъ численнымъ превосходствомъ Россія восторжествуетъ надъ своимъ сравнительно слабымъ и малочисленнымъ противникомъ.

— Какъ можно такъ падать духомъ,—приходилось мнѣ слышать:—что же случилось такого особеннаго; да, безъ сомнѣнія, мы потерпѣли неудачи, они сбавятъ нѣсколько нашей самоувѣренности, они научатъ насъ только относиться съ большею серьёзностью къ такому дѣлу, какъ война, но развѣ можно считать дѣло проиграннымъ, развѣ можно говорить о возвращеніи за Дунай!

Такъ разсуждали «пессимисты».

— Хороши неудачи! вѣдь насъ тѣснять со всѣхъ сторонъ, два проигранныхъ сраженія подъ Плевной, за Балканами мы разбиты, не сегодня-завтра турки прижмутъ насъ въ Тырновѣ, и хорошо еще, если не отрѣжутъ отъ Дуная, а тогда что? Нѣтъ, это нельзя назвать неудачей, это зовется проигранной кампаніей, позоромъ!

Такъ думали и говорили «оптимисты».

Весь день прошелъ въ самомъ возбужденномъ состояніи. Всѣ укладывались, маркитанты складывали свои палатки, убирали стулья, столы, фургоны выдвинулись на первый планъ, и все это дѣлалось какъ-то украдкой, исподтишка, точно опасались, что кто-нибудь замѣтитъ, словомъ—эти сборы производили самое тяжелое впечатлѣніе. Такъ и чувствовалось, что не на радости, не добровольно покидаемъ мы городъ. Покажется гдѣ-нибудь болгаринъ, такъ и хочется отвернуться отъ него, чтобы не видѣть его глазъ,—обида, горечь, глубоко западала въ вашу душу. Выступленіе было назначено въ три часа ночи, и это позднее время, при общемъ мрачномъ настроеніи, давало еще болѣе чувствовать, что не добрыя причины заставляютъ насъ покидать Тырново.

— Вернемся сюда или нѣтъ, увидимъ еще разъ Тырново или навсегда съ нимъ разстаемся?—спрашивали другъ у друга, и въ этомъ вопросѣ звучала та же жалобная струна.

— Хоть бы поскорѣй ужъ выступить!—слышалось нѣсколько разъ,—а то жутко ужъ больно! — и это чувство испытывалось большинствомъ. Операція неизбѣжна, пусть по крайней мѣрѣ поскорѣй она будетъ окончена.

Ничто не утѣшало въ этотъ день. Провели довольно значительную партію плѣнныхъ, перевязанныхъ между собою веревкою, никто не бѣжитъ смотрѣть на нихъ, жители не высыпаютъ на улицу. Невольно закрадывается мысль: что въ этомъ проку! А у болгаръ была другая дума: другіе турки, другіе баши-бузуки, быть можетъ, войдутъ въ нашъ городъ и поступятъ съ нами такъ же, какъ поступили съ другими,—все выжгутъ, всѣхъ перерѣжутъ! Болгары не смотрятъ на плѣнныхъ, и связанныхъ теперь—они точно страшатся ихъ! Боже, какъ далеко то время, когда цвѣтами устилали путь вступавшему въ Тырново нашему войску.

Послѣдній вечеръ, послѣдніе часы ночи передъ выступленіемъ останутся навсегда, кажется, въ моей памяти. Куда ни обернешься, съ кѣмъ ни заговоришь, во всѣхъ и во всемъ вы читали зловѣщее слово — погромъ! Это слово звучало въ вашихъ ушахъ, оно больно заставляло сжиматься ваше сердце, оно преслѣдовало васъ, отъ него вы никуда не могли укрыться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

слово это вызывало наружу одно доброе чувство—никогда такъ сильно, какъ въ такія минуты, не сказывалась въ человѣкѣ безграничная любовь къ своей родинѣ. Забыты были всѣ личные помыслы, личныя побужденія, всѣ эгоистическіе интересы, — родина, народъ всецѣло наполняли собою сердца.

Около четырехъ часовъ ночи протрубили сигналъ выступленія. Въ городѣ была тишина, городское населеніе еще не пробудилось отъ сна,—минуя улицы точно тайкомъ, мы выступили изъ Тырнова. Нѣсколько человѣкъ болгаръ попались намъ на встрѣчу, но лучше было бы не встрѣчаться и съ ними въ эту памятную для всѣхъ насъ ночь!

Да! что говорить, мы переживали тогда тяжелые дни....

Евг. Утинъ.

КАРЕНИНА И ЛЕВИНЪ

Литературно-критическіе очерки.

Анна Каренина. Романъ въ восьми частяхъ. Гр. Льва Толстого. Москва, 1878.

Всѣмъ памятно то тяжелое испытаніе, которому подвергалась публика цѣлыхъ три года, когда послѣдній романъ графа Л. Н. Толстого то появлялся, то исчезалъ и снова показывался на страницахъ «Русскаго Вѣстника». Встрѣченный живымъ интересомъ и сочувствіемъ читателей, онъ въ этотъ долгій срокъ порождалъ между ними разнообразныя и нерѣдко противорѣчивыя впечатлѣнія, и интересъ не всегда одинаково сопровождалъ длинное развитіе обширнаго романа. Вниманіе иногда утомлялось, иногда возбуждалось снова, иногда терялось въ недоумѣніяхъ, иногда было вполнѣ увлечено прекрасными эпизодами романа. Трудно было опредѣлить, насколько такія противорѣчія были слѣдствіемъ отрывочнаго и медленнаго появленія романа, затруднявшаго единство и ясность впечатлѣнія читателя, или насколько они порождались самымъ свойствомъ произведенія автора. Только теперь, когда послѣднее является законченнымъ, наступила возможность для насъ провѣрить свои впечатлѣнія, противорѣчія которыхъ могли порождаться отрывочнымъ чтеніемъ отдѣльныхъ главъ романа, неполнымъ знакомствомъ съ его содержаніемъ, вліяніемъ отдѣльныхъ чертъ и проявленій характеровъ и лицъ; вѣрно понять все это возможно, только вглядѣвшись въ ихъ полный образъ, обрисовывающійся въ цѣломъ развитіи романа, среди всей роли, принадлежащей этимъ лицамъ, и всей обстановки, окружающей ихъ въ романѣ.

Мы приступаемъ къ попыткѣ уяснить значеніе и достоинство новаго произведенія графа Толстого, безъ всякихъ требованій,

которыя могли бы возникать не изъ содержанія самого произведенія автора, не изъ тѣхъ задачъ и цѣлей, которыя авторъ въ развитіи своего романа ставитъ и преслѣдуетъ самъ отъ себя. Такимъ образомъ, мы надѣемся измѣрять достоинство содержанія его произведенія, какъ и достоинство художественнаго выраженія этого содержанія, только тою мѣркою, какую даетъ намъ самъ авторъ. Мы готовы принимать отъ него все, что́ онъ намѣренъ дать намъ, и только оставляемъ за собою право указывать, насколько полученное нами соотвѣтствуетъ его же собственнымъ намѣреніямъ и цѣлямъ.

Если взглянуть на даръ, подносимый намъ авторомъ, съ внѣшней, количественной точки зрѣнія, весьма естественно представляющейся прежде всѣхъ другихъ, то нельзя не признать щедрости его. Авторъ обѣщалъ намъ въ своемъ произведеніи «Анна Каренина» одинъ романъ, а далъ—два. Параллельно съ романомъ, героиней котораго является Анна Каренина, развивается въ произведеніи автора, живетъ и даже переживаетъ первый—совсѣмъ другой романъ, героемъ котораго остается Константинъ Левинъ. Въ литературѣ, конечно, можно указать примѣры еще бо́льшей щедрости, можно припомнить, напримѣръ, многотомные и сложные романы XVII вѣка, извѣстные romans de longue haleine, но въ наше время читать всѣмъ болѣе или менѣе некогда, и хотя въ авторѣ «Анны Карениной» очень замѣтна благородная рѣшимость не потворствовать модѣ и ходячимъ современнымъ вкусамъ, все же вліяніе вѣка отражается, до нѣкоторой степени, и на вполнѣ самостоятельныхъ лицахъ, а потому авторъ ограничилъ свое произведеніе только восемью частями. Притомъ на всѣхъ не угодишь, и хотя романы de longue haleine находили въ свое время многочисленныхъ и благодарныхъ читателей, но нашелся также и брюзгливый философъ, который, по поводу подобныхъ произведеній, восклицалъ: Eh, mon Dieu, si vous avez de quoi faire deux romans, faites en deux, mais ne les melez pas pour les gater l'un l'autre!

Произведеніе графа Толстого извѣстно читателямъ, и мы постараемся здѣсь излагать его главное содержаніе не болѣе какъ настолько, насколько то необходимо для уясненія его значенія и впечатлѣній, порождаемыхъ имъ въ читателѣ, а также и для уясненія тѣхъ лицъ и характеровъ, которые представляетъ или желаетъ представить авторъ романа.

I.

Въ романѣ «Анна Каренина» авторъ представляетъ намъ коллизію семейныхъ обязанностей жены и матери — и потребностей любви, наслажденія и счастія женскаго сердца, неудовлетворенныхъ въ семьѣ и напрасно ищущихъ удовлетворенія внѣ ея, — коллизію, разрѣшающеюся катастрофой, самоубійствомъ женщины, посягнувшей на святыню семейной жизни.

Тэма, избранная авторомъ, несомнѣнно полна драматическихъ элементовъ и способна дать содержаніе значительному художественному произведенію. Выборъ ея художникомъ нашего времени, и особенно художникомъ русскимъ, объясняется вполнѣ множествомъ явленій современной, семейной русской жизни. Въ этомъ отношеніи совершенно несправедливы упреки, высказывавшіеся автору, за неновость и избитость тэмы его романа. Какъ ни разнообразна, кажется, область содержанія литературныхъ произведеній, въ сущности ея мотивы остаются не многосложными въ теченіи долгаго времени, даже многихъ вѣковъ, и дѣйствительное разнообразіе литературы представляется только въ способѣ обработки, въ сочетаніяхъ, въ новыхъ формахъ проявленія тѣхъ же мотивовъ. Любовь, честь, требованія человѣческой личности, противорѣчія и столкновенія послѣднихъ съ условіями и требованіями мірового порядка, съ общественными или историческими условіями и законами — вотъ давніе и вѣчно-возникающіе мотивы во множествѣ новыхъ и свѣжихъ сочетаній и образовъ, создаваемыхъ художниками. Творчество послѣднихъ имѣетъ тѣ же границы и ту же свободу, какія существуютъ и для творчества природы, въ предѣлахъ вѣчно-повторяющихся типовъ, порождающей безконечное разнообразіе индивидуальностей. Нельзя жаловаться на однообразіе ея творчества, если мы не встрѣчаемъ двухъ вполнѣ одинаковыхъ и сходныхъ лицъ, хотя всѣ лица слагаются все изъ одинаковыхъ частей, у всѣхъ лобъ, глаза, ротъ и т. д. Нельзя жаловаться на старость и избитость тэмы, избранной художникомъ, если она оживаетъ въ новыхъ образахъ, въ новыхъ отношеніяхъ, если произведеніе художника, освѣщая яркимъ свѣтомъ глубину ея, почерпаетъ изъ нея все то содержаніе, всѣ вопросы, положенія, столкновенія и разрѣшенія послѣднихъ, которые даютъ ей право на вниманіе и глубокое участіе современниковъ. Мы не понимаемъ, въ чемъ собственно состоитъ особенная прелесть и достоинство такъ-называемыхъ новыхъ тэмъ и мотивовъ произведеній искусства. Вспомнимъ, что величайшія

произведенія поэзіи и искусства воплощали тэмы, служившія предметомъ преданія, вѣрованія, созерцанія и мысли многихъ вѣковъ и цѣлыхъ народовъ. Повторяющаяся тэма въ произведеніи искусства свидѣтельствуетъ только о своей значительности и необходимости, а гоньба за новыми тэмами приводитъ здѣсь часто только къ искаженіямъ истины или природы жизненныхъ явленій, искаженіямъ, которыя могутъ заинтересовать своею странностію и загадачностію, но значеніе которыхъ не можетъ быть ни прочно, ни плодотворно. Въ произведеніи графа Толстого тэма повѣствованія, героемъ котораго является Константинъ Левинъ, пожалуй, гораздо новѣе и свѣжѣе тэмы романа «Анна Каренина», но, какъ мы постараемся объяснить далѣе, достоинство ея отъ этого нисколько невыростаетъ, и самому творчеству автора она служила не твердою и неблагопріятною почвою. Счастливый бракъ и нормальная семейная жизнь Левина, въ намѣреніи автора, сопоставлялись съ печальною судьбою семьи Карениныхъ, и должны были выяснять мысль цѣлаго романа, задуманнаго авторомъ; но послѣдній увлекся загадочностію проблемы, представшей ему въ образѣ Левина, проблемою, постороннею мысли цѣлаго произведенія, и исторія развитія причудъ, недоумѣній и умственнаго блужданія Левина сдѣлалась предметомъ особеннаго повѣствованія, сохраняющаго только слабую и внѣшнюю связь съ романомъ «Анна Каренина». Главы одного романа пересѣкаются въ произведеніи автора главами другого, но развитіе каждаго изъ нихъ идетъ своимъ чередомъ, безъ внутренней связи съ развитіемъ другого, нарушая единство произведенія автора и цѣльность производимаго имъ впечатлѣнія.

Первый романъ открывается непріятнымъ происшествіемъ въ семьѣ Облонскихъ. Степанъ Аркадьевичъ Облонскій, увлекшись гувернанткою своихъ дѣтей, преступилъ обязанности относительно своей супруги Долли и чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи. Ему было жаль жену, дѣтей и себя, и онъ даже нѣсколько терзается раскаяніемъ о томъ, что не умѣлъ скрыть отъ жены своего поступка. Не хорошо и тривіально! Во всякомъ случаѣ является нѣкоторое затрудненіе среди того ровнаго, спокойнаго, пріятнаго и удобнаго теченія жизни, которое необходимо Облонскому, какъ вода рыбѣ. Онъ, впрочемъ, уже смутно предчувствуетъ и надѣется, что все обойдется и образуется. Онъ находитъ, что «образуется»—хорошее словечко, и дѣйствительно все образовалось. Миръ семьи и пріятная жизнь Облонскаго приняли обычное теченіе, хотя тутъ и понадобилось легкое содѣйствіе сестры Облонскаго,

Анны Карениной, прибывшей изъ Петербурга въ Москву для возстановленія согласія между супругами.

Облонскій представленъ авторомъ съ необыкновенною отчетливостію, полнотою и послѣдовательностію. Степанъ Аркадьевичъ сохранитъ въ русской литературѣ мѣсто среди лучшихъ представленныхъ ею типическихъ образовъ. Съ образомъ Облонскаго у читателя отнынѣ будетъ соединяться отчетливое понятіе о цѣломъ разрядѣ счастливыхъ, благодушныхъ людей, цѣль и призваніе которыхъ заключается въ томъ, чтобы пріятно жить, и у которыхъ всѣ стремленія, взгляды, мнѣнія опредѣляются такимъ призваніемъ. Самыя достоинства такихъ людей, ихъ общительность, честность, ихъ незлобіе, также какъ и ихъ вкусы, опредѣляются тою же цѣлью. Они настолько равнодушны ко всему, постороннему ихъ существенной задачѣ, что ихъ ничто не смущаетъ и не озадачиваетъ въ жизни; они не встрѣчаютъ затрудненій и неразрѣшимыхъ противорѣчій, они знаютъ, что все это образуется для нихъ. Ихъ общественныя, политическія и даже религіозныя требованія, отношенія и мнѣнія,—все прилажено и приведено въ гармонію съ главною задачею, задачею—пріятно жить.

Семья Облонскихъ представляетъ образецъ семьи, зиждущейся на терпимости и снисхожденіи жены. Степанъ Аркадьевичъ ни въ чемъ существенно не измѣнился послѣ примиренія съ женою. Онъ по прежнему не мѣшалъ послѣдней возиться съ дѣтьми и съ хозяйствомъ, самъ онъ ласкалъ дѣтей и давалъ имъ конфекты, устраивалъ обѣды *диoтъ*, подносилъ подарки танцовщицамъ, дѣлалъ долги, но имѣлъ въ виду мѣсто съ хорошимъ вознагражденіемъ и продолжалъ жить очень пріятно. Между супругами не было счастія любви, но они проводятъ жизнь довольно ладно; у Долли сохранилась даже нѣкоторая снисходительная нѣжность къ отцу ея дѣтей, и семья, повидимому, существуетъ въ довольно сносныхъ условіяхъ. «И вотъ я живу—говоритъ Долли: — дѣти ростутъ, мужъ возвращается въ семью и чувствуетъ свою неправоту,—не всегда, но чувствуетъ, дѣлается чище, лучше, и я живу... я простила».

А что, еслибъ казусъ послѣдовалъ не со стороны Степана Аркадьевича, а со стороны Долли? Что сталось бы тогда съ семьею? Дѣти не сдѣлались ли бы заброшенными сиротами; сѣмена зла, недовѣрія и сомнѣнія въ отношеніи къ отцу и матери не были ли бы посѣяны уже въ душѣ ихъ съ раннихъ дней и не принесли ли бы своихъ плодовъ?

Самое всегда безоблачное чело Степана Аркадьевича сохра-

нило ли бы тогда вѣчную ясность и добродушную улыбку, и какова была бы судьба самой Долли, сохранившей семью и вмѣстѣ спасшей себя только своею терпимостью? Весь смыслъ семьи, вся ея возможность, все ея нравственное значеніе, не зависятъ ли отъ жены и матери, и разрушая ее, не губитъ ли женщина вмѣстѣ и цѣль собственной жизни, все свое значеніе? Въ чемъ, гдѣ и какъ она затѣмъ еще найдетъ свое призваніе, возможность новой жизни?

Подобные вопросы составляютъ содержаніе романа «Анна Каренина» и объясняютъ вниманіе и интересъ, съ которыми встрѣтили его читатели.

Анна Каренина оставляетъ въ Петербургѣ мужа и сына и пріѣзжаетъ въ Москву, чтобы возстановить миръ между братомъ своимъ Облонскимъ и его женою. Въ Москвѣ она встрѣчаетъ блестящаго гвардейца флигель-адъютанта, графа Вронскаго. Послѣдній, оставивъ въ Петербургѣ міръ сослуживцевъ и разныхъ дамъ полусвѣта, отдыхаетъ въ Москвѣ отъ своей роскошной и грубой петербургской жизни въ доброй и здоровой сферѣ семьи Щербацкихъ, гдѣ онъ любуется молодой княжной Кити и плѣняетъ собою ея молодое сердце, хотя и не имѣетъ намѣренія жениться. Анна Каренина на одномъ изъ московскихъ баловъ покоряетъ себѣ сердце Вронскаго и полагаетъ конецъ его отношенію къ Кити. Отчасти взволнованная и оживленная, отчасти смущенная своею побѣдою, Каренина, на другой день послѣ бала, спѣшитъ выѣхать въ Петербургъ къ мужу и сыну. Во время переѣзда, нервное, возбужденное настроеніе не покидаетъ Анну. Среди неясныхъ грезъ, осаждающихъ ее, она уже спрашиваетъ себя: это я сама или другая? На одной изъ станцій, среди мрака ночи и мятели, возлѣ нея является Вронскій, спѣшащій за нею въ Петербургъ. Въ мгновеніе ихъ встрѣчи онъ успѣваетъ сказать Аннѣ: я ѣду для того, чтобы быть тамъ, гдѣ вы, — я не могу иначе. Анна старалась отвѣчать холодно, но тщетно усиливалась придать строгое выраженіе своему лицу. Она чувствовала, что этотъ минутный разговоръ страшно сблизилъ ихъ. Она была испугана и счастлива этимъ. Въ Петербургѣ мужъ встрѣчаетъ жену на желѣзной дорогѣ, и встрѣча эта возбуждаетъ въ Аннѣ нерадостное чувство и недовольство собой.

Анна была свѣтская женщина, она посѣщала различные кружки петербургскаго свѣта, и между прочими кругъ, члены котораго думали, что презирали полусвѣтъ, но имѣли съ послѣднимъ не только сходные, но даже одни и тѣ же вкусы. По возвращеніи изъ Москвы, она особенно часто посѣщала послѣдній,

встрѣчая здѣсь Вронскаго. Волнуясь и радуясь этими встрѣчами, уже возбуждавшими толки въ свѣтѣ, она быстро сближается съ Вронскимъ. Не прошло и года со времени ихъ встрѣчи, а Анна уже вполнѣ принадлежитъ ему. Авторъ хочетъ ярко представить намъ униженіе Анны въ сценѣ ея паденія. Прости меня,—говоритъ она Вронскому... Но слова, вложенныя здѣсь авторомъ въ уста Анны, невозможны. Ихъ никогда не произнесетъ женщина, жертвующая своею гордостью любимому человѣку. Ихъ произноситъ не Анна, а мораль автора. Каково бы ни было сознаніе Анны о своей винѣ, не къ Вронскому могла быть обращена ея мольба о прощеніи. Жертвы могутъ прощать убійцъ, съ которыми авторъ сравниваетъ въ этой сценѣ Вронскаго, но не молятъ ихъ прощенія.

Но кто эта Анна? Чѣмъ вызываетъ она въ насъ большое участіе къ своей судьбѣ и къ своему паденію? Привели ли ее къ нему роковыя, неизбѣжныя условія среды, ее окружавшей, неудовлетворенныя и непреоборимыя потребности горячаго женственнаго сердца, непризнаннаго сокровища любви и преданности? Или, можетъ быть, въ этой душѣ крылись мрачныя, злыя, но могучія силы, энергія воли и себялюбивыхъ желаній. Эта Анна—падшій ангелъ, или злой демонъ? Покуда изъ указаній автора мы можемъ видѣть въ ней только прекраснаго мотылька, стремительно несущагося и падающаго въ завидѣнное имъ пламя. Анна уже восемь лѣтъ жена и мать, она умна среди свѣта и людей, въ ней не можетъ быть невѣдѣнія зла, людскихъ отношеній, семейныхъ и общественныхъ условій и обязанностей, а также и слѣдствія ихъ нарушенія. У этой жены и матери есть, конечно, крѣпкія связи съ близкими лицами, опредѣленныя цѣли установившейся жизни. Ея мужъ напоминаетъ ихъ ей, говоритъ о нихъ съ нею, но все напрасно. Со встрѣчи съ Вронскимъ мы не видимъ въ ней ни колебаній, ни сомнѣній. Она никогда не спрашиваетъ себя, куда приведетъ ее путь, на который она вступила. Въ этой женѣ и матери незамѣтно никакихъ признаковъ внутренней борьбы съ самой собою, если не называть такъ легкаго смущенія, на короткія мгновенія, овладѣвшаго ею во время сближенія ея съ Вронскимъ. Чѣмъ объяснить это, если не легкостью характера, которою Анна напоминаетъ своего брата Облонскаго. Ключъ къ разгадкѣ своего существа подаетъ сама Анна въ бесѣдахъ съ Долли о своемъ братѣ: «Я его сестра, я знаю его характеръ, эту способность все, все забыть (она сдѣлала жестъ предъ лбомъ), эту способность полнаго увлеченія, но за то и полнаго раскаянія». Читатель уже знаетъ глубину

какъ увлеченій, такъ и полнаго раскаянія Степана Аркадьевича. «Я не Стива—говорила Анна,—я ни на минуту даже не позволю сомнѣваться въ себѣ». Но въ ту же минуту, какъ она выговаривала эти слова, замѣчаетъ авторъ, она чувствовала, что они несправедливы. Чтобы понимать увлеченіе, паденіе, раскаяніе, поступки, страданія и даже самую смерть Анны, мы должны не забывать это легкомысліе, эту природу мотылька, эту родственную природу брата и сестры Облонскихъ, какъ бы ни истолковывалъ ее авторъ въ развитіи романа, въ какомъ бы трагическомъ освѣщеніи ни представлялъ онъ намъ жизнь и участь Анны. Восемь лѣтъ жизни Анны съ мужемъ не установили между ними крѣпкой, нравственной связи, хотя Каренинъ, насколько можно понять изъ разнообразныхъ и несогласованныхъ между собою чертъ, которыми обрисовываетъ авторъ лицо его, представляется человѣкомъ, нелишеннымъ многихъ достоинствъ, даже не дюжиннымъ человѣкомъ. Онъ уменъ, честенъ, дѣятеленъ, у него есть серьёзныя цѣли и интересы. Авторъ представляетъ въ немъ бюрократа, человѣка, который всегда чуждается жизни и имѣетъ только дѣло съ ея отраженіями, но вмѣстѣ и человѣкомъ, съ умственными интересами въ политикѣ, философіи, даже въ богословіи. Только поэзія и искусство были совершенно чужды ему. Этотъ бюрократъ и человѣкъ разсудка оказывался въ семьѣ сухимъ, холоднымъ человѣкомъ. Его вниманіе къ женѣ, его заботы о ней сопровождались шуткою, какъ будто они были не серьёзны, не искренни и не соотвѣтствовали его достоинству.

По крайней мѣрѣ, такъ понимала это Анна, и самъ авторъ въ началѣ романа не даетъ иного смысла отношенію Каренина къ женѣ. Въ отношеніи къ мужу, Анна испытывала часто чувство, похожее на состояніе притворства, но не замѣчала его,—говоритъ намъ авторъ. Только послѣ встрѣчи съ Вронскимъ и возвратившись въ Петербургъ, она ясно и больно сознала это чувство. Далѣе, въ развитіи романа мы узнаёмъ въ Каренинѣ человѣка не только съ сердцемъ, но способнаго къ великодушію, къ высокому самоотверженію, и мы въ правѣ думать, что его внѣшняя холодность и сухость были только сдержанностью сильнаго и спокойнаго чувства, хотя Анна, вышедшая замужъ за человѣка, котораго не любила и который былъ старѣе ее двадцатью годами, и не удовлетворялась такимъ чувствомъ. Самъ авторъ запутывается въ противорѣчіяхъ, говоря объ отношеніяхъ Каренина къ женѣ. Когда Каренинъ замѣтилъ впечатлѣніе, производимое въ свѣтѣ отношеніями между Анною и Вронскимъ, онъ рѣшилъ говорить объ этомъ съ женою, но приходилъ въ боль-

шое затрудненіе. «Онъ впервые живо представилъ себѣ ея личную жизнь, ея мысли, ея желанія... Переноситься мыслью и чувствомъ въ другое существо — было душевное дѣйствіе, чуждое Алексѣю Александровичу», говоритъ авторъ. «Когда Каренинъ началъ свое объясненіе съ женою, встрѣченное съ ея стороны намѣреннымъ, притворнымъ, хотя и вполнѣ правдоподобнымъ непониманіемъ, то для него—знавшаго, что всякія свои радости, веселье, горе, она тотчасъ сообщала ему—для него теперь видѣть, что она не хотѣла замѣчать его состояніе, что не хотѣла ни слова сказать о себѣ—означало многое. Онъ видѣлъ, что та глубина ея души, всегда прежде открытая передъ нимъ, была закрыта для него».

Какъ же прежде для Каренина могла быть всегда открыта глубина души Анны, когда онъ никогда не переносился мыслію и чувствомъ въ другое существо, когда только теперь впервые онъ представилъ себѣ ея личную жизнь? Не менѣе встрѣчается противорѣчія и въ другихъ чертахъ характеристики Каренина. Мы уже знаемъ отъ автора, что Каренинъ былъ бюрократъ, что всю жизнь свою «онъ прожилъ и проработалъ въ сферахъ служебныхъ, имѣющихъ дѣло съ отраженіями жизни. И каждый разъ, когда онъ сталкивался съ самою жизнью, онъ отстранялся отъ нея». Но мы узнаёмъ также отъ автора слѣдующее: «особенность Алексѣя Александровича какъ государственнаго человѣка... состояла въ ненависти, въ пренебреженіи даже къ бумажной оффиціальности и въ прямомъ, насколько возможно, отношеніи къ живому дѣлу». Нельзя сказать, чтобы образъ Каренина, рисуемый передъ нами нетвердою и колеблющеюся рукою, отчетливо и ясно выступалъ передъ нами и не возбуждалъ бы въ насъ весьма справедливыхъ недоумѣній. Да и для самого художника такой слабый и несвязный рисунокъ имѣлъ развѣ только ту выгоду, что онъ по своему произволу могъ измѣнять его первоначальныя черты на другія, совсѣмъ не напоминающія тѣхъ, которыми онъ намѣтилъ образъ Каренина при первомъ появленіи его въ воображеніи художника. Но каковъ бы ни былъ этотъ Каренинъ и какимъ бы ни представлялъ его авторъ, — вѣрно только тó, что жена не любила его, не цѣнила его и не признавала любви съ его стороны, или, по крайней мѣрѣ, все это ей казалось такъ тогда, когда Вронскій овладѣлъ ея сердцемъ. Послѣднему было не трудно вселить въ Аннѣ страсть къ себѣ: Вронскій былъ блестящій и изящный, очень богатый, умный и очень образованный человѣкъ, такъ какъ получилъ воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ. Сослуживцы его думали, что

изъ всѣхъ жизненныхъ интересовъ ближе всего принималъ онъ къ сердцу интересы полка и товарищества, и Вронскій поддерживалъ установившійся на него взглядъ. Кромѣ занятій службою и свѣтомъ, у Вронскаго было еще занятіе — лошади, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ. Эти интересы и цѣли жизни Вронскаго, какъ-то: полкъ, товарищество, лошади, вѣроятно, были понятнѣе Аннѣ, чѣмъ занятія мужа административными дѣлами, политикою, или наукою, и въ фантазіи свѣтской женщины окружали Вронскаго тѣмъ блескомъ, въ какомъ никогда не могъ представляться почтенный, но прозаическій образъ Алексѣя Александровича.

Но какъ ни важны всѣ эти достоинства Вронскаго, не они одни, конечно, приковали къ нему сердце Анны. Главнымъ для нея были—его страстная любовь, его преслѣдованія, его слова, что она и жизнь для него нераздѣльны. Въ немъ она видѣла тó, чего не находила или не могла найти въ теченіи всей своей восьмилѣтней, семейной жизни, — страсть, преданность, потребность жить только ею и для нея. Увлеченная Вронскимъ, Анна всѣмъ попыткамъ со стороны мужа вызвать ее на объясненія противопоставляла непроницаемую стѣну какого-то веселаго недоумѣнія. Авторъ винитъ Каренина, который чувствовалъ, что добротою, нѣжностью, убѣжденіемъ еще можно спасти ее, но говорилъ съ ней совсѣмъ не тó и не такимъ тономъ, какимъ хотѣлъ говорить, а своимъ обычнымъ тономъ подшучиванья. Но развѣ Каренинъ не сказалъ женѣ еще при первомъ объясненіи: «Я люблю тебя. Но я говорю не о себѣ: главныя лица тутъ— нашъ сынъ и ты сама». Что могъ сказать проще, сильнѣе, трогательнѣе и убѣдительнѣе мужъ женѣ и матери? Имѣли ли какой-нибудь смыслъ для Анны эти слова? Виноватъ ли Каренинъ, замкнувшійся въ самомъ себѣ и сохранившій способность только горькой шутки? Внѣшнія отношенія Алексѣя Александровича съ женою были такія же, какъ и прежде, но онъ былъ нѣсколько холоднѣе къ Аннѣ. Онъ сталъ холоденъ и къ сыну. Онъ весь отдался служебнымъ дѣламъ, не сознавая, что онъ самъ выдумывалъ себѣ эти дѣла, силясь заглушить свои страданія и терзающія его мысли. Онъ не хотѣлъ признаться, хотя и чувствовалъ, что онъ уже разбитъ въ дребезги.

Анна между тѣмъ, вполнѣ отдавшись Вронскому, не могла и не хотѣла думать о томъ, чтó она сдѣлала и чтó съ ней будетъ; она гнала мысль объ этомъ, твердя себѣ: «послѣ, послѣ»! Только страшные сны наводили на нее ужасъ, представляя ее женою двухъ мужей. Анна уже готовилась быть матерью ре-

бенка Вронскаго. «Сказать ли ему объ этомъ? Пойметъ ли онъ все значеніе этого событія?» думаетъ она, когда на дачѣ посѣщаетъ ее Вронскій, передъ скáчками, въ которыхъ онъ намѣренъ принять участіе,—и она сказала. Онъ поблѣднѣлъ и опустилъ голову, и Анна думала, что онъ понялъ. Вронскій же дѣйствительно понялъ, что теперь наступилъ кризисъ, что надо все объявить мужу и соединить жизнь Анны съ своею. «Но мужъ ни на что не согласится», думала Анна:—«и что-жъ? бѣжать и мнѣ сдѣлаться вашею любовницею?» со злобою спрашивала она. Вронскій не понималъ, кáкъ она со своею сильною, честною натурою могла переносить положеніе обмана и не желать выйти изъ него; онъ не догадывался, что главная причина этого былъ вопросъ о ея сынѣ, о разлукѣ съ нимъ, о положеніи своемъ безъ сына—и сына безъ матери. Вѣдь Алексѣй Александровичъ былъ, по словамъ Анны, до такой степени не-человѣкъ, такая злая машина, что, пожалуй, не пойметъ, кáкъ справедливо и необходимо поручить своего сына любовнику своей жены и подмѣнить послѣднимъ настоящаго отца! Влюбленнымъ свойственно ошибаться въ предметѣ ихъ любви, а потому конечно мы не должны удивляться, если Вронскій видитъ въ Аннѣ сильную натуру, которой мы не видали покуда и не увидимъ послѣ.

Не зная, въ чемъ искать развязки своего запутаннаго положенія, Анна просила никогда болѣе не говорить о томъ и все предоставить ей. Вронскій спѣшитъ на скачку. Разговоръ любящей четы не привелъ ни къ какому результату. Слѣдуетъ мастерская, живая картина скачекъ, памятная всѣмъ читателямъ. Чувства и волненія зрителей, скачущихъ всадниковъ и даже всѣ ощущенія, инстинктивныя влеченія и соображенія самихъ лошадей представлены здѣсь съ изумительнымъ искусствомъ, во всей полнотѣ художественной правды. Скачка кончилась несчастливо для Вронскаго: онъ упалъ вмѣстѣ съ погибшею лошадью. Крикъ ужаса вырвался изъ груди Анны, она потерялась и заметалась какъ пойманная птица. Испуганная и растерянная, она садится съ мужемъ въ карету. Въ минуту волненія, невольно вырвалось у нея признаніе мужу о своей связи съ Вронскимъ: «я люблю его, я его любовница... я боюсь, я ненавижу васъ», и она зарыдала. Алексѣй Александровичъ не пошевелился и не измѣнилъ прямого направленія взгляда; но все лицо его вдругъ приняло торжественную неподвижность мертваго, и выраженіе это не измѣнилось во все время ѣзды до дачи, куда мужъ проводилъ Анну. Эта короткая сцена ужасна своею правдивою простотою и горькимъ значеніемъ. Предъ нами мужъ, сраженный нѣскол-

кими словами жены, признаніемъ того, что онъ уже давно предчувствовалъ, чего невольно ждалъ. Все его прошедшее было обманъ, будущаго нѣтъ, всему конецъ,—предъ нами смерть, во всемъ ея ужасномъ торжествѣ. Слабою рукою и со слезами нанесенъ смертельный ударъ. Принявшій его еще лепечетъ что-то о приличіи, о своей чести, что-то такое, чего онъ, кажется, и самъ не понимаетъ, или, вѣрнѣе, чтó авторъ заставляетъ говорить его, но онъ убитъ. А художникъ, прекрасно представившій намъ эту сцену, спѣшитъ нарушить вызванное ею впечатлѣніе, толкованіемъ своимъ сообщая ей совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой она имѣла въ его изображеніи. Въ характерѣ Каренина, сообщаетъ онъ намъ, была особенная черта: онъ не могъ видѣть равнодушно слезъ ребенка и женщины, онъ терялся при видѣ ихъ, утрачивалъ способность соображенья. Когда Анна въ слезахъ выстрѣлила въ него своимъ признаніемъ, то зная это и зная, что выраженіе въ эту минуту его чувствъ было бы не соотвѣтственно его положенію, онъ старался удержать въ себѣ всякое проявленіе жизни, и потому не шевелился и не смотрѣлъ на нее. Отъ этого-то и происходило то странное выраженіе мертвенности на его лицѣ, которое такъ поразило Анну. Вотъ образецъ того, какъ авторъ относится къ собственнымъ изображеніямъ. Не въ правѣ ли мы думать, что въ повѣствователѣ художникъ не въ ладу съ комментаторомъ имъ самимъ создаваемыхъ образовъ?

Предъ нами былъ недвижный, страшнымъ ударомъ сраженный мужъ, но вдругъ мы узнаемъ, что все это—не правда, а только ловкое притворство владѣющаго собою человѣка.

Разставшись съ женою послѣ ея признанія, одинъ въ каретѣ, на пути въ Петербургъ, Каренинъ вдругъ съ радостію почувствовалъ совершенное освобожденіе и отъ жалости къ женѣ, и отъ мучившихъ его въ послѣднее время сомнѣній и страданій ревности. Онъ испытывалъ то, что испытываетъ человѣкъ, которому выдернули больной зубъ. Онъ чувствовалъ, что можетъ опять жить и думать не объ одной женѣ, въ немъ осталось только раздраженіе на нее, за то, что она такъ долго портила его жизнь. Одно занимало его теперь: это былъ вопросъ, ка̀къ наилучшимъ, наиприличнѣйшимъ, удобнѣйшимъ для себя, и потому справедливѣйшимъ способомъ отряхнуться отъ грязи, которою жена забрызгала его въ своемъ паденіи, и продолжать идти по своему пути дѣятельной, честной, полезной жизни. Здѣсь авторъ представляетъ намъ Каренина съ новыми незнакомыми намъ чертами, человѣкомъ, у котораго мѣриломъ справедливости были собственныя его удобства. Каренинъ припоминаетъ рядъ обма-

нутыхъ мужей, начиная съ Менелая. Прежде умный и честный, Каренинъ является передъ нами глупымъ до смѣшного и эгоистомъ до безчестности. Алексѣй Александровичъ, обдумывая всѣ средства, представляющія выходъ изъ того положенія, въ которое Анна поставила всю семью, находилъ, что ни дуэль, ни разводъ, ни разлука съ женою, не избавятъ Анны отъ позора и осужденія общества, а могутъ только увеличить ихъ; ни разводъ, ни разлука не дадутъ сыну опредѣленнаго положенія между матерью и отцомъ, не избавятъ и самого его отъ клеветъ и униженія въ свѣтѣ. Сохраненіе внѣшняго statu quo семьи представлялось сравнительно еще лучшимъ изъ возможныхъ выходовъ, и, сверхъ того, оно заставитъ страдать оскорбившую его жену. Въ письмѣ, которымъ Каренинъ увѣдомляетъ Анну о своемъ рѣшеніи, мы читаемъ: «семья не можетъ быть разрушена по капризу, произволу, или даже по преступленію одного изъ супруговъ, и наша жизнь должна идти, какъ она шла прежде. Это необходимо для меня, для васъ, для нашего сына. Я вполнѣ увѣренъ, что вы раскаялись и раскаяваетесь въ томъ, что̀ служитъ поводомъ настоящаго письма, и что вы будете содѣйствовать мнѣ въ томъ, чтобы забыть прошедшее. Въ противномъ случаѣ вы сами можете предположить то, что ожидаетъ васъ и вашего сына».

Въ утро, слѣдовавшее за днемъ, въ который Анна сдѣлала свое признаніе мужу, она уже раскаявалась въ словахъ, вырвавшихся у нея неожиданно для нея самой. Положеніе ея казалось ей теперь безвыходнымъ. Ей стало страшно за позоръ, о которомъ она прежде и не думала, она боялась мужа и не довѣряла уже Вронскому, съ которымъ видѣлась еще вечеромъ и отъ котораго скрыла сдѣланное мужу признаніе. Ей представлялось, что онъ уже тяготится ею, но у нея есть сынъ, есть цѣль жизни. Надо бѣжать и увезти сына,—это одно, что надо теперь дѣлать. Она рѣшилась уѣхать, занята сборами въ Москву, и въ эту минуту получаетъ письмо мужа, предлагавшее ей то, чего она утромъ такъ страшно желала. Каренинъ приглашалъ ее оставить дачу и возвратиться въ домъ его. Что̀ произвело это письмо въ Аннѣ? Оно подняло въ ней цѣлую бурю злобы, желчи, терзаній мысли и сердца. «Низкій, гадкій человѣкъ,—думала она о мужѣ,—и это никто, кромѣ меня, не понимаетъ и не пойметъ». Для Анны, вся его нравственная чернота представилась теперь въ яркомъ свѣтѣ, всѣ думавшіе о немъ, какъ о порядочномъ и честномъ человѣкѣ, не знаютъ его. «Они не знаютъ,—думаетъ Анна,—какъ онъ восемь лѣтъ душилъ мою жизнь и ни разу не подумалъ, что я живая женщина, которой нужна любовь, не знаютъ, какъ

на каждомъ шагу онъ оскорблялъ меня и оставался доволенъ собою. Я ли не старалась, всѣми силами старалась найти оправданіе своей жизни? Я ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа? Но пришло время, я поняла, что не могу больше себя обманывать, что я живая, что я не виновата, что Богъ меня сдѣлалъ такою, что мнѣ нужно любить и жить». Анна угадываетъ, что мужъ хочетъ связать ея свободу и грозитъ отнять сына, зная, что безъ сына ей не можетъ быть жизни даже съ тѣмъ, кого она любитъ. Но этотъ сынъ дѣйствительно ли самая сильная и единственная привязанность и цѣль ея горькой жизни? Она глубоко и страстно любитъ его, или же она только пыталась любить его, какъ проговорилась Анна въ своихъ оправданіяхъ самой себѣ?

Мы чувствуемъ всю грубость и неумѣстность нашихъ вопросовъ. Можно ли относиться съ сомнѣніями и придирками къ обмолвкамъ выраженій горя, можно ли не вѣрить беззащитной, трогательной, прелестной въ слезахъ и отчаяніи женщинѣ? Будемъ же только смотрѣть на Анну и слушать слова ея. «Я знаю,— продолжаетъ она о мужѣ, что онъ какъ рыба плаваетъ и наслаждается во лжи... но я разорву эту паутину лжи. Разорву!» Но она уже чувствуетъ, что она не въ силахъ ничего разорвать, что все останется по старому. Она чувствовала, что то положеніе въ свѣтѣ, которымъ она пользовалась, ей дорого, что она не въ силахъ промѣнять его на позорное положеніе любовницы, что она, сколько бы ни старалась, не будетъ сильнѣе самой себя. Она никогда не испытаетъ свободы любви, а останется преступною женою... И Анна плачетъ, какъ плачутъ наказанныя дѣти. Мы только смотримъ, слушаемъ и вѣримъ, вѣримъ всему, что̀ чувствуетъ и думаетъ предъ нами Анна. Вѣримъ, что ей нуженъ сынъ и нуженъ любовникъ, и нужно положеніе въ свѣтѣ, и что во всемъ виноватъ гнусный мужъ. Вѣримъ и въ то, что Анна не знаетъ, что̀ ей дороже всего другого, болѣе всего нужно ей— сынъ, Вронскій, или свѣтъ. Мы растроганы. Не прискорбно ли, что мы не можемъ утѣшить ее во всемъ, окружить ее и сыномъ, и не серьёзнымъ и умнымъ, а добрымъ, снисходительнымъ и недогадливымъ мужемъ, вмѣстѣ съ любовникомъ, а также всѣми благами свѣта, который такъ дорогъ ей. Гдѣ же однако та сильная натура, которую видѣлъ въ Аннѣ Вронскій? Предъ нами только напроказившій и растерявшійся ребенокъ. Курьеръ отъ мужа проситъ отвѣта на его письмо. «Что̀ я могу писать?—думаетъ Анна.—Что̀ я могу рѣшить одна? Что̀ я знаю? Чего я хочу? Что̀ я люблю?» Она не можетъ отвѣтить сама себѣ, а

потому и мужу отвѣчаетъ только, что получила его письмо. Она рѣшилась-было уѣхать въ Москву, а теперь рѣшилась не уѣзжать и отправиться къ Бетси Тверской, въ надеждѣ увидать Вронскаго. У Бетси Тверской можно отдохнуть душою. Здѣсь такое пріятное общество, здѣсь мягкая и распущенная Лиза Меркалова съ своимъ Мишкой, здѣсь крутая и подбористая Сафо Штольцъ съ своимъ Васькой, и у самой Бетси такой заразительный смѣхъ, и все такъ просто, ясно и легко, что Аннѣ нужно усиліе надъ собою, чтобы не остаться здѣсь и рѣшиться ѣхать для тяжелыхъ объясненій съ Вронскимъ, которому въ запискѣ Бетси она успѣла назначить свиданіе гдѣ-то на дачѣ.

Вронскій спѣшилъ на призывъ Анны въ самомъ пріятномъ настроеніи духа. Честолюбіе, въ которомъ онъ не признавался самому себѣ, боролось въ немъ съ его страстью къ Аннѣ, для которой, можетъ быть, надо было принести его въ жертву, оставивъ службу. Но Анна сама говорила ему, что не хочетъ измѣнять своего положенія, и, оставаясь на службѣ, онъ ничего не терялъ, и не отказывался отъ главнаго, хотя и затаеннаго интереса всей его жизни. Все устроилось для него такъ удобно, и онъ ѣхалъ на свиданіе съ Анной улыбающійся и довольный. Онъ часто испытывалъ радостное сознаніе своего тѣла, но никогда онъ такъ не любилъ себя, своего тѣла, какъ теперь. И *запахъ брильянтина* его усовъ казался ему особенно пріятнымъ. Анна съ своей стороны придавала много важности предстоящему свиданію съ Вронскимъ, хотя въ душѣ со времени полученія письма отъ мужа знала, что все останется по старому, что она не въ силахъ ничего перемѣнить, а утро, проведенное ею у княгини Тверской, еще болѣе утвердило это въ ней. Тѣмъ не менѣе она ожидала какого-то рѣшенія и перемѣны судьбы своей отъ Вронскаго. Вронскій увидѣлъ Анну растерянною и страдающею, онъ узналъ, что она все объявила мужу, представлялъ себѣ необходимость и картинную сцену дуэли съ мужемъ, надѣялся, что теперь все измѣнится, но не сказалъ Аннѣ ничего рѣшающаго, ничего уясняющаго ихъ положеніе. Очевидно, извѣстіе Анны и новый поворотъ дѣла застали его врасплохъ, неприготовленнымъ. — Во вторникъ, говоритъ Вронскій, я буду въ Петербургѣ — и все рѣшится. Да, сказала Анна, но не будемъ говорить про это, и свиданіе кончилось. Во вторникъ Анна переѣхала съ дачи въ Петербургъ въ домъ мужа. Этотъ мелкій и презрѣнный эгоистъ встрѣтилъ ее блѣдный, съ трясущимися руками, но овладѣлъ собою подъ вліяніемъ гнѣва, вызваннаго словами Анны, что она дурная женщина, но ничего не можетъ перемѣнить.

Онъ объявляетъ ей слѣдующія условія ихъ совмѣстной жизни: «мнѣ нужно, чтобъ я не встрѣчалъ здѣсь этого человѣка, и чтобы вы вели себя такъ, чтобы ни свѣтъ, ни прислуга не могли обвинить васъ.... чтобъ вы не видали его (Вронскаго), и за это вы будете пользоваться правами честной жены, не исполняя ея обязанностей».

Этотъ семейный modus vivendi, проектированный Алексѣемъ Александровичемъ, не могъ осуществиться. Долли простила мужа, но мы уже знаемъ, какъ пользовался ея терпимостью Облонскій, а въ Аннѣ было много родственнаго съ братомъ. Она продолжала видѣться съ Вронскимъ внѣ дома мужа, а наконецъ рѣшилась пригласить его и сюда. Не даромъ же Вронскій видѣлъ въ ней сильную натуру! Самъ Вронскій нѣсколько былъ озадаченъ, встрѣтившись съ Каренинымъ у входа въ его домъ, но Анна говоритъ Вронскому: «Это ничего! Не говори про это». Она очень мило представляла предъ Вронскимъ, какъ кланялся ему мужъ, и смѣялась тѣмъ милымъ груднымъ смѣхомъ, который былъ одною изъ ея прелестей. На замѣчаніе Вронскаго о мужѣ: онъ страдаетъ, это видно. «Онъ?—съ усмѣшкой говоритъ Анна,— онъ совершенно доволенъ». Она высказываетъ свое негодованіе: «онъ не понимаетъ, что я твоя жена, что онъ чужой, что онъ лишній». Но Каренинъ оказался недоволенъ и не умѣлъ оцѣнить даже прелести своей встрѣчи съ Вронскимъ, такъ остроумно устроенной Анной. Бѣдная Анна! Ну, есть ли возможность терпѣть, или хоть понимать такого серьёзнаго мужа!

На другой день Анна, думавшая, что такъ хорошо знаетъ своего мужа, была поражена видомъ вошедшаго къ ней Каренина, его грубою рѣшительностію и жесткою твердостію, хотя слезы и стояли въ глазахъ его. Онъ только на мгновенье вызвалъ ея улыбку, когда языкъ его измѣнилъ ему при упоминаніи о всей его разрушенной жизни, о томъ, что́ онъ *перестрадалъ*. Между супругами произошла крупная сцена, и Каренинъ, овладѣвъ перепиской Анны съ Вронскимъ, объявилъ ей, что уѣзжаетъ, не вернется болѣе въ домъ, удалитъ сына, а рѣшеніе его она узнаетъ отъ адвоката, которому онъ поручитъ дѣло ихъ развода. Алексѣй Александровичъ выѣхалъ изъ Петербурга по дѣламъ службы въ дальнія губерніи и по дорогѣ остановился въ Москвѣ. Здѣсь онъ получилъ телеграмму отъ жены: она умираетъ и молитъ его о пріѣздѣ и прощеніи. Раздумье овладѣло Каренинымъ: обманъ это, или правда? А дѣло было очень простое: если Анна, когда была здорова, звала Вронскаго въ домъ мужа, отчего же ей, умирающей, не звать къ себѣ мужа, хотя

Вронскій былъ возлѣ нея? Увлеченіе страсти и раскаяніе, презрѣніе къ мужу и признаніе его достоинствъ быстро смѣнялись одни другими въ ея легкой душѣ, а близость смерти располагаетъ къ покаянію. Анна была правдивая женщина въ томъ отношеніи, что въ поступкахъ своихъ была вѣрна настроенію, въ данную минуту овладѣвавшему душой ея. Соединить у смертнаго одра своего мужа и любовника была мысль, достойная Анны.

Каренинъ рѣшился возвратиться въ Петербургъ, и въ душѣ его невольно возникала надежда, что смерть Анны развяжетъ всю трудность его положенія. Отказать умирающей въ прощеніи было бы жестокостью.—Притомъ всѣ осудятъ за это меня, думаетъ Каренинъ, или по крайней мѣрѣ авторъ приписываетъ ему такое опасеніе. Въ своемъ домѣ Каренинъ встрѣчаетъ Вронскаго въ слезахъ, отъ которыхъ Алексѣй Александровичъ вдругъ почувствовалъ приливъ душевнаго разстройства, всегда производимаго въ немъ видомъ страданій другихъ людей. Онъ спѣшитъ къ двери спальни, откуда слышенъ веселый, оживленный голосъ Анны въ полубреду горячки. Онъ взглядываетъ въ глаза ея, и они смотрятъ на него съ такою умиленною и восторженною нѣжностію, какой онъ никогда не видалъ въ нихъ; онъ слышитъ ея предсмертную мольбу о прощеніи. Радостное чувство любви и прощенія ко врагамъ наполнило душу его, онъ рыдалъ какъ ребенокъ. Анна зоветъ Вронскаго, указываетъ на мужа: смотри на него, онъ святой!

Сцена эта трогательна и торжественна, но производитъ на читателя смѣшанное впечатлѣніе. Онъ умилёнъ, но невольно смущенъ своимъ умиленіемъ, чувствуя, что въ головѣ его начинаютъ спутываться всѣ понятія о человѣческихъ отношеніяхъ, простыя понятія о деликатности, соблюдаемой людьми во взаимныхъ отношеніяхъ по инстинктамъ сердца. Кто-нибудь здѣсь лишній, думаетъ растроганный читатель,—надобно бы удалиться отсюда или мужу, или любовнику. Анна, положимъ, въ бреду, но они, развѣ они также не въ своемъ умѣ? Странность сцены еще увеличивается нѣкоторыми ея подробностями. Мы думаемъ, что если бы воображеніе автора представило ему на полотнѣ у одра Анны флигель-адъютанта, скрывающаго лицо свое руками, и серьёзную фигуру Алексѣя Александровича, усиливающагося отвести эти руки отъ лица Вронскаго, то авторъ отказался бы отъ такихъ деталей изображаемой имъ картины. Но каково бы ни было впечатлѣніе читателя, повелительный бредъ Анны соединяетъ руки мужа и любовника.

Смертію Анны могъ бы и закончиться романъ. Страдальческій образъ Анны, позднимъ, но глубокимъ раскаяніемъ и смертію искупившій вольную и невольную вину свою, сохранилъ бы тогда нравственную, хотя и горестную красоту не только въ памяти Вронскаго, но и въ воспоминаніи несчастнаго ея мужа и въ представленіи читателя. Но смерть является очистительною жертвою, когда представляется намъ не внѣшнимъ только и случайнымъ разрѣшеніемъ противорѣчій жизни, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ внутренней борьбы, исходомъ нравственнаго процесса души человѣка. Чтобы смерть Анны имѣла такое значеніе, сама Анна должна бы быть иною, а вмѣстѣ и вся исторія ея внутренней жизни должна бы быть не тою, какую мы знаемъ пока изъ произведенія автора. Смерть Анны въ сценѣ, о которой говоримъ, была бы случайностью. Если бы она умерла, то только отъ горячки, а не отъ нравственной невозможности жить. Авторъ покуда не представилъ намъ въ Аннѣ ни безвозвратнаго рѣшенія слѣдовать призыву счастія и влеченію собственнаго сердца, ни глубокаго нравственнаго сознанія вины матери и жены. Ея предсмертное раскаяніе является среди бреда болѣзни и страха смерти, и мы не знаемъ, насколько въ немъ ясности и глубины. Покуда мы знаемъ, что Анна горько жаловалась, плакала, но она болѣе волновалась, чѣмъ страдала, болѣе смущалась, чѣмъ отчаявалась, она не дожила до разсчета съ жизнію. Она ждала, что положеніе ея какъ-то и чѣмъ-то измѣнится, что разрѣшеніе всего придетъ само собой. Въ сущности ея отношеніе къ тяжкимъ условіямъ ея положенія было довольно сходно съ убѣжденіемъ и вѣчною надеждою Степана Аркадьевича, что все какъ-нибудь «образуется». Зачѣмъ же Аннѣ умирать? Ей надо жить и ждать. Притомъ Анна несомнѣнно была сильная женщина, по крайней мѣрѣ физически. Доктора говорили, что въ ея болѣзни изо-ста было 99 шансовъ смерти, но она не умерла. Она медленно оправлялась отъ болѣзни. Каренинъ простилъ и жалѣлъ жену за ея страданіе и раскаяніе. «Счастье прощенія открыло мнѣ мою обязанность, — сказалъ Каренинъ Вронскому: — вы можете затоптать меня въ грязь, сдѣлать посмѣшищемъ свѣта. Я никогда не покину ее, и никогда слово упрека не скажу вамъ». Онъ простилъ также Вронскому и жалѣлъ его, онъ любилъ дѣтей, своего сына и дочь Анны. Спокойный, умиленный, совершенно въ мирѣ съ собой, просиживалъ онъ долго надъ колыбелью слабенькой новорожденной дѣвочки; но онъ чувствовалъ, что есть грубая властная сила, которая лишитъ его смиреннаго спокойствія любви. Онъ чувствовалъ, что всѣ смотрѣли на него съ

вопросительнымъ удивленіемъ и ожидали отъ него чего-то. Въ особенности онъ сознавалъ непрочность и неестественность своихъ отношеній съ женою.

Вронскій, униженный великодушіемъ Каренина, чувствовалъ себя невыразимо несчастнымъ. Ему казалось, что онъ никогда прежде не любилъ Анны такъ, какъ любилъ теперь, когда думалъ, что потерялъ ее навсегда. Что̀ ему осталось? Честолюбіе? Свѣтъ? Дворъ? Все внѣ любви къ Аннѣ теперь не имѣло для него смысла. Онъ стрѣляетъ въ себя изъ пистолета, но остается живъ и выздоравливаетъ. Теперь онъ находитъ, что искупилъ свою вину предъ мужемъ и можетъ думать о немъ безъ стыда униженія. Только отчаяніе отъ потеряннаго счастья съ Анной не переставало мучить его. Мы думаемъ, что Вронскому или не зачѣмъ было стрѣляться, или нужно было убить себя; — напрасный выстрѣлъ изъ пистолета не имѣетъ въ себѣ ничего искупляющаго. Самъ Вронскій, собираясь уѣхать въ Ташкентъ и выражая желаніе распространить слухъ, что онъ выстрѣлилъ въ себя нечаянно, кажется, чувствовалъ эту истину. Для чего авторъ низводитъ элегантнаго героя своего романа въ такое некрасивое положеніе? Развѣ для того, чтобы показать, что элегантность не замѣняетъ собою нравственнаго чувства и простого здраваго смысла? Неудачный опытъ стрѣлянія въ себя, произведенный Вронскимъ, представляется намъ мелодраматическимъ эффектомъ, отсутствіе котораго нисколько не повредило бы достоинству романа автора. Но не такимъ, какъ намъ, представляется Аннѣ поступокъ Вронскаго. Онъ еще возвышаетъ его въ глазахъ ея. Онъ хотѣлъ погибнуть изъ-за нея! Не ей же жалѣть, что онъ не погибъ. Бетси Тверская является предъ Анной ходатаемъ за Вронскаго, который уѣдетъ въ Ташкентъ, но еще разъ хочетъ увидать ее, и потомъ зарыться, умереть. Что́ бы мы ни думали объ этихъ вторичныхъ сборахъ на смерть, для Анны они должны быть очень эффектны. На ходатайство Бетси Анна отвѣчаетъ, что рѣшеніе будетъ зависѣть отъ Алексѣя Александровича, хотя говоритъ мужу, будто сказала, что не можетъ принять Вронскаго. Алексѣй Александровичъ благодаритъ жену и полагаетъ также, что Вронскому нѣтъ никакой надобности пріѣзжать къ нимъ въ домъ. Вслѣдъ за этимъ объясненіемъ Анна впадаетъ въ раздражительное, придирчивое настроеніе. Она мучительно чувствовала физическое отвращеніе къ мужу, чувствовала свое раздраженіе и свою несправедливость, но ничего не могла измѣнить. — Уйди — это одно, что́ она могла искренно сказать мужу. — Нѣтъ, это не можетъ такъ оставаться, говорилъ себѣ

Каренинъ, уходя отъ жены. Онъ ясно видѣлъ, что весь свѣтъ и жена требовали отъ него чего-то. Анна чувствовала ненависть къ мужу за великодушіе и добродѣтель, которые признавала въ немъ. Что ей дѣлать? Но терзанія ея не были неисцѣлимыми.

У Анны былъ братъ, Степанъ Аркадьевичъ, твердо вѣровавшій, что нѣтъ положенія, изъ котораго бы не было выхода. Та же вѣра таилась и въ ея душѣ. Она сама, при всемъ отчаяніи, чувствовала, что не все еще кончено, а тихія рѣчи и улыбки Степана Аркадьевича дѣйствовали на нее смягчающе, успокоительно, какъ миндальное масло. Разводъ развязываетъ все, говорилъ Степанъ Аркадьевичъ. Анна не отвѣчала, но отвѣчало лицо ея, просіявшее прежнею здоровою красотою. Степанъ Аркадьевичъ отправился къ мужу. Здѣсь благотворный елей его не могъ быть дѣйствителенъ, и самъ врачъ чувствовалъ себя нѣсколько сконфуженнымъ. Мужъ давно и не разъ обдумывалъ разводъ и всѣ его послѣдствія для сына и для самой Анны. Онъ думалъ, что, согласившись на разводъ, онъ будетъ виновникомъ безвозвратной гибели Анны, но уже приготовилъ къ ней письмо, въ которомъ все предоставлялъ ея волѣ, ея чувству справедливости.

Для Степана Аркадьевича вопросъ состоялъ только въ томъ, ка̀къ, на какихъ условіяхъ мужъ согласится на разводъ, возьметъ ли всю вину на себя. «Да, да,—вскрикиваетъ измученный мужъ,—я беру на себя позоръ, отдаю даже сына, но... не лучше ли оставить сына. Впрочемъ, дѣлай что̀ хочешь...» Горечь и стыдъ наполняли душу Каренина въ эту минуту, и онъ отворачивался отъ шурина, чтобы скрыть лицо свое, но, вмѣстѣ съ горемъ и стыдомъ, онъ испытывалъ радость и умиленіе предъ высотой своего смиренія, прибавляетъ авторъ, постоянно стараясь соединить въ Каренинѣ высокія движенія души съ мелкими и лицемѣрными. Вронскій, извѣщенный объ успѣхѣ Облонскаго, спѣшитъ къ Аннѣ. Всѣ ея колебанія кончены, она поняла, наконецъ, что̀ ей дороже, нужнѣе всего: ей не нужно великодушія мужа, развода, она покинетъ и сына. Вронскій отказывается отъ службы, Ташкента и опасностей смерти. Блаженные любовники уѣзжаютъ за-границу. Алексѣй Александровичъ остается одинъ съ своимъ сыномъ. Онъ пережилъ самого себя, отъ него остался призракъ прежняго Каренина. Этотъ призракъ ѣздитъ въ комитеты, подписываетъ бумаги, получаетъ ордена и болѣе чѣмъ когда-нибудь доволенъ своею дѣятельностью, которая всѣмъ казалась ненужною, но которою, казалось ему, онъ служитъ Господу. Порой онъ разсуждаетъ даже неглупо о дѣлахъ, что̀ случается и съ сумасшедшими; изрѣдка, при воспоминаніи о

женѣ, о своемъ великодушіи, приходитъ въ бѣшенство и раскаяніе о томъ, что не избилъ ее, когда она открыла ему вину свою. Выдержанной послѣдовательности отъ помѣшанныхъ требовать нельзя, но вообще онъ довольно тихій сумасшедшій, считающій себя спасеннымъ и святымъ. Такого состоянія достигъ Каренинъ съ помощію графини Лидіи Ивановны. Помощь послѣдней, говоритъ авторъ, была въ высшей степени дѣйствительна. Итакъ, Лидія Ивановна помогла Каренину помѣшаться въ умѣ. Онъ дѣйствительно сдѣлался блаженнымъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ народъ нашъ называетъ такъ юродивыхъ, и вмѣстѣ съ Лидіей Ивановной и французскимъ commis, превращеннымъ въ графа Беззубова, глубокомысленно и съ умиленіемъ занимался какимъ-то будто религіознымъ колдовствомъ. Мы должны однако же оговориться, что въ мнѣніи автора Каренинъ послѣ отъѣзда жены съ Вронскимъ—не сумасшедшій, хотя все, что онъ сообщаетъ объ его поступкахъ и чувствахъ, утверждаетъ въ насъ убѣжденіе объ его умопомѣшательствѣ. Иначе, какъ бы могъ умный, порядочный и когда-то сильно привязанный къ женѣ Каренинъ, при всемъ своемъ религіозномъ настроеніи, раскаяваться, что онъ не избилъ своей жены, какъ могъ человѣкъ въ здравомъ умѣ убѣдиться, какъ Каренинъ, что для него нѣтъ ни смерти, ни грѣха, и упражняться въ колдовствѣ? Въ домѣ ли сумасшедшихъ, или въ домѣ Лидіи Ивановны кончаетъ свои дни когда-то умный и сильный Каренинъ,—это все равно. Но на рукахъ этого несчастнаго безумца остался сынъ. А гдѣ же мать?

Мать странствуетъ по Европѣ съ Вронскимъ, поселилась съ нимъ въ итальянскомъ городкѣ и чувствуетъ себя счастливою и полною радости жизни. Все минувшее казалось ей сномъ, отъ котораго она проснулась одна съ любимымъ человѣкомъ за-границей. Она не хотѣла вспоминать прошлаго. Разлука съ сыномъ не мучила ее. Дѣвочка ея была такъ мила, что она рѣдко вспоминала о сынѣ. Анна была непростительно счастлива. Полное обладаніе Вронскимъ было ей постоянно радостно. Ничего она такъ не боялась, какъ потерять это обладаніе. Вронскій замѣтилъ только красоту итальянской кормилицы своей дочери—и это уже было тайнымъ горемъ Анны. Разъ запоздалъ Вронскій на ужинѣ со знакомыми—и Анна сильно пріуныла отъ этого. Вронскій былъ также счастливъ, но не вполнѣ. Дѣла у него не было. Сношенія съ обществомъ мѣстнымъ и русскимъ, при неопредѣленномъ ихъ положеніи, нельзя было имѣть; достопримѣчательности были уже осмотрѣны. Объ удовольствіяхъ холостой жизни, которыя занимали Вронскаго въ прежнія его поѣздки

за-границу, нечего было и думать, состоя въ обладаніи Анны. Влюбленные почувствовали скуку и рѣшили ѣхать въ Россію, въ деревню.

И вотъ, проѣздомъ, они остановились въ Петербургѣ. Вронскому, не смотря на его свѣтскую опытность, казался еще нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, закрытъ ли вполнѣ теперь для Анны свѣтъ, который былъ такъ нуженъ имъ обоимъ; но онъ скоро убѣдился здѣсь въ своемъ заблужденіи, и жизнь въ Петербургѣ казалась Вронскому еще тѣмъ тяжелѣе, что онъ замѣчалъ въ Аннѣ какое-то непонятное ему настроеніе: она чѣмъ-то мучилась и что-то скрывала отъ него. Анна, возвращаясь въ Россію, не переставала думать о свиданіи съ своимъ сыномъ. Мысль объ этомъ неотступно занимала ее въ Петербургѣ, но она скрывала ее отъ Вронскаго, зная, что вопросъ о свиданіи ея съ сыномъ покажется ему самою неважною вещью, ему, который, казалось, только и занятъ тѣмъ, какъ предупредить ея желанія. Итакъ, человѣка, въ которомъ Аннѣ все казалось прекраснымъ и возвышеннымъ, занимали заботы о положеніи Анны въ свѣтѣ, но не отношенія ея, не чувства ея къ сыну. Онъ не замѣчалъ и не понималъ самыхъ дорогихъ, самыхъ святыхъ потребностей сердца матери и женщины, съ которой соединяла его страстная любовь. Что̀ же было крѣпкою связью этого счастливаго союза сердецъ? Что́ дѣйствительно цѣнилъ и понималъ Вронскій въ Аннѣ? Въ чемъ состояло возвышенное и прекрасное, признаваемое Анною во Вронскомъ? Это ихъ дѣло, это фактъ, значеніе котораго весьма любопытно, но пока не объяснено намъ авторомъ. Дѣло кажется въ томъ, что они ужъ очень нравились другъ другу и должны были находить во взаимномъ любованіи несказанное блаженство, исключающее всѣ другія человѣческія потребности, чувства и помышленія. Какое тутъ мѣсто остается сыну и материнскимъ страданіямъ! Да дѣйствительно ли послѣднія были такъ серьёзны и сильны, чтобы Вронскій не могъ не замѣчать и не понимать ихъ? Но вѣдь Анна не животное, да и въ животномъ есть связь съ своимъ порожденіемъ, хоть и не постоянная, хоть и прерывающаяся. Отнимите волченка у волчицы. Она будетъ искать его и выть, хоть потомъ и довольно скоро утѣшится.

Анна проситъ чрезъ графиню Лидію Ивановну свиданія съ сыномъ и надѣется въ этомъ отношеніи на великодушіе Каренина. Религіозная и сострадательная Лидія Ивановна отвѣчаетъ просьбѣ матери оскорбительнымъ и унизительнымъ отказомъ. Теперь Анна не станетъ болѣе вымаливать позволенія видѣть сына. Раннимъ

утромъ она является у постели своего ребенка, жадно оглядываетъ, задыхаясь отъ радости и горя, обнимаетъ его, радостно слушаетъ его голосъ. Сцена эта прекрасна. Какъ трогателенъ этотъ ребенокъ съ затаеннымъ въ дѣтскомъ сердцѣ ожиданіемъ матери, съ своею молитвою объ ея приходѣ, съ упорнымъ невѣріемъ въ ея смерть, въ которой старались убѣдить его, съ его жалостью къ плачущей матери. Но послышались шаги, идетъ отецъ, и мать, скрывая подъ вуалью лицо свое, бѣжитъ отъ сына. Возвратясь въ свою гостинницу, полная впечатлѣній, потрясшихъ ее при свиданіи съ сыномъ, она долго не могла понять, зачѣмъ она здѣсь, и горько чувствовала, что навсегда разъединена съ нимъ. Перебирая карточки сына изъ своего альбома, она встрѣчаетъ карточку Вронскаго, и вдругъ, увидавъ это милое ей лицо, почувствовала неожиданный приливъ любви къ нему. Гдѣ онъ? Зачѣмъ оставляетъ ее одну съ ея страданіями? Она посылаетъ за Вронскимъ. Посланный отвѣчаетъ, что у него гость, но что онъ придетъ и спрашиваетъ, можетъ ли она принять этого гостя. Онъ придетъ не одинъ, чтобы я не могла все высказать ему, думаетъ Анна. И вдругъ ей пришла мысль, что онъ разлюбилъ ее давно и что онъ только скрываетъ это, и Анна съ ужасомъ видѣла во всемъ подтвержденіе этой страшной мысли. Теперь все забыто ею. Она думаетъ только о Вронскомъ, о любви его, и не думаетъ больше о сынѣ. Вронскій замѣчаетъ возбужденное состояніе Анны, смотритъ на нее вопросительно, но Анна избѣгаетъ объясненій съ нимъ. Она собирается ѣхать въ театръ слушать Патти, а тамъ будетъ весь знакомый ей свѣтъ. Вронскій озадаченъ такимъ намѣреніемъ, но онъ напрасно пожимаетъ плечами и бросаетъ на нее серьёзные взгляды, напрасно пытается говорить съ ней о неумѣстности ея появленія въ театрѣ. Она рѣшилась ничего не понимать. И вотъ, еще утромъ, сокрушенная горемъ и неутѣшная мать, вечеромъ, нарядная и блестящая красотою, является въ ложѣ театра и возбуждаетъ всеобщій интересъ, шутки, улыбки, выраженія негодованія. Оскорбленная и измученная, возвращается она домой.—Ты, ты виноватъ во всемъ, говоритъ она Вронскому со слезами отчаянія и злости. Если бы ты любилъ меня, какъ я, если бы ты мучился, какъ я... И она успокоилась, только впивая въ себя увѣренія Вронскаго въ любви, хоть онъ въ душѣ и упрекалъ ее и досадовалъ на нее. На другой день, совершенно примиренные, они уѣхали въ деревню.

Какъ быстро смѣняются чувства, впечатлѣнія, довѣрчивость и сомнѣнія, страхъ, радость, надежда и отчаяніе въ душѣ этой Анны, въ этой нѣжной и забывчивой матери, въ этой влюблен-

ной женщинѣ, безъ вѣры въ того, кому отдана ея любовь и въ комъ все для нея возвышенно и прекрасно! Какихъ неожиданностей, какихъ сюрпризовъ долженъ ждать отъ нея человѣкъ, соединившій съ нею свою жизнь! Какъ безпричинны и непонятны должны быть ея рѣшенія и поступки! Мы невольно начинаемъ подозрѣвать, что эта интересная страдалица, эта прелестная Анна — просто взбалмошная женщина.

Вронскій и Анна проводятъ лѣто въ деревнѣ. Вронскій набралъ уже себѣ разныхъ общественныхъ обязанностей, занятъ дѣлами своего имѣнія, строитъ больницу съ разными усовершенствованіями и машинами. Вокругъ нихъ собирается общество, у нихъ являются и мѣстный предводитель дворянства, и Тушкевичъ изъ Петербурга, потерявшій тамъ свое положеніе при Бетси Тверской, и юноша Васинька Весеновскій, съ которымъ Анна немножко кокетничаетъ, потому-что это щекотитъ ея Алексѣя. «Надо, чтобы у насъ было весело и оживленно, и чтобы Алексѣй не желалъ ничего новаго»,—говорила Анна.—Въ домѣ Анна была хозяйкой только по веденію разговора; все остальное дѣлалось и поддерживалось заботами хозяина. За то Анна много занималась чтеніемъ романовъ и модныхъ книгъ. Кромѣ того, всѣ предметы, которыми занимался Вронскій, Анна изучала по книгамъ и журналамъ, такъ-что онъ часто обращался къ ней съ вопросами и удивлялся ея знаніямъ. Она находила въ книгахъ то, о чемъ онъ спрашивалъ, и показывала ему. Въ ея материнскомъ сердцѣ не было привязанности къ несчастной дѣвочкѣ, рожденной ею отъ Вронскаго, заботы о ней мало занимали ее. Она предоставила дочь попеченіямъ наемной англичанки.

Главная забота Анны все-таки была она сама — она сама, насколько она дорога Вронскому, насколько она можетъ замѣнить для него все, чтó онъ оставилъ. Вронскій, хотя и цѣнилъ это, но вмѣстѣ и тяготился тѣми любовными сѣтями, которыми она старалась опутать его. Да, по правдѣ сказать, онѣ были и не легки. Анна съ раздраженіемъ говорила о множествѣ общественныхъ обязанностей, принятыхъ на себя Вронскимъ, она боялась, что все время уйдетъ на нихъ, что онѣ—только форма. Это строгое отношеніе къ общественнымъ обязанностямъ со стороны Анны проистекало изъ ея желанія, чтобы Вронскій постоянно оставался возлѣ нея. Послѣдній былъ бы доволенъ своею жизнію въ деревнѣ, если бы не испытывалъ все усиливающагося желанія быть свободнымъ, не имѣть сцены каждый разъ, какъ ему надо было ѣхать въ городъ на съѣздъ, или на бѣгà. Анна думала и говорила, что любитъ своего Алексѣя больше самой себя,

но тѣмъ не менѣе допускала въ немъ обязанности, вкусы и желанія ровно настолько, насколько все это являлось въ связи съ отношеніемъ Вронскаго къ ея собственной особѣ. Она готова была баловать этого мужественнаго спутника своей жизни, забавлять, ласкать, даже учить, когда онъ того пожелаетъ, но съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ вѣчно на глазахъ ея и отнюдь не располагалъ бы самъ собою. Такъ понимала она самоотверженіе любви, такъ любила она Вронскаго больше самой себя. Какъ балованная и любимая собачка, Вронскій долженъ былъ рѣзвиться и кружиться только возлѣ своей хозяйки на снурочкѣ, который держала прекрасная ея рука, и, неблагодарный, онъ не всегда находилъ удобнымъ для себя этотъ снурочекъ. А между тѣмъ, когда Долли исполняла порученіе Вронскаго говорить съ Анной о необходимости развода съ мужемъ и брака ея съ Вронскимъ, Анна отвѣчаетъ:

— Какая жена можетъ быть до такой степени рабой, какъ я? Зачѣмъ нуженъ разводъ?

— Для дѣтей, чтобы дѣти ваши имѣли имя, — говоритъ Долли.

— Дѣтей у меня не будетъ больше, — отвѣчаетъ Анна. —

Она не жена, Вронскій любитъ ее, пока любитъ. Чѣмъ же поддержитъ она любовь его какъ не красотою, и она не намѣрена ее тратить на рожденіе дѣтей.

Анна говоритъ все это Долли, — не сознавая, сколько въ словахъ ея признанія, что между нею и Вронскимъ не существуетъ никакой нравственной связи, что въ ней Вронскій не можетъ любить ни матери дѣтей своихъ, ни нравственной опоры и прибѣжища своей жизни, а цѣнить и признать только красавицу—необходимое дополненіе всѣхъ забавъ, удобствъ и роскоши привычной ему жизни. Какой приговоръ надъ ихъ союзомъ! И если этотъ союзъ освященъ будетъ церковью и скрѣпленъ закономъ, чтó въ немъ измѣнится, какой новый смыслъ пріобрѣтетъ онъ, откуда явится въ немъ нравственная крѣпкая связь? Женщина, признающая, что все ея значеніе для мужчины заключается въ одной красотѣ, сдѣлавшись женою его, не возвыситъ своего значенія для мужа, а онъ, если уже не будетъ находить въ ней красоты, или встрѣтитъ лучшую, болѣе привлекательную красоту, съумѣетъ оцѣнить ея привлекательность. Гражданскій законъ, скрѣпляющій бракъ, не даетъ и не обезпечиваетъ въ немъ ни любви, ни счастія, ни взаимнаго уваженія, никакой неразрывной внутренней связи вступающимъ въ него. Но онъ обезпечиваетъ семью въ ея общественномъ положеніи, граждан-

скія права ея членовъ, и потому Вронскій желалъ брака. Онъ желалъ его также въ тайной надеждѣ, что въ бракѣ онъ будетъ болѣе независимъ и свободенъ отъ притязаній, опасеній, или преслѣдованій любви Анны. Въ послѣднемъ отношеніи мы не раздѣляемъ его надежды. Такія супруги, какъ Анна, если не измѣняютъ своимъ мужьямъ, то необходимо преслѣдуютъ ихъ своею эгоистическою любовью, ревностью, подозрѣніемъ и себялюбивыми требованіями. Новый бракъ Анны могъ бы до нѣкоторой степени возстановить ея положеніе въ свѣтѣ, но не могъ существенно измѣнить ея отношенія къ Вронскому, измѣнить характеръ ихъ любви и союза. Чтобы такая перемѣна была возможна, оба они должны были измѣниться, сдѣлаться не тѣми людьми, какими мы уже знаемъ ихъ. Анна съ своей стороны тоже думала о разводѣ и замужствѣ, но не могла ничего предпринимать для достиженія ихъ. Она предвидѣла, что обращаться къ великодушію мужа будетъ напраснымъ униженіемъ съ ея стороны; что мужъ, подъ вліяніемъ Лидіи Ивановны, откажетъ въ разводѣ, а если согласится на просьбу Анны, то не отдастъ сына. «Ты пойми», говоритъ она Долли, «что я люблю, кажется, ровно, но обоихъ болѣе себя, два существа: Сережу и Алексѣя. Я не могу ихъ соединить, а это мнѣ одно нужно. Если этого нѣтъ, то все равно. Все, все равно».—Итакъ, Анна любитъ сына болѣе себя, но покинула его для Вронскаго по призыву своей страсти. Она любитъ Вронскаго болѣе себя, и, однако же, требуетъ отъ него постоянныхъ жертвъ себѣ. Его независимость, его обязанности, или то, что онъ считаетъ своими обязанностями: удовольствія, вкусы, наклонности—все должно быть жертвою, вѣчно-приносимою Аннѣ. Онъ можетъ жить и дышать, но только по ея волѣ и для нея, но не для кого болѣе. Вотъ это-то и значитъ, на языкѣ Анны, любить человѣка болѣе себя самой!

Понятно, что Вронскій не всегда покорно принималъ благодѣянія такой любви. Однажды онъ даже вздумалъ ѣхать на дворянскіе выборы. Разумѣется, наканунѣ этого дня между нимъ и Анной произошла ссора за предполагаемую поѣздку, а потому онъ объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ, приготовясь къ борьбѣ, но Анна приняла это извѣстіе очень спокойно и даже улыбнулась. У нея была способность уходить въ себя, когда она на что-нибудь рѣшилась въ тайнѣ своей души, и Вронскій побаивался ея спокойствія въ такія минуты. Однако же, онъ поѣхалъ на выборы въ городъ, но здѣсь онъ получилъ письмо отъ Анны. Со свойственной ей логикой, Анна писала, что дочь ихъ опасно

больна и что она сама хотѣла ѣхать къ Вронскому, но раздумала, зная, что это ему будетъ непріятно. Въ болѣзни дѣвочки ничего не было опаснаго, и она оправилась уже какъ-разъ въ то время, когда было послано письмо. Аннѣ даже было досадно на нее за это, но она радовалась, ожидая пріѣзда Вронскаго. Пускай онъ тяготится, но будетъ тутъ съ нею, лишь бы она видѣла его, знала каждое его движеніе. Вронскій возвратился къ Аннѣ, но не выразилъ, впрочемъ, никакого особеннаго удовольствія за то, что безъ достаточной причины былъ вызванъ ею. Такая несправедливость съ его стороны очень раздражала Анну, а онъ имѣлъ еще неосторожность упомянуть, что ему по дѣламъ надо ѣхать въ Москву.—Если ты поѣдешь, то и я поѣду,—говоритъ Анна.—Теперь она поняла необходимость развода съ мужемъ, и будетъ просить о немъ. Она не можетъ разлучаться съ Вронскимъ. Вронскій отвѣчалъ ей, что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ не разлучаться съ нею, но въ его глазахъ блеснуло чувство преслѣдуемаго и ожесточеннаго человѣка. Анна написала письмо мужу, прося его о разводѣ и вмѣстѣ съ Вронскимъ переѣхала въ Москву. Итакъ, теперь Анна желаетъ того развода, о которомъ прежде думала, что онъ не можетъ ничего измѣнить въ ея положеніи, желаетъ для того только, чтобъ никогда не разлучаться съ Вронскимъ, слѣдовать вездѣ и всегда по пятамъ его. Но теперь, не будучи женой Вронскаго, развѣ она не ѣдетъ съ нимъ въ Москву? Какъ съ ея умомъ она могла не понимать, что бракъ не обезпечиваетъ вѣчнаго, непрерывнаго присутствія мужа возлѣ жены? Впрочемъ, мы вспоминаемъ, что авторъ не упоминаетъ объ умѣ Анны, а въ ея поступкахъ и рѣшеніяхъ умъ также не очень замѣтенъ. Но неужели же мы должны предположить, что прелестная Анна была не умна, и уже потому спрашивать о причинахъ ея рѣшеній и поступковъ не всегда умѣстно? Самъ Левинъ отзывался объ Аннѣ такъ: «необыкновенная женщина. Не то, что умна, но сердечная». Мы должны были допустить мысль, что эта необыкновенная женщина была взбалмошная.... но не умна! Это насъ очень смущаетъ за героиню романа. Конечно, за необыкновенною, хотя и взбалмошною и не умною женщиною, все же остается ея сердечность. Правда, во всемъ мірѣ она любила только два существа: Сережу и Алексѣя, но за то любила болѣе самой себя; и хотя Сережу она покинула для Алексѣя, но послѣднему приходилось не легко отъ сердечной женщины.... Боже мой, куда же заведутъ насъ такимъ образомъ наши соображенія о «сердечной» Аннѣ? Обратимся лучше къ изложенію дальнѣйшаго развитія романа.

Ожидая каждый день отвѣта Каренина о разводѣ, Вронскій и Анна поселились въ Москвѣ супружески, вмѣстѣ. Чтобы развлечься и забыться при тревожномъ ожиданіи, Анна выдумывала себѣ занятія: чтеніе, писаніе какого-то романа для дѣтей, попеченія объ осиротѣвшей семьѣ англичанина, — и все это имѣло для нея такое же значеніе, какое имѣлъ морфинъ, часто употребляемый ею отъ безсонницы. Въ Москвѣ между ею и Вронскимъ возобновлялись и продолжались, учащаясь и принимая все бо́льшіе размѣры, тѣ же несогласія и сцены, подобныя которымъ мы видѣли уже въ деревнѣ. Раздраженіе, раздѣлявшее эту чету, не имѣло никакой внѣшней причины, и всѣ попытки объясненія не только не устраняли, но увеличивали его. Для Анны Вронскій весь, «со всѣми его привычками, мыслями, желаніями, со всѣмъ его душевнымъ и физическимъ складомъ, былъ одно — любовь къ женщинамъ, а женщины эти должны были быть она». Это подлинныя слова автора. Чего ждать отъ отношеній женщины къ человѣку, такъ понимаемому ею, и съ которымъ она однако соединила жизнь свою.

Если Вронскій былъ только воплощеніемъ любви къ женщинамъ вообще, то Анна, слава Богу, не представляла собою всѣхъ женщинъ.

Понятно, что Аннѣ оставалось только вѣчно и непрерывно ревновать Вронскаго. Не имѣя еще предмета для ревности, она отыскивала его, по малѣйшему намеку, перенося свою ревность съ одного предмета на другой. То она ревновала Вронскаго къ грубымъ женщинамъ, съ которыми онъ могъ войти въ сношенія, то къ свѣтскимъ, съ которыми онъ могъ встрѣтиться, — то она ревновала его къ воображаемому его желанію — разорвать съ нею и жениться, особенно когда она узнала, что мать Вронскаго составляла планы женить его на княжнѣ Сорокиной. Онъ былъ виноватъ передъ нею всегда и во всемъ: въ неполученіи развода, въ ея уединенной жизни въ Москвѣ, въ переѣздѣ сюда изъ деревни, въ разлукѣ съ сыномъ, — во всемъ, что̀ было тяжелаго въ ея положеніи, она обвиняла Вронскаго. Такъ продолжала Анна украшать жизнь человѣка, котораго любила болѣе себя.

Но придирчивость и подозрительность Анны не объясняются ли ея тяжелымъ положеніемъ? Она не жена, ея союзъ съ Вронскимъ не признанъ ни закономъ, ни обществомъ. Какъ же ей не страдать, не бояться его непрочности, не мучиться страхомъ, подозрѣніемъ, ревностью? Ка̀къ ей вѣрить въ человѣка, который не обязанъ ни чѣмъ оставаться въ этомъ союзѣ, — въ человѣка,

который всегда властенъ разорвать его и который, вдобавокъ, представлялъ собою только одно — любовь къ женщинамъ? Не понятно ли, что Анна не терпитъ и боится даже минутной разлуки съ нимъ, что она хочетъ всегда видѣть его, знать всѣ его движенія? Права жены не дали ли бы Аннѣ и довѣрія къ мужу? Нѣтъ: при отсутствіи нравственной связи въ союзѣ Вронскаго съ Анной, при полной внутренней пустотѣ Анны и ея ребяческихъ подозрѣніяхъ и требованіяхъ, бракъ не могъ существенно измѣнить ея отношеній къ Вронскому. Законный бракъ не обезпечилъ неразрывнаго союза ея съ Каренинымъ. Отчего же бракъ съ Вронскимъ могъ бы представляться Аннѣ ручательствомъ вѣчнаго и крѣпкаго ихъ соединенія?

Но что бы ни принесъ бракъ союзу Анны съ Вронскимъ, покуда послѣдній никакъ не могъ понять, для чего Анна отравляла ихъ и безъ того тяжелую жизнь, тогда какъ онъ и на дѣлѣ, и въ мысляхъ продолжалъ ей быть вполнѣ вѣрнымъ и во всемъ покоряться ей, хотя и пробовалъ отстаивать свободу своихъ движеній. Нельзя было понять, чего она требовала. То это было невозможное и смѣшное отреченіе отъ всѣхъ интересовъ жизни, — то какое-то вѣчное влюбленное присутствованіе при ней, которое становилось ему противно, потому что оно требовалось. Кромѣ того, очевидное желаніе Анны постоянно физически нравиться ему, кокетство съ нимъ, забота о позахъ, о туалетахъ — не только не привлекали, а уже охлаждали его къ ней.

Бывали минуты, когда Анна ужасалась самой себя. «Нужно спокойствіе, довѣріе», говорила она, и обѣщала себѣ владѣть собою. Но тѣмъ не менѣе примиренія и новыя ссоры шли обычною чередою между ею и Вронскимъ. Наступила весна, и они собирались переѣхать въ деревню. «Поѣдемъ послѣ завтра», говоритъ Анна, но Вронскій не можетъ ѣхать въ этотъ день, — онъ долженъ быть у матери по дѣлу. Аннѣ тотчасъ вспоминается княжна Сорокина, жившая въ подмосковной съ графинею Вронской. «Я не поѣду позднѣе. Въ понедѣльникъ, или никогда!» восклицаетъ она. Она оскорблена, возмущена; она страдаетъ и помышляетъ о смерти. Но дѣло улаживается. «Поѣдемъ послѣзавтра, — я на все согласенъ», говоритъ Вронскій. Отчаянная ревность Анны переходитъ въ отчаянную нѣжность и страстныя ласки, а на другой день опять сцена между счастливою четою. Спѣша отъѣздомъ въ деревню, Вронскій нынче же намѣренъ съѣздить къ матери. Упоминаніе объ этой поѣздкѣ тотчасъ же кольнуло Анну, а тутъ еще онъ получилъ какую-то телеграмму. Оказалось, что телеграмма была отъ Облонскаго, извѣ-

щавшаго, что мало надежды добиться согласія Каренина на разводъ. Зачѣмъ же скрывать депешу отъ Анны? «Такъ онъ можетъ скрывать отъ меня свою переписку съ женщинами!» думаетъ Анна, — и ссора разразилась, и въ этотъ разъ день прошелъ безъ примиренія. Ночью Анна думала о смерти и кáкъ она ею накажетъ Вронскаго. Съ вечера она приняла обычную дозу опіума, а къ утру еще повторила пріемъ и проснулась послѣ тяжелаго сна отъ страшнаго, давившаго ее кошмара. Она идетъ въ кабинетъ Вронскаго, но, проходя гостиную, изъ окна видитъ карету у подъѣзда и молодую дѣвушку, съ которой говорилъ Вронскій. «Это Сорокина съ дочерью заѣзжала, и привезла мнѣ деньги и бумаги отъ матери», спокойно говоритъ онъ вошедшей Аннѣ, не желая замѣчать мрачнаго выраженія ея лица. «Завтра мы ѣдемъ рѣшительно. Не правда ли?» спрашиваетъ онъ. «Вы, но не я», отвѣчаетъ Анна. «Этакъ невозможно жить», правдиво замѣчаетъ, наконецъ, Вронскій. Анна вышла со словами: «вы раскаетесь въ этомъ». — «Я пробовалъ все», думаетъ Вронскій: «остается одно — не обращать вниманія», и уѣзжаетъ въ городъ, а потомъ къ матери.

Страхъ овладѣлъ взрослымъ ребенкомъ, когда онъ остался одинъ. Анна посылаетъ къ Вронскому записку, признается, что она виновата, и зоветъ его къ себѣ. Мысли и представленія ея неясны, онѣ бродятъ, и она не владѣетъ ими. Одуряющее дѣйствіе повторенныхъ пріемовъ опіума продолжается надъ нею. «Кто это?» спрашиваетъ она про свое отраженіе въ зеркалѣ, подноситъ къ губамъ и цѣлуетъ свою руку. А записка ея уже не застала Вронскаго въ городѣ: онъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ къ матери. Анна посылаетъ туда свою записку съ нарочнымъ и, вслѣдъ затѣмъ, еще отправляетъ депешу, призывая Вронскаго немедленно пріѣхать къ ней. Чтобы успокоиться, она ѣдетъ къ Долли, — ѣдетъ и возвращается все въ томъ же состояніи бреда. Она читаетъ вывѣски, думаетъ о калачахъ, о водѣ московской и мытищенской, о блинахъ, о своей любви, о Вронскомъ. Минутами среди этого бреда мелькаетъ ясное сознаніе: «Онъ думалъ, что онъ меня знаетъ. А онъ знаетъ меня такъ же мало, какъ кто бы то ни было на свѣтѣ знаетъ меня. Я сама не знаю. Я знаю свои аппетиты, какъ говорятъ французы». Дома она нашла отвѣтъ Вронскаго. Онъ еще не получилъ ея записки и отвѣчалъ только на ея депешу, что не можетъ пріѣхать ранѣе десяти часовъ. «А если такъ, то я знаю, чтó мнѣ дѣлать», говоритъ Анна. Волненіе ея еще увеличивается неопредѣленнымъ чувствомъ гнѣва и жажды мщенія.

Все въ полу-бреду, она идетъ на желѣзную дорогу. «И чего онъ искалъ во мнѣ?» думаетъ она о Вронскомъ: «любви не столько, столько удовлетворенія тщеславія... Теперь я ему не нужна... Моя любовь все дѣлается страстнѣе и себялюбивѣе, а его все гаснетъ. И помочь этому нельзя...» Вдругъ мелькнуло въ ней опять ясное сознаніе о себѣ: «если бы я могла быть чѣмъ-нибудь, кромѣ любовницы, страстно любящей однѣ его ласки; но я не могу и не хочу быть ни чѣмъ другимъ. И я этимъ желаніемъ возбуждаю въ немъ отвращеніе, а онъ во мнѣ злобу,—и это не можетъ быть иначе». Она знаетъ, что Вронскій никогда не обманывалъ и не измѣнялъ ей, что онъ ни въ кого не влюбленъ, но онъ ее не любитъ. Онъ добръ, нѣженъ къ ней изъ долга, а это не то, чего она хочетъ: она не ревнива,—она недовольна. Ей предстоитъ не жизнь, а адъ... Если она получитъ разводъ и ей отдадутъ сына, то Сережа перестанетъ ли спрашивать и думать объ ея двухъ мужьяхъ? «А между мною и Вронскимъ какое же я придумаю новое чувство?» спрашиваетъ Анна. «Сережа!» вспомнила она. «Я тоже думала, что любила его, и умилялась надъ своею нѣжностью. А жила же я безъ него, промѣняла же его на другую любовь,—и не жаловалась на этотъ промѣнъ, пока удовлетворялась той любовью». И она съ отвращеніемъ вспоминала тó, чтó называла той любовью? Анна остановилась на мысли: избавиться отъ всего — умереть. Поѣздъ привозитъ Анну на станцію, гдѣ кучеръ Вронскаго подаетъ ей его строки. «Очень жалѣю, что записка не застала меня,—писалъ онъ.—Я буду въ десять часовъ».—«Такъ, я этого ждала», говоритъ Анна съ злобною усмѣшкой: «нѣтъ, я не дамъ мучить себя». Подходитъ товарный поѣздъ; Анна бросается подъ вагонъ, еще спрашивая себя: «гдѣ я? чтò я дѣлаю? зачѣмъ?» Жизнь ея кончена, но читатель не можетъ не повторить ея же вопросовъ: что она сдѣлала? зачѣмъ? — Надобно отдать справедливость автору,—онъ съумѣлъ здѣсь съ полнымъ успѣхомъ запутать впечатлѣніе читателя и поставить на его разрѣшеніе очень трудную загадку. Если цѣль художника состоитъ въ изобрѣтенія подобныхъ загадокъ, то она здѣсь вполнѣ достигнута. Чтó вызвало самоубійство Анны? Разлюбилъ ли ее Вронскій? — Въ спокойныя минуты она знаетъ и вѣритъ, что она любима. Только послѣ вызванныхъ ею самою ссоръ и въ полу-бредѣ она думаетъ, что Вронскій разлюбилъ ее, или что любовь его уменьшилась. Еще послѣ послѣдней ссоры она признавалась въ виновности своей предъ нимъ. Послѣдняя буря въ душѣ ея поднялась отъ того, что Вронскій отвѣчалъ на депешу Анны, а не на письмо, ко-

тораго еще не получалъ. Буря эта, стихшая только со смертью Анны, была вызвана недоумѣніемъ съ ея стороны, отсутствіемъ соображенія въ нетерпѣливой женщинѣ. Какой же смыслъ въ самоубійствѣ Анны?

Предъ нами неизбѣжны исходъ непризванной и неоцѣненной любви, глубокихъ страданій оскорбленнаго самоотверженнаго сердца или отчаянный актъ безпредѣльнаго себялюбія, вѣчно голодной и слѣпой эгоистической страсти, безсмысленный поступокъ въ припадкѣ изступленнаго ребяческаго раздраженія и безумнаго страха, или просто только пагубное слѣдствіе неумѣреннаго употребленія опіума на слабый организмъ женщины? Смерть Анны является ли знаменіемъ достоинства и высокихъ неудовлетворенныхъ стремленій человѣческаго духа, знаменіемъ ли дѣтскаго безсилія и безумія, или есть только патологическое явленіе физическаго организма? Послѣднее кажется читателю всего болѣе вѣроятнымъ, когда онъ соображаетъ состояніе Анны въ часы, предшествующіе ея смерти, всю путаницу ея мыслей, изображенную авторомъ. Читатель помнитъ всѣ прежнія бури души Анны, но всѣ онѣ поднимались и улегались обычною чередою. Только опіумъ положилъ безвозвратный предѣлъ имъ. Не будь его, Анна опомнилась бы и успокоилась, какъ не разъ бывало уже съ нею послѣ подобныхъ бурь; не будь опіума, она поняла бы, что, отвѣчая на депешу, Вронскій не могъ отвѣчать на неполученное имъ письмо, что, обѣщая возвратиться по ея зову чрезъ нѣсколько часовъ, онъ не выказывалъ ей ни равнодушія, ни желанія оскорблять и мучить ея чувствительность. Она возвратилась бы еще разъ къ мысли, что Вронскій любитъ ее, что съ ея стороны нужно только довѣріе. Но неужели авторъ занималъ читателя жизнію и судьбою Анны, имѣя въ виду показать на ней одно губительное дѣйствіе опіума? Впечатлѣніе читателя очень смутно надъ послѣднею страницею жизни Анны, при послѣднемъ ея рѣшеніи. Въ самой Аннѣ это рѣшеніе представляется авторомъ не свободнымъ и сознательнымъ, а болѣзненнымъ и темнымъ влеченіемъ. Идя на смерть, она сама спрашиваетъ: зачѣмъ? Такая смерть потрясаетъ наши нервы и вызываетъ нашу жалостливость, какъ несчастная случайность, но не потрясаетъ глубины нашей души ужасомъ и состраданіемъ, возбуждаемыми трагическимъ концомъ, нравственный смыслъ котораго намъ понятенъ.

Мы слышали отъ Анны, что ее никто не знаетъ и что сама она не знала себя. Не слишкомъ ли довѣрился этимъ словамъ

авторъ и не признавалъ ли самъ въ лицѣ Анны тайну, которую можно угадать только отчасти, но не вполнѣ? Если образъ Анны не двоится предъ нами, какъ образъ Каренина, то тѣмъ не менѣе читателю не легко уловить его колеблющееся и измѣнчивое выраженіе. Самъ авторъ готовъ иногда допускать въ Аннѣ болѣе глубины и силы, болѣе самосознанія, чѣмъ это возможно при ея ребяческомъ легкомысліи и наивномъ эгоизмѣ. Въ сценѣ, гдѣ она отдается Вронскому, авторъ неправдиво заставляетъ ее глубоко, до униженія чувствовать свое паденіе. Нерѣшительность и слабость, духъ лжи и обмана, овладѣвающіе Анною и выражающіеся въ ея притворствѣ передъ мужемъ, отъ котораго она скрываетъ свои отношенія къ Вронскому, признаваясь въ нихъ только неожиданно для самой себя и вслѣдъ затѣмъ жалѣя объ этомъ признаніи, авторъ представляетъ намъ слѣдствіемъ ея сильной материнской привязанности. Онъ забываетъ собственныя указанія на то, что Анна приняла на себя роль матери живущей для сына, роль только отчасти искреннюю, но много преувеличенную. Авторъ слишкомъ довѣряетъ мысли Анны, что все легкое для иныхъ женщинъ—для нея мучительно. Лишеніе положенія въ свѣтѣ, лишеніе, съ которымъ Анна никогда не могла помириться, отравляло ея союзъ съ Вронскимъ. Въ началѣ романа авторъ не скрылъ отъ читателя собственнаго признанія Анны, что положеніе въ свѣтѣ ей дорого и что она, сколько бы ни старалась, не будетъ сильнѣй самой себя, но во время жизни ея съ Вронскимъ, авторъ признаетъ главною и неизлечимою раною ея сердца рану матери, лишенной сына и ненасытимой любви ея къ Вронскому. Намѣренно или нѣтъ, но авторъ сообщилъ образу Анны одностороннее освѣщеніе, которое рельефно выставляетъ нѣкоторыя черты его, скрывая другія въ тѣни отъ созерцанія читателя. Не будь этого искусственнаго освѣщенія, читатель ясно понималъ бы, что въ Аннѣ болѣе страстности, чѣмъ сердечности, что въ любви ея болѣе эгоизма, чѣмъ преданности, что въ самой страсти ея болѣе порывовъ, чѣмъ глубины, что образъ ея можетъ быть привлекателенъ дѣтскою прелестью, игривостью и граціей, но что въ немъ нѣтъ красоты, достоинства и силы.

Но если авторъ представилъ образъ Анны не вполнѣ ясно для нашего созерцанія, то все же онъ сообщилъ намъ много фактовъ ея внѣшней и внутренней жизни, сообразивъ которые мы можемъ сдѣлать выводъ о значеніи лица и характера героини романа. Анна женщина небольшого ума, весьма достаточнаго для свѣтскихъ условій, вполнѣ удовлетворявшагося жизнію и интересами свѣта, но не требовавшаго и непонимавшаго ничего

внѣ этого привычнаго ей горизонта. Она была женщина не безъ сердца, но съ сердцемъ весьма не глубокимъ, она не была равнодушна къ сыну, но и не настолько мать, чтобы любовь къ сыну или дочери была въ ней сильнѣе другихъ требованій ея души, сильнѣе желаній наслажденія и личнаго счастія. Мужъ ея былъ серьёзный человѣкъ, а въ ней ничего не было серьёзнаго, и ей было скучно и тяжело съ нимъ, какъ скучно ребенку постоянно оставаться съ взрослымъ человѣкомъ: Элегантный Вронскій былъ достойный герой романа такой героини. Въ женѣ Каренина было полное отсутствіе всякаго нравственнаго содержанія, всякихъ требованій отъ себя; въ жизни ея не было ни сильной привязанности, ни важной для нея цѣли, ничто не могло защитить ее отъ праздной фантазіи и минутныхъ влеченій. Взрослый ребенокъ, она была слаба и беззащитна, какъ онъ, и какъ онъ—легкомысленна и безотвѣтственна. Съ ребяческою жадностію бросилась она на лакомство, попавшееся ей въ лицѣ Вронскаго, и со страхомъ думала она, что это запрещенное лакомство отнимутъ у нея, и при малѣйшемъ подозрѣніи такой опасности волновалась, плакала, капризно требовала, чтобы ее успокоивали ласками и увѣреніями, что никто не посягнетъ на ея сладости. Какъ безъ оглядки бросилась она на представившееся ей лакомство, также она и испугалась и потерялась при мнимой опасности лишиться его, и перепуганный, безсмысленный, жалкій ребенокъ въ отчаяніи бросается подъ вагоны и кончаетъ свое существованіе.

Анна была правдива, замѣчалъ Левинъ, до нѣкоторой степени справедливо. Она была правдива, какъ правдивы дѣти, сообразно минутѣ. Она была не только дитя, но даже enfant terrible, съ ея неожиданными выходками, затѣями, страхами, признаніями и рѣшеніями. Вмѣстѣ съ такою правдивостію она не была лишена и дѣтской хитрости: вспомнимъ ея способность уходить въ себя, притворно присмирѣть и покориться, разыгрывать веселое недоумѣніе для избѣжанія непріятныхъ ей объясненій, ея старанія окружить Вронскаго такъ, чтобы онъ не желалъ ничего новаго. Чтобы находить счастіе, даже и въ тяжеломъ, не признанномъ ни обществомъ, ни закономъ союзѣ съ любимымъ человѣкомъ, нужно имѣть сильный характеръ, нравственную опору въ самой себѣ, какихъ не было и слѣда въ Аннѣ. Такія женщины-дѣти, какъ Анна, могутъ удовлетворяться спокойною и легкою жизнію въ опредѣленномъ и обезпеченномъ положеніи, но пусть избранникъ ихъ сердца не разсчитываетъ,

что онѣ смѣло пойдутъ съ нимъ и по тернистому пути, что онѣ терпѣливо раздѣлятъ съ нимъ всѣ его тягости. Если бы Анна сдѣлалась женою Вронскаго, то ея обезпеченное положеніе въ обществѣ, особенно забавы и разсѣяніе свѣтской жизни, такъ необходимыя и понятныя ей, могли бы смягчать и развлекать въ ней чувство постояннаго страха за обладаніе Вронскимъ, чувство, усиленное уединеніемъ, на которое осуждалъ ее незаконный союзъ, хотя существенно ея отношенія къ Вронскому не измѣнились бы. Трудно навѣрно предвидѣть, что̀ принесъ бы имъ бракъ. Анна могла бы по прежнему отравлять жизнь Вронскаго своими подозрѣніями и преслѣдованіями, могла притомиться и охладѣть къ нему, не находя ласки, единственно потребной и понятной этому взрослому ребенку, могла бы увлечься новою встрѣчею; между ею и Вронскимъ могло бы, пожалуй, повториться то, что̀ было между Анною и первымъ ея мужемъ. При дѣтской пустотѣ души Анны, при впечатлительности и способности ея къ увлеченіямъ — все возможно, все рѣшаетъ случайность. Послѣдняя привела ее къ смерти, какъ могла бы привести и къ повторенію той же путаницы, которую мы уже созерцали въ жизни Анны. «Всѣмъ намъ хочется сладкаго»,—въ этихъ словахъ высказала Анна наивное предсмертное сознаніе свое. Если бы этотъ взрослый ребенокъ любилъ, желалъ и понималъ что-нибудь, кромѣ лакомства и ласки,—невольно думаемъ мы, заканчивая чтеніе романа Анны Карениной! Если бы женщина и мать не оставалась вѣчно въ дѣтствѣ, или если бъ дѣти не были женами и матерями! Если бы для большинства женщинъ существовали серьёзныя цѣли жизни, если бы онѣ не видѣли въ ней только игру и забаву, если бы онѣ понимали, что въ самоотреченіи и въ самопожертвованіи матери и жены болѣе достоинства и болѣе нравственнаго удовлетворенія, чѣмъ въ погонѣ за призраками по призыву ихъ аппетитовъ и фантазій! Какъ уменьшилось бы тогда число несчастныхъ семействъ! Тогда бы не было романа «Анна Каренина», не было бы множества тѣхъ современныхъ явленій семейной русской жизни, въ которыхъ чудятся намъ глубокія таинственныя драмы, страшныя страданія, ужасные обманы высокихъ стремленій человѣческаго сердца, и въ которыхъ, вглядываясь ближе, вмѣсто глубокой драмы, мы узнаемъ только нескончаемую путаницу, порождаемую отсутствіемъ всякаго нравственнаго начала въ союзѣ, заключаемомъ людьми,—порождаемую господствомъ не любви, а личныхъ капризныхъ вкусовъ, аппетитовъ, какъ называетъ ихъ Анна,—ребяческимъ лег-

комысліемъ, бездонною, ненаполнимою пропастью пустопорожнихъ сердецъ и головъ!

Въ сказанномъ нами объ Аннѣ изложены нами соображенія и выводы изъ данныхъ фактовъ, сообщаемыхъ о ней самимъ авторомъ. Но образы, представленные намъ художникомъ, прежде всего должны быть доступны нашему созерцанію, а не являться только матеріаломъ для выводовъ и заключеній нашей мысли. Въ послѣднемъ случаѣ они вызываютъ трудъ и усиліе нашей собственной умственной дѣятельности, а не наслажденіе, доставляемое намъ созерцаніемъ произведеній искусства, достигающаго вполнѣ своей цѣли. Главные образы романа автора не представлены съ такою законченностію, полнотою и послѣдовательностію, которые выяснили бы значеніе этихъ образовъ уже самымъ ихъ явленіемъ. Значеніе ихъ открывается читателю не непосредственно, а усиліемъ его собственнаго соображенія.

Въ романѣ встрѣчаются уклоненія отъ прямого пути къ существенной задачѣ, избранной самимъ авторомъ, уклоненія, затемняющія, или искажающія истинный смыслъ имъ самимъ преслѣдуемыхъ цѣлей, создаваемыхъ имъ характеровъ, изображаемыхъ имъ положеній и отношеній. Произведеніе автора не можетъ быть названо вполнѣ художественнымъ, такъ какъ основная мысль и содержаніе его не выразились въ формѣ, вполнѣ имъ соотвѣтствующей. Тѣмъ не менѣе, роману «Анна Каренина» принадлежитъ видное мѣсто въ ряду лучшихъ произведеній нашей беллетристики. Въ этой области литературы мы уже не сохраняемъ строгихъ требованій, съ какими относимся къ произведеніямъ искусства, и довольствуемся только относительнымъ достоинствомъ и значеніемъ литературныхъ произведеній. Здѣсь обыкновенны излишества, длинноты и не вполнѣ вѣрныя или убѣдительныя объясненія побужденій и дѣйствій изображаемыхъ лицъ, невыдержанная послѣдовательность въ развитіи событій и характеровъ, неясность, или случайность чертъ характеристическаго представленія явленій. Здѣсь нѣтъ законченности и цѣльности произведеній искусства, но есть разнообразіе и интересъ содержанія, нѣтъ раскрытія всей глубины представленныхъ явленій, но есть указанія на многія стороны ихъ, много занимательнаго для читателя, хотя нѣтъ полнаго удовлетворенія и отвѣта на вопросы, затронутые и возбужденные самимъ произведеніемъ. Нельзя не видѣть заслуги автора «Анны Карениной» и въ томъ, что онъ призываетъ вниманіе и сознаніе читателей къ явленіямъ весьма распространеннымъ въ нашемъ обществѣ и, до нѣкоторой степени, уясняетъ намъ значеніе

этихъ явленій. Нельзя также не признать правдиваго и живого нравственнаго чувства, одушевлявшаго автора въ созданіи романа, замѣчательнаго по интересу, внушаемому его содержаніемъ, по значительности возбуждаемыхъ имъ вопросовъ, по прекрасному изображенію многихъ сторонъ главныхъ лицъ романа и нѣкоторыхъ второстепенныхъ лицъ и характеровъ, многихъ эпизодовъ и частностей романа.

Мы сказали, что романъ «Анна Каренина» пересѣкается безпрестанно главами другого романа, героемъ котораго является Левинъ. Постараемся выдѣлить его—и разсмотримъ особо.

А. Станкевичъ.

ДУМЫ и ГРЕЗЫ

VI.

ВЪ СУМЕРКИ.

Побольше сумрака! Побольше, другъ мой, тѣни!
Гардины опусти, вотъ такъ. Пусть лучъ дневной
Не видитъ нашихъ грёзъ и дѣтскихъ вдохновеній.
Вѣчна моя печаль, не дологъ отдыхъ мой.
Еще не такъ давно предсмертный крикъ поэта
Я гордо повторялъ, крича: «побольше свѣта!»
И съ яркимъ свѣточемъ я смѣло въ міръ вступилъ.
Увы! Тотъ свѣтъ глазамъ лишь бездну освѣтилъ...

Я видѣлъ блѣдныя, измученныя лица,
Лачужки дымныя, печальнѣе гробовъ,
Я видѣлъ край родной, угрюмый, какъ темница,
Я слышалъ сытый смѣхъ, и плачъ, и лесть рабовъ.
Я видѣлъ... О, зачѣмъ я къ свѣту все стремился?
Я видѣлъ... О, зачѣмъ я не слѣпымъ родился?
Я видѣлъ... Милый другъ, пусть тайной для тебя
Останется все то, что въ мірѣ видѣлъ я...

Побольше сумрака! Мой отдыхъ здѣсь не дологъ.
Того борьба манитъ, тому ужъ не заснуть,
Кто съ жизненнаго зла сорвалъ мишурный пологъ.
Блаженства мигъ съ тобой — и снова въ трудный путь!
Такъ точно бедуинъ отъ мачихи-пустыни
Однажды въ годъ спѣшитъ въ роскошный край святыни,

Мольбы обычныя приноситъ небесамъ
И вновь стремится въ степь, къ родимымъ шалашамъ.

Побольше сумрака! Мечты свободный геній
Изъ бѣдной комнатки создастъ намъ рай земной.
Дай вспомнить молодость... Не плачь: людскихъ волненій
Забудь тяжелый бредъ, забудь его со мной.
Забудь! Пусть богъ толпы—кумиръ пустой и лживый,
Пусть глупость дерзкая надъ глупостью трусливой
Царитъ по всей землѣ, пусть праведника грудь
Покрыта язвами,—забудь, забудь, забудь!

Дай вспомнить молодость! Ты слышишь-ли дыханье
Весны ликующей? Гляди: изъ темноты
Выходятъ образа въ серебряномъ сіяньи...
Ты узнаёшь-ли ихъ? То дѣтскія мечты
И вѣра дѣтская. Я васъ узналъ, родныя,
Узналъ вашъ нѣжный взоръ и рѣчи неземныя.
Надежды грудь полна, я плачу и дрожу,
И вновь—о, сладкій мигъ!—я вѣрить вновь хочу...

Дай вспомнить молодость... Ты помнишь садъ увядшій
Осеннимъ вечеромъ? Со скорбью на лицѣ,
Прекрасна и горда, какъ будто ангелъ падшій,
Природа въ траурномъ, померкнувшемъ вѣнцѣ
Готовилась уснуть. И только дня свѣтило
Безпечно, словно царь, на отдыхъ уходило
Со льстивой свитою пурпурныхъ облачковъ
Туда, за грань полей и скошенныхъ луговъ.

Со мной сидѣла ты. Головкою влюбленной
Склонясь на грудь ко мнѣ, на любящую грудь,
Ты мнѣ пророчила стыдливо и смущенно
Покрытый розами поэта славный путь.
И вѣрилъ я тебѣ, что пѣсню неземную
Спою я родинѣ, что красоту больную
Я къ жизни призову, что родина моя
Средь памятныхъ именъ припомнитъ и меня...

Блѣднѣлъ огонь зари. Невидимо надъ нами
Часы счастливые задумчиво текли,

И ночь прохладная далекими огнями
Проглянула съ небесъ на тихій сонъ земли.
И мы разстались съ любовью и тоскою,
И всю-то ночь потомъ надъ дѣтской головою,
Какъ тучки легкія, предвѣстницы весны,
Толпились свѣтлые, причудливые сны.

И снился вечеръ мнѣ осеннею порою;
Въ прозрачномъ воздухѣ кружилися листы.
И въ золотую даль, горѣвшую зарею,
Въ раздумьи я глядѣлъ, и грустныя мечты
Будилъ во мнѣ тотъ видъ. Я думалъ о богинѣ,
Цвѣтущей нѣкогда, больной и хилой нынѣ,
О карлахъ думалъ я, жестокою войной
Грозившихъ небесамъ съ звѣздами и съ луной.

И снилось мнѣ тогда: окружена лучами,
Съ небесъ погаснувшихъ ко мнѣ спустилась ты,
Съ улыбкой кроткою, съ любовными очами,
Съ печатью свѣтлою душевной красоты,
Ты кроткое лицо, какъ мать, ко мнѣ склонила,
Какъ мать, ты ласково мнѣ слезы осушила,
И пѣсню свѣтлую, какъ ангела мечта,
Пропѣли мнѣ твои безгрѣшныя уста:

«Я называюсь Красотою,
Я—строгой Истины сестра.
Мы обѣ держимъ надъ землею
Источникъ счастья и добра.

«Мы—за труды и за невзгоды
Награда высшая, ихъ цѣль.
Нашъ храмъ—земля, жрецы—народы,
И небо—наша колыбель.

«Я называюсь Красотою.
Не плачь, поэтъ: я не больна.
Отъ глазъ сокрытыя грозою,
Не гаснутъ звѣзды и луна.

«Поэтъ! Враговъ моихъ суровыхъ
Не презирай и не кляни.

Пророки словъ живыхъ и новыхъ
И правды воина—они.

«Когда исполнятся надежды,
Герои, гордые войной,
Низложатъ бранныя одежды
И въ прахъ падутъ передо мной.

«Для смертныхъ въ край обѣтованный
Проложенъ путь среди степей.
Не плачь! Настанетъ день желанный
Для бѣдной родины твоей.

«Иди въ толпу, и пѣсней гордой
Ей возвѣщай про счастья дни,
Рукой безтрепетной и твердой
Вѣнецъ мой будущій храни.

«Слова правдивыя поэта
Въ пустынѣ, въ сумракѣ ночномъ,
Да будутъ скиніей завѣта,
Да будутъ огненнымъ столпомъ!...»

Н. Минскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1878.

Дѣло народнаго образованія. — Крестьянскіе платежи въ петербургской губерніи. — Число народныхъ школъ въ Россіи. — Государственный почин въ начальномъ образованіи. — Содѣйствіе земства и обществъ. — Устраненіе препятствій. — Двухклассныя училища. — Учительскія семинаріи. — Постановленія черниговскаго и рязанскаго земства. — Слова князя Волконскаго.

Наиболѣе коренным и наиболѣе систематически-проведеннымъ изъ всѣхъ преобразованій нашей эпохи справедливо считается именно первое по времени, т.-е. крестьянская реформа. Но какъ всѣ прочія преобразованія еще не достигли полнаго примѣненія и развитія, какъ по каждому изъ нихъ остается еще сдѣлать многое, для того, чтобы всѣ они могли придти въ полную взаимную связь и составить цѣльный, гармоническій строй,—такъ и къ улучшенію быта крестьянъ, въ томъ видѣ, какъ оно досел сдѣлано, требуются еще весьма существенныя, необходимыя дополненія. Положимъ, справедливо, что все не могло быть сдѣлано вдругъ. Вопросъ освобожденія рабочей массы и надѣла ее землей былъ самъ-по-себѣ такъ сложенъ, что — при рѣшеніи его — естественно было отложить многое до будущаго времени. Но тѣмъ болѣе необходимо не упускать изъ виду того факта, что еще сдѣлано далеко не все необходимое для „улучшенія быта". Недаромъ самая мѣра освобожденія и земельнаго надѣла получила именно это названіе „улучшенія быта" крестьянъ, и если бы теперь, по истеченіи 17-ти лѣтъ, мы пришли къ такому результату, что крестьяне, дѣйствительно, освободились отъ помѣщичьей власти, но что другого существеннаго улучшенія въ ихъ бытѣ не замѣчается,—то это не было бы еще результатомъ удовлетворительнымъ, такъ-какъ крестьянъ нужно было не только освободить, но и улучшить ихъ житье-бытье—весьма некрасивое.

Когда во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ вопросъ объ улуч-

шенія быта крестьянъ былъ только-что поднятъ, то въ сужденіяхъ, высказывавшихся приверженцами и противниками освобожденія, занималъ видное мѣсто еще другой вопросъ, — такой, который впослѣдствіи отошелъ совершенно на задній планъ, а именно: вопросъ о народномъ образованіи. Тогдашніе противники мѣры освобожденія уже не возражали противъ нея по существу, а только оспаривали ея своевременность и разсуждали такъ: заботы о распространеніи въ крестьянствѣ образованія должны предшествовать освобожденію, потому что люди столь неразвитые, какъ русскіе крестьяне, не могутъ сдѣлать разумнаго употребленія изъ своей свободы. На это приверженцы освобожденія возражали совершенно основательно, что безъ свободы немыслимо самое развитіе; что человѣкъ, не владѣющій своей личностью, не можетъ стремиться къ развитію; что тягость барщины и гнетъ произвола убиваютъ самосознаніе личности и обусловливаютъ тотъ мракъ и ту грубость нравовъ, которые соотвѣтствуютъ состоянію рабства. Они разсуждали такъ, что слѣдуетъ прежде уничтожить рабство, и уже только затѣмъ возможно и необходимо будетъ заботиться о распространеніи образованія, объ умственномъ развитіи, которое пособитъ народу въ разумномъ употребленіи его силъ.

Къ великому счастью для Россіи, одержало верхъ второе, очевидно, справедливое мнѣніе, и вопросъ объ освобожденіи не былъ отсроченъ, не былъ заключенъ въ тотъ безвыходный кругъ, въ который хотѣли его замкнуть защитники застоя. Но что дѣло народнаго образованія должно было представиться дѣйствительно важнѣйшимъ дѣломъ *вслѣдъ* за освобожденіемъ, — это впослѣдствіи было въ значительной мѣрѣ упущено изъ виду. Трудность самаго освобожденія и надѣла была такова, что когда эти мѣры стали благополучно примѣняться на практикѣ—было, пожалуй, естественно даже нѣсколько преувеличить себѣ значеніе того, во всякомъ случаѣ, великаго труда и великаго дѣла, которые были исполнены. Въ первое время многимъ могло казаться, что уже сдѣлано было все,—что русское государство, посредствомъ одного законодательнаго акта, съ-разу расквиталось съ массою русскаго народа за всѣ тѣ жертвы, какія эта масса несла въ продолженіи вѣковъ на созданіе государственнаго могущества Россіи, за всѣ тѣ лишенія и то безправіе, въ какихъ государство въ продолженіи вѣковъ держало эту массу.

На самомъ дѣлѣ, одного законодательнаго акта не могло быть достаточно для этого, и государство вовсе еще не сдѣлало для „улучшенія быта крестьянъ“ всего, что необходимо было сдѣлать.

Оставимъ на минуту въ сторонѣ фактическую сторону крестьянской реформы и спросимъ себя — какъ бы не зная того, что было

сдѣлано — спросимъ себя апріорически: что слѣдовало сдѣлать для улучшенія быта крестьянъ? Отвѣтъ представляется самъ-собой: слѣдовало освободить крестьянъ и надѣлить ихъ землею такъ, чтобы при этомъ не обременить ихъ непосильными платежами; не поработить личность круговой порукѣ; не оставить прикрѣпленія къ землѣ вмѣсто крѣпостной зависимости; предоставить значительную свободу переселенію; приложить попеченіе къ развитію мѣстныхъ сельскихъ промысловъ, и — самымъ энергическимъ почином государства, съ значительными жертвами съ его стороны, — предоставить освобожденному народу средства къ образованію. Государственная забота о распространеніи въ народѣ образованія, повторяемъ, должна была представляться необходимымъ дополненіемъ, — такъ-сказать, второй частью дѣла освобожденія. Если теперь мы возвратимся къ фактической сторонѣ крестьянской реформы, и бросимъ взглядъ на результаты, досель достигнутые, то легко убѣдимся, что сдѣлано еще далеко не все, что представлялось необходимымъ, что нѣчто изъ сдѣланнаго подлежитъ еще пересмотру и поправкѣ — таковы: неуравнительность и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ непосильная тягость выкупныхъ платежей, стѣснительность круговой поруки и условій переселенія — и затѣмъ многое требуетъ еще совершенно необходимаго дополненія, каковы: необходимое преобразованіе податной системы и паспортныхъ узаконеній, попеченіе о развитіи сельскихъ промысловъ и, наконецъ, — энергическій починъ государства для распространенія въ народѣ образованія. Дѣло распространенія образованія, которое мы поставили послѣднимъ въ этомъ перечнѣ, представляется однимъ изъ первыхъ по важности. Сверхъ того, оно тѣмъ менѣе должно было откладываться на неопредѣленное время, что было, сравнительно говоря, легко. Здѣсь болѣе всего нужна была охота, энергія и выдержка; болѣе всего здѣсь требовалось не упускать изъ виду той азбучной истины, что освобождаемый народъ долженъ былъ неотложно получить средства для умственнаго развитія. Если бы это было сдѣлано своевременно и съ достаточной энергіей, то, быть можетъ, и не пришлось бы чрезъ 17-ть лѣтъ послѣ освобожденія опасаться вредныхъ вліяній на неразвитый умъ народа, и — въ силу такого опасенія — задерживать и впредь самое это развитіе.

Мы говоримъ, что болѣе всего здѣсь были нужны именно убѣжденіе и охота, потому что матеріальныя средства въ области этой реформы требовались относительно гораздо меньшія, чѣмъ въ которой-либо изъ отдѣльныхъ реформъ, связанныхъ въ общую идею „улучшенія быта“. Покажемъ это на примѣрѣ, съ помощью цифръ, относящихся къ одной губерніи. Представимъ себѣ, что совершается преобразованіе податной системы, съ цѣлью облегчить для крестьянъ

бремя казенныхъ податей или уменьшенія выкупныхъ платежей,—и допустимъ, что та или другая реформа примѣняется къ петербургской губерніи. Крестьянское населеніе петербургской губерніи состоитъ изъ 205 тысячъ душъ мужского пола, съ которыхъ въ 1876 году дѣйствительно поступило всѣхъ сборовъ (казенныхъ, выкупныхъ, оброка, земскихъ и мірскихъ) до $2^1/_2$ милл. руб. Главную тягость составляютъ, конечно, выкупные платежи, а за ними — казенные сборы. Положимъ, что признано возможнымъ уменьшить на треть сумму выкупныхъ платежей. По окладу въ 938 тысячъ руб., это составило бы болѣе 310 тысячъ руб., которыхъ лишалась бы казна, производящая операцію выкупа. Положимъ, казенные сборы уменьшены на треть: это по цифрѣ оклада 669 тысячъ руб. составило бы болѣе 220 тысячъ руб., которые казнѣ пришлось бы пожертвовать или доставать изъ иного источника. Между тѣмъ, пожертвовавъ на народное образованіе тѣ же 310 или 220 тысячъ руб., правительство увеличило бы тѣ средства, какія нынѣ можетъ дать петербургское земство на народное образованіе въ губерніи не на треть, но—на первую цифру—*втрое*, а на послѣднюю—вдвое. Дѣло въ томъ, что все, чѣмъ располагаетъ нынѣ петербургское земство на народное образованіе, составляетъ около 100 тысячъ руб.: 26,700 руб. даетъ губернское земство, да 73,907 руб. въ сложности—всѣ уѣздныя. Такъ какъ гораздо болѣе половины средствъ земства идетъ на расходы обязательные, то оно и не можетъ давать на народное образованіе болѣе того, что̀ даетъ: народное образованіе принадлежитъ къ числу необязательныхъ расходовъ.

Примѣромъ этихъ цифръ мы хотѣли только показать, что въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія бо̀льшіе успѣхи, сравнительно съ тѣмъ, что̀ было сдѣлано, могли быть достигнуты съ гораздо меньшими средствами, чѣмъ при осуществленіи любой изъ другихъ реформъ по улучшенію народнаго быта. Въ дѣлѣ распространенія образованія успѣхи были бы легче, веденіе дѣла благодарнѣе, результаты быстрѣе и очевиднѣе. На первомъ планѣ здѣсь представлялись, стало-быть, не матеріальныя средства (такъ какъ на относительно небольшія средства можно было достигнуть большихъ результатовъ), но нѣчто иное: убѣжденіе въ необходимости этого дѣла, въ великомъ нравственномъ долгѣ государства передъ массою народа, которая для него работала и такъ мало отъ него получала, но которая, наконецъ, получивъ отъ него первое, великое право—личную свободу, должна была пріобрѣсть отъ него же, безъ отсрочекъ, великое благо—народную школу. Въ какой мѣрѣ оказались на-лицо данныя для удовлетворенія этой законной и несомнѣнной потребности—къ этому мы сейчасъ возвратимся; но прежде остановимся еще короткое время на

цифрахъ, почерпнутыхъ нами изъ докладовъ петербургской губернской земской управы и только-что приведенныхъ. Это будетъ относиться къ матеріальному положенію народа, въ томъ видѣ, какъ оно остается послѣ крестьянской реформы.

Итакъ, 205 тыс. душъ крестьянъ мужского пола дѣйствительно уплатили всѣхъ сборовъ въ 1876 году до $2^1/_2$ милл. руб. Въ ряду сборовъ первое мѣсто занимали выкупные платежи, которыхъ поступило свыше 1 милл. руб.; второе — казенные сборы, которыхъ поступило 714 тыс. руб. Надо замѣтить, что обѣ эти поступленія превышали исчисленія по окладу. Вообще, по совокупности всѣхъ сборовъ, крестьяне губерніи уплатили въ 1876 году нѣсколько болѣе, чѣмъ было на нихъ начислено по окладамъ, а именно: 2 милл. 486 тыс. руб., вмѣсто 2 милл. 400 тыс. руб. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что петербургская губернія находится въ условіяхъ исключительныхъ относительно заработковъ крестьянъ. Достаточно замѣтить, что одно населеніе Петербурга, вмѣстѣ съ войсками, превышаетъ все крестьянское населеніе губерніи. Близость Петербурга и создаетъ для здѣшняго крестьянства заработки, которые даютъ возможность исправной уплаты сборовъ. Превышеніе въ поступленіи предъ исчисленіемъ оклада мы можемъ объяснить себѣ такимъ образомъ: высота заработковъ даетъ крестьянамъ, при сколько-нибудь порядочномъ урожаѣ, средство вносить тѣ платежи, по которымъ употребляются строгія мѣры взысканія, и пополнять часть недоимокъ, накопившихся въ прежніе годы. Дѣло въ томъ, что, несмотря на высоту заработковъ, на крестьянствѣ петербургской губерніи все-таки числится недоимка (по всѣмъ сборамъ, въ томъ числѣ земскимъ и мірскимъ) около двухъ-третей годового оклада. При сравненіи цифръ недоимокъ по отдѣльнымъ сборамъ съ цифрами окладовъ, оказывается, что первыя не пропорціональны вторымъ, или, иными словами, что величина недоимки въ какомъ-либо сборѣ зависитъ не только отъ суммы самаго оклада, но еще отъ необходимости уплачивать нѣкоторые сборы исправнѣе другихъ, въ виду разорительныхъ послѣдствій, какія можетъ повлечь неуплата. Такъ, недоимка по выкупнымъ платежамъ (720 тыс. руб.) стоитъ первою по величинѣ, что соотвѣтствуетъ цифрѣ этихъ платежей, занимающей также первое мѣсто. Но затѣмъ въ ряду цифръ окладовъ казенные сборы занимаютъ второе мѣсто, а въ ряду недоимокъ они занимаютъ уже только четвертое мѣсто ($159^1/_2$ тыс. руб.). Оказывается, что за крестьянами состоитъ недоимки земству болѣе, чѣмъ казнѣ, хотя земское обложеніе не составляетъ и половины казенныхъ сборовъ. Даже по своимъ мірскимъ сборамъ крестьяне накопили недоимку (135 тыс. руб.), которая немного меньше казенной. Вотъ это-то сравненіе и показы-

ваетъ положеніе крестьянства, несмотря на высоту заработковъ. Такъ какъ казенные сборы взыскиваются строго, то ихъ и приходится платить насколько достаетъ возможности, и погашая, когда можно, недоимку; а между тѣмъ недостатокъ средствъ сказывается на недоимкахъ земскихъ и мірскихъ, которыхъ цифры растутъ—въ то время, какъ казенныя недоимки уменьшаются.

Достаточно помнить отзывы самихъ крестьянъ въ извѣстной коммиссіи, изслѣдовавшей сельское хозяйство, чтобы не увлекаться въ предположенія о большихъ успѣхахъ въ общемъ экономическомъ бытѣ крестьянства въ Россіи. Одно несомнѣнно, что налоги росли, росли въ прогрессіи, которой, во всякомъ случаѣ, не соотвѣтствовало развитіе производительности. Отсюда само собой слѣдовало, что и на быстрое развитіе школьнаго дѣла у крестьянъ не было средствъ, даже если бы и было съ самаго начала разумѣніе его необходимости. Изъ самой экономической постановки какъ реформы крестьянской, такъ и реформы земской, было ясно съ самаго начала, что безъ могущественной поддержки со стороны государства дѣло устройства народныхъ школъ не пойдетъ съ быстротою, отвѣчающею потребности въ нихъ. И дѣйствительно, теперь, по прошествіи 17-ти лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, всѣхъ народныхъ училищъ, считая и городскія, состоитъ всего 24 тысячи, и учениковъ въ нихъ менѣе милліона. Это составляетъ примѣрно одну школу на слишкомъ 3 тысячи душъ. Чтобы уяснить себѣ, до какой степени число народныхъ школъ у насъ недостаточно, довольно указать, что число народныхъ школъ у насъ не составляетъ и половины числа народныхъ школъ въ Германіи, а число учениковъ въ нашихъ народныхъ школахъ не составляетъ и шестой части того, какое находится въ народныхъ школахъ Германіи. А такъ какъ населеніе Россіи вдвое больше, чѣмъ населеніе Германіи, то для того, чтобы намъ сравняться съ Германіею въ этомъ отношеніи, въ Россіи должно было бы существовать 100 тысячъ народныхъ школъ, и 12 милліоновъ учениковъ въ нихъ. Извѣстно, что въ Германіи почти все число дѣтей школьнаго возраста, дѣйствительно, и посѣщаетъ школы. Число учениковъ ихъ—6 милл. и представляетъ почти все число дѣтей школьнаго возраста. Это послѣднее число, при двойномъ противъ Германіи общемъ числѣ населенія, должно составлять у насъ около 12 милл.; а такъ какъ наши народныя школы имѣютъ учениковъ всего до 1 милліона, то уже изъ этого слѣдуетъ, что у насъ изъ 12 дѣтей, находящихся въ школьномъ возрастѣ (7—13 лѣтъ), учится всего одинъ ребенокъ.

Такой общій результатъ, оказывающійся чрезъ 17 лѣтъ послѣ освобожденія, крайне неутѣшителенъ. Но для того, чтобы не разсуждать на основаніи однихъ общихъ фактовъ, обратимся въ частному

примѣру. Возьмемъ для примѣра губернію костромскую. По свѣдѣніямъ доклада предсѣдателя губернской управы за 1875—1876 годы, въ костромской губерніи одна народная школа приходится на почти 5 тысячъ (4,928) душъ обоего пола. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ отношеніе благопріятнѣе, но есть и такіе уѣзды, гдѣ одна школа приходится на свыше 6½ т. душъ населенія. А такъ какъ 6½ т. душъ населенія соотвѣтствуютъ въ варнавинскомъ уѣздѣ 596 квадратнымъ верстамъ пространства, то отсюда ясно, что, за исключеніемъ околотка, гдѣ находится школа, крестьянское населеніе уѣзда лишено всякихъ средствъ начальнаго образованія. Вотъ почему цифры, выражающія отношенія между числами учениковъ и ученицъ и предполагаемымъ числомъ дѣтей школьнаго возраста, и не могутъ давать понятія о дѣйствительной доступности образованія для массы населенія. По вычисленіямъ доклада, одинъ ученикъ приходится на 9,21 мальчиковъ учебнаго возраста, и одна ученица на 55 дѣвочекъ. Въ дѣйствительности же дѣло должно представляться въ такомъ видѣ, что въ околоткѣ школы, на разстояніи верстъ трехъ-четырехъ вокругъ, то-есть на пространствѣ примѣрно въ 27—49 кв. версты, школою пользуются, положимъ, половина числа мальчиковъ и четверть числа дѣвочекъ, живущихъ въ этомъ околоткѣ; но за то на пространствѣ остальныхъ 216 или 195 кв. верстъ (въ среднемъ размѣрѣ по губерніи 1 школа на 243,4 кв. верстъ) средства начальнаго образованія безусловно недоступны крестьянскому населенію. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ отношеніе числа учениковъ къ числу дѣтей школьнаго возраста гораздо благопріятнѣе; такъ, напр., въ ветлужскомъ уѣздѣ приходился въ 1876 году 1 ученикъ на 4,71 мальчиковъ; за то въ варнавинскомъ—1 на 14,64. Но отношеніе учащихся дѣвочекъ вездѣ крайне недостаточно; ни въ одномъ уѣздѣ оно не превосходитъ 1 ученицы на 28 дѣвочекъ, а въ макарьевскомъ 1 на 109! Но, какъ мы уже замѣтили, цифры эти, хотя могутъ служить для сравненій съ другими губерніями, сами по себѣ не представляютъ настоящаго положенія дѣла, такъ какъ, изъ 243 кв. верстъ средней величины школьнаго участка, только площадь круга въ 3 или 4 версты радіуса, дѣйствительно можетъ пользоваться школою; на остальномъ же пространствѣ участка не приходится и 1-го учащагося на все число дѣтей школьнаго возраста.

Что же сдѣлало государство для устройства и содержанія тѣхъ начальныхъ школъ, какія имѣются на лицо? Останавливаясь пока на примѣрѣ той же губерніи, отмѣтимъ и здѣсь отраженіе того общаго факта, что государство даетъ нѣкоторыя средства на содержаніе этихъ школъ. Но въ какомъ размѣрѣ? На содержаніе началь-

ныхъ училищъ въ цѣлой губерніи, казна дала въ 1876 году 4,883 р. 50 коп., между тѣмъ какъ общая сумма расхода составляла 87,711 рублей. Итакъ, участіе казны въ расходахъ по содержанію начальныхъ училищъ выражается цифрою всего 5,57%. Затѣмъ, что же еще сдѣлало государство для устройства тѣхъ школъ: оно дозволило ихъ учредить, при соблюденіи установленныхъ формальностей, и наблюдаетъ за ними посредствомъ своихъ инспекторовъ и директора. При этомъ замѣтимъ, что такъ какъ содержанія директоръ получаетъ 3,000 р., каждый же инспекторъ по 2,500 р., а средняя стоимость содержанія одного училища составляла 355 рублей, вознагражденіе же сельскихъ учителей и учительницъ, въ средней цифрѣ—176 руб., то изъ этого слѣдуетъ: во-первыхъ, что, считая только по три инспектора на губернію, казна издерживаетъ на *наблюденіе* за начальными училищами *вдвое* болѣе, чѣмъ на самыя училища; во-вторыхъ, что содержаніе одного директора стóитъ болѣе, чѣмъ содержаніе восьми училищъ, а содержаніе одного инспектора болѣе, чѣмъ содержаніе четырнадцати преподавателей, трехъ же инспекторовъ—болѣе, чѣмъ 42-хъ преподавателей.

Итакъ, участіе казны собственно въ содержаніи начальныхъ училищъ можно назвать ничтожнымъ. Училища эти должны содержаться земствами, городами и сельскими обществами, наконецъ, частными обществами и лицами. Главное участіе въ расходѣ дѣйствительно и принадлежитъ земству. Въ костромской губерніи оно даетъ 46,835 р., затѣмъ сельскія общества 19½ т. р., и города 10 т. р. Но этотъ фактъ уже разъясняетъ и медленность въ развитіи школьнаго дѣла, и слабую его постановку доселѣ. Этотъ фактъ означаетъ, что дѣло основанія школъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, въ какой степени крестьяне сознали его важность, въ какой мѣрѣ прочія сословія земства согласны ревностно стараться о нуждахъ собственно крестьянскаго сословія и, наконецъ, отъ того: насколько сумма обязательныхъ платежей, лежащихъ какъ на крестьянствѣ, такъ и на земствѣ, позволяетъ имъ удѣлять сколько-нибудь значительныя средства на устройство и содержаніе начальныхъ школъ, чтó отнесено къ числу необязательныхъ расходовъ.

Такая постановка, данная у насъ настоятельному дѣлу распространенія образованія въ крестьянствѣ, не соотвѣтствовала основной мысли великой мѣры освобожденія и была ошибочна сама по себѣ. Вѣдь и освобожденіе съ выкупомъ земель можно было предоставить на волю частныхъ соглашеній крестьянъ съ владѣльцами, безъ опредѣленія какихъ либо нормъ и сроковъ. Но этого сдѣлано не было, потому что изъ этого ничего бы не вышло, какъ не выходило и прежде, когда крестьяне имѣли полное право выкупаться на волю съ согласія

владѣльцевъ. Мысль освобожденія была та, что государство явилось посредникомъ между двумя сословіями, изъ которыхъ у одного не было средствъ, а у другого могло быть мало желанія. Ту же самую мысль слѣдовало примѣнить и къ осуществленію той необходимой мѣры дополненія крестьянской реформы, какая представляется распространеніемъ въ крестьянствѣ начальнаго образованія. Но въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, было отступлено отъ общей мысли крестьянской реформы, отъ мысли государственнаго почина. Дѣло учрежденія народныхъ школъ было предоставлено, исключительно, иниціативѣ крестьянскаго сословія, которое сперва не было даже убѣждено въ ихъ необходимости, и сословія дворянскаго, которое представляетъ наиболѣе дѣятельный и руководящій элементъ въ земствѣ, т.-е. того сословія, которое само вовсе не было заинтересовано въ быстромъ распространеніи образованія въ народѣ и могло не быть расположено къ особымъ пожертвованіямъ съ этой цѣлью уже потому, что самая мѣра освобожденія не обошлась для него безъ жертвъ.

Къ чести нашего дворянства слѣдуетъ признать, что оно отнеслось съ сочувствіемъ къ дѣлу народнаго образованія, и земство постепенно удѣляло на этотъ предметъ все бо̀льшія суммы. Сами крестьяне постепенно сознали пользу школъ и стали удѣлять для нихъ бо̀льшія средства. Но, во-первыхъ, то и другое являлось слишкомъ постепенно, такъ-что изъ 17-ти-лѣтняго періода много лѣтъ было опущено безъ достаточной дѣятельности, а, сверхъ того, недостатокъ средствъ, какимъ располагаютъ и земства, и крестьянскія общества, на такъ-называемые „необязательные" расходы, не позволилъ дать умноженію народныхъ школъ достаточные размѣры. Замѣтимъ еще, что и при отсутствіи у насъ сословнаго антагонизма, и при искреннемъ отношеніи всѣхъ сословій земства къ нуждамъ собственно одного изъ нихъ, то-есть крестьянскаго и низшаго городского, все-таки нельзя было и ожидать, чтобы чужой интересъ всѣми былъ принятъ къ сердцу совершенно такъ, какъ свой. И вотъ почему доселѣ возможны такія явленія, какъ то, которое мы встрѣчаемъ въ докладѣ предсѣдателя костромской управы, именно, что изъ общей суммы 65½ т. р., ассигнованной на народное образованіе уѣзднымъ земствомъ въ 1875 году, и 61¾ т. р. въ 1876 году, остались неупотребленными по назначенію: въ первомъ году—23½ т. р. или 33%, а во второмъ—15 т. р. или 24%. „И это *сбереженіе*", сказано въ докладѣ, „сдѣлано тогда, когда на все 1.200,000-ное населеніе израсходовано на народное образованіе, въ сложности изъ всѣхъ источниковъ, всего только около 80 т. р., и когда на это народонаселеніе губерніи было только около 10 т. учащихся; между тѣмъ, на эти сбереженія можно бы

было содержать въ наименьшей мѣрѣ 60 училищъ и тѣмъ дать возможность 2-мъ тысячамъ дѣтей пользоваться образованіемъ".

Итакъ, не одно министерство народнаго просвѣщенія представляло у насъ примѣры сбереженій изъ суммъ, назначенныхъ на народное образованіе. Такіе примѣры представлялись и въ земствѣ. И это нисколько не удивительно. Дѣло въ томъ, что учрежденіе начальныхъ школъ представляетъ все-таки непосредственный интересъ одного только сословія и именно того, которое въ земствѣ не преобладаетъ. Но что же это доказываетъ? Это представляетъ еще одно доказательство, что вся постановка дѣла съ самаго начала была ошибочная. Освобождая крестьянъ, настоятельно необходимо было озаботиться, чтобы они по возможности въ скоромъ времени сдѣлались хоть грамотны, то-есть получили бы возможность читать постановленія и объявленія властей; давая крестьянамъ самоуправленіе, необходимо было постараться, чтобы они какъ можно скорѣе получили средство учитывать старостъ и старшинъ, независѣть отъ произвола волостныхъ и сельскихъ писарей, нанимаемыхъ изъ прохожаго люда; чтобы при выборахъ тѣхъ же старшинъ дѣйствительно происходило избраніе посредствомъ записокъ или хоть была бы провѣрка протокола избранія, а не замѣнялось все это рекомендаціею посредника, записью волостного писаря, и тѣмъ „избирательнымъ" пріемомъ, который основанъ на правилѣ, что „молчаніе есть знакъ согласія".

Для того, чтобы подвинуть дѣло къ столь необходимымъ результатамъ какъ можно скорѣе, чтобы не терять времени, слѣдовало не ожидать убѣжденія однихъ и согласія другихъ жертвовать въ пользу чужого интереса, не ставить самыя жертвы на это дѣло въ зависимость отъ размѣровъ тѣхъ крохъ, какія останутся за удовлетвореніемъ платежей подушныхъ, выкупныхъ, повинностей и расходовъ земскихъ обязательныхъ. Надо было сдѣлать „обязательнымъ" прежде всегѳ расходъ на устройство и содержаніе начальныхъ школъ и сдѣлать его обязательнымъ именно для самого государства, включить на этотъ предметъ въ роспись, съ самаго начала, милліона два рублей, а впослѣдствіи удвоить эту сумму. При этомъ, самособою разумѣется, предполагалось бы, что министерство дастъ такое направленіе заботамъ о народномъ просвѣщеніи, чтобы не дѣлалось „сбереженій" на счетъ начальнаго образованія. Тогда дѣло пошло бы совсѣмъ иначе, и въ истекшія 17 лѣтъ было бы сдѣлано по меньшей мѣрѣ вдвое противъ того, что̀ сдѣлано доселѣ. Въ настоящее время мы дѣйствительно видимъ, что и земство, и крестьянскія общества прилагаютъ большія старанія къ развитію школьнаго дѣла. Значительнѣйшая часть средствъ для него дается именно земствомъ. Но вотъ все-таки мы находимъ, что въ губерніи, съ населеніемъ въ

1½ милліоновъ душъ, на содержаніе училищъ имѣется въ годъ—80—87 т. р., и учениковъ состоитъ—1 на 10 мальчиковъ, ученицъ—1 на 55 дѣвочекъ! Представимъ себѣ, что казна давала бы на народныя школы еще столько же, сколько собирается нынѣ изъ всѣхъ источниковъ; тогда 1 ученикъ приходился бы на 5 мальчиковъ, и 1 ученица на 27 дѣвочекъ. Но въ дѣйствительности отношеніе было бы еще гораздо благопріятнѣе—именно потому, что не было бы упущено много времени, дѣло съ самаго начала стало бы твердо, уже чрезъ нѣсколько лѣтъ имѣлось бы то число грамотныхъ, какое имѣется теперь, и дальнѣйшее развитіе грамотности пошло бы уже лѣтъ 10 тому назадъ такъ, какъ оно можетъ пойти впередъ только теперь. А для казны уплачивать по каждой губерніи Европейской Россіи на начальныя школы по 40 т. р. въ первые годы значило внесть всего лишнихъ два милл. р. въ роспись; нынѣ же, для того, чтобы удвоить средства народныхъ школъ въ томъ размѣрѣ, какъ они представляются 87 тысячами р. по костромской губерніи, потребовалось бы внесть въ бюджетъ лишнихъ 4½ милл. р., что также не было бы невозможно.

Нужно ли, чтобы хотя въ настоящее время народныхъ училищъ и учениковъ было вдвое болѣе, чѣмъ нынѣ оказывается? Въ обществѣ едва ли кто-либо станетъ противъ этого спорить. Но замѣчательно, что противъ этого не споритъ и само то вѣдомство, которое постоянно высказывало мнѣніе, что учрежденіе начальныхъ школъ и ихъ содержаніе должно лежать на обязанности земства и обществъ, а не государства. Въ отчетѣ министерства народнаго просвѣщенія высказана мысль, что, „полагая по самому умѣренному разсчету одну школу на тысячу жителей, потребовалось бы 77 тысячъ школъ, то-есть *въ три* раза болѣе настоящаго числа ихъ, а полагая одну школу на 500 жителей, какъ это принято въ Европѣ, потребовалось бы вдвое бо́льшее число ихъ". Итакъ, само то вѣдомство, которое распредѣляетъ средства казны на народное образованіе, не только не отрицаетъ, что школъ нужно бы нынѣ имѣть вдвое болѣе, чѣмъ ихъ есть, но признаетъ, что „по самому умѣренному разсчету" ихъ должно было быть *втрое* больше нынѣшняго, а по настоящему даже вшестеро болѣе. А между тѣмъ, какъ мы только-что показали на примѣрѣ костромской губерніи, государство въ дѣлѣ устройства и содержанія начальныхъ училищъ въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, принимаетъ только ничтожное участіе.

По нашему убѣжденію и въ настоящее время представляется необходимость, чтобы государство не ограничивалось въ этомъ дѣлѣ однимъ наблюденіемъ, но приняло бы на себя учрежденіе и содержаніе именно начальныхъ, одноклассныхъ школъ въ такомъ числѣ, чтобы дать всему дѣлу энергическій толчокъ. На 4½ милл. рублей,

оно могло бы содержать 10 тысячъ такихъ школъ, которыя все-таки служили бы образцовыми; дожидать для этого — накопленія достаточнаго комплекта учителей, приготовленныхъ казенными учительскими семинаріями, нѣтъ никакой нужды. Когда такихъ учителей будетъ достаточное число, то тѣмъ лучше; но пока ихъ нѣтъ, можно довольствоваться и тѣмъ запасомъ просто грамотныхъ людей, какимъ можно бы располагать для учительства. Каждый, кто умѣетъ правильно писать, знаетъ нѣсколько молитвъ и четыре правила ариѳметики, можетъ съ пользою обучать грамотѣ въ сельскихъ школахъ. Не давая всѣмъ такимъ лицамъ званія и правъ учителей начальныхъ училищъ, можно было бы выдавать имъ свидѣтельства на право обученія чтенію и письму, и пользоваться ихъ услугами впредь до замѣны ихъ учителями, вышедшими изъ учительскихъ семинарій. Самособою разумѣется, что начальныя училища, содержимыя самимъ государствомъ, оставались бы въ непосредственномъ его управленіи, хотя и съ подчиненіемъ училищнымъ совѣтамъ. Но необходимо было бы наблюдать, чтобы эти государственныя народныя школы не сдѣлались средствомъ для лишенія законной самостоятельности по управленію— тѣхъ школъ, которыя содержатся земствомъ и обществами. Дѣло въ томъ, чтобы государство пришло на помощь земству и обществамъ, стараясь на ряду съ ними объ умноженіи начальныхъ школъ, но никакъ не въ томъ, конечно, чтобы, устроивъ какую-нибудь казенную монополію, тотчасъ убить всякое желаніе со стороны земства и обществъ работать на томъ же полѣ. Иначе, мы пришли бы къ такому конечному результату, что вмѣсто нынѣшнихъ 22 тысячъ одноклассныхъ школъ сельскихъ и городскихъ, содержимыхъ земствомъ и обществами, мы бы имѣли только 10 т. такихъ же школъ, содержимыхъ казною.

Возразять ли намъ, что расходъ въ 4½ м. р. непосиленъ для государства или что такая школа, которая обходилась бы всего въ 450 рублей въ годъ, помѣщалась бы въ избѣ и довольствовалась бы отставнымъ военнымъ писаремъ, вмѣсто учителя, не соотвѣтствовала бы величію государства, компрометтировала бы ту вывѣску, которая бы ее украшала? На это мы представимъ слѣдующія объясненія. Конечно, расходъ въ 4½ м. р. — немаловаженъ самъ по себѣ. Но значеніе вещей указывается только сравненіемъ. Если русское земство изъ 25-ти милліоновъ своего бюджета, въ которомъ только меньшая половина представляется расходами необязательными, даетъ на народное образованіе 3 милліона рублей, то государство изъ бюджета въ 600 мил. р. могло бы удѣлить собственно на начальное образованіе, сверхъ нынѣшнихъ 16 м. р. всего бюджета министерства народнаго просвѣщенія (въ которомъ на народныя училища исчислено всего 1½ м. р., и собственно на начальныя около ¼ м. р.)

смѣло могло бы дать еще 4½ милліона р. на такое великое, историческое народное дѣло, какъ сокращеніе вдвое-втрое времени, нужнаго для того, чтобы русскій народъ сталъ грамотнымъ. Расходъ въ 4½ м. р., конечно, великъ въ смыслѣ абсолютномъ, но великъ ли онъ въ смыслѣ сравнительномъ, когда въ иныхъ отрасляхъ расхода или дохода возможны ежегодныя увеличенія и сокращенія въ гораздо бо́льшемъ размѣрѣ? Вспомнимъ цифру контрольнаго отчета, показывающую, что желѣзнодорожныя общества задолжали казнѣ въ одинъ 1876 годъ 38 милл. рублей! Что касается компрометтированія величія государства невзрачностью сельской школы, съ учителемъ, неслыхавшимъ о Песталоцци и Фребелѣ, то вспомнимъ, что недалеко еще то время, когда у насъ государственнымъ учрежденіемъ былъ питейный домъ, когда „цѣловальникъ", т.-е. присяжный, былъ сборщикомъ государственнаго дохода и на кабакѣ былъ государственный гербъ. Не невзрачность бѣдной, хотя бы казенной школы, учащей народъ грамотѣ, компрометтируетъ величіе государства, но безграмотность девяти-десятыхъ взрослыхъ гражданъ этого государства, призванныхъ къ самоуправленію и принужденныхъ учитывать своихъ старшинъ по пальцамъ и преклоняться передъ каждымъ клочкомъ бумаги волостного писаря,—вотъ что́ гораздо болѣе компрометтируетъ достоинство государства, вотъ что обращаетъ отчасти въ миѳъ и сельское самоуправленіе, мѣшаетъ развитію промысловъ, дѣлаетъ возможнымъ для массы населенія одно только развлеченіе— то, которое убиваетъ его здоровье и разоряетъ его хозяйство. Вотъ чему желательно положить предѣлъ въ возможно-скорѣйшее время.

Намъ могутъ еще возразить, что если устроить 10 т. казенныхъ начальныхъ школъ, то это побудитъ земство и крестьянскія общества сократить ихъ пожертвованія на школы. Но это—опасеніе совершенно лишнее. Во всякомъ случаѣ теперь польза школъ уже достаточно сознана крестьянствомъ, и земства употребили уже на это дѣло столько стараній, такъ въ него втянулись, что никакого сокращенія съ ихъ стороны опасаться не должно, а, наоборотъ, можно имѣть увѣренность, что сильный почипъ государства въ этомъ дѣлѣ побудилъ бы земство и крестьянскія общества къ еще бо́льшей энергіи въ заботахъ о немъ. Дѣйствительно, если теперь изъ 12 дѣтей только 1 можетъ учиться, а тутъ возможность ученья была бы предоставлена вдругъ 1-му изъ 6-ти, то совершенно естественно явилось бы въ населеніи желаніе, чтобы та же возможность была предоставлена еще бо́льшему числу дѣтей. Во всякомъ дѣлѣ, когда успѣхъ становится возможнѣе, старанія для достиженія его тотчасъ возростаютъ, какъ усилія гребцовъ, когда становится видѣнъ берегъ.

Но все, что́ доселѣ сказано, конечно, предполагаетъ, что для распространенія образованія въ народѣ требуются именно только новыя средства, что никакихъ искусственныхъ затрудненій для него не существуетъ, что какъ только возникло гдѣ-либо желаніе открыть начальную школу, двухклассную школу или учительскую семинарію и какъ только найдены для этого средства, училище это тотчасъ же можетъ открыться и начать свою дѣятельность, конечно, сообразуясь съ требованіями закона. Само собою разумѣется, что если бы это было не такъ, если бы, напримѣръ, частный починъ убивался формалистикою и недовѣріемъ, а дѣятельность земства стѣснялась бы такими затрудненіями, которыя охлаждали бы въ немъ рвеніе къ дѣятельности на этомъ полѣ, побуждали бы его посвящать часть ея не учрежденію новыхъ школъ, но отстаиванію своихъ правъ по надзору за прежде имъ же учрежденными и имъ содержимыми, а, наконецъ,—даже закрывать нѣкоторыя училища прежде имъ устроенныя,—въ такомъ случаѣ все разсужденіе о судьбѣ народнаго образованія въ Россіи пришлось бы построить совершенно иначе. Безполезно было бы толковать о пріисканіи новыхъ средствъ для развитія дѣятельности, когда оказывалось бы, что и при прежнихъ средствахъ она могла бы быть плодотворнѣе, если бы не встрѣчала на своемъ пути препятствій. Въ такомъ случаѣ прежде всего слѣдовало бы хлопотать объ устраненіи этихъ препятствій.

А такъ какъ регламентаторство было издавна одной изъ бѣдъ Россіи, то легко можно допустить, что и по-нынѣ существуютъ нѣкоторыя препятствія, тормазящія у насъ развитіе дѣла народнаго образованія. Нѣтъ даже нужды приписывать отдѣльно какимъ-либо лицамъ преувеличеніе регламентаціи; оно можетъ представлять просто преданіе бюрократической рутины. Крайнимъ выраженіемъ регламентаціи служитъ такое положеніе дѣла, при которомъ само государство ничего не дѣлаетъ для его развитія, ничего не создаетъ, но только стремится прибрать къ рукамъ все, что́ дѣлается обществами или частными лицами, и обставляетъ ихъ дѣятельность такими условіями опеки, которыя дѣлаютъ ее малопроизводительною, неблагодарною, и постепенно убиваютъ всякій починъ и всякую энергію. Это опредѣленіе крайности въ государственной регламентаціи во всякомъ случаѣ непримѣнимо къ нашей дѣйствительности, уже потому, что у насъ государство все-таки не оставалось совершенно безучастнымъ въ самомъ созданіи народныхъ школъ, такъ какъ у насъ существуютъ учрежденныя самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія учительскія семинаріи, и такъ-называемыя образцовыя двухклассныя и даже одноклассныя сельскія училища. Послѣднія существуютъ, впрочемъ, въ болѣе значительномъ числѣ

только въ такихъ губерніяхъ, которыя земскихъ учрежденій не имѣютъ, и фактъ ихъ существованія, стало быть, нисколько не противорѣчитъ убѣжденію, котораго держится министерство, что учрежденіе и содержаніе начальныхъ училищъ тамъ, гдѣ есть земскія учрежденія, должно лежать не на его обязанности, но на обязанности земства и обществъ. Но сказанное сейчасъ все-таки удостовѣряетъ, что дѣятельность государства въ этой области у насъ не сводится на одну крайнюю регламентацію, а выражается еще и въ нѣкоторомъ непосредственномъ (хотя далеко не соотвѣтствующемъ ни средствамъ государства, ни потребности народа) участіи въ учрежденіи и содержаніи народныхъ школъ. Относительно же потребности въ нихъ народа, мы уже сослались на мнѣніе, высказанное въ отчетѣ министерства, что школъ должно было бы имѣться у насъ втрое и даже вшестеро противъ нынѣшняго числа.

Тѣмъ не менѣе, и хотя государство у насъ не ограничивается въ этомъ дѣлѣ одной крайней регламентаціею, регламентація эта все-таки существуетъ, и вопросъ въ томъ, не доходитъ ли она въ нѣкоторыхъ случаяхъ до крайности и не вызываетъ ли того стѣсненія земской и частной дѣятельности, того охлажденія въ этой дѣятельности, которыя могли бы сильно тормазить дѣло и обусловливать такой результатъ, что и съ тѣми небольшими средствами, какія доселѣ имѣются на лицо, дѣлается гораздо меньше, чѣмъ могло бы быть сдѣлано при иныхъ условіяхъ. Подобные вопросы могутъ быть разъясняемы не иначе, какъ на отдѣльныхъ примѣрахъ, къ которымъ мы, поневолѣ, и должны обратиться, чтобы добыть фактическій матеріалъ.

Двухклассныя народныя училища представляютъ собою доселѣ главное, что́ сдѣлано самимъ государствомъ для распространенія образованія въ народѣ. Такихъ училищъ существуетъ болѣе 400, и учрежденіе ихъ составляетъ несомнѣнную заслугу. Но здѣсь необходимо оговорить, что эти двухклассныя училища хотя и должны вліять на распространеніе начальнаго образованія въ крестьянствѣ, но имѣютъ свое особое назначеніе. Во-первыхъ, половина всего числа двухклассныхъ училищъ находится въ городахъ, а только остальная половина—въ селеніяхъ. Во-вторыхъ, учебный курсъ въ двухклассныхъ училищахъ поставленъ гораздо выше, чѣмъ въ начальныхъ, въ которыхъ преподаются только законъ Божій, чтеніе и письмо, и первыя четыре дѣйствія ариѳметики. Итакъ, когда мы говоримъ о начальномъ образованіи, то разумѣемъ собственно эти самыя первоначальныя свѣдѣнія, наиболѣе необходимыя крестьянству. Двухклассныя училища уже не относятся къ этому кругу, и непосредственное участіе государства въ распространеніи начальнаго образованія пред-

ставляется только тѣмъ числомъ одноклассныхъ школъ, какія содержатся министерствомъ народнаго просвѣщенія, и его пособіями.

Но не принадлежа къ тѣсной сферѣ начальнаго образованія, какъ она обусловливается необходимостью въ такой странѣ, гдѣ и самая грамотность недоступна огромному большинству населенія, двухклассныя народныя училища сами по себѣ, конечно, весьма полезны, и надо надѣяться, что когда-нибудь, въ будущности скорѣе отдаленной, чѣмъ близкой, то-есть именно когда въ Россіи будетъ уже 150 тысячъ начальныхъ школъ (вмѣсто 20 тысячъ), они станутъ замѣняться двухклассными училищами. Въ настоящее же время главное назначеніе двухклассныхъ училищъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ могутъ поступать и продолжать курсъ ученики, окончившіе ученье въ школахъ одноклассныхъ.

По порядку управленія, училища начальныя и двухклассныя находятся также въ положеніи весьма различномъ. Начальныя училища, о которыхъ въ ст. 10 положенія 25 мая 1874 г. сказано, что они „учреждаются земствами, городскими и сельскими обществами и частными лицами, съ предварительнаго разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ и съ согласія предсѣдателя училищнаго совѣта", состоятъ только подъ надзоромъ министерскихъ инспекторовъ, но подчинены училищнымъ совѣтамъ, въ которыхъ имѣются члены отъ земства. Исключеніе составляютъ только тѣ одноклассныя училища, которыя содержатся самимъ министерствомъ и управляются имъ непосредственно. Двухклассныя же училища, хотя и могутъ быть учреждены (согласно параграфу 8 инструкціи 1875 г.) не только министерствомъ, но и земствомъ, сельскими обществами и частными лицами, должны (на основаніи той же инструкціи) состоять въ непосредственномъ подчиненіи министерству, на одинаковомъ основаніи съ тѣми двухклассными училищами, которыя учреждены и содержатся самимъ министерствомъ, то-есть училищнымъ совѣтамъ не подчиняются. Предоставляя земству и обществамъ учреждать двухклассныя училища министерство имѣло въ виду не что иное, какъ получить отъ земства и обществъ лишнія средства съ цѣлью учрежденія такихъ училищъ, потому что само не признаетъ возможнымъ расходовать на этотъ предметъ болѣе 1.000 рублей на уѣздъ. Но разсчитывая на содѣйствіе земства, государство не признаетъ за нимъ даже и доли участія въ самомъ веденіи, хотя бы только хозяйственной части этихъ училищъ.

Отсюда происходитъ такое противорѣчіе, что государство, желая вызвать содѣйствіе себѣ земства и обществъ въ учрежденіи двухклассныхъ народныхъ училищъ, въ то же время дѣлаетъ то, что земству и обществамъ нѣтъ никакого разсчета оказывать ему такое содѣйствіе. Положимъ, земство признавало бы желательнымъ устроить въ

какомъ-либо уѣздѣ второе двухклассное училище (сверхъ казеннаго), чтобы дать возможность бóльшему числу успѣшныхъ учениковъ начальныхъ школъ получить уже болѣе полныя свѣдѣнія изъ закона Божія, ариѳметики, и общія свѣдѣнія изъ исторіи, географіи и пр. Съ этой цѣлью, земство можетъ одну изъ лучшихъ своихъ начальныхъ школъ обратить въ двухклассную. Оно соберетъ съ этой цѣлью нѣкоторыя средства, и устроитъ помѣщеніе. Но какъ только училище изъ начальнаго превратится въ двухклассное, земство, его создавшее, тотчасъ же отъ него совершенно устраняется; все завѣдываніе училищемъ переходитъ вполнѣ на министерскаго инспектора: онъ назначаетъ и увольняетъ учителей, не спрашивая даже мнѣнія учредителей; онъ завѣдуетъ не только учебною, но и хозяйственной частью училища, а земству предоставляется только одно — вносить суммы на его содержаніе. Даже никакой отчетности въ ихъ расходованіи земству не предоставляется, исключая если бы потребовалось расходовать запасной капиталъ. Правда, земству остается право назначать почетнаго блюстителя училища, но всѣ права такого блюстителя ограничиваются тѣмъ, что онъ „можетъ" быть приглашаемъ къ испытаніямъ учениковъ и на этихъ испытаніяхъ „присутствовать", не принимая въ нихъ, конечно, никакого участія.

Такимъ образомъ, инструкція 1875 года, обращаясь къ содѣйствію земства, обществъ и частныхъ лицъ въ дѣлѣ учрежденія двухклассныхъ училищъ, въ то же время обращаетъ это содѣйствіе въ простое пожертвованіе министерству суммъ на такое дѣло, по которому жертвователямъ не отдается даже и отчета въ употребленіи пожертвованій. Само-собою разумѣется, что такія условія дѣлаютъ весьма мало вѣроятными случаи подобнаго содѣйствія.

Вопросъ этотъ былъ поднятъ въ сессіи петербургскаго уѣзднаго земскаго собранія въ октябрѣ прошлаго года, и уѣздное собраніе постановило ходатайствовать чрезъ губернское собраніе о подчиненіи двухклассныхъ народныхъ училищъ, содержимыхъ земствомъ, сельскими обществами и частными лицами, какъ съ пособіемъ, такъ и безъ пособія отъ министерства, наравнѣ съ такими же одноклассными школами—училищнымъ совѣтамъ, въ которыхъ состоятъ члены отъ земства. Сверхъ того, уѣздное собраніе положило ходатайствовать еще о расширеніи учебнаго курса какъ одноклассныхъ, такъ и двухклассныхъ училищъ. Ходатайство это разсматривалось въ недавней сессіи губернскаго земскаго собранія, которое приняло во вниманіе, что въ случаѣ подчиненія двухклассныхъ земскихъ училищъ училищнымъ совѣтамъ, то-есть при установленіи связи этихъ училищъ съ земствомъ, ученики начальныхъ училищъ получатъ полную возможность продолжать ученіе въ такихъ двухклассныхъ училищахъ,

а стало быть и не встрѣтится необходимости въ расширеніи курса начальныхъ училищъ. Поэтому губернское собраніе постановило ходатайствовать только о подчиненіи двухклассныхъ училищъ училищнымъ совѣтамъ.

Итакъ, вотъ весьма рельефный образецъ препятствій, могущихъ стѣснять наиболѣе плодотворное употребленіе и тѣхъ небольшихъ средствъ, какія уже имѣются на народное образованіе. Препятствіе это, взятое въ отдѣльности, представляетъ такое самопротиворѣчіе, что оправдать его логически нѣтъ никакой возможности, и потому на ходатайство петербургскаго земства едва ли можетъ послѣдовать иной отвѣтъ, кромѣ измѣненія инструкціи 1875 года въ смыслѣ подчиненія двухклассныхъ училищъ училищнымъ совѣтамъ или въ смыслѣ отказа отъ содѣйствія земства, обществъ и частныхъ лицъ въ учрежденіи двухклассныхъ училищъ. Правда, остается еще возможность, что никакого отвѣта на ходатайство петербургскаго земства не последуетъ. Но вѣдь его ходатайство не единичное: съ ходатайствами въ томъ же смыслѣ вошли еще земства черниговской губерніи и донской области, а также и петербургское дворянство, которое явилось въ настоящемъ случаѣ съ поддержкою земству на томъ основаніи, что дворянство призвано рескриптомъ 25 декабря 1873 года имѣть попеченіе о дѣлѣ народнаго образованія. При этомъ сдѣланы были въ земскомъ собраніи курьёзныя отдѣльныя заявленія. Заявлено было, что ни одно изъ подобныхъ ходатайствъ земства въ теченіи всего періода его существованія не имѣло успѣха, и что на нихъ не было даже получено отвѣта, между тѣмъ какъ дворянство счастливѣе въ своихъ ходатайствахъ, ибо послѣднія если и рѣдко удовлетворяются, то по-крайней-мѣрѣ разсматриваются.

Другой примѣръ препятствій еще представляющихся въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія представляетъ судьба земскихъ учительскихъ семинарій. Какъ извѣстно, министерство по отношенію къ необходимости приготовленія спеціальныхъ учителей для народныхъ школъ, у насъ дважды мѣняло свои взгляды въ продолженіи послѣднихъ 15-ти лѣтъ. Вслѣдъ за изданіемъ перваго положенія о народныхъ училищахъ въ 1864 году, предположено было учредить нѣсколько учительскихъ институтовъ. Но съ 1866 года мысль эта была оставлена, и господствовало такое убѣжденіе, что для народныхъ школъ не надо лучшихъ учителей, чѣмъ мѣстныя духовныя лица, которыя могутъ заниматься обученіемъ только въ свободное время отъ церковной службы и совершенія требъ, и духовные семинаристы, которые берутся за это дѣло только въ ожиданіи полученія приходскихъ мѣстъ и смотрятъ на преподаваніе въ народныхъ

школахъ, какъ на временное и неблагодарное занятіе. Однако, чрезъ нѣсколько лѣтъ, министерство опять измѣнило свой взглядъ и обратилось ко взгляду, существовавшему до 1866 года, а именно къ необходимости приготовленія спеціальныхъ учителей для народныхъ школъ. Мысль эта была осуществлена вслѣдъ за преобразованіемъ уѣздныхъ училищъ. Постепенно государствомъ учреждено было 44 учительскихъ института. Между тѣмъ, нѣкоторыя земства еще ранѣе исходатайствовали себѣ разрѣшеніе устроить учительскія школы и дѣйствительно устроили ихъ нѣсколько, и продолжали ихъ учреждать, такъ что число собственно земскихъ учительскихъ школъ, мужскихъ и женскихъ, достигало до 10-ти. Но съ нѣкотораго времени дѣятельность земства и въ этомъ отношеніи должна была пріостановиться почти по тѣмъ же причинамъ, какъ въ дѣлѣ учрежденія двухклассныхъ народныхъ школъ.

Цѣль здѣсь та же самая: чтобы земство давало средства на содержаніе учительскихъ семинарій, но чтобы самыя эти семинаріи находились въ полномъ распоряженіи администраціи. Пріемы для достиженія этой цѣли весьма несложны: стоитъ только убѣдить земство на практикѣ, что ученики, оканчивающіе курсъ въ ихъ семинаріяхъ, далеко не навѣрное могутъ получать свидѣтельства на званіе учителей; вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣняя почаще учителей самыхъ семинарій, можно давать чувствовать земству полную зависимость его училищъ, хотя они и содержатся земствомъ. Естественнымъ послѣдствіемъ будетъ то, что земства въ интересѣ обезпеченія правъ своихъ же учениковъ могутъ предпочесть передать семинаріи министерству, избавляя себя вмѣстѣ съ тѣмъ отъ мелочныхъ препирательствъ, къ которымъ можетъ быть охота у чиновника, оказывающаго на этомъ пути отличія по службѣ, но не у земства, для котораго этотъ путь совершенно безплоденъ. И вотъ, дѣйствительно земскія учительскія школы мало-по-малу переходятъ въ руки министерства.

Еще не всѣ онѣ перешли въ его руки, но такой конечный результатъ имѣется въ виду. Бываютъ, впрочемъ, и такіе случаи, что земство предпочитаетъ закрыть учительскую школу, вслѣдствіе встрѣченныхъ препятствій. Такъ, въ послѣднее время черниговское земство, обсуждая вопросъ о передачѣ учительской семинаріи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, постановило закрыть семинарію, а рязанское земство рѣшило пріостановить пріемъ воспитанниковъ въ александровскую учительскую семинарію, впредь до окончательнаго рѣшенія объ его закрытіи. При этомъ гласный князь Волконскій такъ охарактеризовалъ общее положеніе этихъ училищъ: „если другія земства вынуждены были закрыть свои заведенія, то это не потому, чтобы они любили и отстаивали ихъ меньше нашего, а по-

тому, что нельзя было сдѣлать иначе. Вопросъ въ томъ, что *при теперешнихъ условіяхъ вести дѣло невозможно*". Между тѣмъ, александровская учительская семинарія, старѣйшая изъ всѣхъ, основанная въ 1869 году, шесть лѣтъ существовала благополучно, пользовалась хорошею репутаціею въ обществѣ и отъ самого училищнаго надзора не получала ни одного замѣчанія. Когда съ 1875 года начались обвиненія учениковъ этого заведенія въ дурномъ поведеніи, то всѣ эти обвиненія при повѣркѣ оказались вымышленными. Но начало препирательствамъ было уже положено, и они дошли, наконецъ, до того, что земская управа не могла болѣе пріискать старшаго учителя. Въ своемъ докладѣ губернскому собранію, управа выразилась такъ: „новаго старшаго учителя (вмѣсто уволеннаго попечителемъ округа) управа до сего времени пріискать не могла, и полагаетъ, что при существующихъ отношеніяхъ дирекціи къ училищу, врядъ ли достойный человѣкъ согласится принять эту должность. Кромѣ того, управа находитъ, что, въ виду этихъ отношеній, врядъ ли и самое существованіе училища желательно, такъ какъ, *при частой перемѣнѣ учителей, правильное, успѣшное веденіе дѣла обученія немыслимо*".

При наличности такихъ фактовъ, никто, конечно, не рѣшится утверждать, что препятствій развитію народнаго образованія, препятствій, легко впрочемъ устранимыхъ, если бы на то была добрая воля, не существуетъ. Нельзя не допустить, что препятствія встрѣчаются не въ одной дѣятельности земства по отношенію къ двухкласснымъ народнымъ училищамъ и къ учительскимъ семинаріямъ. Тотъ же фактъ долженъ отражаться весьма часто и въ отношеніяхъ земства къ одноклассньмъ начальнымъ училищамъ. Но это и представляетъ еще одно лишнее доказательство необходимости прямого почина государства въ устройствѣ значительнаго число начальныхъ школъ. Съ одной стороны, средства земства и крестьянскихъ обществъ слишкомъ недостаточны, если, разсчитывая на нихъ, мы захотѣли бы ожидать осуществленія въ скоромъ времени пожеланія министерства народнаго просвѣщенія, чтобы у насъ было не 24 т. школъ, но 77 т. и даже 150 тысячъ! Съ другой стороны, ничего нельзя ожидать отъ такой системы дѣйствій, которая все развитіе дѣла возлагаетъ на содѣйствіе земства и обществъ, а между тѣмъ сама какъ-бы отталкиваетъ ихъ содѣйствіе. Гораздо проще было бы въ такомъ случаѣ взять все развитіе дѣла на свое попеченіе,—но и на свою отвѣтственность.

Легко можетъ случиться, что и съ учительскою школою петербургскаго земства со временемъ повторится та же исторія, что̀ съ александровскою, черниговскою и другими земскими школами. А между тѣмъ наше земство не щадитъ для нея трудовъ и средствъ. Она основана

недавно, а въ ней находится уже 134 воспитанника и воспитанницъ, и общая издержка на нее земства составляетъ 26,700 р. въ годъ, что для петербургскаго земства есть расходъ немаловажный, такъ какъ вся сумма, какою располагаютъ губернское и уѣздныя земства губерніи на народное образованіе, составляетъ всего около 100 т. р. Петербургская учительская школа выпускаетъ ежегодно отъ 40 до 60 народныхъ учителей и учительницъ. Почти такое же время существуетъ костромская земская семинарія учительницъ. Но размѣры ея гораздо меньше: она выпускаетъ въ годъ только отъ 11 до 14 учительницъ, за то и содержаніе ея въ годъ составляютъ только 8 т. р. съ небольшимъ (средняя цифра). Средняя стоимость содержанія одного ученика или ученицы въ костромской семинаріи составляетъ 141 р. 70 коп., а въ петербургской 199 рублей. Не можемъ при этомъ не обратить вниманія на замѣчательный фактъ, обнаруживающійся изъ приложенныхъ къ отчету петербургской губернской управы поименныхъ списковъ всѣмъ лицамъ, окончившимъ курсъ здѣшней учительской школы съ 1874 года. Въ то время, какъ въ графѣ о „первоначальномъ воспитаніи“ учениковъ, поступавшихъ въ эту школу, преобладаютъ уѣздныя и другія низшія училища, въ той же графѣ объ ученицахъ рѣшительно преобладаютъ гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что въ средѣ ученицъ, кончившихъ курсъ учительской школы, процентъ поступившихъ не въ начальныя школы земства, а въ какія-либо иныя сферы дѣятельности, меньше, чѣмъ въ средѣ учениковъ. Отсюда нельзя не сдѣлать вывода, что земству вообще выгоднѣе приготовлять учительницъ, чѣмъ учителей, такъ какъ, во-первыхъ, учительницы будутъ имѣть высшій уровень общаго образованія, чѣмъ учителя, а во-вторыхъ рѣже будутъ уклоняться отъ службы земству. Излишне было бы настаивать еще на томъ, что за малое жалованье, какимъ принуждены довольствоваться учащіе въ деревняхъ, гораздо легче найти образованную и довольную своимъ положеніемъ женщину, чѣмъ мужчину. Но всѣ подобные разсчеты и соображенія отходятъ совершенно на задній планъ передъ общимъ положеніемъ, что только само государство, непосредственнымъ своимъ почином, можетъ серьёзно двинуть впередъ великое дѣло распространенія народнаго образованія въ Россіи быстрымъ умноженіемъ школъ, и что, затѣмъ, содѣйствіе земства и обществъ хотя и останется нужнымъ, но на него можно разсчитывать не иначе, какъ при устраненіи препятствій, противопоставляющихся ихъ дѣятельности. „Вопросъ въ томъ—сказалъ князь Волконскій—что при теперешнихъ условіяхъ вести дѣло (народнаго образованія) невозможно“; но надобно желать, чтобъ этотъ вопросъ какъ можно скорѣе пересталъ быть вопросомъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 марта, 1877.

Конецъ либеральной эры въ Пруссіи.

Нѣсколько дней тому назадъ праздновали у насъ тридцати-лѣтній юбилей прусской мартовской революціи. 18-го марта 1848 года, въ одну ночь рухнула старинная абсолютная система, и Пруссія изъ неограниченной монархіи превратилась въ конституціонное государство, какимъ и пребывала съ тѣхъ поръ. Но приговоръ исторіи о томъ днѣ все еще не установился. Органы прогрессивной партіи восхваляютъ тотъ день и по сіе время, точно-будто каждый извощикъ и каждый работникъ, павшій на баррикадахъ, говорилъ тогда себѣ, подобно веселому историку летучихъ листковъ: „сегодня я закладываю фундаментъ конституціоннаго и парламентскаго уложенія, которое черезъ тридцать лѣтъ принесетъ такіе плоды, что національ-либералы, *пожалуй*, вступятъ въ правительство!“

Пожалуй! — но въ дѣйствительности этого не случилось, и надежда, что Пруссія получитъ, наконецъ, парламентское министерство,—разсѣялась на этихъ дняхъ, какъ дымъ.

Напротивъ того, реакціонныя газеты характеризуютъ 18-е марта 1848 года извѣстнымъ словомъ короля Фридриха-Вильгельма IV-го, какъ день позора, который позднѣйшіе историки тщетно пожелаютъ смыть своими слезами со страницъ исторіи.

Не трудно, конечно, найти истину между этими двумя крайностями. Весною 1848 года сильное движеніе охватило всю Европу до самой прусской границы, — движеніе, въ которомъ массы народа отдавали себѣ тогда мало отчета и противъ котораго правительства оказались безсильными, потому что они, того не подозрѣвая, сами были охвачены имъ! Они также сознавали, что старый порядокъ отжилъ свой вѣкъ, но такъ какъ у нихъ не было силы взять на себя починъ въ дѣлѣ, то они дали событіямъ захватить себя врасплохъ и стали имъ противодѣйствовать, опять не особенно полагаясь на свои силы. Революція всегда бываетъ возможна только тогда, когда власти, противъ которыхъ она направлена, утратили безусловную вѣру въ самихъ себя и въ свою правоту. Гораздо практичнѣе вопроса: слѣдуетъ ли праздновать или оплакивать 18-е марта? — мы считаемъ вопросъ: были ли его послѣдствія удачны или нѣтъ? При этомъ надо различать двѣ вещи. Когда кто-нибудь утверждаетъ, что 18-е

марта создало все новѣйшее развитіе,— то это нѣкоторое преувеличеніе. И безъ 18-го марта переходъ отъ абсолютизма къ конституціоннымъ формамъ совершился бы; вѣдь *соединенный сеймъ* собрался *до* революціи, — тотъ сеймъ, съ котораго несомнѣнно началась парламентская эра въ Пруссіи. 18-е марта было не чѣмъ инымъ, какъ видимымъ проявленіемъ великаго переворота, который совершился не въ 24 часа, но въ теченіи долгихъ лѣтъ. Но если спросятъ: можно ли въ этомъ обширномъ смыслѣ назвать 18-е марта счастливымъ или злополучнымъ событіемъ?— то и на этотъ вопросъ трудно дать разумный отвѣтъ, потому что онъ ложно поставленъ. Юбилей означаетъ ни болѣе, ни менѣе какъ переходъ націи отъ юности къ возмужалости, — шагъ, который націи дѣлаютъ такъ же, какъ и отдѣльныя личности, и который бываетъ безвозвратнымъ. Само-собой разумѣется, что споръ между „божественнымъ правомъ“ и „естественными правами“, или правами народа, продолжающійся вѣка, продлится еще нѣсколько вѣковъ, до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ новое и полное преобразованіе общества и государства, которое будетъ столь же разниться отъ теперешняго, какъ новѣйшее государство разнится отъ античнаго. Но оба воззрѣнія нѣсколько смягчились съ теченіемъ времени, — по крайней мѣрѣ, представители обоихъ уже отказались отъ мысли въ конецъ искоренить своихъ противниковъ, чего имъ страстно хотѣлось въ первые годы, слѣдовавшіе за революціей.

Споръ между ними заключается въ томъ, что каждая партія старается удержать за собой пріобрѣтенное — и, если можно, еще къ нему кое-что прибавить. Консерваторы, конечно, такъ давно перешли въ оборонительное положеніе, что уже больше не помышляютъ о новыхъ завоеваніяхъ, между тѣмъ какъ либералы жалуются на крайне-медленный ходъ прогресса и желали бы возможно быстрѣе достичь конечныхъ цѣлей своей программы, которая заключаетъ еще не малое число невыполненныхъ желаній.

Но въ настоящую минуту кажется, что не только эти желанія останутся невыполненными, но даже наступитъ у насъ реакція, которая самихъ либераловъ поставитъ въ оборонительное положеніе.

Позвольте мнѣ, прежде всего, охарактеризовать положеніе дѣлъ сравненіемъ, заимствованнымъ мною изъ биржевого міра. Даже тѣ люди, которые очень далеки отъ биржи, принимали въ ней участіе въ послѣднее десятилѣтіе, хотя бы только въ качествѣ наблюдателей. Мы пережили долгій, долгій періодъ „повышенія“. Пессимисты были наказаны за свои мрачные взгляды. Но и оптимисты также говорили себѣ, что дѣло не можетъ такъ идти вѣчно — и вотъ наступилъ, наконецъ, день, который всѣ считали неизбѣжнымъ, но который наступилъ для всѣхъ неожиданно. Жозефъ Наувирнъ клас-

сически охарактеризовалъ эту катастрофу, которая захватила всѣхъ— и тѣхъ, кто игралъ на повышеніе, и тѣхъ, кто игралъ на пониженіе [1]), и именно это обстоятельство должно было бы навести на размышленіе политиковъ, такъ какъ они—то-есть современныя политическія партіи—стоятъ какъ-разъ въ томъ же положеніи, и катастрофа захватитъ ихъ всѣхъ безразлично. Такъ было въ великую французскую революцію, равно какъ и въ революцію 1848 года, и теперешніе соціаль-демократы неустанно повторяютъ, что всѣ существующія партіи, начиная съ самыхъ крайнихъ радикаловъ и кончая самыми крайними консерваторами, представляютъ безразлично одну реакціонную массу—и весьма справедливо съ ихъ точки зрѣнія.

Я уже пережилъ двѣ такихъ катастрофы — я разумѣю не революцію, но реакцію, и полагаю, что кое-что въ нихъ смыслю. Первая реакція была направлена противъ мартовскихъ революціонеровъ. Возможно ли было въ тѣ поры либераламъ предотвратить реакцію — вопросъ крайне-сомнительный. Необходимость ея вытекала изъ самаго 18-го марта, которое слишкомъ захватило власти врасплохъ, слишкомъ пристыдило и ожесточило ихъ, чтобы они могли простить побѣдителямъ. Что эти послѣдніе своими собственными крайностями облегчили дѣло реакціонерамъ, что они дали имъ оружіе противъ самихъ себя и привлекли на ихъ сторону массу народа, которая во что бы то ни стало желала спокойствія — это само-собой разумѣется, но, по всей вѣроятности, если бы демократы 1848 года были до крайности умѣренными, то реакція все же бы не замедлила наступить и была бы еще обширнѣе, если бы правительство не сознавало, что народъ, несмотря на всѣ крайности революціи, не настолько былъ ею напуганъ, чтобы отказаться отъ разумныхъ требованій либераловъ. Поэтому, даже министерство Мантейфеля опасалось сначала прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, и дарованная конституція, 5-го декабря 1848 года, хотя и не была такъ либеральна, какъ проектъ конституціи, выработанный коммиссіей національнаго собранія, — все же была одной изъ либеральнѣйшихъ въ Европѣ. Демократическій депутатъ Лудольфъ Паризіусъ, который въ недавно-появившемся сочиненіи [2]) первый собралъ матеріалы для парламентской исторіи Пруссіи, говоритъ: „назначенное 8-го ноября министерство Бранденбургъ-Мантейфель дѣйствовало крайне осторожно и даровало конституцію 5-го декабря, которая почти слово въ слово согласовалась съ законо-проектомъ, выработаннымъ ком-

---

[1]) Die Speculationskrisis von 1873. Leipzig, 1874.

[2]) Deutschlands politische Parteien und das Ministerium Bismark. Von Ludolf Parisius. Berlin, 1876. Guttentag.

миссіей національнаго собранія, и добровольно признало въ избирательномъ законѣ всеобщее право голоса и обѣщало, при пересмотрѣ конституціи, безусловное *veto* палатѣ. Этимъ министерство привлекло на свою сторону большинство избирателей, стоявшихъ до тѣхъ поръ за демократическихъ депутатовъ; всѣ искали умѣренныхъ депутатовъ, которые могли бы придти къ соглашенію съ правительствомъ на почвѣ дарованной конституціи".

Въ силу дарованной конституціи избраны были депутаты въ обѣ палаты, въ первую—на основаніи выборовъ, ограниченныхъ нѣкоторымъ цензомъ, во вторую—на основаніи дарованной общей подачи голоса. Палаты собрались 26-го февраля 1849 г., и уже 27-го апрѣля палата была распущена, а верхняя палата отсрочена, и этимъ заключился первый законодательный періодъ въ Пруссіи, во время котораго, несмотря на его кратковременное существованіе, уже успѣли образоваться партіи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ и теперь, хотя само собой разумѣется, съ извѣстными измѣненіями, ибо, какъ Паризіусъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, настоящія политическія партіи могутъ существовать лишь въ странахъ, гдѣ есть народное представительство. Еще въ національномъ собраніи различали, главнымъ образомъ, только двѣ партіи: консерваторовъ и либераловъ, а во второй палатѣ перваго законодательнаго періода выступили сначала лишь двѣ большихъ партіи: правая и лѣвая, но постепенно эти хаотическія массы разбились на группы, и такимъ образомъ возникли крайняя и умѣренная лѣвая, два центра и умѣренная и крайняя правая, къ которой изъ нынѣ живущихъ принадлежали Бисмаркъ и Клейстъ-Ретцовъ (который и теперь считается главою правой въ палатѣ господъ). Вначалѣ большинство было на сторонѣ правой, но это очень скоро перемѣнилось. Оппозиція привлекла большинство на свою сторону, и этимъ большинствомъ приняла, *вопреки* желаніямъ министерства, выработанную въ франкфуртскомъ парламентѣ германскую имперскую конституцію и объявила затѣмъ противникамъ конституціи осадное положеніе, въ какое поставленъ былъ Берлинъ 12-го ноября. Это случилось 26-го апрѣля, а 27-го она была распущена, и затѣмъ дарованъ новый избирательный законъ, который хотя и не отмѣнилъ всеобщую подачу голоса, но превратилъ ее изъ прямой въ косвенную (путемъ извѣстной трехклассной системы). Демократія порѣшила воздержаться отъ подачи голоса, вслѣдствіе чего исчезла изъ палаты депутатовъ, и затѣмъ начался *первый* настоящій реакціонный періодъ, длившійся до 1858 г. Послѣдній законодательный періодъ этой эпохи съ 1855—1858 г. былъ кульминаціоннымъ пунктомъ реакціи. Палата депутатовъ насчитывала 72 ландрата, вслѣдствіе чего насмѣшники прозвали ее „пала-

той ландратовъ", а правая возросла до 236 членовъ, въ числѣ которыхъ насчитывалось 86 крайнихъ феодаловъ. Въ ноябрѣ происходили первые выборы новой эры. Изъ значительнаго консервативнаго большинства послѣдняго сейма едва четвертая часть была выбрана снова, и либералы, которые рѣшили поддерживать министерство, насчитывали 263 члена. То было самое значительное министерское большинство, какое когда-либо насчитывалъ прусскій конституціонализмъ въ свое тридцатилѣтнее существованіе, но такое торжество длилось не болѣе 3-хъ лѣтъ. Уже въ началѣ 1861 г. въ палатѣ депутатовъ образовалась „фракція ново-либераловъ", изъ которой лѣтомъ выдѣлилась прогрессивная партія, которая быстро росла до 1866 г.

17-го марта 1862 г. было распущено либеральное министерство Ауэрсвальдъ-Шверинъ, и образовалось переходное министерство подъ предсѣдательствомъ князя Гогенлоэ, которое быстро превратилось въ министерство борьбы, вслѣдствіе вступленія въ него Бисмарка. Либеральное министерство пало по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, теченіе его законодательной дѣятельности не отвѣчало всеобщимъ желаніямъ и ожиданіямъ; во-вторыхъ, палата депутатовъ не хотѣла вотировать суммы на реорганизацію арміи. Къ этому присоединилось еще и то, что въ народѣ царствовало довольно сильное недовольство внѣшней политикой либеральнаго министерства, которое дѣйствовало такъ же нерѣшительно и не искусно во время франко-австрійской войны 1859 г., какъ и реакціонное министерство во время препирательствъ съ Австріей въ началѣ пятидесятыхъ годовъ и во время крымской кампаніи, и которое даже относительно Италіи, когда эта послѣдняя, по окончаніи войны, далеко вышла за предѣлы проектовъ Наполеона III, держалось самыхъ узкихъ легитимныхъ идей.

Ошибка либеральной партіи заключалась лишь въ томъ, что она желала болѣе энергической внѣшней политики, но не имѣла необходимаго для того условія: сильной и хорошо вооруженной арміи.

Умѣренные либералы тогдашняго времени не переставали предостерегать своихъ болѣе передовыхъ друзей. Они предсказывали имъ впередъ то, что дѣйствительно осуществилось впослѣдствіи: что они ничего не добьются, кромѣ паденія либеральнаго и благонамѣреннаго министерства, и что за нимъ послѣдуетъ реакціонное министерство; но надъ ними смѣялись какъ надъ трусами и суевѣрными людьми. 17-е марта 1862 г. можно считать началомъ этого новаго реакціоннаго періода, достигшаго своего кульминаціоннаго пункта 1-го іюня 1863 г., когда появился извѣстный законъ о печати, составленный въ духѣ Полиньяка, и которымъ вся печать подчинялась административному контролю. Это было нарушеніемъ конституціи, по-крайней-мѣрѣ по духу, быть можетъ, еще худшимъ, чѣмъ управ-

леніе безъ бюджета, вотированнаго сеймомъ, за которое, впрочемъ, правительство впослѣдствіи потребовало и получило вознагражденіе, на чемъ столкновеніе и покончилось.

Я за тѣмъ напоминилъ объ этихъ фактахъ, чтобы указать на ихъ сходство съ настоящимъ положеніемъ вещей. Послѣдняя либеральная эра одна изъ самыхъ продолжительныхъ, какія только выпадали на долю Пруссіи во время ея тридцатилѣтней конституціонной жизни. Хотя, строго говоря, ее слѣдовало бы считать съ основанія сѣверо-германскаго союза, но начало ея заходитъ нѣсколько дальше назадъ, такъ какъ въ сферѣ экономической уже раньше изданы были нѣкоторые либеральные законы. За весь этотъ періодъ нагромождены цѣлыя горы законовъ, но либеральной партіи все мало, и она полагаетъ, что если не все еще идетъ какъ по маслу, что если въ странѣ существуетъ недовольство и нельзя отрицать экономическаго бѣдственнаго положенія, то все это проистекаетъ единственно отъ того только, что реакціонеры мѣшаютъ насадить полную, идеальную свободу и что съ осуществленіемъ этого идеала всѣ бѣды исчезнутъ сами собой. Это — повтореніе стараго афоризма, что свобода заключаетъ въ самой себѣ цѣлебныя средства противъ золъ, производимыхъ ею. Будь это такъ, то было бы прекрасно, но, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности мы видимъ не то, и либеральная партія повторяетъ въ настоящее время какъ разъ ту самую ошибку, въ которую она впала въ 1848 и въ 1861 гг., въ томъ отношеніи, что заблуждается на счетъ своей силы.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я уже упоминалъ о поѣздкѣ Беннигсена въ Варцинъ на святкахъ, равно какъ и о различныхъ комбинаціяхъ, которыя связывались съ нею, и которыя, коротко говоря, всѣ сходились на томъ, что Бисмаркъ желаетъ войти въ соглашеніе съ главой національно-либеральной партіи на счетъ вступленія его, и, быть можетъ, еще нѣсколькихъ членовъ національ-либеральной партіи въ составъ правительства. Справедливость этихъ предположеній оправдалась, и хотя о подробностяхъ ничего не было въ точности извѣстно, но были извѣстны пункты, о которыхъ совѣщались, и о которыхъ, какъ это слѣдовало заранѣе предвидѣть, переговоры разбились. Беннигсенъ потребовалъ именно, чтобы кромѣ него въ составъ правительства вступили еще другіе національ-либералы; онъ объявилъ, что не можетъ дѣятельно проводить законъ о табачной монополіи (любимую идею Бисмарка въ послѣднее время), и, наконецъ, потребовалъ *конституціонныхъ гарантій* въ томъ, чтобы излишки доходовъ не расходовались безъ согласія парламента. Это требуетъ поясненія. Германская имперія покрываетъ свои расходы нѣкоторыми косвенными налогами и матрикулярными доходами от-

дѣльныхъ государствъ, которые, само собой разумѣется, снова фигурирують въ бюджетѣ отдѣльныхъ государствъ. Такъ, напримѣръ, необходимые матрикулярные доходы на первую четверть текущаго года (они опредѣляются главнымъ образомъ на четверть года потому, что счетный годъ, который прежде начинался 1-го января, теперь начинается 1-го апрѣля) составляетъ на всю Германію 17.844,054 марки. Изъ этого на долю Пруссіи выпадаетъ 7.950,872 марки, и они должны быть внесены въ прусскій бюджетъ. Если удастся поставить на ноги имперію въ финансовомъ отношеніи, то эти 8 милліоновъ расходовъ исчезнутъ изъ прусскаго бюджета. Въ прусской же конституціи существуетъ ст. 109, которая опредѣляетъ: „существующіе налоги будутъ взиматься и далѣе... пока этого не измѣнитъ законъ".

Это опредѣленіе, внесенное въ конституцію въ реакціонную эпоху, служитъ постояннымъ яблокомъ раздора между либералами съ одной стороны и правительствомъ и консерваторами съ другой. Подобное опредѣленіе находится въ большинствѣ конституцій, и его не слѣдуетъ смѣшивать съ правомъ вотировать бюджетъ. Это послѣднее состоитъ въ томъ, что правительство не можетъ дѣлать *никакихъ расходовъ* безъ согласія представителей страны. Но если бы поставить въ зависимость всѣ существующіе налоги отъ ежегоднаго голосованія представителей страны, то эти послѣдніе не только бы получили громадный перевѣсъ надъ правительствомъ, но оппозиціонная палата могла бы повергнуть страну въ величайшія затрудненія. Подумать только, что вотированіе бюджета, какъ это бываетъ зачастую, откладывается до послѣдней минуты, и стоитъ только палатѣ не имѣть того состава, какой необходимъ для дѣйствительности ея рѣшеній, и бюджетъ не можетъ быть вотированъ, никакіе налоги не могутъ взиматься во всемъ государствѣ. Замученнымъ плательщикамъ податей это, конечно, не было бы непріятно, но государству пришлось бы во всякомъ случаѣ плохо. Понятнымъ образомъ, корона видитъ въ отмѣнѣ этого опредѣленія сильное ограниченіе ея власти. Она прибавляетъ также отъ себя, что хотя правительство можетъ получать деньги, но не должно снова расходовать ихъ, а держать ихъ въ кассѣ. Впрочемъ, національ-либералы отнюдь не желаютъ полной отмѣны ст. 109, а лишь измѣненія ее, которое бы болѣе гарантировало конституціонныя права представительства страны, нежели теперешнее отношеніе, которое не особенно восхищаетъ даже умѣренныхъ консерваторовъ.

Высказавъ это, я могу перейти къ историческому повѣствованію о дальнѣйшемъ ходѣ всего дѣла. Возвращеніе имперскаго канцлера изъ Варцина замедлилось свыше всякаго ожиданія и подало поводъ

къ новымъ тревожнымъ соображеніямъ. Можетъ быть, Бисмарку не удалось получить согласіе короля на вступленіе національ-либераловъ въ ряды правительства? Можетъ быть, ему не удалось заманить въ свою реакціонную ловушку стойкихъ національ-либераловъ? На послѣднее надѣялись прогрессисты и приняли относительно національ-либераловъ, своихъ бывшихъ друзей, давно уже неслыханный дружелюбный тонъ. Бисмаркъ тѣмъ временемъ подалъ изъ Варцина только одинъ признакъ жизни. Онъ пожелалъ именно внести въ союзный совѣтъ законопроектъ о замѣстительствѣ, который бы его уполномочилъ ставить за себя представителя какъ въ общей сферѣ его дѣятельности, такъ и въ ея отдѣльныхъ частяхъ. Представители среднихъ и мелкихъ государствъ отнеслись сначала къ проекту съ величайшимъ недовѣріемъ, опасаясь, не скрывается ли въ немъ какая-нибудь унитарная западня, и принялись исправлять и передѣлывать его, не производя, повидимому, никакого впечатлѣнія на Бисмарка, который увѣрялъ, что согласенъ на всякія уступки.

Тѣмъ временемъ готовились два событія, которыхъ Бисмаркъ не могъ упустить изъ виду. Рейхстагъ долженъ былъ начать свои политическіе дебаты. Прежде всего прогрессисты внесли запросъ, затѣмъ политическимъ друзьямъ Бисмарка пришла въ голову блистательная мысль, что гораздо будетъ лучше, если Бисмарку будетъ сдѣланъ запросъ, и такимъ образомъ всѣ партіи рейхстага, за исключеніемъ ультрамонтанъ, согласились обратиться къ Бисмарку съ запросомъ о восточныхъ дѣлахъ.

Вторымъ событіемъ было двойное бракосочетаніе, совершившееся 18-го февраля, эрцгерцога Ольденбургскаго съ дочерью принца Фридриха-Карла и наслѣднаго принца фонъ-Мейнингенъ съ дочерью кронпринца. Эти церемоніи должны были произойти съ традиціонной пышностью, и всѣмъ любопытно было знать: будетъ ли присутствовать на нихъ Бисмаркъ, который въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ уклоняется отъ всякихъ торжествъ. Само собой разумѣется, что этимъ онъ давалъ противъ себя орудіе клеветникамъ, утверждавшимъ, что онъ дѣлаетъ это изъ высокомѣрія, что онъ хочетъ быть больше, чѣмъ простымъ подданнымъ короля, что онъ питаетъ Валленштейновскіе замыслы. Но на этотъ разъ надежды ихъ были обмануты, и Бисмаркъ пріѣхалъ 14 ч. и присутствовалъ при одной изъ брачныхъ церемоній. Онъ уклонился только отъ участія въ Fackeltanz (традиціонный полонезъ на брачныхъ пиршествахъ въ королевскомъ домѣ, во время котораго министры несутъ факелы—и который, говоря мимоходомъ, уже за нѣсколько недѣль впередъ служитъ неисчерпаемой тэмой для остротъ сатирическихъ журналовъ), извиняясь тѣмъ, что онъ не можетъ долго стоять и много ходить, и подтвердилъ это тѣмъ,

что когда, на слѣдующій день, явился въ рейхстагъ отвѣчать на вышеупомянутый запросъ, неоднократно садился (съ позволенія собранія) во время своей длинной рѣчи.

Я не стану описывать событій 19-го *февраля*. Въ цѣлой Европѣ не найдется образованнаго человѣка, интересующагося политикой, который бы не читалъ этой рѣчи. Рѣдко телеграфу доводится передавать такія громадныя телеграммы; трибуны, отведенныя для публики, были такъ набиты, что публика рисковала быть задавленной, а пуще всего рейхстагъ торжествовалъ, что англійскому и австрійскому парламентамъ нечѣмъ похваляться передъ нимъ. И *онъ* также заставилъ правительство высказаться на счетъ внѣшней политики. Конечно, перечитывая теперь эту рѣчь, нельзя не сознаться, что никому она ничего не объяснила и что даже и Бисмаркъ не можетъ всего предвидѣть. Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, было такое, какое обыкновенно производятъ его рѣчи, а тѣмъ временемъ пришло нѣсколько благопріятныхъ извѣстій: во-первыхъ, быстрое избраніе новаго папы, изъ котораго въ политическихъ кружкахъ вывели немедленно заключеніе, что онъ не станетъ вести такую же неуступчивую политику, какъ Пій IX; затѣмъ,—рѣшеніе императора допустить участіе нѣмецкаго искусства во всемірной парижской выставкѣ. Это послѣднее извѣстіе произвело особенно пріятное впечатлѣніе, такъ какъ въ Германіи не только не существуетъ больше и слѣда ненависти къ Франціи, но, напротивъ того, огромное большинство желаетъ возстановленія прежнихъ дружескихъ отношеній между обѣими странами, а пуще всего потому, что этимъ засвидѣтельствовалось бы, что совершившійся во Франціи 14-го декабря переворотъ находится въ полномъ согласіи съ предвидѣніями Бисмарка, который всегда держался того убѣжденія (а вы знаете, отъ какихъ нападокъ ему приходилось при этомъ обороняться), что только тогда возможно будетъ честное соглашеніе между Германіей и Франціей, во главѣ которой будетъ стоять умѣренное республиканское министерство, когда для первой устранится опасность такого переворота, какой грозилъ 16 мая. Во-вторыхъ, изъ этого можно было заключить, что императоръ снова убѣдился въ неизмѣнной мудрости своего совѣтника, и что всѣ интриги, которыя велись такъ долго и упорно, остались безуспѣшными.

Тѣмъ временемъ на другомъ концѣ горизонта собрались тучи, которыя съ невѣроятной быстротой разразились грозой. Рейхстагу былъ представленъ проектъ о повышеніи табачной пошлины. Подробности этого не идутъ къ дѣлу, и я ограничусь только замѣчаніемъ, что князь Бисмаркъ всегда желалъ большой табачной пошлины (т.-е. табачной монополіи), но что либеральная партія уже на основаніи

вышеупомянутыхъ конституціонныхъ опасеній (въ силу статьи 109 прусской конституціи) не особенно склонна была открыть для имперіи такой большой источникъ налоговъ, до тѣхъ поръ, пока не получитъ гарантіи въ томъ, что экономія будетъ обращена въ прусскій бюджетъ; не говоря уже о томъ, что интересы множества лицъ (табачныхъ плантаторовъ, равно какъ и громаднаго числа купцовъ, агентовъ и пр.) должны были пострадать отъ того, что́, впрочемъ, вполнѣ признавали и сами приверженцы монополіи, но утѣшали себя извѣстной поговоркой: „Pour faire une omelette il faut casser des oeufs". Каждый косвенный налогъ, если онъ даетъ значительный доходъ, задѣваетъ подобные интересы, и если желать ихъ щадить, то никогда не отдѣлаешься отъ системы прямыхъ налоговъ, вредныя экономическія послѣдствія коихъ все увеличиваются.

Кампгаузенъ мотивировалъ повышеніе налога.

Противники законопроекта возражали ему, что это повышеніе будетъ служить лишь переходомъ къ монополіи, на что Кампгаузенъ торжественно объявилъ, что это не входитъ въ его намѣренія. Но къ концу засѣданія Бисмаркъ снова взялъ слово и объявилъ съ своей стороны, что *онъ* приверженецъ табачной монополіи и стремится ввести ее. Собраніе онѣмѣло отъ удивленія. Ничего подобнаго еще никогда не бывало. Чтобы министръ-президентъ такъ рѣзко отрекался отъ своего собрата—это показалось депутатамъ черезъ-чуръ сильнымъ. Всякій былъ убѣжденъ, что Кампгаузенъ немедленно потребуетъ своей отставки. Но всеобщее удивленіе еще возросло, когда на слѣдующій день, при возобновленіи преній о законопроектѣ, Кампгаузенъ добродушно усѣлся возлѣ Бисмарка. Сюрпризъ и на этомъ не покончился; Кампгаузенъ попросилъ слова и прочиталъ написанную имъ за годъ передъ тѣмъ докладную записку, въ которой *онъ* тоже высказывается за табачную монополію. Онъ сдѣлалъ это съ цѣлью доказать, что онъ вовсе не расходится въ воззрѣніяхъ съ княземъ, и Бисмаркъ объяснился вслѣдъ затѣмъ и такъ трогательно похвалилъ стойкость характера и всякія другія похвальныя качества своего собрата, что Кампгаузенъ пролилъ нѣсколько неподдѣльныхъ слезъ. Но тутъ разразился гнѣвъ національ-либераловъ. Относительно ихъ онъ, очевидно, выказался двоедушнымъ, потому-что никто и не подозрѣвалъ, что онъ приверженецъ табачной монополіи. Ласкеръ далъ волю своему негодованію, и разрывъ между національ-либералами и министромъ, всѣхъ ближе стоявшимъ къ нимъ по своимъ политическимъ взглядамъ, совершился безповоротно. Прошло еще четыре недѣли прежде, чѣмъ окончилась эта исторія, въ томъ смыслѣ, насколько она касается Кампгаузена, и вчера (23 марта) въ „Государственномъ Указателѣ" появилось его прошеніе объ отставкѣ. Но

прешія 23 февраля породили сильный кризисъ. Вслѣдствіе этихъ событій Беннигсенъ сказалъ Бисмарку, что переговоры прекращаются. Хотя націонал-либералы и объявили, что они теперь не хотятъ вести отчаянной оппозиціи и подготовлять правительству затрудненія, но фактъ оставался безспорнымъ, что попытка образовать съ ихъ помощью правительственную партію не удалась, и всякій могъ себѣ сказать, что Бисмаркъ станетъ теперь искать себѣ другихъ пособниковъ. Въ довершеніе всего, дня два спустя, Бисмаркъ, по поводу закона о замѣстительствѣ, сдѣлалъ нѣсколько очень оскорбительныхъ и довольно несправедливыхъ нападокъ на Ласкера, и такимъ образомъ *перестройка министерства* (это выраженіе, весьма характеристичное, придумано недавно) не состоялась. Либералы да и консерваторы также не безъ основанія жаловались на хроническое отсутствіе министровъ: Бисмаркъ проводитъ бо́льшую часть года въ отпуску, Эйленбургъ въ отпуску, министръ финансовъ, о которомъ никто не знаетъ, уходитъ онъ въ отставку или остается, болѣзненный министръ юстиціи — это, конечно, не особенно пріятный порядокъ дѣлъ. Конечно, этому долженъ теперь наступить конецъ, но съ тою разницей, что въ прошломъ году замѣчалось небольшое тяготѣніе къ лѣвой, а въ нынѣшнемъ замѣчается тяготѣніе къ правой сторонѣ. Вотъ и вся разница. Ее можно считать крупной или ничтожной,—во всякомъ случаѣ, какъ я это сказалъ въ оглавленіи настоящей статьи, она обозначаетъ конецъ той эры, которая началась съ послѣдней французской войны. Но я долженъ придерживаться хроники событій, чтобы не потерять нити. Недѣли полторы тому назадъ пріѣхалъ сюда графъ Отто Штольбергъ, императорскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ. Немедленно въ парламентскихъ кружкахъ распространилось извѣстіе, что графъ Штольбергъ выбранъ Бисмаркомъ въ представителя себя и въ вице-президенты прусскаго министерства. Графъ Штольбергъ имѣлъ частыя совѣщанія съ княземъ Бисмаркомъ, съ императоромъ; онъ до-сихъ-поръ еще находится здѣсь, и хотя оффиціально не воспослѣдовало еще никакого рѣшенія, но нельзя больше сомнѣваться, что онъ приметъ предлагаемый ему постъ. Не знаю, помнятъ ли ваши читатели характеристику этого человѣка, которую я сдѣлалъ по одному обстоятельству раньше.

Графу Штольбергу, самому крупному и самому богатому землевладѣльцу Пруссіи, теперь 41 годъ отъ роду; онъ былъ оберъ-президентомъ въ Ганноверѣ (не ради синекуры, но въ трудное время, слѣдовавшее за 1866 г., когда надо было примирить ганноверцевъ съ новымъ порядкомъ дѣлъ), президентомъ палаты господъ и уже нѣсколько лѣтъ какъ посломъ въ Вѣнѣ. Онъ отнюдь не блестящихъ способностей человѣкъ, но у него здоровый, практическій, трезвый

умъ и нѣкоторыя бюрократическія наклонности, которыя въ его кругу встрѣчаются весьма рѣдко. Въ политическомъ отношеніи онъ никогда не принадлежалъ къ реакціонерамъ и только разъ дѣлалъ оппозицію настоящему правительству съ консервативной точки зрѣнія, вотировавъ противъ закона о гражданскомъ бракѣ (онъ очень набожный человѣкъ и образцовый семьянинъ; онъ женился 26 лѣтъ), но его никакъ нельзя также причислить и къ либераламъ. Симпатіи его по всей вѣроятности больше склоняются къ правой сторонѣ, къ консерваторамъ, тогда-какъ политическій смыслъ заставляетъ его идти за-одно съ умѣреннымъ центромъ, гдѣ консервативный и либеральный элементы почти равносильны. Графъ Штольбергъ уже юношей былъ извѣстенъ людямъ, коротко его знавшимъ, какъ честолюбецъ, и надо въ самомъ дѣлѣ не малую дозу честолюбія, чтобы отказаться отъ спокойной жизни богатаго и семейнаго человѣка. Графъ Штольбергъ въ тѣ 12 лѣтъ, когда онъ принимаетъ участіе въ общественной жизни, не искалъ удобныхъ и почетныхъ постовъ, какъ, напр., члена парламента, но дѣйствительно работалъ. Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство, которое долгое время дѣлало сомнительнымъ, чтобы Штольбергъ принялъ вице-канцлерство. Съ этого поста онъ могъ бы занять только постъ канцлера, и если теперешняя попытка не удастся, то ему почти неизбѣжно придется удалиться отъ политической дѣятельности, потому-что онъ никогда не согласится ограничиться ролью простого вождя партіи.

Прежде, чѣмъ окончились переговоры съ графомъ Штольбергомъ, въ составѣ кабинета произошли двѣ перемѣны: министерство внутреннихъ дѣлъ и министерство финансовъ перешли въ другія руки. Много подсмѣивались надъ тѣмъ, что не находится охотниковъ быть министрами. Въ парламентѣ говорили, что въ непродолжительномъ времени внесенъ будетъ законъ объ обязательномъ наборѣ министровъ. Какъ вдругъ всплыли на поверхность два министра; изъ нихъ одинъ чиновникъ, давно уже находящійся на службѣ; другой—одна изъ тѣхъ личностей, о которыхъ никто не думаетъ, и которыя Бисмаркъ особенно любитъ привлекать, чтобы обновить свои силы.

Ближайшія права на министерство внутреннихъ дѣлъ имѣлъ теперешній министръ сельскаго хозяйства, д-ръ Фриденталь, который, со времени отпуска графа Эйленбурга, временно управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Это—человѣкъ, хорошо знакомый съ дѣлами и отличный работникъ. Я не стану передавать здѣсь всѣхъ предположеній, которыя дѣлались, когда стало все болѣе и болѣе выясняться, что это ожиданіе не осуществится. Представляли дѣло въ такомъ видѣ, что Фриденталь сгораетъ желаніемъ получить министерство внутреннихъ дѣлъ, что ему нанесено одно изъ тѣхъ униженій, на

которыя Бисмаркъ такъ щедръ; разсказывалось даже, что король ни за что не хочетъ Фриденталя въ министры внутреннихъ дѣлъ.

Когда стали, наконецъ, извѣстны новые преобразовательные планы Бисмарка (о которыхъ я буду говорить ниже), на основаніи которыхъ министръ сельскаго хозяйства долженъ также принять на себя министерство удѣловъ и лѣсовъ, которое до-сихъ-поръ причислялось къ финансовому министерству, то стали говорить, что это слѣдуетъ считать вознагражденіемъ за обманутыя надежды, и даже Вирховъ сказалъ это въ ландтагѣ самому министру въ лицо.

Но дѣло стоитъ иначе. Фриденталю, какъ онъ положительно объявилъ это въ ландтагѣ, дѣйствительно предлагалъ Бисмаркъ отъ имени императора министерство внутреннихъ дѣлъ, но онъ отказался, чувствуя себя болѣе способнымъ къ выполненію своего настоящаго поста. Объективный разборъ дѣла можетъ привести лишь къ тому заключенію, что все это весьма правдоподобно. У Фриденталя очень мягкая и уступчивая натура. Будучи министромъ земледѣлія и сельскаго хозяйства, онъ стоялъ на хорошей ногѣ со всѣми партіями. Въ его великолѣпномъ домѣ можно было встрѣтить какъ прогрессиста, такъ и ультрамонтана, и одно время онъ могъ думать, что открылъ секретъ, какъ приручать львовъ. Но едва успѣлъ онъ вступить въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ качествѣ представителя отсутствующаго графа Эйленбурга, какъ оппозиція набросилась на него съ фанатической яростью, и Фриденталь, не обладающій флегматическимъ темпераментомъ графа Эйленбурга, который и не такія бури выдерживалъ въ эпоху столкновенія, не лишаясь аппетита,—Фриденталь, который, напротивъ того, нѣсколько нервенъ, удовольствовался одной пробой. На его мѣсто назначенъ теперь графъ Бото Эйленбургъ, дальній родственникъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ.

Этотъ Бото Эйленбургъ интересная личность. Онъ теперь оберъ-президентомъ въ Ганноверѣ и принялъ этотъ постъ непосредственно вслѣдъ за графомъ Штольбергъ-Вернигероде, и считается однимъ изъ выдающихся администраторовъ. Нѣкоторое время онъ засѣдалъ въ палатѣ депутатовъ, а затѣмъ въ учредительномъ имперскомъ сеймѣ. Въ обоихъ собраніяхъ онъ принадлежалъ къ консервативной партіи и былъ ея лучшимъ ораторомъ, но былъ любимъ также и противной стороной, и разъ даже былъ избранъ въ вице-президенты палаты. Особеннымъ расположеніемъ и милостью пользуется онъ у кронъ-принца, такъ что въ интимныхъ кружкахъ его называютъ Бисмаркомъ кронъ-принца и видятъ въ немъ будущаго имперскаго канцлера. Съ семействомъ имперскаго канцлера графъ находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Младшій братъ его, женихъ дочери князя Бисмарка, былъ сраженъ тифомъ, занесеннымъ въ Варцинъ.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самыми оригинальными отношеніями. Насколько энергическимъ окажется новый министръ внутреннихъ дѣлъ—это покажетъ время.

Но самымъ затруднительнымъ постомъ является, безъ сомнѣнія, постъ министра финансовъ. Самой собой разумѣется, что Бисмаркъ не возьметъ въ министры финансовъ человѣка, который не раздѣляетъ его идей о реформѣ податной системы, а такому придется выдерживать много бурь въ рейхстагѣ и въ палатѣ депутатовъ. Одно время думали замѣстить этотъ постъ простымъ бюрократомъ, потому что между ними можно найти очень способныхъ людей, но мнѣніе, что необходимъ политическій дѣятель, взяло верхъ, и Бисмаркъ сдѣлалъ весьма смѣлый и неожиданный выборъ. Онъ предложилъ постъ министра финансовъ оберъ-бургомистру Берлина Гобрехту—и тотъ принялъ.

Этотъ выборъ особенно характеризуетъ Бисмарка. Онъ ненавидитъ бюрократовъ и неутомимъ, неисчерпаемъ въ изливаніи своего гнѣва на тайные совѣты министерствъ, которые отравляютъ ему жизнь своимъ формализмомъ. Само собой разумѣется, что государство не можетъ обойтись безъ этихъ чиновниковъ; прусскіе чиновники по справедливости славятся многими прекрасными качествами, но имъ естественно недостаетъ иниціативы. Поэтому рѣдко бываетъ удаченъ выборъ котораго-нибудь изъ чиновниковъ, протянувшихъ всю служебную лямку, въ министры, гдѣ ему впервые приходится дѣйствовать самостоятельно и подъ личной отвѣтственностью. Какъ мало людей одарены творческой способностью! Какъ мало отличаются гражданскимъ мужествомъ!

Гобрехтъ стоитъ по своему рангу (хотя собственно настоящаго сравненія тутъ и быть не можетъ, такъ какъ онъ совсѣмъ не государственный чиновникъ) ниже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ и генераловъ, но онъ находится во главѣ крупнѣйшаго городского хозяйства и раньше уже былъ оберъ-бургомистромъ Бреславля, второго по своей значительности города Пруссіи. Поэтому онъ въ полномъ смыслѣ слова новый человѣкъ въ сферѣ государственной службы (хотя разъ, давно тому назадъ, имѣлъ занятія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), такой, какихъ любитъ и ищетъ Бисмаркъ. Что касается его политическихъ убѣжденій, то онъ очень умѣренный человѣкъ. Въ палатѣ господъ, гдѣ онъ представляетъ городъ Берлинъ, онъ принадлежитъ къ либеральной группѣ, которая, конечно, можетъ быть такъ названа только въ противоположность феодаламъ и реакціонерамъ, во множествѣ засѣдающимъ тамъ, но въ палатѣ депутатовъ была бы причислена къ консерваторамъ.

Вотъ пока всѣ министерскія перемѣны; остановится ли дѣло на

этомъ—это другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ министерство слѣдуетъ называть новымъ. Но что всего болѣе поражаетъ въ этой внезапной перемѣнѣ, это то обстоятельство, что король послѣ всего, чтó говорилось про его нелюбовь мѣнять своихъ ближайшихъ совѣтчиковъ и окружать себя новыми лицами,—онъ ясно высказалъ это еще на новый годъ поздравлявшимъ его министрамъ, и слова его, перепечатанныя во всѣхъ газетахъ, не были опровергнуты, — согласился вдругъ на гораздо крупнѣйшую перемѣну, чѣмъ та, которая предполагалась три мѣсяца тому назадъ. Должно быть, на то были весьма серьёзныя причины, и на объясненіе ихъ я посвящу конецъ моего письма, упомянувъ коротко о томъ, что нѣсколько дней тому назадъ правительство внесло въ прусскій ландтагъ совершенно неожиданно въ формѣ дополнительнаго бюджета весьма важный законопроектъ. Оно требуетъ внесенія въ бюджетъ содержанія для вице-президента государственнаго министерства и содержанія для министра желѣзныхъ дорогъ. Вотированіемъ требуемыхъ денегъ ландтагъ выскажетъ также и свое согласіе на новое преобразованіе; потому что такъ какъ онъ не можетъ по духу конституціи вмѣшиваться въ управленіе, то ему ничего другого не остается, какъ отказать въ требуемыхъ деньгахъ, если онъ не одобряетъ новаго учрежденія. Что касается содержанія вице-президента, то оно не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ законъ о замѣстительствѣ прошелъ въ рейхстагѣ. Напротивъ того, идея объ особомъ министрѣ желѣзныхъ дорогъ, долженствующемъ отдѣлиться отъ министерства торговли, до того нова и удивительна, что вызываетъ на самыя серьёзныя размышленія, тѣмъ болѣе, что министръ-президентъ заявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что присоединеніе удѣловъ и лѣсовъ къ сельско-хозяйственному министерству послѣдуетъ немедленно (для этого не требуется вотированія денегъ). Даже самые ревностные приверженцы Бисмарка находятъ такой сюрпризъ передъ самымъ заключеніемъ сессіи, когда ландтагу некогда и пораздумать о немъ, крайне неполитичнымъ шагомъ. Но Бисмаркъ не только самолично и очень рьяно защищалъ законопроектъ, но объявилъ, что если онъ не будетъ принятъ, то ландтагъ будетъ созванъ въ маѣ на дополнительную сессію, и тогда онъ сдѣлаетъ проектъ кабинетнымъ вопросомъ, то-есть подастъ въ отставку, если онъ не будетъ принятъ.

Обозрѣвая положеніе дѣлъ, мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что старое министерство Бисмарка, министерство столкновенія, примиренія и умѣренно-либеральнаго законодательства въ политической и крайняго министерскаго направленія въ экономической сферѣ, окончило свою карьеру. Хотя и взято нѣсколько кирпичей изъ прежняго зданія, но они не сообщаютъ ему своего характера.

Что новое министерство не будетъ министерствомъ полной реакціи—это я уже говорилъ, но никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что оно значительно консервативнѣе того, гдѣ засѣдалъ Кампгаузенъ. Либералы были недовольны даже этимъ министерствомъ, за то, что законодательная машина работала не достаточно быстро, и издаваемые законы казались имъ не достаточно либеральными. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что случилось противное ихъ желаніямъ, и что дальнѣйшее развитіе законодательства будетъ идти болѣе медленнымъ ходомъ и въ болѣе консервативномъ духѣ. А изъ этого съ теченіемъ времени должно произойти столкновеніе, которое, конечно, не имѣетъ причинъ носить такой острый характеръ, какъ столкновеніе въ шестидесятыхъ годахъ. Только во вниманіе къ дружественно-расположеннымъ къ нимъ и симпатичнымъ членамъ правительства воздерживались національ-либералы отъ оппозиціи противъ медленнаго хода законодательства. Они уступали на нѣкоторыхъ пунктахъ съ тѣмъ только, чтобы добиться хоть чего-нибудь. Было бы сверхъестественно, если бы они и теперь продолжали приносить себя въ жертву. Безусловно преданной министерству будетъ теперь только свободно-консервативная партія, которая выигрываетъ отъ преобразованія министерства, такъ какъ, вмѣсто Кампгаузена, который не принадлежалъ къ нимъ, вступаетъ графъ Штольбергъ, принадлежащій къ нимъ. Графъ Эйленбургъ, хотя и принадлежалъ прежде къ ново-консерваторамъ, стоящимъ чуть-чуть ближе къ правой, чѣмъ свободные консерваторы, однако не консервативнѣе своего предшественника, графа Эйленбурга, министра внутреннихъ дѣлъ. Итакъ, министерство найдетъ поддержку въ этихъ двухъ фракціяхъ, которыя, конечно, не доставятъ ему большинства. Но выдержатъ ли національ-либералы? Весьма значительное число ихъ членовъ, такъ-называемый, правый флангъ, состоитъ изъ людей, которые въ политическомъ отношеніи вовсе не отличаются отъ свободныхъ консерваторовъ и которые отнюдь не намѣрены оказывать правительству сильную и продолжительную оппозицію. Они принадлежали къ партіи, потому что это придавало имъ пріятный оттѣнокъ либерализма и потому что эта партія самая значительная и вліятельная, что особенно выражается во время выборовъ. Въ своемъ теперешнемъ составѣ партія врядъ ли долго просуществуетъ: рѣшительные либералы вернутся въ среду той партіи, изъ которой они вышли, т.-е. въ среду прогрессивной партіи, а менѣе рѣшительные образуютъ темный центръ, который, само-собой разумѣется, не будетъ имѣть и тѣни того вліянія, какое имѣла національ-либеральная партія. И рано или поздно наступятъ распущеніе и новые выборы, на которыхъ почва для консерваторовъ будетъ гораздо болѣе расчищена,

чѣмъ годъ тому назадъ, — частью вслѣдствіе возрастающаго недовольства экономически-политическими законами послѣднихъ полутора лѣтъ, частью вслѣдствіе пугающаго развитія соціальной демократіи. Въ либеральныхъ кружкахъ толкуютъ теперь противъ свободы отдавать деньги въ ростъ, хотя отмѣна законовъ о ростовщичествѣ была одной изъ первыхъ, всѣми одобренныхъ и оправдываемыхъ наукою мѣръ. Безграничная свобода переселенія разоряетъ большіе города, привлекая безчисленныхъ сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ выслать они имѣютъ право лишь послѣ двухгодичнаго пребыванія, если по истеченіи ихъ они окажутся безъ заработковъ. Свобода театровъ низвела драматическое искусство до самаго низкаго уровня. За исключеніемъ королевскихъ театровъ, не существуетъ другихъ истинныхъ храмовъ искусства. Труппы берлинскихъ актеровъ бродятъ, какъ номады, съ одной сцены на другую, чтобы обезпечить за собой успѣхъ въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ они неизвѣстны, именно благодаря этому обстоятельству. За то повсемѣстно процвѣтаютъ площадной фарсъ и карусели, перебравшіеся изъ цирка въ театры и дающіе полный сборъ. Въ циркѣ на-дняхъ присутствовало 7,000 человѣкъ, любуясь, какъ „Herr Steinträger So und So" („господиномъ" величаютъ, въ нашу эпоху свободы и равенства, всѣхъ безъ разбора), соперничалъ въ искусствѣ „mit den Herrn Kofferträger So und So". Но это, говоря мимоходомъ, единственный пунктъ, который возбуждаетъ во мнѣ реакціонныя стремленія. Къ несчастью, они проявляются не въ этой сферѣ, но въ другой, гдѣ они менѣе умѣстны. И именно политическія права (какъ, напримѣръ, всеобщая подача голоса) съ трудомъ пріобрѣтаются, разъ они были утрачены. Единственнымъ средствомъ является поддержаніе спокойствія и выжиданіе, чтобы реакція улеглась сама-собой.

Но этому спокойствію угрожаетъ въ настоящее время соціальная демократія, и я съ намѣреніемъ отложилъ этотъ предметъ на самый конецъ, хотя онъ играетъ важную роль въ настоящемъ кризисѣ. Ни одна изъ политическихъ партій не воспользовалась съ такимъ успѣхомъ великими политическими правами, которыми насъ надѣлила эра свободнаго развитія: прямой всеобщей подачей голоса, свободой печати и правомъ сходокъ,—какъ соціалъ-демократическая.

Число ихъ растетъ съ величайшею быстротой. Они съ каждымъ днемъ становятся смѣлѣе. Они проповѣдуютъ республику, прославляютъ парижскую коммуну, равно какъ и казнь Людовика XVI. Они объявляютъ вѣру въ Бога нелѣпостью, они хотятъ отмѣнить всякую частную собственность — и все это проповѣдуется во всеуслышаніе въ сотнѣ листкахъ, основанныхъ ими,—на собраніяхъ, посѣщаемыхъ тысячами людей. Нѣсколькимъ придворнымъ священникамъ и ихъ

друзьямъ пришла въ голову мысль сражаться съ соціаль-демократіей христіанскимъ оружіемъ, и они пригласили соціаль-демократовъ на словесный турниръ. Эти послѣдніе не заставили повторять себѣ этого два раза, и Мостъ сталъ гремѣть противъ поповъ и религіи и требовать, чтобы его приверженцы всей массой заявили о своемъ отреченіи отъ церкви, для чего достаточно простого заявленія объ этомъ передъ судомъ. По новѣйшему законодательству никто не можетъ быть принужденъ исповѣдывать какую-нибудь религію.

Но соціаль-демократы на этомъ не остановились: одинъ изъ ихъ членовъ, молодой человѣкъ, еще три года тому назадъ бывшій наборщикомъ и въ послѣднее время управлявшій соціаль-демократической типографіей, въ которой печатались соціаль-демократическія берлинскія газеты и безчисленные памфлеты и брюшюры, умеръ — и соціаль-демократы рѣшились устроить по этому случаю демонстрацію. И дѣйствительно, около 15,000 или 20,000 соціаль-демократовъ и демократокъ (въ послѣднее время они ведутъ сильную агитацію между женщинами, которыя всегда бываютъ ревностными адептами, разъ возьмутся за политику) шло за гробомъ; 50,000 человѣкъ присутствовало на похоронахъ, и берлинскіе буржуа съ простодушнымъ смѣхомъ дивились „свободной дисциплинѣ", какую выказалъ этотъ безпокойный народъ.

Если король уже раньше былъ недоволенъ ходомъ дѣлъ въ евангелической церкви, въ которомъ видѣли опасность для христіанскаго ученія, то можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на него отреченіе отъ всякой религіи. Но и въ другихъ, и весьма либеральныхъ, кружкàхъ, начинаютъ толковать, что соціальная демократія совсѣмъ не шуточное дѣло и что кроткими мѣрами съ ней ничего не подѣлаешь. Одинъ изъ выдающихся участниковъ въ законодательствѣ послѣднихъ лѣтъ, депутатъ Бамбергеръ, напечаталъ въ издаваемомъ Юліемъ Роденбергомъ журналѣ „Deutsche Rundschau" статью, подъ заглавіемъ: „Германія и соціализмъ", гдѣ онъ весьма остроумно излагаетъ причины быстраго развитія послѣдняго—и довольно ясно высказываетъ сомнѣніе: не хватила ли либеральная партія черезъ край? Бюргерство въ Германіи — вотъ исходная и конечная точка зрѣнія Бамбергера — повидимому, намѣрено такъ же легкомысленно дѣйствовать, какъ и дворянство во Франціи сто лѣтъ тому назадъ, потому что сознательно или безсознательно поощряетъ соціальную демократію и какъ-будто и не подозрѣваетъ о грозящей ему съ этой стороны опасности. Онъ доказываетъ, какъ нѣкоторая часть аристократіи ставила и до сихъ поръ ставитъ себѣ въ удовольствіе науськивать на непріятное для него либеральное бюргерство, такъ-называемое, пятое сословіе, какъ ортодоксальные священ-

ники и опрометчивые ученые потрясаютъ основы общества—короче, какъ все это вмѣстѣ взятое содѣйствуетъ успѣхамъ соціальной демократіи.

Со стороны бюргерства нельзя ожидать противодѣйствія. Хотя нападки соціальной демократіи ближе всего касаются бюргерства, но оно (я употребляю рѣзкія, но вѣрныя слова Бамбергера) въ тупой безсознательности, не понимая того, чтѣ вокругъ него творится,—частью разыгрываетъ роль безсмысленнаго зрителя, — частью само даетъ противъ себя орудіе въ руки соціаль-демократамъ. Не трудно сказать, отчего это происходитъ: сознаніе собственнаго безсилія порождаетъ легкомысліе. Наше бюргерство живетъ, несмотря на шаблонное конституціонное устройство государства, съ тайнымъ сознаніемъ, что большая часть этихъ прекрасныхъ учрежденій есть мертворожденное чадо, и что всесильные остатки старинныхъ сословныхъ порядковъ препятствуютъ развитію его общественной и политической силы. Оно не чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за свое самосохраненіе. Оно живетъ въ убѣжденіи, что начальство печется объ общественномъ спокойствіи и безопасности. Это отличительная черта нашего политическаго радикализма.

А теперь скажу въ заключеніе о томъ, о чемъ я до сихъ поръ тщательно избѣгалъ упоминать, а именно про культурную борьбу, и произнесу при этомъ имя министра Фалька.

Станетъ ли новое министерство продолжать культурную борьбу? Останется ли министръ Фалькъ, главный представитель ея, у дѣлъ, или же уйдетъ? Не протянетъ ли папа Левъ XIII руку къ примиренію? Или же будетъ слѣдовать по стопамъ Пія IX?

Вотъ вопросы болѣе жгучіе, чѣмъ всѣ остальные. На нихъ нельзя отвѣчать рѣшительно въ настоящее время, но многіе признаки показываютъ, что обѣ стороны склоняются къ примиренію. Папа извѣстилъ императора Вильгельма о своемъ восшествіи на престолъ, и императоръ болѣе чѣмъ дружески отвѣчалъ ему. Это еще только начало, и если обѣ стороны того захотятъ, то наступитъ искреннее примиреніе, будетъ заключенъ почетный миръ. Where is a will, there is a way! Ни одна изъ обѣихъ сторонъ не пройдетъ черезъ Кавдинское иго.

Быть можетъ, не простой случай произвелъ разрывъ между Бисмаркомъ и національ-либералами тотчасъ послѣ смерти Пія IX.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

13/25 марта, 1878.

XXXV.

Современная французская молодежь.

Въ одномъ изъ моихъ писемъ, я говорилъ о нашихъ французскихъ коллежахъ, объ образованіи и воспитаніи, какое получаютъ въ нихъ наши дѣти, о персоналѣ профессоровъ, о нравахъ воспитанниковъ и объ общемъ духѣ, царствующемъ въ этомъ маленькомъ міркѣ [1]). Теперь я хочу заняться юношей, по выходѣ его изъ коллежа, и сказать, какъ онъ дѣйствуетъ на первыхъ порахъ своей жизни. Вотъ онъ больше не въ четырехъ стѣнахъ, его выпустили на всѣ четыре стороны: займемся имъ въ эту своеобразную минуту, которая почти всегда рѣшаетъ дальнѣйшую его судьбу. Я дополню, такимъ образомъ, мой прежній этюдъ о французской молодежи. По молодежи и общество!

Надо замѣтить, что черезъ каждыя двадцать лѣтъ молодежь всякой страны преобразуется. Измѣняются характеры, общее направленіе. Напримѣръ, нельзя отрицать, что молодой человѣкъ временъ реставраціи былъ совсѣмъ не такой, какъ молодой человѣкъ въ эпоху іюльской монархіи, точно такъ какъ послѣдній нисколько не похожъ на молодого человѣка временъ второй имперіи. Несмотря на весь интересъ, какой представлялъ бы сравнительный анализъ между молодежью этихъ различныхъ эпохъ, я долженъ ограничить свои рамки и довольствоваться изученіемъ молодежи моего времени. Главнымъ образомъ побуждаетъ меня ограничиться ими то, что я самъ принадлежу къ ихъ числу, хорошо ихъ знаю и могу говорить о нихъ, не боясь ошибиться. Любопытная эпоха, переживаемая нами, отмѣтила ихъ характернымъ образомъ: всѣ они носятъ въ себѣ исторію нашей новѣйшей цивилизаціи.

---

[1]) См. мартъ 1877 г. стр. 431: „Школа и школьная жизнь во Франціи".

I.

Прежде всего я опишу провинціальнаго юношу. Я выросъ въ городѣ Э (Aix), застывшемъ въ высокомѣріи древней столицы, не ведущемъ ровно никакой торговли, и которому предоставили юридическій факультетъ, чтобы утѣшить его въ утраченномъ политическомъ величіи. Трава ростетъ на его бульварахъ; буржуазія поживаетъ среди ненарушимаго покоя, и только небольшой мірокъ адвокатовъ волнуется, въ то время какъ старинное дворянство фрондируетъ, зарывшись въ своихъ пустынныхъ домахъ.

Изъ десяти воспитанниковъ, выходящихъ изъ коллежа города Э, восемь поступаютъ на юридическій факультетъ. Во-первыхъ, въ ихъ числѣ находятся сыновья адвокатовъ, стряпчихъ, нотаріусовъ и даже судебныхъ приставовъ, которые имѣютъ въ виду продолжать впослѣдствіи дѣло своихъ отцовъ. Эти повинуются семейнымъ традиціямъ. Затѣмъ идутъ сыновья выскочекъ, которые спѣшатъ подражать своимъ товарищамъ, чтобы занять болѣе высокое положеніе въ обществѣ; позднѣе они надѣются получить мѣсто мирового судьи въ какой-нибудь деревушкѣ, мѣсто товарища прокурора или судьи. Но даже и тѣ, которые не имѣютъ въ виду вступить въ магистратуру или купить контору нотаріуса или стряпчаго, тѣмъ не менѣе изучаютъ право, потому что такъ принято. Вѣдь имъ все-равно нéчего дѣлать, такъ почему же и не посѣщать лекцій юридическаго факультета. Все же возможность выставить на визитной карточкѣ титулъ адвоката придаетъ извѣстный апломбъ, хотя и не ведешь никакихъ дѣлъ. Во Франціи послѣ революціи адвокатство распространилось точно моровая язва: нѣтъ такого буржуазнаго сынка, который бы не мечталъ объ этой торной дорожкѣ; честолюбцы думаютъ, что она приводитъ ко всему; лѣнтяи видятъ тутъ предлогъ бить баклуши. Это служитъ какъ-бы въ родѣ эмансипаціи отъ стариннаго склада общества; люди перестали быть священниками, дворянами, военными, —они стали адвокатами. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть знаменіе времени.

Итакъ, въ городѣ Э вся образованная молодежь посѣщаетъ лекціи юридическаго факультета. Но не одни только туземцы даютъ контингентъ студентовъ; много другихъ является изъ Марселя и изъ сосѣднихъ департаментовъ. Понятно, что иныя бѣдныя семьи отступаютъ передъ расходами путешествія въ Парижъ и пребыванія тамъ ихъ дѣтей. Кромѣ того, вѣдь это такая даль, и ихъ пугаютъ парижскіе пороки, соблазны, ожидающіе новичковъ. Поэтому они предпочитаютъ жизнь въ Э, въ этомъ окаменѣломъ городѣ, гдѣ не насчитаешь и десяти женщинъ легкаго поведенія. Такимъ образомъ, студентовъ

юристовъ, считая мѣстныхъ уроженцевъ и прибывающихъ изъ другихъ мѣстъ, набирается до четырехъ-сотъ, но среднимъ числомъ слѣдуетъ считать триста-пятьдесятъ въ годъ. Въ числѣ ихъ попадается нѣсколько смуглыхъ корсиканцевъ, креолы, выпущенные изъ марсельскаго лицея, провансальцы изъ Нима и Монпелье, небольшого роста, худощавые, и горцы, являющіеся съ Нижнихъ-Альпъ, грубые, дурно воспитанные, точно, медвѣди, сорвавшіеся съ цѣпи. Зимою этотъ небольшой студенческій мірокъ оживляетъ нѣсколько городъ. Когда наступаютъ сентябрьскія каникулы, кажется, что улицы какъ будто вымерли, потому что студенты разлетаются въ разныя стороны и не наполняютъ ихъ больше своимъ шумомъ.

Впрочемъ не слѣдуетъ думать, чтобы провинціальные студенты были народъ буйный. Легенды о нихъ, правда, ходятъ; передаются всякаго рода анекдоты о великихъ безпорядкахъ, производимыхъ ими лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Въ настоящее время жизнь въ этомъ отношеніи стала куда глаже. Сообщу кое-что о нравахъ и увеселеніяхъ провинціальныхъ студентовъ.

Городскіе студенты живутъ натурально у своихъ родителей. Ихъ ведутъ, если не совсѣмъ какъ дѣвицъ, то во всякомъ случаѣ какъ школьниковъ, которымъ мало довѣряютъ. Родители очень строги, зачастую набожны. Если прибавить къ этому, что они и скупы, то понятно станетъ, что бѣднымъ юношамъ не часто представляется случай веселиться. Никакой свободы, всего какихъ-нибудь двадцать франковъ въ мѣсяцъ карманныхъ денегъ и кругомъ шпіонство, свойственное маленькому городку. Пріѣзжіе студенты естественно пользуются большею свободой. Они живутъ въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ они полные хозяева. Съ другой стороны, хотя денегъ у нихъ очень мало, но имъ дается содержаніе отъ ста до двухсотъ франковъ мѣсяцъ. Иные, совсѣмъ бѣдные и лишенные всякихъ средствъ, даютъ уроки или поступаютъ преподавателями въ коллежъ. Впрочемъ, желаніе имѣть отдѣльную комнату, куда можно приводить кого хочешь, такъ велико у только-что выпущенныхъ на волю школьниковъ, что многіе изъ городскихъ молодыхъ людей тоже нанимаютъ комнаты, въ которыхъ не могутъ ночевать, но въ которыхъ они проводятъ цѣлые дни. Если у нихъ нѣтъ денегъ, чтобы доставить себѣ эту роскошь, они пользуются комнатой товарища и приходятъ толпой подышать на просторѣ вдали отъ строгихъ взоровъ родителей.

И что всего любопытнѣе, такъ это то, что женщины роковымъ образомъ играютъ весьма ограниченную роль въ жизни провинціальныхъ студентовъ. Весьма рѣдко встрѣтишь женщину въ этихъ пресловутыхъ комнатахъ, на которыя такъ зарятся. Если, паче чаянія, и встрѣтишь женщину, то это какая-нибудь куртизанка, завезенная

изъ Марселя, или же заѣзжая актриса, пѣвица изъ кафе-шантана, засѣвшая въ гостинницѣ, гдѣ ей нечѣмъ заплатить счета. Какъ я уже говорилъ, свободного порока не существуетъ въ Э. Есть, правда, работницы, да и нѣкоторыя изъ замужнихъ женщинъ, которыя покучиваютъ, но онѣ никогда не довѣрятся студентамъ, запугивающимъ ихъ своими шумными и нескромными пріемами. Итакъ, молодежи остается довольствоваться патентованнымъ порокомъ, домами терпимости, которые носятъ совсѣмъ особый характеръ, гдѣ имѣются фортепіано и гдѣ бывать считается чуть ли не бонтоннымъ. Нѣкоторые студенты, сыновья именитѣйшихъ гражданъ города, собираются тамъ каждый день, проводятъ тамъ все послѣ-обѣда и весь вечеръ. Но женщины не могутъ оттуда выходить; самое большое, если удастся иногда повезти всѣхъ ихъ за-городъ обѣдать въ шарабанахъ; странная и трогательная идиллія, во время которой всѣ эти жалкія созданія превращаются въ молоденькихъ дѣвочекъ, среди освѣжающей прелести зеленыхъ деревьевъ.

Такимъ образомъ, студенты, будучи вынужденными навѣщать женщинъ на квартирахъ послѣднихъ, живутъ только съ товарищами въ комнатахъ. Они собираются въ нихъ, чтобы покурить или выпить пуншу. Иные изъ нихъ музыканты и собираются, чтобы заниматься музыкой. Но это не долго длится; имъ вскорѣ пріѣдается безсодержательная жизнь, которую они ведутъ вдали отъ надзора родителей и профессоровъ, и они кончаютъ тѣмъ, что проводятъ время въ кофейняхъ.

Послѣ домовъ терпимости всего болѣе привлекаютъ студентовъ кофейни. Они проводятъ въ нихъ всю жизнь. Утромъ они въ нихъ появляются; послѣ полудня засѣдаютъ, а вечеромъ спятъ. Ихъ приходится выталкивать за дверь, когда настаетъ пора запирать кофейню. Кофейни служатъ естественнымъ мѣстомъ сборищъ. Въ провинціальныхъ семьяхъ мало принимаютъ гостей; всѣ онѣ ведутъ очень замкнутую жизнь. Товарищи, говорящіе другъ другу *ты*, съ десятилѣтняго возраста не видятся нигдѣ кромѣ кофейни. Въ Э существуетъ двѣ кофейни, между которыми дѣлятся посѣтители-студенты. Долгіе мѣсяцы они посѣщаютъ какую-нибудь кофейню; затѣмъ вслѣдствіе какой-нибудь исторіи, когда случается кому-нибудь изъ нихъ повздорить съ содержателемъ кофейни, а остальные примутъ его сторону, они вдругъ сочтутъ себя оскорбленными или ограбленными и перекочевываютъ всею массою въ другую кофейню, которую точно также покидаютъ по прошествіи нѣкотораго времени и возвращаются въ первую. Когда они завладѣютъ такимъ образомъ кофейней, она становится ихъ собственностью. Они ведутъ себя въ ней съ невѣроятной безцеремонностью, позволяютъ себѣ рѣшительно

все; ведутъ себя какъ молодые дикари; особенно бѣдовыми оказываются пріѣзжіе студенты. Но не слѣдуетъ думать, чтобы въ этихъ кофейняхъ много пили. Обычные посѣтители ихъ приходятъ валяться по диванамъ, играть на билліардѣ, въ карты. Лѣтомъ они довольствуются тѣмъ, что усаживаются у дверей и глядятъ на прохожихъ. Видно, что имъ нечего дѣлать, что они не знаютъ, что дѣлать съ своей персоной, и развалились тутъ на стулѣ, потому что не знаютъ куда дѣваться. Они обошли городъ; прошлись разъ десять взадъ и впередъ по бульвару; вотъ и все; теперь они разсѣлись и зѣваютъ. Вокругъ столовъ повторяются однѣ и тѣ же остроты; дни походятъ одинъ на другой, какъ двѣ капли воды; вода въ фонтанѣ поетъ свою вѣчную пѣсенку. Если они не разстаются съ кофейней, если они возвращаются въ нее, какъ въ общій центръ, то это потому, что они наслаждаются въ ней незавиднымъ счастіемъ скучать сообща.

Въ провинціи, въ особенности на югѣ, очень развита страсть къ игрѣ. Игра тамъ главное развлеченіе студентовъ. Днемъ, въ кофейнѣ они играютъ въ игру, называемую „la culotte", т.-е. они рѣшаютъ путемъ картъ, который изъ нихъ заплатитъ за все выпитое вино; когда ихъ соберется человѣкъ тридцать или сорокъ, то проигрышъ оказывается довольно значительнымъ. Существуютъ также и клубы; чаще всего клубъ помѣщается также въ кофейнѣ; но только члены его пользуются привилегіей занимать двѣ или три отдѣльныхъ залы, въ первомъ этажѣ. Въ клубахъ студентамъ случается проигрывать большія суммы. Надо сказать, что хозяинъ клуба долженъ давать деньги взаймы проигравшимся, если хочетъ, чтобы дѣла его процвѣтали; онъ не прямо даетъ имъ деньги взаймы, но поручаетъ кому-нибудь изъ гарсоновъ ссужать проигравшихся болѣе или менѣе значительными суммами. Натурально, что гарсонъ знаетъ всѣхъ посѣтителей и ссужаетъ всего охотнѣе деньгами молодыхъ людей изъ мѣстныхъ семей, отцы которыхъ богаты; у нихъ большею частію никогда не бываетъ денегъ, но они могутъ уплатить долги впослѣдствіи. Отсюда крупные проигрыши. Я знавалъ молодыхъ людей, которые послѣ двухъ или трехъ-лѣтняго изученія права, наживали долгъ тысячъ въ десять франковъ, который уплачивали только при женитьбѣ или по смерти отца. Трудно представить себѣ, какую притягательную силу имѣетъ клубъ для очень молодыхъ студентовъ. Они видятъ въ игрѣ единственный источникъ нажить деньги; если они выиграютъ, то могутъ выписать женщину, съѣздить въ Марсель, дозволить себѣ какое-нибудь развлеченіе. И они проводятъ ночи за картами, не ночуютъ дома, изобрѣтаютъ самыя необыкновенныя исторіи. Одинъ изъ нихъ, котораго отецъ запиралъ, спускался въ

окно изъ перваго этажа, держась за рѣшетки, которыми снабжены были окна нижняго этажа.

Если я прибавлю къ этому обѣды, по стольку-то съ персоны, которые они по временамъ задаютъ другъ другу, балы, которые они устраиваютъ, выписывая на нихъ куртизанокъ изъ Марселя, то я исчерпаю всѣ жалкія событія студенческой жизни города Э, да и всѣхъ провинціальныхъ городовъ вообще. Есть еще театръ, гдѣ бываютъ представленія три раза въ недѣлю. Это наполняетъ три вечера; но труппа бываетъ большею частію очень плоха; студенты скучаютъ въ театрѣ и не интересуются представленіями, помимо интереса, внушаемаго имъ актрисами, когда онѣ еще не совсѣмъ стары.

Теперь я, естественно, долженъ упомянуть о литературныхъ, политическихъ и религіозныхъ взглядахъ провинціальной молодежи.

И прежде всего приходится не безъ стыда сознаться, что умственный уровень ихъ очень низокъ. Въ провинціи преподаваніе очень слабо. Но это бы еще не бѣда, если бы молодые люди работали внѣ лекцій, если бы они изучали хоть съ какимъ-нибудь интересомъ современную жизнь. Конечно, попадаются труженики, студенты, читающіе газеты и новыя книги, увлекающіеся новыми идеями. Но они до того затеряны въ общей массѣ, что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на исключенія. Я занимаюсь здѣсь большинствомъ, а большинство пребываетъ въ абсолютномъ невѣжествѣ. Ни чтенія, ни литературныхъ или философскихъ пристрастій, ни интереса къ идеямъ, занимающимъ современные умы. Подумаешь, что находишься за тысячу льё отъ Парижа; и даже Парижъ ненавидится; въ мечтахъ студентовъ онъ рисуется лишь какъ веселый городъ, изобилующій хорошенькими женщинами; позднѣе они начинаютъ ненавидѣть его за то, что онъ ихъ смущаетъ и пугаетъ. Нельзя представить себѣ, въ какой умственной спячкѣ пребываютъ они; новѣйшая литература до того имъ чужда, что они хлопаютъ глазами съ удивленіемъ, когда при нихъ назовутъ писателя, завоевавшаго себѣ громкую извѣстность. Зачастую въ театрѣ они не знаютъ, кто авторъ пьесы. У нихъ еще живутъ въ памяти обрывки классической литературы, отрывки изъ Буало, Расина, и вотъ и все. Наука для нихъ еще недоступнѣе; они стоятъ на мѣстѣ, тогда какъ все кругомъ нихъ стремится впередъ. Когда наступаютъ экзамены, они кое-какъ отзвонятъ зазубренное, хотя и посѣщали лекціи довольно исправно. Но навѣрно двѣнадцатилѣтній школьникъ въ Парижѣ больше знакомъ съ современнымъ міромъ, нежели они.

Въ политикѣ и религіи они почти всѣ безъ исключенія раздѣляютъ взгляды своихъ родственниковъ. Въ Э хорошее общество долгое время было легитимистскимъ. Позднѣе вопросъ личной выгоды

вызвалъ бонапартистское направленіе въ административной средѣ. Въ настоящее время буржуазія склоняется къ республиканскимъ идеямъ. Эти три направленія замѣчаются и между студентами. Вообще, они консерваторы; они желаютъ наслѣдовать своимъ отцамъ и до сихъ поръ еще вѣрятъ, что всякая революція угрожаетъ богатымъ раздѣломъ имуществъ. Такъ какъ они мало работаютъ головой, то и боятся всякихъ потрясеній. Ихъ поставили бы въ большой тупикъ, напримѣръ, спросивъ объ ихъ религіозныхъ мнѣніяхъ. Весьма немногіе исполняютъ церковные обряды; нѣкоторые сопровождаютъ матерей въ церковь. Они не боятся грѣха, но только повторяютъ, что религія необходима для такой страны, какъ наша. И даже я приписываю имъ разсужденія, которыя у нихъ весьма смутно формулируются въ головѣ. Они никогда не думаютъ объ этихъ вещахъ, это слишкомъ обременительно для ихъ головы.

Ужъ, разумѣется, будущее принадлежитъ не имъ. Великій умъ можетъ зародиться и въ этомъ сонномъ провинціальномъ царствѣ. Но онъ скоро обратится въ бѣгство, онъ уѣдетъ въ Парижъ, чтобы спастись отъ медленной одури, которая беретъ въ кофейняхъ и на бульварѣ, гдѣ люди зѣваютъ. Самое развлеченіе дѣйствуетъ тамъ снотворно. Тѣ, которые не уѣзжаютъ—а ихъ всего больше—старѣются на мѣстѣ, жирѣютъ, наживаютъ брюшко, дѣлаются адвокатами, стряпчими или нотаріусами, не пріобрѣтая ни одной новой идеи въ головѣ. Когда позднѣе встрѣчаешь друга молодости, ожирѣвшаго въ провинціи, то удивляешься неподвижности, въ какой онъ пребывалъ все то время, какъ его не видалъ. Самъ ушелъ впередъ, а тотъ остался на мѣстѣ. Онъ такъ же смѣется, такъ же пустъ, такъ же невѣжественъ. Это все тотъ же ребенокъ, но только съ сѣдыми волосами.

II.

Въ Парижѣ Латинскій кварталъ очень перемѣнился за послѣднія двадцать лѣтъ. Когда я еще былъ въ лицеѣ Сенъ-Луи въ 1858 г. я видѣлъ, какъ сломали послѣдніе дома улицы Лагарпъ. Эта улица Лагарпъ, темная, узкая, извилистая, вела отъ площади Сенъ-Мишель къ Сенѣ и была какъ-бы центромъ стариннаго латинскаго квартала. Въ настоящее время отъ нея остался одинъ кончикъ, возлѣ набережной; но глядя на этотъ кончикъ улицы, чистый и пустынный, нельзя больше представить себѣ, какимъ шумнымъ бывалъ онъ во время оно. Студенты жили здѣсь какъ у себя дома, со всѣми преданіями и вольностями, завѣщанными средними вѣками. Для жен-

щины не безопасно было показываться на улицахъ квартала послѣ девяти часовъ вечера. Я помню еще, что бывалъ свидѣтелемъ странныхъ сценъ, видалъ, какъ приставали къ женщинамъ, какъ толпы молодыхъ людей окружали ихъ и отпускали на всѣ четыре стороны не прежде, какъ перецѣловавъ ихъ. Но все это перемѣнилось. Теперь Латинскій кварталъ похожъ на всѣ другіе кварталы. Вечеромъ газовые рожки спокойно горятъ, широкія улицы вытягиваются какъ по шнурку, прохожіе возвращаются домой степенной походкой, какъ самые разсудительные буржуа.

Нѣтъ сомнѣнія, что сломка старыхъ домовъ, проведеніе новыхъ улицъ и новыхъ бульваровъ преобразовали внѣшность Латинскаго квартала. Бульваръ Сенъ-Мишель и бульваръ Сенъ-Жерменъ, пересѣкающіе его крестомъ, пропускаютъ въ него свѣтъ, воздухъ и болѣе оживленное движеніе. Уцѣлѣло всего какихъ-нибудь нѣсколько переулковъ. Кофейни стали такими же просторными и роскошными, какъ и рестораны на Итальянскомъ бульварѣ. Прежнія меблированныя гостинницы, съ ихъ темными улицами и кривыми окнами, уступили мѣсто обширнымъ отелямъ, богато обставленнымъ. Появился неизвѣстный въ прежнее время комфортъ, совершилось цѣлое буржуазное вторженіе. По мѣрѣ того, какъ измѣнялась обстановка, студентамъ приходилось волей-неволей принять другія манеры. Поэтому въ настоящее время съ трудомъ признаешь прежнихъ растрепанныхъ буяновъ, въ беретахъ, курившихъ трубки на тротуарѣ, въ молодыхъ приличныхъ господахъ, прогуливающихся въ сюртукахъ съ тоненькой папиросой въ зубахъ.

Итакъ, студенты въ Парижѣ не отличаются больше отъ остальныхъ жителей. Они одѣты, какъ и всѣ; никакой эксцентричности въ ихъ костюмѣ не замѣтно; не видать больше ни красныхъ галстуковъ, ни голубыхъ, гусарскихъ панталонъ, ни куртокъ. Ихъ узнаешь развѣ только потому, что они иногда проходятъ по бульвару Сенъ-Мишель группами въ пять или шесть человѣкъ. Но если они и улыбаются при видѣ женщинъ, то все же почтительно уступаютъ имъ дорогу и выказываютъ фамильярность лишь съ женщинами легкаго поведенія. Люксембургскій садъ остался ихъ любимой прогулкой, хотя его жестоко испортили, уничтоживъ босветы *Питомника*, куда столько поколѣній ходили читать и мечтать. Къ тому же, если большинство студентовъ, прибывающихъ изъ провинціи, все еще селятся въ латинскомъ кварталѣ, чтобы было ближе ходить на лекціи, то многіе живутъ очень далеко, въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, или даже на правомъ берегу Сены; я не говорю уже про студентовъ, семьи которыхъ обитаютъ въ Парижѣ и которые, само собой разумѣется, не живутъ въ меблированныхъ комнатахъ. Можно сказать,

въ сущности, латинскій кварталъ сталъ однимъ только воспоминаніемъ.

Вотъ какова студенческая среда, неопредѣленная и обуржуазившаяся, утратившая всякій оригинальный характеръ. Переходя къ нравамъ, скажу, что они гораздо утонченнѣе и живѣе въ Парижѣ, чѣмъ въ провинціи. Во-первыхъ, развлеченія здѣсь самыя разнообразныя, есть балы, театры, рестораны. Студенты, правда, посѣщаютъ кофейни, но не такъ прирастаютъ къ нимъ, не проводятъ въ нихъ цѣлые дни; я все же говорю про большинство. Отношеніе къ женщинамъ тоже характеристично. Въ Парижѣ тайкомъ посѣщаютъ дома терпимости. Но за то существуетъ цѣлый классъ женщинъ, называемыхъ женщинами Латинскаго квартала, что̀ ихъ достаточно характеризуетъ. Это работницы, которымъ надоѣлъ трудъ, дѣвушки, пріѣхавшія изъ провинціи въ Парижъ искать мѣста горничной, и которыхъ сгубила красота, учительницы музыки и гувернантки, сбившіяся съ пути. Впрочемъ, потребовался бы цѣлый этюдъ, чтобы тщательно классифицировать ихъ. Большинство живетъ съ любовниками до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ ссора; впрочемъ, онѣ не отличаются вѣрностью и охотно измѣняютъ любовнику для его пріятелей. Обыкновенно ихъ передаютъ такимъ образомъ съ рукъ на руки между товарищами, не особенно негодуя. Одного потеряешь, а десятерыхъ найдешь, какъ говорятъ онѣ. Но слѣдуетъ отмѣтить одинъ фактъ, что онѣ не выходятъ за предѣлы студенческаго міра; онѣ довольствуются тѣмъ, что разгуливаютъ въ немъ справа на лѣво, отъ одного студента къ другому. Но бывали примѣры вѣрности, продолжавшейся цѣлый сезонъ. Порою даже такая связь переживаетъ каникулы; студентъ, которому пришлось провести мѣсяцъ или два въ провинціи, въ своей семьѣ, сходится по возвращеніи съ своей милой, которой писалъ каждую недѣлю. Быть можетъ, въ его отсутствіе она нарушала слегка условія контракта, но онъ этого не знаетъ или не хочетъ знать.

Женщины, свободныя гризетки, вносятъ особенный элементъ въ жизнь парижскихъ студентовъ. Она далеко не похожа на пустую и безцвѣтную жизнь провинціальныхъ студентовъ. Комнаты парижскихъ студентовъ уже не тѣ холодные покои, куда собираются только товарищи и откуда ихъ скоро выгоняетъ ихъ скука. Онѣ превращаются въ убѣжища влюбленныхъ, осуществляютъ мечту каждаго школьника; въ нихъ постоянно валяются женскія шляпки и женскія ботинки. Родители далеко, дверь заперта, первый поцѣлуй превращаетъ мальчишку въ мужчину. Такимъ образомъ начинается настоящее знакомство съ жизнью почти всѣхъ нашихъ юношей. Затѣмъ, идутъ обѣды en tête-à-tête въ ресторанахъ, прогулки по окрестно-

стямъ, откуда возвращаются, падая отъ усталости. Здѣсь вездѣ наталкиваешься на женщину, она пополняетъ жизнь студента; гуляетъ съ нимъ, обѣдаетъ, спитъ, скучаетъ и веселится съ нимъ за-одно. Конечно, эти женщины потерянныя; но, какъ говоритъ Мюссè, чтò за дѣло до бутылки, лишь бы опьянѣть. Съ ними студентъ соединяетъ воспоминаніе о молодости, о первой любви, о двадцати-лѣтнемъ смѣхѣ.

Въ Парижѣ студенты гораздо менѣе играютъ въ карты, чѣмъ въ провинціи. Они меньше скучаютъ, они гораздо свободнѣе; къ тому же, женщина служитъ могучимъ отводомъ отъ другихъ страстей. Но надо все-таки сознаться, что если умственный уровень выше въ Парижѣ, то студенты, взятые въ массѣ, все еще не даютъ удовлетворительныхъ результатовъ.

Въ Парижѣ мало занимаются — вотъ въ чемъ главное зло. Тамъ слишкомъ много развлеченій. Врядъ ли одна треть студентовъ аккуратно посѣщаетъ лекціи. Многіе ходятъ на нихъ не чаще, какъ разъ въ недѣлю. Иные совсѣмъ не ходятъ. Какъ и въ провинціи, впрочемъ, между ними встрѣчаешь студентовъ бѣдныхъ или честолюбивыхъ, которые желаютъ одного только титула адвоката, чтобы имѣть хоть какое-нибудь положеніе въ свѣтѣ. Но если молодой человѣкъ захочетъ учиться въ Парижѣ, то онъ найдетъ всѣ удобства для того. Я знавалъ трудолюбивыхъ студентовъ, которые, кромѣ своихъ спеціальныхъ занятій, ходили въ библіотеки, посѣщали лекціи въ Collége de France, осматривали музеи и такимъ образомъ пріобрѣтали самыя обширныя свѣдѣнія. Правда, что это исключенія; но достаточно, если изъ двухъ или трехъ тысячъ молодыхъ людей наберется двадцать такихъ исключеній, чтобы въ странѣ не было недостатка въ талантливыхъ людяхъ. Никто не подозрѣваетъ, какія трудности приходится преодолѣть небогатому студенту, чтобы выдержать экзаменъ. Чаще всего онъ заработываетъ свой хлѣбъ учительствомъ или занятіями у стряпчаго или нотаріуса. Въ Парижѣ можно жить, имѣя сто франковъ въ мѣсяцъ; и даже нѣкоторые осмотрительные малые, пріученные къ экономіи въ провинціи, умѣютъ обходиться съ шестьюдесятью франками, питаясь только разъ въ сутки. Но, вѣдь, и эти деньги надо заработать, когда въ карманѣ нѣтъ ни копѣйки. Въ числѣ этихъ людей, являющихся чтобы завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ, есть герои, и зачастую гдѣ-нибудь въ провинціальной глуши цѣлая семья ждетъ ихъ успѣха, чтобы перестать ѣсть одинъ черствый хлѣбъ.

Чтò меня всегда поражало въ нашей учащейся молодежи, такъ это тотъ внѣшній лоскъ, которымъ Парижъ надѣляетъ самыхъ невѣжественныхъ изъ нихъ. Возьмите провинціальнаго студента, даже

изъ числа тружениковъ, онъ будетъ неловокъ, неповоротливъ во всемъ, чтó выходитъ за предѣлы его спеціальныхъ занятій, неспособенъ поддерживать разговоръ о модныхъ идеяхъ. Парижскій студентъ говоритъ обо всемъ, ведетъ самые сложные споры и очень громко, причемъ такъ и сыплетъ фразами. Это потому, что онъ читаетъ романы, газеты, книги, о которыхъ много говорятъ; потому что онъ ходитъ въ театры и знакомъ со всѣмъ, чтó вокругъ него происходитъ. Нельзя себѣ представить, какимъ апломбомъ надѣляетъ Парижъ. Я не утверждаю, чтобы это парижское образованіе было очень глубоко; но замѣчательно, какъ оно полируетъ личности, шлифуетъ ихъ и увлекаетъ въ общій потокъ идей.

Итакъ, вотъ слабыя и сильныя стороны жизни студентовъ въ Парижѣ. Если они пріобрѣтаютъ въ немъ безспорную гибкость ума, если они занимаются гимнастикой новыхъ идей, за то въ большинствѣ случаевъ слишкомъ склонны воображать, что пріѣзжаютъ въ Парижъ единственно лишь затѣмъ, чтобы веселиться. Удаль молодости слишкомъ увлекаетъ ихъ; имъ дается слишкомъ большая свобода, послѣ того, какъ они вели затворническую жизнь. Женщина окончательно кружитъ имъ голову. Я, впрочемъ, не думаю, чтобы во всемъ этомъ была большая бѣда. Наилучшій способъ узнать жизнь, по-моему—это жить и жить. Если слабые юноши гибнутъ, за то сильные выростаютъ. А это все, чтó требуется. Семьи, которыя воспитываютъ дѣтей, какъ барышень, пришитыми къ юбкѣ мамаши, почти всегда выращиваютъ лукавыхъ юношей, исполненныхъ тайныхъ пороковъ, прибѣгающихъ ко всевозможнымъ хитростямъ для ихъ удовлетворенія. Я полагаю, что наилучшій способъ научиться плавать—это броситься въ воду.

Вотъ по части нравовъ. Что касается общихъ идей, то онѣ самыя прогрессивныя. Учащееся юношество всѣхъ временъ было бурнымъ. Оно всегда стоитъ въ оппозиціи. Всѣмъ памятенъ скандалъ, происшедшій въ театрѣ Одеона при второй имперіи. Когда императрица Евгенія показалась въ своей ложѣ, партеръ, составленный исключительно изъ студентовъ, принялся хохотать, пѣть, топать ногами. Какъ только въ Парижѣ поднимается шумъ, такъ всѣхъ немедленно озабочиваетъ мысль объ учащейся молодежи: Чтó, студенты волнуются?—вотъ вопросъ, задаваемый всѣми. Въ 1830, въ 1848 гг. они играли роль. Я видалъ ихъ толпы 4-го сентября и во время коммуны. Въ послѣдніе семь лѣтъ, при каждомъ новомъ парламентскомъ потрясеніи, Латинскій кварталъ волнуется, образуются группы на бульварѣ Сенъ-Мишель и вокругъ Одеона, газеты переходятъ изъ рукъ въ руки, споры длятся до полуночи. У нихъ есть еще спеціальный способъ заявлять о своихъ республиканскихъ мнѣніяхъ. Они освистываютъ про-

фессоровъ, замѣшанныхъ въ какой-нибудь реакціонной мѣрѣ, и абсолютно не даютъ имъ читать лекціи, производя отчаянный шумъ; не разъ приходилось закрывать юридическій и медицинскій факультеты. Безъ сомнѣнія, надо видѣть въ этихъ маленькихъ бунтахъ желаніе пошумѣть, столь естественное въ молодежи; но они свидѣтельствуютъ также объ особенномъ броженіи, происходящемъ въ этихъ юныхъ головахъ подъ лихорадочнымъ вліяніемъ Парижа.

Всего удивительнѣе то, что каждый юноша, пріѣзжающій въ Парижъ изучать право или медицину, проникается черезъ недѣлю республиканскими идеями, каковы бы ни были убѣжденія, съ какими онъ пріѣхалъ изъ провинціи. Такимъ образомъ, фамиліи легитимистовъ или бонапартистовъ производили на свѣтъ божій, сами того не подозрѣвая, юныхъ республиканцевъ. Это носится въ воздухѣ Латинскаго квартала, какъ кажется. Юношей опьяняютъ свобода, великодушныя идеи, надежда на будущее; они мечтаютъ о всемірной республикѣ, о братствѣ народовъ, о прекращеніи нищеты. Молодежи какъ разъ свойственно опьяняться идеями свободы и справедливости. Преувеличенія позволительны, они вызываютъ улыбку: ими любуешься, потому что они свидѣтельствуютъ о наступающей возмужалости. Молодежь, громко кричащая, увлекающаяся утопіями, требующая общественнаго переворота, живѣе и великодушнѣе лукавой молодежи, подавленной угрюмой скукой желѣзной дисциплины, пропитанной ложью и лицемѣріемъ. Годы очень быстро задуваютъ это пламя, превращаютъ въ смирныхъ отцовъ семейства эти буйныя головушки, и тогда мы опять жалѣемъ о томъ, что молодость длится не вѣчно.

Я, впрочемъ, не вполнѣ справедливъ, говоря, что всѣ студенты въ Парижѣ придерживаются республиканскихъ мнѣній. Сильное движеніе общественнаго мнѣнія вызываетъ столь же сильную реакцію. Въ Парижѣ какъ-разъ духовенство и въ особенности іезуиты употребляютъ величайшія усилія, чтобы проводить свои мнѣнія среди молодежи. Они очень хорошо знаютъ, что сегодняшнія дѣти завтра будутъ мужчинами, и они во всѣ времена съ рѣдкой настойчивостью стремились захватить въ свои руки преподаваніе. Къ университету они относятся какъ къ злѣйшему врагу, и имъ удалось основать нѣсколько цвѣтущихъ учебныхъ заведеній, между прочимъ знаменитое училищѣ въ Почтовой улицѣ, которое ежегодно даетъ нѣсколько замѣчательныхъ учениковъ спеціальнымъ школамъ. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ изучаютъ позднѣе право или медицину; одни изъ нихъ воспитывались въ Парижѣ, другіе пріѣзжаютъ изъ провинціальныхъ заведеній, особенно процвѣтающихъ на югѣ. Здѣсь они сплачиваются между собой и образуютъ особую группу, реакціонное меньшинство Латинскаго квартала. Такъ какъ

ихъ сравнительно немного, то ихъ естественные патроны, легитимисты и клерикалы, возымѣли мысль основать католическій клубъ въ улицѣ Кассетъ, гдѣ собираются почти всѣ эти студенты-реакціонеры. Благодаря закону, декретировавшему свободу высшаго преподаванія, у нихъ есть теперь католическій университетъ, гдѣ они и слушаютъ лекціи, такъ-что не имѣютъ больше ничего общаго съ своими республиканскими товарищами, студентами государственнаго университета. Это два сорта молодежи, совершенно различныхъ мнѣній и направленія, вырестающіе другъ возлѣ друга. Такой антагонизмъ могъ бы даже возбуждать нѣкоторую тревогу на-счетъ будущаго, если бы католическіе университеты пользовались бо́льшимъ успѣхомъ во Франціи. Но, повторяю, студенты, посѣщающіе ихъ лекціи, составляютъ ничтожное меньшинство и впослѣдствіи могутъ играть лишь отрицательную соціальную роль. Что́ приводитъ въ особенное отчаяніе людей прошлаго, такъ это то, что они чувствуютъ, какъ молодежь отъ нихъ ускользаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будущее.

Съ окончаніемъ экзаменовъ, толпа новыхъ адвокатовъ разсѣевается по всѣмъ концамъ страны. Лишь немногіе честолюбцы остаются въ Парижѣ попытать счастья. Большинство возвращается въ провинціи, гдѣ лишь нѣкоторые откроютъ контору; такимъ образомъ, каждый выпускъ доставляетъ отъ двадцати до тридцати процентовъ на сто нотаріусовъ, стряпчихъ и членовъ магистратуры. Наконецъ, многіе ничего не будутъ дѣлать и станутъ жить на свои доходы. Но самое характеристичное явленіе при этомъ — это тотъ фактъ, что всѣ эти буйные молодые люди, всѣ эти суровые республиканцы, бѣгавшіе за женщинами и демонстрировавшіе на мостовой Парижа, превращаются очень быстро въ цѣломудренныхъ буржуа и мирныхъ гражданъ. Они даже забываютъ порою, что были молоды; строго распекаютъ сыновей за тѣ выходки, какія въ свое время выкидывали сами. Но нужды нѣтъ: демократическое и республиканское сѣмя забрасывается ежегодно въ умы нашей учащейся молодежи; оно медленно зрѣетъ и со временемъ обновитъ Францію.

III.

Перехожу теперь къ самой типичной молодежи, къ молодежи богатой, задающей тонъ, разыгрывающей роль въ парижскомъ свѣтѣ. Тутъ уже мы имѣемъ дѣло не со школьниками, но съ юными кавалерами, разыгрывающими изъ себя мужчинъ. Эта молодежь, наполняющая наши гостиныя,—молодежь, которая толпится на гуляньяхъ, въ театрахъ, съ претензіей представлять въ своемъ лицѣ француз-

скую молодежь *par excellence*. Между ней попадается всего понемножку: есть юноши въ самомъ дѣлѣ высокородные, въ самомъ дѣлѣ богатые; другіе, не имѣя ни рода, ни состоянія, подражаютъ первымъ; сыновья буржуа, готовящіеся подняться одной ступенью выше въ обществѣ; ловкіе дебютанты, рѣшившіеся завоевать себѣ положеніе, опираясь на великосвѣтскія знакомства, — въ особенности на женщинъ; наконецъ, глупцы, которые безсмысленно губятъ себя, ведя жизнь, которая не по нимъ. Впрочемъ, я не стану изслѣдовать ближе ихъ происхожденіе и скажу только, что́ они такое и куда идутъ.

Можно было бы набросать весьма любопытные портреты, сообщивъ вскользь характеристичныя черты этой молодежи при реставраціи, при Луи-Филиппѣ и при второй имперіи. Молодой человѣкъ временъ реставраціи былъ доктринеръ *en herbe*, затянутый въ узкій сюртукъ, plus royaliste que le roi, съ сухой дикціей и строгими манерами; въ дѣлѣ литературы онъ придерживался классическихъ возрѣній и самое бо́льшее, если позволялъ себѣ слегка восхищаться Ламартиномъ; во всемъ онъ придерживался строгихъ принциповъ. При Луи-Филиппѣ эта накрахмаленная манера держать себя — нѣсколько смягчается, молодой человѣкъ дѣлается *bon enfant*, полонъ обширныхъ плановъ и ни одного изъ нихъ не приводитъ въ исполненіе. Іюльская монархія, несмотря на матеріальное благосостояніе, которымъ она надѣлила Францію, была эпохой вѣчныхъ неудачниковъ; молодые люди, считавшіе себя положительными, проводили всю молодость въ постоянныхъ промахахъ. Наступила вторая имперія. Молодость тогда стала отличаться блестящими пороками. Она вѣрила въ наслажденіе; она бросалась удовлетворять всѣмъ своимъ страстямъ. То была эпоха, когда вѣрили въ быструю наживу, когда, вальсируя, карабкались на всякія вершины, когда улыбка женщины создавала депутатовъ и сенаторовъ. Молодежь въ ту эпоху отличалась щегольствомъ, холила лицо и руки съ изысканнымъ кокетствомъ, ставила вопросъ о портномъ выше всѣхъ другихъ вопросовъ, не показывалась въ свѣтѣ безъ цвѣтка въ петлицѣ. И замѣтьте, что во всемъ этомъ щегольствѣ лежало глубокое убѣжденіе; всѣ вѣрили въ вѣчное существованіе имперіи; всѣ знали, что императоръ и императрица любятъ красивыхъ, выхоленныхъ мужчинъ.

Вотъ торопливый обзоръ трехъ эпохъ. Въ послѣднія восемь лѣтъ мы вступили въ новый періодъ, и подросла новая молодежь. О ней-то я и хочу поговорить. Бѣдствія, испытанныя нами въ 1870 году, глубоко потрясли страну. Имперія была сметена, какъ пылинка, и чужеземная война и междоусобная война ничего бы еще не значили, если бы не открылся новый политическій періодъ. Въ этомъ заключается жестокій ударъ, нанесенный нашей элегантной молодежи, ко-

торая мечтала въ дѣтствѣ о Тюльери и о Компіенѣ, и теперь очутилась смущенной и выбитой изъ колеи на нашей демократической мостовой. Нельзя представить себѣ, на какой грудѣ развалинъ приходится ей горевать. Бонапартисты раздавлены паденіемъ имперіи; роялисты сознаютъ полное безсиліе свое занять еще не остывшее мѣсто. Отнынѣ республика основана; все, чтó ни замышляли противъ нее, обращалось ей на пользу. Если у нихъ оставалась хоть слабая надежда, то послѣдняя кампанія 16 мая, окончившаяся для нихъ пораженіемъ, должна была имъ доказать, что страна намѣрена оставаться республиканской наперекоръ всему. Такимъ образомъ, они не смѣютъ ни на что разсчитывать. Они живутъ въ эпоху, которая имъ не принадлежитъ; они присутствуютъ при общественномъ движеніи, котораго не предвидѣли. Отсюда новая черта, преобладающая и характеристичная въ нашей *jeunesse dorée:* скептицизмъ.

Да и какъ имъ не быть скептиками! Все, чего они не ожидали, случилось, и все, чего они ждали, постепенно развѣялось прахомъ. Они не вѣрятъ больше во власть, потому что власть ускользнула изъ рукъ ихъ господъ; они не вѣрятъ больше въ религію, потому что Богъ ни разу не вмѣшался въ кризисы, пережитые нами; они не вѣрятъ въ самихъ себя, потому что чувствуютъ, что они поконченные люди, и не знаютъ, какую роль имъ играть. Это полное крушеніе всѣхъ вѣрованій,—конецъ міра. Со всѣмъ тѣмъ, въ силу традицій, они вынуждены прикидываться вѣрующими. Они продолжаютъ быть воинами власти и религіи, но чисто парадными воинами, которые сами смѣются надъ своими игрушечными саблями. И заявивъ о своемъ уваженіи къ монархіи и католицизму, они отворачиваются, стараясь подавить взрывъ смѣха. Въ этомъ заключается оригинальная черта нашей молодежи.

Эти господа пережили такое крушеніе всѣхъ своихъ надеждъ, они такъ хорошо понимаютъ, что снова попадутся въ просакъ, если станутъ разсчитывать на малѣйшій успѣхъ ихъ идей, что предпочитаютъ поднимать на-смѣхъ самихъ себя. Это придаетъ имъ особенную физіономію; они надѣются такимъ образомъ не быть смѣшными. Этотъ скептицизмъ порожденъ досадой и модой. Они накидываются на своихъ родителей, на своихъ друзей, на свою среду и осыпаютъ ее эпиграммами. Порою они довольствуются улыбкой, пожиманіемъ плечъ, какъ-бы желая дать понять, что постигли сущность мірской суеты. Защита трона и алтаря стала для нихъ простой потребностью туалета, извѣстнымъ способомъ одѣваться, отличающимъ ихъ отъ студентовъ и приказчиковъ модныхъ лавокъ. Они держатся реакціонныхъ идей, точно такъ, какъ носятъ перчатки.

При этомъ они продолжаютъ традиціи второй имперіи объ изящ-

ной внѣшности. Портной продолжаетъ играть первенствующую роль въ ихъ существованіи. Правда, они дошли до того, что насмѣхаются надъ туалетомъ; но признаютъ его какъ необходимость на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и религію и абсолютную власть. Это разочарованные, заставляющіе себя прикидываться вѣрующими, чтобы спасти себя и окружающихъ отъ конечнаго крушенія. Скептицизмъ ихъ послѣдняя религія—наилучшая, съ какой они могутъ отнестись къ вещамъ, переставшимъ существовать.

Эта молодежь состоитъ частію изъ бонапартистовъ, частію изъ легитимистовъ. У многихъ молодыхъ людей есть фамильныя традиціи, которымъ они повинуются; но большинство примирилось бы точно также съ имперіей, какъ и съ легитимной монархіей. Они стоятъ за сильную власть, которая бы обезпечила за ними пышные балы и мѣста префектовъ или секретарей посольства, когда имъ надоѣстъ таскаться по парижскимъ салонамъ. При этомъ политическимъ убѣжденіямъ ихъ сообщается нѣкоторый жаръ лишь отъ ненависти, какую они питаютъ къ республикѣ. Они щеголяютъ презрѣніемъ къ народу, который величаютъ „la crapule“. Все, чтó носитъ блузу и не отличается бѣлыми руками, кажется имъ верхомъ грязи. Въ кровавомъ возмездіи, послѣдовавшемъ за коммуной, они выказались безжалостными. Съ тѣхъ поръ они начинаютъ сердиться, когда заговорятъ объ амнистіи, они желали бы изобрѣсти каторгу, чтобы отправить на нее всѣхъ революціонеровъ. Порою они толкуютъ про идеальный народъ, признаваемый ими; но всякій сейчасъ пойметъ, что этимъ народомъ былъ бы тотъ, который бы отрекся отъ республики и провозгласилъ Наполеона IV или Генриха V. Если вы услышите безжалостную насмѣшку надъ бѣднякомъ съ закопченными руками, будьте увѣрены, что насмѣшникъ принадлежитъ къ *jeunesse dorée.*

Взамѣнъ того эти молодые люди выражаютъ необычайную нѣжность къ французской арміи. Они только и толкуютъ что про нашихъ доблестныхъ офицеровъ, про нашихъ храбрыхъ солдатъ. Это тоже своего рода ломанье. Надо понимать, что они любятъ въ солдатѣ человѣка, у котораго есть ружье и который стрѣляетъ въ республиканцевъ въ дни возстанія. Отсюда ихъ заигрыванье. Они дѣлятъ Францію на два лагеря: вооруженную силу и безоружную толпу, и храбро становятся на сторону вооруженной силы. Это новый способъ ненавидѣть республику. Такая притворная нѣжность тѣмъ омерзительнѣе, что спекулируетъ на уваженіе, котораго армія достойна. Они смутно надѣятся привлечь на свою сторону солдатъ, представиться патріотами, воспользоваться недоразумѣніемъ, считая офицеровъ за своихъ людей. Истина въ томъ, что они плохо знаютъ корпорацію нашихъ офицеровъ. Они, безъ сомнѣнія, насчитываютъ въ ихъ средѣ

школьныхъ товарищей, родственниковъ, которые, быть можетъ, думаютъ, какъ и они. Но только изъ того, что они выпьютъ рюмку полынной водки или сыграютъ партію на билліардѣ съ офицеромъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что они могутъ говорить отъ имени цѣлой арміи. Можно, напротивъ, сказать, не боясь ошибиться, что армія въ большинствѣ республиканская, и это такъ вѣрно, что когда послѣ октябрьскихъ выборовъ нѣкоторые люди замыслили государственный переворотъ, то имъ пришлось отступить именно потому, что они вдругъ увидѣли, что армія не послѣдуетъ за ними. Впрочемъ, понятно, что молодежь ищетъ убѣжища въ послѣднемъ вѣрованіи—вѣрѣ въ штыкъ. Быть можетъ, это единственный уголокъ, гдѣ трудно опредѣлить, насколько ихъ скептицизмъ дѣйствителенъ. Въ самомъ дѣлѣ они вѣрятъ, или только притворяются, что вѣрятъ въ то, что офицеры на ихъ сторонѣ?

Трудно рѣшить это съ точностью. Но допустивъ, что они вѣрятъ въ то, что̀ говорятъ, довольно любопытно, что они такъ худо направляютъ остатки вѣры, сохранившейся въ нихъ. Когда факты убѣдятъ ихъ въ томъ, что армія ни за что не согласится возстановить монархію, они не будутъ больше уважать никого въ мірѣ, они станутъ поднимать на смѣхъ и небо и землю.

Итакъ, отсутствіе уваженія—вотъ въ сущности характеристическая черта этого поколѣнія. Оно, быть можетъ, не хуже предыдущихъ, но оно несомнѣнно пустѣе. Такъ какъ сердце его не стѣсняетъ, то въ немъ нѣтъ недостатка въ остроуміи. Было бы ошибочно судить о нашей молодежи по тѣмъ глупостямъ, какія она говоритъ. Это жаргонъ, который надо понимать, какъ слѣдуетъ. Многіе очень хорошо учились, многіе слѣдятъ за литературными новостями. Но только такъ какъ они боятся больше всего въ мірѣ прослыть за серьёзныхъ людей, то прикидываются безпечными и легкомысленными.

Они посѣщаютъ маленькіе театры и высказываютъ любовь если не къ опереткамъ, то къ женщинамъ, которыя ихъ поютъ. „Figaro"—вотъ ихъ любимая газета. Они охотно занимаются бульварными сплетнями. Впрочемъ, я знаю такихъ, у которыхъ весьма прогрессивныя идеи объ искусствѣ, которые разбираютъ очень смѣло и вѣрно смѣлые пріемы писателей натуральной школы. Безъ сомнѣнія, они обязаны этой шириной ума крушенію, совершившемуся въ нихъ, всѣхъ ходячихъ идей. При реставраціи и даже при Луи-Филиппѣ эта богатая молодежь была необычайно чопорна и строго придерживалась литературной реакціи. Напротивъ того, повторяю, въ настоящее время молодежь идетъ впереди всѣхъ, первая привѣтствуетъ новыя попытки, что̀ не мѣшаетъ ей, правда, слегка подсмѣиваться надъ ними и утѣшаться въ то же время всякимъ глупымъ вздоромъ, выростающимъ на парижской мостовой.

Женщины натурально играютъ большую роль въ жизни этихъ праздныхъ молодыхъ людей, которые не знаютъ какъ убить время. Они на „ты" со всѣмъ парижскимъ порокомъ. Не изъ нихъ высасываютъ деньги парижскія куртизанки, потому что если и разсказываютъ про иныхъ, что они разорились для той или другой куртизанки, но, бо́льшею частію, они появляются въ будуарѣ, когда солидный любовникъ уже удалился. Они также мало вѣрятъ въ женщинъ, какъ и во все остальное. Впрочемъ, нравъ у нихъ мягкій, и они не бьютъ своихъ любовницъ. Ихъ встрѣчаешь съ актрисами маленькихъ театровъ, къ которымъ они, повидимому, питаютъ особенную слабость; каждая женщина, показывающаяся при свѣтѣ рампы, кажется привлекательной, даже когда она сомнительной красоты. Я могъ бы назвать актрисъ, которыя совсѣмъ не хороши собой, а между тѣмъ кружатъ молодыя головы. Никогда уважающій себя молодой человѣкъ не позволяетъ себѣ никакихъ фантазій внѣ этого высшаго парижскаго полу-свѣта; женщины Латинскаго квартала для него не существуютъ; онъ не дастъ себѣ труда соблазнять добронравныхъ барышень; онъ ухаживаетъ за женщинами, которыя уже разъѣзжаютъ въ каретахъ и за милости которыхъ можно заплатить ужиномъ или цѣлымъ состояніемъ, смотря по обстоятельствамъ. И если вы упрекнете такого молодого человѣка въ томъ, что у него любовницей женщина, которая всѣмъ принадлежала, онъ первый найдетъ это не совсѣмъ приличнымъ; онъ накинется на эту женщину и растерзаетъ ее на клочки, затѣмъ обратится на самого себя и выскажетъ про себя истины, которыхъ вы не рѣшитесь сказать ему въ глаза. Онъ себя знаетъ и какъ будто питаетъ отвращеніе даже къ собственной персонѣ.

Что они дѣлаютъ? Ничего. Однако суетятся. Нѣтъ жизни болѣе пустой и болѣе наполненной, чѣмъ ихъ жизнь. Во-первыхъ, они тщательно занимаются своимъ туалетомъ и переодѣваются по нѣскольку разъ въ день. День начинается обыкновенно съ прогулки верхомъ; затѣмъ наступаетъ завтракъ. Всего труднѣе имъ убить до-обѣденное время. Они проводятъ его у какой-нибудь куртизанки или у пріятеля, или гдѣ-нибудь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ считается бонтоннымъ показываться. Вечеромъ есть клубъ, гдѣ играютъ, театръ, гдѣ зѣваютъ, ресторанъ, гдѣ ужинаютъ безъ аппетита. На другой день—та же исторія. Нѣкоторые пристращаются къ скачкамъ, другіе проводятъ какую-нибудь фигурантку, открытую ими за кулиссами. Когда наступаютъ зрѣлые годы, они устраиваютъ свою жизнь, угрюмые забиваются въ уголъ и проѣдаютъ свои доходы; ловкіе примыкаютъ къ правительству, принимаютъ какой-нибудь оффиціальный постъ отъ правительства, которое осыпали эпиграммами. И занавѣсъ опускается надъ комедіей ихъ юности.

IV.

Существуетъ на мой взглядъ гораздо болѣе интересный классъ молодыхъ людей. Я говорю про большую массу тружениковъ, чиновниковъ, коммерсантовъ, наконецъ, рабочихъ. Они-то и создаютъ государство, они представляютъ тотъ прочный фундаментъ, который послужитъ опорой слѣдующему поколѣнію.

Я знавалъ многихъ изъ нихъ, когда мнѣ самому было двадцать лѣтъ, и я еще прокладывалъ себѣ дорогу въ жизни. Я проживалъ въ то время въ большихъ домахъ предмѣстьевъ Парижа, гдѣ скучивается двѣсти, триста жильцовъ, и въ которыхъ съ утра до ночи стоитъ гулъ, какъ въ ульѣ. Тамъ по верхнимъ этажамъ ютятся молодые работники, которые еще не отупѣли отъ тяжкаго труда и пьянства. Они встаютъ до зари, работаютъ безъ устали, зачастую, чтобы содержать престарѣлую мать, оставшуюся на ихъ рукахъ. Этажемъ ниже, проживаютъ чиновники, высокіе, блѣдные и худощавые молодые люди, пріобрѣтающіе болѣзненный видъ отъ сидѣнья въ душныхъ конторахъ; эти выходятъ изъ дому позже, когда уже пробьетъ восемь часовъ и бѣгутъ по улицѣ, завтракая однокопѣечной булкой. Наконецъ, въ лавкахъ, въ нижнихъ этажахъ проживаютъ приказчики, молодцы, изучающіе мелкую торговлю, въ надеждѣ впослѣдствіи обзавестись своей собственной лавкой. Весь этотъ маленькій мірокъ дѣятельно копошится въ своей сферѣ, и нелегко описать эту молодежь, строго очертить ея нравы, обычаи, общія идеи, такъ какъ здѣсь подраздѣленія многочисленны и весьма разнообразны.

Что меня зачастую поражало, такъ эта преждевременная зрѣлость дѣтей, обязанныхъ заработывать свой хлѣбъ. Имъ некогда заниматься пустяками, они изъ школы бросаются въ борьбу за существованіе. У нашихъ работниковъ юность очень суровая; въ мастерскихъ грубо обращаются съ учениками; ихъ учатъ ремеслу съ помощью колотушекъ и ругани. Тѣ, которые дурно кончаютъ, спиваются, и часто заслуживаютъ снисхожденія, потому что у нихъ нѣтъ другого развлеченія по воскресеньямъ, какъ шататься по кабакамъ, за городской чертой. Непосильный трудъ скоро отупляетъ ихъ; они утрачиваютъ впечатлительность, становятся грубы, и только одинъ алькоголь можетъ увеселять ихъ. Попадаются рѣдкіе изъ работниковъ, которые чувствуютъ потребность въ образованіи, посѣщаютъ вечернія лекціи, ихъ читаютъ во многихъ кварталахъ Парижа. Нѣкоторые получаютъ, такимъ образомъ, свѣдѣнія по части рисованія, исторіи, географіи. Но, повторяю, ихъ слѣдуетъ считать исключеніями. Весьма немного даже такихъ, которые бы читали книги у

себя на дому. Совсѣмъ тѣмъ копѣечные листки расходятся во множествѣ въ предмѣстьяхъ. Молодой работникъ охотнѣе станетъ читать газету, нежели книгу. У насъ, къ тому же, совсѣмъ не существуетъ книгъ для этого класса людей, которыхъ надо и развлекать и учить въ одно и то же время. Правда, открыты дешевыя библіотеки, составленныя изъ нашихъ литературныхъ chefs-d'oeuvre, но это слишкомъ мудреное чтеніе; комедіи Мольера, трагедіи Корнеля, произведенія Вольтера и Руссо, не очень доступны для умовъ, непривыкшихъ мыслить. Молодой парижскій рабочій обожаетъ театръ— и вотъ, безъ сомнѣнія, школа, которую онъ посѣщаетъ всего охотнѣе. Жаль, что наши драматурги поставили себѣ за правило искажать нашу отечественную исторію въ своихъ мнимо-историческихъ драмахъ, потому что тѣ немногія историческія свѣдѣнія, какія имѣетъ нашъ народъ, онъ почерпнулъ въ пьесахъ Александра Дюма и его подражателей,—диковинный курсъ исторіи, гдѣ всѣ факты искажены самымъ грубымъ образомъ.

Итакъ, грубыя мелодрамы и копѣечныя газеты—вотъ единственная умственная пища молодыхъ работниковъ. У нихъ нѣтъ другого развлеченія, кромѣ театра и кабака; порою какой-нибудь общественный праздникъ, какъ знаменитая пряничная ярмарка, которая бываетъ на святой недѣлѣ; порою загородная прогулка въ воскресенье, обѣдъ изъ жаренаго кролика, въ какой-нибудь убогой харчевнѣ береговъ Сены; порою еще публичный балъ за городской чертой, гдѣ танцы обходятся въ два су, и гдѣ пьютъ грѣтое вино. Женщины не играютъ никакой роли въ жизни молодого работника. Когда онъ толковъ и предусмотрителенъ, то женится въ очень молодыхъ лѣтахъ. Внѣ брака, онъ водится съ бродячимъ населеніемъ женщинъ, которыхъ встрѣчаетъ за заставой; но рѣдко онъ сходится съ какой-нибудь изъ нихъ на-долго и живетъ семейнымъ образомъ; лишь позднѣе, когда ему перевалитъ за тридцать лѣтъ, случается, что онъ заводитъ незаконную связь, которая часто такъ же прочна, какъ и законный бракъ.

Молодежь, переполняющая государственную администрацію, ведетъ гораздо болѣе праздную жизнь. Давно уже жалуются, что бюрократія занимаетъ разорительное мѣсто во Франціи. Что прикажете дѣлать съ молодыми людьми, выходящими изъ классическихъ коллежей, безъ всякихъ практическихъ знаній, и которымъ надо заработывать свой хлѣбъ. Невозможно ничего придумать для нихъ, кромѣ государственной службы. Но такъ какъ толпа молодежи поставлена въ эти условія, то и оказывается потому избытокъ чиновниковъ. Эти молодые люди, только-что покинувшіе школьную скамью, работаютъ какъ можно меньше. Разсчитано, что изъ шести часовъ, которые они проводятъ

на службѣ, съ десяти часовъ до шести, они работаютъ всего какой-нибудь часъ, много два. Остальное время они считаютъ мухъ, читаютъ романы или газеты.

И не всѣхъ нужда гонитъ на службу; многія семьи, не зная, куда дѣвать сыновей, когда тѣ не доучились юриспруденціи или медицинѣ, умоляютъ ихъ поступить на службу въ какое-нибудь министерство; честолюбіе матерей не вполнѣ удовлетворяется этимъ, но все уже у чиновника есть положеніе въ свѣтѣ. Старѣясь, чиновники превращаются обыкновенно въ идіотовъ. Они начали жизнь лѣнивыми и вздорными школьниками и кончаютъ ее преждевременными стариками, отупѣвшими отъ однообразныхъ занятій и спертаго воздуха присутственныхъ мѣстъ. Напротивъ того, служащіе на частной службѣ очень дѣятельны. Эти послѣдніе бо́льшею частію не были въ университетѣ и не считаютъ хорошій почеркъ позоромъ для себя. Они учились счетоводству и имѣютъ практическія познанія. Съ нихъ, къ тому же, гораздо больше спрашивается. Почти во всѣхъ торговыхъ домахъ они приходятъ въ восемь часовъ и уходятъ въ шесть, а даже зачастую, зимою, просиживаютъ въ конторѣ по вечерамъ съ восьми до десяти часовъ. Большинство этихъ служащихъ принадлежитъ къ тому классу высшихъ рабочихъ, составляющихъ промежуточный слой между буржуазіей и простонародьемъ. Они дѣйствуютъ въ очень ограниченной сферѣ, но хорошо ее знаютъ и приносятъ истинную пользу. Но, правду сказать, долженъ сознаться, что очень трудно обобщить въ нѣсколькихъ строкахъ обширный міръ служащихъ, обнимающій собой всѣ ступени общественной лѣстницы. Самое бо́льшее, если мнѣ удастся указать на нѣкоторыя общія черты. Служащее юношество очень цѣнитъ свободу! Солнечные воскресные дни—большое для нихъ счастіе. Лѣтомъ они отправляются за-городъ; зимой гуляютъ по Парижу. Весьма немногіе проводятъ вечера въ кофейнѣ; они предпочитаютъ ходить въ театръ, который обожаютъ.

Я знавалъ такихъ, у которыхъ были поползновенія къ литературѣ. Я не говорю про министерскихъ чиновниковъ, занимающихся литературой и ожидающихъ, чтобы успѣхъ увѣнчалъ ихъ драму или романъ, чтобы бросить службу. Я говорю про простыхъ ребятъ, слегка знакомыхъ съ литературой, имѣющихъ у себя дома библіотеку, пополнять которую составляетъ для нихъ большое счастіе. У нихъ есть Викторъ Гюго, Ламартинъ, Тьеръ и даже Шатобріанъ. Они переплетаютъ свои книги по три въ одинъ томъ, чтобы не выдти изъ своего бюджета. Вмѣсто того, чтобы тратить деньги на другія удовольствія, они предпочитаютъ употреблять ихъ такимъ образомъ. И при этомъ они никогда не раскрываютъ книги. Исто-

рія съ женщинами еще сложнѣе; она измѣняется, смотря по разряду служащихъ. Нѣкоторые живутъ семейнымъ образомъ съ женщинами, съ которыми познакомились въ театрѣ или ресторанѣ. Но такъ какъ такая неправильная жизнь вредитъ имъ по службѣ, то они бо́льшею частію прячутъ свои связи отъ глазъ свѣта. Вообще у молодыхъ чиновниковъ бываютъ лишь временныя и случайныя любовницы. Они рано женятся, такъ какъ женитьба—отличная отмѣтка въ глазахъ начальства для повышенія.

Мнѣ остается заняться молодежью, стоящей за прилавкомъ. Первую роль между ними играютъ приказчики модныхъ магазиновъ, *les calicots*, какъ ихъ называютъ. Они расплодились въ ужасающемъ количествѣ, съ тѣхъ поръ, какъ открыты въ Парижѣ громадные базары, какъ *Bon Marché* и *Louvre*, гдѣ теперь торгуютъ рѣшительно всѣмъ. Вначалѣ въ этихъ магазинахъ продавали только матеріи, бѣлье и готовыя платья; но мало-по-малу къ этому присоединили всевозможные товары: дѣтскія игрушки, китайскія и японскія произведенія, шляпы, косметическіе товары и не знаю что́. Теперь эти торговые дома цѣлые міры. Понятно, какое множество приказчиковъ необходимо имъ; *le Bon Marché* нанимаетъ, кажется, болѣе тысячи двухсотъ приказчиковъ. Это цѣлый городъ, и населеніе его имѣетъ свои собственные нравы. Они обѣдаютъ въ домѣ, у нихъ особый языкъ; они основали сберегательныя кассы, оркестръ музыки, школу. Хуже всего то, что, какъ это часто говорилось, эти молодые люди могли бы быть съ успѣхомъ замѣнены женщинами. Ихъ очень изнѣживаетъ этотъ мало утомительный трудъ, не развивающій мускуловъ. Поэтому о нравахъ ихъ ходятъ скверныя исторіи. Умственный уровень между ними очень слабъ; прозвище „calicot“ превратилось въ ругательное слово на языкѣ парижанъ. Въ другихъ торговыхъ домахъ молодые приказчики принимаются лишь въ качествѣ учениковъ. Они изучаютъ ремесла. Такимъ образомъ, приказчики у бакалейщиковъ, мясниковъ поступаютъ въ лавку, чтобы научиться торговать свѣчами или говядиной. Они должны хорошо знать товаръ, умѣть продавать его по мелочамъ. Тѣ, у кого есть небольшой капиталъ или только смѣлость, откроютъ, въ свое время, собственную лавку. Эти служащіе—самые величайшіе труженики Парижа. Трудно представить себѣ, какъ безжалостно заваливаютъ ихъ хозяева работой. Они встаютъ въ пять часовъ утра и должны вымыть лавку, открыть ставни, разложить товаръ; затѣмъ они на ногахъ весь день, имъ не удастся ни разу присѣсть среди толкотни покупателей, и имъ приходится еще разносить товаръ по домамъ; а вечеромъ имъ надо все прибрать, и они ложатся спать послѣ всѣхъ, не говоря уже про капризы и брань хозяевъ. Поэтому эти служащіе пользуются наилучшимъ здоровь-

емъ. Понятно также, что ихъ мускулы развиваются на счетъ головы. Они представляютъ звено, которое соединяетъ работниковъ съ приказчиками магазиновъ, которые, въ свою очередь, служатъ звеномъ между министерскими чиновниками и остальными служащими. Шумно-веселая молодежь эта слишкомъ часто навѣдывается въ кабаки, пляшетъ до упаду на публичныхъ балахъ и таскаетъ за косы любовницъ. Здѣсь чтеніе книгъ уже совершенно незнакомо и въ ходу только копѣечная газета. Въ театрѣ, чтобы меньше платить, эти господа, промѣнявшіе фартукъ на пальто, охотно помѣщаются вмѣстѣ съ клакёрами. И тамъ ихъ большія красныя руки дѣйствуютъ великолѣпно; они издаютъ цѣлый громъ рукоплесканій, какъ только начальникъ клакёровъ махнетъ платкомъ. Лѣтомъ они ходятъ въ кабаки, посѣщаемые рабочими, вокругъ укрѣпленій. Никогда не женятся они прежде, чѣмъ не заведутъ свою торговлю. Пока они довольствуются первыми встрѣчными женщинами.

Мнѣ хочется теперь показать, какая общая связь существуетъ между всей этой молодежью, составляющей въ нѣкоторомъ родѣ основной капиталъ націи. Этою связью служитъ демократическій духъ, который все болѣе и болѣе овладѣваетъ Франціей. Всѣ они безъ исключенія раздѣляютъ республиканскія убѣжденія; даже тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ есть семейныя связи, слова: свобода и справедливость, кружатъ голову. Надо знать, что всѣ они болѣе или менѣе страдаютъ, а потому революціонныя вспышки представляются имъ избавленіемъ. Впрочемъ, немногіе принадлежатъ къ воинствующему республиканскому лагерю. Напротивъ того, послѣ смутныхъ годовъ, пережитыхъ нами, политика имъ опротивѣла, и гвалтъ, поднимаемый парламентомъ, имъ надоѣдаетъ. На нихъ, на администраціи и на торговлѣ можно особенно замѣтить слѣды того утомленія, которое овладѣло Франціей, вслѣдствіе политическихъ волненій. Они просятъ одного только: чтобы ихъ оставили покоѣ, чтобы не заставляли такъ часто вотировать, чтобы не грозили имъ иностранной и междоусобной войной. Дѣло, кажется, имъ просто: пусть удержатъ республику и предоставятъ странѣ дѣлать свое дѣло. Тьеръ былъ ихъ представителемъ; они толпами слѣдовали за его гробомъ. Въ настоящее время, они пристаютъ къ Гамбеттѣ, по мѣрѣ того какъ онъ проявляетъ правительственныя качества.

V.

Я приберегъ къ концу молодежь изъ міра артистическаго: скульпторовъ, живописцевъ, поэтовъ, романистовъ будущаго, которые гранятъ мостовую Парижа съ крѣпкой вѣрой въ счастіе и славу. Сознаюсь, сердце мое безусловно принадлежитъ имъ: это мои дѣти, мои милые братья.

Быть молодымъ, насчитывать двадцать лѣтъ отроду и попирать ногами парижскую мостовую! Нельзя представить себѣ, какими радужными мечтами убаюкиваютъ себя всѣ эти молодые люди. Короли не такъ горды и не такъ вѣрятъ въ будущее, какъ они. Съ нихъ достаточно того, что они проходятъ мимо дверей издателей, которые позднѣе будутъ издавать ихъ *chefs d'oeuvre;* мимо театровъ, гдѣ будутъ даваться ихъ пьесы; весь Парижъ принадлежитъ имъ, потому что они молоды и имѣютъ счастіе въ немъ жить. Его воздухъ опьяняетъ ихъ; они подавляютъ своимъ презрѣніемъ проходящихъ мимо нихъ буржуа. Время принадлежитъ имъ, такъ же, какъ и пространство. Къ чему торопиться? Имъ кажется, что стόитъ имъ только протянуть руку въ данный моментъ—и они завладѣютъ великимъ городомъ.

Я помню объ этихъ чудныхъ годахъ, и потому прошу извинить, если заговорю про свое поколѣніе, которое было молодо въ послѣдніе годы имперіи. Въ особенности 1866 г. былъ прекрасенъ. Для каждаго поколѣнія особенно дорога какая-нибудь эпоха. У многихъ изъ насъ не было сапогъ, но мы тѣмъ не менѣе слѣпо вѣрили, что завоюемъ Парижъ. Онъ былъ уже нашъ,—такъ самоувѣренно расхаживали мы по его улицамъ, питая самое высокомѣрное презрѣніе къ толпѣ. Но вѣдь надо было доказать и другимъ, что мы властелины Парижа. Отсюда гигантскіе проекты, поэты готовили книги, долженствовавшія озарить міръ, какъ солнце,—живописцы искали красоты, которая бы заставила прохожихъ пасть на колѣни. И все это сопровождалось ожесточенными спорами. Спорили до глубокой ночи, излагали самыя изумительныя теоріи и ложились спать съ охрипшимъ отъ крика горломъ. Эти-то споры и поддерживали наше мужество. Они отвлекали насъ отъ заботъ повседневной жизни въ высшую сферу искусствъ, куда толпа не проникала. Нѣкоторые работали, большинство довольствовалось спорами. Доказавъ превосходство своего произведенія, они считали, что оно уже готово; позднѣе они его напишутъ. А пока улицы казались слишкомъ тѣсными для того, чтобы вмѣстить ихъ честолюбіе. Намъ казалось, что ударомъ каблука мы выбьемъ изъ мостовой такую удачу, что она ослѣпитъ вѣкъ.

Но не будемъ смѣяться надъ этимъ прекраснымъ гядемъ. Увы! разочарованіе наступаетъ слишкомъ быстро. Оказывается, что искусство—поле тяжелое для воздѣлыванія; что нельзя разсчитывать на жатву, если не работалъ въ потѣ лица своего. Весна отлетаетъ; цвѣтъ ея опадаетъ, а осень зачастую не приноситъ ни одного плода. Иные замѣшкаются въ дорогѣ и продолжаютъ разыгрывать юношей въ небольшихъ литературныхъ кофейняхъ; тогда это обращается у нихъ въ манію; ихъ надо пожалѣть, какъ умалишенныхъ, а порою приходится презирать ихъ, какъ дюжинныхъ мошенниковъ. Другіе, видя, что ошиблись, соглашаются стать простыми буржуа; но у нихъ остается нѣчто отъ прежняго безумія, и они нѣтъ-нѣтъ да и выкажутся сумасбродами. Тѣ, которые достигли славы,—самые, быть можетъ, несчастные и недовольные, среди своихъ успѣховъ. Успѣхъ потрясаетъ ихъ нервы, но никогда не испытываютъ они того чувства удовлетворенія и гордости, о которомъ мечтали, и воспоминаніе о надеждахъ юности постоянно опечаливаетъ ихъ. Какъ! только всего? Въ такомъ случаѣ, стоило ли такъ трудиться!

О, если-бы вернуться къ тѣмъ годамъ, когда у нихъ не было сапогъ, и когда, затерянные въ толпѣ, неизвѣстные, они завоевывали Парижъ въ мечтахъ о славѣ!

Литературная и артистическая молодежь бываетъ большею частію бѣдна. Изъ нихъ всего труднѣе заработывать свой хлѣбъ музыкантамъ. Они даютъ уроки на фортепіано, соглашаются даже быть тапёрами, и плата имъ колеблется отъ 10—20 франковъ за вечеръ или за урокъ. Другіе, самые счастливые, сочиняютъ музыку для издателей, романсы по стольку-то за штуку, или же переписываютъ ноты, въ ожиданіи, пока сами будутъ ихъ писать. Ихъ дебюты встрѣчаютъ всевозможныя препятствія; случается, что ученики, получившіе медали въ консерваторіи, служатъ капельмейстерами въ третьестепенныхъ театрахъ. Затѣмъ, идутъ скульпторы, тоже съ большимъ трудомъ перебивающіеся. Извѣстно, что скульптура—искусство не буржуазное. Одно только правительство дѣлаетъ заказы, и кромѣ министровъ—заказчики рѣдки; рѣдкому покупателю приходитъ въ голову купить статую. Отсюда полное отсутствіе сбыта. Кромѣ того, сдѣлать статую очень дорого стóитъ: требуются издержки на модель, глину, формы. Поэтому я не знаю ни одного молодого скульптора, который бы заработывалъ деньги своими произведеніями. Они должны дожидаться извѣстности, чтобы получить заказы, да и то имъ никогда не удается нажить состоянія. Нѣкоторые изъ нихъ кое-какъ существуютъ, лѣпя бюсты; но и это очень жалкій рессурсъ, и выгоденъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, которые легко работаютъ. Нѣкоторые бы-

ваютъ вынуждены лѣпить статуетки святыхъ. Нельзя представить себѣ, какое громадное количество расходуется статуй Богородицы, Христа, всѣхъ формъ и всѣхъ величинъ, св. Іосифа, евангелистовъ, ангеловъ и мучениковъ; весь календарь перебирается при этомъ.

Бѣдствующіе скульпторы стараются придумать новые образцы, за которые, впрочемъ, имъ очень худо платятъ. Живописцы гораздо счастливѣе, имъ легче выбиться изъ нищеты. Бѣдные дебютанты тоже рисуютъ много картинъ на священные сюжеты, въ особенности картинъ, изображающихъ Голгоѳу, цѣна которымъ назначена заранѣе, смотря по величинѣ. Но живопись представляетъ и другіе рессурсы: картина гораздо легче находитъ сбытъ, нежели статуя; буржуазія пристрастилась даже къ небольшимъ картинамъ; правда, что для того, чтобы понравиться ей, необходимо писать дюжинныя вещи, на чтó художники не охотно рѣшаются. Наконецъ, писатели всѣхъ лучше обставлены. Когда они хотятъ трудиться, то немедленно находятъ очень выгодныя занятія въ журналистикѣ. Трудно представить себѣ, какой переворотъ готовитъ въ литературѣ у насъ эта легкость добывать хлѣбъ журналистикой. Въ прежнее время молодой человѣкъ, желавшій писать книги, цѣлые годы проживалъ на чердакахъ, умирая съ голоду; онъ игралъ роль мученика и былъ тѣмъ геніальнѣе, чѣмъ злѣе терпѣлъ нищету. Такова была традиція романтизма. Въ настоящее время, если бы молодой человѣкъ поступилъ такимъ образомъ, никто не сталъ бы жалѣть о немъ. Ему бы спокойно сказали: „почему вы не пишете въ газетѣ? Газета даетъ хлѣбъ всѣмъ". Самые извѣстные и самые уважаемые писатели новаго поколѣнія—всѣ перешли черезъ журналистику. Нѣкоторые даже время-отъ-времени снова появляются въ ней съ большимъ блескомъ. Долгое время утверждали, что газета портитъ слогъ; теорія о башнѣ изъ слоновой кости, объ уединеніи, въ которое долженъ зарываться поэтъ вдали отъ свѣта и ждать вдохновенія, проповѣдывалась какъ единственная, достойная великаго ума. Въ послѣдніе годы противоположная теорія,—теорія дѣятельности во что бы то ни стало,—повидимому, готовится взять вверхъ. Лично я того мнѣнія, что работа въ газетѣ не только не вредитъ таланту истинныхъ писателей, но еще служитъ наилучшей школой языка, какую только можно себѣ представить. Ни что такъ не выработываетъ слога, какъ необходимость ежедневно писать статью. Я не говорю, что эта статья всегда будетъ хороша, но она пріучаетъ къ конструкціи фразы; она реагируетъ противъ того преувеличеннаго пуризма формы, который грозитъ изсушить нашу прозу, если подражать нѣкоторымъ изъ нашихъ великихъ стилистовъ, утверждающихъ, что нужно такъ же выработывать прозу,

какъ и стихи. Наконецъ, журналистика соприкасается со всѣмъ, она открываетъ ему обширный кругозоръ. Я скажу даже, что въ настоящее время писатель, не бывши журналистомъ, неспособенъ понять и изображать современную жизнь.

Итакъ, вотъ вся эта молодежь устремляется въ борьбу за существованіе, добываетъ деньги, какъ можетъ, проталкивается впередъ, чтобы скорѣе дойти до цѣли. Весьма немногіе изъ молодыхъ художниковъ работаютъ особнякомъ. Мнѣ разсказывали про одного, который вотъ уже четыре года какъ сидитъ запершись въ комнатѣ одного отеля и пишетъ каждый годъ романъ, который затѣмъ запираетъ въ ящикѣ своего комода. Это доказываетъ чрезвычайное терпѣніе и мужество, но я привожу этотъ фактъ въ видѣ исключенія. Обыкновенно начинающіе писатели, живописцы, знакомятся, сближаются другъ съ другомъ, образуютъ цѣлыя группы. Мнѣ кажется, что они угадываютъ другъ друга въ маленькихъ кофейняхъ и ресторанахъ. У нихъ столько общихъ надеждъ, и вотъ они сходятся сначала два-три, затѣмъ кружокъ возрастаетъ человѣкъ до десяти. Тогда они становятся неразлучны.

Впрочемъ, эти группы артистовъ бываютъ прочны лишь тогда, когда ихъ связываетъ общая теорія. Тогда они образуютъ особую церковь, настоящія общества франъ-масоновъ, гдѣ поклоняются особому богу. Долгое время поэты, прозванные парнассцами, образовали одно изъ такихъ типичныхъ обществъ. Они собирались у одного изъ своихъ членовъ и самымъ серьёзнымъ образомъ задумали перевернуть современную литературу. Ничего не можетъ быть здоровѣе этой счастливой гордости. Улыбаешься, преисполненный нѣжности къ этимъ мечтателямъ, наивное честолюбіе которыхъ уподобляется цвѣтку молодости. Парнассцы не произвели того поэтическаго переворота, который они замышляли. Но что за дѣло! они вѣрили въ прекрасное; они упивались самымъ благороднымъ опьяненіемъ, какое только можетъ быть,—опьяненіемъ обширныхъ плановъ и мечтами о славѣ.

Впрочемъ, парнассцы были не единственные. Я могъ бы привести десятки другихъ, появлявшихся въ послѣдніе годы среди литературной богемы. Достаточно, чтобы нашелся энергическій человѣкъ, и товарищи станутъ тѣсниться вокругъ него. Онъ становится вождемъ на нѣкоторое время; и у каждой группы есть свои слѣпыя поклоненія и слѣпыя ненависти; для нихъ нѣтъ середины; въ ихъ глазахъ можно быть или кретиномъ, или геніемъ. И надо послушать ихъ теоріи; самыя нелѣпыя, самыя диковинныя вызываютъ наибольшій восторгъ. Зачастую въ часъ ночи встрѣчаешь въ пустынныхъ улицахъ

молодыхъ людей, которые громко разговариваютъ и смѣются, нисколько не заботясь о томъ, что они могутъ разбудить спящихъ буржуа. Они чувствуютъ себя дома среди пустынныхъ улицъ, на мостовой, по которой кареты больше не катятся. Въ ясныя ночи, въ особенности, когда свѣжестью вѣетъ отъ звѣзднаго неба, они совсѣмъ не ложатся спать и бродятъ по кварталу, обсуждая какой-нибудь важный эстетическій вопросъ. Но и дождливыя ночи ихъ не пугаютъ; пусть свиститъ вѣтеръ — онъ не заглушаетъ ихъ голосовъ! Пусть льетъ дождь—онъ освѣжитъ ихъ голову, а когда начинается ливень, превращающій ручьи въ потокъ, они идутъ доканчивать свой споръ подъ портикомъ какого-нибудь монумента. Эти ночные бродяги — поэты, сражающіеся за риѳмы, романисты, объясняющіе пріятелямъ развязку своего ближайшаго произведенія, живописцы, ожидающіе разсвѣта, чтобы изучать тоны зари.

Я чувствую большую нѣжность ко всей этой молодежи, но она не ослѣпляетъ меня на столько, чтобы я не видѣлъ, какъ она тратитъ много времени на безполезныя словопренія. Она слишкомъ много говоритъ и слишкомъ мало работаетъ. Хорошо—работать головою, но это занятіе становится вреднымъ, если не приводитъ къ потребности въ правильномъ трудѣ. Всѣ великіе творцы принимались за работу въ двадцать лѣтъ и затѣмъ уже болѣе съ ней не разставались. Бѣда въ томъ, что лѣность такъ заманчива. Утромъ, разумѣется, эта молодежь встаетъ поздно, крайне утомленная ночнымъ шатаніемъ. Они легли спать въ три, четыре часа утра, охрипнувъ отъ болтовни, съ головой, утомленной ночными преніями. И вотъ, вскочивъ съ кровати, они завтракаютъ и идутъ освѣжиться на воздухъ, заходятъ къ пріятелю, давая себѣ слово, что вечеромъ засядутъ за работу. Но когда наступитъ вечеръ, они невольно направляются въ какую-нибудь кофейню, гдѣ разсчитываютъ встрѣтить кого-нибудь изъ ихъ банды. Такимъ образомъ существуютъ кофейни, гдѣ сходятся молодые литераторы и окончательно убиваютъ свое время. Кофейни эти мѣняются; случается, что какая-нибудь банда перекочевываетъ изъ одной кофейни въ другую, потому что ей не понравится лицо одного изъ посѣтителей. Въ кофейнѣ банда завладѣваетъ однимъ изъ столовъ и больше съ нимъ не разстается: ей нуженъ свой отдѣльный столъ. Тамъ начинаются знаменитые споры, которые потомъ оканчиваются на улицѣ, когда хозяинъ кофейни, дремлющій на стулѣ за прилавкомъ, рѣшается, наконецъ, выпроводить банду за дверь и запереть ставни. Шатанье подъ открытымъ небомъ возобновляется, и такимъ образомъ изо дня въ день ведется та же праздная и исполненная безграничныхъ надеждъ жизнь.

Весьма любопытнымъ фактомъ является политическій индиферентизмъ всей этой молодежи; инстинктивно она склоняется на сторону республиканцевъ, но мѣсто, которое въ обществѣ занимаетъ политика, кажется ей потеряннымъ для литературы. Отчеты о засѣданіяхъ въ палатѣ слишкомъ читаются, а ихъ книги и статьи читаются слишкомъ мало. Надо пережить семь лѣтъ парламентскаго гвалта, чтобы понять вопль отчаянія молодыхъ писателей, обвиняющихъ трибуну въ томъ, что она крадетъ у нихъ вниманіе публики. Послѣдніе романтики одни прикидываются влюбленными въ политику, и стараются путемъ ея вернуть любовь толпы.

Молодые натуралисты, главное большинство молодыхъ писателей, мечтаютъ о правительственной наукѣ, основанной на опытѣ. Они идутъ неуклонно по своей дорогѣ, все анализируя, понимая, что зарождается новый міръ. Въ числѣ ихъ есть господа, которые въ опьяненіи отъ широкой жизни, открывающейся передъ ними, спускаютъ тонъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и принимаютъ грубость за оригинальность. Но это извинительно. Надо подождать, чтобы кровь перестала бушевать, для того, чтобы современное поколѣніе дало своихъ великихъ людей.

Франція будущаго въ рукахъ у современной молодежи. Я былъ строгъ, потому что Франціи, послѣ стольких бѣдствій, необходимо воспрянуть сильнѣе и могущественнѣе, чѣмъ когда-либо.

Эмиль Зола.

НОВЫЙ АПОСТАТЪ.

Последнее слово Дюбуа-Реймона о классицизмѣ.

Великое смятеніе и соблазнъ въ учебномъ мірѣ Германіи! Подъ солидныя основы всего гимназическаго ея строя ведется снова подкопъ,—и не тайно, не съ опущеннымъ забраломъ, не изъ-за угла, а явно, среди бѣла дня, и такимъ злоумышленникомъ, который вовсе не расположенъ скрываться, а во всеуслышаніе объявляетъ свое авторитетное имя. Необходимость бороться съ враждебнымъ направленіемъ далеко уже не новость для защитниковъ процвѣтающей въ Германіи педагогической системы,—и, казалось, въ данномъ случаѣ для нихъ не могло бы представлять особой трудности съ прежнимъ самодовольствомъ выбить и новаго противника изъ его слабой позиціи. Но тутъ-то и корень всего зла, тутъ и объясненіе всей досады и смущенія; этимъ противникомъ оказывается не какой-нибудь легкомысленный борзописецъ изъ враждебнаго лагеря, а *свой* же человѣкъ, еще недавно сражавшійся въ рядахъ бойцовъ за правое дѣло, сила первой величины, одинъ изъ твердыхъ столповъ классической доктрины. Нѣтъ ничего мучительнѣе подобнаго испытанія для партіи, которая, привыкнувъ хвалиться своей стойкостью, внезапно находитъ въ своей средѣ коварнаго отступника, который всенародно признается въ своемъ заблужденіи и требуетъ какихъ-то новыхъ преобразованій тамъ, гдѣ господствуетъ такая благословенная тишь и гладь...

Этотъ новый Юліанъ Апостатъ — извѣстный берлинскій ученый, Дюбуа-Реймонъ. Всѣмъ, кто въ свое время живо слѣдилъ за ходомъ литературной борьбы между классической системой и реализмомъ, какъ въ Германіи, такъ и у насъ, вполнѣ памятно, какое громадное значеніе придавалось въ самый разгаръ этой борьбы вмѣшательству названнаго ученаго, самоотверженно ставшаго усерднымъ защитникомъ классической программы гимназій. Поддержка этого писателя, въ которомъ, несмотря на разногласіе съ нимъ въ педагогическихъ теоріяхъ, сами противники не переставали уважать крупнаго дѣятеля въ современной естественно-научной области, была чрезвычайно кстати для жрецовъ классической филологіи. На любое возраженіе противниковъ они спѣшили отвѣчать краснорѣчивымъ указаніемъ на примѣръ завѣдомаго реалиста, который не побоялся свидѣтельствовать

въ пользу ученія, казалось, прямо противорѣчившаго складу его научныхъ убѣжденій. Эта тэма усердно разрабатывалась и у насъ въ московскихъ изданіяхъ, и ссылка на знаменитое *мнѣніе* сената берлинскаго университета (1869 года), составленное Дюбуа-Реймономъ, была ходячимъ общимъ мѣстомъ въ полемическихъ разсужденіяхъ и газетныхъ статьяхъ. Тяжело терять такого вѣрнаго союзника. Но время и опытъ берутъ свое; девять лѣтъ пристальныхъ наблюденій надъ практическимъ примѣненіемъ излюбленной системы отрезвили слишкомъ горячія надежды,—и человѣкъ, котораго слишкомъ поспѣшно готовы были уже признать сговорчивымъ и покладливымъ Geheimrath'омъ, который, изъ любезности къ начальству, какъ будто готовъ былъ подкрѣпить своимъ авторитетомъ любое мѣропріятіе, — этотъ человѣкъ оказался прямодушнѣе, чѣмъ отъ него ожидали, приравнивая его къ обычному типу ученыхъ бюрократовъ, начинающему необыкновенно плодиться въ Германіи со времени французской войны. Онъ усомнился въ практической пользѣ доктрины, за которую сначала сталъ сгоряча, вникнулъ глубже въ отношенія ея къ развитію человѣческой мысли, которое никогда не переставало быть дорогимъ для него, — и не затруднился откровенно признаться въ своемъ невольномъ заблужденіи. Сдѣлать это онъ могъ бы путемъ весьма обыкновеннымъ и мало замѣтнымъ для большой публики; онъ могъ бы свой новый взглядъ развить въ статьѣ какого-нибудь мало читаемаго ученаго или учебнаго спеціальнаго изданія,— стоило бы подыскать редактора похрабрѣе; на столбцахъ какихъ-нибудь ученыхъ „Verhandlungen" или „Mittheilungen" встрѣчная статья автора противъ самого себя, несмотря на всю необычайность такого явленія, могла бы удобно быть похоронена, лишь бы честь его была удовлетворена, и добросовѣстное желаніе признаться въ промахѣ не было спрятано подъ спудъ. Такъ бы, конечно, и поступилъ нашъ ученый, если бы для него все дѣло ограничивалось только обычной процедурой очистки совѣсти. Но ему, именно, хотѣлось сдѣлать свое признаніе возможно болѣе гласнымъ, съ тѣмъ, чтобъ оно получило характеръ не частнаго только мнѣнія о занимающемъ всѣхъ вопросѣ, а прямого и энергическаго обращенія къ общественному мнѣнію; самая энергія и гласность этого обращенія должна была именно свидѣтельствовать о важности этого акта самобичеванія, передъ которымъ не отступилъ знаменитый ученый.

Въ послѣдніе годы на Западѣ сдѣлалось какъ-бы одной изъ неотъемлемыхъ привычекъ въ интеллигентныхъ и ученыхъ сферахъ время отъ времени сводить итоги всѣхъ новѣйшихъ завоеваній наукъ опытныхъ, отмѣчая вліяніе ихъ прогресса на общіе успѣхи цивили-

заціи. Для подобныхъ обзоровъ удобнымъ предлогомъ служатъ періодическіе съѣзды различныхъ научныхъ конгрессовъ, большихъ ассоціацій въ родѣ „British society for the advancement of science" или такъ-называемаго „Social science congress", наконецъ, всевозможныя научныя годовщины или организованныя серіи публичныхъ лекцій, задуманныя съ цѣлью коренныхъ образомъ поднять научныя познанія публики. Отъ президента съѣзда или главнаго вдохновителя лекцій уже впередъ ждутъ такого общаго, руководящаго обзора, и произнесеніе его, въ глазахъ массы слушателей, особенно въ Англіи, считается чуть ли не самымъ важнымъ событіемъ дня. Такъ произошли всѣ блестящія научно-популярныя бесѣды или *адрессы* Тиндалей, Гэксли, Гельмгольцовъ и мн. друг., которые потомъ съ такой рѣдкой быстротой расходились повсюду, вездѣ встрѣчая живыя симпатіи. Форма ихъ всегда болѣе или менѣе разсчитана на неполнѣ подготовленную аудиторію, но въ цѣлой массѣ сравненій, часто поэтическихъ картинъ и описаній всегда чувствуется сила скрытаго обобщенія, которое представляетъ толпѣ въ ясной и доступной формѣ то, что добывалось на дѣлѣ долгимъ трудомъ, шагъ за шагомъ. Дюбуа-Реймонъ всегда слылъ большимъ мастеромъ по части подобныхъ сводовъ (послѣдней его работой въ этомъ родѣ была рѣчь о предѣлахъ естествознанія, на-дняхъ изданная въ русскомъ переводѣ), — и къ этой-то любимой формѣ онъ и прибѣгнулъ, задавшись разъ мыслью сказать новое свое слово по старому спору о классицизмѣ. Обращаясь къ многочисленной аудиторіи въ Кёльнѣ, въ публичномъ чтеніи, предметомъ котораго было обозрѣть „отношеніе между исторіей цивилизаціи и наукой", онъ въ заключеніе своего обзора и распространился по вопросу о нуждахъ современной школы. Выведенный изъ скудной роли частнаго словопренія и вставленный въ несравненно болѣе широкія рамки общечеловѣческаго развитія, вопросъ этотъ пріобрѣлъ, разумѣется, тѣмъ болѣе значенія и внушительной обстановки.

Исторія человѣческаго развитія, съ точки зрѣнія нашего обозрѣвателя, распадается на нѣсколько крупныхъ періодовъ, которые онъ послѣдовательно изучаетъ. Естественно, что его точкой зрѣнія могло быть только отношеніе человѣка къ природѣ, борьба съ ней и постепенное подчиненіе ея силъ человѣческой волѣ. Въ первый періодъ, въ пору „господства безсознательныхъ идей", младенчество всѣхъ представленій о природѣ и слабое развитіе пытливости, доискивающейся причины видимыхъ явленій, составляютъ самую выдающуюся черту въ умственномъ складѣ первобытнаго человѣка.

Мало-по-малу тьма первобытной жизни,—по ироническому замѣчанію автора,—совершенно потерявшей теперь, благодаря научнымъ изысканіямъ, тотъ ореолъ безмятежнаго золотого вѣка, которымъ окружала ее поэзія и миѳы,—эта тьма расчищается, нечувствительно, случайно, на опытѣ создаются первыя орудія, и состязаніе съ природой началось. Но необходимо еще пройти долгому періоду антропоморфизма, когда вездѣ, олицетворенныя и отгаданныя, поднимаются опредѣленныя силы природы, вызывая къ себѣ уваженіе и страхъ,—необходимо пройти этому періоду, чтобы стали возможными первыя попытки независимаго объясненія видимаго міра. Наступила пора, которую Дюбуа-Реймонъ называетъ спекулятивно-эстетической,—пора изслѣдованій греческихъ философовъ, астрономовъ, математиковъ. Съ большей энергіей, опираясь притомъ на помощь Литтрова, недавно спеціально изучавшаго вопросъ „объ отсталости науки у древнихъ“, Реймонъ настаиваетъ на томъ, что передъ лицомъ истиннаго естествознанія, какимъ мы понимаемъ его теперь, изслѣдованія природы у грековъ и римлянъ не имѣютъ никакого значенія. По его выраженію, въ исторіи человѣческой мысли рѣдко можно встрѣтить такой странный феноменъ. „Тѣ самые народы, чьи поэтическія и художественныя созданія и теперь еще доставляютъ намъ наслажденіе, чьи дѣянія въ области метафизики, исторіи и права оставили намъ классическіе образцы,—тѣ народы, которые все еще остаются нашими учителями въ ораторскомъ искусствѣ, военномъ дѣлѣ, администраціи, юстиціи, какъ только прикасались къ изслѣдованію природы, никогда не въ состояніи были подняться надъ уровнемъ дѣтской вѣры или самой прихотливой гипотезы“. Не выработавъ себѣ сколько-нибудь правильныхъ пріемовъ при наблюденіяхъ, не оставивъ, напримѣръ, намъ даже хотя нѣсколько подробнаго описанія небеснаго свода, древніе настойчиво оставались въ теченіе многихъ вѣковъ вѣрными этому поверхностному обращенію съ природой. Обстановка наблюденій становилась все грандіознѣе; необъятные походы Александра Македонскаго и римлянъ дѣлали доступными цѣлые негаданные міры съ безконечнымъ разнообразіемъ природы, и Александръ присылалъ иногда изъ много далекаго своего лагеря разныя рѣдкости въ даръ своему наставнику Аристотелю, но далѣе подобнаго любопытства расширеніе кругозора не заходило; развѣ что для роскошныхъ римскихъ пировъ умѣли уже вскорѣ добывать всевозможныя диковинки со всѣхъ концовъ свѣта.

Не вѣдая ни научныхъ наблюденій, ни теорій, не оставивъ по себѣ слѣда въ какомъ-нибудь изъ тѣхъ крупныхъ открытій, которыя двигаютъ человѣчество большими шагами на пути его освобожденія,

древній міръ оставилъ намъ цивилизацію, „существеннымъ образомъ эстетическую, и отношеніе древнихъ къ природѣ мы вполнѣ въ правѣ признать спекулятивно-эстетическимъ". Эту отсталость ихъ въ естествознаніи авторъ считаетъ *гибельной для человѣчества* и видитъ въ ней одну изъ главныхъ причинъ крушенія античной цивилизаціи. Онъ думаетъ, что полчищамъ варваровъ труднѣе было бы проникнуть на берега Средиземнаго моря и парализовать тамъ культуру,—еслибъ за все множество вѣковъ, недаромъ пережитыхъ древней жизнью, дѣйствительно накопилось въ ней солидное знаніе природы, которое выразилось бы въ массѣ изобрѣтеній и открытій, при чьей помощи римляне могли бы противопоставить наплыву грубой силы усовершенствованныя орудія обороны, умѣнье пользоваться естественными данными для укрѣпленія страны и т. д. Но они предпочли все возлагать на „спекулятивное мышленіе и эстетику, не сознавая, что тутъ фундаментомъ являлся зыбучій песокъ, который безъ труда былъ снесенъ волнами варварскаго наводненія". Они не дошли даже до чего-нибудь въ родѣ книгопечатанія,—и потому „мы принуждены до сихъ поръ оплакивать безслѣдное исчезновеніе такого множества образцовыхъ произведеній поэтовъ, ораторовъ и историковъ".

Новыя христіанскія истины, явившіяся смѣнить старый политеизмъ, коренившійся еще въ раннемъ періодѣ близости человѣка къ природѣ, научили его отрѣшаться отъ всего земного и возноситься мыслью къ божественному началу. Въ долгую пору аскетическихъ воззрѣній и схоластико-богословскаго отношенія къ природѣ знаніе ея остается въ еще болѣе замѣтномъ застоѣ. Когда возрожденіе пробуждаетъ, наконецъ, мысль, все рѣшительнѣе уклонявшуюся въ темный лабиринтъ схоластики, вдругъ пробуждается вмѣстѣ съ тѣмъ и страстное желаніе вознаградить столько потерянныхъ вѣковъ усиленнымъ изученіемъ природы, импульсъ къ которому даютъ не классическія литературы, невѣдавшія строго-научнаго метода, — а вліяніе новаго элемента, арабской культуры, которая заботливо оберегла традиціи пытливаго распознаванія природы.

Съ этой поры естествознаніе не остановится болѣе въ своемъ развитіи; прежнихъ неблагопріятныхъ вліяній уже нѣтъ, христіанство, освободившись отъ оковъ аскетизма, вдыхаетъ въ дѣятелей науки новый самоотверженный духъ,—и „если прежде столько мучениковъ показало, какъ умираютъ за вѣру, теперь стали являться люди, готовые всю свою затворническую жизнь отдать наукѣ и, если нужно, умереть ради нея". Дѣятельность ума и находчивости развивается отважно, изобрѣтенія и открытія слѣдуютъ одно за другимъ. Величаво

развертывается тріумфальное шествіе новой науки, открывается „вѣкъ индукціи и промышленности“, доставившихъ наукѣ то незыблемое основаніе, котораго недоставало древней культурѣ, — и Дюбуа-Реймонъ отдается живому изображенію кипучей научной и учено-практической современной дѣятельности съ тѣмъ же справедливымъ чувствомъ гордости и удовлетворенія, съ которымъ мы всегда встрѣчаемся въ обзорахъ подобнаго рода. Онъ пришелъ къ концу своей исторической картины и показалъ, какъ насущно-необходимое человѣчеству знаніе природы, несмотря на всѣ преграды, прорвало себѣ путь и стало во главѣ хода современной мысли.

Но авторъ не односторонній реалистъ и видитъ, что въ отклоненіи всей работы въ одно русло могутъ обнаружиться извѣстныя несообразности. Онъ дорожитъ сохраненіемъ современной цивилизаціи и желалъ бы отвратить отъ нея опасности. Но опасности эти онъ видитъ не тамъ, гдѣ ихъ находятъ другіе; онъ не страшится соціальныхъ волненій и увѣренъ, что со временемъ объ іюньскихъ дняхъ или коммунѣ будутъ говорить то же, что о войнѣ Спартака, крестьянскихъ войнахъ, возстаніи анабаптистовъ, видя въ нихъ временныя историческія явленія, порожденныя внутреннимъ общественнымъ неустройствомъ и сословной борьбой. Главная опасность, въ его глазахъ, заключается въ иномъ, — именно во вторженіи въ наше общество массы черезчуръ уже практическихъ идей, въ чисто-американскомъ торжествѣ денежной спекуляціи и погони за наживой, грозящей совершенно испошлить нашъ умъ. Передъ этимъ изобиліемъ сорныхъ травъ, возросшихъ на роскошной почвѣ научной дѣятельности, примѣненной лишь къ практикѣ, авторъ останавливается съ содроганіемъ, спрашивая себя, *что* же нужно сдѣлать, чтобъ сберечь ходу современной мысли его свободу и въ то же время остановить дальнѣйшее вторженіе грубо-матеріалистическихъ поползновеній въ слабую и необразованную среду оживающаго общества. Онъ по прежнему вѣритъ въ великую пользу эстетической, литературной стороны въ общественно-воспитательной задачѣ, онъ по прежнему готовъ признавать величіе того, что̀ дѣйствительно велико въ классической культурѣ, и онъ вѣритъ, что въ черство-практическое время необходимо указывать на извѣстные идеалы, напоминать массѣ о существованіи другого порядка идей, который помогалъ бы ей уравновѣшивать практическую злобу дня. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ искреннему сознанію настоятельности умнаго перевоспитанія здоровыхъ общественныхъ силъ; самъ собой поставился у него вопросъ о нуждахъ современной школы, и онъ не могъ иначе закончить разсмотрѣніе его, какъ признавъ, что въ силу всѣхъ сложныхъ обстоятельствъ, имъ указанныхъ,

школа, въ виду важности задачи, ей выпавшей, должна переродиться и съумѣть „пойти на встрѣчу требованіямъ времени".

Стоило ему оглянуться на существующій въ Германіи порядокъ вещей, чтобъ съ бо́льшей, чѣмъ когда-либо, ясностью представилась ему безотрадная правда: такой истинно-современной школьной системы, какой онъ желалъ бы, нѣтъ въ его отечествѣ; онъ не найдетъ ее ни въ исключительно техническихъ реальныхъ училищахъ, ни въ запруженныхъ филологической работой гимназіяхъ. Такимъ образомъ, онъ приведенъ къ необходимости ратовать за преобразованія, не жалѣя притомъ трогать часть за частью въ системѣ, которую самъ когда-то помогалъ созидать! Но предоставимъ ему въ этомъ *важномъ отдѣлѣ* его рѣчи говорить собственными словами:

„Я имѣю,—говоритъ онъ,—особую причину желать высказать мои взгляды на гимназическое преподаваніе. Въ 1869 году ректоры и сенаты (совѣты) прусскихъ университетовъ были приглашены министерствомъ сообщить свое мнѣніе, „могутъ ли, и въ какой степени, воспитанники реальныхъ учебныхъ заведеній быть допущены къ слушанію факультетскихъ лекцій". Я былъ въ то время ректоромъ берлинскаго университета, и на мою долю выпала поэтому задача редактировать докладъ, представленный сенатомъ. Я высказался противъ допущенія въ университетъ воспитанниковъ реальныхъ заведеній и высказался не только какъ выразитель мнѣнія сената, но и со всѣмъ жаромъ личнаго убѣжденія; я старался выставить на видъ все значеніе ничѣмъ незамѣнимыхъ классическихъ наукъ. Впрочемъ, я уже тогда указалъ вмѣстѣ съ сенатомъ, что, принимая сторону гимназій противъ реальныхъ училищъ, мы, однако, не считаемъ вслѣдствіе этого гимназическое преподаваніе безукоризненнымъ и согласны съ тѣмъ, что оно не только можетъ, но даже *должно* улучшиться во многихъ отношеніяхъ.

„Еслибъ я въ настоящее время долженъ былъ редактировать отчетъ въ этомъ же смыслѣ и по тому же вопросу, я былъ бы въ весьма затруднительномъ положеніи. Убѣжденіе мое относительно превосходства классическаго изученія осталось все то же. Нежеланіе мое поставить воспитанниковъ, выходящихъ изъ реальныхъ училищъ, на одинъ уровень съ воспитанниками гимназій не уменьшилось. Но вмѣстѣ съ тѣмъ во мнѣ съ тѣхъ поръ все болѣе укоренялось убѣжденіе, что настоящее гимназическое преподаваніе служитъ недостаточнымъ подготовленіемъ къ изученію медицины, и къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что оно вообще недостигаетъ предна-

чертанной ему цѣли. Я уже теперь не найду законнымъ удаленіе изъ университетовъ воспитанниковъ реальныхъ училищъ, по-крайней-мѣрѣ насколько это касается медицинскаго факультета, если не будутъ сдѣланы нѣкоторыя реформы въ гимназическомъ учебномъ планѣ.

„Такъ какъ я прежде, находясь въ общественномъ положеніи, ставившимъ меня на видъ, защищалъ совершенно иной тезисъ, я нынѣ считаю себя тѣмъ болѣе обязаннымъ публично заявить, что я измѣнилъ свое мнѣніе, и дать объясненія относительно мотивовъ этого измѣненія. Въ преніяхъ, могущихъ возникнуть по поводу учебныхъ законовъ, которые, какъ говорятъ, будутъ въ скоромъ времени представлены парламенту, коснутся, быть можетъ, и моего мнѣнія, о которомъ я упомянулъ выше, и я съ своей стороны не желалъ бы болѣе за него отвѣтствовать. Впрочемъ, само собою разумѣется, что я въ настоящую минуту не обсуждаю вопроса до самого основанія его, а ограничиваюсь краткими указаніями на то, въ какомъ смыслѣ я желалъ бы видѣть измѣненнымъ планъ гимназическаго преподаванія.

„Прежде всего, я долженъ съ сожалѣніемъ указать здѣсь на впечатлѣніе, все болѣе и болѣе усиливающееся во мнѣ съ теченіемъ времени, именно на то, что, среднимъ числомъ, классическое образованіе студентовъ-медиковъ оставляетъ многого желать. Многіе изъ нихъ плохо знаютъ латинскую грамматику; сумма знакомыхъ имъ греческихъ и латинскихъ словъ весьма ограничена; они не въ состояніи объяснить этимологіи техническихъ терминовъ греческаго происхожденія, столь часто встрѣчающихся въ медицинѣ, и это спустя весьма мало лѣтъ послѣ того, какъ они выдержали свой экзаменъ зрѣлости! Изъ этого ясно, что въ минуту экзамена недостаточность ихъ знанія скрывалась подъ какимъ-то чисто механическимъ увлеченіемъ. Я имѣлъ мало случаевъ убѣдиться въ томъ, насколько эти молодые люди освоились съ античнымъ міромъ, съ лицами, идеями и формами его, и насколько они сознали нашу зависимость отъ древнихъ и наше умственное происхожденіе отъ нихъ,—сознаніе, свойственное гуманизму. Но, видя ихъ равнодушіе къ общимъ взглядамъ и къ историческому сцѣпленію фактовъ, мнѣ трудно повѣрить, чтобы они черпали прямо изъ классическаго источника.

„Къ этому присоединяется еще весьма прискорбный фактъ. Большинство нашихъ молодыхъ людей пишетъ и говоритъ на неправильномъ, неизящномъ нѣмецкомъ языкѣ. Вслѣдствіе неопредѣленности нашей орѳографіи, лексикологіи, нашего синтаксиса, преподаваніе отечественнаго языка у насъ труднѣе, чѣмъ у народовъ, чей языкъ уже опредѣлился. Но молодые люди, вообще, и не подозрѣваютъ даже, чтобъ можно было придавать значеніе чистотѣ дикціи, выго-

бору, выбору выраженій, краткости и ясности рѣчи. Нѣмцу приходится краснѣть отъ подобнаго варварства, когда онъ видитъ, съ какой любовью французы и англичане предаются изученію своего языка. Нарушить законы его кажется имъ чѣмъ-то въ родѣ святотатства. Этотъ пробѣлъ въ образованіи нашего юношества тѣсно связанъ съ другимъ кореннымъ національнымъ недостаткомъ, и тѣмъ болѣе слѣдуетъ желать, чтобы гимназія успѣшно поборола его. Рядомъ съ пренебреженіемъ къ изученію своего родного языка, въ юношествѣ нашего времени встрѣчается изумительно-неполное знаніе и нѣмецкихъ классиковъ. Было время, когда считалось невозможнымъ привести ни одной цитаты изъ первой части Фауста, такъ какъ цитаты эти были уже слишкомъ избиты. Неужели придетъ время, когда ихъ нельзя будетъ привести, потому что цитата останется непонятою?

„Понятно, что я не имѣлъ случая констатировать историческія свѣдѣнія нашихъ медицинскихъ студентовъ. Что же касается ихъ математическаго образованія, то я согласенъ, что въ этомъ отношеніи весьма немногіе изъ профессоровъ могутъ двинуть впередъ всѣхъ своихъ слушателей въ равной степени. Существуютъ умы, весьма правильно организованные во всемъ остальномъ, но для которыхъ математическое изслѣдованіе является книгою, запечатанною семью печатями. Критика моя имѣетъ въ виду только математическую программу, сохранившуюся по преданію и привычкѣ для перваго класса нашихъ гимназій. Программа эта внесена въ слѣдующихъ выраженіяхъ въ планъ полу-оффиціальныхъ занятій:

„Геометрія въ пространствѣ съ измѣреніемъ поверхностей и объемовъ. Геометрическія и стереометрическія задачи. Алгебраическія задачи, въ особенности касающіяся приложенія алгебры къ геометріи. Неопредѣленныя уравненія и непрерывныя дроби и формулы бинома".

„Хотя подъ этими словами: алгебраическія задачи, въ особенности же касающіяся приложенія алгебры къ геометріи, можно бы, казалось, понять аналитическую геометрію, эта отрасль математики исключена изъ гимназическаго преподаванія, но распоряженію министерства, весьма давнему, но все еще находящемуся въ силѣ, и математическая программа реальныхъ училищъ превышаетъ въ этомъ отношеніи гимназическую".

Доказавъ весьма подробно печальныя послѣдствія недостаточности математическаго курса, въ особенности въ сферѣ университетскаго изученія медицины, физіологіи и т. д., гдѣ помощь графическихъ изображеній дѣлается съ каждымъ годомъ все важнѣе (Дюбуа-Реймону каждый годъ приходится въ началѣ курса посвящать нѣ-

сколько лекцій разъясненію студентамъ началъ аналитической геометріи),—авторъ задаетъ себѣ вопросъ, лучше ли достигаетъ своей цѣли гимназія по отношенію къ другимъ факультетамъ. Онъ готовъ признать, что тутъ въ извѣстной степени дѣло поставлено лучше,—но, прерываетъ самъ себя: „если даже мы обратимъ вниманіе на всю совокупность молодыхъ людей, воспитывающихся въ гимназіяхъ, не вникая въ различныя направленія, по которымъ они идутъ, мы не найдемъ въ нихъ достаточно живого интереса къ тому, чтó составляетъ цѣль классическихъ занятій,—а между тѣмъ это-то и необходимо, чтобъ можно еще было надѣяться на реакцію въ духѣ идеализма. Оставляя въ сторонѣ филологовъ, не идущихъ здѣсь въ счетъ, по истинѣ невелико число тѣхъ, которые впослѣдствіи способны будутъ иногда раскрыть иного классическаго автора. Вмѣсто того, чтобъ страстно полюбить классиковъ, большинство думаетъ о нихъ съ равнодушіемъ, нѣкоторые даже съ отвращеніемъ. Они вспоминаютъ о нихъ, какъ объ орудіи, при помощи котораго въ нихъ вбивали грамматическія правила; отъ всеобщей исторіи у нихъ осталось лишь нѣсколько ничего не значущихъ чиселъ, зазубренныхъ ими на память. И ради такихъ-то результатовъ эти молодые люди просиживали на школьной скамьѣ по тридцати часовъ въ недѣлю, вплоть до восьмнадцати или двадцати лѣтъ! Для этого-то они съ такимъ предпочтеніемъ изучали латынь, греческій языкъ и исторію! Ради такого-то результата гимназія безпощадно окрашиваетъ такимъ мрачнымъ цвѣтомъ всю жизнь нѣмецкихъ дѣтей!

„Въ виду подобнаго положенія дѣла невольно спрашиваешь себя, къ лучшему-ли все это, не время-ли, не слѣдуетъ-ли сдѣлать попытку преобразованій. Здѣсь, какъ и во всѣхъ сложныхъ вопросахъ, касающихся и административной политики, и жизни человѣчества, въ дѣлѣ распознаешь нѣсколько различныхъ сторонъ. Начавъ преслѣдовать одну лишь изъ нихъ, пренебрегаешь, самъ того не замѣчая, десятью другими, не менѣе важными. Тѣмъ не менѣе я готовъ рисковать и не побоюсь высказать мою мысль.

„Не желая слишкомъ рѣзко порицать почтенныхъ дѣятелей, потрудившихся или еще трудящихся надъ организаціей нашихъ гимназій, я тѣмъ не менѣе не могу скрыть убѣжденія, что духъ гимназій не измѣнялся достаточно быстро, чтобъ идти въ уровень съ развитіемъ современной мысли. Какъ я уже выше показалъ, я понимаю опасности, которыми грозили бы нашему умственному развитію *крайности* реализма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно не признавать несомнѣнность той новой формы, которую наука придала человѣческому мышленію. Отрицать громадность переворота, очерченнаго

мною выше, значило бы подражать страусу, прячущему голову въ песокъ; и безполезно, и опасно было бы игнорировать подлинный ходъ всемірной исторіи. Но до сихъ поръ гимназія не обращала достаточнаго вниманія на вопросъ объ этомъ развитіи. Несмотря на нѣсколько фиктивныхъ уступокъ, гимназіи, въ сущности, остаются все тѣмъ же, чѣмъ были въ пору реформы, когда естествознанія еще не существовало,—онѣ остаются высшими школами, подготовляющими къ изученію однихъ нравственныхъ наукъ.

„Гимназія осталась, такимъ образомъ, позади требованій нашего времени,—и въ этомъ-то заключается сила нашихъ Realschulen. Я не коснусь здѣсь труднаго вопроса о преимуществахъ обѣихъ категорій образовательныхъ учрежденій, но сознаюсь, что раздѣляю мнѣніе тѣхъ, которые желаютъ имѣть лишь одинъ видъ высшихъ школъ, воспитанники которыхъ были бы достаточно подготовлены, и потому способны вступить въ университетъ, въ ряды арміи, въ академію ремесленную или архитектурную. Понятно, что школами этими были бы классическія гимназіи, раціонально преобразованныя. Для того, чтобъ положить конецъ соперничеству съ реальными училищами, помимо всякаго административнаго регламента, достаточно было бы, чтобъ гимназія пожертвовала требованіямъ современности нѣкоторыми изъ своихъ весьма почтенныхъ, но обветшалыхъ претензій, и нѣсколько болѣе соображалась съ тенденціями современной дѣйствительности. Еслибъ гимназія добросовѣстно захотѣла проникнуться новымъ духомъ и дать пригодное воспитаніе тѣмъ, кто не желаетъ посвятить себя изученію нравственныхъ наукъ, соперничество прекратилось бы само собой. Столь часто возбуждаемый вопросъ о допущеніи въ факультеты воспитанниковъ реальныхъ училищъ исчезъ бы изъ жизни по той уже причинѣ, что реальное заведеніе вернулось бы къ той роли, для которой оно предназначалось,—именно къ роли ремесленной школы, весьма полезной въ своей сферѣ.

„Чего же требую я отъ гимназіи, чтобы счесть ее соотвѣтствующею требованіямъ нашего времени? Въ сущности я требую очень немногаго. Во-первыхъ, необходимо нѣсколько болѣе математики. Въ гимназическую програму математики нужно бы включить изученіе уравненій второй степени и нѣкоторыхъ другихъ кривыхъ и, кромѣ того, открыть доступъ къ занятіямъ дифференціальнымъ исчисленіемъ при помощи теоріи тангенсовъ. Для достиженія этой цѣли необходимо бы, конечно, посвятить математикѣ шесть или восемь уроковъ въ недѣлю вмѣсто четырехъ, которые отводятся ей теперь. Необходимо бы также, чтобы во время экзаменовъ математика дѣйствительно шла въ уровень съ классическими языками и исторіею. Равно-

правность учителей математики и преподавателей другихъ предметовъ осуществилась бы тогда на дѣлѣ.

„Многіе ожидаютъ, быть можетъ, что я потребую отъ гимназіи бо́льшаго расширенія преподаванія естественныхъ наукъ. Я, однако, вовсе не имѣю намѣренія сдѣлать изъ гимназіи школу естествознанія. Я желаю лишь, чтобъ гимназія соотвѣтствовала нуждамъ и тѣхъ, кому предстоитъ сдѣлаться медикомъ, инженеромъ, офицеромъ,—и тѣхъ, кто сдѣлается судьей, проповѣдникомъ или преподавателемъ мертвыхъ языковъ. Я желалъ бы только, чтобы въ низшихъ классахъ занимались естественною исторіей въ достаточной степени для того, чтобы пробудить наблюдательность въ учащихся и дать случай познакомить дѣтей съ методомъ классификаціи, корни котораго кроются въ глубинѣ нашего разума, и все воспитательное значеніе котораго такъ краснорѣчиво описано Кювье. Дарвинизмъ,—приверженцемъ котораго я, впрочемъ, себя признаю,—не долженъ касаться гимназій. Для высшихъ классовъ я желалъ бы, по причинамъ, высказаннымъ въ моемъ отчетѣ, не физики и химіи съ опытами, но механики, началъ астрономіи, физической и математической географіи, которымъ можно бы весьма удобно посвятить лишній часъ противъ настоящаго.

„Но гдѣ же взять времени для этихъ нововведеній? Въ первомъ (высшемъ) классѣ уничтоженіе преподаванія закона Божьяго дало бы два часа. Совершенно непонятно, что́ должно означать это преподаваніе въ классѣ, гдѣ всѣ ученики-протестанты уже конфирмованы. Полу-оффиціальный планъ преподаванія, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить, посвящаетъ закону Божьему цѣлыхъ полъ-страницы мелкаго шрифта, въ то время какъ математическая программа заключается въ пяти строчкахъ. Когда читаешь эти полъ-страницы и ту страницу, которая касается второго высшаго класса,—невольно кажется, будто держишь въ рукахъ программу богословской семинаріи. Нельзя никакъ понять, какимъ образомъ чтеніе твореній отцовъ церкви и изученіе ихъ догматическихъ тонкостей можетъ входить въ составъ общаго образованія, которое гимназія должна дать своимъ воспитанникамъ.

„Мой второй способъ найти мѣсто для математики и естественныхъ наукъ вызоветъ, вѣроятно, еще больше сопротивленія, чѣмъ первый,—или, по-крайней-мѣрѣ, вызоветъ его въ болѣе обширномъ кругу. Я почти не смѣю сознаться въ своемъ желаніи, чтобъ отводилось менѣе времени изученію греческихъ формъ. Мой восторгъ передъ красотами греческой литературы не уступаетъ энтузіазму ни одного изъ нѣмецкихъ педагоговъ. Но, или я сильно ошибаюсь, или

цѣль изученія греческаго языка—въ ознакомленіи съ поэзіей, исторіей, искусствомъ грековъ, и въ понятіи ихъ воззрѣній и идеаловъ. Цѣль эта можетъ быть достигнута человѣкомъ, не обязывая его предаваться сухому и по большей части безплодному труду, который требуется, чтобъ научиться коверкать нѣсколько греческихъ фразъ. Гёте, создавая „Ифигенію", Торвальдсенъ, когда онъ создавалъ свое „Торжество Александра", не были бы въ состояніи написать что-нибудь въ родѣ греческой экстемпораліи во второмъ низшемъ классѣ любой нашей гимназіи. Если существуетъ греческій авторъ, котораго всѣ наши школьники читаютъ съ толкомъ, даже съ восторгомъ, котораго многіе изъ нихъ любятъ и знаютъ наизусть, то это — Гомеръ. А между тѣмъ языкъ его до такой степени разнится отъ того, на которомъ пишутся греческія упражненія въ нашихъ классахъ, что они оказываются безполезными для его уразумѣнія. Изъ этого слѣдуетъ, что безъ письменныхъ работъ можно овладѣть мертвымъ языкомъ настолько, чтобъ читать авторовъ. Можно читать аттическихъ писателей такъ же хорошо, какъ и Гомера, хотя бы письменныя упражненія ограничивались однимъ подыскиваніемъ словъ и переводами. Я ужъ прежде высказалъ еретическое мнѣніе, что у насъ посвящаютъ слишкомъ много времени греческимъ письменнымъ работамъ, сравнительно съ временемъ, посвящаемымъ нѣмецкому языку. Для того, чтобы развить умъ, пробудить и выработать въ немъ пониманіе тѣхъ качествъ, которыя наиболѣе необходимы для слога, — именно: правильности, силы и сжатости, — латинскій языкъ съ его ясностью, точностью и вѣрностью выраженій безспорно былъ бы лучшимъ предметомъ для изученія, чѣмъ греческій языкъ съ его множествомъ формъ и частицъ, смыслъ которыхъ долженъ скорѣе угадываться художественнымъ чутьемъ, чѣмъ разбираться логическимъ путемъ. Съ того времени, какъ гимназическое преподаваніе получило свою теперешнюю форму, наше знакомство съ древнимъ міромъ значительно расширилось; сухая филологія уступила мѣсто живому изученію этого исчезнувшаго міра, и удачныя раскопки ежедневно обогащаютъ насъ новыми изображеніями античной жизни. Профанамъ по части педагогіи кажется, что здѣсь, какъ и въ преподаваніи естественныхъ наукъ, можно бы сдѣлать чудеса, изучая предметъ наглядно, и что ученики, разсмотрѣвъ нѣсколько изваяній, проникнутся въ два-три часа болѣе чистымъ эллинизмомъ, чѣмъ послѣ долгихъ разсужденій объ аористѣ, оптативѣ и частицѣ ἄν.

„Въ преподаваніи исторіи, какъ я бы хотѣлъ, вмѣсто того, чтобы тонуть въ подробностяхъ политической исторіи, напримѣръ, въ частностяхъ борьбы римскихъ партій или ссоръ папъ съ императорами,— было бы отведено болѣе мѣста картинамъ всей совокупности циви-

лизаціи, гдѣ въ особенности выдѣлялись бы личности героевъ науки, литературы и искусствъ. Масса безполезныхъ чиселъ, заучиваемыхъ наизусть молодыми людьми, поражаетъ тѣмъ непріятнѣе, что въ то же самое время самое существованіе наиболѣе важныхъ числовыхъ данныхъ въ области природы можетъ безнаказанно оставаться имъ неизвѣстнымъ. Хронологія какого-нибудь аграрнаго закона или вступленія на престолъ франкскаго императора,—неужели это болѣе важные элементы общаго образованія, чѣмъ механическій эквивалентъ теплоты?

„Время не позволяетъ мнѣ коснуться вопроса о гимназическомъ преподаваніи новѣйшихъ языковъ. Мнѣ, къ тому же, кажется болѣе важнымъ изслѣдовать, какимъ образомъ лучше познакомить воспитанниковъ съ ихъ роднымъ языкомъ. Но еслибъ я захотѣлъ основательно обсудить этотъ вопросъ, — это увлекло бы меня слишкомъ далеко.

„До сихъ поръ я говорилъ только *о своихъ* желаніяхъ. Но я далеко не одинокъ въ этомъ отношеніи. Много выдающихся людей, занимающихся всевозможными отраслями знаній, согласны со мной. Выставивъ на нашемъ знамени надпись: „Давайте намъ коническія сѣченія! Долой греческія экстемпораліи!"—я увѣренъ, что мы могли бы собрать для реформы гимназіи митингъ, весьма внушительный по совокупности собранныхъ на немъ интеллигентныхъ силъ".

Вотъ главныя черты этой высоко-любопытной рѣчи, обратившей на себя серьёзное вниманіе всей Германіи, благодаря авторитету оратора. Пройти незамѣченной она не должна и у насъ, тѣмъ болѣе, что проектируемыя Дюбуа-Реймономъ гимназіи чрезвычайно напоминаютъ наши старыя, такъ-называемыя, „уваровскія гимназіи", когда-то не въ мечтаніяхъ, а на яву дѣйствовавшія на русской почвѣ.

Z.

Москва.

ИЗВѢСТІЯ

I. Извлеченіе изъ отчета Главнаго Управленія Общества попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ за 1877 годъ.

А.—Поступило:

1. Отъ Высочайшихъ Особъ Императорской фамиліи	56,445 р. — к.	
2. Отъ С.-Петербургскаго Купеческаго Общества	100,000 „ — „	
3. Отъ С.-Петербургской Гор. Думы. .	200,000 „ — „	
4. Отъ С.-Петербургской Гор. Управы.	250,000 „ — „	
5. Отъ С.-Петербургскихъ Банковъ. .	100,000 „ — „	
6. Отъ Московской Городской Думы, для Кавказа.	200,000 „ — „	
7. Отъ Военнаго Министерства авансомъ въ счетъ продовольствія больныхъ.	720,000 „ — „	
8. Отъ разныхъ мѣстъ и лицъ. . . .	4.178,026 „ 23 „	
		5.804,471 р. 23 к.

Б.—Израсходовано:

1. На Главноуполномоченныхъ на театрѣ войны и въ тылу:

a) по Ясско-Кишин. району . . .	915,897 р. 85 к.	
b) „ Румыніи . .	1.301,486 „ 88 „	
c) „ Болгаріи . .	637,988 „ 20 „	
		2.855,372 р. 93 к.

2. На склады.	773,659 „ 76 „
3. На предметы, заготовленные въ дополненіе къ складамъ.	245,780 „ 10 „
4. На медицинскій и санитарный персоналъ на Кавказѣ.	207,395 „ 50 „
5. На приготовленіе того же персонала	30,018 „ 45 „
6. На санитарную помощь на Кавказѣ	463,500 „ — „
7. На Одесскій округъ	37,500 „ — „
8. Въ Ѳеодосійское управленіе . . .	3,733 „ 96 „
9. На устройство и содержаніе лазар.	115,093 „ 69 „
10. Продовольствіе больныхъ.	248,352 „ — „

11. Военно-приспособленные поѣзды . .	6,856 „ 42 „		
12. Санитарные желѣзные поѣзды . . .	229,114 „ 22 „		
13. Суммы, подлежащія возврату . . .	293,388 „ 28 „		
14. Экстраординарные расходы. . . .	62,651 „ 37 „		
15. Для Кавказа, поступившія отъ Московской Городской Думы . . .	200,000 „ — „		
		5.572,416 р. 68 к.	

В.—Остатокъ на 1-е января 1878 года. . . . . 232,054 р. 55 к.

II. Международный литературный съѣздъ во время Парижской выставки 1878 года.

Комитетъ „Общества литераторовъ" въ Парижѣ опредѣлилъ назначить съѣздъ въ Парижѣ во время предстоящей выставки. На этотъ съѣздъ приглашаются всѣ иностранные литераторы; главнымъ предметомъ обсужденія будутъ вопросы, касающіеся литературной собственности и признанія права, которое до сихъ поръ не могли въ дѣйствительности защищать дипломатическія конвенціи. Комитетъ, въ виду сочувствія, оказаннаго со стороны правительства, мысли о съѣздѣ, надѣется получить въ свое распоряженіе одно изъ залъ въ правительственныхъ зданіяхъ. Вступительную рѣчь произнесетъ Викторъ Гюго. Вотъ программа съѣзда:

4 іюня (23 мая).—Закрытое засѣданіе: повѣрка членовъ съѣзда; раздѣленіе работъ; образованіе коммиссій.

6 іюня (25 мая).—Публичное засѣданіе: вступительная рѣчь В. Гюго; общія пренія о правѣ литературной собственности: условія права, его срокъ; должно ли быть оно приравнено къ другимъ правамъ собственности, или нуждается въ частномъ законѣ?

8 іюня (27 мая).—Публичное засѣданіе, съ продолженіемъ преній о томъ же: перепечатка, переводъ; недостаточность международныхъ договоровъ съ цѣлью покровительства; пріисканіе новыхъ формулъ для введенія ихъ въ торговые трактаты, которыми могли бы быть замѣнены прежніе.

9 іюня (28 мая).—Публичное засѣданіе: разсмотрѣніе проекта литературной конвенціи, въ силу которой всякій иностранный писатель приравнивается къ туземному въ пользованіи правами на свое произведеніе.

11 іюня (30 мая).—Публичное засѣданіе: о положеніи писателя въ наше время; литературныя общества; изложеніе различныхъ мѣръ къ улучшенію быта писателей въ различныхъ странахъ; планы на будущее время.

13 іюня (1).—Закрытое засѣданіе: рапорты коммиссій; голосованіе по ихъ поводу; избраніе постоянной международной коммиссіи.

15 іюня (3).—Публичное засѣданіе: чтеніе предложеній одобренныхъ съѣздомъ; закрытіе съѣзда.

Адрессъ для сношенія со съѣздомъ: M-r Pierre Zaccone, Vice-Président de Comité de la Société des Gens de Lettres, 5, rue Geoffroy-Marie, Paris.

ОПЕЧАТКИ:

Въ мартовской книгѣ:

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Вмѣсто:*
44	8 сн.	преемство, тянущееся	преемство мысли, тянущееся
51	6 св.	формы тѣлесныхъ	формы, тѣлесныхъ
52	8 „	организація тѣлесныхъ	организація, тѣлесныхъ
53	12 сн.	организація жизни	организація и жизни
62	7 „	извращаемое моментами	неизвращаемое моментами
63	4 „	какъ-бы рядъ	какъ рядъ
67	10 св.	все постоянное	все непостоянное
77	13 сн.	больше разницы	большія разницы
85	7 св.	слѣдовъ организація	слѣдовъ въ организація
93	19 сн.	вліяній—группировкой	вліяній и группировкой

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

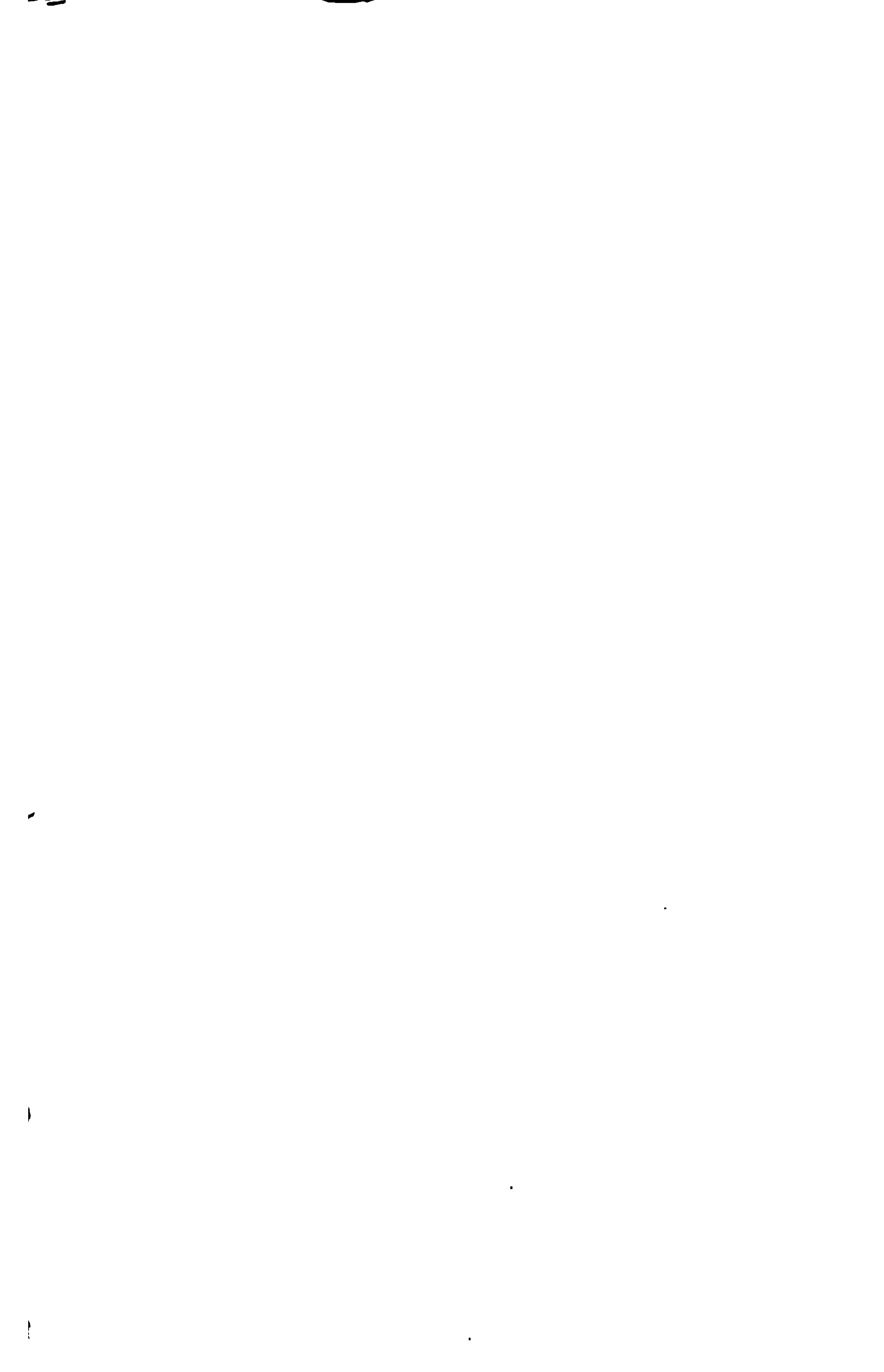
ВТОРОГО ТОМА

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

МАРТЪ—АПРѢЛЬ, 1878.

Книга третья.—Мартъ.

Книга четвертая.—Апрѣль.

3 2044 015 511 124

